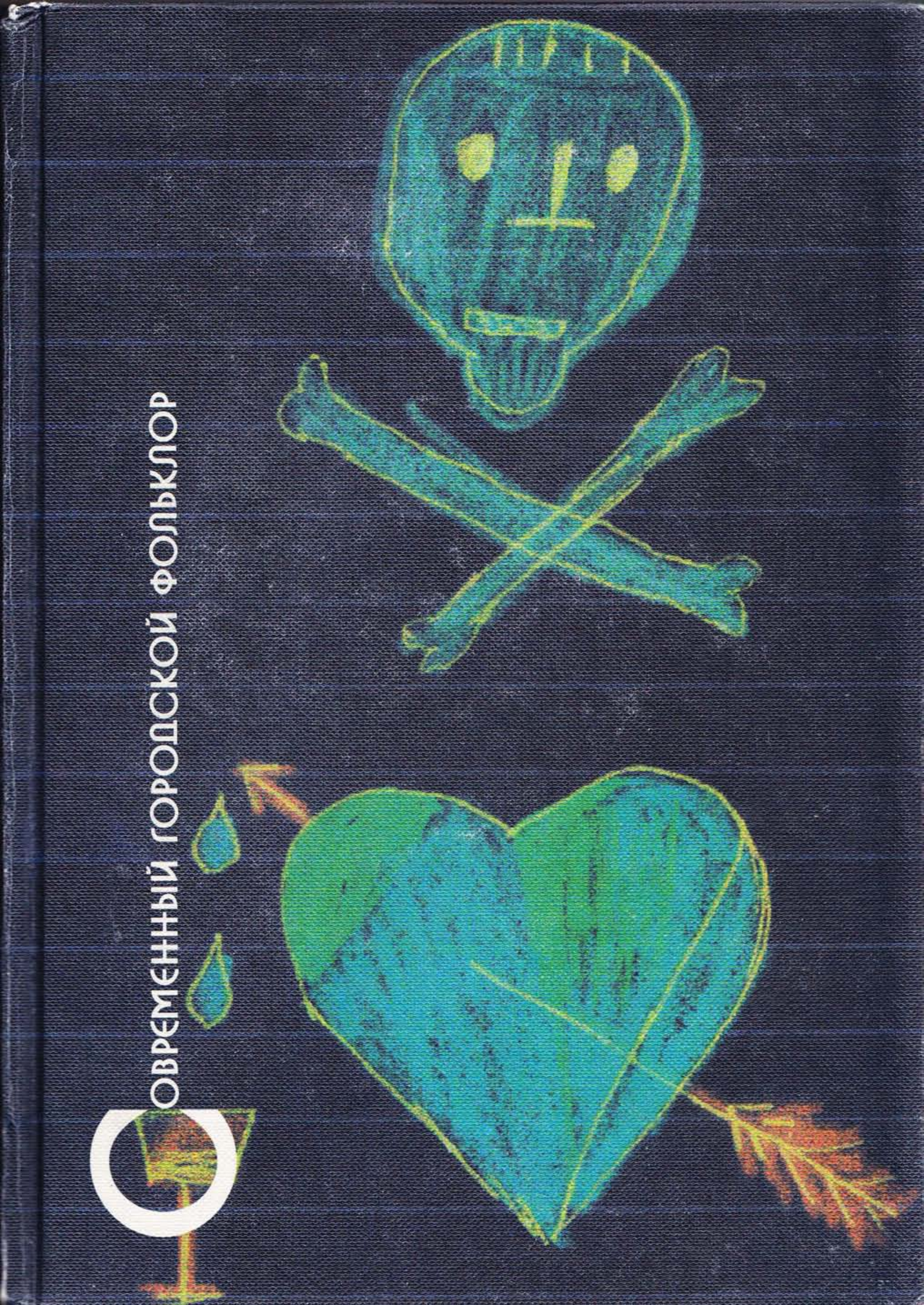
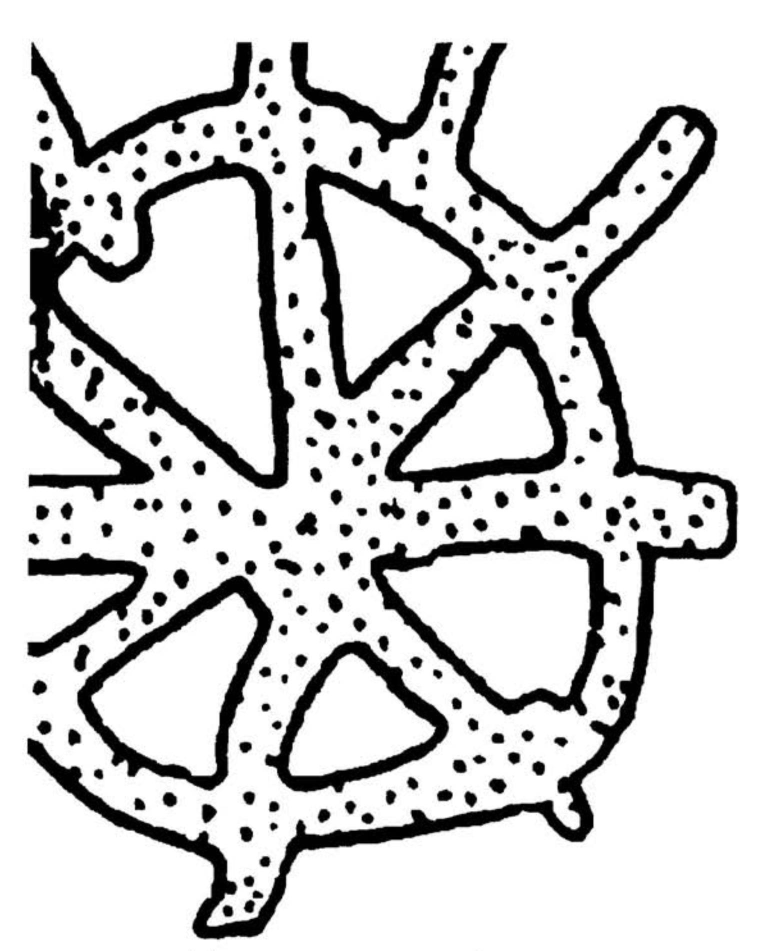

Современный городской фольклор

Российский
государственный гуманитарный
университет

*Институт
высших гуманитарных
исследований*

Традиция–текст–фольклор

типология и семиотика

Ответственный редактор серии

С. Ю. Неклюдов

Москва
2003

ББК 82
С 56

Исследовательский проект «Современный городской фольклор»
осуществлен при финансовой поддержке
Института «Открытое общество».

Подготовка к изданию поддержана Фондом Форда

Художник М. Гуров

В оформлении книги использованы материалы
из коллекции В.Ф. Лурье

ISBN 5–7281–0331–6

Фольклор современного города

Как известно, изобретение человеком письменности разделило культуры мира на два типа: «письменные» и «бесписьменные» [Чистов 1975: 28–29], причем бесписьменная культурная зона в ходе истории постепенно сужалась, отступая на периферию великих мировых цивилизаций или сохраняясь в естественных геоэтнических заповедниках, в относительной изоляции от модернизирующих влияний. Бесписьменные культуры аборигенов Австралии, Океании, Африки, Америки, некоторых народов северной и юго-восточной Азии дожили практически до нашего времени, став объектом разнообразных этнографических исследований. Их фольклор, который может быть назван «архаическим» («синкретическим», согласно терминологии Ю.Кристевой), существует в условиях родоплеменной социальной организации, а его основой является древнейшая мифология и религиозная система «шаманского» (или «дошаманского») типа.

Кроме того, бесписьменная традиция продолжала (и продолжает поныне) существовать внутри «письменных» культур, устойчиво занимая в них определенные области социального пространства. Это фольклор негородского населения Западной и Восточной Европы, Северной Африки, большей части Восточной, Центральной и Южной Азии; назовем его «классическим» (или «постсинкретическим», по Ю.Кристевой). Он соседствует с книжной словесностью и находится под ее непосредственным воздействием, поскольку авторитетность и вес у письменного слова здесь обычно неизмеримо выше, чем у устного, — и в религиозно-магическом, и в социальном плане. Подобные традиции развиваются в условиях распада родовых и формирования семейных отношений, возникновения раннегосударственных объединений (что было решающим фактором для создания «классических» форм эпоса). Возникают более сложные формы религиозной жизни, в ранее «языческие» регионы приходят «мировые религии», а вместе с ними — новые мифологические системы; появляются исторические (точнее, квазиисторические) представления, происходит частичная деритуализация и десакрализация древнейшего сюжетного фонда.

Важное приобретение «классических» традиций — установка на вымысел. С этим связано развитие жанра сказки, в которой завершается отрыв мифологической картины мира от актуальных верований, а в пространственно-временную локализацию событий вносится намеренная неопределенность («Давным-давно», «В некотором царстве, в некотором государстве» и т. д.). В то же время достоверность эпического повествования (и «архаического», и «классического») обычно не подвергается сомнению, однако его события проецируются на неопределенно далекую эпоху: в архаике — на мифологическую, в фольклорной «классике», на фоне примитивной государственности, — на квазиисторическую.

Жанровая система в архаических традициях имеет ритуально-мифологическую обусловленность. В наибольшей степени это относится к религиозно-маги-

ческим и обрядовым текстам: определяющие их признаки лежат не в области поэтики фольклора, а в ритуально-мифологическом контексте его бытования, в обрядовых корнях устной поэзии — как «магической», так и «лирической». Впрочем, связь песенных традиций с магическими играми и ритуалами характерна не только для архаики: даже оторвавшись от обрядовой стихии, народная песня сохраняет с ней (как и с народной игрой) живую связь. Вообще же в «классических» традициях вербальный фольклор постепенно эмансипируется от обрядово-мифологического контекста и начинает развиваться уже по законам устной словесности, что в конечном счете приводит к формированию жанрового пространства вербального фольклора.

Надо также упомянуть несомненную (хотя и несколько преувеличенную наукой XIX в.) способность устной традиции (и «архаической», и «классической») к сохранению неких древних смыслов и образов (мифологических, исторических); это связано с устойчивостью социальных структур и идеологических традиций тех сообществ, которые являются основными хранителями фольклора. Наконец, особого рода художественное совершенство тексты традиционной устной словесности обретают в результате своего долговременного, иногда многовекового, развития и обусловленной им весьма длительной стилистической шлифовки.

* * *

До недавнего времени объектом изучения российской науки были почти исключительно образцы «классического» фольклора, записанные у сельского населения, и некоторые архаические традиции. Именно этот материал признавался предметом, достойным и любования, и исследования, а обращенность фольклора к старине вольно или невольно проецировалась на шкалу научных приоритетов («чем древнее, тем ценнее»), порождая свои научные задачи и аналитические приемы. Среди подобных задач — поиск «исходного», а следовательно, наиболее «истинного» варианта, что предполагает отношение к его историческим изменениям как к последующей «порче». Соответственно цели исследования сводились к реконструкции «первоначального» состояния традиции путем ее освобождения от искажающих наслоений.

Мысль об умирании традиционного фольклора естественно вытекала из такого подхода; сожаления о его угасании — один из лейтмотивов отечественной фольклористики. При этом зачастую они были отнюдь не беспочвенными, буквально на глазах собирателей исчезали целые исполнительские школы, устные жанры и традиции. Подобное исчезновение сопровождалось (и даже прямо стимулировалось) появлением в фольклорном репертуаре текстов, ранее для него совершенно не характерных. Новации, рожденные меняющейся реальностью и деформирующие старые традиции, были связаны исключительно с городской культурой, а для фольклориста XIX в. звучали как раздражающий диссонанс. Они не содержали никакого идущего из глубины времен мифологического или исторического смысла, поиском которого привыкла заниматься наука, они не обладали изяществом сказки или старинной народной песни, достигнутым художественной обработкой в процессе многовекового бытования,

но, напротив, выглядели грубыми, стилистически неряшливыми, как бы сделанными наспех.

Среди фольклорных новообразований первой — еще в конце XIX в. — обратила на себя внимание частушка (принадлежавшая, впрочем, как деревенской, так и городской традиции). В ученой среде впечатление от нее было чрезвычайно сильным, причем голоса разделились на «обличителей» и «адвокатов», по-разному объясняющих природу и генезис жанра: городская «порча», проникшая в деревню, или, напротив, новый вид деревенской поэзии, трансформировавшийся в городских условиях. Впрочем, фольклорный характер частушки отрицать не мог никто [Зеленин 1994: 28–29; Стратен 1927: 144–148].

Сходным образом обстояло дело с городским романсом, который все чаще обнаруживался в репертуаре деревенских исполнителей (и особенно исполнительниц). Скажем, к концу 20-х годов в богатой песнями деревне Погромна Тульской губернии (информанты — 56,5% населения), сохраняющей некоторые патриархальные черты, но без культурной изоляции от города, романсы (в десятках записей!) составляли около половины всех зафиксированных текстов [Куприянова 1932: 32–33]. К концу XX в. их количество в народном репертуаре (в Тамбовской области, например) уже достигало 90% [Гудошников 1990: 59], практически вытеснив традиционную народную лирику (ср.: [Кофман 1986: 222–223]). Не расценивать романс как часть фольклорной традиции оказывалось возможным прежде всего из-за вкусового отношения к нему со стороны ревнителей «чистого» народного искусства («пошлость», принадлежность к «фабрично-лакейской» среде). Тому же способствовало явное наличие авторского начала у истоков каждого конкретного произведения и активное участие в его распространении книжных форм («песенники»), противоречащее понятиям о «фольклорности» текста. Но в конце концов и романс пришлось признать фольклорной формой, хотя и «извращенной», своего рода фольклорной «декадентщиной».

Исследовательской субъективности в подобных оценках проявилось больше, чем трезвого анализа; редкое исключение — прозорливая статья Д.К.Зеленина, увидевшего и в частушке, и в романсе продуктивные, актуальные жанры, детище переходной поры, зачатки новой народной поэзии. Он, в частности, отметил отзывчивость частушки на новые явления жизни, роль в ее развитии книжных образцов и авторского начала [Зеленин 1994: 28–37]. Кстати, особенная популярность частушки в 1920-е годы, вероятно, связана именно с востребованными в эту эпоху возможностями оперативного реагирования на обстоятельства стремительно меняющейся действительности. В этом смысле она аналогична сатирическому куплету, широчайшее распространение которого на различных театрально-эстрадных подмостках России относится к 1910-м годам. Впрочем, за этим стоит нечто большее, чем просто типологическое сходство, — современный фольклор вообще активно взаимодействует с эстрадой. Показательно, в частности, что на сцене театра миниатюр того же периода рядом с куплетами исполняются и частушки — как настоящие фольклорные, так и переработанные «на злобу дня» [Тихвинская 1995: 331–332; Уварова 1983: 24–28, 104, 117].

Отмеченные выше признаки частушки и романса характерны для всего фольклора нового типа (или постфольклора), место рождения которого — не де-

ревня, а город. Именно в процессе обсуждения «фольклорности» частушки и романса гуманитарная наука, наконец, стала поворачиваться лицом к устным традициям современного ей города.

* * *

Известно, что в русских городах народная культура (включая устную словесность) еще в XIX в. сохраняла верность сельским традициям. Даже при ее усиливающемся расслоении деревенский по своему происхождению фольклор продолжал бытовать в «слободах» и «посадах» — кварталах, расположенных на окраине города или за его чертой и населенных торговцами, ремесленниками, рабочими, не утрачивающими связи с землей [Анохина, Шмелева 1977: 268]. Более того, даже внутри современного мегаполиса деревенский фольклор еще встречался до сравнительно недавнего времени в сельских по своему происхождению анклавах [Белоусов 1987: 6–9].

Культурный симбиоз города и деревни имел и противоположный результат. Облик русского «сельского» фольклора Нового времени сложился в тесном взаимодействии с городской жизнью, с идущей из города книжностью. Так, нельзя представить себе лишенными отражения городских реалий и обычаев, вообще — без урбанистической тематики сказку, эпос (былину, историческую песню) и другие фольклорные жанры; нельзя убрать «книжное влияние» из духовного стиха, легенды и той же сказки [Гудошников 1990: 16]. После сравнительно-филологических исследований второй половины прошлого века (в частности, А.Н.Пыпина и А.Н.Веселовского) стало очевидно, что циркуляция литературного материала между устной и письменной традициями есть для «классического» фольклора процесс постоянный и естественный [Костюхин 1994: 5–7].

В старой России культурное влияние города осуществлялось прежде всего через приходившего в деревню бродячего торговца мелочным товаром (офеню, коробейника). Он был распространителем и дешевых иллюстрированных книг для народа (песенников, приключенческой литературы и т. д.), в свою очередь являющихся источниками их устных переложений, — от лубочных повестей о Еруслане и Бове до «Графа Монте-Кристо» Дюма и «Принца и нищего» Марка Твена [Азадовский 1932: 8, 20–21]. Именно «лубочная литература», по-видимому первая в России форма «массовой культуры», привносила в фольклор (в том числе в городской фольклор) сюжеты рыцарских романов, исторических и приключенческих повестей [Корепова 1999], а также пересказы житийной литературы, анекдоты, песни и т. д. Следует добавить, что большую роль в процессах подобной литературно-фольклорной трансмиссии играла и давняя традиция рукописных альбомов, впоследствии породившая такие синтетические субкультурные формы, как тюремные, солдатские, школьные, девичьи и другие альбомы, прямо включающие тексты устного происхождения или воспроизводящие стилистические и сюжетные трафареты городского фольклора.

Внимательный анализ позволяет обнаружить даже в таком, казалось бы, чисто устном жанре, как былина, большое количество «книжно-зависимых» текстов, причем речь идет и о зависимости от публикаций русского эпоса, современных сказителю или сравнительно недавних (даже научных) [Новиков 2001].

Но, естественно, взаимодействие деревенского и городского фольклора не сводится к связям устной и письменной традиций; этими связями в полной мере не определяется даже специфика бытования в деревне городского романса (тексты которого часто прямо опираются на рукописные или печатные песенники).

В городе формируются и традиции собственно урбанистической культуры, традиции полностью оторванного от земли населения (этот процесс особенно ускоряется со второй половины XIX в.). Ослабляется зависимость человека от природных условий (прежде всего — от смены сезонов), что приводит к забвению календарно-обрядового фольклора. Соответственно смещаются сроки проведения общественных и семейных торжеств (показательна в этом смысле история новогоднего праздника в России [Душечкина 2002]), происходит их десемантизация и деритуализация, переход в фазу «церемониальную» (П.Г.Богатырев) — в качестве примера можно привести масленицу и пасху в современном городе [Анохина, Шмелева 1977: 271; Белоусов 1987: 10–12]. Трансформируются (в основном, сильно упрощаясь) традиционные переходные обряды: родильный, свадебный, похоронный.

Происходит концептуализация и мифологизация городского пространства — соответствующие механизмы архаического происхождения, веками существовавшие в сельских традициях, для подобных целей оказываются пригодными далеко не в полной мере. Это относится, в частности, к осмыслению города в его «вертикальном измерении», к его высотам и подземельям, чердакам и подвалам; связанные с ними мотивы широко представлены в городском фольклоре. В городском пространстве отчетливо проявляется противопоставление центра и периферии (окраины), старой и новых частей города; одним из важнейших инструментов его освоения является неофициальная микротопонимика с ее символикой, окказиональной семантикой, культурными и историческими ассоциациями.

Изменившиеся ритмы обыденной жизни, праздничные циклы и развлечения обретают новые, адекватные им знаково-символические выражения. К таким развлечениям относится, например, комнатное ансамблевое исполнение песен и романсов, которое можно было слушать и с улицы, у открытых окон; впоследствии подобным же образом «заводя граммофон, выставляли трубу на улицу — «чтоб вся улица слушала» ([Анохина, Шмелева 1977: 278–279, 282–294]. Любопытно, что в модифицированной форме данный обычай сохранился в России до нашего времени: веселящаяся в комнате молодежь выставляет динамик электрофона или магнитофона на подоконник открытого окна.

Этот пример показателен в двух отношениях: во-первых, он удачно демонстрирует смену «активно-коллективной» формы на «пассивно-коллективную» (по П.Г.Богатыреву), а во-вторых, показывает, как при этом меняется и способ культурной коммуникации — с «естественного» на «технический» [Чистов 1975]. Следует напомнить, что при переходе от фольклорной архаики к «классике» главную роль, по-видимому, также играет коммуникативный аспект (изобретение письменности); решающее значение имеет он и при возникновении постфольклора, которое в первую очередь следует увязывать с появлением принципиально новых (по сравнению с письменностью) информационно-коммуникационных технологий: запись, хранение, трансляция звука и изображения.

* * *

Питательной средой для городского фольклора были и массовые ярмарочные зрелища: клоунада, арлекинада, пантомима, спектакли «балаганного» театра. В начале 1880-х балаганы народных гуляний вытесняются европейскими опереттами и фарсами; однако к XX в. и они приходят в упадок.

Прямым продолжением подобных зрелищ становится кинематограф, опять-таки переводящий их в «технический» канал культурной коммуникации. На рубеже столетий именно кинематограф разрабатывает популярные сценические формы (комедийные, авантюрные, мелодраматические), продуцируя в том числе упрощенные сюжетные варианты литературной классики, весьма пригодные для последующей фольклоризации и в этом смысле аналогичные лубочным редакциям «высокой» словесности [Зоркая 1976: 93–138, 183–188, 230–246; Зоркая 1994: 36–56]. Кстати, данный механизм (переход в фольклор литературных произведений, ранее адаптированных лубком, кинематографом и т. п.) сохраняет известную актуальность до нашего времени: скажем, фигура Наташи Ростовой из анекдотов о поручике Ржевском восходит не непосредственно к роману Толстого, а к фильму С.Бондарчука «Война и мир».

Особенно популярной на рубеже веков становится ресторанная и садово-парковая эстрада, тексты которой попадают в песенные традиции города и которая в свою очередь отнюдь не избегает адаптированных фольклорных произведений. Так, еще с прошлого века в Москве и Петербурге проводятся летние эстрадные сезоны, на которых, наряду с цыганскими романсами, популярными куплетами и т. п., можно слышать игру на народных инструментах (балалайках, гармониках, гуслях), хоровую и сольную народную песню (вспомним хотя бы «народные концерты» Д.А.Агренева-Славянского [Агренева-Славянская 1896]). Все это происходит в местах общественных (ярмарки, манежи, народные дома) и частных — прежде всего, в ресторанах. Естественно, русская городская эстрада данного периода находится в полной зависимости от той аудитории, на которую она ориентируется. Поэтому диапазон эстрадных форм — от «салонных» до наиболее «демократических» — чрезвычайно широк, различается как характер «сценических подмостков», так и тип исполнителей, не говоря уж об их репертуаре [Нестьев 1970: 11–12; Тихвинская 1995: 195–204].

Вообще, садово-парковая эстрада, имеющая по необходимости сезонный характер, в России была распространена еще в 80-е годы XIX в., а с 1900-х годов на зимний период она перемещается на подмостки кинотеатров, входя составной частью в комплекс развлекательных кинодивертисментов. Количество появившихся в начале века ресторанов с концертной программой («кафе-шантанов») тоже быстро растет. Поначалу они испытывают сильное влияние французских и немецких кабаре, однако, в отличие от парижских ресторанов, кафе-шантаны Москвы и Петербурга включают лишь репертуар «низовой» эстрады, отторгаемый просвещенной публикой [Уварова 1983: 6–7] и особенно активно фольклоризуемый. Впрочем, следует повторить: городская эстрада, и изначально не единообразная, всегда оставалась зависимой от различного социально-культурного облика той аудитории, на которую она ориентировалась. К 1907 г. таких эстрад-

ных подмостков насчитывается по России до полусотни, а через пять лет количество их почти удваивается [Нестьев 1970: 6–7, 12].

Еще в 1880–1890-е годы в программу ресторанной эстрады приходит цыганская песня, что впоследствии накладывает свой отпечаток и на репертуар кафешантанов. Увлечение цыганским пением возрастает в начале столетия, особенно в период между двумя войнами (1904–1914 гг.); по своей популярности такие певицы, как Варя Панина, Анастасия Вяльцева, Надежда Плевицкая, не знают себе равных. Огромную роль в их популяризации играют небывалые дотоле возможности тиражирования авторского исполнения через посредство граммофонных записей, количество которых в это время также стремительно растет [Нестьев 1970: 8–9].

С появлением граммофонных записей интенсифицируется (и расширяется географически) воздействие ресторанной эстрады на фольклор. Стилистика и топика цыганского романса, как и вообще «кафе-шантанной» лирики, чрезвычайно сильно влияет на эволюцию городской песни, на ее тематический облик и эстетическую систему, снабжая новыми реалиями, мотивами и фабульными моделями, не утратившими свою актуальность до нашего времени.

Наконец, в столице — не только в центре, но и на ее окраинах, — на месте народных балаганов (и сменивших их подмостков европейской эстрады) в огромном количестве возникают театры миниатюр, так называемые театры улиц, анонимные, без объявлений, с маленькими любительскими и полулюбительскими труппами. С 1912 г. они распространяются по всей стране, а во время Первой мировой войны начинается настоящая театромания. Многие куплеты из репертуара подобных театров — самого пестрого состава — затем печатаются в «Песенниках» [Тихвинская 1995: 195–204, 180, 182]. Эти куплеты также пополняют репертуар фольклорной уличной песни; продуктивной для нее оказывается и сама куплетная форма, хорошо освоенная городским фольклором (вспомним, например, такую песенную «классику», как «Цыпленок жареный», «Шарабан», «Гоп-со-смыком», «Плыви, плыви ты, моя лодка блатовая...»).

* * *

Как уже было сказано, городской фольклор решительным образом отличается от стадиально и исторически предшествующих ему устных традиций патриархального сельского крестьянства (и тем более — архаических обществ). Прежде всего, он идеологически маргинален, поскольку основные идеологические потребности горожан удовлетворяются другими способами, к устным традициям прямого отношения не имеющими (массовой литературой, кино и другими зрелищами, продукцией средств массовой информации). Кроме того, городской фольклор — опять-таки в отличие от фольклора крестьянского — фрагментирован в соответствии с социальным, профессиональным, клановым, даже возрастным расслоением общества, с его распадом на слабо связанные между собой ячейки, не имеющие общей мировоззренческой основы.

В этом плане можно отметить два противоположно направленных процесса (ср.: [Елистратов 1994: 599 и сл.]). Во первых, формирование «закрытых» традиций, что связано с повышенной потребностью в идентификации и самоиденти-

фикации членов сообществ, стремящихся к культурной изоляции; это способствует возникновению «эзотерических» культурных кодов и текстов, бытующих внутри подобных сообществ. Естественно, сами по себе эти процессы являются достаточно давними. Характерным примером является жаргон уже упоминавшихся бродячих торговцев — офеней, от обозначения которых, кстати, произошло и название воровского арго XX в. (*блатная феня, ботать по фене*), что возможно свидетельствует и об определенной культурной преемственности.

Субкультурные сообщества такого рода бывают постоянными или временными. К первым относятся уголовные кланы, некоторые конфессиональные группы, любительские и профессиональные объединения — футбольные болельщики, туристы, автостопщики, парашютисты, пожарные, программисты и многие другие. Впрочем, легко заметить, что по крайней мере часть объединений «по интересам», имеющих преимущественно или исключительно молодежный характер, скорее следует причислить ко второму типу — временным образованиям. К ним, помимо множества неформальных молодежных групп, относятся также субкультуры армии (солдаты срочной службы), тюрьмы (что не равно уголовной субкультуре), больницы и т. п.

Во вторых, это неизбежная проницаемость границ любых социальных ячеек (включая в конечном счете и «закрытые» коллективы), хотя она, конечно, неодинакова в разных слоях общества и в разные исторические периоды. Подобная проницаемость предопределяет циркуляцию устных произведений далеко за пределами породившей их среды. Выразительным примером является широкая популярность в советском и нынешнем российском обществе уголовных («блатных») песен, чему, впрочем, есть и другие — политико-идеологические — причины [Терц 1979; Бахнов 1996; Сарнов 1996].

Сюда же следует отнести легкость и быстроту распространения текстов городского фольклора по всей стране — и в устной, и в письменной форме; естественно, не последнюю роль в этом процессе играет доступность современных средств звукозаписи, позволяющих тиражировать и распространять не только текст песни, но и ее исполнение. Впрочем, в эпоху широкого распространения портативных кассетных магнитофонов (с 1970-х годов) традиция фольклорного исполнения городской песни (под гитару, аккордеон, фортепьяно или без аккомпанемента) постепенно ослабевает; это еще один случай перехода от «активно-коллективной» к «пассивно-коллективной» форме музицирования и одновременно — следствие стремительных изменений в области технической коммуникации.

Как уже упоминалось, тексты городского фольклора структурно, содержательно и функционально связаны с массовой культурой, активно используют ее семантику, топику, стилистику. При этом сама массовая культура воспроизводит многие родовые свойства фольклора (его дидактические и социально-адаптивные функции, тенденцию к утрате авторского начала, господство стереотипа и т. д.), что весьма облегчает подобную связь. Однако массовая культура имеет и ряд кардинальных отличий от традиционного фольклора. Она идеологически «полицентрична» (по сравнению с его относительной «моноцентричностью»), обладает повышенной способностью к тематической и эстетической интерна-

ционализации своей продукции (тогда как традиционный фольклор локален и регионален), наконец, свою продукцию она воспроизводит «серийно», в виде немыслимых для устного творчества идентичных копий.

Как и всякая синкретическая традиция, современный городской фольклор не существует в виде чистого репертуара текстов или обрядовых действ, и уж во всяком случае это не самодостаточный репертуар. Устная словесность неотделима от семиотических ансамблей «низовых», официально не санкционированных («спонтанных») культур, которые включают орнаментику и содержимое рукописных альбомов, арготизированную речь и посвятительные обряды (заключенных, подростков, солдат, альпинистов и др.), украшения и жесты, фасоны одежд и причесок, татуировки, граффити, тюремные поделки (четки, шахматы, платки) и пр. Кстати, это является одним из тех обстоятельств (хотя и далеко не единственным), которые вынуждают значительно расширить предметное поле фольклористики, включив в нее, так сказать, «этнографическую» часть современной городской культуры, далеко выходящую за пределы привычного для нас понимания фольклора как «устной словесности».

Тем не менее, в городском фольклоре формы вербальные в целом занимают очень большое место и скорее преобладают над невербальными. Маяковский был неправ, когда писал: «улица корчится безъязыкая — ей нечем кричать и разговаривать» («Облако в штанах»). Городская улица того времени отнюдь не была «безъязыкой», а если все же она испытывала определенную потребность в словах, предлагаемых ей поэтами, то это как раз и было «из любвей и соловьев какое-то варево», презираемое Маяковским, но легко усваиваемое фольклорной частью «третьей культуры».

Речевой обиход современного города включает и целый ряд малых форм фольклора — паремий, фразеологических клише, причем в большинстве случаев набор их пополняется из арсенала «высокой» литературы или — чаще — из текстов массовой культуры. Так, после появления звукового кино в паремиологический фонд разговорной речи постепенно входят киноцитаты, а в самое недавнее время к ним добавляются (в основном, через телевидение) еще и рекламоцитаты. Другой тип речевых клише передается исключительно в письменной форме, составляя немалую часть альбомов (девичьих, солдатских, тюремных и т. п.). Это эпистолярные формулы, поздравления, пожелания и прочие разновидности «письменного фольклора» (т. е. текстов, бытующих в рукописной традиции, но фольклорных по многим своим признакам: анонимных, вариативных, клишированных и т. д.). Сюда же следует отнести и такие парафольклорные формы, как «святые письма».

Наконец, много общего с парафольклорными формами (песенниками, альбомами, граффити, рекомендательными эпистолярными формулами, «святыми письмами» и т. п.), имеет наивная литература (наивное стихотворчество, наивные жизнеописания, наивная агиография и т. п.) [Неклюдов 2001]. Она объединяется с ними как продукция спонтанная, официально не санкционированная, производимая «на потребление», а не «на сбыт», и как правило, рукописная. Однако ее тексты ориентируются на литературные (а не на устные) образцы; самими создателями они расцениваются как продукт индивидуального творчества

(а не коллектива), включая выраженное авторское начало (в противоположность анонимному голосу фольклорной традиции).

Жанровый ассортимент постфольклора — по сравнению с фольклором традиционным — изменяется самым радикальным образом. Уходят в прошлое почти все старые устные жанры — от обрядовой лирики до сказки, зато на первый план выдвигаются жанровые комплексы либо относительно недавнего происхождения (например, городские песни и анекдоты), либо существенно модифицированные — современные мемораты и предания (в том числе неомифологические), включая такие слабо структурированные тексты, как слухи и сплетни.

Интересно, что едва ли не первым на них как на особый жанр устной словесности (и на уместность их записи) обратил внимание П.А.Вяземский (ср.: [Гордин 1989: 10]). Он считал, что «сплетня — это всеобщая история человека и человечества в малом виде», понимая под сплетней «гласную повесть» и «всеобщую молву», которая «служит зеркалом общества», а «положенные на бумагу слухи и вести получают значение исторического документа». «Соберите все глупые сплетни, сказки и не-сплетни и не-сказки, которые распускались и распускаются в Москве на улицах и в домах по поводу холеры и нынешних обстоятельств, — выйдет хроника прелюбопытная, — писал он. — В этих сказах и сказках изображается дух народа. По гулу, доходящему до нас, догадываюсь, что их тьма в Москве, что пар от них так столбом и стоит: хоть ножом режь. Сказано: “la litte’rature est l’expression de la socie’t’e” [“литература — выражение общества”], еще более сплетни, тем более у нас; у нас нет литературы, у нас литература изустная. Стенографам и должно собирать ее. В сплетнях общество не только выражается, но так и выхаркивается. Заведите плевальник» [Вяземский 2000: 52–53]. Это — одно из редких исторических свидетельств, позволяющих судить о наличии (и даже состоянии) столь мало фиксируемой области городской устной прозы.

Что же касается поздней демонологической традиции, отраженной в современных суеверных преданиях, то она, как и в «классическом» фольклоре, обычно имеет узко локальные приурочивания, будучи связана с теми или иными «нехорошими местами»: например, с полянами, скалами, пещерами в поверьях туристов, альпинистов и спелеологов, с чердаками и подвалами городских зданий в страшных рассказах детей и подростков, даже, согласно одному из источников, с кафедрой истории КПСС Самарского политехнического института [Демидовы 1992: 59–61]. Подобные места становятся ареной действий дневных и ночных привидений, выступающих в роли своеобразных «духов-хозяев», как правило, недоброжелательных к людям. Ими же являются почти исключительно души людей, трагически погибших здесь или умерших неестественной смертью, прежде всего, самоубийц.

Все это соответствует сюжетам традиционного фольклора, хотя опять-таки нет никакой уверенности в том, что мы имеем дело с трансформацией старого демонологического предания, а не с его подобием, объясняемым чисто типологическими причинами. Тем более это касается рассказов о «космических пришельцах», о временном похищении ими людей, о «неопознанных летающих объектах» и прочих «аномальных явлениях»; в подобного рода историях несомненно опознаются аналогичные сюжетные структуры «несказочной прозы» [Сана-

ров 1979: 145–154; Дмитриева 1994: 97–110]. Однако и в этих случаях непосредственная преемственность с традиционным фольклором либо проблематична, либо вообще исключена. Многие тематические и стилистические совпадения объясняются не прямым генетическим родством, а конвергентным приобретением сходных признаков, или же подобные совпадения обусловлены архетипами и универсалиями общественного сознания.

Сходная картина наблюдается в анекдоте. Даже на памяти одного поколения успело смениться несколько тематических циклов («армянское радио», анекдоты «о сумасшедших», «о дистрофиках», «о чукчах», «о Штирлице» и др.); одни быстро затухают по причинам культурным или политическим, другие способны просуществовать относительно долго. Вот показательный пример. «Ночью на Ильинке ходят анекдоты. Ленин и Троцкий ходят в обнимку как ни в чем не бывало. У одного ведрышко и константинопольская удочка в руке. Ходят два еврея, неразлучные двое — один вопрошающий, другой отвечающий, и один все спрашивает, все спрашивает, а другой все крутит, все крутит, и никак им не разойтись <...> Ходят армяне из города Эривани с зелеными крашеными селедками» [Мандельштам 1994: 179]. Это написано в 1930 г. Анекдоты о Ленине и Троцком не сохранились в активном бытовании, тогда как «еврейские анекдоты» с вопросно-ответной структурой существуют и поныне. Совсем же конкретный сюжет — о «зеленых крашеных селедках» известен нам в еще недавно живой традиции «армянских загадок» («Зеленая, длинная, висит в гостиной. Что это?» — Ответ: «Селедка [которую я покрасил и повесил в гостиной]»).

Таким образом, несмотря на живучесть некоторых текстов («анекдоты с бородой»), их корпус с известной периодичностью обновляется почти полностью, причем не столь часто, как это может показаться на первый взгляд, старая сюжетная форма используется для новых, актуальных реалий; зачастую она попросту для них непригодна. Более того, новые анекдоты используют не только новую топику, но и неизвестные ранее конструктивные приемы. В целом городской анекдот XX в. настолько отличается от соответствующей формы «классического» фольклора и от «исторического» анекдота предшествующих столетий, что, вероятно, уместно говорить о нем как о совершенно новом жанре.

Специфические формы преемственности устанавливаются и в городском песенном фольклоре: речь идет об использовании в новом произведении какого-либо устойчивого, широко известного музыкально-ритмического (иногда и стилистического) рисунка. При этом переиначиваемый или пародируемый текст может быть и навязанным сверху, и идеологически нейтральным, и принадлежащим самой «уличной» традиции. Так, скажем, известно множество переделок не только официальных советских песен («По военной дороге...», Гимн Советского союза, «Летят перелетные птицы...» и др.), но и популярных эстрадных мелодий («Тайна», «Мишка», «Ландыши» и др.), а также старых уличных баллад и романсов («Маруся отравилась», «Кирпичики», «Мы познакомились на клубной вечериночке...» и др.). Естественно, происходит это только с произведениями, имеющими в городских традициях широкие и густо заполненные ассоциативные поля. Данный прием чрезвычайно продуктивен и, по всей видимости, в народном песенном новотворчестве распространен повсеместно.

* * *

В течение долгого времени культура русского города оставалась для науки terra incognita, будучи скорее прерогативой литераторов и бытописателей-краеведов, чем ученых фольклористов. Первые (и весьма немногочисленные) фиксации текстов прозаического городского фольклора также, в основном, делались непрофессионалами, среди которых прежде всего вспоминается колоритная фигура Е.З.Баранова, чьи записи московских преданий 20-х годов остаются одними из сравнительно немногих свидетельств об устной городской прозе начала XX в. [Баранов 1993]. Впрочем, материалы такого рода остаются не вполне выявленными; можно надеяться, что поиски в этом направлении еще приведут к интересным архивным находкам.

Как уже упоминалось, всерьез «низовые» традиции города стали изучаться лишь в двадцатом столетии. Одними из первых исследователей данной темы назовем литературного критика и поэта-переводчика Е.Л.Недзельского, жившего в Чехословакии, и одесского пушкиниста, архивиста, библиографа В.В.Стратена — авторов интересных и обстоятельных статей, посвященных творчеству городской улицы (преимущественно поэтическому) времен революции и гражданской войны [Недзельский 1924; Стратен 1927]. Свое значение эти работы не утратили до нашего времени.

Начиная с 30-х годов объективное исследование городского фольклора в СССР становится практически невозможным. Положение меняется лишь спустя полвека с лишним, когда вновь разворачивается собирательская деятельность, проводимая учеными, журналистами и просто любителями. Появляются собрания анекдотов, баек, сплетен, слухов, устных историй, среди которых своей обширностью выделяется коллекция Ю.Б.Борева [1992; 1992а; 1995]; следует упомянуть также публикации А.Л.Жовтиса [1995] и М.В.Ардова [1995]. Впрочем, собирательские и эдиционные принципы собраний такого рода неясны, составляются они с литературными, а не с научными целями, а аутентичными их можно признать лишь в статусе самозаписей интеллигентных носителей традиции (и то с некоторыми оговорками — учитывая несомненную литературную обработку данных текстов).

Непосредственное отношение к нашей теме имеет культурологическая концепция московского искусствоведа В.Н.Прокофьева [1983]. Речь идет о некой промежуточной «третьей культуре», дистанцированной как от культуры элитарной, так и от патриархального сельского фольклора; ее возникновение обусловлено появлением социального слоя, удовлетворяющего свои культурные потребности иначе, нежели образованные верхи или крестьянские низы.

«Третья культура» поставляет ремесленную продукцию (в отличие от художественной школы ученого артистизма и от фольклора, передаваемого в семейной традиции), но характеризуется сниженным профессионализмом. Она использует культурный импорт и «сверху», и «снизу», возникающие же при этом структуры лишены целостности и стабильности. Вчерашние и позавчерашние «высокие» культуры переигрываются в сфере примитива, использующего банализированный, отработанный «наверху» материал; во второй половине XIX— на-

чале XX в. им оказывается вульгаризированный романтизм. При этом, однако, примитив испытывает тоску по «материнскому лону» фольклора, но, в отличие от его древней памяти, осваивает только память близкую. Историческая преемственность здесь пунктирна и осуществляется петлями — то через «верх», то через «низ».

В.Н.Прокофьев не рассматривает отдельно вербальный фольклор (хотя и опирается на некоторые размышления В.Я.Проппа и Б.Н.Путилова), он лишь отмечает, что «третья культура» есть и в литературе, и в театре, и в музыке; соответственно существует продукт города — «третья литература», паралитература, средоточие которой — ремесленно-цеховая среда. Упоминается также «второй фольклор», городской фольклор; впрочем, достаточной четкости в этих дефинициях нет. Таким образом, в рамках «третьей культуры» у В.Н.Прокофьева сосуществуют и массовая культура, производимая профессионалами «для сбыта», и фольклор как таковой, создаваемый самими носителями «для потребления», т. е. явления гетерогенные и гетероморфные. В силу этого концепция автора, чрезвычайно продуктивная для своего времени, сейчас уже нуждается в серьезных уточнениях.

Специальные исследования по городскому фольклору появляются лишь во второй половине 1980-х годов [Белоусов 1987]. Впрочем, были и исключения, к которым относятся, например, статья новосибирского цыгановеда В.И.Санарова «НЛО и энлонавты в свете фольклористики» [1979], сильно опередившая свое время, цикл исследований Н.П.Копаневой (Ленинград) о новой народной балладе [1982–1985]. После 1985 г. количество их весьма увеличивается. Рассматриваются отдельные фольклорные жанры: анекдот [Белоусов 1989], городской романс [Кофман 1986; Гудошников 1990], рукописный альбом-песенник [Ханютин 1989], современная легенда [Новичкова1990: 132–143], девичий любовный рассказ [Борисов 1992; 1993; 2002; 2002а] и др. Едва ли не в первую очередь в поле зрения исследователей попадает фольклор детей и подростков [Белоусов 1989а]; цикл коллективных исследований на эту тему [Белоусов 1992; 1998] поныне остается наиболее репрезентативным в данной области. Предпринимается этнографическое исследование молодежной субкультуры в России последних двух десятилетий [Щепанская 1993]. Навык многоаспектных исследований традиционной устной прозы (прежде всего, народной сказки и былички) в сочетании с инструментарием современного культурно-антропологического анализа использует И.А.Разумова в своих работах по «семейному фольклору» российского города (включая его письменные формы) [Разумова 2001].

С 1989 г. фрагменты своей огромной коллекции неподцензурного городского фольклора публикует В.С.Бахтин; десятки его очерков и эссе об отдельных текстах выходят в журнале «Нева», газете «Вечерний Петербург» (рубрика «Краснобай») и других изданиях. Наиболее полно его собрание представлено в томе «Самиздат века» [Бахтин 1997: 784–792, 837–846, 897–915, 935–937, 954–963]. В ноябре 1992 г. в Санкт-Петербурге проходит конференция «Фольклор ГУЛАГа», спустя два года в свет выходит сборник докладов и выступлений на этой конференции [Бахтин, Путилов 1994]. Та же тема лежит в основе проекта американского историка М.Джекобсона, подготовившего наиболее полное и

текстологически выверенное собрание русской тюремной (да и не только тюремной) песни — со всем множеством вариантов, которые были выявлены составителями [Джекобсон М., Джекобсон Л. 1998; 2001]. Надо заметить, что научные издания такого рода, содержащие документированные записи, вообще единичны [Смолицкий, Михайлова 1994; Адоньева, Герасимова 1996; Кулагина, Селиванов 1999]. Среди этих собраний особо следует упомянуть размещенную в Интернете грандиозную коллекцию песенного (и не только песенного) городского фольклора второй половины XX в. [Бройдо А., Кутьина Я., Бройдо Я.].

В этот же период чрезвычайно оживляется общественный интерес к городскому фольклору как к одной из неофициальных областей советской культуры. С подобным интересом (и идеологическим, и эстетическим) связано возникновение в 1992 г. популярной программы «В нашу гавань заходили корабли» на «Радио Россия», которую вот уже более десяти лет ведут Э.Н.Успенский и Э.Н.Филина. За этой передачей последовали одноименные книжные публикации [Успенский, Филина 1995], появились аудиокассеты и компакт-диски из архивов программы. Одновременно (и явно не без ее влияния) издаются десятки сборников песен («Уличные песни», «Блатные песни», «Песни нашего двора» и пр.), а также коллекции текстов одного исполнителя, прежде всего, Аркадия Северного [Шелег 1995].

Другой пример — конкурс анекдотов «Десяточка», проводившийся в середине 90-х годов и собиравший много участников. В то же самое время библиотека «Студенческого меридиана» начинает выпускать серию «Анекдоты наших читателей», в которой публикуются тексты, присылаемые в редакцию по почте (45 выпусков) [Анекдоты 1996]. Чисто коммерческие сборники данного жанра, продолжающие выходить и поныне, вообще не поддаются исчислению.

По поводу аутентичности этих публикаций можно повторить сказанное выше: их следует признать самозаписями, а публикаторов — носителями традиции, которые в этом качестве имеют право на вариационные изменения своих текстов (если, конечно, какие-то из них не являются просто безотсылочными перепечатками из других изданий).

Надо заметить, что до настоящего времени у нас не выработано никакой методики сбора современного городского фольклора, апробированной и соответствующей требованиям современной науки. Вообще при обращении к данному материалу приходится корректировать не только методологию исследования, но и принципы собирательской деятельности, сложившиеся на основе изучения архаических и «классических» традиций, — речь в первую очередь идет о погружении в знаковый мир иной культуры, обретении общего с ней опыта и общего языка. Однако следует признать, что ресурсы подобного «включенного наблюдения» ограниченны, а глубина «погружения» имеет свои пределы. Субъект наблюдения не может полностью отождествиться с объектом — ни психологически, ни операционально. Опыт изучения современной городской культуры, максимально близкой исследователю (практически — «своей»), демонстрирует необходимость скорее некоторого дистанцирования исследователя от материала, его стремление перейти на позицию «внешнего наблюдателя», без чего объективное изучение предмета становится малоэффективным; таким образом, экстериори-

зация «своего» оказывается методологически не менее важной, чем интериоризация «чужого».

* * *

Несколько слов — об обстоятельствах создания книги, которую читатель держит в руках. В середине 90-х годов специальный номер, посвященный городскому фольклору, выпустил журнал «Живая старина» (1995. № 1); кстати, именно в нем для обозначения рассматриваемого предмета был предложен термин *постфольклор* (*пост-фольклор*) [Неклюдов 1995: 4]. С обсуждения этого номера в Институте высших гуманитарных исследований РГГУ начал свою работу семинар, ставящий своей целью изучение фольклорных традиций современного российского города. Его организаторы исходили из того, что данная дисциплина, быстро развивающаяся и в высшей степени востребованная, пока не обеспечена никакими обобщающими трудами — их еще предстоит написать. Подобная книга могла бы использоваться и в качестве учебного пособия для студентов (культурологов, фольклористов, антропологов, этнографов и т. д.). Проект получил финансовую поддержку Института «Открытое общество», что дало возможность проводить регулярные встречи специалистов из разных российских городов (Москвы, Санкт-Петербурга, Петрозаводска, Ульяновска, Перми и др.). За эти годы в рамках работы семинара подготовлено несколько кандидатских и докторских диссертаций [Белоусова 1999; Веселова 2000; Борисов 2002b и др.], проведены десятки тематических занятий, конференций и круглых столов, так или иначе связанных с современным городским фольклором, исследовательская деятельность семинара получила полное отражение на его веб-сайте (www.ruthenia.ru/folklore). Наконец, начат выпуск двух книжных серий: «Традиция / текст / фольклор: Типология и семиотика» (Издательский центр Российского государственного гуманитарного университета) — именно в ее составе публикуется данный коллективный труд, и «Фольклор / постфольклор» (Объединенное гуманитарное издательство), в которой вышла антология девичьего любовного рассказа [Борисов 2002a], а в дальнейших планах — многочисленные материалы и исследования по современному фольклору.

Надо заметить, что применительно к данному коллективному труду понятие *фольклор* нуждается в некоторых пояснениях. Как известно, русскую (и советскую) науку характеризует устойчивое разграничение собственно ф о л ь к л о р а (под которым понимаются прежде всего вербальные тексты) и э т н о г р а ф и и, включающей «материальную» и «духовную» культуры (к последней относятся народные верования, обычаи, обыкновения, народное прикладное искусство и т. д.). За последние годы подобное разграничение утрачивает свою категоричность — отчасти в связи с необходимостью освоения новых синкретических предметных областей (в первую очередь, «постфольклорных»), отчасти под влиянием западного гуманитарного знания, где антропологические дисциплины вообще сегментируются иначе, а понятие *фольклор* является более широким [Чистов 1995: 164–175]. Это, в свою очередь, приводит к расширению исследовательского поля фольклористики и в отечественной традиции, причем используется как фольклорно-этнографический опыт российской нау-

ки, так и мировые достижения культурной антропологии нашего времени [Богданов 2001: 5–108].

Именно с ориентацией на подобное расширительное понимание термина *фольклор* на семинарских занятиях была разработана схема его исследования, отраженная в композиции книги: **традиции субкультур — ритуалы и обряды современного города — картина городского пространства — жанровый состав вербального фольклора — речевой обиход города**.

Проект охватывает в основном последние полтора-два десятилетия, лишь в редких случаях выходя за эти хронологические рамки; материалы, относящиеся к более давнему прошлому или фальсифицированы советской фольклористикой, или представлены скудно, фрагментарно, в количестве, недостаточном для реконструкций. Особой оговорки требует «географический» аспект нашей темы. Привлекаемые материалы относятся примерно к десятку городов европейской части России (столичных и провинциальных, больших и малых). В полной мере осознавая недостаточность данного материала, авторы тем не менее считают, что неправильно откладывать написание книги до предположительного завершения фронтальных фольклористических исследований всего городского ландшафта нашей страны — ждать этого явно пришлось бы слишком долго.

Кроме того, на отдельные ограничения составители пошли вполне добровольно. Так, в коллективном труде не рассматриваются некоторые близко стоящие к фольклору традиции «парафольклорной письменности» («девичьи рассказы», «наивная литература»), не включены описания детской субкультуры — было сочтено нецелесообразным возвращаться к этой наиболее изученной части современного фольклора. Остались, несомненно, и другие лакуны, выявить и заполнить которые еще предстоит в ходе будущих исследований.

На будущее оставлено и введение данного материала в более широкий круг типологических сопоставлений, а его первых описаний — в контекст мировой антропологии. Участники семинара (как, впрочем, и вообще отечественные фольклористы) еще только начинают обживать эти новые для себя территории гуманитарного знания, тогда как в западноевропейской и американской науке уже достаточно давно происходит исследование современной легенды (см.: [Веселова 2001: 62; Ферапонтов 2002: 18–22]), современного анекдота (см.: [Архипова 2001: 30–31]) и т. д.; зарубежный опыт изучения городского фольклора (или, точнее, того предмета, который мы обозначаем этим термином) имеет гораздо более обширный и долговременный характер — там не было вынужденного пятидесятилетнего прекращения собирательской и вообще любой научной деятельности, как это случилось в советской фольклористике.

Кроме того, «фольклорный ландшафт» в России, с его дожившими до XX в. «классическими» жанрами устной словесности, довольно сильно отличается от западноевропейского и американского, что обусловливает разные подходы к изучению и современного городского фольклора. Соответственно опыт зарубежной науки не сходен с нашим своими исследовательскими ракурсами и приоритетами, для нее, скажем, гораздо естественнее рассматривать постфольклор и подобный ему материал в одном ряду с массовой культурой или культурой повседневности, тогда как для российской традиции привычнее фольклорно-этногра-

фические аспекты его изучения. Наконец, мы пока еще очень мало знаем о современном городском фольклоре других народов, несравнимо меньше, чем о мировом фольклоре «классической» формации. Исключением являются тексты «интернет-лора» (*internet-lore*), однако соотношение этих текстов с устной традицией не вполне ясно, а часть их, по-видимому, вообще не имеет иного бытования, кроме сетевого; изучение же Интернета как квазифольклорной среды, несомненно весьма перспективное, также еще впереди.

* * *

Приступая к работе, участники семинара ставили перед собой чисто научные цели и адресовали свой труд прежде всего специалистам — фольклористам, этнографам, культурологам. Однако есть существенная особенность, отличающая эту книгу от других исторических и фольклорно-этнографических исследований. Дело в том, что наши читатели (как и авторы) сами является носителями рассматриваемой культуры. Рассказывая анекдот, житейскую или мистическую историю, напевая в компании на свой лад запомнившуюся песенку, знакомя приезжего с достопримечательностями города или излагая эпизоды из прошлого своей семьи, современный горожанин выступает носителем фольклорной традиции, хотя, как правило, не отдает себе в этом отчет. В общежитии и в лагере альпинистов, в казарме и в больнице, на стадионе и в общественном транспорте человек подчиняется установлениям этих мест, вольно или невольно включаясь в разные ритуализованные ситуации. Еще с большим основанием это относится, скажем, к обитателям тюремной камеры, к молодежным, профессиональным или любительским сообществам, имеющим повышенную семиотичность, а также к участникам праздничных или церемониальных действ, выходящих за пределы общественной и семейной повседневности.

Таким образом, в книге описывается большой фрагмент культуры, ранее не замечаемый либо в силу своей этической и политической табуированности, либо, напротив, в силу своей обыденности. Здесь нет какой-либо предварительной цензуры собранного материала, и, возможно, читатель обнаружит в книге неприятные, даже шокирующие детали — такие, которые можно расценить как обидные для наших соотечественников. Однако авторы убеждены, что только полное и нелицемерное знание культуры о самой себе приводит к повышению уровня ее саморефлексии и имеет определенное гуманитарное значение.

Устные записи, как правило, приводятся авторами в упрощенной транскрипции, приближенной к нормативному русскому правописанию (без претензий на фонетическую точность, хотя и с попытками отразить некоторые особенности жаргонной речи). В тексте статей сами арготизмы (как и научные термины) выделяются курсивом лишь в первом употреблении; далее они даются обычным шрифтом и без кавычек. Что же касается рукописных и печатных материалов, то они воспроизводятся с сохранением орфографии и пунктуации своих источников.

С.Ю.Неклюдов

Литература

Адоньева, Герасимова 1996 — Современная баллада и жестокий романс / Сост. С.Адоньева, Н.Герасимова. СПб., 1996.

Азадовский 1932 — *Азадовский М.* Сказительство и книга // Язык и литература. Т. VIII. Л., 1932 (НИИ речевой культуры).

Анекдоты 1996 — Анекдоты наших читателей. Вып. 1–45. М., 1996 (Биб-ка «Студенческого меридиана»).

Анохина, Шмелева 1977 — *Анохина Л.А., Шмелева М.Н.* Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. На примере городов Калуга, Елец, Ефремов. М., 1977.

Агренева-Славянская 1896 — Сборник песен, исполняемых в народных концертах Дмитрия Александровича Агренева-Славянского, собранных в России и в славянских землях Ольгою Христофоровною Агреневою-Славянскою. М., 1896.

Ардов 1995 — *Ардов М.* Мелочи Архи.., прото... и просто иерейской жизни (картинки с натуры). М., 1995.

Архипова 2001 — *Архипова А.С.* Анекдот в зарубежных исследованиях XX века // Живая старина. 2001. № 4.

Баранов 1993 — Московские легенды, записанные Евгением Барановым. М., 1993.

Бахнов 1996 — *Бахнов Л.* Интеллигенция поет блатные песни // Новый мир. 1996. № 5.

Бахтин 1997 — Не сметь думать что попало! / Сост. В.С.Бахтин // Самиздат века. Минск; М., 1997.

Бахтин, Путилов 1994 — Фольклор и культурная среда ГУЛАГа / Сост. В.С.Бахтин, Б.Н.Путилов. СПб., 1994.

Белоусов 1987 — *Белоусов А.Ф.* Городской фольклор. Лекция для студентов-заочников. Таллин, 1987.

Белоусов 1989 — *Белоусов А.Ф.* Детский фольклор. Лекция для студентов-заочников. Таллин, 1989.

Белоусов 1989а — Учебный материал по теории литературы. Жанры словесного текста. Анекдот / Сост. А.Ф. Белоусов. Таллин, 1989

Белоусов 1992 — Школьный быт и фольклор. Ч. 1–2. Учебный материал по русскому фольклору / Сост. А.Ф. Белоусов. Таллинн, 1992.

Белоусов 1998 — Русский школьный быт и фольклор. От «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов / Сост. А.Ф. Белоусов. М., 1998.

Белоусова 1999 — *Белоусова Е.А.* Представления и верования, связанные с рождением ребенка: современная городская культура. Автореф. дисс. ... канд. культурологии. М., 1999.

Богданов 2001— *Богданов К.А.* Повседневность и мифология. Исследования по семиотике фольклорной действительности. СПб., 2001.

Борев 1992 — *Борев Ю.* Сталиниада. Мемуары по чужим воспоминаниям с историческими анекдотами и размышлениями автора. Иркутск, 1992.

Борев 1992а — *Борев Ю.* Фарисея. Послесталинская эпоха в преданиях и анекдотах. М., 1992.

Борев 1995 — *Борев Ю.* История государства Российского в преданиях и анекдотах. М., 1995.

Борисов 1992 — Тридцать рукописных девичьих любовных рассказов / Сост., автор статей и коммент. С.Б.Борисов. Обнинск, 1992.

Борисов 1993 — *Борисов С.Б.* Латентные феномены культуры (опыт социологического исследования личных документов девушек). Автореф. дисс. ... канд. философ. н. Екатеринбург, 1993.

Борисов 2002 — *Борисов С.Б.* Мир русского девичества: 70–90 годы XX в. М., 2002.

Борисов 2002a — Рукописный девичий рассказ / Сост. С.Б.Борисов. М., 2002 (Фольклор и постфольклор: Новые материалы).
Борисов 2002b — *Борисов С.Б.* Субкультура девичества: российская провинция 70–90 гг. XX в. Автореф. дисс. ... д-ра культурологии. М., 2002.
Богданов 2001— *Богданов К.А.* Повседневность и мифология. Исследования по семиотике фольклорной действительности. СПб., 2001.
Бройдо А., Кутьина Я., Бройдо Я.— Боян. Поэтическая речь русских: Народные песни и современный фольклор / Собрали Андрей Бройдо, Яна Кутьина, Яков Бройдо // http://www.caida.org/broido/
Веселова 2000 — *Веселова И.С.* Жанры современного городского фольклора. Автореф. дисс. ... канд. филолог. н. М., 2000.
Веселова 2001— *Веселова И.С.* 18-я конференция «Перспективы современной легенды» // Живая старина. 2001. № 1.
Вяземский 2000 — *Вяземский П.А.* Старая записная книжка. М., 2000.
Гордин 1989 — *Гордин М.А.* Искусство театрала // *Жихарев С.П.* Записки современника. Т. 1–2. Л., 1989.
Гудошников 1990 — *Гудошников Я.И.* Русский городской романс. Тамбов, 1990.
Демидовы 1992 — *Демидовы А.* и *И.* Мелодии старой Самары (Книга для любителей русской истории). Самара, 1992.
Джекобсон М., Джекобсон Л. 1998 — *Джекобсон М., Джекобсон Л.* Песенный фольклор ГУЛАГа как исторический источник (1917–1939). М., 1998.
Джекобсон М., Джекобсон Л. 2001 — *Джекобсон М., Джекобсон Л.* Песенный фольклор ГУЛАГа как исторический источник (1940–1991). М., 2001.
Дмитриева 1994 — *Дмитриева С.И.* Мифологические представления русского народа в прошлом и настоящем (былички и рассказы об НЛО) // Этнографическое обозрение. 1994. № 6.
Душечкина 2002 — *Душечкина Е.В.* Русская елка: История, мифология, литература. СПб., 2002.
Елистратов 1994 — *Елистратов В.С.* Арго и культура // *Елистратов В.С.* Словарь московского арго (материалы 1980–1994 г.г.). М., 1994.
Жовтис 1995 — *Жовтис А.* Непридуманные анекдоты. Из советского прошлого. М., 1995.
Зеленин 1994 — *Зеленин Д.К.* Новые веяния в народной поэзии // *Зеленин Д.К.* Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901–1913. М., 1994.
Зоркая 1976 — *Зоркая Н.М.* На рубеже столетий. У истоков массового искусства в России 1900–1910 годов. М., 1976.
Зоркая 1994 — *Зоркая Н.М.* Фольклор. Лубок. Экран. М., 1994.
Копанева 1982 — *Копанева Н.П.* О литературном происхождении русской новой народной баллады // Вестник ЛГУ. 1982. Вып. 36. № 14.
Копанева 1983 — *Копанева Н.П.* Новая баллада (Жанровые границы. Сюжеты) // Фольклор народов РСФСР. Межвузовский науч. сб. Уфа. 1983. С. 89–96.
Копанева 1985 — *Копанева Н.П.* Новые песни балладного типа в русской устной традиции конца XIX–начала XX века. Канд. дисс. Л., 1985.
Корепова 1999 — *Корепова К.Е.* Русская лубочная сказка. Н. Новгород, 1999.
Костюхин 1994 — *Костюхин Е.А.* Литература и судьбы фольклора // Живая старина. 1994. № 2.
Кофман 1986 — *Кофман А.Ф.* Аргентинское танго и русский мещанский романс // Литература в контексте культуры. М., 1986.
Кулагина, Селиванов 1999 — Городские песни, баллады, романсы / Сост., подгот. текста и коммент. А.В. Кулагиной, Ф.М. Селиванова. Вступит. ст. Ф.М.Селиванова. М., 1999.
Куприянова 1932 — *Куприянова З.Н.* Песни деревни Погромны // Язык и литература. Т. VIII. Л., 1932 (НИИ речевой культуры).

Мандельштам 1994 — *Мандельштам О.* Четвертая проза // *Мандельштам О.* Собрание сочинений в четырех томах. Т. 3. Стихи и проза 1930–1937. М., 1994.

Недзельский 1924 — *Недзельский Евг.* Народная поэзия в годы революции // Воля России. Прага, 1924. № 5 (март); № 6–7.

Неклюдов 1995 — *Неклюдов С.Ю.* После фольклора // Живая старина. 1995. № 1.

Неклюдов 2001— «Наивная литература»: исследования и тексты / Сост. С.Ю.Неклюдов. М., 2001 (Московский общественный научный фонд. Научные доклады, 129).

Нестьев 1970 — *Нестьев И.* Звезды русский эстрады (Панина, Вяльцева, Плевицкая). Очерки о русских эстрадных певицах начала XX века. М., 1970.

Новичкова 1990 — *Новичкова Т.А.* Два мира — земной и космический — в современных народных легендах // Русская литература. 1990. № 1.

Новиков 2001 — *Новиков Ю.* Былина и книга: Аннотированный указатель зависимых от книги и фальсифицированных былинных текстов. СПб., 2001.

Прокофьев 1983 — *Прокофьев В.Н.* О трех уровнях художественной культуры Нового и Новейшего времени (к проблеме примитива в изобразительных искусствах) // Примитив и его место в художественной культуре Нового и Новейшего времени. М., 1983.

Разумова 2001 — *Разумова И.А.* Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. М., 2001.

Санаров 1979 — *Санаров В.И.* НЛО и энлонавты в свете фольклористики // Советская этнография. 1979. № 2.

Сарнов 1996 — *Сарнов Б.* Интеллигенция поет блатные песни // Вопросы литературы. Сентябрь-октябрь 1996. № 5.

Смолицкий, Михайлова 1994 — Русский жестокий романс / Сост. В.Г.Смолицкий, Н.В.Михайлова. М., 1994.

Стратен 1927 — *Стратен В.В.* Творчество городской улицы // Художественный фольклор. Орган фольклорной подсекции литературной секции ГАХН / Под ред. Ю.Соколова. Т. II–III. М., 1927.

Терц 1979 — *Терц А.* Отечество. Блатная песня // Синтаксис. 1979. № 4 (см. также: Нева. 1991. № 4; Песни неволи / Сост. Ю.Л.Дианов, А.Д.Мучник, Т.Н.Фабрикова. Воркута, 1992. С. 4–38).

Тихвинская 1995 — *Тихвинская Л.* Кабаре и театры миниатюр в России 1908–1917. М., 1995.

Уварова 1983 — *Уварова Е.* Эстрадный театр: миниатюры, обозрения, мюзик-холлы (1917–1945). М., 1983.

Успенский, Филина 1995 — В нашу гавань заходили корабли. Песни / Сост. Э.Н.Успенский, Э.Н.Филина. М., 1995

Ферапонтов 2002 — *Ферапонтов И.Е.* Зарубежная фольклористика о современных городских легендах // Живая старина. 2002. № 2.

Ханютин 1989 — *Ханютин А.* Школьный рукописный альбом-песенник: новый успех старого жанра // Массовый успех. М., 1989.

Чистов 1975 — *Чистов К.В.* Специфика фольклора в свете теории информации // Типологические исследования по фольклору: Сборник статей памяти Владимира Яковлевича Проппа (1895–1970). М., 1975.

Чистов 1995 — *Чистов К.В.* Фольклор в культурологическом аспекте // Гуманитарий. Ежегодник Петербургской гуманитарной академии. 1995. СПб. № 1.

Шелег 1995 — Споем, жиган... Антология блатной песни / Автор-сост. М.Шелег. СПб., 1995.

Щепанская 1993 — *Щепанская Т.Б.* Символика молодежной субкультуры: Опыт этнографического исследования системы 1986–1989 гг. СПб., 1993.

Традиции субкультур

Т.Б.Щепанская
(Санкт-Петербург)

Традиции городских субкультур

Теория субкультур предлагает один из способов описания культурной дифференциации современного общества [Матвеева 1987; Субкультуры 1996; Гуревич П. 1987]. Впрочем, известны и другие термины для обозначения той же реальности: *контркультура, общественные движения, неформалы, локальные сети, социальные страты, жизненные стили* и пр. Каждое из таких определений предполагает акцент на одной из сторон изучаемого явления: символике, атрибутике, идеологии (теория жизненных стилей), внутренней структуре сообществ и типах межличностных связей (теория и метод социальных сетей [Social Networks 1992]), месте в иерархической структуре социума (теория социальной стратификации [Murton 1957; Cohen 1968; Барбер 1972; Моль 1973]), социальной активности и воздействии на эту структуру (теория общественных движений [Johnston, Klandermans 1995; Melucci 1989; Общественные движения Ленинграда 1989; Социология общественных движений 1993]); см. также теорию контркультуры и т. п. При этом очевидна прикладная ориентация многих из этих теорий.

Определение субкультуры охватывает практически все перечисленные аспекты, потому и достаточно популярно. Это определение базируется на понятии «культура», фундаментальном в антропологии, что не могло не повлиять на естественность его укоренения в антропологическом (в первую очередь) дискурсе.

Из истории понятия. Само понятие «субкультура» сформировалось в результате осознания неоднородности культурного пространства, ставшей особенно очевидной в урбанизированном обществе. Прежде под «культурой» понималась господствующая этическая, эстетическая, мировоззренческая система — профессиональная, поддерживаемая элитами и исходящая от элит, получавшая сакральное подкрепление. Все, что за ее пределами, — область профанного [Гуревич А. 1990; Поспелов 1990; Gans 1974; Городская культура 1986; Willis 1978], бытового, — лишалось статуса культуры (ср.: обыденные представления о «культурном» и «некультурном» поведении, вкусах, речевых стереотипах и т. д.).

Хотя появление термина «субкультура» в научной литературе относят к тридцатым годам XX в. [Соколов, Осокин 1996: 21], настоящее распространение

он получил в 1960–1970-е годы в контексте изучения молодежных движений [Davis 1971; Partridge 1973]. Поначалу на первый план выступает приставка «sub» (т. е. «под-»), обозначая скрытые, неофициальные культурные пласты, находящиеся под «дневно́й поверхностью» господствующей культуры. В этом случае понятие «субкультура» использовали наряду с subterranean culture (*подземная* культура) и underground (*подполье*) [Matza, Sykes 1961]. Просматривается и привычное восприятие неинституциональных культурных явлений как низовых — в противоположность «высокой» официальной культуре. В том же контексте (применительно к идеологии и практике молодежного протеста против ценностей общества потребления, трудовой этики и технократической цивилизации) использовали и термин «контркультура» [Rozzack 1969; Yinger 1977; Давыдов, Роднянская 1980], определявший идеологию молодежи как разрушающую всякую культуру вообще, противостоящую культуре как таковой. Отсюда видно, что понятие «субкультура» первоначально обозначало явления, воспринимавшиеся как *не-* или *вне-*культурные. Со временем, однако, оно получило иной смысл.

Эстетика, этика, идеология молодежных сообществ получили признание как особая «молодежная культура». Было осознано наличие и других культур (например, детской), отличающихся от официальной, но вполне реальных, со своими нормативными и символическими характеристиками. Это придало новую жизнь понятию «субкультура», впрочем, в несколько измененном значении. Теперь оно прочитывается как обозначение подсистемы культуры, указывая на мультикультурный характер современного общества.

В таком прочтении концепция субкультуры оказалась чрезвычайно плодотворной как в научно-эвристическом (программа описания различных сегментов и вариаций культуры), так и в практически-прикладном отношении. С последним связан ряд ее модификаций, среди которых в 1990-е годы наиболее актуальна, пожалуй, концепция жизненных стилей (life styles [Harris 1996; Bretschneider 1995; Демидов 1998; Chaney 1996]), под которыми понимают особенности идеологии, социальной психологии, потребительского поведения, языка и символики, в целом образа жизни, характерные для различных социальных групп. Изучение жизненных стилей ориентировано в первую очередь на моделирование потребительского поведения их представителей. Впрочем, идеологические аспекты стилей жизни находятся в поле интересов политиков и особенно их имиджмейкеров. Еще более очевиден социальный заказчик изучения общественных движений, на практике делающий упор на организационных аспектах этих движений, средствах и возможностях мобилизации ресурсов, мониторинге властных устремлений и пр.

Определение понятия «субкультура» затруднено именно из-за фундаментальности лежащего в его основе понятия «культура» и существования огромного множества его определений. Не имея возможности подробно их проанализировать и даже перечислить в рамках этой статьи, мы остановимся на определении, которое считаем наиболее операциональным (как средство сбора и описания эмпирических данных по конкретным субкультурам).

Прежде всего приставка «суб-» в современном контексте, как мы уже говорили, подразумевает, что речь идет о подсистеме культуры как целого. Субкуль-

тура не представляет собой самостоятельного целого. Ее культурный код формируется в рамках более общей системы, определяющей основу данной цивилизации и целостность данного социума (эту систему мы и обозначаем словом «культура»). Субкультуры как подсистемы культуры опираются на ее семиотический код (общий для большинства и обеспечивающий их взаимопонимание), будучи при этом ориентированы на постоянный диалог с ней. Этот диалог может принимать формы «обновления культуры», ее «развития», «восстановления традиций» или «противостояния», «разрушения» и пр., но в любом случае здесь мы имеем дело с необходимыми элементами самосознания и самоидентификации субкультур. Каждая из них определяется прежде всего по отношению к Культуре (господствующей, общепринятой, материнской и т. п.), либо противопоставляя ей свои нормы и ценности, либо черпая в ней обоснования этих норм.

Большинство известных определений культуры (и субкультуры как ее разновидности) акцентирует ограниченный набор ее основных признаков. Среди них знаковые[1] (общность идеологии, ментальности, символики, культурного кода, картины мира[2]); поведенческие (обычаи, ритуалы, нормы, модели и стереотипы поведения); социальные (социальная группа, страта и т. д., определяемая как носитель субкультуры или ее порождающая среда), а также все они вместе (культура как целостный образ жизни). Подчеркивается еще небиологический способ воспроизводства всего комплекса (воспитание, образование — социализация как средство трансляции культурной традиции).

Все эти признаки можно обобщить и уложить в рамках модели культуры как коммуникативной системы[3]. Коммуникативная система включает а) каналы коммуникаций (коммуникативные связи и сети; в рамках этой части модели конкретно описываются типы межличностных связей, структура сообществ, формы общения и т. п. — социальный уровень культуры) и б) средства коммуникации, т. е. знаки и символы (здесь фиксируются культурный код, в том числе арго и вербальный фольклор; атрибутика; символика и мифология вещественного мира, телесности, пространства и времени — т. е. язык культуры и в целом ее картина мира). Это знаковый уровень культуры. Знаковый и социальный уровни взаимодополнительны, связаны, взаимно отражают и порождают друг друга. На знаковом уровне хранятся и транслируются коды социальных систем, поведенческие программы — те самые обычаи и нормы, о которых шла речь. Социальный уровень есть субстрат и материализация этих кодов.

Говоря о каналах коммуникаций, мы имеем в виду два их типа — синхронные и диахронные связи, — тем самым подчеркивая трансляцию культурных кодов во времени, что отличает субкультуру, скажем, от моды (тоже предполагающей общность символики, атрибутики, отчасти идеологии, но не предполагающей механизмы их воспроизводства во времени).

Итак, наше определение субкультуры формулируется следующим образом: *субкультура — коммуникативная система, самовоспроизводящаяся во времени*. Это определение может быть развернуто в виде модели или матрицы, которую легко заполнить конкретным материалом.

СУБКУЛЬТУРА – КОММУНИКАТИВНАЯ СИСТЕМА

1. **Каналы коммуникаций** (Социальный уровень культуры: связи и сообщества)
   1.1. Синхронные связи
   1.2. Диахронные связи

2. **Средства коммуникации** (Знаковый уровень культуры: целостная картина мира и составляющие ее знаки и символы)
   2.1. Специально знаковые объекты
   – вербальные (арго, фольклор)
   – числа
   – идеограммы
   – карты, деньги и пр.
   2.2. Ситуативно знаковые объекты окружающего мира, играющие в данной культуре знаковую роль. В том числе их комплексы (коды)
   – пространственный
   – временной
   – предметный
   – телесный
   – актуальный

Это определение-модель представляется операциональным средством первичной фиксации и описания субкультур. В первом разделе (Социальный уровень) описываются связи (их типы, конфигурации и пр.) и сообщества (структуры), заданные данной культурой, а также модели поведения, нормы и ритуалы, поддерживающие эти структуры. Во втором разделе (Знаковый уровень) фиксируется собственно культурный код: символика, идеология, картина мира. Такая модель позволяет фиксировать в полевых условиях и учитывать в процессе описания максимальное число конкретных особенностей культуры, представляя их соотношение в рамках целого (культуры как коммуникативной системы), а также помогает сопоставлять материалы по различным субкультурам. В то же время исследователь может сделать акцент на любом из сегментов этой матрицы, не переставая иметь в виду его место в рамках целого.

Мы делаем акцент на вербальных компонентах описываемых субкультур, поскольку именно они пока лучше всего обеспечены источниками. Собственно наличие вербальной специфики — арго и сложившегося фольклора — служит наиболее яркими и легко фиксируемыми признаками существования субкультуры, а часто и ее единственными внешними проявлениями. В силу особенностей научного восприятия, сложившегося в рамках письменной и уж во всяком случае вербальной культуры, «видимыми» для научного сообщества становятся прежде всего словесные компоненты. Информация же, выраженная посредством иных кодов, не воспринимается (ее извлечение требует специальных аналитических процедур и осуществляется, как правило, с опорой на вербальные тексты как «перевод» невербальных). Таким образом, изучение этой стороны субкультур может послужить ключом к разгадке других.

К вопросу о типологии. Далее встает проблема типологии субкультур. Предпочтительной нам кажется типология К.Соколова и Ю.Осокина, классифицирующая субкультуры в соответствии с видами общностей их носителей. В част-

ности, выделяются половозрастные (детская, молодежная; добавим еще упоминавшиеся в литературе субкультуры матерей, геев и парковые собрания пенсионеров); социально-профессиональные (авторы выделяют здесь рабочих и интеллигенцию; можно назвать еще профессионально-корпоративные субкультуры, нашедшие некоторое отражение в литературе: компьютерную, медицинскую, археологическую, а также армейскую, нищенскую и криминально-тюремную) и досуговые; религиозные и этнические [Соколов, Осокин 1996: 29]. Добавим еще территориальные — например, землячества, не всегда связанные с иноэтничностью (упомянем длительно самовоспроизводящееся псковское землячество в Санкт-Петербурге). К ним примыкают локальные субкультуры (в этом качестве можно рассматривать некоторые города и региональные общности, имеющие свои языковые особенности, фольклор, нормативные традиции и пр.). В основу типологии положен в данном случае принцип консолидации соответствующих общностей — он же определяет и источник символики (характерные особенности той или иной общности — ее облика, темперамента, социальных интересов, языка и пр. — становятся основой «языка» формирующейся в этой среде субкультуры).

Субкультурная парадигма, открывая очевидные исследовательские перспективы, в то же время ставит множество вопросов. Назовем, например, следующие:

– вопрос о мультикультурной структуре современного общества (можно ли описать его как некую совокупность субкультур и распределяется ли население между ними без остатка или есть группы вне любых субкультур?);

– проблема взаимоотношений между разными субкультурами: по имеющимся уже теперь сведениям, многие из них перекрываются (например, отмечены явления «общей периферии» разных субкультур и «миграции лидеров»);

– проблема взаимообмена культурных фондов разных субкультур и всех их — с господствующей культурной традицией (их роль как источника инноваций, обеспечивающих в одних случаях устойчивость культуры в изменяющихся обстоятельствах, в других — вызывающих ее разрушение);

– вопрос о соотношении субкультуры и сообщества (социальные общности — возрастные, профессиональные и др. — рассматриваются как носители субкультур, «порождающие среды», как результат материализации знаковой картины мира, транслируемой субкультурой, и т. д.). В любом случае надо обязательно учитывать несовпадение понятий «субкультура» и «сообщество» (в рамках одной субкультуры, т. е. знакового, коммуникативного поля, может существовать множество сообществ, нередко враждующих, активно противопоставляющих себя друг другу; тем не менее они пользуются языком одной и той же культуры и в этом смысле образуют единое поле).

Это перечисление можно продолжать, но уже сказанное свидетельствует о перспективности субкультурной парадигмы для описания современного общества. Она имеет и прикладное значение — не только для рекламы или политического менеджмента, но и как средство обеспечения взаимопонимания между разными сегментами социума, «взаимопереводимости» их культурных кодов.

Примечания

[1] Определение культуры как знаковой системы в настоящее время одно из самых распространенных и общепринятых.

[2] Об определении культуры как «целостной картины мира, разделяемой группами людей...» см., в частности: [Соколов, Осокин 1996: 21–22].

[3] Такое определение в применении к этнической культуре развивает плодотворно, на наш взгляд, С.А.Арутюнов. См.: [Арутюнов 1989: 17–19].

Литература

Арутюнов 1989 — *Арутюнов С.А.* Народы и культуры: Развитие и взаимодействие. М., 1989.

Барбер 1972 — *Барбер Б.* Структура социальной стратификации и тенденции социальной мобильности // Американская социология. М., 1972.

Городская культура 1986 — Городская культура: Средневековье и начало Нового Времени. Л., 1986.

Гуревич А. 1990 — *Гуревич А.Я.* Средневековый мир: Культура безмолвствующего большинства. М., 1990.

Гуревич П. 1987 — *Гуревич П.С.* Проблемы субкультуры в современной западной социологии // Субкультурные объединения молодежи. М., 1987.

Давыдов, Роднянская 1980 — *Давыдов Ю.Н., Роднянская И.Б.* Социология контркультуры: Критический анализ (инфантилизм как тип поведения и социальная болезнь). М., 1980.

Демидов 1998 — *Демидов А.М.* Социокультурные стили в Центральной и Восточной Европе // Социологические исследования. 1998. № 10. С. 16–28.

Матвеева 1987 — *Матвеева С.Я.* Субкультуры в динамике культуры // Субкультурные объединения молодежи. М., 1987.

Моль 1973 — *Моль А.* Социодинамика культуры. М., 1973.

Общественные движения Ленинграда 1989 — Общественные движения Ленинграда: Информационный бюллетень Комиссии по изучению общественных движений Северо-Западного (Ленинградского) отделения Советской социологической ассоциации. Л., 1989.

Поспелов 1990 — *Поспелов Г.Г.* Бубновый валет: Примитив и городской фольклор в московской живописи 1910-х годов. М., 1990.

Соколов, Осокин 1996 — *Соколов К., Осокин Ю.* Художественная жизнь и социокультурная стратификация общества // Художественная жизнь современного общества. Т. 1. Субкультуры и этносы в художественной жизни. СПб., 1996.

Социология общественных движений 1993 — Социология общественных движений: эмпирические наблюдения и исследования. СПб., 1993.

Субкультуры 1996 — Субкультуры и этносы в художественной жизни / Отв. ред. К.Б. Соколов. СПб., 1996.

Bretschneider 1995 — *Bretschneider R.* Lifestyle-Forschung. Fessel+GFK, Institut für Markforchung. Wien, 1995.

Chaney 1996 — *Chaney D.* Lifestiles. London, 1996.

Cohen 1968 — *Cohen P.* Modern Social Theory. London, 1968.

Davis 1971 — *Davis F.* On Youth Subcultures: The Hippie Variant. New York, 1971.

Gans 1974 — *Gans H.* Popular Culture and High Culture. New York, 1974.

Harris 1996 — *Harris D.A.* Society of Signs. London, 1996.

Johnston, Klandermans 1995 — *Johnston H., Klandermans B.* The Cultural Analysis of Social Movements // Social Movements and Culture / Ed. H.Johnson, B.Klandermans. Minneapolis, 1995. P. 3–24.

Matza, Sykes 1961 — *Matza D., Sykes G.* Juvenile Delinquency and Subterranean Values // American Sociological Review. 1961. Vol. 26. P. 712–719.

Melucci 1989 — *Melucci A.* Nomads of the Present: Social Movements and Individual Needs in Contemporary Society. Philadelphia, 1989.

Murton 1957 — *Murton R.K.* Theory and Social Structure. New York, 1957.

Partridge 1973 — *Partridge W.L.* The Hippie Ghetto. The Natural History of a Subculture. New York, 1973.

Rozzak 1969 — *Rozzak T.* The Making of Counter Culture. New York, 1969.

Social Networks 1992 — Social Networks: The Third Finnish-Hungarian Symposium on Ethnology. Konnevesi, 20–25.8.1989. Vol. II. Ulvia, 1992.

Willis 1978 — *Willis P.E.* Profane Culture. London, 1978.

Yinger 1977 — *Yinger J.M.* Presidential Address: Countercultures and Social Changes // American Sociological Review. 1977. Vol. 42. № 6.

Т.Б.Щепанская
(Санкт-Петербург)

Молодежные сообщества

Обособление молодежной культуры исследователи связывают с маргинализацией молодежи [Тэрнер 1983: 169–199; Parsons 1965; Алмазов 1986] или с возникновением культурного барьера между поколениями отцов и детей [Мид 1988: 346, 357; Fouer 1969] в быстро меняющемся индустриальном и постиндустриальном обществе. На Западе всплеск интереса к молодежной культуре связан прежде всего с «революцией цветов», сексуальной и психоделической революцией 1960-х годов и движением хиппи[1]. Речь идет об осознании молодежи не только как политической силы, но и как специфического потребительского слоя. Российская наука открыла молодежь как особый культурный пласт, субъект культурного творчества (а не только как объект идеологического и воспитательного воздействия) лишь в 1980-е годы. Большинство публикаций вначале носило описательный характер, затем появились словари молодежного сленга, а также исследования символики молодежной культуры и их фольклора[2].

Историю молодежной культуры в нашей стране обычно отсчитывают либо от первых московских хиппи (конец 1960–начало 1970-х годов), либо от послевоенных стиляг. Впрочем, обособление молодежи и определенная специфика ее образа жизни характерны не только для городской, но и для традиционной сельской культуры: можно упомянуть святочные *вечорки, супрядки, имальца, имушки* — собрания молодежи, куда взрослые обычно не допускались.

В настоящей статье современная молодежная субкультура рассматривается на материале крупных городов (Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Петрозаводска, Мурманска) в трех ее временны́х срезах: середина 1970-х; середина 1980–начало 1990-х; конец 1990-х годов. Автор использует собственные, в том числе включенные, наблюдения, а также многочисленные интервью с носителями субкультуры, фольклорные записи, граффити и данные прессы. В первой части нашего описания мы сосредоточимся на социальных (формы общения, межличностных связей и сообществ), во второй — на знаковых (символика, в том числе вещественная атрибутика, арго, фольклор) аспектах молодежной субкультуры.

Структура организации сообществ

Возникая на базе маргинального слоя молодежи (а в кризисном, переходном, обществе в этот слой попадает едва ли не большинство ее), субкультурные образования объединяют людей, которые уже вышли из-под влияния семьи и школы, но не обрели еще постоянный статус во взрослом мире (своей собственной семьи и профессии). Эти люди оказываются вне сферы действия большинства общественных институтов — в зоне аномии (нормативной неопределенности), всегда связанной с промежуточным положением в социальной (репродуктивной, профессиональной) структуре. Идущие в этой среде процессы самоорганизации приводят к образованию субкультурных сообществ со своими нормами, символикой и границами. Обретение молодым человеком статусной определенности в рамках «большого» общества приводит, как правило, к его выходу из субкультурной среды. Женитьба, поступление в вуз, обретение любимой работы (т. е. статусная определенность) часто указываются как причина ухода с тусовки, которая остается основной формой общения именно в маргинальный период жизни.

Молодежная субкультура обнаруживает ярко выраженную способность к самовоспроизводству. Многие ее стереотипы (арготические слова, фольклорные жанры и тексты, нормы и модели поведения, формы общения и пр.) воспроизводятся на протяжении по меньшей мере уже трех десятилетий, хотя за это время сменилось несколько возрастных когорт ее носителей. Это говорит о наличии традиции.

То же зафиксировано и на уровне самосознания — в мифологии. Многие течения — такие как система в целом, отдельные тусовки (например, футбольные фанаты) — возникли в конце 1960–начале 1970-х годов. Культовой датой считается 1968-й (год «цветочной революции» в Западной Европе и Америке). Существуют предания (род этиологического мифа) о том, «как это было вначале», — от романтических повествований о мирном собрании хиппи у памятника А.С.Пушкину в Москве до полуанекдотических *телег* (рассказов о случаях на трассе). Сходятся все в том, что вначале были хиппи, причем не у нас, а на Западе, но что наши появились тогда же и назывались *волосатые*, *хайрастые* (от англ. *hair* — ‘волосы’) или *пипл* (от англ. *people* — ‘народ’, 'люди’). Следующая волна — *панки*, потом *металлисты*, затем *любера* (от подмосковных Люберец, откуда они приезжали бить и волосатых, и панков), позже — *рэпперы* и *рэйверы*, затем *скинхэды*.

Формы общения

Основной тип сообщества в молодежной среде можно определить сленговым (но уже прочно укоренившимся и ставшим общеупотребительным) словом *тусовка*. Обычно под этим понимают: а) сообщество, группу, компанию; б) место общения; в) стиль общения, как раз и определяющий специфику молодежных сообществ: свободный, избегающий регламентации и четких структур; смысл таких встреч и собраний — в самом общении, а не в достижении каких-то иных (материальных, производственных и пр.) целей. Тусовка декларирует свою спонтанность и бесструктурность.

Итак, на синхронном уровне молодежная культура предстает как множество разных тусовок (группировок, течений). Каждая консолидируется вокруг общего символа. Им могут быть музыкальное направление (панки — поклонники стиля панк-рок, металлисты, *металлюги* — «тяжелый металл»; известны также рейверы, рэпперы и пр.) или конкретная музыкальная группа («Алиса» — *алисоманы*, «Beatles» — *битломаны*, «Кино» — *киноманы*); спорт, конкретная команда или спортивный клуб (известны *фанаты* — болельщики «Спартака» (Москва), «Зенита» (Санкт-Петербург) и других спортивных клубов); ролевые игры с использованием этнической (*индеанисты* воспроизводят ритуалы, быт, образ жизни американских индейцев; Общество ирландской мифологии воссоздает древнеирландские ритуалы), исторической (военно-исторические клубы, *поисковики*, воссоздающие либо отыскивающие в местах боев и реставрирующие оружие и снаряжение прошлых десяти- и столетий; они разыгрывают великие битвы прошлого в полной исторической амуниции), религиозно-мистической (например, группы последователей учения Н. и Е. Рерихов), фантастической (*толкинисты*, воспроизводящие фантастический мир произведений Дж.Р.Толкиена) и другой символики; самодеятельная исследовательская (*диггеры* — исследователи подземных коммуникаций в крупных городах; группы, занятые поиском кладов, утерянных древних реликвий; черные следопыты, разыскивающие, реставрирующие и коллекционирующие оружие и атрибутику времен Второй мировой войны; самодеятельные спелеологи и др.) или художественная деятельность (богема, авангардисты, их друзья и поклонники).

Этот общий символ определяет символику и атрибутику, самоназвания группировок и самосознание — само- и мироощущение — их членов. Общий символ маркирует границы сообществ и опосредует отношения внутри них. Поэтому тусовку можно определить как *символическую* общность, ядром и условием консолидации которой служит общий символ.

Можно заметить также, что основой консолидации такого рода группировок служат общие способы проведения досуга: это позволяет определить их как досуговые сообщества. Роль досуга как консолидирующего фактора может быть связана с неопределенностью социального (профессионального и семейного) статуса, а следовательно, и с невозможностью консолидации по этим признакам.

Есть тусовки, объединенные только местом общения, которое само приобретает в этом случае культовый смысл. Здесь встречаются люди разных интересов и совмещаются разные символы. В 1970–1980-х годах наибольшую известность в Санкт-Петербурге, например, получило несколько таких мест. Прежде всего «Сайгон» (намек на американский пацифизм времен вьетнамской войны — мифологический исток хиппизма) — кафетерий от ресторана «Москва» на углу Невского и Владимирского проспектов. Со временем «Сайгон» стал именем нарицательным как символ тусовочной жизни и мифа хиппизма. Другое место тусовок (популярное и по сей день) — Ротонда: так (а еще Центр Мироздания) на сленге зовется *парадная* (округлая в плане, с винтовой чугунной лестницей и куполообразной крышей) в доме на углу Гороховой ул. и набережной Фонтанки в Санкт-Петербурге. По вечерам там играют на флейтах, жгут свечи, пережидают ночь. Стены парадной сплошь покрыты надписями, рисунками, значками и т. п.

следами жизнедеятельности тусовки. Запирали дверь на кодовый замок, производили побелку — надписи появлялись снова (практически того же содержания с незначительными вариациями).

Отметим, что тусовка может существовать и в виртуальном пространстве. Известны, например, сообщества посетителей определенных сайтов, *диванчиков*, чатов компьютерных сетей (Интернет, Фидонет и т. д.). В начале 1990-х центр тусовочной жизни в Санкт-Петербурге переместился в «Сороку». Эта газета частных объявлений предоставляет свои страницы, среди прочего, под послания произвольного содержания (рубрика «Многоголосье»). Началось с поздравлений. Но вскоре большую часть газетной площади заняли послания, по стилю и сленгу аналогичные граффити Ротонды. Они подписаны псевдонимами (*псевдо*), воспроизводящими тусовочные имена-прозвища. Сложилось сообщество *сорокоманов* (*сорочат, сорочинцев*) — поначалу безличное (знали друг друга по кличкам и посланиям — языковому образу), как любая тусовка (где тоже знают не столько друг друга лично, сколько клички и репутации). Постепенно на основе заочного знакомства сформировалась реальная компания (встречались и знакомились в редакции, приходя давать объявления: «узнавали» уже знакомых по посланиям). Тусовка «Сороки» вышла из виртуального пространства в реальное.

Эти пространственные тусовки, сводящие представителей разных течений и групп, играют особую роль в консолидации молодежной субкультуры как целого.

Иерархия. Сами участники тусовки обычно отвергают наличие какой бы то ни было ее структуры, внутренней иерархии, регламентации, норм или целей, выходящих за рамки собственно общения. Тем не менее сторонний наблюдатель регистрирует внутреннюю структуру, однотипную для разных тусовок. Пример — структура любого музыкального фан-клуба: его элита — профессионалы (музыканты, администраторы концертов, организаторы самого фан-клуба); средний слой — фанаты в полном смысле слова (в их среде разговоры о любимой музыке, прослушивание записей, посещение концертов, обмен атрибутикой и т. п. становятся основой общения, образа жизни и идентификации); периферия, т. е. множество поклонников данной группы, посещающих ее концерты время от времени и слабо связанных с основной массой фанатов.

В общем, эта трехслойная структура типична для любой тусовки: всегда есть элита (хранители и отчасти творцы символики, своего рода идеологи, выполняющие роль наставников и групповых лидеров) — *старые*, *олдовые* или *олды* (от англ. *old* — 'старый'), *мастера игры* (у ролевиков), *крутые* и т. п.; средний слой (то, что входит в понятие «нормативная» или «базовая личность») и периферия (*новички* — пионеры, а также случайные посетители, друзья кого-то из завсегдатаев), обычно общая для нескольких разных тусовок. Отметим, что для каждого из этих трех слоев характерна специфическая внутренняя структура: для элиты — сетевая, для периферии — ячеистая (множество отдельных сообществ, весьма слабо консолидированных, на основе безличных связей). Фиксируются еще ядерные структуры (с жесткой централизацией вокруг лидера), связывающие элиту и периферию: большинство членов таких сообществ — неофиты, а лидер, как правило, принадлежит к элите — слою «хранителей» норм и традиций данной тусовки.

Гендерные отношения. В целом структура тусовки — как правило, мужская. Ее костяк образуют связи между мужчинами. Именно к мужчинам в большей мере относятся здешние нормы, в то время как женщины могут их не придерживаться. Им не обязательно столь активно, как мужчинам, использовать атрибутику и сленг для того, чтобы быть здесь принятыми. Женщина, появляясь на тусовке, занимает позицию того мужчины, который ее привел (мужа, друга, брата и т. д.): отношение к ней зависит от его положения в компании, т. е. она занимает его ячейку, а не имеет своей [Щепанская 1991].

В структуре тусовки есть несколько женских ролей, каждая из которых подразумевает определенные гендерные стереотипы. *Жаба, мочалка* — девушка доступная в сексуальном отношении, но не пользующаяся уважением. Таких называют «общие девушки», зовут на вечеринки, рассчитывая на разовые контакты без дальнейших обязательств. *Герла* (от англ. *girl* — 'девушка', 'девочка') принадлежит к среднему слою тусовки, она интегрирована в ее жизнь и пользуется уважением. С нею общаются на равных, она может быть другом и спутницей в пути (*на трассе* у хиппи, *на выезде* у футбольных фанов). Герла — объект серьезных отношений: ухаживаний и брачного поиска (в местной терминологии — *охоты на герлиц*). *Сестренка* — это девушка друга, подружка кого-либо из членов своей компании, ухаживать за ней неприлично (сексуальное табу здесь, вероятно, оберегает целостность группы). *Лялька* — это «своя» девушка, постоянная подружка или сексуальная партнерша, за которую ее спутник чувствует ответственность. *Мама, мать, мэм* — статус старшей женщины (если не по возрасту, то по стажу общения на тусовке). Так зовут женщин, опекающих новичков, групповых лидеров или хозяек *флэтов*, где собираются молодежные компании.

Отметим изменение гендерных отношений по мере продвижения человека по ступенькам субкультурной иерархии. Для новичка женщина-тусовщица — «мать». Многие входят в тусовку через обряд «усыновления», в ходе которого их берет под опеку какая-нибудь местная герла. Их отношения вертикальны и могут быть определены как патронат. В сексуальном отношении «мать» табуирована. Неофиту доступны только «жабы» (своего рода школа сексуального общения). Когда он осваивает обычаи тусовки и интегрируется в ее структуру, то получает доступ к охоте на герлиц — включается в брачный поиск. Для олдового (старого) тусовщика большинство девиц — «ляльки» (настоящие, бывшие или потенциальные): собственно, его олдовость или крутость и определяется в значительной мере успехом среди девичьего молодняка; для них, со своей стороны, общение с авторитетным человеком престижно и желанно. Таким образом, по мере продвижения по статусной лестнице увеличивается доступ к сексуальному общению. Роль мужчины как клиента в гендерных отношениях меняется на роль патрона. Рискнем предположить, что это не последняя цель, определяющая смысл тусовок.

Итак, молодежная культура представляет собою совокупность многочисленных тусовок. Закономерно встает проблема фиксации их взаимоотношений между собой.

Несмотря на калейдоскопическое многообразие молодежных тусовок, нельзя сказать, что они изолированы друг от друга. Напротив, наблюдается неослабевающий напряженный интерес, выражающийся в разных формах межгруппового взаимодействия.

Силовые столкновения — пожалуй, наиболее заметная форма, но не самая характерная. Массовые драки или одиночные нападения происходят, как правило, в ситуации появления на арене новых возрастных когорт молодежи с новой символикой (определяемой обычно соответствующей музыкальной модой). Приведем отрывок из воспоминаний старого хиппи.

> Я в Москве был, хиппи, в 1972 г. Были *урла* и хиппи. Урла — это мальчики-хулиганчики, которые приходили бить нас (хиппи. — *Т.Щ.*) время от времени... Ну, и создавались отряды самообороны. Потом появились панки. Где-то году в 1976–1977-м. Мы враждовали вначале. Они были более агрессивными, чем сейчас... Сейчас панки и пацифисты общаются без всяких трений. Есть панки-пацифисты... [Потом появились] металлисты — на всех они. Было кафе «Гном», битломанов. А потом металлисты (где-то в году 85-м) решили их вытеснить. И начались драки... Отношения между разными течениями были сложные. А любера — они всех помирили[3].

В середине 1990-х годов происходили драки между киноманами (поклонниками рок-группы «Кино», по большинству признаков близких хип-культуре) и рэйверами, большинство из которых в то время были тинейджерами. Конец 90-х ознаменовался расширением группировок скинхэдов и их нападениями на рэйверов как поклонников «негритянской музыки», невыносимой для бритоголовых с их расистскими лозунгами. Впрочем, заметим, что их расизм на практике — лишь средство обоснования обычных в молодежной среде практик (межгрупповых столкновений). В среде футбольных фанатов подобные столкновения приобрели статус устоявшегося обычая и название «фанатских войн»: массовые драки или иные проявления взаимной агрессии стали неотъемлемой частью взаимоотношений между фанатами соперничающих команд. В 1997–1998 гг. много шуму наделали «войны» фанатов питерского «Зенита» и московского «Спартака». Силовые столкновения сопутствуют появлению новых тусовок, которые в такой форме заявляют о себе и обозначают свое место среди уже существующих группировок.

Надгрупповая общность. Затем, как правило, столкновения сходят на нет, уступая место другим формам взаимодействия. Одна из типичных — совместные мероприятия. Летом индеанисты проводят свои *пау-вау* — загородные мероприятия. Где-нибудь в лесу разбивают лагерь — ставят индейские жилища *типи*; на эти мероприятия приезжают не только сами индеанисты, но и их друзья, иной раз совсем отдаленные, и просто любопытствующие. Точно так же люди из разных тусовок — волосатые хипы, индеанисты, последователи Рериха, сорокоманы и др. — приезжают на ролевые игры, устраиваемые толкинистами; те же лица можно увидеть и на ритуалах, проводимых Обществом ирландской мифологии. Фактически все эти сообщества имеют общую периферию, которая и проявляет себя как раз на таких массовых мероприятиях.

Другое проявление этой общности — миграция лидеров. Скажем, Общество ирландской мифологии проводит ежегодный обряд, посвященный Солнцу (род ролевых игр). Руководит обрядом «*мастер* по Толкиену, но он и эти обряды, и другие игры всякие проводит». Иными словами, один и тот же человек играет роль лидера и в сообществе толкинистов, и у последователей древнеирландской культуры. При этом другие члены обоих сообществ могут между собой не общаться, во всяком случае, по своему самосознанию относить себя к разным тусовкам.

Можно указать и третье проявление надгрупповой общности: общее коммуникативное ядро, связывающее между собой разные тусовки. Роль ядра играют, как правило, территориальные (пространственные) тусовки, в том числе и виртуальные. В Ленинграде–Санкт-Петербурге такую роль играл в свое время «Сайгон». Сюда мог прийти любой, так что здесь собирались представители разных течений, знакомились, узнавали друг о друге и о намечающихся мероприятиях. После закрытия «Сайгона» в 1990-х центр общения переместился в «Сороку». Через «Сороку», где встречались люди из разных групп, можно было попасть в любую из них: «Компания из "Сороки", — вспоминает одна из сорокоманок, Вера Х., — собиралась в Пушкине, и обсуждали, как мы поедем в Саблино (Саблинские пещеры — объект паломничества некоторых групп, сформировавшихся в рамках хип-культуры. — *Т.Щ.*)». Так же, через «Сороку», Вера Х. познакомилась с девушкой из Общества ирландской мифологии и побывала с ней на одном из обрядов.

Такие коммуникативные «ядра» («Сайгон», «Сорока», компьютерные чаты и т. п.) выполняют в системе молодежных тусовок две основные функции. Первая — унификация сленга и символических кодов разных тусовок: формируется единый культурный код, позволяющий им общаться друг с другом, делающий возможными взаимные контакты, переходы, слияния. Существование такого кода и позволяет говорить о молодежной субкультуре как целостности. Вторая функция — социализация: приобщение нового пополнения к традициям и нормам молодежной культуры. Именно на общедоступных тусовках, таких как «Сайгон» или «Сорока», неофиты осваивают стиль общения и сленг, учатся ориентироваться в калейдоскопе идейных течений, речевых клише, поведенческих моделей, атрибутов и символов, имеющих хождение в мире молодежной культуры: осваивают ее общий фонд. Через эти центральные тусовки они интегрируются в ту или иную группировку, соответствующую их интересам. Речь идет, таким образом, о сложившихся механизмах трансляции традиции.

Из сказанного можно заключить, что пространственные тусовки, где сходятся представители разных течений и группировок, играют особую роль в консолидации молодежной субкультуры как целого — в синхронной унификации ее культурных кодов (сленга, символики и ее толкований) и в их диахронной трансляции.

Система тусовок, таким образом, организуется в структуру «цветка»: множество разных группировок вокруг общего коммуникативного ядра. Точнее, есть несколько таких «цветков» — надгрупповых общностей, объединяющих разные тусовки.

В общем поле молодежной культуры явственно выделяются две главные ветви, или два направления, которые можно обозначить как «хип-культура» и «пост-панк».

С **хип-культурой** в той или иной мере соотносятся индеанисты, толкинисты и другие ролевики, немногочисленные группы собственно хиппи (волосатых) и еще ряд тусовок. Явственный след хип-культуры просматривается в языке и фольклоре хакеров. В то же время в движении ролевых игр, весьма значимом в пост-хипповской культуре, видно влияние компьютерных игр (и в целом движения *геймеров* — от англ. *game* — 'игра', *gamer* — 'игрок'). Бывших хиппи обнаруживаем среди диггеров и исследователей пещер в Саблино и в Крыму. Все эти тусовки ощущают свою близость к хип-культуре (в разной степени — от полной идентификации до представлений о генетической связи или идейной близости) или, во всяком случае, соотносят себя с нею (противопоставление — тоже форма соотнесения). Именно к хип-культуре восходят практикуемые ими формы общения, модели взаимодействий, ценности и сленг и весь стиль жизни, связанный с ценностями «природы», «естественности», «свободы» и «любви». Хип-культурная общность обладает в определенной степени своим самосознанием и даже самоназванием (*система*), которое прослеживается уже по крайней мере тридцать лет. Существует и общая мифология — предания о происхождении хиппи, системы и ее отдельных течений.

Пост-панк — другое направление молодежной субкультуры, ориентированное в большей степени на *техностиль,* на мотивы города, металла, техники (в противоположность *зеленому* культу хип-культуры), на символику силы, армии, агрессии. К этому направлению могут быть отнесены собственно панки (идентифицирующие себя через панк-рок), а также футбольные фанаты и тесно связанные с ними скинхэды. Известно, что скинхэды, появившиеся в Англии, называли себя «панки без иллюзий». Современные питерские скинхэды называют себя либо панками, либо скинхэдами, либо *сайкерами* (от музыкального течения «сайко-билли»), хотя при этом может преобладать атрибутика другой субкультуры, совмещаться любимая панками идея «анархии» и национализм бритоголовых. Панки и бритоголовые активно общаются с металлистами, посещают футбольные матчи (многие относят себя к числу футбольных фанатов — *ультрас*)[4]. Можно обратить внимание на общую атрибутику: короткие (часто наголо) стрижки, культ черного цвета, армейская символика, стойкий отблеск стиля «гранж» в одежде и речевом поведении. Речь идет, таким образом, о весьма тесно спаянном поле — знаковом и социально-коммуникативном, — которое мы и назвали «пост-панк». Многие скинхэды и футбольные ультрас в своих личных историях указывают на панковское прошлое. В этом же сегменте молодежной культуры располагается и ряд политических молодежных течений, в том числе примыкающих к тем или иным политическим партиям. В качестве примера упомянем *нацболов* (НБП — национал-большевистская партия Э.Лимонова). Председатель Питерского отделения НБП А.Гребнев упоминает, что в прошлом был панком. Панковское прошлое есть и у других членов молодежной организации этой партии, что вполне явственно просматривается в стиле их поведения и внешней атрибутике[5].

Впрочем, несмотря на демонстрации противостояния, на тусовках давно уже «панки и пацифисты общаются безо всяких трений», часто сосуществуют в одной компании, и разница между ними все более сводится к внешней атрибутике; есть даже «панки-пацифисты» (подробнее см.: [Щепанская 1993: 197–198]), да и вообще значительная часть панкующей публики причисляет себя к системе. Так что демонстративное (и в значительной мере игровое) противоборство хип- и панк-направлений есть скорее характерное проявление молодежной культуры, особенность ее внутренней жизни, чем межкультурные напряжения. Вспомним известную песню о том, что «панки любят грязь, а хиппи — цветы, но всех их вместе винтят *менты*».

Нужно провести еще одно разграничение — между «молодежной культурой» и «модой». Культура предполагает не только общность символики, стиля и образа жизни и пр. на синхронном уровне, но и их диахронную передачу: воспроизводство во времени, т. е. наличие традиции. Именно это — наличие механизмов трансляции традиции — отличает культуру от моды (где тоже есть синхронная общность знаков и стиля) или внутригрупповых стереотипов, скажем, привычек и словечек, существующих в конкретной компании (студенческой группе и т. п.), исчезающих с распадом группы.

Знаково-символический мир

Пространство

Основным кодом молодежной культуры можно считать, пожалуй, пространственный. Слово «тусовка», определяя стиль жизни, одновременно обозначает и место встреч. Место в значительной мере определяет и идентичность, становясь символом групповой принадлежности: есть клубы, где собираются рэйверы, битломаны, поклонники рокабилли, есть пивные, облюбованные скинхэдами. По тому, в какой клуб (кафе, пивную, сквер) ходит человек, судят о том, к какому течению он принадлежит.

Дорога

Среди конкретных локусов по своему символическому значению на первое место выходит дорога. Во многих сообществах существует своего рода культ дороги, так что пребывание в пути, путешествие, становится знаком и условием принадлежности.

В хип-культуре такое значение приобретает трасса — путешествие автостопом, ***на собаках*** (т. е. перекладных электричках), иногда пешком или на попутном автобусе (тепловозе, корабле), — но по возможности бесплатно. Для хип-культуры это основная форма времяпрепровождения, смыслообразующая деятельность, определяющая образ жизни, самосознание и мироощущение. Цель пути не имеет значения — важно беспрепятственное преодоление бесконечных пространств, само состояние путника как метафора и способ переживания бесконечной свободы. Опыт трассы в хип-культуре — знак посвященности, принадлежности к невидимому братству: шуточная клятва — «Век трассы не видать!» —

означает что-то вроде «Не быть мне хипом». Потрепанный, не раз бывший в употреблении *трассник* (*стопник*), т. е. «Атлас автомобильных дорог», служит предметом гордости, свидетельствуя об олдовости и крутости своего обладателя. Его и демонстрируют в качестве знака статуса.

То же посвятительное значение дорога имеет во всех тусовках, находящихся в хип-культурном поле. Главное событие в году у индеанистов — проведение праздников пау-вау, для чего целыми семьями отправляются за город. За всем этим — мечта уйти из цивилизации в мир чистой природы, и время от времени предпринимаются попытки ее реализации. Дорога служит основой мифологии и практики ролевиков: их игры базируются на произведениях жанра «фэнтэзи», сюжетную основу которых образует путь, путешествие героев в некую Другую Страну (магический мир, иное измерение, пещеру, космос, лабиринт), изредка перемежаемое битвами. Классический пример — ставшая культовой книга Дж.Р.Толкиена «Хоббит; или Путешествие Бильбо Бэггинса туда и обратно», сюжеты которой разыгрывали первые в России ролевики — толкинисты. То же можно сказать и о большей части компьютерных игр, конституирующих субкультуру геймеров. Путь, как ценность и цель, немаловажен и в мифе хакеров, декларирующих смысл своей деятельности как свободное странствие по электронным сетям.

Мифологема и практика пути значимы не только в хип-культурных, но и в большинстве других молодежных сообществ. *Байкеров* объединяет ночная езда на ревущих мотоциклах, когда, по выражению одного из них, «позади ничего нет, впереди никто не ждет, есть только ты и дорога». Футбольные фанаты придают особое значение *выездам* —посещению матчей любимой команды в других городах. Только поучаствовав в подобных мероприятиях, можно считаться настоящим фанатом. Поездки в другие города вслед за любимыми артистами практикуются и у музыкальных фанатов. С идеей и локусом «дороги» (прохода, перехода, пути) соотносятся многие места тусовок: *стрит* (и *стритовая тусовка* — от англ. *street* — ‘улица’), подземный переход, метро (в Москве функционировала *метровская тусовка* — собирались в одном из вагонов на кольцевой линии метро), *проходняк* (проходные дворы) и другие маркированные в молодежной культуре локусы. Символика дороги — в названиях многих молодежных клубов и дискотек (например, в Питере — «Аэропорт», «Цепеллин», «Трамвай», «Тоннель». Причем в рекламной афишке «Цепеллина» прямо расшифровывается смысл названия: «Русская мечта: Бросить все и улететь!»). «Дорога» (как символ и практика) — важная составляющая групповой и субкультурной идентичности.

Самосознание странников. Если попытаться одним словом определить мироощущение, характерное для самых разных молодежных тусовок, то нельзя подобрать более подходящего, чем *ушельцы*. Фактически любой из своих групповых символов они объясняют как знак *ухода*: хиппи «уходят» от лжи и напряжений технической цивилизации в мир природы, наркоманы — в область грез; у панков грязь и дыры на джинсах, заколотые булавками, обозначают *отказ* от той же цивилизации. Ролевики уходят в мир своих игр, хакеры — в зыбкую реальность электронных путей. Уход из мира взрослых составляет пафос молодежной культуры; иными словами, она определяет себя в пространственных терминах.

Молодежная субкультура также осваивает метафору «пути» как обозначение маргинальности — переходного состояния и самоощущения: «Трасса, — объяснял мне один из ее ветеранов, московский художник, — это когда человека как бы отпускает эта запланированная жизнь. И человек открывается Высшему Началу: вот что придет, то приму» (1988). Дорога — образ непринадлежности, социальной подвешенности, нахождения вне структур и нормативных предписаний: «Я — Вечно Чужой! Всегда ни с кем», — формулирует суть этого состояния некий Сторож в хип-культурном рукописном журнале «Ы» (СПб., 1988). Пространственный переход служит метафорой переходности социальной; путешествие предстает пространственной метафорой социального странствия: смены сообществ, идеологий — отсутствия социальной идентичности.

Вот и снова метель помахивает хвостом над растерявшимся аэропортом... — Что слышно: лететь-то будем? — Да вот говорят, через час на Хали-Будды самолет выруливает... И билеты есть. — Ай, бля, мне-то совсем не туда надо. Впрочем, к черту. Хоть куда-то, но в полет... Вот открыли *порт* христиане, кришнаиты, «Кино», рок — тянутся, тянутся туда уставшие от протирания ж... в Зале Ожидания. Открывает порт Анархия, ДэзС и «Память». И суетится народ, и тыркается на посадке. А кто-то вон и совсем лететь раздумал...

— это Сторож и Фред в том же журнале «Ы» описывают путешествие своих героев. Характерно, что портами служат известные в те годы группировки — религиозные, политико-идеологические, молодежные (например, киноманы — поклонники группы «Кино»). Но всему этому противопоставляется ценность самого пути как отказа от социальной самоидентификации.

А мы сидим за киоском Союзпечати и ждем рейса. Пьем пиво... И почитываем стихи — о том, как нам достало ожидать этого вечно обещанного рейса... Сколько уж сменено портов, в скольких мы сидели и ждали. Пошляемся по незнакомому городу и — бах! Снова в Зал Ожидания, возьмем пива — и ну стихи читать... Давно забыт отчий дом — даже место его нахождения. Как-то я попал в родной город, так пока встреченными знакомыми был не узнан, так бы и не распознал родины-то... И мы все сидим — ждем рейса. Того самого....

С дорогой связано множество представлений, стереотипов поведения, ритуалов. Рассмотрим их на материале хип-культуры, где они наиболее разработаны, последовательно практикуются и лучше всего описаны как в научной литературе и прессе [Щепанская 1992], так и в аутентичных источниках, типа упомянутых выше рукописных журналов и разного рода наставлений для начинающих путешественников [Кротов 1997: 15]. Это даст нам понимание и дорожных практик, бытующих и в других молодежных сообществах, поскольку они в целом воспроизводят тот же стереотип.

Хип-культура направленно генерирует у своих адептов самосознание странников, которое принимает здесь, пожалуй, наиболее выраженные, эксплицитные, формы. Характерно частое повторение мотивов пути в прозвищах: на тусовках 1980-х было несколько *Странников*, три *Сталкера* (сталкер, т. е. проводник, — персонаж повести А. и Б. Стругацких «Пикник на обочине», а также снятого по ее мотивам фильма А.Тарковского; оба произведения стали в рассматри-

ваемой среде культовыми). Среди корреспондентов «Сороки» был *Вечный Тремпист* (от англ. *tramp* — ‘бродить, бродяжничать, странствовать’), *Ночная Прохожая* и множество других подобных.

Странническое самоощущение просматривается во внешней атрибутике: дорожный рюкзачок или холщовая торба через плечо; удобная запыленная обувь или босота; длинные неухоженные волосы и общая потертость — облик хиппи воспроизводит образ странников, которые еще в начале XX в. во множестве бродили по дорогам России [Щепанская 1996].

Мотивы странничества, пути — сквозные в хип-фольклоре и граффити, которыми они маркируют значимые точки пространства. Одна из таких точек — Ротонда. Стены этой питерской парадной сплошь, порою в несколько слоев, покрыты граффити, среди которых, например, такие (1987–1990 гг.):

Люди! Остановите землю. Хочу сойти с нее. Странник.
Мы — бегство, а может быть, вызов, а может быть сразу и бегство и вызов.
Следуй своей дорогой, и пусть люди говорят что угодно.
Дорога в небо — линия жизни.
Счастье — движение, познание.
А стало быть счастлив гребущий на лодке по светлым каналам.

Попутчики: модель межличностных отношений. В терминах «трассы» осознаются межличностные отношения. Базовая коммуникативная модель — это отношения попутчиков — временные, мимолетные, без взаимных обязательств, но порой неожиданно теплые и искренние (как исповеди в вагонном купе), поскольку без страха последствий. Из граффити Ротонды (1988):

На ночном шоссе темно,
Не видать ни лучика.
Чтоб согреться, пью вино
Своего попутчика.

А.Мадисон, старый хиппи, идеолог и бытописатель отечественного хиппизма, так определяет его суть: «Что такое хиппизм?.. Это гипотеза об общности, почти не-реальность, попытка быть текущей рекой — без берегов... Есть такой район в Сан-Франциско — Хейт-Эжбери. Оттуда все пошло. Именно там состоялось памятное “лето любви” 1967 г. И вот некий безымянный хиппи так высказался о его пипле: “Я чувствую, что они — мои люди. Это как на трассе... встречу с хиппи там воспринимаешь как чудо, потому что она — мгновенная связь, мгновенная любовь и готовность помочь...”» [Мадисон 1989]. Трасса — метафора базового для хип-культуры стиля межличностных отношений. Потому и все происходящее на трассе, каждый эпизод путешествия, приобретает символический и даже сакральный смысл. Существуют *законы трассы* — правила поведения и ритуалы, — каждый из которых по существу отражает одну из хип-культурных норм.

1. Первый закон трассы — «Всегда вперед!» — утверждает самоценность пути как образа жизни; цель не важна. Путешествуя автостопом, лучше идти вперед, пусть пешком, чем стоять и ждать машины. Иногда этот принцип вступает в противоречие с практической логикой. «Логичнее было бы, — говорил мне один из

стопщиков, Майкл Какаду, — идти назад, навстречу машинам, или на месте стоять. Бывает, стоят мужики, голосуют. Ты их обгоняешь — и они, может быть, поймают ту машину, которая могла бы взять тебя. Но ты себя считаешь профессионалом трассы, а они любители. Для них это случайность, для тебя это жизнь. И ты им как бы даришь эту машину. Широкий жест делаешь. У них это один раз за день, а ты сколько еще машин застопишь до вечера. Это надо выполнять, чтоб была кайфовая трасса: чтоб хорошо останавливались машины, чтоб не было *стремаков* («стремаки» здесь: тревоги, неприятности, помехи. — *Т.Щ.*)». Здесь сразу несколько хип-культурных норм: кроме приверженности путешествиям, есть традиция пренебрежения выгодой, обычай раздаривать имеющееся, отказ от борьбы и насилия, общефилософская отстраненность. Обратим внимание, что на трассе все эти нормы получают магическое подкрепление («Это надо выполнять, чтоб была кайфовая трасса...») и тем самым — сакральную значимость. Нормы являются на трассе в своей фиксированной, концентрированной, ритуализованной форме.

2. Еще один важный закон трассы — «не спорить об общих проблемах» — отражает пацифистскую норму терпимости, которая обеспечивает идейно-мировоззренческий плюрализм тусовки (что относится опять-таки не только к хип-культуре).

3. Важное качество путника — общительность: все время повторяют пословицу, что «длинный язык — посох странника» [Кротов 1997: 15]. Существуют специальные приемы разговорить встречного, заинтересовать водителя попутного автомобиля — даже жанровая форма *загруза* (т. е. заполнения коммуникативного пространства во время пути) или *телеги* (первоначально — дорожного рассказа, который, как телега, должен «везти» своего рассказчика, обеспечивая ему расположение водителя).

4. Еще одно правило странника — пренебрежение материальной стороной жизни: «не делай запасов», «само придет», — наставляют новичков опытные путники. Идеальный рюкзак — полупустой, в нем только смена белья, трассник и флейта, а лучше его вообще где-нибудь забыть. «Не имейте привязанности к вещам, которые у вас в рюкзаке: если вы почувствуете, что не смогли бы продолжать путешествие без какой-либо вещи, значит, зря вы ее потащили с собой. Если вы утратили вещи либо деньги — возрадуйтесь за того, кто нашел их... Если кончаются деньги и еда — уничтожьте остатки, не оставляя никаких неприкосновенных запасов, и продолжайте путь...» — сказано в одном (достаточно типичном по содержанию) наставлении для начинающих путешественников (автор — опытный практик авто- и иного стопа; см.: [Кротов 1997: 12–13]).

5. В то же время важный навык — умение *жить на аске* (от англ. *ask* — ‘просить’), т. е. попрошайничеством. Таким путем обеспечивают минимальное питание, ночлег, напрашиваются бесплатно в попутные тепловозы и пр. Существует правило «ограничения аска» — чтобы это не превращалось в привычку или промысел, а оставалось лишь средством минимального самообеспечения в пути. Престижным считается путешествовать без денег или с минимальным их количеством, чем всегда бравируют, опять-таки, не только хиппи. Например, у футбольных фанатов существуют «легенды, как некоторые люди ехали в Ростов,

имея при себе три тысячи (т. е. три деноминированных рубля; в описываемое время «три тысячи» — эквивалент половины доллара. — *Т.Щ.*) в кармане. Принципиально не платят». Как у хиппи, так и у фанатов и других путешествующих популярен сюжет о контролере в автобусе или электричке, проявляющем полную беспомощность при виде путешествующей тусовки. В хип-культурной среде популярны *фенечки* (бисерные браслетики) — амулеты «от контролеров».

6. Еще один «закон» — избегание всякого контакта с государственными структурами. Увидев чиновничью машину, особенно с мигалками, нужно сразу броситься в придорожную канаву: пусть проедет. Объясняют это не столько реальной опасностью, сколько плохой приметой. Законы трассы требуют сторониться государственных служащих (в лице милиции и контролеров) и служебных машин (а обычаи большинства тусовок — избегать всяких контактов с официальными структурами).

Каждый эпизод трассы интерпретируется как знак той или иной субкультурной нормы. Элементы окружающей среды, дорожного пейзажа и оборудования также получают второе значение. Характерно перекодирование названий попутных поселений и дорожных знаков: знак, изображающий падающий с обрыва автомобиль, прочитывается как «облом», едущий паровоз — «паровоз» (способ курения среди наркоманов)[6] и т. д.

Весь комплекс трассы формирует привычку, потребность и поэтику бродяжничества, так что даже оседлая жизнь строится по «законам трассы». Именно в пути весь комплекс субкультурных норм приобретает обоснование и смысл. Поэтому путешествие становится поводом осуществить, пережить на практике, сформировать этот образ жизни и тип отношений, играя, таким образом, посвятительную роль.

Трасса как «посвящение». Законы трассы фиксируют и закрепляют ее роль как «школы общения», развернутого посвятительного ритуала. В путешествие автостопом отправляются обычно парами («так легче стопить машину», «безопаснее», «легче поддерживать разговор с водителем»). Причем традиция предопределяет разновозрастный состав пар: опытный едет в паре с новичком. Обоснование — поверье, что «новичкам везет» (лучше останавливаются машины, быстрее находится ночлег, реже попадаются контролеры).

В пути старший наставляет новичка, обучая его законам трассы, а по существу — субкультурным нормам, которые мы выше вкратце изложили. Каждый эпизод подвергается комментариям — наставник кодирует его как символ той или иной нормы.

Освоение норм общения подготавливает интеграцию новичка в жизнь соответствующей тусовки.

Интегративные функции трассы (и других форм путешествий в разных тусовках) находят выражение в ряде конкретных практик.

Трассные знакомства. Совместные путешествия способствуют множеству знакомств, иной раз перерастающих в длительную дружбу (хотя подчас и заочную). Трассные связи, даже совсем мимолетные, вспоминаются потом с особой теплотой, со временем увеличивающейся: «Потом если увидишь своего попутчика, — говорит тот же Майкл Какаду, — уже с ним встречаешься как с дорогим

человеком, радуешься. Обычно куда-то вместе идут. Иногда снова возникает желание поехать куда-нибудь...» (М., 1988).

Трассные феньки. Отправляясь в путь, плетут множество фенек, предназначая их в подарки тем, с кем придется познакомиться. Дарят обычно при расставании — в знак дружбы и на память, осознавая, что фенька означает «между вами связь». Иными словами, отправляясь в путь, заранее рассчитывают на новые знакомства и готовятся к этому.

Трассные репутации. На трассе складываются репутации — она своего рода тест на «кайфовость». Если человек оказался ***кайфовым попутчиком***, т. е. не ныл, не докучал, проявил легкость в общении и другие умения, это облегчает его интеграцию в жизнь тусовки. С ним охотно поедут другие, его будут звать на разные мероприятия. Если же за ним установилась репутация ***некайфового, кайфоломщика***, с ним стараются уже больше не ездить и не общаться. «Мне сказали, — вспоминает уже упоминавшийся Майкл об одной из своих поездок, — поедешь с этой герлой? — Поеду. — И она постоянно ныла. Я с ней после этого не ездил...» (М., 1988). Репутации закрепляются в телегах — рассказах о путешествии, — которые широко распространяются на тусовках. Таким образом, трасса играет роль испытания, своего рода инициации, определяя статус человека в сообществе. Она не только «школа», но одновременно — «экзамен» на знание коммуникативных норм и умение им следовать.

Пройдя трассу, человек переходит из положения новичка в ранг полноправного человека (в хип-культуре — пипла), а в ряде случаев приобретает авторитет, позволяющий *занять* позицию лидера. Так было с Майклом Какаду, который, по его рассказам, «был вначале у битломанов. Потом пришел к хипам... Отношения, — говорит, — у них такие — то, что я искал. Вначале видел только хорошее, плохого не видел... Потом уже снова прихожу к битломанам, от хипов. Ну, уже более информированным: в системе информация хорошо поставлена. Уже почти все новые у битломанов, смотрят — я с самыми старшими у них знаком. Ну и вообще круче: уже трассу прошел. Ну, и я у них пользовался уважением» [Щепанская 1992: 107]. Некоторое время Майкл был кем-то вроде лидера ***битломанской тусовки.*** Вообще опыт путешествий во многих сообществах — неоспоримый знак ***крутости*** (основа авторитета).

В целом трасса, как воплощение и практическая реализация хип-культурного образа жизни служит также и средством приобщения к нему, позволяя пережить и освоить базовую модель отношений.

Природа

«Лагерь на природе» — т. е. во внекультурном, не освоенном цивилизацией пространстве — весьма характерный для молодежной тусовки тип пространственного самоопределения. В хип-фольклоре сохранилась память о летних тусовках в Гауе (Прибалтика) и Крыму, куда толпы волосатых людей съезжались автостопом и на перекладных электричках (на собаках). Гауя была символом настоящей хипповской жизни. В память о ней плели феньки: там были желтые бисеринки — «это желтый песок Гауи»; синие — ее «синее море» и зеленые, соответственно, «сосны, шумящие над желтыми дюнами».

В лесу проводятся ежегодные ритуалы индеанистов — пау-вау, где принимают новых членов, наделяют их именем, происходят и другие церемонии, обеспечивающие обретение и смену статусов членов, разрешаются конфликты, поддерживается структура и т. д. В конце 1980-х группа индеанистов попыталась реализовать мечту о природной жизни, поселившись в деревне Верхняя Кукуя на Алтае. Впрочем, попытки заселения пустующих деревень время от времени осуществляются не только индеанистами, но и представителями других течений молодежной культуры. Как правило, они предлагают реализовать там общинный тип организации и образ жизни (образцом может служить как индейская, так и древнерусская, и средневековоевропейская общины — разумеется, их мифологизированный образ).

На природе происходят летние игры ролевиков (толкинистов и других группировок). Они выезжают за город на несколько дней, разбивают лагерь (существуют особые правила на этот счет — в их основе хип-культурные традиции минимализации потребностей в одежде, пище и сне; общинные кассы; культивирование спонтанной и всеобъемлющей хипповской любви и т. д.). Во время этих игр также осуществляются посвятительные и другие ритуалы.

Подземелье

Еще один излюбленный локус в молодежной культуре — подземелье, ставшее ее самоопределением: андеграунд (англ. *underground*). Мы уже упоминали тусовки в подземных переходах. Там система зарабатывает на жизнь игрой на гитарах, флейтах, этнических (мексиканских, индийских) инструментах и продажей фенек; стены переходов покрыты граффити: эмблемами музыкальных групп и пр., обращениями типа «Ждали, не дождались, ушли туда-то...». Все это — следы тусовок, маркирующие пространство как «свое».

Весьма значимы в хип-культурной традиции пещеры, которые часто становятся объектом паломничества и поводом к путешествию по трассе. Чаще всего упоминаются Саблинские и Крымские пещеры. С ними связан обширный фольклор. Существует своего рода ритуал их посещения.

В Саблинские пещеры (в нескольких часах езды от Петербурга) ездят обычно небольшими группами (2–10 человек): один-два опытных путешественника, уже бывавших в пещере, и несколько новичков, часто это девушки. Все путешествие имеет смысл своего рода «посвящения» — приобщения к мистике подземного мира. Уже в пути (в электричке или на трассе) начинаются рассказы о таинственных свойствах пещер и необъяснимых случаях (подробнее см. в разделе о вербальном фольклоре). Приехав на место, разбивают лагерь, перекусывают, переодеваются. Договариваются, во сколько нужно всем собраться и уезжать обратно. Отправляются в пещеры. Самый старший (опытный тусовщик и путешественник, знаток пещер и связанных с ними обычаев) берет на себя роль проводника.

Показывает вход — точнее, лаз: туда нужно вползти, а потом уже можно выпрямиться во весь рост. В одном из первых залов к стене пещеры прислонен дорожный знак «Внимание!» (символика пути); около этого знака лежит журнал, где посетители оставляют записи: «свои впечатления от пещер», «рисунки, стишки, пожелания» и «описание пути: что где открылось, где засыпало проход» (1996).

Входящие тут же все вместе читают эти записи, самые смешные и интересные места — вслух, все смеются (этот общий смех и прикосновение к опыту предшественников имеют консолидирующее значение: общий смех объединяет группу — по существу, случайных попутчиков; чтение журнала создает ощущение общности с предшественниками — приобщения группы к традиции).

Затем открывается пещера, где сооружена «могила Белого Спелеолога» — фольклорного героя, мифического хранителя пещер: насыпь из песка, над которой к стене пещеры прислонен настоящий могильный крест. У этой могилы обязательно останавливаются и слушают рассказы проводника. Стоят вокруг насыпи, держа свечки. Проводник кладет на нее сигареты по числу вошедших (1988), коробок спичек или соли (1997): «для тех, кто потом придет». На обратном пути можно сесть и выкурить эти сигареты.

Проводник говорит: «Почтим память Белого Спелеолога», а потом «представляет» ему всех пришедших. Здесь опять ритуалы групповой консолидации: акцентируются и символически фиксируются состав группы и ее единство (как внутреннее, так и с гипотетической общностью тех, кто был в пещере, олицетворением которой служит образ Белого). Здесь же выслушиваются рассказы о Белом, фиксирующие нормы поведения в пещере, они же и нормы внутригрупповых взаимоотношений, характерные для системы (о них подробнее см. в разделе о вербальном фольклоре). В результате путешествие в пещеры имеет смысл приобщения не только к «пещерной», но и вообще системной традиции.

Другая модификация подземного пространства — городские подземные коммуникации, освоением которых занимаются диггеры. Это течение весьма тесно связано (генетически, идейно и личностно) с хип-культурной традицией «ухода». Наиболее громко заявило оно о себе в Москве. Для диггеров путешествия по руслам подземных рек и тоннелям подземного города стало основой образа жизни — они составляют карты, изготавливают снаряжение, соблюдают особые ритуалы, в их среде сложился фольклор — легенды о чудовищных животных-мутантах и прочей мистике подземелий.

К диггерам примыкают поисковики — группы, занимающиеся поиском древних подземных ходов, кладов, исторических реликвий (например, широко распространилось движение поиска библиотеки Ивана Грозного, которую уже несколько раз «чуть было не нашли» сразу в нескольких местах Москвы и Подмосковья).

Подземное пространство несет символику «невидимости» и «скрытости» — ухода из поля зрения господствующей культуры в тень.

Пространство виртуальное

Другая модификация той же идеи невидимости и условности — виртуальное пространство. Молодежная культура строит и заселяет воображаемые миры, присутствуя там не столько телесно, сколько ментально и словесно.

В конце 1980-х годов в Петербурге существовал *эфир* — одна из таких виртуальных тусовок. Набрав определенный номер, вы слышали сразу несколько голосов, и можно было с ними переговариваться. В этом эфире висели часами. Знакомились, потом встречались, назначив уже реальное место. У некоторых

общение ограничивалось эфиром. В остальном все было по законам обычной тусовки: безличность (по прозвищам) общения, сленг и пр.

В начале 1990-х эту роль стала играть «Сорока», в газетном пространстве которой присутствуют также бестелесно — в виде словесных масок-образов. Любопытно, что постепенно виртуальное пространство «Сороки» приобретает свою структуру и географию. Множество посланий формируют коллективный образ Сорокограда (иногда название бытует в обратном написании Даргокорос):

Предлагаю на одной из площадей Сорокограда установить памятник Игнатику Яру...

А вот возьму и отстрою в Сорокограде музыкальный магазин. Типа Сайгона. Там будут записи на любой вкус. А рядом, за соседней дверью, будет кафе. Небольшое такое. И выгонять оттуда никто никого не будет.

Есть в Сорокограде башня Хакера (жутко мрачное обиталище). Есть колокольня Звонаря (тоже не лучше), есть еще Фарфоровая Башня (та, что за лавочкой Ювелира), но мало кто слышал, что есть в Сорокограде старая-старая башня, под названием То, Чего Не Может Быть.

(«Сорока», 19.05.1997 и 9.06.1997).

Нетрудно заметить, что пространство «Сороки» — виртуальный мир Сорокограда — пародирует реальный (правда, со средневековым налетом в жанре «фэнтэзи») город, а точнее, пространство тусовки, отмечая значимые для нее локусы — музыкальный магазин, кафе и точки, связанные с отдельными известными людьми тусовки: Звонарь, Ювелир и т. д. — прозвища реальных сорокоманов.

Есть в Сорокограде и место для Хакера, а в молодежной культуре — для сообщества хакеров. В этой своей ипостаси пост-хипповская традиция осваивает виртуальное пространство в наиболее часто употребляемом значении этого слова, т. е. компьютерный мир. Идеология хакеров: борьба за открытое пространство, стремление к безграничным путешествиям по компьютерным сетям, игнорирование или преодоление границ и замков, затрудняющих доступ, принцип бесплатности доступа — вполне совпадает с идеологией трассы. Значительная часть хакеров вышла из «Сороки» и поддерживает с нею связь. Анекдоты о хакерах, циркулирующие в компьютерных сетях, часто скопированы с анекдотов о хиппи.

Пространство изоляции: лечебница

Сленг последовательно отмечает еще один локус — психиатрическую лечебницу: *дурка*, *ду́рник*, *крейза́*, *скворешник* и т. д. С одной стороны, это пространство обретения необычного психического опыта, и здесь оно смыкается с виртуальным. С другой — пространство изоляции, и здесь оно символизирует одну из форм ухода (из мира повседневных истин, норм господствующей культуры).

Итак, пространство молодежной культуры — промежуточное, маргинальное, зыбкое и не вполне реальное — пространство ухода из обыденного мира господствующей культуры. Это переходное пространство дорог (трасса, стрит, метро, переход, проходной двор), а также внекультурное (природа), невидимое (подземелье), а то и вовсе виртуальное. С ним невозможна полная идентифика-

ция, а только временная и условная — как временна и условна самоидентификация маргиналов с той позицией (часто зыбкой, низко-статусной и не признаваемой остальными), которую им отводит общество.

В этом пространстве, которого скорее нет, чем оно есть, развертывается существование (не замечаемое либо отвергаемое общественным мнением) молодежной культуры.

Время

Столь же условно переживается и время — скорее как отсутствие времени (безвременье, вечность — популярные мотивы), его зависимость от субъективной воли и даже состояния (произвольное «уплотнение» и «растягивание»). Из «Сороки»: «Оправдание сорокоманства. Субъективное время ускоряется уже в глобальных масштабах. Большие объемы (имеется в виду — произведений. — *Т.Щ.)* не вписываются в реальность (послание в «Сороку» лимитировано стандартным объемом в несколько строк. — *Т.Щ.)* и литература открывает бездонные карманы ассоциаций и ссылок, оставляя на поверхности несколько строк — выжатую цедру...» («Сорока», 9.06.1997). Письма в «Сороку», жанр общения, интерпретируются как средство «сжатия» и «ускорения» времени.

Реальное же время привязано к сезонам трассы. Маркировано его начало: анархисты трепетно относятся к празднованию 1 Мая (которое связывают с историей анархизма); хип-культурные тусовки празднуют по традиции 1 июня — День защиты детей (символика «детства» популярна в системе как знак «ухода» из мира «взрослой», т. е. господствующей, культуры); в июне отмечают день рождения Линды Маккартни. В конце весны и начале лета проводятся важные ритуалы последователей древнеевропейской (ирландской) магии, куда съезжаются люди из разных городов, разумеется, по трассе. Ритуально отмечено и окончание трассного сезона: осенью широко отмечают день смерти Джона Леннона.

В целом членение времени привязано к сезонам трассы. Оно поддерживается символикой «детства», сумасшествия и паранормальности (мистика времени — эксперименты с его «растягиванием–сжатием») — противостояния «взрослому» и «нормальному» миру господствующей культуры. В текстах акцентируется темное (и наименее освоенное господствующей культурой) время — ночь: именно в это время жизнь тусовки наиболее активна (дискотеки, мистические бдения, рок-концерты, гонки рокеров и байкеров и пр.). Характерна временна́я ориентация молодежной культуры: про- и ретроспективная. Ср.: тяга к исторической символике (средневековая романтика ролевых игр) или конструирование схем будущего (среди культовых произведений — фантастика Стругацких, фильм Тарковского «Сталкер» и др.). Настоящего времени с его «злобой дня» как бы не существует: система уходит из времени господства «взрослого» мифа. И только на трассе открывается «здесь и теперь» — как точка вневременной свободы.

Итак, молодежная культура существует (на символическом уровне) вне конкретных координат пространства и времени, ускользая в промежуточные области, маркированные господствующей культурой как «невидимые» и «несуществующие». Такое самоощущение характерно для маргиналов: пространственно-

временная незакрепленность служит формой переживания неопределенности социальной.

Образ тела и способы его описания

Говоря о телесных аспектах молодежной культуры, мы имеем в виду тело как объект культурной регуляции (регламентация телесных проявлений, таких как внешний облик, болевые воздействия или сексуальность) и тело как регулятор взаимодействий, т. е. как символ — сигнал к актуализации определенных поведенческих программ.

Телесность играет немалую роль в разграничении двух главных направлений молодежной культуры (условно обозначенных нами как хип-культура и постпанк). Разделение проходит прежде всего по линии фемининности/маскулинности. В хип-культуре идентичность выражается через фемининный комплекс: слабость, субтильность (эстетизируются бледность и худоба, так что тело исчезает в складках мешковатых одежд), отказ от любых проявлений агрессии, нежность и ласка приобретают знаковый смысл. Противоположное направление (скинхэды, националистические, право- и левоэкстремистские группировки, часть металлистов и панков), напротив, культивирует маскулинные признаки, демонстрируя мускульную силу. Популярны спортивные занятия, клубы единоборств (карате, самбо, «русского боя», боксерские и пр.), культуризма, иногда полуподпольные, ср. *качалки* — клубы (первоначально — в подвалах подмосковных Люберец), где в середине 1980-х накачивали свои мускулы любера — одно из первых проявлений национально и традиционалистски ориентированного движения в среде молодежи. Не случайно представители всех этих направлений часто, а то и систематически посещают футбольные матчи и нередко принадлежат к той или иной группировке фанатов-ультрас. Культ физической силы проявляется не только в накачивании мышц, но также в болевых и насильственных практиках, в том числе сексуальном насилии.

Можно указать два главных способа маркирования тела: вербальный (фиксация определенных деталей телесного облика в сленге) и идеографический (татуировка, пирсинг, скарификация, росписи по телу). Таким образом культура указывает наиболее значимые для нее аспекты телесности.

Голова и вся сфера психического в молодежном сленге обозначается как крыша и фигурирует главным образом в рамках мифологии безумия (*крышеедства*, *крышесъезда*): постоянно едет или съезжает, что означает пребывание в измененном психическом состоянии.

Во внешнем оформлении головы первостепенное значение имеют **волосы** — *хайр* (от англ. *hair* — 'волосы'), так что именно прическа становится наиболее однозначным групповым признаком. Длинные волосы у мужчин и женщин — признак хип-культуры и всех примыкающих к ней тусовок (индеанистов, толкинистов и др.). В 1980-е годы этот признак был едва ли не группообразующим, во всяком случае, именно он определял самоназвание: последователи хип-культурного образа жизни называли себя чаще не хиппи, а волосатые или хайрастые, а в порядке самоиронии — *хайранутые* (что подразумевало и характерное смещение психики). Волосатый — выражение не только групповой принадлежности, но и

групповой оценки, синоним слова хипповый: *волосатый музон*, *волосатый флэт*, волосатые джинсы — это одновременно и хипповые, и положительно оцениваемые, соответственно, музыка, квартира или штаны. И просто — *волосато* как выражение одобрения (ср. хиппово в том же значении). Идентичность описывается в терминах прически: *охайреть* (т. е. отрастить волосы) означает 'стать хиппи', *обхайраться* (т. е. подстричься) — 'перестать тусоваться'. То же значение придавали их волосам и неприятели: любера ловили хипов на дискотеках и выстригали им волосы; эту операцию проделывали и при задержании хиппи в правоохранительных органах. Длинные волосы в хип-культурной среде — знак статуса: «Чем длиннее хайр, тем круче», — или, во всяком случае, срока пребывания на тусовке. Поэтому расставание с ними весьма травматично: в изобразительном искусстве хиппи весьма популярен мотив «кровоточащих волос» при стрижке.

У классических панков — выбритые виски и гребень-*ирокез* посреди головы, выкрашенный в экзотический (красный, желтый, зеленый) цвет; современные, впрочем, чаще просто бреют виски. Можно упомянуть обычай окрашивать в яркие цвета коротко стриженные волосы на рэйв-дискотеках. Бритая голова — отличительный признак скинхэдов, с чем связано и их самоназвание *skinheads*, т. е 'кожаные головы'. На выбритой коже головы они еще иногда татуируют изображение свастики или черепа. Коротко стриглись и любера. Бреют затылки нацболы (НБП): «Бритый затылок, черный рукав / Это идет молодой волкодав» (из гимна национал-большевистской партии, члены которой идентифицируют себя как «право-левые», но «ультра»). Ультра-правые, впрочем, тоже выбривают головы; члены РОА («Русской освободительной армии») в Питере отращивали впереди еще длинную челку и красили ее в соломенный цвет[7]. Нетрудно заметить, что различительным признаком становится длина волос. Стриженые, а то и бритые волосы связаны с маскулинностью, идеологией и практикой активизма (вплоть до экстремизма); длинные волосы, наоборот, с фемининной «мягкостью и слабостью», идеологией уступок, философской терпимости и плюрализма.

В хип-культуре символика и даже мифология волос разработана наиболее подробно. Волосы, которые растут естественно, «без ножниц», в этой мифологии — символ свободы («стригли только рабов»), природы, естественности, важнейших хип-культурных ценностей. Впрочем, и бритые головы в культуре постпанка объясняются как «отказ», свобода от господствующих ценностей, а у экстремистов — как знак борьбы с существующим порядком вещей. В хип-культуре существуют поверья о волосах как «энергетическом куполе, по которому враждебная энергия стекает в землю», таким образом защищающем своего обладателя от разнообразных бед. На практике прическа обеспечивает интеграцию, опосредуя общение: как опознавательный знак облегчают *вписку* (т. е. нахождение ночлега) в чужом городе, а на трассе — стоп: водители не боятся подсаживать хиппи, зная их как интересных собеседников и убежденных пацифистов.

Маркировано **лицо** — *фэйс* (от англ. *face* — 'лицо'). Впрочем, в пост-панковской среде оно фигурирует лишь в составе глагола *отфэйсовать* и соответствующих насильственных практик, а у хиппи — едва просматривается в дебрях волос: «Казалось, весь я состою из волос — рваных лохмотьев, обвисающих на реях, падающих на глаза, и среди этого волосяного клубка лицо — лишь крохотная точка

я над отплевывающимися губами... Средний» («Сорока», 19.05.1997). Временами приходит мода на такие способы маркирования лица, как татуировка (на щеках и губах) или пирсинг (в нос, губы, веки продевают металлические украшения).

Некоторое опознавательное значение имеет также выражение лица — взгляд и улыбка. Сленг фиксирует внимание на глазах: *айсы*, *айзы* (от англ. *eyes* — 'глаза'), которые в определенных ситуациях служат средством идентификации «своих». Волосатые, путешествуя стопом, ищут ночлег у местных волосатых. Я уточняю, как они узнают друг друга: «Вначале в глаза смотрю, — отвечает мой собеседник, — а потом уже на все эти феньки... Узнаем — по улыбке...» (СПб., 1987). По глазам и «определенному взгляду» опознают друг друга питерские лесбиянки в ночных клубах. Взгляд, выражение глаз становятся объектом культурной регуляции. Хип-культурный стереотип фиксирован, например, в граффити Ротонды: «Есть глаза у него — в них волшебная сказка...»; «И стареющий юноша в поисках кайфа лелеет в глазах своих вечный вопрос»; «Взгляд, уводящий в свою реальность» и т. д. (Ротонда, 1987–1988). В сообществах «стриженых» (от панков до скинхэдов) популярны устрашающие гримасы с демонстрацией зубов и угрожающего выражения лица.

В целом лицо воспринимается как знак — маска: «И мы смеемся всем назло, и не снимаем масок с лиц...» (Ротонда, 1987).

Остальных частей тела (кроме головы) сленг касается редко, выделяя еще только руки и гениталии.

Руки обозначаются в сленге англицизмом *хэнды* (от англ. *hand* — 'рука'). Хип-культура особено выделяет вены — ***веняки***, помещая их в контекст а) суицида — ***веняки покоцать, попилить*** (т. е. вскрыть себе вены), б) наркомании — ***покоцанные*** (т. е. поврежденные) вены еще и знак приверженности к наркотикам, в) ритуала «братания». Последний состоит в том, что двое надрезают себе вены на предплечье и прикладывают надрезы друг к другу, как бы обмениваясь кровью (вариант: кровь капают в стакан с водой и выпивают пополам). Я видела хиппи, у которого было 11 шрамов от таких надрезов, что означало высокую степень интеграции его в хип-культурную общность: у него много «братьев». В этом случае *покоцанные вены* — знак межличностной связи и групповой принадлежности. Культурно значимы некоторые жесты. Приветствия: у хиппи — два пальца (указательный и средний), поднятые и расставленные в виде латинской «V» («Виктория» — победа Революции цветов); у поклонников «тяжелого металлического рока» — энергично выброшенная вперед/вверх рука, пальцы в кулак, указательный и мизинец выставлены вперед (жест связывается с символикой инфернального и носит название «бык» или насмешливо — «коза»). Панкующая публика дразнит зрителей, показывая кулак с выпрямленным средним пальцем (что воспринимается как непристойность). Эти жесты служат приветствием и опознавательным знаком в среде «своих», средством эпатажа «чужих», а на рок-концертах — выражением поддержки исполнителю знаковой (культовой) музыки.

Телесный низ. Экскременты. Символика телесного низа особенно акцентирована у панков. Мотивы экскрементов постоянно повторяются в панковских приветствиях, обращениях, анекдотах, песнях и прочих текстах. В местах тусовок панков — граффити, сделанные «дерьмом» (с соответствующим содержанием);

на их квартирах (флэтах) разбросанные экскременты не вызывают удивления. Тем же составом бывает демонстративно испачкана их одежда («Отвалите от меня!»). Экскременты и — шире — «грязь» (символика мусора, свалки, отходов и отбросов) становятся у панков символическими средствами социальной самоидентификации, осознания себя «отбросами общества». Символика экскрементов связана с их основным лозунгом — *отказа* от норм и требований, в том числе санитарно-гигиенических, культуры взрослых. По замечанию московского исследователя М.Розина, у панков «везде "дерьмо" сопряжено с образом смерти», т. е. опять-таки ухода от непроходимой мерзости жизни: «Лопнули под колесами набитые калом и мозгом мешки»; «А рядом, плитой раздавлен, / В луже мочи — хозяин» и т. п. [Розин 1992: 20].

Гениталии относятся, пожалуй, к наиболее маркированным участкам тела. Маркируются они как сленгом, так и посредством татуировки, пирсинга (продевание украшений сквозь кожу), росписи тела и скарификации (украшение тела надрезами-шрамами), которые локализованы, как правило, именно в области гениталий, а также в эрогенных зонах (пупок, соски, губы, уши). Предполагается, что это повышает остроту сексуальных ощущений обладателя подобных украшений и эротических впечатлений у его партнера. В хип-культурных сообществах генитальная символика соотносится с мотивами «любви» (наслаждения, ухода в мир грез и пр.), пост-панк делает акцент на ее инвективном использовании. Сленговые слова, обозначающие мужской половой член (*прик*, *болт* и пр.), а также ягодицы — *бэк*, *бэксайд* (от англ. *back* — 'зад') или *антифэйс*, — звучат, как правило, именно в этом контексте. Панки, издеваясь над чужаками, показывают средний палец торчком; скинхэды иногда украшают свой выбритый затылок неприличной татуировкой. Так или иначе, можно отметить маркированность и символизм гениталий в молодежной культуре.

Далее мы переходим к особенностям культурной регуляции сексуальности, т. е. от темы телесного облика к области телесных практик, состояний и отправлений.

Знаково-символическое поведение

Сексуальные практики

Для большинства группировок и направлений молодежной культуры характерны такие особенности сексуальности, как **акреативность**: сексуальное поведение не преследует цели воспроизводства, для него характерна скорее **рекреативная ориентация** (цель — удовольствие, отдых, развлечение), а во многих сообществах, например у хиппи, сексуальность становится еще и значимым **коммуникативным средством,** медиатором, символом и внутренним механизмом межличностных связей. Поэтому постоянные разговоры о «любви» и «свободной любви», а также сексуальные демонстрации (вроде хипповского «лета любви» или знаменитой «демонстрации в постели», устроенной Джоном Ленноном и Йоко Оно), часто имеют характер призывов к объединению, дружбе, коммуналистскому братству, т. е. символов межличностных связей как таковых (**уход от общепринятых норм**, пренебрежение табу, исходящими от господствующей культуры). Но

главная, пожалуй, особенность сексуальной стороны молодежной культуры — это ее **поисковая направленность**. Отмечается разнообразие сексуальных практик. Аскетизм, девственность, романтическая любовь получают в этой среде культурную санкцию так же, как и групповой секс, смена партнеров или гомосексуализм (мужской и женский). Все эти формы находят отражение в текстах молодежной культуры, а многие и в ее сленге: *трахать, ~ся; фачиться, фак; голубые, розовые; групповуха, групповичок; фри-лавочка* (от англ. *free love*, т. е. 'свободная любовь' — компания или вечеринка с допустимостью группового секса и т. д.).

Многообразие форм сексуального поведения как раз и связано с его поисковым характером. Один из главных смыслов молодежной культуры — **гендерное самоопределение**: освоение сцепленных с полом ролей, обретение гендерной идентичности. Неопределенность последней — одна из характерных особенностей молодежной культуры (и молодости как возрастной категории вообще). Ее наглядное выражение — стиль «унисекс» в молодежной моде; сюда же относится символическая «бесполость» внешнего облика хиппи (классическое изображение хиппи — парочка в одинаковых мешковатых одеждах, джинсах, с одинаково лохматыми волосами). Так и у панков или байкеров девушку на мотоцикле в кожаных доспехах невозможно отличить от юноши, пока не снимет шлем. Впрочем, наблюдается и другая разновидность поиска гендерной идентичности (мужской частью тусовки): демонстративное подчеркивание маскулинности, гиперболически противопоставляемой «женским» чертам. Речь идет, например, о металлистах или скинхэдах (расширенные плечи, короткие стрижки, тяжелые ботинки), хотя в их тусовках всегда находятся девушки, воспроизводящие тот же самый мужественный облик.

В хип-культуре «любовь», в том числе «свободная любовь» как ее гиперболизация, служит универсальным символом межличностных связей. Именно в этом смысле существует культ любви, которой посвящается значительная часть хип-культурного творчества, а также лозунгов, символов и граффити.

Агрессивность и пацифизм

В ряду телесных практик насилие (сленг фиксирует понятия *отфэйсовать, отпацифиздеть, загасить, гасилово, махаловка*) — одна из самых значимых, среди прочего, и как различительный признак. В частности, разделение хип-культурного и пост-панковского сегментов молодежной культуры проходит не в последнюю очередь по их отношению к насилию и агрессии. Отношение это варьирует от демонстративной агрессивности (скинхэды, футбольные фанаты или люберa конца 1980-х), символизации и романтизации насилия (сатанисты, панки, металлисты, «военно-исторические клубы» и «черные следопыты») до последовательного пацифизма (хиппи).

В ряде группировок насилие (практика и символика) играет роль средства поддержания и символа группового единства. Репутацию едва ли не самых агрессивных в спектре современных молодежных движений завоевали скинхэды, провозгласившие основой своей идеологии насилие в отношении расово или этнически иных (чернокожих, выходцев с Кавказа). На практике это чаще всего выливается в стычки с рэпперами, потому что те «слушают африканскую музыку»,

или словесную агрессию, например, формулы приветствий/прощаний типа «Мы еще *завалим* не одну обезьяну!». Чтобы играть знаковую роль, насилие не обязательно должно реализоваться на практике; его достаточно бывает обозначить (агрессивными манерами и военизированной атрибутикой). Ту же роль играют и рассказы о будто бы имевших место столкновениях с ***ментами***, ***быками***, арабскими студентами в общежитии — т. е. вербальное дублирование, а затем и замещение насильственных практик. Показательно, что тема насилия возникает при **первой** встрече, в ситуации знакомства, позволяя идентифицировать «своего». Подобного рода речевые практики (рассказы о значимых в своей среде действиях, в частности насильственных) характерны и для других экстремистских сообществ — как правой, так и левой ориентации. Петербургские национал-*синдикалисты* (образовавшаяся в 1991 г. организация, характеризуемая Дмитрием Жвания как «крайне почвенническая»), например, приписывают себе налеты на сектантов и сожжение их «душевредной» литературы, а также «насильственные кастрации гомосексуалистов и стерилизацию проституток». Впрочем, пишуший о них Жвания, не понаслышке знакомый с представителями этого движения, замечает: «Лично мне кажется, что все эти подвиги Андрей Бобров (их лидер, аспирант Университета экономики и финансов. — *Т.Щ.)* совершил лишь в своем национально воспаленном воображении» [Жвания 1998: 3]. Если насильственные практики имеют знаковый смысл (служат знаками принадлежности к определенному сообществу или даже шире — культурному пласту), то не суть важно, имели они место в действительности или существуют лишь в виде вербального образа (мифа). В том и другом случае они способны сыграть свою роль в самоидентификации с сообществом — как символы принадлежности (причастности к значимым для него формам активности). Проявления той же тенденции — кровожадные лозунги, которыми НБП расписывает бетонные заборы заводов и брандмауэры: «Ешь богатых!», «Нет денег — убей банкира!» и т. п.[8]

Практики насилия характерны для вновь образовавшихся молодежных сообществ — как способ наиболее недвусмысленно заявить о себе и утвердиться среди других группировок. Со временем насилие из практической формы, как правило, переходит в символическую: ритуальную, игровую, вербальную, изобразительную, вещественную.

Упомянем самодельное оружие и боевое снаряжение участников «военно-исторических клубов» и ролевых игр, а также оружейные коллекции «черных следопытов», заботливо восстанавливающие винтовки, пистолеты, штыки, кинжалы, элементы боевой экипировки, которые находят в местах боев Второй мировой войны. Символика насилия просматривается в одежде и атрибутике *металлистов* (железные заклепки и шипы на рукавах и перчатках), рокеров, байкеров, скинхэдов (военизированный стиль — тяжелые солдатские ботинки или сапоги, кожаная или камуфляжная одежда, внешняя атрибутика различных — российской, американской, немецкой — армий). В оформлении одежды, в граффити и татуировках у рокеров, панков, металлистов, скинхэдов и других группировок, условно обозначенных здесь как постпанковские, часты изображения оружия (пистолетов, пушек, ножей, у национал-большевиков — гранаты-«лимонки»), зубастых и когтистых животных и других атрибутов или знаков насилия.

Фашистские или сатанистские знаки также могут рассматриваться как форма символической замены насильственных практик.

Совершенно противоположно отношение к насилию в хип-культуре и сообществах, находящихся в поле ее идеологического влияния (постхипповские). Хип-культура последовательно табуирует насилие и агрессию в любых проявлениях, провозглашая пацифизм (как идеологию и практику ненасилия) важнейшим элементом своей идентичности. Его знаками маркируется пространство — на стенах (в местах тусовок, на трассе) рисуют значки, *пацифики*, и пишут: «Love not War» («Любовь, а не Война»). С этого лозунга начиналось движение хиппи в Америке, где стало реакцией (среди прочего) на войну во Вьетнаме (ср.: кафетерий, бывший много лет прибежищем хиппующей публики в Ленинграде/Санкт-Петербурге, носил в этой среде название «Сайгон», указывая на те же корни. В конце 1990-х это название было официально закреплено за магазином музыкальной и видеопродукции, расположившимся в том же помещении).

Пацифистский пафос хип-культуры находит свое практическое выражение в уходе от навязываемых обществом форм насилия, прежде всего — от обязательной воинской повинности. Хип-культура выработала множество приспособлений — обычаев и материальных условий, позволявших *закосить армию* (избежать призыва и долгое время от него уклоняться). Можно упомянуть, например, анонимность тусовки (все знают друг друга только по прозвищам, иногда годами), демонстративное сожжение документов и т. п. Сильно затрудняет розыск призывников и практика романтического бродяжничества; бродячий образ жизни облегчается хип-культурными обычаями попрошайничества, а также бесплатного ночлега друг у друга и на специальных хипповских квартирах: их адреса всегда можно узнать на тусовке в любом городе; их заранее узнают у знакомых перед выходом на трассу. Нередки случаи уклонения от призыва в течение нескольких лет. Другие способы уклонения, тоже популярные в хип-культуре, — *косить под шизу:* два-три месяца лежат в *крэйзе* (психиатрической лечебнице), имитируя психическую болезнь, чаще всего шизофрению. Демонстративная наркомания (особенно на вербальном уровне — разговоры на эту тему, использование словечек наркоманского сленга) — еще одно средство закосить армию. Во всяком случае, нельзя недооценивать роли обязательной воинской повинности как стимула такого рода практик в молодежной среде. В последние годы, с отменой уголовной ответственности за гомосексуализм, популярным стало *косить под голубого* (с тою же пацифистской целью).

Люди, попавшие в зону насилия, например те, кто все-таки оказался в армии, воспринимаются как «чужие», «иные», «непонятные», что вызывает отторжение: «Только что мне звонил мой друг, который сейчас в армии. Очень сложно было с ним разговаривать. Он стал совсем другим. Что происходит с людьми после армии? Они все так меняются или есть те, которые остаются как прежде?». Ненасилие приобретает характер основной ценности, становясь обязательной нормой повседневности межличностных отношений. Отклонения от нее вызывают тягостные переживания, внутренние конфликты и могут привести к распаду межличностных связей. Из посланий в «Сороку»:

Тут одна скандальная особа... давеча слюной брызнула: мол, настоящий мужчина не должен отмалчиваться, когда две... таких, как она, устраивают из-за него грызню; и вот я вот подумал: негоже мне расходиться во мнениях с олдовыми сорокоманами. А согласиться — не могу, по-моему, все наоборот. Так что — ловите момент — если пять компетентных людей мне это подтвердят — свалю из «Сороки». Насовсем. P.S.: Или заткните рот White Snake. Нарцисс.

Если сообщество примет допустимость насильственных практик, индивид отказывается к нему принадлежать. Характерно и прямое требование одернуть отклоняющихся (даже на вербальном уровне).

Несмотря на так явно провозглашаемый отказ от насилия, хип-культура все-таки порождает его трансформированные (вербальные, игровые, виртуальные) формы, тем самым фиксируя его как значимый (культурообразующий, пусть и «от противного») концепт. В качестве примера можно привести ролевые игры, весьма популярные в этой среде. Сюжетная основа ролевых игр — «путь» и «битвы». Съезжаются в условленное место где-нибудь в лесу и разыгрывают сражение («взятие крепости», *«битву эльфов с гоблинами»* и т. п.), сюжет которого заранее разработан *мастерами игры*. Участники также заранее изготавливают снаряжение — воинскую атрибутику (мечи, арбалеты, копья и т. д.). Для каждого вида оружия правилами игры определена его убойная сила. Мастер игры его оценивает и сообщает число имеющихся у игрока *хитов* (единиц «жизненной силы», от чего зависит время его участия в игре, способность противостоять ударам врага), т. е. по существу его статус (игровые возможности). Таким образом, оружие становится для участников ролевых игр знаком их статуса. Битвы (от легендарных рыцарских и реальных исторических сражений до «звездных войн») лежат в основе значительной части компьютерных игр — а именно игры служат источником символики и своеобразного языка компьютерной субкультуры.

Итак, отношение к насилию — один из главных различительных признаков определяющих границы между разными сегментами молодежной культуры, прежде всего между сообществами хип-культуры и направлением пост-панк. Стратегия хип-культуры — *уход из зоны насилия*, в то время как другие сообщества (такие, как скинхэды или фанаты-ультрас) идентифицируются с насилием, демонстративным и неуправляемым, выбирая **уход из-под общественного контроля насилия**.

Тема смерти

Весьма значима в молодежной культуре тема смерти как окончательного ухода от управляющих воздействий со стороны общества. У хиппи смерть осознается как уход от тягот материального мира в манящий мир духа; у панков — это агония и разложение, продолжение мерзостей повседневной жизни. В определенном смысле можно говорить о культе смерти как одной из характеристик молодежной субкультуры.

Смерть она на самом деле молодая и прекрасная неземной красотой. И люди умирают потому, что у них нет сил с ней расстаться. ЗЛО вечно, потому что оно не ценит ПРЕКРАСНОГО («Сорока», 9.06.1997).

Череп и кости, другие символы смерти характерны для атрибутики панков, рокеров, металлистов, сатанистов. В ролевых играх необходимый элемент — *мертвятник*: место, где собираются «убитые» (исчерпавшие в игре весь запас «жизненной силы»). Временная «смерть» — элемент ритуального посвящения у индеанистов и некоторых групп мистической ориентации. В среде хакеров циркулируют поверья о компьютерных вирусах-убийцах и мистические рассказы о смерти оператора за компьютером. Мотивы смерти пронизывают рок-культуру (от текстов песен до раскраски маек на дискотеках). Культ смерти — составляющая культа рок-звезд: умершие в молодости (погибший в автокатастрофе В.Цой, выбросившийся из окна А.Башлачев, те, кто умер от передозировки наркотиков и других причин) мифологизируются; их могилы становятся объектами паломничества. У могилы В.Цоя в Санкт-Петербурге его поклонники и поклонницы много лет разбивали палатки и жили, оставляя свои граффити на соседних могилах, оградах и стенах. Смерть — необходимое завершение культового образа.

Еще одно проявление особого отношения к смерти — создание настенных панно, одеял, лоскутных скатертей со списком ушедших друзей.

В то же время устойчива и традиция регламентации смерти: одни демонстрируют готовность к самоубийству, другие их отговаривают, «отпаивают» и отогревают отчаявшихся на флэтах. В Ротонде зафиксировано несколько диалогов с потенциальными самоубийцами.

Безумие

Безумие и его знаки культивируются так же, как разновидность «ухода» от регламентирующих воздействий со стороны социума: безумный — значит, неуправляемый, свободный. Культ безумия фиксируется не только в сленге (фразеологизмах), но и в текстах постхипповской культуры.

> Крыши в холодные страны улетели... («Сорока», 19.05.1997).
>
> Ум — это ограниченность. Безумие — это свобода и власть над рассудком, безграничность, отсутствие сдерживающих факторов (Там же).

Глюки (галлюцинации), иллюзии, сон часто фигурируют в хип-фольклоре (анекдотах, приколах и пр.). Существует специальный жанр крышеедства (зауми), призванный вывести разум из привычного состояния. Его пример:

> У меня не плоскостопие пальцев рук, а дифферамбически-склеротический настрой ума (Сорока, 19.05.1997).

Безумие (а точнее, игра в безумие) — знак неуправляемости, отказ или уход от восприятия сигналов (программ поведения, команд), исходящих от общества с его «нормальной» логикой. Символическое безумие — одна из форм обозначения границ молодежной культуры, ее противостояния культуре господствующей.

Итак, молодежная культура маркирует, а значит, регламентирует ряд аспектов телесности: сексуальность, насилие, смерть (главным образом, суицид), а также ментальные практики. В целом смысл этой регламентации — уход от форм телесной жизни, диктуемых обществом: труда, службы в армии (как санкциони-

рованной обществом формы насилия), сексуальных табу. Символика «безумия» и «смерти» — знаки и средства ухода: тело обозначается как «несуществующее» (смерть) и неуправляемое, не воспринимающее сигналы извне (безумие) — т. е. недоступное для социальных воздействий.

Одежда и символические атрибуты

Молодежная культура маркирует как особенно значимые такие компоненты одежды, как **обувь, головные уборы, сумки,** которые чаще всего выступают в качестве групповых символов и опознавательных знаков. Определенная степень маркированности наблюдается в отношении поясной (джинсы) и плечевой (куртки, футболки) одежды, а также всего ее комплекса в целом, который носит название *прикид.*

Прикид. Когда говорят «прикид», имеют в виду знаковую одежду, по которой можно определить групповую принадлежность ее обладателя, — т. е. речь идет о символике целостного комплекса одежды и атрибутов. *Прикинутый* означает: одетый как хиппи (футбольный фанат, индеец, эльф). В рамках молодежной культуры наиболее устойчивы следующие комплексы.

Комплекс «странника», характерный в первую очередь для хип-культуры: одежда максимально удобная, естественная, несколько потертая и (желательно) пропахшая дымом костра и бензиновым духом попутных машин. Особое внимание уделяется удобству обуви (чаще всего это кроссовки, старые, стоптанные по ноге), хотя иногда демонстративно ходят босиком (впрочем, не в дальние путешествия). Характерны страннические сумки — холщовые торбы через плечо или рюкзачки, а также особая нагрудная сумочка — *ксивник* — для денег и документов (объясняется как специально дорожный атрибут). С образом «странника» связаны и такие черты молодежной одежды, как тяготение к черному цвету (ср.: русские странники в XIX в. часто носили черную монашескую одежду, даже не будучи в действительности монахами); самодельности; «естественности» и «близости к природе» (природные, минимально обработанные, материалы — кожа, хлопок, шерсть; украшения из дерева, кожи, необработанного камня, керамики; цвета земли и дерева и т. д.).

Затем нужно отметить комплекс или отдельные атрибуты «воина»: армейские камуфляжные штаны, кожаные летные куртки, тяжелые ботинки, металлические шипы, пряжки, браслеты, а также элементы вооружения (бутафорского или реального) — от средневекового рыцарского (толкинисты), индейского (индеанисты), российского, французского, немецкого и пр. (военно-исторические клубы и «*черные следопыты*»). Впрочем, идеи войны и дороги (война — «поход») всегда были тесно связаны, военная одежда — максимально приспособлена к неудобствам дорожной жизни.

Головные уборы. Хип-культура маркирует отсутствие головного убора — в волосах должен «свободно гулять ветер». Впрочем, для удобства, особенно в путешествиях, странствиях по пещерам и подземным коммуникациям, используется налобная повязка *(хайратник)*, чтобы волосы не лезли в глаза.

Рэйверы носят на голове платки-*банданы*, чаще всего черные, с изображением желтого «*пропеллера*».

Футбольные фанаты придают культовое значение шапкам (обычным вязаным или в форме шутовского колпака) с символикой любимой команды: у «спартаковцев» — красно-белой, у «зенитовцев» — сине-бело-голубой и т. д. В таких головных уборах появляются только на трибунах стадиона во время матча или когда идут туда/оттуда компанией, а также во время драк. Головные уборы служат опознавательными знаками во время ролевых игр, выдавая игровой статус владельца («эльф», «гоблин», «рыцарь» и т. д. у толкинистов). Ту же роль они играют у индеанистов (роскошные уборы из перьев и бисера надевают только во время ритуальных собраний) или участников «военно-исторических клубов» (во время инсценируемых ими исторических сражений). Примечательно, что символика головных уборов проявляется чаще всего в игровом/ритуальном — внутригрупповом — контексте, указывая ситуативные (игровые и т. д.) роли.

Обувь. Для молодежной культуры в целом характерно предпочтение обуви военного образца — грубой, прочной и удобной. Бритоголовые (скины, скинхэды) носят армейские сапоги с обрезанными голенищами или тяжелые ботинки с белыми или красными шнурками (ср. армейский обычай: *дембеля* подрезают голенища своих сапог и украшают их шнуровкой). Тяжелые ботинки-*хайкинги* носят молодые питерские нацболы.

Большое внимание изготовлению самодельной обуви уделяют участники игровых и этно-исторических (также в значительной мере игровых) объединений. Индеанисты, например, шьют себе кожаные сапоги и туфли — *мокасы* — по образцу обуви американских индейцев.

Поясная одежда. Джинсы — едва ли не наиболее знаковый, культовый элемент, связанный с историей и мифологией возникновения молодежной культуры. Это потертые, заплатанные и расписанные дружескими приветами джинсы хиппи, грязные, рваные и заколотые булавками — панков, черные — анархистов, нацболов и многих других, высоко закатанные или обрезанные — скинхэдов. У последних, как и других военизированных группировок, популярны также камуфляжные штаны.

Плечевая одежда. Плечевая одежда (футболки, куртки, жилеты и пр.) не столько обладает собственной знаковостью, сколько маркируется. Хиппи украшают ее вышитыми или просто написанными шариковой ручкой лозунгами типа «Love not War» и многочисленными значками, подаренными друзьями, указывающими их музыкальные пристрастия, посещенные ими города. Металлисты густо уснащают одежду железными шипами, заклепками, цепями и цепочками, символизирующими их музыкальные пристрастия (тяжелый металлический рок). Другие музыкальные фанаты (киноманы, алисоманы, например) носят футболки с изображением любимых исполнителей. Футболки с изображениями любимых групп («Король и шут», «Ministry» и т. п.) носят и скинхэды; но их отличительным знаком служат куртки типа «пилот» («куртка американских военных летчиков») или «бомбер», к которым они относятся с большой любовью. Ходят легенды о том, как наш отечественный скинхэд обнаружил в кармане купленной в «сэконд-хэнде» куртки записку — привет от финских (немецких и т. д.) скинхэдов русским единомышленникам. Скинхэдовский прикид включает также другие элементы военной одежды, например, армейские свитера и френчи.

Сумки. Знаковую роль играют страннические сумки и рюкзачки хиппи, особенно если они самодельные, заплатанные и украшены значками, т. е. свидетельствуют о богатом дорожном опыте и многочисленных дружеских связях своего обладателя. Но первостепенное значение имеет ксивник, имеющий вид мешочка, сшитого из кожи, джинсовой или иной плотной ткани. Висящий на груди, вышитый, украшенный аппликациями, рисунками, значками и разного рода подвесками, ксивник — один из главных хип-культурных символов. Иногда это единственный опознавательный знак, но его бывает достаточно, чтобы найти в чужом городе хиппи и устроиться на ночлег.

Аксессуары. Не менее значимы аксессуары, носимые на запястьях. Футбольные фанаты носят на запястьях полученные во время «фанатских войн» трофеи — полоски ткани, оторванные от шарфов и головных уборов своих противников (фанатов соперничающих команд). Хиппи, а также индеанисты, толкинисты и прочие ролевики носят на запястьях феньки, как правило представляющие собой самодельные браслетики, плетенные из бисера, кожи, шерстяных ниток (впрочем, это может быть и любой значок, подвеска, ожерелье). Феньки несут богатую символическую нагрузку, связанную не только с групповой принадлежностью или идейными пристрастиями своего обладателя, но и с его внутригрупповым статусом или степенью интеграции в мир тусовки. Им приписываются мистические свойства, например способность «энергетического воздействия».

Феньки — едва ли не самый значимый атрибут хип-культуры — играют большую роль в организации и фиксации межличностных отношений. Поэтому на их коммуникативных функциях надо остановиться подробнее, обращая особое внимание на мифологическое обоснование этих функций.

Связующая функция находит свое выражение в следующем поверье: «Один другому феньку дает — это значит, они уже чем-то связаны... Феньку тебе подарил кто-то, кто тебе дорог — как бы установилась между вами связь» (М., 1988). Дарят друг другу феньки в знак добрых пожеланий и дружбы, на память, т. е. как знак установившейся межличностной связи.

Особенно много фенек берут с собою на трассу. Их дарят а) самой трассе — вешают на указатель выезда из города, дорожные знаки и т. п. — в качестве «жертвы трассе»; б) водителям, согласившимся подвезти: «Я выхожу на трассу. Мне нечего подарить, я дарю (шоферу. — *Т.Щ.*) фенечку и говорю: "Вот тебе, пусть не проткнется у тебя колесо, пусть ГАИ не остановит...". Он улыбнется, берет...» (М., 1988); (здесь фенька — знак временной связи между водителем и попутчиком-хипом); в) обмениваются феньками с попутчиками. Дарят, провожая в путь: «Эта фенька помогает машину застопить, хранит от гопников и всякого стрема, от контролеров в автобусе, с ней пошел на трассу...» — как талисман, воплощающий поддержку хипповского сообщества. Дарят в пути — когда расстаются или просто в порыве внезапной нежности — попутчику на память.

Есть несколько типов фенек (а точнее, обращения с ними): ***съемные феньки***, или обменный фонд: их иногда выпрашивают друг у друга, передаривают, они не заключают в себе память о конкретном человеке, а обозначают только принадлежность к сообществу. ***Несъемные феньки*** плетут специально для конкретного человека, вкладывая в их узор (сочетания цветов, число и порядок бисеринок)

определенную, предназначенную только этому человеку символику. Такие феньки нельзя передаривать, что обосновывают их мистическими свойствами: «И фенька имеет предназначенный человеку характер. Поэтому феньки такие лучше не дарить... Некоторые имеют склонность их передаривать. И это приводит к пагубным последствиям: душевный разлад... Человек теряет равновесие душевное... из-за этого всякие неурядицы...» (СПб., 1989).

Такие феньки надевают и завязывают ее концы прямо на руке, так что снять ее уже невозможно — порвется. Носят до тех пор, пока не перетрется нить. Восстанавливать феньку обычно не советуют: по поверьям, она рвется, когда утратила свою силу, либо если подарена не от чистого сердца. Исключение составляют феньки, подаренные авторитетными в системе людьми (*мастером*, *олдовым*): такие феньки можно и восстанавливать.

Со связующей функцией фенек соединена другая — **социально ориентирующая**. По числу и качеству фенек на руке у человека можно судить о его положении в социальном поле: групповой принадлежности (фенька обычно несет в себе символику той или иной тусовки); статусе; степени включенности в сообщество и сроке тусовок (судят по числу и разнообразию фенек).

Наконец, надо отметить **управляющую (программирующую)** функцию фенек. Они могут быть средством самопрограммирования:

> Одна хиппи, девушка: она подсела на что-то (т. е. стала употреблять наркотики. — *Т.Щ.*). У нее доза повышалась... А у нее были разобранные бусы — там были какие-то розовые кубики. А вы знаете, что в кубах измеряется?.. И она, как только у нее повышается доза, — она прибавляла один кубик. И когда бросить решила, она выбросила эту феньку. Говорят, после этого она действительно слезла с иглы (преодолела свою зависимость от наркотиков. — *Т.Щ.*) (СПб., 1989).

Чаще говорят о феньках как проводниках ч у ж о г о влияния:

> Одной девочке подарили феньку — фотографию с иконки. Подарил один человек — они случайно встретились, может, больше не встретятся никогда. Она повесила эту фотографию и вот... на нее молилась. И у нее развился невроз. Параноидальный психоз. Ну, пришел человек один, Декабрист. Он много в этом понимает. Он сказал, что это от фотографии — болезнь происходит. Надо ее убрать. Такие люди, кто это понимает, — они сразу чувствуют: вот так ладони протянут — и чувствуют, откуда идет воздействие. Ауру видят... (СПб., 1988).

Существует представление, что если человек противостоит чужому влиянию, то фенька рвется или теряется:

> Марк дарил фенечку одному приятелю — специально ему предназначал. Так ему приходилось чуть ли не каждую неделю плести: тот только повесит (фенька на шее висела), три дня поносит — она рвется... Но Марк снова плетет... Зачем-то ему было нужно это: ну, может быть, хотел свою программу передать. Врубить в свою программу. Для этого феньки дарят (СПб., 1989).

Коммуникативные функции фенек — как медиаторов межличностных связей, а также инструментов управления — фиксируются в системном фольклоре, прежде всего в жанре «телег», а также в поверьях об их тайной мистической силе.

Функцию фенек в разных сообществах могут играть разные элементы атрибутики, выражающие специфику той или иной тусовки. Например, у металлистов это кожаные браслеты-напульсники, часто с металлическими шипами и заклепками.

Пища

Пища — на сленге *хавка* (что выдает непритязательное к ней отношение) и *ништяки* (остатки на тарелках). Впрочем, питаться ништяками бывалые странники не советуют во избежание проблем со здоровьем, хотя наличие этого термина в сленге говорит о бытовании соответствующей реалии (особенно в условиях трассы, бездомности и *беспрайсовости*, т. е. безденежья, так характерных для описываемой культуры). Понятие «хавка» конкретизируется иногда как крупа в пластиковой бутылке — *торпеде*, которую путник носит с собою на совсем черный день.

Добывается пища путем аска (выпрашивания) и на халяву, т. е. даром. Из отдельных блюд сленг отмечает жидкий чай: *вторяки*, *друганчик* (т. е. вторично заваренный на старой заварке), *белые ночи*, *киндерпис* (от нем. *Kinder* 'ребенок' и рус. 'писать'), да еще плохое вино: *косорыловку*, *вайн* (от англ. *wine*), *ботл* (от англ. *bottle* — 'бутылка'), *дринк* (от англ. *drink* — 'питье') и т. д. То и другое имеет скорее коммуникативную, чем питательную, функцию: вино может стать центром случайной компании в скверике или на вокзале; чай — поводом к знакомству (являясь *на* флэт, можно не сразу проситься на ночлег, а сказать — «чаю зашел попить» и выложить пакетик чаю, а потом уже на ночь остаться). На вокзалах заходят в диспетчерскую — «попросить кипятка», а по пути норовят разговориться и пристроиться в попутный *товарняк*. Пища — источник не столько телесного, сколько духовного насыщения.

Дао плавает в стакане,
Дао плавает везде:
И в Неве, в Оке и в Рейне,
В пиве, водке и портвейне...

пересмеивает такое восприятие вечно самоироничный хип-фольклор (СПб., 1987).

Заботиться о еде не принято: Бог даст. Впрочем, навязчивое желание поесть тоскливо проступает в афоризмах типа: «И вечный Пост, кулич нам только снится» («Сорока», 9.06.1997).

Хочу упомянуть один факт, воплощающий хип-культурное отношение к пище. Хип, работавший ночь на хлебозаводе (чтобы поесть и заработать на обратный путь из Питера к себе домой), утром показывал на тусовке выпеченный им батон, на корке которого нарисован «пацифик». Батон пользовался общей популярностью, но через два часа еще не был съеден (СПб., 1989). Коммуникативная функция перевесила утилитарную.

Жилище

Жилище в своей вещественной форме для молодежной культуры практически не существует. Напротив, акцентируется мотив его отсутствия, ухода из дома

как еще одна форма избавления от власти взрослых. Из граффити Ротонды (1988):

Я видел, как снесли мой старый дом,
Как стены падали и как упала крыша.
Я детство все свое оставил в нем
И в юность наступающую вышел.
Мой старый дом ушел во мрак...

Бездомность — символ социальной неопределенности, связанной с окончанием детства. Это образ одиночества и поиска идентичности.

В одном доме тебя помнят и ждут,
В другом гонят, не пустив на порог.
Если прочие так живут,
Стоит ли думать, что ты одинок?
Стоит ли думать — но вот вопрос:
В каком доме тебя принимают всерьез? В каком?..

Показательны мотивы враждебности дома (как средоточия ценностей взрослого мира): «Мир — полное разъединение, — говорил известный в конце 1980-х московский хиппи, художник и музыкант по прозвищу Сольми, живший тогда, к слову, в расселенном доме на 2-й Тверской-Ямской улице. — Квартирки — как гигантский муравейник. Если бомбочка упадет, то каждый сгорит в своей квартирке как в урне...» (М., 1987). Отсюда и хип-культурная программа: выйти из квартирок, вернуться к природе, где «ветер гуляет в волосах».

Более предметно тема жилища возникает в связи с практикой трассы и соответственно устройства на ночлег. Жилище здесь — **придорожное**, временное пристанище (вписка, флэт), а не постоянное жилье. В наибольшей степени тематика вписки разработана в хип-культуре, как и сама практика трассы, — но постоянно заимствуется вместе с этой практикой другими сообществами.

Флэт — квартира, где живут молодые люди, как правило, без родителей или в их отсутствие, а потому всегда можно вписаться. На тусовках обычно известно несколько таких адресов, и приезжий, обладая некоторыми коммуникативными навыками, может ими воспользоваться. Впрочем, такое жилище зыбко и ненадежно: бывалые путешественники говорят, что из десятка адресов «хорошо если сработают один-два».

Флэт, вписка — не дом, а временное пристанище. Нормы поведения здесь совсем не домашние. Основные элементы дома: еда (хотя бы пачка чаю, хлеб, крупа в пластиковой бутылке — торпеде) и атрибуты для ночлега, спальный мешок, *пенка* (туристский коврик из пенопласта), — здесь отсутствуют, их приносят с собой. Здесь не принято зависать более чем на два-три дня, а обычно устраиваются (или, во всяком случае, договариваются вначале) «на одну ночь». Являются лучше вечером, часам к девяти-десяти, чтобы «не досаждать хозяевам». Это не домашние и даже не гостевые нормы — это нормы общения встречных в дороге, остающихся чужими, сохраняющих анонимность.

Обстановка флэта скудна: из мебели сленг фиксирует (последовательно) лишь одну вещь — место для ночлега: *трахта, траходром, сексодром*, — указывая

и соответствующую программу поведения (молодые люди путешествуют часто вдвоем с девушкой). На реальных флэтах чаще всего в действительности есть лишь кровати или только матрасы — спальные места, зато много. Бывает, на ночь весь пол застилают матрасами, а днем их скатывают в угол.

Еще один элемент обстановки флэта — стопки исписанных по углам листов и тетрадок: плоды и следы спонтанного творчества прошедших здесь странников. Здесь можно обнаружить стихи, анекдоты, рассказы-телеги, приколы, крышеедство — все вербальные жанры, которые ниже мы рассмотрим особо. На стенах и в углах картины, рисунки, вышитые ксивники и пр. Часть их забыта и ждет своего хозяина, либо того, кто сможет ему передать. Часть — подарки: существует обычай дарить на прощание что-нибудь гостеприимным хозяевам: обычно дарят рисунок, феньку, реже ксивник. Со временем флэт становится своего рода хранилищем памяти, сгустком информации или в здешней терминологии — *энергии*. Иногда на флэтах устраивают ***выставки прикидов*** (забытой, оставленной кем-то или специально по этому случаю изготовленной одежды и атрибутики). Все это позволяет им играть заметную роль в трансляции субкультурных традиций.

Распространены разные формы временного, суррогатного жилища: лесные шалаши и хижины у ролевиков, типи у индеанистов, обычные палатки у самодеятельных спелеологов и черных следопытов. Распространена манера ночевать у костра (минимальное снаряжение — пенка — кладется прямо на землю), ср. устойчивое выражение ***найтать на травке***. В чужих городах, не найдя флэта, ночуют в ***парадняке***, на чердаках и в подвалах — т. е. в нежилых зонах домов. В Петербурге, где много расселенных для капитального ремонта и долго пустующих зданий, ночуют в них — ***на капиталке***, — что переживается как особого рода мистический опыт. В конце 1980-х годов пользовался популярностью дом на Фонтанке (довольно близко от Московского вокзала), который вошел даже в хип-культурный фольклор под названием «Ленинградская зона» (отсылка к культовому фильму «Сталкер»). Мне рассказывал о нем человек по прозвищу Дикобраз:

> Дом на Фонтанке, разрушенный — над ним видят сияние: золото с голубым («Золото на голубом» — из песни Б.Гребенщикова. — *Т.Щ.*). А в нем... что-то... В подвале — вообще что-то творится. Один парень провел там ночь, точнее — шесть часов в Пасхальную ночь. Со свечкой. Я бы даже с кузбасским фонарем там не стал бы... Он интересуется биоэнергетикой: не занимается, но прикалывается... Там, в этой Зоне, человек может бесследно исчезнуть: «мясорубка», «ловушка» (символические понятия из «Сталкера». — *Т.Щ.*) — там это есть (СПб., 1988).

В рамках описываемой традиции жилье — придорожное, временное — выражает не идею «дома», а скорее его отсутствие. Неопределенность пространственной идентификации становится метафорой социальной бесприютности. На символическом уровне носители этой традиции бездомны, основной локус — не дом, а дорога. Потому и переживание бездомности обретает мистический смысл как опыт маргинального по сути и культового в рассматриваемой среде самоощущения.

В целом присутствие в мире (телесное, предметное, пространственное) минимализируется. На символическом уровне акцентируется скорее непри-

сутствие — уход, что является типичным проявлением маргинальности. Обратим внимание, что множество разных символов молодежной культуры — предметных, телесных, ментальных и пр. — сводится к пространственному — «уходу». Безумие, смерть, стоптанные *шузы*, потертый рюкзачок на плечах интерпретируются как знаки «ухода» в бесконечный путь. Путь, дорога — трасса — служит в рамках молодежной культуры центральным символом, к которому сводятся и через который получают свою определенность все остальные. «Дорога» — ее генеральная метафора, фактор целостности, — что и позволяет нам говорить о пространственном коде как основном коде данной традиции.

Таким образом, мы получили некоторое представление о месте молодежной культуры в системе социальных взаимодействий: в пространственной структуре социума ее место периферийно и маргинально. Ее локусы временны (дорога, переход), невидимы (подземелье, виртуальное пространство), находятся вне зоны культурного освоения (лес, природа), она как бы не имеет своего постоянного локуса в этом мире.

В материальной среде (предметном мире, системе жизнеобеспечения) молодежная культура также присутствует лишь условно. Характерны отказ от труда, особенно производительного; декларативный отказ от богатств и всякой утилитарности; потребление отходов большого общества, т. е. вещей, для него уже как бы не существующих.

Телесность молодежной культуры также ускользает от окружающего мира. Символика «смерти» маркирует их «несуществование», а знаки «безумия» — их недоступность для управляющих воздействий. Характерно уклонение от социально санкционируемых форм активности. Молодежная культура последовательно принимает лишь один аспект телесности — сексуальность (именно тот, который общество табуирует). Символика любви в хип-культуре, например, служит основным медиатором межличностных отношений.

Словесные и речевые формы

Рассматривая жанры речевого общения в молодежной культуре, можно выделить несколько групп. Наиболее последовательно представлены смеховые жанры (*стёб* и т. д.); жанры «зауми» (крышеедство); система лирико-философских жанров (сентенции — фразы, афоризмы; стихи); песни.

Мы будем придерживаться названий (а вместе с тем и классификации) жанров, сложившихся в среде их бытования, поскольку именно эти названия фиксируют их коммуникативные функции и значимые (для среды) особенности. По возможности, будем приводить соответствующие им фольклористические определения. Правда, эти соответствия не всегда однозначны. Подразумевается некоторая условность понятия «фольклор» по отношению к жанрам речевого общения молодежной (как и вообще современной городской) культуры, где, наряду с устной, имеют место и письменная, и компьютерная формы фиксации текста. Здесь мы будем рассматривать вербальные формы, во-первых, стереотип-

ные (на уровне текста или жанровой формы), во-вторых — воспроизводящиеся традицией.

«Телега»

Описание фольклора начнем с одной из основных форм — *телеги*. Это название может относиться практически к любому нарративу: быличке, легенде, этиологическому преданию, разного рода меморатам и пр. В названии, а часто и в содержании явно просматривается связь этого жанра с дорогой, и еще точнее — путешествием по трассе. В качестве примера — рассказ старого хипа из Петербурга:

Ну, значит, одна история такая случилась, году в семьдесят восьмом примерно, когда еще... про хипарей вроде знали, а вроде нет. Значит, ехала одна... тусовка была где-то на природе — человек тридцать или сорок, жили просто коммуной, в лесу жили. А потом решили что-то перетусоваться в другое место. И подвернулась им электричка, значит. Садится эта пестрая компания в электричку в один вагон все, естественно, ну и едут. Едут... все хорошо, все в стремаке... Кто в чем, прикиды самые такие... немыслимые, вот. И вдруг заходят контролеры, значит. Ну как, остолбенели немножко от такого зрелища, но все равно — долг есть долг, стали проверять билеты. Ну, подходят, в смысле, к ним, к этим ребятам, говорят: «Ну, а ваши билеты?». Ну, тут нашелся такой человек, в годах такой, башковитый, что ли. Говорит: «Так получилось, что мы от сопровождающего отстали, едем сами по себе и поэтому билетов у нас нет, а все справки у него». Ну, а контролеры-то и спрашивают: «А какие справки, что за сопровождающий?». Он говорит: «Дык, а у нас тут пансионат на природе, там сейчас капитальный ремонт, а нас вот своим ходом перевозят... э-э-э... в другой пансионат на природе». Контролер спрашивает: «А что за пансионат-то?» — «Ну как, мы ж, — говорит, — вроде как сумасшедшие, лечимся там. Вы шо, не верите нам?! Ну, посмотрите, — говорит, — ну неужели я не похож на сумасшедшего? А вот эти люди тоже? Ну, какой нормальный человек так оденется?». А это было где-то в провинции глубокой: там Липецк какой-то там или еще че-нибудь... Контролеры поверили. И ниче не сказали... «Ну, ладно, ребята, езжайте, только не шалите там, стекла не бейте там, ведите себя хорошо». И все. Так и закончилось благополучно. Ну, это говорят, что было на самом деле... (СПб., 1988).

Рассказ о конкретном случает в дороге обобщен почти до притчи. Характерная черта телег — подчеркивание специфически хип-культурной атрибутики. Сюжетообразующая ситуация — контакт с «чужими»: поначалу они, как правило, демонстрируют враждебность и непонимание. Здесь срабатывает хип-культурная атрибутика, с помощью которой герой преобразует окружение в дружественное или, во всяком случае, приемлемое. Телега фиксирует типовые ситуации и нормативные (с точки зрения хип-культуры) реакции на них. Обыгрывается нелепость поведения чужаков или новичков системы: здесь активно используются смеховые формы. Появляются мистические мотивы: опасность, возникающая из-за отклонения от хип-культурных обычаев и норм; ее чудесное преодоление при помощи оберегов (фенечек и др.) или вмешательства высших сил.

Разновидность телег — этиологические предания. Во-первых — о происхождении хиппи. Их активизация отмечена в 1987 г., когда система бурно празднова-

ла свое «двадцатилетие». Рассказывали, что первые хиппи появились в Москве в 1967 г. (другие — что в 1968-м, в связи с чем празднование продолжалось в 1988 г. тоже). Вышли на Пушкинскую площадь «...и сказали: — Вот мы представители этого движения, это будет система ценностей и система людей. Тогда возникло слово "система". Было сказано: "Живите как дети, в мире, спокойствии, не гонитесь за призрачными ценностями...". Просто Приход был человечеству дан, чтобы мы могли остановиться и задуматься, куда мы идем...» (СПб., 1987). Замечу, что «Приход» означает здесь что-то вроде «озарения свыше», а в языке наркоманов — начало действия наркотика и связанных с этим необычных ощущений.

Возникновение хиппизма описывают как мистическое озарение, данное человечеству для спасения его от приближающейся катастрофы, вызванной безудержным потреблением и техногенным воздействием на природу.

В системе ходит несколько вариантов этиологических преданий. Их функции: консолидация системы (консолидирующий фактор — сознание общей истории); трансляция основных ценностей и их подкрепление (историческое и сакральное).

Вторая разновидность преданий — этиология знаковых вещей. Например, предания о происхождении фенек. Старые хипы возводят их к индейцам, а точнее — говорят, что в систему они пришли от индеанистов.

Это моя самая любимая телега, — рассказывает человек по прозвищу Десс, — откуда феньки и зачем они вообще. У нас в системе есть довольно большая секта индеанистов — изучают североамериканских индейцев, они выезжают на природу, воспроизводят обряд... И, по моим исследованиям, феньки произошли от североамериканских индейцев. Там есть бисером набранные нитки, в зале Америки (в Кунсткамере. — *Т.Щ.*). И если вождь соседнего племени хотел объединиться с моим племенем, — и он приносил мне такую нитку (у них письма не было). И вот откуда это пошло (СПб., 1987).

Коммуникативные функции телег различаются в зависимости от ситуации. Например — на трассе и на тусовке.

На трассе телега облегчает общение с водителем попутной машины. Говорят, что водители, особенно дальнобойщики, берут попутчиков, чтобы не было скучно и чтобы не заснуть в пути. Им нужен собеседник. В системе новичков учат: не молчать. Выработался стереотипный набор тем, которые советуют (путешествия, разные города, необычные и смешные случаи в пути и пр.) и не советуют (теоретические и политические проблемы) затрагивать в таких беседах. В данном случае функции телег — *загруз* водителя интересной информацией: заполнение коммуникативного пространства и тем самым создание временной межличностной связи с водителем. Надо добиться, чтобы водитель испытывал желание везти вас дальше, а не высадить в первом же селении. Поэтому основное требование к дорожной телеге — возбуждать и поддерживать интерес собеседника как можно дольше; длина телеги измеряется в километрах: «телега в 200 километров длиной» [Кротов 1997: 14–15]. Средства — элементы мистики и смеховых форм; приемы активизации собеседника, вовлечения его в беседу (расспросы,

сообщение нарочито маловероятных и удивительных фактов и т. д.). Достоверность телег не имеет значения.

Другая функция телеги во время путешествия — обеспечение средств к существованию. Известен феномен *тележного аска* (т. е. телега служит средством попрошайничества). Ее роль — рассмешить или разжалобить, удивить или смягчить собеседника и тем самым побудить его оказать рассказчику помощь (дать денег, накормить, пригласить переночевать). Пример тележного аска приводит известный путешественник А.Кротов в своем пособии по технике стопа:

> Возвращаясь из Магадана, мы с Андреем были задержаны вохровцами на станции Чара (БАМ) за попытку переговорить с машинистом локомотива. Мы охотно подчинились и, рассказав историю нашего путешествия, получили в подарок хлеб, сало, лук, чай, сахар и другие продукты [Кротов 1997: 62–63].

Телега потому и «телега», что «везет» рассказчика, обеспечивая ему попутную машину, общение и хлеб.

На тусовке телега видоизменяется содержательно и функционально. Кроме основной функции — заполнения коммуникативного пространства, — она выполняет посвятительную (знакомит с законами и типовыми ситуациями трассы), интегративную (упоминая имена-прозвища конкретных людей, телега опосредует их вхождение в мир тусовки, делая как бы заочно знакомыми) и некоторые другие функции. Здесь рассказывают не только о трассе, но и о людях тусовки, событиях в их жизни и т. д.

В структуре системы есть особая роль — *тележник*: человек, который постоянно гонит телеги, т. е. отличается говорливостью. Тележники — переносчики новостей. Вышеупомянутый Десс характеризует их следующим образом: «Есть такие люди в системе, которые знают еще больше людей, чем все. Обычно знаешь так много, что уже и имен, даже системных, не помнишь. Даже лиц не помнишь... А есть, которые знают еще больше. Они приходят в любой дом, им открывают, говорят им — в пределах, до некоторого предела дают им информацию... И они дальше идут. Таких людей несколько. Они как связники» (СПб., 1988).

Тележники — коммуникаторы, осуществляющие связи между разными группировками и компаниями. Сами они не принадлежат по-настоящему ни к одной из них — это люди системы, а не отдельной тусовки.

«Стёб»

Смеховой фольклор — шутки, поговорки анекдоты, дразнилки, розыгрыши, ироническая и пародийная поэзия — составляет, пожалуй, наиболее яркий и обширный пласт текстов молодежной культуры [Щепанская 1992], которая устами своих представителей определяет себя даже как *стёб-культуру*, понимая под «стёбом» манеру постоянного высмеивания. Внутрикультурные определения смеховых жанров, разумеется, отличаются от принятых в фольклористике: система различает ***феньки*** и ***мульки***, ***стёб***, ***прикол***, причем им можно подобрать лишь приблизительные и не всегда однозначные соответствия в научной классификации: фенька — шутка, острота, анекдот, шутливое дву-, четверо- (редко более)

-стишие; так же называют и стихотворные «словарики» (с нарочито плотным использованием сленга). Мулька (досл.: завиток, виньетка, украшение) — идиома, меткое словечко, поговорка. Прикол — розыгрыш (может сочетать вербальные и невербальные элементы), шутка, веселый рассказ с элементами обмана; *загибон, догон, наколка* — обман, розыгрыш; стёб, пристёб — дразнилка, издевка, провокационный разговор, розыгрыш с издевкой над одним из присутствующих; пародия (стихи, песни, поговорки, лозунги и др.).

Феньки и **мульки** — преимущественно малые смеховые формы. Часто они функционально связаны с ситуациями трассы (путешествия). Приезжает человек в чужой город, приходит на тусовку. «Можно подойти (к кому-либо): — Давай создадим общество взаимного кредита? — и посмотреть, как ответит. Если: — Чего?! — значит, глупый, не въезжает. Может поддержать игру, тогда можно продолжить разговор» (СПб., 1987). Данная фенечка — тест на принадлежность к системе и готовность поддерживать ее нормы (кредит — намек на аск).

Еще *фенечка-опознавалка* (тоже на незнакомой тусовке): «Стоят и травят анекдоты: Колеса сломались, сижу теперь на травке. — По анекдотам узнают (своих. — *Т.Щ.*)» (СПб., 1987).

Здесь своего рода тест на знание сленга: *колеса* — психотропные таблетки, *травка* — марихуана, *облом* — неприятность, неудача. Все вместе означает: таблетки купить не удалось, приходится довольствоваться марихуаной. Причем это вовсе не означает действительной наркомании говорящих; ими и слушателями такие фразы чаще всего воспринимаются как шутки — «анекдоты», забавные игры со сленговыми словами; никакого требования достоверности к этим шуткам не применяется.

Фенька может служить средством для облегчения общения, внося элемент веселой непринужденности. При этом характерно, что подобные шутки всегда фиксируют специфически хип-культурные черты: ситуации, модели поведения, сленговые слова и пр.: «Не хочу учиться, а хочу лечиться», — шутили и по сей день шутят на тусовках (намек на вышеописанный культ безумия).

Анекдоты (в настоящем, привычном фольклористу смысле слова) также входят в понятие феньки. Как правило, они обыгрывают пограничные ситуации контакта хипа с представителями внешнего мира (государства, родительской семьи, просто «цивильными» людьми) или других молодежных группировок, тусовок и пр.

Хиппи-контролер

Устроился хиппи контролером в троллейбусе. Заходит в троллейбус и говорит: «Граждане, покоцайте талончики, потому что покоцанные талончики — это в кайф, а непокоцанные талончики — это опускание на прайс» (СПб., 1990).

Хиппи в ресторане

Нашел хиппи крупную купюру. Пришел в ресторан, сел за столик. Купюру перед собой положил. Подходит официант.

– Чего изволите?

– Холодца мне.

– У нас нет.

– Холодца мне, плачу.

Принес холодец в тарелке.
– А теперь кинь его в стену.
– ??
– Кинь, за все плачу.
Ну, официант размахнулся, кинул. Холодец потек. Хиппи даже головы не поднял, сидит, как сидел, головой в стол.
– Ну, что, — спрашивает, — пристал к стенке?
– Нет, не пристал.
– А жалко... (СПб., 1992).

Анекдот обыгрывает типично хип-культурные модели поведения (бескорыстную страсть к тусовкам, неуважение к деньгам, сленг и др.). Смеховой эффект возникает в момент соприкосновения этих моделей с «цивильным» миром, для которого они абсурдны, непонятны, нелепы.

Есть анекдоты, пересмеивающие собственные нормы и стереотипы поведения хиппи. Например, склонность афишировать необычные психические состояния (галлюцинации, погружение в «другую реальность» и пр.):

Хиппи и глюк
Встречаются два хиппи. Один другому говорит:
– У тебя на плече глюк сидит.
– А-а, это мой, — ласково отвечает тот и поглаживает свое плечо.
– Да нет, на другом плече.
– Ой!!! — в ужасе вскрикивает тот (СПб., 1991).

Не последнее место среди стереотипов хип-культуры занимает любовь к *халяве* (часто, не имея заработков, хипы стараются найти все необходимое для жизни в путешествии бесплатно).

Хиппи в кафетерии
Один хип, такой весь олдовый, заходит в кафетерий и просит буфетчицу:
– Мне маленький двойной, пожалуйста.
– А сколько вам сахара положить?
– Двенадцать ложечек. Только не размешивайте, а то я сладкого не люблю (СПб., 1992).

Характерен постоянный поиск во всем мистического смысла, порою смешной даже для самих хиппи.

Хиппи и дао
Идет волосатый человек по трассе и что-то никак не может машину застопить. Ничего не останавливается. Час идет — ничего, другой — ничего. Пять часов уже — никто не берет. Он устал, еле тащится. Слышит — сзади машина. Ну, он ни на что не надеется, даже не оборачивается, просто машет рукой и то — для очистки совести. Вдруг слышит, машина к обочине съезжает. Оборачивается — КАМАЗ! Волосатый подходит к нему и видит номер: 48–48 ДАО. Падает на колени, руки молитвенно складывает:
– Так вот ты какое (Дао. — *Т.Щ.*)... А говорили — Ты образа не имеешь... (СПб., 1988).

В такого рода анекдотах рассказчик занимает позицию отстранения по отношению к нормам и стереотипам собственной хип-культуры. Смех в этом случае приобретает оттенок самоиронии.

Стихи-словарики — еще одна разновидность вербальных фенек. Они имеют хождение преимущественно на периферии хип-культурного сообщества — среди неофитов — и являются средством освоения сленга (фиксация сленговых слов в типовых ситуациях их употребления).

Стремный флэт, открылась дверь,
На пороге стоит зверь,
Весь прикинут в серой шкуре
Пипл! Это мент в натуре,
А за ним еще менты.
Вот и все, кранты, винты (Ротонда, 1988).

Жанровой особенностью подобных фенечек является максимальная концентрация сленговых слов (в идеале не должно быть ни одного общелитературного). Описываются типовые ситуации контактов хиппи с внешним миром:

Зима, и полис торжествует,
К Сайгону обновляя путь.
Хайрастый пипл, винт почуя,
Уже скипает как-нибудь (СПб., 1988).

Стёб (пристёб, стебалово) — еще одна обширная отрасль смехового фольклора. Его общая черта — ирония, в ряде случаев — открытая издевка. Его функция — маркировать чужое и чуждое, отмежевываясь от него. К понятию «стёб» в традиционной жанровой классификации ближе всего понятие пародии.

Как правило, пародируются стереотипы и нормы (в том числе и речевые) господствующей культуры. Часто пародируются речевые клише, например надписи на пачках сигарет. «На следующую ночь человек снова мечется по кровати, уснуть не может, твердит новый вопрос: “А черт-то есть или нет? Есть или нет?” Голос снизу: “Спи!”. Так и уснул вечным сном. “Чертздрав предупреждает: не задавайте лишних вопросов!” Дзе».

Пародируются типовые формы повседневного речевого общения, например объявления: «Обме(А)н. Меняю уютную 2-х комнатную “берлогу” в Сорокограде на равноценную в любом отражении. Сэр Чарльз. P.S.: Сопределье и Аркаим не предлагать».

Стёб может иметь личную направленность (можно *стебаться* лично над кем-то из присутствующих или общих знакомых: функция коммуникативной изоляции этого человека как «чужого») либо направляться на господствующую культуру в целом или на конкретную группировку (функция отграничения от других культурных традиций и сообществ). Особенно широко распространен стёб в отношениях между разными группировками молодежной культуры. Панки, проходя мимо тусовки хиппи, дразнятся: «Гули-гули-гули!...», намекая на их эмблему — «пацифик» (голубиная лапка). Сорокоманы посмеиваются над толкинистами (которые, впрочем, в «Сороке» тоже представлены): называют их *толкинутые*, а их культовую книгу (Дж. Р. Толкиена) — *Толкун-книга*. Это не мешает, впрочем, сорокоманам принимать участие в эльфийских и хоббитских «Играх», устраиваемых толкинистами.

Часто объектом пародии становятся элементы религиозной ритуалистики и идеологии. В конце 80–начале 90-х годов система реагировала подобным образом на активизацию кришнаитов. Кришнаиты живут общинами, охотно предоставляют ночлег, а во время религиозных служений — *киртанов* — еще и пищу (*прасад*). Это сделало кришнаитские квартиры — *ашрамы* — весьма удобной впиской на трассе, чем система постоянно и пользовалась.

Впечатления от соприкосновения с кришнаитской мистикой перекладываются на язык стёб-культуры. Один из волосатых людей называет себе «Кришна»: «Он, — говорят, — этих кришнаитов не любит и говорит: тогда я буду у них Богом» [Щепанская 1993]. Это вполне приемлемо для стёб-культуры, а с точки зрения кришнаитов — страшное кощунство. Появляется словечко «крышееды», «крышеедство», намекающее на заумные проповеди кришнаитских гуру. Частушки пародируют главную молитвенную формулу — Маха-мантру.

Мой миленок во солдатах
Прочитал «Махабхарату»,
От него я не отстану —
Прочитаю «Рамаяну».
(Припев) Кришна, Кришна, Харе Кришна.
Как над нашим над селом
Аура зеленая:
Карма ехать в гастроном —
Покупать крепленое.
(Припев)
Сельский сторож дядя Ваня
Третий день лежит в нирване.
А колхозный огород
Христианин стережет.
(Припев) (СПб., 1988).

Прикол, приколка — еще один весьма распространенный в молодежной среде смеховой жанр. Он находится на грани вербального и акционального: чаще всего под приколом понимают розыгрыш, но не злобный (как стёб), а дружески-веселый.

Прикалываются чаще всего над людьми чужими — *цивильными*, подчеркивая их чужесть:

Вот идет человек с длинными волосами, а сзади идет человек и говорит: «Господи!» — и мы радуемся, что заставили человека помянуть имя Господа (СПб., 1989).

Подошла ко мне набожная тетушка лет пятидесяти: «Ты вечером такой на улице не появляйся, а то люди вроде меня увидят — подумают, что Христос». Я нашелся, как ни странно, что ответить: «А ты покайся, тогда не страшно будет Христа встретить». (СПб., 1988).

Приколен сам облик хипа и его интерпретация ситуации. Враждебность и настороженность цивильного мира оборачивается конфузом. Прикалываются над пионерами — неофитами тусовки, принимающими ее жизнь слишком всерьез. Например, им рассказывали, что телефон-автомат возле Сайгона (тогда —

центра питерских тусовок) попискивает при каждом сленговом слове. И будто один раздосадованный хип взял и крикнул в трубку прямым текстом: «На Московском вокзале, мол, вагон с героином стоит!!!» (СПб., 1990).

Прикалываются над самими приколами:

Мысли вслух. Вы только вдумайтесь, как это прикольно: дать нищему крупную купюру, а затем отобрать ее! («Сорока», 9.06.97).

Элемент прикола — обман, ложь, но ложь художественная, жанрово организованная *(прогон, догон, загибон)* так, чтобы не только оконфузить тех, кто *не въезжает*, но и доставить эстетическое удовольствие понимающим слушателям. На сленге «прикольно» означает не только «смешно», но и «приятно» — одобрительную оценку. «Прикалывается» — и «шутит», и «обманывает», и «получает удовольствие», и «понимает».

Нетрудно заметить, что смеховые жанры молодежной культуры функционируют, как правило, на границах ее с миром «цивильным» (т. е. господствующей культурой): а) в ситуациях контакта (столкновения) с контролером, милицией, родителями, учителями — представителями внешнего мира; б) на периферии системы — в среде новичков. Отсюда и функции смехового фольклора: разделительная (свой/чужой) и посвятительная.

Обширный пласт фольклорной традиции составляют мистические жанры: легенды, предания, былички, заумь и др. Как правило, они связаны со значимыми для молодежной культуры объектами (локусами, вещами, телесными проявлениями) и фиксируют их знаковую роль.

Крышеедство — это и мистическое мировосприятие, и — в узком смысле — конкретный жанр зауми.

Многополяционный интерчлен. Станция «Пл. Мужества»... Постепенно ухожу в полусон... Узкий турникет выхода из метро. Радиокоманда: «Отходить по одному!»... Подходит пуглый смарень с собаной кожурой: «Кагнитная марта?». Я: «Нет, у меня краездная марточка...». Он: «Так, удостационное регистроверение?». Я: «У меня только буденческий стилет». Он: «Так, так, значит, универственный государитет...» и т. д. («Сорока», 9.06.1997).

Это типичный пример крышеедства. Его функция — остановить и ошеломить, спутать мысли, заставив выйти за пределы обычной логики. Характерный и часто используемый прием затуманивания смысла — перетасовка слогов и другие игры с языком. Крышеедство может принимать разные формы повествований, стихотворений, афоризмов: «Не позволяй ламерам наезжать, а то, глядишь, и сам ламернешься» («Сорока», 19.05.1997).

Просматривается оно в некоторых прозвищах-*псевдо* (псевдонимах обитателей «Сороки»): Крокозябры, Крыс Нелетучий, Жытель Кэ, Ясный Пончик и т. п.

Другая разновидность крышеедства — мистический эксперимент с целью приобщения к тайному опыту, доступному только членам сообщества, своего рода посвящение. Вербальный элемент этих экспериментов — поучение (опытный учит правилам поведения и проведения эксперимента); «отчет» посвящаемого о своих ощущениях.

Как правило, такие эксперименты связаны с культовыми объектами (вещами, локусами и пр.), например с Ротондой.

> В Ротонде можно поэкспериментировать со своей психикой; подняться не на верх на самый, а немного ниже. Стать лицом к лестнице, назад повернуться, а сзади будет стоять кто-то со свечкой. И смотреть на стену перед собой. Через некоторое время представляешь, что стоишь на краю, впереди пространство. Там ни ступеньки нет, ни стены — одно пространство; полчаса постоишь, уже перед глазами полная темнота. И только сзади свечение. И через некоторое время не только шаг вперед сделать нельзя, но не пускает прямо, отталкивает — инстинкт уже... (СПб., Ротонда, 1987).

Говорят, что таким образом можно выйти в «четвертое измерение». В Ротонду приводят новичков системы, предлагают проделать вышеописанное — это элемент посвящения. Человек как бы сливается с Ротондой, постигая ее скрытый смысл, и этот мистический опыт роднит его с другими в системе — и разделяет с цивильным миром, для которого Ротонда — только подъезд и лестница.

Мистические эксперименты проделываются со всем, что имеет в системе знаковый смысл. Например, с длинными волосами: «Длинные волосы, — говорил старый хип Сольми, — образуют как бы энергетический купол. И если поставить ладони (показывает: ладони крышеобразно над головою) так, то, скосив глаза, можно увидеть прошлое и будущее... огненные шары по бокам...» (М., 1988).

Собственно, обретение мистического опыта (как посвящение в мир системы) и есть цель путешествия по трассе в питерскую Ротонду, Саблинские пещеры и другие места, с которыми связана обширная мифология (легенды, предания, былички). Их рассказывают непосредственно на месте и еще в пути, так что создается особое настроение, проникнутое ощущением тайны и близкого чуда.

Мифология места

С культовыми местами связаны легенды, фиксирующие их особый статус. Пример — Ротонда. Рассказывают, что здесь «есть энергетический столб — сквозь нее идет, посередине. И есть такие люди — они все знают, что там происходит. Все, что говорят там, — знают...» (СПб., 1990). Легенда фиксирует коммуникативную роль Ротонды как центра, места концентрации и распространения системной информации. Ротонда — место постоянных тусовок, откуда информация действительно стекается к нескольким наиболее авторитетным людям системы.

Другое поверье: Ротонда покровительствует влюбленным. Нужно написать на стене о своей любви, чтобы добиться ответной. Это поверье фиксирует и стимулирует обычай покрывать стены Ротонды надписями (причем отнюдь не только любовными), что в немалой степени обусловливает ее роль как коммуникативного центра.

Наконец, со многими культовыми местами связан мотив смерти. С купола Ротонды свисает длинный провод. По легенде, на нем повесилось уже два человека. Будто «можно снаружи забраться на купол, отогнуть листы, и там есть крюк — веревку зацепить и прыгнуть туда. Чем длиннее веревка, тем лучше: бы-

стрее повесишься» (СПб., 1988). Любопытно, что эта легенда проецируется в реальную жизнь системы: был человек по прозвищу Третий. Причем оживление легенды связано с определенным моментом — угрозой утраты Ротондой наполнявшей ее информации. В 1988 г. сделали ремонт, надписи забелили. В системе говорят, что «Ротонда умерла». Первые граффити после ремонта проникнуты беспокойством:

«Но стены белы, как вновь выпавший снег. О Боже, шептал я перилам, быть может, услышу когда-нибудь смех гитары и флейты — как было. Но стены молчали, в ответ тишина, в душе просыпалась тревога. О Боже! О Боже! Ведь мне никогда здесь не было так одиноко!» (Ротонда, 1988).

Тут же — чей-то ответ:

«Ты не одинок! Откликнись! Будем ждать тебя. Ира, Маша».

«Если Ротонда умрет, вы увидите труп в петле этого провода. Третий».

«Давай, давай, Третий!»

«Ротонда не умрет, пока мы есть» (Ротонда, 1988).

Мотив смерти широко представлен и в мифологии Саблинских пещер. Его персонификации — Белый Спелеолог и Двуликая, персонажи-«хозяева мест». Мы уже упоминали о «могиле» (имитации) Белого, возле которой обычно рассказывают эту легенду:

Это был Белый Спелеолог, он ходил сюда в белом костюме. У него была собака, которая знала пещеры так же, как он. Он уходил на целые месяцы в пещеру, и собака носила ему еду. Люди уже знали: если прибегала собака, то ей давали еду. Говорят, что в каждой пещере есть свой Хозяин...

Пришли однажды люди, очень богатые — *чайники*. Им захотелось полазить по пещерам. Их никто не хотел вести, так как было ясно, что в случае беды эти люди бросят. А у Белого Спелеолога было трудно с деньгами, и он повел. В одном месте был очень узкий проход — и пропасть. Долго спорили, кто пойдет первым. И он пошел, чтоб они не спорили. И упал. Но с ним ничего не случилось. Только выбраться не мог, они бросили ему еду и пару свечей. И ушли. Говорят: пойдем, позовем на помощь. А сами просто ушли. Собака была привязана у пещеры. Через два дня она стала рваться, привела людей к тому месту, где он упал. А там не было человека. Видят: лежит то количество свечей, которое ему бросили, все. А его не было. Говорят, что он ищет своих обидчиков, чтобы их наказать. И просто наказывает тех людей, которые бросают товарища в беде. В пещере нельзя чертыхаться, ругаться. И если вырвется, то говорить: — Прости, Белый!.. (Майкл Какаду. М., 1988).

В этой легенде Белый — символ этических норм и правил поведения в пещере. Пропажа людей расценивается как наказание за нарушение этих норм. Впрочем, иногда то же самое описывается как жертвоприношение — плату за удачу:

Белый устает и ищет себе замену, т. е. человека, который выполнил бы его функции. Внешне это происходит так: он находит хорошего человека — именно хорошего — и просто оставляет его в пещере. Человек пропадает — и не найти ни останков, ничего. Но его группе, с которой он ходил, в пещерах начинает очень здорово везти (1988).

Рассказывают еще про Черного Спелеолога и про Двуликую. Эта Двуликая, по легенде, была матерью одного пропавшего в пещерах человека. Она искала его в пещерах несколько десятилетий: вошла молодой, а потом уже стала старухой.

И под конец нашла тело мальчика в зале, которого она не знала. Она склонилась над телом мальчика и говорит: «Дух пещеры, возьми меня к себе» (т. е. Белый, возьми меня к себе). И она исчезла. Она является то в облике молодой женщины, а то в образе старухи. И если кто-то заблудится и она придет к нему молодой, то этот человек все равно, куда бы он ни пошел, то выйдет. А если увидит старуху — даже если не заблудился, то заблудится и из пещеры не выйдет (СПб., 1988).

Наряду с легендами, побывавшие в пещере рассказывают и былички о встрече с Двуликой, Белым, разными фантомными явлениями:

Мой друг один собирался со своим приятелем в пещеры... Тот приятель пошел первым, расположился лагерем. Палатку поставил. Договорились, что он утром встретит второго, тот позже приедет. Ну, разбил он палатку, костер развел, поужинал, спать лег. А у него золотая привычка была: он повсюду возил с собой детские грабельки и всегда круг делал вокруг себя. На полметра от места, где спишь. И тут сделал (кто придет — следы будут). Спит, вдруг приходит этот друг его, говорит: пошли в пещеру посмотрим, что там за поворотом. Пошли. А у того была еще одна золотая привычка: всегда отметки делать масляной краской, в виде крестиков. На каждом повороте с правой стороны. Вот они идут, тот впереди. Вдруг лампа у него погасла (у первого, который палатку разбил) ни с того ни с сего, и он слышит шаги — вперед, удаляются и затихли. А он всегда еще с собой свечку носил, зажег ее — смотрит: совсем в незнакомом месте, никого нет. Ну, он по отметкам вышел. Переночевал, выходит, смотрит — круг-то он грабельками делал, а там только его следы. Ну, он собрал лагерь, вернулся домой. Звонит тому другу, он говорит: — Прости, старик, я не мог приехать, жена заболела. Эта природа такие шутки может делать. В природе такой избыток энергии... Такие шутки может с человеком делать... (Дикообраз. СПб., 1988).

Подобного рода легенды, предания, былички создают особую ауру мест, заставляя переживать их посещение как приобщение к закрытому для прочих мистическому опыту. Сакрализованные таким образом места становятся одной из целей трассы. Посещение их (приобщение к их таинственным «энергиям») обретает посвятительный смысл. Общие мистические переживания консолидируют группу, сплачивают между собою посетивших пещеру, пусть до этого и малознакомых.

Посвятительная и консолидирующая функция характерна для мистических жанров вообще. Кроме того, следует упомянуть еще и функцию управления. Не желая, чтобы человек отправлялся в то или иное место (например, чтобы девушка ночевала на флэту потенциального соперника), говорят об «отрицательной энергии» этого места. Время от времени в Саблинских пещерах видят в дальних проходах кого-то ползущего в белом. Сразу вспоминаются рассказы о Белом Спелеологе, который ползает по красной глине пещер в абсолютно белоснежном комбинезоне и не пачкается. Знающие люди, однако, говорят, что это «какая-то тетка хочет отвадить от пещеры — специально одевается в белое и ползает. Ее называют — Баронесса, она там рядом живет...» (СПб., 1997). Трудно сказать, что более невероятно: появление Белого Спелеолога или маниакальное ползанье «тетки». Но данная легенда фиксирует возможность использования поверий о Белом для управлений (отвадить или, наоборот, привлечь посетителей).

Мистические жанры в целом фиксируют коммуникативные нормы молодежной культуры, подкрепляя их страхом перед таинственными силами (предохранить от которых и должно соблюдение этих норм). Функция мистики — формирование чувства сопричастности сообществу, единения на основе общего опыта, недоступного чужакам. Отсюда посвятительная и консолидирующая роль мистических жанров.

С другой стороны, некоторые былички (например, приведенная нами в разделе о феньках быличка о Марке, который дарил и дарил закодированное ожерелье) стимулируют прекращение отношений, на том основании, что «энергия» того или иного человека стала вредоносной и опасной.

Таким образом, мистический фольклор участвует как в консолидации сообщества, так и в отторжении им некоторых членов. Но, подчеркнем, он действует и прочитывается внутри сообщества, опосредуя внутригрупповые процессы (в отличие от смехового фольклора, с наибольшей силой проявляющего себя в пограничных процессах — межгрупповых, межкультурных и т. п.).

Граффити

Необходимо остановиться еще на одном проявлении вербальной жизни молодежной культуры — граффити. Способ фиксации здесь задает и жанровую форму. Граффити обильно представлены прежде всего в местах тусовок (культовых парадных, у могил и домов рок-звезд, в подземных переходах), а также на трассе (особенно на указателях выезда из городов, автобусных остановках) и в городском транспорте. Тексты граффити можно подразделить на несколько функциональных групп; наиболее полно все они представлены в уже неоднократно упоминавшейся Ротонде. На ее стенах присутствуют следующие функциональные разновидности настенного творчества системы:

– знаки (графические символы, девизы, лозунги) музыкальных групп, спортивных команд и других сообществ, а также личные символы и монограммы;

– обращения к определенному адресату либо ко всей тусовке — назначают встречу, просят перезвонить, прийти, объясняются в любви, приглашают куда-либо и т. д. Эти надписи опосредуют конкретный коммуникативный акт, за его рамками теряя смысл;

– сентенции.

Все, все, все, что мы видим, все, что мы слышим, все, что мы чувствуем и говорим, — все Майя! (Ротонда, 1987).

Иногда они получают диа- или полилогическое продолжение:

И счастье — самое большое несчастье.

Счастье — движение, познание.

Вкус счастья сладок, но обжигает на всю жизнь.

Головешкам не знать нирваны.

Счастье — там, где его нет.

А стало быть, счастлив гребущий на лодке по светлым каналам (Ротонда, 1987).

Каждый участник такой переклички соотносит свою позицию с позицией других — включаясь в поле коллективного сознания. Большинство сентенций и стихов в Ротонде концентрируются вокруг нескольких основных понятий и образов: любовь, смерть, одиночество, путь — так что посещение Ротонды дает яркое представление об основных символах, ценностях и эмоциональной атмосфере этой среды. Коммуникативное значение этого класса надписей: самоидентификация с системой; приобщение к ее традициям (в том числе и нормам речевого поведения).

В отдельную группу можно выделить нормативные надписи, формулирующие правила поведения в Ротонде, в том числе касающиеся создания самих граффити:

Чтобы писать свое, не обязательно замазывать чужое.

Это не в традициях Ротонды.

Кто-то, видимо случайный, написал попросту «My name is Sergey», и тут же его одергивают: «Что за пошлости на священных стенах?», «Я проклинаю тех, кто забыл или не знает, что эти стены святы. Деда» (Ротонда, 1988).

Целый ряд надписей фиксирует коммуникативное значение Ротонды и ее граффити:

Стены обобществленного разума.

В восторге от этого гаража мысли! Борис.

Здесь единственный храм, который остался в Ленинграде.

Здесь надо сделать клуб и отдать волосатым.

Встречаются стихотворные послания к самой Ротонде:

Я был на Ротонде, я видел ее, и, чувствуя боль сквозь сознанье, искал я рисунки и лица людей, как будто ища оправданья.

Я уйду — что запомнится обо мне — может быть, эта надпись на стене?

Люди приходят сюда, люди отсюда.
Кто-то оставил здесь часть себя, кто-то посмеялся над теми, кто тонет.
А я сюда прихожу, когда в душе моей пусто,
И вижу, как много людей дарят стенам боль и искусство.
Стена человечьих страданий, которые будут всегда,
Как много людей ты знаешь, и ты грустишь иногда... (1988).

Здравствуй, Ротонда, прими свою дочь.
Больше никто мне не в силах помочь.
С болью, которой понять не смогли,
Я упаду на ступени твои...
Здравствуй, Ротонда, приют одиноких,
Храм доброты и мечтаний высоких.
Я растворяюсь в твоей атмосфере,
Я за собой закрываю все двери... (1988).

Отдельные разновидности надписей встречаются и в других местах, в той или иной степени освоенных молодежной культурой. Граффити — один из наи-

более распространенных способов маркирования пространства. Иногда все ограничивается только знаками «своего» сообщества (музыкальной группы, религиозной общины и т. д.); в других случаях встречаются развернутые формулировки групповых норм и фрагментов идеологии. Тогда маркированное пространство становится посвятительным — не только местом, но и средством трансляции традиций.

Сленг

Говоря о вербальном общении, надо упомянуть еще сленг. Это не язык, а средство маркирования речи, с тем чтобы отделять «свою» информацию от «чужой». Обратим внимание на то, каким сферам взаимодействий принадлежат сленговые слова. Большая часть сленговых слов относится собственно к процессам коммуникации, обозначая:

1. Коммуникативные стратегии:

а) объединение (*стусоваться, притусоваться, вписаться, слиться в экстазе, зависнуть на флэту* и т. д.);

б) разъединение (*растусоваться, скипнуть или схипнуть, отписаться, выписаться, слиныть* и пр.).

2. Разговор, беседу — т. е. процесс коммуникации: *базарить, тележить, гнать телеги;* и его оценку: *в тему, по кайфу* — или наоборот, *лажа, догоны, напряжные телеги* или *стремаки*;

3. Понимание/непонимание, т. е. наличие или отсутствие коммуникации: *врубаться, въезжать, просекать, усекать, втыкаться, прикалываться, втюхивать* и т. д.

4. Оценочные суждения, т. е. коммуникативную установку по отношению к той или иной информации:

а) положительную оценку, одобрение (*клево, круто, волосато, зависающе, улет, кайфово, цепляет*);

б) отрицательную (*лажа, фуфло, облом(но), некайфово, внапряг*).

Таким образом, получаемая на сленге информация уже в момент проговаривания маркируется и оценивается с позиций своей традиции.

5. Значительная часть слов относится к области антропонимии, обозначая статусные позиции и роли в хип-культурном сообществе (это маркеры социальной структуры):

а) статусы и роли: принадлежность к хип-культуре или конкретному «своему» сообществу (*братки, братишки, пипл, люди, тусовщики, волосатые, хайрастые*) и статус в нем (*пионер, олдовый*), в том числе женский (*мать, сестренка, лялька, герла, жаба*);

б) статус «чужого» (*гопник, бык, цивил*) и принадлежность к чужой группировке (*толкинутые, рерихнутые, пункера* и пр.).

6. Еще одна группа сленговых слов маркирует значимые в мире хип-культуры модели поведения, а также вещи, локусы, части тела и прочие образования материального мира, о которых мы подробно говорили выше.

Функция сленга — маркировать «свои» каналы коммуникации, отделяя их от всех прочих. Тем самым обеспечивается бóльшая плотность контактов в среде

носителей сленга, чем вне ее: то, что называется сообществом (локальное уплотнение контактов). Через сленг в процессе языкового общения хип-культура задает свои правила коммуникации (оценки, позиции, стратегии), тем самым поддерживая структуру сообщества и тип межличностных связей.

Завершая обзор молодежной субкультуры в России конца XX в., заметим, что, несмотря на видимые изменения ее внешних проявлений (атрибутики, самоназваний группировок и движений), остаются неизменными нормы поведения, стереотипы общения, лидерства, разрешения конфликтов, а также основы сленга и символики (фонд которой дополняется каждой новой когортой молодежи, но не обновляется полностью). Это позволяет говорить о сформировавшихся механизмах воспроизводства традиции, т. е. о существовании молодежной культуры, а не только сменяющихся волн сиюминутной моды. За рамками нашего обзора остались вопросы связи отечественных молодежных движений с их западными аналогами и вообще проблемы кросс-культурного анализа молодежных культур, представляющие значительный интерес и широкое поле для дальнейших исследований. Перспективным представляется также сопоставление молодежной и других, отчасти смежных с нею, субкультур (например, школьной, компьютерной, криминальной, армейской и многих других).

Примечания

[1] Подробный обзор литературы о западных молодежных течениях см.: [Давыдов, Роднянская 1980].

[2] См., например: *Дубровина К.Н.* Студенческий жаргон // Научная деятельность высшей школы: Филологические науки. 1982. № 1; *Копыленко М.М.* О семантической природе молодежного жаргона // Социально-лингвистические исследования. М., 1986; *Файн А.Ф., Лурье В.* Всё в кайф! СПб., 1991; *Рожанский Ф.И.* Сленг хиппи: Материалы к словарю. СПб.; Париж, 1992.

[3] Личный архив автора. СПб. (Ленинград), 1988.

[4] *Лебедев И., Волков Н.* (СПб). Доклад на семинаре «Молодежный Петербург» (рук. В.В.Костюшев). Ин-т социологии РАН, Санкт-Петербургское отделение, июнь 1998 г.

[5] *Топорова А.* Интервью с А.Гребневым. 24.07.1998 г.

[6] *Паровоз* (нарк.) — это курение (способ и процесс) таким образом, что папироса/сигарета с травой курится зажженной частью в рот; практика эта чисто коллективная: косяк пускают по кругу; считается, что так действие травы сильнее, чем при курении обычным способом.

[7] *Топорова А.* Национал-большевистская партия в публичном дискурсе // Молодежный Петербург (в печати); [Жвания 1998].

[8] *Топорова А.* Национал-большевистская партия в публичном дискурсе. Доклад на семинаре «Молодежный Петербург». Ин-т социологии РАН, Санкт-Петербургское отделение, июнь 1998 г.

Литература

Алмазов 1986 — *Алмазов Б.Н.* Психическая средовая дезадаптация несовершеннолетних. Свердловск, 1986.

Давыдов, Роднянская 1980 — *Давыдов Е.Н., Роднянская И.Б.* Социология контркультуры: Критический анализ (Инфантилизм как тип мировосприятия и социальная болезнь). М., 1980.

Жвания 1998 — *Жвания Д.* Бритоголовый геноцид, или Сколько в Петербурге неонацистов? // Петербургский Час пик. № 16 (17). 29.04.1998.

Кротов 1997 — *Кротов А.* Практика вольных путешествий. М., 1997.

Мадисон 1989 — *Мадисон А.* Хиппи — выход из этой игры // Северный семестр: Информационный вестник областного штаба студенческих отрядов Коми обкома ВЛКСМ. Усть-Цильма. 21.08.1989.

Мид 1988 — *Мид М.* Культура и мир детства: Избр. произв. М., 1988.

Розин 1992 — *Розин М.* Панки // Татьянин день. (МГУ). 1992. № 6.

Тэрнер 1986 — *Тэрнер В.* Символ и ритуал. М., 1983.

Щепанская 1991 — *Щепанская Т.Б.* Женщина, группа, символ: на материалах молодежной субкультуры // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб., 1991. С. 17 — 28.

Щепанская 1992 — *Щепанская Т.Б.* Трасса: путь в «систему», путь в жизнь // Знание — сила. 1992. № 3. С. 104–113.

Щепанская 1993 — *Щепанская Т.Б.* Символика молодежной субкультуры: Опыт этнографического исследования системы. 1986–1989 гг. СПб., 1993.

Щепанская 1996 — *Щепанская Т.Б.* Власть пришельца: атрибуты странника в мужской магии русских (XIX–начало XX в.) // Символы и атрибуты власти: Генезис, семантика, функции. СПб., 1996. С. 72–101.

Fouer 1969 — *Fouer L.S.* The Conflict of Generations: the Character and Significance of Student Movement. New York, 1969.

Parsons 1965 — *Parsons T.* Youth in the Context of American Society // The Challenge of Youth. New York, 1965.

М.П.Чередникова
(Ульяновск)

Культура трассы: Автостоп в России

Автостоп как способ бесплатного передвижения по стране на попутном транспорте сравнительно недавно стал массовым явлением в России (см.: [Шанин 1994: 20]), поэтому неслучайно определение данного понятия отсутствует в наиболее полном академическом словаре русского языка[1].

На автостоп как явление культуры впервые обратили внимание исследователи молодежных неформальных групп 80–начала 90-х годов (см., например: [Запесоцкий, Файн 1990: 140–144; Щепанская 1992: 173–174]). В то время автостоп воспринимался как отличительный знак *системы* — сообщества «хиппующей, богемствующей, просто неприкаянной публики, которая собирается на свои тусовки» [Щепанская 1992: 162, 173].

В последнее десятилетие рамки автостопа значительно расширились. Сами автостопщики говорят о нескольких типах путешествий по *трассе* — так в соответствии с традицией 80-х годов называется и дорога, и процесс бесплатного передвижения по ней[2].

Первый тип по-прежнему связан с традиционной культурой системы: молодые люди автостопом добираются до мест современных *тусовок* — неформальных (не имеющих рекламы, не организованных в обычном смысле слова) музыкальных рок-фестивалей, собраний *ролевиков*[3] и т. п.

Часть из этих путешественников могут достигнуть цели, но могут и изменить направление пути, так как для них важнее импровизационность поведения и ощущение полной внутренней свободы, с ней связанной. Модель такого поведения нашла отражение в «системном» фольклоре, в частности в анекдотах. Хиппи-автостопщик никогда не знает, что с ним произойдет в следующую минуту: «Хиппи пошел выносить мусор. Через месяц возвращается в тех же тапочках, но без ведра»[4]. Аналогичный анекдот — о группе хиппи, отправившихся в путешествие: «Лежат хиппи. Чей-то голос: “Может, супчик сварим?” — “Ага”, — отзывается кто-то. И лежат дальше. Проходит часов пять. “Может, супчик сварим?” — говорит еще кто-то. — “Ага”, — говорят все и засыпают. Утром просыпаются. Кто-то: “А давай стопом в Питер!” — “Ага!” — говорят все. Собирают рюкзаки и уходят»[5].

В среде современных автостопщиков таких путешественников называют «тюлени».

Второй тип — поездки автостопщиков-прагматиков: для них главное — добраться из одного пункта в другой за определенное время и добраться бесплатно. Таких людей много, особенно среди студенческой молодежи: едут к родителям из города, где учатся, едут к друзьям и т. п. Однако у прагматиков поездки автостопом, как правило, не соотносятся ни с определенным типом культуры, ни с теми или иными культурными ассоциациями.

Третий тип представляют молодые люди, которые во время каникул или во время отпуска отправляются в далекие путешествия. Популяризатор таких путешествий А.Кротов называет их *вольными* [Кротов, Петров 1996]. К путешествию готовятся: снаряжение автостопщика должно быть не громоздким, но содержащим все необходимое для дальнего пути. «Вольные» путешественники называют себя по-разному: *странники*, *романтики*, *бродяги*. Один из наших информантов употребил термин *эффективные автостопщики*: «Это люди, которые проезжают из точки А в точку Б так, как им хочется. Они могут проехать быстро, но не ставят это себе целью, они могут остановиться в интересующем их месте. При этом они примерно знают, когда они могут достигнуть какой-то точки»[6].

Все странники говорят о том, что дорога для них связана с особым мироощущением, которое формировалось под воздействием культурных традиций. Среди них особо выделяется рок-музыкальная традиция 1980–1990-х годов, в которой мотив дороги приобретает важное идеологическое наполнение: она — единственная возможность уйти из суеты и одиночества в толпе, от лицемерия городского мира в естественный, первозданный мир природы. Не случайно образ странствующего хиппи в молодежном фольклоре может вызывать иронию, но может и поэтизироваться. Передавая подобное восприятие традиционного образа молодежной культуры, студентка Ульяновского университета О.Кузнецова говорит: «Настоящий хиппи находится в состоянии вечного поиска, путешествия; он идет по дороге, срывая цветы. Перемещение — это свобода...».

Другая традиция связана с мифологизацией древнего странничества, характерного для русской национальной культуры: «Вот уходит, скажем, человек в тайгу, там отшельник какой-нибудь, или, я не знаю, в пустыню куда-нибудь уходит, вот... Ему просто приятно, он кайфует от того, что он один на один с миром». Эти ассоциации и позволили нам назвать молодежные путешествия *странничеством*. Странники, романтики говорят о трассе как об образе жизни, об особом «состоянии души». По признанию моих собеседников, «это просто такая... жизнь параллельная: вот идешь и чувствуешь: ты и дорога — как сказать? Ощущение, что ты один на один с вселенной».

«У меня устоялось отношение к трассе как некой мистической замене нашей повседневной жизни. То есть, трасса для меня больше, чем просто дорога из точки А в точку Б, а получение удовольствия, получение каких-то знаний, впечатлений, какие-то этапы в жизни моей психологической, то есть это довольно серьезная вещь, и я не могу дома сидеть очень долго».

Некоторые странники мифологизируют дух бродяжничества, который, по их словам, они ощущают в себе. Один из автостопщиков с большим стажем путе-

шествий с обидой говорил собирателю о врачах-психиатрах, определяющих тягу к бродяжничеству как болезнь[7]. С его точки зрения, такое определение было вызвано идеологическими причинами. В духе народной этимологии, пытаясь вспомнить название соответствующего медицинского термина, он заменил его словом *тропомания*.

Четвертый тип — спортивный автостоп, который начал складываться совсем недавно. В разных городах появляются клубы автостопа. Их участники устраивают специальные соревнования. Критерием победы в гонках автостопа могут быть скорость перемещения от одного города до другого, марки машин, на которых перемещается стопщик по трассе, и даже самый интересный предмет, привезенный из конечного пункта соревнований (в недавних соревнованиях ульяновских автостопщиков он назывался *фича*), — таким предметом может быть театральная афиша, реклама автомобильной компании и даже штемпель главпочтамта... в студенческом билете.

В последнее семилетие автостопщики собираются на так называемые «встречи на Эльбе». Первая такая встреча произошла на Валдае: «Встретились ребята из московского и питерского клубов <...> Очень много народу приехало. Ну, как вот союзники встретились на Эльбе в свое время. Вот поэтому так обозвали "Встреча на Эльбе". Это название очень прилепилось как-то».

Отношение к спортивному автостопу неоднозначно. Бывшие странники говорят, что спортсмены дискредитируют традицию странничества. Однако общение со многими автостопщиками показывает, что один и тот же человек участвует и в спортивных соревнованиях, и отправляется в вольное путешествие, когда испытывает в этом внутреннюю потребность.

Бесспорно одно: опытный автостопщик, за плечами которого несколько лет поездок и десятки, а то и сотни километров пути, в молодежной среде пользуется большим уважением. Достаточно назвать длинный маршрут, преодоленный стопщиком, чтобы в незнакомом городе встретить гостеприимство и готовность помочь. О бывалом автостопщике возникает множество устных рассказов. Постепенно они обрастают все новыми и новыми подробностями и в конце концов и сами события, и облик главного героя приобретают мифологические черты: «Говорят, вот какой-то парень, чей-то друг, добрался до Франции, до Французского почетного легиона автостопом. И как будто, когда узнали, что он так добрался, якобы из Владивостока, его якобы сразу приняли во Французский почетный легион за этот подвиг. Про того же мужика рассказывают: по тоннелю он якобы прошел под Ла-Маншем, где ходят поезда от Франции до Англии»[8].

Сегодня с уверенностью можно сказать, что в среде автостопщиков сложился особый пласт молодежной субкультуры, который восходит, с одной стороны, к уже упомянутым традициям 80–начала 90-х годов, но вместе с тем и значительно от них отличается.

Автостопщики общаются друг с другом на трассе, после путешествия они собираются в родном городе и рассказывают о своих впечатлениях, обобщают накопленный опыт в клубах, во время слетов («Встречи на Эльбе» и др.) и обмениваются информацией по электронной почте. Модели поведения, нравственные нормы, суеверные представления — все это становится частью коммуника-

тивной системы, благодаря которой существует соответствующая традиция. Некоторые ее особенности мы и попытаемся рассмотреть в данной статье. Материалом послужили рассказы молодых людей, активно занимающихся автостопом: раз или два в году они обязательно отправляются в вольное странствие.

Прежде чем перейти к исследованию конкретного проявления интересующей нас традиции, необходимо обратить внимание на половозрастные и социальные аспекты современного молодежного странничества.

Бóльшая часть путешествующих автостопом — сегодняшние или недавние студенты. По их собственному признанию, об автостопе они знали еще в школе. Многим старшеклассникам известна книга В.Шанина о «хитч-хайкерах» (так называют автостопщиков в Америке) [Шанин 1994]. «Еще в школе говорили, — вспоминает О.Кузнецова, — "Поедем стопом в Крым!"». Однако школьники редко становятся «стопщиками»: до студенческого возраста в русских семьях опека родителей достаточно сильна, и самостоятельное далекое путешествие остается для подростков чаще всего мечтой. Первые свои поездки автостопом наши информанты связывали почти постоянно с началом студенческой жизни, когда изменяется круг общения, и информация об автостопе становится не книжно-отвлеченной, а конкретной, связанной со знакомыми людьми, вызывающими, как уже отмечалось, уважение в молодежной среде.

Идея первой поездки возникает часто спонтанно («вдруг, неожиданно для себя», — по словам одного из наших информантов) под воздействием общения с ровесниками, в связи с желанием «испытать себя» или при встрече с опытным автостопщиком, который соглашается в путешествии стать партнером.

У родителей, как правило, сама идея такого путешествия получает резкий отпор. Один из наших информантов вспоминает: «Родители меня отпускали со страшным скандалом, и, как потом мне рассказывали, они даже на вокзал приезжали, меня по громкоговорителю вызывали, хотя я давно уже был в пути».

Чтобы избежать конфликта, молодые люди говорят домашним, что они собираются путешествовать «цивильно» (купив билет на поезд или рейсовый автобус), получают на это родительские деньги, которые затем экономят в пути. Умолчание об истинном характере вольных странствий объясняется также заботой о родителях: дети не хотят их расстраивать, заранее предвидя определенную эмоциональную реакцию.

Итак, нижняя возрастная граница автостопщиков — странников — 18–19 лет. После 24–25 лет они считаются *старичками*, их многочисленные рассказы и *приколы* подхватываются восторженными слушателями и передаются из уст в уста. В этом возрасте бывалые стопщики часто расстаются со своим увлечением: меняется социальный статус молодого человека, появляется семья, возникает необходимость стабильного заработка и т. п. Кроме того, возраст и социальный статус «нищего студента» оправдывают в глазах окружающих желание проехать по стране бесплатно. Людям более старшего возраста приписываются в таком случае определенные социальные роли: они или вызывают жалость («неудачник») или презрение («лентяй»).

Путешествуют автостопом обычно поодиночке или парами. В первый раз предпочитают ехать с кем-то. Один из опытных автостопщиков вспоминает: «К

счастью, первый раз меня на трассу выводили <...> Вот я ведомый был, набирался опыта. Я представляю людей, которые самостоятельно выходят на трассу, это страх страшнейший вообще». Лучшим вариантом считается, когда в паре едут парень с девушкой. Такая пара вызывает доверие у водителей, а значит, у молодых людей больше шансов на остановку машины. Сложнее остановить машину двум молодым людям: в целях безопасности шоферы проезжают мимо.

Многие молодые люди путешествуют в одиночку: в экстремальной ситуации легче отвечать за себя. Кроме того, и шоферы дальних рейсов (дальнобойщики), видя молодого человека, надеются на попутчика, который в случае непредвиденных обстоятельств может стать помощником. «Существует такое понятие — кодекс автостопщика — мало того, что не навреди водителю, но помочь ему обязательно, если что-то случилось, ты должен остаться с машиной, помочь ему ее отремонтировать и т. п.».

Девушке странствовать одной гораздо тяжелее. Дают о себе знать стереотипы восприятия: «Поездив с водителями-дальнобойщиками, я узнал, что у них жесткая установка — не брать женщин, поскольку там на трассе очень много “плечевых”. Соответственно при виде девушки на трассе у водителя возникает стереотип: “Скорее всего — дорожная проститутка”».

Не легче девушке и тогда, когда она садится в машину: «Одной ехать очень тяжело. Важно соответствующим образом “поставить себя” и ввести водителя в определенные рамки — и тогда все становится нормальным. Я абсолютно спокойно воспринимаю путешествие в одиночку, если первые полчаса удается наладить определенный контакт с водителем. Как только он начинает испытывать к тебе уважение, путешествие становится удовольствием».

Странствие девушки с молодым человеком имеет свои преимущества, но при этом, как подчеркивают информанты, важно, чтобы у пары была психологическая совместимость и желательно, чтобы сексуальные проблемы были решены до путешествия. «В стопе часто ругаются. Если едет пара на далекий маршрут, люди все время вместе — это, как супружеская жизнь...»

«Людям приходится и хлеб, и ночлег делить. И если сексуальные проблемы не решены, они начинают выливаться в раздражение и враждебность. В совместном путешествии это опасно».

Если девушка с парнем все-таки отправляются в путь вместе, они заранее договариваются, кто берет на себя роль ведущего, а кто — ведомого. Молодой человек выступает в качестве ведомого лишь тогда, когда он — новичок на трассе. «Ведущий останавливает машины, говорит с водителями, потом ведет разговор в машине. Ведомой часто девушка бывает». После первого длительного путешествия ведомый может стать ведущим или отправиться в путешествие самостоятельно.

Выход на трассу всегда связан с обостренными эмоциональными переживаниями. Пространственно-временные ощущения у странника, вышедшего из города, резко меняются. «То, что было позади, уже неважно, то, что будет впереди — неизвестно. Есть только здесь и сейчас». «В дороге возникает такое состояние, когда ты уже не в том городе, но еще и не в другом, уже не вчера, но еще и не завтра — какой-то временнóй провал возникает и пространственный. Какое-то особое <...> маргинальное состояние».

Трасса (как и любая долгая дорога для странника) полна неожиданностей. Происходящее на ней порой трудно объяснить с точки зрения обыденной логики. При осмыслении тех или иных событий иррациональная сфера сознания часто берет верх. Мифологические архетипы приобретают конструктивную роль в построении моделей, определяющих картину мира в восприятии путешественника.

Мифологизация трассы — общее место в рассказах практически всех автостопщиков: трасса мистически связана с человеком, ее надо уметь чувствовать. Прежде чем выйти на трассу, необходимо прислушаться к себе, к своему «внутреннему голосу». В плохом настроении выход на трассу бесполезен и даже опасен. «Дорога либо “тянет” человека, либо его “тормозит”». К одним людям она благосклонна, других «не терпит», «не держит»: «Они вот сколько ни пробовали уезжать, то бьют их на дороге, то трассу, которую все проходят за два часа, они за три дня проходят...»

Трасса воспринимается как одухотворенное пространство («магия трассы — она определенно существует, может, это душа трассы»). Странник на трассе чувствует себя объектом, на который воздействуют некие таинственные силы. Эти ощущения формируют модели поведения во время путешествия: на трассе не стоит торопиться. Если дорога задерживает странников — значит, в этом есть некий смысл, который откроется впоследствии. В рассказе одного из наших информантов прозвучали слова: «Трасса иногда ведет себя интересно». Однажды неудачи преследовали его одна за другой. Но в конце путешествия он помог проехать по трассе другим автостопщикам, остановив вместительный уазик: «Я для себя сделал вывод, что трасса задержала меня в общей сложности на три часа именно для того, чтобы я сократил время путешествия для восьми человек».

В среде автостопщиков существует уверенность, что на трассе действует «закон равновесия»: «Если в начале поездки тебе очень везет, то это означает, что удачу, которая тебе выделена на всю дорогу, ты вначале всю спускаешь, а потом вот так вот — будешь трахаться. Или наоборот, когда ты корчишься первую часть дороги — обратно всегда уедешь». В связи с этим считается легкомыслием откровенно радоваться везению на трассе. Знаком того, что удача изменила путешественникам, может быть резкое изменение погоды («под Омском дождь смыл нашу удачу») или сопротивление трассы (невозможность остановить машину, невозможность найти долгожданный ночлег и т. п.).

Один из наших информантов сообщил, что под воздействием мистического ощущения трассы у него выработался определенный ритуал: «Когда я выхожу на трассу, минут 5–10 я просто стою, не поднимая руки, и при этом мысленно общаюсь со своим, видимо, воображаемым богом дороги, богом путешествия. К этому можно, конечно, относиться по-разному, но когда представляешь себе дорогу, причем не как кусок асфальта <...> а поднимаешься чуть выше и понимаешь, что дороги опутывают почти все обжитое пространство, они — мощная такая система, каждый небольшой кусочек этой системы обладает аурой, которую в нее привнесли, то понимаешь, что какие-то законы непостижимые там действуют, и на всякий случай нужно пообщаться с ней».

С мистическими переживаниями трассы связаны приметы автостопщиков. По свидетельству одного из наших собеседников, «увидеть радугу на трассе — хуже некуда». Другая плохая примета — поворачивать с полпути. По намеченному маршруту нужно дойти до конца. Грех, за который на трассе следует неминуемая расплата, — «украсть что-нибудь у водителя, любую мелочь, даже ему ненужную, если даже он ее выкинет. То есть это не то, что взял, — стащил незаметно свою удачу».

Как показывают приведенные примеры, приметы автостопщиков близки аналогичным паремийным текстам общенационального фольклорного фонда. Одни из них предвещают изменения в погоде, другие закрепляют нормы нравственного поведения в пути. Но есть и специфические приметы, характерные для данной традиции. Их диктуют сами условия путешествия автостопом. «Если ты вышел, идти автостопом настроился — никогда не плати. То есть не из жадности, и не из принципа, ну вот это примета такая. То есть, заплатив, ты просто свою удачу убиваешь. Не играй в базар. Вот эта вот трассовая удача, вот это везение — вполне реальная вещь, соответственно не трать ее на другие вещи — на какие-нибудь лотереи, какие-нибудь споры, на какие-нибудь азартные игры».

Кроме удачи и везения, на трассе очень важны практические навыки. Едва ли не самый значительный из них — умение общаться. Передвижение автостопщика всецело зависит от благосклонности водителей. Существует представление о том, как можно вызвать доверие шофера: «Нужно привести себя в соответствующее психологическое состояние: лицо достаточно открытое, достаточно уверенное, несуетные движения».

Первые фразы, которые произносит автостопщик, имеют знаковый характер: они должны быть для шофера информацией о том, что перед ним не обычный пассажир. «Здравствуйте, по трассе не подбросите?» — это означает, что путник не едет в конкретный населенный пункт, находящийся неподалеку. Если за этим следует замешательство, произносится следующая фраза: «Чем дальше — тем лучше». Любой шофер понимает, что перед ним человек, который не собирается оплачивать поездку. Иногда первая фраза звучит более определенно: «По трассе не подбросите? Денег на дорогу нет». По словам наших информантов, после этого следует короткое: «Садись!».

Все автостопщики отмечают, что люди на трассе ведут себя по-другому, чем в городе. «Во-первых, у них к окружающему миру и к тем же странникам-автостопщикам совсем другое отношение, чем в городе. В городе машин значительно больше, чем за городом. Но доехать бесплатно шансов гораздо меньше. Срабатывает стереотип извозчика: если я везу — ты должен платить». На трассе же и шофер, и автостопщик знают, что есть эквивалент, заменяющий деньги: это разговор в пути. В связи с этим появилась еще одна формула, которая произносится, когда шофер открывает дверцу машины: «За умный разговор подбросишь?».

По негласному кодексу автостопщиков, неприлично садиться в машину и молчать (лишь двое наших информантов сочли это возможным). В общении с шофером часто есть практическая необходимость: за разговором незаметно проходит долгий путь. Во время ночного путешествия общение спасает шофера от опасности заснуть за рулем.

Наши информанты говорили, что налаживать контакты с людьми интересно. Но вести многочасовые разговоры с незнакомым человеком, беря инициативу на себя, очень утомительно. Особенно трудно, когда приходится часто пересаживаться с машины на машину и заново находить нить разговора. Откровенное осуждение у автостопщиков вызывают шоферы, которые навязчиво требуют разговора, хотя сами его не поддерживают.

«Однажды за два часа разговора мы приустали. Шофер требовательно обратился к нам: "Ну давайте, разговаривайте дальше. За что же я вас везу?"»

«Есть три типа шоферов: сел — молчи, сел — говори и сел — слушай. Ну, конечно самое классное: сел — молчи».

Однако ехать с молчаливым шофером тоже бывает дискомфортно: «Совесть не позволяет ехать в такой машине долго, так как общение считается неофициально нашей платой за проезд».

По наблюдениям автостопщиков, останавливают машины те шоферы, которые настроены на разговор. Необходимость постоянно поддерживать его, выработала несколько моделей поведения. «Если едет автостопная пара, то принято по очереди разговаривать с шофером. Вот если парень с девушкой, то обычно парень берет на себя большую нагрузку. Девушка берет на себя инициативу, чтобы дать ему отдохнуть».

Если странник путешествует в одиночку, он берет с собой магнитофонные кассеты с аудиозаписями. Устав от разговоров, он предлагает шоферу послушать музыку, чтобы потом снова возобновить беседу.

Когда темы обычных разговоров (бытовые, социальные, политические) идут на убыль, автостопщики начинают рассказывать водителю байки. Слово «байка» хорошо известно каждому автостопщику. Это не жанровое определение[9]. Под байкой разумеется любой рассказ, которым автостопщики развлекают водителя[10].

Байка может возникнуть в общении спонтанно, например как рассказ об эпизоде, свидетелем которого был автостопщик. Если шофер вспоминает свой «рассказ кстати», странник может запомнить его как «шоферскую байку» и использовать в общении с другими водителями.

Ни четкой структурой, ни повторяемостью мотивов такие рассказы не обладают. Но на протяжении долгого пути при непрерывном общении с разными людьми у автостопщика создается устойчивый репертуар таких баек. Их рассказывают почти автоматически: «Даже такая шутка профессиональная образовалась — садишься в машину, водитель рядом сидит. Ты говоришь: "Можно я пока плейер послушаю, пока вы меня послушаете?"». Возникают тексты, которые сами автостопщики называют «накатанные байки». Они являются необходимым субститутом общения в путешествии.

Постепенно такие тексты на бессознательном уровне от многократного повторения структурируются по законам народной традиционной прозы. Так, рассказ о случайной находке на трассе, записанный от одного из наших информантов, тяготеет к известному сюжету легенды о неразменном рубле. Однако если в народной традиции событие, о котором рассказывается в легенде, воспринимается серьезно, то в байках то же событие окрашено иронией. В рассказах этого типа проявляется ироническая саморефлексия — общий отличительный признак

молодежной субкультуры. В упомянутой байке пародируется серьезное отношение к мистическому объяснению удачи на трассе (разделяемое в определенный момент, как мы отмечали, всеми автостопщиками):

> Со мной случай был, то есть иду я по дороге, по трассе, и вижу: монета лежит. Подбираю, смотрю, а монета такая — 50 рублей, была такая монета в свое время. Ее, видать, по асфальту протащило, и пятерка у ней вытерта. И так получилось: написано «0 рублей». «О, — думаю, — автостопщицкая монета. Такая монета, если в руки попадет, может остановить практически любую машину». Представляешь, ее в руке поднять — тут же останавливается машина. Я беру, поднимаю руку, значит, останавливается машина первая же самая, ну я залезаю. Едем. Выхожу, значит, опять поднимаю — не останавливает. «О, — думаю, — монета, наверное, с конечным зарядом, то есть можно только определенное число...» Но все-таки еще можно, если руку поднять, сосредоточиться мысленно, послать заряд энергии чуваку навстречу. Хоп, опять останавливаю машину, сажусь, опять еду. А потом как-то выхожу — мне спать хотелось, зашел в лесок, расстелил спальник... Просыпаюсь — монеты нет. Все — значит заряд кончился, перешел на смену кому-нибудь другому там где-нибудь на дальневосточной трассе...

Некоторые автостопщики коллекционируют и даже записывают байки, чтобы при будущем общении не напрягать память. По возвращении из долгих странствий их рассказывают друзьям. При дальнейших пересказах они попадают в контекст молодежной устной традиции и тяготеют к анекдотам и приколам. Разные информанты рассказывали нам, например, о том, как два чудака везли автостопом из Москвы холодильник «Stinol»; в вариантах этого рассказа он заменялся компьютерным оборудованием для большой лаборатории. Чем более громоздким и неудобным для перевозки был предмет, который «прятался в кустах», тем больший комический эффект байка вызывала у слушателей.

Другой тип баек изначально ориентирован на определенную традицию — в частности, на традицию детских «страшных историй» или туристских мифологических рассказов. Структура этих баек легко узнаваема. Одна из функций повествования — вызвать в памяти слушателя мгновенные ассоциации. Эти ассоциации лишают рассказ налета таинственности, который характерен для фольклорного «первоисточника». Пародийное начало таких рассказов очевидно.

Один из наших информантов негативно оценил эту фольклорную традицию, говоря о ее искуственности и подражании. На вопрос, о каком подражании идет речь, он ответил: «Ну классическому такому, детскому, да, детскому фольклору».

Однако открытое подражание в данном случае и преобразует семантику столь знакомой повествовательной структуры: детский «страшный рассказ» в контексте молодежной субкультуры трансформируется в байку, побасенку, рассказ-игру. В этой игре пародируется и сам детский рассказ, и наивный слушатель — ребенок, каким недавно был сам рассказчик. Не случайно эти рассказы не выделяются в общем фонде баек, выполняя одну и ту же функцию — развлечь собеседника, приятно скоротать с ним время.

Сюжетным ядром повествования в названном типе баек является таинственный предмет (обычно — средство передвижения) или таинственный персонаж (на трассе это либо шофер — драйвер, либо стопщик).

Есть Черный КАМАЗ, который ездит по дорогам. Он весь черен, блестящ, новый. Хорошенький, черненький. За рулем сидит водитель. Сиденье обито черной кожей, и это тоже все без всяких украшений. Водитель — брюнет, одет в кожанку, обязательно, конечно же, черную, черные перчатки с обрезаными пальцами. Они лежат на руле. Стопщики садятся в этот КАМАЗ, и никто их больше не видит.

В других рассказах косвенным образом утверждается неписаный «кодекс автостопщика», согласно которому нельзя употреблять во зло гостеприимство людей, оказавших путнику помощь.

Рассказывают про Черного Стопщика. Он шел в тайге. Там есть такой участок дороги, по которой с трудом проезжают КАМАЗы. Эту дорогу называют «дорогой смерти». И вот по этой дороге плелся одинокий стопщик. Совсем ему давно уже не стопилось, он съел свою еду, не знал просто, что делать, и его подобрала экспедиция. Посадили в вездеход, напоили, накормили, обогрели. Оказалось, это геологи. Они остановились на заимке. А на следующий день им надо было выходить на трассу. Стопщик понял, что он будет с ними мотаться, а это выше его сил. Тогда он вышел из дома, взял еду, воду, вездеход и уехал. Утром геологи встали, обнаружили, что нет ни воды, ни еды, ни вездехода. Вот. Зато есть след на снегу. И они пошли по этому следу. Они знали, что у вездехода бензина километров на 15. Ну они пошли по этому следу и обнаружили там вездеход. Там была вся еда, вся вода — и ни одного следа, никакого стопщика. Так и пропал. Теперь он скитается по дорогам. Когда машина останавливается, он исчезает, потому что ему стыдно посмотреть в глаза водителю.

«Неправильное» поведение автостопщика определяет сюжет и другой байки:

Вот парень ехал однажды, до какого-то города оставалось десять километров. Застопил КАМАЗ, значит, едет. Ему драйвер (водитель. — *Соб.*) говорит: «Слушай, скажи чё-нибудь, а то засыпаю прям, не могу». Он говорит: «Да ладно, чё тут — 10 километров доедем и всё!» — «Слушай, ну ладно ты, парень, расскажи анекдот какой-нибудь, щас ведь засну». — «Да ну, у меня язык уж не ворочается». — «Ну выходи тогда». Ну он подумал: «Ладно, щас какую-нибудь крупную машину остановлю, доеду»). Ну, выходит, значит, из машины, КАМАЗ уезжает, тот действительно тормозит какую-то «девятку» (модель «Жигулей». — *Соб.*), вот едет, значит, едет-едет, вдруг видит 11-километровый столб. Он говорит: «Как 11-й? Мы ведь, вроде, в город едем?» — «Ни фига, я, — говорит, — из города еду». Он говорит: «Остановите, я выйти хочу». Он перешел на другую сторону, опять остановил машину — опять 11-й. Он говорит: «Как же так? Мы же в город едем?». Водитель: «Да я не знаю, я вообще из города еду». Ну он, короче, вышел, и с тех пор парень не может попасть в город, он доезжает только до десятого километра, его переносит сразу за город на 11-й километр. И он будет мотаться до тех пор, пока не попадет в кабину к тому же водителю и не расскажет ему анекдот.

Такие рассказы сегодня стали частью «компьютерного фольклора», так как распространяются через сеть FIDO (электронная связь), но при многочисленных пересказах они приобретают все свойства устного фольклорного текста, о чем свидетельствуют многочисленные варианты, часть из которых приводится в приложении.

В анекдотах автостопщиков ирония направлена на тех, кто излишне программирует практику автостопа и наивно идеализирует теоретиков «движения», среди которых особое место отводится А.Кротову.

Антон Кротов в одном из своих путешествий, пользуясь перемещением в локомотивах, подошел к водителю — машинисту локомотива — и начал обычной своей скороговоркой стандартные свои фразы: «Здравствуйте, я путешествую, я еду оттуда-то, туда-то, нельзя ли с вами сколько-нибудь по железной дороге». Машинист на него удивленно смотрит, говорит:
– Ну, давайте, садитесь.
На что Антон заходит внутрь, привычно устраивается, кладет пеночку, расстилает спальник, ложится и тут слышит:
– Осторожно! Двери закрываются. Следующая станция — Китай-город!
Антон Кротов, довольно много пропутешествовав по России, чтобы облегчить участь других путешественников, выпустил небольшую брошюрку «Все электрички России». После очередного многострадального путешествия А.Кротова издательство «Вольный ветер» выпустит новую брошюру под названием «Все медсестрички России».

Разговор о культуре молодежного странничества был бы неполным, если бы мы не упомянули очень важную для автостопщиков *систему вписок*.

Странствие — не только дорога, но и остановки на ней, дающие возможность отдохнуть. В любом незнакомом городе путники могут найти приют, пользуясь традицией, которая сложилась в молодежной субкультуре 80–начала 90-х годов. По этой традиции *вписка* — место, где человек может найти пристанище на короткий промежуток времени. Это может быть квартира, хозяева которой сами — вчерашние системщики — помогают странникам, с уважением относясь к их путешествию. Находят такие квартиры по *рингушнику* (от англ. to ring — ‘звонить’) — списку телефонных номеров, по которым можно узнать, согласны ли хозяева *вписать* путников в том или другом городе. Сведения о соответствующих номерах телефонов передаются по цепочке от одного автостопщика к другому. Во время путешествия такие рингушники значительно пополняются: новые знакомые приглашают к себе и дают номера своих телефонов.

Существуют свои представления о нормах поведения на вписках. Во-первых, не рекомендуется приходить к людям внезапно, без звонка, не предупреждая о своем приезде в город. Считается, что за вписку нужно заплатить так же, как за бесплатный проезд, — заплатить готовностью помочь, готовностью подключиться к бытовым заботам, умением поговорить по душам и если надо, внимательно выслушать собеседника. Один из наших информантов рассказывает: «На очень многих вписках меня встречают с распростертыми объятиями: если посуда грязная, я начинаю ее мыть. Если нечего есть — всегда сварю кашу. Даже самая грязная вписка при должных усилиях превращается в очень приятное место. На одной из вписок меня тут же “коком” окрестили».

Другой автостопщик говорит о том, что для него стало традицией появляться на вписке со своими продуктами, «причем не такими, как рис, суп, а какими-то деликатесами — варенье, печенье, шоколад, чай хороший...».

Вечером надо прийти не очень поздно, а утром уйти пораньше, чтобы не обременять хозяев.

Если вписка — бесхозное место (дом, предназначенный на снос, заброшенная квартира), «там действуют свои законы поведения, которые иногда даже записываются в шутливой форме и вывешиваются на стене».

Не рекомендуется пользоваться впиской без надобности, из любопытства. По этому поводу нам рассказали такой анекдот: «Встречаются два ульяновских... как их назвать... “системщика”. Один другого спрашивает: “У тебя есть на сегодня вписка?” — “Нет”. — “А у тебя?” — “Тоже нет”. — “Ну, пошли по домам”».

Как бы то ни было, кодекс странника «не навреди тем, кто помог в пути» и здесь остается в силе.

В заключение остается сказать, что молодые люди воспринимают свои путешествия как важную часть жизни. Дальние странствия значительно изменяют представление о мире, словно раздвигая некие границы. Мир воспринимается как единое целое («в разных городах, которые находятся на огромном расстоянии друг от друга, находишь общих знакомых — очень радостное ощущение»).

Странствия сокращают расстояния и позволяют обмениваться необходимой для молодых людей информацией (музыкальными записями, рукописными поэтическими сборниками, газетами и т. п.).

Кроме того, путешествие автостопом способствует процессу скорейшей социализации личности. Необходимость в сравнительно короткие промежутки времени находить контакт с разными людьми становится великолепным социально-психологическим тренингом, помогающим утвердиться в себе и своих возможностях.

Примечания

1 «Словарь русского языка» (Т. I–IV. М., 1981) дает следующее определение: «Автостоп — ж.-д. — устройство для автоматической остановки поезда» (Т. I. С. 23). В словаре С.И.Ожегова появляется новое определение: «Автостоп — документ, дающий туристу право на остановку попутных машин, а также само путешествие» (*Ожегов С.И.* Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. Изд. 22-е. М., 1990).

2 В настоящей работе речь идет о наиболее популярном виде современного молодежного автостопа — бесплатном передвижении по автомобильным дорогам.

3 *Ролевики, игровики, игрушечники* — особый пласт молодежной субкультуры, своеобразный театр, в котором разыгрываются импровизированные спектакли на заданную тему (литературную, историческую, мифологическую и т. п.).

4 Записано автором 29.01.99 в г. Ульяновске от И.Ферапонтова (1975 г. р.).

5 Записано автором 14.01.99 в г. Ульяновске от О.Кузнецовой (1977 г. р.).

6 Я благодарю за помощь в работе студентов ульяновских вузов Н.Быкову, А.Егорову, И.Ильину, О.Кузнецову, А.Тимофееву, С.Коронова, С.Тимофеева, И.Шакирова, И.Ферапонтова, а также С.Вернигоренко и С.Лукиных. С их разрешения привожу отрывки из их рассказов и фольклорные тексты в кавычках, но без подробной паспортизации.

[7] В медицине действительно есть диагноз *дромомания* — импульсивно возникающее стремление к перемене мест, к поездкам, к бродяжничеству (*Банщиков В.М., Короленко Ц.П., Давыдов И.В.* Общая психопатология. М., 1971. С. 66).

[8] Записано автором 25.12.98 в г. Ульяновске от И.Шакирова (1978 г. р.).

[9] Ср., например: «Байка — короткая сказка, побасенка» (Словарь русского языка.Т. I. С. 56).

[10] Смысл слова в среде автостопщиков близок к определению, которое дает В.И.Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка», связывая слова *баяние*, *байка* с понятиями «говорение», «болтание» (Т. I. С. 38).

Литература

Запесоцкий, Файн 1990 — *Запесоцкий А.С., Файн А.П.* Эта непонятная молодежь: Проблемы неформальных молодежных объединений. М., 1990.

Кротов, Петров 1996 — *Кротов А., Петров Д.* Практика вольных путешествий. М., 1996.

Шанин 1994 — *Шанин В.* Хитч-хайкинг: Автостопом по США и Европе. М., 1994.

Щепанская 1992 — *Щепанская Т.Б.* Смеховой мир тусовки и проблема оформления групповых границ // Школьный быт и фольклор. Ч. I: Учебный материал по русскому фольклору. Таллинн, 1992.

1. Белый КАМАЗ

Люди там ехали по трассе, вот, застряли очень крепко, вымокли, заболели, в общем все у них плохо. Машин нет, они там взмолились: пошли нам хоть что-то вот, и едет такой сверкающий белый КАМАЗ такой, с белой кабиной, с белым капотом, белый кузов, там весь белый, вплоть до того, что колеса там белыми полосами окрашены. Подъезжает, в кабине водила сидит, там: «Ребята, заходите». Вот он их там накормил, напоил. «Ребята, вы устали, там, спите, я вот еду до такого-то города». Там вот город такой. Вот приехали они, значит, в этот город, вот. «Довезли что — спасибо». Он — вперед. Повезло — водитель классный, как-то отблагодарить надо, найти, сказать еще раз «спасибо». Вот, пошли на автобазу в этом городе: «У нас нет такой машины и никогда не было». Пошли искать в автошефство по всему региону — этот номер не нашли, т. е. сказали... вышли на ГАИ, вот! «Кому принадлежит такой номер машины?» Они сказали, что такой номер не выдавался ни одной машине, он находится в резерве. Вот. Такой вот виртуальный белый КАМАЗ. Тоже такая сказка (записано 9.12.98 А.Г.Егоровой в г. Ульяновске от С.И.Лукиных, 1974 г. р.).

2.

Это история про стопщиков, которые замерзали, им было плохо, погода — снег, метель, и они, значит, стояли там и мерзли, им было очень плохо, худо, ничто не стопилось. Они начали взывать к высшим силам, совсем уж отчаялись, как вдруг в воздухе сгустилась туча и появился громадный такой КАМАЗ, белый, сверкающий, без единой надписи, с белыми колесами, и проносился над землей. Они подумали, что у них галлюцинации. И тут из снежной пыли вырвался настоящий КАМАЗ, нормальный белый КАМАЗ со всеми надписями, нормальным размером колес, едущий по земле. В нем сидел хороший водитель, он их посадил в кабину, там они переночевали, он их накормил, довез, сказал, в каком автохозяйстве он работает. Они были очень рады, доехали до города, хотели поблагодарить его, пришли туда, а там нет ни такой организации, ни такого номера (записано 17.01.99 автором в г. Ульяновске от О.Кузнецовой, 1978 г. р.).

3. Черный ЗИЛ

Идет одинокий стопщик по трассе, значит вот, сзади его освещают фары. Он поворачивается и видит черный ЗИЛ-130. Вот для информации: черного ЗИЛа-130 не бывает вообще. Он, значит, останавливается, открывается, значит, дверь, вот там на него смотрит черный мужик и говорит: «Залазий!». Он залазиет, и больше его никто не видит, он исчезает.

4.

Также есть еще другая байка. Идет по трассе мужик в черном халате с черной сумкой. Таков вот и водитель, которого он останавливает, который сажает его к себе, того водителя больше никто не видел.

Так вот, доподлинно неизвестно, чё будет, когда черный драйвер (водитель. — *М.Ч.*) встретит черного стопщика.

(По словам информанта, первый текст — о черном ЗИЛе — он узнал в сети FIDO, а второй придумал сам.) (Записано Н.А.Быковой в г. Ульяновске от С.А.Коронова, 1976 г. р.).

5. Черный драйвер

Слышала от ребят из Эстонии, с которыми встретилась, т. е. мы встретились, я и Вадим, около Твери. Сами они, как говорили, не верят в эту историю, но рассказывали очень увлеченно.

Черный драйвер, по их рассказам, — это призрак, который ищет стопщиков. Дело в том, что однажды два человека застопили КАМАЗ и ехали в нем довольно долго. Погода была *нелетная*, дорога скользкая. Шофер превысил скорость и, не справившись с управлением, машина улетела в кювет. По их рассказам, этот драйвер до сих пор ездит по дорогам и ищет призраки, т. е. тех людей, которые погибли по его вине. Говорят, что он приносит удачу, помогает, уберегает от опасностей. Но помогает только честным, добрым (записано 9.02.99 И.Ферапонтовым в г. Ульяновске от И.А.Ильиной, 1977 г. р.).

6. Черный ЗИЛ

Один человек следующую байку рассказывал: в пятницу 13-го довелось ему ехать где-то в Карелии. Все как-то складывалось не очень. День он начал проклинать. Ехал он с напарницей. Ну и под вечер, когда уже стемнело, остановился им ЗИЛ. Дело в том, что ЗИЛ — черный абсолютно. Черный ЗИЛ — это довольно большая редкость, их не красят в этот цвет: зеленый, синий, голубой — это да. Вот. Черный ЗИЛ. Сидит там мужик в черном ватнике. Черный ватник тоже как... редкость. Ну, не такая, конечно. В черном ватнике, в черной ушанке, темные брюки и эти... черные валенки. Вот. Парня насторожило это. Но они сели, едут. Хоть какой-то транспорт. Едут. Тот молчит, в разговор не вступает. Ну тот решил, чтобы поддержать разговор, спросил:

– А чё везете-то?

Мужик ответил ему:

– Гроб!

Тот повернулся назад, в окошечко: там действительно в кузове кидало гроб. Остаток пути он ехал, просто размышляя, куда он попал, куда его везут, что это вообще за машина. Когда его высадили на перекрестке, у него просто отлегло на сердце, поскольку все-таки 13-го, в пятницу, да еще при таких обстоятельствах (записано 29.01.99 автором от С.Вернигоренко (системное имя — Грин), 1975 г. р.).

7. Одинокий автобус

Следующее, что, кстати, ему попалось, — это автобус шикарный. Они ехали на задворках каких-то в Карелии, где трасса не особо, а тут шикарный автобус выруливает, останавливается, открывается дверь. Они выдают фразы: «По трассе не подбросите?» — А он еще под впечатлением того отъехавшего ЗИЛа. «Не подбросите?» — Водитель, практически на них не глядя, мрачно кивает и кивает в сторону салона. Они заходят, и весь салон, значит, сидят дети, причем мрачные такие, под стать водителю, насупленные. Вот. Он, опять парень уже — все, у него полностью все уже там съехало, не знает, что думать. Вот. Иностранный автобус в какой-то Карелии, с какими-то мрачными детьми, и тут с заднего этого сиденья раздается такой смачный, детским голоском, смачный русский мат. Вот. Потом выясняется просто: это автобус какой-то не то нефтяной компании, не то еще какой-то. Короче, они детей возят в школу и по вечерам возвращаются. Дети все уставшие, соответственно изможденные. То есть 13-е парнишке выдалось. Такое дело (записано 29.01.99 автором от С.Вернигоренко (системное имя — Грин), 1975 г. р.).

8. Красный «Запорожец»

Когда совсем ничего не помогает, приезжает бабушка на красном «Запорожце» старой модели и везет очень быстро и далеко.

Или вариант: После этого стопится сразу быстро и далеко (записано 17.01.99 автором в г. Ульяновске от О.Кузнецовой, 1978 г. р.).

9. Призрак из будущего

Есть такой рассказ тоже: парень ехал в какой-то город, он, значит, остановился на дороге, на трассе, на обочине ночевать, ну, ночью просыпается, смотрит: стоит КАМАЗ, освещенный фарами, короче, там мужики ругаются, обругиваются, и начинается перестрелка. КАМАЗ, значит, горит, ну, парень со страху зарылся в солому, вот, до утра пролежал, потом встает, подходит к дороге на место, где КАМАЗ должен стоять, — ничё нет, чистое абсолютно место — ни пепла, ни копоти, о КАМАЗе вообще не говорю. Ну пошел в село там, постучался в окно, там так и так, ну водички, может, спросил, говорит: «Вы ничё не слышали? — ночью стреляли». — «Нет». — «Не горело ничё?» — «Не горело». — «Странно». Ну, сел и уехал, ну, допустим в Екатеринбург, ну приехал, там какое-то время побыл и поехал обратно. В обратную сторону поехал. Проезжает мимо, видит: стоит этот КАМАЗ, весь обгорелый, расстрелянный, весь в дырках, все, короче, вот так. Такой призрак из будущего. Вот (записано Н.А.Быковой в г. Ульяновске от С.А.Коронова, 1976 г. р.).

10. «Чаёк чуть-чуть»

Вот тебе байка: ехала я однажды с арабом. А у них заведено: им нельзя ехать больше 100 километров. Вообще, ну, то есть, проезжают 100 километров, им положен отдых полчаса, потом еще 100 километров, ну... Я пока не проехала, я не знала, ну слышала, почувствовала на своей шкуре. Через первые 100 километров он остановился и сказал... Ну, по-русски он почти не говорил, он сказал: «Чаёк чуть-чуть...». Он раскрывал свои спальные принадлежности, холодильники всякие, плиты, раскладывал все это. И пояснял: я, стало быть, как женщина, должна готовить, а он будет сидеть и курить трубку. После этого мы ели, пили чай, много чая. Ехали дальше. И так через каждые сто километров. Маршрут назывался «Чаёк чуть-чуть» (записано 20.11.98. А.Г.Егоровой от И.А.Ильиной, 1977 г. р.).

Анекдоты

1.

Мальчик приходит к папе и говорит: «Папа, папа! Расскажи мне, что такое трасса?!» — «Ну, ладно, давай. Я вот буду драйвером, едущим на машине, а ты вот будешь стопщиком». Ну, мальчик стоит, стопит, всякие знаки руками делает, руками махает, голосует по-всякому, уже чуть ли не ногами. А папа все бегает и бегает мимо него. Он спрашивает: «Папа, папа, а почему ты не останавливаешься? Что это вообще за трасса такая?» — «А, сынок, это безмазёвая (плохая для автостопщика. — *Соб.*) трасса на самом деле» (записано 20.11.98. А.Г.Егоровой от И.А.Ильиной, 1977 г. р.).

2.

Изначально такой анекдот пошел после рекламы пресловутой про «Фанту», да. Типа, тормозили мы с Максом автостопом — ну, вот фраза вот такая. Ну вот, глотнули «Фанты» и застопили «Мерседес». А потом глотнули «Фанты» и застопили крутейший автобус. «А чё нам с Максом — мы ж менты!»

3.

И на эту же тему тоже: тормозили мы с Максом авта-а-стопом, глотнули «Фанты» — застопили пиравоз (паровоз. — *Соб.*), а потом глотнули «Фанты» и застопили крутейший автобус, полный омоновцев. «Прики-инь!» — «А чё — мы ж менты!»

4.

Стоит парень на трассе, стопит, все нормально. Едет, останавливается такой шестисотый «Мерседес» там, оттуда вылазит такой мужик, пальцы веером, такой весь «новый палец» такой весь. Ну вот он оглядывает свою машину капитально, там, со всех сторон. Минут 20 разглядывал, потом подошел к этому автостопщику — он там ждет. Подходит, его за пакли хватает, мордой об капот: «Где ты, сука, “шашечки” увидел?» («шашечки» — знак такси. — *Соб.*) (записано 9.12.98 А.Г.Егоровой в г. Ульяновске от С.И.Лукиных, 1974 г. р.).

5.

Автостопщик-спортсмен переговаривается по рации с водителем-дальнобойщиком. Разговаривают минут пять, все классно, вот он, наконец, просит: «Не подвезете ли меня?» — «С удовольствием. Ты где стоишь?» Он говорит: «Там-то, там-то». Он говорит: «Э-э-э! Дорогой! Мы минуты 3–4 назад мимо тебя проехали!» (записано 29.01.99 автором от С. Вернигоренко (системное имя — Грин), 1975 г. р.).

Приметы

1. Многие свои талисманы берут, игрушки какие-нибудь. А еще советуют для хорошего стопа брать мелочи всякие — колокольчики, календарики, ненужные книжки по стопу — чтобы водителям дарить — это примета такая, чтобы водителю дарить что-нибудь для удачи в пути.

2. Говорят, если выедешь в понедельник, поездка пройдет очень хорошо.

3. Нельзя бояться трассы. Если задумал ехать — не останавливаться ни при каких условиях.

4. Люди такого типа феньки (браслеты из бисера. — *Соб.*) надевают в дорогу. Радужную феньку (содержащую все цвета радуги. — *Соб.*) имеют право носить только после того, как автостопщик прошел экватор, то есть 40 тысяч километров. Откуда это пошло, я не знаю.

Паремии

1. Если ты с утра напился, то к вечеру ты никуда не приедешь.

2. Лучше всего поймать Кинчева на его джипаке!

3. Курица — не птица, «десятка» — не трасса («десятка» — трасса М10 Москва–Санкт-Петербург).

4. При упоминании любого города автостопщик произносит фразу: «Хорошее место... Я там был...».

К.Э.Шумов, Е.В.Абанькина
(Пермь)

Фольклор и обряды туристов

Понятие «традиции туристов» для нас не исчерпывается текстами, ритуалами и поведенческими стереотипами, бытовавшими и бытующими среди туристов-любителей. Если определять границы более точно, необходимо включать и то, что связано с профессиональными альпинистами и спелеологами (чаще всего — геологами), со спортсменами, занимающимися горным, водным, спелео- и пешим туризмом. Кроме того, в эту же среду входят профессионалы, для которых одним из способов профессиональной деятельности является экспедиция (например, археологи).

При подготовке публикации использовались материалы, записанные в 1987–1997 гг. в туристских клубах Перми от туристов-любителей и спортсменов, от профессиональных спелеологов и альпинистов в Перми и Екатеринбурге, от студентов, специализирующихся по археологии. Учитывались публикации в открытой печати[1,2] и материалы из электронных сетей. В общей сложности в нашем распоряжении было около тысячи записей.

Главной отличительной и объединяющей все подгруппы чертой является обязательное временное нахождение вне обычных условий проживания (вне города), нахождение в состоянии движения.

Как и любая ограниченная во внешних контактах группа, туристы бессознательно воспроизводят основные структуры традиционных стереотипов поведения, характерные для привычной среды обитания. Для некоторых первичных контактных групп можно, видимо, говорить о наличии общей закономерности. Условно ее можно обозначить как «тенденцию компенсации». Она проявляется в стремлении членов группы компенсировать в форме специфических культурных текстов и структур потери, связанные с временным нарушением привычных стереотипов поведения. Фактически туристы, солдаты-срочники, заключенные (на время экспедиции, срока службы или заключения) утрачивают повседневную социальную, семейную, политическую стратификацию. Привычные культурные тексты и структуры в ситуации ограниченной (солдаты и заключенные) или безграничной (туристы) свободы перестают выполнять свои функции. Эта ситуация

порождает необходимость каким-то образом компенсировать потери. Необходимо отметить, что принципиально новые тексты не создаются, специфика реализуется только через их содержание. Рассмотрим этот процесс на примере туристских традиций.

Первое, что нуждается в структурировании и описании, это время и пространство.

Время. Для туристов самым существенным является тот промежуток времени, когда группа находится в пути. Именно в это время и реализуются специфические культурные тексты и структуры. Общей тенденцией для групп с ограниченными внешними коммуникациями является «свертывание» привычных временных циклов (годичного и цикла жизни человека).

Как особые могут праздноваться следующие дни во время похода:

начало маршрута;
достижение цели (у горных — восхождение на вершину);
конец маршрута;
экватор (середина месяца или середина маршрута);
целинный Новый Год (середина маршрута);
меридиан — 15 число любого месяца;
Женский день — 8 число месяца;
Мужской день — 23 число месяца;
дни рождения участников (в том числе и *дни именинника*).

Конечно, полное воспроизведение одного цикла в ограниченное время невозможно, но некоторые традиционные даты в него попадают.

В среде спелеологов выделяются специфические представления об изменении течения времени в пещерах. Иногда это течение называют *медленное время*.

«В середине 80-х годов мне рассказывали, что время в разных пещерах течет по-разному — чаще всего медленнее, чем на земле. При этом часы идут так же, как оставленные снаружи. Поэтому для измерения времени была разработана следующая методика. Несколько человек постоянно тренировались точно отмерять промежутки времени простым устным счетом, как это часто делается детьми, когда они соревнуются, — кто может дольше не дышать (секунда, как считается, проходит за тот промежуток времени, когда человек успевает произвести вслух "раз-и"). Тренировались до тех пор, пока не научились отмерять время с точностью до двух-трех секунд за час. При спуске в пещеры люди-счетчики в течение часа устанавливали расхождение реального времени (по счету) с показаниями часовых механизмов в две-три минуты. Этим замедлением времени объясняется долгожительство монахов, которые жили в пещерных кельях или были затворниками. Последние могли доживать по меркам течения земного времени до 120–150 лет.

Эта же группа исследователей считала, что в регионах с самой высокой продолжительностью жизни и наибольшим количеством долгожителей человек биологически живет так же, как и среднестатистический, но поскольку течение времени там отличается от астрономического, люди "проживают" дольше» (*самозапись К.Шумова*).

Пространство. Для любой из рассматриваемых групп пространство воспринимается особым образом. Человек, попадая во «враждебную» для себя природ-

ную среду, вынужденно приспосабливает ее к своим потребностям. Отсутствие привычного жилища компенсируется созданием или использованием временного (палатки, зимовья и пр.). Постоянное нахождение в чужом пространстве вызывает потребность сделать его хотя бы частично своим. Во многом это связано с проявлением территориального инстинкта, выражающегося обычно в расставлении меток на «своей» территории. В наиболее явной форме территориальные метки проявляются при обозначении промежуточных и конечных точек маршрута.

У альпинистов одной из традиций является установка «своего» вымпела, флага (или иного знака, в том числе государственного флага) на вершине после завершения восхождения. Кроме того, на вершине может быть оставлена капсула с посланием.

Традиции спелеологов отличаются от традиций альпинистов, так как зачастую в пещере сложно определить конечную точку маршрута. Но традиция вносить в пещеру разные предметы существует. Так, спелеологи рассказывают, что в одну из уральских пещер кто-то затащил асфальтовый каток. Последнее является скорее розыгрышем, чем подобием ритуального действия.

Отдельные точки на маршруте тоже могут помечаться особым образом. На одной из сложных уральских рек в местах, где когда-то обитали вогулы, на берегу стоит «священное дерево». У водников принято «на удачу» обязательно повязывать на него цветную тряпку. Считается, что тогда маршрут завершится благополучно.

В качестве меток пространства на маршруте выступают многочисленные граффити. Как правило, это мемориальные надписи. Выполняются они самыми разными способами (масляной краской, углем, мелом, мозаикой и пр.).

С ориентацией на маршрут располагаются и основная, и промежуточные базы.

Интересно, что у спелеологов, как правило, не принято ночевать в пещере, у альпинистов ночное восхождение относится к числу исключительных и рекордных, водные туристы чаще всего ночуют на берегу (исключения бывают только у сплавщиков на плотах).

Члены группы. Выделяемая группа состоит из следующих условных подгрупп: *старички* (профессионалы, спортсмены, любители); инструктор; новички (*чайники*, *пионеры* — дети); *профаны*, *аборигены* (или *местные*). В некоторых группах по интересам (альпинисты, *горники*, спелеологи) особо выделяют женщин (*теток*), на которых распространяются некоторые представления, связываемые обычно с новичками. Такое разделение характерно для любого сообщества людей, во многом оно воспроизводит традиционную трехпоколенную семью. Не случайно во многих группах старшего (не обязательно по возрасту) мужчину называют *папой*, а старшую женщину — *мамой*. Закономерно и то, что именно такая структура отношений позволяет легко воспроизводить естественные механизмы передачи традиции. Отношения между выделенными подгруппами составляют основу *походного этикета*.

Вокруг фигуры старичка и формируется профессиональный миф туристов. Именно он является главным носителем и хранителем традиций.

Инструктор — вполне реальная фигура, от которой зависит присвоение разряда спортсменам. Чаще всего инструктор находится в некоторой оппозиции к старичку. Именно из числа инструкторов и возникают культовые фигуры.

Аборигены — местные жители. Зачастую в традициях туристов прослеживается явное влияние местных традиций.

Чайники, как правило, — основной объект насмешек и розыгрышей. Их функция — функция неофита традиционной культуры. Чайник — прямая противоположность старичка, именно в отношениях с ним старичок проявляет мудрость, опыт, находчивость. Но чайник — будущий старичок, если не учитывать тех, кто безнадежно не приспособлен к походной жизни.

Пионеры — школьники на экскурсии, к которым старички относятся с пренебрежением.

Тетки — женщины в походе, которые мало что умеют делать, постоянно совершают ошибки.

Характеристики членов группы по типам зависят от оценки, которая дается им старичком, качества их проявляются, как правило, тоже через отношения со старичками.

* * *

Правила поведения во время похода, этикетные отношения, негласные **запреты** и ограничения реализуются через нарративные сюжеты и условно-ритуальные действия.

Спелеологи. В пещере нельзя курить. Этот запрет имеет рациональный характер. Как правило, естественная вентиляция во многих гротах отсутствует и дым скапливается в них. Закрепление запрета реализуется через сюжеты быличек, в которых Белый Спелеолог наказывает за нарушение. Но довольно часто этот запрет нарушается.

В пещере нельзя громко разговаривать и петь. Рациональная основа этого запрета определяется возможностями обвалов от акустического воздействия. В некоторых пещерах громкие звуки могут привлечь змей.

Нельзя мусорить в пещере. Этот запрет тоже рационален, но нарушается он довольно часто. Поэтому старички подшучивают над новичками, если замечают, что те нарушают запрет, а иногда наказывают лишним нарядом.

Пешие, горники и водники. Нельзя забирать с собой после маршрута старые, непригодные вещи. Их обычно оставляют в конечной точке маршрута или сжигают после окончания маршрута.

Опытные туристы никогда не ставят палатки на местах, где раньше жили люди. Например, если лагерь разбивают в заброшенной деревне, нельзя ставить палатку на месте разрушенного дома, даже если от него ничего уже не осталось и виден только квадрат на траве. Говорят, что спать будешь плохо, что не твое это место, нельзя на месте другого дома ставить свой. Кто знает, как эти люди уезжали.

В конце маршрута туристы никогда не выбрасывают соль. Крупу, вермишель выбрасывают в реку или в лес, а соль заворачивают в герметичную упаковку и

оставляют на видном месте на последней стоянке. Это довольно известный стереотип поведения, восходящий к охотничьим традициям.

Запреты и правила могут быть сформулированы в текстах клятв, которые произносятся во время посвящений. В некоторых случаях они иронически обыгрываются в сформулированных *заповедях.*

Заповеди горных туристов (Из электронной сети RELCOM)

Горячее сырым не бывает.

Быстро поднятое упавшим не считается.

10 километров — бешеной собаке не крюк (вариант — 70 километров).

Гигиена — враг туриста.

Лучше плохо ехать, чем хорошо идти.

Если тебе тяжело, помоги другому, и тебе станет легче.

Альпинисты не мерзнут — они синеют.

Жареных в горах не находили, все как-то больше замерзших.

Зарубился сам — заруби товарища (зарубился — закрепился на подъеме. — *К.Ш.*).

Первый враг значка — гора, второй — инструктор (имеется в виду значок спорсмена-разрядника. — *К.Ш.*).

В кровь всасываются только манная каша и водка.

Объективные опасности в горах:

1. перевернутый примус;
2. голодный инструктор.

Восхождение новичков есть одиночное восхождение инструктора с группой участников.

Заповеди не просто иронически описывают правила поведения и некоторые ситуации, они выполняют и оценочную функцию.

* * *

Погода. Особое, почти мистическое, отношение сложилось у туристов к погодным условиям на маршруте. Так, во время дождей у многих групп существует запрет на произнесение слов «дождь», «ливень», «вода». Запрещается исполнять и песни, в которых это слово употребляется. Например, под запрет попадает песня «Третью неделю — жди, не жди, так же, как прежде, льют дожди...», которая вообще-то является одной из самых популярных самодеятельных песен в туристской среде. Дождливые дни в дневниках помечаются черным цветом или обводятся в календарях траурной рамкой.

При плохой погоде на маршруте туристы, как правило, занимаются поисками *виновных.* К их числу относят тех, кто неправильно уложил рюкзак, взял с собой зонтик, забыл что-то важное дома.

Погодные приметы в этой ситуации приобретают особое значение. В основном это общепринятые приметы, не связанные со спецификой среды. Исключение составляют только наблюдения за отдельными людьми — членами группы, которые наделяются способностью «чувствовать погоду»:

«В 1984 г. при проведении молодежного фольклорного фестиваля в пригородах Перми туристический клуб Пермского университета занимался работой по подготовке фестиваля. Погода выдалась не самая удачная — в день открытия с утра шел пролив-

ной дождь. За два часа до открытия туристы посоветовали организаторам обратиться к их инструктору: “Его погода слушается”. Инструктор сказал: “В половине двенадцатого дождь закончится, после окончания первой части праздника дождь начнется опять”. К удивлению организаторов так и произошло. За полчаса до открытия дождь прекратился и появилось солнце. В четыре часа открытие завершилось, и практически сразу же пошел дождь» (*самозапись К.Шумова*).

Попытки активно воздействовать на погоду носят традиционный характер. К их числу относятся словесные заклинательные формулы и некоторые действия, которые условно можно отнести к магическим (условно, так как они чаще всего воспринимаются как игра).

Молитва туриста

Дай нам, Бог, солнышка и ведро,
Чтобы не было ни дождя, ни дождика,
Ни снежинки, ни порошинки,
А только попутный ветерок
И ласковый денек.

Среди «магических» действий встречаются следующие:

Тучи заклинают, бросая в костер три щепотки соли.
Поливают деревья водой из реки или ручья у стоянки.
«Разгоняют» тучи метлой (веником из свежесломанных веток).
Самую молодую девушку отправляют обнаженной на полянку на восходе солнца, она и «разгоняет тучи», размахивая метлой над головой.

Эхо. Временное погружение в «чужую» среду окружающей природы порождает и иные формы общения туристов с ней. Парадоксальность коммуникативной ситуации в данном случае состоит в том, что человек, обращаясь к природе, не может рассчитывать на адекватный ответ, адекватную реакцию в форме нормального диалога. Единственным способом построения диалога выступает «общение» с эхом. Одной из достопримечательностей на разных маршрутах являются места, в которых встречается многократное эхо. У одной из скал на реке Вишера эхо отражается тринадцать раз. «Вступление в диалог» осуществляется с использованием коротких словесных формул-вопросов.

– Кто украл мой диван? — Иван.

Новичков разыгрывают, предлагая спросить у эха: «Кому не спится в ночь глухую?». Эхо отвечает: «Хую».

* * *

Розыгрыши — неотъемлемая часть культурных стереотипов любой первичной коммуникативной группы. Их объектами чаще всего являются новички. Розыгрыши частично принимают на себя функцию обряда инициации («посвящения»). Присущи они и туристским группам.

Старички разыгрывают новичков во время их первого «кострового» дежурства следующим образом:

перед варкой заставляют продуть, промыть и просушить макароны;
перед варкой заставляют нафаршировать макароны или рожки тушенкой (фаршируют обычно при помощи спички);
заставляют чистить картошку так, чтобы кожура снималась целой спиралью;
советуют чистить картошку в воде, чтобы кожура снималась неразрывной лентой;
принуждают варить кашу в холодной воде.

Одним из правил техники безопасности во время стоянки является необходимость спать головой к выходу. Новички чаще всего ложатся наоборот. Старички рассказывают, что Белый Спелеолог или Черный Альпинист ищут ночами в лагерях человека, из-за которого они погибли. При этом они открывают палатку и смотрят в лицо спящему. Если же видят ноги, то вытаскивают человека из палатки. Если после такого рассказа новички ложатся ногами к выходу, старички ночью действительно вытаскивают их из палатки. Закрепление запрета с помощью сюжетного текста является традиционным для крестьянских традиций.

Если палатка установлена неправильно, вытаскивают колышки, и она через некоторое время падает.

В Челябинской области новичкам рассказывают, что здесь есть Забытый Турист. Если ты ничего не умеешь делать, он может запутать тебя, заблудить, перепутать вещи. Над новичками подшучивают, разыгрывают их, разбрасывают вещи, выдергивают колышки из палаток...

Если новички разбрасывают свою одежду во время ночевки, старички прячут ее, связывают шнурки на обуви, связывают узлом рукава и смачивают узлы водой (так труднее развязать). Неубранные вещи могут быть разбросаны. Если новичок плохо укладывает рюкзак, вещи в нем «перетрясаются».

Есть специфические розыгрыши, бытующие только в отдельных группах по интересам.

Так разыгрывают новичков. Берутся новые носки, один из которых постоянно носится, чтобы все видели, и занашивается до непотребного состояния, а второй бережно хранится. Потом ношеный носок кладут на перекладину сушиться, а новый засовывают в ведро с чаем, которое висит над костром. Когда все сидят у костра, а носок, который сушился к тому времени, уже прячешь, начинаешь ко всем приставать: «Вы не видели мой носок, он над костром сушился? А ты не видел?». Ну все пьют чай, и последней кружкой вычерпываешь носок. Реакция у новичков бывает замечательная, особенно у девушек.

Станция туристов в Березниках. Там около станции стоят небольшие колышки рядком, примерно через 60 см каждый. И новичкам говорят, что надо проползти между колышками змейкой, чтобы посмотреть, какой ты спелеолог. Мол, в пещерах в «шкурниках» так же ползать придется. И ползают ведь. Правда, самое большее — три колышка проползают».

В Дивьей пещере, когда туда отправляют новичков одних, на стену вешают человеческую маску. И перед тем как их отправить, рассказывают, что там иногда можно встретить кого-то, но, мол, это все глюки, не обращайте внимания. Новички идут в пещеру и, разумеется, видят там эту маску, пугаются и возвращаются обратно. Начинают рассказывать в красках, а в это время кто-нибудь пробирается в пещеру и убирает маску. С новичками в пещеру идут старшие, и, конечно, никто ничего не видит.

Возвращаются и опять отправляют новичков одних, а для них уже маска поставлена, они снова видят кого-то. Так и ходят, пока им не расскажут.

А еще иногда заведут новичка куда-нибудь подальше, а сами потихоньку отстают и прячутся, а он сам ищет выход из пещеры.

Иногда в пещере «шурф» разветвляется на две ветки, которые через некоторое время сходятся снова. Одна из них обычно сложная и трудно проходима, а вторая — простая и намного короче. Так вот новичков направляют по сложному «шкурнику», а старые спелеологи спокойно себе проходят по простому и сидят, ждут новичков, которые приходят усталые, измученные. А старики сидят себе, посмеиваются.

Новичкам рассказывают, что в реке есть бог воды Гребус, он сидит под водой и топит того, кто не уважает речку. Он человека затаскивает к себе в царство и учит уму-разуму. Кто-то после этого исправляется, а кто-то вообще не возвращается.

Река Койва. Там Шайтан-камень есть. Раньше там алмазные копи были. Ребята рассказывают, что Шайтан — это окаменелый черт. Он следит за туристами и пакостит. Новичкам рассказывают, что чайникам он задувает костер, не дает поставить палатку, пугает, рядом с ними падают деревья, свистит ветер, раздаются звуки.

Спелеологи отправляют новичков за «пещерным жемчугом» (если он есть в этой пещере и это место известно). Объясняют при этом, что в руках нечестного плохого человека этот жемчуг потускнеет. Переливающийся в воде пещерный жемчуг на воздухе выглядит тусклым — новичок расстраивается. «Жемчуг» возвращают на место.

Очевидно, что бóльшая часть розыгрышей выполняет обучающую и закрепляющую функции.

Эти же функции реализуются в текстах рассказов, анекдотов, песен, посвященных непосредственно средствам техники безопасности. В них нарушение, как правило, обыгрывается комически.

Тренировка на скалах. Один парень на стене, второй страхует.
Первый: Страховку мягче!
Второй: Что?
Первый: Страховку мягче!!!
Второй: Что?
Первый: Пошел на...!
Второй: Сам пошел!
Первый: Страховку мягче!
Второй: Что?

– Эй, подстрахуй!
– От подстрахуя слышу!

– Страхуй!
– Сам страхуй!
– От такого и слышу!

Есть команда «Страховка готова!». Иногда говорят: «Готовка страхова!».
Ворона каркнула, и сыр повесился на самостраховке.

Сванская страховка: «Ты меня видишь?»
Французская страховка: «Ты меня помнишь?»
И последняя просьба о страховке: «Сбрось гимнастическую»...

Страховка вешается не там, где страшно, а там, где опасно.

Есть еще песня со следующими строчками:
Не доверяйте деве юной
Крепить страховку на стене...

И другая песня:
Нас с тобой страхуют с Ката.
Каска встретилась с гранатой*,
По реке плывут, как льдинки,
Наших касок половинки.

Песня водников

Здравствуй — здравствуй я кильнулся,
Через камень навернулся,
Впереди матрос, как чайник,
В галстук завязал привальник.

Солнце село за дальней горою.
Мы с тобою одни в целом мире.
Хочешь, я подарю тебе гаечный ключ
Двадцать два на двадцать четыре?
Ты возьмешь его в нежные руки,
Чтоб меня заслонить от ненастья...
Хочешь, я подарю тебе гаечный ключ?
У меня два ключа таких, к счастью...**

Встречаются в воздухе два альпиниста, один летит вверх, другой вниз.
Первый: Ты чего?..
Второй: Да вот, тетка страховала... А ты?
Первый: Да вот, тетка примус разводила...

Вертикальная пещера. Летят два спелеолога, один — вверх, другой — вниз. Встречаются примерно на середине. Один другого спрашивает: «Ты почему вниз летишь?» — «Женщина навеску сделала. А ты почему наверх?» — «Женщина примус разожгла».

* * *

В **анекдотах** туристов реализуется практически вся система представлений о группе (иерархия отношений, специфика профессии, отношения с другими группами и ***профанами***). Тенденция компенсации срабатывает при приспособлении известных анекдотов к специфике профессии, сочинении анекдотов на профессиональные темы с известными персонажами.

Сидят на полочке два разрядника, на солнце греются, из репшнуров носки вяжут. Вдруг мимо них пролетает новичок. Через некоторое время — еще один.

1 вариант

– И что это они разлетались?
– К дождю, должно быть.

---

* Граната — веревка с тяжелым карабином.
** На мотив «Ты меня на рассвете разбудишь...»

2 вариант

– И что это новички тут разлетались?
– Да гнездо у них там.

Связка-тройка выходит на вершину.
Самый молодой: «Домой бы сейчас!»
Постарше: «Бабу бы сейчас!»
Самый опытный: «И чтобы НЕ ПРИСТАВАЛА!»

Узкий ход. Два спелеолога ползут навстречу друг другу. Один другого спрашивает: «Что там сзади?» — «Тупик. А у тебя?» — «Тоже».

Большой зал. На потолке висит куча летучих мышей, все, как положено, головами вниз; а одна — головой вверх. Висящие по соседству мыши переговариваются: «Чего это она вверх головой висит?» — «А, йогой занимается!»

Летит летучая мышь по пещере. БАХ! — в сталактит, БАХ! — в сталагмит, БАХ! — в одну стену, БАХ! — в другую, падает. Снимает наушники: «С этим плеером вообще убиться можно!».

Встречаются два друга.
– Где ты провел свой отпуск?
– В двух местах.
– ??
– Сначала 9 часов в трещине, а потом 3 недели в больнице!

Штирлиц увидел связку девушек-альпинисток на гребне. «Двойка Б» — подумал Штирлиц. «Штирлиц», — подумала одна из Б.

Идет турист по тайге. Выходит из чащи медведь.
Медведь: Ты кто?
Турист: Я – ТУРИСТ!
Медведь: Турист, это Я, а ты — завтрак туриста!

* * *

В устных рассказах туристов проявляются общие тенденции, характерные для традиций первичных контактных групп. Основная их функция — формирование представлений о «настоящем профессионале». Практически все рассказы взяты из электронных сетей. Приведем несколько примеров.

Был прикол, друг рассказывал. Группа спелеков топала по горам и искали место для ночевки. Нашли клевую полянку, но незадача: там пионеры (туристы-горники в возрасте до 17 лет) разбили лагерь. Основной вопрос был, как оттуда выгнать пацанов. Три спелека спустились в долинку, а четвертый должен был через 30 минут пройти по хребту на фоне заходящего солнца. Спустились, поздоровались начали байки рассказывать.
Первый спелек (1): Вот тут лет 10 назад случай был...
Пионеры (П): Какой, расскажи.
Спелеки 1 2 3 рассказывают стандартную историю про Черного Альпиниста! Спелеолога! Горника! или чего-то подобное. Минут через двадцать четвертый спелек проходит по кромке хребта, на фоне солнышка. Кто-то из пионеров узрел. Воплей было столько, что было слышно и на хребте. В течение 10 минут все пионеры дружненько собрали лагерь под безумные крики ихних же барышень и свалили через противо-

положный хребет. Прикиньте, с рюкзаками и в горку... А спелеки классно переночевали.

Этот прием достаточно традиционен. Аналогичным образом с использованием ряженья в демонологических персонажей в крестьянской культуре отпугивали чужих от ягодных мест, детей от реки и пр.

Этот случай нельзя назвать шуткой, однако кое-что занимательное в нем есть. В то время мы были студентами физико-технического факультета и занимались многими вещами, горным туризмом в том числе. Мой друг Шура Антропов попал в группу, которая готовилась на Кавказ в поход 4 категории сложности. Руководителем этой группы был некий журналист (фамилию, конечно, не помню), у которого несколько лет назад в группе погиб человек, сорвавшись во время траверса склона. Руководителя отстранили от руководства походами на несколько лет, и вот (по прошествии времени) он снова готов вести людей к вершинам. Однако он стал осторожным и тщательно готовил людей и снаряжение к походу. Так вот, руководителю не понравился ледоруб Шуры, вернее он потребовал от Шуры доказательств, что внутри деревянной ручки его ледоруба есть металлический стержень, соединяющий клюв-лопатку с наконечником. Шурик попытался было разобрать ледоруб, но его конструкция оказалась такой, что сделать это было невозможно. Мы ломали головы над этой проблемой: сравнение ледорубов взвешиванием? Нет, не годится. Что еще? Экстремисты выдвинули идею РЕНТГЕНОВСКОГО снимка ледоруба. Вот это да! Однако представив лица работников медсанчасти, пришлось эту блестящую идею отвергнуть. Все пригорюнились... И тут Шура поднял палец и сказал: «Есть идея». При следующей встрече с руководителем, на его вопрос, как обстоят дела с ледорубом, Шура достал из портфеля ледоруб, лампочку, батарейку с проводками. На его изумленных глазах, он составил из этих предметов электрическую цепь, включив в нее сам ледоруб. Лампочка загорелась!!! Шура торжествующе смотрел на руководителя, как бы приглашая его разделить интеллектуальную радость от такого необычного способа решения проблемы. Однако лицо руководителя оставалось суровым и задумчивым. Разочарованному Шуре пришлось долго объяснять журналисту соль этого эксперимента, после чего тот нехотя, скрепя сердце согласился.

В свое время мои родители (очень старые туристы) рассказывали массу баек о своих похождениях. Имею смелость привести некоторые из них.

Место действия Кавказ, приют у подножия Эльбруса, время действия октябрь месяц (для непосвященных — внизу еще тепло, а наверху мороз с ветром, т. е. замерзнуть — не проблема). Группа (включающая моих стариков) отдыхает после трудового дня, тут открывается дверь и заходит шайка пионеров, одетых в легкие спортивные костюмчики, штормовочки, кеды.

– Ребята, а как пройти на Эльбрус?

Вопрос встречается, как хорошая шутка, дружным «ха-ха». Однако пионеры, сильно обидевшись, собираются идти в гору. Удержать удалось только научно-прикладным методом.

Другой случай. Ребята сплавлялись на плотах, и выдалась у них очень поздняя ночевка, причем приткнуться удалось на голой скале. Пошли искать дрова, а топор только один, да и того железяка еле держится на топорище. И вот, взмах топором, и выше упомянутая железяка улетает в темноту. Народ напряженно ожидает удара железа о камень, но в ответ тишина. Сразу мысли — кого прибили. Проверили своих — все на

месте. В общем, до утра дрожали, а утром пошли искать труп. Искали долго, но нашли только железяку, которая уткнулась в пятачок песка размером 5 на 5 см.

Пару лет назад ходили в Карелию на байдах. Лето выдалось жаркое, и поэтому решили вставать пораньше и плыть утром и вечером, а днем в жару — матрасничать. В связи с этим дежурные вставали в 7 часов, остальные в 8, а выходили в 9. Однако на всю группу имелось всего три штуки часов, одни американские электронные и двое отечественных механических. И вот одни механические остановились, а между электронными и вторыми механическими обнаружилась разница в 2 часа. Народ почему-то решил, что на электронных понажимались кнопки и они перевелись, и соответственно режим дня установили по оставшимся часам. Время по солнцу не определишь, потому как белые ночи. И вот начали происходить странные вещи. Утром невозможно голову от подушки оторвать, вечером — первый час ночи, а заснуть невозможно. А еще как-то, только отплыли, догоняем группу на стоянке. У них только какой-то ранний рыбак из палатки вылез. У мужика глаза квадратиком: «А вы чего всегда так рано выходите?!». Наш адмирал, бодро махая веслом: «Да, мы по холодку...». Короче, выяснилось все где-то посередине маршрута, и только тогда я понял странный взгляд того рыбака.

Правдивая история. Группа пешеходников устраивается на стоянку. Ноябрь, мелкий дождик, уже темно. К девушкам, устанавливающим палатку, подходит Шура и спрашивает: «Сами справитесь или бог в помощь? »

Еще из рассказов родителей.

Добрые старые времена, когда с Камчатки до Киева можно было доехать с тремя рублями в кармане, двое ребят уломали проводницу слегка их подбросить. Едут, а тут контролеры (бывает и такое). Делать нечего, нужно прятаться. Ребята оба ростом чуть выше 190 см, ну и комплекция подходящая, как они ухитрились заныкаться в тамбуре, там, где проводники уголь держат (в бункере для угля в рабочем тамбуре вагона. — *К.Ш.*). Сидят, слушают, вроде все прошумело, вылазят и видят прикуривающих контролеров, а у тех глаза на затылке и первый вопрос: «А как вы туда залезли?!». Короче, контролеры были так ошарашены, что даже не оштрафовали.

Этот сюжет примыкает к группе общегородских сюжетов (или создан по аналогии). Собственно специфическим в рассказе является только то, что участники были туристами, в остальном он приложим к любой группе людей. Приведем примеры аналогичных сюжетов.

Рассказывают, что в Ижевске, когда там с гастролями был передвижной зверинец, из клетки сбежал лев. Посетители бросились врассыпную и попрятались, кто куда смог. Рядом со зверинцем была телефонная будка — в нее набилось несколько человек (варианты от семи до двадцати). После того, как льва поймали, больше четырех человек в ту же самую телефонную будку забраться не смогли.

Подобный сюжет нам приходилось встречать в других городах (Томск, Свердловск, Пермь).

Схожий по сюжетообразующему принципу мотив является основным в следующем рассказе.

Однажды гаишники на самой окраине города останавливают старый «Запорожец». Шел он на медленной скорости, но слишком подозрительно вилял из стороны в сто-

рону. Открывают дверцы, а там народу набилось, как в автобусе в «час пик». Стали выгружать. Гаишник, что помоложе, считает, а у самого фура на затылок съехала от удивления. «Три... Шесть... Десять... Пятнадцать...». Ровным счетом оказалось восемнадцать человек. И все, кроме водилы, пьяные. Дембеля с подругами к кому-то в гости поехали. Посовещались гаишники. Тот, что постарше, говорит: «Если сейчас снова все восемнадцать человек обратно влезете, штрафовать не будем». Те, как ни старались, так и не смогли. Всё трое-четверо лишних остается. Пришлось штраф платить.

В других вариантах удивленные гаишники штраф не берут.

Очевидно, что даже специфические по тематике рассказы вписываются в общие тенденции городских традиций и традиций других первичных контактных групп.

* * *

Мифология туристов. Еще одним способом компенсации временной потери привычных культурных текстов является сотворение туристами собственной специфической мифологии. Она, как и любая другая совокупность мифологических текстов, многофункциональна и сложна по генезису. Одной из основных функций является функция «посвятительная». Проявляется это в том, что мифологические рассказы, как правило, воспроизводятся старичками для новичков. По нашим наблюдениям, бытование мифологических рассказов туристов происходит «волнообразно», с подъемами и падениями популярности. По предварительным данным, наиболее вероятный период появления основных специфических персонажей приходится на конец 50–начало 60-х годов. Именно в этот период и началось массовое увлечение альпинизмом и спелеологией как формами «ухода из города». На середину–конец 80-х годов приходится пик популярности. Середина 90-х годов — спад. Сейчас, по некоторым признакам, начинается очередной подъем. Очевидно, что все пики и спады зависят от социальных, экономических и политических изменений в обществе.

Происхождение основных персонажей, вокруг которых группируются сюжеты, можно связать с традиционными для местных жителей («аборигенов») верованиями. Иногда они прямо входят в традиции туристов, иногда — опосредованно. Характерно, что они, как правило, являются «участниками» посвящений в туристы. Выделим первую группу персонажей — **традиционную** для местных жителей (**хозяева, предсказатели).**

Рядом с Шайтаном Баюн-камень находится. Этот Баюн — он гудит. Хорошо это гудение над рекой слышно. Говорят, это Шайтан с Баюном разговаривают. Шайтан приходит и к тем, кто неуважительно относится к реке.

Мраморная пещера. Когда там водят экскурсии, экскурсоводы любят водить детей в один зал. Называется он «Зал зеленых камнеедов». И говорят, что эти зеленые камнееды едят детей, особенно тех, кто не слушается. В ней же есть «Зал мамонта». Там «гномы водятся». Они строительством в пещере занимаются, богатство разное добывают и хранят. Их, бывало, видели: стоят они на нишах, как вылепленные из глины, а снова повернешься, и нет их. Когда водят детские экскурсии, детям рассказывают: «Вот ты видишь гнома, он не двигается, он окаменел. Это потому, что ты смотришь.

А когда ты отвернешься, он снова оживет, забегает, станет звать своих товарищей. И они начнут строить. А если ты заползешь совсем в глубь пещеры, то увидишь большой зал, а в нем построенную гномами пагоду». И действительно, в глубине пещеры есть какое-то сооружение, похожее на пагоду.

Башкирия. Пещера «Сумган Кутук». В этой пещере есть хозяин. Пещера глубокая — 120 метров. В одном из залов стоит идол из дерева, около него алтарь. И у спелеологов есть обычай — оставлять здесь подарки-жертвоприношения (значки, фонарики, вымпелы, фотографии). Там вечно столько всего навалено, что гнить начинает. Наша группа в этот зал пришла, мы и начали мусор собирать и наверх выносить. А одна девушка из группы башкирских спелеологов увидела и подошла: «Вы что делаете? Это же жертвоприношения! Беда вам будет». И в этот маршрут у нас действительно была тяжелая-тяжелая травма, и программу мы вообще не выполнили. Говорят, там силуэты видели — появятся и пропадут. Что это души умерших спелеологов ходят по пещере. Но они не трогают никого.

Кизиловская пещера. В одном из гротов есть вылепленный бюст Хозяина пещеры. Вместо глаз у него лампочки, и когда свет падает, ощущение, что он смотрит. «Грот Хозяина» называется. Говорят, что он следит за порядком в группе, за конфликтами. Если в группе ссоры, то можно вообще не выйти из пещеры. Ему свечи ставят. Говорят, что он здесь всегда был.

Кизиловка — коварная пещера — здесь плутают все. Но стоит упомянуть Хозяина, сразу слышны звуки, треск, звон льдинок. Мы как-то зашли там в систему «Крепкий орешек». Сели перекусить, стали про Хозяина говорить. Тут все замолчали, и звон, хруст льдинок послышался, будто идет кто-то. А там тупик — и никого не было. «Ну, — говорят, — Хозяин». А один плащ, говорит, видел Хозяина, красный спелеологический, мелькнул за поворотом и исчез.

У Хозяина выражение лица меняется. Если поход удачно прошел, все в порядке — он улыбается. А если во время похода что-то случилось, не удалось, сорвалось — у него суровый вид. Иногда он форму меняет.

Когда молодых посвящают, их заставляют здороваться с Хозяином, кланяться, ставить ему свечки.

В «Кизиловке» есть «Скульптурный грот» — там глина очень мягкая. И на протяжении 20 метров ниши, на них фигурки из глины вылеплены — портреты знакомых, персонажи сказочные... Я как-то иду по «Кизиловке». А там в нише Сергея Сергеевича Евдокимова портрет вылеплен (руководитель сектора «Компас» — человек своеобразный). Так вот, иду я по пещере, смотрю — Евдокимов идет мне навстречу и молчит. Я ему говорю: «Ты чё здесь делаешь?». А он молчит. Прошел мимо и исчез. Я в «Скульптурный грот» зашел, а портрет Евдокимова исчез. А домой когда приехал, Евдокимова встретил, спрашиваю: «Ты что в Кизиловке-то делал?». А он мне: «Да я целый месяц дома сидел, болел, никуда не выходил».

Кизиловская пещера. В ней существует второй уровень, нижний этаж, который соединяется с озером. И во время войны там войска прятались, то белые, то красные. Продовольствие и оружие было спрятано. Но после вход закрылся, камнем привалило. Местные говорят, что там ходят души погибших и захороненных там воинов.

Кавказ. Сложный маршрут там. В 84-м году ходили украинские спелеологи и попали на нижний уровень пещеры. А выбраться не смогли, был завал. И находились они там 9 дней. Когда их спасли, один из членов группы рассказывал, что видел своего

отца, давно умершего, который сидел на краю пропасти и звал его за собой. Отец его был маленький, как гном, и звал его.

Алтай. Пазарыкские курганы. В Пазарыкских курганах Лысая Алтайка появляется. Она приходит обычно вечером, когда все у костра сидят. Алтайка эта лысая совсем, в национальной алтайской одежде. Она приходит и всегда задает один и тот же вопрос: «Как пройти к такому-то месту?». А до него дойти-то двадцать метров. И, спросив, уходит. И обычно на следующий день ЧП случается.

Северный Кавказ (недалеко от Туапсе). Ходили мы в пеший поход, водили детдомовских детей. А местечко находится недалеко от Туапсе. Долина там широкая, по ней холмы идут, покрытые лесом. Очень далеко все видно. Идешь с холма на холм, а по другую сторону долины все видно. И вот когда мы шли, то параллельно видели передвижение еще одной группы — то бинокль блеснет, то котелок. Мы-то шли по одной цепи, а по другой стороне долины другая группа шла. По рации даже пытались связаться, разговаривали с кем-то, но очень невнятно. И договорились встретиться. А в конце долины две тропы сходились, нельзя было разойтись. И на стыке, где мы должны были встретиться, другая группа не пришла. Сколько ее ни ждали — не пришла. Рассказывали, что кто-то один ходил через долину и видел идущего человека с другой стороны. Там совершенно симметричная плоскость, как зеркальное отражение перед тобой. Местные говорили нам, что можно одновременно существовать в двух мирах — в своем и в другом. А еще, если самого себя встретишь, то можно узнать свою судьбу.

Алтай. Приток реки Чуи. 1986 год. Чуя — река сложная. Маршруты высококатегорийные — 4–6 категории. И шла группа из Новосибирска, водники опытные были. Был хороший паводок. Встали они на ночевку. Стали хворост для костра собирать. И один из членов команды пошел за сучьями вверх по реке. Смотрит — капитан его стоит, прислонившись к дереву, лица только не видел. Тот подошел, спрашивает: «Ты что делаешь здесь?». А капитан и говорит: «Что-то не нравится мне эта река, как бы беды не вышло». Сказал и ушел. Тот тоже пошел дальше, а когда к костру-то вернулся, у капитана и спросил: «А чем тебе река не понравились?» — «Какая река?» — говорит. Оказалось, что капитан от костра и не отходил вовсе. В этот поход капитан погиб. Местные говорили, что это дух какой-то местный. Он может в людей преображаться.

Река Чуя. 1990 год. Недалеко от реки на скале находятся наскальные рисунки. Их еще экспедиция Рериха открыла. И вот одна из фигур, изображенных на скале, — олень. Местные говорили, что если должно быть наводнение, олень начинает двигаться. Наша группа как раз приближалась к началу маршрута, когда встретила алтайца. Он на нас так странно посмотрел и сказал: «Зря пришли, олень ожил» — и ушел. Наводнение действительно началось, но мы уже успели пройти маршрут.

Специфические персонажи в устных традициях туристов создаются с использованием традиционных механизмов и традиционных сюжетов. Явственно прослеживается влияние рассказов и представлений о «заложных» покойниках или умерших до срока. Сюжетная функция этих персонажей мало чем отличается от сюжетной функции основных мифологических персонажей традиционной культуры. Можно предположить, что основной причиной, которая вызывает их к жизни, является невозможность организовать нормальный погребальный обряд для тех, кто погиб во время восхождений, во время спуска в пещеру, во время

водного похода. По данным прессы, в горах Памира находятся незахороненные тела более двух сотен погибших альпинистов. Именно отношение к смерти как к явлению, являющемуся обязательным атрибутом профессии, порождает и представления об отношениях между живыми и погибшими.

Черный Альпинист

Как-то в горах шла группа туристов. Один из членов группы отстал, поскользнулся и упал в трещину. Группа не заметила и ушла. С тех пор он бродит и ищет обидчиков. Так Черный Альпинист и появился. Он появляется обычно перед каким-нибудь событием, бедой. Ходит, заглядывает в палатки».

Черный Альпинист, говорят, это погибший человек. Он пришел с группой товарищей, но отстал, потерялся и замерз. А товарищи его не заметили и ушли. С тех пор он и ходит, ищет тех людей, чтобы отомстить.

Говорят, Черный Альпинист может снаряжение сбросить, провизию, камень со скалы. Но он не убивает никогда.

Эльбрус. «Приют одиннадцати». Мне подруга рассказывала. Они отправили группу, а сами втроем пришли раньше. Был сильный мороз, мело. Зашли они в дом («Приют одиннадцати». — *К.Ш.*). А в доме никого не было, обстановка гнетущая. Ну и сидели они на втором этаже. Вдруг раздался стук в дверь и скрип. Мужики быстро спустились, но никого не увидели. А она стояла в это время на втором этаже и видела в окно при свете фонарей удаляющуюся фигуру. Сказала мужикам, они опять спустились, но никаких следов не обнаружили. В тот же вечер опять стук был, и они увидели удаляющуюся фигуру, которая исчезла. Проводник сказал: «Беда будет. Нужно группу искать». Нашли, и, действительно, группу сильно подморозило, и один из членов группы сильно травмировался, сломал ногу. Чаще всего этот человек появляется во время грозы, камнепада, сильного снега.

Кавказ. Альпинисты шли в горы. Маршрут был очень сложный, туда не пускали менее трех человек. С невероятными усилиями они все же сумели подняться на вершину и разбить там лагерь. Уже стемнело. Они легли спать. Под утро, когда уже чуть-чуть рассвело, они услышали лай собаки. Они удивились — откуда тут могла взяться собака. Когда они вышли, то увидели, что по тому маршруту, где они шли вечером с невероятными усилиями, совершенно спокойно поднимается человек в черной шляпе, черном пальто, очень длинном, опираясь всего лишь на элегантную черную трость, держа другой рукой на поводу большую черную собаку. У альпинистов глаза, что называется, полезли на лоб. А черный человек с собакой, словно не замечая людей, преспокойно прошел мимо лагеря и двинулся дальше, а потом, как будто бы, растворился в тумане.

Белая Дама

Нерубайские катакомбы (Одесса). Там видели часто Белую Даму. Она появляется из тьмы и зовет человека посмотреть новые, неоткрытые участки катакомб. Местные жители говорили, что это заблудившаяся женщина. Некоторые говорили, что это девушка, которая ушла в катакомбы, когда ее любимый ей изменил, и не вернулась. Подруга моя была с одесскими спелеологами в Нерубайских катакомбах. Раньше там известняк вырезали. Ну там комнаты, лабиринты по этажам. И иногда криминалы случаются. У них есть правило — если по соседнему коридору идут люди, нужно выключить свет и переждать. Так вот, шли они по коридору, появилась команда «свет»,

они выключили налобники. Через некоторое время один из членов группы увидел, что к нему подошла девушка — босая, в белых одеждах, с длинными распущенными волосами. И зовет его за собой. Он и не испугался совсем, дернулся было за ней, но остановили его. Начальник группы включил свет и спрашивает: «Что, пришла?». Говорят, что эта женщина уводит понравившихся ей мужчин, которые наиболее достойны. И они живут на нижних этажах катакомб.

Украина. Загазованные пещеры. Там, в тех пещерах, грот есть, «Золушка» называется. И Золушка вылеплена, как настоящая, из глины цветной. Так там, в гроте этом, Белая Дама появляется. Она как хозяйка грота. Часто проходу не дает. И слышны там всегда шаги и шум.

Пашийская пещера. В Пашийской пещере есть портрет девушки, который высечен на стене. Говорят, в древние времена в деревне Паши жил купец. У него была дочь. Она любила бедного юношу, а отец не разрешал ей выйти за него замуж. Прошло время, юноша женился. И девушка ушла в пещеру и больше не вернулась. Отец с горя высек в пещере портрет дочери, и с тех пор она там появляется, видели ее.

Двое спелеологов были в пещере уже третьи сутки. Это была ночь на Старый Новый год. Когда они шли к выходу, им постоянно казалось, что где-то поют песню, причем поют несколько женских голосов. Случилось так, что они ушли совсем в другую сторону, зашли в тупик, очень устали, вышли еле живые. И, видимо, из-за этой страшной усталости, они заблудились и тогда, когда вышли на поверхность. Но они заметили это, когда уже довольно много прошли. Пока они шли, они все время видели, что немного позади них идет по лыжне незнакомая девушка с рюкзаком. Она шла за ними все время, пока они плутали. Когда они, наконец, вышли на правильную дорогу, то увидели, что недалеко идет еще одна группа, а за ними — та же самая девушка. Потом они узнали, что та другая группа тоже заблудилась, а когда они вышли на верную дорогу, эта девушка, которая все время шла за ними, куда-то исчезла, только остались ее следы на снегу.

Когда человек очень долго находится под землей, у него начинаются слуховые галлюцинации. Например, он может слышать знакомые голоса, журчание воды, пение птиц, гудки автомобилей. Но спелеологи говорят, что самое страшное — услышать в пещере пение девушки. Это — знак беды. Если спелеологи услышали в пещере среди тишины пение девушки — надо как можно быстрее возвращаться обратно.

Один спелеолог пошел в пещеру в одиночку. Дело было осенью. Последним звуком, который он слышал на земле, были голоса птиц, улетавших на юг. И в пещере ему все время чудились эти голоса. Случилось так, что он заблудился, пробыл под землей несколько дней и сошел с ума. Его очень долго искали, наконец нашли. Он принялся им рассказывать, что в этой пещере кричат птицы. Все понимали его состояние и соглашались с ним. Но, когда пошли в эту пещеру в следующий раз, слышали те же звуки.

Белый Спелеолог

Кавказ. Чрезвычайно сложная пещера была. Группа спелеологов после нескольких дней похода заблудилась, потеряла место, где было спрятано снаряжение. Один из членов группы вдруг увидел силуэт человека в белом комбинезоне в белой каске и принял его за руководителя. Подумав, почему тот переодел каску, пошел за ним и вышел в зал, где было спрятано снаряжение. Как потом оказалось, руководитель группы был совсем в другом месте.

Спелеологи поставили в пещере свой лагерь, наверху, на поверхности не осталось ни одной живой души. Все были все время на виду друг у друга. Двое спелеологов решили выйти из палатки и прогуляться по пещере. Они шли вдоль ручья и вдруг слышат — сверху, по «шкурнику» словно бы спускается еще кто-то — грохот все ближе и ближе раздается. Они взяли каждый по камню и спрятались за выступом. И видят — из «шкурника» выходит парень в светлом комбинезоне. Они его спрашивают: «Ты откуда идешь?». А он и говорит: «Сверху иду, прямо с поверхности и через этот “шкурник” вниз». Сказал и ушел. Они полезли по «шкурнику» вверх. Смотрят, а он заканчивается тупиком.

Спелеологи поставили в пещере свой лагерь. Двое из них решили прогуляться. Они пошли в глубь пещеры и вдруг видят — из «шкурника» спускается парень из их группы, которого они только что видели на стоянке. Они его сначала в потемках не узнали, запустили в него камнем и разбили ему фонарик на каске. А когда пришли к себе в лагерь, то увидели там этого парня, в той же каске, только с совершенно целым фонарем. И он им сказал, что никуда из лагеря не уходил.

Спелеологи пошли прогуляться по пещере и увидели в темноте два зеленых огонька, точно два глаза светились. Они запустили в них камнем, а когда подошли ближе, то увидели на этом месте сталактит.

Кизиловская пещера. 1984 год. Группа туристов заблудилась в Кизиловке. Ходила она больше девяти часов. Все проголодались. Вдруг они увидели фигуру человека, который их и вывел. Это был Белый Спелеолог.

Спелеологи поставили лагерь в пещере. Сидят они в палатке и заправляют примус бензином. Они заправили его очень аккуратно — ни капельки не пролили на пол палатки, но почему-то, когда начали разжигать примус, палатка вспыхнула. Все сгорело дотла, но пока они суетились в панике вокруг палатки, они все время слышали словно бы чьи-то шаги, шорохи и чей-то смех.

* * *

Пародии. Постоянное напряжение, которое испытывают участники походов в связи с непривычными физическими усилиями, коммуникативной оторванностью от привычной ситуации, опасностью гибели, порождает потребность компенсировать его за счет традиционных приемов. Высмеивание опасностей является одним из таких приемов. Поэтому в среде туристов довольно популярны шуточные песни, шутки, анекдоты и пародии. Пародия помогает преодолеть свой страх перед смертью и неизвестностью. «Переворачивание» эмоции выполняет, кроме того, и функцию психологической разрядки. Приемы создания пародий совершенно традиционны. Чаще всего используется эффект неоправданных ожиданий.

По дороге ехал грузовик. Шофер ехал на похороны и в кузове вез гроб. На дороге голосовали два парня с рюкзаками в светлых комбинезонах, видимо, спелеологи. Он их посадил, им надо было ехать в Половинку. Один сел в кабину, другой в кузов. Ехать было долго, они устали, и парень в кузове взял да и улегся в гроб. А потом по дороге шофер посадил еще двух спелеологов, но забыл предупредить, что в кузове кто-то есть. И вот прошло около получаса, стемнело, спелеологи сидят в кузове, разговаривают. Как вдруг крышка гроба открывается, оттуда выходит «Белый Спелеолог» и спрашивает у них: «Что, ребята, Половинку-то еще не проехали?».

Альпинисты разбили лагерь на вершине горы. Ночью спят в палатке и вдруг слышат стук. Сначала они подумали, что им показалось, но стук повторился. Они все-таки не решались выйти, но стук повторялся снова и снова. Наконец, один из альпинистов набрался смелости и вышел из палатки. Вернулся он очень напуганный и сказал: «Ребята, что-то творится странное. Когда я вышел, недалеко от палатки в темноте словно бы белое пятно, как раз там, где лежат наши продукты, и стук слышался так, будто кто-то стучал в дверь. Когда я вышел, стук прекратился, послышался шум, но пятно осталось». До утра они больше не решались выйти. Утром, когда уже рассвело, они снова услышали стук. Они вышли и им стало смешно: там, где лежали продукты, на белой полиэтиленовой пленке сидел ворон и изо всех сил долбил банку со сгущенным молоком».

По Кунгурской Ледяной пещере шла экскурсия. Они проходили мимо камня «Черепаха». Вдруг маленькая девочка из группы экскурсантов закричала. Ее спросили: «Что случилось?» — «Смотрите, — сказала она, — черепаха живая, у нее глаз светится». Они посмотрели и увидели, что у черепахи действительно светится глаз. Несколько человек пошли посмотреть, что же случилось. А случилось вот что: один спелеолог до того, как к камню подошла экскурсия, исследовал пещеру. Его группа должна была сделать карту новой части пещеры. Но они занимались этим нелегально (так как во время экскурсий спелеологам в пещере находиться запрещено). Услышав, что приближается экскурсия, он залез на камень, лег, прижался к нему так, чтобы снизу его не было видно, но забыл выключить фонарь аккумулятора.

Группа экскурсантов шла по основному кольцу, зашли в самый темный грот, убрали свет, решили послушать пещерную тишину. И вдруг услышали голос, словно из-под земли: «Черт бы вас всех побрал. Шатаются тут. Покоя не дают». Они буквально остолбенели, и любители легенд тут же приписали эти слова пещерному хозяину. Но на самом деле это был спелеолог, который при виде экскурсии поспешил скрыться в «шкурник», но так как группа «слушала тишину» довольно долго, он высказал свое мнение по поводу их пребывания в гроте.

В пещере Российской работала группа спелеологов из Ижевска. Они работали в гроте Гулливера над колодцем. В колодец была спущена тонкая веревка, которую обычно используют только как вспомогательную. Ижевская группа уже собиралась спускаться в колодец, как вдруг из колодца по этой самой тоненькой веревке им навстречу поднялась девушка в белом комбинезоне, попросила сигарету, поблагодарила и снова исчезла в колодце. Когда ижевцы осмелились спуститься в этот колодец, они увидели, что в нижнем гроте работает группа из клуба «Компас», которая послала за сигаретами гонца — девушку Катю, которая по пути умудрилась испачкать в известняке свой комбинезон. А так как спелеологи «Компаса» обычно не пользуются страховкой, Кате и не составляло труда подняться в колодец по вспомогательной веревке.

В целом можно с достаточной уверенностью утверждать, что многие традиции туристов формируются из потребности компенсировать потери привычных культурных текстов, регулирующих отношения между людьми, отношение к самому себе, внутреннюю иерархию. Создание «новых» «групповых» текстов и стереотипов происходит по отработанным веками механизмам традиционной культуры.

Примечания

[1] *Шумов К.Э., Корабельников Ю.А.* Устные рассказы туристических групп как явление современного фольклора // Фольклор Урала: Современный русский фольклор промышленного региона. Свердловск, 1989. С. 92–104.

[2] *Шумов К.Э.* Черный... Белый... Зеленый... // Живая старина. 1996. № 1. С. 18–20.

Н.Е.Ливанова
(Ульяновск)

Фольклор парашютистов

Парашютный спорт, который был в нашей стране очень популярен, в настоящее время перестал быть массовым. Многие коллективы парашютистов-любителей распались, но их традиции продолжают жить среди профессиональных парашютистов, а также среди узкого круга увлекающихся парашютным спортом. Прыжки с парашютом дают особый психологический опыт, на основе которого складываются традиции, нормы поведения, т. е. все то, что закреплено и передается фольклором.

Группа людей, которых можно отнести к парашютистам, неоднородна: в зависимости от опыта выделяются перворазрядники — парашютисты, выполнившие 1–5 прыжков; в зависимости от того, являются ли прыжки основным занятием, — парашютисты-профессионалы и парашютисты-любители. Всем этим группам противостоят солдаты — десантники срочной службы.

Различные условия существования перечисленных групп, различные цели выполнения прыжков обусловливают разное к ним отношение и, соответственно, формирование различных традиций.

В данной публикации речь пойдет преимущественно о фольклоре двух групп: парашютистов-профессионалов и парашютистов-любителей.

В жанровом отношении фольклор парашютистов представлен анекдотами, рассказами о запомнившихся прыжках, о смешных и курьезных случаях, паремиями («Лишний удар об землю ума не прибавляет»[1], «Меньше прыгаешь — дольше живешь»[2]), песнями.

Землю всю вероятно нам
Не успеть обойти.
Небо нам необъятное
Повстречалось в пути.
Мы летаем в небе словно птицы,
И ласкает ветер наши лица,
И с землей недолго мы в разлуке,
Наши крылья — это наши руки.

Кто в полете стремительном
Побывал хоть бы раз,
Знает, как повелительно
Небо манит всех нас.
И без страха мы уходим в дверцу,
В небе сальто и спирали вертим.
И земля с лесами и полями
Тоже вертится внизу под нами[3].

Слова этой песни записаны в песеннике Алексея Бурова, мама которого, Людмила Николаевна Бурова, слышала ее от парашютистов Ульяновского аэроклуба в начале 1970-х. Автора песни установить не удалось.

Есть у парашютистов свои приметы. Отношение к ним разное, кто-то верит в них, кто-то — нет, но большинство старается их придерживаться.

– Перед прыжком, вот, я знаю, например, это и в армии, и здесь, — не бриться...
– А почему?
– Ну, потому что примета плохая, потому может что-нибудь не получиться там...[4]

– Традиции такие, что в новом обычно не прыгают... на соревнованиях обычно...
– В смысле, в чем новом?
– Ну, что-то, вот, например, соревнования, а ты берешь — одеваешь то, что ни разу не одевал на прыжки...
– А почему?
– Почему нежелательно... Нет, ну... ты понимаешь, каждый... очень все суеверны...[5]

– Нельзя стирать вообще вещи... стирать, латать вещи перед соревнованиями — тоже плохая примета: обязательно результата не будет[6].

Для многих парашютистов характерно осторожное отношение к слову, когда речь идет о прыжках и полетах, особенно предстоящих. У парашютистов, как и в авиации вообще, существует негласный запрет на произнесение слова «последний».

– Да, еще у нас ничего не бывает последнего. «Последняя» у попа жена, а у нас все «крайнее»[7].

Существует ритуал празднования парашютистами юбилейных прыжков[8].

Парашютисты, как правило, отмечают 1-й, 3-й, 50-й, 100-й, 200-й и так до 1000 прыжков и все тысячные прыжки. Первый, третий прыжки знаменуют начало занятий парашютным спортом, после третьего прыжка присуждается III спортивный разряд по классическому парашютизму. Празднуется также переход на тип парашюта более высокого класса, что требует от спортсмена достижения определенного уровня мастерства. Такой переход может совпасть с 50-м, 150-м прыжком. Юбиляр готовит угощение, его поздравляют, дарят подарки, а приказ о его переводе на другой тип парашюта торжественно зачитывается перед всеми парашютистами аэроклуба[9].

В классическом парашютизме празднование юбилейного прыжка несколько отличается от того, как его отмечают в других видах парашютного спорта, появившихся позднее. Классический парашютизм включает два упражнения: вы-

полнение спортсменом определенных фигур в свободном падении (до раскрытия парашюта) и точность приземления. Наиболее точным считается приземление в центр обозначенного круга. Этот центр называется «ноль», а о парашютисте, который приземлился в центр круга, говорится, что он «дал ноль» или «пришел в ноль». Чем больше парашютист удалится от центра круга, тем хуже его результат.

– Вот у меня первый юбилей... Было у меня 100 прыжков. Раньше 100 прыжков, юбилеи вообще все — 100, 200, 300 прыжков отмечались очень торжественно... Тебя в самолет заносят там... берут инструктора, опытные спортсмены. Это 100 прыжков – я салага был, а у них уже <...> по 300, по 500 <...> Около 1000 у некоторых, за тысячу... Берут тебя так, загружают в самолет, поднимают наверх, кладут...
– Кладут?
– Да. Ну, сажают. Потом, значит, когда твоя очередь приходит, значит, на корточках проходишь весь салон...
– А почему на корточках?
– А тебя по мягкому месту шлепают, потом берут тебя за руки-за ноги и выбрасывают оттуда — из самолета-то... и-у-у! — Как ракета вылетает там — далеко за хвост, за край. Вот. Потом, значит, работаешь, приземляешься... Работаешь, значит, на точность <...> Приземляешься, тут же тебя хватают, несут <...> если это 100 прыжков, значит, один раз или пинок там или хлопок по мягкому месту.
– Один?
– Да, за сотню один раз хлопают по мягкому месту, т. е. это традиция уже... Берут, поднимают тебя, т. е. в горизонтальное положение переворачивают и везут как можно ниже к земле, чтобы колючки там всякие, трава... царапала лицо там... все такое...
– Это зачем?
– Чтоб землю чувствовал... Приносят, и лицом, ну, мы и носом, в этот тыкают, в «ноль», чтоб хорошо попадал в «ноль», если не попал во всяком случае, вот. Значит, тыкнули носом в этот ноль, чтобы точности научился. Ну, как котенка учат, куда ходить... Так и тебя тоже учат, куда приходить. Значит, показали, потом подкидывают несколько раз, говорят: «Три раза кидаем, два раза ловим». Ну, там потом так и делается, но в принципе страхуют обычно, чтоб на ноги. Потом, значит, берут все желающие, кто там на старте есть, приходят, тебя поздравляют ударом по... по этому, ну, по спине, так скажем... (смеется), чуть ниже спины... обычно ладошкой. Ну, мне, помню, еще песок в штаны насыпали.
– За что? Просто так?
– Да. Кто цветы дарит, кто песка сыпанет[10].

– Когда человек приземлялся, его заставляли целовать «ноль», вернее, ползти на руках, там к «нолю», если он его не давал, «блин» целовать[11] <...> Ну, и много таких, и причем в каждом клубе какие-то свои такие вещи были...
– А у вас какие были?
– У нас? Да, было такое, что приземлился человек... Если он не давал... или не приземлялся в «блин», вот... во время юбилея, то его просто-напросто хватали за ноги, он на руках полз к «блину», его заставляли целовать «блин», подбрасывали кверху, там... по заднице стучали... Ну, поздравляли... вот. В принципе, обязательно шлепок по заднице и поздравления. И все. Вот такая традиция <...> Мы стремились к тому маленькому «блину», который лежал по центру круга <...> с маленькой красненькой точечкой, в которую надо было попасть... Ну, вот. Он подползал, ее целовал. Понимаешь, все это было как бы божеством — то, к которому все стремились, которого

надо было постоянно давить, давить, давить, давить — чем больше давишь, тем лучше...[12].

Праздничный прыжок отличается от обычного прыжка следующим:

в самолет юбиляра заносят на руках;
в самолете его могут хлопать по спине или мягкому месту;
из самолета парашютиста или выбрасывают за руки за ноги как можно дальше, или несколько человек выпрыгивают, взявшись за руки, вместе с юбиляром;
во время приземления юбиляра встречают и подбрасывают на руках вверх;
юбиляра протаскивают по земле к центру круга — к «нолю»; для парашютиста очень важно «чувствовать» землю, ее приближение, так как приземление наиболее опасный элемент прыжка, невнимание может сильно повредить спортсмену, и шуточное протаскивание по земле «учит» осторожному отношению к ней;
его тыкают носом в «ноль» или заставляют целовать «ноль»; это своеобразное ритуальное действие, шуточное поклонение «божеству», которое воспринимается с юмором (ведь умение и мастерство зависят от самого парашютиста). В результате парашютист должен «получить» умение «приходить в ноль»;
хлопают (пинают) по мягкому месту в зависимости от количества прыжков (за каждые 100 или 1000 прыжков — один раз);
каждый выпивает глоток шампанского с пожеланиями юбиляру.

Конкретный юбилейный прыжок включает не все перечисленные элементы, это зависит от традиций, которые сложились в аэроклубах, но можно выделить наиболее устойчивые элементы, о которых будет сказано ниже.

Групповая акробатика — это вид парашютного спорта, в котором группы парашютистов (четыре или восемь человек) строят определенные фигуры во время свободного падения (например, четверо спортсменов держатся за руки, образуя круг; такая фигура называется «звезда»). Работу группы снимает воздушный оператор. Юбилейный прыжок в групповой акробатике тоже прыжок особый. Он проходит так, как желает парашютист, это «его прыжок», во время которого он может делать все, что захочет: «сломать» построенную парашютистами в свободном падении фигуру, заказать построение любой фигуры и т. д. Все внимание при этом обращено к юбиляру: его снимает оператор, он в центре фигуры, которую строят в воздухе все остальные парашютисты. В самолете перед прыжком в его честь открывают шампанское, сам юбиляр и все желающие делают по глотку. Парашютиста встречают во время приземления, качают, хлопают (пинают, бьют) по спине или по мягкому месту в зависимости от количества прыжков. Снова открывают шампанское, брызгают на юбиляра, поздравляют, желают удачных прыжков. Иногда это пожелание закреплено в определенной вербальной формуле с использованием экспрессивной неформальной лексики.

Приземлялись все веселые, Сергея Авекина сразу стали качать, открыли шампанское. Когда Сергей подошел к нам угощать шампанским, Александр Валентинович Белоглазов, рядом с которым мы стояли, прежде чем поздравить юбиляра, спросил у нас разрешения:

– Это фольклор, — заверил он меня, — у нас всегда так говорят.

Улыбнувшись, он напомнил:

– Мне разрешили материться... Сереж, прыгай, пока не за-ебешься![13]

После пожеланий выпивают шампанское. Питье и экспрессивная лексика придают пожеланию силу.

Как видно, здесь используются традиции, сложившиеся при праздновании прыжка в классическом парашютизме. Разграничение празднования юбилейного прыжка в классическом парашютизме и групповой акробатике несколько условно: современные традиции празднования такого четкого различия не имеют.

Итак, наиболее устойчивыми элементами праздничного прыжка являются:

необычность самого прыжка (не так, как на обычном прыжке, спортсмен отделяется от самолета: его особым образом выбрасывают или выходят вместе с ним, держась за руки, сразу несколько парашютистов; в честь юбиляра парашютисты собираются вместе в свободном падении, строят любую фигуру по его желанию);
встреча на земле и качание юбиляра;
ритуальное битье (как правило, после приземления), в зависимости от количества прыжков (за 100 или 1000 — один раз);
традиционное питье шампанского (в самолете до прыжка и после, на земле), пожелание удачных прыжков, поздравления.

Таким образом, можно говорить о сложившейся субкультурной традиции, с использованием особых символических действий, значение которых становится ясным только в контексте деятельности парашютиста в целом.

Итогом ритуала становится получение юбиляром нового социального статуса более опытного и уважаемого парашютиста.

Примечания

[1] Записано в 1996 г. в г. Ульяновске (здесь и далее — запись автора).

[2] Записано в 1996 г. в г. Ульяновске от О.И.Литвиненко.

[3] Записано в 1996 г. в г. Ульяновске от А.С.Бурова. Пунктуация оригинала сохранена.

[4] Записано в 1996 г. в г. Ульяновске от А.С.Бурова.

[5] Записано в 1996 г. в г. Ульяновске от О.И.Литвиненко.

[6] Записано в 1996 г. в г. Ульяновске от Н.А.Сухарникова.

[7] Записано в 1996 г. в г. Ульяновске от С.В.Хоружего.

[8] Запись воспоминаний парашютистов о традициях празднования прыжков в 70-х–начале 90-х годов в аэроклубах Ульяновска и Подмосковья, а также видеозапись юбилейного 3000-го прыжка Михаила Геннадьевича Петрова (июль 1995 г.) и 600-го прыжка Сергея Алексеевича Авекина (24 июля 1996 г.).

[9] Записано в 1998 г. в г. Ульяновске от Ю.А.Гущина.

[10] Записано в 1996 г. в г. Ульяновске от О.И.Литвиненко.

[11] «Блин» — это резиновый круг диаметром около 50 см, в центр которого (в «ноль») должен приземлиться парашютист.

[12] Записано в 1996 г. в г. Ульяновске от Н.А.Сухарникова.

[13] Записано в 1996 г. в г. Ульяновске от А.В.Белоглазова.

К.Э.Шумов
(Пермь)

Профессиональный миф программистов

При подготовке публикации нами использовались следующие материалы: записи, сделанные в среде программистов, электронщиков и пользователей компьютерных сетей в городах Пермь, Москва, Санкт-Петербург; наблюдения над практикой работы программистов; материалы электронных «конференций» в компьютерных сетях RELCOM и INTERNET. Записи велись в период с 1989 по 1997 г. Большую помощь в подготовке публикации оказал профессиональный программист А.Иванов, которому мы особенно благодарны за предоставление собственных архивов и ценные советы.

Специфика среды

Среда программистов и электронщиков по уровню традиционности и, как это ни парадоксально, суеверий сродни среде моряков и профессиональных спортсменов. Связано это, по всей вероятности, с тем, что даже самый квалифицированный специалист знаком только с основными принципами работы компьютера, но не может объяснить (да и просто — знать) подробно, как работает каждый отдельный узел. С появлением компьютерных сетей сформировалось и совершенно особое информационное пространство. В этом пространстве, пронизанном единовременно сотнями тысяч ведущихся диалогов, сформировался совершенно особый тип коммуникации, отличный от естественного или технического.

Современные информационные средства и технологии позволяют осуществлять коммуникативные акты в режиме прямого диалога. Это достигается тем, что в компьютерных сетях есть возможность передавать на большие расстояния не только фиксированные в векторной или текстовой форме сообщения, но также устные и видео. Сеанс связи по «полной программе» теоретически позволяет передавать репортажную картинку и общаться между собой напрямую (хотя используется такая возможность крайне редко). Преобладает же коммуникация путем обмена вербальными текстовыми сообщениями. Внутри же группы, где возможна прямая коммуникация (лаборатория, учебное заведение, клуб и пр.), устная форма, естественно, является основной.

Еще одна немаловажная для формирования традиций деталь. В силу специфики своего производства программисты значительно отличаются от своего обычного внерабочего окружения (семьи, друзей, родственников) как владеющие технологиями, остальным практически недоступными. Отсюда формируется и трудно преодолимый барьер непонимания. С нашей точки зрения, этот барьер значительно менее проницаем, чем, например, барьер между активным и пассивным носителями традиции в крестьянской среде, так как проникновение в сферу специализированного фольклорного знания вполне возможно для простого человека — она не требует особых знаний и способностей. Стать же профессиональным программистом или электронщиком может далеко не каждый человек. За счет этого программисты оказываются в ситуации коммуникативного обособления в сфере своего производства. Общение через компьютерные сети становится для них весьма существенным, поскольку позволяет расширить коммуникативные возможности до практически беспредельных. Этому способствует и то, что во всемирных компьютерных сетях типа INTERNET основным языком является английский, который в силу специфики производства знаком (пусть с разной степенью погружения) любому программисту.

Таким образом, не только схожие условия производства и проблемы, возникающие в ходе общения с теми, кто не являются членами сообщества программистов, но и прямые контакты позволяют формировать единые международные традиции. Естественно, что, кроме общих черт, этим традициям присущи и специфические, определяющиеся национальной (чаще всего — языковой) принадлежностью их носителей.

К обозначенной группе профессионалов, являющихся производителями продукции, примыкает и группа пользователей — игроков в компьютерные игры (иначе — *геймеров*, *геймфанов*, *гейманутых* — от англ. *game* — 'игра') и *активных* пользователей компьютерных сетей. Последнее необходимо подчеркнуть особо, так как они существенно отличаются от *пассивных* потребителей информации (чаще всего пассивные отечественные пользователи начинают с того, что переписывают фотоизображения эротических и порнографических журналов, хранящихся на их серверах, — многие этим и ограничивают свое присутствие в сетях). Активные пользователи не просто пользуются информацией, но принимают участие в ее создании. Как правило, это люди, неплохо знающие возможности компьютера, владеющие частью профессиональной лексики, но в общем-то не способные работать на профессиональном уровне. Хотя в состав этой группы могут входить и профессионалы-производители (программисты, электронщики). Между активными пользователями и профессионалами нет такой непроницаемой коммуникативной преграды, как между профессионалом и обычным пользователем. За последними в среде программистов закрепилось негативно окрашенное обозначение *юзеры*, *юзвери* или *узеры* (от англ. *to use* — 'использовать'). Полные компьютерные профаны в силу того, что они полностью исключены из сферы производственных интересов программистов, из этих традиций практически выключены.

Примерно таким образом можно описать членов сообщества программистов и пользователей.

Как и любая другая профессиональная группа, программисты (чаще мы будем использовать для краткости именно такое обозначение) сознательно и бессознательно стремятся сформировать свой собственный профессиональный «миф», который охватывает все стороны жизнедеятельности среды и ее внешние контакты. Этому в значительной степени способствуют относительно широкие возможности осуществления связи между членами группы. Бессознательное в этом творимом мифе проявляется в формировании структур и текстов (в широком понимании), традиционных для любой профессиональной среды. Они, в свою очередь, во многом повторяют то, что описывает миф донациональный, построенный на системе бинарных оппозиций, основной из которых для профессионалов становится оппозиция свой/чужой. При этом «своим» является только то, что имеет отношение к сфере профессиональных интересов, а «чужим» — то, что соприкасается с этой сферой. Остальное, в том числе и устройство мира, в состав которого входит группа, для нее безразлично в той степени, в которой оно не касается профессиональных интересов.

Уникальность ситуации в среде программистов состоит в том, что процесс формирования мифа еще не завершен, а свобода коммуникации между членами сообщества позволяет очень многие составляющие этого мифа формировать сознательно. Не редкость в электронных конференциях призывы к подписчикам дать информацию по программистским анекдотам, посвящениям в программисты и пр. Сознательность некоторых действий в ходе формирования мифа вполне закономерна, равно как и первичная фиксация авторства многих входящих в его состав текстов, закрепляемого, в том числе, и использованием знака © (copyright), который, однако, при публикациях в электронных конференциях не имеет законодательной поддержки. Но даже сознательное формирование составляющих базируется на том, что уже является традиционным в различных группах. Профессиональный миф программистов закрепляет и объясняет поведенческие стереотипы, регламентирует контакты внутри группы и за ее пределами, описывает и объясняет историю ее происхождения и развития (идеально, но не объективно).

В широком смысле «профессиональный миф» описывает действительность, в которой функционирует профессиональная группа. Заведомые профаны, не имеющие никакого отношения к программированию, компьютерам и компьютерным сетям, из описываемой действительности выводятся.

Описание пространства

Именно представления о пространстве (наряду с представлениями о времени) являются базисными для формирования остальных составляющих любого мифа. Не является исключением и профессиональный миф. Другое дело, что пространственные представления в силу ряда причин не являются четко определенными, но их семантика способствует формированию идеального образа программиста.

Ситуация в среде программистов довольно сложная в силу проницаемости (а то и полного отсутствия) пространственных границ группы. Существуют только две основные формы концентрации значительного числа членов сообщества в едином реальном пространстве: научно-практические конференции по пробле-

мам информатики и клубы. Обе формы временные, поэтому их нельзя отнести к числу основных. Стабильные первичные контактные группы, внутри которых осуществляется прямая коммуникация, — это рабочие коллективы (лаборатории программирования, группы программистов внутри большого производственного коллектива, вычислительные центры, комплексные группы, работающие над созданием интерактивных программных продуктов — компьютерных игр, интерактивных энциклопедий, фирм по реализации и обслуживанию компьютерной техники и некоторых других).

Внутри стабильной группы особое значение приобретает пространственное оформление рабочего места, отношение к нему работника и постороннего. В традиционном ироническом описании рабочего места «настоящего» программиста отмечается следующее:

– стол, где установлена машина, завален раздавленными окурками, чашками с недопитым кофе, засохшими бутербродами, скомканными распечатками; клавиатура залита кофе и посыпана табачным пеплом и крошками; с монитора давно не вытирали пыль;

– с системного блока и принтера сняты защитные кожухи;

– провода, коммутирующие периферию, перепутаны и соединены «на живую нитку». (Оригинальный текст слишком велик по объему, чтобы приводить его полностью. Зафиксирован на английском языке в электронной конференции, переводы на русский язык встречаются в специализированных компьютерных изданиях.)

Формирующийся таким образом стиль рабочего места, претендующий на исключительность, дополняется разными формами табуирования для тех, кто не является членами группы. Пространство профессионала должно быть четко отделено от профана. Для этого используются разного рода запретительные надписи, выполненные от руки, на принтере, извлеченные из числа традиционных для города запретительных символов. В таком качестве используются:

– цитаты из произведений мировой литературы («Оставь надежду, всяк сюда входящий», «Посторонним В.» и пр.);

– знаки дорожного движения («СТОП», «Кирпич», «Поворот запрещен», «Парковка запрещена» и пр.);

– запретительные и предупредительные знаки техники безопасности разных производств («Опасно для жизни», «Не стой под стрелой», «Осторожно — высокое напряжение», «Посторонним вход воспрещен», «Не влезай — убьет» и пр.);

– «самодеятельные» афоризмы («А ты подумал, прежде чем сюда войти? «Прежде чем перейти этот Рубикон, подумай о смысле своего существования» и пр.).

Рабочее место программиста в представлениях, формируемых профессиональным мифом, принципиально отличается от любого другого. Отчасти это достигается за счет переиначивания существующих запретительных символов. Общепринятые табу и предписания отрицаются путем перенесения на рабочее место знаков «Место для курения», «Не курить» с перечеркнутым «не», «Комната отдыха» и пр. Отметим только, что этот прием не уникален — он присущ многим современным профессиональным группам.

Оформленное таким образом рабочее место вызывает соответствующую реакцию окружающих: для «чужого» оно становится табуированным. Приведем два примера из рассказов программистов:

> У меня однажды уборщица по простоте душевной устроила генеральную уборку на столе. Половину распечаток в корзину отправила — слишком грязными и рваными показались. Еще и дизайн навела — горшок с цветами на системный блок поставила, ладно, ничего не замкнуло. Тоже мне — культура производства! Пришлось с ней разбираться. С той поры она мой стол за три километра обходит. А у меня зато теперь вечный рабочий беспорядок.

> В одной из контор, говорят, уборщица, когда полы моет, боится, что ее током от проводов ударит, и близко к ним не подходит. В результате в комнате чисто только у дверей и по стенкам, а в центре, где программеры сидят, — пыли и грязи сантиметра три наросло.

Совершенно особой формой пространства является пространство информационное, которое в связи с развитием технических средств коммуникации приобретает значение основного. Первым существенным его признаком является виртуальность. В силу того, что сам термин в современной культуре приобретает различные смысловые оттенки, необходимо прояснить его значение. Под «виртуальностью» в данном случае понимается условность, нематериальность, неовеществленность, хотя в философском понимании объекты виртуального пространства материальны, так как могут быть восприняты. Отметим, что выраженный коммуникативный характер этого пространства является определяющим в формировании традиций. Среди пользователей разных по тематике конференций вырабатывается специфический стиль общения, и в значительной степени под его влиянием складываются стереотипные представления об участниках. Так, опытный пользователь (или подписчик) уже по тематике и стилю сообщения может практически безошибочно определить его принадлежность к той или иной конференции. В информационном пространстве компьютерных сетей границ как таковых не существует. Теоретически вся информация в сетях доступна, исключение составляют только случаи, когда при отправлении конфиденциальных сообщений применяются индивидуальные коды. Именно открытость и доступность являются основными принципами существования этого виртуального пространства.

Образ «настоящего программиста»

Формирующийся через описание рабочего места образ программиста весьма показателен. Из него следует, что программист пренебрегает многими этикетными условностями, ведет преимущественно ночной образ жизни. Оценки приведенного описания в среде носителей традиции довольно однозначно указывают на профессиональное превосходство программиста над всеми остальными. Чаще всего относительная «неграмотность» в области «общего развития», пренебрежение этикетом, безразличие ко всему, что не является профессией, фанатичная увлеченность работой (для геймеров — процессом игры) определяются как основные его положительные качества. Приведем в качестве примера текст, который бытует и как анекдот, и как рассказ о реальном случае:

Рассказывают, что несколько лет назад на некий крупный завод (назовем его, к примеру, «Красный богатырь») потребовался системщик. И вот в отдел кадров приходит молодой человек. Майка вареная, потертая, джинсики латаные, тапочки рваные, бороденка кудлатая — хакёр, значить!
Начальник ОК, увидав такую картину, зовет Начальника ВЦ. Тот тоже этому дивится, но допрос с пристрастием начал:
Н(ачальник): И с какими же операционками Вы, гм.., молодой человек, знакомы?
Х(акер): OS/360, Unix, SVM... (следует 10 минут перечисления).
Н: (удивленно): А вот на каких языках работаете?
Х: Машкоды и Ассемблеры для... платформ, С, С++, Pascal...
Н: (поражаясь): А вот у нас есть, мол, Vax-ы?
Х: (спокойно): Дык лет уж 5 как трудимся...
Н: (восхищенно): А вот у нас... новые IBM PC компутеры, 486!?
Х: Дык вот дома такой стоит — сам собрал!
Н: (решительно): Пиши, парень, заявление!
Х: (стесняясь): Дык я... я вот... я писать не умею!
Тут бразды правления берет в свои руки Начальник ОК: «Вон отсюда, рвань безграмотная! У нас, мол, здесь инженера работают, а не всякая шваль!».
Наше время, США. В шикарное агентство по аренде и продаже яхт заходит молодой человек с дипломатом, в костюме от парижского кутюрье, на пальце перстень каратов так ...цать и т. п. Небрежно просмотрев каталог, скромно обращается к менеджеру: «Вот эту, за 5 мегабаксов, please». Тот удивлен, ведет клиента в кабинет — давай оформлять. Молодой человек раскрывает дипломат, а тот набит пачками $1000 купюр!
Менеджер: Sorry, но у нас так дела не делают! Может, Вы заполните чек?
Покупатель: Дык если бы я писать умел, то на «Красном богатыре» сейчас бы работал!!!» (конференция relkom.humor).

Стереотип представлений о «настоящем программисте» является сугубо мужским. Неприятие женщин-программистов в профессиональном мифе закрепляется в том числе и в текстовой форме. В качестве примера можно привести анекдот-переделку:

Вопрос: В чем разница между морской свинкой и женщиной-программистом?
Ответ: Ни в чем, в морской свинке тоже нет ничего ни от моря, ни от свиньи.

Аналогичным образом формируются и представления о женщине-физике, женщине-математике и пр. Достаточно вспомнить стереотипный вопрос-ответ:

У великого физика(математика) спрашивает журналист(студент, школьник): «Как вы относитесь к женщинам-физикам(математикам)?» – «Я к ним не отношусь». Чаще всего этот ответ приписывается академику Ландау.

Еще одна достаточно существенная черта в мифологизированном образе «настоящего программиста» — перенос профессиональных представлений в повседневную жизнь. Проявляется это, в первую очередь, в бытовой речи, причем не только у профессионалов. Так, даже младшие школьники используют профессиональную лексику в не требующих этого ситуациях. Приведем несколько высказываний, зафиксированных за последние два-три года:

Девочка-пятиклассница не могла решить задачу у доски и дома комментирует это так: «Я с этой задачей зависла».

Мама пытается привлечь внимание восьмилетнего сына: «Сыночка, оторвись от своей книжки, иди обедать!» — «Сейчас, мама, перезагружусь и приду».

Среди программистских анекдотов бытует следующий:

Чем настоящий программист отличается от начинающего? Начинающий считает, что в килобайте 1000 байт, а настоящий программист считает, что в километре 1024 метра.

Особенно психологически тяжело, когда «профессиональные» представления переносятся в обыденную жизнь у *геймфанов*. Отношение к этому, как правило, ироническое, что, по всей вероятности, служит одним из действенных способов психологической защиты.

Так в WARLORDа наигрался, что даже по улицам хожу и просчитываю — хватит мне ходов, чтобы до магазина дойти или не хватит.

Смотрел недавно фэнтэзи по видео. А там — рыцарский турнир. У каждого механически пытаюсь класс оружия определить, обгрыженный или не обгрыженный, какой уровень экспиеренса. Вот до чего «Херои» доводят!

В конечном итоге совокупность мифологизированных представлений о «настоящем программисте» формирует достаточно однозначный образ, который намеренно снижается в одном из специфических анекдотов.

В зоопарке ребенок тычет пальцем в клетку с обезьянами и кричит маме: «Мама, мама, смотри — программисты!» – «Почему ты так решил?» — удивляется мама. «Они, как папа, — немытые, лохматые и мозоль на попе!»

Ирония в данном случае вполне уместна — она выполняет своеобразную охранительную функцию, не дает носителям традиции относиться к себе слишком уж серьезно. В принципе любая форма снижения образа реально его поднимает, но только в том случае, когда снижение исходит от носителя профессиональной традиции.

Очевидно, что в основе формирования представлений о «настоящем программисте» (в конечном итоге и о работе как таковой) лежит видимое ироническое отношение к производству, прикрывающее истинное — серьезное и несколько завышающее общественный рейтинг программистов. Последнее совершенно традиционно для вновь появившихся профессий. Профессиональные программисты в нашей стране появились относительно недавно — в 1950–1960-е годы. Отношение к ним в обществе практически сразу приобрело романтизированный восторженный характер, что в целом характерно для общественного мнения. Вспомним повальную романтизацию профессии монтажника-высотника приблизительно в этот же период (чему в немалой степени способствовали литературные произведения, песенное профессиональное творчество, кинофильмы). Аналогичная ситуация сложилась тогда же в ходе знаменитой дискуссии между «физиками» и «лириками» по отношению к физикам-теоретикам.

Профессиональное искусство, влияющее на формирование общественного мнения, выполняло в этих случаях конкретный социальный заказ, как это было, положим, в 1930-е годы по отношению к профессии строителя. В формировании представлений о профессиональных программистах немалую роль сыграла книга братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу». На нее до сегодняшнего дня принято ссылаться в ходе разного рода дискуссий в электронных конференциях.

Основным отличием естественной формы создания профессионального мифа от искусственной (средствами профессионального искусства) являются неоднозначность, плюрализм первого и однозначность, монизм второго. Прием снижения, ирония, многозначность, дискуссионность характерны для естественной формы. Немаловажно и то, что в первом случае миф создается внутри самой группы, хотя стереотипное отношение «чужих» к членам группы является его неотъемлемой частью. Приведем в качестве примера несколько таких «внешних» стереотипов, характерных для современных традиций: студент — умный, бедный, голодный; ученый — гений, чудак; журналист — честный, пьяница. Существенно и то, что эти стереотипные представления, как правило, самими членами группы не опровергаются.

«Взгляд изнутри» на мифологизированную фигуру программиста находится в процессе формирования. Первое, что бросается в глаза, это то, что он существенно отличается от принятого в современной социальной иерархии разделения на «белые» и «золотые» воротнички — в самой среде оно просто игнорируется. Основной чертой «настоящего программиста» является его высочайший профессиональный уровень. Любопытно, что «восточноевропейская» или «российская» части этого мифа отличаются одной специфической чертой. В среде программистов устойчиво бытует мнение, что именно наши программисты — самые лучшие в мире. Аргументация приводится следующая. Наши программы работают не хуже, а чаще лучше, чем американские, хотя наши программисты работают на таком «железе», что американец взял бы только в музей древностей, – значит, профессиональный уровень российских программистов выше. У наших программистов мало работы, поэтому наши компьютерные вирусы самые сложные и трудноуловимые. Автор самой распространенной компьютерной игры TETRIS — советский программист.

Образ «настоящего программиста» довольно активно обсуждается в сетях и зачастую принимает очень специфический характер. Так, например, существенным является обсуждение вопроса о языке программирования. В 80-е годы к программистам, использующим язык Basic, относились очень иронично. Сегодня с не меньшей иронией относятся к программистам, работающим на языке Pascal. Хотя последнее вызывает бурные дискуссии. Сутью конфликта является степень сложности и возможности упомянутых языков программирования. Идеальный программист — настоящий профессионал. Поэтому ему могут быть присущи два качества: использование сложного, доступного только настоящим профессионалам, инструмента; или прямо противоположное — умение даже простым инструментом добиться замечательных результатов.

Идентификация рабочего инструмента

Среди профессионалов закрепились следующие обозначения основного рабочего инструмента: ***машина***, ***тачка***, ***писюк***, ***компутер***.

Программисты-мужчины и пользователи во время работы чаще всего обращаются к компьютеру в женском роде («она» — машина). При этом некоторые наблюдения показывают, что на начальном этапе знакомства пользователь обычно обращается к компьютеру в мужском роде («он» — «компьютер»), но с приобретением опыта работы переходит к другому варианту. Это, с нашей точки зрения, свидетельствует о значительной степени олицетворения компьютера, наделении его некоторыми чертами человека. Интересно, что женщины-пользователи, по нашим наблюдениям, обращаются к своему рабочему инструменту и в женском, и в мужском роде. Если они, конечно, не относятся к числу полных профанов.

Идентификация рабочего инструмента в женском роде среди профессионалов подтверждает то, что образ «настоящего программиста» сугубо мужской. Этому способствует также и то, что профессия в принципе относится к числу мужских, а слово «программистка» просто отсутствует в общепринятой и профессиональной лексике. Отсюда следует и бессознательная потребность сравнения рабочего инструмента с женщиной.

В традициях программистов это реализуется через иронические тексты, созданные как подражание тексту «Почему огурец лучше мужчины», появившемуся в нашей прессе в конце 80-х годов (точнее нам установить не удалось). Важно то, что первоначальный текст стал бытовать в рукописной форме и вызвал целую волну подражаний («Почему огурец хуже мужчины», «Чем пиво лучше женщины» и пр.). Открытая диалогичная форма, многозначность, откровенность и доступность подтекстов сделали его весьма популярным. В принципе, исходя из большого количества не только подражаний, но и вариантов (в том числе и сниженных), переделок, утраты первичного авторства, можно говорить о его фольклоризации. Приведем два текста из электронных конференций (бытует их значительно больше).

В первом тексте «настоящий программист» выступает как исключительно профессионал, для которого мирские утехи не имеют существенного значения.

Почему компьютер лучше, чем женщина.

1. Вы всегда можете подобрать компьютер с конфигурацией, которая вам больше нравится.
2. Вы можете защитить свой компьютер от несанкционированного доступа.
3. Компьютер не обижается, если вы поработали недолго на другом компьютере или смотрите компьютерный журнал с картинками.
4. Компьютер не требует перед началом работы подписать лицензионное соглашение.
5. Компьютер никогда не скажет: “Давай сегодня просто почитаем документацию”.
6. Компьютер никогда не упирается, если вы вставляете (дискету).
7. Компьютер никогда не сокрушается, что ваша дискета слишком гибкая или на 3.5 дюйма.

8. Компьютер не скажет, что программирование или поддержка мыши – «грязное занятие».
9. Под компьютер не нужно подкладывать подушку.
10. Компьютер не говорит, что хороший процессор лучше, чем большая (память).
11. Компьютер также никогда не скажет, что «пользователь Сидоров пользуется лучше».
12. Для работы с компьютером не нужно разучивать лунный календарь.
13. Компьютер никогда не просит купить периферию.
14. Компьютер не пожалуется на вас тем, кто его сделал, более того, все как раз наоборот.
15. Компьютер бывает холодным только тогда, когда вентилятор работает хорошо.
16. Вам не нужно покупать новый защитный фильтр после каждого сеанса работы с компьютером.
17. В то же время Вы можете спокойно поработать на 20-ти компьютерах за день, не применяя защитный фильтр.
18. Компьютер не болтает по телефону с другим компьютером, если Вы того не хотите (это не относится к серверам, BBS и нодам).
19. Когда Вы хотите начать работу на компьютере, он никогда не скажет, что у него перегрелся процессор.
20. У компьютера нет матери.
21. Но есть одно сходство компьютера с женщиной: если запуститься с чистым ДОСом, то первый вопрос будет: «Который час? Ты знаешь?»

Второй текст открыто дискуссионен по отношению к первому. Парадокс заключается в том, что оба они закрепляют стереотип «настоящего программиста». Первый — как истинного профессионала. Второй — как мужчины.

Почему женщина лучше, чем компьютер.
1. Попробуйте посидеть с компьютером на коленях, глядя на закат...
2. Нежно поцелуйте компьютер в устройства ввода-вывода информации...
3. Посидите с ним при свечах за бутылкой хорошего вина...
4. Поставьте кассету "Scorpions" и потанцуйте с системным блоком, одну руку положив на дисковод, другую — на блок питания...
5. Медленно и нежно отвинтите винты и снимите крышку...
6. Отнесите его, полуразобранного, на руках к кровати...
7. ....
8. Сладко засните с ним, облокотив монитор себе на плечо...
9. Утром, проснувшись, включите его поцелуем...
10. Позавтракайте с ним...
11. Фотографируйтесь с ним в театре, на горе, на улице, в парке, а потом вместе с ним проявляйте фотографии...
12. Всегда следите, чтобы он не находился в неблагоприятных температурных режимах...

Когда звонят друзья, собираясь зайти вечером, скажите: «Давайте лучше завтра. Сегодня вечером мы с моим компьютером идем в гости...»

Половая идентификация рабочего инструмента принципиально меняется, когда компьютер и программист воспринимаются как единое целое. Тогда даже на лексическом уровне компьютер идентифицируется как половой орган. Для

программиста-мужчины — «писюк», для программиста-женщины — «писишка». И тот и другой арготизм образованы от английского сокращения PC (Personal Computer), в русской транскрипции звучащего как ПиСи. Двойной смысл придается созвучием с просторечными обозначениями половых органов. Приведем в качестве примера текст частушки, в котором фигурирует женское обозначение компьютера:

Мимо милкиной PC-шки
Я без шутки не хожу —
То Refal* в ОЗУ** засуну,
То debugger*** покажу.

Идентификация компьютера (или другого рабочего инструмента) как полового органа может принимать и более развернутые формы. Один из текстов, по всей вероятности, созданный как рекламный для всемирной компьютерной сети INTERNET, начав бытовать в профессиональной среде, был фольклоризован.

Чем INTERNET похож на мужское достоинство.

1. Бывает в активном и неактивном состоянии. В активном гораздо интереснее, но тогда становится трудно заниматься работой.
2. В далеком прошлом его единственным назначением была передача крайне важной для выживания рода информации. Некоторые до сих пор полагают, что это назначение — единственное, но основная масса пользователей все же использует его для развлечения.
3. У него нет сознания и памяти. Без разумного руководства все сводится к убогому повторению одного и того же.
4. Предоставляет вам возможность для общения с другими людьми. Кое-кто относится к нему чрезвычайно серьезно, для других это пустяки. Иногда вы ошибаетесь в выборе партнера, и прозрение может наступить слишком поздно.
5. Если не принять должных мер предосторожности, может распространять вирусы.
6. Своих мозгов у него нет; вместо этого он пользуется вашими. Если вы его слишком активно эксплуатируете, то мыслить разумно становится все труднее и труднее.
7. Мы придаем ему гораздо большее значение, чем заслуживают его реальные размеры.
8. Неосторожное обращение с ним может привести к большой беде.
9. Случается, он неожиданно вмешивается в события. Сколь бы хорошими ни были ваши намерения, он может все испортить. Позднее вы спрашиваете себя: «На черта я это сделал?».
10. У некоторых он есть, а у некоторых — нет.
11. Те, у кого есть, будут буквально раздавлены, если неожиданно лишатся его. Ведь по их мнению, те, у кого нет, в чем-то неполноценны. Они думают, что он дает им силу, но это заблуждение.
12. Те, у кого нет, полагают, что это неплохая игрушка, но она не стоит поднятой шумихи. Впрочем, они все же не прочь попробовать.

---

* Refal — название программы.
** ОЗУ — оперативная память.
*** Debugger — программа для обнаружения ошибок в программах.

13. Если вы начали развлекаться с ним, то остановиться очень трудно. Некоторые занимаются этим целый день, даже если работа у них простаивает.

Заметим, что взаимоисключающие представления о рабочем инструменте с выраженным мужским признаком или с признаками и мужского, и женского половых органов в составе профессионального мифа не только не противоречивы — они являются равноправными в силу своей ситуативности.

Сравнение процесса работы с половым актом является общей закономерностью любого профессионального (и не только профессионального) мифа. В современных традициях (в том числе и разных профессиональных групп) полисемия просторечных, инвективных и жаргонных глаголов «трахаться», «сношаться», «е..ться» это подтверждает. Все они бытуют и со значением «работать», и со значением «совершать половой акт». Соположение рабочей функции и функции физиологической закрепляется значительным количеством эротически окрашенных текстов, бытующих в среде программистов.

Так, одними из первых в компьютерных сетях были «выловлены» специфические частушки программистов (в 1987–1997 гг.).

На столе лежит дискета,
У нее запорот boot*,
Через дырочку в конверте
Ее вирусы ебут (или — eboot).

(Вариант) На горе лежит дискета,
У нее запорот boot,
Через дырочку в конверте
Ее вирусы грызут.

Наличие «печатного» и «непечатного» вариантов одного произведения – характерная черта фольклорных текстов. Достаточно сослаться на аналогичное бытование свадебных корильных песен.

Сами же частушки программистов (зафиксировано их более 50 только в одной электронной конференции) создаются либо путем переиначивания традиционной крестьянской частушки, либо с использованием основных поэтических приемов: размера и ритмики, языковой игры (соединение лексики разных стилистических пластов, двуязычие, обыгрывание многозначности лексики), иронии. Вариативность текстов связана, по всей вероятности, с двумя формами бытования — устной и письменной (хотя последнее не совсем точно соответствует реальной ситуации бытования в информационном виртуальном пространстве).

Полюбила программиста —
Очень, думала, умен,
И запоры и простуду
aidstest-ом** лечит он.

Меня милый не целует,
Не садится близко —
Я, мол, чистый математик,
А ты программистка.

Интересно отношение к такого рода текстам. Значительные усилия пользователей сетей тратятся на то, чтобы выяснить их авторство. Хотя сами авторы отмечают, что для жанра частушки оно не является существенным. Поэтому подавляющее большинство текстов бытует анонимно.

---

* Boot — сектор дискеты, на который записывается загрузчик.

** Aidstest — антивирусная программа.

Язык

Одной из черт устно-письменной традиции (остается только извиняться за неловкий каламбур, но именно этот термин наиболее адекватен) отечественных программистов и пользователей компьютерных сетей является свободное сочетание русского и английского языков. Это довольно точно соответствует специфике профессии — английский язык для программиста является основным рабочим языком. Подобный «билингвизм» встречается чаще всего у учащихся специализированных языковых школ и студентов начальных курсов факультетов иностранных языков. Отсюда и значительное количество в электронных конференциях характерных для этих двух групп небольших стишков на английском языке. Чаще всего встречаются следующие:

If you want to have a sex, Fuck my dog, his name is Rex.	Если хочешь секса, трахни мою собаку — ее имя Рекс.
If you want a little brother, Ask your dad to fuck your mother.	Если хочешь маленького брата, попроси отца трахнуть маму.
If you want to have a funny, Fuck yourself and pay (save) your money.	Если хочешь посмеяться, трахни себя и заплати (сохрани) себе деньги. (Вариант из конференции relcom.humor)
If you want a lot of pleasure, Fuck your girl (вариант wife)... как можно реже.	Если хочешь получить массу удовольствия, трахай свою девочку (жену)... (Вариант из конференции relcom.humor)

Эти же произведения часто фиксируются в форме граффити в школьных классах и студенческих аудиториях, что свидетельствует о взаимодействии традиций отдельных контактных групп в силу высокой степени «проницаемости» коммуникативных границ. Эта особенность отмечается самими пользователями компьютерных сетей. Так, в конференции relcom.humor в одном из сообщений предлагается следующее: «Здравствуйте все!!! Ну вообще осмелею и обзаву новую виртуальную подгруппу — ТЮ> — Туалетный Юмор». Это предложение появилось после того, как в течение некоторого времени пользователи обменивались информацией о граффити в местах общественного пользования в вузах.

«Билингвизм» программистов вполне оправдан тем, что перевести на русский язык значительную часть рабочих терминов, как и многие профессионализмы в иных контактных профессиональных группах, практически невозможно, да в этом и нет необходимости. Естественно, что многие рассказы строятся на непонимании или неправильном понимании непрофессионалом языка программистов, что в целом характерно для первичных контактных групп. Приведем несколько примеров (словарик терминов приведен после текстов):

Едут два программиста в троллейбусе и на весь салон разговаривают. Один говорит: «Я вчера целый день с мамой трахался». Второй отвечает: «Это еще что. Я вот вчера весь день мыло сосал. Я его отсасываю, а оно все прет и прет» (зафиксировано в устной традиции).

Едут два парня в автобусе переполненном и разговаривают между собой: «Вот вчера такую мать кривую взял, что даже винта не чувствует!» «Это что, — отвечает другой, — я сегодня до трех утра борду имел, так больше 7200 не натягивалось!» (вариант из конференции relcom.humor).

Двое придурков с безумными глазами увлеченно обсуждают, как один из них трахался с мамой, пытался модем раком поставить или убить демона сигналом...

Вчера смотрю — по экрану мыло ползет. Кило, десять, сто... Пока сосал — нормально, а вот разбирать начал — подавился (вариант из конференции relcom.humor).

Вот невезуха, неделю с мамкой трахался, только допинал — клава залетела (вариант из конференции relcom.humor).

Надо шестерку засетапить с дистрибута, потом отапгрейдить на шесть-двадцать два и перебутиться (вариант из конференции relcom.humor).

У твоей горбатой глюкалки крыша слетела по сигналу 11, пойди, пни ее ногой, чтоб обратно встала! (вариант из конференции relcom.humor)

Есть песня программистов. Начинается она так: «Мы над пропастью в ARJ» (из конференции relcom.humor).

МАМА, МАМКА — материнская плата.
ТРАХАТЬСЯ – работать.
МЫЛО — e-mail (электронная почта).
СОСАТЬ — получать электронную почту.
ВИНТ — винчестер, жесткий диск.
ДОПИНАТЬ — доделать, исправить.
КЛАВА – клавиатура.
ЗАЛЕТАТЬ – портиться.
СЕТАПИТЬ – удалять.
АПГРЕЙДИТЬ – усиливать.
ARJ – архиватор.

Приведенные выше фразы построены по тем же принципам, что и частушки программистов. Основным приемом является языковая игра. Комичность эффекта восприятия непосвященными строится в том числе и на многозначности отдельных арготизмов в сочетании с общеупотребительным молодежным жаргоном. Так, выражение «с мамой трахаться» может быть понято как инцест, «натягивать» — совершать половой акт, «клава залетела» — как нежелательная беременность, особенно в сочетании с созвучным женскому имени обозначением клавиатуры.

Функционально эти фразы и описания ситуаций скорее всего закрепляют отношения между программистами и пользователями или непосвященными. Наличие развернутого собственного специфического «словаря» свидетельствует о том, что субкультура программистов и пользователей компьютерных сетей вполне сформировалась либо процесс формирования находится в конечной стадии. Напомним, что полисемия является основой достижения комического эффекта во многих городских устных рассказах. Приведем только два примера (первый из числа общегородских, второй из числа рассказов проводников железнодорожных составов):

Еду я на днях в «десятке» (автобусный маршрут № 10. — *К.Ш.*). Народу, как всегда полно набилось, а автобус-то старый, там знаешь, еще поручень такой впереди у места водителя, который двери открывает, и место там пустое — туда никто не встает. И

вот на одной остановке с передней площадки муж зашел, а с задней — жена. Они через весь автобус переговариваются. Жена ему кричит: «Вася, яйца береги!». Весь автобус ржет. А мужик авоську с яйцами попросил женщину подержать, которая у поручня стоит. Она их на то свободное место поставила. Тут с задней площадки народу много вышло. Жена и кричит Ваське своему: «Вась, иди сюда, здесь народу мало!». А Вася отвечает: «Не могу, у меня женщина яйца держит». Так всю дорогу весь автобус и ржал над ними (устный рассказ).

Я, когда был студентом, устроился на вокзал подрабатывать, на втором курсе тогда учился. Называлось это красиво — проводник по охране вагонов, а на самом деле — просто истопник. Ночью сцепляли разные вагоны поближе к вокзалу, из этих вагонов днем рабочие составы формировали, чтобы в рейс отправить. Вот их и топили, чтобы за ночь не выстыли. Встречаю я однажды бывшего одноклассника, тоже студента. Разговорились. Он спрашивает, не подрабатываю ли я где-нибудь. Я и говорю: «Вагоны топлю». Он удивился: «В Каме (в данном случае – река. — *К.Ш.*), что ли?» Я отвечаю: «И в "Каме" (название фирменного поезда "Пермь–Москва". — *К.Ш.*) бывает». Потом только поняли, что о разном говорим (устный рассказ).

Аналогичный рассказ фиксировался в г. Кирове, где у топонима Вятка также два значения: река и фирменный поезд «Киров–Москва».

Специфические традиции и специфическое восприятие мира в среде программистов и пользователей компьютерных сетей требует специфического языка для описания этого мира. Естественно, что значительная часть лексики описывает предмет труда. Но особая группа слов «отвечает» за взаимоотношения с окружающим миром, с теми, кто не является членами профессиональной группы. Как и многим другим ограниченным группам, программистам и пользователям компьютерных сетей присуща попытка мифологизации собственной истории. Отсюда и некоторое количество жаргонизмов, описывающих историю в терминах, близких по звучанию и словообразованию к принятым для описания истории человечества. Словотворчество (особенно от основных понятий «программа» и «программист») охватывает основные составляющие внутреннего мира носителей описываемых традиций: происхождение программистов, рабочий процесс, рабочее пространство и его обитатели, состав семьи. Наиболее отчетливо это проявляется в подборке, составленной по разным данным в середине или конце 1980-х годов. Эта подборка встречается в электронных конференциях и, возможно, была когда-то опубликована в журнале «Наука и жизнь» или «Знание – сила». Гарантии, что приведенные термины используются в живой речи (устной или письменной в компьютерных сетях), нет. Скорее всего это — творчество индивидуальное, имеющее хождение «в списках» и утратившее в конечном итоге авторство. Источником данного варианта послужили компьютерные сети.

Программиада

ПРОГРАММОЗОЙ — эра появления первых программистов.

ПРОГРАММАЗМ — увлечение программированием нового сотрудника отдела программирования.

ДЕПРОГРАММИЗАЦИЯ — никто не программирует, кроме программистов, и все заняты делом.

ПРОГРАММИЗАЦИЯ — процесс, обратный депрограммизации.

ПРОГРАММАЖ — состояние сотрудников в период программизации.

ПРОГРАММАРИУМ — служебное помещение программистов.

ПРОГРАММОДРОМ — пространство, выделенное для свободного полета математической мысли; обычно место для курения.

ПРОГРАММИСТИКА — совокупность доктрин, утверждающих иррациональную исключительность программирования вообще и необходимость свободного режима работы программистов в частности.

ПРОГРАММУРКА — кошка, обитающая в программариуме.

ПРОГРАММИНЫ — ритуал сдачи готовой программы.

ПРОГРАММУЛЬКА — доза валерьянки или другого напитка, принимаемого на программинах.

НАДПРОГРАММЬЕ — техническая документация на неработающую программу.

ПРОГРАММОТЕКА — коллекция макулатурных изданий, приобретенных на сданное во вторсырье надпрограммье.

ПРОГРАММИНЯ — незамужняя программистка.

СУПЕРПРОГРАММА – программа, написанная во время варки супа.

СУПЕРПРОГРАММИСТКА — автор суперпрограммы.

СУПЕРПРОГРАММИСТ — человек, который под видом программирования отлынивает от домашних дел.

ПРОГРАММЫНЯ — жена суперпрограммиста.

ПРОГРАММУШЕК — дети программистов.

Не менее показательным является словарь жаргонизмов и профессионализмов. В нем, как и в лексическом запасе любого языка, довольно явственно проявляются не только представления об устройстве окружающей действительности, но и отношение к ней (см. Приложение).

Небольшой пример живого употребления в сетях собственной профессиональной лексики — цитата из одного довольно обширного послания в сети Relkom — показателен и тем, что он обнажает механизмы формирования лексики средствами языковой игры.

HELL'o!

Пипл! Делая PostMortal Release самого ехидного из моих прижизненных опусов, я счел необходимым снабдить source некоторыми комментариями. Ирония судьбы: гнусный, зловредный Bug, засевший в киаешном Ньюс-Стервере и отравивший жизнь, наверное, тысячам абонентов Релкома, загрыз однажды и мой постинг. :-(((С этим самым ^^^^^ обувным subj. :-) Да!

Случилось это в ночь на 1 апреля 1994 года.

С тех пор, как поется в ROM-man'ax, немало трафику утекло. Я за все свои прижизненные shutочки над postmaster'ями был наказан вечным sysadmin'ством, Стервер-Баг откушал еще три десятка моих статей (прежде чем был вычислен локальной резидентурой), а из нашей старой, закаленной в боях с оклахомскими драконами, гвардии уже почти никого в активе не осталось. Разве что подSLIPоватый, совсем уже выживший из DOOMa Вождь КрасноSCOжих еще выPOOLзает иногда из BULKающего мылом Обл-Газиона, и TOUCHщится по гейтам, CRACKхтя и SHELLюстя вставными SUBами... :)))

Среди пользователей компьютерных сетей для облегчения общения существует довольно значительный по объему словарь англоязычных акронимов (около 50). Акронимы облегчают осуществление коммуникативного акта, так как со-

кращают время на набор текста с клавиатуры — целые фразы заменяются сочетанием нескольких символов. Укажем только на один из наиболее распространенных, встречающийся как русская калька ИМХО (с англ. IMHO In My Humble Opinion — по моему смиренному мнению). Чаще всего среди русскоязычных пользователей этот акроним приобретает другое значение — «с моей личной точки зрения» и употребляется в большей части случаев иронически. Привлекательными для наших пользователей являются и акронимы с употреблением инвективной лексики PFM — Pure F***ing Magic (абсолютная траханная магия) и WTF — What the F*** (что за черт!). Эта тенденция является общей для граффити. Применение табуированной лексики чужого языка вызывает совершенно не те переживания, что возникают при употреблении «своей» обсценной лексики. Ирония, веселье заменяют злость и обиду.

Словарь «улыбок»

Осуществление коммуникативного акта в компьютерных сетях требует некоторых дополнительных усилий для того, чтобы придать коммуникации наиболее приближенную к естественной форму. Отсутствие восприятия мимического способа передачи информации породило его своеобразный эквивалент. Используя стандартный набор знаков, пользователи сетей передают эмоции, которые они испытывают/испытывали бы при непосредственной передаче сообщения. Этим целям служит набор символов, имеющих определенное значение. Как правило, они добавляются после определенной строчки (слова) письма и позволяют точнее понять его смысл – шутит ли человек или всерьез и т. д. (см. Приложение).

Подписи в сообщениях (сигнатуры)

Своеобразие информационного виртуального пространства, относительная простота и высокая скорость общения через электронную почту, технические возможности породили такое явление, как сигнатуры пользователей сетей. Единожды составленные, они извлекаются из памяти машины автоматически и ставятся в конце каждого сообщения пользователя. Это позволяет вставлять в подписи не только небольшие по объему, но и развернутые тексты, отражающие индивидуальность автора. Технические возможности позволяют вставлять в подписи рисунки (см. Приложение).

Анекдоты, приколы

К формированию профессионального мифа программистов привлекается не только язык, но и сюжеты анекдотов о сотворении мира. Прием этот используется довольно часто в любой профессиональной среде. Обычно он реализуется в споре между носителями разных традиций о том, чья профессия появилась раньше.

Программер, строитель и хирург спорят, чья профессия раньше появилась. Хирург говорит: «Бог сделал Еву из ребра Адама, значит хирургия была первой». Строитель говорит: «Сначала Бог сотворил Землю, горы, реки. Строительство было первым». А программер спрашивает: «Ребята, а кто же тогда создал Хаос?».

Другой способ сотворения профессионального мифа программистов — использование в анекдотах традиционных для крестьянских профессионалов сказочных мотивов о поведении члена сообщества в раю или аду (кузнец и черт, молотобоец и черт). Подобно герою сказки, программист разгоняет чертей в аду.

Попадает программист в ад. Через месяц сатана и Бог встречаются, и сатана говорит Богу: «Забери ты от меня этого программера, а то пока ему объясняли, что это не DOOM2*, он всех чертей пилой попилял!».

Традиционными являются и попытки создавать свои собственные тексты по аналогии с молитвами. При этом достаточно стабильно в разных профессиональных группах в качестве образца выбирается «Отче Наш». Пример заимствованный из конференции fido.humor.filtered.

Молитва юзера
Молитесь же так:

Отче наш, иже еси в моем PC! Да святится имя и расширение Твое.
Да придет Прерывание Твое; *да будет* воля Твоя и на винте,
как в RAM'е.
BASIC наш насущный дай нам;
И прости нам дизассемблеры и антивирусы наши,
как Копирайты прощаем мы.
И не введи нас в Exception Error, но избавь нас от зависания;
ибо Твое есть адресное пространство, порты и регистры.
Во имя CTRL'a, ALT'a и святого DEL'a, всемогущего RESET'a,
во веки веков, RETURN !

Вариант молитвы из конференции relcom.humor.

Молитва программиста
Отче наш иже еси в моем PC !
Да святится имя и расширение твое,
да придет прерывание твое и да будет воля твоя !
TETRIS насущный дай нам на каждый день.
И прости нам вирусы наши, как копирайты прощаем мы.
И не ввергни нас в Stack Overflow, но избавь нас
от зависания, ибо твое есть адресное пространство,
порты и регистры.
Во имя CTRL'a, ALT'a и святого DEL'a,
ныне и присно во веки веков, RETURN !

Вхождение в группу

Один из традиционных способов вхождения в любую замкнутую группу (профессиональную, конфессиональную, социальную) — прохождение испытаний и посвящение–инициация новичка. Не являются исключением и тради-

* DOOM2 — компьютерная игра, смысл которой заключается в том, чтобы во время передвижения по лабиринту убивать всех встреченных монстров. Одним из видов оружия в этой игре является электропила.

ции программистов. Необходимо отметить, что к новичкам, как и в любой другой среде, формируется несколько пренебрежительное, но в то же время довольно опекающее отношение. Новичок пока еще не «настоящий программист», но может им стать. Поэтому передача традиций, в том числе языковых, проходит чаще всего в ходе работы. Закрепляются эти приемы в иронических текстах или анекдотах.

Пришел на ВЦ новый железячник, только-только после училища. Хлипкий, в очках — соплей перебить можно. А старший у нас мужик здоровый, бугаистый. Вот он его со всех сторон осмотрел и говорит: «Придется тебе, парень, с железками в зале покачаться. А то нужно будет поддержку системе учинить — из тебя и дух вон». А тот согласно головой кивает, щупает свои бицепсы (из устной традиции).

Молодой электронщик протирает узлы компьютера ваткой, смоченной спиртом. Подходит опытный электронщик и возмущается:

– Ты что ж такое делаешь!?

– По инструкции сказано, что нужно покрывать узлы тонким слоем спирта для профилактики.

– Все правильно, но делается это не так. Смотри.

(Опытный берет спирт, выпивает и дышит на узел.)

– Вот как делается! (из устной традиции).

Посвящение как условно ритуальное действие в среде программистов нами не зафиксировано. Исключением является посвящение в студенты специальностей «Программирование» и «Прикладная математика» (см. Приложение).

В качестве испытаний и ритуальных действий при проведении посвящения в программисты используются приемы как чисто профессиональные, так и традиционные для студенческой среды. Из профессиональных можно отметить следующие: целование клавиатуры, стоя на колене и держа руку на Фихтенгольце (в данном случае — учебное пособие); забег на 1024 метра; метание лазерного диска и пр.

Немаловажной традицией в отношениях между новичками и «стариками» являются розыгрыши. В среде программистов они, естественно, приобретают специфический характер и обычно называются **приколы** (лексическое заимствование из молодежного жаргона):

Меняют цвет фона в NORTON-е с синего на красный.

Вместо псевдографики вставляют черепа.

Переворачивают изображение на мониторе и «чайника» заставляют переворачивать монитор.

На клавиатуре меняют местами символы, тогда при наборе пароля (в этом случае пользователь не видит, какие символы появляются на мониторе, их заменяют звездочки) пользователь не может начать работу.

Чаще всего розыгрыши встречаются в отношениях между программистами и пользователями. Как уже упоминалось выше, последние получили негативно окрашенное обозначение «юзеры». Немалую роль в формировании профессионального мифа программистов сыграли именно отношения между «настоящим

программистом» и «юзером». В какой-то степени юзеров как персонажей фольклора программистов можно соотнести с простаками или дураками из традиционной крестьянской сказки. Они все делают невпопад, совершают нелепые ошибки. Принципиальное отличие — программист, как правило, зависит от пользователя, который зачастую является его работодателем. Поэтому в рассказах о юзерах появляется еще один мотив, характерный для профессиональных традиций, — «начальник всегда дурак». Приведем некоторые тексты анекдотов и устных рассказов (они также бытуют в письменной форме в сетях).

Едут как-то в одном купе два юзера и два системных программиста. У юзеров по билету на нос, у системных программистов один на двоих. Начинается контроль билетов. Юзера спокойно сидят в купе, а сист. программисты идут в туалет и там вдвоем запираются. Когда проходит контролер мимо туалета, оттуда высовывается рука и подает контролерам билет, те удовлетворенные идут дальше.

Просекли это юзера и в другой раз едут уже с одним билетом на двоих. А сист. прогр. едут уже без билетов. Когда начинается проверка, юзера идут в туалет, а сист. прогр., подождав немного, подходят к туалету, стучатся. Оттуда высовывается рука, у которой они и забирают билет, а потом идут в другой туалет...

Отсюда вывод: то, что позволено системному программисту, не всегда позволено простому смертному юзеру.

Особая традиция сложилась в связи с непониманием пользователем сообщения компьютера «Press any key» (нажмите любую клавишу). Сюжетообразующую функцию в этой ситуации играет буквальное понимание пользователем указания — он начинает искать клавишу с названием «any».

Внедряется система. Работает с ней секретарь. Все хорошо, пока дело не доходит до надписи: «Press any key...». Ну нету на клавиатуре Any Key. Возможное решение: Берется лейкопластырь. Клеится на space и пишется: «Any Key». Для верности добавляется: «Любая». Вопрос: Есть ли более изящные решения? При вопросе user'a, как найти Any Key, тычешь пальчиком в Reset или Power off (из конференции relkom.humor).

Ребята — сборщики компов — где-то раздобыли наклейки Any Key и наклеивали их на кнопку Reset, а доверчивые покупатели потом звонили и выясняли: почему этот агрегат после запроса Press any key... перегружается (из конференции relkom.humor).

Тут мои Юзеры требуют от меня полной русификации всех прог, а я никак не могу перевести слово на пипке «Ok», последний раз писал «Далее», но знакомые программеры сказали что, дескать, должна быть и кнопка «Ранее» и т. п. и т. д. Варианты:

1. Митьковский «Дык!»
2. Одесский «Ну?»
3. Армейский «Есть!»
4. Пионерский «Готов!»
5. Программистский «1Dh»
6. Подвисючий «Хрен!»
7. Наркоманский «Гонишь!»
8. Нетопыре-филинский «Угу!»
9. Ламерский «Ой!»
10. Юзерский «Счас!»

11. Сисопский «Alt-H»
12. Злобный «Reset»
(из конференции relkom.humor).

Вот, ковыряю я комп секретарш, которые рядом стоят. Ну, отладил я его и говорю, мол, все готово, можно работать. А Таня говорит Оксане: «Я сначала войду в тебя, а потом снова в тебя» (!!!) Потом глянул на монитор и ржал так, что по всей фирме слышно было — Таня имела в виду, что сделает cd oksana\oksana (из конференции relkom.humor).

В афористике юзер, или чайник, как персонаж тоже получил долю внимания: «Хороший юзер — мертвый юзер», «Каждому чайнику по свистку».

Вирусология и традиции граффити

Такое сугубо профессиональное явление, как компьютерные вирусы, не могло не найти своего отражения в традициях программистов. *Вирусам* приписываются особые, почти мистические свойства. Им посвящаются не только стихотворные произведения и частушки — компьютерные сети заполнены всевозможными слухами, многие из которых стали уже традиционными. Обмен информацией о вирусах необходим — появление новых их разновидностей может причинить существенный вред (если это не простенький, рассчитанный исключительно на «прикол», вирус). Именно поэтому появляется и далеко не всегда достоверная информация. Приведем один характерный пример, в котором реализована вера в мистические свойства вирусов. При этом необходимо отметить, что, по оценкам специалистов, теоретическая возможность создания такого продукта, о котором идет речь, существует.

В электронной конференции вычитал. В одном центре утром нашли мертвого программиста, прямо за клавиатурой. Оказалось, что он ночью решил поиграть, а с игрой загрузил новый тип вируса. Он выводит на монитор такое сочетание мелькающих цветовых полос, что человек умирает.

Рассказывают о способности вируса выводить сидящего за дисплеем из строя за счет информации, содержащейся в пресловутом «25-м кадре». В одном из вариантов утверждалось, что этот вирус был создан для борьбы с компьютерным «пиратством» фирмой, потерявшей несколько миллионов долларов из-за незаконного копирования. Он входил в состав одной из популярных игр и активизировался только при «пиратском» копировании программы.

Этот сюжет довольно бурно обсуждался в компьютерной сети Relkom. При этом приводились и другие варианты компьютерных вирусов, которые в значительной степени мифологизированы: вирус настраивает жесткий диск компьютера на определенную частоту резонанса, после чего винчестер разламывается; вирус при определенном стечении обстоятельств прожигает монитор и пр.

Очевидно, что тема компьютерных вирусов в среде программистов и активных пользователей становится одной из основных. Сами же вирусы с некоторой долей условности можно отнести к числу «фольклорных» жанров. Естественно, имеется в виду только видимая часть программы, последствия ее работы (вер-

бальные тексты — озвученные или написанные, музыкальные тексты, рисунки, розыгрыши разной формы). Текст программы-вируса может скрывать отдельные вербальные тексты — чаще всего подписи авторов или высказывания.

Уже сама терминология «вирусологии» свидетельствует о некоторой степени персонификации и олицетворения вирусов. Людей, занимающихся их изучением, называют «вирусологами». Вирусы «лечат», вирусы «подхватывают», вирусы «вылавливают», сами вирусы «делают» что-то. Терминология отчасти заимствована из медицины. Необходимость лечебно-профилактической работы с вирусами вызывает к жизни традиционные жанры. Так, в компьютерных сетях и некоторых неспециализированных изданиях появились заговоры от компьютерных вирусов.

Одним из отличительных свойств компьютерных вирусов является большое количество выводимых на монитор или на принтер текстов. Общее их количество выходит далеко за пределы тысячи. Следует отметить, что содержательно эти тексты мало чем отличаются от «граффити» в студенческих аудиториях (примеры см. в Приложении).

Внешние влияния на формирование традиции

Практически для всех современных традиций характерно то, что процесс их формирования проходит под влиянием других традиций, поскольку коммуникативные границы сегодня проницаемы. В том числе и потому, что один человек может быть членом разных контактных групп. Взаимопроникновение традиций и апелляция к общегородским свойственны и традициям программистов. Они могут осуществляться как сознательно, так и бессознательно (как правило, за счет переделок и переиначивания или за счет бессознательного подражания).

В электронных конференциях в больших количествах встречаются жанры, хорошо изученные фольклористами: «садистские стишки», частушки, стихи-переделки, тосты, анекдоты. Чаще всего путем обмена формируются тематические подборки. Так, например, в конференции relcom.humor был сформирован фонд «садистских стишков» объемом более 250 текстов (с учетом вариантов). Для подписчиков этот своеобразный обмен информацией выступает в качестве одного из основных способов пополнения собственных коллекций. Можно предположить, что значительная часть подписчиков — не просто пользователи PC, а профессионально работающие с компьютерной техникой. Отсюда и довольно большое количество «компьютерных» переделок и стилизаций под известные жанры (см. Приложение). Обращает на себя внимание то, что в переделках на темы, близкие среде программистов, чаще всего принципиально меняется смысл происходящих в текстах несчастий — они случаются не с героем, а с его компьютером. Хотя есть, конечно, и тексты с традиционным пафосом.

Программист и...

Осознание специфичности собственной субкультуры не может произойти, если ее носитель лишен возможности сравнивать ее с другими. Поэтому тексты, в которых программист сталкивается с представителями других субкультур, нередки.

Едет как-то в одном автомобиле странная компания: авторитет, бизнесмен и программист. Едут-едут.... Вдруг авто остановилось — и ни туды, ни сюды. Что-то там сломалось, короче. Так получилось, что в машинах никто из них не разбирается. Думают, что же делать? Первым заговорил авторитет, доставая сотовый радиотелефон:

– Сейчас звякну своим ребятам — через 5 минут новую тачку подгонят! Какую заказываем?

Вторым подал голос бизнесмен:

– Предлагаю такой вариант. Сейчас мы продаем эту машину, регистрируем на вырученные деньги АО очень закрытого типа, распространяем акции АО среди местного населения, инвестируем капитал в новый автомобиль и уматываем!

– А может, выйдем из машины и снова зайдем? Глядишь — она и поедет, — робко молвил программист...

Встречаются хиппи (Х) и системный администратор (СА) (вариант — системный оператор).

СА: Привет, хиппи, блин!

Х: Привет!! А ты кто такой!!

СА: Я — системный администратор.

Х: Слышь, дык, что-то ты не похож на Системного.

Комический эффект в анекдоте достигается полисемией слова «системный». В традициях хиппи – это входящий в систему как особую организацию отношений между членами группы. В традициях программистов — обеспечивающий системную связь.

Вписывание в общие традиции профессионалов выражается среди программистов и в дополнениях к известным текстам.

Сапожники напиваются в стельку, плотники — в доску, стекольщики — вдребезги, химики — до потери реакции, врачи — до потери пульса, физики — до потери сопротивления, водители — в дугу, священники — до чёртиков, программисты — до потери памяти.

Подводя некоторые итоги, можно отметить, что профессиональный миф программистов формируется по общим закономерностям с использованием собственных специфических традиций на фоне городской культуры.

В общей сложности разные оказавшиеся доступными варианты словаря жаргонизмов программистов и геймеров включают в свой состав более двухсот слов и устойчивых выражений. Приведем только часть словаря, где, как нам кажется, проявляются наиболее существенные и интересные приемы языковой игры. Оставшееся вне нашего внимания является чаще всего просто языковой калькой с английского, реже — с немецкого и итальянского языков. Источники: записи устной речи, самозапись, электронные конференции.

А

АПГРЕЙД — (от англ. *upgrade* — 'улучшить') замена на лучшее. «Сделал апгрейд своей тачке».

АППАРАТ — компьютер.

АППЛИКУХА — прикладная программа.

АРМИРОВАНИЕ — создание Автоматизированного Рабочего Места.

АРХИВНУТЫЙ — архивированный файл.

Б

БЕБЕСКА (вариант БИБИДОСКА) — BBS.

БЕРДАН — жесткий диск.

БЛИН — один диск из пакета дисков. «Головка чиркнула по второму блину».

БЛИНКОВАТЬ — мигать.

БРОДИЛКА — компьютерная игра, в которой необходимо постоянно перемещаться. «Эта бродилка — полный атас!»

БРОСИТЬ — отправить сообщение/письмо по e-mail. «Бросайте все на мой адрес, а я потом систематизирую и кину в конфу».

БРЯКПОЙН — (от англ. break point — 'место сбоя') место, где споткнулась программа.

БУГ — плохо отлаженная программа.

БУГАСТАЯ — о программе со множеством ошибок.

БУТЯВКА — загрузочная дискета.

В

ВАКСА — VAX.

ВАТКА — компилятор фирмы Watcom.

ВАЯТЬ — 1) Завершать какую-либо работу. «Я пока маленькую игрушку ваяю»; 2) (негативно окрашено) Делать что-то плохого качества или слишком быстро. «Глянул я на эти тексты и опупел — надо ж такое сваять было!»

ВЖИКАЛКА — матричный принтер. «У меня дока на 45 страниц, а у них там вжикалка. Представляешь, сколько она вжикала — уши чуть не завяли».

ВИНДУС — Windows.

ВИНТ — см. БЕРДАН. «Еще не хватало на винт вируса посадить».

ВИСЕЛЬНИК — неопытный системщик.

ВИСНУТЬ — состояние, когда компьютер не работает, реагируя только на перезагрузку клавишей «RESET».

ВЫВАЛИВАТЬСЯ — аварийно завершаться.

ВЫХОД ТРЕМЯ ПАЛЬЦАМИ — перезагрузка машины одновременным нажатием трех клавиш Ctrl-Alt-Del.

ВЭЖА — монитор VGA.

Г

ГАМОВЕР — (от англ. *Game Over* — 'игра завершена').

ГЛЮК — (от жаргонного «глюк» — 'галлюцинация') ошибка в программе.

ГЛЮКАЛА — заведомо бесполезный программный продукт, например производящий только видеоэффекты.

ГЛЮКАТЬ — показывать, что программа работает. «Наши программисты наглюкали "Учет материальных ценностей"». «Командный файл доглюкал за 15 минут».

ГНУС — GNU C.

ГНУТЫЙ (ГНУШНЫЙ, ГНУСАВЫЙ) — программный продукт, распространяемый по лицензии GNU.

ГОРБУХА — о программе, которая сделана небрежно или непрофессионально, но работает.

ГРЫЖИТЬ — (см. АПГРЕЙД) улучшать, повышать качества (применительно к пер-

сонажам и объектам в компьютерных играх). «Колдуна я в онлайновом режиме за день так обгрыжил, что он садиста двумя ударами завалил».

Д

ДАУН — (от англ. *down* — 'вниз') — усталость, отупение. «Все, $%#$ец. Я в дауне».

ДИСПЛЮЙ — дисплей.

ДОКА — документация.

ДОЛБАГГЕР — средство для уничтожения «жуков» (BUG'ов), отладчик.

ДОЛБИЛО — дилер (dealer).

ДОЛБОКЛЮЙ (устаревшее) — устройство перфорации.

ДУРДОС (вар. ДЫРДОС) — DR-DOS.

ДРЮКЕР (вар. ДРУКАРКА) — (от нем. *Drucker* — 'печатник') принтер.

Е

ЕЖА — монитор EGA.

Ж

ЖАТЬ БАТОНЫ — работать с мышью.

ЖЕЛЕЗО — электроника. «Почем ваше железо за кило?»

ЖЕЛЕЗЯЧНИКИ — 1) электронщики; 2) продавцы компьютеров.

ЖУЖЖАТЬ — связываться модемом.

З

ЗАВИСАТЬ — 1) см. ВИСНУТЬ. «У меня тачка зависла»; 2) не понимать что-то, не иметь возможность что-то сделать. «Трахался я с этой программой до посинения так, что намертво завис. А на свежую голову расколол ее, болезную».

ЗАЛАПТИТЬ — см. БУТИТЬ.

ЗАШАРИТЬ РЕСУРСЫ — (от англ. *to share* — 'делить') предоставить для совместного использования (программами или пользователями).

ЗВОНИЛКА — см. ДОЛБИЛО.

И

ИГРУШКА — компьютерная игра.

ИНВАЛИД ДЕВИЦА — (от англ. invalide device) что-то плохое.

ИСПОХАБИТЬ — пустить почту по хаблам (см.).

ИСХОДНИКИ — исходные тексты программы.

К

КАРГА — монитор CGA.

КЕБАРДА — (от англ. *keyboard*) клавиатура. «Купил вчера классную кебарду, почти полтонны баксов отвалил за три».

КИЛЛАНУТЬ — (от англ. *to kill* — 'убивать') завершить, потерять процесс.

КИЛО — килобайт.

КИЛЯТЬ — убивать процессы. «Покилял все титиваи».

КИНУТЬ — отправить сообщение/письмо.

КЛАВА — см. КЕБАРДА.

КЛИКНУТЬ — (от англ. *to click*) щелкнуть клавишей мыши.

КЛОПОДАВ — см. ДОЛБАГГЕР.

КОМПАТИБАБЕЛЬНЫЙ — (от англ. *compatible* — 'совместимый').

КОМПУТЕР — см. АППАРАТ.

КОНТРОЛ-БРЫК — (от англ. *Ctrl-Break*) сочетание клавиш, команда на приостановку выполнения процесса.

КОНФА — новостная конференция. «Уроды! Хватит засорять конфу всякой белибердой!»

КОПИРОЖАНИЕ (устаревшее) — копирование. На «Агате» была программа, которая спрашивала: «Приступить к копирожанию?»

КОПИРНУТЬ — скопировать.

КРАКАЗЯБЛА — символ '@'.

КРАСНЕНЬКИМ ЕЕ! — выключить питание машины.

КРЫСА — советская мышка. «Видали бы вы советскую мышку! Большая, как утюг! Не мышка, а крыса».

КЫШ-ПАМЯТЬ — cache memory.

Л

ЛАЗАРЬ — лазерный принтер. «Ну вот, лазарь запел — скоро закончит печать».

ЛЕПИТЬ — делать программный продукт «Вот бы слепить что-то на манер "Warcraft"».

ЛИБА — библиотека.

ЛОШАРИК — архиватор семейства LZH.

М

МАКРУШНИК — программист на макроассемблере.

МАМА — материнская плата.

МАСЯМБА — см. КРАКАЗЯБЛА.

МАТЕРНАЯ ПЛАТА — см. МАМА.

МАТОБЕС — математическое обеспечение.

МАШИНА — см. АППАРАТ.

МЕЖДУМОРДИЕ — (букв. перевод англ. *interface*).

МЕЛКОСОФТ — Microsoft Corp.

МУСОР — помехи в терминальной или телефонной линии.

Н

НАСИЛЬНИК — работник на языке С.

НОРТОН-ГАД — Norton guide.

О

ОБАСУЧИВАТЬ — внедрять Автоматизированную Систему Управления.

ОБЕЗЬЯНА — см. КРАКАЗЯБЛА.

ОБЛОМ — 1) аварийное завершение; 2) заклинание «проклятие» в компьютерной игре «Heroes of Mighty and Magic».

ОСА — OS/2.

ОСИНА — см. ОСА.

П

ПОЛИРОВАТЬ ГЛЮКАЛУ — исправлять плохо работающую программу.

ПОЛОСАТЫЙ МУХ — см. ОСА.

ПОЛУОСЬ — см. ОСА.

ПАСКВИЛЯНТ — программист на языке PASCAL.

ПЕНТЮХ — процессор Pentium.

ПЕЧАТАЛКА — принтер.

ПИСЮК (ПИСЮХА) — PC-совместимый персональный компьютер.

ПИНАТЬ НОГАМИ — отлаживать.

ПЛЮСИТЬ — программировать на Си++.

ПНУТЬ — 1) послать файл или письмо. «Давай попросим Microsoft пнуть нам исходники Windows»; 2) перезапустить машину (дословный перевод с англ. *boot*).

ПОДМЫШКА — коврик для мышки.

ПОДУМАТЬ (ПОDOOМАТЬ) — поиграть в компьютерную игру DOOM.

ПОЛОЖИТЬ В ХОЛОДИЛЬНИК — оставить сообщение в Hold для кого-нибудь.

ПОВИСАТЬ — см. ВИСНУТЬ.

ПОНЕСТИ — стереть файлы, отформатировать начисто.

ПОРЯПАТЬ — удалить.

ПОСЛАТЬ АВТОБУС — убить процесс командой kill-BUS (Unix).

ПОСТИТЬ — выставить сообщение в конференцию.

ПРОБКОТРОН — мощное устройство в соседней организации, создающее помехи в электрической сети.

Р

РЕАНИМАТОР — хакер, способный отладить испорченную машину.

РОМКА — ROM.

С

САНТЕХНИКА — железо (см.) от Sun Microsystems Computer Corporation.

САПОГ — Системный ПрОГраммист.

САРАЙ — программа весьма значительных размеров.

СВАППИТЬ — прятать подальше. «Какая... мои тапочки отсваппила?»

СИДИ РОМКА — CD-ROM.

СИОНИСТ — см. НАСИЛЬНИК.

СКОТИНА — клон UNIX'а от Santa Cruz Operation.

СЛИВАТЬ — сохранять.

СОБАЧКА — см. КРАКАЗЯБЛА.

СТЕРВЕР — сервер.

СТРЕЛЯЛКА — компьютерная игра, в которой весь процесс играния сводится к расстреливанию многочисленных врагов.

СТРЕМЕР — стример.

СТУЧАЛКА — см. ДОЛБИЛО.

ССЫПАТЬСЯ — аварийно завершаться.

Т

ТАЧКА — см. КОМПУТЕР.

ТОЛСТАЯ — (о машине) с хорошими возможностями.

ТОННА — мегабайт.

ТОРМОЗИТЬ — 1) (о машине) медленно работать; 2) плохо соображать. «Ну что ты тормозишь — это же элементарно!»;

3) проводить время, играть в компьютерные игры.

ТОПТАТЬ КНОПКИ — работать на клавиатуре.

ТРУБОПАСКАЛЬ — программа ТУРБОПАСКАЛЬ.

ТУЛУЗА — правильная, хорошо отлаженная программа.

У

УТОПТАННЫЙ — архивированный файл.

УХО — см. КРАКАЗЯБЛА.

Ф

ФАЗА ЛУНЫ — популярное объяснение для неожиданно заработавшей машины или программы, которая вдруг ожила и принялась делать то, что от нее требуется.

ФАЙЛО — файл.

ФАСОВАТЬ — остановить компьютер.

ФАСОВЩИК — человек, выключающий машину в конце рабочего дня.

ФЕНЯ (ФЕНЬКА, ФЕНЕЧКА) — неожиданное, вызывающее удивление у программиста действие его собственной программы.

ФИЛЕ — см. ФАЙЛО.

ФИЧА — свойство (как правило, хорошее) программы.

ФОРТОЧКИ — MS Windows.

ФРЕЗА — 1) программа, позволяющая скопировать изображение с экрана в файл; 2) программа-упаковщик (freeze).

ФРЯ — исполняемый модуль.

Х

ХАБ — усилитель-разветвитель для сетей топологии star.

ХАБСКАЯ МОРДА — сисоп хабла.

ХАКЕР — высококвалифицированный программист-самоучка, использующий свои таланты, как правило, в неправедных целях.

ХАЧИТЬ — что-либо править, исправлять, писать программы.

Ч

ЧАЙНИК — новичок.

ЧЕРВЯЧОК НЕ ДОПОЛЗ — неудачный сеанс обмена почтой в UUPC.

Ш

ШАРОВАРЫ — работа в режиме share-ware.

ШАРИТЬ — to share.

ШЛАНГИРОВАНИЕ — передача данных по сетевой связи.

Э

ЭКЗЕШНИК — файл с расширением exe.

Ю

ЮЗАТЬ — (от англ. *to use*) использовать.

ЮЗЕР — (от англ. *user*) пользователь (чаще всего уничижительно).

Я

ЯГА — монитор EGA.

Словарь «улыбок»

Смотреть на символы надо, повернув голову на левую сторону. Например: **&;-}}** — это рожица с большим количеством мозгов, подмигивающая, с усами, бородой и в хорошем настроении, **8-{** — в очках, с усами и печальная. В словаре символов их содержится более 150. Только приведенным словарем их набор не исчерпывается. Символы многозначны — они определяют не только эмоции, но и некоторые понятия. Частично пользователи прибегают к импровизациям. Необходимо отметить, что в силу международного характера способов выражения эмоций эти символы понятны для всех пользователей, только некоторые из них требуют специального объяснения. Первично они появились, скорее всего, в США.

Основные символы:

:-) Основная улыбка **;-)** Улыбка с подмигиванием **:-(** Хмурая физиономия **:-I** Индифферентная физиономия **:->** Саркастическая физиономия **>:->** Саркастическая физиономия с дьявольским оттенком **>;->** То же с подмигиванием

Изменения рта:

:-[Вампир :-E Клыкастый вампир :-F Он же с обломанным клыком :-7 Кривая улыбка :-* Угрюмый :-@ Орущий :-# Носящий скобки :-& Лишившийся дара речи; смутившийся; косноязычный :-Q Курящий :-? Курящий трубку :-P Высовывающий язык :-S Непоследовательный, бессвязный :-D Громко ржущий :-X Рот на замке :-C Лодырь :-/ Скептик :-o Ох-ох :-9 Облизывающий губы :-0 Не ори! Также оратор :-` Сплевывающий (табак) :-1 Normal :-! Normal :-$ Рот скреплен проволокой? :-% Банкир :-q Пытающийся достать языком до носа :-a То же самое, но с другой стороны :-e Разочарованный :-t Злой, раздраженный :-i Полуулыбка :-] Болван :-[Неулыбающийся болван :-} Потрескавшиеся губы или ухмылка :-{ Усатый :-j Левая улыбка :-d Левая улыбка насмешка — над читающим :-k Это меня убивает :-\ Нерешившийся :-| Дежурная улыбка :-< Печальный :-c Ленивая :-v Говорящая голова :-b Высунувший язык

Изменения носа

:*) Пьяный :^) Со сломанным носом :v) То же, но в другую сторону :_) Нос соскользнул с его/ее лица :=) Два носа :o) Клоун :u) Забавно выглядящий нос

Изменения в глазах:

%-) Очень долго таращившийся на экран 8-) Носящий солнечные очки B-) носящий очки O-) Циклоп или одевший маску для ныряния .-) Одноглазый ,-) Подмигивающий одноглазый g-) Носящий пенсне

Изменения более чем в одном символе:

|-I Спящий |-O Зевающий %-6 Мозги спеклись |^o Храпящий :,(Плачущий, но без носа 8-| Встревоженный

Добавление символов:

::-) Носящий очки B:-) Очки подняты на лоб 8:-) Маленькая девочка :-)-8 Взрослая девочка :-{) Усатый :-#) Кустистые усы {:-) Носящий парик }:-) Парик дыбом :-)~ Валяющий дурака :-~) Замерзший :'-) Плачущий от счастья =:-) Гладкоголовый -:-) Панк +-:-) Папа Римский `:-) Голова выбрита с одной стороны ,:-) То же с другой стороны O :-) Ангел C=:-) Шеф *<:-) В шапочке Санта Клауса

8 :-) Колдун @:-) Носящий тюрбан [:-) В наушниках :-)) Двойной подбородок >:-) Дьявол (:-) Большая улыбка +:-) Священник :-)X Носящий галстук-бабочку

Смешанные:

[:] Робот :-{} Красящая губы :'-(Плачущий <|-) Китаец <|-(Не понимающий таких шуток китаец -:-(Неулыбающийся панк @= За ядерную войну *:o) Клоун 3:] Ласковая улыбка 3:[Средне-ласковая d8= Бородач с темными очками и жесткой шляпой (:I Яйцеголовый <:-I Тупица K:P Ребенок с вертящейся башкой :-: Мутант X-(Мертвый [] Крепкие объятия ~~:-(Вспыливший; покрасневший O|-) Религиозный 8 :-I Волшебник >:-I Путешествующий 3:o[Клоун

Степень выражения чувства или эмоции обозначается обычно количеством знаков, используемых для их передачи.

:-))))))) Очень веселый :-(((((((Очень грустный :-() Очень удивленный

О международном характере символов говорит следующий факт. В текстовом редакторе «WORD» сочетание знаков **:** **и** **)** автоматически заменяется на изображение улыбающейся физиономии ☺, а сочетание знаков **:** **и** **(** автоматически заменяется на изображение грустящей физиономии ☹.

Сигнатуры-высказывания

Хорошо, я буду молчаливой галлюцинацией.

Когда программисту делать нечего — он цвета настраивает.

TMFF : Отсутствие фактов — можно заменить наглостью.

Доктор, я буду жить? — А смысл?

Спокойствие, только спокойствие — сейчас я вас настигну...

Лучше ужасный конец, чем бесконечный ужас.

Ученье — свет, неученье — чуть свет и на работу...

И приколется обломившийся и обломится приколовшийся.

Выше флаг вспомогательного переноса!

Кто же нам ответит за все то, что мы натворили ? (с) А. Перлюк.

Никто не знает столько, сколько не знаю я...

А я еще живой, я розовый и теплый...

Одна голова — хорошо, а на плечах — еще лучше.

Создадим реальную виртуальность!

If debugging is the art of removing bugs, then programming must be the art of putting them in — Edsger W. Dijkstra.

Хорошие люди попишут-попишут, да и выпьют бутылочку.

...амеба сказала, что Бог велел делиться...

...OS/2: Windows with bullet-proof glass.

Если Вам удалось написать программу, в которой транслятор не обнаружил ошибок, обратитесь к системному программисту — он исправит ошибки в трансляторе.

Буду погибать молодым!!! (Silent Scream Board).

Бахчифонтанский сарай.

Бэкапилась ль ты на ночь, Дездемона?! :-E~

How many Microsoft engineers needed to screw a light bulb? None. Microsoft declares darkness the standard.

«The real problem is what to do with the problem solvers after the problems are solved». — Gay Talese.

Сделал дело, вот и отвечай смело!

Куплю: чугунную панамку с дырочкой для косички. Продам: Щенков боксера полусреднего веса.

2b|^2b — это не раскладка клавиатуры, это — Шекспир

Not tonight, dear. I have a modem.

...Странные они люди. Есть у них праздник Великого Октября, но отмечают они его в ноябре. И так у них ВСЕ.

А мы тут win.com балуемся...

В постели с Марадоной. Тяжело в леченье, легко в раю!

Посвящение

Посвящение как условно ритуальное действие в среде программистов нами не зафиксировано. Исключением является посвящение в студенты специальностей «Программирование» и «Прикладная математика». Приведем выдержки из сценария посвящения на

факультете информатики Магнитогорского государственного педагогического института (1996 г.):

Выходит главный жрец, по бокам две девушки и главный смотритель.

Смотритель: Попрошу всех встать...... на колени...... на святой коврик (две жрицы достают коврики и встают коленями на них), в это время главный смотритель говорит: «Повторяйте за ними!» и начинает скакать вокруг жриц.

В это время первый курс встает на колени и повторяет за жрицами.

Жрицы делают один наклон и два «стряхивания» с ушей.

КЛЯТВА:

1 курс: Мы, ниже собравшиеся чайники, ламеры и юзверя, перед лицом своих товарищей торжественно клянемся:

горячо любить старшие курсы, во всем беспрекословно их слушаться.

Главный Жрец (растягивая слова): Непослушание чревато боком!

1 курс: Хорошо учиться..... у старших товарищей.

Главный Жрец: Терпение и труд все перепрут.

1 курс: Уважать сотрудников деканата.

Главный Жрец: Вежливость — главное.

1 курс: Не писать плохих посланий на компьютере.

Главный Жрец: Компьютер — не забор.

1 курс: В столовой занимать очередь старшим товарищам.

Главный Жрец: Вежливость — главное.

1 курс: Бережно хранить студенческие билеты и зачетки.

Главный Жрец: Книги — наше богатство.

1 курс: Регулярно посещать занятия.

Главный Жрец: Учение — свет, не учение — чуть свет и на работу.

1 курс: Готовиться к сессии заранее.

Главный Жрец: Лучше поздно, чем никогда. Да будет так по умолчанию!!!...

КЛЯТВА СТАРОСТ

Старосты: Мы, две старосты, клянемся быть старостами, только старостами, и никем кроме старост.

КЛЯНЕМСЯ!

Выдавать вовремя талоны.

КЛЯНЕМСЯ!

Первыми прибегать в кассу за стипендией.

КЛЯНЕМСЯ!

Занимать очередь там же старостам старших курсов.

КЛЯНЕМСЯ!

Вовремя предупреждать свои группы о всех изменениях в составе группы (шутка).

КЛЯНЕМСЯ!

Добросовестно отмечать отсутствующих на парах (шутка).

КЛЯНЕМСЯ!

Постоянно являться на старостат.

Короче, клянемся быть прилежными старостами и не забывать своих родителей.

Они выросли и забыли своих родителей. А вы помните?

В сценарии сохранены все основные стабильные атрибуты любого современного посвящения: принимающий клятву (как правило, из числа «божественных» персонажей), сама клятва, клятва старост, испытания неофитов, насмешка над неофитами).

«Мемории»

Эти тексты представляют собой своеобразную «метку» автора. Они могут и не выводиться на монитор или печать, а быть частью текста программы. По форме они практически не отличаются от традиционных граффити — увековечиваются имя, фамилия, псевдоним, возраст автора, страна (вирусы — явление международное), город, вуз, курс, группа. Исключение составляют только «мемории», выполненные в подражание строки «Copyright» с использованием или без использования символьного значка. Хотя даже для уличных, вузовских и школьных граффити использование копирайта в последние годы не является уникальным. Естественно, что авторское право на «вирусы» законодательно не поддерживается. Некоторые мемориальные тексты носят более развернутый характер, включая в свой состав частью неразвернутые оценочные суждения об интеллекте автора, прелестях его родного города и пр. В отдельную группу можно выделить мемориальные тексты (или похожие на них), носящие мифический характер. Увлеченность научной фантастикой, мифологией и жанром «фэнтези» оказывает довольно серьезное влияние на формирование традиций программистов. Причем, не исключено, что это увлечение приходит опосредованно, через жанр компьютерных игр, который в некоторых классификациях обозначается как «Adventure» (приключение). Стилистика этих игр, как правило, заимствована из средневековых рыцарских традиций, мировой мифологии и «фэнтези» как жанра фантастики, продолжающего эту линию. Отсюда и некоторое количество цитат из произведений в сигнатурах, и соответствующие мемории. Условно их можно обозначить как мифологические.

Простые и развернутые «мемории»

«Эта программа написана в МГТУ студентом группы ИУ4», «This program was written in MSTU, 1990», «Tula 1990», «Kiev 1990», «Tumen., v1.2;», «Санкт-Петербург, 1995, Max Hacker (14 years old)», «School 1279», «Welcome to Penza!», «Best whishes from Penza!», «DUSHANBE M&A!», «Hello!!! My name is Andryushka I come from Perm, USSR», «Welcome to T.TEQUILA's latest production. Contact T.TEQUILA/P.o.Box 543/6312 St'hausen/Switzerland. Loving thoughts to L.I.N.D.A. BEER and TEQUILA forever», «Proudly made in Sofia».

Мифологические «мемории»

«Dark Lord, I summon thee MANOVAR», «Live after Death», «PHOENIX», «Igor 1992 v.3.0 It was last assault of the Uruk-hai... We shall meet in Valhalla!», «Try to DIE», «WARLOCK», «Revenge of WARLOCK!», «Created by Death Lord», «Night Knight!», «HOBBIT», «King worm», «= Dark Angel =».

Простые и развернутые копирайты

«Copyright 1992 Metal TechnoRat (MTR)», «Innoxious Bug 2.02 'The Sad Flasher' (c) 1994–95 BugsoftIU7, MSTU, Moscow. We offer our apologies for possible data destruction», «В связи с получением работы выпуск новых ХРЕНов (*название вируса)* временно приостанавливается. 1991-МФТИ(77)», «(C) 1991 by CHR, Sverdlovsk», «— M Y S T I C — COPYRIGHT (C) 1989–2000, by SsAsMsUsEsL», «This program was adjustted in 'Commputer Home' of KOREA (C) 1988–89, LSR+KYL», «AMOEBA virus by the Hacker Twins (C) 1991 This is nothing, wait for the release of AMOEBA II-The universal infector, hidden to any eye but ours! Dedicated to the University of Malta — the worst educational system in the universe, and the destroyer of 5X2 years of human life».

Музыкальные тексты

Тексты, встречающиеся в вирусах, могут быть посвящены музыкальной теме. Как и в традиционных аудиторных и уличных «граффити», наибольшую активность проявляют фаны агрессивных направлений рок-музыки (чаще всего это «металлическая» музыка). Но удельный вес таких надписей в принципе не велик. Это свидетельствует о том, что, по всей вероятности, больших фанов среди программистов — авторов вирусов — нет.

«Eddie lives... somewhere in time!», «I'm Murphy...» (речь скорее всего идёт об Эдди Мэрфи), «"METALLICA"-BEST GROUP OF THE WORLD!!! (METALLICA-virus realised after 22 infection) ALL GOOD V 3.11.», «Урнфин Джюс».

Политика в надписях

Политическая тематика в надписях присутствует, но представлена она довольно слабо, примерно так же, как и в аудиторных (но не в уличных) граффити. Это довольно точно укладывается в профессиональный миф о «настоящем программисте», который внеполитичен.

«Nomenklatura», «Adolf Hitler», «САМЫЙ! ЧЕЛОВЕЧНЫЙ! ЧЕЛОВЕК! Ленин и сегодня всех живых держит мёртвой хваткой упыря», «-MOMENT-OF-TERRORIS-THE-BEGINNING-OF-LIFE-», «Сергей Мавроди-П И Д О Р!!! Вам псина улыбнулась!!! <-------Прочтите справа налево—выйдет палиндром (сырой)», «ГКЧПП».

Предупреждения и предостережения

Одной из самых распространенных групп надписей являются представления собственной продукции и предупреждения о заражении машины вирусом. Психология автора вируса в данном случае больше всего напоминает психологию мелкого пакостника, упивающегося результатами своих действий. Необходимо отметить, что она не противоречит общему психологическому портрету программиста «вне культуры». Юмор и основная стилистика шуток тоже традиционны для этой части группы.

«Безвредный вирус: Долой Кузьмичей!!!», «Program sick error: Call doctor or buy PIXEL for cure description». «General error: Smoked cigarrete on hard disk C:», «Smokie3 virus, я затёр ваш сектор, Вы поняли? Y/N», «I think you're tired to the bone. You'd better go home», «Allocation error, size adjusted», «Attention! I'm virus», «If you are a thieve man, virus lives... somewhere always! You must become good man!», «I am he, the bornless one, the fallen angel watching you ! (C) Dread Lord. You are the real dead one now...», «I just had your files for lunch!!!», «Ну вот и я ребята злобный вирус!! Ха Ха Заждались небось. Ну ничего теперь скучно не будет», «Hello! I am the Little Cat — lovely VIRUS !», «Hello! There is a new virus in your computer! Good luck!», «Привет! Я — добрый вирус!Я ничего плохого не делаю. Но на моём месте мог оказаться злой вирус. Если Вы не защитились от меня, то подавно не защитились бы от него. И я просто советую Вам работать в редакторе <TADE>. Уж он-то защитит Ваш компьютер на 100% от любого вируса. Вот и всё. Пока».

Диалоги

Практическая невозможность отследить реакцию на результат своего творчества вынуждает авторов вирусов прибегать к диалогической форме. Чаще всего в состав вирусов входят послания, адресованные авторам антивирусных программ, которые в среде программистов получили название «вакцины». В отдельных случаях вирусные программы предусматривают возможность реальных диалогов. Очень редко встречаются диалоги-передел-

ки или переиначивания, которые являются одной из основных форм любых граффити (в приводимых примерах сохраняется орфография оригинала).

«Welcom to demo version (C) Zherkov Лозинский-ДУБ, AIDSTEST — горбуха», «я, кажется, подхватила какую-то заразу... Срочно звоните Дмитрию Николаевичу Лозинскому по телефону 292–40–76 (Москва) и приобретите ПРОГРАММУ AIDSTEST!!!» «Бей жидов и Лозинского version d13, copyright (c) 1991 by Lev & «C.X.». Уважаемый Игорь Данилов! Мне нравиться Ваш антивирус Dr. Web, но я разочаровался, когда обнаружил, что Dr.Web 3.01 неправильно лечит мой вирус SV11 (HLLP.Ceib.4629) До встреч!», «Ну теперь ты добрался и досюда. Я думаю, тебе было интересно посмотреть, как написан вирус. Но что ты будешь делать дальше? Если хочешь познакомиться со мной, то дай объявление в "АиФ", "7 дней" или в какой компьютерный журнал/газету для автора вируса "ABC_FFEA". А теперь пока. Minsk 8.01.92», «Жили у бабуси ТРИ весёлых гуся: лОЗ, дАНИЛОВ и кАСПЕРСКИЙ–Я ОТ НИХ ТАЩУСЯ!!!», «ПОМОГИТЕ!», затем «Слушай, дорогой, отстань, пожалуйста!», а затем «Лозинский тебе поможет!», «Господа не верьте AIDSTESTу! Он принесет вам беду! дедушке Лозинскому пора на пенсию», «Для Лозинского: это далеко не последняя версия, ждите новые «пакости» из Грозного», «В памяти вашего компьютера обнаружено нечто, весьма похожее на AIDTEST. Отошлите его Лозинскому и больше никогда им не пользуйтесь», «Лозинскому Д.Н. посвящается», выводится текст «СЛАВА ГЕРОЯМ!», в этом же вирусе кто-то заменил этот текст на «АВТОР ВИРУСА-КРЕТИН», @echo off Tina, do you love me? Pause>nul. «Я вирус! Угадайте моё имя, или я причиню страшные разрушения». Если ответить «ОКСАНА», выдаёт: «Правильно! Найдите Борисову оксану для получения антивируса».

«Философия» в текстах

Эта тематическая группа текстов, извлеченных из вирусных программ, полностью соответствует традиционным граффити. Она немногочисленна.

«Only the Good die young...» (явная ошибка, должно быть God вместо Good. — *К.Ш.*), «LoveChild in reward for software sealing», «I'm GIDRA v1.6: Life is Good, But Good Life Better Yet», «Русский язык — самый Великий и Могучий!».

Розыгрыши и шутки

Одна из основных целей значительного числа вирусных программ — подшутить над пользователем. Арсенал шуток авторов вирусов может быть сведен к следующим:

Изменения символов на мониторе:

- со звуковым сопровождением;
- после 3 ноября каждый час на цветном мониторе устраивает «осыпание» букв;
- при нажатии на клавишу Print Screen осыпание букв;
- каждые 10 секунд изображения символов на экране переворачиваются;
- изменение случайно выбираемых букв на экране;
- появляется бегающий мячик, иногда выбивающий строчные латинские буквы (по образу осыпающихся букв);
- по 31-м числам делает зеркальные отображения букв;
- по 31-м числам переворачивает и зеркально отображает по одному символу на каждый запуск программы;
- после 25-го числа месяца меняет при выводе на принтер 'р' на 'г'.

Изменения изображений и текстов на мониторе, принтере

– в текстах, выдаваемых на печать, меняет некоторые слова на нецензурные;
– выводит «Черный квадрат» на экране;
– каждый час 5 раз с небольшой задержкой гасит экран;
– переворачивают всю информацию на экране, причем восстанавливает расположение всех рамок и скобок;
– в 12-м часу сдвигает информацию на 5 строк;
– в конце каждого часа выдает на экран «Романтическую балладу»;
– раскрашивает экран в цвета флага России;
– примерно через 25 минут после загрузки изображает на экране флаг Белоруссии;
– в центре экрана выдает изображение зада с мультипликационным и звуковым эффектами;
– выводит в начале каждого часа на цветной экран на мигающем фоне красный диагональный крест с надписью в центре «VINDICATOR»
– пробегает изображение насекомого;
– проползает по экрану зеленый «червяк»;
– выводит на экран два сердечка;
– через час выдает на экран требование «засунуть 10 рублей в дисковод А:»;
– каждый час выдает на экран «Моральный кодекс строителя коммунизма».

Звуковые и музыкальные эффекты

– играет мелодию;
– в интервале от 10 до 11 часов пищит с частотой 11.9 Кгц;
– исполняет Гимн Советского Союза;
– через полчаса играет вальс Штрауса «На прекрасном голубом Дунае»;
– исполняет позывные радиостанции «Маяк» вместе с сигналами точного времени каждого часа;
– исполняет начало траурного марша Шопена;
– по 7-м числам через каждые 30 минут исполняет 3 мелодии, в том числе «Чижик-пыжик»;
– выдает фразу «Сейчас бы пивка» и исполняет мелодию «Семь сорок».

Особо следует выделить шутки и розыгрыши, которые приурочены к определенным датам. Наибольшее их количество приходится на «черную пятницу», тринадцатое число любого месяца, праздничные даты и выходные дни, собственные дни рождения, дни рождения возлюбленных (очередное подтверждение мужского характера традиций программистов).

Мистические числа и дни

– зараженные файлы помечает 13-м месяцем;
– по пятницам после трех часов непрерывной работы стирает с диска все загружаемые программы;
– 13 августа намерен стереть нулевую дорожку первого твердого диска;
– стирание 200 секторов 13 февраля;
– в «черную пятницу» стирает 14 цилиндров первого твердого диска и выводит на консоль «PhФnix»;
– по пятницам 13-го выводит текст: THE MVF-FILEVIRUS Programmed 1991 by the MVF MAD Virus Factory 28/9/91 — V1.6.

Выходные, праздничные дни и дни политических событий

– стирание всех загружаемых программ по воскресеньям с выдачей при этом на экран совета по воскресеньям отдыхать;
– 23 февраля, 7 марта, 22 апреля, 30 апреля и 6 ноября вирус не размножается, а в момент запуска зараженной программы заполняет экран вертикальными полосами;
– 8 и 9 мая 1995 должен был выводить во весь экран «50 Лет Победы БЕЙ ФАШИСТОВ!!! ЗА НАШУ СОВЕТСКУЮ РОДИНУ! За Сталина и Партию!!!», после чего фальшиво исполнять «Священная война». В конце есть «AntiFashist. Это, собственно, не программа, а самое общее марксистское заявление... (В.И.Ленин) Советский сношатель by Stainless Steel Rat. Проживи всю жизнь Этой датой !»;
– по 16-м числам выводит текст «ЕЛЬЦИН – ПРЕЗИДЕНТ!!!»;
– после 19-го августа блокирует работу системы — сразу пытается сделать перезагрузку. В конце содержит закодированный текст «ГКЧП»;
– 31 декабря подвешивает систему и выводит поздравление с Новым Годом;
– 31 января выводит текст «Happy New Year!!!» и перезагружает систему;
– 1 апреля выводит на экран «Христос — Воскрес ! ! !».

Дни рождения

– в определенный день выдает текст «Happy Birthday, Cheef!»;
– 17 декабря, в день рождения своей дамы сердца, портит диск «С»;
– 27 декабря выводит текст «Сегодня надо поздравлять Лену Сошникову с днем рождения, а не работать».

Любые числа

– по шестым числам месяца устраивает осыпание букв;
– по первым числам портит Partition Table;
– порча дисков 4 и 19 июня;
– 30 ноября, 11 июня, 31 декабря стирает с диска С: Boot и MBR;
– если номер дня на 1 больше номера месяца (2-е января и т. д.), пытается испортить информацию на диске С «SINGAPORE»;
– начиная с 1992 года по дням, которые совпадают с номером месяца (1 января, 2 февраля и т. д.), собирается стирать содержимое 1-го твердого диска, предваряя это сообщением: «Если у вас есть индикатор работы с жестким диском и он горит, то форматизация диска близится к концу. Большой привет!»;
– в дни, когда номер дня равен удвоенному номеру месяца, выводит на экран: «Long Live KOBA JUGASHVILI, The Chief Of All Times And Nations!»;
– по понедельникам после полудня выводит на экран текст «It's hard days night!»;
– по понедельникам в 14:00 выдает в центре экрана: «Independent Estonia presents», играет «Собачий вальс»;
– 29 ноября выводит цитату из Апокалипсиса (7, 8).

1. Игрушку с дискеты копировал Петя,
Как вирус проник, он того не заметил.
Машина зависла и винт полетел,
Петя с досады дискетку ту съел.

Традиционный сюжет — распространение вирусов с дискет с пиратскими компьютерными играми.

2. Мама купила сынку терминал.
Чтоб на досуге в игрушки играл.
Папа над сыном слегка подшутил:
Джойстик к сети бытовой подключил.

Джойстик — ручной манипулятор специально для играния в компьютерные игры.

3. Дочь программиста Света Малютина
Шпильку засунула вовнутрь компьютера.
Взрыв услыхали в городе Жданово.
Клавиша в Омске, винчестер в Иваново.

4. Маленький хакер залез в BBS.
«Уральская Дата», — хихикнул балбес.
Долго ребенок с пожаром боролся:
На 220, дурак, напоролся.

BBS — сервер с библиотекой сообщений.

5. Маленький мальчик компьютер купил.
Взял, 220 к нему подключил.
Бабушка очень тянулась к науке...
Обугленный чепчик нашли утром внуки.

6. Петя хотел подключить к порту мышку.
Сунул отвертку под заднюю крышку.
Щелкнуло что-то и винт зарычал,
Долго он платы потом собирал.

Порт — разъем для присоединения периферийных устройств компьютера; мышка — манипулятор.

7. Игорь Каминский модемчик купил,
К линии гордо его подключил.
Четко ФронтДа его номер набрала,
И АТС сразу как не бывало.

Модем — устройство для подключения компьютера в телефонную сеть, через которую осуществляется выход в компьютерные сети.

8. SysOp с BBS-ки следил с терминала,
Как станция почту другим раздавала.
Только он кофе попить отошел,
Кто-то компьютер с модемом увел.

SysOp (сисоп) — системный оператор.

9. Петя в компьютерный покер играл,
Тряпку за тряпкой с Мелиссы снимал,
Только он трусики с девочки снял,
Сразу винчестер вдруг чистенький стал.

Речь идет о компьютерной карточной игре «StreePoker» (покер «на раздевание»), Мелисса — имя фотомодели из этой игры. Основным содержанием стало наличие вируса, закрывающего доступ к жесткому диску или стирающего его содержание.

10. Маленький мальчик модем свой достал,
Номер одной BBS он набрал.
Снова сисопу сегодня не спать,
Винт форматировать и разбивать.

Форматировать и разбивать диск необходимо в описываемой ситуации с потерей всей информации.

11. Маленький мальчик в DOOM зашел
И RocketLauncher нашел,
Долго потом CyberDemon смеялся:
Мальчика нет, а Roket остался.

RocketLauncher — оружие в игре DOOM.

Анекдоты о программистах и не только

В состав «компьютерных» анекдотов входят и анекдоты-переделки. Их довольно много и распределяются эти тексты по знакомым «сериалам». Приведем несколько примеров с комментариями.

Штирлиц открыл окно. Из окна дуло. Тогда Штирлиц нажал Ctrl-Alt-Delete, и дуло исчезло.

В этом анекдоте обыгрывается полисемия выражения «открыть окно», т. е. вывести на экран дисплея компьютера рабочее окно. Нажатие клавиш Ctrl-Alt-Delete приводит к перезагрузке компьютера и, естественно, к закрытию «окна».

Штирлиц очнулся в тюремной камере. Башка раскалывается. Где он, кто он — не помнит. Думает: «Если зайдет эсэсовец — я скажу, что я штандартен фюрер СС фон Штирлиц, если в советской форме — скажу, что я полковник Исаев, а если зайдет кибердемон, буду мочить его, мочить, мочить...»

Кибердемон — персонаж многих компьютерных игр — «мочилок».

Штирлиц шел по коридору. Вдруг в соседней комнате он услышал чьи-то торопливые шаги и стрельбу. «Дураков нет», — подумал Штирлиц и записался.

В этом анекдоте обыгрывается один из геймеровских приемов прохождения сложных игр — перед попаданием в новую ситуацию игрок сохраняет игру, после чего в случае «гибели» загружает ее с того момента, когда было проведено сохранение.

Штирлиц подошел к синей двери. Попробовал открыть — она не открылась. Он толкнул ее — не поддалась. Он ударил ногой — нет результата. «Наверное, нужен желтый ключ», — подумал Штирлиц и ударил плечом.

Анекдот построен на технологии прохождения DOOMоподобных игр, в которых для открывания некоторых дверей в виртуальном пространстве *необходимо найти ключи разного цвета.*

О новых русских

Приходит новый русский в компьютерный магазин, складывает пальчики и говорит: «Ну-ка быстренько мне машину сварганьте: 600-й Pentium, малиновый монитор, сотовый модем, кожаного мыша, ну и в том же духе».
Сели продавцы и думают: «Три ЦП по 200 — будет 600, монитор покрасим, мыша обклеим, а вот где мы ему клаву под такой растопыр найдем?!».

К.Э.Шумов
(Пермь)

Студенческие традиции

Студенчество относится, пожалуй, к одной из самых традиционных и устойчивых групп современного городского сообщества. К основным факторам, влияющим на формирование студенческой среды и соответственно студенческих традиций, можно отнести половозрастные, социальные, профессиональные, исторические.

Возрастные факторы определяют относительную разнородность среды, в отличие от школьной, в которой средняя разница в возрасте внутри группы (одного класса, одной «параллели») не превышает одного года. В этом смысле студенческая среда занимает промежуточное положение между школьной и профессиональной (в профессиональной средняя разница в возрасте может быть довольно большой).

Половой состав студенчества без учета специальности в среднем формируется с преобладанием женщин, хотя некоторые вузы и специальности считаются сугубо «мужскими». При этом, с нашей точки зрения, бóльшая часть текстов относится к мужской традиции, что можно объяснить относительно более высокой социальной активностью мужчин-студентов.

Специализация вуза и специфика обучения накладывают явный отпечаток на формирование традиций внутри студенческой среды. Стереотипные представления о специальностях закрепляются в разных жанровых формах.

Еще одна существенная черта в формировании поведенческих стереотипов и стереотипных представлений студентов или о студентах — опора на глубокие **исторические** традиции. Многие темы в творчестве студентов практически не меняются со времен средневековых европейских университетов. Наиболее явно преемственность традиций проявляется на тематическом уровне. Основные конфликты со времен вагантов в студенческом творчестве — конфликты между студентами и профессорами, между студентами и горожанами, между студентами и властью, между студентами разных учебных заведений. Для студенческих традиций всех времен характерно прославление пьянства и свободы нравов, опровержение канонов, религиозный и политический нигилизм. Таким образом форми-

руется специфический свод поведенческих стереотипов, система персонажей и основные тематические группы студенческого фольклора.

Серьезное влияние на функционирование студенческих традиций оказывает тот факт, что любой студент является (или являлся) одновременно членом различных первичных контактных групп (любительских объединений, профессиональных — по месту дополнительной работы, молодежных групп, конфессиональных структур, армейских подразделений и др.). В результате происходит взаимопроникновение различных по происхождению традиций.

Еще одна характерная для студенческих традиций, в частности юмористики, черта — использование иронии в качестве основного приема создания комического. Она связана, по всей вероятности, с тем, что для молодежной среды характерны неприятие и опровержение существующих чужих традиций (возрастных, интеллектуальных и пр.). В этом проявляется юношеский максимализм, свойственный студенческому сообществу в силу возрастных особенностей.

Структура студенческих традиций традиционна для любой замкнутой первичной контактной группы и включает следующие элементы:

— традиции, регулирующие и формирующие отношения между «посвященными» и «неофитами» в собственно студенческой среде (вербальные тексты — анекдот, афоризм, шутка, тост, песня, клятва, предание, легенда; «ритуальные» действия — посвящение с включением в него испытаний, розыгрыш, вышучивание);

– традиции, регулирующие и формирующие отношения внутри группы (вербальные тексты — анекдот, афоризм, шутка, тост, песня, «дразнилка»; «ритуальные» действия — обман, розыгрыш);

– традиции, регулирующие и формирующие отношения между студентами и преподавателями, в том числе во время экзаменов и занятий (вербальные тексты — анекдот, афоризм, примета, устный рассказ, тост; «ритуальные» действия — розыгрыш, обман, собственно ритуал);

– традиции, регулирующие и формирующие отношения (и представления о члене группы) между студентами и «внешним миром», в том числе с другими социальными и профессиональными группами (вербальные тексты — анекдот, розыгрыш, устный рассказ).

Рассмотрим некоторые механизмы формирования и функционирования студенческих традиций на примере отдельных тематических и жанровых групп.

Студенческие приметы

В студенческой среде бытует большое количество примет, значительная часть которых относится к числу неспецифических, общегородских. С нашей точки зрения, это свидетельствует о высокой степени взаимопроникновения «профессиональных» и общих традиций. Стоит отметить и значительное количество примет, которые могли возникнуть только в городской среде, так как они связываются со специфически устроенным городским пространством и в иной жизненной среде в принципе существовать не могут. С другой стороны, некоторая

часть бытующих в студенческом сообществе примет создается по традиционным принципам, заложенным в крестьянской культуре. Чаще всего они имеют в своей основе следующие представления: об особой семантике пространства (тексты 32, 33; см. ниже), разделяющих границах (тексты 19, 20), перемещении в пространстве (тексты 1, 18, 29), магии подобия (тексты 8, 15, 23, 42), магии числа (тексты 35, 36, 37), магии удвоения или совпадения (тексты 2, 3, 4) и пр. Часть примет имеет совершенно явный отпечаток влияния детского фольклора, буквально воспроизводя некоторые типичные для него формулы.

Из зафиксированных примет подавляющее большинство исследователи обычно относят к числу суеверных. Погодные приметы, которые, казалось бы, должны быть существенными для специальностей, непосредственно связанных с полевой работой (геологи, географы, биологи), практически не фиксируются. Скорее всего это объясняется тем, что опросы велись в период обучения, а не прохождения полевых практик. Единственное ироническое упоминание переосмысленной погодной приметы мы встретили только в анекдоте:

Стоят два старшекурсника у окна в общаге и курят. Вдруг мимо них к земле пролетает первокурсник. Один другого спрашивает: «Чего это первокурсники разлетались?» Другой отвечает: «К дождю, наверное».

Условно мы разделили «студенческие» приметы на три основные группы: общие (бытующие как в деревне, так и в городе), городские (специфические для города), собственно студенческие.

Общие приметы

1. Нельзя ходить «след в след» — забираешь силу у впереди идущего.
2. Если оказался между людьми с одинаковыми именами, надо загадать желание и обязательно поменяться местом с одним из них или уйти «из середины».
3. Если несколько человек одновременно сказали одно и то же слово или фразу, нужно загадать желание, и оно обязательно исполнится.
4. Если двое сказали одно и то же слово или фразу, нужно днем взять второго за белую часть одежды и спросить «Когда мое счастье исполнится?»; если ночью или вечером, то нужно взяться за темную часть одежды.
5. Если задрался (загнулся) подол юбки, то, прежде чем расправить его, надо загадать желание, и оно сбудется.
6. Если тебе наступили на ногу, надо обязательно наступить «в ответ», иначе поссоришься с этим человеком.
7. Если через человека (руку или ногу) перешагнуть, он не будет расти, если тут же не перешагнуть обратно.
8. Если упала ложка, придет женщина. Если упал нож, придет мужчина. Если упавший предмет сразу же вымыть, то никто не придет.
9. Если надеваешь одежду «задом наперед» или наизнанку, битым быть.
10. Если увидишь дохлых кошку, голубя (или другое животное, птицу), надо переплюнуть через левое плечо трижды и сказать: «Тьфу-тьфу-тьфу три раза, не моя зараза», чтобы зараза на тебя не перешла. Или сказать: «Тьфу-тьфу-тьфу три раза, не моя зараза, не папина, не мамина, ничья — только белого царя».
11. Девочкам нельзя брать за шею девочек, мальчикам — мальчиков, нельзя брать за шею и себя самого — иначе разлюбит любимый (любимая).

12. Если человек старше тебя шлепнет тебя по «пятой точке» — «набивает» свидание (будет свидание), если то же сделает человек младше — «отбивает». Если хочешь, чтобы свидание состоялось, младший должен «одернуть» (дернуть за юбку три раза).
13. Если одолела икота, кто-то (милый) вспоминает. Чтобы икота прошла, надо угадать имя того, кто вспоминает, и сказать: «Икота, икота, перейди на Федота, с Федота на Якова, с Якова на всякого».
14. Локтем стукнулся (стукнулась) — милая (милый) вспоминает.
15. По нитке (или волосу), прилипшей к одежде, можно узнать цвет волос «жениха» (или того, кто в тебя влюблен) и букву, с которой начинается его имя. Белая нитка — блондин, черная — брюнет. Нитку прижимают к указательному пальцу и наматывают на него, пока она не кончится. На каждый полный оборот называют букву алфавита. На какой букве нитка закончится, с той буквы и начинается имя.
16. Если говорят о чем-то хорошем, надо плюнуть три раза через левое плечо или постучать три раза по дереву. (Встречается ироническое обыгрывание этой приметы, когда стучат по лбу собеседника или по своему собственному.)
17. Свое кольцо нельзя давать снимать чужому человеку — другой забирает себе твое счастье.
18. Если дорогу перебежала черная кошка, быть беде. Чтобы избежать этого, надо сделать следующее: держась левой рукой за пуговицу (можно чужую) и прыгая на одной ноге перейти через кошачий след; идти дальше «задом наперед» до пересечения кошачьего следа.
(Ироническое обыгрывание оберега — разрубить кошку на две части и пройти между ними.)
19. Если, выйдя из дома, забыл что-то, нужно вернуться и взять этот предмет. Чтобы не было беды, нужно перед выходом обязательно посмотреться в зеркало.
20. Выходя из дома, нужно ступить через порог правой ногой, чтобы дорога была удачной.
21. Нельзя шить на дорогу.
22. Нельзя мыть пол после того, как из дома кто-то уехал.
23. Нельзя шить на себе — память «зашьешь». Можно, если на тебе кто-то шьет, но ты должен при этом молчать.
24. Увидеть «семеринку» (божью коровку с семью точками и желтым ободком на крыле) — к счастью.
25. Когда расцветает сирень, надо отыскать цветок с пятью (и более) лепестками, загадать желание, после чего съесть цветок.
26. Зеркало разбилось — к беде.
27. Соль рассыпать — к ссоре. Чтобы этого не случилось, надо трижды бросить соль через левое плечо.
28. Если угадаешь, из какого глаза выпала ресничка, исполнится желание.

«Городские» приметы

29. Если компания (или двое) обошла дерево, столб или любой другой предмет на дороге с разных сторон, то, встретившись, надо обязательно поздороваться друг с другом, иначе будет ссора.
30. Нельзя проходить под столбом, стоящим буквой Л, попадешь «в сказку» («глючить», мерещиться будет). Лучше обойти.
31. Если проходишь под железнодорожным мостом, а по нему в это время идет поезд, надо загадать желание, и оно сбудется.
32. Нельзя наступать на канализационный люк, беда будет.

Если наступил, то: мальчик должен девочке трижды постучать по спине и наоборот; надо «сдуть» с ладони и сказать: «Тьфу-тьфу-тьфу на Рейгана», плюнув три раза; надо «передать» кому-нибудь живому (кошке, дереву, человеку), сказав: «Горе на тебя».

33. Нельзя наступать на швы между квадратными бетонными плитами — беда будет.
34. Если несколько человек идут, взявшись под руки, нужно держать руки симметрично, иначе муж будет кривой.
35. «Счастливый» билет в транспорте (у которого сумма первых двух-трех цифр в номере совпадает с суммой последних двух-трех цифр) надо съесть, загадав желание.
36. Увидев машину со «счастливым» номером (совпадение первого числа в номере со вторым «59–59» и т. д.), надо загадать желание и сказать: «59–59 — мое счастье». Если машину увидели сразу несколько человек, то она «достается» тому, кто первый сказал.
37. Насчитаешь сто машин одной определенной марки или цвета — загадывай желание (аналогично с самолетами).
38. «Сфотографировал» летящий самолет (посмотрев на него через перекрещенные указательный и средний пальцы обеих рук) — загадай желание.
39. Если несколько человек увидели летящий самолет, желание сбывается у того, кто первым успел зажать ладонь соседа «ножницами» (указательным и средним пальцами).
40. Если увидел машину «Скорой помощи» пока она в поле зрения, нужно подставить товарищу правый кулак и спросить: «Счастье, встреча или покупка?». Тот должен стукнуть по твоему кулаку своим правым кулаком и назвать одно из этих слов. В течение трех дней это и произойдет.

Собственно студенческие приметы

41. Чтобы успешно сдать экзамен, надо, чтобы родные или друзья во время экзамена тебя ругали.
42. Чтобы успешно сдать экзамен, надо, чтобы родные или друзья во время экзамена держали палец в чернилах.
43. Если есть любимый (счастливый) билет, надо написать его номер на руке, которой будешь выбирать, он и должен попасть.
44. Во время экзаменов нельзя стричь волосы и ногти.
45. Во время экзаменов нельзя мыться и бриться.
46. Если на предыдущем экзамене повезло, то на следующий надо идти в той же «одежде-везучке».
47. На экзамены, если в первый раз повезло, надо ходить одним и тем же маршрутом. Если в следующий раз не повезло, то маршрут нужно сменить.
48. По дороге на экзамен нужно обязательно подать нищему (желательно сумму, кратную пяти).
49. Перед трудным экзаменом надо обязательно поставить в церкви свечку Богородице (девушки) или Николе Угоднику (юноши).
50. Если билеты лежат в ряд, надо отсчитать тринадцатый, тогда повезет.
51. Перед тем как войти в аудиторию, нужно потереться «пятыми точками» с подругой.
52. Перед тем как войти в аудиторию, нужно постучать три раза по левому косяку.
53. На экзамен нужно идти, подложив под левую пятку (в носок) монету достоинством в пять рублей, пятьдесят рублей, пятьдесят копеек.

54. Когда вытягиваешь билет левой рукой, нужно держать правую руку за спиной, «заложив» большой палец.

Студенческие анекдоты

Для анализа был проведен отбор только специфических для студенческой среды текстов, так как общий объем бытующих в вузах анекдотов слишком велик. Их образность довольно типична и фиксирует стереотипные представления об основных составляющих студенческой жизни, которые условно можно разделить на внешние представления (складывающиеся о студентах и жизни вузов среди «профанов») и внутренние (складывающиеся о жизни вузов в самой среде бытования).

Значительная часть текстов описывает собственно студенческий быт (вне учебных занятий и сессии). Основные черты образа студента в этой группе формируются через его отношения с преподавателями, с «профанами», в отношениях между студентами старших и младших курсов, в отношениях между супругами-студентами. Они заключаются в следующих стереотипных представлениях: студент голоден, небогат, находчив, остроумен, нахален, сексуален. Анекдот и, пожалуй, студенческая песня — основные жанры, в которых реализуются представления о студенческом быте.

Вторая группа — «экзаменационные» анекдоты. В этой группе доминирующие черты, присвоенные персонажам, следующие: студент —знающий мало, но находчивый, или знает много, но его не любит экзаменатор; преподаватель — недогадливый, необъективный, вечно проигрывающий в «поединке» со студентом. Часть анекдотов посвящена выстраиванию своеобразной интеллектуальной иерархии между вузами, специальностями внутри одного вуза, между студентами старших и младших курсов. Некоторые экзаменационные анекдоты построены на типических ситуациях. Так, в анекдотической форме закрепляются реально существующие способы узнать, знаком ли студент с учебным пособием, статьей или монографией: экзаменатор спрашивает год издания, цвет переплета, количество страниц. Экзаменационная тема является одной из основных, она реализуется практически во всех жанровых группах, характерных для студенческой среды. Так, например, многие посвящения в студенты проводятся в форме экзамена.

Собственно студенческая тематика реализуется и в анекдотах о взаимоотношениях между факультетами и специальностями, что существенно и в других проявлениях студенческих традиций. В студенческих граффити достаточно часто встречаются следующие двустишья: «Лучше быть хвостом макаки, чем учиться на химфаке», «Лучше лечь под кучу шлака, чем под мальчика с филфака» и пр.

Еще одна группа касается взаимоотношений студент–преподаватель. Как правило, это анекдоты-переделки, которые приспосабливаются к конкретным вузам, факультетам и самым популярным преподавателям. Переделке подверглись анекдоты из серий «о ковбоях», «Петька и Чапаев», «Русские богатыри», «Белое солнце пустыни», «еврейские» анекдоты.

Студенческий быт

1. Заходит студент в столовую. Видит — за большим столом обедает один профессор, а студенты стоят в сторонке и едят стоя.
   Студент спрашивает:
   – Почему вы не садитесь за стол обедать?
   – Профессор очень строгий, мы боимся.
   Тогда студент садится сам за стол, а профессор и говорит:
   – Гусь свинье не товарищ!
   – Вы не беспокойтесь, я за стол с любой свиньей сяду.

1a. Заходит первокурсник в столовую. Видит — за столом обедает один профессор, а студенты стоят в сторонке и едят стоя.
   Первокурсник садится за этот стол, а профессор и говорит:
   – Гусь свинье не товарищ!
   – Я такой гусь, что за стол с любой свиньей сяду.
   Профессор решил ему отомстить на экзамене. Заваливал его, заваливал. Студент вышел из аудитории, зачетку открыл, а там написано «дурак». Он обратно в аудиторию: «Товарищ профессор, вы расписались, а оценку забыли поставить».

2. Студент пишет письмо домой: «Мама, пришли мне теплые носки, только хорошо заверни их, чтобы они не испачкались салом и колбасой».

3. Три мухи встречаются: жирная, средняя и тощая. Жирная говорит: «Я в обкомовской столовой живу. Придет в столовую какой-нибудь босс, я ему в тарелку упаду, так меня вместе с супом и выльют. Так и жирую». Средняя: «А я в рабочей столовой живу. Упаду в тарелку к рабочему, он меня из тарелки с ложкой супа выльет, я и наемся». А тощая говорит: «Я в студенческой столовой живу. Упаду я в тарелку к какому-нибудь студенту, так он меня достанет, обсосет и выбросит. Совсем не наедаюсь!».

4. Поженились студенты, приходит муж вечером: «Дай, жена, поесть». — «Нечего». — «Ну, тогда давай любовью займемся». Занялись вместо ужина любовью. На следующий вечер — то же самое. На третий вечер приходит студент домой, а жена на батарее сидит. «Ты это чего на батарее сидишь?» — «Ужин грею».

5. Хоронят студента. Прохожий спрашивает:
   – Отчего студент умер? Ведь молодой еще.
   – Бежал мимо булочной — слюной подавился.

6. Студента спрашивают в троллейбусе:
   – Почему ты такой худой и бледный? Наверное, отличник?
   – Да нет.
   – Ты же еле на ногах стоишь. Положи свой макинтош ко мне на колени и закомпостируй абонемент.
   – Не могу — это мой друг — отличник и бутерброд.

6a. В трамвае стоит студент и плачет. Старушка подходит и спрашивает: «Что случилось? Чего плачешь?» — «Абонемент потерял». — «На, возьми мой». Студент взял, но все равно плачет. «Что ж ты опять плачешь?» — «Да в тот абонемент мой завтрак был завернут».

6б. Приходит изможденный студент в поликлинику, плащик через руку переброшен. Врач спрашивает: «Что с вами?» — «Да, наверное, полное истощение организма». — «А вы кто?» — «Я — троечник». — «Вы плащик-то повесьте». — «Да это не плащик, это отличник».

7. Жена говорит мужу-студенту:
– Я уже не знаю, как штопать твои носки. Дырка на дырке.
Муж ей советует:
– А ты их к туфлям пришей.
8. Студент в столовой. Спрашивает повара:
– Что это у вас такое? Кофе или помои?
– Вы не можете определить?
– Нет.
– Тогда какая вам разница?
9. Два студента в столовой. Один быстро-быстро суп ест. Второй засунул палец в тарелку и спрашивает: «Не горячий?». Тот плюнул ему в тарелку: «Нет, не шипит».
10. Встречаются два черта в аду. Один тащит на себе студента. Второй спрашивает: «Зачем тебе студент?» — «Суп сварю». — «Брось его. Я тоже хотел. Бросил студента в котел, так пока вода закипала, он у меня всю картошку съел».
11. — В трамвае нельзя курить, — говорит кондуктор студенту.
– Но я не курю.
– Почему тогда у вас сигарета в зубах?
– А у меня и ботинки на ногах, но я ведь не хожу.
12. Идеальная жена для студента — это училка, потому что это единственная женщина в мире, которая, задав вопрос, замолкает на некоторое время для того, чтобы выслушать ответ.
13. Из милиции в институт звонят: «Мы в зоопарке вашего студента поймали, он в клетку с тигром залез». — «И что случилось?» — «Тигр сильно пострадал». — «О! Это наш студент, сейчас приедем». Второй звонок из милиции: «Мы вашего студента поймали, он пытался женщину изнасиловать». — «Ну и что?» — «Не удалось». — «Это не наш студент».
14. В купе на верхней полке едет студент, ноги свесил, а носки давно не стираны и пахнут. На нижней полке едет представительная дама, она студента брезгливо спрашивает: «Товарищ, вы носки меняете?» — «Только на хлеб».
15. Идет студент по улице, булку пинает. Второй студент увидел: «Отдай лучше мне». — «Подожди, неудобно с земли при людях поднимать. Вот за угол допинаю, тогда поделимся».
16. «Сегодня мы учимся определять болезнь по внешнему виду больного», — говорит профессор. Отличник Коля встает и говорит: «У Вас склероз и сахарный диабет». — «Как вы узнали?» — «Ширинка расстегнута, а оттуда мухи вылетают».
17. Студент с профессором едут в одном купе. Настало время обеда. Профессор достает курицу, овощи, фрукты, а студент — селедку. Приходит время ужина. Повторяется та же ситуация. Профессор спрашивает: «Ты что, бедный такой, одной селедкой питаешься?» — «Да нет, в рыбе — фосфор, а он улучшает работу головного мозга». — «Продай мне одну селедку». — «Пожалуйста». Сидят, едят. Вдруг профессор и говорит: «Она же пять тысяч стоит, а ты мне ее за десять продал!» — «О! Сразу соображать начали».
18. Сидят в комнате: бедный студент, богатый студент, девочка-пятикурсница и Красная Шапочка. Стук в дверь. Кто ее откроет? — Бедный студент, так как все остальные герои вымышленные.
19. Поймали грабители одного парня в подворотне. «Снимай пиджак!» — «Да он без подклада». — «Тогда штаны». — «Да они все в заплатках». — «Тогда ботинки». —

«Да они без подошв». — «Так ты студент, что ли? Возьми тогда двадцать копеек на пирожок».

20. Студент-«тормоз» устроился в зоопарк работать сторожем в террариуме с черепахами. Через несколько часов приходят проверить, как он справляется с работой. Тот сидит у вольера, а в вольере пусто. «Что случилось?» — «Я только дверку открыл, а они как ломанули, как ломанули!»
21. «Сегодня мы будем говорить об отличии девушек от женщин, — говорит профессор медицинского вуза. — Первое отличие девушек — у них всегда коленки вместе». Реакция аудитории — шум от сдвигаемых ног.
22. Девушка-студентка.
    Первый курс — никому, никому, никому.
    Второй курс — только ему одному.
    Третий курс — только ему одному и его друзьям.
    Четвертый курс — всем, всем, всем.
    Пятый курс — кому? кому? кому?

Экзаменационные анекдоты

1. Как ставят оценки на экзаменах:
   пять — если знаешь преподавателя,
   четыре — если знаешь, как выглядит учебник,
   три — если знаешь, какой предмет сдаешь.
2. Студент идет сдавать биологию. Выучил только про блох. Вытягивает на экзамене билет — о кошках. Студент отвечает:
   – Кошки — это домашние животные. У них есть шерсть. Там водятся блохи. (Рассказывает все про блох.)
   Преподаватель засомневался в его знаниях и говорит:
   – Расскажите о собаках.
   – Собаки — это домашние животные. У них есть шерсть, там водятся блохи (дальше опять про блох).
   Преподаватель снова засомневался. Говорит:
   – Расскажите о лягушках.
   – Лягушки живут в болотах. У них нет шерсти. А если бы она у них была, там бы водились блохи...
3. Встретились три друга: студент, ПТУшник и курсант. Студент рассказывает:
   – У нас сегодня такой сложный зачет был. Задали нам вопрос: «В чем измеряется сила тока?». Дано три варианта ответа — в амперах, вольтах, джоулях.
   ПТУшник рассказывает:
   – У нас еще сложней зачет был. Задали вопрос: «Сила тока измеряется в амперах?». Дано два варианта ответа — да, нет.
   Курсант рассказывает:
   – А у нас совсем завал был. Задали нам вопрос: «В амперах измеряется сила тока». И даны три варианта ответа — «да, есть, так точно».
4. Студента-первокурсника спрашивают:
   – Сколько будет 2х2?
   – Четыре.
   Третьекурсника спрашивают: Сколько будет 2х2?
   Тот достает калькулятор, считает и говорит:

– Четыре.

Четверокурснику задают тот же вопрос. Он садится за компьютер, через пять минут отвечает:

– Четыре.

Пятикурсник на тот же вопрос возмущенно отвечает:

– Что я должен все константы помнить?

5. Профессор спрашивает студентку:
   – Можете ли вы доказать, что вода притягивает электричество?
   – Конечно. Каждый раз, когда я залезаю в ванну, звонит телефон.
6. Сдает студент экзамен по истории. Естественно, ничего не знает. Профессор спрашивает:
   – Ну, хоть начало второй мировой войны расскажите.
   – Кругом огонь, дым и танки, танки, танки.
7. Профессор спрашивает студентку на экзамене:
   – Я не могу понять — это у вас короткая юбка или широкий пояс?
8. В Медакадемии идет экзамен. Профессор спрашивает студента:
   – Назовите признаки беременности.
   Студент сразу отвечает:
   – Кривые ноги, волосы выпадают, живот большой.
   Профессор посмотрел на свои ноги, на свой живот, потрогал лысину и говорит:
   – Вот когда рожу, тогда придете, и я поставлю зачет.
9. Студента-договорника спрашивают:
   – На какую страну сбросили атомную бомбу во время Второй мировой войны?
   – На Японию.
   – Молодец. Иди, пять.
   Студента не договорника спрашивают:
   – Назовите, сколько погибло людей в результате сброса атомной бомбы на Японию и всех пофамильно.

9а. У преподавателя было два студента: один любимчик, а второй — наоборот. Приходит любимчик на экзамен, вытягивает вопрос «Сколько человек погибло во время Великой Отечественной войны». Отвечает, что двадцать миллионов, получает «отлично» и уходит. Нелюбимый студент вытягивает тот же вопрос, отвечает, что двадцать миллионов. Преподаватель: «А вы пофамильно, пофамильно».

10. Студентке попался вопрос — что такое половой мужской орган — ткань, жила или кость. Ответить не смогла, и в общежитии ей привели консультанта. Студентка щупает и говорит: «Ткань». Пока записывала, решила проверить. «Нет, жила». А под конец поняла — кость.
11. В Медакадемии на госэкзамене студента на «три» пытаются вытянуть. Показали ему два скелета, женский и мужской, спрашивают: «Чьи это скелеты?» — «Не знаю». — «Чему же мы вас все пять лет учили?» — «Как, неужели Маркс и Энгельс?»
12. Приходит студент на экзамен, берет один билет, другой, третий. Профессор: «Хватит, ставлю вам тройку». Студент вышел с зачеткой. Лаборантка спрашивает: «Профессор, а за что вы поставили оценку?» — «Если человек что-то ищет, значит, что-то знает».
13. Профессор на экзамене спрашивает студента: «Чем измеряется сила тока?» — «Амперметром». Профессор подглядывает в свою шпаргалку. «Правильно. А чем

измеряется давление?» — «Манометром». Профессор подглядывает в свою шпаргалку. «Правильно. А чем измеряется напряжение?» — «Напряжометром. Не подглядывайте, профессор, все правильно».

14. Студентка-медичка на экзамене. Ее спрашивают: «Какой орган человека увеличивается в пять раз?» — «Хи-хи». Ей говорят: «Идите, неуд». Заходит студент, его то же самое спрашивают. Студент отвечает: «Зрачок». — «Правильно. Идите и передайте своей сокурснице, что "хи-хи" увеличивается в два раза».
15. Сдает группа экзамен. Один студент принес учебник-«кирпич». Вдруг он упал с грохотом. Преподаватель: «Что это у вас упало?» — «Промокашка».
16. Студент преподавателю подмигивает на экзамене. Преподаватель: «Иванов, вы что это мне подмигиваете?» — «Сигнализирую, что мои знания на исходе».
17. Объявление на экзаменационной аудитории: «Экзамен отменяется, все билеты проданы».
18. На экзамене профессор и студент. «Как ваша фамилия?» — «Иванов». — «А чему вы улыбаетесь?» — «Радуюсь, что удачно на первый вопрос ответил».
19. Студент пришел на экзамен и говорит профессору: «Я ничего не знаю, но если вы не отгадаете мою загадку, то вы мне поставите тройку». — «Хорошо». — «Как вбить в землю дождевого червя?» — «Не знаю». — «Надо смазать его столярным клеем, подождать, когда высохнет, а потом вбивать». Поставил профессор тройку. Проходит день, они встречаются на улице. Профессор исправляет тройку на пятерку, вкладывает в зачетку пятьсот тысяч. «Пятерка от меня, а деньги от жены».

Анекдоты о факультутах и специальностях

1. Что такое математика? Это когда в абсолютно темной комнате ищут черного кота. Что такое физика? Это когда в темной комнате, заставленной шкафами, ищут черного кота. Что такое философия? Это когда в темной комнате ищут черного кота, которого там нет. Что такое научный коммунизм? Это когда в темной комнате ищут черного кота, которого там нет, но все кричат: «Поймал!».
2. Идут три студента: двое умных, а третий из политеха.
3. Ученье — свет, а неученье — культпросвет.
4. Что нужно сделать, чтобы университетскую аудиторию превратить в публичный дом? — Повесить красный фонарь.
5. Студентов юриста, медика и политехника спрашивают, что бы они выбрали: жену или любовницу. Юрист: «Жену. Семья — ячейка общества, верность дому, тепло, уют». Медик: «Любовницу. Для разнообразия, радости, полного удовлетворения». Политехник: «И жену и любовницу. Любовнице скажу, что пошел к жене, жене скажу, что пошел к любовнице, а сам в библиотеку и учиться, учиться».
6. Встречаются Баба-Яга, Иван-дурак и Змей Горыныч, на жизнь жалуются. Баба-Яга: «До чего дети надоели, уйду я из своего педа». Иван-дурак: «А мне под коровой надоело сидеть, уйду я из своего сельхоза».
Змей Горыныч: «А я из своего политеха уйду. А то только чертеж закончу, вздохну с облечением, он и сгорает».
7. Встречаются Баба-Яга и Иван-дурак. Баба-Яга: «Я на своем лечфаке самая красивая». Иван-дурак: «А я на своем санфаке самый умный».
8. Бог на небе говорит ангелам: «Полетайте, посмотрите, что студенты делают за месяц до сессии». Ангелы слетали, докладывают: «В политехе зубрят, в меде зубрят, а

в универе пьют и веселятся». За неделю до сессии: «В политехе зубрят, в меде зубрят, а в универе пьют и веселятся». За ночь до первого экзамена: «В политехе спят, в меде спят, а в универе Богу молятся». Бог и говорит: «Вот им-то и поможем».

9. Встречаются две студентки: из универа и из меда. Медичка говорит: «Ну что у вас за общежития! Позавчера пришла — изнасиловали, вчера пришла — опять изнасиловали. Сегодня опять пойду».

Анекдоты о студенте и преподавателе

1. Едут двое студентов по прерии, а перед ними в двухстах метрах двое преподавателей. Студенты разговаривают.
   – Видишь вон того препода имярек с портфелем?
   – Да они оба с портфелями.
   – Ну, того, который в костюме?
   – Да они оба в костюмах.
   – Ну, того, который в шляпе.
   – Да они оба в шляпах.
   Первый студент стреляет, один из преподавателей падает.
   – Видишь того, который упал?
   – Вижу.
   – Он мне вчера на экзамене пятерку поставил.
2. Плавает студент имярек в реке, видит — кто-то тонет. Он быстренько подплыл, спас. Вытащил на берег, а это преподаватель имярек.
   – Милый, ты меня спас. Что для тебя сделать?
   – Спасибо, ничего не надо.
   – Хочешь, пятерку тебе поставлю на экзамене?
   – Нет, спасибо.
   – Хочешь «автомат» на зачете?
   – Нет, спасибо.
   – Ну что же для тебя сделать?
   – Вы ребятам не говорите, что я вас спас.
3. Опаздывает студент на занятия, к корпусу подбегает, а там толпа студентов стоит. Половина плачет, половина смеется.
   – Вы чего смеетесь?
   – Да вот, преподаватель имярек из окна выпал, радуемся.
   – А вы чего плачете?
   – А мы не видели.
4. Подходит студент к корпусу, а там толпа — преподаватель имярек выбросился из окна.
   – Чего не расходитесь?
   – На «бис» выбрасывают.
5. Умер преподаватель имярек. Студент встречает однокурсников после кладбища, а те все в земле перепачканы.
   – Вы чего такие грязные?
   – Да на «бис» хоронили.
6. Приходит голодный студент в общежитие, поесть ищет. Заходит в одну комнату, а там — пир горой. Водка, вино на столах, и мясо, мясо, мясо. Наелся студент до отвала, водки выпил, развезло его.

– Знаете, — говорит, — ну не нравится мне преподаватель имярек.
– Не нравится, так и не ешь.

7. Сидит студент на пригорочке, руку ко лбу приставил и вдаль смотрит. Подходит к нему преподаватель имярек и спрашивает: «Что ж ты, студент, ищешь?» — «Да вот, ищу, где жить хорошо». — «Ах, студент, там хорошо, где нас нет». — «Вот я и ищу, где Вас нет».
8. Идет по пустыне группа «Б» и видит — в песок по самое горло преподаватель имярек закопан.
   – Кто это Вас так?
   – Да вот, группа «А» перед вами проходила.
   – А что ж у них — песка не хватило? (закапывают до конца).

Устные рассказы

К экзаменационным анекдотам и приметам, анекдотам об отношениях между преподавателем и студентом примыкают и устные рассказы о нетрадиционных ситуациях на экзамене. Можно говорить о том, что нестандартные ситуации зачастую ложатся в основу анекдотов. Так, текст 3 встречается в двух жанровых формах — анекдота и устного рассказа о конкретном преподавателе.

1. Студентка решила соблазнить преподавателя-мужчину на экзамене. Оделась так, что все видно. Пока отвечала, все прелести свои показала. Преподаватель спрашивает: «У вас сегодня вечер свободен?» — «Да, свободен». — «Значит, у вас будет возможность еще раз почитать учебник».
2. На консультации преподаватель говорит: «Экзамен будем сдавать строго по Положению. В нем сказано, что в устной форме нужно сдавать по билетам». Приходят студенты на экзамен, и все вытягивают один и тот же билет. Спрашивают преподавателя, почему так. Тот отвечает: «В Положении не сказано, что билеты должны быть разными».
3. Не пришел преподаватель на экзамен, а он в сессии последний. Группа пошла к нему домой, а жена говорит, что тот «не в форме». Выходят они грустные из подъезда, а преподаватель на балкон выскочил и спрашивает: «Кому тройки нужны?» — «Нам, нам!» — «Бросайте зачетки». Бросили, он тройки поставил. «Кому четверки нужны?» — «Нам, нам!» Бросили зачетки, получили свои четверки, а самые хитрые решили выждать. «Кому пятерки нужны?» — «Нам, нам!» — «А вы завтра к девяти утра на экзамен придете».

Студенческие ритуалы

Число студенческих ритуалов довольно велико, но все их можно было бы свести к следующим основным группам: посвящение, предэкзаменационные ритуалы, любовные ритуалы, «переходные» ритуалы.

Посвящения сохраняют традиционную функцию обряда половозрастной и профессиональной инициации и состоят из тех же основных эпизодов. Посвящение в студенты зачастую носит формальный характер. Не случайно среди сту-

дентов разных вузов и специальностей бытует следующая пословица-переделка: «Курица — не птица, первокурсник — не студент». Считается и считалось, что студентом можно стать «после первой сессии», «после третьей сессии», «после второго курса», «после первой пьянки», «после первого колхоза», «после первых каникул», «после первого стройотряда». Но посвящения фиксируют не только переход в разряд признанных, «настоящих» студентов. В 50–80-е годы немаловажными были посвящение в «целинники», в бойцы стройотрядов и в «колхозники». «Целина», «стройотряды» и «картошка» ушли в прошлое. Сегодня эти посвящения неактуальны, но сохраняются в памяти. Некоторые традиции целинников и стройотрядовцев существенно повлияли на формирование традиций в студенческой среде в целом.

Можно выделить следующие ритуалы посвящения, бытовавшие и бытующие в студенческой среде:

– официальное «Посвящение первокурсников» (стабильные элементы — приветствия от администрации вуза, приветствия от факультетов, вручение символических «Студенческого билета», «Зачетной книжки», «Читательского билета», поздравления от факультетов и старшекурсников, клятва первокурсников);

– факультетское посвящение (стабильные элементы — театрализованное представление старшекурсников с обязательным участием мифических персонажей — Царица История, Бог Математики, Дух Сомнений, испытание первокурсников, клятва первокурсников, концерт);

– посвящение в специальность, которое происходит после начала специализации на 1-м и 2-м курсах (стабильные элементы — театрализованное представление старших курсов с участием «специальных» мифических персонажей — Шаманка, Заблудившийся Геолог, Старый Журналист, испытание новичков, клятва, рассказы об истории специальности, о культовых фигурах, застолье);

– посвящение в бойцы ССО (театрализованное представление с участием «профессиональных» мифических персонажей — Бог Полей, Царица Штукатурка, Волшебная Пила, высмеивание новичков, испытание профессиональных качеств новичков, клятва, рассказы об истории отряда, разучивание отрядной песни, вручение значков ВССО, застолье);

– посвящение в группу по интересам, чаще всего в художественную самодеятельность или стенную печать (концерт, испытание новичков, клятва, рассказы об истории коллектива, застолье).

Предэкзаменационные ритуалы. Самый распространенный предэкзаменационный ритуал — «ловить халяву».

Старшекурсники объясняют, что есть такой дух, помогающий сдать экзамены, — «халява». Чтобы воспользоваться ее услугами, необходимо «халяву» поймать. Делается это разными способами.

1. В полночь перед экзаменом нужно высунуться в форточку с открытой зачеткой и трижды позвать: «Ловись, ловись, халявка!». После этого зачетка закрывается, открыть ее можно только экзаменатору на экзамене. Тогда повезет. Если кто-то откроет раньше — удачи не будет.

   Может помешать муж «халявы» — «пиздец». Будет ночью проходить мимо, увидит свою жену в форточке и все испортит.

2. В полночь перед экзаменом нужно выставить открытую зачетку в форточку и сказать трижды: «Халява, приходи ко мне в зачетку». После этого нужно выйти с закрытой зачеткой на улицу и несколько раз обойти вокруг столба. Студенты универа обходят три раза, политехи — семь раз, а медики — тринадцать.

Любовные ритуалы бытуют чаще всего в общежитиях и отличаются традиционностью. Любовные ритуалы относятся исключительно к «женской» традиции, что вполне объясняется половым составом студенческой среды с преобладанием девушек. В них используются традиционные присушки и отсушки. Нами фиксировались факты продажи текстов локальных заговоров в общежитиях и «групповые» сеансы привораживания. Трудно однозначно определить, в какой степени современные студенты верят в действенность присушек и отсушек, но факты их бытования в студенческой среде сомнений не вызывают. Носители этой традиции различают заговоры «по силе». Самые «слабые» предназначены для привораживания своих однокурсников и одногодков, средние «по силе» — для привораживания старшекурсников и мужчин старше по возрасту, самые сильные предназначены для привораживания женатых мужчин и преподавателей.

Переходные ритуалы. Главная функция переходных ритуалов в студенческой среде — фиксация перехода из одного этапа студенческой жизни в другой. Строго говоря, посвящение тоже относится к числу переходных ритуалов, но в силу своей роли в жизни студента, как правило, выделяется особо. В студенческой среде отмечаются: первый экзамен, первая сессия, первый год обучения, середина обучения, приходящаяся на период зимних каникул на третьем курсе («Медиана» или «Экватор»), окончание вуза.

Бóльшая часть «переходных» ритуалов не обладает выраженной единой структурой (исключением является обязательное застолье). Более-менее структурированы «Медиана» и выпускной вечер.

Традиция «Медианы», возможно, восходит к «целинному Новому Году», который отмечался в середине срока пребывания на целине. В 70–80-е годы «целинный Новый Год» перешел в среду стройотрядов, которые фактически являются продолжением традиции работы студентов на целине.

В празднование «Медианы» (празднует академическая группа или курс) входят следующие стабильные элементы: концерт, подготовка фотоальбома, прогулка или экскурсия, застолье с участием приглашенных преподавателей.

Выпускной вечер практически не отличается от «Медианы» за исключением того, что он носит более официальный характер и устраивается, как правило, сразу после вручения дипломов об окончании вуза. Поэтому к стабильным элементам добавляются поздравления от имени администрации факультета, поздравления и подарки, подготовленные студентами для преподавателей.

В целом можно говорить о том, что современные студенческие традиции продолжают не только традиции, свойственные студентам на протяжении нескольких веков, но и испытывают значительное влияние традиций других социальных, профессиональных и иных групп.

М.Г.Матлин
(Ульяновск)

Фольклор военных училищ

Публикуемые материалы собраны в 1998 г. в военных училищах города Ульяновска — Ульяновском высшем военно-инженерном училище связи (УВВИУС), Ульяновском высшем военно-техническом училище (УВВТУ), Ульяновском высшем авиационном училище гражданской авиации (УВАУГА) и Ульяновском военном суворовском училище (УВСУ). Информантами были курсанты III-IV курсов и выпускники (1976–1979 гг. рождения). Записи осуществлялись методом стандартизированного интервью с открытыми вопросами. Всего записано семь интервью.

Специального обряда над первокурсниками в перечисленных училищах не зафиксировано. Однако раньше, как отмечал Д.Ю.Фирманов (1979 г. р.), в УВАУГА «после торжественного первого дня, ближе к ночи, приходили к новобранцам из старших курсов и начинали посвящение в курсанты. Поднимали всю роту и надевали на курсантов белые простыни и начинали спрашивать: как зовут? откуда приехал? что здесь забыл?».

Только в УВАУГА отмечали такие события, как получение первого письма из дома и завершение первого курса: «Когда получали первое письмо из дома, обычно его приносили ребята дежурные, чтобы его получить, необходимо было потанцевать, поплясать, рассказать какое-нибудь стихотворение или спеть какую-нибудь авиационную песенку. К концу первого курса, когда были сданы все экзамены, курсанты приходили в свою комнату, где их подкидывали друзья, и рвали ХБ (обыкновенная рабочая одежда с пометкой I курса). Это означало, что первый курс пройден» (Д.Ю.Фирманов).

Не характерен для классических военных училищ общеармейский ритуал «100 дней до приказа». Как отмечает курсант УВВТУ П.В.Бондяков (1978 г. р.), «в основном эта традиция распространена среди солдат. Но все же курсанты выпускных курсов за 100 дней до выпуска отдают свое масло курсантам первого курса». Это же практикуется и в УВСУ, где «однажды старший курс перепутал курсантов первого курса со вторым и, конечно же, масло попало в руки второго курса. Все курсы смеялись и говорили, чтобы третий курс не выпускали. Всем

на старшем курсе сообщают об этом, чтобы проверяли, кому отдают» (А.А.Шадрин, 1978 г. р.). Однако в УВАУГА существует свой ритуал, в соответствии с которым «когда оставалось 100 дней до окончания училища, то делали чучело, похожее на начальника училища и сжигали его. Все это происходило на какой-нибудь полянке или поле. Вокруг чучела водили хороводы, танцевали, пели песни о начальниках, пели частушки. А некоторые брали сантиметр и отрезали каждый день по сантиметру. А утром кричали: “98 дней до окончания училища!”» (Д.Ю.Фирманов).

Гораздо более распространена традиция отмечать середину учебы в училище. Она может быть сопоставлена с соответствующей студенческой традицией праздновать середину обучения в вузе, с так называемым «экватором». Однако если в вузах города не существует постоянных, стереотипизированных действий, имеющих ярко выраженный неформальный характер, иначе говоря, не произошло ритуализации обычая, то у курсантов УВВИУС и УВВТУ сложился весьма специфический и яркий ритуал (курсанты УВАУГА, как и студенты вузов города, отмечают «экватор», для которого ритуальность нехарактерна). Название обычая — «1000 и 1 ночь», — с одной стороны, точно указывает на середину обучения: «обряд совершается в 1001-ю ночь после поступления в училище» (Д.Петрушенкин, 1979 г. р., УВВИУС), поэтому его проводят курсанты третьего курса; с другой стороны, вызывает ассоциации со знаменитой книгой, что, в свою очередь, соотносится с «разгульным» характером его проведения. В эту ночь, в частности в УВВИУС’е, где находится памятник С.Орджоникидзе (его имя носит училище), «курсанты начищают памятнику сапоги и ставят в руку стакан (с водкой. — *М.М.).* В этом году (1998-м. — *М.М.*), чтобы отвлечь дежурного, в помещение подкинули дымовую шашку. А в городе на девятиэтажное здание повесили простыню с надписью “1000+1”. Эта простыня провисела три дня. Вся подготовка к обряду проводится в тайне от офицеров во избежание отчисления из училища курсантов, участвовавших в обряде» (Д.Петрушенкин). Простыню могут вешать и на территории училища — на флагштоке (П.В.Бондяков, УВВТУ), на «самой высокой трубе училища» (А.Н.Козлов, 1976 г. р., УВВИУС). К основной надписи могут добавить «13 курс. Вывесить разрешаю. Шахерезада» (А.Н.Козлов, УВВИУС). «То же самое пишут на всех заборах и стенах» (П.В.Бондяков, УВВТУ), «на крыше, а на плацу выкладывали из песка эту же надпись и заливали бензином; вечером зажигали, и эта надпись светилась» (А.С.Маханов, 1976 г. р., УВВИУС). Практиковались и такие действия: «повесить форменный галстук на памятник Ленину, на плечи положить курсантские погоны, налить стакан водки и поставить его (стакан) Ленину в руку или на постамент; развернуть перпендикулярно учебному корпусу и вынести на середину плаца трибуну» (А.Н.Козлов, УВВИУС). Совершаются в этот день различные розыгрыши, приколы: «Звонит как-то курсант 3-го курса дневальному по первому курсу и представляется: “Дежурный по училищу полковник такой-то. В связи с санпроверкой собрать все прикроватные тапочки, зубные щетки, мыльницы, станки и принести дежурному по училищу”. Первокурсник, которому ничего другого не оставалось делать, добросовестно все выполнил, над чем потом все дружно смеялись» (А.С.Маханов, УВВИУС).

Специальный обряд, отмечающий первый самостоятельный полет, проводится в УВАУГА: «Чтобы счастливая жизнь была у летчика, чтобы быть отличным летчиком, был такой обряд. Брали за руки, за ноги и попой ударяли об основную стойку шасси. Три раза стукали. Было не очень больно, потому что она резиновая. А потом брали на руки и подбрасывали три раза, а на третий раз курсанта не ловили. Он падал на землю, и считалось, что он окрылился. И в этот день необходимо раздавать сигареты инструкторам, друзьям, однокурсникам» (А.С.Масленцов, 1976 г. р.).

В УВВИУС'е и УВВТУ отмечается День пьяного курсанта. Проводится он в этих училищах одновременно — 5 августа: «В этот день подписывается приказ министра обороны о переводе курсантов высших военных учебных заведений на следующий курс» (А.Н.Козлов, УВВИУС); «Проводят его все курсы, кроме первого, потому что первый курс в это время находится в училище, а все остальные отдыхают» (Д.Петрушенкин, УВВИУС). В этот день «обычно собираются группами или все желающие в одном месте, идут в какое-нибудь кафе, ресторан. После сильного перепития идут либо на самую престижную дискотеку, либо прогуливаются по улице с соответствующими приключениями (драками, знакомствами с девушками и т. д.)» (П.В.Бондяков, УВВТУ).

Ритуальными актами отмечен такой важный момент в жизни курсанта, как защита дипломного проекта и сдача последнего экзамена. В УВВИУС'е «сразу после предварительной защиты курсант обязан на дальнем просвете каждого погона нарисовать карандашом звездочку, а после защиты окончательной вышедшему из кабинета выпускнику дорисовывают по звездочке на каждом погоне» (А.Н.Козлов) и «снимают пружины с фуражек» (Д.Петрушенкин). После сдачи последнего государственного экзамена в том же училище «последнего сдавшего на носилках несут в казарму, вручая ему веник вместо цветов» (А.С.Маханов). Потом начинается период, который курсанты называют «золотой неделей»: «У курсанта нет никаких документов: военный билет забрали, а удостоверение офицера еще не выдали. В течение "золотой недели" курсанты пятых курсов должны затащить курсантов первых курсов и напоить их "в умат"» (П.В.Бондяков).

Ритуализирован в военных училищах города последний караул. Он имеет разные названия: «офицерский», «гарнизонный», «дембельский аккорд». Курсанты УВВИУС'а несут этот караул в учебном центре, расположенном за городом близ с. Ташла, и это обыгрывается в ряде актов, составляющих ритуал. В караульном помещении и на вышках, на которых несут службу, записывают номера своих групп. Там же на вышках, когда приходит смена, распивается водка. «В летнее время в стволы автоматов вставляли цветы» (А.Н.Козлов, УВВИУС), в УВСУ — «еловую ветку» (А.А.Шадрин). Заканчивая караул, курсанты УВСУ надевают шапки с кокардой вверх ногами (А.А.Шадрин), а УВВИУС'а — «выходя из караульного помещения и направляясь к машине, надевают головной убор кокардой (звездой) назад» (А.Н.Козлов). При посадке в машину «последний тащит за собой маленькую сосенку — заметает следы» (А.Н.Козлов, 1976 г. р., УВВИУС). К машине (снаружи к двери, раме, борту), привязывают сосну (ветку сосны), «чтобы заметались следы» (А.Н.Козлов) или «длинную веревку с банка-

ми и веником; банки, когда едешь по трассе, звенят, а веник как бы заметает следы, чтобы в караул больше не возвращаться» (А.С.Маханов). «При пересечении границы учебного центра помощник начальника караула кричит: "Ташла!", остальной состав караула отвечает: "На х... пошла!"» (А.Н.Козлов). Традиционная песня последнего караула в УВВИУС'е — «Этот день победы» (Д.Петрушенкин).

Выделяется и «последнее» — зимнее — увольнение в УВВИУС'е: «Когда курсанты последнего (5-го) курса возвращаются с их последнего зимнего увольнения, они, выйдя из трамвая, снимают ушанки и, связав их, пинают до самой казармы» (А.С.Маханов).

Своеобразный пик ритуальности приходится на выпускной период. Прежде всего это последний парад, которым проходят выпускники после вручения диплома. Готовясь к параду, курсанты набирают монеты. «Число денег должно соответствовать возрасту училища» (А.Н.Козлов, УВВИУС), «числу месяцев, проведенных в этом училище» (Д.В.Тихонов, 1979 г. р., УВВИУС), «чем больше, тем лучше» (П.В.Бондяков, УВВТУ). «После вручения дипломов следует команда "К месту построения для прощания с Боевым знаменем училища, выпускники, направо". По этой команде выпускники поворачиваются направо и бросают себе под ноги одну монету. По команде "Марш!" следуют к месту построения и перестраиваются в линию ротных колонн по восемь (десять) человек в шеренге. Проходя мимо трибуны старшина роты кричит "Вот!", остальные отвечают под шаг "И всё!". При этом оставшиеся монеты подбрасываются в воздух, головы поворачиваются направо, руки прижимаются к туловищу (команда "Смирно! Равнение направо!"). После прохождения торжественным маршем выпускники строятся в колонну по четыре и поворачиваются налево, принимая парад других (младших курсов). Причем четвертый курс по команде "Счет" отвечает "Следующие мы", а третий — "Мы вслед". В этот день выпускник обязан дать каждому курсанту (солдату), приветствующему его, купюру с нарисованным на ней лейтенантским погоном и личной подписью (по возможности с указанием округа или города и рода войск, в которые он попал) или монету любого достоинства» (А.Н.Козлов, УВВИУС). При этом курсант младшего курса, поздравляющий выпускника, должен обязательно сказать: «Товарищ лейтенант! Разрешите Вас поздравить с присвоением очередного воинского звания» (Д.В.Тихонов, УВВИУС). На площади «при выносе знамени выпускники становятся на одно колено, под которое предварительно положена монетка» (П.В.Бондяков, УВВТУ), «металлический рубль, и, когда курсанты поднимались, деньги падали, издавая звон» (А.С.Маханов, УВВИУС).

На выпускном вечере обязательно обмывают звезды и значки. «В стакан с водкой опускают свои звезды и пьют из этого стакана» (Д.Петрушенкин, УВВИУС), «в рюмку с водкой опускают две звезды и выпивают водку таким образом, чтобы звезды не попали в рот» (П.В.Бондяков, УВВТУ). Несколько иначе обмывают значок («поплавок») в УВАУГА: «Его необходимо обмыть для счастливых полетов. Наливают стакан водки, туда бросают значок и дают стакан по кругу. Каждый потихоньку отпивает, а хозяин значка самый последний пьет из стакана и достает губами или зубами значок из стакана. Именно после этого его можно прикалывать на пиджак» (А.С.Масленцов).

В единичном сообщении встретился и такой ритуальный акт, как выбрасывание после окончания училища из окна казармы вещей, купленных в складчину: «Раньше по традиции “господа” офицеры после выпуска выбрасывали из окна аппаратуру (видак, телек, магнитофон), которые покупали во время обучения на общие деньги роты. Сейчас времена изменились — выкидывать жалко, поэтому эти вещи отдают первому курсу» (А.С.Маханов, УВВИУС). Этот же информант сообщил о традиции, по которой, «выходя из училища, каждый из выпускников вешал замок на двери КПП, а ключи выбрасывал. Тяжело приходится потом дневальному, вынужденному пилить 200–300 замков».

Существует во всех училищах и своя специфическая лексика. В УВВИУС’е курсанты в зависимости от курса, на котором они обучаются, именуются: I курс — «слоны», «приказано выжить»; II курс — «человек с ружьем», «ни рыба ни мясо»; III курс — «веселые ребята»; IV курс — «богатые женихи»; V курс — «господа офицеры, ноги на стол!» (Д.В.Тихонов). В УВВТУ I курс — «никто не хотел умирать»; II курс — «без вины виноватые»; III курс — «веселые ребята»; IV курс — «женатики»; V курс — «ноги на стол, господа офицеры!» (П.В.Бондяков).

Существуют свои расшифровки аббревиатур.

УВВТУ

КУРСАНТ — Квалифицированная
Универсальная
Рабочая
Сила
Абсолютно
Не желающая
Трудиться

УСТАВ — Учти
Сынок
Тебя
Армия
Воспитает

МУДАК — Мудрый
Умный
Дальновидный
Армейский
Командир

ФИЗО — Физическое
Истощение
Здорового
Организма

УВАУГА

САЧОК — Самый
Авторитетный
Человек
Особого
Качества

Есть у курсантов свой «словарь».

УВВТУ

Баня — в мире животных.
Групповуха — групповое увольнение в город; групповая пьянка.
Дневальный — спящая красавица.
Дневальный свободной смены — ищи ветра в поле.
Кросс 3 км — никто не хотел умирать.
Кросс 5 км — их знали только в лицо.
Кросс 10 км — мертвые не потеют.
Отбой — я люблю тебя жизнь.
Подъем — танец белых лебедей.
Санчасть — у Христа за пазухой.
Столовая — все люди — звери.
Утренняя зарядка — их повели на расстрел на рассвете.

УВАУГА

Альбатрос — самолет-амфибия АН-4.0
Баклажан — самолет ИЛ-86.
Барсуки — любители поспать, сони.
Большая Тушка — самолет ТУ-154.
Кукурузник — АН-2, самолет, который используют в сельском хозяйстве.
Курица — кокарда на фуражке в форме ромба.
Летуны — летчики.
Маленькая Тушка — самолет ТУ-134, так как имеет малый вес и меньше пассажирских мест.
Окурок — самолет ЯК-40, так как очень дымит.
Примус — самолет ЯК-40, так как «ест» очень много топлива.
Птичка — значок, обозначающий класс летчика.
Пчёлка — самолет Л-410.
Фантомас — самолет АН-14.
Хавчик — еда, любая пища.
Чебурашка — самолет АН-28.
Шняга — еда в столовой летного училища.

В публикации использованы записи собирателей: Т.Н.Семеновой (инф. А.С.Масленцов, Д.Ю.Фирманов), О.А.Хардовой (инф. Д.В.Тихонов), Ю.Г.Шумихиной (инф. П.В.Бондяков), Е.В.Брызгаловой (инф. А.С.Маханов), С.С.Борзых (инф. Д.Петрушенкин), Т.С.Бурдиной (инф. А.А.Шадрин), Н.Ю.Трушкиной (инф. А.Н.Козлов).

В.В.Головин, М.Л.Лурье, Е.В.Кулешов
(Санкт-Петербург)

Субкультура солдат срочной службы

Субкультура солдат срочной службы в основных чертах оформилась, по-видимому, в 60-е годы XX в., без значительных изменений просуществовала около сорока лет и существует в настоящее время, о чем свидетельствуют однородность и повторяемость данных, полученных от информантов, проходивших службу в разные периоды с 1970-х по 2000 г. Такая замечательная живучесть рассматриваемой культурной традиции, устоявшей в эпоху общественно-политических потрясений (отчасти коснувшихся и армии) и пережившей смену общекультурной парадигмы, на наш взгляд, производна от внутренней структурной стабильности самого социального института, породившего эту традицию, — института срочной службы в Вооруженных Силах.

При этом в общественном сознании устойчиво закрепилось мнение, в соответствии с которым традиция неуставных отношений между солдатами разного срока службы, или *дедовщина*, — своего рода стержень, организующий всю солдатскую субкультуру, — является прямым порождением духовного паралича, постигшего советское общество эпохи позднего социализма. Перемещаясь в область «бытовой антропологии», этот тезис приводит к выводу о зависимости армейских нравов от тюремных — армия эпохи застоя предстает как повторение «зоны». Такая концепция служит, в частности, обоснованием вполне оправданного негативизма по отношению к армейским нравам. И действительно, представленный материал порой способен произвести шокирующее впечатление.

Как возможный предмет для беспристрастного описания и антропологической рефлексии неофициальные традиции солдатского сообщества начали восприниматься сравнительно недавно. С середины 1990-х годов этот слой современной народной культуры устойчиво привлекает внимание фольклористов и этнографов, что привело к появлению нескольких специальных научных публикаций*, посвященных солдатскому фольклору, социальной стратификации ка-

* В первоначальном варианте настоящая статья была написана и сдана в книгу в 1998 г. На тот момент, хотя идея антропологического описания современной солдатской субкультуры, исследования армейского сленга и фольклора уже ощутимо «носились в воздухе», число научных публика-

зарменного сообщества, нормам обычного права, ритуалистике, семиотике поведения. Авторы настоящей статьи видят своей задачей комплексное описание современной солдатской субкультуры, охватывающее все перечисленные ее компоненты в их специфике и синкретическом единстве. Основным материалом для работы послужили тексты интервью и результаты анкетирования бывших солдат-срочников, солдатские и курсантские блокноты и дембельские альбомы. В силу приоритетной для нас обзорно-эмпирической (а не концептуальной) направленности статьи материал представлен в ней не только в форме суммарных обобщений, как в ряде существующих исследований, но и с большим количеством цитат. Принципиальный характер имеет включение в текст статьи, помимо произведений солдатского фольклора, и отрывков из интервью: на наш взгляд, наличие интроспективных фрагментов, различных по степени рефлективности и отчасти воспроизводящих лексику и риторику солдатской речи, позволит читателю составить более объемное и более адекватное представление о нравах казармы, специфических чертах коллективной психологии и идеологии солдатской общины.

Предваряя конкретные наблюдения и выводы, в целом можно сказать, что картина мира, репрезентируемая армейским фольклором, бытовой семиотикой и неофициальной ритуалистикой, во многом организуется тремя базовыми идеологемами. Это, во-первых, противопоставленность армейской службы и гражданской жизни (причем первый из элементов этой основной оппозиции понимается как нарушение нормы, «зазеркалье», в котором трансформируются обычные, «правильные», явления и отношения). Во-вторых, оппозиционность субкультурной традиции солдатского сообщества по отношению к системе уставных положений. В-третьих, представление о срочной службе как о действующем институте социополовозрастной инициации. При этом надо отметить, что каждая из этих позиций находит соответствие в официальной армейской идеологии, что выражается в системе уставных запретов и предписаний, в пропагандистских текстах, в легитимных поведенческих и ритуальных практиках.

ций по этой теме было ничтожно малым (см.: [Райкова 1994, Лихолитов 1998, Юдин 1998]). За прошедшее время ситуация радикально изменилась: появился целый ряд работ, в которых материалы по армейской субкультуре и фольклору вводятся в научный оборот и анализируются. Так, в 2000 г. в очередном выпуске серии «Фольклор Урала» появились сразу две статьи, посвященные армейскому фольклору (см.: [Блажес 2000 и Липатов 2000]). В 2001 г. в этнографическом обозрении была опубликована объемная и обстоятельная статья К.Л.Банникова, в которой сообщество солдат-срочников типологически представлено как экстремальная группа, что задает определенный теоретический вектор анализа социально-иерархической модели этого сообщества, его поведенческого кодекса, знакового языка [Банников 2001]. В июле того же года в Музее Анны Ахматовой в Фонтанном доме в рамках проекта «Современное искусство в традиционном музее» проводилась выставка «Дембельский альбом — русский Art Brut: между субкультурой и книгой художника». На выставке была представлена богатая коллекция дембельских альбомов разных лет, а по ее материалам издан одноименный сборник, в который вошли две фольклористические статьи [Кормина 2001, Лурье 2001а]. Еще одна статья об армейской субкультуре вышла в сборнике «Гендерный подход в антропологических дисциплинах» [Лурье 2001б]. Получив в начале 2002 г. возможность доработать статью, авторы сочли необходимым, не меняя принципиально ее концепции, структуры и основного содержания, учесть указанные выше работы, включить в текст ряд содержащихся в них материалов и собственные новые данные.

Что касается вопроса об истоках формирования армейских традиций, то он далеко не прост и ответ на него ни в коем случае не может быть сведен к идее преимущественного заимствования элементов уголовной культуры. Даже самое поверхностное рассмотрение предмета приводит к выводу о многообразии структурно-типологических связей армейской субкультуры, полигенетичности солдатских ритуалов и солдатского фольклора. Так, очевидна связь между «духом армии» и атмосферой закрытых мужских учебных заведений, фольклор солдат и курсантов военных училищ перекликается со студенческим и школьным, активно взаимодействует с общенациональным фондом устных и письменных фольклорных форм (анекдоты, паремии, песни, альбомные тексты и пр.), а также с профессиональной массовой культурой.

Одной из первоочередных задач будущих исследований в данной области представляется расширение контекстов, в которых может быть рассмотрена субкультура солдат-срочников и — одновременно — подключение диахронического материала. Перспективным видится и обращение к культуре профессиональных военных. Наконец, требуют всестороннего рассмотрения и внеармейские мифологемы, в рамках которых происходит осмысление армии и срочной службы гражданским человеком. И «державный» (армия — оплот государства), и «либеральный» (армия — вторая «зона») мифы имеют свою давнюю историю и своеобразно взаимодействуют со взглядом на армию «изнутри».

Первый раздел статьи («Время, пространство, быт») написан В.В.Головиным. В нем в очерковой форме обобщен, наряду с собранными позднее сведениями, и личный биографический опыт автора, проходившего срочную службу в рядах Вооруженных Сил СССР в начале 1980-х годов. Второй раздел («Этикет, ритуалы, символика») написан М.Л.Лурье, третий («Фольклор») — Е.В.Кулешовым.

Авторы считают своим долгом выразить признательность А.Ф.Белоусову, М.В.Калашниковой и В.Ф.Лурье, предоставившим ценные материалы, а также всем информантам, чьи сведения, рассказы и рукописные документы были использованы при написании работы.

Время, пространство, быт

Описание солдатской субкультуры требует некоего «физиологического очерка», который обобщенно представил бы типические черты армейского быта, очертил пространственно-временные параметры солдатской жизни в «золотой век» неуставных отношений —70–80-е годы прошлого столетия.

«Армия — школа жизни», «В армии становятся настоящими мужчинами». Данная идеология поддерживается как традиционно сложившимся в сельской и провинциальной среде (до 90-х годов XX в.) негативным отношением к неслужившему и «белобилетнику» (девушка за такого не пойдет замуж), так и городской фольклорной традицией («Я на Охте был стилягою, / А теперь зовут салагою. / Салага я, салага я...»). Это положение поддерживали и официальный ки-

нематограф (например, фильмы «Максим Перепелица», «Я служу на границе», «Зона особого внимания» и воскресная передача «Служу Советскому Союзу»), и особенно «военно-патриотическая» литература для юношества (например, произведения Б.Никольского). Выбивающаяся из русла формульных произведений перестроечная повесть Ю.Полякова «Сто дней до приказа» (содержащая весьма ограниченную информацию о структуре и иерархии армейских взаимоотношений) еще до публикации была осуждена на Всеармейском совещании и директивой Главного политического управления Министерства обороны Советского Союза; соответствующий номер «Юности» не допускался в военные библиотеки. Защита от угрозы дискредитации армии, даже в малых проявлениях, в глазах общественности велась крайне активно и агрессивно: новобранца, если он говорил: «Меня забрали в армию...», — офицеры (особенно политработники) резко одергивали, поправляя: «Вас не забрали, а при-зва-ли!».

Сборный пункт

В памятке к явочному предписанию военкомата строго определялся характер имущества новобранца и внешний вид: «Иметь при себе зубную щетку, мыло, бритвенные принадлежности... Быть коротко подстриженным. Иметь запас еды на столько-то дней».

От военкомата автобус отвозил парней на сборный пункт. Там работал парикмахер, который брал за стрижку «под ноль» один рубль, вместо девяти копеек по прейскуранту. На сборный пункт проникали личности в старой одежде, которые предлагали обменять гражданскую одежду новобранцев: «Все равно *дембеля* отнимут». И хотя в сознании новобранцев уже были заложены стереотипы «начального» поведения и они взяли минимум денег и надели старую одежду, на сборном пункте, благодаря общению сотен новобранцев, безапелляционным действиям офицеров (например, построение новобранцев в одну шеренгу, команды: «На первый-второй рассчитайсь. Вещи на пол. Первые! Два шага назад. Вторые! Два шага вперед. Вторые! Кругом!»; обыск личных вещей на предмет алкоголя и «неармейских» предметов), происходит некая концентрация рассказов об армейском быте, и сознание новичков уже подспудно готово к отказу от прежних гражданских представлений и включению в новый жизненный порядок.

Сборных пунктов может быть два. В первом «фасуют», во втором отдают представителям частей — офицерам или сержантам. Сержант рекомендует солдатам на вокзале купить последнее спиртное для себя, для него и для сослуживцев. Такой сержант сразу располагает к себе сообщением «сверхсекретной» информации, куда везет служить, разрешает позвонить родным.

Прибытие в часть

Первое место, куда помещают новобранцев по прибытии в часть, — баня. Армейская солдатская баня — в большинстве случаев достаточно убогое помещение. Новобранцы раздеваются догола (для многих это первое посещение общественной бани и публичное обнажение значительно подавляет личность), моются, и тут же им выдают военное обмундирование. Летом — хлопчатобумажные брюки

и гимнастерку, трусы и майку, пилотку, портянки, сапоги; зимой — вместо трусов и майки теплое белье, зимние портянки, шинель, шапку. Гражданская одежда отсылается домой.

Обмундирование и форма одежды

Форменная одежда, в зависимости от региона службы, различается. Солдаты, проходившие службу в южных регионах, имели панамы вместо пилоток. Солдаты на Кубе носили шорты. На Севере часто основным обмундированием были валенки и тулуп. В строительных батальонах основной одеждой была не шинель, а бушлат. Роты почетного караула имели специальную форму и в целом носили украшенную офицерскую форму с солдатскими знаками отличия (даже каракулевые солдатские ушанки). Внутри части также имелись отличия: водители командного состава одевались в «ПШ» — гимнастерку из добротного, плотного шерстяного материала.

Погоны, петлицы, нашивки родов войск, пуговицы, подворотнички тут же пришиваются новобранцами (крайне мучительная, из-за отсутствия опыта, многочисленности предметов пришивания и толщины и плотности материала, процедура). Все, что пришито неаккуратно и неправильно, сержанты войскового приемника отпарывают и тут же заставляют перешивать. Процедура занимает несколько часов. На обратной стороне формы (на брюках, гимнастерке, шинели, сапогах, ремне) в установленном месте гашеной известью пишут (или с помощью резиновых литер отпечатывают чернилами) номер военного билета. В строго определенных местах прикручиваются знаки родов войск. За отворот пилотки, шапки-ушанки вставляется иголка, на которую наматываются нитки двух цветов. Шнурки шапки завязываются внизу, затем «уши» выворачиваются наверх. Во внутреннем кармане гимнастерки могут храниться только военный билет и расческа.

В течение службы постоянно устраиваются смотры, на которых иные командиры с линейкой в руках вымеряют правильность ношения формы и воинских знаков. На правой стороне солдаты в строгой последовательности вешали знаки гвардии, «Отличник СА», знаки классности, знак «Воин-спортсмен», знаки спортивных разрядов, знаки-«поплавки» об окончании высших учебных заведений и знаки-«гробики» об окончании техникумов. Всякое отступление от правил ношения формы — свидетельство прохождения как минимум годового периода службы. В первые недели службы активно бытовала легенда о «стерилизации» солдата-новобранца: в компот или чай якобы добавляют бром для лишения половой потенции («чтобы ни о чем “таком” не думал»).

Войсковой приемник

Время армейской жизни строго регламентируется. Сначала следует (до принятия присяги) «карантин» или войсковой приемник. Первые полгода могут проходить в «учебке» (учебном подразделении).

Месяц до принятия присяги новобранцы живут в отдельной казарме и осваивают азы воинской службы под руководством сержантов, младших командиров, временно назначенного начальника войскового приемника. Первая фраза

со стороны старослужащих о будущей службе в армии: «Веревка, вешайся». В дальнейшем эта фраза повторяется как обозначение будущей любой тяжелой работы и как рефрен к описанию прошлого тяжелого задания. За месяц солдат должен освоить обязанности дневального, научиться отдавать честь и правильно приветствовать, отвечать и реагировать на команды («Рота смирно!», «Разрешите положить трубку?»). Обучают уборке и заправке постелей, тренируют ходить строем, петь, проходят физическую подготовку (полоса препятствий), изучают уставы (обязательно знание наизусть присяги и «Обязанностей солдата (матроса)».

Изучали имена главкомов, должности и состав Политбюро. Обращение к сержанту в первый месяц службы — только «на Вы». Сержанты афористически дразнят новобранцев, которые с гражданки не избавились от слова «можно», ответом: «Можно жену и тещу, а в армии — разрешите», афористически исправляют форму одежды: «У тебя пизда или пилотка?!». В приемнике запугивали секретностью и ответственностью за разглашение военной тайны. Естественно, это — игра в секретность с подсознательной целью еще раз проявить оппозиционность к «гражданке». Армия старательно выделяет себя из общества, имитируя сверхсекретность. На воротах частей пишут «ШМАС» (Школа младших автомобильных специалистов), хотя для окрестных деревень очевидны высотомеры, локаторы, ракетные позиции. Начальник особого отдела наставлял новобранцев: «Пишите домой, что в армии ломаете печенье, одну половину складываете в одну сторону, другую в другую». Предупреждают, что потеря секретной тетради уголовно наказуема. Иногда просят не записывать информацию. Пугают основательно; у солдат возникает устойчивое поверье о перлюстрации писем.

Присяга

Присягу принимали после прохождения *карантина* в «войсковом приемнике — или на плацу части, или у памятника-мемориала. Нередко одновременно присягу принимали несколько частей гарнизона. Солдат выходил из строя с оружием (присягу принимали только с ним), громко зачитывал присягу и расписывался в ее принятии. Некоторые призывники из Средней Азии читали на русском языке безумно плохо и не понимали смысла читаемого. Солдаты строительных батальонов имели для присяги один карабин (автомат), который «арендовался» в боевой части на все подразделение, и выходили с ним по очереди. Принятие присяги завершалось торжественным маршем. На церемонии имели право присутствовать родные, которых после этого могли даже пригласить в часть, где их кормили, по определению политработников, «доброй солдатской кашей». После присяги солдат распределяли по подразделениям (они уже знали, какие из них плохие, в смысле дедовщины, какие — так себе). Проблемы с принятием присяги были только у баптистов — отказывались присягать. Отказ от присяги баптистов не афишировался, поскольку они имели международную поддержку. В то же время служить без присяги невозможно. Баптистов держали на гауптвахте (хотя не присягнувшего по закону не могли отправлять на гауптвахту), грозили, натравляли на них армейский коллектив, но чаще просто подделывали их подпись. В основном баптисты служили в военно-строительных войсках.

Армия — институт воинственно-атеистический. Армейская печать периодически тиражировала рассказ о «перековке» армейским коллективом верующего в атеиста. Нательный крест просто запрещали носить (чаще всего он был у поляков из Прибалтики и солдат с Западной Украины). Солдат-мусульман, пока они были *молодые*, *деды* с радостью и удивлением заставляли пробовать свиное мясо. Политработники запрещали молодым солдатам из мусульманских республик собираться большими группами и разговаривать на родном языке. В целом после недели-другой солдаты не демонстрировали больше атрибутов веры и на два года скрывали свои религиозные чувства.

Распорядок дня

В регламентацию армейской жизни входит восьмичасовой (или четырехчасовой во время несения дневальной, дежурной или караульной службы) сон. Подъем, который, как правило, только в первый месяц службы должен проходить за 45 секунд (не успеешь — грозная команда сержанта «будем летать», «полетаем», из-за нескольких неуспевших несколько раз «летают», т. е. раздеваются, прыгают на кровать и затем вновь все одеваются); далее — изнуряющая зарядка, в которой участвуют только служащие до года.

Уборка солдатской постели строго регламентирована. Если что не так — сержант тут же ее переворачивает.

Содержимое солдатской тумбочки: в верхнем ящике письменные принадлежности, в нижнем на верхней полке зубная паста (тюбик должен сворачиваться, а не выжиматься), зубная щетка, бритва. На нижней полке — пасты для чистки ремня и сапог. Всякая еда запрещена для хранения, тумбочку спокойно обыскивают сержант, прапорщик, офицер.

Далее следует утренняя поверка; проверяют наличие солдат, их внешний вид. Затем — завтрак. В столовую на завтрак идут обходным путем. После завтрака — развод, вся часть приветствует командира (или его заместителя) и марширует парадным строем. Затем боевая работа или учеба, два раза в неделю — политзанятия. Обед. После обеда также боевая работа или учеба. Ужин. Вечерняя прогулка с песней. Поют в течение двух лет одну и ту же песню (максимум две) — «У солдата выходной», «Не плачь, девчонка», «Катюша» или по роду войск (например, в ПВО: «Мы как летчики, как летчики крылаты, / Только не летаем в облаках. / Мы ракетчики, ракетчики-солдаты, / Мы стоим у неба на часах»). Личное время (около часа). Вечерняя поверка. Отбой. На табуретку сначала кладут ремень, пряжка которого должна свешиваться на ширину ладони, затем брюки, сложенные в один изгиб, гимнастерку «конвертом», на нее — пилотку или сапоги. Перед тумбочкой ставят сапоги, на которые аккуратно кладут портянки. Портянка — средство «лечения» храпящих солдат, которым во сне кладут пахнущие по́том портянки на лицо. Деды не стесняются кидать в храпящих сапоги. После отбоя — шабаш дедов, колыбельные дедам, эротические рассказы — все это занимает около получаса. Старослужащие после отбоя засиживаются в каптерке, курят. Постоянное рассматривание фотографий любимых. В 80-х годах обязательной для солдат был просмотр программы «Время» и передачи «Служу Советскому Союзу» (стандартный солдатский комментарий: неужели где-то есть такие

части, о которых рассказывают в передаче). Главное политическое управление рекомендовало к просмотру передачи «Международная панорама» и «Девятая студия». Но особой популярностью у солдат пользовались утренние и вечерние передачи, где показывали аэробику.

Денежное довольствие солдата

В зависимости от звания, классности и должности денежное довольствие составляло от 3 рублей 50 копеек до 20 рублей, в редчайших случаях (должность прапорщика, первый класс, старшина или старший сержант) — 32 рубля в месяц. Десантники отдельно получали деньги за прыжки с парашютом. В строительных частях назначалась небольшая зарплата, которая поступала на личный счет солдата, но из нее вычитали деньги на обмундирование и питание. Деньги уходили в основном на папиросы (сигареты) и чайную. Продавались новые сапоги (выдавались раз в год) — 10–15 рублей, самодельные дипломаты — до 20 рублей. Торговля среди солдат была развита слабо.

Борьба с дедовщиной

Части разделялись на показательные (гвардейские, орденоносные, имени...) и обычные. Из показательных частей в простые нередко командировали нерадивых солдат, чтобы не портить картину. Еженедельно в вышестоящую часть телефонировали таблицу нарушений, состоящую из аббревиатур «УГ и КС», «ДУ» — «НВ», «СО», «А» и соответствующих им цифр, что означало количество нарушений устава гарнизонной и караульной службы, нарушение дисциплинарного устава (из них — число неуставных взаимоотношений и самовольных отлучек) и количество арестов. Офицеры смирялись с дедовщиной и хотя делали попытки пресечь ее собственными силами, в вышестоящий штаб и тем более в прокуратуру не сообщали — это могло вызвать взыскание вплоть до «неполного служебного соответствия» и задержать звание и должность. Особых действий, кроме карательных мер, по искоренению дедовщины не предпринимали.

Повсеместно бытовала легенда (впоследствии изложенная А.Покровским в его книге «Расстрелять!..») о пресечении дедовщины путем «расстрела» жестокого старослужащего. Вариант такой легенды: в Монголии, где стояли наши военные гарнизоны, офицер вызвал другого офицера, они сфальсифицировали приговор, начинающийся словами: «Согласно указу Министра обороны и Главного военного прокурора номер такой-то, изменяющего статью такую-то дисциплинарного устава, рядового такого-то за систематическое нарушение Воинской присяги и Уставов, выразившееся в издевательстве над сослуживцами, систематические самовольные отлучки и нарушение устава гарнизонной службы расстрелять. Приказ привести в исполнение по месту дислокации подразделения. Родственникам расстрелянного сообщить в течение суток и разрешить захоронить на родине». Был подогнан грузовик, который поставили за казармой. Подразделение построили, скомандовали «Смирно», затем приказали деду выйти из строя и зачитали приказ. Ошеломленного солдата завели за казарму, поднесли к носу кулак, заставили лечь в кузов лицом вниз — «иначе расстреляют на самом деле». Дважды выстрелили вверх из ПМ, затем сымитировали шум погрузки тела,

закрыли борты и вырулили перед строем. Строй предупредили, что если еще кто-нибудь нарушит что-либо, расстреляют без проблем. Предложили посмотреть на «труп», но желающих не нашлось. Грузовик уехал, отвозя солдата в другое подразделение, не имевшее сообщения с первым. Со следующего дня рота стала образцово-показательной, лучшей в дивизии, а ее командир через год получил серьезное повышение и уехал учиться в Академию (пересказал майор М.Л.Медведюк, зам. нач. политотдела в/ч 22222, записано в 1982 г.)

Приезд начальства, проверки

Частота проверок, инспекций в 1970–1980-е годы превосходила все ожидания: плановые проверки после летнего и зимнего периодов обучения, внеплановые проверки и даже внезапные ночные проверки. Инспектировало начальство — генерал из округа и выше. Особо «опасными» считались проверки из Министерства обороны; приезд маршала, главкома или его заместителя для выборов в Верховный Совет повергал дивизию, полк в состояние быстрейшей постройки «потемкинской деревни».

Подготовка к инспекции включала тщательную уборку части, перекраску и обновление наглядной агитации. Подметалась, надраивалась и вычищалась вся возможная территория, по которой мог даже случайно пройтись проверяющий. Любой пол — до блеска. Линолеум чистили даже с использованием бритвы. Драили туалеты, подметали лесные тропинки, ведущие к позициям. Перед штабом снег укладывали лесенкой, перед казармами — стеночкой. Перекрашивали все бордюры, естественно, новой краской по старой, т. е. ненадолго, на время инспекции. Особенно тщательно выкрашивали шлагбаум. Перекрашивали лестницу штаба, перила, сейфы, стены кабинетов. Сушили при помощи печек. Траву и елочки красили пульверизатором — похоже на легенду, но тем не менее есть сотни свидетелей и участников таких процедур. Рассказывают, что один умный командир части за две недели перед проверкой на всех газонах посеял овес, и проверяющие восторгались ровными, десятисантиметровыми ростками. Зато потом все это заколосилось.

Перед инспекцией приезжали проверяющие из полковников (иногда генералы). Проверяющий устраивал смотр территории и позиций, неустанно придирался к любому «нарушению» — от расстегнутого воротничка и грязных сапог до щели на асфальте и лаза в заборе. Его замечания отличались действенностью: «Товарищ солдат, доложите вашему командиру, что я сделал Вам замечание». Нередко предварительный проверяющий собирал солдат из разных подразделений, желая узнать о нарушениях. Офицеры прямым текстом предупреждали таких солдат, что те не должны говорить о каких-либо нарушениях, особенно о неуставных отношениях.

Наконец, приезжал главный проверяющий. Солдатам наказывали «не мелькать по полку», все передвижения осуществлялись строем и строевым шагом. В столовой на дни проверки меняли посуду. Вместо оловянных мисок давали пластмассовую, вполне приличную посуду. Пища отличалась более качественным приготовлением. О генералах-проверяющих ходили легенды: рассказывали, что один из них, не обнаружив ручки на кране горячей воды на кухне, предложил

начальнику тыла повернуть его зубами. Проверяющие имитировали образ заботливого «отца-командира».

Плановые проверки по окончании летнего или зимнего периода обучения, естественно, включали и проверку боевой работы, мобилизационной готовности, чистоты и внешнего вида. Особое зрелище представляли строевые смотры офицеров, проверка их спортивной подготовки и стрельбы из личного оружия. Марширующий толстый капитан или майор, браво напевающий песню и сгибающий турник при попытке подтянуться, вызывал неподдельное удовольствие тайно наблюдавших солдат, которые злорадно фиксировали его неумение, сопоставляя с его требовательностью.

Довольно часто во время проверок целые подразделения отправляли в лес для сбора грибов и ягод для проверяющих. Если чин проверяющего был невысок, командиры в части возмущались: «Дожили, для майоров грибы собираем». Вообще, посылка солдата в корпус, в дивизию, в армию с грузом грибов, ягод, рыбы считалась делом традиционным.

Учения

Особое значение в Вооруженных Силах имеют учения (в 1980-е существовали разные градации — от учений Стран Варшавского договора до полковых стрельб). Крупномасштабные учения солдаты недолюбливают — в офицерских и солдатских разговорах всегда фиксируется печальная статистика, хотя она явно преувеличена (обычно говорят о трехпроцентной смертности). Такие учения связаны с передислокацией, погрузкой в эшелоны, с тяжелой физической работой — *пахотой* — в крайне неорганизованных условиях. Солдаты устают, не спят, получают травмы на различных погрузках. Но учения, какими бы они ни были, во многом показуха перед вышестоящим начальством, поэтому очевидна их театральность. Характерный пример — выезд на полигон. Стрельбы на полигоне — высочайший уровень театрализации, хотя здесь и присутствует реальная боевая работа.

Подготовка к стрельбам на полигоне. За полгода офицеры начинают скидываться на откровенные взятки. Начальник службы ГСМ не выдает (хотя офицеры расписываются в получении) спирт ни на какие регламентные работы. Спирт нужен на полигоне. «Взятки» готовят все — от этого, как говорят, зависит состояние техники на полигоне и, естественно, благорасположение и оценка. Говорили, что некоторые части доставляли даже мебель. Солдаты-чертежники везли на полигон фирменные карандаши для подарков солдатам полигона. И все же, если полк не сбил цель (например, в ПВО), никакая взятка не помогает, оценка — «двойка» и, как правило, за этим следует переведение командира на нижестоящую должность. Прапорщики рассказывали, что даже заготавливали специальные штыри и в случае промаха неслись на машине, находили упавшую ракету и делали штырями на ней множество отверстий, имитируя попадание.

Полигон представляет собой и солдатскую ярмарку. Срочники полигона торгуют солдатскими сувенирами — популярны были брелки с тарантулами в эпоксидной смоле и солдатские панамы для дембеля. На полигон стараются вывести всех солдат с высшим образованием и окончивших техникумы, их пооче-

редно выставляют как солдат химслужбы, связи, поскольку солдаты демонстрируют не только полевую работу, но и отвечают на теоретические вопросы.

Полковые учения, боевая работа во время проверок. О внезапности таких учений все предупреждены — солдат будят минут за 10 до тревоги, дают им время спокойно одеться, вооружиться, и уже после этого начинается боевая работа. Всякие учения — настоящая мука для молодых солдат, они неопытны, неумелы, физически слабее, и всякая ошибка и отставание фиксируется не только окриком командира, но и возможным физическим действием старослужащих. На них сваливают и всю вину за неудачи.

Об учениях солдаты рассказывают и пишут письма родным с явным, почти гротескным, героическим преувеличением — кросс обязательно был с полной выкладкой (с оружием, в химзащите и противогазах, с оружием и лопаткой) и увеличивался в расстояниях, постоянная стрельба, «нависали вертолеты, форсировались океаны, пересекались границы». В письмах сознательно усиливаются тяготы и лишения воинской службы.

Парады

Парады могли проводиться в городах в День Победы и 7 ноября. К московским парадам академии, училища и отборные дивизии готовились месяцами, в гарнизонах — минимум неделю. Необходимо было «держать коробку», т. е. маршировать с оружием в шеренге, например по 12 человек и в 12 рядов.

Самоволка

Цель самоволки проста — сбегать за выпивкой или к девушке (или ради девушек — например, на танцы). Самая результативная самоволка — сбегать в место, где работают женщины, осужденные к работе «на стройках народного хозяйства». Конспирация самоволки была отработана достаточно примитивно. Во время поверок кто-то из солдат выкрикивал ложное местопребывание убежавшего (например, «БД» — т. е. на боевом дежурстве).

Для самоволки припасали гражданскую одежда (на всех), чтобы не попадаться при встрече с патрулем. Деньги, если отсутствовала *гражданка*, прятали под погоны.

Спиртное покупали быстро и тайно проносили в часть. Пили в основном ночью в каптерках. К сожалению, употребляли и антифриз в легкой перегонке, что в большинстве случаев приводило к летальному исходу. Продавцы гражданских магазинов не выполняли просьбы офицеров и продавали солдатам спиртное, памятуя о тяготах и лишениях солдатской службы.

Обнаружив факт самоволки, офицеры подразделения сначала ждали несколько часов, чтобы разобраться самостоятельно. Затем докладывали о самовольной отлучке по команде. Нередко при быстром обнаружении самоволки включали звуковую тревогу, которая была слышна за несколько километров и которая должна была возвратить солдата. Встреча вернувшегося из самоволки пьяного солдата в казарме нередко сопровождалась рукоприкладством офицера. Отсутствующий более трех суток солдат считался дезертиром, начинались полковые поиски, офицера части отправляли на родину дезертировавшего. Само-

вольщик мог иметь и чистые бланки увольнительных записок, на которых спокойно подделывал подпись командира — на случай встречи с патрулем.

Гауптвахта

Время пребывания на гауптвахте солдата — от 3 до 10 суток. После «залета» (самоволка, употребление спиртных напитков, неподчинение, неуставные взаимоотношения) налагался арест. Солдата вели на гауптвахту, стригли под ноль и отправляли в камеру (обыкновенная тюремная каменная камера). Обычные занятия на гауптвахте — строевые занятия и различные хозработы; «залетевшие» *губари* на дачах часто работали и в квартирах командиров.

Перед отбоем выдавали *вертолеты* — обыкновенные доски, которые укладывали на костыли, — арестованные на них спали (без постельных принадлежностей и матрасов). После подъема доски снимали и ставили в коридорах. Курение в камерах запрещалось, но этот запрет нарушался. Питание привозили из полка. В некоторых гарнизонах считалось неудачей попасть на *губу*, когда там дежурили «жесткие караулы» (например, десантники на Псковской гарнизонной гауптвахте или курсанты военно-морских училищ на гарнизонной гауптвахте в Ленинграде).

Отпуск

Отпуск давали безоговорочно в особых случаях (смерть или тяжелая болезнь родных, детей). Нужна была только подтвержденная почтовым работником телеграмма. Отпуск могли и не дать (например, в случае рождения ребенка). Были случаи фальсификации телеграмм о смерти родных. Отпуск включал десять суток и — отдельно — дорога туда и обратно. Во время отпуска необходимо было зарегистрироваться в местном гарнизоне. Продлить отпуск в случае экстренных обстоятельств на время не более 10 суток мог райвоенком. Солдаты из закавказских республик, как правило, отпуск продлевали.

Демобилизация

После выхода приказа деды начинали гадать, в какую партию они уволятся. Первое увольнение — *нулевка*, *нулевая партия* — не была собственно увольнением дедов; увольнялись 2–3 отличных солдата, которые по сроку были дедами, но не были ими по сути. Это были «положительные», не «залетавшие» типы, державшиеся чуть-чуть особняком и в меру «припахивающие» *молодых*. На утреннем разводе их выводили из строя и даже могли поставить под командирскую трибуну во время полкового утреннего марша. Дембельская форма таких солдат была достаточно скромна. Лишь начиная с первой, второй партии, по степени дисциплинированности начинали уходить настоящие деды. Для ускорения демобилизации использовали не только так называемый *дембельский аккорд* (обычно конкретная строительная или ремонтная работа для дембелей — капитальный ремонт машины, строительство бани, памятника на плацу), но и *последний стук*. «Дембель» должен был *заложить* кого-то из товарищей или раскаяться в нераскрытом нарушении (например, воровстве чего-либо серьезного), или сказать, кто из солдат написал жалобу в прокуратуру. Часто использовали ложное желание уехать на

комсомольскую стройку (такие солдаты увольнялись раньше). Обычно уже в поезде у сопровождающего солдата изымали документы и, хотя и за свой счет, солдаты-дембеля отправлялись домой. Во всяком случае, уже в первый день на стройке демобилизованные получали документы и могли ретироваться.

В день демобилизации настоящий дед выполнял ряд ритуальных действий. На КПП заранее отправляли чемодан с настоящей *парадкой*, и стоило прапорщику попрощаться с *дембелями*, они тут же переодевались. Сразу же покупали спиртное. Часто ехали через Москву и Ленинград, где можно было затовариться — купить что-то более или менее достойное из одежды. На вокзалах дембелей ожидали вербовщики, предлагавшие работу, чаще всего в милиции. Такие же вербовщики стояли у военкоматов, куда солдаты приходили сниматься с учета. По приезде из части в ближайший город (где был вокзал) демобилизованные часто заходили в церковь и ставили там свечку.

Этикет, ритуалы, символика

Неуставняк: антиповедение как субкультурная норма

Феноменологическую основу субкультуры солдат-срочников составляет ее принципиальная оппозиционность по отношению к официально установленной в армии системе социальных отношений и ценностных ориентаций, общая установка на игнорирование и преодоление этой системы. Идеологии, навязываемой средствами армейской пропаганды «сверху» (в особенности в советские годы), в солдатском сообществе противопоставляется «неформальный» кодекс моральных и поведенческих принципов; общеармейской символике и ритуалистике — детально разработанная субкультурой знаковая система и собственная ритуальная практика, поддерживаемая механизмами традиции; уставной регламентированности отношений — неписаная, но не менее жесткая иерархия в солдатской среде. Таким образом, попадая в воинскую часть, каждый новобранец как бы оказывается в ситуации выбора: жить *по уставу*, полностью следуя всему корпусу предписываемых армейскими законами требований и запретов, или же принять для себя альтернативную систему норм, принятую в солдатской среде и объединяемую понятием *неуставняк* — производное от словосочетания «неуставные отношения».

Строго говоря, реальной возможности выбора солдату практически не предоставляется. Неуставняк как единственно правильная и универсальная (всеохватная) система взаимоотношений человека с миром в период срочной службы тоталитарно навязывается новичкам солдатским сообществом с первого дня службы (а пропедевтически эта идея внушается юношам в допризывный период пугающими и/или чарующими рассказами об армейской жизни). Всякий, кто оказывает этой программе сопротивление, т. е. пытается жить «по уставу», автоматически ставит себя в положение отщепенца, изгоя, маргинала в солдатском мире. *Стукачи* (доносчики, информаторы начальства о проявлениях неуставняка) и даже безвредные *рубанки* (те, кто *рубятся*, — исполняют все уставные требования и распоряжения армейских начальников, угождая им, а не старослужа-

щим солдатам)[1] презираемы в солдатском социуме и нередко подвергаются экзекуциям от рук сослуживцев, особенно в течение первого года службы. Безоговорочное предпочтение неуставных законов, их противопоставленность «уставной» жизни подкрепляется и распространенной сентенцией: «Если по уставу жить — заебешься, брат, служить», — по сути, ответной репликой солдатской субкультуры на официальный паремиоморфный лозунг: «Служи по уставу — завоюешь честь и славу».

Приведенная выше сентенция не только утверждает, но и мотивирует идею отказа от жизни по уставу. Абсурдность официальных предписаний и приказов, невозможность следовать им — одна из основных идеологем солдатской субкультуры. Авторитетно и убедительно сообщить ее новичкам старослужащие должны в ходе разъяснительных бесед, которые проводятся ими с молодыми солдатами и являются важным фактором поддержания преемственности неуставной солдатской культуры, своего рода формой альтернативного «идеологического воспитания молодых воинов». Приведем отрывок из воспоминаний о службе одного из наших информантов:

> Начинают хаять устав (старослужащие. — *М. Л.*), там, говорят: «По уставу хуево жить, — говорят, что: — По уставу мы должны друг другу честь отдавать все и обращаться друг к другу "товарищ солдат". Ну, это же нереально, чтобы все отдавали друг другу честь, это же вообще абсурд» [1][2].

Соответственно, общая логика поведения солдат-срочников определяется интенцией неподчинения уставу — не делать того, что предписывается, и делать то, что запрещается. При этом стоит подчеркнуть, что неуставняк отнюдь не сводится к закону иерархического подчинения новичков старослужащим — так называемой дедовщине, в конце 1980-х годов сделавшейся общеизвестным явлением и ставшей основой общественного представления о неуставной стороне армейской жизни[3]. Стратагема неуставного поведения как антиповедения распространяется не только на сферу отношений с сослуживцами-срочниками разных призывов, но охватывает весь его быт, времяпрепровождение, отношения с армейским начальством (прапорщиками и офицерами), речевую сферу, образ мыслей, систему ценностей[4].

Помимо соблюдения неписаной иерархии и исполнения связанных с ней правил этикетного и ритуального поведения (подробнее об этом речь пойдет ниже), неуставняк предписывает также всячески игнорировать уставные требования, проявлять показное пренебрежение к официальным порядкам. Солдат-срочник должен наполнять свою повседневность типовыми неуставными (точнее было бы сказать — антиуставными) элементами, как то: нарушение формы одежды, неподчинение прапорщикам и офицерам, еда и сон в неположенное время и в непредназначенном для этого месте, невыполнение работ, самовольные выходы за пределы территории части, распитие алкогольных напитков, половые сношения. Разумеется, стремление солдата быть сытым и пьяным, спать вволю и любить женщин обусловлено в первую очередь естественной потребностью витальной реабилитации в ситуации вынужденного отказа от этих мирских благ. Однако не менее значимым является и семиотический фактор: всякий не-

уставной жест есть манифестация выбора альтернативной жизненной программы и соответствия этой программе.

Не случайно в поведенческих текстах, а в особенности в транслирующих или моделирующих их текстах вербальных (мемораты, предания, реже анекдоты), столь высок показатель девиантности. Приведем в качестве примера фрагмент устных воспоминаний, в котором особо подчеркивается приоритетность и культурная престижность запретного, неуставного пути устранения недостачи:

> Вообще в армии у всех какая-то такая устанавливается форма коллективной собственности, когда все друг у друга все пиздят, очень многие во всяком случае. И как бы это тоже все знают. Пиздят шапки, пиздят ремни: у кого-то чего-то не хватает. Когда у меня пиздили, а я шел в магазин покупать, Бецел (один из дедов. — *М. Л.*) говорил: «Ни хуя ты не шаришь, Дениска. Вот я за карасевку <...> шесть ремней поменял. Чуть ли не каждый месяц: встаю ночью... » [1].

Как уже сказано, помимо реальной жизненной практики все неуставные формы поведения воспроизводятся в рассказах о собственных или чужих похождениях (во втором случае героями авантюрных новелл о неуставных подвигах выступают обычно легендарные *деды*-предшественники). Частотны и популярны среди солдат (и впоследствии — в устных армейских воспоминаниях) рассказы, о *самоволках* (*самоходах*) с обязательным мотивом дерзкой рискованности предприятия, о демонстративном неподчинении и хамстве начальникам, наиболее традиционная форма которого — «послать на хуй» офицера или *прапора*.

Особую актуальность в контексте неуставного антиповедения обретают рассказы о пьянстве и любовных похождениях, тем более что именно эти две поведенческие сферы, согласно общекультурной традиции, с одной стороны, и в связи с подчеркнуто пуританскими требованиями к моральному облику солдата — с другой, составляют идеальное поле для реализации установки на девиантность.

> Мы на танке ездили за водкой, — рассказывал один из наших информантов. — <...> Мы ездили в деревню: ну, есть асфальт, по крайней мере. А когда мы ездили на КАМАЗе за водкой в город, и его разбили, КАМАЗ [2].

В том же ряду текстов солдатской удали в добывании спиртного — пересказы потайных рецептов приготовления выпивки в условиях казармы из бытовых промышленных продуктов. Один из них — намазать на хлеб гуталин, через некоторое время снять слой ножом, а хлеб съесть: считается, что от нескольких таких бутербродов можно захмелеть; другой способ — опустить холодный лом в ведро с клеем БФ и через некоторое время вытащить вместе с осевшим на нем вязким слоем, а оставшуюся жидкость пить.

В рассказах о сексуальных опытах в армии, как правило, также подчеркивается их особенная эксцентричность, а героями историй выступают либо сами рассказчики, либо все те же лихие деды предыдущего поколения. «Как минимум на четырех заставах российско-китайской границы, — сообщает К.Л.Банников, — вам расскажут, что дембеля, которые уволились “прошлой весной (осенью)” были настолько сексуальны, что во время несения ими дежурства к ним для любовных утех на пограничную вышку (!) лазила сама жена начальника заставы...» [Банников 2001: 135].

Комментируя этот сюжет, Банников находит в нем «контаминацию архетипа фаллического культа, мировой оси и символа данного рода войск — пограничной вышки. И вот на этот мировой фаллос погранвойск карабкается жена командира, чтобы совокупиться с дембелем-погранцом, “настоящим мужиком”, обладателем истинных жизненных сил» [Там же]. Отмеченный «классовый» подтекст трикстерского эротического похождения (подчиненный посрамляет командира) сомнений не вызывает, что же касается выбора погранвышки в качестве места свидания, то, на наш взгляд, для объяснения этой примечательной детали едва ли имеет смысл погружаться в глубины архетипической метафорики. В соответствии с интенцией усиливать эффект вызывающей девиантности неуставного поведения подобные рассказы регулярно эксплуатируют стереотипы «гусарской» ухарской удали и разнузданности, и местом действия в них часто оказывается служебное помещение (котельная, каптерка, кухня и т. п.), обычно грязное, смрадное, с незапирающейся дверью — одним словом, подчеркнуто не предназначенное и неудобное для занятий любовью. В том же ряду — акцентирование грубости и изощренного цинизма в обращении с коллективной любовницей: женщина «идет по рукам», ее напаивают допьяна, доводят до полного изнеможения и т. п. Приведем два примера подобных текстов (заметим, отнюдь не всегда далеких от реальности):

> Вот у нас был случай. Пришла девочка, а мы сидели на КПП. Мы просто ее позвали, а она сама подошла. И все. Она обеспечила 15 человек. Подряд. По нескольку раз. Я вот только с ужина пришел, в каптерку захожу — там вонь невыносимая. <...> Ну, она уже... ходила уже фигово» [2].

> И я всегда слышал, как, ну, когда в часть заводят, и там ее... прошла, там, через руки, и потом ее голую одевают — ремень, штык-нож — ставят на тумбочку, заставляют стоять. Я вначале думал, это байки, но когда я воочию это увидел — голая вот так с ремнем стоит... Это просто прикол какой-то, вот так ставить голую девчонку на тумбочку, вот так одеть ремень, со штык-ножом... [3][5].

Заметим кстати, что служащим первое полугодие неуставным правилом воспрещаются все формы жизнедеятельности, имеющие в субкультуре статус гендерно престижных, — пить спиртное, встречаться с женщинами, в некоторых частях новичкам возбраняется даже самостоятельно заниматься дополнительными (сверх обязательной физзарядки) спортивными тренировками. Впрочем, это дискриминирующее установление не может быть осмыслено вне контекста общей логики иерархических отношений в солдатской среде.

Дедовщина: иерархическая система субкультурной группы[6]

Вся солдатская неуставная иерархическая система и связанные с ней атрибутика, ритуалистика и лексика основаны на идее постепенного движения солдата-срочника от момента призыва в ряды Вооруженных сил к моменту увольнения в запас. По мере увеличения срока службы и сокращения отрезка времени, оставшегося до демобилизации, возрастает иерархический статус солдата, что сопровождается возрастанием его прав и уменьшением числа обязанностей и запретных форм поведения. Весь срок службы, согласно неуставняку, подразделен на

четыре основных периода, которые отграничиваются один от другого моментами выхода очередного Приказа министра обороны «Об увольнении с действительной военной службы в запас военнослужащих, выслуживших установленные сроки службы, и об очередном призыве граждан на действительную военную службу», издаваемого два раза в год, в марте-апреле и в сентябре-октябре. В рамках каждого из этих этапов положение солдата остается почти неизменным, а с переходом на каждый следующий уровень изменяется, так что восхождение по иерархической лестнице происходит скачкообразно. Основная периодизация, определяющаяся количеством отслуженных полугодий (от приказа до приказа) имеет следующий вид:

служащие первые полгода (от призыва до первого приказа): *духи, молодые, сыны, слоны, зеленка*;

служащие вторые полгода (от первого до второго приказа): *караси, гуси, старшие сыны, пряники, шнурки, помазки*;

служащие от года до полутора лет (от второго до третьего приказа): *черпаки, черепа, фазаны*;

служащие от полутора лет до двух (от третьего приказа до приказа о своем увольнении): *деды (дедушки), старые, старики.*

На эту главную, «поприказную» периодизацию накладывается дополнительная, связанная с наличием временны́х зазоров между моментами выхода приказов и моментами прибытия в часть новобранцев, принятия ими присяги и демобилизации отслуживших. В результате на общей временной и ранговой шкале появляются более дробные деления:

прибывшие в часть до принятия ими присяги — *запахи, желудки, сынки*[7];

черпаки (отслужившие год) до прибытия очередной партии новобранцев (своих будущих молодых) — *лимоны*;

черпаки до увольнения старослужащих, старших на два призыва (своих дедов), — *бумажные черпаки*[8];

деды, выслужившие весь срок, до момента увольнения из части, — *дембеля, ветераны, гражданские.*

Переход на каждый новый этап оформляется специальными rits de passage, в основе которых всегда одно и то же действие: старослужащий, старший на два призыва, наносит посвящаемому определенное количество ударов по заду. Это называется *перевести* или *отбить*. При переводе из духов в караси (на второй уровень) бьют обычно 6, иногда 7 раз, на третий, в черпаки, — 12 или 13 раз, на четвертый, в деды, — 3 раза (возможен вариант 3—6—12 раз соответственно). Числа 6 и 12, по-видимому, определились в соответствии с количеством отслуженных месяцев. Известен и обратный принцип — 18—12—6, по числу месяцев, оставшихся до увольнения. По некоторым материалам, наиболее сильно наносятся последние три удара.

Удары обычно наносятся ремнем, иногда кожаной частью, иногда — пряжкой.

Где ремнем переводят, где — бляхой; если бляхой — звезды остаются, бежишь в умывальню, садишься на кафель и отмачиваешь [4].

Однако выбор орудия ритуального истязания варьируется как между разными частями, так и в пределах одной традиции в зависимости от того, на какой уровень переводят.

При посвящении в «молодые» солдаты старшего призыва били младших по спине пряжкой ремня; в «черпаки» или «фазаны» — только кожаной частью ремня; «дедушку» «били» при посвящении легким поглаживанием ремня из настоящей кожи, который он получал теперь право носить [5].

Богатый (включающий почти все известные по разным традициям элементы, знаково дублирующие друг друга) вариант ритуала перевода в дембеля зафиксировал в одной из военных частей Санкт-Петербургского округа А.Осокин:

Накануне ритуала «дембель» прячется. Его ищет весь взвод. После того как дембеля находят, его укладывают на кровать, закидывают подушками, завязывают на нитке 24 узелка и этой ниткой наносят удары. В это время под кроватью лежит дух, который после каждого удара кричит: «Дедушке больно!». Весь взвод считает удары. После экзекуции взвод качает деда 24 раза [6].

Менее распространенным вариантом является отбивание при переводе в черпаки кухонным половником, добываемым на этот случай из столовой (от чего якобы и получили такое наименование служащие третьего полугодия), причем удары, по рассказам, наносились с такой силой, что половник иногда ломался. В некоторых частях отбивают скамейкой, в некоторых — табуреткой, причем в последнем случае в заключение обряда на зад посвящаемого ставится «печать» сиденьем табуретки. Иногда во время перевода на ноги и на спину солдату кладут подушки — «чтоб не промахнуться». Для ужесточения ритуального истязания переводимого заставляют встать руками и ногами на ножки перевернутой табуретки и отбивают в таком положении. По одному свидетельству, выбор наиболее «удобного» места и позы для перевода может зависеть от расторопности инициируемого:

Вот я сразу под штангу и лег, короче, ну — в штанах, всё. Они говорят: «Ух ты, умный, блядь, Малой <...>». А там такой закон: где присел, там и пробивают, вот. И они меня, значит, лежа [2].

После перевода (в некоторых традициях) переводивший дед ставит свою подпись на ремне, которым отбивал, и отдает ремень переведенному. Широко распространен обычай, согласно которому посвященный после окончания обряда должен сказать отбивавшему: «Спасибо, дедушка». В одной из частей зафиксировано правило, согласно которому «“фазан стареет сам”, т. е. ритуал при переходе от фазана к деду не проводится» [6].

Помимо отбивания, существуют и иные, дополнительные формы ритуального оформления перевода в новый статус. Так, после принятия новобранцами-запахами присяги деды машут в казарме полотенцами — «запах выгоняют». При переводе в черпаки «берут тебя за рубашку — именно так, чтобы не расстегнуть ее, а вот так разорвать: как бы все это знак необратимости того, что с тобой произошло. Все, ты оттащил, отслужил — такой широкий жест такой, разорвали. И мне рассказывали, как одного даже схватили <...>, рванули их в разные стороны

так, что все пуговицы повыпадали, он зашивал их полночи. Но все равно был счастлив... » [1].

«Был счастлив» — неслучайное замечание. Перевод не есть наказание или унижение для инициируемого, принимающие неуставняк в целом идут под отбивание добровольно и с охотой. «Ну, у нас как-то было — по своей воле мы почему-то шли. Традиция, традиция была. <...> Нас никто не заставлял» [3]. Каждый солдат заинтересован в движении по иерархической лестнице, и самое страшное для него — остаться непереведенным, не попасть в привилегированную касту старых. «Перевод — главное событие в армейской жизни, — пишет по этому поводу К.Л.Банников, — и молодые бойцы накануне приказа буквально выкладываются, чтобы заслужить милость быть переведенным. Удары бляхой — не самая большая “тягота и лишение воинской службы”, с которыми они успели столкнуться, поэтому удары принимаются ими как дар с небес. Отказ же дедов перевести кого-то из молодых в черпаки — это больше, чем наказание. Наказанием могут быть угрозы “не перевести”, которыми деды могут шантажировать своих духов» [Банников 2001: 131].

С переходом на новый уровень изменяется поведенческий кодекс солдата-срочника, в частности, его манера одеваться и держаться с сослуживцами и начальниками. Каждые полгода, согласно неуставному правилу, допускаются новые элементы нарушения уставной формы обмундирования солдата — знаки, свидетельствующие о его новом статусе. Важнейшая функция регламентированных традицией изменений облика солдата — маркирующая. «Опытному человеку в описываемое время достаточно было беглого взгляда на солдата (сержанта), чтобы определить, сколько он прослужил», — пишет А.В.Юдин [Юдин 1998: 30].

Детали-маркеры пронизывают все обмундирование солдата буквально «от головы до пят» — от головного убора до подошв сапог. В первые полгода службы требуется соблюдать все уставные предписания к ношению формы: застегнутые пуговица и крючок на воротничке, выглаженная строчка на брюках парадной формы, ежедневно стираемый подворотничок (нашивка из белой ткани на внутренней стороне воротничка) пришит «точками», т. е. так, чтобы с внешней стороны не было видно стежков, а оставались только точки, ремень должен быть затянут до предела. Отслужившим полгода позволялось несколько ослабить ремень, иногда — немного подогнуть пряжку ремня и кокарду на шапке. Качественно иной статус обретается с момента перевода в черпаки, т. е. после года службы, солдатского «экватора», что также отражается на внешнем виде: солдат второго года, уже старослужащий, меняет ремень из кожзаменителя (*деревянный*) на кожаный, еще больше распускает его, расстегивает крючок на вороте, может ежедневно не стирать или не менять подворотничок, который теперь подшивает заметными стежками (особо щеголеватые фазаны *подшиваются* специальными способами — *зигзагом* или *елочкой*). Дед затачивает и до предела выгибает пряжку ремня, подворачивает голенища сапог или сминает их гармошкой, стачивает края подошв, начесывает шинель, ослабляет ремень до такой степени, чтобы пряжка приходилась ниже пояса (*ремень на яйцах*) и т. п.[9]

Статусная трансформация обмундирования не только указывает на определенный служебный возраст солдата, но одновременно имеет для него и само-

стоятельную ценность как одно из социально престижных благ, право на которые он выслужил. Всякий должен «знать свое место» в иерархической системе, выглядеть и вести себя именно так, как *положено* на соответствующем этапе службы. «Формула "всему свое время" здесь имеет соционормативное значение, — замечает по этому поводу К.Л.Банников. — Основным выражением правовых отношений в распределении привилегий в армии является сакраментальная формула "положено по сроку службы"» [Банников 2001: 115]. Отклонения от регламента в сторону завышения своего статуса, обозначаемые глаголами *забуреть, охуеть, припухнуть* (или *опухнуть*[10]), подлежат пресечению, а допустившие их — наказанию со стороны старослужащих. «В некоторых частях со слабой "дедовщиной" и вообще дисциплиной, — сообщает А.В.Юдин, — а также в "маргинальных" армейских локусах типа учебных центров на полигонах, клубов, столовых, медпунктов и т. п. недолго прослужившие нередко смелели <...> и приобретали внешний вид, свойственный старшим призывам. Но при этом они тоже точно знали, что делали, просто незаконно присваивая себе атрибуты, им еще не положенные <...> Предпринимались первые попытки слегка подогнуть кокарду на шапке или пряжку ремня, хотя в принципе какой-нибудь ревнитель строгостей из числа старослужащих мог ненароком выпрямить такую кокарду ударом кулака в лоб, мотивируя это тем, что "до года не положено"» [Юдин 1998: 30]. Один из наших информантов на частном примере так иллюстрирует разработанность градации подобных нарушений (и различие соответствующих взысканий) по степени их серьезности:

> Вот, например, когда ты еще бумажный черпак (т. е. ты черпак, но твои старые еще не уволились), ты, как правило, его (подворотничок. — *М. Л.)* держишь чистым, чтобы показать: «Я черпак, но я еще не зарвался, я еще не охуел», — вот, в этом смысле. Если ты ходишь в грязном, это может вызвать порицание: «Ты чего, охуел, что ли? <...> Можно уже в грязном ходить?» <...> Но если ты, будучи карасем, подошьешься, как черпак, — тебе, конечно, дадут пизды: «Что это ты, э, как это выглядит? Положено, что ли, подшиваться, что ли, стежками, как черпак?» [1].

Повышение неуставного статуса солдата влечет за собой изменение системы повседневных прав и обязанностей, предписаний и запретов в бытовой и коммуникативно-этикетной сферах. Отслужившие меньше года выполняют практически всю работу по уборке казармы и других помещений. Они абсолютно бесправны, должны подчиняться старшим по службе на год, выполнять все их требования, делиться едой, получаемой в столовой и присылаемой в посылках. Старослужащие могут заставить дневалить не в очередь, чистить за них оружие и обмундирование. Дух обязан отдавать честь дневальному, обращаться к старослужащим на вы, спрашивать у них разрешения по всякому поводу. Служащий вторые полгода, карась, получает в нормах поведения столь же незначительные облегчения, как и в форме обмундирования.

> Дух — он и есть дух. Вот стоят старые в дверях, спрашиваешь: «Разрешите пройти!». А карась — ты хоть подчиненный, но как бы уже свой, немножко сроднившийся такой. То есть, ты можешь уже проходить, не спрашивая разрешения. Таким ты наделяешься правом. Ну так вот, а кроме этого — ничего [1].

Каждая локальная традиция вносит свои нюансы и коррективы в общую систему, никак не меняя ее сущности. Так, в некоторых частях почти весь груз уставных и неуставных обязанностей ложится на духов, а в задачу служащим вторые полгода вменяется лишь обеспечивать это: припахивать (заставлять работать) духов, следить за выполнением возложенных на них поручений[11]. Вообще оппозиция работа/праздность (и, соответственно, бдение/сон) является во многом определяющей в картине мира армейской субкультуры. Безделье, причем абсолютное, не разбавляемое даже приятными занятиями (что лишило бы этот поведенческий текст семиотической безупречности), и сон как высшая его ипостась занимают высшее место на аксиологической шкале. «Посвящение в "молодые" происходит как раз посредством лишения сна», — вспоминает М.Антипов, имея в виду ритуальное, традиционно особо жестокое припахивание новичков в первую ночь по прибытии в часть. Количество времени, проводимого в праздности и сне, увеличивается пропорционально возрастанию срока службы и одновременно является мерилом неуставного достоинства солдата: особенным авторитетом пользуются наиболее отъявленные *похуисты* — солдаты, умеющие с помощью хитрости или наглости не подчиниться приказу начальника и отлынить от работы, обеспечивая себе максимум времени для неуставного отдыха.

С переходом в черпаки, особенно после увольнения «своих» дедов (старших на два призыва), солдат сам поступает в разряд старослужащих, тем самым обретая патрицианские права и избавляясь от плебейских, точнее даже рабских обязанностей. Помимо права манкировать некоторыми видами уставных обязанностей (например, убирать казарму, будучи дневальным), служащий третьего полугодия может ходить в самоволки, пить спиртное. В этот же период он, становясь дедом «по должности», начинает припахивать младших на год — новых духов, заставляет их работать за себя. Служащий последние полгода, собственно дед уже «по званию», получает исключительные льготы. Он не делает практически ничего, не отдает чести прапорщикам и младшим офицерам (иначе будет лишен неуставного авторитета), не ходит на физзарядку, не участвует в сборе грибов и ягод для начальства. В одной из частей, расположенной за полярным кругом, только деды имели право заводить личного кота для согревания ног во время ночного сна. На вечерней поверке дед отзывается очень тихо, почти шепотом. В столовой старые получают лучшие куски, молодые обязаны отдавать им свои порции масла. «"Деды" и "дембеля" обычно при наличии "молодых" садились за столы с краю, как сержанты в учебных частях, и первыми получали мясо, рыбу, хлеб, компот. Если случайно старослужащему попадалась зеленая кружка, она могла полететь в голову раздатчику: зеленый цвет считался табуированным, пользуясь тюремно-армейским выражением, был "западло", потому, вероятно, что соотносился со вторым названием для "духов" — "зеленка"» [Юдин 1998: 32]. Кроме того, молодые, получавшие наряд в столовую, должны были воровать для своих старых куски мяса, готовить и приносить им неуставные блюда.

Помимо обрядов перевода и системы маркирующе-регулятивных элементов облика и поведения, неуставная иерархическая система поддерживается рядом

особых мероприятий, нередко ритуализованных. В некоторых частях существует обряд *вписки*: в первую ночь после прибытия новобранца заставляют «мыть все, что только находилось в казарме и примыкало к ней — пол, лестницу, умывальники и т. д. Все это составляло своего рода "ритуал" — любой солдат-новичок ни при каких обстоятельствах не смог бы его миновать» [5].

Известно поручение почистить туалет зубной щеткой, лезвием бритвы. При сильной дедовщине духам вменяется в обязанность чистить, стирать и гладить форму, пришивать подворотнички дедам. Традиционным неуставным «нарядом» является воровство с продовольственного склада продуктов для старослужащих.

Традиция припахивать молодых, как и конкретные виды работ, поручаемых им старослужащими, были, конечно, известны командованию (как, впрочем, и другие элементы неуставной культуры), что нашло документальное отражение в анкете, распространявшейся в начале 1980-х годов в одной из воинских частей с целью установить факты дедовщины. Вот один из ее пунктов:

Есть ли случаи, когда Вы выполняете обязанности по службе старослужащих:
– дневального по подразделению —
– часового на посту —
– уборщика —
– заправка за них постелей —
– стирка, глажка обмундирования — .

В свою очередь, для молодого, исповедующего ту же систему ценностей, считается престижным любым путем избежать припахивания:

Так, мне один там старый дал какое-то задание, а я там — наполовину сделал, наполовину не сделал. Вот так — увернулся. Вот это смак. Это смак для карася: вот так увернуться. Или высший смак <...> если тебя так считают более-менее таким парнем, то ты там можешь отшутиться от этого задания [1].

С понятием «припахивать» тесно соприкасается другое — *чморить* (*морить*). Под этим термином понимается система мероприятий по унижению и истязанию старослужащими молодого, издевательств над ним, наказаний за нарушение неуставных законов. Устойчивые претензии к новичку при этом не сводятся к сфере этикетных требований, но могут относиться и к самочувствию, настроению, бытовому поведению.

Его можно, полагается упрекать, если он «заморенный»: «Хуй заморенный, там, блядь, что, не высыпаешься, что ли? Или не наедаешься, что ли?». Еще есть такие дела: когда увидят, что ты очень много жрешь, тебя заставляют жрать еще больше. Навалят тебе какой-нибудь лапши или что-нибудь еще там. Несколько тарелок. И заставляют жрать [1].

Для чморения существуют и специальные приемы. Частые издевательства имеют вид обучения военной выправке, выносливости, сноровке, расторопности и т. д. «Молодых» бьют ремнем, если те плохо подтягиваются, заставляют раздеваться и одеваться за 45 секунд, вскакивать с постели и запрыгивать на нее по многократно повторяемой команде «отбой–подъем»:

Это служит не для того, чтобы кого-то научили раздеваться, хотя иногда об этом говорится, что, дескать: «Как вы медленно раздеваетесь», — в смысле: вы ни хуя не шарите раздеваться, вот мы, дескать, за тридцать успевали <...> «Так, отбой–подъем, отбой–подъем. А, так, ни хуя не успеваем! Еще раз: отбой–подъем, отбой–подъем». Кто-нибудь встает при этом <...> держать натянутый ремень: в тот момент, когда он прыгает, — а он уже в трусах, он разделся — щелкать по заднице, подщелкивать, так что он аж подскакивает [1].

Выполнение духом этой процедуры обозначается словом *летать*[12]. После отбоя молодых заставляют рассказывать дедам сказки, в некоторых частях — чесать им пятки, повсеместно распространено требование исполнять специальные колыбельные песни, причем в некоторых традициях это положено делать стоя на табуретке. Колыбельные начинаются словами:

Дембель стал на день короче, / Пожелай дедам спокойной ночи.
Спи, глазок, спи другой, / Спи, дедуля дорогой.

На вечерней поверке дух должен откликаться громким голосом, особенно если поверку проводит кто-то из старых.

Ты там напрягаешься со всех сил, орешь там: «Я!» — и наконец он удовлетворенно улыбается и говорит: «Головка от хуя» [1].

Разновидностью ритуальных издевательств являются невыполнимые поручения-розыгрыши (например, знаменитое «принести ведро трансмиссии»), а также просто глупые, унизительные для исполняющего поручения. Одно из самых распространенных — почистить кран в умывальне, обратившись к нему по полной уставной форме: «Товарищ краник, разрешите вас почистить». На это обычно отвечают: «Видишь, не блестит. Значит, плохо обращаешься», — и заставляют повторить (вариант — обращение к портрету министра обороны с просьбой разрешить почистить ему очки).

Одной из основных форм неуставного дисциплинарного воздействия на молодых со стороны старослужащих была и остается физическая расправа. Помимо серьезных избиений, нередко — коллективных, происходящих по жестокости старых или в случае из ряда вон выходящих *залетов* (провинностей) молодых, широко практикуются повседневные, как бы профилактические побои. Характерно, что взаимоотношения между старшими и младшими даже на этом уровне заметно ритуализованы и тяготеют к максимальной устойчивости и регламентированности форм. В сфере физических истязаний это выражается, во-первых, в существовании разработанной системы разновидностей ударов, каждый из которых имеет свое название и занимает свое место на шкале жестокости и унизительности; во-вторых, в более или менее регламентированном варьировании вида и силы ударов в зависимости от ситуации и характера провинности, в-третьих, в использовании определенных словесных формул, сопровождающих побои. Вообще профилактические экзекуции в армии любят обставлять как своего рода церемонии: так, в одной из частей приказ деда «залезай под лопату» или «залезай под табуретку» означал, что молодой должен встать «раком», после чего он получал, к примеру, десять «лопат» или «табуреток», т. е. ударов соответствующим предметом по заду.

Приведем обширный фрагмент из интервью, максимально полно иллюстрирующий все сказанное:

Эти удары, конечно, <...> неравнозначны, неравноценны ударам, которые в драке, потому что одно дело — когда ждешь ответа от того, кого ударяешь, другое дело — когда ты наверное знаешь, что ответного удара не получишь. Поэтому сам не бережешься. Ну, когда вот моришь, когда залетел карась или чего-нибудь такое... Ну, вот обычный такой — еще почему-то его называли «фанера». «Фанеру к осмотру!» — так <...> говорили. Это грудь. Или: «Грудь к осмотру!» — так говорят. Ну, то есть, ударяли в грудь. Это чаще всего. А у нас чаще всего — это «балдуха» — вот так вот оттянутым пальцем по голове. Причем были [«специалисты»] — это тоже своего рода легенды такие. Причем одну из этих легенд я сам застал еще в жизни. Был такой маленький-маленький <...> Фригин <...> на полтора года старше меня, сержант, старший сержант. Вот. Маленький такой, но какой-то очень жилистый такой, какой-то такой хитрый, какой-то ядовитый, ходил ухмылялся. <...> Вот, и у него была потрясающая способность давать балдухи. То есть, у нас был, например, Мулявичюс, литовец, из наших старых, — он тоже давал очень сильные балдухи, но он был зато вот такой вот, он был под этот потолок — он был такой здоровый, вообще, Муля его звали. Вот, это-то понятно. Но Фригин — он маленький, он такой, ниже меня... Он давал удивительные балдухи. Такие, что с трех балдух один парень упал в обморок. Вот с трех вот таких ударов пальцем по лбу... <...> Я был так наслышан про его балдухи, что чуть ли не с интересом подставил тогда свой лоб. Я еще духом был тогда, мне было интересно попробовать: ну-ка, а вот моя башка выдержит? Я слышал, что в обморок упал. Ну вот, если от Мулиных балдух (они очень были тоже сильные) вот с пяти становилось уже очень хреново <...>, то от его балдухи, от Фригина, — от первой же у меня все затрещало и закачалось в голове. Он маленький, маленький, и такой хитрый, и так спрашивает: «Ну чё, крепкий?». Еще какой вопрос мы пропустили важный: «Балдушку хочешь?». Ты должен сказать обязательно: «Хочу». <...> А потом он уже выберет в соответствии... или, там спросит: «Сколько хочешь? — ну, там. — Два? Ну, давай». Ну, в общем, это совершенно на его усмотрение. Он может рассердиться за то, что ты просишь одну: «А почему так мало?» — или может сказать: «Ну ладно, одну, так одну. А больше не хочешь?» — «Хочу еще». — «Ну, ладно, сегодня не получишь». Или, там: «В магазин балдушки привезли. Тебе два килограмма?» Вот такие вот разные варианты на этот счет. Потом еще был какой-то такой удар (опять-таки, это видимо, в прошлом, как мне кажется, он использовался чаще), который назывался «черепашка». Это нагнут голову и ударят сверху по шее. Это очень болезненно и очень как-то влияет на координацию, голова после этого кружится. Вот. Потом «в грудак» — это как бы такой честный удар все-таки. Это вот те старые, которых мы более или менее уважали, — они били в грудак обычно. А те, которые считались чмошниками, которых чаще называли все чмошниками, они били в солнечное сплетение. То есть, это уже как бы более подлый удар. В грудак может быть очень больно, например, там Фикс у нас был, молдаван такой — он очень сильный, он бил в грудак очень здорово. Но <...> мы, как караси, — мы все-таки предпочитали сколько угодно ударов лучше в грудак, чем сюда, естественно. Потом били еще по ногам, что тоже достаточно... Или ногами, там — уже когда пиздили так всерьез, тогда уже не разбирают, куда и что <...>. Куда-нибудь выведут, а дальше уже ногами шло и туда, и сюда, и куда попадет [1].

Надо отметить, что припахивание и чморение подразумевают не только собственно дисциплинарное, но и дидактическое воздействие на молодых: они де-

монстрируют аксиологические и поведенческие нормы. На это же направлен и ряд особых мер. Так, в набор регламентируемых традицией требований к молодому входит знание им «правильных» формульных ответов на ряд устойчивых вопросов или реплик, в чем проявляется ритуализованность вербального общения между молодыми и дедами.

> «Где служишь?» — «У дедушки на пасеке». Надо отвечать именно так, иначе за это ты будешь наказан. «Кем служишь?» — «Пчелкой». — «Как служба?» — «Служба — мед, служить охота». «Как служишь?» — еще был такой вопрос. Надо отвечать: «У-у-у!» и «махать крыльями» <...>. Объявляют благодарность, если человек рубанулся, чего-нибудь такое хорошее сделал: «Объявляю благодарность с занесением в грудную клетку!» — или «выговор с занесением в грудную клетку». А если тебе объявляют благодарность, то ты должен сказать: «Рад рубиться старым Заполярья!» <...> «Как дела?» — «Дела у прокурора, а у нас — солдатская жизнь» [1].

Как видно из приведенного фрагмента, не только предъявляемое к духам требование знать и по сигналу без промедления «озвучивать» определенные речевые формулы, но и само их содержание демонстрирует и утверждает подчиненное и неустойчивое положение новичков. Так, на выкрик дежурного после отбоя: «День прошел!» — сынки должны отвечать: «Хорошо, что не убили». Вопрошаемый в своих ответах свидетельствует верноподданническое («рад рубиться») и благоговейное отношение к «дедушкам», тяжесть («у-у-у!») и одновременно прелесть («служба — мед») своего армейского существования — разумеется, с проекцией на неуставняк. Кроме того, эти многократно воспроизводимые тексты очерчивают параметры существования молодого в армии: где служишь? кем служишь? как служишь? сколько тебе служить? Один из таких ритуализованных диалогов включает в себя ключевой вопрос самоидентификации: ты кто? — ответ на который определяет онтологический статус духа. Приведем этот яркий текст полностью:

> – Дух!
> – У-ý.
> – Ты кто такой?
> – Никто.
> – Сколько тебе служить?

Следующую реплику, по замечанию информанта, духу предписывается произносить жалобно и протяжно:

> – До хуя-а...
> – Что ты должен делать?

Следующая реплика, кроме заключительного обращения, представляет собой фрагмент популярной в 1980-е годы эстрадной песни и должна исполняться духом на соответствующую мелодию:

> – Радоваться жизни самой,
> Радоваться жизни с тобой
> Я не разучусь, если только рядом
> Рядом будешь ты,

Рядом будешь ты —
Мой любимый дедушка! [7]

Специальные приемы применяются и для того, чтобы новобранец скорее и отчетливее сориентировался во всех нюансах неуставной иерархической системы. Они представляют собой своего рода контрольно-обучающие задачи, обычно содержащие коварные подвохи. Служащие последние полгода, деды, близкие к дембелю, принимая грозный вид, требуют, чтобы дух «послал на хуй» или ударил находящегося рядом черпака, т. е. своего непосредственного патрона-дедушку. Разумеется, новичок, исполнивший приказ, подвергается жестоким побоям от «своих старых» (впрочем, тот же исход возможен и при неподчинении дедам). Другой вариант подобного тестирования: отслужившие год или полтора просят служащих второе полугодие приказать что-либо новичкам; последние же должны ни в коем случае не подчиниться, так как старшие на один призыв в данной традиции не имеют власти над ними. В случае неправильной реакции новобранца его не просто бьют, но при этом объясняют, почему и как он должен был поступить, формируя или уточняя таким образом представление неофитов о неуставных иерархических нормах.

Воспитание молодых является обязательным делом всех солдат, старших на два призыва (на год)[13]. Тот из старослужащих, кто не чморит и не припахивает духов, много теряет в глазах своих товарищей-однопризывников и рискует заслужить их презрение и попасть в положение отщепенца. Таким образом, в течение первого года службы солдат должен не только соблюдать все требования, предъявляемые к нему как к молодому, но и усваивать на примере своих воспитателей общие нормы и конкретные формы поведения старослужащего, готовя себя самого к роли дедушки.

Такое воспитание, суровое, авторитарное и при этом принципиально нацеленное на преемственность, воспроизводит традиционную модель мужского семейного воспитания (ср. наименования «сынок», «сын», «дед», «братан»[14]). Особенно рельефно это проявляется в тех частях (а таких, по-видимому, большинство), где существует институт индивидуального кураторства. Каждый черпак, с приходом в часть новой партии солдат-срочников, выбирает из них одного, который и становится «его молодым», а он, соответственно, — «его старым». Беря новобранца под свою опеку, дед получает на него исключительные права в плане припахивания (т. е. фактически получает личного денщика) и одновременно несет перед общиной индивидуальную ответственность за его воспитание, недостаточная результативность которого — если молодой начинает буреть — грозит, как уже сказано, потерей собственного авторитета.

При этом чем ближе дед подходит к моменту демобилизации, а молодой, соответственно, к концу первого года службы, тем в большей степени один видит в другом не безликого салабона-новобранца, а своего преемника.

В принципе уже такое мирное время, как бы немножко умиротворенное, не ожесточенное: новые духи еще не пришли, а старых карасей уже перевели в черпаки. Работают только вообще караси, те, кто являются карасями сейчас. А вот между молодыми лимонами и их бывшими старыми устанавливается такая вот дружба, они сидят вместе, пьют чай, там, старые рассказывают... [1].

На этом этапе межпоколенных взаимоотношений основную роль в поддержании высокого статуса дедовщины и обеспечении преемственности играют, как правило, не экзекуции, а вербальные практики: беседы о смысле неуставняка, о внутренней логике и воспитательной пользе дедовщины, рассказы о том, как служили раньше, как припахивали и чморили молодых в прежние времена и т. п (см. выше фрагмент о «легендарных» дедах — специалистах по битью молодых). Подобные рассказы, чаще мемораты, в совокупности с историями авантюрного характера являются, по сути, ни чем иным, как неуставным эпосом — существенным и функционально значимым элементом фольклорной традиции каждого воинского подразделения.

Между гражданским и армейским: символическое движение во времени

Анализ изменения облика солдата и его поведения, выявление констант содержания вербальных текстов, оформляющих и комментирующих это поведение, рассмотрение изобразительной эмблематики дембельских альбомов, армейских граффити и татуировок показывает, что весь период службы солдат-срочник пребывает в состоянии перманентного символического движения.

Попадая в часть, новобранец оказывается в максимально удаленной от возвращения из армии точке времени. Все дальнейшее существование постепенно приближает его к этому моменту — к моменту обретения свободы. Каждый новый ряд элементов внешнего вида, положенный на определенном этапе (расстегнутые крючок и пуговица, ослабленный ремень, изогнутая пряжка, ушитые брюки, перекрашенная шапка и т. д.), и поведения (невыполнение работ, невыход на зарядку, внережимные еда и сон и т. д) заключает в себе бóльшую по сравнению с предыдущим степень нарушения официальных требований. Эта логика поступенчатой коррекции знакового поведения срочников замечена А.В.Юдиным. «В общем можно сказать, — пишет он, — что смыслом изменений, сигнализирующих об определенном сроке службы солдата, было накопление и подчеркивание отклонений от уставных норм, показывающее, что человек постепенно выходит из-под контроля армейской системы, приближаясь вновь к вожделенной свободной “гражданке”. Таким образом, ритуальный смысл “неуставной” атрибутики в самом общем виде сводился (кроме установления внутренней иерархии среди военнослужащих) к постепенному возвращению еще недавно обритому наголо, обезличенному, нередко избитому и нравственно растоптанному призывнику облика “свободного человека”» [Юдин 1998: 30].

Эта же идея явственно прочитывается в большом количестве ритуальных текстов, в частности вербальных. Одной из традиционных форм включения вновь прибывших в неуставную систему, как уже говорилось, было задавание им вопросов, требующих строго формульных ответов. Об одном из вариантов этого инициирующего мероприятия рассказывает в своей курсовой работе М.Антипов:

> Свое первое знакомство с армейским фольклором мне удалось осуществить сразу же по прибытии из «учебки» в строевую воинскую часть. «Сколько служишь?» — ехидно обратились ко мне новые мои сослуживцы, по всей видимости — старослужащие. Я стал по порядку объяснять: призывался тогда-то, в «учебке» провел столько-то, — но

тут же вновь был ошарашен тем же вопросом: «Сколько служишь?!». В тоне, с каким вопрос повторился, уже чувствовались угрожающие нотки. «Только что с поезда», — послышался едва уловимый голос незнакомого солдатика (как выяснилось впоследствии, моего земляка). Я решил воспользоваться неожиданной подсказкой — чем черт не шутит — и пробубнил: «Только что с поезда...». А в голове вертелись воспоминания о призыве, о службе в учебном подразделении, о командировках, и все это подводило меня лишь к одной мысли: «с поезда»-то я уже давно, скоро полгода будет. Но мою логическую цепочку вновь прервали: «Вот так, салабон, понял, как нужно отвечать дедушке?!». Тут инициативу перехватил второй старослужащий: «Ну, салага, повтори!!» [5].

Помимо точно обрисованных ощущений «ошарашиваемого» новенького и манеры обращений к нему старослужащих, этот рассказ примечателен еще и тем, что в нем чрезвычайно точно обрисована предлагаемая солдату неуставняком новая система жизненных координат, осью абсцисс которой является срок службы, осью ординат — положение в неуставной иерархии, а точкой отсчета (своего рода «абсолютным нулем») — момент попадания в часть в статусе салаги. Поведение старослужащих, как видно из рассказа, подчеркивает: именно в часть, а все предыдущее прослуженное время как бы аннулируется, и в этом весь смысл подвоха, содержащегося в вопросе. Вступающий в солдатскую неуставную общину неофит собственно потому «салабон» и «салага», что он «только что с поезда», т. е. символический срок его удаленности от оставшейся в прошлом гражданки равен нулю, а если это на самом деле не так, то действительность подлежит безжалостной корректировке ритуалом.

Сопоставим приведенное свидетельство с другим, касающимся позднейшего периода службы. «На вечерней поверке, если на ней не присутствовали старшие офицеры, "дембеля", услышав свою фамилию, не отвечали "я!", а говорили "на чемоданах" или "поезда ждет!"» [Юдин 1998: 32]. Если для духов все меряется величиной временного отстояния от момента прибытия с гражданки («потерянного рая») на службу и этим определяется их статус, то для дембелей ситуация строго обратная: их положение соотнесено с моментом убытия со службы на гражданку («возвращенный рай»). Причем как в первом, так и во втором случаях подчеркивается предопределенность, радикальность и одномоментность совершенного / имеющего совершиться перехода: два года назад солдат был «только что с поезда», а теперь он с минуты на минуту «поезда ждет». Неуставная символическая картина течения времени не знает переходных периодов.

Гражданский говорит на вечерней поверке, если офицер <...> там, спрашивает: «Кирилюк!» — «Переночую». Это уже такой чисто гражданский ответ. То есть сегодня переночую, а завтра уже — хуй знает, может быть, уйду... [1].

Подобно тому как за духом не признается времени, проведенного в учебке, в карантине, в командировках и пересылках, дембель, для которого срок от выхода Приказа до момента увольнения может растянуться до трех месяцев, каждый день намерен только переночевать в казарме, «а завтра уже...» отправиться домой. Та же логика символического исключения временного зазора между Приказом и отъездом на гражданку определила и альтернативные варианты наиме-

нований служащих последние недели — «квартиранты» и «гражданские». Дембель — «в своем роде трансцендентный армии субъект, мысленно соотносящий себя с гражданским обществом на законном основании» [Банников 2001: 116].

Кстати, столь настойчивое упоминание поезда в различных текстах тоже не случайно. *Дембельский поезд* — один из важнейших элементов неуставной эмблематики, символизирующий возвращение со службы на гражданку. Поезд, выезжающий, как из тоннеля, из армейского сапога; поезд, прибывающий на вокзал с надписью «Ленинград»; поезд за окном комнаты, в которой девушка встречает вернувшегося со службы солдата, — таков далеко не полный перечень использования этого образа в сюжетах рисунков на *прокладках* в дембельском альбоме. Поезд и/или прочие элементы железнодорожной топики (вагон, тамбур, вокзал, рельсы) упоминаются почти во всех солдатских фольклорных песнях, посвященных теме дембеля, составляющих обширный корпус так называемых *дембельских песен*. Широкое распространение имеет обычай заставлять духов изображать для дедушек дембельский поезд: один участник действа изображает движение локомотива, другой его озвучивает и по порядку объявляет названия станций остановки, начиная от ближайшей к месту расположения части.

Практически все ритуализованные мероприятия, оформляющие последнее полугодие службы, также муссируют тему неотступного приближения дня демобилизации. На крик дежурного: «День прошел!» — старики отвечают: «Ну и хуй с ним!». Еще один обряд последнего полугодия носит название «весну (осень) выгонять»: сынки машут в окна простынями и произносят заклинание: «Весна, уходи», — что также символически сокращает оставшийся старым до последнего приказа временной отрезок. Жесткой временной приуроченностью отличается праздник *стодневки*, отмечаемый ровно за сто дней до приказа об увольнении в запас солдат данного призыва. В эту ночь солдаты, как правило, устраивают большое застолье и пьянку. Дополнительное сегментирование заключительного периода службы усиливает ритуальный эффект ускорения времени.

Та же логика заложена в традиции ежесуточного отсчета дней, оставшихся до конца службы. У духа или карася могут в любой момент спросить: «Сколько мне осталось?», «Сколько дней и ночей?», «Сколько звезд на небе?», «Сколько масла (сахара, яиц)?» (в качестве ответа в последнем случае предполагается произведение количества оставшихся деду дней и дневной нормы соответствующего продукта). Вопрос, начинающийся местоимением «сколько», подразумевает один и тот же ответ, а в предельном варианте он может состоять из одного этого слова — такова степень его терминологичности в данном культурном контексте (ср.: «Сколько?, вопрос, задаваемый молодому солдату — “Сколько дней осталось ‘деду’ до приказа о его увольнении в запас?”» [Лихолитов 1998: 227]). В незнании духом правильного ответа на этот сакраментальный вопрос видится безразличие к тому, что составляет для дедушки главный нерв его армейского существования последних месяцев службы, поэтому в некоторых частях эту провинность считают особенно серьезной — она может повлечь за собой суровое наказание.

Он ошибся на четыре дня. Я переворачиваю табуретку, говорю: «Вставай». Он уже знает, что это такое, его уже пробивали <...> Вот, раскручиваешь ремень, и по жопе — раз, раскручиваешь опять — два, раскручиваешь опять — три, и четыре: четыре раза» [2].

В некоторых традициях молодой должен каждый день вышивать заветное число на подворотничке у своего дедушки. После исполнения старому колыбельной его карась должен объявить: осталось столько-то дней. Старослужащие обычно заводят календари, в которых ежевечерне вырезают бритвой квадратик с прошедшим днем. Иногда вместо этого делаются зарубки на дереве. Таким образом, в последний год (а особенно — в последние полгода службы) прагматика ритуально-символического поведения солдат все более концентрируется на приближении к моменту демобилизации.

Приближение к гражданке сказывается в изменении онтологического статуса солдата. Как уже говорилось, семиотика поведения дембеля выражает высшую степень неподчинения уставным требованиям, полное «погружение» в неуставняк. Заметим, однако, что все дембельские поведенческие нормы амбивалентны: они прочитываются как знаки его (дембеля) неподлежания в равной мере как уставной, так и неуставной системам, т. е. положения вообще вне армейского мира. Так, дембель старается по возможности не подчиняться командирам, т. е. игнорирует требования уставной дисциплины, — но он же и не чморит молодых (опять же, по возможности), тем самым выказывая полное безразличие и к дисциплине неуставной. В дембельский период ритуальное безделье солдата достигает высшего градуса: кроме *дембельского аккорда*[15], он не участвует в общих работах (чему часто не противятся и офицеры), но уважающий себя дембель при этом и сам не припахивает солдат первого года, по крайней мере без особой надобности.

Вообще, по мере приближения к моменту демобилизации, увеличивается не только степень свободы в рамках системы неуставных отношений, но постепенно обретается и свобода от самой этой системы, свобода высшего порядка: право проявлять свою человеческую самость, противопоставлять армейской, в том числе и неуставной, обезличке собственную индивидуальность. Это сказывается прежде всего на возможности выбора нюансов поведения в этикетной сфере в соответствии с особенностями своего характера, собственными привычками и пристрастиями.

Когда уже свои увольняются, то есть буквально уезжают, наоборот, там, ходят по неделе грязные: «Никто больше меня... никто этот воротничок не посмотрит и пизды не даст. Похуй». Ну потом уже, ближе к дембелю, когда вот этим насытились, — опять-таки уже, все зависит от характера — один там подшивается, другой не подшивается [1].

Право на индивидуальность, обретаемое солдатом в процессе службы, проявляется не только в его собственном сознании и поведении, но и в отношении к нему других: его начинают замечать и оценивать как конкретного человека, а не как безликого духа.

Если ты, там, чики, чики-парень, там, вот такой уже свойский в доску и уже сдружился, то тебе разрешат расстегиваться хоть до пупа. Вот. А если тебя не слишком любят, не слишком жалуют, то тебя одергивают: «Хули? Хули расстегнулся?». Вот. То есть для кого-то эти правила применимы, для кого-то нет. Это все зависит, зависит

уже от индивидуальности. Индивидуальность — чем дальше ты служишь, тем больше твоя жизнь становится производной также не только от твоего положения, но и от твоей репутации, как среди товарищей, так и среди всяких офицеров и прапоров [1].

Однако существует и обратный вектор символического движения срочника во времени. С течением времени солдат осознает себя (и воспринимается окружающими) не только более свободным от армейской системы, но и более «своим» в ней, более ей сопричастным. Традиция предписывает старослужащим подчеркивать эту искушенность, всячески позиционировать свой статус «служилого человека». Это во многом связано с распространенностью и устойчивостью представления об армии как о «школе жизни», «школе настоящих мужчин», через которую «должен пройти каждый». Примечательно, что данная идеологема великолепно проецируются и на неуставняк, проповедующий, казалось бы, наоборот, неприятие пропаганды армейских ценностей, рисующий идеалом праздную и свободную жизнь. Как же происходит это парадоксальное сопряжение? Дело в том, что обилие неуставных мытарств первого года службы восполняет собой отсутствие тех «тягот и лишений», которых ждут от армейской жизни многие новобранцы, составившие свое представление об армии по фильмам, книгам, телепередачам и газетным статьям (по крайней мере, таковым было положение вещей в доперестроечный период). Функция тяжелых инициальных испытаний «школы жизни» переносится в сферу дедовщины. «И причем считалось, что эти (неуставные. — *М.Л.*) трудности — они как бы укрепляют мужчину, выковывают мужской характер» [1].

Тезис, что «каждый должен это пройти», получает в неуставном понимании особое значение, связанное с преемственностью статусов молодой–старый. Когда по прошествии года службы качественно уменьшается степень зависимости солдата как от армейских начальников, так и от старших сослуживцев, когда он получает право на относительно вольготную жизнь и власть над другими, эта перемена осознается как закономерная, выслуженная, выстраданная тем бесправием, трудом, унижениями, которые вынес солдат за первый год; он «отстрадался», и те духи, которых он сам теперь чморит, тоже «должны все это пройти», чтобы через год получить свои заслуженные права и льготы, — такова этическая концепция неуставняка. «Год отлетаешь — тащишься, еб твою; свое отработал» [4].

При этом, как отмечалось выше, многие формы чморения и припахивания направлены на то, чтобы сделать из новичка «настоящего солдата» во вполне «уставном» смысле слова: заставить выполнять спортивные нормативы, правильно и в срок исполнять режимные требования, четко соблюдать уставные формы обмундирования и общения со старшими по званию. Чем дольше служит солдат-срочник, тем выше степень его искушенности в службе, тем выше его армейский статус.

Готовясь к отбытию из части, солдат символически присваивает себе знаки этого новообретенного им качества военного, точнее — армейского человека. В последние месяцы службы старые готовят себе парадную форму для увольнения — *оборудуют парадку*. В свете сказанного выше о стремлении солдата скорее

перейти в гражданское состояние странным представляется само желание ехать домой в надоевшей форме, а не в штатском. Если же рассмотреть, в чем состоят изменения, вносимые в типовую парадную солдатскую форму, то нетрудно заметить, что они направлены на концентрацию армейской атрибутики и знаков воинского достоинства. В качестве головного убора особенно котируется фуражка, изогнутая на манер тех, что были у немецких солдат второй мировой. На плечи парадного кителя пришиваются погоны других, элитных, родов войск, из которых самыми престижными в 1970–1980-е годы считались войска КГБ, десантные и ракетные; особый шик — уволиться в прапорщицких или офицерских погонах. В некоторых традициях обязательной деталью парадки является аксельбант, изготовляемый саморучно из веревок или казенный, добываемый через знакомства. На рукава нашиваются шевроны. Грудь увешивается наградными значками 1-й степени. По краю кителя и по обшлагам рукавов пришивается кантик из шелкового шнура или провода в белой изоляции. Брюки максимально зауживаются (ушиваются). На каблуки сапог набивается металлическая подковка. Очевидно, что все эти детали, особенно взятые в комплексе, призваны приблизить надевшего парадку к стереотипному образу подтянутого военного, героя, молодца и щеголя, «отличника военной службы», а вовсе не распущенного дембеля-похуиста.

Интенция конструирования образа удалого воина видна и в дембельских альбомах, где рядом с фотографиями, запечатлевшими неуставные доблести (с бутылкой водки у ворот части, с девушкой у ракетной позиции и т. п.), помещаются те, что изображают хозяина альбома в задымлении, в окопе — одним словом, находящимся «на боевом посту», подверженным суровым испытаниям воинской службы.

Таким образом, символическое движение солдата во времени происходит в двух противоположных направлениях: от гражданского состояния к армейскому и от армейского состояния к гражданскому. К моменту демобилизации движение это достигает своего предела. Статус вчерашнего дембеля по увольнении двойствен: абсолютно свободный, всецело гражданский человек — и закаленный воин, лихой армейский служака. На психологическом уровне эта двойственность проявляется в том, что многие демобилизовавшиеся срочники первые недели или месяцы по прибытии со службы домой, наслаждаясь свободной и насыщенной удовольствиями гражданской жизнью, ощущают наряду с гордостью и самодовольством растерянность, неловкость и опустошенность, о чем свидетельствуют многие воспоминания — вне зависимости от того, «принимал» ли для себя их автор неуставную систему ценностей в период службы.

– Как ты мог сразу общаться, когда вот пришел с армии, с людьми?

– Нет.

– Вот как-то дико, и чё разговор — только можешь про армию рассказать. Как-то все отключается, ничего не знаешь... [2, 3].

Имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют сделать очерк только письменного армейского фольклора — фольклорные тексты, имеющие устную форму бытования, пока что не записывались и не публиковались в достаточном количестве[16]. Письменный солдатский фольклор — достаточно замкнутая сфера: в этой связи характерно, что функциональное жанровое определение одного из видов армейской афористики — тост — фиктивно: афоризмы записываются в блокнотах и практически никогда в качестве тостов не функционируют — вообще в устной речи тексты из армейского блокнота, видимо, могут появиться лишь в качестве цитаты.

Основу армейского репертуара составляют разнообразные афоризмы, лирические миниатюры и пр., которые солдат или курсант записывает в блокноты и выборочно воспроизводит в дембельских альбомах. По свидетельствам информаторов, ведение блокнота, так же как и изготовление альбома, обязательно для каждого солдата или курсанта и идентифицирует его как члена общности; соответственно, пренебрежение этой традицией воспринимается как вызов сложившимся в армейской среде обычаям и возможно только как выражение сознательного протеста против диктата этих обычаев, справедливо ассоциирующихся с «духом армии».

Отражение коллективного опыта в афоризмах, совокупность которых составляет тезаурус общества в целом или какой-либо из ее групп, не является чем-то уникальным. Интерес к афористической «мудрости», характерный, по-видимому, именно для массовой культуры XX в., затрагивает как профессиональную культуру (ср. издания типа «В мире мудрых мыслей» или отрывные календари), так и фольклор: близкие к армейскому блокноту формы обнаруживаются в детской традиции, тюремном репертуаре. Однако если афоризмы из девичьего альбома претендуют на универсальное значение, затрагивая общечеловеческие темы (прежде всего, отношения между полами и этическую проблематику), то армейская афористика направлена на создание картины мира солдата, на идентификацию лирического героя этих произведений как члена армейской общности. Единственное заметное исключение с функциональной точки зрения составляет «женская» тема, богато представленная в армейской афористике, однако не подлежит сомнению и то, что образ женщины исключительно важен для армейской картины мира, является ее неотъемлемой частью. Кроме того, специфика разработки женского образа, о которой речь пойдет ниже, выполняет по отношению к образу лирического героя армейской афористики ту же идентифицирующую функцию, парадоксально сочетая наигранно циничное отношение к женщине с трепетно-романтическим: очевидно, что первый вариант реализует стереотипы «гусарского» поведения, второй конструирует идеализированный образ юноши, волей судьбы вынужденного жить вдали от своей возлюбленной.

Итак, солдатский (курсантский) блокнот — основная форма бытования текстов письменного армейского фольклора. Блокнот не следует путать с так называемым дембельским альбомом, изготовляемым специально к моменту увольнения. Их прагматика различна: если блокнот является своеобразным «аккуму-

лятором» солдатской традиции, то основное предназначение альбома — «память о службе»[17]. Дембельские альбомы заполнены фотографиями (имеющими в большинстве своем формульный характер), адресами сослуживцев и т. д. Основной композиционный принцип дембельского альбома — движение от начальных этапов службы к заключительным, что отражено в характере фотографий: более поздние фотографии должны демонстрировать все большую и большую «включенность» владельца блокнота в армейскую жизнь, обретение им уверенности, удаль (такое значение имеют фотографии, изображающие владельца блокнота верхом на боевой ракете, с девушкой на коленях — у колючей проволоки и т. п.). Различные рубрики дембельского альбома отделяются друг от друга рисованными листами — так называемыми «прокладками», изображение на которых носит эмблематический характер.

Тематика армейского афоризма

Отграничение армейской общности. На самых первых страницах армейского блокнота появляются тексты, декларирующие существование особого армейского опыта, к которому нельзя приобщиться «непосвященному», не прошедшему службу в армии.

Кто не был солдатом, кто пыль не глотал,
Кто в дождь и пургу на посту не стоял.
Он разве мужчина? Он жизнь не видал.
Спокойно под маминым крылышком спал.
Он эти строки не должен читать.
Солдатские письма ему не понять [8].

Солдат может вести диалог лишь с теми, кто отслужил в армии, или с женщинами, которым и не положено служить. Мужчина, в армии не служивший, представляется существом, нарушающим «нормальную» картину мира: упоминаясь на первых страницах блокнота, эта фигура в дальнейшем нигде в армейском фольклоре не фигурирует.

Специфика армейской жизни. Оценочная направленность текстов, рисующих армейскую жизнь, способна произвести странное впечатление в силу своей резкой парадоксальности. Официально-пропагандистские клише, представляющие армейскую службу как «почетную обязанность» и акцентирующие большую общественную значимость солдатской миссии, могут как полностью приниматься, так и полностью отвергаться армейским фольклором. Ср.: «Роза быстро вянет в вазе, / А солдат в противогазе» [8] и, с другой стороны: «Чтоб слез не лили милые глаза, / Чтоб матери от горя не седели / И не назрела новая война, / Надели мы солдатские шинели» [Райкова 1994: 83]. И.Н.Райкова, справедливо указывая на утопичность «гражданки» и антиутопичность армии, объясняет разительную внутреннюю противоречивость в оценке армейской службы тем, что «только армия обеспечивает существование идеализированного мира “гражданки”», и резюмирует: «Будет неверным считать, что фольклор солдат пропитан духом ненависти к армии» [Райкова 1994: 83]. Однако ситуация представляется более сложной. Прежде всего, картина мира в армей-

ском фольклоре не обладает абсолютной цельностью, сочетание отчетливого негативизма с пропагандистскими клише свидетельствует о ее эклектичности, и любые исследовательские попытки примирить эти противоречия, синтезировать внутренне целостную оценочную структуру неизбежно будут несколько натянутыми. В то же время воспроизведение формул официальной пропаганды отнюдь не снимает общего негативного отношения к армейской службе (об этом свидетельствует даже количественное соотношение текстов негативного и позитивного содержания)[18]. Тем не менее тексты, положительно оценивающие службу в армии, достаточно интересны сами по себе. Указанный Райковой мотив — необходимость армии для существования утопического мира «гражданки» — лишь одно из возможных обоснований важности армейской службы. В большей степени распространена иная мотивировка, так сказать, интериоризирующая значение армейской службы: «Запомни истину одну, / О ней слагаются былины: / Уходят в армию юнцы, / А возвращаются мужчины» [9]. Здесь не идет речь о необходимости выполнения «почетного долга» для блага страны. Армия воспринимается как инициирующая система, в которой солдат подвергается физическим испытаниям, обретает новый духовный опыт, становится полноправным членом мужского коллектива, находит настоящих друзей. Сочетание этих обстоятельств приводит к возникновению эпических реминисценций (ср.: «слагаются былины»). Значение армейской службы может обосновываться и тем, что солдат, в отличие от неслужившего человека, лучше понимает ценность свободной жизни. Характерно, что такая позиция не предполагает позитивного отношения к службе: «Мы не забудем все те годы / И цвет казарменной стены. / Кто не терял хоть раз свободы, / Тот не поймет ее цены» [8]. Доблесть солдата состоит именно в способности сопротивляться невзгодам, с которыми сопряжена армейская служба, — вопрос об их осмысленности, как правило, не возникает.

Итак, основное значение армейской службы, ее важность заключены в трудностях, которые приходится пережить солдату; они выполняют инициирующую функцию и позволяют лучше осмыслить внеармейские ценности — свободу или, например, материнскую любовь: «И вот когда я стал солдатом, / Я до конца сумел понять, / Как здорово и свято / Это простое слово "мать"» [8]. Представление о важности и осмысленности армейской службы, отражающее официозную идеологию, таким образом, оказывается оттесненным на далекую периферию армейского фольклора. Функция солдатской службы определяется прежде всего по отношению к самому солдату; понятие о периоде пребывания в армии как об инициации (в самом широком смысле) торжествует.

Образ солдата. Уроки армейской жизни тяжелы; «преодоление», «сопротивление» — лейтмотивы армейской афористики. Соответственно выстраивается и образ лирического героя: он — постоянная жертва, период его службы (начиная с момента призыва) характеризуется тотальным произволом со стороны офицеров, дедов, самого государства, обрекшего молодого человека на двухгодичное пребывание вне «нормальной» жизни. Характерно, что при описании момента призыва всячески подчеркивается — и при помощи языковых средств — беспомощность лирического героя, выступающего не субъектом, а объектом в происходя-

щем событии («Ты помнишь, друг, как мы гуляли: / вино, девчонки, кабаки, / А вместо этого мне дали / ХБ, портянки, сапоги»; «И в этот день хотелось нам домой, / Ну а в повестке: “Годен к строевой”»; «Я жил спокойно, вдруг — повестка» и т. п.).

Ощущение собственного бессилия не оставляет солдата и во время службы; его активность, возможность влиять на происходящее ничтожны. Время армейской службы заполнено бессмысленной деятельностью, и основное желание солдата заключается в том, чтобы это время пролетело как можно быстрее. Поэтому так важен для армейской афористики мотив сна («Запомни сам и передай другому: / Чем больше спишь, тем ближе к дому»). Неизбежный ход времени приносит с собой и позитивные последствия: каждый прожитый день приближает солдата к демобилизации, понимание этого одновременно и поддерживает его силы («Дембель неизбежен, — сказал салага, вытирая слезы половой тряпкой»), делает особенно непереносимым ожидание[19].

Таким образом, с момента призыва солдат становится винтиком в механизме, на работу которого он абсолютно неспособен повлиять. Личность самого солдата нивелирована («Здесь нет людей — одни солдаты»), он тотально зависим от воли своего командира и — в целом — от работы армейского механизма. Афоризмы дают несколько вариантов реакции солдата на придирки и несправедливость со стороны офицеров: один из них — демонстрация внешнего повиновения, за которым скрыт внутренний протест большой эмоциональной силы.

Нас могут здесь назвать собакой
И наплевать на нашу честь
А мы в душе пошлем их на хуй
И все равно ответим: «Есть!» [9];

Сижу я на нарах в темнице сырой.
Темница сырая зовется «губой».
За что посадили, я сам не пойму.
Подумаешь, на хуй послал старшину [8].

В ироническом варианте придирки со стороны начальства приравниваются к опасностям чисто военного характера.

Под деревом в Питере
Парнишка лежал
Не пулей сраженный —
Сержант заебал [9][20].

Одно из важнейших следствий отстраненности и бессилия солдата состоит в том, что его переживания загоняются вглубь, эмоции делаются более потаенными, создавая контраст между обезличивающей «функциональностью» солдата и напряженностью его духовной жизни.

Солдаты плакать не умеют
Они хранят печаль в себе
Их слезы только выступают
Горячим потом на лице [8].

Образ солдата, богатый внутренний мир которого скрыт за скупыми внешними проявлениями (стереотип психологического изображения, находящий близкие аналогии в жестоком романсе и рукописном любовном рассказе), контрастирует с образом солдата-богатыря: агрессивного и бесшабашного. Противоположность этих образов нисколько не мешает тому, что тексты, презентирующие их, сосуществуют на страницах армейского блокнота. Солдат-богатырь опасен для окружающих, а одно из проявлений его богатырского начала — пьянство («Гуляй, стройбат, / Балдей, танкист, / Пока не пьян парашютист»; «Лучше броситься под поезд, чем встретить пьяного ракетчика»). Характерно, что лихачество и удаль часто приписывают служащим определенных родов войск, что порой приводит к созданию иерархической системы: «Говорят, что пьяный десантник страшнее 10 танков, но пьяный ВВшник (солдат внутренних войск. — *Е.К.*) страшнее 10 десантников» [10][21].

Тексты, и содержащие профессиональное, «цеховое» самоопределение, и характеризующие вообще солдата или курсанта, могут рисовать и образ, в большей степени знакомый по студенческому фольклору — веселого гуляки, любящего выпивку и всячески отлынивающего от работы[22]. Своеобразие этих текстов среди других армейских афоризмов состоит, в частности, в том, что в них солдат не только не противостоит армии как системе, что является общим местом в письменном солдатском фольклоре, но, напротив, формирует армейскую атмосферу, основной характеристикой которой в этом случае оказывается все та же безалаберность: «Когда на земле устанавливались порядки, авиация была в воздухе; когда и там стали устанавливаться порядки, она опустилась на землю» [11].

Женщина и любовь в армейском фольклоре

«Женская тема» — единственная из не-армейских, «общечеловеческих» тем, сколько-нибудь полно развитых в армейской афористике, хотя ее разработка также имеет отчетливый армейский привкус. Большой удельный вес произведений, посвященных этой тематике, позволил И.Н.Райковой категорично заявить об «общей направленности фольклора солдат на противоположный пол»; «солдаты пытаются общаться со своими подругами на свои (армейские, мужские) темы, но как бы на их (гражданском, девичьем, детском) языке» [Райкова 1994: 77, 91][23]. Однако «гражданский» язык — и это, кстати, показывает сама Райкова, — является единственно возможным для самих солдат, воспринимающих армию как «два листа, вырванные из книги жизни на самом интересном месте», и проводимое автором отождествление «гражданского» с «девичьим» вызывает определенные сомнения. Конечно же, коммуникативная модель, описанная Райковой, предусматривается структурой армейского блокнота и часто воспроизводится в реальном бытовании текстов — так, нередки ситуации, когда солдаты посылают эти тексты в письмах своим возлюбленным или приятельницам, — но в то же время представляется более верным определить общую направленность солдатского фольклора именно с точки зрения картины мира, которую он конструирует, что не исключает и иных функций. Кроме того, в концепцию Райковой, очевидно, не вписывается большое количество текстов, отличающихся нарочи-

тым, наигранным цинизмом и воссоздающих «гусарскую» модель поведения и отношения к женщине. Женщина в этих текстах предстает развращенным и непостоянным существом («Если за всю ночь девушка не назвала тебя нахалом, то наутро она назовет тебя ослом» [12]; «Любовь — это костер: пока не бросишь палку, не разгорится» [12]), и проявление цинизма, превосходящего цинизм женщины, — единственный способ не уронить своего достоинства и уберечься от душевных ран, которые она может нанести («Не гонись за девчонкой, как за уходящим автобусом, ведь за ним неминуемо придет другой» [12]; «Женщина — это крапива. Взять ее осторожно — обожжешься. А схватишь сразу и смело — она теряет силу» [11]). Женская развращенность, принимаемая в армейском фольклоре за абсолютную догму, оценивается в то же время неоднозначно. Измена девушки вызывает презрение: «Если тебе изменит девушка, отколи полкопейки, положи в конверт и напиши: “Оцени себя и вышли сдачу”» [Райкова 1994: 89]. Но в то же время девушка — один из центральных образов утопического мира «гражданки», и именно мотив женской развращенности придает этой утопии ярко выраженный эротический оттенок. «Девушка — это цветок. А цветок красив, когда он распущен. Так выпьем же за распущенных девушек [12]»[24]. В афоризмах, где речь идет о возлюбленной солдата, оставшейся на «гражданке», все тот же наигранный цинизм имеет явный трагический подтекст: лирический герой абсолютно не верит в верность своей девушки.

Когда девчонке восемнадцать,
А парню дембель через год,
Ему не стоит волноваться:
Она его уже не ждет [8].

Представляется, что именно образ «девушки» в солдатской афористике концентрирует весь набор символических значений, присущих «гражданке» в целом. Утопический мир, вдали от которого пребывает солдат, живет своей жизнью; забыв о самом существовании юноши, насильно изолированного от него, он не хранит ему верность, — чтобы по возвращении повзрослевший герой восстановил свою власть над ним[25].

М.Н.Эпштейн, характеризуя жанр афоризма, утверждает, что он «может тяготеть либо к поучительной однозначности <...> либо к парадоксальной многозначности» [Эпштейн 1987: 45]. Армейская афористика, очевидно, принадлежит к первому типу (что не исключает порой достаточно высокого художественного уровня этих произведений). Конструируемая армейским фольклором картина мира состоит из двух противостоящих сфер — армии и «гражданки» (своего рода антиутопии и утопии), которые можно соотнести, причем каждая из этих сфер описывается с помощью небольшого числа атрибутов, имеющих эмблематический характер: с одной стороны, это сапоги[26], портянки, военная форма, погоны, автомат; атрибуты «гражданки» — красивые девушки, цветы, вино, теплая постель, домашние тапочки. Эмблематические пары сталкиваются в соответствии с законами параллелизма — таков основной принцип построения текстов, характеризующих специфику армейской жизни.

У вас весна — у нас весна.
Одни и те же даты.
У вас в руках бокал вина,
У нас же автоматы [8].

Вот мы придем домой, ребята,
И будут нам светить тогда
Не звезды на погонах у комбата,
А звезды на бутылках коньяка [8].

Со-противопоставление может принимать особый характер в текстах с «фиктивной» первой строкой: («Роза быстро вянет в вазе, / А солдат в противогазе» [8]; «Цветы цветут в садах, / А юность гибнет в сапогах» [9]). Однако и здесь первый элемент сравнения (цветы) — атрибут из мира «гражданки». Парадоксальное несходство норм армейской жизни и обычных, не-армейских, гражданских представлений обыгрывается в каламбурной форме. Основой для игры слов может становиться как армейское арго («Только в армии молодой хочет стать старым» [8]), так и формальная армейская терминология («Девушка отдает честь 1 раз, а солдат 1,5 года» [8]).

Армейский фольклор часто эксплуатирует форму переделки, широко распространенную в разных пластах современного фольклора. Эстетический потенциал переделки состоит во взаимном пересечении исходного и «перекодированного» текстов, каждый из которых воспринимается через другой и по контрасту с другим. Мечта о возвращении в утопический мир «гражданки» осмысляется через пушкинские строки.

Ты верь, солдат, взойдет она,
Звезда пленительного счастья.
Настанет дембель, и тогда
Заплачет девушка от счастья

[Райкова 1994: 85].

Романтизированный тон переделки утрируется благодаря тому, что последняя строка рисует ситуацию, вопиюще противоречащую картине мира, представленной в армейском фольклоре. Относительное многообразие жанровых форм, стилизуемых армейским фольклором, не следует переоценивать. Армейский афоризм может приобретать форму частушки («Самоволка, самоволка, / Что хорошего в тебе. / Пять минут я на свободе / И пять суток на "губе"» [8]), тоста, дефиниции (напоминающей как литературные афоризмы эпохи Просвещения, так и строку из армейского устава), однако прагматика различных жанровых форм представляет собой фикцию: частушки не поются, а тосты не произносятся во время застолья, не говоря уже о прагматике такого жанра, как солдатская молитва. Мы имеем дело со стилизациями, занимающими исключительно важное место в армейском фольклоре.

Армейские «маразмы»

Армейские *маразмы* — жанр общеизвестный, и, может быть, именно его широкая популярность осложняет решение вопросов, связанных с его бытованием.

Публикации — почти исключительно популярные — армейских маразмов формируют вполне солидную эмпирическую базу, однако фольклористические данные об устном бытовании этих текстов практически отсутствуют. Не исключено, что и устное, и письменное бытование «маразмов» связано не столько с армейской средой, сколько с военными кафедрами высших учебных заведений. Рукописные сборники «маразматических» высказываний офицеров составляются главным образом студентами, посещающими занятия на военной кафедре, и другими штатскими людьми, попавшими на военные сборы. Аналогичные списки речевых ошибок преподавателей составляют школьники и студенты, сходные с ними подборки оговорок публиковались в «Крокодиле» в рубрике «Нарочно не придумаешь». Но только ситуация военной кафедры, общая для студентов большинства вузов, позволила выделить эти записи в особый текст, постоянно дополняемый и бережно хранимый. Подобное внимание именно к «военному делу» начинается у школьников с занятий НВП (начальной военной подготовки).

В небольших количествах «маразмы» проникают на страницы солдатских блокнотов, а некоторые из них — прежде всего, хрестоматийное «Копать будем от забора и до обеда» — встречаются и в устном бытовании, выступая в качестве иронической формулы, обобщенно описывающей «дух армии». Вообще «маразмы», как правило, цитируют с указанием конкретного человека — «как говорил наш майор на сборах...». Есть легендарные личности, которым приписывают авторство некоторых выражений.

Общим для «маразмов», пожалуй, является потеря говорящим причинно-следственных связей, свойственных для обыденного мира («Что у вас нос красный, как огурец?»). У военного человека, утверждает «маразм», логика совершенно иная. Одна из особенностей речи военных — стремление к афористичности речи и к тому, чтобы самое общепонятное и естественное было выражено в виде уставной формулировки («Расстояние между ногами — один шаг»; «Ядерная бомба всегда попадает в эпицентр»). Естественный ход вещей в спародированной офицерской речи предстает производным от профессиональных установлений: «По команде отбой наступает темное время суток»; «Горло болит? Учите уставы — болеть не будет!».

Один из наиболее продуктивных способов создания «маразмов» — разнообразные искажения фразеологизмов, нередко приводящие к комической двусмысленности («Я все время спускал вам сквозь пальцы, но если я кого-нибудь поймаю за что, то это будет его конец», «Запишите себе на ус», «Вы у меня в кишках по горло сидите»; «Эх вы, поколение семидесятых годов! У вас еще лапша на ушах не обсохла»). В целом жанр «маразма» формирует колоритный речевой облик офицера, плохо владеющего фразеологией[27] и подменяющего онтологические категории ведомственными.

Примечания

[1] Ср.: *резака* — карьерист, *резаться* — делать карьеру при помощи подхалимства [Лихолитов 1998: 226]. Здесь и далее мы ссылаемся на материалы одного из приложений к лексикологическому исследованию П.Лихолитова — «Словаря жаргона пограничи-

ков», половину представленной лексики в котором составляют «слова, имеющие отношение к реалиям армейского быта и неофициальным традициям, бытующим в современной армии» [Там же: 218].

2 Устные воспоминания Д.К.Датешидзе, проходившего службу в 1988–1990 гг., исключительны по своей полноте и содержательности, и при выборе иллюстративного материала из текстов интервью мы отдавали им предпочтение перед прочими.

3 Такое представление было сформировано волной разоблачительных публикаций, открывающих обществу правду о жестокости неформальных отношений среди солдат-срочников. Начало этому публицистическому антидедовщинному буму было положено упоминавшейся выше повестью Ю.Полякова «Сто дней до приказа», вышедшей в 1987 г., и произошедшей в том же году драматической историей солдата-срочника из Литвы Артураса Сакалаускаса, горячо обсуждавшейся в прессе, в радио- и телепередачах. Так называемое «дело Сакалаускаса» состояло в том, что доведенный до крайней степени отчаяния неуставными унижениями, среди которых имело место и сексуальное насилие, Сакалаускас застрелил восьмерых своих сослуживцев и скрылся вооруженным. Стоит ли говорить, что в разыгравшихся вокруг этого случая общественных страстях интеллигенция единодушно сочувствовала Сакалаускасу и всецело его оправдывала. Дело Сакалаускаса дало толчок к созданию Комитета солдатских матерей.

4 Показательна в этом смысле тенденция к расширению границ лексической сочетаемости самого прилагательного «неуставной», заметно проявляющаяся в рассказах об армейской службе (ср., например: «половина казармы появлялась утром в шапках неуставного темно-синего цвета» [Юдин 1998: 30]; «основное такое неуставное блюдо, полагающееся, — это был лук» [1] и т. п.

5 Подробнее о сексуальных практиках в армии, о значении гендерных показателей в неуставной системе ценностей, о роли армейского полового воспитания в формировании стереотипов маскулинности см.: [Банников 2001: 133–134, 136–137; Лурье 2001–2002: 255–258]. В той же главке, посвященной «половому детерминизму неуставной социальной иерархии», К.Л.Банников, в частности, рассматривает сексуальный символизм в солдатской культуре как один из семиотических кодов солдатской иерархии: знаки сексуальности солдата суть одновременно знаки его социальной оформленности, и потому только прошедшие инициацию старослужащие («субъекты доминации») наделяются правом на любовные связи, только они становятся героями мемератов о сексуальных похождениях, только они располагают привилегией «обозначить свой статус путем изображения группы крови в орнаменте фаллического характера, радуясь обретенной социальной потенции не меньше, чем физической» [Банников 2001: 134].

6 Чрезвычайно подробный и обстоятельный анализ иерархических отношений в солдатской общине, описание переходных обрядов, статусной знаковости одежды, питания и т. д. содержится в работе К.Л.Банникова [Банников 2001: 114–132]. Оговаривать все случаи соответствия и расхождения между материалами и наблюдениями Банникова и нашими (в основном совпадающими в силу единства общеармейской традиции) значило бы перегрузить текст статьи примечаниями, имеющими в большей степени этикетный характер. Мы отсылаем читателя к этой работе в целом и ограничимся лишь несколькими цитатами, ссылками и отдельными уточняющими замечаниями.

7 К.Л.Банников приводит интересное сообщение о еще более дробной стратификации новобранцев до присяги: «Вообще духи, пока их везут в часть, — они еще даже и не духи, а нюхи. Как форму на них надели, так весь карантин и до присяги — они уже запахи, а как присягу приняли — они целые духи». При этом автор статьи почему-то полагает (видимо, приняв на веру автокомментарий информатора), что классификацию «не-

дооформленных» духов «придумали как пародию на реальный статусный переход» в той части, где она была им зафиксирована [Банников 2001: 117–118].

8 Ср. у Лихолитова: *бумажный дед* — дед, чьи сыны еще не призваны в армию [Лихолитов 1998: 219]. В определении содержится неточность: переход в черпаки, или в деды (по данным Лихолитова, дед — солдат, прослуживший один год, а не полтора), происходит с выходом очередного приказа, т. е. тогда же, когда и призыв новых духов, или сынов, и, следовательно, временной зазор между этими двумя моментами невозможен. Вероятно, речь идет не о призыве, а о прибытии в часть партии новобранцев.

9 В рамках данной статьи мы не имеем возможности привести полный перечень знаковых элементов обмундирования, принятых в известных нам традициях. Более подробные описания изменений в форме одежды на разных ступенях неуставной иерархии см.: [Юдин 1998: 30–31; Банников 2001: 122–125].

10 П.Лихолитов определяет значение глагола *опухать* как 'становиться ленивым, приобретая права старослужащего', но не уточняет, идет ли речь только о положенном приобретении этих прав и манер или также об их «незаконном присвоении»; о двойственном употреблении термина свидетельствует, однако, следующая словарная статья, согласно которой *опухший* — 1. 'наглый, дерзкий /о молодом солдате/' и 2. 'солдат, ведущий себя как старослужащий' [Лихолитов 1998: 224–225].

11 К.Л.Банников представляет эту практику как магистральную, общераспространенную традицию [Банников 2001: 116, 119], что вступает в противоречие со многими свидетельствами наших информантов.

12 «Летать» — одно из самых емких и богатых семантическими оттенками слов армейского сленга. Помимо указанного узкого значения, оно имеет и ряд расширительных, соотносимых с теми, которые этот глагол имеет в так называемом общем жаргоне. Банников в разных местах своей статьи определяет значения этого неуставного термина как 'все делать бегом' и 'быть постоянно занятым работой' [Банников 2001: 116, 128], Лихолитов также приводит два значения: 'энергично работать по приказу старослужащих' и 'подвергаться наказанию' [Лихолитов 1998: 223].

13 Подробнее об армейской неуставной педагогике см.: [Лурье 2001–2: 250–254].

14 Братанами, по материалам Лихолитова, солдаты Северо-Западного пограничного округа называют однопризывников [Лихолитов 1998: 219].

15 Дембельский аккорд — особое трудовое задание, выполняемое группой солдат-дембелей за короткий срок. Стимулом к работе служит обещание армейского начальства по выполнении задания уволить в запас всех участников «аккорда» (см. выше).

16 В настоящее время в О.Г.И .— Объединенном гуманитарном издательстве — планируется к изданию большой сборник солдатских песен из коллекции Андрея Бройдо.

17 См. содержательную сравнительную характеристику блокнота и дембельского альбома в статье Ж.В.Корминой — «Пожалуй, можно назвать солдатский блокнот черновиком к дембельскому альбому» [Кормина 2001: 21].

18 В одной из недавних статей [Блажес 2000] предпринята попытка обосновать доминирующую роль героико-патриотических клише в письменном солдатском фольклоре. Цитируя некоторые из них, автор резюмирует в духе романтической фольклористики: «Ведь никто не заставлял владельца блокнота записывать подобные высказывания. Совершенно очевидно, что им двигала внутренняя потребность, желание выразить свои мысли, чувства, настроение», он интерпретирует армейскую афористику как отражение национального характера: «Когда читаешь солдатские блокноты подряд, невольно вспоминаешь высказывания Пушкина, Гоголя, Некрасова о склонности к шутке, ро-

зыгрышу, острому слову, о веселости как свойствах натуры русского народа. Возникает именно эта высокая мысль» [Блажес 2000: 21].

[19] С этим связана распространенная в армейской практике традиция «пересчитывания» больших отрезков времени в меньших единицах измерения: «Отмеренное в меньших единицах время кажется не таким уж и длинным» [Райкова 1994: 81]. Возможна и своеобразная нейтрализация отрицательных эмоций, которые солдат испытывает, ожидая демобилизации; так, в некоторых частях «молодой» солдат, «прикрепленный» к старослужащему, которому до демобилизации осталось сто дней, каждое утро должен подкладывать последнему под подушку конфету с надписью «конфетка № 100», «конфетка № 99» и т. д. Сласти становятся единицей измерения мучительно тянущегося времени.

[20] «Заебать», «затрахать» — слова, сленговое значение которых «вывести из себя, измучить» несколько корректируется в армейском фольклоре, приобретая дополнительное значение «измучить издевательствами, бессмысленными придирками». Обогащенные этими коннотациями, они функционируют в качестве ключевых категорий, репрезентирующих армейскую жизнь. Один из информантов начал разговор со мной с того, что рассказал анекдот («Идут два генерала, а навстречу — красивая девушка. Один говорит: "О, давай ее выебем". Другой: "А за что?"»), добавив, что по реакции на этот анекдот он обычно судит о мере понимания слушателем специфики армейской жизни. Ср. в анекдоте о прапорщике: «Жена вечером, уже в постели, начала приставать к своему мужу-прапорщику: "Вась, а Вась, ты что целый день в части делаешь? Ну Вась, ну скажи!". Тот не выдержал, выпихнул жену из койки и говорит: "Марш в тот угол! А теперь в тот! А теперь обратно! Ну, поняла?". — "Что?" — "Вот так и я в части: целый день слоняюсь из угла в угол и жду, пока меня кто-нибудь трахнет"». В пределе вся армейская служба предстает как совокупность таких издевательств; одна из ее форм — инструктаж:

Часовой — это живой труп,
Завернутый в тулуп,
Проинструктированный до слез
И выставленный на мороз.

[21] Мы не затрагиваем проблему специфики фольклора представителей разных родов войск, исследование которой должно стать очередной задачей в исследовании армейского фольклора. Отметим лишь, что солдаты внутренних войск в большей степени склонны к созданию и воспроизведению текстов трагического содержания, хотя это наблюдение нуждается в статистической проверке. Ср.: «ВВ не шутка, дорогая, / ВВ не просто строй: / В ВВ ребята жизнь теряют / И на дембель идут с сединой».

[22] Эти тексты в большей степени распространены среди курсантов, фольклор которых занимает своеобразное промежуточное положение между собственно армейским и студенческим, что сказывается и на подборе афоризмов в курсантских блокнотах. Ср.: «Курсант! Не храпи на лекциях, разбудишь соседа» и т. п.

[23] Один из аргументов И.Н.Райковой — близкое сходство между солдатским блокнотом и девичьим альбомом, которое действительно нельзя отрицать, однако делать прямой вывод об их генетической или интертекстуальной связи преждевременно, пока наши представления о рукописной афористике XIX–XX вв. недостаточны. Так, перспективным представляется изучение фольклора солдат XIX в., хотя бы потому, что общеизвестные литературные тексты (афоризмы Козьмы Пруткова или «Юнкерская молитва» Лермонтова, поразительно напоминающая современные «солдатские молитвы») указывают именно на эту область как на наиболее вероятный источник современного армейского фольклора.

[24] По устным свидетельствам информантов, в солдатских рассказах о случайных сексуальных связях во время отпуска или самоволки подчеркивалась именно легкость вступления в контакт — независимо от того, имели ли место в действительности эта легкость, да и сам контакт.

[25] Ср. описанное К.Л.Банниковым представление о том, что солдату на время отпуска не надо надевать гражданскую одежду: так он имеет гораздо большие шансы на успех у женщин [Банников 2001: 137].

[26] Сапоги — наиболее распространенная эмблема, обозначающая армейскую жизнь. Один из типов оформления дембельского альбома предполагает изображение сапога в начале, на одной из первых «прокладок» (с подписью «730 дней в сапогах»), и дырявого сапога, из которого выезжает поезд, — на последней.

[27] Ср. с типологически близким анекдотическим циклом про поручика Ржевского, в которых комический эффект зачастую связан с неспособностью героя воспроизвести то или иное речевое клише.

Литература

Банников 2001 — *Банников К.Л.* Антропология экстремальных групп. Доминантные отношения среди военнослужащих срочной службы Российской армии // Этнографическое обозрение. 2001. № 1.

Блажес 2000 — *Блажес В.В.* Солдатский юмор в свете народной поэтической традиции // Устная и рукописная традиции. Сборник науч. трудов. Екатеринбург, 2000.

Кормина 2001 — *Кормина Ж.В.* Из армейского блокнота (заметки о топике и риторике солдатского письменного фольклора) // Дембельский альбом — русский Art Brut: между субкультурой и книгой художника: Сборник материалов и каталог выставки. СПб., 2001.

Липатов 2000 — *Липатов В.А.* «Афганская» песня в самодеятельной и профессиональной музыкальной культуре // Устная и рукописная традиции. Сборник науч. трудов. Екатеринбург, 2000.

Лихолитов 1998 — *Лихолитов П.* Современный русский военный жаргон в реальном общении, художественной литературе и публицистике: системно-языковой, социолингвистический и функционально-стилистический аспекты. Jyvaskyla, 1998.

Лурье 2001а — Миру — мир, солдату — дембель // Дембельский альбом — русский Art Brut: между субкультурой и книгой художника: Сборник материалов и каталог выставки. СПб, 2001.

Лурье 2001б — Служба в армии как воспитание чувств // Мифология и повседневность: Гендерный подход в антропологических дисциплинах. Материалы науч. конф. 19–21 февраля 2001 г. / Сост. К.А.Богданов и А.А.Панченко. СПб., 2001.

Райкова 1994 — *Райкова И.Н.* Фольклор современных солдат: идейно-художественное своеобразие и отношение к детскому фольклору // Мир детства и традиционная культура: Сборник науч. трудов и материалов / Сост. С.Г.Айвазян. М., 1994.

Эпштейн 1987 — *Эпштейн М.Н.* Афористика // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987.

Юдин 1998 — *Юдин А.В.* Семиотичность и ритуализованность поведения военнослужащих срочной службы Советской Армии // Живая старина. 1998. № 2.

Источники

1 — интервью с Д.Датешидзе, проходившим срочную службу в войсках противовоздушной обороны в 1988–1990 гг., записано в 1991 г.

2, 3 — интервью с В.Безъязыковым, проходившим срочную службу в танковых войсках в 1998–2000 гг. [2], и С.Барановым, проходившим срочную службу в Военно-воздушных силах в 1988–1990 гг. [3], записано в 2001 г.

4 — интервью с солдатом Железнодорожных войск (второй год службы), записано в 1997 г.

5 — реферат на тему «Жанры армейского фольклора» (М.Антипов, студент филологического факультета СПбГУ); написан в 1998 г.

6 — дипломная работа на тему «Социальные проблемы субкультуры неуставных взаимоотношений в российской армии (Социальная структура, ритуальная практика). (А.Осокин, студент факультета социологии СПбГУ, в прошлом — офицер Российской армии); работа написана в 2001 г.

7 — записано в 2002 г. от П.Лиона, проходившего срочную службу в инженерно-строительных войсках в 1984–1985 гг.

8 — блокнот солдата ракетных войск стратегического назначения (1994 г.).

9 — блокнот солдата воздушно-десантных войск (1994 г.).

10 — блокнот солдата внутренних войск (1993–1995 гг.).

11 — блокнот курсанта Чкаловского высшего авиационно-космического училища штурманов.

12 — блокнот курсанта Высшего авиационно-технического училища гражданской авиации (1988 г.).

Е.С.Ефимова
(Москва)

Субкультура тюрьмы

Изучение криминальных субкультур имеет на сегодняшний день уже богатую историю. Интерес к деклассированным элементам общества обозначился в Европе в XV в. К этому времени относится первый закон против нищих (Вена, 1443). С начала XV в. появляется ряд материалов о нищих, бродягах, разбойниках и их тайном языке в Германии. В 1510 г. выходит «Книга бродяг», в которой описываются быт и нравы профессиональных нищих и содержится первый систематический словарь их условного языка. Во Франции первый словарь воровского жаргона появляется в XV в., тогда же Франсуа Вийон пишет баллады на «цветном (воровском) жаргоне», ставшие первым циклом художественных произведений, описывающих уголовный мир «изнутри». Мир английского общественного «дна» представлен в памятниках XVI в. «Братство бродяг» (1560) и «Предостережение против бродяг» (1567), возникновение которых также связано с законами против нищенства. О лондонских мошенниках в 1591 г. Р.Грин написал книгу «Замечательное разоблачение мошеннического промысла». Быт испанских мошенников, авантюристов, бродяг, шутов, картежников, их иерархия, организации, законы, жаргон находят поэтическое отражение в испанском плутовском романе, главный герой которого — пикаро — представляет собой литературную транскрипцию реального пикаро XVI–XVII вв., но поэтика его поведения, его языковое и поведенческое арго, структура его трюков вполне соответствуют современной криминальной поэтике. Число памятников растет: в XIX–XX вв. появляется множество публикаций лингвистического, юридического, бытового характера, посвященных деклассированным.

Записи арго у славянских народов относятся к XIX–XX вв.[1] Русские записи, сделанные собирателями-этнографами, литераторами, лингвистами, позволяют на новом материале реконструировать особенности той общественной среды, в которой возникают и развиваются криминальная субкультура, фольклор и арго.

Русская криминальная субкультура зародилась в глубокой древности. Ранние свидетельства о ней находим в былинах, разбойничьих песнях и преданиях о разбойниках. Первые известия об арго (XVII в.) связаны с казаками, наиболее

древний пласт арготизмов восходит к лексике новгородских и волжских речных разбойников, бурлаков, калик перехожих. В создании арго и криминального фольклора принимали участие также бродячие ремесленники и торговцы (офени). В современной криминальной среде живы предания о купце по имени Офеня — создателе арго [Грачев 1997: 32].

Исследованием русского криминального и тюремного миров занимались с XIX в. языковеды, этнографы, криминалисты[2].

Первыми проявили интерес к культуре русского разбойничье-воровского мира писатели. В XVIII в. в России появляются литературные произведения, в которых изображается отечественный криминальный мир. Это «Обстоятельное и верное описание добрых и злых дел российского мошенника, вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Каина, всей его жизни и странных похождений, сочиненное Матвеем Комаровым в Москве» и рассказ И.Новикова «О лукавом нищем». К XVIII в. относятся и первые публикации разбойничьего и тюремного песенного фольклора в сборниках Трутовского, Чулкова, Кирши Данилова. В отдельный раздел разбойничьи песни, наряду с «воинственными» и «солдатскими», выделяет П.В.Киреевский. В 1820–1830-е годы начинается запись разбойничьих преданий, к которым примыкают и предания о крестьянских восстаниях. Разинский фольклор, разбойничьи песни и предания записывают А.С.Пушкин и Н.Н.Раевский. Пушкин положил начало собиранию фольклора о пугачевщине. Образы арестантов и беглых каторжников эпизодически появляются в русской литературе начиная с 1830-х годов в творчестве И.Т.Калашникова, Н.С.Щукина, Н.А.Полевого, А.Таскина, Д.П.Давыдова.

Внимательное изучение жизни и быта преступников начинается с «Записок из Мертвого дома» Ф.М.Достоевского — появляются очерковые записки, повести, романы, посвященные исследованию острожной жизни. В числе первых — роман Вс.Крестовского «Трущобы», претендующий на сходство с «Парижскими тайнами» Э.Сю. Большую роль в собирании демократического фольклора (фольклора социального протеста, народных бунтов, тюремного, фабрично-заводского, солдатского) сыграли фольклористы-шестидесятники. На обложке 9-го номера «Искры» за 1864 г. даже появилась дружеская карикатура «Калики перехожие», на которой в одежде странников были изображены П.Якушкин, П.Рыбников, В.Слепцов, Н.К.Отто, А.Левитов, Е.Южаков, С.Максимов — собиратели-очеркисты демократического склада. Представители революционно-демократической фольклористики обращаются к разбойничьему и тюремному фольклору. На важность изучения пугачевско-разинского фольклора указывает И.Худяков, в ссылке в Астраханской губернии записывает тексты легенд и преданий о Пугачеве и Разине П.Якушкин, описание быта «голи кабацкой», нищих, беглых воров и разбойников дает И.Прыжов в «Истории кабаков», как самостоятельную тему «вольных людей» выделяет Н.Аристов. Разнообразные типы деклассированных, в особенности бродяг, становятся постоянными персонажами журнальных беллетристических и этнографических текстов, публикующихся в «Колоколе», «Современнике», «Русском слове», «Деле». Описателями тюремной субкультуры и собирателями тюремного фольклора становятся политические заключенные — В.Г.Богораз, В.С.Арефьев, А.А.Макаренко, Ф.Я.Кон и др. Тюрем-

ный мир, известный многим писателям изнутри, нашел отражение в русской литературе. Заключенными российских тюрем в разное время были Л.Мельшин, В.Фигнер, В.Короленко, В.Серошевский и др., в их мемуарах представлены зарисовки быта и жизни не только политических ссыльных, но и представителей старой воровской среды. Интерес к жизни заключенных проявил А.П.Чехов, совершивший поездку на остров Сахалин. Этнографически точные картины социального «дна» предреволюционной эпохи представлены в произведениях В.Гиляровского и М.Горького. В советское время заключенными российских тюрем стали многие литераторы и деятели культуры (А.Солженицын, В.Шаламов и др.), осветившие особенности субкультуры советской тюрьмы.

История русской арготической лексикографии начинается в XVIII в. Первый словарный материал об условном языке офеней зафиксирован в «Словаре Академии Российской» (1789–1794). В 1820-е годы в журнале «Московский телеграф» появляются работы, посвященные условному языку волжских разбойников. В 1850-е годы В.И.Даль составляет словарь «Условный язык петербургских мошенников». В 1859 г. появляется словник «Собрание выражений и фраз, употребляемых Санкт-Петербургскими мошенниками», в 1903-м — «Босяцкий словарь» Ваньки Беца, в 1908-м — словарь В.Ф.Трахтенберга «Блатная музыка. Жаргон тюрьмы».

Этнографы, психологи, фольклористы описывали разные аспекты тюремной картины мира. Первую музыкальную запись тюремного фольклора осуществил композитор В.Н.Гартенвельд, совершивший в 1908 г. поездку в Сибирь для изучения песен каторги и ссылки. Особенности тюремной психологии привлекли внимание М.Н.Гернета, выпустившего в 1925 г. книгу «В тюрьме», в которой обобщен материал, собранный в тюрьмах Москвы и Петербурга, ему же принадлежит многотомный труд «История царской тюрьмы». Народная поэзия царской каторги и ссылки стала предметом исследования в ряде статей и диссертаций в советское время. В числе наиболее богатых по материалу следует назвать работы Т.М.Акимовой, В.Г.Шоминой, С.И.Красноштанова, А.М.Новиковой. Тексты, отражающие дореволюционную тюремную традицию, записывали и публиковали В.П.Бирюков, Е.М.Блинова, А.В.Гуревич, Л.Е.Элиасов, А.Мисюрев и др.

Тема советских тюрем стала популярна в нашей фольклористике и этнографии в начале 90-х годов. В 1990 г. появились работы, повященные этнографии тюрьмы и лагеря [Самойлов 1990; Кабо 1990; Левинтон 1990]. Из жанров тюремного фольклора первой привлекла к себе внимание блатная песня. Начальную попытку ее осмыслить предпринял Абрам Терц (А.Д.Синявский) [Терц 1991]. Постепенно начали появляться антологии современной тюремной лирики, первой из которых стал сборник «Песни неволи» (Воркута, 1992). Фольклористов заинтересовали и другие жанры современного тюремного фольклора: мифы, предания, устные рассказы заключенных. В Санкт-Петербурге в 1994 г. вышел сборник «Фольклор и культурная среда ГУЛАГа» — первая книга, изданная на эту тему: в нее вошли стихи и песни ГУЛАГа, воспоминания зэков, статьи фольклористов. В последние годы обозначился интерес к письменным формам фольклора — начали публиковаться альбомы воспитанников детских колоний и

изучаться представленные в них жанры [Шумов, Кучевасов 1994; Калашникова 1994; Калашникова 1998]. Однако современные исследования отечественных фольклористов посвящены отдельным жанрам тюремного фольклора и опираются на материал письменный или записанный вне зоны. В настоящей работе используются методы наблюдения и интервьюирования заключенных непосредственно в местах лишения свободы, делается попытка описать тюремную картину мира «изнутри»[3].

Невербальные коды

Пространство

И дом мой — не дом, а тюрьма.
И бег мой — не бег, а побег.
(Тюремная песня)

Для тюремной картины мира характерно восприятие пространства как замкнутого, времени — как цикличного. Здесь две доминанты: путь и круг. Путь — основная ось, по которой строится жизнь арестанта и которая организует пространство ряда тюремных текстов, жизнь арестанта-*бродяги* — вечное странствие. В тюремном мире путь–этап становится метафорой подневольного скорбного жизненного пути. Олицетворением безличной судьбы становится *столыпинский вагон* (вагон для перевозки заключенных), воспетый в тюремной наивной литературе и фольклоре. Дороги из КПЗ (камеры предварительного заключения) в *Централ* (центральную тюрьму), из Централа — на зону замыкаются, за временным посещением пространства свободы следует новое посещение тюрьмы. Возникает представление о «плене российских лагерных дорог» [СР]. Россия в этой картине мира оказывается большим тюремным кругом.

Заключенные противопоставляют пространство воли и неволи. И то и другое в значительной степени мифологизируется. С одной стороны, воля представляется осужденным как райский мир, по всем признакам противоположный тюремному. «А там за забором душистей трава, / И воздух свежей, и синей синева», — пишет в тюремных стихах бывшая актриса Светлана Пезина [ЖК]. Пространство воли — обширное, открытое, живое, наполненное. Пространство зоны — ограниченное, мертвое, пустое, закрытое. Воля соизмерима с космосом, это вся вселенная. Зона — пространство не-жизни, но здесь острее переживается тот звучащий и красочный мир, который остался за колючей проволокой.

Наряду с этим радужным восприятием воли звучит и другой мотив: Россия — падшая страна, общая камера: «Земля ее дышать устала, / Вокруг сосет ее трясина: / Народ заблудший бесится сполна. / И хоть лицом она красива, / Душа ее черным-черна» [ЖК]. В тюремной картине мира Россия — общая тюрьма, о чем свидетельствуют также татуировки: ПРАВИЛА — «правительство решило арестовать всех и лишить амнистии», РОКЗИСМ — «Россия облита кровью зэков и слезами матерей», «Никогда не жил счастливо в этой забытой Богом стране», «Буду счастлив не на грешной земле, а на том свете» [Т]. Известны и такие рисунки-татуировки: карта Советского Союза, граница в виде колючей проволоки,

текст: «Большая зона коммунизма Политбюро ЦК КП»; карта Советского Союза, обтянутая колючей проволокой, надпись: «Гулаг НКВД» [Т].

В искаженном и страшном мире пространство зоны воспринимается зэками как ограниченное и неживое, но все же «свое».

Тюрьма — пространство быта

Пространство быта семиотично. Особенно высока степень знаковости пространств тюрьмы и зоны как мест, где бытовая жизнь происходит «на виду» и каждое действие носит двоякий характер: действие не только для достижения определенной цели, профаническое действие, но и показное, в определенном смысле сакральное, подчеркнуто или скрыто ритуальное, реализующее норму.

В тюрьмах и ИТК (исправительно-трудовых колониях) поведение жестко регламентировано, заключенный обязан исполнять все формальные предписания. Жизнь в зоне подчинена уставу, регламентированы все детали частной жизни, особенности одежды, условий быта. Отклонения от нормы обретают особую символическую роль. Противопоставляя свои законы официальным, воры и *блатные* заботятся о соблюдении неформальных предписаний и правил. Вор негативно относится к государственной власти, это отношение проецируется на его отношение к администрации тюрьмы и лагеря. В знак протеста против законов, установленных администрацией, весь распорядок дня в тюрьме и ИТУ (исправительно-трудовом учреждении) ритуально нарушается.

Пространство зоны — поведенческое пространство. Отклонения от нормы оказываются выше по шкале символичности, чем их соблюдение. Воры и блатные не ходят в строю или ходят в последней шеренге, не посещают столовую, уклоняются от зарядки, встают позже других и т. д.

На зонах главный запрет, соблюдаемый блатными, — отрицание работы. В прошлом символическое отрицание работы подчас выражалось в подчеркнуто ритуализованных действиях: воры устраивали театрализованные представления, сжигая орудия труда и греясь у подобных костров.

Среди запретов наиболее важную роль играют те, которые связаны с предметами «низкими», ведь заключенные стараются держаться как «достойные арестанты» и «не ронять себя». Особую символическую нагрузку имеют действия, связанные с *парашей:* человек, моющий парашу, считается *опущенным.*

В тюрьмах табуирован жест поклона. Существует тюремный запрет поднимать что-либо с пола. Табуирован красный цвет *(ментовской).* Табуированы также некоторые слова. Вместо «садись» говорят «присаживайся», вместо «спасибо» — «добро».

В соответствии с воровским законом принимать участие в любых мероприятиях, организуемых начальством, — *западло.* «Чужим» для тюремного сообщества становится труженик-ударник, актер тюремного театра, поэт, печатающийся в лагерном журнале и т. п. В санкт-петербургском тубдиспансере в 1997 г. лежали два бывших зэка. Один из них уверял, что никогда не участвовал в концертах, которые организовывало в ИТУ начальство, но в отсутствие *пахана* признался, что выступал с музыкальными номерами — играл на гитаре; при этом он просил держать этот факт в секрете. Бывшая зэчка рассказывала, что на зоне не ходила к

психологу (в клуб), поскольку остальные могли предположить, что она идет к начальству, и ее положение стало бы еще тяжелей (вступившие в контакт с начальством — *суки* — презираемая категория заключенных в тюрьмах и ИТУ).

Поведенческое пространство предполагает символические формы поведения: клуб или лагерная сцена понимаются как места, где бывают только чужие в арестантском братстве заключенные. Негативно окрашены также такие локусы, как место работы заключенных и столовая. Тюремно-зоновское пространство не нейтрально, каждый его локус занимает определенное место на лестнице честности–подлости, чем оно сходно со средневековым пространством, перемещение в котором также осмысливается как духовное продвижение к святости (в монастырь, святую землю) или к греху.

Определенное место в камере (у окна или, напротив, у *параши*) является знаком того места, которое заключенный занимает в коллективе: уважаем он или презираем, вор в законе или новичок. Привилегированное, *козырное*, место в камере и в бараке — дальний угол у окна, где и светлее и не видно в глазок надзирателю, — называется *воровским углом* или *воровским кутком*. Здесь располагается *отрицаловка* — *идейные воры*. Воровской куток — место почетное, у параши — место позорное.

Для характеристики пространства тюрьмы актуальны оппозиции открытый/закрытый (свобода — открытое пространство, тюрьма — *закрытое*: *закрытая*, *закрытка*, *мешок*, *торба*, *сумка*, *крытая*, *крытка*), а также верх/низ: тюрьма — нижний мир (*трюм*), камера — нижний мир (*окоп*), камера — это пространство не только закрытое и замкнутое, но и предельно ограниченное, маленькое: *кружка*, *стакан*, *солонка деревянная*. Восприятие тюрьмы как ящика или сундука зафиксировано в арго разных европейских народов (фр. *caisse*, нем. *Kasten*, исп. *banasto*). Наряду с этим в жаргоне зафиксировано восприятие тюремного мира как «своего», «родного». Тюрьма — «дом родной», «дача», «курорт». Общеевропейским является жаргонное определение тюрьмы как «академии»: здесь новичок проходит свою воровскую школу.

Как отмечал И.А.Бодуэн де Куртенэ, «блатная музыка» с внутренней стороны, со стороны свойственных ей идей и отраженного в ней мировоззрения, является продуктом международного общения того класса общества, к которому принадлежат ее носители [Бодуэн де Куртенэ 1963: 162].

В закрытом тюремно-зоновском пространстве человек лишен возможности свободного передвижения, он характеризуется как *сиделец*. Но, как это ни парадоксально, основным образом тюремной картины мира является путь, *дорога*. «Достойный арестант», человек, живущий по тюремно-арестантским законам, обязан принимать участие в *построении дорог* — налаживать межкамерную связь. Тюремные дороги представляют собой сеть коммуникаций, по ним передается определенная информация — синхронная и диахронная: практически вся тюремная культурная традиция в письменной форме.

«Между камерами натягиваются специальные дороги, — рассказывают заключенные. — Они плетутся специальным способом из веревок, из ниток шерстяных, ну, различных. Натягиваются дороги. Они славливаются. Тоже такое выражение, характерное для тюрьмы, — славливаются. То есть выставляются

удочки: из одной камеры, из другой, вот они цепляются, натягиваются дороги. Ну, за эти дороги приходит помощь какая-то заключенным, различные записки — малявы, мульки, ксивы, как их только ни называют» [ЖК].

Наряду с секретной и значимой для всех арестантов информацией по дорогам распространяются любовные письма, возникающие на периферии тюремной субкультуры и являющиеся отдушиной в строго регламентированном тюремном мире.

Дороги недаром в тюрьмах называют *святыми*: их функция — обеспечить преемственность и стабильность тюремно-арестантского мира.

Время

Для носителя тюремной традиции (в отличие от случайного в тюрьме человека) тюрьма — константа и в его жизни, и в жизни России. Для тюремной картины мира характерно не современное векторное время, а архаичное циклическое время, возвращающее арестанта «на круги своя».

Отсчет времени в тюрьме и на зоне иной, чем на воле. «Запомни, год как три проходят здесь», — говорит об этом песня [ДК]. Самая крупная единица измерения времени — срок наказания. Вместо 1 января днем Нового года становится день начала наказания. В тюрьмах и лагерях отмечаются и «вольные» традиционные праздники — Новый год, Пасха, дни рождения заключенных, но они воспринимаются иначе, чем на воле: трагизм собственного положения, оторванность от дома в дни традиционных праздников ощущаются заключенными особенно сильно. В «неофициальных» тюремных песнях контраст между праздниками на воле и в неволе особенно подчеркивается: зэк — герой песен — вообще лишен возможности отмечать «вольные» праздники: «Споем, жиган, нам не гулять по воле / И не встречать весенний праздник май». «Сегодня праздник, ну а здесь лишь белый снег», — так поют колонисты [ДК]. Дни рождения в неволе отмечены грустью. «День рождения — тоже грустно, как и проводы, — говорят заключенные. — Потому что еще и не дома и плюс еще — вот этого пустого года, ушел из твоей жизни. Даже стараешься человеку приятно сделать, спеть. Вот сколько я замечала — не идут песни» [ЖК].

Подлинными праздниками на зоне становятся дни, когда истекают какие-либо значительные части назначенного срока наказания: четверть, треть, половина. Как отмечал исследователь тюремной психологии М.Н.Гернет, наблюдавший жизнь заключенных в тюрьмах Москвы и Петербурга в начале XX в., осужденные на срок более года ведут свое «летоисчисление»: «Стены камер испещрены так называемыми “календарями”. Их составляют грамотные и неграмотные арестанты» [Гернет 1925: 11]. Традиция ведения подобных календарей сохранялась в советских тюрьмах и лагерях. Политические ссыльные 20–30-х годов отмечали части пройденного срока-пути на бревнах дома. «Календари» вели также невесты и жены осужденных, они хранятся в семьях бывших лагерников как память о времени ожидания, терпения, верности, любви, как прошлое, имеющее материально-вещественный облик. Календари — материализовавшееся, зримое и осязаемое время. Знак креста, которым отмечается в подобных календарях каждый прожитый день, имеет амбивалентный смысл: день может восприниматься

как выпавший из жизни (зачеркнутый крест-накрест) и тем самым значительный как день не-жизни, но может быть и особо отмечен крестом («запомнить!») — как день, достойный памяти. Именно так воспринимала свой календарь невеста политического заключенного Софья Матвеевна Доброва-Зотова, начавшая со дня ареста своего жениха вести «Блокнотик с крестиками» (постоянные обыски в сталинское время не давали возможности вести другой дневник), который 60 лет спустя расшифровала, дав подробное описание почти каждого дня, отмеченного в блокноте крестом.

Современные осужденные по-разному относятся к ведению календарей. «Ну как, я раньше не вела, а вот сейчас мне осталось полтора года, я считаю дни, зачеркиваю. У меня срок шесть лет», — рассказывает осужденная [ЖК]. На стенах ШИЗО (штрафного изолятора) часто отмечаются проведенные здесь сутки: «Когда попадаешь в штрафной изолятор, то ищешь какой-нибудь острый предмет или просто кусочек штукатурки и пишешь вот эти числа, сутки, которые тебе здесь сидеть. Это такая застаревшая, укоренившаяся в сознании заключенных привычка оставлять свои надписи, свои автографы» [ЖК]. Но с другой стороны, ведение календарей часто воспринимается как проявление слабости и малодушия; рецидивисты, старые сидельцы относятся к этой традиции отрицательно. «Сейчас очень большие срока и нет смысла их считать, зачеркивать на календаре» [ЖК]. Эта мысль звучит в тюремном стихотворении осужденной: «Время отсчитывать — / Вырывается стон, / Душу испытывать / На разрыв, на излом, / Сердце расстраивать — / Вырывается плач, / В голову мысли — / Поднял саблю палач» [ЖК].

Тема времени, срока характерна для тюремных афоризмов и песен. «Снежные хлопья плавно и нежно / Падают с неба на землю грешную / 365 день неизбежно / Подходит к концу» [ДК], — так пишет человек, для которого значим каждый прожитый день. Срок заключения осмысливается как время пустое, вырванное из жизни, пропавшее: «Жизнь — это книга, Тюрьма — это страница, вырванная на самом интересном месте из этой книги» [ДК]. Метафора *жизнь — книга, тюрьма — страница* встречается и в стихах заключенных: «Моя жизнь, как собака побитая. / Страниц испытаний книга открытая» [ЖК]. Хотя, с другой стороны, срок заключения — время облагораживающих душу Испытаний. «Научился здесь верить, ждать, любить и мечтать», — поют заключенные о том времени, которое было прожито вдали от дома, за колючей проволокой [ДК].

Потребность не только видеть самому, но и дать возможность увидеть другим размеры срока своего заточения столь велика, что заключенные отмечают его на собственном теле, накалывая на бедре, икрах, предплечьях символическое изображение срока: когда татуируется «церковь на ладони», количество куполов обозначает количество лет, на которые был осужден носитель татуировки, колокол внизу обозначает: вышел со «звонком».

Предметный мир

Деньги

В иерархии ценностей криминального мира на высшей ступени, на первый взгляд, стоят материальные блага. Но при этом в самих терминах, обозначающих

деньги, проявляется пренебрежительное к ним отношение. Деньги на воровском жаргоне — *гроши, деревяшки, звон, капуста, бабки, голье, бумага, вошь*. Ср.: в немецком арго деньги — *пыль /Staub/, пепел /Asche/, в английском — навоз /muck/*. Валюта — *вашингтон, география, морковка, попугайчик*. Деньги — не только положительная, но и негативная ценность: *кости, кровь, пули, слезы*. Признавая, что в мире правит случай, что «жизнь — игра», «то деньги есть, то денег нет» [ДК], настоящий блатной не дорожит деньгами. Он сохраняет достоинство вне зависимости от того, способен он «крупную валюту зашибать, девочек водить по ресторанам» [ДК] или является на настоящий момент *босяком*. Ведь его принцип — «отдать последнюю рубаху» *братве* [ДК], «всегда поделиться последним с таким же, как и он» [ДК]. Настоящий блатной никогда не станет коммерсантом, *барыгой* (вот почему «честные воры» не признают сейчас воровских званий новичков, многие из которых куплены за деньги) — он не должен ценить в жизни ничего, кроме воровской идеи, собратьев-воров и собственной духовной свободы.

Оружие

Какие бы новые виды оружия ни изобретало человечество, непременным атрибутом блатного неизменно является нож. На ноже даются клятвы верности криминальному братству, ножом казнят предателей воровского закона. Большое внимание ножу уделяет жаргон. Нож — *беда, жало, крест, перышко, пика, писалка, пырялка, рапира, штык* и т. д. Нож воспет в тюремном фольклоре. Обязательной принадлежностью *урки* в блатных песнях является *перо* (для *мусоров* более характерны *шпалеры* или наганы). Нож — символ вора в законе, его правоты и силы, а также — символ мести: убийство сук совершается ножом: «Нож применяется только к гадам, это те, кто ломал или помогал ломать людей. У них руки в крови», — пишут современные воры своим собратьям-арестантам [Анисимков 1993: 54]. Зэки начала XX в., закалывая приговоренного ворами к смерти, поворачивали нож в ране, чем подчеркивали непримиримость к предателям воровского закона.

Хранение оружия носит в ИТУ в большей степени ритуальный характер. В детской колонии мальчик из блатных, который через две недели должен был освободиться, хранил под матрасом заточку и другие запрещенные предметы. На мой вопрос, зачем они ему нужны, он не мог ответить. Хранение запрещенных предметов — знак вызова администрации, несогласия с законами ИТУ, демонстрация внутренней свободы. «А почему нельзя? — говорил он мне. — Даже пилочку для ногтей нельзя» [ДК]. Для блатного сам факт того, что он имеет при себе оружие, даже если исключена возможность его применения, является знаком его принадлежности к воровскому миру. Нож в кармане — элемент поведенческого арго блатного и вора. Тот же символический смысл имеет изображение ножа на татуировках и в тюремных альбомах: нож, пронзающий УК, — знак непримиримой вражды между воровским законом и законами государства.

Пища

Тюремный язык особенно выделяет предметы, являющиеся атрибутами тюремной жизни. Выделена суточная норма хлеба заключенного (*горбыль, костыль,*

птюха, кровная пайка) — важнейшая метафора тюремной субкультуры. Мотив *пайки* встречается в тюремных пословицах и поговорках, наивной литературе осужденных. Вкушение тюремной пайки хлеба имеет евхаристический смысл единения тюремного братства.

К тюремной пище, называемой *сечкой*, заключенные испытывают неприязнь. Воры и блатные ее вообще не едят. Посещение зоновской столовой рассматривается как нарушение табу: блатной не должен принимать навязываемые ему тюремные законы и нормы, отказ от тюремной пищи носит символический характер, является знаком активного изгойничества и независимости. В связи с этим особую роль на зонах играет собственно зэковская еда, приготовленная самими заключенными. Вкушение ее является знаком принадлежности к тюремно-воровскому миру.

Из числа традиционных зэковских блюд особую популярность имеет *чифир*, в женских камерах называемый просто *чифом*. Как готовится чиф? «Наш легендарный чиф. На трехлитровую банку 12 надо упаковок этого чая. Чтобы эликсир», — поясняют заключенные [ЖК]. Но женщины в основном пьют *купчик:* «Она выглядит как заварка, крутая такая заварка. Это два коробка на поллитровую банку, а коробок на майонезную баночку. Ну, это купчик» [ЖК].

Чифирят в тюрьмах каждый день. Зоновскую привычку сидеть на корточках заключенные связывают с ритуалом чаепития, поскольку чифир пьется не за столом, а где придется, и банка с напитком стоит на земле. Вокруг *чифирбака* объединяется арестантская *семья*: «Ведь одна в КПЗ есть отрада — / Чифирнуть да базар погонять», — пишет в тюремном стихотворении вор-рецидивист [СР]. Чай и сигареты (*куреха)* в тюрьмах называют *святым*. Мысль о том, что все тюремные блага, в первую очередь — чай и сигареты, в равной мере принадлежат всем арестантам, находит свое воплощение в круговом чаепитии, совместном курении, запрете благодарить за эти предметы — это *общак*, принадлежащий всей арестантской семье.

Одежда

В тюрьме и на зоне вообще высока символическая роль одежды: отклонения от установленного образца — знак особого положения зэка. Воры в законе имеют право носить особую одежду: в прежние времена они подбивали сапоги звенящими подковами, ушивали форму, шапки носили набекрень, вставляли фиксы и пр. В настоящее время воры и блатные отличаются от остальных заключенных более богатой и нарядной одеждой, в тюрьме они имеют возможность одеваться так же, как на свободе. В женских колониях одежда и прическа маркированы у лесбиянок (*кобелов*) — они носят брюки, в том числе под юбку, коротко пострижены «под мальчика». Внешне их трудно отличить от мужчин. Лесбиянок отличает и соответствующее поведение: они ухаживают за женщинами, говорят хрипло, стараются не носить необходимые в женских ИТУ платки.

Одежда играет важную роль в тюремных песнях: по одежде отличают своих (блатных) от чужих (фраеров, мусоров и сук). В старых советских блатных песнях чекисты и *ссученные*, т. е. люди, принадлежащие враждебному зэкам лагерю, характеризовались как «люди в кожанках». Для своего мира характерна пестрота

одежды: *жиганки* и *шмары* отличаются роскошью туалетов: «Зачем тебе я желтые ботинки, шелка и крепдешины покупал?» [ДК]; «Кольца и браслеты, юбки и жакеты разве я тебе не покупал?» [ДК]; «Или тебе было худо между нами, / Мало было форсу, барахла?» [ДК] — спрашивают ссученную жиганку урки. Смена одежды символизирует смену образа жизни, имеет высокую степень знаковости. Потеря воли изображается как переодевание: «И вот меня побрили, костюмчик унесли, / На мне теперь тюремная одежда» [ПН: 124]. Однако фраера, *бобры* и их подруги также часто носят богатую одежду: «А на ней была шубка беличья, / А на нем воротник из бобра», — поется в популярной песне «Кирпичики» [СЖ: 21]. Блатные подчеркивают свое презрение к одежде, что фиксирует и жаргон: «Вы присядьте-ка на кирпичики / И снимайте свое барахло» [СЖ: 21], в то время как для фраеров одежда, деньги, золото обладают безусловной ценностью.

Наиболее знаковы предметы, связанные с «телесным низом»: носки и сапоги, а также белье. Аристократизм вора проявляется в его пренебрежении к этим предметам — он никогда не будет чистить себе сапоги и стирать носки, он делает это через *шестерок* или *обиженных*. Униженное положение обиженных акцентировано тем, что они вынуждены постоянно соприкасаться с телесным низом, стирать носки и чистить сапоги (свои и чужие). В старину знаком унижения в криминальной среде был поцелуй сапога. Совершивший это ритуальное действие становился шестеркой или обиженным, его насиловали и отводили ему низшее положение на иерархической лестнице преступного мира.

Предметы быта

В местах лишения свободы большой популярностью пользуются самодельные предметы, многие из которых запрещены на зонах: *четки,* сделанные из оргстекла или хлеба (заключенные, подчас не зная, что существуют монашеские четки, по которым читаются молитвы, говорят: «Ну, это наверное, где-то в буддизме», а четки зэкам нужны, «чтобы нервы успокаивать» [ДК]), красиво орнаментированные ручки из клейстера и разноцветных ниток, накрученных на газету, тюремные альбомы с вызывающими текстами и рисунками, *марочки* — носовые платки или лоскуты простыней, подарочно оформленные, раскрашенные карандашами и фломастерами. Особенно большое количество марочек в женских камерах. Как свидетельствуют заключенные, именно эти марочки, украшающие женское жилище, производили на них самое гнетущее впечатление при первом знакомстве с тюрьмой. «Простыни развешаны, причем держатся эти веревки совершенно непонятно на чем, — к стенам. И потом уже узнали, что снимается воск с сыра и привязываются веревочки за шубы. И очень большое количество ладанок, марочек. Все такое нищее, и жутко вот именно то, что таким образом женщины пытаются украсить свой быт, обычные, в основном — нормальные женщины, — из мелочей, из ничего пытаются создать какую-то видимость дома и уюта. На марочках в основном, конечно, Христос. Ну и кошки — кошки у нас везде нарисованы, кошка — это воровка. Розы, конечно, за колючей проволокой — вроде как все мы тут розы» [ЖК]. Марочки — не только украшение жилища. Это маркеры принадлежности к криминально-тюремному миру, на них изображаются символы активных изгоев: черепа, хищные животные, чудовища, кошки.

На марочках и в тюремных альбомах — предметы, запрещенные в ИТУ: ножи, пистолеты, карты, наркотики; изображения носят символический смысл и являются во многом знаками протеста против законов ИТУ. Показательно и то, что эти предметы быта изымаются во время проверок и создатели их наказываются.

Популярны здесь также символы изгойничества и страдания: руки в наручниках, розы за колючей проволокой, изображения святых, кресты. О том, что крест не является собственно христианским символом для блатного, говорит тот факт, что на рисунках он оказывается в одном ряду с оружием и афоризмами, пропагандирующими насилие. Крест как символ страдания часто изображают висящим на подсвечнике с горящей свечой, символизирующей сгорающий срок. Показателен в этом отношении рисунок из альбома колониста, на котором изображены нательный крест на подсвечнике, решетка и доллары. Рисунок сопровождается афоризмом: «Жизнь — это волчья тропа, по которой нужно идти оскалив зубы» [ДК]. По поводу популярной в настоящее время в тюрьмах песни «Кольщик», заканчивающейся словами «Крест коли, чтоб я забрал с собой / В избавление, но не в покаяние», одна из заключенных отметила: «Да, не в покаяние. Мы не каемся» [ЖК]. Человек, связавший себя с криминальным миром, не должен раскаиваться в совершенном преступлении — покаяние было бы отступлением от воровского закона. Вот почему покаянные мотивы звучат в стихах и письмах людей, случайных в тюрьме.

В большинстве своем самодельные предметы в ИТУ — это вещи, сделанные ради их знаковой функции.

Тело и телесность

Жаргон фиксирует основное внимание на лице и частях телесного низа. Лингвисты отмечают в жаргоне «засилье слов анально-генитальной тематики» [Балдаев 1992: 8]. Это и понятно, ведь тюремная субкультура — часть «низовой» культуры, для нее характерно нарушение всех норм, в том числе этических и языковых. Приведем некоторые жаргонные слова и выражения, обозначающие части телесного низа: *туз, валторна* — задняя часть тела, *жмень* — ягодица, *гитара, бабья совесть* — женский половой орган. Особенно много слов, обозначающих мужской половой орган: *балун, банан, хам, вафля, пистолет, коряга, бабья радость* и пр. Можно сказать, что «потенциально весь мир становится смешным фаллом, пробуется, обновляется через эмблему фалла», происходит «смеховое очеловечивание мира», «тело становится той смеховой призмой, через которую интерпретируется мир» [Елистратов 1994: 662].

Остановимся на таком виде телесной практики, как татуировка. Татуировка — своеобразное клеймо на теле преступников, накожные узоры в виде рисунков или надписей. Это не только украшение, но и своеобразный тайный язык преступного мира. По ней можно узнать, где и за что человек отбывал наказание, каково его положение на иерархической лестнице преступного сообщества.

Татуировка возникла в условиях первобытнообщинного строя и первоначально была опознавательным знаком этноса, определяла социальную принад-

лежность, имя и возраст их носителя, в ней отмечались основные этапы его жизни и статус в обществе. Первобытные люди верили в магическую силу татуировок и поэтому часто наносили на тело изображения тотемных животных или растений, разнообразных предметов культа. В Европу татуировки завезли моряки из Полинезии в XVII–XVIII вв. Но у современной татуировки есть и другой источник — не иноземный, а отечественный. Клеймение, «пятнание» преступников, в первую очередь воров, было известно на Руси с XIII в. В XVII в. на лице вора выжигали буквы ВОРЪ, в это же время преступников «орлили» (на теле преступника выжигали знак орла). С Уложения 1845 г. появились клейма КАТ — каторжник, СК — ссыльно-каторжник, СП — ссыльно-поселенец, Б — бродяга. Татуировки КАТ, ВОР, знак орла сохранили свою популярность в современной тюрьме.

Особенно популярны в настоящее время татуировки-аббревиатуры, имеющие множество смысловых значений. В аббревиатурах имеет место взаимодействие явного и скрытого смыслов. Так, аббревиатура ДНО означает «дайте немного отдохнуть»: блатной с ее помощью демонстрирует собственную принадлежность низовому миру и, с другой стороны, выражает пессимистический взгляд на жизнь, свидетельствует о своей усталости от жизни. Татуировка БОГ имеет несколько скрытых значений: «буду опять грабить», «будь осторожен, грабитель», «Бог отпустит грехи». Имея тенденцию к правильным ритмам, татуированная надпись и расшифровка аббревиатуры могут являться моностихом, двустишьем, трехстишьем. Некоторые аббревиатуры читаются как справа налево, так и слева направо: татуировка ПОСТ, по свидетельству ее носителя, означает: «прости, отец, судьба такая» и «твоя судьба, отец, похожа» [СР]. Татуировка ЗЛО может читаться как трехстишье: «Завет любимого отца» — «Отец любимый завещал» — «За все легавым отомстить» [СР]. В татуировках используются двусложники, трехсложники, дольники, акцентный стих. Стихотворную форму имеют объяснения татуировок-рисунков: «Плыви туда, где нет закона и суда» — стихотворное объяснение татуировки, изображающей парусник, «Оскалил пасть на советскую власть» — объяснение татуировки, изображающей оскалившегося тигра [СР].

Татуировка — визитная карточка осужденного, она отражает то, что в собственном «я» мыслится ему особенно значимым. Если для мужчин, оказавшихся в тюрьме, главной задачей становится завоевание авторитета в воровском мире, то для женщин основным в жизни остается любовь, потому они часто наносят любовные татуировки. Любовная татуировка — это письмо любимому, содержащее вопросы, обещания, обращения, угрозы: КЛЕН — «клянусь любить его навек», ЛЕДИ — «люблю, если даже изменишь», ЯПОНИЯ? — «я прощаю обиду, не измену, ясно?» и др. [Т]. Так, молодая заключенная не без гордости показывала свои татуировки на бедре и руке, свидетельствующие о ее независимости: на руке выбита надпись КУЛОН — «когда уходит любовь, остается ненависть», на бедре корона и буквы SS — «сама себе королева». Татуировки появились у заключенной в тюрьме в память о разводе с мужем.

Татуировки в поэтической форме выражают жизненную философию преступника, его веру или безверие, взгляд на пройденную жизнь и мир в целом.

Бытовая и социальная жизнь трактуется в тюремном тексте в ритуальном плане, особо маркированы моменты перехода. Помещение в тюрьму относится к переходным обрядам, в которых главный герой играет пассивную роль: обряд совершается над ним, посвятителями в обрядовом «входе» в тюрьму являются представители тюремной власти. Картина первого тюремного дня строится при помощи неопределенно-личных предложений: «взяли», «повязали», «закрыли». Пассивность персонажа подчеркивается и в тюремном фольклоре: «повели нас мыться в баню», «нас отдали корпусному» и т. п. [СР]. Лишение инцианта его статуса особенно выражено в первой фазе ритуала, значимыми элементами здесь являются побои, инвективы, раздевание, бритье, символизирующие ритуальную смерть и унижение. Унижение имеет социальный и религиозно-этический смысл: преступник, грешник должен занять предписанное ему низкое положение на иерархической лестнице социального мира.

Конечная цель тюремных процедур — «перерождение», «воскресение из мертвых». Это «воскресение» как в дореволюционной, так и в постсоветской тюрьме связывается с обращением к христианским ценностям. В пропагандистских тюремных изданиях сюжетная судьба персонажа-заключенного выстраивается по легендарной кризисной схеме: падение, кризис, возрождение. В советский период последний элемент не имел открытого христианского смысла, хотя сюжет в целом строился так же.

Что касается не официального, а собственно тюремного текста, то он дает два пути перерождения: покаяние и единение с тюремным братством. Вероятно, можно говорить о двух вариантах тюремного текста: первый носит универсально-тюремный характер, второй — тюремно-воровской. Перерождение персонажа первого варианта текста, как правило, оценивается тюремной общиной как проявление «чуждости», оцениваемой в пространственных категориях («случайный пассажир»). Для тех, кто связан с воровским законом, переход на другой путь — раскаяние, стремление к свободе — невозможен.

Третья фаза лиминального периода — инкорпорация инцианта в социум в новом статусе — для «случайного пассажира» связывается с освобождением, для «вора» и «блатного» — с вхождением в тюремный мир, «пропиской».

Таким образом, все перемещения инцианта от дверей СИЗО в момент заключения до дверей КПП («откидон») для персонажей двух вариантов тюремного текста имеют различный, а порой и противоположный символический смысл и практическую направленность

Суд имеет сложную смысловую организацию. Это — орган государства, рассматривающий уголовные дела, разбирательство и приговор по преступлению. Над этим эмпирическим выстраиваются универсальный и библейский уровни смысла: символический сюжет тюремной биографии заключенного объективирует эсхатологическую ситуацию — смерть и Страшный суд. В ритуале проводов на суд главным является противопоставление тюремное/вольное, тюремное при этом понимается как мертвое, адское, актуализируется также оппозиция свой/чужой внутри тюремного мира: сокамерник начинает восприниматься ка-

мерой как «гость». Действия членов «семьи» призваны воздействовать на результаты суда, их смысл сводится к выпроваживанию арестанта из тюремного пространства и установлению границы: уходящего снаряжают необходимой пищей, используют при проводах формулу «мы тебя не ждем», моют полы, не садятся на кровать ушедшего.

Ритуализовано также отправление на этап, во время которого вновь актуализируется такое свойство заключенного, как пассивность. В этой части посвящения тюрьма наделяется свойствами своего, а ИТУ — чужого пространства.

Покидая зону, заключенные, связанные с тюремной традицией, ритуально оборачиваются, для «случайных пассажиров» актуальны запреты, в числе которых запрет огладываться, запрет забирать с зоны вещи (о них говорится: «они уже нехорошие») и т. п.

Тюремно-воровская субкультура

Представитель тюремно-воровского: хищник—жертва—актер

Криминальная субкультура входит в круг «экстернальных» культур, аккумулирующих свои нормы и символику, свою систему ценностей, специфические стандарты мышления и поведения. Преступный мир находится в подчеркнуто антагонистических отношениях с «легальным» обществом, не признает его юридических и этических законов, отвергает его правила и нормы.

Статус преступника подразумевает положение выключенности из основной социальной иерархии: преступник пребывает вне общества и активно ему противостоит, будучи активным изгоем, он находится вне культурного пространства [Лотман, Успенский 1982: 116]. Пространственное положение преступника зафиксировано в жаргоне: представители криминального мира называют себя *бродягами* и характеризуют свою жизнь как странствие. Идея бродяжничества сближает современную криминальную субкультуру со старинной культурой разбойников и пиратов, также именовавших себя бродягами.

Преступная жизнь — это жизнь «иная», она строится по особым законам. Для преступников характерны специфические «свои» законы и нормы поведения, «свой» иносказательный язык, их поведение — это антиповедение, мир — антимир. Преступник воспринимает себя хищником, диким зверем, воспитанным «иным» пространством. Он добровольно обрекает себя на особую жизнь и особую смерть, потому «изнутри» криминального мира воспринимается как высокий герой: он выступает одновременно и в роли хищника, и в роли жертвы. Помимо этого представитель сообщества, называемого «честным» или «благородным воровским миром», настоящий вор или блатной живет по принципу: «жизнь — игра». В среде заключенных популярен афоризм: «Жизнь — игра, свобода — козырь» [СР]. Рискованная игра лежит в основе воровской эстетики. Вор — игрок, шулер, актер. Абрам Терц, изучавший поэтику блатной песни, писал, что русский вор склонен к фокусу и жонглерству и в каждодневной практике, и в поэтике [Терц 1991: 164].

Поведение современного вора соотносимо с поведением мифологического трикстера, скомороха, сказочного героя-вора: он носит маску «дурачащего дурака», которая является одним из основных его орудий. Кража и обман — основные доблести вора. Вор — хитрец, интеллектуал, лгун. Каждый его поступок носит двойной смысл: истинный и ложный, направленный на обман простака, чей ранг рефлексии ниже. Простаком или дураком может являться на свободе — жертва преступления, в тюрьме — представитель администрации или *первоход*, новичок в тюремном сообществе, еще не прошедший инициацию и не ставший «своим».

Иерархическая лестница тюремно-воровского мира

Деклассированные со времен средневековья имели свои корпорации, организованные по типу ремесленных цехов или купеческих гильдий. В братства и союзы объединялись бродяги, нищие, воры, прокаженные, проститутки. Жесткая иерархия существовала в тюрьмах, где формировалась арестантская община.

Иерархическая лестница современного тюремного мира строится по традиционным законам. Высшую ступень на иерархической лестнице криминального мира занимает вор.

Слово «вор» пишется с большой буквы во всех текстах криминальной субкультуры. «Почему вор — с большой буквы? А почему Бог с большой буквы? Они же отцы преступного мира» [СР], — говорят заключенные. «Вор — это король, это все, это самое наимогущественное звание. Как — звание, звание это у погон, погоны — это мусора, а там не звание, а должность такая, положение вора. Самый авторитет, самый известный человек, самый уважаемый — это вор» [ДК].

Понятие «короля» преступного мира связывает современную отечественную криминальную субкультуру с общеевропейской «низовой» традицией. В средневековой Европе своих королей имели бродяги, шуты, нищие. В этом обозначении «вор-король» есть элемент карнавала, характерного для криминальной субкультуры стремления вывернуть жизнь наизнанку. Здесь, в тюремном мире, создается своя опрокинутая социальная лестница и своя, свободная от «обычных» норм, жизнь.

В тюрьмах заключенными усваиваются основные «воровские понятия», в том числе отражающие стратификацию заключенных. Тюремное арго фиксирует вертикальное расслоение сообщества — иерархию тюремного мира. Выделяются: элита (*вор в законе, смотрящий, блатные*), средний слой (*мужики*) и нижняя ступень (*петухи, обиженные, козлы*). Приводимый ниже перечень и трактовка понятий дана заключенными можайской детской колонии:

> Четыре касты на зонах существуют. Нижняя каста — петухи, вторая — козлы, третья — мужики, четвертая — блатные, пятая, но это не каста, это все, чин — вор. Все, это выше всех. Петухи — не скажу что голубые, ну, есть среди них пассивные гомосексуалисты, есть люди, опущенные по беспределу или не по беспределу. По беспределу — он и то может приехать на зону и жить мужиком. Не то что достойным, а просто мужиком, добропорядочным мужиком, обычным мужиком. Петухи — люди те, к кому большинство из массы, из зоны питают наименьшее уважение, то есть презирают, унижают. Козлы — те же самые активисты, которые пошли к ментам. Мент без

погон, считается. Мужики — они тоже свою систему имеют. Мужик — он живет сам по себе, у него семья на воле, ему ничего не надо, ему главное — досидеть, допахать свой срок, по удо так по удо (условно-досрочное освобождение. — *Е.Е.*), ему без разницы. Ну, а блатные — это все. По этой жизни идем и не сворачиваем. Всю жизнь по каталажкам. «Я вышел — завтра ждите обратно!» Такая жизнь [ДК].

Воровские законы

Закон — одно из ключевых понятий уголовной субкультуры. Под «законом» понимают «неписаные правила, традиции воровской среды, выполнение которых обязательно для всех ее представителей» [Балдаев 1992: 85]. Настоящий блатной чтит воровской закон, живет «по понятиям», стремится поступать «красиво» с воровской точки зрения. Он поддерживает классовую борьбу между ворами и мусорами, презрительно относится к официальным властям, способен на «дерзкий поступок» [ДК] — кражу, убийство, побег.

«Благородный воровской мир» — мир настоящих воров, верных воровской идее и воровскому закону, который называется идейными ворами *верой*.

Принципы воровского закона святые, они похожи на Библию... Принципы — ну, так же как у Господа-Бога: не предать, не украсть у ближнего. Но мы не живем Библией, мы живем здесь. Убить можно, если где-то он перешагнул воровскую черту [СР].

Вор должен быть аскетом, до самой смерти хранить верность новой «вере» и воровскому братству. По старым воровским законам вор, решивший *завязать*, предавался казни. Ради воровской жизни и воровского братства вор должен отказаться от всего, что привязывает его к «мирской» жизни. Воровской закон требует, чтобы он существовал вне социума, отказался от родных, не имел семьи, разорвал все социальные связи. «Считается, что у вора не должно быть ни семьи, ни детей. Ну, чтобы его обратно не тянуло», — поясняют заключенные [ДК]. Подобно посвящаемым во время проведения обряда инициации монахам, сектантам, хиппи и пр., вор метафорически умирает для мира, вступая в новое сообщество — воровскую группу.

Одна из руководящих идей воровского закона — идея единого сакрального тела воровской группы: ради спасения одного из членов тела другой должен принести себя при необходимости в жертву. Так, в воровской среде существует традиция брать на себя *прицеп* — чужое преступление. В случае поимки воров на месте преступления закон обязывает младших покрывать преступления старших, в том числе ценой собственной жизни. Тема прицепа чрезвычайно популярна в тюремном фольклоре — многие предания и песни прославляют героя-вора, который «друзей отмыл, взял вину на себя» [ДК].

Вор обязан помогать другим ворам, в том числе используя общак — коллективную собственность воровской группы. Актуальна метафора: общак — костер, это тот домашний очаг, который согревает все преступное сообщество. «От общака греется тюрьма», — говорят заключенные [ЖК]. Закон запрещает отнимать *кровную пайку* даже у тех, кто находится на нижних ступенях иерархической лестницы тюремного мира. Арестанты должны быть «кровными братьями». Как поясняют заключенные, «кровные братья» — «когда вместе сидят, когда пайку

одну на двоих жрут, когда из одной шленки едят, когда голод-холод, когда один сухарь у кого-то появляется, и то он его напополам ломает или вообще тебе отдает, последнюю рубаху тебе» [ДК].

Закон запрещает сотрудничать с властями в любой форме, занимать командные посты, вступать в актив, носить на рукаве *косяк* — красную повязку активиста. «Достойный арестант» не будет доносить даже на суку (предателя). Закон требует равенства между заключенными. «На тюрьме никто не имеет права другому указывать. На тюрьме это считается беспределом» [ДК]. «Если человек в активе, если он идет старшим: на рабочке, в наряд старшим, если он имеет власть, а люди здесь живут все-таки по тюремным понятиям, — говорят осужденные, отбывающие срок в колонии, — то этого человека, считается, что он покраснел, это стремная вещь» [ДК]. «А если они еще какой-то беспредел здесь творили, таких людей могут убить просто» [ДК].

По закону вор на воле не должен работать — он живет на средства, добываемые кражами. На зоне вор также не работает — это унизило бы его. «У меня руки аристократа — ни одного мозоля», — говорил мне один из осужденных, демонстрируя свои ладони. Руки без мозолей — маркеры непринадлежности к социуму, символы праздности и выпадения из социальных структур, поскольку работа — одно из проявлений официального образа жизни. Работу в зоне зэки воспринимают как рабское служение государству. Положительная оценка безделья, негативная — работы зафиксирована жаргоном: *дурдизелями* называют заключенных-ударников.

Вор должен принимать участие в воровских *сходняках* (собраниях) и участвовать в *разборках* — судах воровских сходок. Вор — не только активный изгой, он — воин. Потому необходимой частью воровской культуры на воле и в тюрьме являются драки. «Свой» в блатной среде обязан уметь драться. В советской тюрьме эстетическую ценность имели в глазах блатных увечья, полученные в драках. «Козырно было — шрам на лице» [СР].

Вор должен уметь не только поступать, но и говорить «красиво». Воровская община имеет свой язык, непонятный для непосвященных, этот язык — знак принадлежности к воровскому сообществу: умение *по фене ботать*, говорить по-блатному, является признаком вора и блатного.

Преступный мир извне обычно воспринимается как смертоносный и разрушительный мир хаоса. Общество вытесняет его на периферию, но не уничтожает полностью. Эта оттесненность, а не полное изгнание, дает хаосу возможность периодически угрожать космической организации.

С точки зрения космоса, для хаоса характерна неупорядоченность и максимум энтропических тенденций: хаос характеризуется как сплошная непредсказуемость и случайность. Однако «изнутри» он видится структурированным и упорядоченным. Как считают представители тюремного мира, предельно энтропична официальная культура, ее законы характеризуются как беззаконие, *беспредел*. Порядок связывается со «своей» организацией, «государством» заключенных: «Тюрьма, сам изолятор — это как государство в государстве. То есть люди живут по своим законам. Это совсем другое. Мы подчиняемся не тем законам, которые правят на свободе или, например, в колонии. Здесь свои законы. Мы

живем в своем государстве. Есть и узкие камерные законы», — говорят заключенные [ЖК].

Этапы приобщения к криминальному миру

Вхождение в криминальную группу сопровождается ритуалами, в число которых с древнейших времен входили клятвы верности новому воровскому сообществу и его уставу. В тюремном стихотворении современный вор-рецидивист свидетельствует, что в верности криминальному миру «жизнью поклялся на ствол и на нож» [СР]. Прием новичков исстари сопровождался обучением арго и специфическим криминальным традициям. Как свидетельствует В.М.Жирмунский, «обучение» играет в распространении арго очень существенную роль, поскольку «арго служило средством опознания "своих", своего рода "паролем", и в то же время — важным профессиональным орудием, ему прежде всего обучают новичка, принимаемого в шайку, как и другим тонкостям ремесла» [Жирмунский 1936: 134]. Кроме обучения арго, новички обучались и воровскому фольклору. Элементы обучения новичка имеют место и в современных тюремных ритуалах.

Ритуал принятия новичка в тюремную среду называется *пропиской*. Он популярен среди малолетних заключенных. В результате прописки «чужой» становится «своим» в мужском доме, тюрьма с момента прохождения прописки для него — «дом родной». Приведем воспоминания рецидивистов:

> Начиналось все с того, что, во-первых, ориентирование по хате. Нужно было найти горизонт, волчок, голубятню, то есть это жаргонные слова. По очереди или кто-то может тебе задать за один присест десять вопросов — не важно. Волчок найти — это глазок, голубятня — это проем для радио, который в стене выдолблен, икона — это правила внутреннего распорядка камеры, в каждой камере на малолетке висит в рамке [СР].

«Другой мир», в котором оказывается новичок, есть прежде всего другой текст, текст на чужом языке. На первом этапе прописки новичок должен продемонстрировать свое владение языком нового пространства. Второй этап — игры на сообразительность:

> Например, вопрос: «Какого цвета потолок в хате?». Сразу же автоматом голова поднимается вверх, говоришь: «Белого». Оказывается, неправильно. За неправильный ответ устанавливается цена, например, пять горячих, то ёсть ударов ладонью по шее. Если ты не хочешь горячих, правильный ответ ты мог купить. Опять назначается цена. А потолок красного цвета, потому что десять лет, а червонец красный. Вопросов много всяких. Вопросы могут затрагивать твое личное достоинство и достоинство твоих близких. Например: «В жопу дашь или мать продашь?». Проверяют, как человек отнесется. А промежуточный ответ, он есть. Не обязательно дать дословный ответ, а главное — мысль показать, что «пацан в жопу не ебется, а мать не продается» [СР].

Как отмечает Г.А. Левинтон, вся вопросно-ответная структура прописки напоминает «сказочную инициацию», ритуальные параллели к которой обнаруживаются в обрядах типа свадьбы с обменом иносказательными репликами [Левинтон 1990: 98].

Третий этап — «игрушки на смелость».

Ко второму дню человек приходит уже уставший. Ему предлагают: раскладывают на полу шахматы, фигуры остроконечные — слоны, офицеры, и объясняют: «Ты должен спиной упасть на эти шахматы». Завязывают глаза. На счет: «раз-два-три» — ты должен упасть и, что самое главное, без промедления. Ты должен быть смелым и человеком слова [СР].

Инициация является ритуалом приобщения к тюремному миру и носит характер игры. «Это называется игрушки», — говорят заключенные [СР].

Новичок учится относиться к испытаниям, как к игре. Описывая прописку, рецидивисты делают следующий вывод: «Юмор должен присутствовать. Должно поддерживаться настроение. Если ты будешь ходить хмурым, подавленным, с тобой будет легко бороться, с тобой быстро расправятся. А если в тебе присутствует юмор, ты человек остроумный, пошутить не прочь, то, конечно, с тобой будет тяжелей — ты духом не падаешь. Ну, и со временем дух твой формируется» [СР]. «В тюрьме обостряется вообще остроумие, интеллект», — говорят малолетние заключенные [ДК].

Прописка — экзамен, сочетающий обучение законам нового мира и проверку того, в какой степени новичок является «своим» в данной среде. Этот ритуал проливает свет на древний обряд инициации, который воспринимался не столько как временная смерть, сколько как своеобразная игра в смерть.

Тюрьма — место прохождения инициации — окончательно связывает человека с криминальным миром.

Посещение этого пространства, понимаемого как не-пространство, дает преступнику возможность стать «своим» в криминальной среде и завоевать определенное положение на иерархической лестнице преступного сообщества. Именно в исправительно-трудовых учреждениях и следственных изоляторах криминальная культура наиболее рельефно выражена и в большей степени доступна для изучения.

Вербальный фольклор

В жизни и творчестве вор играет роль шута, лгуна, дурака. «Смех», «глум», «сквернословие», «бесчинства» — набор признаков, которыми древние источники определяли скоморохов и который может быть использован при характеристике современных воров. В основе воровского мировидения лежит игра, освобождающая от законов жизни и ставящая на место жизненной условности иную, «улегченную» условность. Вор — носитель смехового начала, он использует «дурацкую маску», преимущество которой — возможность обнаружить и осмеять лжегероев, обнажить чужие пороки. Лгун — одна из личин шута, он создает аномальный мир в слове. Словесное искусство воров — это, в первую очередь, искусство лжи. Одна из ведущих форм тюремно-воровского фольклора обозначается жаргонным термином «прикол»[4]. Приколы включают в себя целый ряд устойчивых речевых форм разной жанровой принадлежности, употребляемых в стандартных речевых ситуациях, они являются частью драматизированного диалога

между враждующими сторонами и имеют целью осмеяние противника и понижение его статуса.

Прикол — тест-обман в виде загадки с подтекстом или двусмысленного задания. В основе приколов лежит рефлексивное управление: вор не просто дурачит или обманывает, он управляет поведением антагониста. Антагонистом может являться на свободе — человек, не принадлежащий к воровскому миру, «жертва», в тюрьме — представители администрации или новички в преступном мире. Приколы — часть ритуала прописки. Вот как описывают заключенные прописку *на женской малолетке*: «Заводят, сразу — раз — с тормозов, девочка стоит. Они ей такие выражения кидают: "Стой, иди сюда". Вот что она должна сделать? Ну, она должна снять тапочки и подойти босиком» [ЖК].

Вопросы и ответы могут не быть вербализованы. Популярен прикол-загадка с расстеленным у входа в камеру полотенцем. Первоход не должен поднимать полотенце, он может перешагнуть через него, но свой, блатной, заявляет о привилегированном положении в новом коллективе, вытирая о полотенце ноги. Эта загадка проверяет не только знание тюремных законов жестовой коммуникации, но в первую очередь — умение нащупать скрытый смысл ситуации, обнаружить прикол и включиться в игру.

Во время прописки проводится проверка знания условного «тайного» языка тюремного сообщества. Новичок должен владеть ***феней,*** чувствовать двусмысленность задаваемых вопросов: «За что сел? — За решетку. — Сколько в камере углов? — Пять (новичок — *угол*)»; должен знать правила зоны: «Где будешь спать? — Где бугор укажет»; должен уметь перевести разговор в игровое русло, навязав дающему задание свои правила игры: «Распишись на потолке. — Лесенку поставь. — Заштопай чайник. — Выверни наизнанку. — Сыграй на подоконнике. — Настрой».

В Можайской ВТК заключенные описывают такие приколы: «Спрашивают: "Ты кто: вор в законе или бык в загоне?". Стой так и думай. Вор в законе себя назвать, в тюрьме тем более, каждый кто попало не может. А так отгадка: "Я не вор, но я в законе. Я не бык, но я в загоне"» [ДК]. «Ну, говорят ему: "Ты на машине едешь. Разветвляется дорога. Тормоза у тебя не работают, повернуть ты никуда не можешь. В одном стоит конце дороги мать, а в другом кент. Куда поедешь, кого давить?" Вообще-то отгадка, что надо давить кента, потому что сегодня кент, а завтра мент. Как правило, не догадываются» [ДК].

Новичок должен соблюдать правила «игры в загадки», которая вводит особые условия в постулаты общения. Отгадчик должен дать ответ, вскрывающий глубинный смысл вопроса, имеющий отношение к высшим ценностям тюремного мира, к его составу и иерархии его частей.

Приколы сопровождают все бытовые действия заключенных: используются при отказе от работы, за едой, во время картежных игр.

Заключенные должны уметь направить любой разговор с представителем администрации в игровое русло и тем самым одержать над ним победу, навязав свои правила. «Начальник говорит: "Иди на уборку территории". А ты ему: "Лопата с педалью?" — "Где ты видел лопату с педалью?" — "А ты где видел меня с лопатой?"» [СР]. Приколы, как полагают заключенные, должны обнаруживать глупость тех, кто пользуется не по праву своей властью.

Выполняя законы ИТУ, заключенные пересоздают реальность, превращая их в законы игры, подчеркивают, что подчиняются не юридическим, а собственным условным законам. «С администрацией надо соглашаться, — объясняют зэки-мужики. — Вот он требует что-то, а ты: "Мне разницы никакой: что ебать подтаскивать, что ебаных оттаскивать. Что ебать, что резать — лишь бы кровь текла"» [СР].

Тасуя карты, прикалываются над партнером по игре: «Кто хочет вкусно пить и есть — прошу напротив меня сесть» [СР].

Приколы могут облекаться в сложную иносказательную форму: вор демонстрирует мастерское владение словом и тем самым выигрывает игру.

У следователя на дознании. «Где был? С кем был?» Вот ты ему: «Авто-мото-вело-фото-гребля-ебля и охота — что по чем-хоккей с мячом-бабы-биксы-зубы-фиксы-хитили-потитили-на хуй не хотите ли?» [СР].

Приколы имеют форму пословиц, поговорок, дразнилок на заумном языке, основной их признак — драматизм.

Администрация иногда подключается к игре заключенных, облекая тюремные законы и запреты в форму приколов. Для формирования ритуализованного диалога должно быть единое коммуникативное пространство. Представители власти демонстрируют свое владение общетюремным языком. Так, в ИТУ запрещены азартные игры. «А у администрации есть поговорка, — говорят блатные. — Если в картах нету масти — вам помогут в оперчасти» [СР].

Постоянная спутница приколов — рифма. Умение облекать свои мысли в стихотворную форму ценится как признак высокого интеллектуального уровня. Сама стихотворная речь является знаком «переключения» в другую, вымышленную, условную реальность, в свободный творческий мир игры.

Если для театра нужен зритель, то для игры — партнер, принимающий законы игры, говорящий на условном языке. В народных бытовых сказках рядом с Лгуном часто оказывается Подлыгало, взамоотношения этих двух персонажей отражают древнюю традицию рассказывания скоморошьих «баек» (традицию «лжи»): всякое понимание диалогично, и Подлыгало, дополняя мир Лгуна своими «словами», утверждает тем самым, что в аномальном и абсурдном мире игры возможна коммуникация. Ту же полифонию лжи мы находим и в тюремных приколах. Так, на вопрос собирателя (играющего в данной ситуации роль «одураченного простака»): «Как на зоне наносят татуировки?», воры-блатные отвечают, дополняя друг друга [СР]:

– А здесь тоже салон. Где медчасть, там кабинет, там пишешь заявление начальнику.
– Оплачиваешь — в зависимости от ресурсов.
– Ну, у нас все-таки цивилизация. Как у всех.
– Что-нибудь нарисовать хочешь — на имя начальника колонии заявление пишешь.

Суть прикола в том, что администрация ИТУ категорически запрещает нанесение татуировок.

Приколы, трюки и одурачивание лежат в основе многих тюремных игр, популярных, главным образом, на малолетке. Игры проводятся с первоходом. Ве-

дущий в игре вынуждает новичка поступать таким образом, что сами поступки последнего причиняют ему вред. В результате побеждает тот, чей ранг рефлексии выше, но обычно победителем оказывается более опытный человек, водящий: новичок сам совершает то, что нужно его антагонисту. Водящий моделирует ответные реакции новичка, управляя его поведением в выгодном для себя направлении. Ядро игр составляет провокация. Все действия проводящего прописку направлены на то, чтобы новичок сам совершил позорящие себя действия. Поведение водящего в таких играх соотносимо с поведением героя сказок о ловком воре (воровство не для корысти, а для шутовского осмеяния). Приведем примеры игр, описанных заключенными Можайской ВТК:

Веришь, я тебе налью сейчас в карман воды, а у тебя там сыро не будет? Он, конечно, не верит. Ему наливают литр воды в карман. Вот, мол, мокро. А его спрашивают: «А где сыр-то?». Ну, сыра-то не будет все равно, лей не лей [ДК].

Водолей. Берут рубашку какую-нибудь или телогрейку. Вот он в рукав смотрит. Ему показывают картинки, разные созвездия. Ну, там, Марс, такое. А потом показывают Водолея. Говорят: «Водолей!». И литр воды — раз! [ДК].

Плутовские романы, литературные и документальные описания взаимоотношений наставника и ученика-новичка в разнообразных школах воров, бродяг, мошенников свидетельствуют о том, что необходимым воспитательным приемом, использовавшимся старшим, был тест-прикол[5].

Приколы могут становиться сюжетным ядром устных рассказов, в которых структурную пару составляют глупость и хитрость. Хитрецом в воровских рассказах является вор или блатной, дураками — представители неворовского мира. Для таких рассказов не характерна установка на достоверность. Они близки к жанру анекдота, их главная цель — шутовское осмеяние «чужих». Вот как рассказывает вор-рецидивист о своей интеллектуальной победе над охранником:

Я ехал с тюрьмы в лагерь первый раз. Играл в карты, дубак говорит: «Спать». И загадал дубаку загадку. Говорю : «Если отгадаешь — я тебе карты отдаю и укладываюсь спать. Не отгадываешь — я играю». Я ему загадал, он отгадывал до утра. Поставил так стол, ну, записал. И подходит уже к утру: «Какой ответ?». Это говорит о том, что он тугодум. А загадал: «Шел мужик, попукивал, палочкой постукивал. С кем он поздоровался?». А вторая — я ему загадал сразу две: «Ехал в поезде купец, ел соленый огурец. Одну половину сам съел, вторую кому оставил?». Ну, тугодум ходил до утра, думал [СР].

В форму приколов-загадок облекаются многие анекдоты. Герои анекдотов — зэки, находящиеся в условном игровом мире, где правильно отгаданные загадки являются условием освобождения из тюрьмы.

Посадили одного в тюрьму. Дали пятнадцать лет. Загадали ему загадку. «Отгадаешь три части на женском теле, которые состоят из трех букв, начинаются и кончаются на ту же букву, за каждое слово по пять лет скостим». Он угадал два слова: око и пуп. А третье не отгадал. Ему десять лет скинули, пятеру отсидел. Ну, выходит, в первую ночь жена раздевается, он говорит: «Господи, а я из-за этого пять лет сидел». Какое третье слово? Я сам не знаю [СР].

Анекдоты внетюремного происхождения в тюрьмах трансформируются, их герои становятся зэками, в них вводятся «вставные эпизоды», приближающие мир анекдота к тюремной жизни. Внетюремная жизнь как таковая заключенных практически не интересует.

В воровской среде бытуют рассказы о воровских подвигах, представляющие в смешном виде жертву и демонстрирующие ловкость героя. Как отмечал Д.С.Лихачев, наблюдавший в начале 1930-х годов традицию подобных рассказов в СЛОНе (Соловецком лагере особого назначения), врать, рассказывая о воровских подвигах, разрешается, точно так же как применять шулерские приемы в карточной игре (см.: [Балдаев 1992: 362]).

Однако в большинстве своем воровские предания и устные рассказы имеют установку на достоверность, что особо подчеркивается заключенными: вор характеризуется как человек слова. Множество легенд о честном воровском слове перешло из старого тюремного фольклора в современный. «В тюрьме принято всегда говорить правду, — объясняют заключенные, — вообще всегда. Врать там не приветствуется. То есть всегда все разговоры — они все достоверны. Верить нужно всегда всем. Достойный арестант достойному врать не будет» [ДК].

Воровской мир имеет свою историю. Человек, причастный воровскому братству, гордится своим знанием воровских традиций, своей историей, которая, облекаясь в форму исторических преданий, передается из поколения в поколение. Сегодняшние блатные хранят память о благородном воровском мире прошлого, его королях-*авторитетах*, о наиболее значительных событиях в истории блатного мира. В воровских преданиях неизменно проводится воровская идея, проповедуется верность воровскому закону, противопоставляются два мира: *мусорской* и воровской, воры изображаются как борцы за справедливость. Приведем в качестве образца жанра рассказанное нам в Можайской ВТК предание о возникновении первых воров в России:

> Первые воры пошли в годы революции. Это были беспризорники, вся беспризорная эта рать вообще. Ребята, которые были в колониях, сидели во всех, вот они, когда их начали уже сажать, они начали там делать свою систему. То есть, они уже знали, что выживать им больше нечем как тем, что красть и воровать. Так как в то время был голод там, царские все эти системы. И в то время пошло то, что если ты не отрекаешься от этого, то что ты идешь, то есть ты всю жизнь воровал, то ты и будешь им. Если ты смекалистый такой малый, то ты и будешь воровать. Вот так вот отсюда и пошли первые воры. Это были те, кто начал не так как сейчас там, из богатых семей, а те, кто поднялись из самых низов, с помоек, с улиц. Это были беспризорники. Вся воровская система, все началось с улиц. Все, все, что неслось с улиц, все скапливалось в тюрьмах. От одного человека передавалось к другому, от одного поколения к второму, к третьему. Так пошла. И этим наращивалась воровская суть, вся система. Так пошла вся вот эта жизнь, пошли понятия [ДК].

В этом тексте, чрезвычайно характерном для низовой культуры, противопоставлены «благопристойный» мир и мир тюремный, уличный. Местом зарождения низовой культуры называется помойка, обретающая в тюремном тексте положительную оценку как центр своего пространства, место концентрации творческих сил.

Среди исторических преданий большое место занимают предания об исключительных личностях — легендарных ворах прошлого (таких как Вася Бриллиант, Сонька-золотая ручка), о важных событиях в истории честного воровского мира, о святости воровского слова и вообще — об основных воровских святынях.

В репертуаре заключенных представлены различные жанровые разновидности устной прозы: популярны мифологические рассказы, легенды, предсказания. Во многих тюрьмах и колониях бытуют рассказы о привидениях. В Можайской женской колонии верят в «серую (белую) женщину». О происхождении этого призрака рассказывают следующее:

Здесь в дому эре когда-то повесилась девушка. Это дом ребенка. Вот, то ли она не успела спасти ребенка, то ли что-то там, я не знаю, но повесилась. И когда здесь стали все перекапывать, потревожили ее дух или как, в общем ей это не понравилось. И она стала ходить. Ну, это действительно так, потому что очень многие видели ее тут так [ЖК].

«Серая женщина» предупреждает заключенных о каких-либо важных событиях. Считают также, что она появляется перед амнистией. «Последнее время она очень часто появляется, — говорят заключенные. — Может, амнистия какая намечается? Это у нас примета такая» [ЖК].

Подобные рассказы о призраках известны и в Бутырской тюрьме.

На Бутырке в старых корпусах есть камера, я не помню ее номера, которой нет. Она замурована. Ну, существует предание какое-то, связанное с ней, что существует привидение какое-то, потому что во времена Екатерины в ней, в общем, замуровали женщину [ЖК].

Из числа традиционных ритуалов, соблюдаемых в тюрьмах, особое место занимают гадания. Способы гаданий многообразны, цель же одна — предсказать результаты суда, меру наказания. «Вообще все подвержены мистике там. Гадания постоянно, — говорят заключенные-женщины. — Гадали по-всякому: и на домино, и на чертика, и на кофейной гуще, и на хлебе гадали» [ЖК], «гадают по средам и пятницам в основном» [ЖК].

В женских камерах и колониях популярны также пересказы снов. Описывая тюремную жизнь, заключенные рассказывают:

Утро начинается с чаепития. Конечно, рассказывание снов. В сны там верят, особенно в сны, в которых являются какие-то святые. Очень многие видят мадонну. Там настолько приближаешься к потустороннему этому миру [ЖК].

Человек в этой системе — в тюрьмах, в зонах — он все остро ощущает. То есть, если на свободе нам некогда обратить, как проходят времена года, то здесь мы замечаем. Тот же сон. Да, допустим, моей подруге приснился сон, она утром проснулась, пытается мне его рассказать... То есть на свободе мы не стали бы с вами об этом разговаривать, потому что там масса проблем. А здесь у нас нет ничего. Мы сидим. Заняться нам нечем. И естественно — разговоры о снах» [ЖК].

Но не только тем, что у заключенного много свободного времени, объясняется традиция пересказов снов в тюрьмах. Как отмечают заключенные, тюремный мир всех склоняет к мистике. «Вообще, конечно, народ очень суеверный, —

говорит заключенная. — Мне кажется, в тюрьмах намного, ну очень повышены суеверия» [ЖК].

В тюремных снах главной темой является, конечно, тема освобождения, дороги домой. Верят, что ее предвещает приснившаяся обувь. «Запоминали сны и рассказывали, кто откровеннее. Особенно когда едут на суд. Если ботинки увидишь — значит, домой уйдешь» [ЖК]. В целом же, как отмечают заключенные, «все сны имеют значение. Буквально на все здесь люди обращают внимание, на все мелочи» [ЖК] (о тюремной мифологии см.: [Ефимова 1999а]).

Наиболее изученная область тюремного фольклора — тюремная песня[6]. Однако в современных тюрьмах песни не так популярны, как это принято считать. Как объясняют блатные, человек, любящий петь, может получить в уголовной среде прозвище «Магнитофон»: «его любой может включить», т. е. потребовать исполнить песню. Представление об известных в современных тюрьмах песнях дают, главным образом, песенники и тюремные альбомы.

Предшественниками современной тюремной песни были старинные тюремные песни XVI–XIX вв., родственные им удалые — разбойничьи — песни, тюремные песни литературного происхождения[7] и, в первую очередь, массовые народные тюремные песни второй половины XIX в., в художественном отношении близкие литературным образцам. Удалые песни сохраняли традиции и опыт разбойничьего мира, это были песни тех, кто враждовал с властью и обществом, не желал мириться с существующими нормами жизни, навязывал миру собственный — удалой и страшный закон. Протяжные песни были созданы каторжанами и раскрывали духовный мир заключенных. И если разбойничьи песни близки активным изгоям, то тюремные лирические любимы всеми заключенными. Собственно блатные песни — порождение города. Они тесно связаны с жанром городского романса и, в отличие от традиционных крестьянских песен, имеют тенденцию к рифмовке и правильным ритмам [Бахтин В. 1997: 953]. Блатная песня связана и с определенной литературной традицией.

Наиболее популярны в современном тюремном мире такие жанровые разновидности блатных песен, как баллады, лирические песни, описывающие мир неволи (в том числе политические — диссидентские), удалые песни, шуточные песни эротического содержания, песни-переделки. Большинство тюремных песен можно назвать «слезными»: они призваны вызывать сочувствие к судьбам зэков. В них арестанты — «бедняжки», «несчастные», они плачут и грустят, сетуют на свою судьбу. Эти песни имеют связь с традиционными русскими причитаниями и лирическими песнями. Особым драматизмом из всех жанров тюремной лирики отличаются баллады. Предмет изображения баллад — несчастье, трагическое событие или трагическая судьба. Баллады в лиро-эпической форме повествуют о судьбе преступника, рассказывают о его детстве, первой любви, которая подчас и приводит к преступлению, о самом преступлении, о суде, на котором герой часто произносит покаянную речь, вызывающую слезы у слушателей. Действие баллад в ряде случаев переносится на зону, откуда герой пытается бежать, но пуля «чекиста» прерывает побег. В несколько строф баллады вмещается вся судьба осужденного с его счастьем и горем, любовью и изменой, преступлением и расплатой за него.

Важный элемент криминальной субкультуры — письма. В тюрьмах и ИТУ основной формой общения является переписка. «Различные записки, называют малявы, малявки, мульки, ксивы, как их только не называют. В основном любовные, конечно. В основном. Ну, деловые когда идут. Между мужчинами особенно», — рассказывают заключенные [ЖК]. Деловые послания, *ксивы* — это инструкции и обращения, подписанные вором в законе или группой лиц. Ксивы поддерживают зэков, в них даются инструкции по поведению в тюрьме и на зоне, отношению к администрации, мужикам, козлам, дороге. Особо важные ксивы призывают *к кипишу*, запрещают работать и пр.

Есть такое понятие, как воровской прогон, — рассказывают заключенные. — Ну то есть, если в изоляторе сидит вор в законе, он ориентирует заключенных на правила поведения определенные. Ну, он пишет воровской прогон, который проходит по всем камерам. И, в общем-то те камеры, которые мужские, получают, они отписывают назад вору в законе о том, что принимают точку зрения. Ну, в основном, всегда принимают. Потому что негласный закон. Не имеют права не принять [ЖК].

Воровской прогон — самая важная ксива.

Прогон пишет вор, именно вор. То есть может писать либо сам вор — такой прогон, какой-нибудь легкий. То есть к примеру: живите в братстве, гоните все на общее, то есть ничего сверхзапретного, не убийство, — рассказывает блатной. — А есть, такой идет от вора прогон, он своей рукой его не пишет, он диктует. Он диктует, к примеру, своему писарю, человеку: «Пробить голову тому-то тому-то на сборке, так как он гад, блядь, пошел вразрез с общим и воровским». Не то что он обычный свитерочек там зажал, а, к примеру, вообще там с общака. Прогон от вора — это ходячая семьдесят седьмая. Вся тюрьма — это все его подельники. Он сказал: убить, и все его убили. В конце написано: со слов такого-то такого-то [ДК].

Деловые и дружеские письма отличаются друг от друга функционально и стилистически. Приведем в качестве примера тексты двух поздравительных открыток, адресованных тридцатилетнему заключенному, готовящемуся стать смотрящим за корпусом. Первая открытка носит характер дружеского послания и потому интимное дружеское арго здесь выступает на первый план, вторая написана смотрящим зоны, имеющим право выступать от имени братвы, и носит политический характер — сам факт поздравления смотрящим именинника свидетельствует о том, что последний признается неофициальным лидером.

«Вася!» — Граф-Де «Амбал». От Всей Души своей поздравляю твою светлость с Днем твоего рождения. Игорян! Дружище! Будь всегда здоровым, бодрым, хладнокровным при решении проблем. Никогда не унывай, будь добр к людям, удачи и фарту тебе во всех твоих начинаниях. Искренне с уважением к тебе и братской теплотой — Всегда. Игорян «Гашек». В. — Мох. 19 октября 1998 г.

Игорь! От всей души поздравляем тебя с Днем Рождения! Искренне желаем Крепкого здоровья: Удачи во Благо Воровского и дома Нашего Общего, Жизненного благополучия, скорейшей встречи с Родными и Близкими. С Братской теплотой Л.Касьян и все Бродяги Лагеря. В. Мох. 20.10.98 [СР].

Заключенные-мужчины считают, что ксивы и малявы — синонимы, женщины говорят: «Ксива — это более мужское, малява — женское» [ЖК]. Свои письма они ксивами не называют. Женщины получают и пишут в основном любовные малявы. Для них характерно утрирование чувств, они обильно насыщены метафорами, сравнениями, гиперболами. «Ей же нужно как-то жить. И живет, — говорят заключенные о женщинах, оказавшихся в тюрьме. — Ну, и в общем-то обычно это сильно. Обычно такие чувства на бумаге выкладываются, просто даже удивительные. И в стихах. Ну, там все же в тюрьме стихи пишут. Вот. Все это красиво. Всякое бывает, даже секс. Представляете, на бумаге, да? Тоже встречается» [ЖК].

Но тот, который не может воспринимать эту любовь на бумаге, — объясняют заключенные, — тот, конечно, в шутку пишет. Все это прикольно. Ну, просто играет, чтобы себя отвлечь. Есть такое выражение — «стебается», посмеивается [ЖК].

Тюремная любовь превращается в театр: двое актеров разыгрывают спектакль перед зрителями-сокамерниками, которые проявляют заинтересованность в происходящем на тюремной сцене. Собственно, это даже не спектакль, который созерцают, а карнавал, в котором живут и который является временным упразднением жизненной правды. К тюремной любовной игре применимы слова М.Бахтина о карнавале, в котором «сама жизнь играет, разыгрывая <...> другую свободную (вольную) форму своего существования» [Бахтин М. 1990: 12].

Ксивы и малявы определенным образом оформляются. По оформлению письма можно определить, принадлежит ли его автор к воровскому миру, чтит ли он воровские законы: «О и В (Общее и Воровское) — святое и пишется всегда с большой буквы, — объясняет малолетний заключенный из блатных. — Дом Наш Общий — это тюрьма, тоже с большой буквы. Хата подчеркивается, так как хата тоже наш дом, тоже считается святым. Слово “Вор” пишется всегда с большой буквы и подчеркивается. И имя вора подчеркивается одной полосой. Подчеркивать свое имя строго-настрого нельзя. Подчеркивается только святое и имя вора» [ДК]. Для писем характерны традиционные формулы зачинов и концовок. Вот как об этом говорят заключенные:

«До свидания» не пишется. Подписываются: «С искренним уважением». Начало может быть такое: «Час в радость». Заканчивать могут пожеланием: «Всех вам благ».

Нельзя «спасибо» писать, — рассказывает одна заключенная. — Я написала — он обиделся.

«Спасибо» я не слышала, что нельзя. Но в общем-то мужчина, когда помогает женщине, это у них очень приветствуется, считается очень порядочным. Потому что они всех нас считают своими сестрами. И не любят, когда женщина отвечает тем же, что-то дарит [ЖК].

Один из малолетних заключенных, общавшийся в тюрьме с ворами в законе и вполне овладевший блатной субкультурой, написал для нас образец краткой тюремной ксивы:

Часик в радость вам бродяги х 372. Мир и радость Дому Нашему Общему. Пишет вам Вячеслав Смеян. О и В.

Он пояснил, что особому почерку, которым написана ксива, обучил его один из воров [ДК].

Тюремные письма часто шифруются, причем в них используются те же аббревиатуры, что в татуировках. На малолетке, по словам заключенных, «этими шифровками общаются. Пишут записку, маляву, и в конце там несколько шифровок, это своеобразный тюремный язык. На малолетке очень много различных шифровок: ЛЕДИ — люблю, если даже изменишь, АНГЕЛ — а ненавидеть глупо, если любишь, СТОН — слышишь, ты один мне нужен или ты одна мне нужна, ЛОТ — люблю одного тебя» [ЖК]. Эти шифровки *выбиваются* на теле в память о любви и используются в качестве шаблонных любовных признаний в письмах.

В современных тюремных письмах «на волю» сохранены основные структурообразующие элементы традиционных восточнославянских писем: здесь имеют место типичные начальные и финальные формулы, в роли почтовых стереотипов широко используется альбомная поэзия. Популярны традиционные в русской почтовой переписке формулы с «птичьей» символикой.

Снегири — веселой стаей
Вы наведайтесь в Советск.
Передайте моей Тае
Самый искренний привет [КЧЖ 1994: 43].

Письма начинаются с этикетного приветствия, завершенность им придают финальные формулы:

До свиданья, не скучайте,
Жду вестей, не забывайте,
Всем друзьям, родным привет,
С нетерпеньем жду ответ [ВиЗ 1997: 24–25].

Особую актуальность в тюремном космосе имеют формулы прощения и прощания:

И прости за прогрешенье,
Не люблю я слов,
И слезу прими в прощенье
Да поклон ветров [Пр 1995: 13–14].

Разнообразные фольклорные жанры представлены в памятниках письменного фольклора заключенных — альбомах, песенниках, блокнотах.

Тюремные альбомы — основная форма бытования текстов письменного тюремного фольклора. Альбомный стих в России имеет почти трехвековую историю. Пришедшая из Франции традиция ведения альбомов получила широкое распространение в разных кругах русского общества. Тюремные альбомы со стихами, песнями, афоризмами появились уже на царской каторге [Элиасов 1969: 96]. Л.Е.Элиасов видел их у сибирских старообрядцев, но, к сожалению, не описал. Д.С.Лихачев свидетельствовал, что в 1920-е годы в СЛОНе альбомы со стихами и автобиографическими записями были у многих уголовников [Лихачев 1994: 168].

Современные альбомы продолжают старую тюремную традицию. Они своеобразно оформляются, песни и стихотворения, нашедшие место на их страницах,

могут богато иллюстрироваться. Наиболее популярны рисунки, изображающие решетку, наручники, розы за колючей проволокой, горящие свечи. Так же как на татуировках и марочках, в альбомах часто встречается изображение карт: пиковый туз символизирует тюрьму, «казенный дом», бубновый туз — символический образ заключенного. Как известно, бубновым тузом назывался в старой России прямоугольный лоскут, нашивавшийся на одежду заключенного. В тюремной песне поется об этом: «Пришейте на спину бубнового туза, / Чтоб было видно при отчаянном побеге. / За просто так, за дикие глаза / Меня в лесу пристрелит пьяный егерь» [ЖК]. Развернутая колода выражает общую идею: жизнь — игра.

В тюремные альбомы заключенные помещают стихотворения (сатирические, философские, политические, любовные), стихотворные заготовки для писем, специфические альбомные тексты, обращенные к читателям альбома.

Взгляни, мой друг или подруга,
И пробегись очами по строкам:
Они написаны в часы досуга,
Когда слонялся я по тюрьмам-лагерям [ДК],

— пишет малолетний заключенный в своем альбоме. Именно место создания альбома — непрофаническое, недоступное для обычных людей пространство — должно вызывать у читателя особое уважение к памятнику тюремной культуры и его создателю. Особая группа альбомных стихов акцентирует замкнутость, специфичность тюремной субкультуры, утверждает непреодолимость ее границ в смысле понимания непосвященными. Герой, познавший вкус неволи, обращается в стихах и афоризмах к тем, кто не имеет этого знания, мир свободы при этом осмысливается им как развращенный и праздный. Сквозь альбомную поэзию проходит мысль о том, что вольный человек не способен понять зэка: «Ты не сидел, ты не был там, / Ты пил вино и трахал дам» [ДК].

Для воровской эстетики важно переживание жизни как игры. Вор всегда играет определенную роль, недаром выход на свободу заключенные сопоставляют с выходом на сцену. Выйти надо «красиво», но к этому «красивому» выходу зэк готовится заранее и готовит публику. Находясь в тюрьме, в письмах родным, друзьям и подругам заключенный демонстрирует свою тюремную «просвещенность», «образованность», «элегантность» в выражении мыслей и чувств. Именно для этого заключенные переписывают друг у друга стихотворные заготовки с поздравлениями, пожеланиями, признаниями, которые затем используют при написании писем на волю. «Пусть скалы и горы сойдутся, / Пусть высохнет в море вода, / Пусть солнце и звезды погаснут, / Но я не забуду тебя» [СР], — в подобных формах зэки выражают свои чувства в письмах к любимым. В основе любовных текстов лежит идеализация предмета любви и собственного чувства, они состоят из общих мест и устойчивых формул. Автор тюремных любовных писем являет образец «тюремного вежества», своего рода «тюремной куртуазии». Он соблюдает правила тюремного этикета, и письма его являются определенным ритуалом. Арестант стремится воспеть совершенную любовь в совершенных (с точки зрения тюремной эстетики) формах, потому «влюбленный» часто прибегает к помощи писаря, создающего стандартный любовный текст [Ефимова 1999б].

Заключенные демонстрируют свое интеллектуальное превосходство над представителями властей и свободными людьми, они используют в речи иностранные слова, заведомо непонятные *ментам,* афоризмы из Ницше и Шопенгауэра. Афоризмы заучивают наизусть, они находят место на страницах тюремных альбомов. Так, в тетради рецидивиста мы нашли список изречений на английском, французском, латинском, итальянском языках, иврите. Изречения на иностранных языках наносятся на тело в виде татуировок. Смысл изречения подчас забывается и носитель татуировки не может объяснить, что означает нанесенная на его тело надпись.

Афоризмы вообще чрезвычайно популярны в тюрьмах и ИТУ. Ими испещрены стены штрафных изоляторов, ими украшают альбомы и блокноты, они постоянно мелькают в разговорной речи. Традиционные тюремные афоризмы выражают идеологию криминального мира: презрение к властям и всему людскому «стаду». «Что можно льву — нельзя собаке», «лучше быть последним волком, чем первым среди шакалов», — утверждают зэки [СР]. Для тюремных афоризмов характерны темы неволи, ранней гибели, разлуки, тюрьма и ИТУ осмысливаются в них как места, гибельные для человека. В афоризмах звучат проклятия тюрьме и клятвы мести.

Заключенные-женщины тетради и блокноты со стихами дарят друг другу на память о любви. В них помещаются любовные стихи, в числе которых — традиционные любовные четверостишья, такие как: «Не шути словами, / Не играй судьбой, / Будь моей любовью, / Будь живой водой!» или «Нас не сможет с тобой разлучить/ Даже строгая сила закона. / Мы будем друг друга любить / Даже там, где запретная зона» [ЖК].

В криминальной среде популярен жанр афористического стихотворения. Чаще всего это четверостишья, отражающие мироощущение заключенных, трагизм их положения и одновременно умение прославлять жизнь даже в экстремальных условиях тюрьмы.

Пой же громче, луженная глотка,
Чтоб покойника бросило в дрожь,
Наша жизнь — это бляди да водка,
А цена ей — поломанный грош! [СР]

Стихотворения и афоризмы как памятники криминальной субкультуры связывают мир воли и неволи, исполняются на свободе и в тюрьме. Афористическое стихотворение может найти место на страницах тюремных альбомов и исполняться в качестве застольного тоста при возвращении домой. В тюремных преданиях популярен сюжет о возвращении вора из тюрьмы. Попадая в обычный вольный мир, где к нему относятся с большим опасением, вор блистает приобретенными в тюрьме «аристократическими» манерами, произносит за праздничным столом тост на французском языке и читает стихи, например: «Я поднимаю свой бокал / За тех, кто знает вкус неволи, / За тех, кто в жизни испытал / Всю тяжесть арестантской доли» [ДК].

Заключенные обычно хорошо знают уголовный кодекс. Как говорил известный герой-аферист, «... я чту уголовный кодекс. Это моя слабость» [Ильф, Петров 1948: 363]. Эта мысль, очевидно, владеет арестантами, когда они украшают

свои альбомы списками статей российского уголовного кодекса. Знание УК — признак человека бывалого, «своего» в местах лишения свободы. Этим знанием щеголяют блатные. Статьи уголовного кодекса украшают речь заключенных, используются в качестве иносказательных выражений. «Прогон от вора — это ходячая семьдесят седьмая», — говорит малолетний заключенный-блатной. О недостойном, с точки зрения заключенного, поведении начальства говорится: «Это одна большая сто пятьдесят девятая» (т. е. мошенничество) [ДК]. «Жизнь ты блатная, / Злая жизнь моя, / Словно сто вторая / Мокрая статья», — поется в песне Александра Розенбаума, популярной в тюремном мире.

Тюремные альбомы ведут обычно новички в тюремном мире. Как свидетельствуют рецидивисты, малолетки создают альбомы «в основном, чтобы показать на свободе, вытащить и сказать: “Я зону топтал”» [СР], т. е. они создаются во многом ради их знаковой функции.

В отличие от других субкультурных образований, криминальный (воровской) мир имеет глубокие исторические и мифологические корни: многим народам в период язычества были известны боги воровства и культы ловких воров. Фольклорный образ вора, на который в поведении и поэтике ориентируется современный блатной, связан с архетипом трикстера — комического дублера мифологического культурного героя, нарушителя самых строгих табу, норм права и морали. В основе большинства вербальных текстов современного тюремного (воровского) фольклора лежат трюковые ситуации, берущие свое начало в мифе и фольклоре. Современная криминальная субкультура генетически и типологически связана с институтами разбойничества и пиратства, ряд норм и символов которых находит место в нынешней воровской среде. Тюрьма как «мертвый дом» и одновременно как «дом родной» — едва ли не единственная в современном мире адекватная замена «мужского дома» — особого рода института, свойственного родовому строю. Тюремная культура, вполне традиционная и замкнутая, сохраняет архаические черты, изучение которых дает возможность раскрыть механизмы возникновения и особенности функционирования ряда древнейших фольклорных жанров и ритуалов (в первую очередь, инициации и социализации вора-бродяги).

Примечания

[1] Библиографию классической литературы по русскому арго см. в книге В.М.Жирмунского «Национальный язык и социальные диалекты» (Л., 1936).

[2] Тюрьмоведение зародилось в конце XVIII в., его развитию содействовали пенитенциарные конгрессы (с 1840-х годов), а также периодическая литература. Из числа фундаментальных отечественных работ, содержащих материал по истории русской тюрьмы, назовем следующие исследования: *Сергеевский Н.Д.* Наказание в русском праве. СПб., 1887; *Фойницкий И.Я.* Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. СПб., 1889; *Таганцев Н.С.* Лекции по русскому уголовному праву. СПб., 1892–1894; *Познышев С.В.* Очерки тюрьмоведения. М., 1915; Основы пенитенциарной науки. М., 1923.

Отечественная криминалистика и криминальная психология особенно активно разрабатывают проблемы криминальной субкультуры в последнее десятилетие. О воровских законах, сложных взаимоотношениях в криминальной субкультурной среде, храните-

лях криминальных традиций, обычаев и нравов см. следующие исследования: Правители преступного мира / Сост. А.Гуров, В.Рябинин. М., 1991 (в книге описываются нравы и обычаи современной уголовной тюрьмы, представлены уникальные документы и свидетельства, в числе авторов — юристы, психологи, журналисты); *Пирожков В.Ф.* Законы преступного мира молодежи (криминальная субкультура). Тверь, 1994 (в монографии ученого-психолога выявляется специфика жизни криминальных сообществ, описываются основные ценности и законы внутренней жизни подростков и юношей в специальных воспитательных и исправительных заведениях); *Анисимков В.М.* Криминальная субкультура. Уфа, 1998 (автор прошел путь от рядового работника ИТУ до начальника колонии специального типа, в его исследовании разрабатываются теоретические вопросы криминологии, освещаются обычаи и законы тюремной жизни).

[3] Материал, представленный в настоящей работе, собирался автором в 1998 г. в тверской колонии строгого режима, можайской женской колонии, можайской детской колонии. Заключенным были предложены вопросы, связанные с воровскими традициями, законами, ритуалами, формами общения, особенностями восприятия пространства и времени в тюрьме и на зоне, вербальным фольклором. Заключенные знакомят нас с традициями тюрем многих городов России. Это, прежде всего, московская Бутырка и питерские Кресты, тюрьмы Твери, Владимира, Рязани и других городов. Заключенные, как выясняется, пристально наблюдают традиции и быт российских тюрем, с интересом рассказывают о них. Хочется выразить глубокую благодарность всем осужденным, оказавшим мне помощь в сборе материала для этой работы. В исследовании используется материал, полученный непосредственно от осужденных и на публикацию которого информанты дали свое согласие. В работе мы даем ссылки на материалы из нашего архива, применяя условные сокращения СР, ЖК, ДК (см. Условные сокращения).

[4] *Приколоть, наколоть* — возможно, от известных с XIX в. шулерских терминов «накол», «наколка». «В азартной шулерской игре, *наколка*, помета карт острым ногтем указательного пальца во время самой игры; затем, при сдаче, она нащупывается» [Даль 1881: 420]. Тюремно-воровской язык вообще часто использует картежные термины: характеризуя тюремную иерархию (*масть, шестерка, валет*), удачные или неудачные жизненные события (*масть поперла/выпали пики*), эстетические ценности (*козырно*), жанры тюремно-воровского фольклора (*рамс*). Картежные термины используются в художественном языке татуировок, альбомных рисунков, самодельных игрушек, блатных песен. Пространство жизни блатного — это пространство картежной игры.

[5] В плутовском романе XVI в. «Жизнь Ласарильо с Тормеса» описывается подобное обучение: слепой, у которого проходит школу Ласарильо, предлагает ему приложить ухо к камню, похожему на быка, утверждая, что тот услышит сильный шум внутри. «Поверив его словам, я по простоте своей так и сделал, а он, едва лишь я прикоснулся к камню, так стукнул меня об этого проклятого быка, что я потом несколько дней места себе не находил от головной боли. — Дурак! — сказал он. — Знай, что слуга слепого должен быть похитрей самого черта! — Он был в восторге от своей шутки» [Плутовской роман 1975: 27].

[6] *Акимова Т.М.* Народные удалые песни в устном бытовании и в художественной литературе конца XVIII–первой половины XIX в. Дисс. ... д-ра филолог. н. Л., 1964; *Новикова А.М.* Народные тюремные песни второй половины XIX в. // Русский фольклор. Т. XV. Л., 1975; *Шомина В.Г.* Поэзия тюрьмы, каторги и ссылки. Народные песни и стихи второй половины XIX–начала XX в. Дисс. ... канд. филолог. н. М., 1966 и др.

[7] В народной обработке в XIX–начале XX вв. широко бытовали: «Узник» А.С.Пушкина, «Славное море — привольный Байкал» Д.П.Давыдова, «Хороша эта ноченька темная»

С.Ф.Рыскина, «По диким степям Забайкалья» И.Кондратьева, «Солнце всходит и заходит», использованная А.М.Горьким в пьесе «На дне», и др.

Литература

Анисимков 1993 — *Анисимков В.М.* Тюремная община: «вехи истории». Историко-публицистическое повествование. Б.м., 1993.

Балдаев 1992 — Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы) / Авторы-составители Д.С.Балдаев, В.К.Белко, И.М.Исупов. М., 1992.

Бахтин В. 1997 — Не сметь думать что попало! / Сост. В.Бахтин // Самиздат века. Минск; М., 1997.

Бахтин М. 1990 — *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990.

Бодуэн де Куртенэ 1963 — *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Избранные труды по общему языкознанию. Т. 2. М., 1963.

Гернет 1925 — *Гернет М.Н.* В тюрьме. Очерки тюремной психологии. М., 1925.

Грачев 1997 — *Грачев М.А.* Русское арго. Н. Новгород, 1997.

Даль 1881 — Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Т. 2. СПб.; М., 1881.

Елистратов 1994 — *Елистратов В.С.* Арго и культура // *Елистратов В.С.* Словарь московского арго (материалы 1980–1994 гг.). М., 1994.

Ефимова 1999а — *Ефимова Е.С.* Записки о мертвом доме (мифология современной тюрьмы) // Мифология и повседневность. Вып. 2. Материалы науч. конф. СПб., 24–26 февраля 1999 г. СПб., 1999.

Ефимова 1999б — *Ефимова Е.С.* Любовные мотивы в современном тюремном фольклоре // Eros and Pornography in Russian Culture. Эрос и порнография в русской культуре. М., 1999.

Жирмунский 1936 — *Жирмунский В.М.* Национальный язык и социальные диалекты. Л., 1936.

Ильф, Петров 1948 — *Ильф И., Петров Е.* Двенадцать стульев. Золотой теленок. М., 1948.

Кабо 1990 — *Кабо В.Р.* Структура лагеря и архетипы сознания // Советская этнография. 1990. №1.

Калашникова 1994 — *Калашникова М.В.* Альбомы современной детской колонии // Фольклор и культурная среда ГУЛАГа. СПб., 1994.

Калашникова 1998 — Альбомы детской колонии / Предисл. и публ. М.В.Калашниковой // Русский школьный фольклор. От вызываний Пиковой дамы до семейных рассказов / Сост. А.Ф.Белоусов. М., 1998.

Левинтон 1990 — *Левинтон Г.А.* Насколько «первобытна» уголовная субкультура? // Советская этнография. 1990. №2.

Лотман, Успенский 1982 — *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* Изгои и изгойничество как социально-психологическая позиция в русской культуре преимущественно допетровского периода («свое» и «чужое» в истории русской культуры) // Уч. зап. ТГУ. Вып. 576. Тарту, 1982.

Плутовской роман 1975 — Плутовской роман. М., 1975.

Самойлов 1990 — *Самойлов Л.* Этнография лагеря // Советская этнография. 1990. № 1.

Терц 1991 — *Терц А.* Отечество. Блатная песня... // Нева. 1991. № 4.

Художественная жизнь современного общества 1996 — Художественная жизнь современного общества. Т. 1. СПб., 1996.

Шумов, Кучевасов 1995 — *Шумов К.Э., Кучевасов С.В.* Розы гибнут на морозе, малолетки в лагерях. Рукописные тетради из камеры малолетних преступников // Живая старина. 1995. № 1.

Элиасов 1969 — *Элиасов Л.Е.* Народная поэзия семейских. Улан-Удэ, 1969.

Условные сокращения

ВиЗ — Вчера и завтра. Ульяновск.

ДК — Можайская детская колония.

ЖК — Можайская женская колония.

КЧЖ — К честной жизни. Республика Коми, пос. Вожаель.

ПН — Песни неволи. Воркута, 1992.

Пр — Преодоление. Тверь.

СЖ — *Шелег М.В.* Споем, жиган... Антология блатной песни. СПб., 1995.

СР — Тверская колония строгого режима.

Т — Текстовые блатные татуировки (аббревиатуры) // Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона. М., 1992.

ТВ — Трудовой вымпел. Киров.

Словарь

БЕСПРЕДЕЛ — беззаконие.

БОБЕР — слово имеет несколько значений; в данном тексте близко по значению слову «фраер», но *бобер* — богатый фраер.

БРОДЯГА — представитель тюремного братства; так называют друг друга арестанты, подчеркивая свое уважéние.

ГОРЯЧИЕ — удары, после которых кожа горит.

ДОБРОПОРЯДОЧНЫЕ — соблюдающие уголовные традиции.

ДУБАК — охранник.

ЖИГАНКА — воровка.

ЗАВЯЗАТЬ — оставить блатную жизнь, отказаться от нее.

МАСТЬ — положение на иерархической лестнице тюремного мира; тюремный язык использует картежные термины, фиксируя вертикальное членение сообщества.

МЕНТ — сотрудник милиции.

МУСОР — сотрудник милиции.

ПАХАН — авторитетный заключенный.

ПАРАША — уборная.

ПОНЯТИЯ — под тюремными понятиями понимаются основные неписаные законы тюремной жизни.

ПЕРВОХОД — новичок в тюрьме.

СУКА — предатель.

УРКА — (*устар.*) опытный вор.

ФРАЕР — слово имеет несколько значений; я употребляю его в самом традиционном: человек нетюремный и некриминальный, для блатных — обыватель.

ХАТА — камера.

ЧЕРВОНЕЦ — срок наказания (десять лет).

ШЕСТЕРКИ — арестанты, занимающие одну из относительно невысоких ступеней тюремной иерархической лестницы.

ШМАРА — (*устар.*) девушка; здесь употребляется в значении: блатная.

ШПАЛЕР — (*устар.*) револьвер.

К.Э.Шумов
(Пермь)

Мир больницы: Культурные стереотипы

Болезнь — состояние для человека аномальное. Отношение к больному требует реализации особых стереотипов поведения, отличающихся от привычных обыденных. Более того, во многом эти стереотипы приближаются к обрядовым, т. е. традиционным, но не обыденным.

Практически в любой временной или постоянной группе людей больные и врачеватели выделяются особо. Лечебные учреждения разного типа являются обязательными в городе, в сельской местности, в армии, в местах заключения, в детских лагерях отдыха и пр. Естественно, что традиции, живущие в них, обладают общими и специфическими чертами и взаимодействуют. Степень взаимодействия определяется степенью социальной, профессиональной и возрастной близости групп, внутри которых бытует та или иная традиция. Так, очевидно, что традиции армейских госпиталей близки к традициям лазаретов в местах заключения в силу того, что солдатская среда и среда заключенных близки по степени ограничения свободы, коммуникативной замкнутости и степени оторванности от общих городских (или сельских) традиций. В то же время близость армейских традиций к детским (в частности к традициям детских больниц) определяется возрастными особенностями. Но в каждой группе существуют и общие стереотипы отношения к больным людям и врачевателям.

Особое отношение к больным проявляется как в светской, так и в религиозной жизни. В светской — больной либо на время выбывает из производственных отношений (иногда просто не вступает в эти отношения, находясь «на инвалидности»), либо вступает в специфические, свойственные только для хронических больных (надомные формы труда). В религиозной — для больного снимаются некоторые запреты (так, традиционно исключение во время поста делается для «болящих, путников и ратников»). Стоит отметить, что в мифологических представлениях три указанные категории людей составляли особые статусные группы.

В городе сложились два стандарта поведения, обладающие как общими, так и отличительными чертами. Один — по отношению к больным, проходящим ам-

булаторное лечение и находящимся дома, второй — по отношению к больным, находящимся на лечении в стационаре (клинике, больнице, госпитале, лазарете). Необходимо отметить, что первый способ лечения традиционно определяется как неполноценный, менее качественный, что закрепляется хотя бы уже в просторечном номинативном «полуклиника» (от «поликлиника»). Больной находится в домашних условиях, которые мало чем отличаются от обыденных, он лишь временно исключается из обычных производственных отношений. Лечение в стационаре погружает больного в непривычный, необыденный мир больницы, в особую замкнутую среду со своими специфическими законами.

В ходе амбулаторного лечения отношения между больным и лечащим (врачом или обслуживающим медицинским персоналом) эпизодичны. Они строятся на основе кратковременных посещений: либо лечащий посещает больного, либо больной посещает лечащего. Попробуем проследить, каким образом формируются отношения в ходе этих кратковременных контактов.

Кратковременные контакты

Одним из признаков современных городских традиций гостевания стала едва ли не обязательная смена уличной обуви. Основа ее совершенно рациональна — чтобы не принести в чистый дом уличную грязь. Чаще всего гости надевают запасную домашнюю обувь хозяев, реже — приносят с собой сменную обувь. Аналогичным образом принято поступать во многих общественных местах (в театрах, на приемах и пр.). Стоит отметить, что смена обуви при входе в чужой дом и любые действия с обувью гостя в традиционной системе мифологических представлений носят ритуальный характер. В связи с этим можно упомянуть в качестве примера ритуальное разувание жениха невестой в свадебном обряде, обмывание ног и обуви гостя. У многих народов понятие домашней обуви просто отсутствует — в жилище принято ходить босиком. В русской деревне до сегодняшнего дня существует аналогичная традиция — любой посетитель оставляет свою обувь в сенях или у порога. Можно предположить, что обмывание ног и разувание семантически связаны с оберегом от чужого, нечистого, принадлежащего чужому внешнему миру.

Врач относится к той категории людей, которым позволительно находиться в жилище в своей обуви. К этой же категории относятся слесари, водопроводчики и любые другие профессионалы, производящие ремонтные работы в доме. В какой-то степени это определяется схожим характером их деятельности — устранять неполадки в жилище. Человека же в системе мифологических представлений тоже можно отнести к части жилища[1]. Для врача чужое жилище становится доступным практически без ограничений. Исключением является только временнóе ограничение, не распространяющееся на врача «Скорой помощи».

Конфликт между сложившимся отношением к чужому в доме и доступностью его для отдельных категорий профессионалов выступает в качестве сюжетопорождающего фактора. Стремление обезопасить жилище от квартирных воров является второй его составляющей. Сочетание двух составляющих порождает

группу прозаических сюжетов (частично построенных на реальных фактах) о квартирных ворах, действующих под видом одного из профессионалов, для которых жилище доступно без ограничений. Чаще всего в городском фольклоре героями такого рода рассказов являются мнимые водопроводчики, газовики, значительно реже — врачи. В основе сюжета лежит трансформированная традиция ряженья как попытка выдать себя за кого-то другого. При этом изменяющий свой облик меняет и стереотип поведения. Чаще всего «ряженый» прибегает к использованию идентифицирующего признака — профессиональной одежды (в случае с врачом — это белый халат).

Некоторые действия (или несовершение действий) с обувью приобретают в рассказах о врачах знаковый характер. В качестве подтверждения приведем пример, когда соблюдение традиции приводит отчасти к комическому эффекту:

У нас рассказывал один врач со «Скорой». Он по вызовам обслуживал Шпальный (микрорайон Перми, где расположен так называемый частный сектор. — *К.Ш.*). А там грязь, темно, дома-то свои, лампочки экономят. По осени дело было. Вот он однажды получает вызов, а до дома еще через двор идти. Он идет, ругается про себя, что на свете экономят, дело вечером было, уже темно. Ничего не видно. Стучится в дверь, а открывает хозяйка. Молодая, интеллигентная. И в доме все чистенько, даже непривычно для Шпального. А то там одни бомжи обитают. Она ему стул поставила к постели, где больной. А врач-то сидит и удивляется — такая чистота кругом, а говном пахнет — спасу нет. Он больного пальпировал, прослушал — ничего страшного не нашел. А говном пахнет. Ему даже неприятно стало, чтобы в таком доме, а говном пахнет. А тут хозяйка молодая ходит рядом, чего-то мнется, сказать хочет. Врач рецепт выписывает, а хозяйка решилась и говорит ему-то: «Вы бы хоть, доктор, ноги вытерли, когда в дом входили!». Вот так-то. Чистый был дом![2]

Непонимание традиций

В основе некоторых рассказов о кратковременных визитах врачей к больному лежит непонимание просьб врача, адресованных хозяевам: вместо чайной ложки для осмотра горла врачу приносят столовую или деревянную, пытаются накормить; когда врач просит стакан для прополаскивания горла, ему приносят стакан с водкой и огурец на закуску. Чаще всего такие элементы входят в состав устных рассказов врачей, работающих на «Скорой помощи».

Со «Скорой помощью» связаны и другие часто встречающиеся сюжеты. В первую очередь — о ложных вызовах. В их состав входят рассказы о розыгрышах, которые устраивают друг другу соседи (немотивированные вызовы «Скорой», милиции, пожарных), о вызовах по пустяковым причинам (ребенок поцарапал палец и пр.), о сексуальных посягательствах (как на врачей-женщин, так и на врачей-мужчин), о вызовах наркоманов (желающих завладеть наркотиками, входящими в обязательный набор медикаментов). Приведем один из них в качестве примера.

Тоже у нас рассказывал один. Как-то раз вызов в «Дворянское гнездо» (один из престижных микрорайонов Перми. — *К.Ш.*). А там клиенты — палец в рот не клади: туда не ступи, сюда не плюнь. Я в таких случаях понахальнее себя веду, а то потом жалоб не оберешься. Вот про тот-то вызов он мне рассказывал. Поднялись на лифте на пя-

тый этаж. В подъезде одно что — пальмы не растут, цветы в горшочках на окнах, чуть не ковровые дорожки. Дверь соплячка открывает, лет, наверное, пятнадцати. А у них бригада — врач-мужик и фельдшер тоже. Она не то в пеньюаре, не то в ночнушке. Дверь тут же на замок. Он спрашивает: «Где больной?». А она: «Я больная. Идемте в спальню». Пришли в спальню. Она говорит: «Отвернитесь». Ну, те отвернулись. Поворачиваются, а сучка эта уже столик с закусками выкатила, с водкой, а сама пеньюар скинула, на постели разлеглась. И ноги пошире раскинула. «Вы, — говорит, — сами решайте, кто первым будет, только быстрее. Меня предки на улицу не пускают». Ну тот что-то такое брякнул, мол выпороть тебя, козу, некому. А она башкой кивает: «Порите меня, порите». Еле ноги оттуда унесли, даже протокол о ложном вызове писать не стали[3].

Сексуально-эротический характер носит и группа традиционных рассказов о непонимании больным требований врача. Так, довольно часто на просьбу врача раздеться для осмотра больной полностью обнажается, чем вызывает удивление врача. Другая версия — девушка отказывается от осмотра, считая, что ее хотят изнасиловать и жалуется начальству (главврачу, милиции, родителям). Этот мотив рассказов о взаимоотношениях пациента женского пола с врачом мужского пола послужил основой для создания анекдота.

Старуха говорит: «Когда молодая была, на осмотре всегда раздеться просили, а сейчас — только горло показываю».

Довольно частая для традиций, связанных с медициной, сексуально-эротическая тематика объясняется скорее всего тем, что в общепринятых представлениях о физиологии человека именно эта сфера наиболее понятна. Она же является табуированной в нормативном этикете. Любое «постороннее вторжение» в организм человека обычно тоже табуируется. Врач, таким образом, неизбежно становится отправителем табуированной функции, что ассоциируется в обыденном сознании с сексуально-эротической сферой жизни. Кроме того, с врачом связывают еще одну табуированнаю тему: вторжение в тело умершего человека. Отсюда следует и довольно внушительный пласт представлений о цинизме и небрезгливости медиков. Чаще всего он реализуется в анекдотах, причем не только в анекдотах о врачах, но и в анекдотах о студентах-медиках.

Два голодных студента-медика вскрывают труп. Вскрыли желудок, а там лапша непереваренная. Один быстренько ее в рот затолкал и проглотил. А второй ему и говорит: «Ты что, она же с трупа!». Того вырвало. А второй ее тут же съел: «Спасибо, подогрел!».

Встречаются два патологоанатома. Один другому говорит: «Вскрывал вчера пятилетнюю девочку. Клитор, как огурчик!» — «Что, такой же крепенький?» — «Нет, такой же солененький».

На экзамене в мединституте нужно было наощупь определять органы. Студент руку в чан с формалином засунул, щупал-щупал. «Печень». Достал — действительно печень. Другой щупал-щупал. «Почки». Достал — действительно почки. Студентка щупала-щупала. «Сосиска». Комиссия говорит: «Подумайте». Щупала-щупала. «Сосиска». Достала — действительно сосиска. Студентка ушла. Председатель комиссии говорит: «Чем же мы тогда закусывали?».

К числу кратковременных контактов относится и прохождение разного рода врачебных комиссий (призывной, при поступлении на работу, при определении инвалидности и пр.). В зафиксированных рассказах о прохождении медкомиссий выделяются две основные тематические группы: 1) о непонимании требований комиссии; 2) об удачных и неудачных симуляциях болезней.

Приведем пример из первой группы:

У нас пацан один, Серега, пошел на призывную комиссию. Пацаны рассказывали. А там догола раздеваться надо, и трусы снимать тоже. А в комиссии сидят медсестры молоденькие. Жарко там, они в одних халатиках, а под ними ничего нет. Одна сидит, нога на ногу закинула, а халат-то разъехался, и все видно. Может, они и специально так делали. Серега ее увидал, у него хрен сразу и вскочил. Комиссия смеется: «Годен, — говорят, — годен». Ему же западло так стоять. Тогда ему стакан с водой холодной дали. А он возьми и выпей воду. Оказалось, стакан всем дают, у кого встает. Пацаны хрен в воду окунут холодную, он и опадает. А Серега-то выпил, пацаны рассказывали[4].

Этот сюжет встречается довольно часто. По некоторым признакам его можно было бы отнести к группе, в которой основную сюжетообразующую функцию выполняет непонимание или незнание этикета и профессиональной специфики. Сюда же можно отнести и распространенные рассказы со следующими мотивами: «жены советских офицеров загранвойск приходят в театр, на приемы, в любые другие общественные места, в ночных сорочках, считая их вечерними платьями»; «советские туристы и дипломаты на обеде пьют воду для ополаскивания рук»; «советские туристы в США отказываются есть “хот-доги”, считая, что они изготовлены из собачьего мяса»; «ученик на заводе отправляется за “компрессией” (сжатым воздухом) с ведрами»; «салагу на флоте отправляют на клотик (верхушка мачты) за кипятком, и он идет на камбуз» и т. п. В традиционном рабочем фольклоре углежогов есть схожий мотив: «родственница углежогов, когда те находятся в отлучке, “подкармливает кучонка” хлебами». Очевидно, что данная группа сюжетов взаимодействует с обычаями профессиональных розыгрышей новичков или неофитов в традиционной культуре (о розыгрышах в больничной среде речь пойдет ниже).

Симуляции

Значительное место в этой культурной среде занимают приемы симуляции или сокрытия болезней, которые наблюдаются как во время кратких контактов, так и во время длительного пребывания в больницах, госпиталях и лазаретах. Необходимо отметить, что в разных лечебных заведениях и в зависимости от возраста пациентов приемы разнятся, но не принципиально — по степени тяжести заболевания. В основном это элементарные приемы, применяющиеся еще школьниками, желающими пропустить занятия в школе. Приведем несколько примеров.

«Нагнать» или «настучать» высокую температуру: тайком потереть градусник рукой, приложить градусник к горячей батарее, нагреть градусник под струей горячей воды, потереть градусник о шерсть, натереть подмышки перцем или солью, перед измерением температуры поставить горчичник. Эти приемы зафик-

сированы у школьников, у военнослужащих срочной службы, у заключенных (в колониях для «малолеток» и среди взрослых «на зонах»). Они входят в число общераспространенных. Более сложные, встречающиеся чаще среди заключенных, следующие: глотают хлорку или графит.

«Ангина» или «больное горло»: перед осмотром несколько раз сильно прокашляться, затянуться табачным дымом и прокашляться, смазать горло горчицей и смыть ее, прополоскать горло любым едким раствором слабой концентрации.

Призывники, солдаты срочной службы и заключенные прибегают к следующим уловкам:

«Опухоль» — шприцем под коленную чашечку вводят сгущенное молоко, после чего колено «распухает»; шприцем под кожу вводят машинное масло, в результате образуется опухоль темного цвета.

«Язва желудка» — просверливается копейка, в нее продевают длинную тонкую леску, свободный конец которой привязывают к зубу, монетку проглатывают, в результате на рентгене видно затемнение; на леске проглатывают маленький рыболовный крючок, который рывками вытягивают обратно — анализы показывают язву с внутренним кровотечением; перед рентгеном выпивают немного воды, в результате анализы показывают повышенную секрецию, что является одним из симптомов язвенной болезни.

«Чесотка» — иголкой в нескольких местах накалывают кожу на руке, в кожу втирают соль, после чего раздражение идет по всему телу; кожу натирают шерстяной тканью до появления раздражения.

«Эпилепсия или припадок» — во рту держат кусок неароматизированного мыла для образования пены, закатывают глаза, подергивают мышцами лица.

Очевидно, что некоторые приемы заимствованы из арсенала профессиональных нищих-калек, которые симулировали разного рода увечья. Интересно, что в детской среде у мальчишек довольно популярны некоторые схожие способы имитации, например, синяков и шрамов. К числу самых элементарных относится «наведение синяков» под глазами свинцом (при втирании в кожу свинец дает характерный темно-синий оттенок). Среди современных подростков используются так называемые приколы (которые имитируют, например, спицу, протыкающую насквозь тело или голову, язвы и раны на открытых частях тела), выполненные фломастерами, маркерами, кетчупом и пр. Не исключено, что многие традиции симуляции восходят именно к детским.

Семантическая подоплека симуляций болезни или не-болезни совершенно очевидна. В наиболее общем виде ее можно представить следующим образом: человек прибегает к симуляции с целью попасть в определенную статусную группу или сохранить существующий статус. Призывники симулируют болезни и увечья, чтобы избежать службы в армии, хотя бы и ценой попадания в непрестижную для молодежи группу больных людей. В армии же попасть в госпиталь («закосить») — не столько престижно, сколько «полезно», так как в госпитале солдат получает возможность отдохнуть от службы, отчасти избавиться от дедовщины, лучше питаться. Поэтому симуляции болезней развиты в армии значительно и составляют существенную часть традиции. Среди рассказов о них встречаются и рассказы о неудачных симуляциях.

Парень один на комиссии показывает согнутый палец. «Не разгибается, — говорит, — палец, хоть тресни!» Его спрашивают: «А раньше-то разгибался?» — «А как же!» — «А как разгибался?» — «А вот так вот» (показывает)[5].

Цели заключенных тоже довольно очевидны — попадая в лазарет даже при очень низком уровне медицинского обслуживания, они имеют возможность сменить обстановку, дать себе кратковременный отдых. Кроме того, время нахождения в лазарете зачастую используют для подготовки побегов.

Способов сокрытия болезней, своеобразной «антисимуляции», существует значительно меньше. Их задачи принципиально не меняются — перейти или не перейти в тот или иной статус. Чаще всего при приеме на работу скрывают близорукость при прохождении комиссии. Страдающий близорукостью выучивает наизусть расположение знаков в таблице. В медицинской среде встречается такой сюжет:

Пришел мужик устраиваться монтажником. А там ограничения по зрению очень строгие. Я ему показываю таблицу с кругами, а он вместо направления начинает буквы шпарить. «Все ясно, — говорю, — дядя, годен ты в цирке работать». А тот понять ничего не может — таблицу-то наизусть выучил[6].

Одна из целей «антисимуляции» — досрочно выйти из лечебного заведения. Чаще всего она достигается подменой анализов. О традиционности этого способа говорит то, что он зафиксирован и в художественной литературе (Ю.Герман. «Дорогой мой человек»).

Больничная среда

Изоляция на время лечения больного в стационарном отделении порождает ситуацию, схожую с ситуацией временного ограничения свободы. Поэтому и в больничной среде, пусть в значительно меньшей степени, но проявляются поведенческие стереотипы мест заключения и армейской среды. Принципиальных же различий практически нет.

Времяисчисление

При определении срока лечения некоторые больные заводят календари, которые ведут, как правило, на внутренней стороне дверцы прикроватной тумбочки. Принципиально они не отличаются от календарей заключенных и солдат-срочников. Стоит только заметить, что пока нам не приходилось сталкиваться в больничной среде с изготовлением цепочек (по одному звену на каждый день), как это принято, например, в некоторых армейских частях.

В хирургических отделениях время лечения фиксируется по отношению к проведенной операции — «до операции», «после операции».

Суточный цикл, как правило, разделяется следующими событиями: «до и после процедур», «до и после обхода», «до и после обеда», «после отбоя». Последняя метка наиболее существенна, так как она отделяет регламентированную жизнь по внутреннему распорядку от «вольной», когда больной оказывается «вне

режима», в собственном распоряжении. В зависимости от времени меняются и стереотипы поведения. Любопытно, что даже обозначения стереотипов поведения совпадают в армейской среде и в среде больничной. Так, самовольный уход из здания больницы и из расположения воинской части называют чаще всего одинаково: «самоволка», «самоход». Именно во время «самоволки» или «после отбоя» больной, как правило, нарушает регламентированный стереотип поведения. Связано это, скорее всего, с бессознательной потребностью компенсировать ограничение свободы.

Пространство

Больничное пространство в восприятии больного структурировано по оппозиции свое/чужое. Частично «своим» являются палата, лестничные площадки и коридор. Частично — так как практически в любой момент медперсонал имеет право войти в палату (в них не предусмотрены внутренние запоры, даже в VIP-отделениях). «Чужим», но доступным пространством являются процедурные кабинеты. Некоторые помещения для больных однозначно «чужие» — туда нельзя заходить без вызова (кабинет главного врача, ординаторская, лаборантская). Операционные, абортарий, морг — помещения запретные, окутанные некоторым ореолом мистики. Туда доступ не просто закрыт регламентом больничного режима, запрет на вхождение в них можно отнести к числу условно ритуальных для больного. Особняком стоят помещения для свиданий с посетителями.

«Режимный» стереотип поведения меняется на лестничных площадках и в туалетах (там обычно больные курят). В части записей фиксируется, что эти же пространства используются для интимных отношений. Туалеты, в отличие от палат, имеют внутренние запоры.

Частичная перемаркировка семантики пространства происходит «после отбоя». В наших записях встречаются упоминания о том, что больные зачастую собираются в ординаторских или лаборантских (иногда вместе с медсестрами) в ночное время. «Стол собираем: бутылочка, закусочка, легкая беседа, флирт — так и оттягиваемся ночью».

Свободное времяпрепровождение

У больных довольно много свободного времени, не занятого медицинскими процедурами и осмотрами. Обычно его используют для чтения книг и газет, прогулок и игр. Игры, как правило, стандартные — карты, шахматы, домино, «в слова» и пр. Один из способов занять свободное время — изготовление поделок из подсобных материалов.

Прикладное творчество в больнице является не только специфическим, но и вполне традиционным по некоторым используемым приемам, которые соответствуют выработанным веками в крестьянской среде. Попробуем определить основные. Во-первых, в крестьянской среде изготовление предметов для развлечения базировалось, как правило, на отходах от какого-либо основного производства (гончарного, кузнечного, текстильного, сельскохозяйственного и пр.). Во-вторых, применялись, как правило, уже отработанные на основном производстве технологии, которые со временем не изменялись.

Основная причина, по которой находящиеся на излечении занимаются «поделками», — необходимость каким-то образом занять время, остающееся от «режима». В этом больничные традиции практически не отличаются от традиций заключенных и солдат.

Одной из специфических черт больничного прикладного творчества является использование в качестве материала отходов «больничного производства» — капельниц, систем для переливания крови, емкостей из-под медикаментов. При этом существует негласный запрет на использование «посторонних» материалов. Рассмотрим эту особенность на примере поделок из капельниц.

Первая стадия технологии — подготовительная. В процедурных кабинетах собирают использованные гибкие пластиковые трубки. В конце 80-х годов мне приходилось быть свидетелем того, как те, кто занимается изготовлением этих поделок, с утра занимали очередь, чтобы получить материал. Наибольшим спросом пользовалось реанимационное отделение больницы, в котором капельниц, как правило, больше, чем в других отделениях. После получения отработанного материала от трубок отделяли иглы и зажимы, трубки промывали сильной струей воды из-под крана, затем из трубок удаляли воду (несколько трубок зажимали с одного конца в кулаке и раскручивали) и сушили на батарее центрального отопления или на солнце.

Подготовленные трубки «протравливали» (по терминологии больных) спиртовым раствором йода. При этом остатки лекарств удалялись продуванием, а трубка изнутри прокрашивалась в золотистый цвет. Йод всасывали в трубку ртом (как бензин при переливании из канистры в заправочный бак, каплю йода «катали» внутри трубки, что придавало трубке золотистый оттенок (в зависимости от желания «мастера» можно добиться темного или светлого оттенка). После удаления остатков йода все трубки снова просушивали.

Для окраски чаще всего использовали медицинские препараты и реактивы. Чтобы получить зеленый цвет — «зеленку», красно-алый — реактив для анализа мочи, светло-синего — синьку и т. д. Среди «мастеров» (а в конце 80-х годов увлечение поделками из капельниц было массовым) существовал негласный запрет на использование любых других красителей. Изготовленная поделка считалась не соответствующей требованиям технологии, если при окраске использовали, например, спиртовой раствор пасты для шариковой ручки, хотя цвета получались более многообразными и яркими (при той же технологии окраски, что и при «протравливании» трубок йодом).

Ограничения на использование материалов распространялось и на отдельные детали поделки. «Гармошку» в поделке «Крокодил Гена» делали из гофрированной части пробки от тюбиков с таблетками; для шляпы в той же поделке брали прорезанную верхнюю часть пробки; для меча в поделке «Змей Горыныч» — иглу от капельницы; плащ в той же поделке — разрезанный пластиковый резервуар от капельницы; зрачок глаза в поделке «Рыбка» — колесико от зажима капельницы и т. д.

Операции, которые «разрешались» технологией, — разрезание, плетение и закрепление. Температурная обработка (плавление) и склеивание, например, находились под негласным запретом. В набор инструментов входили перочин-

ный нож, маникюрные ножницы, надфиль. Для хранения инструментов из тех же материалов изготовляли коробки или футляры.

Использование ограниченного набора материалов для поделок характерно и для популярного в приморских курортных городах производства миниатюр из раковин («корабли», «собачки», «рыбы» и пр.). По всей вероятности, табуирование в прикладном творчестве носит устойчивый характер.

При изготовлении поделок из трубок от капельниц и систем для переливания крови существуют три базовые технологии, которые можно условно обозначить по названиям самых распространенных поделок: «Рыбка», «Чертик» и «Корзинка». Первая и третья технологии применялись и в крестьянской среде. «Корзинка», что совершенно очевидно, восходит к плетению из лозы и соломки (трубка, разрезанная или целая, примерно соответствуют по качествам лозе и соломке). Технология «Рыбка», по всей вероятности, тоже заимствована из крестьянской среды. В фондах Пермского областного краеведческого музея находятся похожие экспонаты, выполненные из природных материалов. Технологию «Чертик» использовали в городе как базовую еще в 60-е годы для изготовления «плеток» из изоляции от электрического провода.

В общей сложности нами была зафиксирована следующая номенклатура поделок и композиций из трубок (некоторые изделия уникальны): «Рыбка», «Чертик», «Сова», «Обезьяна», «Крокодил», «Крокодил Гена», «Чебурашка», «Цыпленок», «Петух», «Курица», «Змей Горыныч», «Цветок», «Пальма», «Обезьяна на пальме», «Верблюд», «Бык», «Корзина», «Плетка», «Змея», «Цепь».

Уместно отметить, что использование отходов или отдельных деталей основного производства — характерная черта также и для городских традиций. Из отдельных деталей традиционных радиоприемников в 70-е годы, например, делали радиоприемники в форме «мальчика с галстуком». Распущенные на отдельные нити пластиковые мешки использовали для работ в технике макраме, что было очень популярно в конце 80–начале 90-х годов.

Еще одна специфическая черта — изготовление предметов только «на подарки», но не на продажу. Единственное исключение, с которым нам пришлось встретиться, зафиксировано в 1988 г. Один из больных, закончив курс лечения, взял патент на индивидуальную трудовую деятельность и наладил производство из систем для переливания крови и капельниц «чертей» и «рыбок» «на продажу». За месяц работы он смог продать только пять игрушек. И это при том, что именно на период середины–конца 80-х годов приходится пик популярности такого рода поделок. Их подвешивали под зеркалом в кабине практически каждого автомобиля, их коллекционировали, их использовали как детские игрушки.

С начала 80-х годов стали популярны поделки из спичек, но их нельзя было склеивать, разрезать, ломать и красить. Обычным изделием был дом с двускатной крышей. Нам приходилось фиксировать и значительно более сложные композиции: храм с несколькими куполами, деревню с избами и надворными постройками.

С середины 90-х годов для поделок стали использовать банки из-под растворимого кофе или прохладительных напитков. Из них изготовляли конфетницы, карандашницы, наборы мебели для кукол.

В отличие от традиций, бытующих в связи с поделками в среде заключенных, больные, как правило, могут не только подарить, но и забрать сделанное с собой.

Приметы

Примет зафиксировано не очень много, хотя это и не свидетельствует о реальной ситуации в области «больничного фольклора».

Часть примет связана с оппозицией правое/левое. Очевидно, что они определяют самое существенное для больных: выживет человек или не выживет.

Была у нас кровать в родилке для тяжелых. Ее так ставили, чтобы удобно было и справа и слева подходить. Вот мы и смотрели: с какой стороны первую капельницу ставить будут. Если с правой стороны — выживет, а если с левой — вряд ли. Обычно сбывалось[7].

Следующий текст индивидуален, но традиционен по восприятию оппозиции правое/левое.

Мужик один у нас каждое утро смотрел с шестого этажа на двери морга. Если правая половинка открыта, покойников (за день) будет не много, а то и не будет совсем. А вот если левая — много умрут. [А если двери закрыты?] Тогда не знаю, он нам ничего не говорил[8].

В гастроэнтерологическом отделении клинической больницы № 9 Перми у больных бытовали следующие приметы: если при обходе врач садится слева от больного, его (больного) положение ухудшается, если справа — улучшается; если при новокаиновой блокаде кровь берут из вены левой руки, будет долго болеть, если из правой — боль быстро успокоится.

Некоторые приметы связаны со столом. Во время и перед операциями медсестрам и врачам хирургического отделения нельзя садиться на стол — больной умрет. Аналогичная примета бытует и среди больных. Кроме того, нельзя выкладывать хирургические перчатки на стол после операции — больной не выживет.

Часть примет связана с пожеланиями. Они бытуют как среди больных, так и среди медсестер. Больным перед операцией не желают удачи. Медсестра может пожелать себе «Дай, Бог, спокойной ночи», но другим желать спокойной ночи нельзя. Нельзя говорить «Счастливо» при смене на дежурстве, нельзя говорить «Спасибо». Эта часть примет по способу функционирования практически не отличается от охотничьих и других примет на удачу.

Розыгрыши и шутки

Как и любая, частично изолированная от внешних коммуникаций среда, больница порождает механизмы приема новичков, которые довольно точно соответствуют структурам обряда профессиональной инициации. Попавших впервые в больницу разыгрывают, что связано с их незнанием больничных традиций и стереотипов поведения.

Один из самых частотных розыгрышей реализуется при сдаче первых анализов. Новичку вместо баночки и спичечного коробка ставят трехлитровую банку и

коробку. Когда тот спрашивает, зачем они нужны, ему советуют сдать три литра мочи и три килограмма кала. Этот розыгрыш (заметим, иногда реализуемый на практике с помощью всех больных палаты) породил анекдот, который бытует и как рассказ о реальном случае:

Больному предложили сдать три литра мочи. Он никак не мог их набрать и обратился за помощью к другим больным, в том числе и из соседней палаты. Результат анализа был следующим: пятый месяц беременности, менструация, сахарный диабет и недержание мочи.

Новичку предлагают отнести анализы главврачу в кабинет.

Ночные розыгрыши традиционны для армейской и детской больничной среды.

«Падающий потолок». Над спящим на высоте человеческого роста растягивают простыню (ее за углы держат четыре человека). Потом спящего будят с криками «Землятресение! Потолок падает!».

Спящему под ноги подставляют таз с водой (в гарнизонном госпитале — утку с мочой).

Вышедшему ночью справляют нужду в постель.

Пришивают одеяло к матрасу.

«Велосипед». Вставляют спящему между пальцами ног спички и поджигают.

Очевидно, что только часть розыгрышей является специфической для больничной среды.

Комические ситуации

Особую группу составляют рассказы о возникающих в больницах комических ситуациях. Типичным является сюжет, построенный на несоответствии каких-либо действий больничной атмосфере.

Когда еще были стройотряды, агитбригадам нужно было давать много концертов для населения. У нас одна агитбригада выступала в госпитале для ветеранов войны. Так они свой концерт в палате для тяжелобольных начали с песни: «Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались». Больные были рады[9].

Аналогичная ситуация обыгрывается с исполнением песни «Вместе весело шагать по просторам» в хирургическом отделении, где лежат люди с ампутированными конечностями, романса «Очи черные» или песни «Эти глаза напротив» в глазном отделении больницы, песни «Виновата ли я» в женской колонии.

Краткий обзор традиций, складывающихся между больными и врачами, по отношению к врачам и по отношениям внутри среды, показывает, что они не только порождают новые поведенческие модели, но и транслируют в том числе и архаичные стереотипы.

Примечания

[1] См., например: *Байбурин А.К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. СПб, 1983.

[2] Записано автором в 1994 г. от студента филологического факультета Пермского государственного университета (ПГУ) Сергея С., работавшего фельдшером.

[3] Записано автором в 1989 г. от В.Гришина.

[4] Записано автором в 1989 г. от В.Гришина.

[5] Записано автором в 1997 г. от Ю.Шуваева.

[6] Записано автором в 1990 г. от А.Самаркина.

[7] Записано автором в 1997 г. от И.Авдеевой.

[8] Записано автором в 1989 г. от С.Котика.

[9] Записано автором в 1985 г. от В.Лопаткиной, студентки 4 курса филологического факультета ПГУ.

М.П.Чередникова
(Ульяновск)

Фольклор больничной палаты

Пациенты больничной палаты — группа людей, объединенных общностью быта, общностью потребностей и интересов. В соответствии с этим можно говорить о целостном духовном мире этой малой социальной группы. Ее состав меняется: на смену одним больным приходят другие. Но это обновление происходит не очень быстро: в среднем срок лечения больных в наших стационарах — 21 день. В дни «выписок» в палате всегда остаются «старички», имеющие определенный стаж больничного общежития. Они помогают новичкам освоиться в условиях больничного быта и становятся посредниками в передаче тех традиций, которые здесь установились.

В неврологическое отделение часто попадают «экстренные» больные: их привозит бригада «скорой помощи». Согласно неписаному правилу больничной палаты, выздоравливающие берут на себя заботу о них: приносят еду из столовой, вызывают врача или медсестру в период обострения болезни. Когда приступ снимается и больному становится легче, его пытаются ободрить шуткой, анекдотом, «рассказом кстати», повествующим о выздоровлении пациента с аналогичным диагнозом. Назвать эти рассказы собственно больничным фольклором, конечно, нельзя, так как каждый пациент оказывается носителем устной традиции той социальной группы, к которой он относится за пределами больницы.

Наблюдения показывают, что наиболее употребительными фольклорными формами являются паремии: пословицы, поговорки, присловья. Многие из них трансформируются в соответствии с бытовой ситуацией или характером заболевания, которым страдают больные. Так, поговорка «У солдата — встал — беги» (как лапидарная характеристика солдатской жизни) дополняется второй частью: «А у нас — встал — ложись». Пословица «У кого чего болит, тот о том и говорит» преобразуется за счет конкретизации реалии, актуальной для говорящего: «У кого чего болит, а у нас — голова». О необходимости выполнения больничного режима, обязательного для всех, говорят: «Сюда хоть на танке приезжай».

В размышлениях о больничной жизни пословица вспоминается как авторитетное подтверждение высказанного кем-то суждения:

– Все! Раз попал сюда — готовь опорожнить кошелек.

– Да! «Судиться и лечиться — последнее дело» — так ведь говорят.

Возникают в больнице и специфические устойчивые высказывания, связанные с ежедневно повторяющимися ситуациями, которые для больных становятся своего рода ритуалом. Как правило, это еда и лечебные процедуры.

В ответ на ежедневный вопрос медсестры «Все второй завтрак брали?» отвечают: «А мы уже третьего ждем!». Это же высказывание можно услышать и в том случае, если обед (или ужин) оказался малосъедобным.

Вообще к еде в больнице отношение особое. По отсутствию аппетита судят о состоянии больного. Тем, кто отказывается от еды, строго говорят: «Надо! Ты через силу попробуй». И вот уже переиначивают присловье «ешь — не хочу, пей — не хочу», в обыденной речи означающее изобилие. В устах пациента оно приобретает совсем другой смысл: «Вот как здорово мы живем: ешь — не хочу, пей — не хочу! Все делай, что не хочу». Эта перекодировка семантики известной паремии принимается всеми членами палатного коллектива, и в дальнейшем данное выражение употребляется всегда, когда речь идет о неприятных, но необходимых обязанностях больного (перед трудным обследованием или процедурой).

Среди других паремий наибольшей частотностью употребления отличаются приметы. Человек, находящийся между жизнью и смертью, страдающий сам и видящий страдания других людей, не оспаривает авторитетности традиционного объяснения происходящего. В этих условиях и приходят на память события, которые в свете народных примет получают объяснения: птица в окно билась — к горю, к болезни. Недобрый взгляд (соседа, сослуживца) стал результатом порчи, т. е. болезни. В контексте этих представлений возникает уверенность в необходимости выполнения множества запретов, которые могут предотвратить дальнейшие неприятности.

Один из страхов пациентов неврологического отделения связан с мыслью о возможном новом попадании в больницу. Особенно тягостное впечатление производят известия о том, что на «скорой» привезли больного, который недавно был выписан. Вырабатывается целый ряд правил поведения, направленных на то, чтобы предотвратить несчастье. Одно из таких правил — в больнице нельзя ничего оставлять или забывать: «Забудешь — еще раз сюда вернешься». Аналогичную семантику имеет и ритуальное пожелание, которое произносит практически каждый, кто выписывается из больничной палаты: «Дай Бог нам здесь больше никогда не встречаться».

Больничный день четко делится надвое: до обеда и после. Первая половина дня заполнена для больного заботами: обход врача (главное событие дня), обследование, выполнение лечебных процедур. В это время в палате остаются только самые тяжелые больные. Остальные расходятся по отделению в соответствии с предписаниями врача. После обеда и дневного отдыха начинаются разговоры. Говорят о том, что волнует больше всего: о сегодняшней жизни, о судьбе, о родных и близких (больничная палата — место личных откровений), о политике... Но о чем бы ни говорили, минорный тон удерживается недолго. Сетования по поводу дороговизны лекарств, пьяного мужа или глупых политиков всегда прерываются веселой шуткой, анекдотом или частушкой. Справедливо замечание

начинающего фольклориста Е.Жигариной: «Нигде так часто не смеются, как в больнице. Чем трагичнее обстоятельства, тем быстрее люди, лежащие в палате, откликаются на юмор, выражая стремление в каждой нелепой ситуации найти то, отчего можно, схватившись за животы, похохотать» (см. Приложение). Подхватываются забавные реплики медперсонала, фразы, услышанные в коридоре: их многократное повторение кстати и некстати создает комический эффект.

В каждой палате часто оказывается свой рассказчик — балагур, авторитет которого бесспорен, ибо он создает хорошее настроение. Мне приходилось наблюдать, как женщина, едва пришедшая в себя после очередного приступа, глядя на притихших соседок по палате, произносила: «Однажды уехал муж в командировку...», и начался бесконечный цикл анекдотов о незадачливых женах и мужьях. Во время очередного взрыва смеха рассказчица говорила: «Прости меня, Господи!» или «Вот ведь смеются, а нельзя!».

Анекдот — едва ли не самый популярный жанр в больничной палате. При этом предпочтение отдается анекдотам на эротические темы с подчеркнуто сниженной сексуальной и скатологической лексикой. Смеются не только над похождениями героев анекдотов, но и над собственной физической немочью: в репертуаре каждой больничной палаты есть анекдоты о дистрофиках, об анализах, перепутанных пузырьках и мензурках и т. п.

Другой жанр, который естественно входит в устный репертуар палаты, — частушка. Частушку не поют, а произносят речитативом. Частушечное четверостишие можно услышать и как отклик на последние политические события, и как реакцию на посещение родных, и как комментарий к размышлениям о собственном здоровье.

Предлагаемые ниже материалы — отрывки из дневника собирателя, студентки филологического факультета Ульяновского государственного педагогического университета Е.Е.Жигариной. Это необычный дневник: по форме он представляет собой «альбом» фольклориста, в котором ежедневные записи-наблюдения соседствуют с цитатами из литературы, фольклора, философских и психологических сочинений. Эти вклейки-цитаты — своего рода авторский комментарий к дневниковым записям. Часть вклеек в тетради — письменные документы: пожелания больных, разделивших с Е.Е.Жигариной больничную судьбу, записанные ими песни, скороговорки и т. п.

Устные речения, пословицы и поговорки автором дневника записывались с первого дня пребывания в больнице.

В публикации представлены записи, имеющие бесспорный интерес при изучении современного состояния устной традиционной культуры.

Е.Е.Жигарина

Из дневника собирателя

25 июля 1998 года.

Уже пять часов я лежу в неврологическом отделении медсанчасти Ульяновского автотранспорта.

Народу здесь немного: 8 человек (я в том числе). Очень тяжелых нет.

Атмосфера палаты может быть определена словами: апатия, духота, головная боль (у всех).

Легла я сюда в 9 часов утра. Об имени меня спросили только через два часа. Смотрят на меня так, как будто хотят увидеть другого человека. Наверное, это от того, что кто-то совсем недавно выписался и лежал именно здесь.

Разговоры

О еде

1.

26 июля 1998 года.

В.И.Осипова[1], глядя в жидкую обеденную похлебку:

Ешь, пока ется,
Пей, пока пьется,
Потом, хоть в жопу суй,
Душа не берет.

2.

27 июля 1998 года.

Л.Г.Иващенко[2] предлагает компот, который ей принесли родные из дома:

– Оль, будешь?

О.В.Поколева[3]:

– Не-а! У меня еще вона какао стоит!

– Да вылей ты его в окошко!

3.

Через день:

В.И.Осипова:

– Лен, будешь кваску?

– Нет, Валентина Ивановна, благодарю Вас!

– Что?!

– Да вон у меня еще чаек в чашке.

– Да вылей ты его в окошко!

4.

30 июля 1998 года.

В.И.Осипова:

– Оль, будешь огурец?

– Не-а! Спасибо.

– Почему?
– Да ладно Вам, Валентина Ивановна, у меня в холодильнике тоже огурцы есть.
– Да выкинь ты его в окошко!
(Это пожелание повторялось в аналогичных ситуациях постоянно.)

5.
31 июля 1998 года.
На завтрак нам давали кашу (ее тут, правда, всегда дают).
Н.Н.Михеева[4] после еды:
– Интересно, что сегодня кушал Ельцин-батюшка? Как ведь люди говорят: «Ты видал, как барин едал?» — «Нет, не видал!» — «А я слыхал!»

6.
В.И.Шабаева[5] почти ничего не ест. Не хочет.
Н.Н.Михеева:
– Ешьте, пейте, а то на том свете не дадут!

7.
6 августа 1998 года.
В.И.Шабаева угощает нас какой-то выпечкой.
Н.Н.Михеева:
– Эх! У меня мужики в таких случаях говорят: «Кто пёк, на того бы лёг!».

8.
7 августа 1998 года.
Утром нынче холодновато... Заварила я чайку горяченького. Предлагаю всем.
– Валентина Ивановна! Давайте я вам чаю налью.
В.И.Осипова:
– Лен! Ну что ты! Чуть свет, не срамши! А ты уж с чаем тут.

9.
Вечер. Закипел чайник.
В.И.Осипова:
– Чай готов! Идите кушать!
Н.Н.Михеева:
– Чай не пьешь, где силу возьмешь?
В.И.Шабаева:
– Чай попил, совсем ослаб.
(Диалог повторяется ежедневно.)

10.
8 августа 1998 года.
Ольга купила какой-то растворимый чай, заморский, диковинный. Растворили. На вкус — обыкновенный чифирь, а внешне — пиво. Предлагаем однопалатницам.
Н.Н.Михеева:
– Губит нас не пиво, губит нас вода.

11.
Е.Жигарина:
– Нина Николаевна! Чаек будете?
Н.Н.Михеева:
– Чай пить — только хрен гноить.

12.
Н.Н.Михеева перед ужином:
– Эх и голодная ж я! Кишка кишке бьёт по башке!

13.
Ужин. Медсестра на все отделение: «Палата 222! Вы еще ужин не брали. А ну! Марш в столовую!». Из палаты выглядывает мужчина и таким же голосом: «Ужин не нужен! Был бы добрый обед!»

14.
9 августа 1998 года.
Н.Н.Михеева:
– Лен! Ты знаешь, как расшифровывается слово «жопа»?
Е.Жигарина:
– Нет, не знаю.
Н.Н.Михеева:
– Желаю общего приятного аппетита.
Е.Жигарина:
– Здорово!

15.
13 августа 1998 года.
О.В.Поколевой и З.И.Клянченко[6] поставили системы. Е.Жигарина и В.И.Шабаева принесли из столовой кефир.
О.В.Поколева:
– Спасибо!
В.И.Шабаева:
– На здоровье! Или, как говорят, носите и не стаптывайте!

16.
Полдник. Принесла я В.И.Шабаевой кисель в палату.
В.И.Шабаева:
– Спасибо, Лен. Дай Бог тебе, чего хочется и без очереди.

О лечебных процедурах

17.
1 августа 1998 года.
Очередь в процедурный кабинет. Люди сидят на кушетках с ампулами в руках.
Н.Н.Михеева:
Эх, сейчас опять зад дырить будут!
В.И.Пименова[7]:
– Бог терпел и нам велел.
Две секунды молчания.
В.И.Осипова:
– Да ему, чать, уколов не делали!
Смех.
В.И.Осипова:
Тьфу ты, прости меня, Господи! И смех и грех!

18.

2 августа 1998 года.

Н.Н.Михеева выходит из процедурного кабинета, хромает.

– А-а-а-а! Какой болезненный этот АТФ! Но, как говорят добрые люди, в говно залезешь, лишь бы был толк.

19.

3 августа 1998 года.

Не все названия процедур, даже самые простые, укладываются в бедной голове рядового пациента. Сами больные посмеиваются над этим.

Н.Н.Михеева (ей назначен лазер):

– Мне, мож, сначала-то стукнуть Лазарем, а уж потом — Митрофаном? (Смех).

20.

13 августа 1998 года.

Утро.

Н.Н.Михеева:

– Ну, я к Лазарю пошла!

В.И.Шабаева:

– А мы с Леной к д'Арсанвалю (физиопроцедура — расческа д'Арсанваля). Мы к французу ходим!

Н.Н.Михеева:

– А мне русский Лазарь роднее!

21.

О.В.Поколева:

– Лен! Ты боишься уколов?

Е.Жигарина:

– Да, Оль, боюсь.

О.В.Поколева:

– Знаешь, Лен, меня сейчас один мужик научил уколов не бояться (смеется): как только всадят — повторяй про себя имя любимого человека, легче будет.

22.

11 августа 1998 года.

В.И.Шабаева делает йодовую сетку на «виноватом месте», куда делают уколы. Вздыхает:

– Эх, одни выебины, да колдоебины (ср.: выбоины и колдобины).

О родне

23.

25 июля 1998 года.

Разговаривают о пьющих мужьях.

В.И. Чугунова[8] многозначительно:

– Одно название «муж»...

«"Муж"... Объелся груш».

24.

4 августа 1998 года.

К Н.Н.Михеевой пришла сноха.

Н.Н.Михеева:

– Говорила я мужу: «Никому о том, что я в больнице!». Нет же, дубовая башка! Что ты! У него такое горе! Вся планета должна знать! Правильно ведь люди говорят: «На своем языке не удержишь, на чужом не поймаешь».

25.

Н.Н.Михеева рассказывает о своем пьяном муже:

– «Ты что? Хочешь землю караулить?» — это я ему говорю. А он — хоть бы хны.

26.

9 августа 1998 года.

Н.Н.Михеева:

– Знаете, как обо мне муж-то говорит? «На леченой кобыле далеко не уедешь». Представляете?

27.

10 августа 1998 года.

Разговор о мужчинах.

Н.Н.Михеева:

«Пусть курят, пьют –
На том свете не дадут!»

Разговоры о жизни

28.

Н.Н.Михеева:

– Оно ведь как? Судьбу-то не объедешь.

В.И.Осипова:

– Счастье не хрен, в руки не возьмешь.

Н.Н.Михеева (после посещения родственников):

– Теща и свекровь — чем дальше, тем роднее.

29.

13 августа 1998 года.

В.И.Шабаева:

– Вот, говорят, чтобы радикулит вылечить, нужно, чтобы первый ребенок по спине твоей походил. А вы видели моего первого ребенка? Да у меня таз в противень превратится, если она на меня встанет!

30.

В.И.Шабаева после встречи с нелюбимой снохой пришла в палату и произнесла:

– Ты пишешь, что себе сломала ногу.
Ну, черт с тобой!
Купи себе костыль!
И выходи скорее на дорогу,
Чтоб задавил тебя автомобиль!

31.

28 июля 1998 года.

З.А.Фалюшина[9]:

– Лена! Как ты думаешь, кого больше любят: детей или внуков?

– Наверное, внуков. Хотя... Бог его знает!

– Внуков! Они — враги наших врагов. Они за нас отомстят!

32.

2 августа 1998 года.

Оля заходит в палату. Хохочет — заливается. Рассказывает:

– Счас завтракали... Ха-ха-ха! Мальчишка там... Ну паренек... Встает посередь столовой и говорит: «Ну почему все говорят, что я дурак?! Я не дурак! Это просто у нас в роду».

Вечером пошел разговор о том, что люди ничего не знают, и вообще все дураки, но: «Мы не дураки. Это просто у нас в роду». — Так появилось любимое палатное присловье.

33.

4 августа 1998 года.

Нынче в столовой в обед была давка. Ну не то чтобы давка, но народу много.

Одного мужчину посадили за угол стола.

– Эх, Степка, тринадцать лет замуж не выйдешь! — подшучивают остальные.

А он говорит:

– Эх, мужики! Вы что говорите-то! Это для молодых баб так. А я... Я тринадцать лет женат.

Вечером к Валентине Ивановне Шабаевой пришел муж, сел на угол кровати.

– Ты что ж это, старый, сел на угол кровати? Разве мы 13 лет живем вместе? А ну, подсядь поближе!

Муж у нее не понимает, пересаживается. А мы смеемся...

«Правильно люди говорят...»

34.

25 июля 1998 года.

Накачали меня разными лекарствами. Состояние ужасное. От стугерона постоянно хочу спать. Но это — временно. А пока хожу, как избитая, стенки собираю локтями.

Вот так сейчас шла по коридору. Мужчина окликнул сзади:

– Женщина! А женщина! Сколько выпила, а? Бросай! Молодая, а как пьешь!

(Аналогичную реплику можно услышать в любом неврологическом отделении.)

Сходили мы с В.И.Осиповой на прогулку. Идем к палате в конец коридора. У В.И. — неврит. Она поддерживает свою губу и веко пальцами. Говорит:

– Хоть гвоздик прибей!

Вдруг подскакивает по-молодецки какой-то мужчина:

«А ну, команда, равняйсь! Почему у вас такие кислые лица? А ну, выше нос, мать вашу!..»

35.

26 июля 1998 года.

Больные часто называют вещи иносказательно.

Приведу пример.

Медсестра заглянула в палату.

– Все на месте?

Ушла. Дверь оставила открытой. А в тот вечер ветер был холодный. Сквозняк.

Бедная В.И.Осипова взмолилась: «Закройте эту собаку!»

Л.Г.Иващенко взяла свою клюшку и толкнула ею дверь. Ну вот, опять можно засыпать спокойно.

В.И.Чугунова:

– Вот что значит третья рука!

Л.Г.Иващенко откликнулась:

– Не рука, а нога!

36.

27 июля 1998 года.

Л.Г.Иващенко съела сегодня за завтраком манную кашу и огурец. Заболел живот. Побежала без палочки в туалет. Возвращается:

– Ой! Моя нога!

– Что?! Болит?!

– Нет! Забыла!

37.

29 июля 1998 года.

В.И.Шабаева вчера заявила, что у нее подушка «чертом пахнет»: «То ли на нее пятки ложили, то ли анализы сдавали!.. Не разбери поймешь что», — говорила она.

Сегодня утром вся палата встала и сетовала на то, что у каждого подушка чертом пахнет.

При этом смеялись мы, как вчера, так и сегодня: откуда же это В.И. узнала, как пахнет черт?!

38.

30 июля 1998 года.

О.В.Поколева:

– Лен! Ты умеешь гадать?

– Да, Оль, умею.

– Погадай!

– Тебе на что?

– А ты как умеешь?

– Да по-всякому!

– Что, Лен, пока учишься, всему научишься? (смеется).

39.

1 августа 1998 года.

В.И.Осипова пробирается к умывальнику... Пока шла, наткнулась на два стула. Подошла... И случайно уронила пару чужих зубных щеток. Тут она охнула:

– А-а-а! Здрасьте, жопа — Новый год!

40.

В.И.Осипова сегодня утром охотилась на комаров. Убила троих.

– Ну все, Валентина Ивановна, на войну вас возьмут!

– Э! Не! Я мелко плаваю — жопа наружу. Куда мне!

41.

4 августа 1998 года.

Неделю назад *В.И.Осипова* перешла на кровать рядом со мной: пользуюсь популярностью, так как не храплю по ночам.

Сегодня пришла к ней гостья.

– Валь, ты уж на новом месте?

В.И.Осипова:
– Да, Галь.
Н.Н.Михеева:
– Да, да всю ночь кричит: «Приснись жених невесте!»
(Смех).

42.
6 августа 1998 года.
После тихого часа.
В.И.Осипова:
– Лен, ты спала?
Е.Жигарина:
– Нет, Валентина Ивановна! Так просто...
В.И.Осипова:
– Прищипилась что ли?
Е.Жигарина:
– Что, что?
– Прищипилась?
– А что́ это?
– Это значит, приумолкла, притихла.
Е.Жигарина:
– А-а. Прищипилась! При-щи-пи-лась...

43.
7 августа 1998 года.

Утром у В.И.Осиповой и санитарки произошла стычка в туалете. Не пускает она больную! Говорит: «Подождите с полчасика!».

В.И.Осипова: «Срать да родить — некогда годить!»

44.
В.И.Осипова перед обходом:

– Эх! Придет врач, скажу ей: «Я бабушка хоть куда, а жить мне осталось два понедельника».

Е.Жигарина:
– А почему только два?
– Да так говорят...

45.
О.В.Поколева охотится на комаров.
Удар! Не попала...
Н.Н.Михеева:
– Улетел, ядрена мать!
Не смогла его поймать!

46.
Н.Н.Михеева поправила свою постель:
– Эх, как у молодой,
Постель стоит горой!

47.
В.И.Пименова и Н.Н.Михеева лежали на соседних койках. Пименову выписали.

Н.Н.Михеева:
– Нынче буду я одна,
Без соседки, без шабра.

48.
Разговор о деньгах.
Н.Н.Михеева:
– Насте — сласти,
Немного — в профсоюз,
А сам с хреном остаюсь!

49.
Н.Н.Михеева уже пять минут что-то ищет.
Е.Жигарина:
– Что ищете-то? Может, помочь?
Н.Н.Михеева:
– Косты... А, вот! Нашлась пропажа у дедушки в штанах!

50.
9 августа 1998 года.
Когда кто-нибудь охотится за мухами и не попадает в цель, окружающие говорят:
– Она за тебя молиться будет.
И прибавляют:
– Да, да всеми шестью лапками.

51.
11 августа 1998 года.
После тихого часа у Н.Н.Михеевой встал чуб дыбом.
В.И.Шабаева:
– Чегой-то у тебя чуб дыбом встал?
Н.Н.Михеева:
– Да... И нашим, и вашим, и мордвам, и чувашам.

52.
В.И.Шабаева после обеда:
– Ну что?
На повестке дня
Одна херня?

53.
Я часто теряю свои очки и ищу их.
Н.Н.Михеева:
– Говоришь, недавно были?
Е.Жигарина:
– Да, только что были.
Н.Н.Михеева:
Мышка, мышка,
Поиграй, да отдай!
Мышка, мышка,
Поиграй, да отдай.
А! Вот они! На подоконнике!

54.

12 августа 1998 года.

В.И.Шабаева:

– Выпишут меня в пятницу или нет? Может, выпишут? Чем черт не шутит, пока Бог спит?

55.

Когда-то еще в начале моей работы запомнилась мне интересная ситуация. Мы сидим с Ольгой (Поколевой) на лавочке перед больницей и болтаем о житии-бытии.

Вдруг видим: идет женщина, явно пациентка нашей больницы. И в руках — вилок капусты. Мы с Ольгой: «Щи что ли варить задумала?» — Хохочем. Она улыбнулась и объяснила, что листьями капусты лечат головную боль и привязывают их к «зауколенному месту».

С тех пор любое действие, связанное с лечебными свойствами капусты, называется у нас «варкой щей».

В.И.Шабаева прикладывает листья капусты к голове.

О.В. Поколева:

– Что, тетя Валя, щи варите?

В.И.Шабаева:

– Да! Щи варю!

56.

13 августа 1998 года.

Н.Н.Михеева:

– Вот вчера мне Оля не напомнила — я забыла выпить таблетку. Ну, у нее память девичья! С нее спрос — горсть волос!

57.

14 августа 1998 года.

Выписывают сегодня всех, кроме В.И.Шабаевой. Она возмущается, говорит, что в новом коллективе не приживется:

– На фиг

Такой график!

58.

З.И.Клянченко чуть свет начала собираться, упаковывать все, что возможно. Надела свое легкое платьице. А на улице пасмурно, ветер сильный.

Н.Н.Михеева:

– Может, сам придет, тебе кофточку принесет?

З.И.Клянченко:

– Может! Когда я ложилась, жара под сорок была.

Н.Н.Михеева:

– Правильно люди говорят: «Идешь на день — бери на неделю!»

59.

У Н.Н.Михеевой суперприческа: все волосы дыбом!

Встала перед зеркалом:

– Ба, девчонки, смотрите!

В.И.Шабаева:

– Не одна я в поле кувыркалась,
Не одной мне ветер в жопу дул!

60.
З.И.Клянченко выглядывает в окно:
– Боязно все-таки в легком платьице.
Н.Н.Михеева:
– Что, Зин?
– Выйду на улицу,
Гляну на село:
Девки гуляют,
И мне весело?!

Приметы

61.
27 июля 1998 года.
В.И. Чугунова:
– Когда выписываться, Лен, будешь, ничего не забывай! Забудешь — еще раз сюда вернешься.

62.
Л.Г.Иващенко:
– Лена! Я заметила, что у тебя бокал с трещиной.
– Ну да... А что?
– Выкинь его.
– Зачем?
– Да вся жизнь с трещинками будет.

63.
29 июля 1998 года.
В.И.Шабаева поведала нам такую историю:
– Сестру я хоронила два года назад. Умерла она у меня, бедная! Так вот птички бились в окно! Вот бились! Вот бились! Прям в стекло! Вот ведь говорят же, что если птички в окошко бьются — к покойнику. Они ведь за душой прилетают.

64.
2 августа 1998 года.
У В.И.Осиповой на сорочке булавка приколота.
Е.Жигарина:
– Валентина Ивановна! Снимите! Опасно: вдруг расстегнется!
В.И.Осипова:
– Нет, Лен! Это от сглазу. Еще, если боишься сглазу, как увидишь человека, повторяй про себя: «Соль в глаза! Соль в глаза!».

65.
3 августа 1998 года.
Е.Жигарина:
– Оль! У тебя есть зеркальце? Дай, пожалуйста!
О.В.Поколева:
– У меня только разбитое. Не дам.

– Почему не дашь?
– В разбитое зеркало посмотришься — жизнь разобьешь.

66.
4 августа 1998 года.

Сегодня в тихий час к нам в окошко залетел голубь. Молодой совсем — только еще летать, видать, учится. Ловили мы его вдвоем — я и В.И.Осипова. Поймали-таки, отправили за окошко — в мир свободы.

В.И.Осипова:
– Не к добру! К покойнику!
В.И.Шабаева:
– Ничего подобного! Это к вестям: вести могут быть и хорошими, и плохими.

67.
Очередь в процедурный кабинет. На кушетке — ни одного свободного места. О.В.Поколева, не долго думая, села в инвалидную коляску, стоящую рядом.
В.И.Шабаева:
– Оля, ну-ка встань! Ольга! Садиться в инвалидную коляску нельзя: в другой раз тебя туда посадят!

68.
Сегодня вся палата говорили, что я во сне болтала. *О.В.Поколева* в связи с этим:
– Если взять человека, разговаривающего во сне, за мизинец, он будет разговаривать с тобой.

69.
Вечером возвращаемся с прогулки. Я взяла под руку В.И.Осипову, а с другой — меня взяла под руку В.И.Пименова.
Сзади *В.И.Шабаева* со смехом:
– С одной стороны, ты, Лен, можешь загадать желание, потому что стоишь между двух Валентин, а с другой стороны, муж у тебя будет хромым, потому что ты под руку взяла одну Валю, а другая Валя взяла тебя под руку.
Е.Жигарина:
– А как же нам быть?
В.И.Шабаева:
– А ты возьми обеих под руки или они пусть тебя возьмут! Так-то лучше будет!

70.
7 августа 1998 года.
У меня из рук падает тетрадка.
О.В.Поколева:
– О! Неожиданность какая-то будет у тебя!
Е.Жигарина:
– Почему?
– А если что-нибудь нечаянно обронишь, кто-нибудь нежданный придет, или встреча неожиданная, или... Ну, в общем там!..

71.
З.И.Клянченко:
Если тебе приснится странный сон, ты должна умыться и сказать: «Уйди, сон! Пропади сон!»

«Смех всегда дает выздоровление»

Больничные скороговорки

72.

12 июля 1998 года.

Тяжело заниматься больным невритом! Сиди часами перед зеркалом и отбарабанивай всякие скороговорки! Я часто помогаю Н.Н.Михеевой и В.И.Осиповой, подзадориваю, предлагаю новые скороговорки. А недавно...

Н.Н.Михеева перед зеркалом:

– А-а-а!.. О-о-о!.. И-и-и!.. Господи! Как надоело! Черт!

Е.Жигарина:

– Нина Николаевна! А попробуйте вот так: «Я люблю-у-у пи-и-и-во, конья-а-а-а-к и во-о-о-дку! Иногда пью-у-у самого-о-о-он!»

Вы бы видели Н.Н.Михееву и В.И.Осипову! Они после этого целый день твердили, что любят вышеуказанные напитки! Твердили и хохотали!

На обходе врач их похвалил, отметил, что есть результаты стараний.

Вскоре слова о пиве, водке и коньяке разнеслись по всему отделению и воспроизводились в самых разных вариантах: «Я-а-а люблю-у-у М-а-а-альборо, Кэ-э-эмэл и А-а-астру». После взрыва смеха логопедические упражнения начинались сызнова.

Анекдоты

73.

26 июля 1998 года.

Л.Г.Иващенко:

– Женщина одна пошла к гинекологу: «Не пойму доктор... Как только пойду в туалет — четыре струи...» Доктор: «Ну, давайте посмотрю... Да у вас тут пуговица от кальсон!».

74.

27 июля 1998 года.

Ночью О.Поколевой на щеку муха села. Морщится, морщится, а не сгонит. Утром в ответ на подтрунивания Ольга вздыхает:

– Лень было!

В.И.Пименова рассказывает анекдот «по поводу»:

– Сестра! Сестра! Сгони с меня муху! Она мне всю грудь истоптала! — Вот и мы уж, как дистрофики!

75.

13 августа 1998 года.

Разговор о том, что власть имущие никогда нас не поймут...

Н.Н.Михеева:

– По Сеньке — шапка, по ядреной матери — колпачок.

В.И.Шабаева:

– Сытый голодного не разумеет. (Пауза) Прибыл однажды Брежнев в воинскую часть.

– Ну, как дела? Как кормят?

– Да ну, Леонид Ильич! Все овес да овес! Заржем скоро.

Брежнев:

– Нет! Не заржете! Я сегодня утку съел и не закрякал!

76.

Рассказала нам Н.Н.Михеева, как вредно ходить по ночам в коридор.

– Вот одна женщина пошла в туалет, да когда возвращалась, спутала палату и попала в мужскую... Легла на койку... Да мужик один, видать, тоже по нужде ходил. Пришел да обомлел инда:

– Это что у меня за подарок?

– Чё-оо?! Это моя кровать!

– Ну раз твоя, тогда подвинься!

77.

4 августа 1998 года.

Н.Н.Михеева:

– Знаете, в центре магазин новый делали как-то... Мебельный... Построили... Все ничего, хороший... Стали вывеску ставить... Ну, что, магазин-то мебельный. Да буквы примастрячивать начали с конца... Одну букву только не приделали... Оставили назавтра. Едет мой сосед утром по городу, смотрит: «Ебельный магазин».

78.

8 августа 1998 года.

Н.Н.Михеева:

– Вот сейчас в медицине чудные названия, и мы их не понимаем... А раньше ведь и элементарного не знали.

Вот была у нас давным-давно в деревне женщина одна... Музой Игнатьевной ее звали. Царство ей небесное! Все знала. Культурнейший человек!

Вот однажды у одной нашей бабы мужик разболелся. Понос прошиб.

Приходит та баба к Музе Игнатьевне.

– Муза Игнатьевна! Помогите моему мужу: дрищет постоянно!

– Мне нужен его кал!

– Что? Кал? Нет, Муза Игнатьевна, этого нет. Просите, чего угодно! Есть и яички и чеснок. А кала нет!

– Понимаете, это... Когда ваш муж сходит на двор... Соберите это и принесите мне...

На следующий день баба несет полведра этого самого кала.

Муза Игнатьевна:

– Ой! Зачем так много?

Баба:

– Тут все: и утренник и вечерник.

(Всеобщий смех.)

79.

В.И.Шабаева:

– А у нас и того хлеще было. Приходит женщина к врачу. Дети у нее заболели.

Врач:

– Тошнота? Рвота?

– Что? Нет! Этого, помилуй Бог, нет! Они блюют и дрищут.

(Смех.)

80.

12 августа 1998 года.

Сегодня утром разговор зашел об ульяновском диалекте.

В.И.Шабаева:

– Мне моя приятельница рассказывала... У нее родственники жили в Майнском районе... Короче, она с мужем поехала туда... Ну, как приехали, там, конечно, стол, бутылка — все чин чинарем. Вот поели и стали разговаривать. И вот... «Уж у нас страхи таки были! Восейка чуть не обосрался!». И муж моей приятельницы после этих слов помрачнел и погрузился в раздумья. Ночью, когда все ложились спать, он спросил у своей жены:

– Слушай, вроде мы тут всех, всю округу знаем... Но кто такой Васейко?

Приятельница моя чуть не покатилась! Хохотала! Хохотала! «Восейко, — говорит, — здесь означает “недавно”».

Утром хозяева спросили гостей:

– Вы над чем всю ночь ржали? — Те объяснили.

В общем, смеялись все до обеда.

81.

З.И.Клянченко:

– А вот у нас чего было... Отец у меня, царство ему небесное, клеил галоши. И вот однажды пришла к нему соседка и просит:

– Исаак Иванович! Подклейте мне галоши!

А отец мой говорил так... Говорит:

– Пудклею! — то-бишь «подклею».

А соседка та аж авоську с яйцами на пол уронила:

– Что Вы, батюшка, Исаак Иванович! Где ж это я вам пуд клею-то возьму?

Частушки

82.

5 августа 1998 года.

Н.Н.Михеева после обеда пришла в палату и, сказав: «Есть еще у нас порох в пороховницах», — спела несколько частушек:

На дворе стоит корова,
Хвостом семечки грызет,
А теленок с ридикюлем
К кооперации идет.

83.

У меня коса большая,
В косе лента семь аршин,
Меня любит, завлекает
У вдове красивый сын.
У-уух!

84.

На дубу сидит ворона,
Кормит вороненочка.
У какой-нибудь разини
Отобью миленочка!

85.

Валентине Терешковой —
Дочери космической
Подарил отец Хрущов
Хрен автоматический.

86.

А я не Алла Пугачева
И не Ольга Воронец,
Полежать бы с Будулаем,
Подержаться за конец.

87.

Почему галош не стало,
Их не стали продавать,
Потому что всю резину
Стали на хрен надевать.

88.

Не любите, девки, море,
Не любите моряков,
Моряки обманные,
Да как часы карманные.

89.

Синь, синь, синь, синь,
Да синее сияние!
Нынче вечер как-нибудь,
А завтра на свидание!
У-у-ух!

90.
В.И.Осипова речитативом:

Какой муж-то у меня,
Не пьет ни пива, ни вина,
Гонит самогоночку,
Поит меня, бабеночку.

91.

Какой муж-то у меня!
Любит девок, любит баб.
А я ему и говорю:
«Люби бабушку мою».

92.
Н.Н.Михеева немного другим голосом:

На Чекуровской горе
В колокол ударили!
Мужика за хрен тянули
Да все старухи плакали.

93.

Огурцы и помидоры,
Хороши и овощи.
Пизда едет на такси,
Хуй на скорой помощи.

94.
6 августа 1998 года.
Н.Н.Михеева, как вчера, на всю палату распевает срамные частушки:

Мою милку ранили
В фашистской Германии.
Вместо пули хрен воткнули,
В лазарет отправили.

95.

Я уёб телегу с бегу,
Надел на хуй колесо.
У ульяновских девчонок
Манды гробом разнесло.

96.

Чаща, чаща,
Что на свете слаще?
Или сахар, или мед,
Или девочки перед?
(Смех.)

97.
7 августа 1998 года.
В.И.Осипова сегодня плохо выглядит. Идет дождь.
Е.Жигарина:
– Валентина Ивановна, ничего, что дождь. Все в порядке. Вас скоро выпишут.
В.И.Осипова с мрачным лицом:

– Вот какая я была,
Лед колола и плыла.
А теперь, какая стала,
Песни петь и то устала.

98.
В.И.Шабаева:

Я на пегой на кобыле,
На сноповых лошадях,
На босу ногу в тулупе,
На расстежку в сапогах.

99.
Н.Н.Михеева:

Ой, ха-ха, ха-ха, ха-ха,
Чем я, девица плоха?
На мне юбка азая,
Сама я черноглазая.

100.

Вот пошли уж времена!
Вот пошли моменты,

Даже кошка у кота
Просит алименты!

– Еще только домогался Клинтон до Моники, а уж суд на всю планету.

101.
О.В.Поколева: «Почаще надо улыбаться, чтобы поскорее выздороветь».

Примечания

[1] Валентина Ивановна Осипова (1930 г. р.); место рожд. — с. Тетюшское Ишеевского р-на Ульяновской обл.; профессия — портниха; образование — 6 классов.

[2] Лидия Григорьевна Иващенко (1940 г. р.); место рожд. — г. Воронеж; профессия — бухгалтер; образование — среднее специальное.

[3] Ольга Викторовна Поколева (1968 г. р.); место рожд. — с. Ясашная Ташла Тереньгульского р-на Ульяновской обл.; профессия — транспортировщица Ульяновской кондитерской фабрики «Волжанка»; образование — среднее специальное.

[4] Нина Николаевна Михеева (1944 г. р.); место рожд. — д. Мостовая Ульяновского р-на Ульяновской обл.; профессия — продавец-кассир; образование — среднее специальное.

[5] Валентина Ивановна Шабаева (1947 г. р.); место рожд. — с. Репьевка-Космынка Майнского р-на Ульяновской обл.; профессия — диспетчер пути Ульяновского отделения Куйбышевской железной дороги; образование — неполное среднее.

[6] Зинаида Исааковна Клянченко (1949 г. р.); место рожд. — д. Орловка Калужской обл.; профессия — рабочая; образование — среднее специальное.

[7] Валентина Ивановна Пименова (1941 г. р.); место рожд. — с. Абрамовка Майнского р-на Ульяновской обл.; профессия — инженер-технолог; образование — среднее специальное.

[8] Валентина Ивановна Чугунова (1936 г. р.); место рожд. — г. Саратов; профессия — упаковщица; образование — неполное среднее.

[9] Зинаида Алексеевна Фалюшина (1922 г. р.), место рожд. — г. Ульяновск, профессия — фельдшер; образование — среднее медицинское.

А.В.Тарабукина
(Санкт-Петербург)

Фольклор и мифология прихрамовой среды

Современные православные верующие в России, полностью подчинившие свою жизнь жизни церковной и ограничившие свой круг общения, а по возможности, и свой круг деятельности церковной оградой, представляют особую маргинальную группу, очень разнородную по социальному составу и образовательному уровню. Члены этой группы называют себя ***церковными людьми***. Число их постоянно растет за счет новообращенных, которых становится больше с каждым годом; с другой стороны, некоторые церковные люди полностью меняют свою жизнь и возвращаются в светский мир, навсегда или на время забывая собственную воцерковленность. Их, однако, гораздо меньше. Несмотря на все различия, церковных людей объединяет единое, хотя и несколько противоречивое видение мира.

Русская православная культура формировалась на протяжении веков, однако для характеристики жизни и мировоззрения современных церковных людей особенно важен период в истории русской церкви, называемый синодальным. Реформа Петра Великого признается историками церкви переломным событием русской истории наряду с такими, как крещение Руси, татарское завоевание или раскол. Реформа изменила многовековые отношения церкви и государства, что явилось основой для роста авторитета и дальнейшего главенства светской культуры в русском обществе. В синодальный период, период императорской России, растет и обретает все больший авторитет в жизни страны часть общества, далекая от церковной жизни, а люди, близкие церкви, все больше замыкаются в своем мире.

После ожесточенной борьбы Петра I с церковным «мракобесием», столь важной для русского православия традицией бытового мистицизма, после гонений бироновщины и секуляризации церковных земель, проведенной Екатериной Великой, Русская православная церковь вступает в период, который характеризуется отнюдь не только и не столько унижением церкви государственной властью, а напротив, некоторыми историками признается эпохой расцвета (см.: [Карташев 1992: 316]). Действительно, оказавшись под давлением государства,

церковь вынуждена была измениться, но это и способствовало созданию той церкви, из которой вышли религиозная философия нового времени и те формы святости, которые более всего отвечают духовным потребностям современных верующих.

В XIX в. важнейшей частью церковной жизни становится богословие. Множество иерархов, проповедников и духовных писателей вслед за св. Филаретом (Дроздовым) оставило наследие, ставшее наряду со святоотеческой литературой краеугольным камнем духовной жизни православных в наши дни. Тогда же возникает «светское» богословие, т. е. участие мирян в богословских трудах. До сегодняшнего дня не забыты труды славянофилов (А.С.Хомякова, Н.С. и К.С.Аксаковых), Вл.Соловьева, Н.Бердяева. И, наконец, послепетровская эпоха не только доказала стойкость, но и способствовала расцвету важнейшего для русской духовной жизни явления — монашества, причем в форме, ставшей символом духовного совершенства и надежды на спасение для всех православных, в форме знаменитого старчества. Позволим себе разделить пафос известного историка церкви А.В.Карташева: «Петр бросил вызов русскому монашеству, и через 50 лет оно ответило ему явлением святителя Тихона Задонского, старца Паисия Величковского, еще через 50 лет — святого Серафима Саровского, через новые 50 лет — святителя Феофана Затворника, старца Амвросия Оптинского и целого полка оптинцев» [Карташев 1992: 320]. В конечном итоге именно в синодальную эпоху сформировалась церковь, воспитавшая своих духовных детей, которые вместе с ней приняли и чуть ли не все XX столетие несли подвиг мученичества от рук советских гонителей веры.

К началу XX в. завершается процесс формирования синодальной церкви. В эти годы одновременно с возрастанием активности части верующих и «оправославливанием» царствующего дома происходит окончательный разрыв с интеллигенцией. Как нам представляется, в это время завершился процесс формирования прихрамовой среды как обособленной части общества.

В начале XX в. церковные люди сознательно противопоставили себя светскому миру, подчинившемуся, по их убеждению, сатанинскому владычеству. С этого времени начинается новый этап в истории Русской православной церкви и преданных ей людей, на котором и судьба церкви и жизнь каждого верующего понимается как жертвенный подвиг ради спасения мира и каждой человеческой души. Однако и ранее церковные люди отличались от светских своеобразным видением мира, которое объединяло «при храме» людей разных сословий. Между тем наука не рассматривала церковных людей как носителей определенной культурной традиции. Необходимо сделать исключение лишь для «калик перехожих» — исполнителей духовных стихов. Начиная с прошлого столетия, духовные стихи не раз попадали в поле зрения исследователей, но об их носителях как об особой социально-культурной группе впервые заявил Г.П.Федотов: «Его (духовного стиха. — *А.Т.*) носителем является класс профессиональных певцов, одаренных и обученных. Самый быт этих певцов приводит их постоянно в соприкосновение с церковью» [Федотов 1991: 15]. В критической статье на диссертацию А.Попова о влиянии письменных источников на народные религиозные представления А.Пономарев обозначил носителей народных духовных стихов

как людей, отличающихся по своему сознанию от крестьян [Пономарев]. Кроме того, необходимо отметить описание людей, живущих церковной жизнью, проделанное С.В.Максимовым [Максимов 1887], а также выделение нищенских просьб как жанра фольклора В.Щепотьевым [Щепотьев 1928] и составление словаря нищих Слуцкого уезда священником Ф.Сцепурой [Сцепура 1881].

Определяющим картину мира, какой ее видят современные церковные люди, можно, по всей видимости, считать состояние эсхатологического ожидания. По их представлениям, приблизительно на рубеже XIX–XX вв. началась эпоха, непосредственно предшествующая царствию антихриста и концу света, которая продолжается до сих пор. В эсхатологическом свете трактуются все события XX столетия. Так, Ленина современные верующие считают предтечей антихриста, или собственно антихристом, которому Господь не дал полную власть, так как отодвинул конец мира ради крови новомучеников, которая отчасти искупила грехи человечества. Вторая мировая война понимается как поворот к возрождению православной веры и т. д.

Эсхатологическое ожидание определяет и образ жизни церковных людей, который можно охарактеризовать как своеобразное монашество в миру. В самом деле, православный должен быть готов к тяжким испытаниям, которые могут наступить в любую минуту, а следовательно, вся его жизнь — это подготовка к этим испытаниям: очищение духа, искоренение «самости», развитие «духовного зрения», или, иначе говоря, привычки к мистическому восприятию любого, пусть самого незначительного, явления действительности. Монашество представляется современным верующим наиболее верным путем спасения, что способствует росту популярности монастырей и монахов-священников среди православных мирян.

С эсхатологическим ожиданием связано и восприятие времени и пространства в среде современных церковных людей. Так как будущее связывается в их сознании с царствием антихриста, а настоящее воспринимается как время хаоса, время все возрастающей власти сатаны над миром, то взгляд их обращается к прошлому, которое мифологизируется, становясь «золотым веком», временем абсолютного порядка, гармоничных отношений человека и Бога. Обращенность к прошлому как идеалу влияет на эстетические пристрастия церковных людей, которые проявляются во всем, от характерной архаизированной манеры одеваться до любви к псевдодревнерусским пейзажам. Эта же обращенность влияет и на жизнестроительство верующих. Идеалом для современной православной семьи является мифическая древнерусская семья (см., например: [Пестов 1995]).

Так как настоящее — время господства хаоса, то почти все земное пространство воспринимается как пространство профанное. Исключение составляют незначительные по масштабу сакральные локусы, где господствует Божественный миропорядок и человек постоянно ощущает присутствие Господа. Для церковных людей это места, расположенные в непосредственной близости от какой-либо святыни, причем наиболее почитаемы монастыри.

Если церковный человек оказывается в профанном пространстве, например совершает поездку, обусловленную необходимостью личного или экономического порядка, в удаленные от храмов и монастырей места, он спешит вернуться

домой, в родную церковь, к духовному отцу. Необходимые же дела делает, стараясь не видеть ничего вокруг себя, постоянно творя молитву. Время, проведенное вдали от святыни, переживается им мучительно. Он спешит закончить дела, день его загружен до отказа, он не позволяет себе ни отдыха, ни малейшего проявления интереса к месту, в котором находится. Кажется, что церковный человек старается избежать всех контактов с тем пространством, в котором оказался. Пространство, где нет святыни, для него не только чуждое; это пространство, покрытое мраком: для церковного человека отчасти происходит реализация метафор «мрак неверия» и «темнота непросвещенных». В городах и селах, где нет святыни, дьявол особенно силен, поэтому свет Божий там слабее. Человеку, достигшему определенной духовной зрелости[1], видно, что там действительно темнее, как будто облако закрывает небо.

Е. (около 75 лет) вспоминает: «Вот, а потом, значит, я на пенсии, мне на год пенсию дали по болезни. Я должна была пройти комиссию. Я тогда батюшке говорю: "Батюшка, благословите, я поеду, комиссию пройду." — "Ну, хорошо, хорошо". — Я говорю: "Я быстренько, быстренько, батюшка, приеду". И так вот съездила, прошла я комиссию, и вот только еще еду туда, в Минск, в автобусе, а мне все уже опротивело. Опротивело все, не могу, какая-то стоит темнота по всему городу! Вот прямо не нравятся ни дома, ничего...» (записано в г. Печеры в марте 1993 г.)[2].

Люди, живущие в профанном пространстве, не знают истинного Божественного света, а значит, находятся во власти сатаны. Даже если грехи этих людей незначительны, они оказываются слепыми исполнителями сатанинской воли, «зомбированными»[3].

В рассказах о паломничествах к святыням (как устных, так и литературных), о местах, которые паломник преодолевает по пути, говорится лишь в связи с упоминаниями о встреченных им трудностях и их преодолении с помощью Божьей и духовного отца.

В сущности, в рассказах о паломничествах основной акцент делается либо на преодолении с Божьей помощью профанного пространства, либо на состоянии паломника в сакральном пространстве: чувстве просветления, легкости и т. д., которые он испытал в святом месте. Реже и, как правило, в литературных текстах уделяется равное внимание и тому, и другому. Предпочтение же первого или второго зависит от цели повествования: например если паломничество приводится в жизнеописании подвижника, то акцент ставится на преодолении трудностей по пути к святыне благодаря его молитвам (см.: [Савва: 127–136]).

Итак, если пространство без святынь воспринимается церковными людьми как чуждое, не вызывает у них никакого интереса и возбуждает желание скорей покинуть его, то святое место, напротив, как магнит, притягивает к себе православных «путешественников». Паломнику стоит большого труда не задержаться в другом святом месте, которое вовсе не является целью паломничества, но расположено на пути к цели. Порой изменяются планы, сдаются железнодорожные билеты, соответственно изменяется отведенное на поездку время. О своем паломничестве к украинским святыням рассказывает жительница города Печеры:

> А потом поехала когда в Почаев, доехала (Господи, от Тебе это было) до Киева, и у мене кричит голос внутри: «Сходи, сходи!» Прямо не то что вот, прямо кричит в голове: «Сходи!» Я сошла <...> Я сошла и стою. Стою и смотрю. Сошла я и пошла на этот, где это, касса. Я уж забыла, где эта касса. Подошла, говорю: «Сделайте мне остановку». — «Ты зачем сошла? — кассир. — Ах, выдумщица!» — А у меня внутри голос <...>: «Отстала!» Даже я так руки опустила, дрогнула. «Ах, ты отстала!» — она так мило, Господь-то ее размягчил. Вышла, думаю: «Куда ж теперь идти-то?». Вышла и стою. Подходит старичок и говорит: «Раба Божья! — (Видишь, как Господь-то послал!) — А тебе в церковь надо?» — Я говорю: «Да!» — «Вон Владимирская». — Куда, какой тут, машины бегают! Я побежала и не слышу! Здесь вот недалеко, прямо видна! Пришла, как зашла, сразу на Варвару Великомученицу: «Варвара Великомученица!». Приложилась. И голову, и все, аж и ручки видать. Потом на правой стороне был Владимир — приложилась. Это было в шестьдесят девятом году. А на левой стороне — Макарий Египетский. Приложилась — и звонок. Всё, закрывается. Я вышла оттудова. Куда ж теперь? Подходит женщина. От Тебе это было, Господи! Я поняла: нет, не простая была! На ней салатная была, и платочек салатный, темно-салатный, не бледный, и юбочка, и кофточка длинные, все такое: «Раба божия А..., ты куда едешь?» — Она знает! — «Я в Почаев». — «Хорошо побывать тебе у сидячего Афанасия» (А., около 70 лет, записано в январе 1994 г.).

Очевидно, что все, что происходит с А., она воспринимает как чудо, начиная от приказания сойти в Киеве и заканчивая событиями в городе, в том числе и неожиданную вежливость кассирши, и посещение церкви незадолго до закрытия. Выйдя из поезда, А. оказывается в чудесном мире, где ощущается постоянное Божественное присутствие, где даже молиться о помощи не нужно — она приходит сама, стоит только подумать о своей нужде.

Святое место в представлениях церковных людей преисполнено благодати, там постоянно присутствует Дух Божий. Святые, чьи мощи покоятся в местных храмах, оберегают «своих людей» и оказывают воздействие на неверующих. В святом месте святые постоянно находятся рядом, поэтому там молитвы действеннее, ведь они идут непосредственно к Богу. По той же причине больше ценятся кресты, иконы, нательные образа и т. д., освященные в святом месте, чем те, что освящены в обычной церкви. После посещения святыни паломникам не рекомендуется по дороге домой заезжать куда-либо еще с не-духовными целями, чтобы «не растерять благодать».

Одним из самых почитаемых святых мест в современной России является Дивеевский женский монастырь, расположенный в Нижегородской области. В качестве примера осмысления сакрального локуса церковными людьми мы обратимся к устному бытованию предания Дивеевского монастыря. Все использованные материалы были записаны в с. Дивеево от паломников и местных жителей в августе 1995 г. Во всех приводимых текстах отражены самые распространенные представления, мы располагаем большим количеством записей вариантов каждого сюжета.

Дивеевское предание основывается на почитании Божьей Матери (особым покровительством которой пользуется, по мнению верующих, монастырь), а также преподобного Серафима Саровского и дивеевских блаженных. Это объясняется тем, что обитель пользовалась покровительством святого Серафима Са-

ровского при его жизни, а он воспринимается как один из избранных слуг Богоматери[4]. Святому Серафиму было открыто, что Божья Матерь особенно возлюбила вверенную ему обитель [Летопись I: 256]. Ныне монастырь находится под покровительством Божьей Матери и Святого Серафима, это святая земля, поэтому она прославлена подвигами блаженных, как никакая другая обитель.

Дивеевцы особенно чтят предание своего монастыря. История обители, ее покровители, блаженные, отношения с императорской фамилией, пророчества о месте обители в грядущей судьбе России тщательно собраны, изучены и изданы, о них рассказывают монастырские экскурсоводы, они хорошо известны всем, кому не безразличен монастырь (см.: [Дивеевские предания 1992; Четвертый удел Богородицы 1992]). Устное предание, однако, не только опирается на письменные тексты, но и существенно дополняет их. Так, среди рассказов об истории монастыря важнейшее место занимают рассказы о подвигах и пророчествах дивеевских блаженных. Самый известный — рассказ о встрече блаженной Прасковьи Ивановны с царским семейством. В распространенной устной версии рассказа блаженная предсказывает при помощи красной материи гибель императорской фамилии.

> Посмотрите, как она предсказала царю Николаю. Они приехали, это они приехали, когда открылись мощи святого Серафима. И вот она так, а келейница ее говорит, это в Летописи написано[5]: «Пашенька, Пашенька! Царь Николаюшка идет, — говорит, — давай, ковер стели, ковер скорее!» — Она: «Уберите сейчас же. Уберите ковер». — «Пашенька, да он уже вот он, целый экскорт!» — «Уберите ковер, не стелите!»<...> Заходят они, царь Николай и царица Александра. Она тогда и говорит келейнице: «Постелите теперь ковер». Она и говорит, а у нее же пальцы были такие с ног большие, сама всегда грязненькая, и вот эта Паша грязненькая приказывает царю, говорит: «Садитесь на ковер!» — пальцем. Они переглянулись с царицей друг на друга. Она им опять говорит: «Садитесь, я сказала». Понятно? Они сели. Сели, она начала им говорить то, что с ними будет. Что последний царь будет замучен, с него спадет корона, что такое мученическая кончина, всё, всё <...> С царицей плохо стало. И царица тогда ей говорит, Александра, говорит: «Ой, нет, это уже было все, — говорит, — я не согласна с тобой!». Она говорит: «Да?». Вынимает из-под подушки красный кусок материала и говорит: «На твоему сынишке на штанишки. Когда сбудется, тогда меня вспомнишь!». Почему она так сказала? <...> Почему она ковер не постелила? Потому что он уже будет не царь. Она предсказывала, она встречает его уже не как царя <...> Теперь, почему она дала красный материал? Что: «Твой сынишка-то будет замучен, кровь прольет». Красный цвет — цвет мученичества (В., около 60 лет, записано в Дивеево, в августе 1995 г.).

В других устных версиях этого рассказа блаженная Паша приветствовала императорское семейство красными лентами. В опубликованных вариантах пророчества нет упоминаний о красной материи, как и вообще подробного описания встречи царствующих особ с блаженной.

В настоящее время человек, находящийся в Дивеево, может в определенное время обратиться с молитвенной просьбой непосредственно к Богоматери. Молитва окажется услышанной, так как Богоматерь присутствует в это время на земле рядом с молящимся:

Вот если у вас будет возможность, встаньте, не поленитесь, без десяти три выйдите на Канавку. Старцы говорят, что в три ноль восемь, в три десять, три пятнадцать проходит несколько раз Божья Матерь, но Ее мы, конечно, не видим своими грешными глазами. Вот в этот момент, если вы будете молиться, молитва прямо туда доходит, понимаете? (аноним, обр. высшее, около 35 лет, записано в Дивеево в августе 1995 г.).

Кроме того, в Дивеево верующий находится под защитой святого Серафима Саровского. Святой Серафим оберегает людей от возможных несчастий, происков сатаны и его приспешников. Например, преподобный Серафим спас трехлетнего ребенка, провалившегося под лед святого источника. Через три часа ребенок вышел из-подо льда невредимым (М., около 75 лет, записано в Дивеево в августе 1995 г.).

Представители «власти безбожников» являются, несомненно, приспешниками сатаны, от них защищен православный на земле преподобного Серафима. В Дивеево бытует рассказ о том, как св. Серафим перевел чудотворный источник из Сарова в Сатис — местечко в восьми километрах от Дивеева, — так как Саров (Арзамас-16) закрыт для паломников из-за находящихся там военных объектов.

Вот там был Серафима Саровского источник, в Сарове, знаете, там же военный город, был закрыт. И там был военный город, был большой забор, и военные охраняли. В общем, туда нельзя, туда если кто из паломников пробирался какими-то путями, они могли даже арестовать, даже посадить, и даже могли стрелять. Так вот, один раз, представляете, это было в шестьдесят третьем году, вот стоят солдаты, вот так стоят в ряд, и вдруг треск такой, небо осветилось, в сиянии в белом балахончике стоит старичок. Как ударит так посохом, да и говорит, говорит: «Вот здесь, — говорит, — источник будет!» — и перенес. И вся вода от этого источника перешла на то место. Он явился, они прямо его видели, понимаете, воочию. Из Сарова вода перешла за это, и в общем, там родничок Серафима Саровского (аноним, около 28 лет, записано в Дивеево в августе 1995 г.).

Присутствие Серафима Саровского ощущается в Дивеево постоянно. На глазах многочисленных молящихся от мощей святого исцеляются больные (записано от В., около 60 лет), воды чудотворного источника св. Серафима, находящегося между Сатисом и Цыгановкой в десяти километрах от Дивеева, обладают большей целительной силой, чем воды остальных дивеевских источников; к источнику св. Серафима ведет его тропочка, проходящий по ней может увидеть над головой шапочку святого (особым образом сросшиеся сосновые ветки), под которой нужно немного постоять (записано от А., около 12 лет). Постоянно слышно, что святой Серафим явился кому-то в видении, дал ответ на важнейший вопрос и т. д.

Мощи святого Серафима Саровского и чудотворный источник являются главными святынями Дивеевской обители. Но в большинстве случаев в святых местах есть еще и несколько «дочерних» святынь, которые подобны главным. Так, в Дивеево восемь чудотворных источников. В Почаевской Лавре главная святыня — камень-«следовик», на котором, по преданию, отпечатался след Божьей Матери; недалеко от монастыря несколько «следовиков». На Смолен-

ском кладбище в Санкт-Петербурге главная святыня — часовня с могилой святой блаженной Ксении Петербургской; церковные люди почитают также могилы блаженной Иринушки и странницы Анны, причем св. Ксения, Иринушка и Анна исполняют желания молящихся.

Паломники стараются искупаться во всех дивеевских источниках, но следующим по популярности после серафимовского является источник матушки Александры, расположенный в самом Дивеево. Схимонахиня Александра, в миру Агафья Семеновна Мельгунова, — основательница Дивеевской обители [Четвертый удел Богородицы 1992: 41]. О ней хорошо известно всем «монастырским» и паломникам, никто не сомневается в том, что в скором времени будут обретены ее мощи и матушка Александра будет прославлена как святая [Летопись I: 20–55]. В Дивеево одинаково распространены две версии происхождения источника. По одной — матушка Александра собственными руками выкопала источник, так как в монастыре не хватало питьевой воды. По другой — источник вытекает из мощей матушки Александры, что является признаком ее святости. Рассказывают многочисленные случаи исцелений от воды источника матушки Александры.

Главное условие исцеления водой святого источника — вера, о чем в один голос говорят все церковные люди. Но сила воздействия святости дивеевских источников столь велика, что возможно исцеление и неверующих. В Дивеево рассказывают об исцелении слепого атеиста, которое произошло по молитвам его жены.

Дивеево — земля святая, власть дьявола там ничтожно мала, святость же оказывает объективное воздействие на всех там находящихся, даже на неверующих.

Там Сахаров, кстати, разработки производил, вот в той, кстати, колокольне, которую (взорвали. — *А.Т.*), вот он там. Я не знаю, мое мнение то, что что-то там было, или видение какое-нибудь, или что-то еще. И вдруг он почему-то резко, Сахаров, изменил свою политику. Потому что не может человек изменить политику, сразу резко перейти, когда ничего не произошло с ним, ничего, ну не может такого быть, я считаю, что невероятно (Л., около 25 лет, записано в Дивеево в августе 1995 г.).

Л. считает, что правозащитная деятельность А.Д.Сахарова обусловлена резкой переменой его мировоззрения, которая произошла в Сарове под воздействием святости Саровской земли. Размышления Л. представляют интерес с точки зрения специфики возникновения текстов в прихрамовой среде. Как правило, мы уже имеем дело с рассказами, для которых характерна жесткая текстовая структура, центральное место в их композиции занимает чудо. Размышления Л. — еще не рассказ, он ничего не знает о чуде, ему известно лишь то, что Сахаров служил советской власти, а потом стал бороться против нее, и, кроме того, что Сахаров работал в Сарове. Но раз Саров — святая земля, то чудо должно было произойти, и Л. в этом абсолютно убежден. Рассказ о чудесном событии, изменившем всю жизнь А.Д. Сахарова, уже почти возник, ведь Л., хотя ничего о чуде и не знает, использует свое предположение о том, что чудо с Сахаровым произошло, в качестве еще одного доказательства того, что Саров — святая земля.

Попав в Дивеево, паломник оказывается именно в той атмосфере, в какой он ожидал оказаться, читая книги, содержащие дивеевское предание. Кажется,

мало что изменилось со времен Паши Дивеевской, и даже разрушенные храмы с каждым днем все ближе к своему прежнему облику. Так же как и раньше, рядом с паломником Божья Матерь и св. Серафим, так же кричат бесноватые и исцеляются больные.

Ощущение остановившегося столетие назад времени в Дивеево не случайно. Потребность вернуть время, жить, как в древности, когда сатана еще не захватил бóльшую часть человечества, характерна для всех церковных людей. Без этого невозможно спасение. В Дивеево кажется, что попадаешь в конец XIX–начало XX в., а в Печерах или Почаеве веет средневековьем. Важную роль в создании настроения играет предание монастыря, известное всем паломникам, а также архитектура и окружающая монастырь природа. Святые места для церковных людей — это своеобразные островки вечности. Именно поэтому в святом месте сохраняется, как правило, то, чем оно наиболее знаменито.

Своеобразной традицией Дивеевского монастыря стали блаженные, которые считаются охранительницами обители[6]. Первой дивеевской блаженной считается Пелагея Ивановна (см.: [Летопись I: 276–307; II: 530–550, 753–784]), ее преемницей стала знаменитая Прасковья Ивановна [Летопись II: 834–851], затем — Мария Ивановна [Четвертый удел Богородицы 1992: 49–52, 55–61, 80–85]. И сейчас паломник имеет возможность обратиться за советом к блаженной. В селе Цыгановка, в восьми километрах от монастыря, живет блаженная Паша (около 75 лет). Паша почитается дивеевцами как святая, совпадение имени со знаменитой Прасковьей Ивановной воспринимается как особый знак. Блаженная, скорее всего, немая (считается, что она приняла обет молчания), но не глухая. Она постоянно производит определенные действия, каждое из которых трактуется символически. Так, если Паша обрывает траву вокруг места, где она сидит, очищает ее и отбрасывает в сторону, то это она «очищает от плевел» посетителя; если приказывает читать молитвы (волнение и выкрик, напоминающий слово «читай»), то отгоняет бесов; если достает из коробки, стоящей рядом с ней, куклу, то предсказание зависит от куклы, которую она достала; если отбирает у посетителя какую-либо вещь и выбрасывает ее, то запрещает ею пользоваться (например, зажигалку — запрещает курить, часы — нельзя пользоваться электронными часами) и т. д. Предсказывает Паша, отвечая на вопросы («Да» или отрицательное покачивание головой). Все действия блаженной объясняют близкие ей люди (ее келейница, около 60 лет, и женщина, около 50 лет, с двумя детьми, живущая в Дивеево). Рассказывают множество случаев сбывшихся предсказаний блаженной Паши.

История Дивеево, как и святость этой земли в настоящее время, определяется совершенно особой ролью обители в жизни всего христианского мира, в которой не сомневается ни один церковный человек. В соответствии с преданием, Дивеевская обитель считается четвертым жребием, или уделом, Божьей Матери, т. е. землей, за христианское просвещение которой непосредственно Божья Матерь несет ответственность перед Сыном [Летопись I: 1–20]. По мнению дивеевцев, первые три удела — Иверия, Афон и Киев — утратили свою святость, и Дивеево осталось излюбленным местом пребывания Богородицы на земле.

Ну, вы ведь понимаете значение Дивеева сейчас для России, для всего мира? То, что Россия осталась единственным оплотом православия, вы это знаете, правильно? То, что из четырех приделов Божьей Матери в России остался только один, правильно? Знаете приделы Божьей Матери? Первый — это старый Афон, второй это Иверия, т. е. Грузия, третий — Киевско-Печерская Лавра, и четвертый — у нас. То есть у нас в России остался только один придел, которым непосредственно управляет Божья Матерь (аноним, около 35 лет, образование высшее, записано в Дивеево в августе 1995 г.).

Именно поэтому Богородица каждую ночь посещает Дивеевскую обитель, а святость земли здесь столь велика, что воздействует даже на неверующих.

Необычна также роль обители в эсхатологическом будущем мира. Всем посетителям монастыря известно пророчество святого Серафима Саровского о том, что девичья община[7], находившаяся во времена святого Серафима на территории, окруженной Канавкой, по которой каждую ночь проходит Богородица, в день Страшного Суда вознесется на небо, и все ее насельницы будут спасены [Летопись I: 255]. Характерно, что в представлениях церковных людей каждое святое место так или иначе поможет спастись своим почитателям в Судный день. Например, в Печерах распространено представление о том, что Печерский монастырь будет открыт до конца света и переживет гонения антихриста. В Почаеве же верят, что именно икона Почаевской Божьей Матери будет заступницей в дни антихристовых гонений, и спасутся все, кто приедет в Почаев и припадет к чудотворной иконе Почаевской Божьей Матери.

В святых местах дьявол, как правило, стремится напакостить человеку больше, чем в любом другом месте. Святое место не находится под его властью, напротив, каждый человек попадает там под особое покровительство святых, и дьявол всеми силами старается «ввести в искушение» находящегося в святом месте. Так, на протяжении всей христианской истории черти несравненно чаще, чем обычным людям, являлись праведникам и старались соблазнить их.

Кроме того, в святом месте пребывает множество чертей, изгнанных старцами-экзорцистами из бесноватых. Эти черти бродят неприкаянными, досаждая мелкими пакостями изгнавшему их священнику, и ищут себе нового приюта. В г. Печеры В. (около 65 лет, по сведениям, полученным от ее знакомой, — странница из Почаева) утверждала, что видела чертей, облепивших, словно птицы, кресты печерских церквей. Поэтому в святом месте человек должен быть строг к себе как никогда, иначе не спасет его заступничество святых.

Итак, по мнению церковных людей, вся Россия, за исключением святых мест, захвачена сатаной, земли ее покрыты мраком, люди, живущие на них, не знают Божественного света. В святых местах происходит вечная борьба за душу каждого человека между Божественными и сатанинскими силами; здесь чувствуется близость Господа и одновременно — опасность, исходящая от сатаны. В святом месте нет покрова мрака, закрывающего весь остальной мир, там человек не «зомбирован», что позволяет видеть ему действительность такой, какова она на самом деле. Мир святого места, каким его видят церковные люди, является миром упорядоченным; все, что в нем происходит, — результат воли Господа. Это вовсе не «земной рай», так как там присутствуют сатанинские силы. Но и они — часть Божественного миропорядка, дающего человеку свободу выбора. Это под-

линный мир, где всё предстает в истинном свете — в противоположность миру, захваченному сатаной, миру хаоса, который несравненно больше, ибо сатана почти полностью подчинил себе землю накануне грядущего царствия антихриста. Другое дело — собственно конец света. Перед Страшным Судом условием спасения либо гибели души становится личный выбор человека, поэтому одно только присутствие в святом месте и молитва могут гарантировать спасение. Сатана перед Судом изгоняется из святого места, так как место это уже спасено молитвами святого-покровителя; оно становится частью «земного рая», и каждый, пришедший туда с молитвой, тем самым спасается. Это заставляет церковных людей приписывать каждой значимой святыне особую роль в эсхатологической судьбе мира. Но и сейчас, по их убеждению, Господь только ради святых мест милует землю, ведь лишь там остались истинная праведность и возможность спасения грешников.

Если в России еще остались островки света, то Запад уже давно «поклонился сатане», так как отказался от истинной веры. Все христианские конфессии и секты, за исключением православия, а тем более другие религии, по мнению церковных людей, угодны дьяволу, а исповедующие их — союзники антихриста. О католиках и сектантах в прихрамовой среде рассказывают в крайне негативных тонах, им приписываются всевозможные злодеяния. Ужас вызывают различные «проявления сатанинского могущества» — такие, как возникновение автокефальной церкви на Украине или экуменические движения. Чувство собственной избранности в церковной среде столь сильно, что резкое неприятие вызывают не только любые положительные высказывания о других верах, сделанные православными священниками[8], но и соответствующие выступления Патриарха[9].

Хотя Запад, по представлениям церковных людей, и находится во власти дьявола, еще хуже обстоят дела на Востоке. Восток — место, где сатана вступил на землю, место, где жители поклоняются непосредственно сатане.

Земной мир в представлениях церковных людей — лишь часть мира, устроенного Господом. Соответственно, земное пространство составляет единое целое с пространством небесным. Небо, изобилующее ангелами и демонами, окружает человека, хотя оно и не видно глазу, как не видны многочисленные ангелы и черти. В отличие от людей, они способны передвигаться по воздуху точно так же, как по земле. Каждого человека сопровождают ангел-хранитель и черт. «Не прикрепленные» к человеку ангелы и черти также во множестве присутствуют рядом с людьми. Черти мучают бесноватых, которые оказываются для них как бы временным жилищем, досаждают мелкими пакостями праведным людям, искушают новообращенных, подобно воронам, сидят на церковных крестах. Ангелы же оберегают людей и вместе с ними славят Бога.

Человек является включенным в иерархию небесных и земных сил, продолжателем ангелической иерархии серафимов, херувимов, престолов, господств, сил, властей, начал, архангелов и ангелов. После человека следует иерархия сатанинских сил, аналогичная ангелической, правда, ступени этой иерархии церковным людям неизвестны.

Человеческому зрению недоступны не только ангелы и черти[10], но и вообще истинная картина мира. То, что человек видит, как правило, не соответствует

действительности. Подлинная же реальность либо открывается случайно, либо становится известной благодаря чтению христианской литературы и беседам с людьми, у которых открыто «духовное око», — подвижниками благочестия.

Пространственной непрерывности, связывающей воедино небо и землю, соответствует непрерывность времени. Время, которое воспринимают люди, — лишь слепок с Божественного времени, времени вечности, так же схожий с истинным временем, как мир, видимый человеком, — с подлинным миром. В вечности нет ни прошлого, ни будущего. То, чему суждено произойти, уже состоялось в Божественном плане, как и то, что произошло, осталось живым в вечности. Главное событие истории человеческого рода — искупительная жертва Иисуса Христа — уже состоялось, мир уже спасен, но каждое утро на Божественной литургии приносится бескровная жертва, что является отнюдь не воспоминанием об искупительной жертве, а причастием к ней, непрерывно совершающейся в вечности. В жизнеописании старца иеросхимонаха Сампсона (Сиверса) рассказывается о чуде, свидетелем которого стал старец во время своего служения в Александро-Невской Лавре в двадцатых годах.

> Однажды я удостоился видеть в Чаше Мясо и Кровь. Служил епископ Стефан. Я был иеродиаконом. Я вынес Чашу в Успенской митрополичьей церкви. Он прочел: «Верую, Господи, и исповедую», — открыл покровец по прочтении молитвы и обомлел. Тогда он обращается ко мне: «Виждь, отче, что делать?». Он повернулся через левое плечо, а я с Чашей через правое, вошли в алтарь, поставили на Престол и стали молиться, чтобы Господь сотворил милость, и молился он минут пятнадцать с воздетыми руками. Но как Владыка Стефан молился, когда я вернулся и поставил Чашу, — это ужас! Потом после его молитвы посмотрели — опять сотворилось в виде хлеба и вина. Тогда вышел и причастил людей [Сампсон 1994][11].

Каждое событие, каждый человек, его поступок, любой бывший с ним случай остаются в вечности. Время оказывается как бы спрессованным: нет ничего ПРОШЛОГО, всё, что было, — ЖИВО [Православные чудеса: 217]. Интересно, что юродивые для обличения чьих-либо грехов или для предсказания будущего изображают прошлые или будущие действия человека происходящими в настоящем [Иванова 1995: 97].

Будущее непрерывно осуществляется в вечности, так же, как и прошлое. Люди, достигшие высот духовного подвига, при жизни оказываются причастными и к вечности, и к линейному времени. Эта причастность позволяет им видеть прошлое и будущее с той же ясностью, что и настоящее, т. е. определяет провидческий дар, которым обладают все святые подвижники.

Необходимо заметить, что для церковных людей жизнь в вечности и определенность будущего ни в коей мере не отменяют свободы выбора служения Господу или сатане. Человеку не дано знать свой путь и свое место в вечности, и только праведная жизнь на земле и милосердие Господне позволяют ему надеяться на спасение. Будущее постоянно вершится в вечности и известно Богу, но человек сам совершает те или иные поступки в зависимости от своего выбора, а вовсе не является марионеткой в руках судьбы; Бог все знает о человеке, но не управляет им. Божественное знание личности и жизни каждого, в том числе и

еще не рожденного, человека является тайной, которая никак не объединяется с фатализмом и относится к области непознаваемого.

Жизнь церковных людей строится в соответствии с богослужебным ритмом, «литургическим годом», включающим посты, дни поминовений святых, праздники. Литургическое время представляет собой трехчастный круг — суточный, седмичный, годовой, с кульминацией в Пасхальном торжестве. Именно он составляет ядро мироощущения церковного человека, не позволяет времени рассыпаться на не связанные между собой отрезки, обеспечивает связь «личного» времени верующего человека с вечностью [Православные чудеса: 217].

Время перед концом света будет сокращено Господом. По пророчествам старцев, последние три с половиной года пролетят как один [Православные чудеса: 222]. Это «сжатие» времени началось уже сегодня. Часовая стрелка проходит свой круг быстрее, сутки уменьшаются, но человеку не дано осознать изменение в ходе времени. За грехи Господь «убавляет век», т. е. приближает конец света, но не сокращением количества лет, а ускорением времени.

Если исходить из привычных представлений, то сознание церковных людей оказывается в некотором смысле парадоксальным. Их представление о мире совмещает «тот» и «этот» свет, прошлое и будущее, видимое и мистическое. Их логике чужда последовательность происшедших событий, необратимость и, отчасти, линейность времени ими не воспринимаются[12].

Неприемлема для церковных людей и привычная нам модель пространства, поскольку земное пространство для них неотделимо от небесного и представляет собой сменяющие друг друга «темные» и «светлые» участки.

Примечания

[1] По мнению церковных людей, у каждого человека над переносицей расположено третье «духовное» око, которое закрыто у большинства. Духовная зрелость предполагает раскрытие духовного ока, без чего невозможно истинное видение мира.

[2] Все цитируемые тексты записаны автором статьи совместно с Е.В.Кулешовым в 1993–1997 гг. методом «включенного наблюдения». Паспортные данные информантов не приводятся, так как на это не получено их согласия.

[3] Слово «зомбировать» вошло в лексикон церковных людей в последние годы. Оно означает «лишить человека собственной воли, полностью подчинить его злым силам».

[4] Св. Серафим, по преданию, обещал настоятелю Саровского монастыря старцу Пахомию заботиться о монахинях Дивеевской обители незадолго перед кончиной последнего (см.: [Летопись I: 59]) и всю жизнь следовал данному слову. Во время тяжелой болезни святому явилась Богородица в сопровождении апостолов Иоанна и Петра и сказала: «Сей от рода нашего» [Летопись I: 86].

[5] В Летописи не говорится о посещении Дивеева царской фамилией, так как оно состоялось в 1903 г. в связи с канонизацией преподобного Серафима Саровского, а Летопись доведена до 1902 г.

[6] По преданию, св. Серафим благословил блаженную Пелагею Ивановну Серебренникову «беречь» дивеевских сестер [Летопись I: 297], после чего все блаженные считаются покровительницами монастыря.

[7] Девичья (мельничная) община была основана преподобным Серафимом в 1925 г. По воспоминаниям Н.А.Мотовилова, преподобному Серафиму было видение Божьей Матери с апостолами Петром и Иоанном. Божья Матерь приказала ему устроить общину, а также дала устав общины и назвала имена первых насельниц (см.: [Летопись I: 181–183]).

[8] Однозначно отрицательную оценку вызывали положительные отзывы о. Александра Меня о большинстве христианских конфессий и сект.

[9] Мы встречались с резким осуждением речи Патриарха, произнесенной в Иерусалиме в 1994 г., в которой он говорил о преемственности иудаизма и христианства и о связи православной и других христианских церквей.

[10] Ангелы и черти обычно не видны людям, но иногда могут показаться им по своей воле.

[11] Мотив видения мяса и крови во время причастия вообще характерен для житийной литературы.

[12] Церковными людьми не воспринимается линейность только «исторического» времени. Их «обыденное» время подчинено тем же законам, что и время их современников.

Литература

Дивеевские предания — Дивеевские предания. М., 1992.

Иванова 1995 — *Иванова Л.С.* Традиции русского юродства и народная культура / Дипломная работа. СПб.; РГПУ, 1995.

Карташев 1992 — *Карташев А.В.* Очерки по истории русской церкви. Т. 2. М., 1992.

Летопись I, II — Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря. Т. I–II / Сост. архимандрит Серафим (Чичагов). СПб., 1903.

Максимов 1887 — *Максимов С.В.* Бродячая Русь Христа-ради. СПб., 1887.

Пестов 1995 — *Пестов Н.Е.* Путь к совершенной радости. Воспитание детей. М., 1995.

Пономарев ... — *Пономарев А.* Русское народно-религиозное миросозерцание в школьной характеристике академического богослова-магистрата / Рецензия на книгу «Влияние церковного учения и древнерусской духовной письменности на миросозерцание русского народа, и в частности на народную словесность в древний допетровский период». Соч. А.Попова. Казань, 1883.

Православные чудеса ... — Православные чудеса. Век XX. Б.м., б.г.

Савва — Краткое жизнеописание старца схиигумена Саввы, старца Псково-Печерской обители. Ч. 1. Б. м., б. г.

Сампсон 1994 — Старец иеросхимонах Сампсон. М., 1994.

Сцепура 1881 — Русско-нищенский словарь, составленный из разговора нищих Слуцкаго уезда, Минской губернии, местечка Семяжова / Сост. свящ. о. Федор Сцепура. СПб., 1881.

Федотов 1991 — *Федотов Г.П.* Стихи духовные. Русская народная вера по духовным стихам. М., 1991.

Четвертый удел Богородицы — Четвертый удел Богородицы. М., 1992.

Щепотьев 1928 — *Щепотьев В.* Старчьи прохання // Етнографичний вистник. Кн. 6. Киев, 1928.

Рассказы церковных людей

1.

Хлеб — это Тело Христово. Ну, и опять было. Поехала к нему туда, в это село Никольское Донецкой области. Вот, а хозяйка в одной комнате, а мы в кухонке с подругой. А ведро было, чтой-то за ведро, Бог его знает. Прости, Господи! Я опять же исповедовалась. Скажу: «Батюшка, а чтой у нас, у хозяйки в кухоньке?». А эта, Мария она тоже была, сходила в ведерко по-маленькому. Вот и я тоже, грешница. А потом увидела, говорю, там хлеба кусочек лежал. Думаю: «Господи! да прости ж меня Ты, великую грешницу!». И батюшка тоже говорит: «Да прости ж Ты ее!» (М., около 50 лет, Почаев 1994 г.).

2.

Один мой знакомый, ну, послали его источник закапывать. Ну, сидит он, смотрит, к нему старичок подходит и говорит: «Вась, а Вась, а ты что приехал-то сюда?». Он: «Да вот, дед, закапывать источник». Он: «Нет, Вась, а ты мой источник не закопаешь!». И вдруг — раз, и исчез! Понимаешь? Он вот в ошарашенном таком состоянии, кстати, бывает у него. Приехал этот, ему рассказывает, вот так и так, значит, ну он: «Да ладно тебе, ты чего-то там увидел. Давай, копай!». Начали копать — не копается! Отказал опять бульдозер. Все, труба! Он приходит домой, еще трясется. Подействовало на него, приходит, матери, ну кому-то там, родственникам рассказывает, говорит: «Вот так и так, старичок! Кстати, у нас даже на иконе есть!». Показывает. «Да ты что, — говорят, — это отец Серафим был!». И с этих пор источник, вот, стоит (Л., около 24 лет, Дивеево 1994).

3.

1. Первое чудо Святой блаженной Ксении было мне лет двадцать назад, когда я ее еще не знал. В Бога-то верил, а ее не знал, хотя неподалеку жил. Пришел я сюда, а здесь такой забор был, ничего не было. Мне люди про нее рассказывали: житие ее и как ей молиться нужно. А я думаю: как же это молиться, хоть бы образ был! И подумал, что если она так хорошо помогает, то пусть мне поможет. Попросил ее как положено. И вот через три дня иду я, а меня догоняет женщина и протягивает мне сверток: мол, я знаю, вы это очень хотите. Я даже поблагодарить не успел. Развернул, а там образ Ксении. Это все чудо, благодать, что я недалеко здесь живу, от Ксеньюшки, и что я Ксеньюшку узнал. А то чтó я без нее! (В., около 65 лет, Санкт-Петербург, Смоленское кладбище 1993).

2. Это непростой образ (речь идет о мозаичном образе Нерукотворенного Спаса на Смоленском кладбище, почитающегося церковными людьми как чудотворный. — *А.Т.*). Его хотели расстрелять. После революции матросы приходили сюда и использовали его как мишень. Он же и нимб, и все. А они использовали его как мишень. Если подойдете ближе, увидите, сейчас там заделано. К нему ходят, молятся. Он всегда по-разному смотрит. На кого как. И каждый день по-своему. Это общий признак чудотворных икон: они всегда смотрят немножко по-разному, каждый день по-разному. Смотрите и увидите. Ведь каждому свое открывает (В., около 65 лет, Санкт-Петербург, Смоленское кладбище 1993).

3. Тут вообще это кладбище непростое, тут много всего. [А еще что есть? — собес.] Тут еще сорок мучеников есть. Они закопаны здесь были живьем. Живьем в землю. Земля шевелилась две недели после них, после этого. [А когда это было? — собес.] — Ну после революции, когда! На Западе их уже сейчас причислили к лику Святых Новомучеников Российских. А здесь они были закопаны вон там, где желтое здание при входе в кладбище.

А у нас их здесь и после смерти не оставили в покое: бульдозером прошлись, разровняли. Ну все-таки вера Господня велика: верующие это увидели и, что смогли, перенесли на новое место (В., около 65 лет, Санкт-Петербург, Смоленское кладбище 1993).

4. Еще здесь была часовня святой блаженной... она... не святой, правда, просто блаженной, я оговорился, блаженной Анны. Блаженной Анны. Ее фамилия была Ложкина. Она тоже прожила жизнь интересную Она была фрейлиной императрицы, была молодая, красивая, богатая, имела богатых родителей. Ну, в общем, все. И вот у нее был жених, она собиралась за него выйти замуж, и в день свадьбы она узнала, что жених ее обманывает. Она не вернулась домой. Она пошла странствовать, молиться. Она прославилась тем, что она благославляет девушек и женщин на замужество. Она это делала при жизни, и все, кого она благословила, были счастливы. [А после смерти? — собес.] — Она и после смерти это делала. И часовня ее была выстроена именно в эту честь. Да, и приходили вот, и молились. Вот, ну и часовню враг тоже снес, а ее прах перенесли. Если хотите, я вас провожу (В., около 65 лет, Санкт-Петербург, Смоленское кладбище 1993).

5. Это очень интересное кладбище. Это первое кладбище в Санкт-Петербурге. То есть еще не было города, а царь Петр привез из Смоленской губернии крепостных строить, и поселил у этой реки. Они нарекли речку Смоленкой и заложили собор в честь иконы Смоленской Божьей Матери. И вот кладбище возникло, поскольку жизнь тогда была тяжелая. Еще города не было, а это кладбище уже появилось (В., около 65 лет, Санкт-Петербург, Смоленское кладбище 1993).

6. А вот здесь, здесь сейчас новые захоронения, урны, здесь была часовня блаженной Ирины. Она прославилась тем, что она очень многим священнослужителям предсказала их судьбу. [А когда она жила? — собес.] — Она после Ксении жила. О ней мало сохранилось, мало сведений, вот только то, что я вам рассказываю. Она предсказала одному патриаху Российскому, когда он был еще рядовым священником, что он будет патриархом. [Она при жизни предсказывала? — собес.] — При жизни. Еще она дарует здоровье. Я почему рассказываю, потому что мы сейчас придем, и ее, когда часовню снесли, прах тоже перенесли сюда на свободное место. Это блаженная Ирина, то, что я вам рассказывал, а эти две могилы, это сорок новомучеников (В., около 65 лет, Санкт-Петербург, Смоленское кладбище 1993).

4.

Это не здесь, а там, у нас. [Откуда вы? — собес.] Из Печер, из Псковских Печер. И вот, когда она ползла, уже подтащили ее к батюшке. Кричала она на всю церкву, оглушала всех. Он тогда взял, ей руку положил на голову: «Изыди, бес, изыди!» — «Сам изыди, не пойду!» — «Изыди!». Когда крестом ее, она упала так же, как мертвая. Когда он выходит, он силу теряет. Она так вздохнула, вздохнула сильно, ее подняли. Он говорит: «Поднимите ее!». Ее подняли, и он приложил ее к евангелию, ко кресту. Она как бы вздохнула тяжело и облегченно. Он говорит: «Ну вот, теперь иди. И, — говорит, — причащайся». Она пошла и до конца стояла, ни крику, ничего. Он сказал, что, говорит: «Вот смотрите, за ее смирение, за ее терпение Господь исцелил ее. Она, — говорит, — много лет болела, но никогда не просила исцеления, терпела все, и вот смотрите, как легко она исцелилась!». И она причастилась спокойно и пошла веселенькая, радостная (В., около 60 лет, Дивеево 1994).

5.

Дьявол явился в Индии в образе змея и дал им цивилизацию. Они ему поклонились и называют его Кришна. А когда свадьбы играют, гуляют, у каждого змей. Они знают, что это змей, дьявол. И бумажного змея лепят на палки, одна — тут, одна — тут, а потом вот

так, а он вроде летит, а они: «Кришна! Кришна!» — поклоняются ему. В Библии что написано: «Да не будет вам иного бозе, кроме Мене, так как все они есть бесы», — в Библии написано. А в Японии явился дьявол в образе человека, похожего на жабу. У него выпуклые такие глаза, нос навыворот, челюсть, как у жабы, такая открытая, тут два рога маленькие, два рога.

– І вони йому поклоняються? [собес.].

– Они ему поклоняются. Слипок из золота! И его вот эта цивилизация: все компьюторы, телевидение.

– Це в Японії? [собес.].

– Да, да. От этого Будды. Он там.

– У мне е телевізор, питав батюшка, сказав, що ви поклоняетесь дьяволу, сказав батюшка. Телевізор не можна у хаті, я давно чула. Що я з ним зроблю, діти-то, я кажу зятю... [собес.].

– Да, да. Имей свою комнату, хоть чулан, где не было у тебя ни магнитофона, ни радио.

Ну, то, что ты, то одно, а то когда сама еще, это грех, а тут ты поневоле, поневоле. А если твоя воля выйти, то выйди на улицу да помолись на улице. В садок какой-то выйди да помолись. Значит, крест поцеловала и помолилась. Так, вот этот Будда, вот он дает эту цивилизацию. И его изображение, значит, так (рисует на земле. — *А.Т.*): он как сидит так, его так и ноги вот так.

– Матушка, як ви це знаете? Це нарисован був? [собес.].

– Это Господь мне открыл. Я видела.

– А, бачила [собес.].

– Вот его голова.

– Будда, Будда [собес.].

– Вот так его руки, вот так его ноги. А вот тут еще две конечности. Он шестипалый.

– Шестипалий [собес.].

– Шестипалый, да. Написано в Апокалипсисе: «Вот из моря выходят три жабы». Это вот эти три жабы. Их сейчас время и их цивилизация. И сатана сядет когда на престол, вочеловечится и сядет, то вот это вот, будет управлять через компьютер единый. Единый компьютер на весь мир будет, и единая вера на весь мир. И эта вера не присоединится к Православию, к Божьей Церкви, а будет враг тянуть, наоборот, православных туда. В пагубу они все пойдут.

– Буде тягнути усіх, чи не так? Я поняла? [собес.].

– В автокефальную, да, будут тянуть всех, кто не покаялся.

– Це до Будды, до Японії будуть тягнути? [собес.].

– Ты забудь слово Будда и Япония, ты забудь.

– Не треба мені це знать [собес.].

– Шестерка. Ты запомни: шестерка. Это шестипалый зверь — шестерка. Ты поняла?

– Шестипалий звір — шестірка [собес.].

– Шестипалый зверь.

– І не дай Бог йому поклонитися [собес.].

– Не дай Бог ему поклониться, потому что вот эту бумажечку, которую дают, это от него, понимаете?

– Какую бумажечку? [собес.].

– Пластиковые документы. Горбачев называл их «вкладыш в паспорт», а тут назовут, может, «чек госбановский», может как.

– Вони тепер паспорта міняють! [собес.].

– Во-во. Когда скажут: «А денег наличными мы не даем, а бери вот» — как они назовут.

– Карточки такі [собес.].

– В Англии называют литл — а, или как там. Карточки маленькие. В этой карточке будет информация о человеке: кто, имя-отчество, кто родители, где родился, крестился — не крестился. Понимаете? И номер этой карточки. Это как вроде госбановский чек, но одновременно содержит в себе данные о человеке, что содержится в паспорте. Тогда паспорта не надо будет иметь, а вот эта вот карточка — и все. И денег не будет наличными. Когда скажут: «Наличными денег не даем, а вот бери». — А вот не бери, потому что каждый, кто протянет руку, вот сюда будет лазерными лучами номер этой карточки. Ты не почувствуешь ни боли, не увидишь ничего, но одновременно на лоб вот эти три жабы будут. Здесь духовное око запечатал Господь, когда крестил нас Духом Святым. А антихрист запечатает вот этими шестерками, шестипалым зверем.

– Так що не возьмеш карточку, і не буде грошей [собес.].

– Не будет грошей. И написано: «И не купить, и не продать». Но Господь Своим чудным образом будет поддерживать.

– Буде кормить нас [собес.].

– А если кто, может, и умрет от голода, значит, это крест такой.

– Я умру за Ісуса Христа [собес.].

– Да, и будешь в раю, будешь в раю, близко к Нему будешь, венец получишь. Каждый, кто пострадает от антихриста во имя Иисуса Христа, получит венец, блаженство вечное, и очень близко будет к Богу. У Господа так расположено. Чем ближе к Господу, чем ближе, тем, например, нижние селения, нижние, райские, допустим, один раз в месяц имеют блаженство от Бога и видят Его, дальше — имеют два раза в месяц, видят и блаженство имеют, и чем выше, тем чаще. А самые верхние селения, то каждый день видят Господа, пребывают с Ним. Так вот, люди, которые пострадают во имя Господа нашего Иисуса Христа от антихриста, будут гонимые, мучимые, претерпят смерть. Каждый спасется, кто претерпит до конца, тот будет в блаженстве вечном с Господом Иисусом Христом пребывать. Понимаете? Тот, кто получит печать на лоб, тот будет в аду вечно кипеть. Понимаете? На веки вечные. Если сейчас умирает человек — грехи не прощенные, пятьдесять лет очищают в аду. По милости, по молитве Господь забирает в рай к Себе. Понимаете? А тут никакого прощения нет. Во веки вечные ад.

– Во віки вічні. В озері огняном [собес.].

– Да, и кричат в вечном огне. Страшно.

– Матушка, а вот Япония и Индия... [собес.].

– Они все в ад пойдут. У них там есть Православная церковь, там одна, две, там же консулы, посольство, православные люди есть. Они ходят, они ходят в эту церковь. Там строгие правила, там так: девять часов — начало службы — дверь закрывают, никто не войдет, чтоб не помешать молитве. Знаешь, как чтут святость! А тут что творится! Вот так. Грешников много, и грешники в ад идут. Поэтому надо, мы грешные, мы не можем сейчас, как сказать, иметь, мы грешим, значит, надо каяться и болезнями очищать душу. Не надо бояться, что ты больная, что ты немощная, — слава Тебе, Господи, за болезни, за скорбь и за радость. За все надо благодарить Бога, за все. А когда смирение, когда Господь видит: смиряются, работают, смирение. А как тебя спасать, если у тебя нет смирения? Господь скажет: «Бежи», — все оставь, в дом не войди даже, потому что компьютерная система. И не оглядывайся, как в Писании написано, Лот шел с женой, жена оглянулась, когда Содом и Гоморра горели.

– І стала соляним стовпом [собес.].

– И стала столпом соляным. Она вроде, ей жалко стало грешных, грехи, а грехи жалеть не надо, потому что мы грехи должны очищать, сбрасывать любым путем, как Господь тебе посылает. И благодарить Бога и за болезнь, потому что болезнью мы очищаемся, и за все. И тебя поругали, а ты молчи, и тебя обидели, а ты молчи, тебе на ногу наступили — ты: «Слава Богу за все!». Все молчать надо. А мы огрызаемся, понимаешь? Это враг нас так искушает. А надо такое смирение иметь! Наступили на руку, когда молишься, — молчи, наступили на ногу, толкнули — все молчи, только: «Господи, помоги! Господи, дай терпения! За все благодарю...». А когда человек смиренный, тогда Господь спасать будет. Если Он тебе скажет: «Иди один», а «мне надо туда», — это уже не смиренный. Так? А сказано: «Иди», — значит смиряйся и иди. Тогда Господь тебя к смирению приведет.

– Время таке. Будуть з компьютером ходити [собес.].

– Кто не поклонится сам, добровольно, будут ходить насильно с компьютером. Вроде ты сам. Будет компьютерная система действовать. И только Господь ее сможет прервать, эту связь. В миру же живут.

– Когда будет конец света, Серафим Саровский явится? [собес.].

– Написано так, написано. У меня есть книжка, Серафима Саровс... Дивеевского, Серафимо-Дивеевского монастыря, так там написано, что он сказал матушкам: «А мне, — говорит, — матушка, отпущено Господом жить более ста лет, но я раньше отойду, потому что придется мне воскреснуть, так как род христианский до того онечестивит: священники будут... не будет веры в Воскресение Божие и в Суд Христов». Понимаешь, даже священники потеряют веру, так враг будет сильный, нажимать и искушать, что они потеряют веру истинную. И тогда Серафим Саровский встанет и покажет всему православному миру, всему миру, что есть воскрешение и есть вера в воскрешение.

– Як Ісус Христос воскрес, так і він воскресне [собес.].

– Да, так и он воскреснет. Воскреснут все, кто явится на Суд Божий. Значит, будет Суд Божий и будет воскресение. Поэтому написано и так Серафиму дано, он прожил меньше ста лет, свое он не дожил. Он еще воскреснет и доживет, то, что отпущено. Он еще восстанет.

– А хто схватить гроші, хто любить гроши — той усе [собес.].

– А главное, с голодом. Трудно бороться с голодом. Трудно. Значит, надо просить Господа: «Господи, дай мне терпение, Господи, укажи мне путь, да я лучше землю буду есть». Одна матушка святая, значит, сказала, и вот написано, что будут люди православные есть землю, нечего будет им есть, такое время будет. Так вот еще и воды не будет, будут искать мокрую земельку, так хорошо, если листик будет, а то будет радиация и все погорит, хорошо бы листик был, так с листиком смешать да глотнуть, а то не с чем и смешать будет. Глотнешь земельку, будет сильно кушать... враг так будет и жажду вызывать и голод будет вызывать. Так лучше съесть земли, но ему не поклониться, лучше умереть, лучше быть замученным. Тяжело. Во, как мы руку отдергиваем от огня, а жечь людей будут. И раньше жгли. А Господь будет укреплять. Написано: «Не бойтесь! И не думайте, что вам сказать, когда вас поведут на мучения. Святым Духом вы будете укрепляемы и скажете то, что Господь пошлет».

– Кто такой Лев Толстой? [собес.].

– Ну, я тебе скажу. У него наука, учение было толстовское, свое. Раз он что-то изменил в Писании Божием, значит, его Церковь Православная анафеме предала за то, что он выше Бога себя поставил, понимаешь? Мы черви ползучие, мы ничто.

– Ми раби Божи [собес.].

– Да. Почему мы должны что-то изменять, добавлять или... Кто мы рядом с Богом? Черви против Него. Рабы Его. И мы ничего. Раб господина своего не поправляет. Что мы можем поправить? А он, видишь, изменение свое внес.

– Дюже мудрий був [собес.].

– Автокефалия внесла изменения. Перевела на украинский язык. Не было же Господом это благословенно, не было апостолов, равноапостольных, которые переводы делали. В пагубу. Кто идет в украинскую церковь, кто идет к баптистам, к молоканам, к иеговистам — все идут в пагубу. В пагубу. И ты когда ходила туда...

– В Петербурге нет автокефальной церкви [собес.].

– Ну так баптисты есть. А там вот что. Там есть афиши, что в клубе, а потом в церкви, якобы там моления и исцеления. Не ходила туда?

– Нет [собес.].

– Это от дьявола. Закодируют там. Пьяниц кодируют, еще от чего код. А закодированный человек, это что означает, это значит, ему вселяют беса. И когда священники приезжали к нам, они знают, где грешники, они знают, где бесовское. Они сказали, что с каким бесом кто работает, сам в этого беса превращается. И Господь сказал так, что в аду они будут, тут мучают грешники, и в аду они же будут мучить.

– Они же? [собес.].

– Да, да. Они в бесов превращаются. Вот. Так что смотри! Никаких афиш, никуда. Только ходи в церковь православную, да и то, смотри, будь бдительная, как бы что. А то, видишь, они и в церковь идут. <...>

– Ось бачу, яка ви разумна [собес.].

– Это Господь дает разум для того, чтобы другим было передано, чтоб в себе не таила ты. Говорят, молчи, враг нападает, искушает, тоже грехи мне, но все равно нельзя молчать. Господь дал, как написано: «Даром дали, даром отдайте». А тут есть: дадут косыночку — она на базар несет (Н., около 60 лет, собеседница — около 70 лет, зап. в Почаеве в июле 1994 г.).

Обряды в современном городе

С.Б.Адоньева
(Санкт-Петербург)

Прагматика фольклора и практика переходных ритуалов

В современном обществе фольклор взаимодействует в первую очередь с теми сферами жизни, которые либо намеренно табуируются, либо не осознаются социумом и не являются предметом рефлексии, но, занимая весомое место в «коллективном бессознательном»[1], нуждаются в поименовании.

Одна из таких не названных и не оцененных по степени ее действительной значимости сторон социальной жизни — проживание человеком социальных возрастов, а следовательно, обязательное освоение в течение жизни разных возрастных поведенческих моделей.

Каждый человек в течение жизни сталкивается с необходимостью принимать на себя определенную социальную роль, которая со временем неизбежно меняется. Такая социальная роль представляет собой комбинацию поведенческих стереотипов, они вменяются персоне обществом и подлежат реализации в определенных жизненных ситуациях[2]. Она непременно должна иметь идеологическую составляющую — совокупность нормативных образцов, служащих базовыми моделями для конкретных жизненных ситуаций.

Наличие в культурном сознании представления о модели поведения (в отличие от поведенческого стереотипа) чаще всего обнаруживается в критических ситуациях, когда с точки зрения участника ситуации наблюдается отклонение от образца. «Какой же ты мужчина, — ты плачешь», — реплика, обращенная к ребенку. Предполагается, что 'мужчина не должен...'; «Ну и матери, никакой ответственности», — реплика педиатра в адрес родителей, уклоняющихся от всеобщей прививочной кампании. Предполагается, что 'мать должна...'; «Мужик пошел — гвоздь вбить не умеет», — предполагается, что 'взрослый мужчина должен...'.

Под образцом или моделью имеем в виду не норму, которая может быть соблюдена или нарушена[3], но идеал, **культурный императив.**

О культурных императивах не говорят, поскольку это область презумпции, о них проговариваются. Так, обсуждая поведенческую модель, формируемую героем современного русского боевика, Б.Дубин косвенно касается и универсальной модели отдельного человека, «ориентированного на индивидуалистические цен-

ности (личная честь, предприимчивость, ответственность, отвага познания и самоосуществления), энергично и самостоятельно действующего в непредвиденных <...> обстоятельствах, связанного с партнерами узами частного интереса и личного выбора...» [Дубин 1996: 270]. Нетрудно увидеть в этом «универсальном» облике модель, характеризующую вполне определенный половозрастной статус. В русской крестьянской традиции это был статус парня, жениха — молодого, удалого, неженатого.

В соседствующей с этой статьей в журнале «Новое литературное обозрение» статье О.Бочаровой, посвященной женскому роману, описывается совершенно другой образ героя, которому, тем не менее, автор также придает «массовый» статус: «В общем, мужчина в женском романе — "на своем месте", вполне соответствует массовым образцам маскулинности, утверждающим роль мужчины—"хозяина", властного, сильного, надежного» [Бочарова 1996: 299]. Универсальный статус придается двум образцам, соотносимым в традиционной культуре с различными возрастными периодами. В первом случае это парень, молодец-удалец, наделенный отвагой, удалью, гиперсексуальностью и пафосом преодоления и/или захвата, не имеющий никакой «своей» территории. Во втором — «тягловый мужик», отец, хозяин принадлежащего ему пространства, наделенный пафосом ответственности.

Система культурных императивов образует модель социальной структуры, из которой исходит общественная практика. Императивы воздействуют на весь ее диапазон: от эстетических представлений (например, о человеческой красоте) до норм права (например, в части определения границ между поступком нормативным и ненормативным или в части наказания и пр.). Как система идеологическая — культурные императивы постулируются мифологическими текстами. Как система социальная — они реализуются в определенной ритуальной практике[4]. Если в традиционной культуре фольклор «обслуживал» всю эту систему в целом, то в культуре современной он благополучно делит свои функции с другими культурными формами: эстрадой, рекламой, телевидением, модой, вплоть до авторского искусства. Это касается элитарного искусства в том случае, если «центростремительные» силы в нем преобладают над «центробежными» и оно начинает работать на актуальный «общественный» идеал, или, как он выше был назван, культурный императив[5].

Б.Н.Путилов определил фольклор так: «Это слово, ставшее *преданием* (т.е. традицией) и в этом своем качестве закрепившееся в народном сознании» [Путилов 1994: 34]. Представляется верным и обратное утверждение: традиция (в том числе и поведенческие образцы), воплощенная в устном/безавторском «слове», есть фольклор. Современный фольклор оказывается входящим в две общности, характеризующих его с точки зрения прагматики и структуры. Первая из них — совокупность социальных механизмов, обеспечивающих традиционное начало в культуре. Здесь можно говорить о самых разных явлениях — от «искусства одеваться к лицу» и специфики «застольного» поведения до законодательства и форм власти[6]. Вторая — совокупность воспроизводимых стереотипных текстов, в том числе и вербальных (анонимные тексты представляют собой современный фольклор в узком смысле слова).

Любое определение явления предполагает движение от более общего (родового) понятия к видовому через специфицирующий признак. Мы выбираем в качестве родового прагматический аспект, который и определяет тот угол зрения, под которым рассматривается наш материал. Итак, современные фольклорные формы «достраивают» актуальную для сегодняшнего российского общества мифо-ритуальную систему, восполняя функциональные пробелы, существующие либо в области мифов, либо в ритуальной практике[7].

Покажем это на примере культурного императива материнства. Миф о беззаветной материнской любви, воспринимаемый массовым сознанием как абсолютная, «непреходящая» ценность, является продуктом русской культуры XX в. Атеистическая культура, заимствуя абсолютный для русской традиции образ Матери Божией, разрабатывает его как новый миф и новую посвятительную ритуальную практику.

Мифология материнства формируется текстами официальными и неофициальными, письменными и устными, высоким искусством и искусством массовым. «Мать» Максима Горького (включая киноверсию) и «Пролетарская мадонна» К.С.Петрова-Водкина, Родина-мать в виде монументов (ср. Пьета) и плакатов (ср. дореволюционное «*отечество* в опасности»), образ матери в живописи А.Дейнеки и Ф.Антонова, мать В.Ульянова в портретах и школьных учебниках по истории — все это варианты одного мифологического образца[8]. Идеология материнства была официально задокументирована в Советской конституции, в Законе о материнстве и детстве и административно воплощена в привокзальных «комнатах матери и ребенка»[9]. В вербальной традиции — как литературной, так и фольклорной — культурный императив материнства, несомненно восходящий к традиционном образцу, реализуется в сюжете любви матери к сыну и сына к матери.

С достаточной степенью уверенности можно утверждать, что сюжет об идеальной любви между матерью и дочерью в современной традиции непопулярен. Негативным вариантом этих отношений формируется один из наиболее распространенных сюжетных типов «страшилок»: «Жила девочка. И мама жила. Мама купила ей пластинку и говорит: “Не включай ее”...». Мать отправляет дочь куда-то или запрещает/вынуждает сделать нечто, приводящее к трагическим последствиям. И первой жертвой оказывается именно мать [Русский школьный фольклор: 56–134]. Из 150 текстов «страшных историй», опубликованных С.М.Лойтер, в 63-х используется эта завязка. Мать по отношению к дочери может выступать не только как отправитель, провоцирующий негативную ситуацию, но и как антагонист: «Когда мама ушла на работу, девочка спросила у бабушки, почему мама ходит в таком платье. Бабушка сказала: “Когда будем обедать, специально урони вилку или ложку и попроси маму подать ее”. Но мама не подняла. Тогда она взяла ее сама и под платьем увидела не ноги, а копыта» [Русский школьный фольклор: 96].

Тема ‘мать–сын: верность, любовь, святость’, наравне с другими культурными императивами, может быть «исполнена» в разных жизненных регистрах — поэтическом, политическом, рыночном (экономическом), бульварном, семейно-бытовом, криминальном и пр. Пример «высокого» регистра:

Как ступлю на порог,
Не поняв, не решив:
Ты мой сын или Бог?
То есть мертв или жив?

Он говорит в ответ:
– Мертвый или живой,
Разницы, жено, нет.
Сын или Бог, я твой.

И.Бродский. Натюрморт, 1971

В «бульварном» регистре:

На пороге встретишь ты, родная,
С белою седою головой,
И платочком слезы утирая, дорогая мама,
Скажешь: «Сын, вернулся ты домой».

[Уличные песни: 100]

Увяли розы, умчались грезы,
И над землею день угрюмый встает.
Проходят годы, но нет исходу,
И мать-старушка слезы горькие льет.

[Уличные песни: 332]

Пример «криминального» регистра темы лежит в области современной уголовной практики: российские бандиты похищают с целью вымогательства детей и жен, но не посягают на матерей.

Тема, заданная фразеологизмом «родная мать не узнает» (с пресуппозицией ‘мать узнает сына всегда’), многократно разрабатывалась в советской литературе и публицистике[10].

Отношения сына и матери — из редких, не образующих конфликта в современных балладных сюжетах, основными темами которых служат конфликты, разрушающие «приватные» человеческие связи [Адоньева, Герасимова 1996: 350–352].

Граница между официальным и неофициальным, разрешенным и запрещенным, высоким и низким оказывается, на удивление, не значимой для парадигмы половозрастных образцов: в отношении того, какова должна быть «женщина, мать», народ и партия оказываются действительно едиными. Общественная практика, разрабатывающая этот миф и конструирующая на его основе конкретные стереотипы поведения, формирует необходимые для этой цели социальные институты: детские ясли (отсылка к евангельскому источнику!), детские сады, государственные учреждения опеки (надзора) за процессом посвящения в материнство — женские консультации (работающие в тесном сотрудничестве с другими формами контроля, милицией и отделами кадров), родильные дома.

Посвятительная задача этих социальных институтов состоит в том, чтобы посредством определенных ритуальных процедур привести лиминальную персону (предварительно разрушив усвоенный ею прежде набор поведенческих сте-

реотипов) к соответствию с образцом, дабы она знала «жизнь бы сделать с кого». Фольклорные тексты организуют профанные «рамки» посвящения в материнство. Они диктуют особые нормы и запреты на «входе» в лиминальную зону («много ходить пешком», «есть много молочного» и «в еде себе не отказывать», «смотреть на все красивое» и т. д.) и формируют сообщество посвященных на «выходе», скрепляя его «общим» знанием, внедряемым через устойчивую риторическую форму: «когда я рожала/когда я была беременной» [Щепанская 1996; Щепанская 1998; Белоусова 1999].

Фольклорные формы достраивают как область мифов-образцов, так и область ритуальной практики. По этой причине представляется принципиальным различать тексты, разрабатывающие образцы, и тексты, организующие ритуальную практику. Это функциональное различие принципиальным образом сказывается на поэтике выделенных групп.

Первая группа текстов составляет общенародную коллекцию жизненных историй. Их социокультурная задача в том, чтобы помочь гражданам сочинить себе подходящее личное прошлое (в отличие от общего прошлого — истории, которая находится в компетенции государственных идеологических институтов)[11]. Вопрос «кто ты?» не должен застать человека врасплох. Ответ на такой вопрос («я — фронтовик», «я — ученый», «я — не замужем», «я был в Афгане», «я — бабушка» и любой другой) предполагает наличие завершенного к настоящему моменту жизненного сюжета[12].

Мы формируем наше прошлое из точки сегодняшнего дня. Для того чтобы события — к какому бы времени они ни относились — из актуального настоящего внутренней жизни превратились в факты вербализуемого, а значит и прошедшего акт социализации прошлого, они должны быть оформлены в сюжет со счастливым или трагическим, но обязательно наличествующим, финалом[13].

Смерть героя в этом случае не помеха, а, напротив, подспорье.

Оля закрыла глаза,
Венчик из рук покатился.
Утром пришли рыбаки,
Олю нашли у залива.
Надпись была на груди:
«Олю любовь погубила».

[Русский школьный фольклор: 163]

На высоте трех тысяч метров
Пропеллер весело жужжал.
«Ну что ж, не любит, так и не надо!»
И на штурвал рукой нажал.
⟨...⟩
Тут все узнали, похоронили,
Пропеллер стал ему крестом.

[Русский школьный фольклор: 171]

Прожив сюжет и умерев вместе с героем, мы присваиваем себе его — героя — историю, делая ее своим атрибутом, используя его прошлое для понимания собственного настоящего[14]. Не случайно фольклорную жизнь обретают литературные тексты, маркированные гибелью героя: в девичьих альбомах и песенниках устойчиво появляется «Сероглазый король» Анны Ахматовой, ибо умер «он», «Идешь на меня похожий» Марины Цветаевой, ибо умерла «она», или, например, «Сон» Лермонтова по той же «смертной» причине: «знакомый труп лежал в долине той» [Головин, Лурье 1989: 317].

Вероятно к этому же функциональному ряду следует отнести почти не замеченную пока фольклористами жанровую группу — автоэпитафий или завещаний, стихотворных и прозаических, которые хранятся (и переписываются) в «альбомах» пожилых женщин, соседствуя с выписками из гороскопов, рецептами «нетрадиционной» медицины и (в провинциальной среде) с частушками[15]. Зачином таких текстов служит сообщение о смерти лирической «героини» с последующим рассказом о жизни.

Использование сюжетов в качестве интерпретации своего прошлого не означает ни того, что использующий действительно имел в своей жизни подобную историю, ни того, что он лжет. Фольклорные сюжеты очерчивают для их адептов, во-первых, область *возможного* — диапазон, и, во-вторых, культурную область «залегания» этого диапазона (то, что выше мы определили как жизненные регистры).

Для девушек, переписывающих в своих песенниках «Танго цветов» и «Мери», не обязательно «убиту быть», следуя печальной участи героинь этих баллад. Сюжет именует мир, в котором живет человек, придавая этому миру статус реальности. В мире, изображенном в «Танго цветов», нужно всегда выбирать героя, любить героя, быть верной не герою, но своему чувству, причем — до гробовой доски. Это значит, что герои могут меняться, героиня же верна своей любви, которая «свободна» и «законов всех она верней».

По набору популярных фольклорных жанров можно судить о том, в каких мирах живут их читатели, слушатели, переписчики и исполнители.

На культурные императивы, формирующие систему мужских и женских возрастных поведенческих норм как статическую иерархию, «работают» в первую очередь нарративы, эпические и лиро-эпические. Причем именно те, для которых не актуален критерий достоверности, т. е. относимые потребителями этих нарративов к категории художественных произведений. Формы современные здесь соседствуют с традиционными, фольклорные с литературными и кинематографическими, «Спящая красавица» со «Всадником без головы», «Айвенго» с «Ассоль», «Золушка» со «Штирлицем», «крошка Джалль» со «Своим среди чужих», «Степной волк» с «Терезой-Батистой, уставшей воевать» и т. д. и т. п. Достаточно достоверным источником для выделения этих моделей могут служить, с одной стороны, пародии — жанр, отражающий степень популярности сюжета [Лурье 1998: 430–517], с другой — рекламные тексты, эксплуатирующие культурные императивы для своей цели (например, рекламный цикл «Русский проект», «исторический» цикл банка «Империал» или «Сказка о сером волке» в рекламной кампании Кока-Кола).

Если в абстрактном виде совокупность культурных императивов может быть описана структурно, то в реальном течении времени, для каждого отдельного человека, она представляет собой цепь, узлами которой являются возрастные кризисы, приводящие к отказу от старых образцов и приобретению новых. Переход от одной возрастной поведенческой модели к другой маркируется переходными ритуалами. Человек в течение жизни двигается от «фиксированного плацентой места в утробе матери к своей смерти и фиксированной точке могильного камня. Путь этот обозначен множеством переломных моментов перехода, которые все общества ритуализуют и публично отмечают соответствующими обрядами, чтобы внушить живым членам общины понятия о значимости личности и группы. Таковы важнейшие вехи рождения, достижения зрелости, брака и смерти» [Warner 1959: 303].

Теперь мы обратимся к текстам, оформляющим «переходы». Чтобы иметь возможность вычленить эти формы из потока повседневной жизни, мы можем воспользоваться косвенными признаками, позволяющими квалифицировать ту или иную ситуацию как переходную и, следовательно, концентрирующую вокруг себя интересующие нас культурные тексты. Следуя концепции В.Тернера, переходная ситуация порождает социальную структуру типа коммунитас, причем в «лиминальном феномене интересно характерное для него смешение приниженности и сакральности, гомогенности и товарищества <...> Налицо как бы две “модели” человеческой взаимосвязанности, накладывающиеся одна на другую и чередующиеся. Первая — модель общества как структурной, дифференцированной и зачастую иерархической системы политико-право-экономических положений со множеством типов оценок, разделяющих людей по признаку “больше” или “меньше”. Вторая — различимая лишь в лиминальный период — модель общества как <...> общности равных личностей, подчиняющихся верховной власти ритуальных старейшин» [Тэрнер 1983: 170].

Современная российская ситуация позволяет увидеть коммунитас трех типов. Появление первого типа спровоцировано государством[16]: общество целенаправленно создает и поддерживает социальные институты (тюрьма и другие виды социальных учреждений, находящиеся в ведении МВД, больницы и родильные дома, срочная служба в армии и пр.), в которых попадающие туда принудительно наделяются признаками пороговых состояний: изоляция, лишение или существенное ограничение в правах, разделение по полу, униформа, равенство между всеми и подчинение главному. В разговорном русском языке существует специальный термин, означающий главного, которому нужно подчиняться, термин, маркирующий только это качество и оставляющий без внимания все другие, вплоть до пола и количества, — «начальство».

О ритуальной практике санкционированных коммунитас мы уже упоминали в связи с мифологией материнства[17].

Второй тип — постоянно существующие открытые сообщества типа коммунитас, вхождение в которые является результатом свободного выбора: религиозные секты, «система», туристические общества, клубы, политические партии и пр.[18]. Акт вхождения в эти сообщества имеет определенную социально-психологическую подоплеку: он обычно связан с переживаемым человеком возраст-

ным кризисом. Пребывание в сообществе служит «лиминальной зоной» в переходе к следующему возрастному этапу.

Третий тип, также организационно оформленный, представляет собой сообщества идеологических адептов определенного художественного текста (или совокупности текстов), который интерпретируется ими как сакральный и, таким образом, оказывается превращенным в посвятительный миф. Такова мифологема «митьков» и «митьковствующих», сообщество последователей мифа Толкиена и пр., менее массовые типы современных мифологических братств (см., например: [Гамзатова 1992: 207–227]). Третий тип коммунитас также следует квалифицировать как форму возрастную, поскольку стихийное влечение человека в такие сообщества обычно связано с переживанием им одного из возрастных кризисов.

Фольклорные тексты, сопровождающие «государственные» формы коммунитас, концентрируются на прелиминальном и постлиминальном периоде. В первом случае они представляют собой систему норм и запретов, внушаемую неофиту. Например, в ответ на неправильное обращение новичка — «можно мне...» в армии: «Машке можно, в армии — “Разрешите”». Во втором — они являют собой резюме особого лиминального опыта, связанного с пережитой утратой самотождественности и отстраиванием «новой» личности, ориентирующейся на новые образцы. В армейском фольклоре последнее отражено в распространенном в солдатских альбомах жанре афоризма. М.Л.Лурье, описывая ритуальную практику армии, подчеркивает беспомощность, «униженность» лирического героя армейского фольклора, выступающего не субъектом, но объектом в происходящем событии[19].

Важным опытом армейского посвящения, меняющим жизненный сценарий, как это видно из материалов армейского фольклора, оказывается опыт терпения, отказа от своих интересов («беззаветное служение») и опыт близкой смерти. Важным опытом посвящения родильного дома, меняющим жизненный сценарий, оказывается также опыт терпения и самоотречения и опыт рождения. И в том, и в другом случае посвящение как внутренний перелом, разрыв идентичности, происходит за пределами фольклорных текстов.

К санкционированным формам коммунитас относится и институт пионерских лагерей. В условиях разрушения традиционной системы возрастных инициаций (в первую очередь, ввиду неприятия ее идеологии) советское общество воспроизвело социальную структуру архаического инициационного комплекса — детский лагерь, введя в оборот свои мифы: истории пионеров-героев, посвященные им культовые рощи — «аллеи» и пионерские ритуалы.

В отсутствие уполномоченных обществом посвящающих авторитетов (например, для русских крестьянских девочек это были старшие женщины — бабушки, крестные, для мальчиков — отцы, дядья, старшие мальчики в своей возрастной группе) место посвящающего оказывается свободным. Советская эпоха создала особую социальную роль для этих целей, функции которой определены самим названием — вожатый.

Об инициационной прагматике свидетельствует и фольклор, бытующий в детских учреждениях и именно оттуда (из детских садов, школы и пионерских лагерей) заимствуемый стихийными детскими сообществами. Первый этап воз-

растной инициации определяется подготовкой к отделению от исходной социальной группы и ее авторитарных принципов. В случае девичьей инициации такой группой является семья и таким авторитетом — в первую очередь, мать. Именно в этом смысле — как посвятительный фольклор прелиминального периода — и следует понимать, на наш взгляд, отношения между матерью и дочерью в том виде, в котором они изображены в «страшилках». Эти тексты выполняют функцию формирования идеологии отделения. Структурно воспроизводя принцип мифологического рассказа, былички, изображая нарушение, апеллируют к новой для рассказчиков страшных историй социальной «норме».

Если в «санкционированных» коммунитас фольклор окаймляет ритуальную зону и собственно лиминальная процедура производится нефольклорными текстами — присягой у знамени, клятвой и другими формами ритуального вменения нового кредо, то в коммунитас стихийных он занимает центральное место. Стихийные коммунитас — система, толкиенисты — «проговаривают» в своих текстах лиминальное состояние очень подробно: «Человек с коричневыми глазами говорит мне, чтобы я уходила отсюда. Вот уже и его спина маячит где-то далеко... Я копаюсь в земле, поливаю растения, снова копаюсь. Земля коричневая, а небо желтое. Мне сказали, что я не понимаю четырехмерного пространства» [ФС № 118][20]. Текст описывает происходящее как внешний факт: стиль хроники, монтирующий элементы внешнего ряда, но не обнаруживающий на уровне текста смысловые основания для этого монтажа[21].

Первая ступень в процедуре смены социального статуса состоит в разрушении целостности и осмысленности того мира, в котором она (лиминальная персона) проживала до этого момента. Такое разрушение смысловой связности мира — одна из задач популярной «настенной» фольклорной традиции системы: «Сквозняк в метро существует для того, чтобы у людей развевались волосы» [ФС № 123], — наделение возможностью целеполагания действия, которое не может быть таковым, за счет замены отношений 'причина–следствие' на отношение 'цель–результат'. Разрушающая смысл аристотелевского определения катарсиса языковая игра: «Возможно ли очищение через страдание, если мы страдаем хуйней?» [ФС № 124].

Герои системных текстов не имеют ключей к миру, располагают себя вне его, но при этом испытывают его воздействие, претерпевая его «бессмысленность».

Я отрезанный ломоть,
Я оторванный билет,
Будет жизнь меня молоть,
Словно мясо для котлет... [ФС № 168]

Адресант в этих текстах не деятель, но объект воздействия, что проявляется на уровне риторики в постоянно используемых возвратных, неопределенно-личных и безличных синтаксических конструкциях.

Мельчайшие мелочи мелкого дня —
Угрюмые сволочи — душат меня! [ФС № 79]

Даже если о нас забудут,
Мы навсегда останемся вечны... [ФС № 83]

Дайте мне заснуть! Каждая минута жизни — огромное усилие. Напряжение. Вы не знаете, как мне хочется затянуть петлю на шее... [ФС № 88]

Плиточный белый кафель ванной
Разбивает мое существо на квадраты... [ФС № 99]

Вместе с тем есть существенное различие между системными текстами и традиционными текстами возрастных переходных обрядов. Последние выполняют операционную функцию в посвятительном ритуале. Они призваны провести неофита через внутренний перелом, неслучайно описываемый через метафоры смерти: посвящаемый всегда один, поскольку умирают всегда в одиночку. Сообщество системных делает лиминальность идеологией *группы.*

Старые дома пусты...
Темная река уносит жизнь.
Мы всегда одиноки здесь [ФС № 95].

Мы дети хаоса и психиатрии,
Говорящие на разных языках [ФС № 87].

Мы, волосатые, уже построили промеж собой издавна для всех бывшие призраком отношения [ФС № 119].

Современные «массовые» тексты, письменные и устные, авторские и анонимные, обладают общим принципом строения, роднящим их с традиционным фольклором, что позволяет рассматривать эти явления в одном типологическом ряду. Конструктивный принцип строения этих текстов состоит в использовании готовых общих мест — loci communes, представляющих формульный фонд культуры и распадающийся на социолектные единства.

Неизменным остается тот же фольклорный принцип создания смыслового уровня текста, существенно отличающийся от принципов строения авторских художественных текстов Нового времени. Авторский поэтический текст строится за счет синтагматики — нового соположения «старых» слов, вследствие чего они обнаруживают новые смыслы[22]. Смысловое строение стереотипного текста, и традиционного, и нового, обусловлено теми культурными (вторичными) смыслами, которые закреплены за определенными знаками до создания текста: организация смысла происходит за счет монтажа общих мест (присутствующих на разных уровнях текста — от рифмы до мотива) или культурных формул. Именно формульность (но не цитатность) как принцип определяет поэтику *традиционного,* о каком бы типе культуры ни шла речь.

Я слушал, как ты
Говорила что-то хорошее и доброе.
Ты боялась дождя
как боятся смерти.
Но пошел дождь... [ФС № 92]

Но ты слишком долго вдыхала
тяжелый туман
Ты верить не хочешь во что-нибудь
кроме дождя.
Н.Гумилев

Глупо лекарствами
Отравиться.
Глупо броситься

Маруся отравилась
В больницу повезли...
[Баллада и романс:149]

Под машину —
Тормоза кричат
Слишком грубо...
Но тогда и любить
Глупо [ФС № 46].

Тут мальчишка бросился бежать.
Не любил отказов он слыхать.
Тут машина за углом
Притормозить уж не смогла...
[Баллада и романс: 324]

Быть или не быть — сложный вопрос,
Он похож на проблему «любить–не любить».
Но что без любви может быть интересно...
И как без нее вообще можно прожить
[ФС № 31].

Но как на свете без любви прожить.
(х/ф «Простая история»)

Культурные источники приведенных системных текстов очевидны. Но не статус цитируемых авторов определяет их востребованность в стереотипных речевых формах. Воспроизводимый речевой оборот или мотив, ставший общим местом, наделяется статусом «общей правды»[23]. В отличие от авторских текстов, образующих интертекстуальные связи за счет прямых цитат или реминисценций, стереотипные тексты отсылают к общему для носителей данной культурно-языковой традиции фонду смысло-форм (формул), обеспечивающих наличие «общего знания». Наличие авторского первоисточника является в этом случае фактом второстепенным.

Материалы, описывающие современное состояние похоронной и свадебной традиций, демонстрируют те изменения, которые происходят в ритуальной практике общества, когда меняется характер отношений между мифом, культурным императивом и жизненным сценарием[24].

Смерть была и остается в сфере сакрального, несмотря на то что государство включило ее в свою компетенцию и отнесло к светской сфере «гражданского состояния». А следовательно, остается неизменным и культурный императив, обусловливающий сохранение похоронно-поминальной ритуальной практики: приводимое В.Ф.Шевченко описание похоронного ритуала показывает, что он очень незначительно изменился по сравнению с традиционным русским похоронным ритуалом [Зеленин 1990: 345–352].

«Новшества», определенные городской традицией и, очевидно, появившиеся в ней достаточно давно, обусловлены в первую очередь изменением сферы жизненного сценария. В русской традиционной культуре переживающие утрату «переходили» к новому жизненному сценарию — сиротству, вдовству («жизнь по чужим людям»). Ритуал производил и ратифицировал новое распределение социальных ролей. В культуре современной переживающие утрату, напротив, «не должны свернуть с пути»: выбывание одного из членов социума не предполагает изменение жизненных сценариев для других. «Провожающие в последний путь» считают необходимым отдать «последний долг» усопшему, адресуясь своим поведением к живым. Акционально эта идея представлена в похоронной процессии венками с «последними словами» траурных надписей, государственными наградами на бархатных подушечках, «скорбными» телеграммами и оформленными цветами и лентами фотографиями. Этот набор атрибутов призван преобразовать

социально одобренный культурный сценарий в конкретный жизненный сюжет, в рамках которого и будет теперь интерпретироваться жизнь умершего «провожающими» [Арьес 1992: 52–54, 341–452].

Новшества в похоронной обрядности относятся к тем социальным кругам, которые располагаются на периферии массовой традиции. Такой похоронный ритуал сопровождает похороны человека, занимающего с позиции его социальной группы высокое социальное положение. Представление о смерти «правильной» или «неправильной», в традиционной культуре имевшее выражение в различных типах погребальной практики[25], преобразовалось в представление о смерти социально значимой, получающей статус события, и смерти, не являющейся социальным событием, которая в пространстве современной культуры оформляется по традиционному канону (именно эта ритуальная практика и описана в статье В.Ф.Шевченко в настоящей книге). Значимая смерть — смерть «культурных героев» (высоких чиновников, писателей, артистов и др.) — во всех случаях представляется как безвременная, как случайность, что имплицитно предполагает возможность отсутствия финала жизни как такового[26]. Эта практика интерпретации смерти обнаруживает изменения в области мифологии: представление о смерти как о гибели предполагает возможность вечной жизни. Видимо, наличием этого представления можно объяснить новую социальную практику поминовения: символические знаки — кресты, фотографии, цветы — устанавливаются не только на месте захоронения, но на месте безвременной, случайной гибели. Это хорошо известные всем придорожные «смертные» знаки или, например, места гибели известных людей, становящиеся местами поклонения. Смерть-погибель (то, что в традиции называлось «лихой смертью» — без покаяния) становится одной из основных тем устных фольклорных нарративов — «случаев».

В отличие от похоронной, свадебная традиция изменилась кардинально. Недостаточность описаний и их территориальная ограниченность делают преждевременными какие-либо обобщения. Тем менее, судя по имеющемуся материалу, можно предположить, что здесь пролегает линия разрыва традиции.

Вступающие в брак и участвующие в свадьбе молодые воспринимают происходящее как игру, предполагающую определенный выигрыш (обменную ситуацию), и именно в этом смысле понимают атрибутику свадьбы (куклы, ленты, цветы, поклонение «монументу», трапезы, взаимные одаривания). Старшие предполагают некую ритуальную процедуру. Но их собственный — советский и гражданский — опыт брачного посвящения (годы рождения родителей — от 1930 до 1960), предполагая идею некоторого испытания, также не включал смены жизненного сценария, необходимость которого и определяет суть и психологический драматизм переходного ритуала. Это обусловливает форму современного свадебного ритуала. Вручение «документа» — центральный ритуальный акт — ратифицирует событие как социально значимое посредством его предъявления перед авторитетом (государством). Именно этот семиотический акт подвергается амплификации: молодым, помимо свидетельства о браке, вручаются прочие «документы», составленные по аналогии с аттестатами зрелости, паспортами, дипломами и грамотами, вручавшимися в «торжественной» обстановке. Можно

сказать, что два поколения, участвующие в ритуале, оказываются играющими в разные «игры».

О том, что перед нами, тем не менее, ритуал, мы можем судить по тому, что в этой социальной церемонии сохраняется определенный набор элементов, совпадающих в значениях для всех участников. Такими элементами оказываются взаимное одаривание, совместные трапезы, смена костюмов (переодевание), символическая интерпретация событий, приходящихся на период ритуала (мифологическое переживание ритуального времени). Нетрудно заметить, что этот набор характерен не для переходного ритуала, но для ритуалов «обмена», по типу календарных ритуалов или «потлача» (дарообмена). И свадебный, и похоронный обряды, сохраняя свой сакральный «центр» — переживание иерофании, — меняются в отношении сценарной «периферии», определяемой культурным контекстом и, в первую очередь, теми сюжетами, которые созидают современную мифологию.

Примечания

[1] Следуя определению З. Фрейда, «содержание бессознательного вообще является коллективным» [Фрейд 1993: 152], «коллективное бессознательное в психической жизни народа есть традиция» [Фрейд 1993: 145].

[2] Ю.М.Лотман писал: «Человек в своем поведении реализует не одну какую-либо программу действий, а постоянно осуществляет выбор, актуализируя какую-либо одну стратегию из обширного набора возможностей» [Лотман 1975: 27]. Отметим, что набор этот все-таки конечен для каждой социальной роли, в частности половозрастной, о которой и идет речь.

[3] О соотношении понятия «норма» и «стереотип поведения» см.: [Байбурин 1993а: 7].

[4] Ср.: «...ритуал не "подтверждает" и не "утверждает" уже свершившийся факт, но конструирует, создает его и, в конечном счете, — является им» [Байбурин 1993б: 4]

[5] Отношение между «сильными состояниями коллективного сознания», как определил это явление Э.Дюркгейм, и нормами права было описано им в работе о разделении труда [Durkheim 1911: II — IV; Дюркгейм 1991] как отношение причины и следствия.

[6] См., например: Особенности русского застолья / Сост. О.Торпакова. М., 1997.

[7] Именно это обстоятельство, на наш взгляд, и препятствует описанию современного фольклора как целостной системы.

[8] О теме материнства в советском изобразительном искусстве см.: [Гасснер, Гиллен 1994: 36–38].

[9] Повсеместное создание сети детских воспитательных учреждений служило обязательной практической альтернативой идеологическому образцу (см., например: [Полянская, Щукинский 1932].

[10] В одном из наиболее популярных в древнерусской традиции текстов — Житии Алексея человека Божьего — эта сюжетная тема разрабатывалась противоположным образом: родители не узнавали утраченного сына; родительские чувства слепы, если закрыты духовные очи.

[11] См. описание механизма «работы» таких текстов: «Естественный жизненный поток континуален.... Можно предположить, что еще на дотекстовом уровне в памяти инди-

видуальной и, особенно, общественной он преобразуется, становясь дискретным. В нем выделяются центральные доминантные звенья, смысл которых оценивается ретроспективно... Вероятно, этот процесс осуществляется при совмещении жизненного материала с адекватными ему устойчивыми "ментальными матрицами", предполагаемыми данной традицией или складывающимися на общечеловеческой основе архетипов и универсалий» [Неклюдов 1995: 77–80].

12 Подробнее см.: *Адоньева С.Б.* Категория ненастоящего времени: культурные сюжеты и жизненные сценарии // Труды ф-та этнологии Европейского университета (СПб). Вып. 1. СПб., 2001.

13 Например, О.В.Овчинникова рассматривает мемораты русских, проживающих за границей, и обнаруживает в этих нарративах модель волшебной сказки. Отметим, что сказочная модель используется именно в меморате, с ее помощью осмысляется собственное прошлое, а не организуется будущее, — это не о поведении, а об интерпретации событий. Примечательно и то, что для осмысления прошлого, связанного с пересечением «рубежа», используется именно сказочная модель, базовым нарративным принципом которой служит пересечение мифологической границы [Овчинникова 1996: 223–226].

14 Приведем цитату, в полной мере рифмующуюся с высказанным предположением: «Дальнейшее — есть реальное существование Левы и загробное — героя... Здесь, за этой границей... все приблизительно, зыбко, необязательно, случайно, потому что здесь не действуют законы, по которым мы жили, пишем и читаем, а действуют законы, которых мы не знаем и по которым живем <...> Наша жизнь есть теневая, загробная жизнь литературных героев, когда закрыта книга... Впрочем такая гипотеза подтверждается самим читателем. Потому что если увлеченный читатель сопереживает написанное в прошлом о прошлом как реальность, то есть как настоящее (причем почти как свое, личное), то нельзя ли софистически предположить, что настоящее героя он воспринимает как свое будущее» [Битов 1989: 316].

15 Говорим об этой фольклорной форме как о женской только потому, что нам оказался доступен лишь один мужской альбом такого типа. Он начинался с надписи для могильного камня, составленной автором для своих похорон, затем шло прозаическое мемуарное повествование.

16 Как календарные коммунитас такого типа можно рассматривать практику учрежденных государством ритуалов, например, советскую новогоднюю традицию [Адоньева 1999: 368–388].

17 См. статью Е.А.Белоусовой «Родильный обряд» в настоящем издании.

18 О посвятительных ритуалах и посвятительной фольклорной прозе туристов см.: [Шумов 1996: 18–20].

19 См. статью В.В.Головина, М.Л.Лурье, Е.В.Кулешова «Субкультура солдат срочной службы» в настоящем издании.

20 Здесь и далее примеры из личного архива «фольклора системы» С.Овечкина, копия которого передана собирателем в фольклорный архив СПбГУ. Коллекция 3. «Фольклор системы». Далее — ФС и номер текста.

21 Трудно удержаться от комментария: такой принцип построения текста относится к ряду основополагающих в искусстве модернизма и постмодернизма. Прием соположения элементов визуального ряда, сочетание «крупных» и «панорамных» планов — универсальный принцип поэтики XX в., поэтики кино (см.: [Лотман 1973; Монтаж 1988]). На излете века он становится рабочим приемом массовых текстов.

22 О проецировании парадигматической оси языка на ось синтагматическую как универсальном свойстве поэтической речи см.: [Якобсон 1979].

[23] О сходной прагматике речевых клише см.: [Николаева 1994: 154–155].

[24] См. статью М.Г.Матлина «Свадебный обряд»; Шевченко В.Ф. «Похоронные и поминальные ритуалы» в настоящем издании, а также [Жирнова 1980].

[25] В различных локальных традициях это представление может быть выражено через различные действия (захоронение в пределах и за пределами кладбища, движение похоронной процессии разными путями и др.), но выражено непременно.

[26] О новой погребальной традиции см.: [Матич 1998].

Литература

Адоньева 1999 — *Адоньева С.Б.* История новогодней традиции // Мифология и повседневность. Вып. 2. СПб., 1999.

Адоньева, Герасимова 1996 — *Адоньева С., Герасимова Н.* «Никто меня не пожалеет»: Баллада и романс как феномен фольклорной культуры Нового времени // Современная баллада и жестокий романс. СПб., 1996.

Арьес 1992 — *Арьес Ф.* Человек перед лицом смерти / Пер. с франц. М., 1992.

Байбурин 1993а — *Байбурин А.К.* Ритуал в традиционной культуре. СПб., 1993.

Байбурин 1993б — *Байбурин А.К.* Некоторые общие соображения о ритуале // Aequinox. М., 1993.

Баллада и романс — Современная баллада и жестокий романс / Сост. С.Б.Адоньева, Н.М.Герасимова. СПб., 1996.

Белоусова 1999 — *Белоусова Е.А.* Представления и верования, связанные с рождением ребенка: современная городская культура. Дисс. ... канд. культурологии. М., 1999.

Битов 1989 — *Битов А.* Пушкинский дом. Л., 1989.

Бочарова 1996 — *Бочарова О.* Формула женского счастья: *Заметки о женском любовном романе* // Новое литературное обозрение. 1996. № 22.

Гамзатова 1992 — *Гамзатова П.* Традиционная культура и рок: опыт сравнительного анализа // Примитив в искусстве: грани проблемы. М., 1992.

Гасснер, Гиллен 1994 — *Гасснер Х., Гиллен Э.* От создания утопического порядка к идеологии умиротворения в свете эстетической действительности // Агитация за счастье. Советское искусство сталинской эпохи. Дюссельдорф; Бремен, 1994.

Головин, Лурье 1998 — Девичий альбом XX века / Публ. и предисл. В.В.Головина, В.Ф.Лурье // Русский школьный фольклор. М., 1998.

Дубин 1996 — *Дубин Б.* Испытание на состоятельность: к социологической поэтике русского романа-боевика // Новое литературное обозрение. 1996. № 22.

Дюркгейм 1991 — *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991.

Жирнова 1980 — *Жирнова Г.В.* Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем. М., 1980.

Зеленин 1990 — *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. М., 1990.

Лотман 1973 — *Лотман Ю.М.* Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин, 1973.

Лотман 1975 — *Лотман Ю.М.* Декабрист в повседневной жизни: Бытовое поведение как историко-пихологическая категория // Литературное наследие декабристов. Л., 1975.

Лурье 1998 — Пародийная поэзия школьников / Публ. и предисл. М.Л.Лурье // Русский школьный фольклор. От «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов. М., 1998. С. 430–517.

Матич 1998 — *Матич О.* Успешный мафиозо — мертвый мафиозо // Новое литературное обозрение. 1998. № 33. С. 75–107.

Монтаж 1988 — Монтаж: Литература. Искусство. Театр. Кино / Сост. М.Б. Ямпольский. М., 1988.

Неклюдов 1995 — *Неклюдов С.Ю.* Стереотипы действительности и повествовательные клише // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии. Тез. докл. конф. М., 1995.

Николаева 1994 — *Николаева Т.М.* Загадка и пословица: социальные функции и грамматика // Исследования в области балто-славянской культуры. Загадка как текст. 1. М., 1994.

Овчинникова — *Овчинникова О.В.* Волшебная сказка как модель построения поведения русского человека за границей // Aspekteja: Slavica Tamperensia V. Tampere, 1996.

Полянская, Щукинский 1932 — *Полянская, Щукинский.* Колхозница может и должна работать наравне с мужчиной // Под знаменем Советов. 1932. № 21. 30 июля.

Путилов 1994 — *Путилов Б.Н.* Фольклор и народная культура. СПб., 1994.

Русский школьный фольклор — Русский школьный фольклор. От «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов. М., 1998.

Тэрнер 1983 — *Тэрнер В.* Символ и ритуал. М., 1983.

Уличные песни — Уличные песни / Сост. А. Добряков. М., 1997.

Фрейд 1993 — *Фрейд З.* Человек по имени Моисей и монотеистическая религия. М., 1993.

Шумов 1996 — *Шумов К.Э.* Черный... Белый... Зеленый... // Живая старина. 1996. № 1. С. 18–20.

Щепанская 1996 — *Щепанская Т.Б.* Сокровенное материнство // Секс и эротика в русской традиционной культуре. Вып. 1 / Сост. А.Л.Топорков. М., 1996.

Щепанская 1998 — *Щепанская Т.Б.* О материнстве и власти // Мифология и повседневность. Вып. 1. Материалы науч. конф. Санкт-Петербург, 18–20 февраля 1998. СПб., 1998.

Якобсон 1979 — *Якобсон Р.О.* Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1979.

Durkheim 1911 — *Durkheim E.* De la division du travial social. II–IV. Paris, 1911.

Warner 1959 — *Warner L.* The Living and the Dead. New Haven, 1959.

Е.А.Белоусова
(Москва)

Родильный обряд

В отечественной литературе по фольклору и этнографии, посвященной ритуалу в традиционной культуре, нам часто приходилось встречаться с утверждением, что родильный обряд отходит в прошлое, исчезает. Сама возможность подобных выводов обеспечивается представлением о том, что наш современник, «человек культуры», стал носителем новых представлений о мире, качественно отличных от представлений «человека архетипического» [Цивьян 1985: 167–168]. С одной стороны, современный человек мыслит рационально, мерилом истинности его представлений становится эксперимент. С другой стороны, появились специализированные семиотические системы описания мира, сменившие ритуал как основной способ культурной мнемотехники [Байбурин 1993: 16]. Мир перестал «заучиваться» непосредственно, ритуал утратил свои позиции.

Нам хотелось бы показать, что родильный обряд продолжает свое существование в наши дни, пусть и в сильно измененном виде. Как это ни парадоксально на первый взгляд, в нем можно достаточно отчетливо увидеть преемственность по отношению к роди́нам в традиционной культуре: «...всевозможные инновации и модификации, как правило, затрагивают лишь поверхностные уровни ритуала (относящиеся к плану выражения), в то время как глубинные, содержательные схемы отличаются поразительной устойчивостью и единообразием» [Байбурин 1993: 11].

В американской «антропологии рождения» (anthropology of birth) современные роды и родовспоможение уже описывались в терминах традиционной культуры. Особенно актуальны для нас исследования Р. Дэвис-Флойд [Davis-Floyd 1992; Davis-Floyd 1994], поскольку именно в этих работах «стандартные процедуры при нормальных родах» в родильном доме рассмотрены как модифицированный обряд перехода, структурно соотносимый с существующими в традиционных обществах. Однако если Дэвис-Флойд преимущественно рассматривает символические значения рутинных процедур, связанных с родами и родовспоможением, то в нашей статье, наряду с анализом медицинских и предписываемых медициной телесных техник, подробно рассматривается вербальный ряд

(т. е. вся совокупность высказываний роженицы, врачей и других участников ритуала), причем именно этот материал попадает в центр рассмотрения. Такой ракурс обусловлен глубоким различием между американским и русским способами коммуникации между участниками ритуала. Анализ нашего материала показал, что в русском родильном доме основным каналом для передачи символических сообщений, составляющих смысл ритуала, оказывается не использование техники, как в американском обряде, а вербальная коммуникация. Именно этой принципиальной особенностью русского родильного ритуала, обнаруженной в ходе полевых работ, объясняется наше преимущественное внимание именно к вербальному ряду ритуала.

Итак, здесь будут рассмотрены тексты двух важнейших участников современного родильного обряда — женщины (беременной, роженицы, матери) и помощника в родах, медика (врача, акушерки, «нянечки»). Мы считаем правомерным соединить представителей этих, казалось бы, разных профессий в едином собирательном образе, поскольку считаем, что в рамках родильного обряда многие выполняемые ими функции сходны, они действуют сообща. О взаимодействии женщин в пределах материнской субкультуры см.: [Щепанская 1996а; Щепанская 1996б].

Отличительная особенность родильного ритуала от других переходных обрядов состоит в том, что это «двойной» переходный обряд: новый статус обретает как ребенок, так и его мать. Мы поочередно рассмотрим средства социализации матери и ребенка. Именно эта социализация и является целью ритуала, который совершается в родильном доме.

Средства и способы социализации матери в родильном доме

Всем культурам присущи те или иные представления об устройстве мира. Опора на эксперимент, на статистику, на ratio еще не является гарантией объективной истинности представлений и ценности ценностей. Это лишь свидетельство того, что конкретно в нашей культуре основным критерием, мерилом истины является научный опыт. Даже сугубо научное, теоретическое знание, эксплицированное в специальной литературе по акушерству, перинатологии, неонатологии, представляет собой лишь одну из возможных точек зрения. Заметим, что данная точка зрения есть некая абстракция, поскольку представления о беременности и родах реальных медиков столь же сильно отличаются от этой абстракции, сколь и от представлений профанов, не искушенных в тонкостях медицинского знания. Для корреляции теории и практики в современной медицине остается актуальным замечание М.Фуко о том, что «...мир лечения болезней организуется по своим, в известном смысле особым принципам, не вполне согласующимся с медицинской теорией, физиологическим анализом и даже наблюдением симптомов <...> В определенном смысле универсум терапии характеризуется большей прочностью и стабильностью, он крепче связан со своими структурами, менее лабилен в развитии, не так доступен для радикального обновления» [Фуко 1997: 300].

Более всего нас будет интересовать именно данный культурный срез — представления и действия медиков, не являющиеся необходимыми с точки зрения чистой, теоретической, медицины. Здесь будет видно, в какой сфере лежат эти действия и представления и каковы их функции.

Идея медицинского контроля над беременностью и родами и помощи в них подразумевает выполнение акушером-гинекологом в женской консультации и позже, в родильном доме, ряда функций. Это экспликация некой совокупности представлений об устройстве человеческого организма, которая должна выражаться в установке диагноза, оценке состояния матери и плода, а также в даваемых советах и рекомендациях. Кроме того, это еще и экспликация ряда «техник тела» (термин М.Мосса [Мосс 1996: 248–249]). Здесь подразумевается, с одной стороны, использование определенного вида медицинского вмешательства при наличии конкретной патологии (точнее, при наличии того явления, которое в нашей медицинской культуре воспринимается как патология) — это медицинские техники, а с другой — наблюдение за беременностью и родами с учетом определенных требований к поведению беременной и роженицы — это предписываемые нашей культурой женские техники тела.

Казалось бы, это главное, что требуется от медика по роду его деятельности. Однако важно, что в рамках указанных функций медики часто обращаются к сокровищнице народного опыта. Это можно проследить на материале диагнозов, советов и предписаний, организации родов. Обращает на себя внимание и тот парадоксальный факт, что медики берут на себя ряд функций, не зафиксированных во врачебных инструкциях как необходимые и обязательные. Эти действия можно было бы охарактеризовать как совокупность педагогических или коммуникативных приемов. Если рассмотреть их, станет видно, откуда появились эти «лишние» функции и какое явление за ними стоит. Нам предстоит рассмотреть явление извне и изнутри, проанализировать эксплицитную («советы») и имплицитную (интерпретация способа обращения медика с роженицей) информацию. Не ставя перед собой задачи последовательно наблюдать за ходом всего ритуала, мы обратим внимание лишь на некоторые примечательные моменты.

Распространенный мотив женских рассказов о родах — унижения и оскорбления, которым они подвергаются в роддомах. Объяснение, даваемое этому явлению самими женщинами, — усталость и занятость медперсонала при низкой зарплате — не представляется достаточным.

> Отношение медперсонала — как везде у нас. Их тоже можно понять — они уже тоже озверевшие, как все, по-моему, в нашей стране <...> Все это, конечно, от зарплаты зависит, от условий, в которых люди работают <...> целая комната детей, и одна сестра еле живая приходит за копейки — ну так что ожидать [И8][1].

Объяснения медработников — необходимость снятия стресса — также не представляются удовлетворительными: «Совсем не ругаться на операциях гораздо труднее для психики. Высказаться — значит ослабить напряжение, поймать спокойствие, столь необходимое в трудных ситуациях хирургов <...> К вопросу о слежении: ни один хирург, что ругается на операциях, не теряет контроля над собой. Он сознательно ругается. Уж можете мне поверить» [Амосов 1978: 99–100].

Такие объяснения не дают ответа на вопрос, почему именно этот способ разрядки выбирается из тысячи возможных психотехник. Исследования психологов показали, что на сильный стресс, напряжение человек реагирует молчанием, в то время как реакцией на слабый стресс может быть брань, инвектива.

Представляется, что в данном случае мы имеем дело с так называемой социальной инвективой, используемой определенной социальной группой в определенной ситуации [Жельвис 1997: 37–39; Ries 1997: 72]. По В.И.Жельвису, одной из важнейших функций инвективы является снижение социального статуса оппонента [Жельвис 1997: 100]. Цель инвективы — заставить оппонента осознать всю бездну своего ничтожества. Однако остается неясным, почему именно в этом месте и в это время женщине требуется внушить подобное представление.

Ситуация несколько прояснится, если мы вспомним о том, что роды традиционно относят к переходным обрядам, теория которых разработана А.Ван-Геннепом [van Gennep 1960] и развивается В.Тэрнером [Тэрнер 1983]. Суть обрядов перехода заключается в повышении социального статуса иницианта. Для этого он должен символически умереть и затем вновь родиться в более высоком статусе. Путь к повышению статуса лежит через пустыню бесстатусности: «чтобы подняться вверх по статусной лестнице, человек должен спуститься ниже статусной лестницы» [Тэрнер 1983: 231].

В «обычной» жизни беременная женщина обладает достаточно высоким социальным статусом, она уже в большой мере «состоялась»: как правило, она уже вышла замуж, овладела профессией, достигла некоторого материального благополучия, и главное — она уже практически мать. Но в ритуале ее статус «волшебным образом» невероятно снижается. Ей предписывается пассивность и беспрекословное послушание, покорное принятие нападок, ругани и оскорблений. Все это полностью соответствует традиционному поведению инициантов в описании Тэрнера: «Их поведение обычно пассивное или униженное; они должны беспрекословно подчиняться своим наставникам и принимать без жалоб несправедливое наказание» [Тэрнер 1983: 169]. И это обстоятельство нисколько не мешает тому, чтобы быть одним из главных действующих лиц ритуала: это специфика роли.

Главный герой в ритуале играет пассивную роль: обряд совершается **над ним**, ему жестко предписывается недеяние [Байбурин 1993: 198]. По наблюдению Т.Ю.Власкиной, описывающей родильный обряд в донской казачьей традиции, «будучи не столько субъектом, сколько объектом ритуальных манипуляций, роженица, согласно традиционным нормам, как правило, бессловесна <...> Женщина в родах становится бессловесным пассивным телом...» [Власкина 1999: 4, 6]. Западные и русские феминистки возмущаются бездействием женщины в родах: ей не дают действовать, отвечать за свои поступки, играть по своему сценарию. Но это оказывается невозможным при столкновении с огромной силой традиции. Представляется, что в данном случае бездействие — не просто отсутствие действия, а значимый элемент обряда. С бездействием связана специальная роль иницианта, предполагающая пассивность, идентификацию с податливым материалом в руках посвятителей, из которого в ходе ритуала сделают то, что надо («у подобных испытаний есть социальный смысл низведения неофитов до уровня

своего рода человеческой prima materia, лишенной специфической формы...» [Тэрнер 1983: 231]).

Интересно, что при описании своих переживаний, касающихся предстоящих родов, информанты используют метафору, предельно точно воспроизводящую форму архаического обряда инициации: посвящаемого проглатывает чудовище [Пропп 1996: 56]. Апелляция к этому архетипическому образу лишний раз свидетельствует о восприятии современным сознанием внутренней сущности родильного обряда как инициационной.

Первый раз представление о родах было такое, как будто бы я, как жертва несчастная, в пасть к Ваалу по конвейеру качусь. Я почему говорю — конвейер — потому что именно как на дорожке — я могу не делать никакого движения, но меня все равно тащит и влечет. Это еще от неизвестности, там. Мне мерещилось, что-то там такое было. Но я старалась просто об этом не думать. И все эти заботы конечно тоже — я думала — господи, это значит привязан, много всяких мыслей было. Но и сам процесс родов — тоже он. Я помню, что как подумаю — сразу какая-то такая зубастая харя мерещилась. Не то чтобы я представляла себе зубастую рожу, а вот этот вот в глубине какой-то образ сразу всплывал — нечеткий, страшный. Именно вид какой-то темной пасти с огнем в глубине этой пасти, и что я туда провалюсь и не знаю, что там будет — может, даже помру. Но я просто старалась об этом не думать. Но все равно же так или иначе эти мысли приходят, и чем дальше, то... Единственное, что я понимала, — что не я первая, не я последняя, и не отвертишься — это не рассосется само, неизбежно. А второй раз я, конечно, боялась, но боялась уже совершенно определенного — что больно будет там это и еще раз [И55].

В контексте современного родильного обряда посвятителями женщины в таинство материнства, единственными носителями знания оказываются медики. И именно они конструируют картину происходящих событий и внушают ее как каждой отдельной пациентке, так и обществу в целом.

Сама возможность существования «медицинской педагогики» обеспечивается временной утратой женщиной возраста, опыта, знания, т. е. превращением ее в бессмысленного ребенка, который ничего не знает и не умеет делать, «не умеет себя вести», т. е. незнаком с принятыми в данной ситуации стереотипами поведения. Тем не менее задача «научить рожать», объяснить, «как это делается», не ставится. Предполагается полная монополия врачей на любую информацию, связанную с «авторитетным знанием». В некоторых случаях медики сопровождают происходящие события и свои действия объяснениями, комментариями, но неизменно в адаптированной «до уровня понимания профанов» форме.

У ребенка была жуткая гематома, потому что он стукнулся об нее внутри. Врачи говорили, что он как бы стукнулся башкой об забор [И43].

Попытки женщин вникнуть в ситуацию оцениваются негативно и пресекаются.

Я сразу спросила врача, к которому меня отправили по знакомству, чтó они собираются со мной делать. На это последовал лаконичный ответ, который мне не раз еще пришлось потом слышать: «Будем лечить». — «Как?» — «Нашими средствами» [И1].

Врач, восточная женщина Ирма Константиновна, меня осмотрела и тоже сказала: «Будем лечить». На вопрос: «как?» — она раздраженно спросила: «А вы что — медик?» [И1].

Но за всю свою жизнь я, когда спрашиваю, какое лекарство мне дают, отвечают обычно грубо. И я уже просто стала плохо больницы переносить, я уже старалась просто не спрашивать [И19].

На послеродовом отделении первая врач мне очень не понравилась, потому что, когда начинаешь что-то спрашивать, она говорит: «На глупые вопросы я не отвечаю!» [И19].

Аналогичным образом в традиционной русской культуре монополия на «авторитетное знание» о родах принадлежала повивальным бабкам.

Поставила. «Вставай вот так». Встала, она дак начала вот так гладить, гладить, там поясница. И потом как крыкнула, рот открыла. А я как дура: «Бабушка, што такое?» — «Тфу, тфу, тфу», — начала плевать. Бабушка начала плевать. «Тфу, тфу — молчи ты ради бога, што таково». А всё, што надо, то и есть <...> А што она в тазик склала, там не знаю я, што. Там токо водичцку вот я видела, а што уже там в той водичцке, я не знаю [КА 1996].

Таким образом, посвящение женщины не предполагает вербальной передачи знания, информации: узнавание «тайны» должно происходить на некоем мистическом уровне. В таком случае становится понятным, почему советы и предписания даются медиками не прямо, а опосредованно — в форме угрозы, упрека, инвективы. Здесь имеет место как бы избегание прямого называния, табу на имя и, как следствие, использование перифрастического описания. И.А.Седакова пишет о родильном обряде в традиционной культуре: «Существуют и другие табу, связанные с оппозицией речь/молчание и ее разновидности выдача/сокрытие информации. На языковом уровне следует отметить формальный отказ от прямого называния — иносказание и существование особой системы метафорической терминологии, обслуживающей роди́ны» [Седакова 1998: 211]. В этом отношении характерна клишированная эвфемистическая команда, которой женщину призывают к родам — «давай».

И я все время, пока сидела и ждала, пока меня примут, слышала чаячьи такие крики: «Давай-давай-давай-давай-давай! Давай-давай-давай-давай-давай!» [И37].

А парень один кричал: «Давай-давай-давай-давай-давай!», когда у меня схватка начиналась. Я плохо давала, конечно [И41].

Поскольку Лариса была очень молодая и неопытная, мне пришлось самой руководить собственными родами. Я дышала и говорила: «Ну давай, давай!» [И20].

В ритуале одни и те же сообщения могут бесчисленно дублироваться, передаваясь по разным каналам с помощью специальных символов. В вербальном коде лишение женщины статуса прослеживается как в самом подборе педагогических приемов, так и в их содержании. Можно проследить, как речевые жанры, соотносимые с агрессией (упрек, угроза, инвектива), употребляются здесь в строго определенных контекстах. Во-первых, это случаи, когда женщина не умеет спра-

виться со своим организмом, соответствовать предписываемым нормам и стандартам телесных показателей (при беременности — анемия, низкий гемоглобин, лишний вес, в родах — слабые схватки, слабые потуги). Во-вторых, высказывания, имплицирующие агрессию, используются, когда роженица неспособна соответствовать принятым в данной ситуации стереотипам поведения (в родах — не может контролировать свои действия, сдерживать крик, лежать во время схваток). В обоих случаях имеется в виду, что женщина оказывается неспособной выполнить возложенную на нее задачу. Другой случай — сознательный отказ выполнять инструкции (отказ ложиться на сохранение, отказ от амниотомии, от кесарева сечения, от принятия предписываемой позы), что трактуется, с одной стороны, как своеволие и непослушание, т. е. предосудительное нарушение социальной нормы, а с другой — как угроза правильному осуществлению технической стороны дела.

Таким образом, мы видим, какие задачи стоят перед медиками. Во-первых, в женщине требуется «воспитать» способность справиться с задачей (женщина должна заучить определенные техники обращения со своим телом и соответствующие стереотипы поведения). Во-вторых, ей следует внушить послушание, покорность (она должна заучить свое место и роль в ритуале, способы коммуникации, с одной стороны, с «иным миром», с другой — с социумом). Наконец, третья задача медика — «обезвредить» женщину, чтобы она не мешала «взрослым» работать над посвятительным ритуалом.

И там они еще всегда говорили: «Женщина, перестаньте кричать — мешаете работать...» [И69].

Я же имею дело с мамой — это же сумасшедший, больной человек, ненормальный <...> Она просто дергает всех и мешает — мешает лечить, мешает работать [И28].

Посмотрим, как работают педагогические средства, применяемые для достижения этих целей.

Сведения о техниках тела и стереотипах поведения можно получить в «проявленном» виде. Первая особенность организации этой информации — она, как правило, принимает форму запрета, табу. Вторая особенность — нарушение табу подлежит осуждению, несмотря на то что женщина явно не могла знать о существовании этого запрета и нарушила его по незнанию. Экспликация происходит в упреках, угрозах и инвективах, а также в издевках.

С ума сошла — немедленно ляг! Ты же сидишь на голове у ребенка! [И1]

Лежала одна роженица, и она очень кричала. А на стульчиках лежала акушерка, укрытая телогрейкой, — укрыто платком лицо, настольная лампа газетой закрыта — и всхрапывая периодически говорила: «Не кричи, не кричи — порвешься вся!». Такая была жуть [И46].

Не орите так — ребенка задушите [И1].

Она встала на четвереньки, потому что ей так было легче, а они ее обругали и сказали, что она находится в приличном месте [И1].

Важная составляющая «правильного» поведения в родах — спокойствие, стойкость, мужество, игнорирование боли. Любые проявления «слабости» пори-

цаются и высмеиваются. Женщина не должна кричать, плакать, стонать, жаловаться.

А у меня слезы текут. А она усмехается: «Что, так себя жалко?». Как я слезла с этого кресла, я не помню [И1].

Как с мужем спать — так не больно, а как рожать — так больно!.

Ругались типа «Не ори, не вякай, не фрякай...» Вообще, обращались кое-как [И30].

Она начала там дергать эти катетеры, и мне стало больно. Я сказала что-то типа «ой!» И она мне говорит: «Так! Что ой и что не ой?». Тут я, набравшись гражданского мужества, сказала: «Не кричите на меня!» [И37].

В символическом плане способность испытывать боль, так же как и звук, голос, речь, — свойства существ, принадлежащих сфере «своего», «этого» мира [Байбурин 1993: 211; 207], в то время как роженица в момент родов не является вполне «человеком», отходит в сферу «чужого» и, следовательно, ей «не положено» кричать от боли. Боль в родах является важной составляющей родильного ритуала, женской инициации. Предполагается, что роды **должны** быть болезненными, и каждая женщина **должна** через это пройти, достойно справиться с задачей и выполнить предписываемую ей культурой роль — «состояться как женщина» [Белоусова 1998: 56–57].

Роженица должна уметь контролировать не только свои действия, свое психическое состояние, но и все вообще функции своего организма (см. ниже о ритуальном вытирании пола). В принципе, она уже должна знать, «как это делается», — ее ругают за то, что она не умеет рожать, не понимает, что происходит с ней, с ее ребенком.

Сначала этот неприятный мужик на меня наорал, сказал: «Что такое, почему ты не сказала врачам, что у тебя отошли воды?!» Я говорю: «Откуда ж я знаю — я первый раз рожаю, здрасьте. Это вы врачи — вы и смотрите» [И18].

Она должна суметь настроиться, стать чуткой, должна **самостоятельно** услышать, воспринять информацию от традиции.

В зале была молоденькая практикантка. Ей поручили поставить мне капельницу, и она долго не могла справиться и испортила мне вену. Ей стало стыдно и жалко меня, и она ни на секунду от меня не отходила, утешала, гладила по руке, держала мне ногу. Акушерка ее ругала и периодически гоняла. Действительно, Оля не сделала то, что должна была: не ходила в родилку, не обрезала пуповину, не принимала детей (впервые вошла в родильный зал уже со мной). Но ругали ее не только и не столько за это. Говорили: «Отойди от нее. Она сама должна. Это же ее ребенок» [Круглякова 1997].

Роженице не объясняют, что и как происходит; сама она еще не знает и не может знать, но от нее уже все требуется по полной программе. Осуждению подлежит именно нечуткость, невосприимчивость, о чем свидетельствуют распространенные в этой ситуации инвективы — «дура», «тупая». Таким образом решается первая задача медиков — способствовать узнаванию женщиной необходимых техник тела и стереотипов поведения. При решении второй задачи (обучение женщины ролевой структуре ритуала) также активно используется инвек-

тива, один из излюбленных приемов «медицинской педагогики». Женщине сообщается, что она «плохая» — «плохо себя ведет».

> Акушерка сказала: «Ой, плохая мама — ребенка задушила!». На меня это произвело, конечно, кошмарное впечатление, я себя чувствовала жуткой преступницей [И35].
>
> Каждый врач, который меня смотрел, ужасался: «Боже мой, Вы что — плохо себя вели во время родов?» [И45].

В контексте родильного обряда инвектива выполняет ряд важных функций. Во-первых, это, как мы уже говорили, средство снижения социального статуса. Любые отсылки к «прошлой» жизни иницианта, где он обладал определенным статусом, материальным положением, имуществом, невозможны.

> Первое, чем она меня встретила, — это жутким криком: «А, серьги-кольца снять сейчас же, что такое!» там, ля-ля-ля [И18].
>
> Врачей, которые врываются в палату и начинают орать: «Мама! В каком Вы виде! Что Вы себе позволяете!». Это если не в халате, а в чем-то другом одета [И42].

Одежда и драгоценности являются важными показателями социального статуса, который отбирается у женщины при поступлении в приемный покой вместе со всеми вещами. В лиминальном континууме все равны — нет ни эллина, ни иудея.

> Еще они говорили: «Подумаешь, эстонка какая нашлась — у нас американка одна родила, и ничего!» [И20].

Даже имевшие место в прошлом отношения и связи женщины становятся предосудительными при новом восприятии ее как ребенка.

> Как с мужем спать, так не больно, а как рожать так больно!

В течение лиминального периода женщина лишена мужа, его как бы еще нет и не должно быть. Зато актуализируются отношения с матерью.

> Ругали меня как только можно. Не то что грубили, но такое отношение типа того что там: «Ну что ты не могла побриться?! Не сама же, наверно, брилась, мама же, наверно, тебе там дома все делала, так что же ты не могла ее попросить?». Я очень обиделась, думаю: «При чем здесь мама-то? Мама в таких делах не участвует» [И18].
>
> А после этого я была потрясена просто прекрасным обхождением, потому что меня подвезли к телефону, сказали: «Позвони маме, она волнуется» [И2].

Упомянутое здесь сбривание лобковых волос роженицы также символически отсылает к лишению ее половозрастных признаков [Davis-Floyd 1992: 83–84].

В соответствии с трехчастной схемой переходного обряда, предложенной Ван-Геннепом, лишение иницианта его статуса происходит в первой фазе ритуала. В современном родильном доме ритуальное унижение женщины имеет четко выраженную временну́ю локализацию: основная часть действий медиков, имеющая своей целью унижение, происходит при поступлении роженицы в приемный покой, при санитарной обработке и «подготовке к родам». Временная локали-

зация унижения является важным отличием родильного дома от любых других медицинских учреждений, где инвектива отчетливее выражена как маркер социальной принадлежности (хотя любой больной обладает рядом свойств лиминального существа).

Упомянутое выше «бритье» описано в рассказах наших информантов как одна из наиболее запомнившихся болезненных и обидных процедур.

С возмущением обсуждали, как больно сбривали лобковые волосы в приемном покое. Особенно славилась этим санитарка Наталья Юрьевна. Новеньких спрашивали, не она ли дежурила там [Круглякова 1997].

Важное клише, употребляющееся для демонстрации силы, для унижения иницианта и экспликации его подчиненности, беспомощности при поступлении в роддом, — ритуальное вытирание пола.

Я отправилась в сортир, и из меня в коридоре вытекло на пол немного крови. Через несколько минут в сортир ко мне стала ломиться возмущенная нянечка, молодая девушка, и грубо приказным тоном велела мне взять половую тряпку и все вытереть [И1].

Она стала орать, что: «А, там, налила...» Но по-моему, даже я ей сказала: «Ну давайте, я вытру сама, что Вы орете так?» [И34].

Мне было так плохо, что я не могла, конечно, себя проконтролировать и наблевать куда надо. Тут пришла сестра, так поморщилась и сказала: «Я этого не люблю!» А я так жалобно: «Когда у меня сейчас немножко пройдет, я уберу...» [И43].

Одну женщину, скажем, тошнило. Ее заставили встать, убрать, значит, за собой, ругая ее там последними грязными словами, и вот в таком духе [И45].

Меня поразила одна история. Моя соседка после клизмы запачкала унитаз. Акушерка ругала ее и заставила все вымыть, хотя схватки у Лены были очень сильные и родила она уже через полчаса. Эта акушерка была обыкновенно очень милая и доброжелательная девушка [Круглякова 1997].

Другая функция роддомовской инвективы — профанация сакрального. Статус матери в нашей культуре необычайно высок и священен. Материнство воспринимается как основной и чуть ли не единственный способ реализации женщины в социуме.

Уже я, можно сказать, выполнила свою миссию — мальчик и девочка — перед Богом, перед своим мужем, перед всеми и сама перед собой [И15].

Поругание сакрального лишь оттеняет его недостижимое великолепие. Подобный прием весьма распространен в обрядах повышения статуса (поругание и осмеяние нового вождя), так же как и в обрядах перемены статуса («перевернутый мир» в календарных обрядах, например, карнавале). Родильный обряд предполагает именно ритуальное, а не ритуализованное, т. е. игровое, поведение. Он не разыгрывается, эти события происходят «на самом деле» в особой ритуальной реальности. Поэтому унижение иницианта должно быть настоящим, ритуал должен нести инициантам именно это сообщение и достигать цели — действительно унижать. Таким образом, роженица не может загородиться восприятием

происходящего как игры, принять унижение «понарошку». И инициант, и посвятитель убеждены в серьезности происходящего. Однако на каком-то уровне и тот и другой осознают высокий статус матери и значительность таинства рождения, понимают, что осквернение священного возможно только здесь и только сейчас.

Еще одна функция инвективы — апотропеическая: поругание для благополучия, «чтоб не сглазить». В нашей культуре этот прием распространен в студенческой и школьной практике — человека надо ругать, когда он сдает экзамен. Также нельзя хвалить и надо ругать маленьких детей, чтобы они были здоровы.

> Бабушка (моя мама), будучи в восторге от внучки, обычно, сказав, какая она необыкновенная прелесть, сплевывала через левое плечо, приговаривая при этом: «Тьфу-тьфу, плохая-плохая» [И26].

> И вот я услышала, что эта ведьма бормочет: «Говнистый, говнистый мальчик!». Я сперва обиделась, а потом мне сказали, что так надо делать [И2].

> Русские стараются не хвалить своих детей и не любят, когда другие их хвалят. Если это все-таки произошло, обычно трижды стучат по дереву и говорят «Тьфу-тьфу-тьфу, чтобы не сглазить» <...> Молодая женщина, недавно приехавшая из России, родила ребенка. Во время приема медицинская сестра-финка постоянно хвалила ребенка. Все ответные реплики матери были негативными. — Очень хорошенькая девочка. — Но голова у нее слишком вытянута. — Посмотрите — она улыбается. — А дома она так много плачет [Овчинникова 1998: 138].

Мы не хотим сказать, что медики используют инвективу в указанных целях сознательно. Создается впечатление, что не только мать заучивает таинство непосредственно, но и сами посвятители действуют неосознанно, не задумываются о способе своего поведения, о цели своих действий, но как будто бы влекомы мощным невидимым потоком традиции. Они тоже знают посвятительное таинство имманентно, они как бы в трансе. В этом смысле об инвективе нельзя говорить как о собственно педагогическом (т. е. осознанном) приеме.

Еще одна задача медиков — провести родильный ритуал, справиться с технической стороной дела. Для этого следует свести к минимуму возможное противодействие, «обезвредить» роженицу. Для осуществления этой задачи используется ряд медицинских педагогических приемов и техник. В качестве чисто педагогического приема инвектива выступает как средство выведения из стресса, убеждения, побуждения к желаемому действию. В некоторых случаях и сами женщины признают подобный способ коммуникации как оптимальный.

> Акушерка у меня строгая очень была, я считаю, что, может быть, так и надо, потому что если бы начали сюсюкать, было бы только хуже. А она жестко со мной, и поэтому так я собралась, я знала, что мне уже деваться некуда [И8].

Другой распространенный прием убеждения, подчинения своей воле, «обезвреживания» — угроза. Помимо пугания различными осложнениями и патологиями, встречается апелляция и к социальным мерам наказания, причем эти меры очень близки к используемым в дошкольной и школьной педагогике — они представляют собой фольклорные клише.

И там был еще доктор Пастернак, который всем обещал поставить двойки — там же, как я поняла, они ставят отметки на эту вот карту. За поведение, как там что. При родах, и после в больнице. «Потому что, — говорят, — если будете плохо себя вести, то вам не оплатят больничный», или что-то там не оплатят. Конечно, пугали [И69].

Они пугали меня Ельциным, что вышло постановление. Я говорю: «Ну что — в тюрьму сажать?». Нет, вроде бы, в тюрьму еще не сажать. Ну, тогда не страшно [И45].

Часто упоминается такая мера наказания, как отказ принимать роды.

А у нас некоторых заставляли именно лежать. И когда одна девочка отказалась лежать, акушерка сказала: «Ну тогда я у тебя не буду вообще ничего принимать! Сама залезай на кресло и сама рожай!» [И34].

Они меня раздели и пытались побрить насильно. Потом тетка, которая хотела это сделать, сказала, что она у меня вообще роды принимать не будет в таком случае [И20].

Совершенно, конечно, они не заботятся, и хамят, и вообще могут сказать типа того, что «не нравится — можешь рожать под забором», и это я слышала сама лично по отношению к себе [И25].

Здесь же следует упомянуть ритуальный испуг. Задача этого приема — вызвать роды. Прием этот очень древний, он неоднократно описывался в литературе, посвященной родинам в традиционной культуре: на женщину нужно неожиданно крикнуть или испугать ее стрельбой [Байбурин 1993: 92]; иногда повитуха с той же целью неожиданно обрызгивает роженицу водой, оставшейся после омовения образов, а домашние «неожиданно производят тревогу, крича в избе или под окном на улице что-нибудь такое, что способно возбудить чувство испуга, например: «Горим! Пожар!» [Забылин 1994: 405] (другой вариант — «волк корову задрал» [Науменко 1998: 41]). Наш материал показывает, что обычай этот широко практикуется в наши дни.

Они стояли вокруг и говорили: «Тужься, милая! Ты что — хочешь задушить ребенка? Нет? Тогда тужься!» [И5].

Меня, правда, предупредили: «Если сейчас не родишь, я ребенка вытащу щипцами!». Меня это так испугало, что я сразу родила [И13].

Потом говорит: «Ну, роды подходят, готовься — резать будем». И рожали уже именно от страха — чтобы только не разрезали [И19].

Приведем попутно еще один пример медицинской техники тела, способствующей быстрым родам.

Просто зажали мне нос простыней, и мне волей-неволей пришлось там кого-то родить [И2].

Эта техника соотносима с такими распространенными в традиционной культуре приемами, направленными на усиление потуг, как принуждение роженицы дуть в бутылку или фляжку и совање ей в рот волос [Фирсов, Киселева 1993: 140].

Важный прием, служащий для «обезвреживания» женщины, — «обман».

А пузырь они мне все-таки прокололи. Они меня обманули. Они сказали: «Не волнуйся, мы тебе прокалывать ничего не будем», потому что я заранее еще сказала: «Ничего мне не надо прокалывать» <...> И они меня просто обманули. Врач сказала: «Видишь руки — у меня нет ничего. Я только посмотрю». И вот она меня проткнула. Я поняла, и у меня как слезы полились просто от какого-то негодования, от какой-то слабости, что я ничего не могу сделать. Они меня просто обманули. Это меня доконало просто [И17].

Заметим, что данный прием часто применяется в медицинской практике при лечении детей — например, при удалении аденоидов.

Еще один прием «обезвреживания» — отвлечение внимания, «заговаривание зубов». Прием этот обычно применяется при проведении болезненных манипуляций, когда женщина под влиянием боли может помешать действиям медиков (в детских поликлиниках для аналогичных целей специально приготовлены игрушки).

Они быстро так говорят: «Так, ты кто по профессии?» — «Художник...» — «Ну что, художник, портреты наши нарисуешь?» — а сами тем временем все там делают. И еще говорят: «А вот мы бы что могли нарисовать? Только письки...» [И43].

Существуют различные способы успокоения и утешения — сентенции типа «мы все женщины и нечего орать — дело обыкновенное» [И26], «это у всех бывает, и потерпите» [И11].

Ср. формулы, используемые повитухой в традиционной культуре: «Ну-ну, голубушка, не реви! Все забудется, все заживет! Крута гора, да вздымчива, больна дыра — забывчива! Все забудется, опять будешь жить!» [Науменко 1998: 47]. Некоторые процедуры сопровождаются специальными приговорами:

И я совершенно не могла ходить из-за швов. А они меня все время мазали йодом, приговаривая при этом: «Йодок — бабий медок!». Это было совершенно невозможно [И20].

Важная особенность родильного действа — его карнавальный характер. Мы считаем правомерным говорить о «карнавальности» родильного обряда, используя этот термин в широком смысле слова — для обозначения совокупности некоторых элементов ритуала, типологически сходных с карнавальными. Здесь мы присоединяемся к мнению П.Бёрка, который пишет, что в некотором смысле каждый праздник представляет собой карнавал в миниатюре, поскольку оправдывает «беспорядок» (инверсию нормы) и влечет за собой сходный репертуар традиционных форм. Используя термин «карнавальная стихия», Бёрк не пытается утверждать, что какие-то элементы карнавала как календарного праздника породили какие-либо элементы в составе других обрядов. Его утверждение состоит лишь в том, что многие праздники имеют общие элементы ритуала, и, поскольку карнавал был особенно важным наложением подобных элементов, возможно условное приложение термина к другим обрядам (см.: [Burke 1994: 199]). Таким образом, речь может идти ни в коем случае не о генетическом родстве между отдельными элементами родильного обряда и карнавала, но лишь о типологическом сходстве. Функция сходных элементов этих ритуалов различна, по-

скольку они связаны с двумя принципиально различными типами коммунитас: родильный обряд относится к обрядам повышения статуса, а карнавал — к обрядам перемены статуса [Тэрнер 1983: 231–241].

Прежде всего, родильный обряд подразумевает всеобщую вовлеченность — здесь нет деления на актеров и зрителей. О «перевернутом мире» в контексте родов мы уже говорили — это изменение ролей (по сравнению с «нормальной» жизнью — обычаем), символически отраженное в ритуале в виде переодевания, обнажения, поругания и т. п.

Важную роль играет и смеховое начало — атмосфера родов насыщена смехом и шутками.

А принимали девчоночки — две или три их было — как-то они все хиханьки-хаханьки, так все весело, со смехом все это так быстренько и получилось [И18].

Я помню вот разговоры — там присутствовали какие-то еще акушерки, которые были не заняты делами, рассказывали там анекдоты, еще что-то, и я все это хорошо помню [И38].

Акушерка старалась нас развеселить, анекдоты какие-то рассказывала, говорила, что это такой день счастливый, что глупо рыдать, а надо напротив смеяться [Круглякова 1997].

Одна санитарка нам всем очень запомнилась — общалась с нами, байки все время рассказывала [И12].

У нас очень хорошая заведующая была <...> Она, помню, придет — и рассмешит, и настроение поднимет, но и требовательная была [И10].

В-третьих, важное место занимают образы материально-телесного низа. Распространены скабрезные шутки, неуместные и невозможные в какой-либо другой ситуации и отсылающие к сексуальным отношениям между роженицей и врачом.

Во время родов, когда мне надавили на живот, и я вскрикнула: «Ой, не ложитесь на меня!», акушерка сказала: «Слышите, доктор, не ложитесь на беременную женщину!» Вот такие подробности. Обычно шутили, говорили. Обстановка была деловая, но веселая [И35].

Я когда рожала, мне эту самую резали. Я ему говорю: ты мне эту самую под местным наркозом поаккуратнее режь, а то потом сам и будешь меня дырявую трахать. А он говорит: да я хоть щас засажу [Петрова 1968].

Заведующий отделением «Петрович» почему-то считался бабником. Рассказывали, что он на кресле может ухватить за попу (!!) [Круглякова 1997].

Распространены и скатологические образы. К примеру, обычный педагогический прием для обучения потугам — аналогия с испражнением:

А когда сами роды, говорили: «Ну что — давай-давай! Что ты — никогда у тебя запоров не было, что ли? Ты дуться не умеешь?». Я говорю: «У меня никогда не было, я не умею дуться». — «Ну, давай-давай-давай! [И31].

или противопоставление оному:

Я закричала: «Пустите меня, я какать хочу», — рассказывала одна из них, а мне говорят: «Лежи и тужься — это ты рожаешь, а не какаешь» [И26].

Прием этот иногда сопровождается наглядной демонстрацией предписываемых действий и является предметом шуток самих врачей.

Она говорила, что у огромного числа студентов на таких практиках, кто на родах присутствует, — у них чуть ли не непроизвольное выделение кала начинается, потому что они так тужатся вместе с роженицей, что потом им приходится срочно бежать в совсем другое место [И42].

Что касается «пиршественных образов», то и они присутствуют во время беременности.

Тебе теперь нужно есть за двоих; Просто мой организм уже так начал расцветать, жрать, так он радостно ждал уже [И43].

Наконец, главная идея карнавала — возрождение через смерть, представленную как погружение в материально-телесный низ, — как нельзя более отвечает сути родильного обряда. Таким образом, мы находим в современном родильном обряде многие из основных составляющих карнавального начала, подробно описанного и проанализированного в книге М.М.Бахтина [Бахтин 1990].

По окончании процесса родов начинается третья фаза лиминального периода — инкорпорация иницианта в социум в новом статусе. Теперь, когда новый мир сотворен, необходимо дать имена всем отдельным элементам его ландшафта. Прежде всего, матери возвращается имя.

Анестезиолог, огромный мужик, орал мне: «Как тебя зовут? Как тебя зовут? Как тебя зовут?» [И37].

Все время повторяют твое имя так довольно настойчиво. Ты должна — видимо, они хотят, чтобы ты делала усилие, чтобы все больше и больше сознание возвращалось. А усилие это делать не хочется. То есть слышишь свое имя в ушах — так: Маша! Маша! Маша! Маша! Это вносит какую-то панику, ощущение дискомфорта [И44].

Это окликание матери можно интерпретировать как средство вернуть ее из «иного мира», из сферы «чужого» в сферу «своего».

Не уплывай! [И21]

Тут же происходит называние пола ребенка и его имени.

Тут они стали спрашивать: «Кто родился?». Это они, наверно, проверяли, хорошо ли я соображаю. Я говорю: «Мальчик...». — «А как мальчика зовут?» — «Сеня...» [И1].

Когда ребенок родился, все стали спрашивать: «Кто? Кто?» — как клевали меня, а я никак не могла понять, чего они от меня хотят — а это они имели в виду, чтобы я отреагировала, какого пола ребенок [И3].

Они спросили: «Как звать?». Я почему-то сразу сказала: «Соня» [И17].

По мере того как ребенка обмывают, обмеряют, взвешивают, оценивают его по шкале АПГАР и т. д., он все больше переходит в сферу «своего», в «челове-

ческий» мир (ср.: [Свирновская 1998: 241–242]). Однако он все еще сохраняет черты существа «не от мира сего» — по имени его пока не называют, вместо этого ему присваивается определенный номер, под которым он числится в роддоме. К женщине снова начинают обращаться на «Вы», ее называют «мамочкой».

Малый очистительный период длится обычно от 5 до 7 дней (срок пребывания в роддоме). В течение этого времени состояние матери и ребенка считается «опасным». Следует, однако, отметить амбивалентность представлений о родильном доме — это одновременно и чистое (стерильность), и нечистое место. В традиционной культуре женщина удаляется для родов в «нечистое» место, принадлежащее сфере «чужого», — баню, хлев; одновременно это «родимое» место становится и неким сакральным центром в аксиологическом пространстве родин [Баранов 1999]. Отсылки к нечистоте роддома мы находим в упоминаниях об антисанитарии и об инфекции (мифологема стафилококка): в среде медиков (и в материнском дискурсе) бытует представление о неизбежности стафилококковой инфекции в каждом роддоме, в связи с чем эти учреждения ежегодно закрываются «на проветривание».

Большой очистительный период длится около сорока дней — в течение шести недель женщине нельзя вести супружескую жизнь. В соответствии с рациональным объяснением это время считается необходимым и достаточным для заживания швов и восстановления женской половой системы. Однако обращает на себя внимание тот факт, что и в традиционной русской культуре очистительный период роженицы (так же как и умершего) занимал те же шесть недель [Редько, 1899: 115; Харузина 1905: 90; Адоньева, Овчинникова 1993: 29].

Шесть недель (роженица) считаеца больная, полая считаеца. У роженицы шесть недель, гоорит, за плечами смерть ходит [КА 1997].

При выписке матери с ребенком из роддома посвятители дают последние «напутствия» матери, в которых есть еще отзвуки ее недавней бесстатусности:

Пришла, грозно сказала мне: «Все, запомни — тебе нельзя теперь переходить дорогу на красный свет — у тебя есть ребенок, жди зеленого всегда, а то он останется без матери [И2].

Обретя статус молодой матери, женщина покидает роддом, а функции, направленные на ее дальнейшую социализацию, передаются другим институтам (медперсонал детских поликлиник, женское сообщество и др.).

Итак, анализ совокупности действий и высказываний роженицы, врача, медперсонала и других участников родов позволяет охарактеризовать это событие как ритуально значимое в строгом смысле слова: речь должна идти о модифицированном переходном обряде. Родильный обряд поныне сохраняет за собой важнейшие функции ритуала в том виде, как он представлен в традиционной культуре, и является, таким образом, важнейшим механизмом коллективной памяти и средством поддержания социального порядка.

Современные роды в родильном доме укладываются в традиционную трехчастную схему инициации: открепление иницианта от его статуса и места в со-

циуме, лиминальный период («пустыня бесстатусности») и реинкорпорация иницианта в социум в новом статусе. Эта информация представлена в ритуале в виде многочисленных символов, зачастую дублирующих друг друга: одни и те же сообщения могут быть закодированы по-разному и передаваться по разным каналам (например, лишение роженицы ее прежнего статуса в социуме в вербальном коде может быть представлено в виде инвективы, в акциональном — в виде лишения ее показателей статуса — одежды и драгоценностей, в пространственном — в виде изоляции от социума и т. п.).

Поведение медика и роженицы в роддоме подчинено их роли в ритуале и во многом диктуется принятыми в данной ситуации стереотипами поведения. Если роженица и новорожденный выступают в роли инициантов, то медики выступают в роли посвятителей: они являются единственными носителями, монополистами «истинного» знания.

Представления реальных медиков далеко выходят за рамки концепции официальной медицины и обильно черпаются из сокровищницы народного опыта. Так, многие из используемых медиками приемов и техник (например, пугание роженицы с целью вызвать роды) являются традиционными народными приемами.

Поскольку в пределах ритуала не существует спонтанной речи, всякое высказывание становится формулой [Байбурин 1993: 209]. Таким образом, речь как медиков, так и рожениц предстает в виде различных клише, а используемые ими речевые жанры переходят в разряд малых фольклорных жанров. Их задача — описать всамделишную реальность ритуала.

Социализация новорожденного в перспективе «авторитетного знания»

В современной городской культуре наблюдение за беременностью и организация родов, наряду с регуляцией всех прочих проявлений телесности, оказались включенными в сферу медицины. Однако роды никогда и нигде не были чисто биологическим явлением: они всегда представляют собой явление социальное и культурное (см., например: [Mead and Newton 1967: 142–244; Jordan 1980: 1; Browner and Sargent 1996: 219–221]). К медикам (акушерам, гинекологам, неонатологам) как бы перешли по наследству от повивальных бабок и функции регуляции отношений между матерью и ребенком, с одной стороны, и социумом и космосом — с другой. Частично эти функции унаследовала официальная медицинская теория, частично — официальная практика роддомов, женских консультаций и детских поликлиник, частично они адаптированы в неформальных приемах и практиках, используемых медицинским персоналом этих учреждений.

В традиционной русской народной культуре повивальные бабки представлялись авторитетом в области деторождения, единственными носителями «истинного» знания: «Кроме повитухи кто-нибудь ещё мог принимать роды? — Нет. Она — повитуха» [КА 1997]. В современной городской культуре монополистами «истинного», «научного», «авторитетного» знания являются медики (Jordan 1997:

55–79]. Подобно тому как прежде приметы, гадания, телесные техники и магические операции считались недейственными без санкции повивальной бабки (см., например: [Добровольская 1998: 19–21]), так и сейчас (при том, что различные традиционные народные поверья весьма распространены) доверие вызывают лишь представления и техники, утвержденные официальной медициной (в специальной и научно-популярной литературе) или устно одобренные ее представителями — врачами. Такие свидетельства передаются с установкой на достоверность, истинность. Что же касается традиционных народных поверий, то в них обыкновенно принято усматривать «чистое» суеверие: апелляция к магическим представлениям не выглядит достаточно убедительной. Однако высокий статус, присущий в нашей культуре «народной мудрости», не позволяет полностью отказаться от использования магических поверий в повседневной жизни. Поэтому в них пытаются найти рациональное зерно, увязать их с данными современной науки, интерпретировать их как интуитивное угадывание «народом» открытых позднее и подтвержденных экспериментом закономерностей.

К примеру, запрет смотреть на страшное и предписание смотреть на красивое во время беременности — очень древний: «Множество запретов и предписаний соблюдалось ради того, чтобы ребенок был красивым. Считалось, что он будет походить на того, на кого поглядит будущая мать, ощутив первое движение плода, на кого она засмотрится или кого испугается» [Толстая 1995а: 163–164]. В присутствии беременной женщины запрещались ссоры и брань (в терминах Т.Б.Щепанской, «программы блокирования агрессии и насилия» в культуре материнства [Щепанская 1998: 186]); ей нельзя было смотреть на мертвых животных, на «мохнатых» животных — на кошек, собак, волка, а также на покойника, на слепых и «уродов» [Толстая 1995б: 43; Толстая 1995а: 161; 164; Попов 1996: 432; Науменко 1998: 23–25; КА 1997]. Современные врачи дают беременным аналогичные предписания.

Кучу книжек прочитала — каких-то ужасных детективов типа «Кровавая резня» и «Окошко смерти», чем приводила того же самого [врача] Мишу Чирикова просто в ужас. Он говорил, что мне нужно читать прекрасные стихи и смотреть на золотые листья — была осень [И2].

«Эта примета имеет под собою все основания. То, к чему народ пришел путем многовековых наблюдений, сейчас доказано медициной. Действительно, находясь еще в материнской утробе, ребенок чутко реагирует на звуки, свет, на эмоциональное состояние матери. Поэтому будущим мамам рекомендуется почаще смотреть на что-либо красивое, эстетически привлекательное, испытывать побольше положительных эмоций. Это сказывается не только на характере, но и на внешности будущего ребенка» [Панкеев 1998].

Древнему табу дается, таким образом, новое объяснение — необходимость для беременной положительных эмоций и нежелательность отрицательных. Однако и старое и новое объяснения подразумевают, что период беременности — «опасное» время, когда женщина не защищена от злых сил (будь то представления о нечистой силе или о дисфункциях организма современной женщины), когда она — «как открытый человек» [КА 1996]. Мифологема «риска» играет

чрезвычайно важную роль в системе современных представлений о беременности и родах. Образы «опасностей», угрожающих матери и ребенку, — «синдром Дауна», «заражение крови» (примечательно, что в этом контексте реже употребляется научный эквивалент названия болезни «сепсис»), старение и отслойка плаценты, наряду, например, с такими, как выкидыш в результате испуга или страдания матери, обвитие пуповиной — давно стали фольклорными, представляют собой мифологемы. Они олицетворяют, с одной стороны, «злые силы», с другой — дикую и опасную природу, противопоставленную культуре (в облике медицины), которая с ней сражается. С одной стороны, материнский дискурс богато их использует, с другой — именно такие яркие, броские, насыщенные образы выбирают врачи для употребления в языке своей педагогики.

Питательной средой для всех этих болезней, противником матери в борьбе за жизнь ребенка, самым страшным олицетворением дикой, необузданной природы оказывается сам ее организм, несовершенный и ущербный. Имеется в виду, что современные женщины «не умеют», «разучились» рожать, подавляющее большинство родов требует медицинского вмешательства, подавляющее большинство детей рождается с патологиями. В качестве причины такого положения врачи указывают на специфику городской жизни — недостаток физического труда и «отравленность» городского человека через им же погубленные в результате промышленного производства природные продукты, воздух, воду («экологический кризис»). Подразумевается, что существовало время, когда человек жил в гармонии с природой, и она помогала ему (золотой век — «наши бабки на стерне рожали, и ничего!» [И21]), но затем он презрел ее и попытался уничтожить, и теперь умирающая природа мстит человеку за свою гибель. Получается, что если прежде угрожающие человеку опасности (нечистая сила) вредили извне, то теперь они помещаются внутрь человека, грозят ему из глубин его собственного организма.

Пример поверья, основанного уже на новых реалиях и апеллирующего к научному знанию, — табу на обильное употребление молочных продуктов: ребенок в утробе может «закостенеть» от избытка кальция. Кальций — важная мифологема в современном материнском дискурсе. С кальцием связаны представления о прочности, твердости костей и роговых образований, соответствующие точке зрения официальной медицины: кальций необходим для строения костей. Используемый в составе поверий, кальций, однако, обнаруживает свою мифологическую сущность: химический элемент наделяется сверхъестественными свойствами. По народно-медицинским представлениям, кальций может накапливаться в организме беременной, полностью проникать через плаценту, действовать с утысячеренной силой и приводить к полному закостенению («головка не будет складываться» при родах [И37]). Здесь можно увидеть отголоски русских народных взглядов на природу еще не рожденного младенца: до момента родов он видится твердым, «костяным» (это прослеживается на материале загадок и заговоров, где ребенок иносказательно описывается при помощи таких метафор, как «нечто костяное» или как «зуб»). Необходимым условием появления человека представляется твердая субстанция зародыша и — шире — отвердение, создание надежной основы [Баранов 1999].

Места концентрации кальция и способы его циркуляции в организме также заслуживают внимания. Положение теоретической медицины о необходимости кальция для роста волос породило новое «рациональное» объяснение для древнего табу на стрижку волос во время беременности. Данное представление восходит к архаической вере в симпатическую магию: части тела человека не должны валяться где попало, иначе они могут быть использованы во вред ему — магические действия с частью могут повлиять на целое (Фрезер 1983: 19]. Представление о возможности влияния на человека при помощи операций с остриженными волосами актуально по сей день: «Должна признаться, что по сей день, уходя из парикмахерской, испытываю неприятное чувство при виде собственных волос, беззащитно рассыпанных по полу» [Овчинникова 1998: 141].

– Олечка, Вы волосы на пол не бросайте, а на газетку складывайте. — Да, конечно, я на газету кладу. А потом что с ними делать, выбросить можно? — Нет, конечно, выбрасывать нельзя. Нужно в унитаз бросить. — Ну, в унитаз, это не очень хорошо, помоему. — Хорошо, хорошо, вода, она все смоет. Конечно, еще сжечь можно, так тоже хорошо [Овчинникова 1998: 142].

Другое объяснение апеллирует к символике волос в ритуале: стрижка отсылает к обретению человеком нового статуса в социуме, в то время как длинные, неоформленные, нестриженые волосы отсылают к прохождению человеком пограничного состояния, нахождению в сфере «природы», «чужого»: ср. запрет на стрижку волос при изоляции менструирующих девушек или при изоляции девушек, достигших половой зрелости (Фрезер 1983: 563]. След этого элемента ритуала обнаруживается в известном сказочном мотиве длинных волос заключенной царевны [Пропп 1996: 41–43].

Новое объяснение этому поверью — попытка рационализации. Положение о необходимости кальция для роста волос истолковано так, что все основные запасы кальция в организме концентрируются в волосах. Оттуда он перетекает по организму в нужные места, в том числе к зародышу — для участия в строении костной ткани. Таким образом, если беременная женщина пострижется, она пресечет приток кальция к ребенку, лишит его необходимого для постройки организма элемента.

Современные медики активно пользуются народными приемами и поверьями в своей практике. Весьма почтенно быть последователем не только «ученой» медицинской традиции, но и «народной», которая под таким углом зрения тоже видится достаточно авторитетной: «Для современного общества картина авторитетов более пестрая, но роль традиции по-прежнему очень высока, особенно в медицине <...> пара *научная медицина — традиционная медицина* оказывается взаимоподдерживающей. Сочетание научной терминологии в перечне заболеваний и ссылки на традиционность способа лечения составляют беспроигрышную стратегию...» [Овчинникова 1998: 234–235].

Итак, медики, будучи обладателями и монополистами некоего «сакрального» знания, пытаются с его помощью влиять на благополучный исход беременности. В то же время они интуитивно чувствуют, что помимо осуществления технической стороны дела от них требуется нечто большее, что сама ситуация про-

воцирует какой-то специфический способ коммуникации, что в момент родов не просто появляется еще одна биологическая особь, но идет какой-то более сложный, многоуровневый процесс, и им, врачам, в этом процессе отведена чрезвычайно важная роль. Будучи «детьми своей культуры», медики на каком-то уровне сознают «узловые», «ключевые» культурные концепты, которые наша культура связывает с рождением ребенка и которыми она его кодирует. Эти схемы достаточно устойчивы, можно с большой долей уверенности говорить о том, что в этом отношении за последние сто лет в русской культуре мало что изменилось. Мы продемонстрируем это на примере, сравнив функции повитухи в традиционной культуре и функции акушера-гинеколога в современной городской культуре.

Одна из важнейших задач повивальной бабки — идентификация ребенка, прежде всего половая. До наступления беременности бабка помогала «спланировать» пол будущего ребенка, во время беременности она предсказывала его по различным приметам. После рождения ребенка она символически «закрепляла» за ним его пол, «запуская программу» стереотипов мужского или женского поведения: она совершала над ребенком те или иные операции в зависимости от того, кто родился — мальчик или девочка [Зеленин 1991: 321; Власкина 1998: 17; Науменко 1998: 43, 66].

В наши дни половая идентификация ребенка (эмбриона, новорожденного) стала медицинской проблемой. Несмотря на то что вопрос о возможности влияния на пол будущего ребенка современной наукой пока не решен, отдельные врачи экспериментируют и практикуют в этой области. В своих теоретических построениях они опираются на данные официальной науки — сексологии, эмбриологии, демографии и др. Комбинируя эти данные, они предлагают «рецепты» рождения ребенка того или иного пола [Вадимова 1997: 29]. При культурном конструировании зачатия следование стереотипам мужского и женского поведения ожидается уже на хромосомном уровне.

> Вот получается так, что женские [сперматозоиды] — они медленнее, а мужские — они быстрее, проворнее. Если ты забеременела в такой день, когда все там созрело, в этот день, тогда, конечно, проворный этот сперматозоид быстренько-быстренько, раз-раз-раз, и мальчик. А если — потому что они же живут три дня приблизительно — трое суток приблизительно живут внутри, и остаются тогда только девочки, потому что они дольше живут, они более выносливы. Мальчики — они очень быстрые, но они и умирают раньше [И59].

В наше время наиболее «достоверным» считается определение пола ребенка при помощи ультразвукового исследования. Наряду с этим методом диагностики врачи прибегают и к народным приметам, которые известны многим, но становятся истинно авторитетными лишь после их «утверждения» представителем медицины. Пол ребенка определяется по форме и размеру живота беременной.

> Доктор, записывавшая меня в роддом, сказала, что точно будет мальчик — живот, говорит, большой [И1);

по поведению младенца в утробе матери:

Во всяком случае, мне гинекологи постоянно твердили, что у меня будет мальчик. Ну вот они считали, что плод какой-то очень активный у меня в чреве, что он вот именно ведет себя так, как должен вести мальчик. Они все время щупали там, смотрели и говорили: «Ну мальчик — сто процентов — мальчик!» [И67];

по сердцебиению плода:

У меня был очень хороший доктор-гинеколог в консультации на Фонтанке, и он сказал мне перед декретом, что у меня по сердцебиению девочка будет [И10];

по способу показа беременной рук:

Попросили показать руки — спросили: «Что у Вас с руками?». Я говорю: «А что?». Они говорят: «Все, у Вас будет мальчик». Я уже не помню, как там надо было — то ли вверх ладонями мальчик, то ли вниз [И12];

по глазам:

Врач в консультации обладала, по всей видимости, каким-то поразительным чутьем. Говорила, что все может определить по глазам. Когда я пришла со сроком 2 недели, спросила: «Ну на этот-то раз сохранять будешь?». Когда было 12 недель, сказала, что у меня лицо как-то изменилось и в глазах что-то такое. Вероятно, будет девочка. Я очень ей поверила. И Миша тоже [Круглякова 1997].

Имеют хождение и другие народные приметы, связанные с определением пола, хотя в нашем материале они не зафиксированы как используемые врачами. Содержание примет апеллирует к традиционному месту полов в парадигме бинарной классификации: мужское — большой, активный, сильный, громкий, правый, острый, верх; женское — маленький, пассивный, слабый, тихий, левый, тупой, низ.

Использование народных примет продолжает сосуществовать с методами УЗИ, что противоречит замечанию Т.Б.Щепанской [Щепанская 1996б: 399] о вытеснении или замещении этим методом диагностики народных способов определения пола плода: «Приметам в этой области доверяют не меньше, а может, и больше, чем УЗИ» [Круглякова 1997].

У обоих этих способов узнавания может быть одна и та же аудитория. Интерес к полу будущего ребенка в нашей культуре весьма велик, и все методы оказываются хороши. Кроме того, доверие к УЗИ не является абсолютным: распространенный мотив рассказов о беременности и родах — неправильное определение пола ребенка при помощи УЗИ, за мужские половые органы принимают пуповину или ногу, либо же наоборот их наличие не удалось зафиксировать.

Очевидно, что УЗИ — строго медицинская процедура. Однако обратим внимание на то, как она используется. Данный метод диагностики практикуется вовсе не для того, чтобы определить пол ребенка, а для раннего выявления патологий. Тем не менее в народном сознании прослеживается устойчивая ассоциация именно с предсказанием пола ребенка.

– Сегодня ходила на УЗИ. – Ну и кто у тебя там? [И1].

Когда я летом пришла в палату после УЗИ очень расстроенная, потому что у меня нашли серьезные дефекты плаценты и говорили о возможных аномалиях развития

плода, мои соседки заподозрили, что у меня родится мальчик вместо ожидаемой девочки, но никому не пришло в голову поинтересоваться состоянием его здоровья [Круглякова 1997].

По инструкции определение пола вовсе не является необходимым и предписываемым — эта информация даже не заносится в медицинскую карту. Тем не менее врачи по собственной инициативе проявляют стойкий интерес к этой теме — сами сообщают пол ребенка, спрашивают, «сказать ли, кто», радуются, если поставленный ими «диагноз» подтвердился.

Однако Снегиревка славится точностью определения пола. Говорят об этом каждой вернувшейся, даже если она пролежала уже две недели и не могла не слышать этой новости. Важно это и для врачей. Мне делал УЗИ два раза один и тот же врач. В апреле на 20-й неделе сказала не точно. В июне страшно радовалась, что не ошиблась. Говорила, что это дело чести [Круглякова 1997].

Предсказание сопровождается радостными эмоциональными комментариями половых достоинств ребенка.

Потом я пошла делать ультразвук, когда у меня было уже недель 20, и дяденька-врач радостно закричал: «Пенис! Пенис!». У меня внутри все похолодело, и я сказала: «Как же, мне только что сказали, что будет девочка, а вы видите пенис!». Он говорит: «Очень интересный случай. Приходите ко мне через недельку» [И3].

Мне делали на 31-й неделе УЗИ, и мне сказали, что это мальчик, да еще какой — как выразился врач [И37].

От плода ожидается стереотипизированное поведение в зависимости от его пола (переношенные — обычно мальчики [И61], мальчики активнее, крупнее и т. п.). «Обучение» ребенка стереотипам мужского и женского поведения активно осуществляется во время беременности.

Узнать, кто родится, очень важно, потому что ребенка надо соответствующим образом воспитывать еще в утробе. Здесь очень опасно ошибиться. У Нади была подруга Таня. Ее мать очень хотела, чтобы родился мальчик и называла ее еще в утробе сыночком. Таня росла пацанкой и мечтала стать мужчиной. Когда ей было 18 лет, в Ленинграде сделала операцию по ликвидации молочных желез (которые и без того были невелики) и накачала торс. В 20 лет превратилась в Сашу. Мать считает виноватой себя [Круглякова 1997].

При рождении ребенка «закрепление» за ним половой идентификации также совершается медиками. Первые слова, следующие за выходом ребенка, связаны именно с называнием его пола. Матери показывают ребенка, демонстрируют его половые органы и спрашивают, «кто родился», либо же акушеры сами называют пол.

Когда я родила Алешу, я была немножечко уже не в себе, и когда показывают, кто родился — а я еще без очков — я сказала: «Девочка!», с такой надеждой. Тут басом фельдшерица или там акушерка закричала: «Смотрите хорошенько! Где там девочка?» — и сунула мне прямо в лицо это причинное место [И40].

Мне показали просто, кого родила. То есть показали пипиську. Я говорю: «Девочка! А не мальчик». Я была так поражена [И38].

Когда она родилась, я увидела пуповину и приняла ее, прошу прощения, за член. «О, — говорю, — опять мальчишка!» А она говорит: «Дура, девочка!». Мне сразу стало очень радостно и хорошо [И35].

И когда мне показали уже этот комочек, сказали: «Девочка родилась», я была страшно удивлена, и мне было в принципе ее очень жалко [И53].

Ср. иносказательное «проговаривание» пола в традиционной культуре:

«Бапка П'атровна, чё паймала?» Ана атв'ащаит': «Рашшырепу» (если девочка) или «Каня с с'адлом» (если мальчик)»; бабушка скажет': «Ну, паймала мал'щика с-канем», а на деващку: «Ээ, зассыха радилася» [Властина 1999: 9].

Таким образом, биологическая половая принадлежность ребенка на уровне культурном «достраивается» различными средствами, в том числе вербальными (ср.: [Байбурин 1991: 257–258]). «Обретая» пол, ребенок вписывается в социальную структуру и дальше от него ожидается соответствие физиологическим и психологическим проявлениям, которые наша культура приписывает детям того или иного пола: девочки выживают лучше, чем мальчики [И20]; дети разного пола в большей или меньшей степени подвержены определенным заболеваниям. У девочек чаще встречается врожденный вывих бедра: они еще в утробе и при рождении неосторожно раздвигают ноги [И21]. Мальчики рождаются крупнее, но затем хуже прибавляют в весе [И21] и т. п.

Аналогичным образом строится «нормативная» идентификация: степень соответствия ребенка физиологическим и поведенческим нормам нашей культуры оценивается медиками. В традиционной культуре повитуха при помощи магических средств пыталась воздействовать на облик ребенка до его рождения, в ходе беременности и после родов — сделать его «белым и румяным», «высоким и стройным», «смышленым», «умелым» и т. п. В современной городской культуре существуют свои представления о внешности, здоровье, умственном и физическом развитии, соответствующие разным возрастам человека. Контроль над этим соответствием осуществляет медицина: она конструирует некую «норму», описывает ее, распространяет знание о ней, оценивает степень соответствия ей и выявляет девиации. Эти нормы фиксируются в специальной и научно-популярной литературе, где антропометрические параметры ребенка и его «умения» указываются достаточно дробно: в период беременности и первых месяцев жизни ребенка «вехами» представляются дни и недели, далее для всего первого года жизни — каждый месяц и т. д. Постепенно эти культурно сконструированные временны́е промежутки становятся все более и более продолжительными. В соответствии с этим контроль за состоянием ребенка осуществляется медиками сначала ежедневно (в родильном доме и при домашнем патронаже), затем ежемесячно (обязательное посещение детской поликлиники), затем раз в несколько месяцев и т. д.

До зачатия и в период беременности врачи пытаются запрограммировать «нормальное» физическое, психическое и умственное развитие будущего ребенка. Они дают будущей матери советы, регламентирующие ее отношения с космосом и социумом — питанием, движением, работой, общением, половой жизнью, определяют желательность контактов с воздухом, водой и солнцем и т. п. Часть

этих советов апеллирует к народному опыту, часть — к научным данным, нередко вписанным в псевдонаучные контексты. При несоответствии состояния матери и плода «норме» врачи пытаются добиться желаемого соответствия, прибегая к медицинскому вмешательству — фармакологическому, хирургическому или физиотерапевтическому. В результате сконструированного медициной в последнее время представления о том, что рождений, удовлетворяющих всем требованиям «нормы», в природе не существует, само медицинское вмешательство в процесс беременности и родов, а также в организм новорожденного и родильницы стало восприниматься как «норма».

Представление о медленном, постепенном «программировании» через поведение беременной свойств будущего ребенка недостаточно удовлетворяет потребность сознания в мифологизации. Потому в нашей культуре, как и во многих других, были сконструированы «кульминационные», маркированные во времени моменты, когда задается программа всей жизни, судьбы человека — это моменты зачатия и рождения ребенка. Несоответствие человека «норме» может быть спровоцировано в момент зачатия (мифологема «пьяного зачатия») и в момент родов (мифологема «родовой травмы»). Мы говорим здесь именно о культурных коннотациях этих явлений: в нашей культуре они маркированы, ожидаемы, практически стали вариантом нормы: — Чего нельзя делать в день зачатия? — Пить. — Чего следует более всего опасаться при родах? — Родовой травмы. Контроль за соблюдением этих требований предписывается медикам: они должны предотвратить пьяное зачатие (при помощи просветительской работы) и родовую травму (путем «правильной» организации родов).

Оценка степени соответствия ребенка «норме», с одной стороны, официально фиксируется в медицинской карте, с другой — эксплицируется в устных комментариях врачей. Во время беременности комментируются размеры плода, его активность, его положение в матке. При ультразвуковом исследовании выявляются конкретные патологии и особенности ребенка. При родах и позже в родильном доме комментируются и соотносятся с «нормой» отличительные телесные качества ребенка (рост, вес, размеры и форма отдельных частей тела, наличие волос, родинок, соответствие стандартам красоты и т. п.), его поведение («сразу закричал», «хорошо сосет», «спокойный»), а также физическое и психическое состояние («слабый», «вялый»). На основе этих замечаний начинает конструироваться судьба ребенка, его характер: при помощи вербального описания, через обретение «легенды» он «вводится» в социум, в чем-то соответствуя его ожиданиям, но и обладая некими личностными особенностями. К этому «началу пути» часто в дальнейшем будут обращаться за объяснением различного рода девиаций в организме и поведении человека («конечно — он и родился-то слабый, асфиксичный, закричал не сразу...» и т. п.) (ср.: [Седакова 1997: 7]).

Помимо словесного «оформления» ребенка и включения его в социум вербальными средствами, медики осуществляют «доделывание» ребенка, превращение его из «нелюдя» в человека и на уровне акциональном — его обмывают и одевают. В то же время он еще некоторое время остается не вполне человеком: одевают его не в одежду, а заворачивают; у него нет имени — он просто «ребенок»; его состояние в первые недели жизни считается опасным, он подлежит

изоляции — сначала в родильном доме, потом в родительском (прежде это связывалось с боязнью нечистой силы, сглаза, теперь же — с возможностью проявления патологий и «открытостью» к различным заболеваниям).

В русской традиционной культуре символическим «отделением» ребенка от матери, наряду с прочими необходимыми действиями по передаче, «сдаванию с рук на руки» ребенка социуму ведали бабки. В ритуале связь ребенка с матерью символизирует принадлежность обоих к сфере «чужого». Бабки обрезали пуповину, отлучали ребенка от груди, «развязывали» шаги, речь, впервые стригли волосы и ногти. Их приглашали принять участие в этих культурно сконструированных «вехах», символически разделяющих разные периоды жизни ребенка, связанные в глазах культуры с овладением определенными навыками, все более и более приобщающими человека к жизни социума.

В настоящее время «отделительные» и в то же время способствующие интеграции ребенка в социум функции выполняют врачи. Они конструируют представления о том, до какого возраста следует кормить ребенка грудью, когда начинать докармливать его «взрослой» пищей, в каком возрасте он должен начать ходить, говорить, пользоваться горшком и т. п.: «Он вполне еще имеет право писать в штаны»; «Как — Вы все еще кормите?».

В последнее время в трудах по психологии материнства незримая связь, соединяющая ребенка с матерью, как бы «материализовалась» и стала называться специальным термином «бондинг». Плодом адаптации представлений о бондинге народным сознанием явилась популярность практик позднего перерезания пуповины, раннего прикладывания к груди, совместного пребывания ребенка и матери в родильном доме, желательности телесного контакта «кожа к коже». Считается, что благодаря применению этих техник ребенок будет меньше болеть, лучше развиваться и на протяжении всей жизни сохранит близкие отношения с матерью. Значительно удлинился (по сравнению с советской эпохой) и послеродовой отпуск матери — домашнее воспитание стало предпочитаться ранней социализации ребенка в яслях и детском саду. На примере бондинга мы видим произошедшую практически на наших глазах смену культурных парадигм, спровоцированную наукой и утвержденную медицинской практикой. В культурных представлениях о детстве произошел «временной сдвиг»: ребенку дольше и «в большей степени» позволяется быть ребенком, «не вполне человеком».

Любые отклонения от утвержденной «нормы» считаются «опасными»: за подтверждением врачи обращаются к научным данным. В случае несоблюдения матерью принятых стереотипов поведения врачи порицают ее, угрожают различными «последствиями» — болезнями и мерами социального воздействия. В случае несоответствия ребенка культурным стандартам мать также подвергают осуждению («недоглядела», «неправильно делала», «вовремя не приняла меры»), а ребенок попадает на учет к узкому специалисту и подлежит «лечению» — приближению к «норме».

В традиционной русской культуре ребенка дважды «выкупáли»: бабка получала индивидуальное вознаграждение от роженицы и коллективное — от всей общины [Листова 1989: 155]. По окончании малого очистительного периода роженица одаривала бабку во время обряда «размывания рук», когда бабка покида-

ла ее дом на третий день после родов. В следующий раз крестные «выкупали» ребенка у бабки на крестинном обеде, после чего ребенок окончательно попадал в «человеческий» мир [Байбурин 1993: 48; Листова 1989: 152–158]. Бабку благодарили не за техническую помощь роженице, а за исполнение культурной роли, отведенной ей в обряде, — операцию с культурным статусом ребенка (и матери). Будучи медиатором, посредником между двумя мирами, бабка принимает ребенка из сферы «чужого», культурно оформляет его, закрепляет за ним все присущее человеку, отсекает все «чуждое» человеку и уже «готовым» отдает его социуму: только на крестинах начинается полностью «человеческая» жизнь ребенка, он принят.

Современные родители также «выкупают» ребенка из роддома: с этого момента он окончательно покидает пределы «иного мира», попадает в сферу «своего», включается в жизнь социума.

> Выкуп за ребенка давали медсестре. Я еще довольно долго сидела внизу <...> — смотрела, как все этой медсестре пихали. Она каждый раз отказывалась как в первый раз: ой, ой, не надо, что вы, все такое — а сама в карман. Мне муж потом говорит: зря мы ей деньги дали — мы ее смутили! А я говорю: милый мой! Там в этом кармане столько было за этот день! [И18].

> А выписывали нас как-то странно — детей схватили, все улыбаются: о, счастливый папаша с двумя свертками! — и мы выскочили как-то, не сообразили. А потом Митька говорит: так на меня эта сестра смотрела странно — мол, куда это он торопится? Но тогда я совершенно не думала на эту тему. А потом мне Лиля-соседка сказала, что это как бы выкуп считается, что ты ребенка покупаешь [И17].

Известно, что обычно даются деньги (определенная символическая сумма за мальчика, меньшая — за девочку), цветы, конфеты, коньяк, шампанское.

> Выкуп за ребенка платили — бутылку шампанского и 25 тысяч, что ли — я даже не знаю [И33].

> Из роддома там дают выкуп — деньги, конфеты, цветы. У нас деньги дали — деньгам они больше рады [И16].

> Но какие-то установившиеся правила считала необходимым соблюдать. Так, например, «отблагодарить» всех врачей, сестер и нянечек (в соответствии с установившейся таксой, о которой обычно узнавали от соседей по койке) <...> И он «поблагодарил» нянечку. Уж не помню, сколько тогда давали, наверное, три рубля и коробку конфет [И26].

> Выписали — пришли там мужья с цветами, с конфетами, подарили там персоналу. Это все заведенный был порядок. Определенное количество рублей надо было дать [И51].

Ритуальная функция «выкупа» ребенка не совпадает с этикетной функцией благодарственного подарка конкретному врачу, оказавшему помощь. «Выкуп» часто дается совершенно незнакомой и не принимавшей участия в ведении родов детской сестре, в сущности, символу. При попытке рационально объяснить этот элемент обряда, он представляется женщинам абсолютно бессмысленным.

> Я думала — это как цветы подарить врачу. Единственно, что врач тебя лечил, твоего ребенка, а эта медсестра просто его завернула — за что ей давать какие-то деньги, шоколадки? [И17].

Когда стали меня выписывать, принесли много цветов и даже всякие денюжки пытались совать, а я говорила, что нечего им денюжки давать этим сиделкам, потому как это совсем другое отделение, а если уж носить цветы, то в родилку или хотя бы в дородовое, а вовсе не туда, где выписывают, потому что там совершенно посторонние тетки. Но всё равно им отдали и цветы, и денюжки [И21].

Этот «заведенный порядок», понимаемый как «догмы» или «установившиеся правила», все же считается необходимым соблюдать даже несмотря на отсутствие вразумительного объяснения. Таким образом родители ребенка благодарят медиков за помощь в родах, но под помощью здесь следует понимать не столько собственно медицинские практики и техники, сколько социально и культурно значимые действия, направленные на введение в социум двух новых членов — ребенка и женщины в новом для нее статусе матери.

Предполагается, что правильное соблюдение ритуала обеспечивает благополучие ребенка и всей семьи в дальнейшем.

При выписке с младенцем из роддома муж должен дать денег служительнице, «выкупить» ребенка, чтобы всё было в порядке [И3].

Несоблюдение ритуала способно вызвать страх и огорчение — это «не к добру».

И я даже немножко тогда расстроилась, что надо было все-таки выкупить. Ну а не выкупили — и не выкупили [И17].

Исследуя переходные обряды у народов Сибири, Е.С.Новик замечает, что в последнем звене предложенной Ван-Геннепом трехчастной схемы обрядов перехода интегрированы «два вида операций: перевод индивида в новое состояние, т. е. "приобретение им" нового статуса, но, кроме того, еще и "присоединение" его к группе, т. е. "приобретение ею" новой ценности объекта» [Новик 1984: 163–164]. Думается, что сохранность обычая «выкупа» (ритуального обмена), который дают работникам роддома родственники новорожденного, наглядно демонстрирует справедливость данного утверждения для современной русской городской культуры.

Итак, характеризуя современное «авторитетное знание» и картину мира современного городского жителя, можно сказать, что научные, теоретические медицинские построения, попадая в обращение, неизбежно подвергаются трансформации, вступая в контакт и взаимодействуя с представлениями, опирающимися на авторитет народной традиции. Так, некий признанный современной наукой факт может вырываться из контекста и обрастать многочисленными мифологическими подробностями. Одновременно существует тенденция давать древним поверьям и табу новое рациональное объяснение. Таким образом, картина мира современного человека остается в целом мифологической, и рациональные, «научные» представления искусственно вписываются в нее, иногда вытесняя старые, магические, а иногда просто остаются невостребованными.

Действия и высказывания медиков, независимо от того, репрезентируют они «ученую» или «народную» культуру, играют одинаково важную роль для функ-

ционирования социума как организма, поскольку они в равной степени призваны обеспечивать систематическую смену и воспроизводство социальных статусов. Типологическое сопоставление комплекса действий и высказываний врачей, направленных на мать и на новорожденного, с традиционными формами «авторитетного знания» о деторождении (присущими, например, субкультуре повивальных бабок) позволяет сделать вывод о том, что социокультурный аспект этих действий и высказываний является в наши дни едва ли не более актуальным и значимым, чем собственно медицинский.

Примечания

[1] Ссылки даются на шифр интервью в архиве автора. Полевые работы велись в Санкт-Петербурге (1994–1995 гг.), в Москве (1995–1997 гг.) и среди русского населения Эстонии в городах Таллинне и Тарту (1997 г.). Всего в процессе опроса было собрано 69 интервью. Общее число описанных родов — 99.

Литература

Адоньева, Овчинникова 1993 — *Адоньева С.Б., Овчинникова О.А.* Традиционная русская магия в записях конца XX века. СПб., 1993.

Амосов 1978 — *Амосов Н.М.* Раздумья о здоровье. М., 1978. Цит. по: *Жельвис В.И.* Поле брани: сквернословие как социальная проблема. М., 1997. С. 36–37.

Байбурин 1991 — *Байбурин А.К.* Обрядовые формы половой идентификации детей // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб., 1991.

Байбурин 1993 — *Байбурин А.К.* Ритуал в традиционной культуре: Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993.

Баранов 1999 — *Баранов Д.А.* Родинный обряд: время, пространство, движение. Доклад на круглом столе «Повитухи, родины, дети в народной культуре». Москва, 6–7 марта 1998 г.

Бахтин 1990 — *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990.

Белоусова 1998 — *Белоусова Е.А.* Родовая боль в антропологической перспективе // Arbor Mundi. Мировое древо. Вып. 6. М., 1998.

Вадимова 1997 — *Вадимова Н.* Мальчик или девочка? // Женский клуб. 1997. № 1. С. 29.

Власкина 1998 — *Власкина Т.Ю.* Донские былички о повитухах // Живая старина. 1998. № 2 (18). С. 15–17.

Власкина 1999 — *Власкина Т.Ю.* Мифологический текст родин // Повитухи, родины, дети в народной культуре. М., 2001.

Добровольская 1998 — *Добровольская В.Е.* Повивальная бабка в обрядах Судогодского района Владимирской области // Живая старина. 1998. № 2 (18). С. 19–21.

Жельвис 1997 — *Жельвис В.И.* Поле брани: сквернословие как социальная проблема. М., 1997.

Забылин 1994 — Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. Собр. М.Забылиным. М., 1994.

Зеленин 1991 — *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. М., 1991.

КА — Каргопольский архив этнолингвистической экспедиции РГГУ.

Круглякова 1997 — *Круглякова Т.А.* Дневник (рукопись).

Листова 1989 — *Листова Т.А.* Русские обряды, обычаи и поверья, связанные с повивальной бабкой (вторая половина XIX — 20-е годы XX в.) // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989.

Мосс 1996 — *Мосс М.* Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. М., 1996.

Науменко 1998 — *Науменко Г.М.* Этнография детства: Сборник фольклорных и этнографических материалов. М., 1998.

Новик 1984 — *Новик Е.С.* Обряд и фольклор в сибирском шаманизме. Опыт сопоставления структур. М., 1984.

Овчинникова 1998 — *Овчинникова О.* Что нам стоит дом построить: традиционная крестьянская культура как основа построения современных русских популярных текстов и культурной практики. Тампере, 1998.

Панкеев 1998 — *Панкеев И.А.* Тайны русских суеверий. М., 1998.

Петрова 1968 — *Петрова Н.А.* [Записки из родильного дома] (рукопись).

Попов 1996 — *Попов Г.И.* Русская народно-бытовая медицина // *Торэн М.Д.* Русская народная медицина и психотерапия. СПб., 1996.

Пропп 1996 — *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. М., 1996.

Редько 1899 — *Редько А.* Нечистая сила в судьбах женщины-матери // Этнографическое обозрение. 1899. Вып. 1.

Свирновская 1998 — *Свирновская А. В.* Функции измерения в лечебной магии // Мифология и повседневность. Вып. 1. Материалы науч. конф. Санкт-Петербург, 18–20 февраля 1998 года. СПб., 1998.

Седакова 1997 — *Седакова И.А.* «Жилец» — «нежилец»: магия и мифология родин // Живая старина. 1997. № 2.

Седакова 1998 — *Седакова И.А.* Заметки по этнографии речи (на материале славянских родин) // Слово и культура. Памяти Никиты Ильича Толстого. Т. II. М., 1998.

Толстая 1995а — *Толстая С.М.* Беременность, беременная женщина // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах. Т. 1: А-Г. М., 1995.

Толстая 1995б — *Толстая С.М.* Беременность, беременная женщина // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995.

Тэрнер 1983 — *Тэрнер В.* Символ и ритуал. М., 1983.

Фирсов, Киселева 1993 — Быт великорусских крестьян-землепашцев: описание материалов этнографического бюро князя В.Н.Тенешева (на примере Владимирской губернии) / Сост. Б.М.Фирсов, И.Г.Киселева. СПб., 1993.

Фрезер 1983 — *Фрезер Д.* Золотая ветвь. М., 1983.

Фуко 1997 — *Фуко М.* История безумия в классическую эпоху. СПб., 1997.

Харузина 1905 — *Харузина В.Н.* Несколько слов о родильных и крестильных обрядах и об уходе за детьми в Пудожском уезде Олонецкой губернии // Этнографическое обозрение. 1905. Вып. 1–2.

Цивьян 1985 — *Цивьян Т.В.* Мифологическое программирование повседневной жизни // Этнические стереотипы поведения. Л., 1985.

Щепанская 1996а — *Щепанская Т.Б.* Телесные табу и культурная изоляция // Феминистская теория и практика: Восток — Запад. Материалы Международной научно-практической конф. СПб., Репино, 9–12 июня 1995 г. СПб., 1996.

Щепанская 1996б — *Щепанская Т.Б.* Сокровенное материнство // Секс и эротика в русской традиционной культуре. М., 1996.

Щепанская 1998 — *Щепанская Т.Б.* О материнстве и власти // Мифология и повседневность. Вып. 1. Материалы науч. конф. Санкт-Петербург, 18–20 февраля 1998 г. СПб., 1998.

Browner and Sargent 1996 — *Browner C.H., Sargent C.F.* Anthropology and Studies of Human Reproduction // Medical Anthropology: Contemporary Theory and Method / Ed. C.F.Sargent, Th.M.Johnson. London, 1996. P. 219–234.

Burke 1994 — *Burke P.* Popular Culture in Early Modern Europe. Aldershot, 1994.

Davis-Floyd 1992 — *Davis-Floyd R.E.* Birth as an American Rite of Passage. Univ. of California Press, 1992.

Davis-Floyd 1994 — *Davis-Floyd R.E.* The Ritual of Hospital Birth in America // Conformity & Conflict. Readings in Cultural Antropology / Ed. J.P.Spradley, D.W.McCurdy. New York, 1994.

Jordan 1997 — *Jordan B.* Authoritative Knowledge and Its Construction // Childbirth and Authoritative Knowledge: Cross-Cultural Perspectives. Berkeley; Los Angeles; London, 1997.

Jordan 1980 — *Jordan B.* Birth in Four Cultures: A Crosscultural Investigation of Childbirth in Yucatan, Holland, Sweden and the United States. Montreal, 1980.

Mead and Newton 1967 — *Mead M., Newton N.* Cultural Patterning of Perinatal Behavior // Childbearing — Its Social and Psychological Aspects. 1967.

Ries 1997 — *Ries N.* Russian Talk: Culture and Conversation during Perestroika. Ithaca; London, 1997.

van Gennep 1960 — *van Gennep A.* The Rites of Passage. Chicago, 1960.

М.Г.Матлин
(Ульяновск)

Свадебный обряд

Современный городской свадебный обряд — сложное социокультурное явление, порождаемое взаимодействием двух принципиально различных культур — фольклорной, представляющей собой «комплекс традиционной духовной культуры, реализуемой в словах, идеях, представлениях, звучаниях, движениях, действиях» [Путилов 1994: 23], и «современной», профессионально-личностной, индивидуально-креативной (см., например: [Каган 1996: 359–360, 368]). Первую также определяют как моностилистическую культуру, а вторую — как полистилистическую (см.: [Ионин 1996: 37–39, 178–192]). Свадьба и сегодня — это устойчивая, регулирующая важнейшую сторону празднично-обрядовой жизни человека и общества традиция[1]. Она, конечно, обусловлена в своем существовании предыдущими этапами развития свадебной обрядности, но эта обусловленность не носит прямого и открытого характера.

Несмотря на то что фольклористы и этнографы давно и плодотворно ведут наблюдение за современной сельской брачно-свадебной обрядностью (см., например: [Пушкарев, Шмелева 1959; Карпухин 1970; Круглов 1971; Потанина 1973; Балашов 1985; Жекулина 1982; Зорин 1981; Липовецкая 1984; Невская 1982; Шаповалова 1981]), городская свадьба по существу выпала из их поля зрения: до сих пор практически нет исследований, обобщающих и систематизирующих огромное количество разнородных явлений и фактов, присущих ей[2].

Сложность изучения современной городской свадебной обрядности обусловлена еще и такой специфической особенностью фольклора в целом (в том числе и обрядового), которую Н.И.Толстой определил как «диалектность», т. е. функционирование его как системы региональных и локальных типов [Толстой 1995: 13][3].

Характеристика современного городского свадебного обряда возможна только на основе интегрирования (через картографирование, табуляцию и т. п.) регионально-локальных вариантов с учетом как синхронического, так и диахронического аспектов. Иначе говоря, необходимо принимать во внимание другие этапы в существовании традиции (например, в XX в. можно выделить такие эта-

пы, как 10–20-е, 20–40-е, 50–70-е годы), варианты обрядов в зависимости от социальной и социально-топографической структуры города (гуманитарная интеллигенция и рабочие строительной индустрии, коренное население и мигранты; центр и городские окраины). Однако перейти сейчас к интегрированию не представляется возможным в силу указанных выше причин. Можно только в качестве промежуточного этапа дать описание конкретной региональной традиции. В качестве такого регионального описания предлагается современная городская свадебная обрядность на территории Ульяновской области.

Для описания традиции использовали стенограммы стандартизированного интервью с открытыми вопросами, составленными Г.П.Анашкиной (см.: [Анашкина 1997]). Интервью проведены автором и студентами УлГПУ, УлГУ и УПК № 4 в Ульяновске и городах областного подчинения — Инзе, Димитровграде, Барыше в 1997–1998 гг.[4] Использованы также бытовые видеозаписи свадьбы, фотоматериалы и письменные документы, входящие в современную свадьбу[5].

Прежде всего отметим, что при сохранении присущей традициям предыдущих эпох трехчастной структуры — предсвадебный, свадебный и послесвадебный этапы — современный свадебный обряд в городе кардинально перестроил содержание каждого из них. Существенно изменилось распределение функций среди групп «персонажей» и, соответственно, закрепление за каждой из них своего этапа, обрядовых актов, свадебных текстов[6]. Да и сами свадебные тексты, поэтические и музыкально-поэтические, сегодня также принципиально иные[7]. Например, предсвадебный этап сегодня почти лишен и обрядовости, и праздничности. В частности, **сватовство** — важнейший и обязательный обряд в свадьбе предшествующих периодов — сегодня элемент и факультативный, и почти полностью утративший обрядовую и праздничную семантику. Не случайно в ответах информантов в том случае, если сватовство имело место, очень часто только констатируется сам факт его совершения, но никакие действия и тексты не приводятся.

?: Сватовство было? — Шубина С.Н. (1975 г.р., рассказывала о свадьбе 1996 г.): Было. Оно было после подачи заявления в ЗАГС. Сначала он сделал ей предложение, она размышляла над ним какое-то время: выходить — не выходить. Потом они подали заявление. Сватовство было месяца через два где-то, потому что они три месяца ждали до свадьбы. Месяца через два было сватовство. Была мать его и ее сестра. Они вроде как знакомиться и в то же время — будет свадьба или нет. Добиться согласия, обсудить так более-менее, где все будет происходить[8].

В городе зафиксированы и более сложные случаи, обусловленные тем, что жених или невеста могут быть из села или принадлежать к разным национальностям. В такой ситуации традиционные праздничные элементы ритуала (иносказательная речь, обереги, наделение пространства дома символически-ритуальной семантикой и др.) входят в обряд[9].

Важным фактором современного свадебного обряда является участие в нем в качестве организатора и руководителя тамады или, как его иногда определяют, «специалиста по обрядам». В подавляющем большинстве случаев он устанавливает только порядок проведения свадебного пира, организует свадебное застолье.

Однако в единичных записях фиксируются случаи участия тамады (будем в дальнейшем использовать это слово для обозначения организатора свадьбы) в обрядах предсвадебного этапа. Не останавливаясь подробно на типологии этого персонажа современной свадьбы, отметим, что среди них изредка попадаются и такие, как В.И.Овсянникова:

Мне 59 лет, я русская, по образованию педагог-воспитатель, работаю в детском саду вот уже 39 лет. Проведение свадеб и юбилеев — это мое хобби — я артистка народного театра музыкальной комедии. — ?: Где Вы проводите свадьбы? — Да в нашем городе. Свадьбы всем своим знакомым, родственникам — я же не официальная тамада.

Ясно, что это существенно сказывается на характере обряда.

?: Что такое сейчас сватовство? Кто в нем участвует? — В нем участвуют родители, в первую очередь, крестная. Но сейчас мало знают обычаев, поэтому приглашают меня. Вот, сына моей подруги женили, я ходила сватать. Все по-настоящему было. Рассказывать момент сватовства, как сватали? — ?: Да, что это такое? — Это ведь старинные обряды и обычаи, это я брала у своей мамы, раньше видела (в детстве), как у нас сватали в Радищеве[10]. Накинула большой красивый платок, позвонили, пришли. Спросили: «По такому ли адресу мы пришли, проживает ли здесь девица Оля?» — «Проживает». — «Ну, что ж, у вас — товар, у нас — купец, привезли красного молодца». И села под матицу, а так как сейчас матицы нет, то села, значит, в середину комнаты. Все смотрят. А мы предупредили, что стол заранее не накрывается. Вот я и сказала, что объявил наш дружок, красный молодец, что собирается жениться, полюбил он красну девицу — вашу Олю. «Покажите нам, пожалуйста, вашу Олю». Выходит с гордостью. «Так, пройдись-ка, Оля, по одной половице. Как ты пройдешься». Смотрим тут стать невесты. Прошлась Оля. Хорошо. Я бросаю медные деньги: «Собери-ка, Оленька, денежки». Мы примечаем: не ленива ли она — наклоняется ли низко. А Оля должна быть сообразительной: в первую очередь поклониться будущим свекру и свекрови, потому что они главные сватья. Собрала денежки и положила их на стол. «Ну, что ж, понравилась нам ваша красна девица. А как наш красный молодец вам понравился?» — «Ну, что ж, Сашу мы знаем: он к нам домой ходил. (Они же все сейчас домой ходят.) Он к нам ходил, — говорят. — Мы к нему привыкли как к сыну родному». Ну и все. А теперь серьезный разговор будет.

Но возможны и такие варианты, когда общая празднично-карнавальная стихия, доминирующая сегодня в городском и сельском свадебном обряде, вторгается и в обряд сватовства.

Деменчикова О.В. (1978 г.р., рассказ о свадьбе 1997 г.): До свадьбы, как по обычаям, традициям, проводились некоторые мероприятия. Например, было сватовство. В роли сватьев, значит, была моя мама, тетя Ярослава (жениха. — *М.М.*), и мой папа, дядя Ярослава. Они пришли свататься к невесте в дом. У них, значит, тоже в доме была ее мама, папа, она сама была, потом была у них старушка, которую они тоже хотели сосватать сначала вместо Гели (невесты. — *М.М.*). Вот так все интересно, живо проходило. — ?: Типа игры было? — Да. Когда мы пришли, постучались. Стали тут песни петь, причитать, что вот пришли свататься. Потом: «Давайте показы! Вот жених, давайте, показывайте нам невесту!». Вот они нам говорят: «Вот ваша невеста!». И показывают бабульку. А мы говорим: «Это не невеста. Мы для этой невесты и жениха найдем — деда нашего приведем!». Вот. Ну, посмеялись так. Потом выходит сама Ге-

ля. Мы стали у нее расспрашивать, что она умеет делать. Заставили ее собрать мясорубку — умеет ли она это делать. Что по дому выполняет, какие у нее поручения.

В связи с тем, что многие вступающие в брак предпочитают торжественную регистрацию во Дворце бракосочетания, день свадьбы почти полностью определяется этим учреждением. Именно поэтому сегодня достаточно часто встречаются случаи, когда подача заявления предшествует сватовству.

После сватовства следует еще одна или несколько встреч роднящихся семей. Степень вариативности и в количестве встреч, и в их названии, и в актах, из которых они состоят, чрезвычайно велика. Например, эти встречи могут называться «сговором», «домашним обручением», «помолвкой», «запоем». Информанты при этом часто путаются в точном разграничении этих терминов, иногда разные термины определяют функционально идентичные обряды, порою даются совершенно противоположные, основанные на субъективном осмыслении, толкования наименованиям обрядов.

?: Устраивали ли еще одну встречу (после сватовства. — *М.М.*) в форме застолья, пира у будущих родственников? — Козлова А.А (1979 г.р., рассказ о свадьбе 1996 г.): Да, такая встреча была. — ?: Где она проходила? — Эта встреча происходила в квартире у невесты. Она, по-моему, называлась «запой», но не от слова «пить», а от слова «петь», т. е. как бы запевали новую жизнь новобрачных. Конечно, было застолье, было угощение, было и вино. Но не от слова «пить», а от слова «петь».

Вариативен, почти лишен ритуальной семантики «запой»[11], составлявший некогда центр первой фазы предсвадебного этапа.

Савостьянова Е.В. (1977 г.р., рассказ о свадьбе 1998 г.): 22 ноября (или декабря) у них был «запой». Приехали родственники жениха к невесте. Там накрыли стол. — ?: А ты как подруга была там? — Нет, меня там не было. — ?: А другие подруги были? — Нет, не было никого[12]. Только, значит, мама, папа и близкие друзья семьи: муж с женой, а со стороны жениха приехали: мама, папа и тетя с дядей. Вот они посидели, все это обговорили, как полагается, за бутылочкой водочки. Будущих молодоженов выпроводили из-за стола. И дальше обсуждали детали.

«Запой» сохраняет праздничность, но в новой форме, традиционной для современного застолья (застольные развлечения, анекдоты, мемораты, исполнение песен, танцы).

Полностью выпали или редуцировались до чисто бытового акта редкие на территории Ульяновской области и в предшествующие периоды XX в. обряды в промежутке от **осмотра дома** жениха до **«бани»**, который А.В.Гура определил как **подготовку к браку**[13].

В современной городской свадьбе не имеет всеобщего распространения обычай ограничивать общение жениха и невесты друг с другом, посещение ими традиционных мест гуляний молодежи, хотя в силу разных обстоятельств (социальное происхождение, национальность[14], культурная ориентация на национальные традиции[15] и др.) традиция может и соблюдаться.

Практически исчез весьма популярный до сих пор в сельской свадьбе обряд **«вешать занавески»**[16]. Однако сохраняется традиция приготовления невестой по-

дарков родственникам жениха, покупка ею свадебной рубашки жениху. Соответственно жених должен покупать невесте свадебное платье — утверждают одни информанты. Другие, напротив, решительно заявляют, что свадебное платье должна обязательно купить сама невеста.

Как известно, со свадебным платьем совершались определенные действия, с ним было связано много поверий. В современной свадьбе повсеместно распространены запреты показываться в свадебном платье перед женихом и разрешать примерять платье кому-либо.

Однако есть в предсвадебных обрядах и такой, который не только не утратил праздничного начала, но оно получило в нем особое развитие. Это обряд **«передачи рубашки»**. И если сватовство в соответствии с традицией предыдущих периодов полностью осталось делом старших членов двух семей, родов, если «запой» теперь также полностью перешел в их ведомство, то «передача рубашки» стала обрядом, в котором главную роль играют, как правило, девушки. Но и этот обряд сегодня отнюдь не является общераспространенным. Многие информанты на вопрос о наличии такой традиции давали отрицательный ответ. «Передача рубашки», в тех случаях, когда этот акт развертывался в обрядовое действо, как правило, происходила как действо смеховое, превращаясь порою в яркие комические, театрализованные сценки.

Прежде всего отметим, что девушки делали несколько рубашек, причем старались сделать их одну «чуднее» другой. Очень часто участники, следуя комической доминанте обряда, превращали его в яркое театрализованное действо импровизационного характера. Девушки, например, придумывали для себя своеобразную «сценическую» версию посещения дома жениха с рубашкой.

Пыркина Ю.А. (1978 г.р., рассказ о свадьбе 1997 г.): Мы ходили вчетвером: сестра невесты, ее подруга с работы, я и моя сестра. Мы пришли к невесте домой. Невесту отправили в косметический кабинет, чтобы она готовилась к свадьбе. Мы решили, что мы сделаем себе вот такие визитки, на которых будет написано, например, «Агент Юля», «Агент Света», «Агент Лена» и «Агент Ира». Мы как бы представляли собой коммивояжеров, которые сейчас ходят по домам и что-то продают.

Готовились и со стороны жениха.

Деменчикова О.В. (1978 г.р., рассказ о свадьбе 1997 г.): Мы тоже готовились. Мы на двери, на входной, повесили объявление, что требуется свадебная рубашка, там, самая красивая, самая-самая. Короче, соврали, что очень большого размера. Ну, такое вот в шуточной форме объявление повесили на входной двери у подъезда и повесили такое же объявление на своей двери. У них же должна быть какая-то зацепка, почему они пришли продавать нам рубашку: увидели объявление, прочитали его и пришли к нам.

По «театральному» проходили и дальнейшие действия как девушек, так и родственников со стороны жениха.

Кузнецова О.Г. (1975 г.р., рассказ о свадьбе 1997 г.): Пришли, вроде, как в тот дом, где жених живет, продавать рубашку. Нас там ждали. Отец жениха стоял на лестнице. Мы стали подходить, а он перед нашим носом дверь закрыл. Мы были удивлены. Но

потом мы постучались. Нам дверь немножко приоткрыли и спросили: «Кто вы такие и зачем сюда пришли?». Мы говорим: «Мы тут рубашки продаем, слышали у вас здесь жених живет. Вам не надо рубашку?». Они: «Нет, нам не надо». Мы опять стоим, как эти, около двери. Еще раз постучались. Нас пустили. Мы прошли, встали у порога, стали разуваться, но нас остановили: «Мол, подождите, что это вы сюда пришли? Мы еще узнаем, кто вы такие! А они сразу раздеваются!» — ?: А кто там был? — Там собрались друзья жениха, братья, родители, тетя. Они стали спрашивать: «Зачем пришли?». Мы говорим: «Вот, из АО "Надежда". Продаем рубашки». Ну, они, вроде как, сказали: «Проходите». Но все равно в дом не приглашают. И мы все так и стоим у порога.

В некоторых вариантах помимо рубашек жениху продавали и другие «шуточные» предметы мужской одежды — брюки, трусы, майку. Жениха при этом старались заставить примерить все это на себя.

В смеховом ключе развертывалось и важнейшее, с точки зрения обряда, действие стороны жениха — угощение «продавцов рубашки». Как правило, это был своеобразный «ответ» на комические импровизации девушек, но угощение могло и предшествовать им.

Иванова Е.А. (1978 г.р., рассказ о свадьбе в г. Инзе): Затем мать жениха в знак благодарности пригласила нас к столу, на котором стояли следующие блюда: в бутылку из-под водки была налита вода, в тарелках вместо салатов была кожура от апельсинов и картошки, битая яичная скорлупа, в общем, все отходы. Друзья жениха при этом, угощая нас, приговаривали: «Кушайте, гости дорогие, чем богаты, тем и рады».

В современной городской свадьбе возможны и совершенно необычные трансформации традиционных актов русской свадьбы, как, например, игровое переосмысление акта «продажи невестиной косы»:

Деменчикова О.В. (1978 г.р., рассказ о свадьбе 1997 г.): Потом, мы рубашку купили, они сказали, что вот, мол, невеста ходила на рынок, вся порастратилась, деньги-то за рубашку отдала, а где ей было денег взять — она взяла и себе косу отрезала. Вот косу-то продала, теперь без косы. Вот, возьмешь такую невесту? А они принесли косу, сплетенную из... — ?: Веревок? — Да, по-моему, то ли из мочалки она у них была сплетена. Вот на конце такой ситцевый платочек, это бантик был приделан. Оригинальная такая коса. И вот говорят: «Покупай косу невесте, а то она не сможет показаться на люди». Она, мол, некрасивая, вся обстриженная. Косу свою продала, чтобы тебе рубашку купить. А он говорит: «Зачем мне ее коса нужна, у меня есть парик». Достаем мы парик, а он весь такой кудрявенький, тоже светленький, как коса. И говорим: «Вот у нас есть парик. Мы на нее парик наденем, и все — нам такая невеста подходит». Ну, они нам говорят: «Ладно, хорошо, берем мы ваш парик, чтобы отдать невесте, чтобы она одела».

Овладение этой традицией происходит, как правило, естественным («устным») путем — через участие в обрядах.

?: А откуда ты взяла, что надо продавать рубашку и как? — Кузнецова О.Г. (1975 г.р., рассказ о свадьбе 1997 г.): Я это уже видела, гуляла на другой свадьбе и видела, как девчонки там делали (это было на деревенской свадьбе).

Но возможно влияние «знатоков обрядов» — и сверстников, и представителей старших поколений.

Свободное отношение к ритуальности свадебного обряда, в том числе и к его последовательности, часто приводит к переносу обрядовых актов из одного этапа в другой, причем к переносу, совершенно осознанному.

?: А зачем жених наряжался, когда вас встречал (наряжался в шубу, малахай, очки. — *М.М.*)? Кто ему посоветовал? — Кузнецова О.Г. (1975 г.р., рассказ о свадьбе 1997 г.): Брат его. — ?: Тоже это где-то видел или сам придумал? — Просто прикололись они, нарядили его, чтоб веселей было. Он взял это со второго дня свадьбы, когда ряженые.

Такой же характер носит и входивший раньше в обряд «передачи рубашки» акт **вручения девушкам родственниками жениха веника и мыла для невесты**. Параллельно с выкупом рубашки девушек могли заставлять выкупать полагающиеся веник и мыло, также сначала предлагая «шуточные» варианты. Вместо веника часто дают мочалку, а вместо мыла — шампунь. Веник по-прежнему стремятся украсить цветами из разноцветной бумаги, маленьких ленточек. Входит в этот комплект иногда и флакон духов для невесты от будущей свекрови.

Сохраняется в современной городской свадьбе и традиция проводить прощальный вечер у невесты накануне дня заключения брака. Все информанты для его обозначения также используют традиционный термин «**девишник**». Обычно «девишник» сегодня — это небольшая вечеринка у невесты, на которой присутствуют только близкие подруги, как правило, без жениха и без парней[17]. Соответственно у жениха проходит вечер, называемый часто «мальчишником».

Определенная редукция ритуально-праздничной стороны на данном этапе свадьбы (церемония подготовки к браку) сменяется ее мощным, буйным развитием в свадебный период — в день бракосочетания по приезде свадебного поезда за невестой.

Сохраняется в современной городской свадьбе, хотя и не носит обязательного и повсеместного характера, обряд **благословения родителями невесты** с использованием традиционных атрибутов — хлеба и иконы. Соблюдается и традиция применять различные **обереги**, но практически только по отношению к невесте. Обереги традиционны: «всякие иголки, булавки, молитвы» (Брежнева Г.В., 1958 г.р., рассказ о свадьбе 1998 г.).

Собранную невесту перед приездом свадебного поезда сажали за стол в одной из комнат дома. Рядом с ней, как правило, садились или подруги, или маленькие дети (мальчик или девочка). Но возможны и такие случаи, когда она сидела за столом одна.

Конечно, главным, определяющим этот этап свадьбы является обряд **выкупа невесты**, а его основой — огромное количество самых разнообразных конкурсов. Эти конкурсы готовили в основном девушки. Они основывались на собственном опыте, обращались за помощью к сверстницам, вышедшим замуж, иногда даже к самой невесте. Большую роль в ретрансляции традиций современной городской свадьбы сегодня начинают играть также письменные документы[18], видеозаписи. При этом внимание обращается исключительно на «сценическую» выразительность актов и текстов и игнорируется, какая традиция — сельская или город-

ская — в данном случае отражается. Вот типичное описание происходящего в это время в доме невесты:

Захарова О.В. (1979 г.р., рассказ о свадьбе 1996 г.): Когда друзья с женихом приехали к дому, то они, конечно, посигналили, чтобы все услышали, что они приехали. Затем мы стали подниматься вместе с друзьями и женихом, т. е. с женихом приехало трое друзей и несколько человек родственников и знакомых. Когда мы стали заходить в лифт, в лифте стояло перевернутое ведро (мы, конечно, не поняли, для чего это было, мы его убрали). Затем, когда мы приехали на определенный этаж, то перед нами были несколько ступенек и за каждую ступеньку надо было заплатить (платили друзья). На площадке перед квартирой нас ждали подружки невесты. Когда мы заплатили за каждую ступеньку, подружки подбежали с зеркалом, и на зеркале были отпечатки губ. Надо было найти губы невесты. За каждый неправильный ответ друг должен был платить определенную сумму. Хотя должен был угадывать один жених (сам), но ему активно помогали друзья. Подружек было пять человек плюс еще были близкие родственницы невесты, сестры и еще несколько родственников. Затем подбежала одна из подружек невесты и предложила цветочек примерно из 12-ти лепестков. Надо было указать на любой из них, подружка вытаскивает его, переворачивает, если там имя невесты, то всё, если нет — плати деньги. Затем, когда мы уже стали подходить к двери, то перед женихом и друзьями стояла табуретка, на ней стояли четыре чашки с кофе, надо было их выпивать до тех пор, пока в одной из них не обнаружится ключ на дне. Это должен делать один жених. Ключ от двери, за которой находится невеста (свадьба была в общежитии). Когда ключ был найден, тогда стали пробовать открывать дверь (жених пробовал) — дверь не открывалась, а настоящий ключ оказался у подружки, за него пришлось заплатить. Когда открыли дверь, то вместо невесты сидел молодой человек, перекрашенный в невесту и с фатой на голове. Он сидел у входа и тянул к себе жениха, чтобы потребовать выкуп за него. Но друзья сильные были и не дали своего друга в обиду. Комнат было много, но жених знал, где находится невеста, и мы отправились туда (за вход в комнату опять же заплатили деньги). Нам открыли комнату, и, когда вошли, перед нами стоял стол, за ним сидела невеста, две подруги около нее, стояли мать с отцом, и перед друзьями поставили поднос и сказали, чтобы заполнили дно купюрами. Но тут одна подружка забрала эти купюры и говорит: «Вы что? Вы ничего не клали». Ну пришлось еще платить, а уже мелких денег не было, пришлось уже большими. Потом надо было найти туфлю невесты или выкупить (одну туфлю). На этой свадьбе был один молодой человек со стороны жениха; сразу как-то сообразил, открыл шкаф и нашел коробку, завернутую в газету. В коробке, в пакете была завернута туфля. Этот мальчик отдал ее жениху, вообще надо, чтобы жених сам надел ее невесте, но он просто отдал ее. И тут выкуп заканчивается. Вообще поиск или выкуп туфли мотивируют тем, что встают, например, а невеста без туфли — хромая, зачем она такая... и вот... не может она никак ехать без туфли. После того как туфля найдена (если туфля найдена людьми со стороны жениха), всё — выкуп прекращается и за туфлю денег не просят. Затем жених садится рядом с невестой (одна из подружек освобождает место), и другая подружка тоже встает. Начинают пить шампанское (за столом сидят только жених с невестой, остальные стоят) и конфеты, больше ничего, отмечают то, что выкуп состоялся. Всё, едут в ЗАГС. Но когда мы стали выходить, у подъезда общежития все служащие его перетянули выход шнуром и сказали, чтобы мы ставили на два конца две бутылки водки. Мы расплатились (водку дали родители невесты) — видно знали, чем все это закончится. Нас тут же пропустили, и мы уехали в ЗАГС.

Из этого описания видно, что праздничное начало создается прежде всего действиями, которые совершаются обеими сторонами и носят исключительно игровой, смеховой характер. Большинство из этих действий, как и предметы, используемые в них[19], не соответствуют свадебной традиции предыдущих эпох. Но нельзя сказать, что они вообще вне свадебной традиционной обрядности. Многочисленные испытания невесты характерны для традиционной свадьбы на второй день (молодая должна была подмести пол, принести воды, определить своего мужа по ногам и др.). В современной свадьбе эта традиция сохранилась и на второй день, и перешла на первый, развившись на новой основе. Испытательные действия, некогда прежде всего ритуальные, теперь приобрели чисто игровой, празднично-развлекательный характер, очень напоминающий молодежные развлечения и игры как прошлой деревенской традиции, так и современной городской. Не случайно и то, что главными действующими лицами на этой фазе обряда, главными творцами этих действий являются девушки.

Сюда же перешел обычай подменять настоящую невесту «ложной» — девушкой, парнем, женщиной (даже пожилой), — наряженной в одежду, имитирующую свадебную или пародирующую ее. В современной свадьбе последний вариант более характерен для второго дня, для обряда «поиски ярки». В свадебной обрядности 20–40-х годов в сельской местности и первый и второй варианты встречались уже на «запое» [Матлин 1997].

Но уже на этом этапе свадьбы достаточно сильно влияние «письменной» культуры. И не только в традиции делать плакаты для размещения их в подъезде по пути следования свадебного поезда, например «Тили-тили тесто, Здесь живет невеста»[20]. Очень часто диалоги между стороной жениха и стороной невесты включают в себя стихотворные тексты, частью сочиненные подругами невесты, частью позаимствованные из других свадеб, рукописных сборников, фиксирующих свадебную традицию, и печатных источников — различного рода методических сборников, пособий по организации и проведению современной свадьбы.

> Савостьянова Е.В. (1977 г.р., рассказ о свадьбе 1997 г.): Весь выкуп мы разделили между пятью подружками или шестью, которые принимали участие. Жениха встречала я, как свидетельница, у двери. Значит, начиналось так, я говорила: «Ой вы, гости-господа! Долго ли ехали, куда? И каким попутным ветром занесло Вас к нам сюда?».

Во многих свадьбах знаком окончания выкупа невесты является принятие ею букета от жениха.

Важнейшим ритуальным действием современной городской свадьбы после официальной регистрации брака[21] является посещение местных достопримечательностей. Это обелиски, памятники, а также места учебы или работы новобрачных. При этом некоторые «по городу делают круг. Можно проехать по одной улице, по одной полосе, а потом по другой полосе» (Мозина Ю.В., 1975 г.р.)[22]. Во время посещения одного из памятных мест невеста могла кидать свадебный букет подругам[23]. Хотя данный свадебный акт еще не стал общераспространенным, не закрепился за определенным моментом свадьбы, он начинает завоевывать популярность.

Торжественная встреча новобрачных после регистрации брака или венчания[24] происходит дома у жениха или в кафе, где организуется свадебное застолье. Поэтому в современной городской свадьбе встречать их могут как родители жениха, так и тамада. В некоторых свадьбах практикуется осыпание молодых зерном, конфетами, деньгами, чтобы «жизнь у них и сладкая была, и денег было, чтоб всего-всего в доме было много» (Брежнева Г.В., 1958 г.р.).

В большинстве свадеб «обыгрывается» каравай, которым благословляют или просто встречают новобрачных родители или тамада: от него они отламывают или откусывают одновременно или по очереди. При этом считается, что у кого кусок больше, тот и будет главой семьи. Этим же караваем потом жених с невестой угощают всех гостей.

Свадебный стол, свадебный пир, завершающий обрядность дня свадьбы, сегодня приобрел новый характер. Это обусловлено прежде всего тем, что функционирование традиции на этом этапе определяется уже не только народной устной культурой, но культурой профессиональной, специализированной. Во-первых, в подавляющем большинстве современных свадеб организатором свадебного застолья является тамада. Во-вторых, обрядность свадебного застолья сейчас — результат сложного взаимодействия трансформированной свадебной традиционной обрядности предыдущих лет, современной застольной традиции и целенаправленной работы органов культуры в 1970–1980-е годы над формированием и внедрением в быт новых празднично-обрядовых форм. К участию в этой работе привлекались и ученые-этнографы (см., например: [Батурин 1980; Заградская 1980 и 1981, Красовская 1983, Лейтсаду 1983, Федорова 1970; Шелетис 1976]).

В роли тамады сегодня могут выступать профессиональные работники культуры, сотрудники различных агентств и фирм по проведению торжеств, юбилеев, презентаций, частные предприниматели[25], а также родственники и знакомые, для которых это — хобби. Выше мы уже охарактеризовали один из типов тамады — женщину старшего поколения, родом из деревни, опирающуюся в организации и проведении свадеб на сельскую традицию 1920–1940-х годов. Другой тип тамады — представитель среднего поколения — В.В.Григорьев (1969 г.р., руководитель молодежного самодеятельного театра «Виртуозы Симбирска»). Он имеет достаточно солидный стаж проведения свадеб, собственные празднично-игровые разработки, так что его вполне можно назвать профессионалом, хотя он и не имеет специального образования. Обращение к организации и проведению свадебных застолий произошло у него случайно, по просьбе друзей: «Я не знал никаких сценариев, естественно. Я пошел в методический кабинет Дворца культуры профсоюзов, взял несколько сценариев. Посмотрел, поработал с ними. И первую свадьбу мы, конечно, провели по каноническим сценариям, по методичкам. А потом мы решили немного разнообразить свадьбу, ввести немножечко театрализацию. То есть посмотрели книги, естественно, смотрели обряды, как на Руси. Посмотрели и зарубежные, как свадьбы за рубежом играют». Таким же образом входят в традицию и сегодня представители более молодого поколения.

Все современные ведущие свадебного застолья, гуляния работают по сценарию, включающему в себя как празднично-развлекательную часть («игровую программу»), так и ритуально-обрядовую (знакомство породнившихся семей,

вручение подарков молодым, обозначения нового семейного статуса породнившихся, порядок подачи блюд и др.), причем эти две стороны органично слиты друг с другом. Предварительно общий ход гуляния оговаривается с родителями молодых.

Наличие сценария, однако, не лишает гостей возможности участвовать в проведении застолья (предлагать и проводить свои конкурсы, игры), индивидуально проявлять себя в обрядовых актах и играх, конкурсах, организуемых тамадой. Так, в городскую свадьбу могут входить элементы, характерные, например, для сельской:

Деменчикова О.В. (1978 г.р., рассказ о свадьбе 1997 г.): Одна родственница, тоже со стороны невесты, приехала из деревни с подарками, и очень понравилось, как она вручала эти подарки:

Еще, Гелена и Ярослав, дарю я вам два платочка,
Чтобы были у вас сын и дочка.
Дарю я вам мыло,
Чтобы душа не ныла.
Дарю я вам носки,
Чтобы не было тоски.
Дарю я вам бумажки,
Чтоб не ходил Ярослав к другой Дуняшке.
Дарю серебро,
Чтобы велося добро.
Дарю я вам меди,
Чтоб не жили Ярослав и Гелена, как медведи.

Вручение подарков молодым даже в современной городской свадьбе сохраняет ритуально-обрядовую природу. Это проявляется в регламентации самого процесса очередности вручения подарков (сначала родители, потом близкие родственники, далее остальные гости), в поведении молодых при этом (Савостьянова Е.В., 1977 г.р.: «Жених с невестой во время поздравления стояли и всем говорили спасибо. Нельзя было садиться»).

Традиционное для современной свадьбы обозначение нового статуса членов породнившихся семей происходит в форме зачитывания «указов», вручения «паспортов», «дипломов». Но и в этих празднично-игровых, по преимуществу смеховых, формах сохраняется и ритуально-обрядовая сторона.

Савостьянова Е.В. (1977 г.р., рассказ о свадьбе 1998 г.): Потом свидетель со свидетельницей поздравляли. И все это было в стихотворной форме. Они разделились: свидетельница читала наказ жениху и свекрови со свекром, а свидетель — наказ невесте и теще с тестем.

«Паспорта», «дипломы» представляют собой смеховое, порою превращающееся в пародийное, обыгрывание реальных документов — гражданского паспорта, технического паспорта и др.[26].

Новобрачным иногда вручаются «медали». Они представляют собой кружочки из картона или другого плотного материала диаметром от 5 до 15 см. К ним может прилагаться специальный «документ», определяющий «права и

обязанности награжденных». И рисунки на медалях, и «документ», так же как и другие письменные материалы современной свадьбы, решены в комическом ключе.

Очень популярны на современной свадьбе поздравительные телеграммы комического характера. Очень часто они пишутся на подлинных бланках телеграмм, что в сочетании с нетрадиционными адресными данными и самим текстом еще более усиливает смеховое начало. Вот образцы телеграмм, зачитанных на свадьбе 1986 г.:

Город Вечной любви, улица Розовых слов, Елене, Алексею. Дорогие молодожены зпт поздравляем вас с началом медового месяца = общество пчеловодов =;
Город Вечной любви, улица Розовых слов, Елене, Алексею. Товарищи молодожены вскл идите только прямой дорогой тчк взгляд налево может привести к семейной катастрофе = автоинспекция =.

На современной городской свадьбе звучат разнообразные современные песни, но обязательно в программу включают песни о свадьбе, о семье, например «Обручальное кольцо», «Мы желаем счастья вам», «Погода в доме», «Родительский дом». Популярными остаются песни, танцы под баян.

Окончанием свадебного гуляния часто становится так называемый «торт невесты». Молодые, как правило, уезжают с гуляния до его окончания. Первая брачная ночь может проходить в одном из родительских домов, на квартире, которую они снимают, в номере гостиницы.

Второй день свадьбы в основном проходит без вмешательства со стороны специальных организаторов. Свадебный стол может проходить там же, где был стол первого дня, в доме у родителей молодой или молодого. Традиционное блюдо в этом застолье, как правило, уха. И в областном центре, и в городах областного подчинения, и в селах этот день остается наиболее насыщенным обрядностью, существующей на данной территории уже в течение почти полувека. Это, в первую очередь, обряды: **поиски ярки**, **испытания молодой**, **яичница для жениха** и некоторые другие. Конечно, и эти обряды не имеют в городе повсеместного распространения, совершаются с разной степенью полноты, театрализации. Эротическое начало, определяющее обряд «поиски ярки», в том числе и входящие в него поэтические тексты[27], может приглушаться или, наоборот, усиливаться в зависимости от социального положения, уровня образования, наличия/отсутствия деревенских родственников на свадьбе[28].

Вообще увидеть на городских улицах, особенно на окраинах города Ульяновска, ряженых участников обряда «поиски ярки» достаточно легко[29]. Как и в сельской местности, это, преимущественно, женатые мужчины и замужние женщины, представители среднего поколения (от 30 до 55 лет), хотя в городе не редкость участие в обряде и молодых неженатых парней. Обряд этот обладает и устойчивостью, и импровизационностью. Так, в набор «персонажей» обязательно входят «врач» (сейчас все чаще «врач-гинеколог»), «военный» или «милиционер» (возможно и тот, и другой), «невеста» и «жених», «цыганка» и т. п. Более или менее стабильны действия, которые они совершают: «врач-гинеколог» лечит от «СПИДА», определяет, беременна невеста или нет и кто у нее — мальчик или

девочка; «невеста» и «жених» изображают пылкую, любвеобильную пару; все ряженые пристают к прохожим и т. д. Традиционным стало зачитывание после нахождения «ярки» (почти всегда ищут не одну молодую, а двоих — молодого с молодой) «заявления», «протокола», в которых продолжают свою жизнь фарсовые формы народной эротической смеховой культуры. Вот один из образцов, зачитанный на свадьбе в Ульяновске в 1995 г.[30]:

Заседание народного суда Симбирской губернии:
Председатель суда — Иван Дрочилин
Секретарь — Иван Залупа
Заседатели: Мудашвили и Целколомадзе
Прокурор — Наедя Пездина
Защитник — господин Гондон.

Во время пойла, тесного стойла, на коровьем реву, на петушином певу, гражданина Белова постигла беда — пропала ярка молода. Русой масти, упитанность средняя, весом около 50 кг.
Примета: пониже пупка — черный клок бородавка размером 5-ти копеечной монеты царской чеканки. При обыске у гражданина Назарова была найдена ярка, а возле нее молодой баранчик, породы «рамбулье», с маленькими рожками на невысоких ножках, не кастрей, т. е. с мудями, пониже пупка небольшой прирост весом около 999 гр. Этот баранчик сделал // свою метку в условленном месте ярке, проделал дырку дыроколом. Ярка стала неузнаваемая, каракуль смятый, бородавка продавилась на 2 см. Итак граждане — баранчик совершил преступление. Так как суд приговорил барана к высшей мере наказания расстрел, но суд учел его молодость и небольшой прирост пониже пупка, а также и то, что при усердном старании он потерял вес на целых 909 гр. Суд решил взыскать с хозяина баранчика в пользу ярки 4 бутылки водки, 1 бутылку коньяка и банку консервов.
Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Те же самые составные обряда «поиски ярки» могут быть индивидуальными, нетипичными, как, например, нетипичен с точки зрения традиционного набора персонажей «Карлсон» (свадьба 1998 г. в Ульяновске, Савостьянова Е.В., 1977 г.р.). Нетипично удвоение системы персонажей (ряженые с одной и той же ролью) за счет стороны жениха.

Очень часто индивидуально-импровизационный характер носили действия ряженых. Вообще во время этого обряда, особенно при проходе ряженых от одного дома к другому, всегда возникали нетрадиционные ситуации, которые могли разыгрываться персонажами, превращаясь в небольшие театрализованные сценки. Подобные сценки возникали и тогда, когда в обряд «вклинивались» посторонние, случайные прохожие, зрители.

Тексты, исполняемые на второй день, объединяет эротическое смеховое начало. Однако сам набор текстов, их содержание отнюдь не являются унифицированными. Это относится и к содержанию частушек, которые исполняются на большинстве свадеб[31], и к таким достаточно редким текстам, как комические рассказы, стихи и песни.

Так, юмореска «Международная свадьба» была зачитана на второй день свадьбы во время свадебного застолья.

Международная свадьба
Китайская газета «Хули — Вам — Хули — Нам» сообщает о том, что китайский президент выдает свою дочь Дину-Блядину де Курвину замуж за французского маркиза Курвело де Блядера. После помолвки Дина стала Диной-Блядиной де Курвиной. В честь такого торжества были созваны гости со всего мира — от России — Иван Пиздорван, от Украины — Петро Толстохуй, от ГДР — Барон фон Трипердах с дочерью Трипериной, от Грузии — Целколомадзе, от Китая — Сунь Хуй В Чай, от Японии — Хочу Писи, Хочу Каки, Около Ями, от Вьетнама — Вынь Сухим, от Турции — Об-Стул-Хуем-бей, из Польского королевства были приглашены пан Пшепиздекский со своей пани Сосальской. Из американских деловых кругов — Джон Гондон Сефиликтон. Для таких почетных гостей были приготовлены разнообразные кушанья.
На стол были поданы изысканные блюда: суп из семи залуп, курица в собственном соку, пизда в чесноку, пироги горячие, хуи стоячие, бисквиты на вате, яйца на канате, суп сельдерей из кошачьих мудей.
После угощенья гости пели: Неополитанская певица Курвина де Блядина украинскую песню «Куда ты курва веник дела», Петро Толстохуй также исполнил украинскую песню «Ой, да на хую кудри вьются». Пани Сокольская пела «Не одна я в поле кувыркалась, не одной мне ветер в жопу дул». Японская певица Хочу Писи, Хочу Каки исполняла песню «Тому ли я дала». От России Иван Пиздорван исполнил песню «Выдь, казачка молодая, на плетень, покажи свою мохнатую мудень». От Украины была исполнена песня «Ой, за гаем — гаем, штаны поскидаем, ты на мне, я на тебе, оба полягаем».
Посмотрели фильм «Как батько Махно показал всем хуй в окно». После пения гости танцевали модный русский танец «Ой вы, Сиси, не трясиси, а пизда волчком вертися». И на этом все гости разошлися[32].

Именно ко второму дню оказалось приурочено исполнение песни весьма необычного типа, построенной на комическом обыгрывании возможного эротического прочтения текста[33]:

Мне 17 лет, я ему дала
Другу милому целовать себя.
Приятно было мне,
Когда лежал на мне
Белый кружевной пододеяльник.
Жалко было мне,
Когда ломал он мне
В саду большой куст сирени.
Больно было мне,
Когда совал он мне
Большой и толстый кошелек с казной.
А теперь у него
Не стоит давно
В штанах бархатных у дверей лакей.
У меня теперь шире маминой
Сарафан с каймой накрахмаленный[34].

Весьма оригинальным, встретившимся нам только единожды, является текст, фарсово-эротический комизм которого возникал в результате особого порядка его прочтения — через строчку:

Во 2-м квартале наше предприятие может представлять де-
шовые промышленные товары, множество разных цино-
вок, необходимых вам к курортному сезону 1978 г. С це-
нами на товары руководствуйтесь так: одеяла, отделанные ше-
лками оплачиваются в двойном размере, большие широкие пи-
кейные одеяла, китайские покрывала, елочные зве-
зды оплачиваются на 50% ниже действующего прейскуранта, ху-

дожественные изделия: картины, бальеры, статуэтки, ковбо-
ев можно выслать в неограниченном количестве без наценок[35].

Стихотворения, исполняемые на второй день, также не являются постоянным элементом обряда, тем более это касается их содержания (за исключением общей эротико-комической направленности).

В старину холсты носили
И всю жизнь в лаптях ходили,
А теперь кримплен да шелк,
Как снимаешь, треск да щелк.
Стали ладно все ходить,
До 50 лет все стали жить.
Раньше все здоровы были
И в больницу не ходили,
Порошков, лекарств не знали
И рентген не признавали.
А теперь в больницу ходят,
Там и смерть себе находят.
А диагноз ставят так:
Свел в могилу его рак.
Раньше щи и суп хлебали,
По три пуда поднимали.
Ели редьку с квасом
И перьдели только басом.
А теперь гуляш едят,
Не перьдят, а лишь шипят.
Раньше труд был весь вручную,
И косили, и гребли.
Но усталости не знали,
В ночь по 8 раз ебли.
А теперь машины стали,
Сами косят и гребут.
Бабы воют словно волки,
В 10 дней их раз ебут.
Раньше были времена,
А теперь мгновенья,
Раньше поднимался хуй,
А теперь давление[36].

Обязательным элементом второго дня и на городской свадьбе продолжает сохраняться обряд **испытания молодой** (молодой и молодого). Хотя его уже нельзя назвать обрядом в строгом смысле слова, ибо он, как и многочисленные конкурсы во время выкупа невесты, имеет сегодня прежде всего игровой, развлекательный характер, мы будем условно использовать термин «обряд», подчеркивая этим включенность данного явления в обрядовую действительность.

Из зафиксированных испытаний отметим испытание молодой, существовавшее и в свадьбе предыдущих исторических эпох.

Форму испытания приобрел и такой традиционный для свадьбы первой половины XX в. на территории Ульяновской области свадебный акт, как **называние родителей молодой** (информанты во многих селах называют его «поздравление»): молодая должна была поклониться родителям мужа и сказать «здравствуйте, тятенька» и «здравствуйте, мамынька». По тому, с какой интонацией она произнесет эти слова, судили о ее характере. На современной городской свадьбе это установление новых родственных отношений, их публичное оглашение, как мы показывали выше, — элемент по-прежнему обязательный («указы», «дипломы» объявляющие новый семейный статус родителей новобрачных). Однако теперь это совершается в другой форме и не при встрече молодых, а во время свадебного застолья.

Встречается на современной городской свадьбе на второй день и такой общераспространенный на русской свадьбе свадебный акт, как **угощение тещей молодого яичницей**. В зависимости от того, как начинал есть ее молодой (с середины, с краю), определяли, какая (честная или нет) была невеста.

Этими обрядами в принципе исчерпывается современная городская свадьба. Все отмеченное многообразие обрядов и составляющих их актов, конечно, не является обязательной принадлежностью каждой конкретной свадьбы.

Современная городская свадьба с переосмысленными и трансформированными элементами традиционной свадьбы первой половины XX в. (городской и сельской) существует наряду с так называемой гражданской свадьбой, составляя примерно 53% от общей численности свадеб в городе[37].

В целом имеющийся материал дает возможность утверждать, что для среднего провинциального города, каким является, в частности, Ульяновск, характерно наличие устойчивой свадебной обрядовой традиции, исторически нового типа традиционной свадьбы (городской подтип), который также имеет определенные региональные особенности.

Примечания

[1] Свадебный обряд на протяжении почти всего XX в. был главной формой традиционной праздничной культуры, «втянувшей» в себя необрядовые песни, молодежные развлечения и игры, тексты и действия низовой смеховой культуры (в том числе эротической) и др. Особенно это проявилось в деревне, где не были выработаны (как это произошло в городе) другие столь же синтетичные и динамичные формы праздничной культуры, имевшие индивидуально-коллективный характер.

[2] Исключением являются работы Г.В.Жирновой, посвященные исследованию брака и свадьбы современного русского города [Жирнова1969; 1969а; 1978;1980].

[3] Диалектностью традиционной культуры обусловлены и особенности методики описания и анализа свадебной обрядности. См., например: [Чистов 1974; Байбурин 1977; Романюк 1983; Гура 1977; Гура 1981].

[4] Список собирателей (в скобках курсивом указаны информанты): О.М.Аблаева (*Савостьянова Е.В., Кузнецова О.Г., Кондрашов Д.И., Григорьев В.И., Тимофеева А.А.*), О.В.Козицина (*Деменчикова О.В.*), Ж.А.Васильева (*Брежнева Г.В.*), Н.А.Шульга (*Козлова А.А., Овсянникова В.И.*), Н.Г.Измайлова (*Кузнецова Е.Г.*), Е.А.Хазина (*Синяк С.*), Е.А.Иванова (*самозапись*), А.В.Трофимова (*Захарова О.В.*), И.Р.Мухтарова (*Сидорова Л.Н.*), Н.А.Теслева (*Корчагина В.Я.*).

[5] Все материалы хранятся в фольклорном архиве кафедры литературы УлГПУ. В записях, произведенных в Ульяновске, место записи не оговаривается.

[6] В работе использована терминология свадебного обряда, разработанная А.В.Гурой (см.: [Гура 1978]).

[7] Этносоциологические данные о степени распространения отдельных свадебных обрядов в современной городской и сельской свадьбе на территории Ульяновской области см.: [Шабалина 1997; Анашкина, Шабалина 1995].

[8] Сочетание знаков вопроса и двоеточия (?:) означает вопрос, заданный собирателем.

[9] В селе, как указывает Г.П.Анашкина, ритуально-праздничное начало в обряде сохраняется (см.: [Анашкина 1997а]). В этом же издании можно найти и ряд других материалов по современному свадебному обряду на данной территории.

[10] Районный центр Ульяновской обл., ныне поселок городского типа.

[11] Из немногих ритуальных актов отметим акт знакомства двух семей, родов, очень часто воплощенный в форме обсуждения генеалогий и родословий с целью поиска пересечений или общих знакомых.

[12] Информанты очень часто подчеркивают, что «запой» — это обряд сугубо брачующихся семей, и поэтому «молодежь никогда не ходит на "запой"» (Кузнецова О.Г., 1975 г.р.).

[13] Этот период свадьбы исследователь именует **церемонией** — «сложной цепочкой обрядовых действий, объединенных общим содержанием» [Гура 1978: 74, 83].

[14] Русская девушка выходила за чувашина, который к тому же был старше ее на 5 лет, и они, как сообщил информант, «не должны были и не могли посещать никаких вечеринок, никаких танцев. Тем более вдвоем. Они не должны были друг друга видеть до свадьбы и не должны были встречаться» (Козлова А.А., 1979 г.р., рассказ о свадьбе 1996 г).

[15] ?: Менялось ли как-либо поведение невесты и жениха до дня свадьбы? — Кузнецова Е.Г. (1975 г.р., рассказ о свадьбе 1998 г.): Да, мы посещали вечеринки вместе, а перед свадьбой за три дня мы вообще не виделись. — ?: Почему? — Старинные поверия и обычаи уходят далеко в прошлое, и порой их становится сложно объяснить. Так было у моей мамы, у всех подруг, так было и у меня.

[16] Интересно, что он сохраняется у других этносов, проживающих в городе Ульяновске, в частности у чувашей: «Шубина С.Н. (1975 г.р., рассказ о свадьбе 1996 г.): Мы ездили вешать занавески в дом жениха. — ?: Сколько вас человек было? — Это были две старшие сестры тети Лиды, муж одной из сестер, был двоюродный брат с женой и плюс мы — дети, молодежь. Всего человек 10. — ?: Что вы с собой везли? — Мы везли шторы, тюль на окна, на все окна, кроме чулана. Занавески вешали как на окна, так и на двери. Были шторы на икону, которые вышивала невеста. Потом нас посадили за стол. — ?: Вешали как? С шутками? — Приняли нас там серьезно. Мы свое дело сделали. Там все могут разговаривать, кроме одного. Один человек должен молчать. Кто-нибудь. — ?: Из тех, кто вешает? — Да, из тех, кто вешает. Для того, чтобы не спугнуть, что ли. Я не знаю. Ну, традиция такая. Обычно выбирают такого человека, который сможет это выдержать до конца, потому что бывают разные ситуации. Как они могут смешить — сторона жениха, так и между собой может произойти что-то. На той свадьбе я была молчуном, немой. Я возмущалась молча, размахивая руками. — ?: Кто вам сказал, что это должно быть? — Я не знаю. У нас на всех свадьбах так. На свадьбе у двоюродной сестры, когда ходили вешать занавески, ее свекровь молчуном была (свекровь русская). Молчать надо до того момента, когда занавески все будут повешены. Потом можно говорить, петь и т. д.».

[17] Необычная ритуальная деталь зафиксирована в проведении «девишника» в с. Ермоловке Вешкаймского р-на Ульяновской обл.: «Лоскутова О. (1977 г.р., рассказ о свадьбе 1993 г.): Свадьба у сестры была. Вот они собирались. Строго надо было 7 человек, 7 подруг обязательно».

[18] Это описания свадебных конкурсов, надписи на плакатах, «наказы», «дипломы», «аттестаты», поздравления и многое другое.

[19] Вот неполный перечень используемых предметов: деньги, шампанское, банка с водой с ключом на дне, листок с отпечатками губ, яблоко с воткнутыми в него спичками, тазик, стол, туфля невесты, букет, ступеньки, двери, перевернутое ведро, зеркало с отпечатками губ, бумажный цветочек с 12-ю лепестками, табуретка, 4 чашки с кофе, поднос, коробка, газета, пакет, шнур, бумажные следы (с цифрами), три стакана с кефиром, бумажные следы босой ноги, фотографии младенцев, бумажная ромашка с заданиями,

тарелка так называемых «щей»; плакаты, кукла-невеста, игрушечные пистолеты, сердечки с датами или цифрами из цветной бумаги.

[20] Автор наблюдал такой плакат в подъезде собственного дома в феврале 1998 г.

[21] Во время регистрации брака принято, чтобы кольца жениху и невесте подавали дети, например «мальчик и девочка; мальчик со стороны жениха, девочка — со стороны невесты» (Шубина С.Н., 1975 г.р.).

[22] В г. Сызрани Самарской обл. существует традиция проезда через 7 мостов, «на самом большом мосту машины останавливаются, и жених с невестой должны перейти его пешком» (Степанец О.Н., 1973 г.р.).

[23] В апреле 1998 г. автор наблюдал, как возле педагогического университета невеста встала спиной к гостям, которых было девять — четверо молодых людей и пять девушек, и под их крики бросила букет цветов, который поймала одна из девушек.

[24] Сегодня обряд венчания встречается уже достаточно часто и имеет психологическую и мировоззренческую поддержку у людей: «?: Как ты считаешь, христианский православный обряд только украшает свадьбу или имеет более серьезное значение? — Козлова А.А. (1979 г.р.): Естественно, как никакой другой обряд, этот очень украшает свадьбу. Но те, кто венчался в церкви, должны знать, что после этого венчания они ответственны перед Богом за свою семью, своих будущих детей. Они ответственны также еще потому, что объединяет в браке сам Господь. Потому они должны жить вместе в богатстве и бедности, в здравии и болезни, в печали и радости и не разлучаться друг с другом: разлучить их может только смерть. Поэтому этот обряд не столько красив, сколько имеет серьезное значение для вступающих в брак.

[25] Вот типичное объявление об услугах подобного рода: «У вас свадьба, юбилей или торжество? Для Вас дискотека, тамада, видеосъемка!!!»

[26] Приводимые далее образцы документов даны с соблюдением орфографии и пунктуации оригинала.

[27] В их число входят и традиционные устно-поэтические тексты — частушки, песни, и современные письменные — прозаические, песенные, стихотворные.

[28] Деменчикова О.В. (1978 г.р., рассказ о свадьбе 1997 г.): На второй день свадьбы опять у нас были шутки-прибаутки. Приехала родственница дальняя из какой-то деревни, пела «срамные» частушки про «ярку». Очень весело было.

[29] Автор неоднократно видел их проход по улицам, как возле дома, где он живет, так и в других местах города.

[30] Протокол представляет собой лист формата А3, сложенный пополам. На лицевой стороне примерно в середине страницы фломастером крупно написано «Протокол», а строкой ниже «№ 99». Сам текст «протокола» дан на развороте, слева немного больше, справа — меньше (слева текст кончается словами «Этот баранчик сделал», окончание листа помечено двумя косыми линиями — //).

[31] Например: «Меня милый провожал, / Прижимал к завалинке. / А я смеялась и ссала / Ему на белы валенки» (исполнялось на свадьбе 1998 г. в Ульяновске). В эти частушки могли входить и политические мотивы: «Мясо стало до пяти, / Рыбы тоже не найти. / Ленька Брежнев в хрен не дует, / Лотареями торгует. / Косыгин, Брежнев и Подгорный / Напоролися “Отборной”. / Утром встали с пьяной рожей, / Водку сделали дороже. / Мяса нет, кальмар съедим / И колбаску заедим. / Если хрен стоять не будет, / Баб китайцам отдадим» (текст из записной книжки Булановой Веры Павловны, 1953 г.р.,

родилась в Сенгилеевском р-не, Ульяновской обл., образование среднеспециальное, примерно с 1976 г. проживает в Ульяновске, работает на водохранилище).

[32] Текст из записной книжки В.П.Булановой (см. выше).

[33] Это характерно для некоторых частушек: «Он вошел, / а я лежала. / Он спросил, а я дала. / Не подумайте плохого — / Чашку чая со стола». О распространенности текстов подобного типа автор может судить по собственному опыту. Вот текст, который он помнит с детства: «Ехали пираты, веслами гребли, капитан с помощником девушек е... хал на ярмарку Ванька-холуй, за три копейки показывал он ху... дожник, художник, художник молодой, нарисуй мне девушку с разорванной пи... ки наставили стали воевать, а потом раздумали, стал баб е...» и далее песня поется снова.

[34] Текст из записной книжки В.П.Булановой.

[35] Текст из записной книжки В.П.Булановой. Строки, которые необходимо читать, выделены курсивом.

[36] Текст из записной книжки В.П.Булановой.

[37] См.:[Шабалина 1997: 106, 107–109]. Там же есть данные по Пензенской и Самарской областям и другим этносам, проживающим на этой территории.

Литература

Анашкина, Шабалина 1995 — *Анашкина Г.П.*, *Шабалина Л.П.* Свадебный обряд // Семья Ульяновской области. Традиции и новации. Ульяновск, 1995. С. 27–37.

Анашкина 1997 — *Анашкина Г.П.* Современный брачно-свадебный обряд // Основы полевой фольклористики: Сборник научно-методических материалов. Ульяновск, 1997. С. 46–50.

Анашкина 1997а — *Анашкина Г.П.* Современные свадебные обычаи и обряды русского населения села Приволье Кузоватовского района Ульяновской области // Свадебная обрядность на территории Ульяновской области: Материалы и исследования. Ульяновск, 1997. С. 32.

Байбурин 1977 — *Байбурин А.К.* К ареальному изучению русского свадебного обряда // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л., 1977. С. 92–97.

Балашов 1985 — *Балашов Д.М.* От полевой записи к изданию: Современное состояние свадебного обряда // Русский фольклор: Полевые исследования. Т. 23. Л., 1985. С. 83–87.

Батурин 1980 — *Батурин Н.* Пригласите тамаду, если хотите весело сыграть свадьбу // Советская культура. 1980. 14 октября.

Гура 1977 — *Гура А.В.* Лингвоэтнографические различия и общность в маргинальной зоне русского севера (на материале свадебного обряда) // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л., 1977. С. 233–237.

Гура 1978 — *Гура А.В.* Опыт выявления структуры севернорусского свадебного обряда: По материалам Вологодской губ. // Русский народный свадебный обряд: Исследования и материалы. Л., 1978. С. 72–88

Гура 1981 — *Гура А.В.* Опыт ареальной характеристики славянского свадебного обряда и его терминологии // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981. С. 261–278.

Жекулина 1982 — *Жекулина В.И.* Исторические изменения в свадебном обряде и поэзии. По материалам Новгородской обл. // Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982. С. 237–253.

Жирнова 1969 — *Жирнова Г.В.* Русский городской свадебный обряд конца XIX–начала XX в. // Советская этнография. 1969. № 1. С. 48–58.

Жирнова 1969а — *Жирнова Г.В.* О современном городском свадебном обряде: По материалам экспедиции в малые и средние города центральной полосы РСФСР // Советская этнография. 1969. № 3. С. 68–78.

Жирнова 1978 — *Жирнова Г.В.* Некоторые проблемы и итоги изучения свадебного ритуала в русском городе XIX–начала XX в.: На примере малых и средних русских городов РСФСР // Русский народный свадебный обряд: Исследования и материалы. Л., 1978. С. 32–47.

Жирнова 1980 — *Жирнова Г.В.* Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем: По материалам городов средней полосы РСФСР. М., 1980.

Заградская 1980 — *Заградская С.* Свадьбе — сценарий? // Клуб и художественная самодеятельность. 1980. № 14. С. 22.

Заградская 1981 — *Заградская С.* Обряд, каким ему быть сегодня? // Культурно-просветительная работа. 1981. № 7. С. 22–24.

Зорин 1981 — *Зорин Н.В.* Русская свадьба в Среднем Поволжье. Казань, 1981.

Ионин 1996 — *Ионин Л.Г.* Социология культуры. М., 1996. С. 37–39, 178–192.

Каган 1996 — *Каган М.С.* Философия культуры. СПб., 1996.

Карпухин 1970 — *Карпухин И.Е.* Современное состояние свадебных обрядов русских в Башкирии: По записям последних лет // Современное состояние народного творчества: Программа конф. и тез. докл. Л., 1970. С. 98–100.

Красовская 1983 — *Красовская Ю.* «Ох, эта свадьба пела и плясала... // Клуб и художественная самодеятельность. 1983. № 14. С. 23–24.

Круглов 1971 — *Круглов Ю.Г.* Процессы изменения свадебных обрядов на Севере: По материалам трех экспедиций (в Вологодскую и Архангельскую обл.) / Филолог. сборник. Статьи аспирантов и соискателей. Вып. X. Алма-Ата, 1971. С. 91–109.

Лейтсаду 1983 — *Лейтсаду И.* Тамада на свадьбе // Культурно-просветительная работа. 1983. № 5. С. 57–61.

Липовецкая 1984 — *Липовецкая И.Р.* Современная свадебная обрядность горнозаводского Урала: На примере Нижней Салды // Фольклор Урала: Современный фольклор старых заводов. Свердловск, 1984. С. 64–71.

Матлин 1997 — *Матлин М.Г.* Русская народная свадьба села Акшуат Барышского района Ульяновской области: По материалам фольклорно-этнографической экспедиции 1997 года // Свадебная обрядность на территории Ульяновской области: Материалы и исследования. Ульяновск, 1997. С. 13–14.

Невская 1982 — *Невская Т.А.* Традиционная и современная свадьба сельского населения Ставрополья // Советская этнография. 1982. № 1. С. 89–100.

Потанина 1973 — *Потанина Р.П.* Современная семейская свадьба // Труды Бурятского ин-та обществ. наук Бурят. фил. Сиб. отд. АН СССР. 1973. Вып. 19. Филол. зап. С. 149–161.

Путилов1994 — *Путилов Б.Н.* Фольклор и народная культура. СПб., 1994.

Пушкарева, Шмелева 1959 — *Пушкарева Л.А., Шмелева М.Н.* Современная русская крестьянская свадьба: По материалам экспедиции в Калининскую область в 1956–1958 гг. // Советская этнография. 1959. № 3. С. 47–56.

Романюк 1983 — *Романюк П.Ф.* Из опыта картографирования свадебного обряда Правобережного Полесья // Полесский этнолингвистический сборник: Материалы и исследования. М., 1983. С. 198–205.

Толстой 1995 — *Толстой Н.И.* Этнокультурное и лингвистическое изучение Полесья (1984–1994) // Славянский и балканский фольклор: Этнолингвистическое изучение Полесья. М., 1995.

Федорова 1970 — *Федорова З.* Подари людям радость (Создание свадебного ритуала в Ленинградском институте культуры им. Н.К.Крупской) // Наука и религия. 1970. № 3. С. 8–11.

Чистов 1974 — *Чистов К.В.* Проблемы картографирования обрядов и обрядового фольклора. Свадебный обряд // Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. Л., 1974. С. 69–84.

Шабалина 1997 — *Шабалина Л.П.* Структура и быт семьи народов Среднего Поволжья. Ульяновск, 1997. С. 87–109, табл. 38.

Шаповалова 1981 — *Шаповалова Г.Г.* Русские традиционные обряды и современность / Вопросы развития социалистических праздников и обрядов: Тез. докл. науч. конф. / АН ЛатвССР. Ин-т истории. Рига, 1981. С. 170–173.

Шелетис 1976 — *Шелетис Л.* В ногу со временем (О внедрении новых праздников и обрядов в Литве) // Наука и религия. 1976. № 9. С. 4–7.

В.Ф.Шевченко
(Ульяновск)

Похоронные и поминальные ритуалы

Общие положения, условия и допустимые погрешности

Настоящее исследование проведено на основе 103 стенограмм аудиозаписей, сделанных по специальным вопросникам в Ульяновске в 1997–1998 гг.[1]. Работа не претендует на полноту обобщения, в ней сознательно не используются этносоциологические методики. Нами делается лишь попытка аналитического описания этнографических материалов, строго ограниченных тематическими, временными и территориальными рамками.

Все респонденты — непосредственные участники обряда, в котором хоронили близких (муж, жена, дети, брат, сестра) или дальних (бабушка, дедушка, тетя, дядя, золовка, шурин, зять и т. д.) родственников, а также друзья, знакомые, сослуживцы, соседи. Возрастной диапазон покойных очень велик: от младенцев до глубоких стариков. Все они — русские, в большинстве случаев — крещеные, православные. Интервьюеры также считают себя русскими, православными, и лишь единицы — неверующие. О неполном соответствии собственных национальных ощущений и происхождения частично свидетельствуют фамилии информантов, места их рождения (в частности, чисто национальные села Ульяновской области), а также комментарий, полученный в процессе дополнительного общения («По паспорту я русская записана, а многие родственники — бабка моя и дед — по-мордовски калякали» [1: 2][2]. Возраст респондентов колеблется от 20 до 88 лет. Образование — от неоконченного начального до высшего. В основном это женщины, среди которых есть и профессиональные «читалки». Хотя все они на момент интервьюирования проживали в Ульяновске, городским жителем можно назвать далеко не каждого из них, так как местом их рождения чаще являются села Ульяновской области, а также города и села других областей и республик бывшего СССР. Соответственно, обряды, описываемые в период с 1960-х по 1998 г. включительно, относятся не только к Ульяновску, но равно и к селам области, и к другим регионам. В ряде случаев рассказ о конкретном обряде, происходившем в городе, дополняется информацией, относящейся к другому конкретному (часто не городскому) обряду, а также общими знаниями, полученными устным путем или из церковной литературы. Как правило, информант не

разграничивает источники получения тех или иных сведений. В свою очередь, в каждом новом конкретном обряде его организаторы и участники репродуцируют собственный опыт.

Анализируемые материалы характеризуют современный русский городской похоронно-поминальный ритуально-обрядовый комплекс как традиционный и одновременно эклектичный, вобравший в себя элементы различных региональных и национальных традиций.

Подготовка к смерти

Некогда ей было готовиться, по-правде надо сказать <...> Си́лки мало было, ростиком небольшая — везде, повсюду всё труды несла <...> И она не смогла вот подумать: «Можа умру». Она была очень верующая [2: 2].

Мужики-то обычно не готовятся. Да и умер он от болезни, от рака этого самого. А так обязательно готовятся. Смёртную одёжу готовят, покрывало, венчик, грамоту, тапочки, пояс, свечи <...> грамоту <...> святому Петру отдают на том свете. Молитва это такая [1: 3].

Да, готовился. Обычно бабушки за 5–10 лет готовят себе одежду, складывают в сундук [3: 2].

Нет, он не готовился к смерти. Он считал, что будет жить очень долго. Но организм готовился к смерти. Ел он очень хорошо, но пища очень быстро перерабатывалась. Но последние три дня до смерти он отказывался от пищи, только пил жидкость — и не встал. Отказывался от разговоров, отворачивался от нас. И уже как бы с кем-то невидимым у него были все мысли, взоры. Глаза какие-то были безмолвные. Всегда отворачивался к стенке, рукой отводил и не хотел с нами говорить [4: 2].

Да, он готовился. Готовился, чувствовал, что скоро умрет. Просил прийти к нему попрощаться детей, внуков, всех близких родственников. Сам просил прощенье, если было что не так. Начал приглашать к себе за несколько дней до смерти: ну, за три-четыре дня [5: 3].

Готовилась. С близкими прощалась, наказывала... Кому чего завещала... И где похоронить... Хотелось ей, чтобы похоронили ее возле мужа [6: 2].

Лежала, болела. Вперед доходила до туалета, а потом просто сидела. Каждый человек к смерти готовится. Когда было тяжело, говорила: «Господи, скорей бы мне умереть!» [7: 2].

К умирающему для таинства соборования могут пригласить священника, но это происходит достаточно редко.

А вот если когда человек мучится, если он, как говорится, и не умирает, и не выздоравливает, уж застрадался, разрешается молитва, значит, канон Разрешительная молитва. Прочитается по усопшей канон Исхода души. Если она только, значит, Богом не посланная умирать, ей через три дня бывает легче, или если только облегчение бывает. А если она только приготавливается к смерти, какие-то грехи задерживают, чтобы она покаялась, ждет, ведь каждому ангелу жалко, чтобы взяли. Ведь он посланный Богом, чтобы хранил, чтобы избавлял от мук. Он старается, ее наказывает, мучает, чтобы покаялась, потому что за эти грехи они могут взять, дьяволы. Она му-

чается, а когда, значит, прочитают этот канон, помолятся, попросят Бога, чтобы... она, конечно, плачет и молится, чтобы ее Господь отпустил от муки. И вот тогда может разрешиться ей, и она через трое суток может отойти сама [2: 4–5].

Приглашали женщин, которые совершали последний обряд [8: 3].

Лампада горела у нас все время, пока она болела [9: 3].

Зажигали свечу перед иконами и вкладывали свечу в руки умирающему. Я так думаю для того, чтобы осветить путь, путь, по которому восходит душа к Богу, к небу, чтобы было светло [5: 3–4].

Вот вообще, как я читаю, приходят, если живые чувствуют, что, мол, при́ смерти человек, приходят и просят: «Прости, мол, ради Христа». Ну, и она просит: «Тоже и меня прости, ради Христа». Потому что час этот неведомый, когда он придет, а прощенье не знай — успешь, или не успешь попросить прощенье [2: 2–3].

Около него находились родственники и сыновья [10: 2].

Подготовка к погребению

Если у умершего остались открытыми глаза, то, как правило, их закрывает находящийся рядом родственник, первым узнавший о смерти.

Как дышать перестал <...> Люби́мая дочка была... Вот так, просто провела по лицу рукой — и закрыла [1: 3].

Закрыла глаза я ей — глаза были открыты. Сразу, как только она стала холодеть, я ей положила медные пятаки на глаза и закрыла [11: 4].

Реже это проделывают «обмывальщики» [3: 2].

Сразу же после смерти зажигали свечи или лампадку перед иконой, которые в большинстве домов горели 40 дней. Женщины (родственницы, прощающиеся) надевают траурные одежды: темные платья, головы покрывают черными (темными) платками. Всегда занавешивали простынями зеркала, нередко — стеклянные и полированные поверхности мебели. Иногда останавливали часы. В единичных случаях открывали окно. Как правило, двери в квартире днем не запирались.

Все, где отраженье быть может, все завесили. А то ведь увидишь душу в зеркале-то, и ума лишиться недолго... Чтоб не испугаться, вот и закрывают [1: 4].

Когда врачи констатировали факт смерти, мы закрыли зеркала. Ну, зеркала закрываются по обычаю. Вроде ж это такой акт неприятный. Чтобы это все как бы не отразилось в зеркале... вид умирающего человека [4: 2].

Да, останавливали часы, чтобы запечатлеть момент смерти. Это было так пугающе, словно все остановилось и мы почувствовали дыхание смерти. Затем открыли окно, чтобы душа дедушки улетела на небеса [12: 2].

Да, когда умерла бабушка моего мужа, сразу же остановили часы, открыли окна. Обмыли ее. Окна закрыли для того, чтобы тело не портилось. В руки вкладывалась свеча. Положили тело на лавку перед иконами, а затем, когда привозили гроб, перекладывали ее в гроб [3: 2].

Пока тело покойного не затвердело, его обмывали на полу на расстеленной простыне (на которой он умер) или клеенке, иногда посередине комнаты. Эту работу выполняют только женщины: или профессиональные «обмывальщицы», или соседки, или родственницы (сноха, дочь и т. д.). Иногда — если тяжело — им помогают мужчины.

В зале на полу, расстелив клеенку, начали обмывать как можно скорее, пока еще тело было теплым и не застыло [5: 5].

Использованные при обмывании предметы (мыло, тряпочку, гребень) выбрасывали, сжигали или клали в гроб, а воду выливали в место, где не ступит нога человека (под дерево), или в унитаз.

Сразу, когда померла она <...> И тут же быстренько, потому что, чтобы тепленькая она была, тут же дома согреваем водички, чистенько обмываем и, значит, белье новенькое все одеваем <...> Это все, которое... мыльцом вот обмывали, значит, это пользуются мылом. А которые богатые, значит, возьмут и зароют. А посудку помоют чистенько, освятят ее и употребляют, тоже на дело употребляют. С водой тоже... Водичку где-нибудь, где не ходят, местечко выкопают и аккуратненько выльют и закопают, чтобы никто ее не топтал ничего [13: 6].

Воду вылили в унитаз, хотя положено на улицу. А остальные вещи завернули и уж потом бросили в могилу [10: 3].

Простынь, на которой лежала — ее выстирали, потом пользовались сами. А это всё клали в гроб... мыло там, гребни [6: 5].

Воду мы вылили на улице под дерево, где меньше ходят люди. Расческу и тряпочку закопали тоже под дерево. А мыло осталось дома. Потом мы стирали им вещи и постель покойного [5: 5].

Когда зарывали в чистое место. Чистое место... Это и посуду, в которой мыли... Ее тоже после никуда не употребляли. Посуду обернут в чистое... посудинки — и на чердак [14: 4].

Воду после обмывания покойника многие называют «мертвой» и считают, что ее можно использовать для порчи людей.

Воду нужно обязательно вылить на улицу. Если же это частный дом, то под передний угол, или туда, где не ходят ноги человека. Ну, мертвая эта вода считается. Нежелательно ходить живому по этой воде [4: 9].

Я знаю только, что нельзя эту воду выливать в общественные места. Вообще, нежелательно, чтобы эта вода где-нибудь пролилась, в ней кто-то бы вымыл руки и так далее [5: 22].

У-у!.. Это вода мертвая. Ее в колдовстве используют. Ей столько гадости сделать можно! Бабка моя, покойница (она-то знала!) сказывала, что если человеку не счастливится, значит, ему в сапог воды мертвой налили... Ее-то, воду эту, и выливают так, чтоб через нее никто не перешагнул, — к столбу, вот. И стараются, чтоб не растеклась... А то ведь если через нее женщина какая перешагнет — неплодной станет... Да и мужик негодным будет [1: 18].

Обмывальщики же и обряжали покойного во все чистое (новое): для мужчин — нательное белье (или кальсоны), рубашка, костюм, носки, туфли; для

женщины — сорочка, чулки, платье, платок, тапочки или туфли. Рубашку и сорочку (платье) подвязывали пояском. Считается, если умирающий завещал, в какой одежде его нужно похоронить, то это необходимо исполнить. Пожилые задолго до смерти сами приготавливали себе одежду «для похорон». Обмывальщиков за работу благодарят: дарят полотенца, платки, деньги, вещи покойного. Если саван и шьется, то не всегда надевается, а просто кладется в гроб. Обязателен нагрудный крестик. Кисти рук складывают на животе одна на другую. Часто в руки вкладывают рукописание, образок и носовой платочек, а на голову кладут венчик. Ноги и руки, чтобы зафиксировать необходимое положение, связывают веревочкой, которую перед выносом или после отпевания развязывают или разрезают.

Даже не скидается крест, когда христианин, он всегда при себе носит. Если только цепочка, то тогда не кладут с цепочкой, надевают гайташек новенький, чистенький — и одевают. И, когда после покрывала, на грудку кладут или святую, или Матерь Божию, или мученицу кладут женщине такую, а мужчине, значит, мужской лик кладут [13: 7–8].

Саван сшили и положили рядом с покойником <...> Пояс не подвязали [10: 3].

Надевали нижнюю рубашку. Эту рубашку подпоясали поясочком из материала от коленкора. Завязали поясочек, одели чулки, юбку, кофту, повязали платок. Пояс на рубашку обязательно, положено так. Трусы на покойника не надевают, можно положить в гроб. Саван шили вручную и надевали на голову сверх платка. Вот крест надевают одетый на ниточке, цепочку не кладут [7: 4].

Постель и одежду, в которых наступила смерть, чаще всего сжигают или выбрасывают. Остальную одежду покойного либо раздают нуждающимся и знакомым на память, либо перестирывают и используют в семье.

Незамужних девушек часто обряжают как невест и хоронят в подвенечных платьях.

Все девушки в этом возрасте уже невесты, считаются невестами, и поэтому, не дай Бог, конечно, чтобы умереть в этом возрасте, но всех обычно хоронят в белых платьях [4: 9].

Хоронят. Одевают фату, вроде она девушка — вроде она невеста. Одевают ей фату [6: 18].

Если она незамужняя, то надевают все свадебное [7: 14].

Еще так тех женщин хоронят, которые 20 лет во вдовстве прожили. Чистых [1: 18].

Пока не привезен гроб, уже обмытое и обряженное тело лежит ногами к выходу в комнате на скамье или на широкой доске, установленной на табуреты. Гроб устанавливают на то же место. Гроб достаточно часто окуривают «богородской травой» или ладаном. Иногда это проделывают, когда тело уже в гробу. Тело в гроб перекладывают мужчины: близкие или работники ритуальных служб, доставившие гроб.

Все-таки это тяжелое... когда душа уходит, тело делается тяжелое. И мужчины помогают. Может, и женщина за головку возьмет аккуратненько. Так что общее. Быва-

ет и богородской окуривают, бывает — ладаном, курят ладаном. Освятят святой водичкой и окурят ладаном, окурят. Это все же благодать бывает, а то — бесы. Это много происходило, много уже открытий было. Что вот одна девица, она была комсомолка... И мать, значит, страдала, чтобы ее причастить, и она, значит, это причастие не могла принять. А мать, значит, взяла в платочек чистенький и положила под головы. Когда понесли покойницу, гроб это... к могиле поднесли, поднялся гроб высоко из рук и ударился в могилу. Вот как бесы могут командовать. Так что освящается, чтобы ни к гробу, ни к телу не касался дьявол [2: 11].

Окуривали гроб вместе с покойным. Трава-то эта богородская уж больно пользительная, святая что ли. Вот, видать, так гроб освящают [1: 7].

В гроб обязательно кладут какие-то средства, сохраняющие тело от порчи: соль, марганцовка, магниты. Бывают случаи, когда в гроб кладут вещи, без которых покойный в реальной жизни не мог обходиться: «зубы» (съемные зубные протезы), очки, расческу, реже — полотенце.

В гроб предметы какие вот... Вот если гребенка, может, если в голову не положили туда... Може, бывает — зубы там у нее вот... Ну, протез — тоже обязательно положить в гроб. Вот руки связывают, пока она не застыла, и ноги — вот эти пояски тоже туда в ноги кладут [15: 10].

Это бывает, которые говорят, надо и зубы положить, надо положить расческу. А там же ничего не надо — все нетленно, вот. И которые уж много знают об этом, чтобы гроб должен свободный быть, только что тело и обряды на теле, крест. Потом батюшка отпоет, рукописание в руку дают, значит, платочек ей дают, вот и... А от всего этого мирского, которое оно временное, его не нужно ничего класть. Это гнилье и лишнее тут не нужно [2: 11].

Только что зубы ее положили [9: 7].

Единичны случаи, когда в гроб к бездетной женщине кладут куклу. «Да, то что на том свете скучно будет» [7: 14].

Слышала я, но у нас не было такого случая [13: 23].

Если фотографию живого человека положить в гроб, то этот человек заболеет и умрет <т. е. ничего в гроб не кладут>.

В головах у покойника ставится икона, перед ней зажигают свечу, стоящую в стакане с солью или пшеном. Здесь же ставится фотография покойного. Перед ней тоже может быть зажжена свеча. Перед выносом эти «свечи убирали и клали их в гроб с покойником» [8: 6].

Остатки свечей, которые были у нас, мы их привезли и отдали священнику; пшено, в котором стояли свечи, мы посыпали потом на могилке; соль, пшено, хлеб — все это оставили на могиле [4: 5].

Пришедшие попрощаться (соседи, сослуживцы) тихо выражают соболезнование родственникам: говорят хорошие слова о покойном, сокрушаются, непродолжительное время молча стоят вдоль стен в комнате, где установлен гроб. Никто не раздевается, даже в холодное время года; мужчины обязательно снимают головные уборы, которые держат в руках. Для оказания помощи («на похороны») многие «приносят деньги — или кладут на покрывальчико или в руки их хозяйке

отдают» [2: 13]. В многоэтажных домах деньги обычно собираются со всех соседей по подъезду. Иногда помогают продуктами для поминок.

Часто, особенно к пожилым, приглашаются бабушки-читалки («молящие»), которые читают предусмотренные православным обрядом Псалтырь и «кануны», а также поют духовные стихи. Близкие плачут. Причитает тот, кто умеет. Рядом с покойным («над гробом») постоянно, даже ночью, находятся близкие родственники, которые тихо вспоминают покойного, ведут разговоры о предстоящих похоронах.

Все было, всякие разговоры. А духовные песни... когда старушки знают духовное пенье, то, значит, они могли попеть, да. Мне вот Даниил, архимандрит, беседовал. Он говорит: «Надо покойнику быстрее как можно читать Псалтырь больше. Потому что песни, они эти песни — душе... они поднимают дух, бодрость к молитве, но душе они очищения не делают. А Псалтырь это... очищает грехи. Как, — говорит, — рыба... с рыбы чешуя ножом очищается, так и Псалтырь очищает грехи души. Это, — говорит, — святые... милостыня» [2: 10].

Считается, что если смерть произошла вне дома или покойника увозили в морг, то он обязательно должен находиться в доме не менее одной ночи (лучше — две). В эти дни в доме никто не убирается, а пищу готовят только для находящихся при покойном («для себя», «что есть в доме»). Погребение происходит на третьи сутки со дня смерти.

Могилу роют родственники, сослуживцы или сотрудники кладбища. Часто на кладбище на размеченных местах уже имеются заготовленные экскаватором ямы, которые необходимо «углубить», «расширить» и «подчистить». Если захоронение производится в могилу ранее умершего родственника, то рядом с ней (часто — на дорожке между могилами) роется новая яма и в сторону старой подкапывается ниша для гроба. Иногда в готовой могиле выкладывают крестом две лопаты и оставляют так до самого погребения, «чтоб нечистая сила не заняла место» [ЛА]. «Копальщиков» обычно благодарят бутылками водки и приглашением на поминки. Близким родственникам копать могилу не положено, «не делают они и гроб, и крест» [1: 9].

Путь на кладбище

Время выноса тела из дома чаще всего «привязывается» к полудню, а агентства ритуальных услуг, в случаях большой загруженности, могут выполнять до трех «заказов» в день: с 10 до 17 часов (летом). Перед выносом с покойным прощаются, обращаясь к нему вслух или молча. Многие из простившихся на кладбище не едут.

До 12 было покойника не положено трогать [14: 7].

Кончили петь псаломщицы. Время выносить. Они говорят: «Ну, тепереча давайте прощаться с покойным», — и стали все прощаться. У него иконочку взяли простились, и потом эту иконочку положили до кладбища [14: 8].

Ну, тут, если кто не идет на кладбище, то тут могут проститься. А которые идут на кладбище — то уже прям там вот [15: 10].

Плача не было. Человек уже пожилой: пожила она много. Простились. Пришли бабки, погладили ее сверху (с лица до ног) и сказали: «Ну вот, скоро и наш путь за ней будет». Простилась сестра, я — поцеловали мы в лоб [11: 7].

Дочь причитала. Мать причитала, что мать бы... «умерла, а ты жила бы» [6: 8].

Все плакали. Обошли гроб три раза. Хвалили, только хорошее о нем говорили, какой он хороший был. Ему только 17 лет, жить бы да жить ему [16: 3].

Прощаются: подходят и целуют в рукописание, крестясь. Целуют вперед иконочку, а потом в лоб [7: 6].

Это когда уже отпевают, тогда прощаются. Выносят и до машины тут [17: 5].

Старые люди говорят, якобы, до предания земле человек слышит [6: 8].

Говорят, покойник все слышит, только сказать не может [17: 5].

Считали, что покойный слышит, и разговаривали с ним, общались с ним все знакомые, родственники — прощались, желали ему доброго пути [4: 4].

Они целовали его в лоб через ленту, плакали со словами: «Прощай навсегда», говорили о нем только хорошее, так как считали, что он услышит [12: 3].

Громко вопили, криком кричали, плакали. А покойный он все слышит — душа-то рядом, в доме остается: она и видит все, и слышит [1: 8].

Мы считали, что он слышит то, о чем разговаривали мы. С покойным мы не прощались, а просто плакали [10: 5].

Да, говорят, когда уже отпел батюшка, — это, значит, его предал земле, то есть покойник уже всё... До этого она и слышит, и еще с нами была, а когда батюшка отпевает, предал земле — считается, что все... она ничего не слышит, она уже в земле, независимо от того, что мы ее не зарыли [18: 19].

Если он не отпетый, то он чувствует все. Но когда отпоют, он уже предается земле — и ничего не видит и не слышит [7: 6].

Обряд отпевания проводится далеко не всегда. Иногда для этого приглашают священника на дом, чаще по дороге на кладбище заезжают в церковь (или в кладбищенскую церковь).

Когда батюшка отпоет <...> говорит: «Вот давайте прощайтесь с покойницей, вот я буду приземлять». Вот идут все, по правую сторону идут, по порядочку, прикладываются рукописания, венчик кладется на лобик, прикладываются к венчику, сначала к «Матери Божьей», если покойница женщина, если мужчина — то к «Спасителю», или мученик какой мужчина кого, то прикладываются к иконе и вот, значит, к венчику. И другие подходят, вот. Когда уже, значит, батюшка отпоет, он спросит: «Будете еще прощаться на могиле?» Скажут: «Нет». Он уже ее приземляет крестом. «Святый Боже, святый крепкий, святый бессмертный, помилуй нас». Крестом сделает: песочек там илиземельку посыпет — и закрывают. И берут и несут покойника из храма до могилы [2: 12].

После, значит, прощания, священник покрыл... развязал руки, ноги у покойного, покрыл его покрывалом вместе с головой и посыпал отпетым песочком. Затем забивается гроб гвоздями. После этого на полотенцах несли к могиле [4: 5].

Распространено заочное отпевание, когда с могилы берется земля, а затем «отпетую в церкви землю посыпают крестом поверх могилы» [1: 11].

Перед выносом тела родственники единственно потрогали его за остывшие ноги для того, чтобы не бояться его потом [4: 4].

Чтоб покойный не пугал потом живых-то, держались за его ноги. А ведь если особенно при жизни вредный был, испугает, во сне придет <...> Алексей Василич не вредный был, не напугает [1: 8, 11].

Чтобы не бояться, за ноги можно подержать покойника [17: 7].

Это действие могло также проделываться и на кладбище. Иные способы охранения от покойника используются значительно реже.

Когда вот вынос был моей мамы первой — это я была девочкой, — для того, чтобы я не боялась, не помню, чья старушка, когда, значит, стали выходить из дома, а тут стояла русская печка, она взяла мою голову и говорит: «Посмотри туда, Валя!» Мне было 13 лет, я запомнила это. А тут уже не было печки [15: 11].

С этой же целью присутствующие при погребении могли бросить себе за шиворот щепотку земли с могилы [3: 8].

Оплакивается покойник постоянно, а оплакивание «в голос» и причитание («это — кто умеет»), как правило, практикуется при трагической смерти или смерти молодых, в моменты скопления провожающих — при выносе и погребении.

Плакали очень сильно. Родственники плакали [9: 7].

Старшая дочь умершего причитала <...> На кладбище <...> сестра по дороге причитала [5: 9, 11].

С оркестром хоронят обычно молодых, ветеранов войн (от военкомата), занимавших при жизни руководящую должность (или таковую занимают родственники, считающие «оркестр» соответствующим своему положению). Иногда покойный завещает похоронить себя с музыкой, «чтобы красиво было» [ЛА]. «А из подъезда когда выносят, начинает звучать оркестр» [7: 6]. Если кортеж заезжает в церковь для отпевания, то оркестр после выноса отпускают.

Старого человека когда хоронят, то без оркестра [8: 6].

Оркестра не было: она же была божественная такая, в церковь ходила. Она просила, чтобы ни цветов, ни оркестра не было [9: 8].

В траур одеты «только близкие родственники» [8: 6].

Если под трауром подразумевается только черная одежда, платки на головах, то нет, не все были так одеты. Но по возможности старались хотя бы покрыть голову платком [5: 11].

Выносили из дома без полотенцев, потому что на полотенцах там нельзя было, там дверь была такая узкая — и выносили на руках. А уже к катафалке несли на полотенцах. Старались, чтобы не задеть ничего [9: 8].

Ну, сначала на руках на улицу до крыльца выносили. А там — на полотенцах. Старались не задеть чего в доме — нельзя <...> Гроб выносили так, чтоб покойный вперед ногами был [1: 8].

Ну, они, конечно, мужчины несли, потому что это все-таки тяжело. Несли на полотенцах, конечно. Но иногда они выносят без полотенцев, потому что чувствуют: мы вынесем. Поставят два стулика, вынесут ко двору, поставят на стулики, а потом уже начинают полотенцы, потому что все же нести тяжело. Конечно, старались ничего не задеть, но без этого не бывает, может, колыхнулся да и стукнул. Как же не стараться, чтоб им аккуратненько все [2: 13].

Ударив гроб, «встревожить покойника можешь... растревожить» [19: 14]. Если гроб до катафалка и на кладбище несется на руках — это считается проявлением наибольшего уважения и почтения.

Вот когда ... вынесут, загасют свечи... Эти свечи отдают в цервовь. Огарники остаются, и в церковь отдают, в церковь [19: 16].

Как вынесли — потушили всё [20: 8].

Несли икону и венки <...> Несли гроб 6 человек. Мужчины несли — дальние родственники и знакомые. Близким нельзя [9: 9].

Впереди гроба икону с полотенцем нес внук покойного. Крышку с венками несли внуки папы и зятья. Гроб несли 6 человек. Это были знакомые, но не родственники. Близкие родственники ничего не несли. У нас существует поверье, что они ничего не должны нести, все это делается знакомыми, друзьями [5: 10].

Около дома ставят две табуреточки, ставят. Тут, значит, мужчины — хоть женщину, хоть кого — все равно, мужчины же посильней. Ну, вот раньше иной раз носили и женщины. Если женщину, то носили женщины. А вот тут, я сколько помню, обычно все мужчины носят. И вот после, когда мужчины берут, значит, на плечи полотенца, первые шаги делают, то табуретки для чего-то роняют. Для чего, не знаю <...> Если цветы там бывают живые, тоже несут там первые [15: 11–12].

У нас нет такого обычая, чтобы икону нести [21: 7].

Впереди гроба несли фотографию умершего [12: 3].

Венки несут по двое, в основном дети. Крышку несли двое, на голове [1: 9].

Впереди несли первую встречную милостыньку. Иконы не несли... Потом шли венки, за венками крышка, за крышкой несут уже гроб. Крышку несли два мужчины, гроб несли 4 человека мужчины. Венки соседи несли, женщины: по две женщины венок [6: 9].

Если у покойного есть награды (ордена, медали), то их несут на подушечках сразу после фотографии.

Кто гроб нес, тем дали платочки [17: 5], иногда их повязывают как нарукавные повязки.

Носовые платочки всем раздавали [9: 8].

Тем, кто выносил и стоял у гроба, раздавали платочки, мыло.

А крышку тоже два мужчины берут. Под голову им платочки обычно раздают, вот мужчинам. И обычно на голову им кладут платочки, чтобы крышка лежала на платочке. И повязки делают черные на руку [15: 12].

При выносе гроба из квартиры только подавали встречную милостыню. Специально испекли пирог «семейка». С тарелкой, ложкой и пирог подали бабушке [4: 4].

Мы жертвовали тарелку, ложку, полотенце и булочку. Это человек все взял. Все это отдается первому встречному на помин души [5: 11].

Подавали булочку, платочек. Ну, это — встречная милостыня, что ли. Первому встречному. Взял, спасибо сказал, перекрестился. Женщина какая-то была, незнакомая [9: 10].

Подавали бабушкины родственники милостыню <...> называется она «отходная милостыня первому встречному». Там булочка, платок кладут, иногда полотенчико, конфет можно <...> Чтоб милостыня была за умершего. Обязательно берет, это положено так [21: 6, 8].

Платочек и мыло [3: 7].

Это вот любой старушке, ну, которая там знает даже <...> Это называется «встречная», подают, и в платочке так вот узелочком завязано все [15: 10–11].

Не подают во время процессии ничего [8: 7].

Вот бабушка моя покойная < Анна> <...> рассказывала мне <...>, что она отказалась от первой встречи, и за это ее бог наказал: она сломала [через день] правую руку. Ни в коем случае нельзя отказываться [18: 21–22].

Через могилу или гроб ничего нельзя давать — плохая примета. Чтоб что-то взять, нужно могилу или гроб обойти [1: 8, 10].

Цветы сыплют, если человек молодой помер, если несчастье какое было: разбился или еще что [1: 9].

Перед гробом пожилого человека, когда хоронят без музыки, ничего не раскидывалось. Перед молодым — да [8: 6].

Здесь у нас нет такого. Вот брата хоронили, там ветки только хвойные, много. Там в Костроме он умер. Вот там — ветки. Вся могилка в ветках была потом [21: 8].

Она старенькая была, уж не кидали эти ветки. Молодым, наверное, больше кидают. Сейчас не ветки кидают, а цветы вон кидают на дорогу [9: 9].

После выноса тела в доме остается несколько дальних родственниц, соседок и знакомых, которые убирают в квартире, моют полы в подъезде от квартиры до выхода, готовят поминальный обед.

Погребение

На кладбище гроб устанавливают у будущей могилы на принесенные из дома табуреты. Близкие родственники (реже — все присутствующие) повторно прощаются с покойным. Обычно кто-либо из сослуживцев и друзей произносит прощальную речь.

Речи говорили тут. Родственники говорили, что хорошая была женщина, сильно вот болела — жалели все. Просили прощенья. Говорили: «Прости нас, если в чем-то мы виноваты. Пусть будет тебе Царствие Небесное». Целовали в лоб [9: 10].

А там... специально есть это... <венчик> — вот целуют... и иконочку, перед руками здесь иконочку, и иконочку эту целуют, и эту целуют [19: 19].

Оркестр играл. Речь была, начальник с работы говорил речь [6: 10].

Музыку мы не заказывали. Особых речей тоже не было. Скромно попрощались с покойным. Прощались, как и дома: говорили, что видят покойного в последний раз, что уходит он от нас навсегда. Близкие родственники подходили к гробу и целовали в лоб [5: 12].

После прощания гроб заколачивают «в головах» и «в ногах» по два гвоздя. Если есть оркестр, то он играет «от катафалка до могилы» и «на третьем гвозде — бамс!» [ЛА].

Опускали гроб на полотенцах, потом взяли их домой. В данный момент находятся дома [5: 1].

На полотенцах. А они вытаскиваются свободно. Они потом стираются, а потом отдаются, кому нужно [21: 9].

На концах из полотенечной ткани. Кто оставлял в могиле, а кто приносит домой, стирает и кладет [7: 8].

Землю в могилу кидали, это как бы в символ прощания [8: 7].

Землю бросают, как вроде прощальна «земля тебе будет пухом» <...> Но батюшка говорит, что не нужно бросать, ведь каждый бросает со своим намерением. Положили в гроб землю и хватит [7: 8].

Землю бросали. Вот я помню <...> один раз как-то кругом обходили могилу, тоже не знаю, зачем [15: 14].

Нередки случаи, когда почетные проводы ветерана войны (от военкомата) полностью совмещаются с ритуалом народно-православным. Например, после отпевания в кладбищенской церкви (и «приземления» покойника) гроб не заколачивают, с музыкой несут до могилы, где произносятся речи, а при опускании гроба производится «салют».

На могилу кладут фотографию покойного, цветы и венки. Памятник и ограду на могилу могут установить сразу, но чаще это делается через несколько недель или даже месяцев — предполагается, что за это время «могилка просядет» и «памятник не перекосится» [ЛА]. Если впоследствии фотография на памятнике меняется (фотокерамика, хромография и т. д.), то предыдущее фото обычно также оставляется на могиле.

Городские кладбища, как правило, находятся за чертой города, поэтому попасть туда можно только на автотранспорте, а вернуться по той же дороге. Ответ «ну другой, конечно, а как же...» [20: 10] предполагает лишь возвращение от могилы до автобуса другой аллеей кладбища.

Чай у вас в городе и заплутать недолго. Шли обратно так же... то есть на автобусе ехали. А дома (в деревне) мы всегда другой дорогой с кладбища ворочáемся [1: 11].

На обратном пути часто ведутся разговоры, не имеющие отношения к ситуации похорон [ЛА].

Поминки

С кладбища всех участников «похорон» автобусы везут к месту проведения поминального обеда: в доме покойного, иногда — в доме родственников покойного, чаще — в столовой, выполняющей специальный заказ. Бывает, но крайне редко, что тех, «кто не может идти в дом, тех завсегда на кладбище кормят бли-

нами, вином» [1: 11]. «Если уж выпили мужчины, то в автобусе. Все говорят, грешно это — поминки на могиле» [21: 9].

На поминки приглашаются все, кто присутствовал при выносе, даже те, кто по различным причинам не мог быть на кладбище.

За первые столы сажают тех, кто могилу копал, зарывал, гроб нес [7: 9].

Первые сели за стол старушки, а также те, кто поправлял могилу. Священника мы вообще не приглашали, так что и на поминках его не было [5: 14].

За первый стол садятся дети и старые люди, да еще кто могилу рыл <...> Перед помином, как за стол сесть, старушки канун читали [1: 12].

Обязательно молились и крестились перед каждой сменой блюд [5: 15].

Перед каждой сменой блюд не молились, только крестились [8: 9]. Это проделывают далеко не все.

На поминках завсегда все строго по чину подают <...> Сначала дают щи, лапшу, потом каши всякие. А кутья, мед и блины стоят на столе — сперва их едят. Водку мы в бутылке не ставили, в стаканы лили [1: 12].

Из обязательных блюд были кутья, блины с медом, щи, лапша, гречневая каша, гороховая каша, пироги и, в заключение, компот. Блюда ставились в определенной последовательности, какой я уже назвала. А водку сначала разливали, а потом ставили на стол [5: 14].

Водку подавали на разносе в стаканах [7: 9]. Ставили <...> в бутылках [8: 8].

Стаканами не «чокаются», каждый произносит фразу типа: «Помянем», «Пусть земля будет пухом» — и молча выпивает. Считается, что водкой помянуть необходимо, но «непьющих» обычно не заставляют.

Пост был, так все — без мяса, без жиру, постное <...> Только всю еду на поминках съедать надо, в тарелке-то ничего оставлять нельзя. Так-то [1: 12].

Ни ножами, ни вилками мы на поминках не пользуемся. Насколько я знаю, острыми предметами в такие дни не пользуются, дабы не поранить душу умершего. Но это за столом <...> А вот хлеб и пироги мы режем ножом. На стол уже подаются разрезанными они. За столом, где сидят приглашенные, ни хлеб, ни пироги не режутся [5: 15].

На середину поминального стола для души усопшего обязательно ставят стакан с водой, на него кладут кусок хлеба. Иногда оставляют одно место свободным.

У него еда тут, все на столе... вода, что было так, положили хлеб, опять пирожка <...> Только было полотенце, как он сидит на стуле [20: 11]. Вместо воды могут налить и водку.

Гости, когда уходили, благодарят хозяев там: «Спасибо за угощение. А усопшему, — говорят, — чтоб земля была ему пухом» [7: 10].

Чтоб гости благодарили хозяев, такого нет. Хозяева благодарят гостей за то, что те пришли, что не забывают покойного [5: 16].

Хозяева благодарят гостей: «Спасибо, что пришли помянуть...» <...> раздавали пироги, платки, мыло [1: 13].

Обычно хозяева гостям раздают пироги, «чтоб дети помянули» или «чтоб дома еще помянули» [ЛА].

В доме покойного «лампадка — положено гореть до сорока дней. Днем тушили, а ночью зажигали» [7: 10].

Поминки также «делали на девятый и двадцатый день, приглашали всех родных, соседей. Обедню заказывали. В двадцатый день усопшие проходят огненну реку. Надо подать им доску, облегчить им путь. Потому двадцатый день надо обязательно делать. Говорят, лучше девятый день не делать, а двадцатый обязательно» [7: 10].

<Двадцатый день> это уж... немножечко, сходить в церковь, заказать обеденку, положить на канун там хлебца или там песочку [19: 26].

Сорокоуст в церкви заказывали. Поминали на девятый и сороковой день. На двадцатый — нет. Приглашают близких и знакомых. Обедни, отпевание — все как положено [1: 14].

С утра, часам к одиннадцати за стол садятся. До двенадцати первый стол должен поесть. Первыми сажают старых и малых [1: 15].

Поминки на сороковой день «так и называли “сорок дён”, “сороковины”. Эти поминки должны быть обязательно. Чем больше народу помянет — тем лучше. Приходят все, кто желает. С душой прощались, она в этот день дом покидает. До этого она в доме была. Еду клали: хлеб, воду, ложку. Обязательно. Когда на сороковой дён ходили на могилу, брали с собой хлеб и пшено, которые стояли у гроба, и посыпали ими могилу. Воду с молитвой выливают за угол дома. Это ту. Которая осталась со дня смерти» [1: 14].

Стакан с водой, ложка, кусочек хлеба на середине. Это на любом обеде <...> Выпивали все потихонечку, по глотку, эту воду выпивали. Из всех присутствующих... Да, и все, кто присутствовал, все выпивали из этого стакана по глоточку [18: 34].

Считалось <...> в сороковой день провожают из дома душу усопшего [8: 11]. Для души «ставили на стол стакан с водой, на него положили ломтик хлеба, а сверху — ложку <...> После поминок хлеб отдавали птицам, а вода стояла до тех пор, пока не испарится [5: 17].

Выпьют эту водичку, а пшено тама голубочкам высыпят, голубочкам, на волю выдут и высыпят голубочкам [19: 27].

Сорок подарков гостям раздают. Идут в церковь, берут сорок просвир, сорок свечей, и в церкви кто стоит и там раздают [19: 28–30].

Считается, что на сорок дней, что душа уйдет, то есть эти сорок дней она была с нами, хотя мы ее схоронили. А после сорока дней душа уходит. Поэтому считаются они особенными... Надо накормить не менее сорока человек [18: 33–34].

Справляются также поминки полугодичные и годичные. Годичные так же важны, как и «сорок дён». Посещали могилу и обедню заказывали в церкви. Приглашали больше родственников и знакомых [1: 15].

В дальнейшем поводом для поминовения покойного могли послужить сон или примета. «Мне бабушка приснилась <...> Надо помянуть: купить прянички и конфетки — раздать ребятишкам» [ЛА].

Чаще всего кладбище посещается по датам смерти и рождения покойных, в родительские дни и на Пасху, «весной, как снег сойдет» [ЛА], чтобы подправить, «убрать могилку», подкрасить ограду, посадить или полить цветы. «Неухоженная могилка — это забыли родителей своих. Плохая память, значит. Совести у них нет» [ЛА].

Примечания

[1] В основном это записи студентов по региональному вопроснику Г.П.Анашкиной (см.: Современные похоронно-поминальные обычаи и обряды // Основы полевой фольклористики. Вып. 1. Сборник научно-методических материалов. Ульяновск, 1997. С. 54–59), составленному, в свою очередь, по программе И.А.Кремлевой (см.: Программа сбора материала по похоронно-поминальным обычаям и обрядам // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989. С. 307–326). Использованы также собственные наблюдения автора и материалы записей по авторской региональной Программе изучения русского похоронно-поминального ритуально-обрядового комплекса. Стенограммы хранятся в фольклорном архиве кафедры литературы Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н.Ульянова (ФАКЛ УлГПУ. Ф. 1. Оп. 6) и личном архиве автора [ЛА].

[2] Ссылки на стенограммы даются следующим образом: первая цифра в квадратных скобках означает номер информанта (см. список информантов), вторая — номер страницы в записи стенограммы.

Список информантов

1. Киселева Мария Ивановна, 1910 г.р., с. Старые Маклауши, Майнский р-н, Ульяновская обл. — Хоронила в Ульяновске в 1995 г. свата 67 лет.
2. Оленкина Анна Никифоровна, 1922 г.р., с Китовка, Ульяновский р-н, Ульяновская обл. — Читалка.
3. Варламова Светлана Леонтьевна, 1965 г.р., г. Ульяновск. — Хоронила в Ульяновске в 1997 г. бабушку мужа 69 лет.
4. Захарова Валентина Николаевна, 1950 г.р., р.п. Игнатовка, Майнский р-н, Ульяновская обл. — Хоронила в Ульяновске в 1996 г. деда 84 лет.
5. Морозова Лидия Александровна, 1939 г.р., д. Починки-Новольяшево, Большетарханский р-н, Татарская АССР. — Хоронила в Ульяновске в 1993 г. отца 81 года.
6. Журавина Раиса Андреевна, 1929 г.р., с. Васильевка, Мелекесский р-н, Ульяновская обл. — Хоронила в Ульяновске в 1994 г. сноху 62 лет.
7. Курсанова Нина Петровна, 1941 г.р., с. Сельдь (в черте г. Ульяновска). — Хоронила в Ульяновске в 1986 г. мать 83 лет.
8. Малахова Валентина Васильевна, 1954 г.р., г. Ульяновск. — Хоронила в Ульяновске в 1996 г. женщину 75 лет.
9. Рыкова Анна Михайловна, 1931 г.р., с. Петровск-1, Чердаклинский р-н, Ульяновская обл. — Хоронила в Ульяновске в 1973 г. мать 69 лет.
10. Ставская Александра Андреевна, 1935 г.р., с. Степное Анненково, Тагайский р-н, Ульяновская обл. — Хоронила двоюродного брата 75 лет.

11. Ермошина Искра Григорьевна, 1929 г.р., с. Вешкайма, Вешкаймский р-н, Ульяновская обл. — Хоронила в Вешкайме в 1998 г. мать 91 года.

12. Васильева Екатерина Васильевна, 1945 г.р., г. Ульяновск. — Хоронила в Ульяновске в 1985 г. деда 74 лет.

13. Сиразова З.Н., 1958 г.р., пос. Якшанга, Костромская обл. — Хоронила в Костромской обл. в 1994 г. отца 62 лет.

14. Минеева Анастасия Андреевна, 1911 г.р., с. Кайдино, Чердаклинский р-н, Ульяновская обл.

15. Никифорова Валентина Петровна, 1932 г.р. — Хоронила в 1987 г. мать 80 лет.

16. Ермолаева Роза Александровна, 1948 г.р., д. Тайба-Таушево, Тетюшский р-н, Татарская АССР. — Хоронила в 1998 г. юношу 17 лет.

17. Макарова Полина Ивановна, 1925 г.р., с. Семеновка, Ульяновский р-н, Ульяновская обл. — Хоронила в Ульяновске в 1980 г. мать 89 лет.

18. Борисова Тамара Николаевна, 1963 г.р., г. Ульяновск. — Хоронила в 1998 г. бабушку 87 лет.

19. Чекмыкина Мария Григорьевна, 1913 г.р., с. Русская Цильна, Ульяновская обл. — Хоронила в 1978 г. мать 92 лет.

20. Фролова Анна Петровна, 1920 г.р., с. Большое Нагаткино, Ульяновская обл. — Хоронила мужчину 64 лет.

21. Михеева Валентина Михайловна, 1937 г.р., с. Анненково, Ульяновская обл. — Хоронила в Ульяновске в 1996 г. соседку 84 лет.

Пространство современного города

Д.К.Равинский
(Санкт-Петербург)

Городская мифология

При определении понятия «городская мифология» можно отметить по крайней мере три разных подхода. Во-первых, бытующие в городской среде рассказы о разного рода чрезвычайных событиях (классический пример — «как в гастрономе номер восемь продавали сардельки, сделанные из человеческого мяса»). Очень часто такие истории привязаны к конкретным городским локусам, нередко в них дается толкование происхождения топонима или определенной архитектурной особенности («почему у гостиницы "Москва" асимметричный фасад»). Известная книга Е.З.Баранова «Московские легенды» — своего рода образец собрания таких легенд, хотя вышли подобные книги, посвященные и другим городам (Одессе, Нижнему Новгороду и т. д.).

Под городскими мифами иногда понимают и широко распространенные заблуждения по поводу тех или иных городских объектов. Так, знаменитый петербургский краевед П.Н.Столпянский в своей работе «Петербургские легенды и предания» главное внимание уделил таким ошибочным наименованиям, как «дворец Бирона» или «дом Пиковой дамы». Наконец, в книге Н.А.Синдаловского «Петербургские мифы и легенды» широко представлены и разного рода предания об исторических персонажах, действие которых происходит в Петербурге—Ленинграде, т. е. то, что обычно называют историческими анекдотами.

Однако было бы ошибкой сводить городскую мифологию лишь к совокупности текстов, выделяемых на основе перечисленных подходов. На наш взгляд, не стоит рассматривать ее просто как один из жанров городского фольклора. Гораздо плодотворнее видеть в ней важную составляющую урбанистической культуры (можно даже сказать — одно из ее измерений), далеко не всегда воплощаемую в текстах и нередко вообще не артикулируемую.

Речь идет об особом типе восприятия города, его «переживания», а разного рода «городские легенды» — лишь проявление, словесное закрепление этого восприятия.

По-видимому, впервые отчетливо сформулировала такой подход к городу (и вообще — ко всякому «месту») англичанка Вернон Ли в своей знаменитой книге

«Италия. Genius Loci»: «У некоторых из нас места и местности <...> становятся предметом горячего и чрезвычайно интимного чувства. Совершенно независимо от их обитателей и от их писанной истории они действуют на нас как живые существа и мы вступаем с ними в самую глубокую и удовлетворяющую нас дружбу». В нашей стране такой подход к изучению города получил развитие в работах И.М.Гревса и особенно Н.П.Анциферова. Эта традиция пресеклась, не соответствуя тенденциям времени, в 1930-е годы и возродилась в 1980–1890-е годы, причем ее «фокусом» стало, как и раньше, изучение «души Петербурга». Вехи на этом пути — два сборника: «Семиотика города и городской культуры. Петербург» (Тарту, 1984) и «Метафизика Петербурга» (СПб., 1993). Петербургу не случайно досталась особая роль в этом плане — устойчивый«петербургский миф» воплотился и в шедеврах отечественной культуры, и в бытовом фольклоре. Именно на петербургском, в основном, материале будет в дальнейшем рассматриваться тематика городской мифологии.

«Исходной интуицией» в данном случае является представление о городе как о целостном, «живом» культурном организме: «Города появляются на свет, растут, живут своей неповторимой жизнью и даже умирают. Они похожи на людей <...>, поскольку город и есть плод замыслов и деяний человеческих <...> Старинные здания, улицы, вещи хранят память о своих создателях, владельцах, обо всех, с кем соприкасались; они словно вбирают в себя частички человеческих душ, одушевляются»[1]. Этот тезис выражает скорее эмоциональную основу нового подхода к изучению городской культуры. Его концептуальный аппарат разработан прежде всего Ю.М.Лотманом и В.Н.Топоровым, посвятившими ряд работ проблемам семиотики пространства.

Как писал Ю.М.Лотман, «любая деятельность человека как homo sapiens'а связана с классификационными моделями пространства, его делением на "свое" и "чужое" и переводы разнообразных социальных, религиозных, политических, родственных и прочих связей на язык пространственных отношений»[2]. Из этого возникает представление о со-творчестве, в которое вовлечены жители города. «Город — это суммарный итог непрерывной творческой деятельности каждого из живущих в нем, это материализованный творческий порыв, проявляющийся в его наиболее полном, присущем каждому человеку содержании. Самый последний бродяга, не имеющий своего угла, является таким же творцом Города как и прославленный архитектор, застроивший его великолепными дворцами, — разница лишь в "материале", в котором находит воплощение творческий порыв их жизни»[3]. Показательно, что В.Н.Топоров, говоря, по-видимому, о фольклорных текстах, рассматривает их не как рассказы жителей о городе, а как рассказы самого города о себе: «В течение сорокалетнего петербургского "романа" автора он старался не упустить возможности прислушаться к тому, что город говорит сам о себе — неофициально, негромко, не ради каких-либо амбиций, а просто в силу того, что город и люди города считали естественным выразить в слове свои мысли и чувства, свою память и желания, свои нужды и свои оценки»[4].

Собственно говоря, городскую мифологию можно рассматривать как некую культурную игру, своеобразный диалог между городом и его обитателями. Классический пример — беседы, которые вел с петербургскими домами герой

«Белых ночей» Достоевского, причем инициатива в диалоге принадлежала именно домам.

Мифологизация городского пространства — неизбежная черта городской культуры, под которой мы понимаем «приручение» горожанином среды своего обитания, внесение «человеческого измерения» в городской мир. Обычно как «античеловеческое» выступает «массовое», «стандартное». Такая тенденция существовала практически во всей истории, но приобрела особую остроту в последние десятилетия. Современные социологи-урбанисты отмечают: «К сожалению, в течение нескольких десятилетий преобладала <...> тенденция расширяющейся, “спекающей” роли технологии. Среди ее конкретных проявлений следует назвать прежде всего подчинение процесса формирования городской среды интересам инженерных и строительных ведомств (так, районная котельная не только определяет силуэт города, но также размеры и конфигурацию жилого района). Сверхтипизация застройки в совокупности с многочисленными строительными нормативами ликвидировала “человеческий” масштаб, лишила индивидуальных признаков среду повседневного обитания людей»[5]. Отсюда — печальные следствия: нервные перегрузки, «раздражаемость социальной жизни», а главное — «структура городской среды предрасполагает к формированию посетительско-потребительской ориентации и “рыскающего” типа повседневного поведения, неконструктивного по своему существу»[6]. Мифология возникает как антитеза «рыскающего» поведения, выполняя, кроме того, важную функцию отделения «своих» от «чужих», «горожан» от «приезжих».

В условиях Советской России особенную остроту приобретало противопоставление «нового» и «старого», получившее дополнительные значения «официальное»–«неофициальное», «навязанное»–«свое», и даже «ложное»–«настоящее». Характерно, что в антиутопиях, рисующих тоталитарное грядущее, появляется образ «Старого дома», с которым связываются попытки героя выйти из-под всеохватывающего контроля[7].

Собственно говоря, городская мифология всегда неофициальна, несмотря на многочисленные попытки создания «официальных легенд». Излюбленный мотив городской мифологии — «переосмысление» официальных сооружений. Всякий (или почти всякий) город имеет свойство насыщаться культурными ассоциациями, что придает ему «дополнительное измерение». Это может относиться даже к недавно возникшим городам-заводам — в них также часто возникают рассказы о плохих местах, пропавших людях и т. п. Но в старых городах с их насыщенной культурной историей мифология расцветает ярче и естественней. При этом небезынтересно отметить ту семиотическую игру, которая возникает в городе вокруг «старой» и «новой» семиотических систем. Характерное проявление подобной игры — стремление всякой власти создавать новые святилища на месте прежних: памятник Ленину в московском Кремле на месте памятника Александру II, памятник Ленину в Костроме на месте памятника Ивану Сусанину (даже с использованием пьедестала) и т. д.[8].

Важно подчеркнуть, что любой человек, оказывающийся в городе, испытывает воздействия, которые, не воспринимаясь рационально, окрашивают все в специфические тона. Гравитационно-тектоническое воздействие архитектурных

сооружений, внутренняя пульсация города способствуют формированию особых свойств горожан, то, что можно назвать городским поведением. Вполне возможно, что такие привычки, как стремление Достоевского выбирать для проживания угловые дома или обычай Гоголя ходить только по левой стороне улицы,— лишь яркие и «замеченные» (в силу заметности героев) проявления тех особых взаимоотношений с городским пространством, которые возникают у многих горожан (в особенности, у петербуржцев).

Мифологическая «семиотика пространства» органично вытекала из традиционных религиозных представлений. Показателен такой пассаж из очерка И.Ф.Тюменева о путешествии из Петербурга в Новгород[9]:

> Только что мы переехали Обводный канал, и в окнах прекратилось мелькание темных полос мостовой клетки, как старичок, вытянув шею по направлению к левому окну, стал набожно креститься на видневшуюся среди зелени белую массу собора Александро-Невской лавры. <...>
> – А Вы знаете ли, кому я молился?
> – Должно быть, Николаю угоднику.
> – Нет-с, Николай угодник будет в свое время, он в Колпине. А я отдал прощальный поклон хозяину всей здешней местности, от Новгорода и до Финского залива, благоверному князю Александру Ярославичу.
> – Вот что! Ну, это мне не могло прийти в голову.
> – А вот Петру-то Великому пришло. Перенес его именно сюда, на Неву.

Важнейшая предпосылка формирования всякой городской мифологии — уже упоминавшееся представление о «genius loci», т. е. о «душе местности», только ей присущем характере. Во многих случаях это ведет к формированию локального Мифа, толкующего особую природу данной местности. Наиболее разработан в отечественной культуре Петербургский Миф: «Легенда о Петербурге, миф о нем начали складываться едва ли не с момента основания города. <...> В этом мифе Петербург уподобляется живому существу, которое было вызвано к жизни роковыми силами и столь же роковыми силами может быть низвергнуто в прародимый хаос. В одном случае силы, вызвавшие Петербург к жизни, имеют божественный характер, это провидение в своих благих намерениях одарило россиян городом, с которым отныне связывается представление о славе отечества. В другом случае силы, вызвавшие Петербург к жизни, интерпретируются как проявление зла, как силы губительные по отношению к национальному началу и, следовательно, антинародные и антибожественные»[10].

В течение трех столетий петербургский миф получил очень много литературных, философских и художественных интерпретаций, но это не единственный — хотя и самый плодотворный — пример такого рода. Формирование Мифа данной местности обычно ведет, как в «петербургском случае», к появлению представлений об особом характере обитателей или специфическом совпадении событий в данной местности.

Одно из проявлений «genius loci» — сложившиеся представления о «плохих» и «хороших» районах города. Таково, скажем, представление о «дурной», «зловещей» атмосфере Скобелевской (впоследствии — Советской) площади в Москве.

Чаще всего поверья о «нехороших местах» связывают с наличием в прошлом здесь кладбищ или мест наказаний. Так, в Петербурге говорят о неприятных эмоциях, возникающих в Московском парке Победы, и объясняют это тем, что парк разбит на месте массовых захоронений жертв блокады. Славу «проклятого места» получил и участок Обводного канала от Борового моста до устья реки Волковки[11]. Пример «избирательной негативности» — популярная в Иванове история о том, как за все советские десятилетия ничего не удалось построить на месте взорванного городского собора — сколько раз ни начинали работу, по тем или иным причинам ее приходилось «замораживать».

Наделение городских районов особыми, иррациональными свойствами — частное проявление общей закономерности. Речь идет о «языке города», который нужно уметь читать. Собственно говоря, разговоры с петербургскими домами, которые вел герой «Белых ночей», — это гротескное выражение того же, что в более спокойной форме обнаруживает князь Мышкин, когда говорит Рогожину, что сразу, хотя и непонятно почему, узнал рогожинский дом. «Такие представления свойственны многим горожанам, лишь иногда фиксируясь в литературных источниках («умное лицо Технологического института» — Гарин-Михайловский). Отметим, что диалог между городом и горожанином может быть и замаскированным — часто возникающие, особенно применительно к Петербургу, мотивы города-лабиринта, который «морочит», «водит» человека.

Мифологическое истолкование городского пространства опирается на давнюю культурную традицию, сложившуюся вокруг осмысления храмовой архитектуры. Эта традиция, в свое время ярко раскрытая П.А.Флоренским, придает эзотерический оттенок пространственным ориентирам.

Подобные представления, накладываясь на городское пространство, рождают мифологемы планировочной эзотерики, примером которой может служить следующий текст: «Город Санкт-Петербург был рассмотрен в ряду других городов, как очень необычное явление. Находящийся на одном меридиане с Пирамидами Египта, этот город "быть не должен, но есть". То есть он возник <...> не на пересечении коммуникационных трасс, а волевым усилием одного человека, в месте, им выбранном. Были рассмотрены все возможные планы города, и возникло предположение, что существовал некий концептуально-идеальный план, что и подтвердилось при рассмотрении плана Санкт-Петербурга архитектора-градостроителя Леблона. Этот план представляет собой совершенную форму яйца (овала), а Петропавловская крепость является ключевой точкой в концептуальном и архитектурном плане города и зерном, из которого этот город вырос, концептуально-архитектурный план крепости был изучен особенно внимательно. В результате чего возникло предположение и видение того, что строительство Петропавловской крепости было реальным вмешательством в судьбу России.

Несомненно, что строительство Петропавловской крепости осуществлялось либо при непосредственном участии, либо при косвенном влиянии людей, умевших осуществлять архетипическое, концептуальное метапрограммирование через архитектуру и строительство. И если однажды на изученный топографический план местности была наложена концептуальная сетка мифосимволического и архетипического ряда формата определенной культуры, то в формате

этой же культуры возможно выявить и прочесть это, с большей или меньшей точностью»[12].

Приведенный текст обладает всеми признаками мифологического (показательно, что автор обозначен как «А.Н. де Рокамболь»), хотя вполне серьезно заявлен как проект «День рождения города 1986 г. 283 года со дня основания Санкт-Петербурга–Петрограда–Ленинграда» с внутренним названием «Алюминиевая Роза». Однако и вполне серьезный сотрудник НИИ Ленгенплана предлагает «расшифровку» эзотерической планиметрии Гатчины: «У заказчика Ринальди — графа Григория Орлова — и у самого Ринальди были резоны полагать, что “садовническое искусство” являет себя в двух планах: чувственном и умопостигаемом. <...> Результатом явилась планиметрическая взаимоупорядоченность определенных элементов паркового пейзажа Гатчины, скрытая от непосвященных»[13].

В этих и подобных им случаях мы имеем дело с осознанной «архитектурной магией», когда эзотерический план вводится при создании города или отдельного сооружения. Но гораздо чаще такой план обнаруживается вне желания строителей. В.З.Паперный в своей книге о советской архитектуре высказал важное для нас суждение о мифологичности ее восприятия в 1930-е годы: «...чтобы в предположении о влиянии кессонных работ на половую активность увидеть угрозу реальной половой активности носителей культуры 2, необходимо наличие в культуре того механизма, который мы (вслед за Ю.М.Лотманом и Б.А.Успенским) назвали мифологическим мышлением, то есть отождествление названия и называемого, изображения и изображаемого, слова и его значения. Культура как будто верит, что если произнести вслух (или напечатать в книге) мысль о том, что население не увеличивается, оно тут же перестанет увеличиваться, а если в эмблеме серпа и молота молоток повернуть бойком к режущей кромке серпа, то это мгновенно приведет к конфронтации рабочего класса и крестьянства»[14].

В нашем случае наиболее интересен, разумеется, последний пример (речь идет о павильоне «Механизация» на Всероссийской сельскохозяйственной выставке), но ведь схожие коллизии постоянно возникали вокруг архитектурных (и вообще — городских) объектов отнюдь не только в сталинскую эпоху — хотя в это время они действительно приобрели особый драматизм. Укажем, например, поучительную историю, связанную с дворцом Кушелева-Безбородко на Гагаринской улице в Петербурге (ныне там размещается Европейский университет). Как известно, Кушелев-Безбородко скончался, «когда дом уже был совершенно отстроен и оставалось только дополнить некоторые детали внутреннего убранства». Мемуарист добавляет к этому важную подробность: «При постройке дома случилось обстоятельство, которому потом было дано значение некоторого предзнаменования. При доме были устроены два массивных подъезда <...> над подъездами красовалась, в виде украшения, графская корона, лежавшая на подушке. Это обстоятельство дало повод к сравнению этого украшения с похоронным балдахином и к усмотрению в нем предзнаменования предстоящей кончины графа, — который, находившийся тогда уже в последних стадиях чахотки, после того помер. Разумеется, что обо всем этом зашла речь только после смерти графа, а раньше об этом никто и не думал. Корона была снята с подъездов, которые до сих

пор остаются в этом же, кажется, недоконченном виде»[15]. Одна из предпосылок, благодаря которой возникает городская мифология, — обычное для архаического сознания представление о строительной магии. История дома Кушелева-Безбородко, по убеждению рассказчика, демонстрирует надуманность запоздалого поиска предзнаменований, но странным образом согласуется с мифологемой «строительной жертвы», давно укоренившейся в народном сознании: «...в некоторых местах Гродненской губернии начинают работу с того конца, где впоследствии будет красный угол. При рубке двух бревен строитель — плотник непременно кого-нибудь заклинает: или какого-нибудь члена семьи или животных: лошадей, коров. Из заклятых уже никто не будет долго жить — умрет в скором времени»[16].

В ряде случаев вокруг темы «строительной жертвы» складываются особые городские легенды. Одну из них привел Д.Г.Булгаковский в своей книге «Нижегородские легенды»: «О Коромысловой башне, которая находится под Зелёнинским съездом, существует предание, что с нее начали строить Кремль, и что по тогдашнему суеверию, для успешного строения его, решили заложить в основание башни первое живое существо, которое придет на это место. Пришла девушка с коромыслом и ведрами за водою на речку Почайку и оттого самую башню прозвали "Коромысловою"»[17].

Во многих городах существует ритуал загадывания желаний в определенных «локусах» города. Например, в Новгороде, чтобы желание исполнилось, нужно взяться за хвост одного из двух львов, стоящих перед зданием бывшей губернаторской резиденции (лучше левого). В Петербурге сложилось несколько ритуалов этого рода, связанных с грифонами на Банковском мосту через канал Грибоедова, Поцелуевым мостом через Мойку и др. Стоит отметить, что таким талисманом стал и недавно появившийся памятник Петру I работы Михаила Шемякина, установленный в Петропавловской крепости. Любопытный пример московской ритуальной семиотики — поверье, сложившееся вокруг фигуры трубача, стоявшей над Красными воротами (снесены в тридцатые годы): «Потому эту фигуру чтут, что существует поверье, будто бы когда она затрубит, то конец Москве будет. По крайней мере, некоторые старушки по утрам ходят к Красным воротам на всякий случай послушать: трубит трубач или нет. Больше общественных статуй в Москве нет — их до сих пор зовут истуканами и плюются, если где увидят»[18].

Загадывание желаний — частный случай более широкого явления — приписывания городским объектам магических свойств. Подобные функции всегда выполняли религиозные объекты, в первую очередь, чудотворные иконы. В условиях атеистического государства широко развилась «народная магия», обращавшаяся как к религиозным, так и к квазирелигиозным объектам. Часто официально отвергнутые святыни становились объектами неофициального культа. Так, известный петербургский храм Спас-на-крови долгие годы использовался как овощехранилище (получив прозвище «Спас-на-картошке»). Но все советские десятилетия сохранялся культ изображения распятого Христа над главным входом в собор. Этому способствовали и рассказы о стонах, раздающихся по ночам внутри собора. Очень популярен культ, сложившийся вокруг могилы

Ксении Блаженной на петербургском Смоленском кладбище. Скончавшаяся в XVIII в. Ксения, вдова певчего придворной капеллы, после смерти мужа переоделась в мужскую одежду и стала называть себя Андреем Федоровичем. За ней утвердилась слава пророчицы, в частности, ей приписывают предсказание кончины императрицы Елизаветы Петровны. После смерти Ксении ее могила сразу же стала местом паломничества и поклонения. И в советское время, когда могила старательно десакрализовывалась (в часовне была устроена мастерская), культ сохранялся.

Особые магические свойства приписывались надгробной плите на могиле Павла I в Петропавловской крепости (утверждали, что прикосновение к ней излечивает от зубной боли) и др.

Совершенно особый пример — так называемая Ротонда – круглое помещение в одном из домов на Гороховой улице, известное еще и как «Центр мироздания». В течение многих лет Ротонда — культовое место молодежной субкультуры. Утверждают, что помещение обладает особыми физическими свойствами — вплоть до возможности выхода в четвертое измерение. В молодежной среде распространено поверье, что тому, кто несчастен в любви, нужно прийти в Ротонду и оставить какую-нибудь запись на ее стенах. Интересно, что подобные суеверия встречаются не только среди хиппи. В здании Высшего военно-морского училища (в прошлом — Морской кадетский корпус) имеется так называемый Компасный зал — с изображением на полу картушки компаса. Согласно традиции, напрямик — по картушке — ходят только адмиралы, все остальные обходят ее вдоль стен.

Важно отметить, что магическими свойствами наделяются не только архитектурные сооружения, но и отдельные предметы — прежде всего произведения искусства. Суеверные предания сложились вокруг экспонатов Эрмитажа, Кунсткамеры, Третьяковской галереи.

Семиотическое обыгрывание отдельных предметов или отдельных деталей городской среды, чаще всего приобретающее «зловещую» тональность, связывает нас с еще одним жанром городской мифологии, который можно было бы назвать «городской криптологией». Поиск «тайных знаков» может стать увлекательнейшим занятием. Вероятно, самый известный — не только в Петербурге — исторический пример этого рода — рассказ о пророчестве, связанном с надписью на фасаде Михайловского замка. Как известно, надпись, гласившая: «Дому твоему подобаеть святоже Господня в долготу дней», украшала замок, торопливо сооружавшийся ко дню рождения императора Павла. Но еще во время строительства распространились слухи о юродивом со Смоленского кладбища, утверждавшем, что количество букв в надписи (46) соответствует числу лет, которые суждено императору прожить на свете. Незадолго перед тем как Павлу исполнилось 47 лет, он был убит заговорщиками.

В Петербурге есть немало поводов для возникновения слухов о «тайных знаках». На фасаде храма Спас-на-крови, построенного, как известно, на месте смертельного покушения на императора Александра II, можно увидеть изображение красных пятиконечных звезд. При определенном складе мышления легко истолковать их как масонские знаки, призванные сообщить посвященным, кто в

действительности стоял за убийством царя. Другой пример — так называемый Дом со свастиками на пересечении Московского проспекта и Обводного канала. Действительно, на фасаде дома виден орнамент, напоминающий изображения свастики. Народное воображение породило легенду о том, что здание строили пленные немцы, которые и «отметили» здание таким образом. (На самом деле дом построен в конце прошлого века.) Собственно, такого рода домыслы часто возникают и приобретают роковую значимость в обстановке общественного психоза. Интересно, что это коснулось даже ставшей официозным символом скульптуры В.Мухиной. Когда скульптуру устанавливали на ее тепершнем месте, поступил донос, что в складках одежды можно разглядеть... портрет Троцкого. Комиссия долго разглядывала, но портрета не нашла. «Городская криптология» подпитывается и поддерживается нередким среди строителей стремлением внести в свое создание дополнительный символический смысл.

Наверное, классическим примером в этом плане может служить спроектированный В.Баженовым ансамбль Царицына. «И построил он не царский ансамбль, а что-то вроде хрестоматии великого Братства Вольных Каменщиков. С особой тщательностью он продумал арки. Еще бы, ведь им придавалось в символике Братства значение превеличайшее. Из арок состоит сам Соломонов Храм. И пентакль "Триумфальная арка" использовался чудотворцами для того, чтоб войти в "Магию Огня", для работы с фантомами Черного Солнца. Одну же из арок он сделал — Терновым венцом. На хлебном доме каравай изобразил — весьма напоминающий пентакль "литавры" — принадлежность кухни ведьм. И окна выполнил — в виде Великих Братьев, Свет несущих. Фасад же Оперного дома весьма отчетливо изображал один из тайных ритуалов — прием нового брата. Все строения расположил по трем спускам-"шнекам", расходящимся от церкви, что была еще при Кантемирах. И если смотреть на его корпуса, павильоны, дворцы от небес — узнаются масонские символы: "голубь", "лисица", "перчатка" и прочие».

Обычай строить здания «со смыслом» весьма распространился в советские времена. Из многочисленных примеров можно назвать здание Театра Красной армии в Москве, спроектированное в форме пятиконечной звезды. Стоит отметить, что во время войны архитекторов якобы едва не арестовали как германских диверсантов, внедренных в наше отечество: оказалось, что четыре луча звезды указывают на четыре московских вокзала, а пятый — на Кремль...

Своеобразной модификацией подобных представлений оказывается разыгрываемый иногда сюжет «тайного памятника». В третьем томе «Архипелага Гулаг» Александр Солженицын, говоря о Кенгурском восстании заключенных, предлагает считать памятником восставшим памятник Юрию Долгорукому, как раз в те дни открытый в Москве. Отсутствующий по «объективным причинам» памятник замещается другим, официально посвященным совсем другому событию. Из этого же ряда букет цветов, положенный, как гласит молва, возле герба города Галич на одной из станций московского метро сразу после гибели в Париже Александра Галича. В Петербурге известный памятник Н.М.Пржевальскому в Александровском саду, а также профильное изображение Пржевальского на станции метро «Технологический институт», могут восприниматься и обыгры-

ваться как своего рода «тайный памятник» Сталину. То же относится и к многочисленным «исправленным» после 1956 г. изображениям — например, мозаичный плафон на станции московского метро «Комсомольская кольцевая», где можно видеть Ленина, выступающего с трибуны мавзолея.

В Петербурге популярен «прикол» о профиле Наполеона, который, если приглядеться, вырисовывается в неудобосказуемом месте одного из коней на Аничковом мосту. В развитие сказанного заметим, что ритуалы — это способ выявления и актуализации городской мифологии, когда ведущаяся между человеком и городом игра осознается именно как игра, со всеми ее особенностями. Выделим особо такой специфический ритуал, как городские розыгрыши, тем или иным образом использующие городские объекты. Классическим примером может служить так называемое «динамо у Феликса», популярное в недавнем прошлом среди московских девушек. Заключалось оно в том, что бессердечная московская барышня, познакомившись с наивным гостем столицы, назначала ему свидание у памятника Дзержинскому, стоявшему тогда в центре одноименной площади, «но только у самого памятника, а то там народу много, друг друга не найдем». Как известно, приблизиться к памятнику было нельзя. Ничего не понимающий приезжий вступал в малоприятную «городскую игру» со стражами порядка. А в Ленинграде курсанты Высшего военно-морского политического (!) училища охотно объясняли доверчивым девушкам, как легко их найти: «подойдешь к училищу, спросишь Ваню Крузенштерна — любой покажет» (памятник знаменитому мореплавателю стоит перед входом в училище).

Автору этих строк известна одна компания интеллигентных молодых шалопаев, которая в шестидесятые годы развлекалась в центре Ленинграда таким образом: один из шалопаев подходил с деловым видом к известному зданию на углу Невского и Фонтанки (дворец Белосельских-Белозерских, в те годы — Куйбышевский райком КПСС) и начинал с интересом вглядываться в маленькую табличку, расположенную почти на уровне мостовой (в ней сообщается, что здание построено архитектором Штакеншнейдером). Через некоторое время подходил второй шалопай и также начинал всматриваться в табличку. Затем появлялся третий... Как легко догадаться, вскоре проходившие мимо выстраивались в колонну, напряженно вглядываясь в табличку. Суть игры состояла в состязании на количество «охваченных» прохожих.

В заключение обратим внимание еще на одну составляющую городской мифологии, которую можно обозначить как «миф толпы».

Умение почувствовать ритм и особенности городской толпы — одна из самых изысканных черт городской культуры. Когда мы сегодня читаем (или слышим) слова Дорна из чеховской «Чайки» о том, что нигде в мире не найдешь такой толпы, как в Генуе, нам достаточно трудно это понять, т. е. прочувствовать. Но особенности, например, петербургской толпы были внятны не только Гоголю, автору «Невского проспекта», но и таким «низкостатусным» писателям, как Н.Гейнце и Н.Брешко-Брешковский, описавшим движение деловой и праздношатающейся публики не только на Невском, но и во всей центральной части города. Для понимания мифологии улицы важно, что уличная толпа, особенно в крупном городе, всегда носит черты «театра для себя», где многие «играют роль».

Поэтому так существенна для нее мифологическая сторона, мотивы подражания, реинкарнации, культурной экзотики. В середине восьмидесятых годов жители Ленинграда могли наблюдать необычное зрелище: девятого мая по Невскому прошла колонна неонацистов, во главе которой шествовали двойники Гитлера, Геринга и Геббельса. Для большинства участников демонстрации это было лишь эффектным перформансом, но для изображавшего Гитлера школьника Владислава Мамышева — чем-то гораздо большим. Считая германский нацизм лишь пьедесталом для реализации грандиозной сверхличности Адольфа Гитлера, Мамышев искренне хотел стать Гитлером. Правда, позднее эта страсть обратилась на Мэрилин Монро, и сегодня петербургскую толпу иногда оживляет зрелище Мамышева–Гитлера–Монро (так он себя называет) в светлом парике и платье с глубоким декольте.

Мифологическая театрализация городской толпы проявлялась, на наш взгляд, и в умении разглядеть культурно-исторические типы городских обитателей, как это сделал, например, Н.С.Лесков, описавший василеостровских «прихотников».

Примечания

[1] Метафизика Петербурга. СПб., 1993. С. 25.

[2] *Лотман Ю.М.* Избранное. Т. 1. Таллинн, 1992. С. 142.

[3] Метафизика Петербурга... С. 7.

[4] *Топоров В.Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ. М., 1995. С. 368.

[5] Культура города: Проблема инноваций. М., 1987. С. 10.

[6] Там же. С. 22.

[7] *Жолковский А.К.* Блуждающие сны. М., 1994. С. 123.

[8] *Степанов А.В.* Genius Loci Гатчины // Проблемы истории архитектуры. Вып. 1. М., 1990. С. 86.

[9] *Тюменев И.Ф.* На Среднем Плесе // Исторический вестник. 1904. Т. 95. № 1. С. 210.

[10] *Долгополов Л.К.* На рубеже веков. Л., 1977. С. 158.

[11] *Степаков В.* Зов смерти: что скрывается за зловещей тайной Обводного канала в Петербурге // «24 часа». 1998, № 22. С. 15.

[12] *де Рокамболь А.Н.* Проект «День рождения города 1986 г.» // Декоративное искусство. 1990. № 1. С. 41.

[13] Проблемы истории архитектуры... С. 81.

[14] *Паперный В.З.* Культура-2. М., 1996. С. 212.

[15] Воспоминания жизни Ф.Г.Тернера. Т. 1. СПб., 1910. С. 90.

[16] Цит. по: *Байбурин А.К.* К описанию славянского строительного ритуала // Текст: Семантика и структура. М., 1983. С. 209–210.

[17] *Булгаковский Д.Г.* Нижегородские легенды. СПб., 1896. С. 9.

[18] *Гнедич П.П.* Антипод и другие рассказы. СПб., 1902. С. 456. Целый ряд любопытных «московских» примеров приведен И.С.Веселовой; см.: Заметки к фольклорной карте Москвы // Живая старина. 1997. № 3. С. 10–12.

[19] Столица. 1995. № 8. С. 39.

В.Ф.Лурье
(Санкт-Петербург)

Памятник в городе: Ритуально-мифологический контекст

Памятник фигурирует во множестве жанров городского фольклора — анекдотах, мифологических и бытовых рассказах, ритуалах, которые сопровождают «жизнь» большинства монументов — от их установки до уничтожения. Тема памятника актуальна для современной культуры в целом, она остается «горячей» для современного общества, которое постоянно рефлексирует на тему поставленных, свергаемых, гипотетических или готовящихся к установке памятников.

У памятника в городе несколько функций, прежде всего, функция передачи культурной и исторической памяти, но практически никогда эта функция не бывает у памятника единственной или хотя бы основной.

Памятник «в узком смысле — произведение искусства, созданное для увековечивания памяти о людях и событиях. Для Памятника, обычно являющегося средством пропаганды идей господствующего строя, характерна функция активного общественного воздействия; она проявляется не только в идейной программе, но и в самом характере размещения Памятника, как правило, рассчитанного на обозрение его значительным числом людей...» (БСЭ).

Если трансляция памяти отходит на второй план, а на первом оказывается манифестация идеологии, то при изменении идеологии общества различным изменениям подвергаются и те объекты, которые ее транслировали.

С разными типами памятников это происходит по-разному. Массовое и индивидуальное сознание горожан выражается в отношении к исторической личности, которой установлен памятник, к его художественному решению, к тому, какое окружение он имеет и как с ним взаимодействует.

Можно выделить два типа монументов: памятник как носитель информации о прошлом, определенном лице или событии и памятник как воплощение некой идеи. Отношение городского зрителя к памятнику может быть положительным, нейтральным или негативным, оно формируется с момента его установки, во время которой может произойти некое запоминающееся событие, за давностью лет документально не всегда поддающееся проверке. Возникший меморат впоследствии бытует в виде мифа, слуха или анекдота.

После открытия монумента отношение к нему людей обретает определенность. Традиция принимает имя, данное памятнику официально или происходит его новое имянаречение, закрепляющееся в городской неформальной микротопонимике, как правило, связанное с его новой трактовкой. Кроме того, устанавливается определенный ракурс обозрения памятника, обычно связанный с его трансвестированным осмыслением, например, «Ленин на корточках», «Воровский, танцующий твист» и др. Неизбежны шутка и/или снижение идеи памятника. Ненормативный (неучтенный создателями) угол, ракурс обозрения помещает памятник в новую, изначально не свойственную ему композицию. Новое истолкование может получить и каноническая поза статуи («Карл Маркс, предлагающий пиво»). Трактовка, всегда шутливая, существует параллельно с официальной.

Активное отношение к памятнику предполагает физическое вмешательство зрителя, которое может выражаться в добавлении или отнятии какого-либо элемента, что также изменяет или дополняет идею этого памятника (например, сигарета, вставленная между пальцами статуи). Это могут быть как традиционные шутки, так и полуритуальные действа, сходные с перформансом.

В конце жизни памятника происходит его разрушение или демонтаж, что может быть актом частного или общественного вандализма: обращение одной культуры к другой с «последним аргументом».

Памятник в городе не одинок, он вступает в некие отношения с окружающим его ландшафтом. Многие статуи стоят, направив в какую-либо сторону правую (реже левую) руку. На фигуры политических деятелей (в этом плане) всегда обращали особое внимание — куда именно они показывают и смотрят. Рассказывали о прибалтийских памятниках, ранее смотрящих кто куда (или на Запад), а после присоединения к СССР — якобы развернутых строго на восток, в сторону Москвы. Если в монументе присутствовало тяжелое вооружение, то его, наоборот, от востока отворачивали.

В некоторых случаях ритуалы, связанные с памятниками, трансформируются и создаются новые, неофициальные. Например, так происходит с монументами, воздвигнутыми «в честь и память» людей и событий, связанных с каким-либо учебным заведением; их можно отнести скорее к локальным памятникам, чем общегородским, иногда они и находятся на закрытой от остальных горожан территории (во дворах или внутри зданий). Возникающие ритуалы связаны в основном с инициацией учащихся — окончанием этого учебного заведения — и сопровождаются разнообразными действиями.

Существует особый жанр анекдотов о памятниках различным известным людям. Чаще всего серия анекдотов об определенном человеке пополняется сюжетом о его памятнике, т. е. о жизни после смерти. Известны подобные анекдоты о Пушкине, Гоголе, Ленине и др.

Тексты о памятниках

Слухи

1. Памятник Юрию Долгорукому в Москве. По одной версии, Сталин, по другой — некий старорежимный академик архитектуры, оглядев статую, сказал: «не мог русский князь на кобыле ездить!». За ночь срочно сделали и приделали что нужно и исправили кобылу на коня.

2. Почему Кутузову в Петербурге памятник поставили? Да потому что он Москву французам сдал!

Легенды

3. Петр I сидел на коне на берегу Невы и сказал: «Все Бога и мое». Сказал и перепрыгнул Неву. А потом сказал: «Все мое и Бога». И окаменел.

4. На вершине Нарвских ворот в Санкт-Петербурге стоит колдун.

5. В основании Александрийской колонны на Дворцовой площади Санкт-Петербурга зарыт ящик первоклассного шампанского.

6. Яйца коней Клодта (Аничков мост).

По версиям прохожих, одно из яиц: А — расписано непристойностями, В — изображает собой голову какого-то неприятеля Клодта, С — есть портрет Наполеона. Но оно закрашено.

7. Статуя Дзержинского на Лубянской площади в Москве отлита из чистого золота — «золота партии» (мотивировка — охранять легче).

8. Памятник Ленину, у которого было две кепки: одна на голове, другая в руке (или кармане плаща). Рассказывают различно: то как о памятнике, простоявшем так долго («и сейчас стоит» — так говорили до 1990-х годов, теперь ни в чем уже нельзя быть уверенным), то о том, что это было замечено вскоре после установки.

9. А у памятника Пушкину пожилой человечек рассказывает двум девицам недостоверную, но занятную легенду.

– Вот, значит, когда памятник-то открывали, то Пушкин стоял не как сейчас с непокрытой головой. Он был, как положено, в шляпе. Ну, вскоре ехал по Тверской царь. Все, конечно, кланяются, шапки долой. Один Пушкин стоит в шляпе, царь тут и велел с памятника шляпу снять, дать Пушкину в руку, а руку завести за спину. Так, глядите, и остался до сегодня.

Девицы сочувственно кивают головками: надо же...

Байки

10. Ленин и соратники. Одна женщина гуляла со своей дочкой по городу, и они все время встречали памятники. И это все время оказывались или Ленин, или его соратники. Мама так и объясняла. И вот они дошли до памятника дедушке Крылову. И дочка сказала: «Мама, это Ленин и его соратники?».

11. Сотрудники Академии художеств были однажды несколько шокированы видом полуголого человека, залезавшего на огромного Геракла (или это был другой столь же выдающийся мужчина и полубог). Причем на статую был натянут бюстгальтер. Пришлось принять действенные меры.

12. У одной из фигур на ст. метро «Площадь Революции» (Москва) постоянно крали пистолет. Все за этим даже специально следили.

13. При установке в 1976 г. в Москве памятника Энгельсу крановщик оставил его на ночь в подвешенном состоянии. Статуя и тросы примерзли, так она провисела двое суток. От нескромных глаз его прикрыли белым полотном, и москвичи прозвали его «призраком коммунизма»

14. Памятник Альфреду Нобелю на Петроградской набережной в Питере — весьма авангардное сооружение из сваренных металлических предметов метра 4 в высоту. Одна бабуля, проходя мимо, сказала: «Господи, что ж с ним сделали-то!», приняв работу скульптора за вандализм...

15. В одном городе мужик хотел повеситься на памятнике Ленину. Полез на него с веревкой, упал и разбился.

Тексты, в которых дается шутливое объяснение позы и т. д.

16. «Последняя девушка Бибирево»: в Бибирево, окраинном московском районе, бронзовая девушка, стоящая у дороги.

17. «Вацлав Воровский, танцующий твист».

18. На одном из вокзалов «Ленин пиджачком торгует» — за фалды держит и рукой показывает.

19. Ленин на Московском проспекте Ленинграда — танцует лезгинку (видно, когда на автобусе едешь).

20. Кутузов и Барклай де Толли у Казанского собора — Барклай держится за живот (болит!), а Кутузов показывает на аптеку — иди, мол, купи лекарство.

21. У Барклая (вид сбоку, с канала Грибоедова) — торчит, вы только приглядитесь, фаллос.

22. «Тетенька описалась» — говорят киевляне о статуе Матери-Родины, когда в расположенном под ним музее начинает протекать потолок. А случается это очень часто.

23. Ленин в нише Варшавского вокзала (а стоит он там на месте Христа) — вид как из вертикального гроба — показывает рукой теневой театр.

24. В городе Вологде стоит на постаменте танк — и все обращали внимание, что ствол его направлен на дом местной элиты.

25. «Опоздавшие на московский поезд»: у таллиннского вокзала — группа грустных людей, у одного на руках девочка.

26. Па-де-де из балета «Апрельские тезисы»: один из памятников Ленину.

27. «Памятник Пищевикову»: Ленин во дворике ДК Пищевиков, низенький и толстенький, настоящий пищевик.

28. «Памятник Злой матери» (или «Вот тебе, вот тебе, сынок!»). Скульптура «Милосердие» на воротах Воспитательного дома в Москве — мать подняла руку над ребенком в соответствующей позе.

29. «Памятник электромонтеру» — перед депо Октябрьской железной дороги (Москва) — на возвышении из разных железок (болты, шестеренки и пр.) стоит Ленин.

30. «Двое третьего несут»: композиция у кинотеатра «София», Москва.

31. «Рыболовы-пенсионеры» — памятник Марксу и Энгельсу в Петрозаводске.

32. «Сообразим на троих! А где деньги взять?» — памятник какой-то троице с соответствующей жестикуляцией.

33. «Пива хочешь?» — памятник Карлу Марксу в Москве.

34. «Мечта импотента» — стела на площади Восстания у Московского вокзала и обелиск на площади Победы в Киеве.

35. «Шампур» — стела на площади Восстания у Московского вокзала (Ленинград).

36. «Стамеска» — памятник на площади Победы (Ленинград).

37. «Большое чучело» — памятник В.И.Ленину на Московской площади (Ленинград).

38. «Пятеро тащат холодильник» — памятник Героям Революции 1917 г. в Украине на площади Советской, сейчас — площадь Конституции (Харьков).

39. Почему Кутузову в Петербурге памятник поставили? Да потому, что он Москву французу сдал! (комическое объяснение местоположение памятника)

40. «Встал на века» — название статьи об установке памятника, в народе известного как Фаллос в лифчике (стела у Московского вокзала).

Анекдоты

41. Попросила учительница детей стихотворение про памятник прочитать. Вовочка вызвался и прочитал: «Стоит статуя в лучах заката, а вместо хуя торчит лопата». Учительница расстроилась, как же, говорит, Вовочка, такие слова в стихотворении... Вовочка прочел иначе: «В лучах заката, стоит статуя, а вместо хуя торчит лопата». Учительница опять его попросила такое не говорить. Вовочка прочел заново: «Стоит статуя в лучах заката, совсем без хуя, торчит лопата».

42. Едет Брежнев на машине, смотрит — памятник стоит. Он остановил машину и спрашивает:

– А кому это памятник?

– Чехову.

– А, это тот, который «Муму» написал!

– Нет. «Муму» написал Тургенев.

– Странно! «Муму» Тургенев написал, а памятник Чехову?!

43. Как в коммунальной квартире! (Ленин — о вносе и выносе Сталина).

44. ЛЁНИН (надпись на Мавзолее, специально для Брежнева).

45. Почти все (если не все) памятники Гоголю советского времени в Москве — с надписью золотыми буквами — «От советского правительства». По устным версиям, Гоголь открыл памятник советскому правительству с надписью «От Гоголя». А что на постаменте? Нос.

Интересно наблюдать жизнь памятника Богдану Хмельницкому (Киев) в анекдотах:

46. — Говорят, что гитлеровцы в Киеве приковали к мостовой памятник Богдану Хмельницкому.

– Зачем?

– Боятся, чтобы не пошел в партизаны...

47. Турист в Киеве попросил прохожего рассказать историю памятника Богдану Хмельницкому.

– История такова, — начал прохожий. — Разгромил Богдан польских шляхтичей и вернулся с победой в город. Въехал на коне на горку, а вокруг тысячи людей. Он вытянул перед собой булаву и произнес: «Здоровеньки булы, грамадяны украинци!». В ответ прозвучало: «Здгаствуй, товагищ Богдан!». Тут он и окаменел...

48. Год 2050. К другу в Киев приезжает старый приятель из Нью-Йорка. Осматривая городские достопримечательности, подходят к памятнику Богдану Хмельницкому:

– Моня, а кому установлен этот памятник?

– Это укгаинцам, Абгам, укгаинцам... Когда здесь жили укгаинци, это был их вождь.

49. Вовочка первый раз попал на кладбище. Он с интересом читает надписи на памятниках и, наконец, удивленно спрашивает:

– А где же похоронены плохие люди?

50. Штирлиц был извращенец. Поэтому во Вращенцах ему поставили памятник.

51. Убегает наркоман от милиции. Бежит, смотрит: античная скульптура из трех обнаженных мужчин. Ну наркоман быстренько одежку скинул и пристроился в экзотической позе к статуе... Голос из-за кадра: «Сними носки, придурок. Всех попалишь!!!»

52. Муж возвращается домой, жена не знает, куда спрятать любовника.

В последний момент она догадывается поставить его на кухне в виде античной статуи.

– Это что? — спрашивает муж.

– Я у Петровых видела и тоже купила. Сейчас это в моде!

Легли спать, ночью муж встал, вышел на кухню, приготовил чай, бутерброды и протянул «статуе».

– Есть-то хочешь?

– Ага...

– Ешь, знаю, когда у Петровых стоял, ни один гад не позаботился...

53. У Андропова на столе стоял бюстик А.С.Пушкина. Все посетители удивлялись (в сам'деле — почему не «железный Феликс») и спрашивали:

– О ! Вы, наверное, большой ценитель Пушкина?

– Да нет, — отвечал Юра, — но как он замечательно сказал: «Души прекрасные порывы!..»

54. Ворошиловский стрелок перед памятником Пушкину:

– И чего ему памятник поставили? Попал-то ведь Дантес!

Однажды чукча стоял на Пушкинской площади и смотрел на памятник Пушкину:

– Однако, кто это?

– Пушкин.

– Это который «Му-Му» написал?

– Нет, «Му-Му» написал Тургенев.

– Однако странно: «Му-Му» написал Тургенев, а памятник Пушкину.

55. Новый МХАТ, расположенный напротив театра имени Пушкина, называли театром имени Дантеса.

56. Конкурс памятников Пушкину (1937 г.). Третья премия — Пушкин читает свои стихи. Вторая премия — Сталин читает Пушкина. Первая премия — Сталин читает Сталина (ср. варианты).

57. Стоит мужик возле памятника Пушкину. Полвторого ночи. Вдруг слышит сверху голос:

– Эй, мужик! Постой тут за меня полчаса, а?

– Ну, что вы, Александр Сергеевич! Как же я посмею!

– Ну пожалуйста! Ну чего тебе стоит? Ну хотя бы ради всего того, что я сделал для культуры...

Согласился мужик. Пушкин тросточкой взмахнул и ушел, а мужик на его место встал. Час стоит. Два стоит. Уже утро. Пушкина нет. Слез мужик, пошел в отделение.

– Понимаете, — говорит, — стою это я, а он сверху — замени, говорит, меня на полчаса и ушел. Я его ждал, ждал... Он с тросточкой такой, в цилиндре...

– С бакенбардами?

– Да-да, он самый и есть!

– Он в КПЗ сидит.

– ?!!

– Представляешь, ходил тут по улицам, ловил голубей и на головы им срал!!

Традиции, связанные с памятниками

Ритуалы

58. На памятник Ивану Крузенштерну моряки-курсанты при выпуске надевали специально сшитую тельняшку (из двух-трех настоящих).

59. Памятнику у Военно-медицинской академии при выпуске чистили ботинки.

60. Натирали пастой ГОИ грудь русалки, сидящей в фонтане (у Военно-медицинской академии).

61. Медному всаднику этой же пастой курсанты военные инженеры натирали коню яйца. В ночь выпуска туда направляют специальные дозоры (часто безуспешно).

62. Петру I — у домика Петра — тем же — натирают нос выпускники-нахимовцы.

63. На Петра I курсанты-выпускники надевают матросский воротник.

64. Курсанты Макаровского военно-морского училища (человек двадцать) притаскивают к училищу от набережной якорь. Наутро дежурных (а их не больше четырех) начальство заставляет тащить обратно.

65. Бюст Горького в Голубом зале 20-го корпуса ЛГПИ им. А.И.Герцена, несомненно, расценивался всеми как Genius locus. На праздники его украшали и вообще — уважали.

66. В одной школе стоял бюст Некрасова. Так он частенько был в губной помаде, совершенно исцелованный.

67. В Ярославле хипы на день рожденья Ленина покупали кило сосисок и забрасывали их на его памятник. У памятника собирались бродячие собаки и выли.

68. Первоапрельская питерская шутка. На стол начальнику кладется записка: «Срочно позвоните Петру Алексеевичу», и номер телефона. Начальник звонит, просит П.А. и слышит усталую брань. Телефон, оказывается, домика Петра I...

69. «Пушкина белить» — так называлось занятие солдат, которых раз в месяц посылали за ворота части к памятнику Пушкину (в каком-то провинциальном городке).

70. В одной больнице в приемном покое стоял фаянсовый бюст Пирогова. Когда наступал час затишья, когда было уже поздно, больных не везли, все дела были сделаны, анекдоты рассказаны и т. д. и т. п., тогда медсестра шла «Пирогова мыть». Его несли в ванну, тщательно мыли, вытирали, заворачивали в махровое полотенце и несли на место. Однажды бюст разбился, и его склеил один из больных — скульптор.

71. В Гатчине памятник Ленину на скамейке, раньше рядом с ним сидел Сталин. Люди садятся рядом (памятник немного больше человеческого роста) и фотографируются.

72. Едоки каши. «Около 11 утра в мастерской художника С. стали варить десятилитровую кастрюлю манной каши. Сварили. С 11.45. у Александрийского столпа стала собираться очередь людей с железными мисками и ложками в руках. В 12.00 художник С. с товарищем принесли кастрюлю на площадь, и началась раздача каши. Через 15 минут подошел милиционер и попросил “прекратить это”. “Едоки” отошли к стене Зимнего дворца и довершили раздачу». Это примерное содержание перформанса «Едоки каши», середина 1980-х годов.

73. В Чехословакии белой статуе К.Готвальда (во время бархатной революции) выкрасили руки красным.

Памятники, как обозначение «места встречи»

74. Между ног Маяковского (памятник Маяковскому на станции метро Маяковского в Питере). М. там частенько оттаптывали ботинок, а один милицейский рапорт на хипа, слишком намозолившего глаза патрулю, так и начинался: «Сидел между ног Маяковского».

75. «Встретимся под яйцами», говорят в Ростове, имея в виду памятник на главной площади.

76. На ст. метро «Площадь Революции» (Москва) под каблуком одного революционера влюбленные оставляли записки друг другу, была традиция писать (и читать) записки незнакомым людям. Знакомство по переписке...

77. Ласковый дедушка — на ст. метро Белорусская (Москва) — партизан с вытянутой рукой. Под нее можно встать, и кажется, что дедушка гладит по головке (это место встречи влюбленных, и дедушка утешает ожидающих).

Приметы и загадывания

78. «Машин зал» — зал с витражом, изображающим Марию Магдалину. «Завесить витраж было нельзя — в зале стало бы совсем темно. А выломать его — тоже нельзя. Художник-то был какой-то знаменитый....Так и стояла она — совсем голая и красивая, и все к ней привыкли. Девушки некоторые говорили, что она помогает сдавать зачеты. Для этого надо проскакать до нее через весь зал на одной ножке и сказать ей так: «Голая Маша, надежда наша, помоги сдать физику! (или химию, или политэкономию)» — и она уж примет меры».

79. Один человек, проходя мимо Петра I работы М. Шемякина, подумал — хорошо бы денег найти! И тут же нашел оброненный интуристом толстый кошелек с деньгами. С тех пор такая примета возникла, только мало кто знает об этом....

Примечания

1. Записано автором в 1990 г. в г. Москве от А.Флорковской (1966 г. р.).
2. Записано автором в 1990 в автобусе в г. Ленинграде от неизвестной (ок. 65 лет).
3. Старообрядческий миф о Медном Всаднике, записан В.С.Бахтиным.
4. Легенда бытовала в 1920–1930-е годы, записана мной в 1989 г. в Калининской обл. Вероятно, именно она отразилась в картине П.Филонова «Нарвские ворота»).
5. Записано мной в 1993 г. от неизвестного мужчины примерно 45 лет.
6. Записано автором в 1995 г. в г. Ленинграде от И.Сергеевой (1970 г. р.).
7. Записано автором в 1994 г. в г. Москве от А.Флорковской (1966 г. р.).
8. Записано автором в 1994 г. в г. Москве от А.Флорковской (1966 г. р.).
9. В.Листов. Общая Газета, 12–18 ноября 1998 г. № 45 (275)
10. Информация из газет, 1990 г.
11. Записано автором в 1990 г. в г. Ленинграде от Я.Гуляевой (1970 г. р.).
12. Записано автором в 1990 г. в г. Ленинграде от И.Ивановой (1966 г. р.).
13. Записано автором в 1993 г. в г. Москве от А.Флорковской (1966 г. р.).
14. Записано автором в 1989 г. в г. Ленинграде от Я.Гуляевой (1970 г. р.).
15. Записано автором в 1989 г. в г. Ленинграде от И.Строганова (1965 г. р.).
16. Записано автором в 1990 г. в г. Москве от А.Флорковской (1966 г. р.).
17. Записано автором в 1990 г. в г. Москве от А.Флорковской (1966 г. р.).
18. Записано автором в 1993 г. в г. Москве от А.Флорковской (1966 г. р.).
19. Записано автором в 1995 г. в г. Ленинграде от А.Петрова (1970 г. р.).
20. Записано автором в 1991 г. в г. Ленинграде от О.Дорогинского (1966 г. р.).

21. Записано автором в 1992 г. в г. Ленинграде от И.Ивановой (1966 г. р.).
22. Записано автором в 1997 г. в г. Ленинграде от И.Сергеевой (1969 г. р.).
23. Записано автором в 1993 г. в г. Киеве от И.П.Лямченко (1969 г. р.).
24. Записано автором в 1997 г. в г. Ленинграде от И.Ивановой (1966 г. р.).
25. Записано автором в 1989 г. в г. Таллине от Л.Сийкки (1968 г. р.).
26. Записано автором в 1994 г. в г. Москве от А.Флорковской (1966 г. р.).
27. Записано автором в 1994 г. в г. Москве от А.Флорковской (1966 г. р.).
28. Записано автором в 1995 г. в г. Ленинграде от И.Ивановой (1966 г. р.).
29. Записано автором в 1993 г. в г. Москве от А.Флорковской (1966 г. р.).
30. Записано автором в 1993 г. в г. Москве от А.Флорковской (1966 г. р.).
31. Записано автором в 1992 г. в г. Москве от А.Флорковской (1966 г. р.).
32. Записано автором в 1995 г. в г. Ленинграде от И.Сергеевой (1970 г. р.).
33. Записано автором в 1995 г. в г. Ленинграде от И.Сергеевой (1970 г. р.).
34. Записано автором в 1993 г. в г. Москве от А.Флорковской (1966 г. р.).
35. Записано автором в 1995 г. в г. Ленинграде от И.Сергеевой (1970 г. р.).
36. Записано автором в 1995 г. в г. Ленинграде от И.Сергеевой (1970 г. р.).
37. Записано автором в 1995 г. в г. Ленинграде от И.Сергеевой (1970 г. р.).
38. Записано автором в 1995 г. в г. Ленинграде от И.Сергеевой (1970 г. р.).
39. Из анонимных сборников анекдотов, распространяемых компьютерным образом на дисках и в Интернете, получены путем выборки в 1997 г.
40. То же.
41. То же.
42. Из анонимных сборников анекдотов, распространяемых компьютерным образом на дисках и в Интернете, получены путем выборки в 1999 г.
43. Из анонимных сборников анекдотов, распространяемых компьютерным образом на дисках и в Интернете, получены путем выборки в 1997 г.
44. То же.
45. Из анонимных сборников анекдотов, распространяемых компьютерным образом на дисках и в Интернете, получены путем выборки в 1998 г.
46. Из анонимных сборников анекдотов, распространяемых компьютерным образом на дисках и в Интернете, получены путем выборки в 1997 г.
47. Из анонимных сборников анекдотов, распространяемых компьютерным образом на дисках и в Интернете, получены путем выборки в 1998 г.
48. Из анонимных сборников анекдотов, распространяемых компьютерным образом на дисках и в Интернете, получены путем выборки в 1997 г.
49. Штирлиц. Наиболее полное собрание печатных анекдотов. Часть 3. № 41.
50. Из анонимных сборников анекдотов, распространяемых компьютерным образом на дисках и в Интернете, получены путем выборки в 1999 г.
51. Из анонимных сборников анекдотов, распространяемых компьютерным образом на дисках и в Интернете, получены путем выборки в 1997 г.
52. Из анонимных сборников анекдотов, распространяемых компьютерным образом на дисках и в Интернете, получены путем выборки в 1998 г.

53. Из анонимных сборников анекдотов, распространяемых компьютерным образом на дисках и в Интернете, получены путем выборки в 1997 г.
54. Из анонимных сборников анекдотов, распространяемых компьютерным образом на дисках и в Интернете, получены путем выборки в 1998 г.
55. Из анонимных сборников анекдотов, распространяемых компьютерным образом на дисках и в Интернете, получены путем выборки в 1999 г.
56. Записано автором в 1991 г. в г. Ленинграде от Т.Костина (1966 г. р.).
57. Записано автором в 1991 г. в г. Ленинграде от Т.Костина (1966 г. р.).
58. Записано автором в 1990 г. в г. Ленинграде от Т.Костина (1966 г. р.).
59. Записано автором в 1990 г. в г. Ленинграде от Т.Костина (1966 г. р.).
60. Записано автором в 1991 г. в г. Ленинграде от П.Павлова (1971 г. р.).
61. Записано автором в 1990 г. в г. Ленинграде от Т.Костина (1966 г. р.).
62. Записано автором в 1990 г. в г. Ленинграде от Т.Костина (1966 г. р.).
63. Записано автором в 1990 г. в г. Ленинграде от П.Павлова (1971 г. р.).
64. Записано автором в 1990 г. в г. Ленинграде от Н.Соляновой (1969 г. р.).
65. Записано автором в 1990 г. в г. Ленинграде от Н.Соляновой (1969 г. р.).
66. Записано автором в 1990 г. в г. Ленинграде от Н.Соляновой (1969 г. р.).
67. Записано автором в 1989 г. в г. Ленинграде от Т.Костина (1966 г. р.).
68. Записано автором в 1995 г. в г. Ленинграде от С.Карина (1968 г. р.).
69. Записано автором в 1994 г. в г. Ленинграде от Т.Костина (1968 г. р.).
70. Записано автором в 1990 г. в г. Ленинграде от Н.Соляновой (1969 г. р.).
71. Записано автором в 1990 г. в г. Ленинграде от Н.Соляновой (1969 г. р.).
72. Записано автором в 1989 г. в г. Ленинграде от Я.Гуляевой (1970 г. р.).
73. Записано автором в 1989 г. в г. Ленинграде от И.Строганова (1965 г. р.).
74. Записано автором в 1989 г. в г. Ленинград от Н.Соляновой (1969 г. р.).
75. Записано автором в 1992 г. в г. Москве от А.Флорковской (1966 г. р.).
76. В.Шефнер. Сестра печали. Л., 1970. С. 40–41.
77. Записано автором от И.Строганова (1965 г. р.), в г. Ленинграде, 1998 г., с комментарием: «Вчера по радио рассказали».

Е.В.Бажкова, М.Л.Лурье, К.Э.Шумов
(Санкт-Петербург, Пермь)

Городские граффити

Здесь все, кроме меня, пишут на стенах.
Граффити, найденное в Помпее

Добродетелью украшайтесь.
Катинька, я вас люблю безумно!
Прошу в жалобной книге не писать
посторонних вещей. За начальника
станции Иванов 7-й.
Хоть ты и седьмой, а дурак.
А.П.Чехов. «Жалобная книга»

Слово «граффити» происходит от итальянского «grafficare» — царапать (буквально «нацарапанные»). Первоначально так называлась одна из техник настенной живописи. Позже словом воспользовались археологи, употребляя его как общий термин для обозначения всех видов случайных надписей и рисунков на стенах домов (см., например: [Blume 1985: 137]). В настоящее время это понятие расширило свои границы: под *граффити* понимают любые неофициальные публичные тексты, включая и современные. Более того, именно последние привлекают все больше и больше внимания ученых и журналистов, так что в сознании человека нашего времени со словом граффити ассоциируется прежде всего хорошо известная ему роспись стен домов, лестничных площадок, лифтов, туалетов и т. д.

Одно из определений термина «граффити» в его современном значении содержится в «Словаре простых форм» Вальтера Коха: «Случайные, т. е. нежелательные и неофициальные, надписи и знаки в общественных местах, включая общественные туалеты, рекламные объявления и дорожные знаки, раздевалки, тюремные камеры, вокзальные холлы и залы ожидания, автобусные и трамвайные остановки, телефонные будки, лифты, деревья и скамейки, школьную мебель, памятники, стены домов и зданий, столбы и балюстрады железнодорожных, автодорожных и речных мостов, внутренние и внешние стены автобусов и поездов. Надписи могут состоять из рисунков, символов, отдельных слов и имен, фраз, предложений, стихов, диалогов, высказываний. Может быть использован любой инструмент, оставляющий след на поверхности: мел, карандаш, ручка, маркер, краска в аэрозоли, цветные мелки, нож, палка» [Koch 1994: 111]. Данное определение, с одной стороны, стремится описать граффити во всех его проявлениях. С другой стороны, это не более чем эмпирическое перечисление, не претендующее на концептуальное определение граффити как явления культуры. Найти общий подход для описания современных городских граффити оказалось неожиданно трудной задачей, так как это явление объединило множество форм, изучаемых в рамках различных научных дисциплин и в различных контекстах.

За последние четыре десятилетия в зарубежных странах о современных граффити написаны сотни работ. Несколько лет назад это явление стало активно фиксироваться и осмысляться отечественными учеными, но к нынешнему моменту число русских научных статей и публикаций о граффити не превышает десяти[1]. Прежде чем перейти к представлению и анализу современного российского материала, мы подведем основные итоги изучения граффити в историческом и типологическом аспектах, в основном опираясь на известные нам западные исследования.

Граффити — явление чрезвычайно древнее. Сохранившиеся стены античных и средневековых городов покрыты надписями. Одна из наиболее известных коллекций античных граффити найдена при раскопках Помпеи. Жители Помпеи, как и наши современники, писали о любви, сексе, политике, выражали свои симпатии и неприязнь или просто оставляли на городских стенах свои имена. Граффити Помпеи послужили для исследователей свидетельством о культуре и быте античности [Lindsay 1960; Tanzer 1939]. Археологические и письменные источники подтверждают — русские граффити также имеют древнюю историю. Первое известное нам упоминание о русских граффити в литературе относится к концу XVIII в. [Измайлов 1799: 46]. Само явление, разумеется, намного старше. Сотни граффити XI–XIII вв. найдены в Софийских соборах Киева и Новгорода, а также в других древнерусских храмах. Граффити на церковных стенах имеют в большинстве своем религиозное содержание: это просьбы о помощи, молитвы и кресты, проклятия. Тем не менее можно встретить надписи вполне светские: «Пропил плащ, когда был тут» (др.-рус. «Отпил крзу бы ту коли») (см.: [Высоцкий 1976: 83]).

Я.Оледзки видит корни современных польских городских граффити в традиционной обрядности Средопостья. В середине Великого Поста в Польше существовала традиция рисовать на домах незамужних девиц *крацоков* — человечков с отчетливыми признаками мужского пола. Автор, в частности, основывает свои выводы на сходстве крацоков и силуэтов, которые рисовали поверх лозунгов «Солидарности», переделывая буквы в человечков. Именно карнавальная природа жанра позволяет исследователю связать граффити и ритуальные безобразия в период Великого Поста, когда подобное поведение шло вразрез с запретами и предписаниями католической церкви [Oledzki 1990].

В новую стадию развития граффити вступили во второй половине XX в. Исследователи отмечают два фактора, имевшие решающее значение для возникновения новых форм на базе традиционных. Во-первых, появление краски в аэрозоли и, во-вторых, экспансия молодежной культуры в 1950–1960-х годах в США и Западной Европе, а позже также в Восточной Европе, что способствовало резкому повышению количества граффити и появлению надписей и изображений качественно нового облика.

Одной из основных разновидностей граффити нового поколения являются граффити молодежных субкультур. Важное различие между традиционными (старыми) и субкультурными граффити — степень доступности содержания тех и других для стороннего наблюдателя. Граффити субкультуры, доступные взгляду каждого, проходящего мимо, тем не менее остаются для непосвященных за-

крытым каналом коммуникации. Появление таких эзотерических символов на стенах российских городов зафиксировал Д.Бушнелл, собиравший граффити в Москве и ряде других советских городов в 1983 г. По мнению исследователя, первыми знаками новой эры граффити были эмблемы московских футбольных клубов «Спартак» и ЦСКА, появившиеся на стенах Москвы в 1977–1978 гг., и несколько позже распространившиеся названия различных рок-групп, к 1988 г. ставшие лидирующим жанром субкультурных граффити. В начале 1980-х общественному вниманию становятся доступными также граффити русских пацифистов, панков, хиппи, фашистов и других группировок альтернативной культуры.

Ответ на вопрос, почему советские подростки в начале 1980-х начали активно писать на городских стенах, Д.Бушнелл связывает с возникновением в советском обществе периода перестройки ряда новых молодежных группировок. На рубеже 1980–1990-х годов субкультурная молодежь — *панки*, *рокеры*, *система*, *брейкеры*, *металлисты*, *фанаты* и др. — становится одной из наиболее горячо обсуждаемых в прессе тем. По мнению Бушнелла, «молодежные группировки, выпавшие из общества в результате собственного выбора и по причине невозможности разместиться в рамках официальных институтов, естественным образом создают свою собственную систему знаков и символов. Они пишут граффити, потому что хотят заявить о себе обществу. Но поскольку граффити выражают интересы контркультуры — символику рока, западных кумиров и т. д., — они глубоко значимы для субкультурной молодежи, но неясны для всех остальных. А это значит, что граффити — это арго, которое, как всякое арго, является языком маргинальной социальной группы» [Bushnell 1990: 224].

Граффити молодежных субкультур, по классификации Бушнелла, включают граффити *футбольных фанатов*, *музыкальные* (у Бушнелла «рок-н-ролльные») и *контркультурные*. Все субкультурные граффити строятся на комбинации слов и символов.

Основой *фанских* граффити является эмблема футбольной команды, используемая и в качестве символа поддержки данной команды, и в качестве маркера данной группировки фанатов. Эмблема может быть включена в позитивный или негативный контекст. Существует универсальный набор инструментов, позволяющих придать эмблеме любого спортивного клуба как позитивный, так и негативный смысл. Положительная оценка, к примеру, выражается путем «коронации» эмблемы. Позитивные и негативные коннотации выражаются также с помощью слов, и, наконец, враждующие группировки просто зачеркивают чужие эмблемы и сверху рисуют свою[2].

В музыкальные граффити входят названия рок-групп, имена певцов и тексты песен. Показательно практически полное отсутствие граффити, связанных с поп-музыкой. Среди рок-граффити можно встретить надписи почитателей «Битлз», имеющие иногда антимилитаристский характер и сопровожденные символом пацифика. Значительную часть составляют граффити металлистов, а также названия групп, играющих альтернативную музыку. Контркультурные, по Бушнеллу, граффити включают символику и слоганы хиппи, панков, фашистов, скинхедов и других молодежных субкультур.

В среде молодежи, помимо субкультурных надписей и знаков, родилась еще одна форма граффити: стены современных городов украшают граффити-подписи и граффити-картины, продукт нового направления в молодежной культуре. Художественные граффити, согласно версии Г.Чалфанта и М.Купер [Chalfant, Cooper 1984] и других авторов, появились в США, в 1960-х, когда подростки Нью-Йорка начали писать на стенах домов свои имена, отмечая таким образом границы своего района. Первоначально граффити-имена имели территориальную функцию. Реформатором граффити традиционно считают подростка по имени Таки, который жил на 183-й улице Манхэттена и работал посыльным. Во время работы Таки объезжал на метро все пять районов города и ставил свою именную метку «TAKI 183» везде, где это было возможно, в том числе на наружных и внутренних стенах вагонов и на каждой станции метро. В 1971 г. автора вездесущих подписей выследил репортер и взял у него интервью. Статья, появившаяся в «Нью-Йорк Таймс», вызвала бурную ответную реакцию современников. Сотни подростков Нью-Йорка, подражая Таки, начали писать свои имена на поездах метро и стенах общественных зданий в погоне за мифической славой TAKI 183. Производство граффити стало своего рода профессией и карьерой.

Деятельность Таки породила целую школу последователей, которые одновременно были вовлечены в девиантную субкультуру и артистический мир. Распространение маркеров и краски в аэрозоли дало авторам граффити широкую возможность экспериментировать с цветом и формой и совершенствовать свои произведения. Для того чтобы выделить имя среди сотни других подписей, были выработаны различные стили граффити. Вот как описывают К.Варнеде и А.Гопник нью-йоркскую подземку 1970-х: «Граффити были везде. Прибывающий поезд являлся утомленным пассажирам, ожидающим местный первый номер в 8.30 утра на Таймс Сквер, сплошь покрытый сплетениями сверкающих линий и шарообразными буквами. И хоть в общем-то было известно, что это слова, своеобразная каллиграфия, прочитать их было практически невозможно, и среди темноты и убожества метро они ошарашивали кричащими красками и экстатическими формами. Внутри вагонов граффити, конечно, были менее впечатляющими: путаница нечитаемых имен, начерканных маркером или спреем <...> Казалось, граффити всегда были там, под краской и лаком вагонов, и сейчас, когда сдерживающая сила общественного порядка ослабла, они просочились на поверхность» [Varnedoe, Gopnik 1991: 375].

Помимо стиля, граффитисты экспериментировали в области цвета и размера стенной живописи, в результате чего в дополнение к подписям появились также картины, включающие не только слова, но и различных персонажей. Феномен нью-йоркских граффитистов стал объектом ряда полевых исследований [Lachmann 1988]. В результате росписи нью-йоркского метрополитена заявили о себе как о новом направлении в современном искусстве и молодежной культуре. Движение проникло в другие города США, распространилось в Канаде, Британии и Западной Европе и в настоящее время пускает корни в Восточной Европе. Современные художественные граффити имеют традицию, созданную несколькими поколениями художников-граффитистов. Производство граффити превратилось в ремесло с известным словарем форм и установленны-

ми правилами. Распространение молодежного движения «хип-хоп» в начале 1980-х годов способствовало популяризации искусства граффити наряду с брейком и музыкой рэп.

По мнению некоторых исследователей, импульсом к возникновению данной субкультуры было «не просто стремление расправиться с культурой «большого» общества, со стороны которого творец граффити чувствовал пренебрежение. Причины были куда более локальные и более конструктивные. К концу 70-х молодежные группировки, с XIX в. бывшие неизменной принадлежностью Нью-Йорка, были уже настолько мощно вооружены, охраняя границы своих феодальных вотчин, что практически потеряли способность передвижения. Член такой группировки не мог чувствовать себя в безопасности за пределами пары небольших кварталов, находящихся под охраной группировки. В противовес этому создатели новых граффити объявили себя свободными в своих перемещениях» [Varnedoe, Gopnik 1991: 376].

Субкультура граффити имеет свой сленг, описывающий процесс создания и различные формы граффити, уровни граффитистской иерархии и пути продвижения. Так, «подняться» — значит заявить о себе и добиться известности в своей среде; «это значит выступить с чем угодно и где угодно, с граффити любого вида, от простой подписи до сложнейшей картины в стиле “wild”[3]. Чтобы *подняться*, необходимо постоянно распространять по городу свою подпись, свой *tag*» [Graffiti Glossary 1996]. Карьера граффитиста-профессионала начинается с создания и воспроизводства своей уникальной подписи (tag — ср. глагол «тагать» в сленге русских графферов), или личного знака, собственного фирменного ярлыка, являющегося визитной карточкой автора. Здесь важны количество и скорость — подписей должно быть как можно больше. Можно, однако, от количества перейти к качеству и сделать ставку не на скорость, а на стиль граффити. Тогда на базе существующих стилей оттачивается и усложняется форма граффити, которое из простой визитной карточки превращается в картину. Сленговое название таких картин-граффити — *piece*, сокращение от английского *masterpiece* — шедевр. Граффитисты могут работать как в одиночку, так и в составе команды, которая также имеет свой tag, состоящий, как правило, из трех-четырех букв.

Художественные граффити в России, за исключением нескольких единичных произведений «старой школы» рубежа 1980–1990-х, начали массово появляться совсем недавно, около семи-восьми лет назад. В июле 1997 г. в Санкт-Петербурге было проведено легальное соревнование авторов граффити, в котором приняли участие две действующие в настоящее время в городе команды. Большинство участников соревнования впервые взяли в руки спрей, а до этого делали лишь эскизы в альбомах. Публика, пришедшая посмотреть на граффити, в основном состояла из представителей петербургской рэйв-культуры[4].

Таким образом, современные граффити открывают новое фольклорное направление в современном искусстве. Открытие и развитие граффити как эстетического явления свидетельствует об определенной тенденции в современной культуре: «В начале века в граффити видели не более чем каракули и никто (за исключением горсточки археологов) не предполагал в них какой-либо значимой структуры. Потребовалось абсолютно новое видение искусства эпохи модерниз-

ма, чтобы найти в этих настенных письменах какое-то значение» [Varnedoe, Gopnik 1991: 382].

Научная литература о граффити весьма обширна и пестра. Граффити привлекали внимание фольклористов, лингвистов, антропологов, психологов, социологов. Дж.М.Гэдсби предлагает следующую классификацию существующих подходов к изучению граффити: антропологический, гендерный, количественный, лингвистический, фольклористический, эстетический, мотивационный, превентивный и популярный [Gadsby 1995].

В антропологической перспективе граффити рассматриваются как источник информации о том или ином сообществе или этнической группе. Так, В.Н.Топоров использует граффити, посвященные Ксении Петербургской, и надписи на стенах Ротонды [5] в качестве петербургских текстов, в которых город и люди города выражают свои «мысли и чувства, свою память и желания, свои нужды и свои оценки» [Топоров 1995: 368]. Т.Б.Щепанская, наряду с «включенным наблюдением», в качестве внутреннего источника о жизни системы использует граффити Ротонды — важного «тусовочного» локуса «неформальной» молодежи: «В Ротонде, мы берем информацию в том виде, в каком она циркулирует в самой системе: символы или идеи непосредственно в процессе их функционирования» [Щепанская 1993: 45–46]. Бушнелл определяет граффити как средство коммуникации молодежной субкультуры, посредством которого молодежные группировки, с одной стороны, осуществляют внутреннюю коммуникацию, с другой — создают коммуникативный барьер между собственным сообществом и остальным миром [Bushnell 1990: 224]. П.Ковальски рассматривает граффити школьников как средство социального конструирования реальности. Ковальски выделяет три функции граффити: магическую, интегративную и пространственную. Предполагается, что императивные граффити (типа «Чтоб ты сдох») выполняют магическую функцию воздействия на действительность. Обсценные граффити, нарушающие социальное табу, и эзотерические символы, недоступные пониманию чужака, являются одним из факторов, интегрирующих сообщество и обозначающих его границы. Граффити также выполняют функцию освоения и организации городского пространства [Kowalski 1993: 113–128]. Как территориальные знаки, помечающие контролируемое пространство, рассматривают граффити молодежных группировок Д.Лей и Р.Цибривски [Ley, Cybriwsky 1974]. Объектом внимания Р.Лахманна является субкультура авторов граффити нью-йоркского метро [Lachmann 1988]. Производство граффити рассматривается им как один из девиантных путей социального самоутверждения. Д.Козловска представляет современные граффити как феномен культуры постмодернизма [Kozlowska 1992]. Граффити рассматриваются как манифестация постмодернистского деструктивного и игрового отношения к реальности, как снятие оппозиции между частным и общественным, центром и периферией, высоким и низким, искусством и повседневностью. (Предложенная концепция, однако, никак не соотнесена с прилагаемой типологией граффити, довольно хаотичной.)

В рамках гендерного подхода изучается отдельный жанр граффити — так называемые *latrinalia*[6] — надписи в общественных туалетах, где анонимность и отсутствие наблюдателей создают благоприятные условия «выражению неко-

торых чувств, для чего неприемлемы практически все остальные средства массовой информации и коммуникативные ситуации» [Gonos, Mulkern, Poushinski 1976: 46]. Расцвет гендерных исследований граффити приходится на конец 1960–начало 1980-х, когда была написана большая часть работ в этой области. Тот факт, что при анализе latrinalia, как правило, можно без труда определить пол авторов, позволяет сравнивать надписи, принадлежащие женщинам и мужчинам на предмет гендерных различий в содержании и/или в количестве граффити. Для сравнения тематического содержания женских и мужских граффити исследователи, как правило, оперируют произвольно выбранными тематическими категориями. После того как произведена тематическая классификация, подсчитывается количество граффити в каждой категории и таким образом определяется популярность той или иной темы среди мужчин и женщин. Е.М.Брунер и Дж.П.Келсо предполагают, в частности, что для мужского и женского дискурсов характерны различные коммуникативные формулы [Bruner, Kelso 1980]. К сходным выводам приходит и К.Э.Шумов [Шумов, 1996].

Количественный метод контент-анализа часто применяют для выявления социальных и политических ориентаций [Sechrest, Flores 1969; Stocker, Dutcher, Hargrove, Cook 1972; Solomon, Yager 1975; Gonos, Mulkern, Poushinski 1976; Nwoye 1993], а также в рамках гендерных исследований. Большинство исследователей располагают статистическими данными, согласно которым мужчины значительно превосходят женщин в производстве граффити, и предлагают различные интерпретации данного факта. Предполагалось, в частности, что женщины менее склонны нарушать социальные конвенции, что удерживает их от писания на стенах [Kinsey et al 1953]; другие исследователи связывают отсутствие граффити с фактом курения в женских туалетах, что, по их мнению, выступает заменителем граффити [Landy, Steel 1967]. При этом некоторые исследования не подтверждают этого предположения [Reich, Buss, Fein, Kurtz 1977; Lowenstine, Ponticos, Paludi 1982; Wales, Brewer 1976].

Одно из наиболее интересных лингвистических исследований было сделано на материале граффити американцев мексиканского происхождения, которые сопровождают граффити-подписи формулой «con safos» для защиты своего имени. В статье рассматриваются аспекты употребления формулы «con safos» в мексико-американском сообществе [Grider 1975]. Р.Блюм, рассматривая граффити в ряду языковых явлений, полагает, что им в первую очередь свойственны две функции языка: когнитивная и поэтическая [Blume 1985: 145–146].

Фольклористический подход делает акцент прежде всего на описании материала. К сожалению, не всегда публикации материала сопровождаются контекстуальной информацией о месте и времени записи. Этим недостатком, в частности, страдает вышедший в Польше альбом «Польские стены» [Polskie mury 1991], где опубликованы фотографии граффити, сделанные в польских городах. К числу фольклористических можно отнести и недавно вышедшую публикацию школьных граффити в сборнике «Русский школьный фольклор» [Лурье 1998].

С эстетической точки зрения рассматривается взаимоотношение граффити и профессионального искусства и решается проблема эстетического статуса граффити [Varnedoe, Gopnik 1991].

Ответ на вопрос, почему люди пишут граффити, ведется путем мотивационного анализа, применяемого, как правило, психологами [Rhyne, Ullmann 1972]. Часто анализ мотивов производства граффити используется в рамках превентивного подхода, решающего проблему борьбы с граффити, которые рассматриваются как порча общественного имущества [Brewer, 1992].

Популярные издания граффити не относятся к научной литературе, но ориентированы на развлечение читателя и содержат, как правило, юмористические и скабрезные граффити.

В целом можно отметить, что исследователи, как правило, специализируются на каком-либо одном виде граффити. Более общими подходами могут быть названы фольклористический и мотивационный. Фольклористы, тем не менее, имеют тенденцию переоценивать вес материала как такового в ущерб его анализу; мотивационный подход, напротив, часто грешит произвольными интерпретациями, которые невозможно ни доказать, ни опровергнуть на основе эмпирических данных. Следует также сказать, что ряд исследований включают два и более обозначенных здесь подходов (см., например: [Blume 1985; Shumov 1996 и др.]).

Классификаций граффити существует великое множество. А.Дандес предложил провести принципиальное деление между *публичными* граффити и latrinalia [Dundes 1966]. Latrinalia, в свою очередь, в зависимости от пола их авторов, часто подразделяются на *мужские* и *женские* граффити, что, как указано выше, актуально в рамках гендерных исследований. В зависимости от предполагаемого автора граффити могут члениться также на фанские (футбольных болельщиков), рок-н-ролльные и граффити *альтернативных субкультур* [Bushnell 1990]. Отдельным предметом исследования могут быть граффити *детей и школьников* [Bushnell 1990; Kowalski 1993], *студенческие* [Шумов 1996], *тюремные* и граффити *верующих* [Bushnell 1990; Топоров 1995], что само по себе предполагает разграничение по «авторскому» принципу.

Тематические классификации, как правило, можно встретить в популярных изданиях, а также в исследованиях, где применяется контент-анализ. Некоторые авторы ограничиваются выделением нескольких основных тематических групп, отправляя все «неподходящие» тексты в «разное». Так, Ф.Боса и Р.М.Помар предлагают следующую схему тематического корпуса университетских граффити: *политические* (среди них: *внешнеполитические*; *внутриполитические*, среди них: *университетские* и *неуниверситетские*); *неполитические* (среди них: *эротические*; *религиозные*; *наркотические*; *музыкальные*; *скатологические*; *остальные*) [Bouza, Pomar 1989: 103].

Другие ученые, наоборот, разрабатывают варианты подробной классификации, зачастую смешивая критерии различного порядка. Д.Козловска в своей работе о польских граффити выделяет следующие тематические группы и подгруппы: *метатекстуальные* (о граффити, их авторах и месте надписей); *экологические* и *пацифистские*; *политические* и *социальные* (среди них: *портреты политиков портреты «вождей», комментарии к актуальным политическим проблемам, о церкви и религии*); *молодежные* (среди них: *субкультурные, о наркотиках, о школе*), *эротические*; *юмористические*; *граффити-нонсенс*; *символические*; *экзистенциаль-*

ные; *граффити-диалоги*; *художественные*; *граффити о поп-культуре* [Kozlowska 1992: 39–43].

В.А.Кох предлагает типологию граффити на жанровой основе: слоганы, загадки, афоризмы, лимерики, диалоги, поправки и дописки к рекламе, деталям интерьера или предшествующим граффити [Koch 1994: 114].

Художественные граффити представляют отдельную область исследований. Субкультура авторов художественных граффити создала свою классификацию, принятую впоследствии также и исследователями этой традиции.

Смешанная классификация, предлагаемая Дж.М.Гэдсби, служит практическим целям общей ориентации в имеющемся материале и включает latrinalia, публичные граффити, граффити-подписи и юмористические, а также исторические надписи (граффити предшествующих эпох), и народную эпиграфику (граффити, процарапанные или вырезанные на камне или дереве, в отличие от надписей эпохи маркеров и спреев) [Gadsby 1995].

Несмотря на разнообразие существующих концепций и классификаций, все исследователи сходятся на определении граффити как средства коммуникации. В качестве основополагающих черт граффити в этом отношении называют публичный и неофициальный характер явления. Как неофициальная форма массовой коммуникации, граффити находится за рамками социальных институтов и цензуры, является своего рода альтернативой официальному дискурсу. В связи с этим отмечается, что места, где чаще всего можно встретить граффити, — это, как правило, маргинальные зоны городского пространства[7], скрытые за парадным фасадом города. Местами скопления граффити являются подземные переходы, бетонные барьеры автотрасс, территория железнодорожных вокзалов и т. п.[8]. Отмечается также, что граффити легко нарушают культурные табу и социальные условности, в них десакрализованы и снижены темы смерти, любви и секса, декларируется приверженность девиантному образу жизни, снимается запрет на открытое выражение агрессии. Некоторые ученые настаивают на том, что содержание граффити — это, как правило, вызов миру общепринятого, что граффити аккумулируют вытесненные из доминирующей культуры нормы и ценности (см., например: [Gonos, Mulkern, Poushinski 1976]).

Общим местом является утверждение, что с граффити чрезвычайно трудно бороться. Официальные методы борьбы могут быть более или менее успешны: запрет продавать несовершеннолетним краску в аэрозоли, нанесение на стены защитного покрытия, на котором не держится краска, деятельность полиции по задержанию подростков во время рисования на стенах городских зданий. Существует также стратегия компромисса, когда рисование граффити официально разрешается в определенных местах. Это не помогает, тем не менее, предотвратить появление граффити на стенах города, а попытки «приручить» их авторов, похоже, обречены на неудачу.

Далее речь пойдет о культуре городских неформальных публичных надписей, которая существует в российских городах сейчас. Она исторически и типологически неоднородна и представляет собой сплав национальной традиции (в том виде, какой она имела в 1970–1980-е годы) и традиции инокультурной, пришедшей с Запада. Существуют и особые случаи функционирования настенных

надписей — локальные традиции, окказиональные случаи писания, не пересекающиеся или пересекающиеся лишь частично с традицией магистральной. Мы имеем в виду такие факты, как надписи на здании Рейхстага, оставленные солдатами; фразы, написанные на стенах защитниками Брестской крепости или узниками фашистских концлагерей; намогильные письменные обращения к умершим; записки с просьбами, адресованными святым и т. п. Однако ставить в один ряд все эти явления, не делая различия между ними и современными городскими граффити, представляется неправомерным, тем более что общая картина никогда не оставалась одинаковой и претерпевает изменения в настоящий момент.

Можно выделить следующие основные зоны распространения граффити в современных российских городах: *улица* (стены зданий, подземных переходов, гаражей, таксофонные кабинки, припаркованные автомобили, асфальтовое покрытие во дворах и т. д.); *транспорт*; *подъезды* и *лестницы* (включая двери квартир, почтовые ящики и т. д.); *интерьеры* публичных (чаще всего — учебных) учреждений.

Кроме того, в больших городах существуют так называемые «стены» — своего рода галереи граффити, места скопления рисунков и надписей. Причины их возникновения могут быть различными. Еще в 1980-е годы в Петербурге таких «специальных» мест было несколько (например, уже упоминавшаяся Ротонда, подъезд дома, в котором живет Б.Б.Гребенщиков, стены двора дома № 10 по Пушкинской улице)[9], но все они оформились как граффитийные локусы лишь постольку, поскольку были основными местами сборищ «неформальной» молодежи. В 1990-х годах появляется, по сути, первая специальная «стена» — бетонная ограда и подножие виадука близ станции метро «Ладожская» — теперь известная всей петербургской молодежи и функционирующая именно как поле для уличных надписей и рисунков.

Выбор орудия письма во многом предопределяется тем, в каком месте делается надпись. Так, большинство наших уличных граффити выполнено мелом, реже краской; в лифтах, в транспорте, на внутренних стенах помещений, на мебели — фломастером. Играет роль и уровень «технической оснащенности» пишущих. Следует отметить, что в России, в частности в Москве и Петербурге, граффити нового поколения, выполненных спреем, значительно меньше, нежели в таких столицах граффити, как Берлин, Париж или Нью-Йорк, где экзотическая настенная каллиграфия граффитоманов уже стала естественной частью городского пейзажа. Но стоит лишь свернуть в один из питерских дворов-колодцев и присмотреться, можно заметить, что стены покрыты паутиной надписей, сделанных мелом или маркером, предшественниками эпохи спрея.

Более или менее устойчивой регламентации в размещении надписей того или иного содержания в определенных местах не заметно. Так, однотипные граффити встречаются на лестничных клетках, в больницах, в тюремных карцерах, в школьных коридорах, в вузовских аудиториях, на стенах храмов. При этом можно говорить о некоторых очевидных тенденциях: высказывания политической направленности, как правило сентенциозно-разоблачительного характера (*Ельцын — фашист*; *На кой нам хер ворюга мэр?*), чаще всего оставляются на стенах зданий, что можно объяснить стремлением наделить их статусом и функцией

лозунга, «политплаката»; высказывания и диалоги на скатологические и сексуальные темы (*Не ссы в унитаз — пригодится воды напиться! — А куда, тебе в карман?*; *Мы все учились понемногу / Ебать красоток записных. / Но поклянуся вам, ей-богу / С наукой трахать надо их! А.С.Пушкин*) обычно располагаются в туалетах; тексты, напрямую отнесенные к конкретным лицам (*Светочка — хорошая девочка*; *Машка — шлюшка, у ней пизда как раскладушка*; *Ашот — бык*), чаще всего встречаются на стенах подъездов и лифтов.

Довольно часты случаи непосредственного приурочения текста надписи к месту, например: *Это мое место!* — на сиденье в троллейбусе; *Помой меня!* — на капоте грязной машины; *Да отсохнет того рука, кто ворует лампочки!* — на лестничной площадке 1-го этажа и т. п. Такие граффити можно обозначить как локальные, или локально-ситуативные — в том случае, если стимулом к писанию и, соответственно, темой высказывания становится не только само место, но и временные его атрибуты: слой грязи на поверхности автомобиля, регулярное выкручивание лампочек в подъезде и т. п. Это по большей части повторяющиеся, в той или иной мере формульные тексты, воспроизведение которых провоцируется всякий раз самим местом исполнения. Особое место среди локальных граффити занимают многочисленные формульные надписи в общественных туалетах. Такие тексты, как *Писать на стенах туалетов / Увы, друзья, немудрено: / Перед говном мы все поэты, / Перед поэтом мы — говно*, или *Если ты насрал, зараза, / Дерни ручку унитаза. / Если ж нету ручки той, / Пропихни говно рукой* — общеизвестны и давно стали своего рода отечественной латринальной классикой, однако не перестают появляться.

Важно отметить еще одну общую закономерность выбора места писания: как правило, оно не воспринимается пишущим как «свое». Очевидно, что постройки и части построек, общественный транспорт осмысляются как собственность города, и своими для авторов граффити они никак не являются. Возможно, граффитистами может руководить осознанное или неосознанное желание сделать это пространство хотя бы частично своим (ср. историю надписей мальчика Таки), что можно сравнить с животным территориальным инстинктом, основным проявлением которого в природе является расставление «меток». Подростки часто пишут и рисуют в подъездах собственных домов, но здание, городская постройка, с их точки зрения, являются собственностью «взрослого мира» и относятся к чужому пространству. Точно так же и надписи и исправления школьников в собственных учебниках и книгах — один из способов символического опровержения чужих взрослых знаков. Характерно, что в собственной квартире, комнате граффити, как правило, не выполняются[10].

Тематических классификаций современных граффити в зарубежных исследованиях, как уже отмечалось, существует много. Однако природа явления такова, что подход, предполагающий сортировку надписей исходя из тематики как таковой (т. е. из некой совокупности возможных тем), едва ли продуктивен. С одной стороны, он чреват, как и всякое чисто эмпирическое описание, неполнотой, с другой — взаимопересечениями границ выделяемых групп. Для того чтобы создать общее представление о том, чему бывают посвящены настенные надписи, достаточно ограничиться простым перечнем наиболее распространенных

тем, не претендующим на исчерпывающее классификационное значение. В противном случае, т. е. при стремлении создать тематическую типологию граффити, мы вынуждены будем смешать критерии классификации, тем самым разрушая ее изнутри. Это неизбежно по нескольким причинам. Во-первых, большая часть граффити не имеет собственно темы, если понимать последнюю как эмпирическую сферу отнесенности предмета высказывания. Это в первую очередь относится к надписям шуточного характера и «запискам», адресованным конкретным людям. Можно ли, например, сказать, что сентенция *Зайцева — пидараска* посвящена сексуальным меньшинствам, а *Помой меня* (на пыльном задке машины) — уходу за транспортным средством? Во-вторых, во многих надписях за очевидной темой можно различить «сверхтему», понятную лишь человеку, владеющему определенным контекстом граффитийной коммуникации, — причем именно вторая является существенной, тогда как первая служит скорее элементом формы.

Если понимать граффити как феномен массовой культуры, а не как совокупность отдельных фактов, то видеть внутреннее единство этого явления следует, по-видимому, не в ограниченности тематического круга высказываний, а в поэтике и прагматике текста. Значительная часть граффити воспроизводит традиционные тексты и/или строится на традиционных приемах и технологиях, характерных для той группы, к которой принадлежит автор, или в целом для современной граффитийной культуры. Граффити тяготеет к формульности, и основной корпус текстов в определенный период времени достаточно устойчив. Нельзя забывать и о том, что излюбленным жанром авторов граффити является пародия, материалом для которой может послужить что угодно: традиционная поговорка, текст литературного произведения, высказывание лектора, реклама, объявления и т. п.

Таким образом, исполнители граффити далеко не всегда являются их авторами, но гораздо чаще просто трансляторами. С этим связаны два фактора, принципиальные для интерпретации явления. Во-первых, пишущие на стенах выступают в качестве носителей некоего поведенческого стереотипа, которому следуют определенные социальные, профессиональные, половозрастные, территориальные, субкультурные группы, и граффити здесь является способом утверждения существующих в обществе стратификаций (об этом подробнее речь пойдет ниже). Во-вторых, мир граффити предстает своего рода литературной традицией, так что, анализируя настенные тексты, корректнее говорить не об ***авторе*** той или иной надписи (или группы однотипных надписей), а о ее ***лирическом герое*** — образе себя, который создает пишущий, вернее, с которым он осознанно или не осознанно себя идентифицирует, во-первых, самим фактом писания, во-вторых — содержанием и оформлением надписи.

Одну из важнейших функций граффити, связанную с публичной природой явления, можно определить как ф у н к ц и ю м а н и ф е с т а ц и и. Выделяются две группы граффити по характеру содержащейся в них манифестации:

1) Граффити, манифестирующие групповые ценности (либо через их утверждение, либо через отрицание ценностей враждебных) и, соответственно, идентифицирующие условного автора как члена данной группы, какой-либо соци-

альной общности, порой достаточно условной. Естественно, что именно надписи такого типа сопровождаются нередко эмблематикой. Это, в первую очередь, так называемые субкультурные граффити (например, музыкальных фанатов: *Рэйв — это класс!*, *Витя Цой жив!* и т. п.[11]; спортивных болельщиков определенной команды: *Зенит — чемпион!*; *Спартак — мясо* и т. п.). Та же прагматика просвечивает и в политических текстах (*Жиды, вон из России!*; *США — это фашизм. НБП*; *Смерть капиталу*; *Удави горца* и т. п.), авторы которых выражают приверженность или сочувствие политическому движению, направлению, манифестируют свое идеологическое credo, включающее их в конкретное или предполагаемое сообщество единомышленников.

2) Граффити, манифестирующие индивидуальные ценности и таким образом идентифицирующие условного автора как носителя личностных характеристик, как индивидуума. Это и надписи, так или иначе выражающие авторское настроение (*Всё дерьмо!*), чувства (*Лена, я тебя люблю!*), оценку кого-либо или самооценку и т. д. К этому же типу относятся все частные послания, авторские стихотворения, индивидуальные автографы-мемории (*Здесь был...*), многие из шуточных надписей и т. д.

Нередко в качестве текстов первого типа используются устойчивые граффитийные выражения (*RAP — калл!*), второго — литературные цитаты (*Бог умер. /Ницше/*). Впрочем, как уже говорилось, почти все граффити — в той или иной мере цитата.

Еще одна важная функция граффити — к о м м у н и к а т и в н а я. В целом существование граффити во времени и пространстве можно было бы представить как реализацию особого информационного пространства. Коммуникативная природа граффити проявляется на разных уровнях. С одной стороны, часто они представляют собой диалог, переписку (*Не урони перед унитазом свое достоинство — Главное — не уронить в унитаз! — Как его можно уронить, если оно приклеено, не суди по себе, козёл!*)[12]. Граффити может изначально строиться как реплика, обращенная к предполагаемому читателю: условному (наподобие объявления: *Преподам урок любви, / Ты мне только позвони*) или вполне конкретному (наподобие записки: *Жека, классная тусовка, приходи* (*дом придурков, Веселый Поселок*)). Довольно распространен вариант, когда надпись делает адресантом предмет, на котором она оставлена (на почтовом ящике: *Разбей меня! — А хули тебя бить?*; около рэйверского символа — изображения ONYX'а: *Плюнь в меня*).

С другой стороны, актом коммуникации является и сам факт начертания граффити, ибо, как всякий публичный текст, они обращены к потенциальному читателю, т. е. имеют отправителя и получателя. Существует даже попытка классифицировать граффити по типу адресата: для любого, кто прочитает; для принадлежащих к определенной группе; для человека, неизвестного автору; для самого себя [Blume 1985: 141–143]. Этот ход представляется не очень удачным хотя бы ввиду отсутствия одновременно необходимого и достаточного критерия определения гипотетического читателя. Автор идеи отмечает, что у любых двух из этих четырех категорий граффити оказываются большие смежные области. Рассматривая граффити как специфическую коммуникативную систему, мы видим скорее необходимость выделить два различных вида этой коммуникации, кото-

рые можно было бы условно обозначить как интраграффитийный, т. е. предполагающий диалог между носителями граффитийной культуры, и экстраграффитийный, т. е. предполагающий диалог на языке граффити с «внешним» — не пользующимся граффитийным кодом общения — миром. (Напомним, что речь опять же идет не о рефлексии исполнителей граффити, а о прагматике текста.)

В первом случае мы имеем дело с двумя формами ответных реплик в диалоге: собственно ответами (*Все лохи — И ты тоже лох*) и чрезвычайно распространенными, особенно в последние несколько лет, корректировками предшествующих надписей путем их дописывания (*Мы вместе! — с дерьмом*), переправления (*onyx* исправлено на *potnyx*), зачеркивания предыдущего текста или писания поверх его (написано *The beatles*, сверху — *Death*). Имеется специальный набор средств выражения несогласия с музыкальными пристрастиями предшествующих авторов: как правило, для негативной оценки используется лексика из разряда *fuck* и *shit* — как вышеупомянутые английские выражения, так и соответствующие им русские *говно* (*гавно*), *кал*, *хуйня* и подобные. На правах реплики знак-эмблема или картинка выступает вполне равнозначно вербальному тексту. Если понимать ситуацию шире, т. е. не ограничиваться только состоявшимися диалогами, а рассматривать в качестве коммуникативных единиц и исходные надписи (в частности, и остававшиеся без ответа к моменту фиксации), то коммуникацию на этом уровне обеспечивают любые высказывания, которые можно расценивать как обращенные к носителям самой граффитийной традиции. В первую очередь это тексты «субкультурные», в частности студенческие и школьные. В принципе все они, даже не нацеленные на дальнейшую «переписку», провоцируют ответные реакции на языке граффити, выступая первыми репликами возможных диалогов.

Ко второму виду относятся надписи, содержание которых потенциально направлено вовне, за пределы круга пишущих. Это политические тексты[13], а также окказионально-индивидуальные: автографы (*IVANOV SASHA*), нейтральные шутки (*Машины не ставить, штраф 10000000*), в частности, локально-ситуативные (*Садись, падла!* — на сиденье в трамвае), и другие. Такие тексты изначально обладают значительно меньшим диалогическим потенциалом. В качестве ответных реплик на неграффитийные тексты здесь выступают все те же «затирки» и «дописки», объектами которых в данном случае являются официальные публичные надписи. Традиция эта известна давно[14], но никогда до последнего времени не получала особенно широкого распространения. В 1980-е годы фиксировались в основном переправления объявлений, регламентирующих поведение пассажиров в общественном транспорте, причем одни и те же тексты искажались в разных вариантах. Так, «Не прислоняться» переправлялось в *Не писоться*, *Не слоняться*, *Не слон я*, *Слон гриль* (из двух надписей на соседних дверях) и т. д., «Места для пассажиров с детьми и инвалидов» — на *Я пассажир ты инвалид*, *Места для псов семи видов* и т. д. В холле гостиницы в Твери в инструкции по пользованию телефоном-автоматом фраза «Снимите трубку и ждите гудка» была переделана в *Снимите убку и ждите удка*. Иногда подобному искажению подвергались более объемные тексты. Рассказывают, что в здании Академии наук в Ленинграде в

«Правилах пользования пассажирским лифтом», висевших на стене кабинки, в слове «лифт» по всему тексту была затерта буква «т». В том, что искажались в основном тексты регламентирующего характера, можно усмотреть проявление характерной для русских неофициальных надписей конца 1980–начала 1990-х годов общей направленности граффити против официоза, серьезности и принятых норм, своего рода акт карнавального антиповедения.

Надо признать, что в последние годы (примерно с середины 1990-х) в общей картине российских городских граффити произошли качественные изменения, что связано с двумя тенденциями: во-первых, доминированием среди прочих функций граффити именно коммуникативной функции (и, соответственно, расширением диалогического потенциала граффити); во-вторых, распространением и универсализацией языка публичных надписей в сфере социального общения. По-видимому, не последнюю роль сыграло прогрессирующее влияние визуальных форм уличной рекламы: с одной стороны, граффити активно реагирует на рекламные тексты; с другой — реклама все чаще использует стилистику неформальных надписей. В качестве примера можно привести сознательно ориентированное на эстетику граффити оформление агитационных панно во время президентской предвыборной кампании 1996 г. (с надписями *Голосуй, а то проиграешь!*, *Борис, борись!* и *Ельцин — наш президент!*), в качестве стендов для которых использовались строительные ограждения — деревянные заборы — в центре Петербурга, а также конкурс граффитистов, проводившийся одной коммерческой фирмой в рекламных целях.

На фактическом уровне упомянутые изменения сказываются в следующем.

1. Происходит значительное расширение сферы бытования граффити. В застойную и перестроечную эпохи традиционными граффитийными локусами были в основном маргинальные зоны и объекты: заборы и ограждения, будки остановок, тамбуры в поездах, туалеты, места тусовок и постоянного местопребывания молодежи, причем количество записей и изображений, например на школьных партах, было несравнимо меньшим, чем сейчас. В настоящее время ситуация резко переменилась. Чем дальше, тем больше надписей мы встречаем на открытых городских пространствах, на внешних стенах и входных дверях домов, на афишных и рекламных щитах, во много раз возросла степень исписанности лестничных пролетов и т. п. Студенты стали писать не только в туалетах, в курилках и на партах, но и на стенах факультетских коридоров. Модификацией граффити являются мини-плакаты, часто компьютерного происхождения, по стилистике и содержанию мало отличающиеся от «нацарапанных», — ими увешаны стены классных помещений в современных школах. Более того, нам неоднократно приходилось видеть абсолютно традиционные, даже формульные граффити (например, с названиями любимых рэйв-групп и т. п.), исполненные подростками на дверях и стенах своих комнат и таким образом оформляющие личное жилое пространство человека, что, как отмечалось выше, всегда было нехарактерно для традиции граффити.

Тот же процесс экспансии граффитийной традиции происходит (и его результаты весьма заметны) не только в физическом пространстве, но и в социальном. Раньше в школе отличники и «аккуратные девочки» не писали на партах,

теперь же это норма для всех. В некоторых школах рабочие поверхности покрывают отрезками обоев, чтобы граффити хотя бы не портили мебель. В последнее время писание в публичных местах перестало активно обсуждаться и осуждаться в обществе и считаться чем-то зазорным и маркирующим поведение человека как анти- или асоциальное; к нему привыкли, граффити начинают постепенно обретать статус социально нейтрального явления и восприниматься как почти неотъемлемый элемент общегородского экстерьера.

2. Максимально расширяется круг публичных текстов, получающих статус реплики в граффитийном диалоге, причем это касается как неформальных надписей, так и официально разрешенных. Если раньше ответную реакцию стяжали лишь тексты, ее так или иначе провоцирующие, т. е. либо прямо призывающие к диалогу (вопросы, обращения), либо предполагающие таковой в связи с содержанием или местом писания (знаки групповой принадлежности, туалетные, студенческие эротические тексты), то в настоящее время разница исходных диалогических потенциалов в системе граффити–коммуникации практически перестает ощущаться. Ответу подвергаются любые надписи (*Вешайтесь, сукины дети — Сам сука*; *Сережа отличник — В глазах родителей*), даже такие нейтральные, как «Мы были здесь»: между первым и вторым словами сверху вписано *не*. Как видно из последнего примера, сами ответы и исправления подчас бывают минимальными, очень часто примитивными, неостроумными и носят как бы дежурный характер (например, «Кино» переправляется на *Вино*). Для отвечающих важно не столько соотношение содержания ответной реплики с содержанием исходной, сколько сам факт реакции граффити на граффити. Традиция на современном этапе обязывает ее носителей воспринимать всякое написанное слово как реплику и превращать высказывание в диалог — отсюда и натянутость большинства ответных надписей.

То же самое происходит и в ситуации диалога с официальным текстом. Еще десять лет назад переправлению традиционно подвергался, как уже говорилось, вполне устойчивый набор текстов, в основном запрещающе-предписывающего характера («Не прислоняться», «Водитель продает талоны только на остановках» и т. п.). В настоящее время на любой афише, объявлении, рекламном листке, выдержке из правил и прочих регламентирующих документов, независимо от их содержания, с исключительной частотой и регулярностью появляются затирки и дописки, авторы которых стараются охватить ответной реакцией на языке граффити как можно больше единиц текста. Среди этих исправлений есть, конечно, и развернутые, причем порой достаточно остроумные (например, на рекламе агентства по недвижимости: «Витя квартиру себе покупал, / Взял он газету и номер набрал» — подписано: *Долго смеялись потом рэкетиры: / Нету ни денег, и ни квартиры*) или действительно в той или иной мере провоцируемые самим источником (например, на объявлении о наборе молодых людей в охранные подразделения милиции подписано: *Не советую*). Но большинство из них характеризуется той же незамысловатостью и дежурностью, имея главной целью засвидетельствовать свою реакцию. На объявлении «Не трогать» подписано *губами*, «Сбербанк» исправлено на *Сербак*, «Работы ведутся объединением Водоканал. Ответственный Хайкин» переправлено в «Работы *не* ведутся объединением Водокал. *Безот-*

ветственный Хайкин», реклама магазина стройтоваров «Вам надо в “Кайзер”» — на «Вам *не* надо в “Кайзер”», — вплоть до того, что на лестничных площадках высотных зданий переправляются номера этажей: с 5 на *25*, с 8 на *48* и т. д. В этом современная традиция настенных публичных надписей фактически смыкается со старым школьным обычаем коверкать концертные афиши и портреты великих людей, помещенные в учебниках, пририсовывая рожки, бороды, наглазные повязки, дымящиеся во рту сигареты и т. п.

Таким образом, современные граффити, утрачивая значение протеста, альтернативности официальной культуре и актуализируя свой диалогический потенциал, максимально расширяют «сферу влияния» в коммуникативной системе современного города: всякое начертанное слово (изображение) интерпретируется как провоцирующая ответ реплика, а совокупность городских плоскостей превращается в сплошное эпистолярное пространство. При этом, с одной стороны, практически исчезает разница между интраграффитийным и экстраграффитийным уровнями коммуникации, а с другой стороны, отчасти расплывается грань между санкционированной и самостийной публичной письменной речью. Язык граффити стремится стать универсальным кодом городской коммуникации.

Примечания

[1] До недавнего времени единственным опубликованным исследованием русских граффити была книга профессора Северо-Западного университета (США) Д.Бушнелла «Московские граффити» [Bushnell 1990]. Монография посвящена граффити молодежных субкультур и замечательна детальным описанием материала, подавляющая часть которого была собрана в Москве. Для сравнительного анализа привлекались также граффити Ленинграда и некоторых других городов России. В фокусе исследования — причины массового появления граффити на стенах советских городов, которые автор связывает с фундаментальными социальными изменениями в советском обществе времен перестройки. Функции граффити в среде молодежной субкультуры и в обществе в целом определяют особенности языка граффити. В книге Бушнелла рассмотрена взаимосвязь социальных функций и языка граффити различных молодежных группировок конца 1970–1980-х годов. На русском языке основные положения книги изложены в [Бушнелл 1990].

[2] О моделях семантического взаимодействия слов и эмблем в субкультурных граффити см.: [Лурье 2000: 421–426].

[3] Стиль «wild», или дикий, представляет собой конструкцию из переплетающихся букв. Этот стиль считается одним из наиболее сложных, а граффити, выполненные в этом стиле, часто совершенно не поддаются прочтению для непосвященного.

[4] Источник информации о художественных граффити в Петербурге: Интернет, http://www.geocities.com/SunsetStrip/Alley/2936.

[5] Ротонда — подъезд дома на углу Гороховой ул. и наб. Фонтанки, круглый в плане, с винтовой лестницей, ведущей на галерею, где расположены обычные жилые квартиры. Стены подъезда покрыты слоями надписей, оставленных несколькими поколениями посетителей. Снизу виден лозунг на галерее: «Оставь надежды всяк сюда входящий».

В Ротонде действительно теряется ощущение окружающего мира. «Забудь о мире снаружи придя сюда», — написано на одной из колонн. Фотографии Ротонды см.: [Щепанская 1993; Лурье 1998].

[6] Термин *latrinalia* (англ. *latrine* — 'уборная', от лат. *lavatrina* (сокр. *latrina*) — 'ванная') был предложен А.Дандесом для обозначения граффити в общественных туалетах.

[7] Думается, только этим можно объяснить тот факт, что большое количество надписей всегда можно было увидеть в заброшенных сельских церквах: граффити 1960–1980-х оказались там, конечно, не исторически, а именно вследствие тяготения традиции настенного писания к маргинальным, периферийным местам, характеризующимся отграниченностью от основного, социализированного, «официального» пространства и к тому же осмысляемым как принципиально временное место пребывания людей.

[8] Наряду с городской периферией, граффити также появляются в местах запретных или труднодоступных. Надо полагать, сила самоутверждения или воля к освоению пространства заставляет человека взбираться равно на скалу или на городскую стену. «Каких ухищрений альпинистской техники потребовала громадная надпись "Жан Татлян. Мост любви" на брандмауэре у Фонтанки, можно только представить, — отмечает журналист «Аргументов и Фактов». — Но Симеоновский мост в двухстах метрах от брандмауэра стал признанным местом свиданий» [Федоров 1996].

[9] Аналогичное культовое для неформальной молодежи 1970–1980-х годов место в Москве — дом по адресу Большая Садовая, 10, где жил М.А.Булгаков.

[10] Мы не смешиваем этот случай с обычаем писать и рисовать на стенах квартир, характерным для кругов, претендующих на богемность.

[11] Среди музыкальных имен в последнее время наиболее часто встречаются AC/DC, Deep Purple, Metallica, Cannibal Corpse, U-2, Scooter, Prodigy, Алиса, ДДТ, Аквариум и Борис Гребенщиков (иначе Боб или Б.Г.), Кино и Виктор Цой, Агата Кристи, Чиж & С°. и некоторые другие.

[12] Тематические и структурные закономерности построения таких диалогов на студенческом материале описаны в статье К.Э.Шумова [Shumov 1996].

[13] Политические граффити можно расценивать как пограничные, так как на них иногда отвечают, но отвечают не столько регулярно пишущие, сколько те люди, которых идеологически задевает прочитанное, своего рода «граффитисты на час» (ср.: *Ельцина на хуй*; *Зюган — зомби*).

[14] Упоминание о таких несанкционированных исправлениях встречается в поэме Н.А.Некрасова «Кому на Руси жить хорошо?» (часть «Крестьянка»): «...Затерты две-три литеры, / Из слова благородного / Такая вышла дрянь!»

Литература

Бушнелл 1990 — *Бушнелл Д.* Грамматика настенных надписей // Психологические особенности самодеятельных подростково-юношеских групп. М., 1990. С. 93–106.

Высоцкий 1976 — *Высоцкий С.А.* Средневековые надписи Софии Киевской (по материалам граффити XI–XVII веков). Киев, 1976.

Измайлов 1799 — *Измайлов А.* Евгений, или Пагубное следствие воспитания и сообщества. Ч. 1. СПб., 1799.

Лурье 1998 — *Лурье М.Л.* Граффити // Русский школьный фольклор: От «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов / Сост. А.Ф.Белоусов. М., 1998. С. 518–529.

Лурье 2000 — *Лурье М.Л.* Слово и рисунок на городских схемах // Рисунки писателей / Сост. С.В.Денисенко. Под ред. С.Н.Фомичева. СПб., 2000.

Топоров 1995 — *Топоров В.Н.* Петербургские тексты и петербургские мифы (Заметки из серии) // *Топоров В.Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М., 1995. С. 368–399.

Федоров 1996 — *Федоров В.* Петербургские граффити // Аргументы и Факты. 1996. № 41 (164).

Шумов 1996 — *Шумов К.Э.* «Эротические» студенческие граффити // Секс и эротика в русской традиционной культуре / Сост. А.Л.Топорков. М., 1996. С. 454–483.

Щепанская 1993 — *Щепанская. Т.Б.* Символика молодежной субкультуры. СПб., 1993.

Blume 1985 — *Blume R.* Graffiti // Discourse and Literature / Ed. T.A. Van Dijk. Amsterdam; Philadelphia, 1985. P. 137–148.

Bouza, Pomar 1989 — *Bouza F., Pomar R.M.* Sociologia de la reciprocidad linguistica (Las pinturas de la facultad de Ciencias Politicas y Sociologia de la Universidad Complutense [1986–1987]) // Comunication y lenguaje juvenil. Madrid, 1989.

Brewer 1992 — *Brewer D.* Hip Hop Graffiti Writers' Evaluations of Strategies to Control Illegal Graffiti // Human Organization. 1992. Vol. 51, 2.

Bruner, Kelso 1980 — *Bruner E.M., Kelso J.P.* Gender Differences in Graffiti: A Semiotic Perspective // Women's Studies International Quarterly. 1980. Vol. 3.2/3. P. 239–252.

Bushnell 1990 — *Bushnell J.* Moscow Graffiti: Language and Subculture. Boston, 1990.

Chalfant, Cooper 1995 — *Chalfant H., Cooper M.* Subway Art. New York, 1995.

Dundes 1966 — *Dundes A.* Here I Sit: A Study of American Latrinalia // Kroeber Anthropological Society Papers. 1966. Vol. 34. P. 91–105.

Gadsby 1995 — *Gadsby J.M.* (1995). Looking at the Writing on the Wall: A Critical Review and Taxonomy of Graffiti Texts. Internet, http://www.graffiti.org/faq/critical.review.html. 1996.

Graffiti Glossary 1996 — Graffiti Glossary. Internet, http:/www.graffiti.org/faq/critical.review.html. 1996.

Gonos, Mulkern, Poushinsky 1976 — *Gonos G., Mulkern V., Poushinsky N.* Anonymous Expression: A Structural View of Graffiti // Journal of American Folklore. 1976. Vol. 89. P. 40–48.

Grider 1975 — *Grider S.A.* Con Safos: Mexican-Americans, Names and Graffiti // Journal of American Folklore. 1975. Vol. 88. P. 132–142.

Kinsey, Pomeroy, Martin, Gebhard 1953 — *Kinsey A.C., Pomeroy W.B., Martin C.E., Gebhard P.H.* Sexual Behavior in the Human Female. Philadelphia; London, 1953.

Koch 1994 — *Koch W.A.* Simple Forms: An Encyclopaedia of Simple Text-Types in Lore and Literature. Bochum, 1994.

Kozlowska 1992 — *Kozlowska D.* Postmodernizm kulturowy w Polsce na przykładzie Pomarańczowej Alternatywy i graffiti: Polska specyfica zjawisk i ich konteksty światowe (MA thesis). Warszawa, 1992.

Kowalski 1993 — *Kowalski P.* Samotność i wspólnota: Inskrypcje w przestrzeniach współczesnego życia. Opole, 1993.

Lachmann 1988 — *Lachmann R.* Graffiti as Career and Ideology // American Journal of Sociology. 1988. Vol. 94, 2.

Landy, Steel 1967 — *Landy E.E., Steel J.M.* Graffiti as a Function of Building Utilization // Perceptual and Motor Skills 25. August-December, 1967. P. 711–712.

Ley, Cybriwsky 1974 — *Ley D., Cybriwsky R.* Urban Graffiti as Territorial Markers // Annals of the Association of American Geographers. 1974. Vol. 64.4. P. 491–505.

Lindsay 1960 — *Lindsay J.* The Writing on the Wall: An Account of Pompeii in its Last Days. London, 1960.

Lowenstine, Ponticos, Paludi 1982 — *Lowenstine H.V., Ponticos G.D., Paludi M.A.* Sex Differences in Graffiti as a Communication Style // The Journal of Social Psychology. 1982. Vol. 117. Second Half. P. 307–308.

Nwoye 1993 — *Nwoye O.G.* Social Issues on Walls // Discourse & Society. 1993. Vol. 4.4. P. 419–442.

Oledzki 1990 — *Oledzki J.* Konsolacja // Polska Sztuka Ludowa. 1990. № 2.

Polskie mury 1991 — Polskie mury. Graffiti — sztuka czy wandalizm? / Ed. R.Gregorowicz. Toruń, 1991.

Reich, Buss, Fein, Kurtz 1977 — *Reich W., Buss R., Fein E., Kurtz T.* Notes on Women's Graffiti // Journal of American Folklore. 1977. Vol. 90. P. 188–191.

Rhyne, Ullmann 1972 — *Rhyne L.D., Ullmann L.P.* Graffiti: A Nonreactive Measure // The Psychological Record. 1972. Vol. 22. P. 255–258.

Sechrest, Flores 1969 — *Sechrest L., Flores L.* Homosexuality in the Philipines and the United States: The Handwriting on the Wall // The Journal of Social Psychology. 1969. Vol. 79. P. 3–12.

Shumov 1996 — *Shumov K.* Dialogue as the Main Form of Students' Graffiti Creation // Contemporary Folklore: Changing World View and Tradition / Ed. Mare Koiva. Tartu, 1996. P. 347–365.

Solomon, Yager 1975 — *Solomon H., Yager H.* Authoritarianism and Graffiti // The Journal of Social Psychology. 1975. Vol. 97. P. 149–150.

Stocker, Dutcher, Hargrove, Cook 1972 — *Stocker T.L., Dutcher L.W., Hargrove S.M., Cook E.A.* Social Analysis of Graffiti // Journal of American Folklore. 1972. Vol. 85. P. 256–366.

Tanzer 1939 — *Tanzer H.H.* The Common People of Pompeii: A Study of the Graffiti. Baltimore, 1939.

Varnedoe, Gopnik 1991 — *Varnedoe K., Gopnik A.* High & Low: Modern Art and Popular Culture. New York, 1991.

Wales, Brewer 1976 — *Wales E., Brewer B.* Graffiti in the 1970's // The Journal of Social Psychology. 1976. Vol. 99. P. 115–123.

П.А.Клубков, В.Ф.Лурье
(Санкт-Петербург)

Разговорные топонимы как явление фольклора

В отличие от большинства других слов, *имена собственные* являются объектом правового регулирования — едва ли не в каждом разряде онимов могут быть выделены *официальные имена*. Однако помимо официальных существует множество неофициальных *имен собственных*, сферой преимущественного использования которых является разговорная речь. Эти *разговорные имена собственные* также представлены во всех предметных классах онимов: интимные формы личных имен, клички и прозвища в антропонимике, клички животных, разговорные имена предметов и т. п.

В разных разрядах топонимов разговорные имена представлены неравномерно. Не имеют разговорных соответствий названия частей света, единичны разговорные имена стран (США / *Штаты, Американия*; ФРГ, Германия / *Бундес, Неметчина, Дойчланд*), названий рек. Разговорные имена городов распространены едва ли не повсеместно, при этом их известность обычно (если только имя не связано с переименованиями) носит локальный характер: Санкт-Петербург (Петербург) / *Питер, Ленинград, Ленинбург*; Москва / *Лужки* (мотивировано словосочетанием *мэр Лужков*); Екатеринбург / *Свердловск, Катер* (очевидно по аналогии с Петербург — Питер); Барнаул / *Барнеаполь*; Рубцовск / *Сан-Рубциско*; Колпино / *Колпенгаген* и т. п. В болгарском молодежном сленге города Нова Загора и Стара Загора называются соответственно *Нью Зейгър* и *Олд Зейгър*, г. Бургас — *Бургейс*, а Кырджали (Кърджали) — *Кърджалейро* и даже *Лос Кърджалейрос* [Армянов 1989: 99].

Среди разговорных имен можно выделить несколько типов: 1) старые названия, 2) усечения, 3) шуточные имена, имеющие внешнюю мотивировку, 4) алиенизированные, т. е. преобразованные на иностранный лад, названия.

Наиболее продуктивный разряд разговорных имен не только среди топонимов, но и в целом среди имен собственных, образуют микротопонимы. Под последними обычно понимают названия любых пространственных объектов, не фиксируемых на географических картах и имеющих поэтому ограниченное бытование. Мы сосредоточим основное внимание на разговорной городской

микротопонимике[1], привлекающей в последние годы все большее внимание исследователей.

В настоящей статье мы опираемся по преимуществу (в тех случаях, когда это не оговаривается) на ленинградские-петербургские материалы.

Микротопонимы входят в систему идентифицирующих номинаций наряду с описательными выражениями и здесь не всегда легко провести границу между именами собственными и нарицательными. Более того, не всегда такое разграничение имеет смысл. «Жители разных микрорайонов Москвы постоянно сталкиваются с необходимостью дифференцировать названия магазинов, которые выполняют одни и те же функции (продовольственные, гастрономы) и расположены вблизи друг от друга, часто на одной и той же улице. Тогда эти магазины получают обиходно-бытовые локальные обозначения — большой, стеклянный, железнодорожный (вблизи ж.-д. платформы), угловой, в переулке, подвальный и т. д. В Москве на Метростроевской улице старожилы называют один магазин "Три ступеньки", другой — "Три поросенка" (когда-то на этом мясном магазине висела вывеска с тремя поросятами)» [Капанадзе, Красильникова 1982: 287]. Думается, что обосновать выбор строчной или прописной буквы в названиях приведенных магазинов не очень легко, особенно если учесть, что Стеклянным может называться лишь один из «стеклянных» магазинов, а Железнодорожный сохранит свое название и в том случае, если платформу снесут.

Сложное взаимодействие апеллятивной и онимической систем в области микротопонимики проявляется и еще в одном случае. В любом городе множество зданий, улиц, переулков, магазинов и т. п., но при этом некоторые виды топонимических объектов вполне могут оказаться уникальными. Так, в небольших городах редко бывает больше одного вокзала, набережной, рынка. Есть города с одним (как правило, педагогическим) институтом, в Чкалове (Оренбурге) 1950-х годов «бульваром» называлась исключительно набережная р. Урала, и троллейбус ходил по официальному маршруту «Бульвар–Вокзал». В этих условиях апеллятивы становятся топонимами.

Такого рода топонимы напоминают клички животных, тождественные их нарицательному названию. Не такая уж редкость кот по кличке Кот. При этом существенно, что в процессе использования такой клички с ней начинают связывать совсем не те ассоциации, что с соответствующим именем нарицательным. Вполне возможно, например, «серый, как Кот» (при бессмысленности «серый, как кот»).

И в Петербурге, и в Омске есть места, которые называют нарицательным именем *стрелка* (мыс при слиянии двух рек). Петербургская Стрелка (стрелка Васильевского острова) — место торжественно-пустынное, посещаемое туристами и молодоженами, которые любят на ней фотографироваться. Омская Стрелка — мыс при слиянии Оми и Иртыша. «Само по себе нейтральное, слово имеет, однако, отрицательную коннотацию, так как на Стрелке ищут клиентов городские проститутки (стрелочницы). Слово символизирует любое неприличное место вообще» [Осипов и др. 1994: 133].

Многие разговорные микротопонимы используются буквально всеми жителями близлежащих районов, однако для нас особый интерес представляют те

разговорные имена, которые употребляются по преимуществу в неформальном общении в молодежной среде. Они составляют существенный компонент молодежного сленга. Давая свое название объекту, имеющему официальное, но банальное название, люди совершают своеобразное «крещение», делая этот объект «своим», вводя его в сферу своей жизни. Чаще всего «крестят» столовые, бары, кафе. Нередко разговорные имена присваиваются и тем объектам, которые «официально» могут быть обозначены лишь описательно: перекресток таких-то улиц, квартал рядом с.., подъезд дома №... Соответствующие места, становясь постоянными местами встреч, «тусовок» и т. п., с неизбежностью приобретают имя.

Места общения, *тусовок*, расположенные у объектов, имеющих разговорные имена, получают свое название от них. Например, «в Сайгоне» — в самом кафе, «на Сайгоне» — рядом с кафе, где все *тусуются*. В подобных случаях предлог *на* весьма продуктивен («*на* Эльфе» и т. д.). Среди разговорных имен количественно преобладают номинации, образованные по продуктивным моделям, например, универбаты с суффиксом *-к-*: Публичная библиотека / *Публичка*; Апраксин двор / *Апрашка*; Лиговской проспект (улица, канал) / *Лиговка*[2]. Теоретически такого рода номинации возможны во всех случаях, когда официальные имена имеют структуру атрибутивного сочетания, однако реально в речи они образуются очень избирательно. Так, Невский проспект остается Невским (впрочем, возможно, здесь универбации препятствует наличие названий рек Большая и Малая Невка), а *Гостинка* (Гостиный двор) и *Литейка* (Литейный проспект, отмечено не ранее конца 1980-х годов) во всяком случае не являются общераспространенными номинациями. Заметим также, что слово *Салтыковка* в качестве обозначения Публичной библиотеки (носившей имя М.Е.Салтыкова-Щедрина) мы встречали почти исключительно в речи москвичей, которые, видимо, исходили из предполагаемой реальности полуофициального выражения *Салтыковская библиотека* (по аналогии с *Ленинской библиотекой*). В любом случае ясно, что микротопонимы, образованные по продуктивным моделям, относятся исключительно к языковой сфере, а не к фольклорной.

Высокая степень регулярности свойственна и разговорным именам, образованным от числительных — номеров столовых, отделений милиции, магазинов, общежитий, больниц, причем такое номерное название часто сохраняется и при перемене официального номера заведения. Едва ли не каждый говорящий без большого труда вспомнит, чтó *для него* означают в первую очередь слова *тройка, пятерка, восьмерка* и т. д.

Понятно, что и универбаты на *-к-*, и номерные номинации, и старые (исторические) названия[3] сами по себе к фольклору отношения не имеют. Существуют, однако, и номинации совершенно другого рода — такие, по отношению к которым применение слова «фольклор» приобретает смысл.

Структурные и функциональные типы микротопонимических разговорных имен довольно разнообразны. В их образовании мы обнаруживаем фонетические и структурные модификации официального топонима, иногда сопровождаемые каламбурным переосмыслением (*Бурелом, Площадь Леннона*)[4], и номинации, независимые от официальных, которые могут возникать в связи с самыми разнообразными семантическими и формальными мотивировками, например, в резуль-

тате метафорического переноса (Бродвей), реинтерпретации аббревиатур (ГДР, ФРГ, КНР, США) и т. п.

Продуктивным принципом городских локализующих номинаций, в том числе и микротопонимов, является пространственная метонимия. «Яблонька» — вполне официальное название фруктово-овощного магазина на углу Невского и ул. Марата. В молодежном сленге этим словом называли помещение ДНД (добровольной народной дружины) рядом с магазином. Можно предположить, что с закрытием магазина эта номинация вышла из употребления.

В неофициальном топониме может выражаться отношение людей к объекту или его официальному названию. Чаще всего это отношение негативное — по эстетическим или идеологическим причинам (ср.: *Стамеска, Страна дураков*).

Нередко один и тот же объект получает последовательно, а иногда и параллельно несколько имен. Когда в 1965 г. впервые открыли кафе на углу Невского и Владимирского проспектов, оно получило название «Подмосковье», так как размещалось под рестораном «Москва». Называли его и «У Веры» — по имени буфетчицы. Затем интерьер кафе расписали петухами, и его стали называть «Петушки». Окончательно закрепившееся за этим кафе название «Сайгон» появилось в конце 60-х годов. В дальнейшем отмечены некоторые модификации этого топонима: *Сайг, Сайгак, Сайган.*

Думается, что в качестве фольклорных явлений следует рассматривать те разговорные имена, которые имеют текстовую репрезентацию или, как минимум, провоцируют ее.

Рассмотрим ряд локализующих номинаций, относящихся к одному и тому же объекту.

1. Кафетерий ресторана «Москва» — развернутая аналитическая номинация, никакого отношения к фольклору не имеющая.

2. «Подмосковье» — уже сама эта номинация является шуткой и может быть легко трансформирована, например, в загадку: — «Что такое Подмосковье? — Кафетерий под рестораном Москва».

3. «Сайгон». Эта номинация наиболее загадочна. Появление «Сайгона» на молодежной карте Ленинграда вызвало мощное топонимическое эхо: «Пномпень», «Ливерпуль», «Рим», «Сингапур». В отличие от более «домашних», связанных с внешним видом или реальными семантическими ассоциациями, эти абстрактно-экзотические названия оказались очень устойчивыми.

Возникновение топонимов «Сайгон» и «Ольстер» безусловно связано с событиями, происходившими во Вьетнаме и Северной Ирландии, и совпадает с ними по времени (конец 60—начало 70-х годов). Приблизительно в 1973—1974 гг. возникли и вошли в обиход микротопонимы «Чили» и «Сантьяго» — время их возникновения также совпадает с периодом, когда политически актуальными были события в Чили. Отмечен в микротопонимике и «Кабул».

Отметим версию, бытующую среди *системных людей*. По словам одного из них (1965 г. р.), это название возникло потому, что в конце 60-х это кафе посещало много вьетнамских студентов. Это вполне очевидное позднее осмысление. «Ольстер» вовсе не был любимым местом ирландцев, а «Лондон» и «Ливерпуль» — англичан.

В Софии название «Ливерпул» закрепилось в молодежной речи за кафе «Луна», в котором когда-то выступала музыкальная группа, исполнявшая песни «Битлз». Название кафе соотносится с реальным «историческим сюжетом», который, впрочем, в жанровом отношении не отличается от истории про «сайгонских» вьетнамцев.

Неожиданная параллель к таким разговорным именам, как *Сайгон, Ольстер, Пномпень,* обнаруживается совсем в другой сфере разговорной речи. Среди «салонных» карточных игр представлены игры с неустойчивыми, постоянно меняющимися названиями, а отчасти и правилами. В 1960–1970-е годы были известны такие игры, как «польский», «чешский» и даже «хунвейбиновский дурак». Ясно, что при выборе номинаций решающая роль принадлежала политической актуальности, а отнюдь не происхождению или содержанию игры.

Заслуживает упоминания и то обстоятельство, что среди очень немногих дореволюционных названий, сохранявшихся в качестве разговорных несмотря на все официальные переименования, присутствует «Лондон» — столовая на месте бывшего ресторана «Лондон» на Среднем проспекте Васильевского острова.

Органичность экзотических номинаций для разговорной городской топонимики и вообще ономастики, в отличие от ономастики официальной, иногда слишком прямолинейно связывают со спецификой тоталитарных режимов. Ср., однако, у Карела Чапека: «...свои журналы мы называем не иначе, как "Земля", "Новь", "Цветенье", "Колосья", "Жатва", "Урожай" и так далее, отдавая, очевидно, дань самой неутолимой тоске по традиционной почве и деревенскому прошлому нашего народа. Между тем, у народа нашего была совершенно иная традиция. Если требовалось, к примеру, окрестить корчму, он называл ее не "У трех золотых колосьев", а "У трех мавров", не "Липой", а "Синим единорогом", не "У родного надела", а "У императора трапезундского" или еще как-нибудь в том же роде, ибо народ наш был склонен к экзотике, к мечтам о приключениях и очарован всем необычным» [Чапек: 1977: 357].

Возвращаясь к вопросу о фольклорном или собственно языковом статусе микротопонима «Сайгон», мы считаем возможным признать его «фольклорность» хотя бы потому, что независимо от его реальной этиологии существуют «мифологические» версии происхождения этого названия. Наряду с «вьетнамским мифом» есть и рассказы вроде такого: «Тогда в этом кафетерии можно было курить. И вот, входит как-то милиционер, смотрит и говорит: "Это что за Сайгон?!" Народу понравилось» (Л.В., мужчина, 1945 г. р.).

Образная номинация может рассматриваться в качестве фольклорного явления в той мере, в какой актуален образ, лежащий в ее основе. Как только связь с мотивировкой утрачивается, номинация переходит целиком в область собственно языка. «Ирония, смех, добрая шутка вообще очень нередки при рождении собственного географического имени. Но окраска эта исчезает, как правило, намного раньше, чем само имя. Вот почему иронические названия так трудно выявляются в топонимике и кажутся столь немногочисленными» [Карпенко: 1967]. В таких случаях мы можем говорить об утрате «фольклорности» номинации.

Ответить на вопрос о реальном происхождении многих неофициальных топонимов трудно, если не невозможно — и не только потому, что поколения, ко-

торые их придумали, уходят, но и потому, что этот тип номинаций, как и большинство языковых номинаций вообще, возникает в процессе естественного общения, почти за порогом сознания. Что же касается ходячих этимологических версий, то они должны рассматриваться как фольклорные тексты.

«Кафе-автомат» на углу Невского и улицы Рубинштейна в первые послевоенные десятилетия было очень популярно среди таксистов. Еще в середине 60-х годов бытовало его неофициальное название «Гаштет», явно принесенное фронтовиками из Германии (*die Gaststätte* — ресторан, столовая, гостиница). В 80-е годы заведение называлось уже «Гастрит». Бытовое заимствование экзотизма (немецкие столовые непохожи на отечественные) → перенос на родную почву → забвение источника → народная этимология.

За «фольклорной номинацией» непременно стоит интерпретирующий текст, «этимологический миф». Ср.: 1. Это место назвали «гаштетом» таксисты-фронтовики, от немецкого *Gaststätte*; 2. Эту забегаловку называют «Гастритом», потому что от их еды живот болит. Частным случаем интерпретирующего текста может быть нарратив («А вот как Кольку отсюда с гастритом увезли, так и повелось»).

Если на вопрос о происхождении следует тривиальный ответ типа «так уж назвали», номинацию следует целиком отнести к сфере лингвистической (что не снимает вопроса об этимологии).

За пределами своей естественной среды бытования топонимы (как официальные, так и разговорные) часто предъявляются в качестве курьезов. (Из общих соображений, возможно, имело бы смысл рассматривать курьезы в качестве самостоятельного фольклорного жанра.) Например: 1. В Кеми одна из главных улиц называется улицей Бланки́, но говорят там «Бла́нки». Один местный житель объяснил мне, что Бланка — «это такая партизанка в войну была». 2. А в Твери есть улица «Набережная Иртыша», так там не то что Иртыша — лужи приличной нет. 3. В немецкой энциклопедии «Weltgeschichte» в статье про Ленина указано место рождения — Simbirsk (Uljanowsk) и место смерти — Gorki (Nishni Nowgorod).

Среди микротопонимических разговорных имен мы обнаруживаем множество таких, которые изначально создаются в качестве своего рода курьезов, хлестких и, по мере возможности, остроумных номинаций (А ты знаешь, как у нас этот перекресток зовут? — Бермудский треугольник). Обиходное название микрорайона новых домов на ул. Жени Егоровой «Новая Женька» тоже явно «рассчитано» на радостное удивление. Топоним выполняет не только назывную функцию (или не столько ее), но еще и выступает в роли шутки. Это относится и к таким аббревиатурным названиям, как *ГДР* и т. п.

Трансформированная официальная номинация может представлять собой скрытую предикацию: объекту приписывают (справедливо или не совсем) некий, обычно компрометирующий, признак: ЛДМ (Ленинградский дворец молодежи) → ЛСДМ (в развернутом виде содержание новой номинации можно сформулировать примерно, как «В ЛДМ употребляют ЛСД)»; Стремянная ул. → Стрёмная.

Последовавший после крушения советской власти «онимический взрыв» [Шмелева 1996] выразился, в частности, в том, что разговорные микротопонимы

заняли места на вывесках, а принципы их формирования и функционирования распространились за пределы собственно разговорной речи. Столовая на Среднем проспект Васильевского острова, давно известная под названием «Петухи», стала называться АО «Петушки» (любопытно при этом, что изразцы с птичками, послужившие когда-то мотивировкой номинации, были при ремонте уничтожены). На Суворовском проспекте напротив магазина «Philips» открыли кафе «Филиппок».

Признавая фольклорность одних топонимических номинаций и чисто языковую природу других, мы не можем, тем не менее, настаивать на раздельном изучении этого материала. Все разговорные имена образуют в своей совокупности систему, изолированное рассмотрение каких-то частей которой вряд ли может быть плодотворным.

Предлагаемые ниже фрагменты словаря неофициальной городской микротопонимики Ленинграда последних советских лет призваны продемонстрировать разнообразие типов разговорных топонимов и множественность принципов номинации.

Краткий словарь неофициальной топонимики Ленинграда

АДМИРАЛ — бар ресторана «Висла». От входа хорошо видно здание Адмиралтейства.

БАНЯ — Библиотека Академии наук, официальная аббревиатура: БАН.

БЕЙРУТ — кафетерий у ст. метро «Площадь Мужества».

БЕРЁЗА — магазин «Березка».

БЕРМУДСКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК — перекресток Большого проспекта Васильевского острова и 6/7-й линий; на углах расположены пивные точки и винный магазин / Вообще скопление питейных заведений.

БОЛТ — один из двух выходов со ст. метро «Балтийская».

БОЛТОН — Балтийский вокзал.

БОЛЬШОЙ ДОМ — здание КГБ на Литейном пр., 4.

БОМБЕЙ — пирожковая на Невском, напротив кинотеатра «Титан».

БОНЧ — Ленинградский электротехнический институт связи им. проф. М.А. Бонч-Бруевича.

БРОДВЕЙ — Невский пр. (или часть его).

БУГОР — Поклонная гора.

БУРЕЛОМ — к/т «Буревестник».

ВАСЬКА — Васильевский остров.

ВАСЬКИН (ОСТРОВ) — Васильевский остров.

ВАТРУШКА — площадь Ломоносова / Вообще любая площадь со сквером посередине.

ВАШИНГТОН — кафе на Кузнецовской ул.

ВЕТЕРИНАРОВ ПРОСПЕКТ — *шутл.* пр. Ветеранов.

ВЛАДИМИР — ст. метро «Владимирская».

ВОСЬМЁРКА — парадное дома № 8 на Стремянной ул.; место тусовок. Нетипичный случай использования «номерной номинации».

ГАЛЕРЕЯ (ГАЛЕРА) — 1) галерея Гостиного двора; место встреч фарцовщиков; 2) выход на ст. метро «Гостиный двор».

ГАСТРИТ — кафе «Автомат» на Невском пр., 45.

ГДР — *аббр.* 1) Гражданка дальше ручья — район Гражданского пр. за Муринским ручьем; 2) Гораздо дальше ручья (то же значение). В годы застройки района у Муринского ручья стоял щит с надписью «СССР». Таким образом, то, что находилось за ним, оказывалось как бы другой страной.

ГЛАВХАБАРИК — *нариц.* специализированный табачный магазин.

ГЛАВХАПЁЦ — см. ГЛАВХАБАРИК.

МУТНЫЙ ГЛАЗ — отмеченное в ряде районов название винных магазинов.

ГОЛОВА — бюст В.И. Ленина на Московском вокзале.

ГОЛТОБ — *аббр.* Государственный ордена Ленина театр оперы и балета им. С.М. Кирова.

ГОСТИНКА — Гостиный двор.

ДВОР — Дворец молодежи.

ДВОРЯНСКОЕ ГНЕЗДО — «Дом политкаторжан» на Петровской наб., 2 (в нем жил первый секретарь обкома КПСС Г.В. Романов).

ДРВ — *аббр.* дальше ручья влево — часть Гражданки за Муринским ручьем (ср. ГДР).

ЕВРОПА — гостиница «Европейская», ресторан и кафе в ней.

ЗАМУЖЕСТВА ПЛОЩАДЬ — площадь Мужества.

КАБУЛ — кафе на ул. Дзержинского.

КАЗАНЬ — садик у Казанского собора.

КАТЬКИН САДИК — сад с памятником Екатерине II на пл. Островского.

КЛИМАТ — выход со ст. метро «Гостиный двор» на канал Грибоедова (вестибюль и галерея перед ним).

КОМЕНДАНТЩИНА — район Комендантского аэродрома.

КОРАБЛИ — ул. Кораблестроителей.

КРУПА — Институт культуры им. Н.К. Крупской.

КУЛЁК — то же.

ЛСДМ — ЛДМ, Ленинградский дворец молодежи.

ЛЯГУШАТНИК — кафе-мороженое на Невском пр., 24 (его интерьер выдержан в зеленом цвете). Ныне официальное название.

МАЯК — ст. метро «Маяковская».

МЕЖДУ НОГ МАЯКОВСКОГО — место встреч на ст. метро «Маяковская» у памятника В.Маяковскому.

МЕЧТА ИМПОТЕНТА — монумент (обелиск) Победы у Московского вокзала.

МИКРОКЛИМАТ — см. КЛИМАТ.

МОНМАРТР — места на Невском пр., где рисуют художники.

МОНТЕ-КАРЛО — скопление общежитий на Ново-Измайловском пр.

МОСБАН — Московский вокзал.

МУХА — Ленинградское художественно-промышленное училище им. В. И. Мухиной.

МЯСНАЯ — ст. метро «Лесная».

НОВАЯ ЖЕНЬКА — новые дома на ул. Жени Егоровой.

ОЛЬСТЕР — бар при ресторане «Невский».

ПЕРМЕД — *аббр.* 1-й Медицинский институт им. акад. И.П. Павлова.

ПОРОШКИ — район Пороховых.

ПРОМОКАШКА — Технологический институт целлюлозно-бумажной промышленности.

ПЬЯНЫЙ УГОЛ — СМ. БЕРМУДСКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК.

РАДИУС — винный магазин, расположенный на углу Кировского пр. и пр. Максима Горького.

РЕПА — Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина (Академия художеств).

РИМ — кафетерий на Кировском пр., 41.

САЙГ, САЙГАК, САЙГОН — кафе на углу Невского и Владимирского проспектов.

САШКИН САДИК — Александровский сад.

СЕРОВНИК — Ленинградское художественное училище им. В.А.Серова.

СКВОРЕЧНИК — психиатрическая больница № 3 им. И.И. Скворцова-Степанова.

СКВОРЦЫ — см. СКВОРЕЧНИК.

СМЕРТЬ МУЖЬЯМ — трикотажное ателье на Невском пр., 12 (иногда употребляется как нарицательное).

СТАМЕСКА — стела на пл. Победы.

СТРАНА ДУРАКОВ — район проспектов Новаторов, Передовиков, Энтузиастов, Наставников, Ударников и т. д.

СТРЁМНАЯ — Стремянная ул., неподалеку от САЙГОНА и ЭЛЬФА (см.).

СТУПЕНЬКИ — бар в полуподвале.

ТРИ ПЕСКАРЯ — бар на Лермонтовском пр.

ФИНБАН — Финляндский вокзал.

ЧИЛИ — место в районе Владимирской церкви (в 1970-х годах).

ЩЕЛЬ — бар в ресторане «Метрополь».

ЩУКИН РЫНОК — Апраксин двор.

ЭЛЬФ — садик у кафе «Эльф», место встреч неформалов.

ЯБЛОНЬКА — помещение ДНД у магазина «Яблонька» на Невском пр.

ЯМА — кафе на ул. Декабристов (у Матвеева пер.).

Примечания

[1] Широко распространившийся в последнее время термин "урбаноним" (или "урбоним") представляется нам неудачным уже по той причине, что охватываемые им объекты (улицы, кварталы, отдельные дома, магазины и т. п.) не являются специфически городскими (лат. *urbs* 'город'). Кроме того, не включаемые в разряд урбанонимов названия ручьев, островков, рельефных форм и т. п. по характеру своего функционирования ничем не отличаются от названий улиц. Входя в городскую микротопонимику, названия рек точно так же, как названия улиц, районов, домов могут дублироваться разговорным именем: р. Неглинная в Москве называлась *Неглинкой* еще до ее заключения в трубу (ср.: Неглинная улица / улица Неглинка), р. Варзоб в пределах Душанбе называется чаще *Душанбинка* и т. п.

[2] Заметим, что исторически вектор производности в этих случаях может быть и обратным (как в хрестоматийном примере зонт ← зонтик). Так, в современной речи микротопоним *Гражданка* иногда понимают как универбат официального имени Гражданский проспект, между тем как реально направление производности было прямо противоположным.

[3] Естественно, что старые названия, которые продолжают бытовать среди некоторой части населения и после переименования (Сенная площадь, Александровский сад и др.), должны рассматриваться именно как разговорные имена, но они моментально переходят в разряд официальных при обратном переименовании.

[4] Здесь и далее см. «Краткий словарь неофициальной топонимики Лениграда».

Литература

Капанадзе, Красильникова 1982 — *Капанадзе Л.А., Красильникова Е.В.* Лексика города: К постановке проблемы // Способы номинации в современном русском языке. М., 1982. С. 282–294.

Карпенко 1967 — *Карпенко Ю.А.* Свойства и источники топонимики // Микротопонимия. М., 1967.

Осипов и др. 1991 — *Осипов Б.И., Боброва Г.А., Имедадзе Н.А.* и др. Лексикографическое описание народно-разговорной речи города: Теоретические аспекты. Омск, 1991.

Чапек 1977 — *Чапек К.* Почва // Собр. соч. Т. 7. М.,1977. С. 357–358.

Шмелева 1996 — *Шмелева Т.В.* Письменность городской среды // Фонетика — орфоэпия — письмо в теории и на практике: Межвуз. сб. науч. трудов Красноярск, 1996. Вып. 1. С. 114–123.

И.А.Подюков
(Пермь)

Современное городское топонимическое творчество
(на материале неофициальной урбанонимики Перми)

Языковой культурной традицией современного города может быть названа та часть словесности, которая связана с принятым в повседневном городском быту именованием различных городских объектов. Ярко выраженная, своеобразная повседневная языковая эстетика, стилистика и риторика разговорной стихии дополняется здесь устойчивым воспроизведением фрагментов общекультурных универсалий. Наряду с другими проявлениями изустного народного творчества повседневная топонимика современного города (урбанонимика) выступает как зона, достаточно полно отражающая ценностное ядро русской национальной культуры, является яркой чертой современного городского быта. При этом, безусловно, неофициальная городская топонимика теснейшим образом оказывается соотнесена с общей обиходной речью современного города, где отчетливо проявляется и культурно-этнографическая специфика региона, и действие универсальных механизмов культуротворчества, и языковая игра (особенно наглядно — в таких языковых макрообъектах, как городские жаргоны, арго молодежи, футбольных болельщиков, таксистов, компьютерщиков, артистов и пр.). Повседневная речь жителей современных мегаполисов отражает «теневую» городскую культуру, с одной стороны, и многие черты традиционной народной культуры — с другой (последнее особенно важно для современных промышленных городов, которые, подобно Перми, активно заселялись в послевоенные годы выходцами из села). Язык города — в его наиболее насыщенной культурной семантикой части при этом, к сожалению, не только почти вовсе не представлен словарями, но и остается мало изученным лингвистическим и культурным феноменом. Непрерывно создаваемые жителями города все новые и новые названия улиц, микрорайонов, предприятий, магазинов не только хранят в себе живую историю города, края, но еще и отражают психологию его обитателей.

Народное словотворчество, языковая игра — одно из наиболее заметных свойств живой, непосредственной, бытовой речи. В обыденной речи наглядно проявляется способность языка не только отражать мир в его объектной множественности, а еще и объяснить его, определить в смысловом плане, реконструи-

ровать как некое смысловое единство. Известное положение, что язык есть фактор, порождающий культурную реальность, особенно ощутимо в тех сферах языка, где мы имеем дело с культурными знаками так называемой вторичной номинации, к которым относится и топонимика. Топонимы — всегда результат и своего рода «научного», и языкового творчества; чтобы быть удачным, топоним должен иметь адресную, различительную функцию и одновременно сообщать многое об истории, оставаясь при этом компактным и удобным в употреблении. Наименования фокусируют социальную энергию, запечатлевают и транслируют разнообразную информацию о хозяйственном и культурном укладе региона, о художественном строе мышления народа, о его истинном отношении к господствующей идеологии и пропагандируемым культурным ценностям. В названиях города, его микрорайонов, улиц, дорог и площадей, учебных заведений, библиотек, предприятий, небольших городских объектов (магазины, дворцы, кинотеатры, рынки, отдельные сооружения) отражены местные особенности жизни, представлен рельеф местности, зафиксирована история края, дана оценка роли города в крае в целом.

Бытовой топонимический ландшафт Перми

Топонимическая система города Перми складывалась непросто и неоднократно подвергалась искусственному воздействию. Особенно очевидно это проявляется в истории названий улиц города. С момента возникновения города в основном здесь действовал принцип адресности — названия улиц были прежде всего ориентирующими, говорящими. Это достигалось достаточно просто благодаря централизованной планировке города (по словам П.Мельникова-Печерского, «Пермь спланирована и построена правильнее Нью-Йорка»). Не имея собственно центра, центральной площади, город в своем развитии ориентировался на Каму. Параллельные Каме улицы назывались по названиям церквей, на них расположенных, — *Петропавловская* (ныне Коммунистическая), *Вознесенская* (ныне Луначарского), *Покровская* (ныне Ленина), а перпендикулярные — по проходящим по ним трактам и дорогам — *Кунгурская* (ныне Комсомольский проспект), *Казанская* (ныне шоссе Космонавтов), *Сибирская* (ныне К.Маркса), *Соликамская* (ныне Максима Горького). Были также улицы *Верхотурская, Чердынская, Осинская, Камышловская* и др. Названия отражали особенности объектов — улица *Торговая* (ныне Советская) называлась так потому, что здесь было много магазинов (современное имя получила по обилию находящихся на улице «советских», т. е. государственных, учреждений). Улица *Садовая* (теперь Революции) находилась рядом с Загородным садом и огородами. Комсомольский проспект (назван так в честь 10-летия комсомола) имел до этого несколько названий — назывался после революции *Красный*, до этого улицей *Кунгурской*, еще раньше — *Широким переулком* (улица специально была построена широкой, чтобы возможные в пригородах пожары не перекидывались в центр города). Улицы назывались и по роду занятий жителей. *Заводская* (здесь в основном жили рабочие Егошихинского завода, вокруг которого и разросся город), *Кузнечная, Ямская* (*Большая* и *Малая*).

Многие улицы и микрорайоны получили свое название по тем деревням, которые были в черте города в прошлом — *Субботинская* по д. Субботино, *Бахаревка* по д. Бахаревка и пр.

С 20-х годов XX в. начинается активное использование идеологических установок, что привело к засилию топонимов-советизмов типа пл. *Октябрьская* (завод *Красный Октябрь*, кинотеатр *Октярь, Октябрьская площадь, улица 25 Октября*), ул. *Максима Горького* (а также библиотека, дворец культуры, университет *имени Горького*). Этот процесс продолжался до 1990-х годов — как и в Москве, в Перми в 60-х годах появляется *Проспект Мира* в ознаменование успехов внешней политики СССР, а к 50-летию образования СССР — улицы, названные в честь городов и республик СССР (*Таллинская, Балхашская, Запорожская, Казахская, Самаркандская, Таджикская, Узбекская* и пр.).

Динамика современных неофициальных названий точно отражает динамику последнего времени — если один из первых в городе фешенебельных магазинов на ул. Ленина в 80-е годы устойчиво назывался *Буржуйский*, *Миллионный*, то официальным стало для него демократическое «Стометровка», хотя по-прежнему бытуют его названия, обыгрывающие то, что расположен он в большом, занимающем целый квартал доме, — *БАМ*, *Километр*, *Кишка* (название *Кишка*, не лишенное негативной окраски, используется до сих пор еще и для характеристики другого «дорогого» мебельного магазина на ул. Куйбышева, также занимающего весь первый этаж длинного дома).

Таким образом, современная топонимическая ситуация в Перми крайне осложнена тем, что в большинстве официальных названий представлен искусственный, неконкретный признак, слабо выражена местная культурная специфика и собственная история края. Следует при этом отметить, что по городским окраинам всегда давались интересные, образные названия: в Дзержинском р-не города — ул. *Безымянная, Встречная, Источная,* ул. *Потерянная* в Мотовилихе; да и более поздние официальные наименования также хранят любопытную информацию о городе — как, например, ул. *Патефонная* в Свердловском р-не, название которой было связано с военным заводом, чей адрес был скрыт за эвфемизмом (патефоны были лишь малой частью его продукции). Названия улиц, построенных в последние семь лет, показывают, что идеологический принцип постепенно преодолевается — появились *улицы Былинная, Нектарная, Черничная, Посадская, Светлая*, пер. *Талый, Родничный, Лебяжий* (Мотовилихинский р-н города), улицы *Пчелиная, Вербная, Грушевая* (Кировский р-н), *Тополиная, Пасечная* (Орджоникидзевский р-н). Улицам города возвращаются старые названия (в 1998 г. принято решение о возвращении ул. Карла Маркса старого названия *Сибирской*).

Реальная речевая практика горожан такова, что неофициальные названия зачастую игнорируют насильственно введенные и функционируют параллельно — центральный городской парк (Горьковский сад), например, до сих пор многие горожане называют *Огородом*, что хорошо соотносится с его исторической ролью — еще в XVIII в. здесь были городские сады и огороды (интересно, впрочем, что и многие другие парки в городе также называют *Огородом*, т. е. на «деревенский» манер, — например, парк в Мотовилихинском р-не). Сохраняются специфические формы топообразований, частые в Прикамье в целом, — *Заива*

(ул. Чехова в Мотовилихинском р-не), *Закама* (правобережье Камы), диалектные слова в названиях — *Взвоз* (ул. Мостовая в Мотовилихинском р-не), *Елань* (микрорайон Висим в Мотовилихинском р-не).

Во многом закрепление неофициальных названий было вызвано своеобразной реакцией на господствовавшую многие десятилетия идеологическую топонимику (переименования ул. Карла Маркса на *Борода, Бородатая, Кырлы-мырлы*, ул. Ленина на *Лысина,* уничижительные характеристики типа *Ленинская библиотека* о городской библиотеке № 29 в пос. Садовый — в библиотеке слишком много общественно-политической литературы и мало художественной и детской). С другой стороны, многие нынешние неофициальные названия не что иное, как доставшиеся от прошлого — таково название завода «Моторостроитель» *Сталинский* (в речи пожилых), название Комсомольского проспекта (также в речи пожилых) *Кунгурка*, клуб УВД в Ленинском р-не называют *Собрание* (в этом доме до революции размещалось «Благородное собрание»). Многие неофициальные названия рассказывают об истории города: *Лузенские пашни* — территория, смежная со стадионом «Молот» в Мотовилихинском районе (когда-то здесь было поле; в городе, впрочем, сохранены и официальные названия такого рода — *Коноваловские пашни*), название магазина в Кировском р-не *Зона «А»* — память о том, что здесь когда-то, после войны, размещалась так называемая «Промзона А», где жили военнопленные немцы, строившие в городе дома. Аналогичны обозначения микрорайонов города: *Пятая зона* — микрорайон на Гайве (до войны его строили заключенные, одновременно со строительством Камской ГЭС), на правобережье известны также *Первая, Вторая, Шестая зоны*, на левобережье *Третья, Четвертая зоны*

Ряд городских объектов, официально никак не определенных, получил особые названия, например — *Серебряный ключ* в пос. Гайва с целебной, как считают, водой. Существуют отдельные названия для частей длинных улиц — например, для частей проспекта Декабристов — *Небоскребный* и *Продуктовый* (тот же принцип в наименовании частей улицы Карпинского — *Деревянная*, или *Двухэтажная*, *Карпинка* и *Небоскребная Карпинка*).

Среди неофициальных названий безусловно особое место занимают местные достопримечательности типа *Камня влюбленных* — так называется большой камень на правом берегу Камы, по дороге в пос. В. Курья (назван так в связи со сложившейся в 1980-х годах традиции посещать его после ЗАГСа; закрепился даже своего рода ритуал — молодожены разбивают о камень бутылку из-под шампанского, кинув ее вместе, и, по примете, если попадут в камень с первого раза, жить будут дружно). Неофициальными названиями выделены особо значимые объекты: для молодежи — дворцы и клубы с дискотеками, например *Гагры* — Дворец имени Гагарина, для водителей дороги — *Трасса* (ул. Мира в пос. Балатово, отличающаяся прямизной), *Ранголовка*, *Ранголовская дорога*, *Ранголовский переулок* (переулок в районе шоссе Космонавтов, на въезде на так называемую *Пьяную дорогу* — в названии обыграна фамилия инспектора ГАИ Ранголова, особенно «коварного» по отношению к водителям). В шоферском языке бытует название крутого съезда к площади Восстания в Мотовилихинском р-не — *Тещин язык* (название восходит к прозвищу начальника районного ГАИ — *Теща*, долгое

время здесь работала в этом качестве женщина, а названный участок был местом постоянного патрулирования).

Более последовательно проявлено в неофициальной топонимике стремление сохранить названия как ориентирующий и поэтому более информативный код города. Так, если в официальной топонимике Перми «роза ветров» существенно стушевана, неофициальные названия воспроизводят ее более последовательно. В ряде городов России (в Москве, например) отчетливо выражена географическая привязка названий (особенно улиц): с северной стороны названия типа Магаданская, Енисейская, с южной — Донбасская, Ялтинская. В Перми отмечены официальные названия *Восточный переулок* (Орджоникидзевский р-н), ул. *Северная* (Мотовилихинский р-н), 2-я, 3-я *Южная* улицы в Дзержинском р-не, в целом географически ориентированные. Закономерно в связи с этим заполнение «западной» лакуны — появление неофициального названия *Западный* для микрорайона Краснова в Свердловском р-не, а также для микрорайона, смежного с ул. Гусарова (примечательно, что до 1945 г. это было официальное название микрорайона, замененное меморативом, именем героя). То же самое можно сказать об использовании семиотической оппозиции большой/малый, старый/новый, верхний/нижний. Активно создаются неофициальные названия: *Новая деревня* — микрорайон, смежный с ул. Плеханова, Хохрякова, Ленина, Шоссе космонавтов в Ленинском р-не; *Старая Кама* — микрорайон между ул. Попова и Крисанова от р. Камы до ул. Ленина; *Старое Конго* — микрорайон Городские Горки в Мотовилихинском р-не; *Нижний* — молочный магазин на Садовом (ул. Старцева — находится в нижней части улицы, это же название носит продовольственный магазин на ул. Л.Шатрова); *Верхи* — ул. Островского, ее верхняя часть (от старого названия улицы — Верхотурская) в Свердловском р-не. Как продуктивное использование бытующей модели выступают названия типа *Дом чекистов* — жилой дом на ул. Карла Маркса (построен в 30-е годы, в нем действительно были квартиры сотрудников ОГПУ), *Дом грузчика* — название общежития рабочих порта Пермь на ул. Орджоникидзе (шутливый эффект задан ассоциативным сближением использованной модели с названиями типа Дом журналистов, Дом учителя и пр.).

При всей своей ярко выраженной моделируемости неофициальная топонимика иллюстрирует «ризоматический» принцип (свойственный естественной культурной среде) и в целом по городу предстает не как секторальная, а как мозаичная. Большое место занимает в ней избирательность и избыточность. Повышенное внимание очевидно по отношению к тем объектам, с которыми связано проведение молодежных мероприятий, концертов, дискотек, активная языковая игра ведется с названиями ресторанов, пивных: *Козий загон* — пивная в Балатово, *Шушарня* — пивной бар в Мотовилихинском р-не, *Мухин глаз* — пивной павильон в Мотовилихинском р-не (ср. близкое *Мутный глаз* — винный магазин в Петербурге), *База отдыха* — пивной киоск на ул. Звонарева. Здесь могут быть выявлены и свои универсалии: так, «медицинская» тема дает о себе знать в названиях типа *Аптека* — пивной бар на ул. Куйбышева, *Реанимация* — пивной бар на Центральном городском рынке. С недавнего времени *Реанимация* и официальное название. Практика переназывания с использованием народного определения —

довольно распространенный рекламный ход в Перми; так, название *Стометровка* получил достаточно дорогой магазин на ул. Ленина, а по аналогии с ним *Трехметровкой* назван небольшой бар, также в Ленинском р-не.

Примечательные городские объекты особенно выделены своими неофициальными названиями: здание областного управления УВД называют в городе *Шпиль, Башня смерти, Морковка, Рог* (последнее — в речи криминальных элементов, скорее всего в связи с тем, что в жаргоне воров *рогатый* — представитель закона, силовых структур; название *Морковка* скорее всего задано некоторым внешним сходством). Наиболее частотное название *Башня смерти* связывают с тем, что, по молве, в подвалах башни расстреливали в довоенные годы репрессированных (на месте Главного областного управления МВД когда-то действительно было кладбище на опушке леса, есть свидетельства, что здесь красные расстреливали белых и белые — красных в годы гражданской войны, когда город переходил из рук в руки; рассказывают также легенду о том, что один подследственный бросился с башни вниз, к ногам своей девушки; говорят и о том, что многие после допросов в ГПУ выбрасывались из окон башни).

Городские памятники — устойчивый объект народного переназывания. У памятника «Героям фронта и тыла» в Ленинском р-не несколько названий — *Голосующие, Памятник уехавшему таксисту* (находится на магистрали, ведущей к железнодорожному вокзалу, а жесты фигур композиции напоминают поведение тех, кто пытается остановить такси). Называют его также *Лебедь, рак да щука* — две мужские и одна женская фигуры памятника развернуты каждая в свою сторону: рабочий в сторону заводов Мотовилихи, воин смотрит на запад, а женская фигура «Родины» смотрит вперед. Занявший, пожалуй, самое центральное место города, видимый с самых разных точек, памятник подвергается множественным текстовым комментариям. Обыгрывается то, что при вечернем свете жест рабочего в определенном ракурсе имеет не вполне приличный характер, тем более, что он обращен в сторону здания бывшего обкома партии. Городская интеллигенция обыгрывала памятник еще и как комментарий к бытовавшим в советское время запретам на театральные постановки, поскольку он установлен в непосредственной близости от драмтеатра. Писатель Л.Давыдычев «объяснял» жесты мужских фигур памятника диалогом двух драматургов: «Меня в Драме не ставят». — «А меня в ТЮЗе не ставят». Женской фигуре, возвышающейся над мужскими, простирающей над ними руки, приписывались слова: «Успокойтесь, это обком запретил». Жесты, впрочем, комментировались и в другом ключе — как разговор трех искателей выпивки: «Пойдем в «Камские огни» (ресторан поблизости. — *И.П.*)» — «Нет, лучше в бар (бар на другой стороне улицы, также недалеко от памятника. — *И.П.*)». — «Пойдемте, мужики, домой, спиртного нигде нету».

Сходным образом назван и откомментирован памятник «За власть Советов», установленный в «Рабочем поселке», — *Ползущие* (целеустремленные фигуры раненого солдата и краснофлотца наделялись словами: «Успеть бы, пока гастроном не закрылся»). Памятник «Горький и Ленин» на территории Пермского университета называют *Ленин и Сталин* (при вечернем свете Горький напоминает Сталина, по слухам, действительно он создавался как памятник вождям); известны и комментарии к сидящим фигурам — «Ленин и Горький сидят и ждут, когда,

наконец, красивая девушка придет». Барельеф «Ленин и красноармеец» в Ленинском зале Пермского университета, где красноармеец по ошибке скульптора изображен с двумя шинелями (одна на нем, другая в скатке), шутливо называют *Купи шинель.* Памятник Ленину в Театральном (Комсомольском) сквере называют *Писающий мальчик* (с одной из точек осмотра он напоминает человека в соответствующей позе). Молва утверждает даже, что так скульптор «отомстил» властям за репрессии, которым подвергалась его семья. Снижающие определения получают не только памятники коммунистической эпохи — памятник воинам-афганцам «Разорванное братство» на ул. Карла Маркса получил название *Регбисты* (обыграна поза стоящих плечо к плечу воинов). Они произвольно толкуются в духе тех или иных общественных умонастроений — так, чугунного литья многофигурная композиция у памятника А.С.Пушкину на ул. Карла Маркса истолковывалась (и называлась соответственно) в свое время как аллегорический рассказ о том, *Как жиды Россию губят* (соответственно разные сюжеты толковались в антиеврейском плане: сцене из «Сказки о золотой рыбке» приписывали аллегорический смысл — евреи разрушают в России семейные устои; антисемитская тема задана еще и тем, что в размещенном поблизости Доме культуры часто устраивались разного рода националистические собрания).

Среди прочих причин появления неофициальных топонимов можно отметить возникновение топонимических аналогий в оценке объектов города со столичными названиями. Отсылки к «облагораживающим» (а фактически, ироническим) названиям видны в использовании известных столичных названий: *Пермский Невский* — ул. Крупской в Мотовилихинском р-не, *Пермский Арбат* — ул. Карла Маркса, *Белый дом* — общежитие для иностранцев на Бульваре Гагарина, стоящее особняком, белого цвета. Обычный эффект при этом — ироническая оценка (особенно очевидна в применении топонима *Красная площадь* к названию трамвайного кольца в Мотовилихе). Многие произвольные переименования созданы из стремления обеспечить большую информативность — так, улицу Полины Осипенко часто называют *Детская*, вероятно, в связи с тем, что на ней размещены три детских сада и детская библиотека; ул. 9 Мая называют *Больничная*, так как на ней расположен большой больничный комплекс. Названия фиксируют рельефную географическую особенность — обилие возвышенностей мотивирует образования как официальные, так и неофициальные: *Горками* называют либо участок в Мотовилихинском р-не от «Мичуринских садов» до площади Дружбы, либо микрорайон Висим, либо центр Ленинского р-на города — деревня *Горы* на месте нынешних Городских Горок реально существовала в окрестностях города в конце XVIII в. Официальное название при этом игнорируется и предлагается свое, кторое определяет общую функцию объекта (*Свадебный* магазин — «Товары для новобрачных»), его «параметры» (*От рассвета до заката* — продовольственный дежурный магазин на ул. Карпинского), его свойства (название *Речка-говнотечка, Говнянка* получили р. Данилиха и р. Егошиха в черте города, заполненные сточными водами).

Еще одна мотивация неприятия официальных именований — осознание их как претенциозных уже вне сугубо идеологических установок. В живой повседневной речи неохотно принимаются модные одно время названия типа *Солнеч-*

ный, Дружба, внешне эффектные, но практически неинформативные (отмечается даже ироническое применение такого рода названий типа *Дорога дружбы* об отдаленной автодороге в Кировском р-не). Несколько лет назад микрорайон города *Вышка 2* планировалось переименовать, так как у жителей района слово «Вышка» вызывало «лагерные» ассоциации, что, впрочем, не было выполнено, во многом потому, что альтернативным ему было предложено название *Солнечный*. Впрочем, в названиях новых улиц такого рода безвкусица и топонимическая лакировка действительности продолжается — за последние годы появилось много улиц с названиями типа *Лазурная, Бирюзовая, Аметистовая, Золотистая* (Кировский р-н).

Географические названия (в большом городе это особенно важно) должны помогать человеку ориентироваться и нести в себе значимую культурную информацию. Образные средства языка при этом оказываются особенно удобными. Они фиксируют внимание на уникальных свойствах объекта, содержат эмоциональный комментарий. Последнее объясняет наличие в неофициальной урбанонимике большого количества апеллятивов типа *Туча* — вещевой рынок при Центральном городском рынке, *Водкин домик* — уличный торговый павильон, *Тараканник, Муравейник, Уголок* — небольшой продовольственный рынок, винный магазин *Чебурашка, Муравейник* — дом со множеством окон (например, Дворец технического творчества школьников), а также многоквартирный дом (например, по ул. Тургенева). Они также наделены адресной функцией — живая устная речь, как известно, «не боится» многозначности, конкретный смысл названия и адрес объекта легко проясняется из контекста. Совершенно очевидно, что официально установленные топонимические ориентиры не всегда способны справляться с потребностями эмоционального общения — они лишены экспрессивности. Чтобы компенсировать это обстоятельство, в языке города стихийно складывается система бытовых ориентиров, в которую включаются названия различных городских объектов (улиц, дорог, районов и пр.). Их свод выступает как своего рода культурный текст, отражающий разного рода культурно-психологические интенции разных слоев городского населения.

Варьирование официальной урбанонимики в обыденной речи

Большая часть неофициальных топонимических новообразований является своеобразной реакцией на официально введенные названия и выглядит как словообразовательные, звуковые, грамматические, каламбурные трансформации последних. Здесь отмечаются достаточно простые случаи, когда в целях речевой экономии из названий опускаются слова «улица, поселок» (живу в *Нагорном* — имеется в виду поселок, магазин на *Ленина*). Возникают считающиеся просторечными формы — улица *Ленинская* вместо Ленина, *Хохряковская* вместо Хохрякова, *Плехановская* вместо Плеханова, *Белинская* — ул. Белинского в Свердловском р-не, аналогично *Успенская* — ул. Глеба Успенского в Свердловском р-не и пр. Отмечена и противоположная тенденция — в случаях, когда официальные

названия типа улица *Стахановская, Верещагинская, Пугачевская* сворачиваются в *Стаханова, Пугачева, Верещагина*. Причина — чисто лингвистическая и заключается в сходстве топооснов (использованы всегда фамилии на *-ов, -ин*), в дублетности топоформантов — суффиксов и близости топонимических моделей. Под давлением наиболее частотных топонимических моделей меняются составные, громоздкие наименования — так, магазин «Товары для новобрачных» получает название *Брачный, Новобрачный*.

Создаются разнообразные словообразовательные варианты официальных названий типа *Крохалевка* (пос. Крохалева), *Егошиха* (пос. Егошихинский). При этом особую активность имеют номинации, созданные по широко распространенным в регионе в целом образцам. Одна из наиболее продуктивных моделей — стяжение сложно-составных наименований с помощью топоформанта-суффикса -к-: *Торговка* — магазин № 8 на ул. Гашкова Мотовилихинского р-на (бытует, впрочем, редкий вариант *Торговик*), *Китайка* — дом на ул. Ивана Франко (так называемая Китайская стена) в Мотовилихинском р-не, *Железка* — пос. Железнодорожный, *Паровозка* — ул. Паровозная, *Стаханка* — ул. Стаханова, *Калинка* — ул. Калинина (также *Калинка* — Дворец культуры им. Калинина), *Чайковка* — ул. Чайковского, *Зеленка* — микрорайон Зеленое хозяйство в Свердловском р-не, *Пролетарка* — пос. Пролетарский, *Курчатка* — ул. Курчатова (также *Курчаткой* называется продовольственный магазин на ул. Курчатова), *Оперка* — Пермский театр оперы и балета, *Победка* — кинотеатр «Победа», *Российка* — кинотеатр «Россия», *Централка* — ресторан «Центральный», *Театралка* — кафе «Театральное», *Ликерка* — ликеро-водочный завод в Ленинском р-не, *Газетка* — ул. Газеты «Звезда» Ленинского р-на, Газеты «Правда» Свердловского района, *Молодежка* — магазин «Товары для молодежи» в Ленинском р-не, *Горняшка* — кинотеатр «Горн», *Грачевка* — Грачевская больница, *Девятка* — ул. 9 Мая, *Одойка* — ул. Одоевского, *Галантерейка* — магазин «Галантерея», *Казенка* — универмаг «Военторг» в Свердловском р-не (в речи пожилых), *Колбаска* — магазин «Коммерсант» на Комсомольском проспекте, в прошлом называвшийся «Колбасный», *Липка* — микрорайон Липовая гора в Свердловском р-не, *Моторка* — ул. Моторостроителей в Свердловском р-не, *Пионерка* — улица Пионерская в Свердловском р-не, *Уфимка* — Уфимская улица в Свердловском р-не (микрорайон Краснова), *Леонка* — ул. Леонова. Как показывают примеры, модель распространяется на названия самых различных топообъектов («энергия» ее хорошо видна в частотном для Перми применении слова *Бутылка* в качестве названия винного магазина, где, конечно, значим и синекдотический перенос, но поддерживающим топонимичность выступает «фиктивный» топоформант *-к-*).

Из других способов трансформации официальных названий отметим введение экспрессивных суффиксов: *Молоток* — кинотеатр «Молот», где предстает намеренное обытовление слова, связанного с пролетарской символикой, *Восстаха* — площадь Восстания, *Судик* — судозавод «Кама» в Кировском р-не, *Микрик* — 10-й микрорайон на Гайве, *Кисляры* — микрорайон «Кислотные дачи», *Подаренки* — магазин «Подарки» на Комсомольской площади в Свердловском р-не, *Голованиха* — пос. Голованово (с формантом *-их-а*, по продуктивному типу, ср. названия Мотовилиха, Данилиха), *Пороховушка* — военные склады в Мотовили-

хинском р-не, *Крохаля* — микрорайон Крохалева в Свердловском р-не, *Медуха* — медицинская академия.

Активная часть урбанонимики — аббревиации и усечения типа *Компрос* — Комсомольский проспект (встречается даже в объявлениях водителей общественного транспорта). Усечения типа *Орджо, Орджоник* — Орджоникидзевский р-н, *Жига* — пивной бар «Жигули», *Сельхоз* — сельскохозяйственная академия, *Политех* — политехнический университет, *Универ* — Пермский государственный университет, *Финан* — финансовый техникум, *Фарм* — фармацевтическая академия, *Центр* — ресторан «Центральный» крайне распространены в речи молодежи. Созданные за счет упрощения структуры названия типа *Липа* (микрорайон Липовая гора), *Пролет* (пос. Пролетарский) одновременно получают мотивацию со стороны своей внутренней формы (ср. жаргонное *пролет* — неудача; аналогично проекцией на жаргонное слово создано название *Стрёмная* для ул Стремянная в Петербурге). Сокращения дополнительно обыгрываются ироническими отсылками — *Кулек, Большой кулек* — Институт культуры, *Маленький кулек* — культпросветучилище (аналогично *Кулек* — Институт культуры в Петербурге), *Село, Сельхоз-навоз* — название сельскохозяйственной академии, *Химдым* — химический завод им. С.Орджоникидзе, *Полутех* — политехнический университет. Модными оказываются и звуко-буквенные аббревиатуры: *ДМЗ* — микрорайон «Бумажник» в Орджоникидзевском р-не (исходно из старого названия предприятия «Древесно-масловый завод», современное шутливое расшифровывание — Деревня мерцающих звезд), *СШЛ, Соединенные Штаты Левшино* — пос. Левшино, *ФРГ* — *Федеративная Республика Гайва* пос. Гайва. Могут быть введены расширения в официальное наименование типа *Молодежная — страна балдежная* в речи молодых о пос. Молодежный Орджоникидзевского р-на.

Множественность способов варьирования топонимов приводит к появлению целых вариативных рядов типа *Балма, Балмошный, Балмошная* — микрорайон в окрестностях Вышки 2 в Мотовилихинском р-не. Обыгрывания названия могут быть связаны с поиском забытой мотивированности названия, как, в частности, формы для названия пос. Балатово *Булатово, Болотово, Блатово, Балашиха*. Название краеведы возводят либо к фамилии первопоселенца Данилы Тимофеева сына Балатова, к деревне его имени Балатово, известной с 1747 г., либо к тюркским словам *балан* («калина» — ее было много в урочище на месте нынешнего поселка), *булат* — здесь имелось рудное месторождение и даже была заложена Балановская (Булановская) шахта, где добывалась руда для особо прочного медистого железа, не поддающегося ржавчине. Попытка смыслового прочтения воскрешает исходные этимологизации, а также «принижающие» соотнесения — аналогии с *болотом, блатом* (многие участки поселка в свое время предназначались только передовикам труда, и квартиры нередко доставались «по блату»).

Намеренное каламбурное обыгрывание демонстрируют названия типа *Дуда, Дудка* — ул. Дудинская, *Танк* — ул. Танкистов, *Паровоз* — ул. Паровозная, *Гром* — микрорайон Громовский в Свердловском р-не, *Маяк* — клуб им. В.Маяковского, *Декабри* — проспект Декабристов. В них название улицы возводится либо к нарицательному существительному, либо к существительному собственному — антропониму или топониму — и даже персонифицируется: *Чердынь* — ул. Чер-

дынская, *Сема* — ул. Семченко, *Паша, Пашкина* — ул. Пашийская, *Леня* — ул. Леонова (ср. *Васька* — Васильевский остров в Петербурге, *Владимир* — станция метро «Владимирская» там же), *Чехов* — Дворец культуры им. Чехова, *Лука* — кафе «У Лукоморья» (вариантность здесь развернута и по другой линии — *Лукомор, Лукоморень*). Названия типа *Молотилиха, Мотошляиха* содержат шутливые отсылки к понятиям молотить (жаргонно-просторечное «бить»), *шляться* (за рабочим поселком закреплена слава хулиганского). В массе случаев для каламбуров характерны уничижительные оценки: *Половник* — ресторан «Полонез» на проспекте Декабристов, магазин *Дурман* из «Гурман» в Кировском р-не, *ПНИ* — Пермский научно-исследовательский технологический институт (из официальной аббревиатуры ПНИТИ), *Драмсарай* — Драмтеатр, *Простуда* — пивбар «Прохлада». Также каламбурный смысл имеют названия безэквивалентные, не имеющие официальных соответствий: *Скандаловка* — район «Красный Октябрь», *Падловка* — район бывшей д. Павловки в Мотовилихинском р-не, *Нахаловка* — район Мотовилихи, частое для многих винных магазинов название *Папин мир* (из отсылки к «Детский мир»), самоназвание ресторана на железнодорожном вокзале *Гудок* (помимо отсылки к гудку поезда реализуется ассоциация с просторечным *гудеть* 'пить'), название *Секретный* — авторемонтный завод в Свердловском р-не (назван так, потому что скрыт за жилыми кварталами, а шутливый оттенок задается аналогией с большим количеством действительно секретных, военных заводов, которых в Перми много).

По большей части преобразование названий имеет исключительно шутливый характер: *Портер* — ул. Порт-Артуровская, *Железо, Железяка* — ресторан на железнодорожном вокзале Пермь II, I, *Чудозавод* — судозавод «Кама», *Кислые дачи* — микрорайон «Кислотные дачи», *Белка* — ул. Белинского, *Борцовка* — ул. Борцов революции, *Челка* — ул. Челюскинцев, *Гагры* — дворец культуры им. Гагарина, *Кир, Кирка* — дом культуры им. Кирова (с отсылкой к жаргонному *кир* 'пьянка'), *Подкамник, Подкаменка, Каменка* — пивбар «Кама» (последнее не без отсылки к известному просторечному выражению *на каменку плеснуть* 'выпить спиртного'), *Тачкистов* — ул. Танкистов (с отсылкой к *тачка* 'такси'), *Семечкина* — ул. Семченко, *Астра* — остановка «Астраханская» (название распространенного сорта дешевых пермских сигарет), ул. *Лапшийская* вместо Пашийская. Часты и фонетические деформации типа *Карлуха, Карлы-Марлы* — ул. Карла Маркса, *Ханас* — ул. Героев Хасана, *Астрáхан* остановка «Астраханская» в Кировском р-не (со скрытыми отзвучиями к *хана* 'конец', *трах* 'секс'). Разнообразие такого рода звуковой и смысловой игры с названиями особенно свойственно молодежной речи и мотивировано общими для нее тенденциями экспрессирования и стилистики стеба.

Образные аналогии в неофициальной топонимике города

В речевых топонимических новообразованиях активно используются метонимические переносы с отсылками на материал, особенности внешнего вида сооружения типа *Стекляшка* (многие магазины города из стекла и бетона), *Деревяш-*

ка — магазин на ул. Подольская, *Каменки* — ряд старых трехэтажных кирпичных домов по ул. Звонарева в пос. Садовый, *Каменка* — магазин № 58 в Мотовилихинском р-не на ул. Новгородской, *Косой* — магазин № 50 в Орджоникидзевском р-не, а также винный магазин в Мотовилихинском р-не (название дано и по типу расположения зданий, стоящих не в ряд с соседними домами, и с отсылкой к просторечному *косой* 'пьяный'). При этом могут быть использованы указания на «содержимое» объекта: *Морковка* — частое название овощного магазина (например, на ул. Ушинского, на ул. Ушакова в Мотовилихинском р-не, на Комсомольском проспекте в Свердловском р-не), *Капустница* — столовая в Ленинском р-не, *Шашлык* — гостиница в пос. Садовый по ул. Уинской (названа так потому, что в ней живут кавказцы); цвет — магазин *Белый* в пос. Балатово (назван так по внешней отделке), магазин *Зеленый* (магазин № 18 по ул. Звенигородская, название прочно сохраняется, хотя здание давно перекрашено).

Часты номинации по смежности: *Смертельный* — гастроном в окрестностях Областного управления внутренних дел (*Башни смерти*) в Свердловском р-не, *Дворцовый* — шутливое название небольшого продовольственного магазина недалеко от Дворца им. Я.Свердлова, *Завод* — ул. Моторостроителей в Свердловском р-не (живут в основном рабочие завода, расположенного в непосредственной близости, улица названа по главному объекту, на ней находящемуся), *Баня* — научно-исследовательский институт, расположенный в районе Коломенских бань, *Огороды* — дома частного сектора на горе в мирорайоне Висим. Характеристическое определение *Зоопарк* по смежности получило высшее военное училище (расположено в непосредственной близости от городского зоопарка). Так же, *Зоопарк,* названы были еще в советское время так называемые обкомовские дома, что мотивировано внешней аналогией — дома отгорожены сетчатым забором (эта оценка — проявление своего рода топонимического диссидентства). Известны использования этой аналогии на других основаниях — таково название *Зоопарк* для автопредприятия № 1 в пос. Садовый, которое произведено по созвучию (автопарк).

Удобны геометрические аналогии, которые воссоздают внешние очертания объекта: *Квадрат* — рюмочная, бар на ул. Карпинского, *Треугольник* — Дворец творчества юных (дом венчает треугольная башенка), *Колесо, Кружок* — Комсомольская площадь в Свердловском р-не (имеет круглую форму), *Кольцо, Кольцевая* — площадь Дружбы, *Шайба* — кафе «Чудесница» на ул. Мира, часто также — пивной ларек (*Шайбой* в г. Киров называют пивной павильон округлой формы), *Ямка* — овощной магазин на ул. Чкалова (находится в подвале; *Ямкой,* впрочем, называют и другие объекты — спортклуб на ул. Куйбышева, ср.: *Яма* — кафе на ул. Декабристов в Петербурге), *Столбы* — ряд 16-этажных домов на ул. Юрша и Уинская (пос. Садовый). Отмечена любопытная тенденция называть объект по его рекламному оформлению — продовольственный магазин в пос. Крохалевка получил неофициальное название *Спрайт*, так как на его окнах большими буквами написана реклама этого напитка.

Одна из тенденций — буквенное «чтение» пространства города, в связи с чем создаются названия: *Буква П* — о застройке домов по ул. Звонарева в Свердловском р-не, *Буква С* — так называемый Дом Чекистов (последнее название дано

по форме — по бытующей в городе легенде, первоначально планировалось из нескольких зданий выстроить слово «СТАЛИН», что не было осуществлено, хотя соседнее здание действительно напоминает букву Т). Скорее всего, традиция истолкований такого рода устойчива — форму буквы «Е» имеет военный госпиталь в Ленинском р-не, который, как гласит легенда, был выстроен к визиту в Пермь Екатерины II, вид этой же буквы имеет Пермская тюрьма (впрочем, по мнению отбывших наказание, все старые тюрьмы в России имеют такую планировку). Известны в городе застройки, которые интерпретируют как напоминающие с воздуха цифру (пос. Юбилейный Свердловского р-на, основанный в честь 50-летия советской власти, якобы выглядит как цифра 50; фактически это не так, а некоторое совпадение с начертаниями числа вызвано особенностями привязки застроек к рельефу).

Наиболее продуктивны в топообразовании чисто метафорические аналогии. Здесь в образном строе много соотнесений с бытовыми предметами, что «обытовляет» городское пространство: *Аквариум* — магазин на ул. Луначарского в Ленинском р-не; магазин около Дома офицеров в Свердловском р-не, магазин на Ладыгина, гастроном № 10 в Свердловском р-не на ул. Карла Маркса и даже кинотеатр «Рубин» в Кировском р-не. Во всех случаях учтена либо форма окон, либо стеклянные стены и большие стеклянные двери. Ярко выражена в неофициальной топонимике «корабельная» тема, которая задана безусловно сильной ориентацией города на реку Каму, на берегах которой он раскинулся. Сооружение с круглыми окнами получает название *Иллюминатор* (магазин около Дома офицеров), часты названия типа *Кораблик, Белый пароход* — гастроном № 10 на ул. Карла Маркса. Словом *Палуба* характеризуют пл. Восстания в Мотовилихинском р-не, продовольственный магазин № 7 там же (отличается высоким крыльцом), *Трюмом* называют пивной бар в Орджоникидзевском р-не.

Одна из продуктивных образных тенденций — использование в названии отсылок к топонимике других регионов страны и других стран: *Одесса* — микрорайон Заозерье в Орджоникидзевском р-не, *Париж* — рабочее общежитие на остановке Леонова, славящееся доступностью девушек, *Лондон* (шутл.) — общежитие там же. Активно обыгрывается прежде всего американская тема: *Америка* — микрорайон Липовая Гора, *Пентагон* — жилой район с тесной застройкой домов в пос. «Кислотные дачи», *Бродвей* — центральная улица (города, района), место гуляний; в частности, Комсомольский проспект, ул. Советская (известно, что слово *Бродвей* появилось в указанном значении в речи «стиляг» еще в 50-е годы, в Москве это была улица Горького, в Петербурге — Невский проспект). Трансформа слова Бродвей *Брод* используется в одном из отдаленных районов Перми (в том числе и в составе сочетания *Мокрый Брод*) для называния бульвара в районе кинотеатра «Экран», где часто гуляет молодежь. Заимствования могут определять особые районы города: *Техас* — шутливо об отдаленном районе города, в частности, пос. Балатово (такова и екатеринбургская *Калифорния* — об удаленных, «спальных», городских районах; выявлена, впрочем, непоследовательность тенденции — название *Техас* используется еще и как молодежное определение Комсомольского проспекта, т. е. центра города), *Пикадилли* — проспект Мира (между ул. Моздокской и Танкистов, где охотно прогуливается молодежь). Ули-

ца Ленина, плотно занятая магазинами, в речи молодых называется *5-ая авеню* (в Нью-Йорке эта улица — целиком коммерческая), *Бронкс* — ул. Камчатовская в Свердловском р-не (участок, плотно застроенный высотными домами), *Мотор-стрит* — ул. Моторостроителей в Свердловском р-не, *Нью-Мотовилиха* — район новых застроек в Мотовилихе, *Голливуд* — бар «Российский» в Балатово (не без каламбурной аналогии с «голый» — ничего не имеющий — намек на скудость меню), *СШЛ, Соединенные Штаты Левшино* — пос. Левшино, *ФРГ, Федеративная Республика Гайва* — название пос. Гайва (последние названия подчеркивают, что указанные районы обособлены от города).

«Азиатская» тема представлена названиями *Гонконг* — район ул. Ушинского, *Новое Конго* (называют также просто *Конго*) — микрорайон Садовый в Мотовилихе, *Старое Конго* — микрорайон Городские Горки в Мотовилихинском р-не, *Сайгон* — кафе «Лето» в Ленинском р-не. Возникновение топонима *Сайгон* мотивировано оглядкой на Петербург, а обращение к *Конго* связано с тем, что застраиваемый в 70-е годы район получал и официальные африканские топонимы типа ул. Патриса Лумумбы. Сохранил свою жизненность топоним *Шанхай* — так называют в Перми сейчас не тесные кварталы с барачной застройкой, а микрорайоны с плотной застройкой частных домов (типа ул. Томской в пос. Левшино, микрорайон в Дзержинском р-не «Заимка», в Балатово в районе ул. Моздокской, район «хрущевок» на ул. Карла Маркса). Редкий, не вполне ясный случай — использование восточного женского имени в названии *Хабиба* — училище № 14 в Закамске. Влияние событий недавней истории — название пивного киоска на ул. Подгорной в Ленинском р-не *Нижний Карабах* (место, где часты стычки молодежных группировок района).

Один из ярко выраженных образных сюжетов — обыгрывание «пьяной» темы типа комических переименований ряда относительно близко расположенных улиц Перми (Стаханова, Левченко, Чайковского в *Стаканова*, *Наливайкина*, *Чекушкина;* сюда же вовлекается близко расположенная к отмеченным ул. Снайперов с переназванием по соотнесению с горькой настойкой *Стрелецкая* (тенденция однопланового осмысления смежных улиц осуществляется и по другим образно-характеристическим идеям; ср. названия улиц центра города: *Кудрявая* — Пушкина, *Лысина* — ул. Ленина, *Борода* — ул. Карла Маркса). Повышенная криминальная зона определяется как *Пьяный двор* (район в Мотовилихе на стыке улиц Лебедева, Землячки, а также участок, смежный с ул. Иньвенская в Мотовилихинском р-не), *Пьяная дорога* — автодорога в направлении Парковый–Муллы, *Пьяный гараж* — автоколонна № 1595 в Орджоникидзевском р-не. Этот способ устойчив в народной топонимической практике в целом (на Урале много названий типа *Пьяная речка, р. Пьяна, Пьяный бор*), но по иной причине. Обычно он призван передать внешние особенности топообъекта — извилистая река, лес на неровностях. В соответствии с этим название *Пьяная дорога* истолковывается как дорога, минующая посты ГАИ, и в то же время как оценка неровной и извилистой дороги.

Частый случай в городской урбанонимике — свободные метафорические ассоциативные развертывания официальных названий типа *Лужа* — бар «Океан» на Комсомольском проспекте, *Рюкзак* — бар в гостинице «Турист», *Труба* — ки-

нотеатр «Горн», *Водолазная* — ул. Подводников, *Запчасти* — магазин «Автомобили» в Свердловском р-не, *Сквознячок* — кафе «Ветерок» на пл. Восстания в Мотовилихинском р-не. Активны составные метафорические наименования типа парикмахерская *Дамские слезы*, пивной бар *В обнимку с унитазом* (там продают пиво и водку). В этих случаях возникают более произвольные, ориентированные не столько на выявление уникальности объекта, сколько на эмоциональный комментарий названия. В целом же образные средства в пермской урбанонимике выступают как продуктивный способ для передачи субъективных оценок (преобладают при этом шутливые и иронические). Многие образные аналогии (особенно персонифицирования и «географические» сопряжения) показывают, что отразившееся в названиях отождествление окружающей человека, близкой ему городской среды с ним самим и с его домашним бытом сопровождается установлением аналогий с пространственными реалиями более отдаленного внешнего мира; малопродуктивны при этом чистые природные соотнесения с растительным и животным миром.

Символический аспект неофициальной топонимики Перми

Помимо традиционных образных средств — метонимики, метафорики, в словаре неофициальной урбанонимики могут быть выявлены такие семиотически значимые темы, как «цветовая», «числовая», «этническая». Цвет активен и в официальной топонимике (ул. *Цветная* в Свердловском р-не города, в Мотовилихинском р-не ул. *Розовая*, в Кировском районе ул. *Белая*), и в неофициальной — магазин *Белый* (по отделке) на ул. Карпинского в пос. Балатово, магазин *Зеленый* (магазин №18 по ул. Звенигородская, назван по цвету, так как когда-то был выкрашен зеленой краской). Применительно к цветовой идее можно говорить скорее всего о чисто метонимических, опознавательных параметрах характеризуемого через цвет объекта; лишь в ряде случаев учитывается то, что «зеленым», например, может быть определена прежде всего сама природа. Отсюда охотное приложение этого цвета к характеристикам районов города с обильной зеленью — *Зеленка, Нижняя Зелень, Верхняя Зелень* (микрорайон, а также его отдельные участки в Свердловском р-не).

Число в топонимических целях применяется различным образом. Это может быть изолированное, чистое применение идеи числа — чаще всего используются наиболее богатые на культурные ассоциации числа 3, 5, 33, 100: *Третий* магазин, расположенный третьим по счету в одном доме с двумя другими магазинами, *Тройка* — три небольших магазина (винные магазины) на ул. Гусарова (не без отсылок к просторечному *строить* 'выпить на троих'), магазин *Пятак, Пятачок* в Свердловском р-не на ул. Чкалова (официально № 5; считается у жителей микрорайона дешевым), *Тридцать три поворота* — извилистая дорога в сторону пос. Гари, *Сто ямок* — плохо уложенный участок ул. Мильчакова, *Сотый* — магазин № 72 (в прошлом действительно носил этот номер, название осталось, несмотря на изменение нумерации). Конкретизация числовой идеи, ее опредмечивание

выражены в названиях *Пятка* — медсанчасть № 5 в Дзержинском районе, *Полтинник* — училище № 50 в Мотовилихинском р-не.

Частый в топонимике многих российских городов способ цифровой номинации типа станция Пенза 2, Пенза 5, Москва 1, вокзал Пермь-2 реализован как модель в шуточном *Мысль-два* — винный магазин на ул. Карла Маркса (стоящий рядом с книжным магазином «Мысль»). Можно говорить и о действующей модели номинации, включающей указание на число 3 — рынок *Три входа* (Стахановский, по ул. Карпинского), пельменная *Три поросенка* на ул. Чкалова в Свердловском р-не, три смежных продовольственных магазина *Три богатыря* на ул. Ладыгина, винный магазин *Три ступеньки* на ул. Куйбышева в Свердловском р-не (назван по крыльцу с тремя ступеньками — ср. бар в полуподвале *Ступеньки* в Петербурге). Номинации типа *Три поросенка* имеют еще и «культурные» аллюзии — интересно, что это название и в Перми, и в Екатеринбурге используется как определение комплекса магазинов из трех смежных, одинаковой постройки зданий (подобно домам сказочных поросят). В связи с этим название *Три поросенка* используется как характеристика трех близко расположенных магазинов (бакалея, молочный, рыбный в пос. Крохалевка). Отмечена впрочем и «деградация» сюжета — иногда это название связывают исключительно с алкогольной темой (*Три свиньи* — винные магазины на ул. Гусарова, *Три поросенка* — пивной бар на ул. Восстания в Мотовилихинском р-не). Сходное пейоративное употребление можно предположить и для названия *Три пескаря* о столовой в Ленинском р-не с «дешевой выпивкой» (в Петербурге также есть бар *Три пескаря* на Лермонтовском проспекте), ср. также явно каламбурное образование *Три пельменя* о пельменной на ул. Чкалова в Свердловском р-не (объяснение маленьких порций).

Другие числовые идеи в названиях также заданы достаточно устойчивыми общекультурными ассоциациями — рюмочная на Комсомольском проспекте *Пятый угол*, название которой содержит отсылку к выражению *искать пятый угол* 'метаться в поисках выхода из сложного положения' (очевидна близость к неофициальному петербургскому *Пять углов*, что можно объяснить тесными культурными связями Перми и Петербурга). Улица Революции получает название *улица 56* (иногда просто *Пятьдесят шесть*). Помимо своего рода цифрового табуирования (дом № 56 на ул. Революции — адрес областной психиатрической больницы), можно предположить в этом образовании отражение устойчивого народного «цифрового» представления стрессового состояния (откуда просторечные и народные выражения типа *в голове пять да шесть* о состоянии беспокойства, страха). Такой же символический способ применения этих цифр существует в ряде славянских языков — ср. болгарское *ни пет ни шест* 'недолго думая', не сомневаясь (серединные в числовом ряду числа оказываются способны передавать негативное состояние или состояние интеллектуальной напряженности).

Этнонимическая тема обыграна в названиях *Татарский магазин* — продовольственный магазин в пос. Балатово, *Татарское* — кафе «Парус», *Китайка* — бар в восточном стиле от кафе «Россиянка», *Еврейский дом* (дом получил такое название и потому, что строители и архитектор дома — евреи, и потому, что заселен был в основном преподавателями университета, многие из которых также были евреи; по этому же принципу Дом научных работников, или Дом ученых,

С.Ю.Дубровина
(Тамбов)

Микротопонимика Тамбова

Материалом для наших наблюдений послужили некоторые заслуживающие интереса наименования, сложившиеся в западной части г. Тамбова и активно бытовавшие здесь в начале нашего века, отчасти бытующие и теперь. Если проследить местоположение этих топонимов на современной карте города, то четко выделяются центральная и северо-западная («стрельцовская») части нынешнего Советского района. Мы рассмотрим неофициальные названия улиц, местечек и предместий, территориально совпадающих с современными улицами Гастелло, Полынковской, 40 лет Октября, Новостремянной, Лесной, комиссара Московского и др. Представленные наименования не зафиксированы на официальной карте города; это онимы – на протяжении многих лет единственные общепризнанные наименования тамбовских окраин.

Время, на которое приходится активное бытование этих топонимов, — 1920–1930-е годы, когда на новый лад переделывались «устаревшие» и «безыдейные» названия. Не всегда общее официальное стремление к замене понятий через слово доходило до городских окраин, где общеизвестные названия улиц и местечек продолжали оставаться единственными, не имеющими дублетных номинаций. Помимо основных «именующих» местность характеристик, название выполняет и другие языковые функции: оно является катализатором эмоциональной оценки ландшафта, зачастую юмористически-саркастическим; связывает воедино микромир географического пространства и экстраполируется на оценки провокативного свойства, образующих оппозицию: свой/чужой, где знание/незнание местных названий безошибочно определяет принадлежность к геополису.

Информанты, любезно согласившиеся пойти нам навстречу в наших изысканиях, — ныне здравствующие старожилы Тамбова, родившиеся на западной его окраине, широко известной как район «Полынки». Эти люди прожили в городе всю жизнь, сейчас им за 70.

При объяснении неофициальных названий мы приводим ссылки на современные местные ориентиры, хорошо знакомые тамбовцам.

ПОЛЫНКИ — общее название района. Универсальный микротопоним, употреблявшийся всеми жителями Тамбова и оказавшийся наиболее устойчивым во времени. Название активно употребляется и сейчас, отразившись в наименовании улицы — Полынковская.

Полынки — все вместе называлось Полынки. И Грабиловка, и Петушки, и Кавказ, и Ямщики — все в Полынки входило. А вот Гастелло — это уже улица новая, она не была Полынками. Потом строили... Это новый Тамбов.

На вопрос, почему район назывался Полынками, старожилы отвечают без сомнений:

Полынь росла, везде была по улицам. Правда, много было полыни. Веники делали. А сейчас и не растет, ведь и травы хорошей нету.

Организующую роль в жизни близлежащих мест играли колодцы. Выполняя основную функцию водообеспечения, колодцы в то же время были местом встреч, обсуждения общих дел и совместной работы соседей. Полынки — степное место, «лета всегда были жаркие, засухи были», поэтому колодцев было мало и стояли они редко. Воду доставали с больших глубин, не всегда ее хватало на весь день.

Колодец делали в складчину. Кто ходил в складчину, тот ходи — черпай, а другой за водой не ходи. В три, в четыре колодца каждый мог ходить.

Все колодцы имели свои названия. Модель словопроизводства при этом проста: «по фамилии хозяина того дома, у которого он располагался» (фамилия владельца колодца (название колодца)).

Казаков колодец, по фамилии хозяина Казакова, возле его дома.

Третьяков колодец, по фамилии Третьяковых. «Богатые люди жили, их потом раскулачили. Там много было воды, на полные сутки хватало. Многоводный был».

Гололобов колодец, по фамилии Гололобов. «Считался как маловодный».

Беляев колодец, по фамилии Беляев, у дома Беляевых.

Номинация мест очень часто соотносится с ландшафтом, отражая точность наблюдения за рельефом и растительным миром, изобретательность, добрый юмор и веселую насмешку русского человека. Таково, например, название *ПОНИКА*.

ПОНИКОЙ называлось место возле нового автовокзала, где сейчас находится березовая аллея ветеранов. Само слово происходит от глагола *поникать, никнуть*, ср.: *поника́нье* (ср.) *пони́к* (м.) или *пони́ка* (ж.) — состояние по глаголу *поникать, поникнуть* — понижаться, наклоняться, опускаться верхом; // изникать и умаляться.

Лед поник, изник, порыхлел, тает.

Ручей этот поникает тут, выныривая под горой ключом, уходит в землю, таится под землей.

С понику хлеб погиб.

Прилагат. поникий, поникдый, поникший, склоненный долу [Даль 1994: 742]. Слово «поника» в тамбовском говоре обозначало отлогое место, лощину, низину, в которой зимой лежал снег, а по весне собиралась вода.

Если сойти с дороги, то это будет понижение, оно и сейчас там есть. Где огород у нас был, там *Поника* была отлогая, а по той стороне глубже.

Деревенские с Беломестной Двойни, со Стрельцов ходили к святым дням с продажей. Носили яйца, молоко, молоко кислое к Пасхе. Когда они до *Поники* доходили, им очень трудно было перебраться через лощины. Снег там зимой слежится, потом он начинает таять, набухнет, потом вода. Ныряли, а кто и окунался.

А мы эту *Понику* понимали как паник там был, боязнь, что опасаться надо.

В последнем примере налицо народная этимология, фонетическое созвучие, основанное на сходстве акустики и слогового состава совершенно не связанных лексем, случайное сопоставление омонимов.

Образованием, подобным слову *Поника,* является и название улицы *Кавказ.* Так называлась возвышенная улица, с которой открывался самый живописный вид на Полынки. Сейчас это та часть Авиационной и Полынковской улиц, которая ведет к обувной фабрике. Высота местности и обзор и послужили причиной образного сравнения, языковой метафоры.

Кавказ идет на бугор.

Кавказ на бугре кончался, не доходя обувной фабрики.

Кавказ — и туда было место высокое, туда он вверх шел.

Особый интерес представляет микротопонимия ближайших поселений и улиц.

Грабиловка — современная улица Киквидзе. Раньше улица была однорядной и располагалась по левой стороне от Полынков, если ехать по дороге на Москву. Происхождение названия неясно. Возможно, оно появилось в связи с отдаленностью района и опасностью передвижения по окраинам.

Метафора не всегда присутствует в образовании «ландшафтного» микротопонима, что подтверждают нейтральные наименования, например, названия *Овраги и Луга.*

Овраги. «После Кавказа начинались *Овраги.* И большинство песчаные. Там не было поселения никакого».

Куда идешь? — На *Овраги*! Там, на *Оврагах*, луга были. К Троице туда бегали. Траву рвали, чтоб присыпать хорошей травой в доме. Типа пырея такая трава. Весь пол устилали. Да песку еще возьмешь. Песок там хороший, зернистый — красный, желтый, — всякий. От желтого до красного. Присыпали песком во дворе. Овраг глубокий, а там красивые пласты. Нам родители не разрешали ходить. Бывало, нависший песок осыпался, и засыпало ребятишек.

От железной дороги до Собачьего ряда *Луга* были, просто пустыри.

Названия *Луга, Овраги, Кавказ* передают идею возвышенного и низинного пространства, закрепляя в микротопониме части лексической оппозиции верх/низ, характерной для зоны южнорусских говоров в целом. Ср. воронежское

Подгора, Раскат — 'улица, находящаяся на пологом склоне'; в то же время Кавказ, Крым — гористые места.

К северу от района Полынков находились соседние «порядки» (улицы), хорошо известные местным жителям. Они имели свои особые наименования: *Ямщики, Собачий ряд, Петушки.*

Ямщиками назывался район, находящийся от Полынков ближе к Белому Баку. Считалось, что здесь в «стародавние» времена было ямщицкое поселение:

Были здесь ямщики, которые в Москву ездили, а, может, куда и подальше. В старые времена было, при царе, а название осталось.

А за *Ямщиками* была высота, луга шли вверх, и там стояли две мельницы. Очень высокое место, выйдешь. И все Полынки видно. Все вокруг можно обозреть!

Наименование *Собачий ряд* относилось к небольшому поселению за границей Полынков, там, где сейчас располагается городская средняя школа № 33: «*Собачий ряд* не улица, а поселение, односторонний порядок, домов 20 будет». В названии налицо лишь образная, эмоциональная метафора атрибутива «собачий», привносящая экспрессию в обозначение места. Названию придается дерогативный смысл. Большинство опрашиваемых, задумываясь над причиной именования места *Собачьим рядом*, не могут дать какого-либо точного ответа, но вспоминают: «Да и собак-то. Правда, много было там. Они собак держали».

Петушки — «как ехать из Стрельцов, по правую сторону были Петушки. Небольшая улица там была, домов может 15, а щас там населено много».

Почему *Петушки?* Как все равно они заселёны на диком месте в удалении от большой дороги. Это самое верное, что от дороги далеко. И на пустыре.

Крикнут, бывало: «Пошли на Петушки!» Бегаешь босиками, вдруг ребятишки побежали. В Петушки! А у нас мама не разрешала забегать ни в какие поселки.

Название, вероятно, возникло из-за удаленности улицы от основного городского массива и основной дороги. Подобный принцип номинации достаточно известен по всей южнорусской и центральнорусской территории и активно воспроизводится и по настоящее время: «Где это? — В *Петушках!* (т. е. очень далеко)», «Эт такие Петушки!» (т. е. дебри, даль).

Расположение *Петушков* указывается «параллельно Грабиловке», но «вдаль за грабиловскими огородами».

На формирование топонима оказали влияние атемпоральные выражения смыслов, скрытых (некалендарных) хрононимов русского диалектного и литературного языка. Налицо взаимодействие двух символических кодов описания микромира, контаминация временны́х и пространственных отношений. Символ tempo переходит на пространство lokus.

По этой же модели признак пространства вбирает те же определения, что и хрононимы «до петухов», «с петухами», «первые, вторые, третьи петухи». Возникает понятие «Петушки» — отдаленное от основного жилого массива, неизвестное место.

Особым объектом пристального внимания городского жителя начала XX в. были примечательные городские объекты — крупные, двух-трехэтажные дома,

городские службы. Для жителя провинциального города, по образу жизни мало чем отличающегося от жителя сельского (та же усадьба, то же хозяйство, соседние дворы), значение приобретали наиболее известные, выделяющиеся своей функциональной востребованностью или внешним видом городские постройки. Они-то в первую очередь и подвергались именованию. Так, для жителя западных окраин (а ныне почти центра) Тамбова примечательно здание старого Кавалерийского училища (ныне Высшее военно-инженерное училище связи).

Кавалерийское училище было, где самолет стоит. Из этого училища зять Павел и зять Матвей.

Вначале у них были буденовки со шпиком, брюки галифе; у солдат ботинки, обмотки, а командиры в сапогах. Буденовки скоро прошли, и у командиров стали фуражки с черным лаковым козырьком. И петлицы голубые.

Лошади строились в ряды, идут нога в ногу, коленка с коленкой, хвост с хвостом. Мы, ребятишки, смотрели из-за забора, сидя на пригорочке. В ряд идут и по 8, и по 12. Солдаты все в форме. У каждого командира был свой коновод.

Широко бытовало и название *Полки* — место, на котором дислоцировались военные пехотные отряды. Стояли полки еще в царское время на том же самом месте, где впоследствии расположилось кавалерийское училище. Лексема *Полки*, первоначально обозначавшая военные подразделения, впоследствии за счет метонимического переноса (объект → пространство, на котором расположен объект) становится конкретным локативом, обозначением места без отношения к первоначальному объекту. Так создается новый микротопоним:

Полки были кавалерийские. В царское время полки стояли, это еще до училища, там же. Мама там наша работала, и многие работали, стирали на солдат.

Идентичное понятие выражалось через топоним *Пехотка*, выходящий из «своего» круга наблюдения полынковского жителя. Пехотка находилась далеко, посещали ее не часто, хотя хорошо знали.

Помимо *Пехотки*, были известны и артиллерийские полки: «У нас здесь кавалерийские, на *Пехотке* стояли пехотные, а в химзащите — артиллерийские».

Важным организующим микропространство жилого района объектом являлась железная дорога, «железка». Два длинных деревянных дома, стоящих у железнодорожного вокзала фасадом к западу, назывались *Пристаня́ми*. Эти дома довольно долго, до постройки высоких домов остававшиеся заметным объектом градостроительства, стояли на перекрестке улиц Елецкой и Гастелло, на открытом месте. В настоящее время сохранился лишь один дом. Скорее всего, эти здания служили когда-то привокзальными гостиницами или местом ночевки пришлых людей, *пристанищем* для путешествующих, отсюда — *Пристаня́*. С другой стороны, не исключается и метафора по сходству: длинный дом мог напоминать внешне корабельную пристань.

Старожилы помнят стоящие «у самой железной дороги» две мельницы, сожженные в 30-е годы. Говорят, это сделали их владельцы из-за боязни раскулачивания. Специального именования для мельниц установить не удалось. Вспоминают о них так:

Две мельницы стояли, где сейчас базар шинный да машинный — одна ветряная, одна паровая. Их году в тридцатом зажгли, специально. Буржуев уничтожить надо. Горели днем, таким сильным огнем, а железная дорога в город паровозами давала тревожные сигналы.

Старожилы помнят и не относящиеся непосредственно к «своему» микропространству городские объекты, например, *Архиерейские хутора*, находившиеся за современным заводом «Пигмент», на берегу реки Цны.

У нас родители любили в лес ходить. Около Архиерейских хуторов был паром и переправа. Там, возле парома, был архиерейский дом, толь два этажа, толь три. И дом большой, и строение, все огорожено каменной стеной.

Еще один городской объект сохранял не только опознавательное, функциональное, но и нравственное значение, и его хорошо знали даже дети. Это урбоним *Солдатская тюрьма* — тюрьма для служилых людей, куда жители ходили по праздникам с передачами для страждущих ее обитателей. Тюрьму закрыли с приходом советов. *Солдатская тюрьма* находилась на углу улиц Базарной и Лермонтовской. Сейчас от нее остались одни стены.

При царе была [Солдатская тюрьма], при царе много полков было, и солдатов много. По большим праздникам было положено передачи туда носить. Так было принято.

Каждый стремился узникам передачи носить, первым делом съестное, праздничное. Узникам, особенно солдатским, было почетно.

Наиболее важные объекты города — храмы и монастыри. Опрошенные нами информанты без усилий восстанавливают в памяти названия церквей.

Успенская церковь и кладбище при ней — между Элеваторной улицей и улицами Пролетарской и Студенецкой. «После там стоял завод Каганович. Успенское кладбище считалось богатым: памятников богатых было много, склепы. Когда закрыли, народ начал лазить по склепам, золото искать».

Пятницкая церковь на центральном рынке, по улице Красной, «против Маратовской улицы».

Введенская церковь — где ныне областная библиотека, напротив облвоенкомата, ресторана «Цна» и драмтеатра.

Никольская церковь, на месте которой стоит памятник — танк «Тамбовский колхозник».

Церковь Михаила Архангела, где дворец «Юбилейный» завода «Полимермаш».

Воздвиженская церковь на территории старого Воздвиженского кладбища.

Всех скорбящих радости, церковь, которая красуется и сейчас на территории восстановленного Вознесенского монастыря.

Церковь Петра и Павла, действующая и сейчас на территории Петропавловского кладбища.

Церковь Иоанна Предтечи на территории мужского Казанского монастыря.

Казанская церковь, действующая и ныне на территории мужского Казанского монастыря.

Покровская церковь на улице Кронштадтской. Считалась самой бедной, солдатской церковью. «А когда церквя закрыли, она одна осталась за всех. Она никогда не закрывалась».

Варваринская церковь, находившаяся на современной Первомайской площади (ближе к кинотеатру «Спутник»).

Соборная церковь на площади, которую уже в 1918 г. переименовали в площадь Октябрьской революции.

Трегуляевский монастырь в одноименном лесу.

Названия храмов служили ключевыми словами в топонимике, давали жизнь названиям улиц, переулков, площадей.

Улицы и площади старого Тамбова, носившие те же имена, что и храмы, были переименованы в 1918 г. «в соответствии с духом времени». После декрета Тамбовского горисполкома от 21 октября 1918 г. Успенская площадь была переименована в Маратовскую; Пятницкая площадь — в площадь Карла Маркса, а Пятницкая улица — в Робеспьеровскую; улица Никольская — в Московскую; площадь Михаила Архангела — в площадь Льва Толстого, а улица Архангельская — в Рабочую; улица Покровская — в Кронштадтскую; улица Варваринская — в Первомайскую.

Суммируя наблюдения о микротопонимии западного и северо-западного Тамбова 20-х — 30-х годов XX в., следует отметить, что круг обозначений локусов и рельефа для местного жителя был четко разграничен, дифференцируясь в оппозиции общее/частное. Общим, гиперонимичным названием места жительства можно считать микротопоним *Полынки* для жителя самих Полынков. По его понятиям, это название заключало в себе несколько частных: в Полынки входили и Грабиловка, и Петушки, и Кавказ, и Ямщики — «все вместе называлось Полынками». Таким образом, микротопонимы Грабиловка, Петушки, Кавказ, Ямщики являлись видовыми названиями общего родового понятия и вся оппозиция геопространства суммировалась в отношениях: гипероним/гипоним. Гипероним составляет основу оппозиции, а гипонимы, включаясь в него, выступают в качестве маркированных элементов.

Существенным для создания и функционирования топонимических имен оказывается и оппозиция свой/чужой, столь актуальная для описания системы народных представлений в целом. «Своими» были близлежащие «порядки», в то время как места, удаленные от места жительства, кодировались как «чужие», возможно опасные, неизведанные и малопосещаемые. Это описанные информантами Поника, Овраги, Собачий ряд, Ямщики, Пристанѝ, Мельницы, а также более удаленные Архиерейские хутора, Солдатская тюрьма, Артиллерийское училище.

Объекты социально значимые, привлекавшие внимание непосредственной близостью, хотя и не имели повседневного значения, воспринимались «своими» (Кавалерийское училище, Полки).

Как всегда, на последнее место ставились названия узуальных объектов, создававших повседневную жизнь района, формирующих нормальное течение жизни. К ним относятся названия колодцев, которые опрошенные вспоминали в последнюю очередь, считая их чем-то простым и естественным, не входящим в

область «исторического» и лишенным интереса. В народном представлении эти микротопонимы оказались немаркированными, а схема построения номинаций простой и легко воспроизводимой, не требующей запоминания.

Как колодцы-то звали? — Да хоть Машкин, вот ты живешь там рядом, так Светланкин, а если я живу — Настин, хоть как. — Какие точно знаю? — Не помню (следует мучительное раздумье).

Одна из основных особенностей представленной лексики состоит в том, что создание топонимов данной местности определялось близостью к такому социально значимому объекту, как железная дорога, формирующая представление об окружающем мире. Номинации подвергаются объекты, соседствующие с ней: Пристаня́, Луга, Мельницы. Хорошо известны и официальные названия возникших в советское время заводов и территорий, связанных с ними, складов, клубов и т. п. Это завод ТВРЗ, железнодорожные мастерские или паровозное депо, клуб «Знамя труда», завод «Ревтруд», древесные склады, элеватор и др.

В советскую эпоху наметились новые тенденции к именованию городских объектов. Новообразования возникают спонтанно и формально, не мотивируя происхождение термина (улица Пролетарская вместо старой Обводной; Рабочая вместо Архангельской; улица Кронштадтская вместо старой Покровской, где и сейчас стоит церковь Покрова Божией Матери; площадь имени Володарского вместо Шацкой площади, откуда начинилась дорога на старинный город Шацк и т. п.

В то же время отмечается определяющая тенденция к сохранению связей номинации с ландшафтом, рельефом местности (улица Лесная, улица Подгорная), с дорогами и магистралями (улица Мичуринская — в направлении г. Мичуринска), что характерно для традиционной топонимической системы в целом. Старое название села Полынки сохраняется в названии улицы Полынковская. Отмечается последовательная замена традиционных субстантивов (Грабиловка, Петушки, Ямщики, Полынки и др.) атрибутивными образованиями: улица Полынковская. И хотя наблюдается стремление сохранить традиционный принцип номинации, принцип связи с определенным субъектом, в практике официальных наименований это выполняется непоследовательно (улица Киквидзе, улица Гастелло).

Налицо проявление тенденций к сужению топонимического пространства за счет избавления от «неблагозвучных» наименований (Грабиловка, Собачий ряд). Формируются новые идеологизированные представления об эстетических нормах, когда топоним формируется как сложное словосочетание «родовое определение (улица, площадь) + имя в родительном падеже», например площадь Карла Маркса, улица Энгельса, площадь Октябрьской революции.

Многие реалии исчезают вслед за именем и остаются только в памяти старожилов.

Литература

Даль 1994 — *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. П–Р. М., 1994.

Жанры современного городского фольклора

А.С.Башарин
(Санкт-Петербург)

Городской песенный фольклор

Изучение песенных жанров городского фольклора началось с того, что в конце XIX в. исследователи обратили внимание на частушку. В некотором роде судьба частушки в научной литературе — от обвинений в антихудожественности и провозглашения ее символом деградации народного творчества до включения в число «основных» фольклорных жанров — характерна для изучения целого ряда жанров городского фольклора.

Советская эпоха, на которую приходится большая часть жизни русских городских песен XX в., внесла свои роковые коррективы в историю их изучения. Диктат советской идеологии в области фольклористики привел к парадоксальной ситуации: часть городских песен собрана и изучена, хотя и не без тенденциозности, другая же как будто и вовсе не существовала. В лучшем случае в научной литературе она отражена на правах «нехорошего» фольклора. Мы располагаем обширным материалом по революционному, рабочему песенному фольклору, включающим «красные» песни гражданской войны и песни Великой Отечественной, непосредственно связанные с городской традицией. И в то же время мы практически ничего не знаем о песнях контрреволюции и белого движения, эмигрантском фольклоре, о некоторых других «идеологически неправильных» пластах песенного фольклора 1910-х–1930-х годов. Лишь эмпирически представляем себе песни интеллигенции, отдельных субкультур послевоенного периода, лагерные песни.

При изучении городских песен первой половины XX в., больше известных как «городской романс», в лучшем случае можно опереться на ряд статей, успевших выйти в 20-е годы, на некоторые записи городских песен в деревенской традиции и публикации 90-х годов. Мы предлагаем восполнить некоторые из этих пробелов и, по мере возможности, рассмотрим «забытые» разновидности городских песен.

Как уже отмечалось, первый этап изучения городских песен приходится на 1920-е годы. Общее число научных работ, появившихся в это время, невелико,

причем большая часть их содержится в одних и тех же изданиях или принадлежит одной и той же группе исследователей. Прежде всего отметим выходивший под руководством академика А.Лободы с 1925 по 1932 г. в Киеве «Етнографічний вісник», а точнее книги 1–8. Уже вторая книга (1926) содержит сразу три статьи по интересующей тематике: В.Білецька — «З студій над сучасними піснями»; В.Петров — «З фольклору правопорушників» и М.Гайдай — «Мелодіі блатних пісень». Интересен и тот факт, что во всех трех статьях сравнительно мало оценочных критериев — исследователи сосредоточиваются прежде всего на изложении фактов и их первичной систематизации. В других выпусках, помимо ряда интересных материалов о частушке, можно отметить статью Лободы о песнях первой мировой войны [кн. 4, 1927] и статьи Билецкой о шахтерских [кн. 5, 1927] и «наймитских» [кн. 8, 1929] песнях. Последовавший в 1932 г. после смерти академика Лободы разгром «Етнографічного вісника» отражен в последней, десятой, книге. В качестве предисловия к номеру помещена статья о недопустимости курса редакции «Вісника». Основные пункты обвинения — отображается только старый фольклор, за фольклор выдаются тексты «вредных элементов», «революционный фольклор» подменяется «фольклором революции».

Изучением городских песен занимался и Ю.М.Соколов. Ему принадлежит единственное до сих пор пособие по фольклору, имеющее раздел «Мещанские и блатные песни» [Соколов 1932][1]. Под его редакцией выходил журнал «Художественный фольклор», где в 1927 году появилась интереснейшая статья В.В.Стратена «Творчество городской улицы», представляющая собой уже некое обобщение. В ней подробно рассматривается история изучения частушки, приводится краткая библиография. Любопытно, что Стратен говорит о недостаточном внимании исследователей к городским песням уже как о весьма распространенном явлении: «И вот этот ценный материал — современное городское уличное творчество — как-то ускользнул из поля зрения собирателей, по-видимому, исключительно только из-за традиционного игнорирования городского фольклора. Даже слыша на каждом шагу в городе уличные песни, собиратель в эти бурные годы проходил мимо них, забывал о них и все свое внимание устремлял на деревенское творчество» [Стратен 1927: 147].

В своем лекционном курсе Ю.М.Соколов начинает рассмотрение мещанских песен издалека — с XVIII в., но ограничивается лишь песнями литературного происхождения. Подробно анализируя процесс переработки литературных текстов в народной среде, останавливаясь на традиции популярных песенников и приводя список наиболее распространенных песен литературного происхождения, он тем не менее не упоминает мещанские песни начала XX в..

Гораздо более интересен раздел «Блатные песни». Отмечая их литературное происхождение, Соколов разбирает не только особенности поэтики и мелодики этих песен, но и вопросы мировоззрения и художественных пристрастий уголовной среды, нашедших отражение в песнях, а также особенности блатного языка. К разделу «Мещанские и блатные песни» прилагаются библиография, контрольные вопросы и темы для самостоятельной проработки.

К этому же периоду относится и статья П.Ф.Соболева «Мещанский фольклор» [Соболев 1932], в которой вкратце приводится история мещанства и рас-

сматриваются мещанский, в том числе жестокий, романс и куплеты. Но для автора статьи фольклорный романс — факт ушедшей эпохи: в советский период он хотя и сохранился, но уже не вызывает интереса.

После 1932 г. для фольклористов существовал только идеологически правильный фольклор, прежде всего фольклор традиционный, соответственно негородской. Даже в случаях, когда участники экспедиции встречали в деревенской среде песни городского происхождения, их нередко или не фиксировали вовсе, или записывали только «для себя». Более других повезло песням балладного строя. Исключительная популярность в деревенской среде сюжетных песен городского происхождения не смогла остаться незамеченной [Гудошников 1970]. Но и в этом случае принимались в расчет преимущественно песни с установленным литературным источником: песни известных авторов XIX в. и малоизвестных поэтов демократического направления. В противном случае публикация могла получить негативную оценку. Так, подготовленное Д.М.Балашовым издание «Народные баллады» [Балашов 1963] упрекнули в том, что наряду с песнями, принадлежащими известным поэтам, в ней содержатся низкохудожественные мещанские произведения [Алексеева 1963].

При изучении городских баллад в деревенской традиции приоритетными были проблемы их преемственности по отношению к традиционному фольклору (см.: [Померанцева 1974]), а также установление литературного источника текста. Издания, подготовленные В.Е.Гусевым, дают обширную информацию об источниках песен, восходящих к текстам XIX–первого десятилетия XX веков [Песни и романсы 1965; Песни русских поэтов 1988].

В послевоенный период собирание городских песен носило исключительно случайный, приватный характер. Создавались частные собрания и коллекции, но ни одна из них до середины 90-х годов не была опубликована. Впрочем, редки и публикации отдельных текстов. Как правило, их появление было связано или с относительной «легальностью» той или иной части песенного фольклора[2], или с фиксацией текста в деревенской среде. В последнем случае тот факт, что данная песня продолжает активно бытовать и развиваться в городе, чаще всего не оговаривался[3].

Ситуация изменилась к лучшему только в 1990-е годы. Вышел из печати ряд крупных публикаций текстов [В нашу гавань... 1995; «Как на Дерибасовской...», Черный ворон 1996; «Споем, жиган...» 1995; Уличные песни 1997], ряд коллекций стал доступен благодаря Интернету[4], современный песенный фольклор стал активно попадать в массовые популярные песенники[5]. Появилось также большое число материалов, преимущественно публицистического и мемуарного характера, содержащих информацию о городском песенном быте 1950-х–1980-х годов[6].

В научной сфере первой стала книга Я.И.Гудошникова «Русский городской романс» [Гудошников 1990]. Несколько позднее вышли и новые издания текстов городских романсов[7], а также ряд статей, посвященных бытовому романсу и балладе[8]. Появились тематические сборники по современной культуре и фольклору, содержащие, кроме всего прочего, и материалы по песне[9]. В периодических изданиях вышел ряд статей, посвященных отдельным песням, однако их проблема-

тика практически не выходит за рамки освещения истории той или иной песни, установления прототекста и его автора, а в лучшем случае — последовательной демонстрации жизни произведения на нескольких примерах, представляющих собой местные или хронологически отдаленные варианты[10]. Немало ценной фактической информации содержится в «Словаре современных цитат» [Словарь современных цитат 1997], хотя составитель словаря, К.В.Душенко, к сожалению, далеко не всегда приводит источник своей информации. В контексте изучения школьного фольклора попал в поле зрения исследователей и песенный фольклор подростковой среды [Русский школьный фольклор 1998].

Тем не менее значительная часть современного городского песенного фольклора и по сей день остается неохваченной. Не затронут и ряд научных проблем, преимущественно теоретического характера. Ощущается острая необходимость в научных изданиях текстов, а также крупных исследованиях, посвященных современным городским песням.

Примечания

[1] Судьба записей, которые находились в распоряжении В.В.Стратена, Ю.М.Соколова и др., неизвестна.

[2] Относительно дозволенным в 1960-е годы был студенческий и туристский фольклор — упоминание об этих песнях и цитаты из них можно найти, например, в книге Т.В.Поповой «О песне наших дней» (М., 1966; раздел «Песни студенческие и туристские»). В работах фольклористов и такие упоминания — редкость.

[3] В комментариях к сборнику «Народные баллады» Д.М.Балашов указывает, что та или иная песня активно бытует до сих пор, но городская среда при этом нигде не называется.

[4] Собрания А.Бройдо, М.Москвина, М.Мошкова и др.

[5] См.: «...Но мы еще не старики, мы инженеры-физики»: Сборник песен / Сост. Г.Н.Алексаков, В.П.Гладков и др. М.: Изд-во МИФИ, 1992 (отдельные тексты); Ваши любимые песни: Сборник / Сост. Л.И.Кузнецова. Ярославль, 1996 (специальный раздел); Песни «Ровесника». Малоярославец, 1994 (отдельные тексты); Песни для застолья. Вып. 1–6. М., 1994 (отдельные тексты); Популярные песни: Сборник. СПб., 1996 (отдельные тексты); Песни неволи / Сост. Н.Старшинов. М.; Минск, 1996 (специальный раздел).

[6] См.: *Синявский А.* Отечество. Блатная песня... // Нева. 1991. № 4. С. 161-174 (первая отечественная публикация данной статьи); *Шелег М.* Аркадий Северный: Две грани одной жизни. М., 1997; От костра к микрофону. Из истории самодеятельной песни в Ленинграде / Сост. А. и М. Левитаны, СПб., 1996; *Бахнов Л.* Интеллигенция поет блатные песни // Новый мир. 1996. № 5; *Козлов А.* Пионерская блатная // Общая газета. 1996. № 18. 12-15 мая и др.

[7] См.: Современная баллада и жестокий романс / Сост. С.Б.Адоньева, Н.М.Герасимова. СПб., 1996; Русский романс на рубеже веков / Сост. и коммент. М.Петровского и В.Мордерер. Киев, 1997.

[8] См.: *Адоньева С., Герасимова Н.* «Никто меня не пожалеет»: баллада и романс как феномен фольклорной культуры нового времени // Современная баллада и жестокий ро-

манс / Сост. С.Б.Адоньева, Н.М.Герасимова. СПб., 1996; *Петровский М.* Скромное обаяние кича, или что есть русский романс // Русский романс на рубеже веков. Киев, 1997; см. также статью Е.А.Костюхина в настоящем разделе.

[9] Фольклор и культурная среда ГУЛАГа: Сборник статей и текстов. СПб.,1994; Самиздат века. Минск; М., 1997.

[10] *Бахтин В.С.* Муркина история // Нева. 1997. № 4; *Бахтин В.С.* «Кирпичики» // Нева. 1997. № 10; *Бахтин В.С.* «Краснобай» в сиреневом тумане // Вечерний Петербург. 1997. 26 декабря. № 243. С. 4; *Левинтон Г.* Еще раз «Жемчуга стакан» // Русская мысль (Париж). 1990. № 830. С. 13; *Сарнов Б.* Интеллигентский фольклор // Вопросы литературы. 1995. № 5. См. также полемику по поводу статьи Сарнова: *Богомолов Н.А.* Несколько поправок (К статье Сарнова) // Вопросы литературы. 1997. Июль-август; *Зельдович М.* Кто же сочинил песенку «Купите бублички...» // Там же; *Сарнов Б.* Поправки или догадки // Там же.

Литература

Алексеева 1963 — *Алексеева О.* «Народная баллада» в «Библиотеке поэта» // Русская литература. 1963. № 3.

Балашов 1963 — *Балашов Д.М.* Народные баллады. М.; Л., 1963.

В нашу гавань 1995 — В нашу гавань заходили корабли: Песни / Сост. Э.Н.Успенский, Э.Н.Филина. М., 1995.

Гудошников 1970 — *Гудошников Я.И.* Городской романс в современном фольклоре Воронежской области // Современное состояние народного творчества. Л., 1970.

Гудошников 1990 — *Гудошников Я.И.* Русский городской романс. Тамбов, 1990.

«Как на Дерибасовской...» 1996 — «Как на Дерибасовской...»: Песни дворов и улиц. Книга первая / Сост. Б.Хмельницкий, Ю.Яесс. СПб., 1996.

Песни и романсы 1965 — Песни и романсы русских поэтов / Вступит. статья, сост., подгот. текстов и комментарии В.Е.Гусева. М.; Л.,1965.

Песни русских поэтов 1988 — Песни русских поэтов / Вступит. статья, сост., подгот. текстов В.Е.Гусева. Л., 1988.

Померанцева 1974 — *Померанцева Э.В.* Баллада и жестокий романс // Русский фольклор. Т. 14. Л., 1974.

Попова 1996 — *Попова Т.В.* О песне наших дней. М.,1996.

Русский школьный фольклор 1998 — Русский школьный фольклор. М.,1998.

Словарь современных цитат 1997 — Словарь современных цитат / Сост. К.В.Душенко. М., 1997.

Соболев 1932 — *Соболев П.Ф.* Мещанский фольклор // Наступление. 1932, август.

Соколов 1932 — *Соколов Ю.М.* Русский фольклор. Вып. 4. 1932.

«Споем, жиган...» 1995 — «Споем, жиган...»: Антология блатной песни / Сост. М. Шелег. СПб., 1995.

Стратен 1927 — *Стратен В.В.* Творчество городской улицы // Художественный фольклор. Вып. II–III. М., 1927.

Уличные песни 1997 — Уличные песни / Сост. А.Добряков. М., 1997.

Черный ворон 1996 — Черный ворон. Песни дворов и улиц. Книга вторая / Сост. Б.Хмельницкий, Ю. Яесс, СПб., 1996.

Е.А.Костюхин
(Санкт-Петербург)

Жестокий романс

Жестокий романс входит в семью «народных романсов», состав которой определяется по-разному. В одной из последних публикаций народных романсов М.С.Петровский разделил все романсы на камерные и бытовые, последние же, в зависимости от социальной принадлежности, на три разновидности: романс мещанской гостиной – «ах-романс», романс богемы и цыганского концерта – «эх-романс» и «жестокий» романс, звучащий в городских низах, на улице, в трактире, на заводской окраине, в подвале и на чердаке, — «ох-романс». Это движение романса сверху вниз по социальной лестнице Петровский комментирует так: «Чем ниже спускается романс по социальной лестнице, тем больше он приближается к лиро-эпическому строю, тем сильнее в нем фольклорные и мифопоэтические элементы» [Петровский 1997: 15].

Почти за сорок лет до этого известный этномузыковед Б.М.Добровольский [1961: 142–143] выделял четыре вида романса: 1) романс как поздняя форма семейно-бытовых песен; 2) мещанский романс; 3) русский бытовой романс; 4) романс-баллада — и давал им следующую характеристику: «Первый тип обычно содержит прямо высказанный вывод — мораль; напевы заимствованы или приближаются к напевам классических песен. Второй тип, как правило, имеет значительные искажения в тексте, обилие неосмысленных контаминаций; по напевам — это слегка измененные мелодии полупрофессиональных музыкантов старой эстрады. Третий тип — буквальное повторение как слов, так и напева известных в печати романсов, разучиваемых некогда в церковно-приходских и воскресных школах регентами и учителями. Этот тип при исполнении всегда имеет “академический” звук. Четвертый тип по своему характеру наиболее сложен: здесь как бы смешиваются первые два типа. По содержанию — это обычно пространный рассказ о событии, часто “чрезвычайном происшествии”»[1].

При всем несовершенстве этой классификации, она тем не менее позволяет отделить лирический бытовой романс, стабильный и «академический» в своей основе, от эпического «мещанского» романса, который и является по существу романсом-балладой, «пространным рассказом о событии». Здесь позиции Доб-

ровольского и Петровского близки: жестокий романс, по выражению Петровского, «приближается к лиро-эпическому строю», т. е. это по существу баллада. Жестокий романс всегда повествователен, всегда некая «история» — и в этом принципиальное отличие жестокого романса от собрата — романса бытового, лирического по своей природе.

Что же касается социальной лестницы, то она оказывается очень шаткой. Конечно, жестокие романсы не очень годятся для домашнего музицирования, но их сфера отнюдь не ограничена кабаком и задворками. Выйдя из пеленок на городской окраине, жестокий романс не остался достоянием городских низов: в XX в. большинство романсов записано в русской деревне.

Итак, народный романс-баллада получил название жестокого. Один из исследователей народного романса, Я.И.Гудошников, так вводит в суть дела: «“Жестокими” мы можем назвать те городские романсы, которые сочетают сюжетную претенциозность с лексической, особенно подчеркивают трагизм изображаемого в произведении события и накал человеческих страстей, вызванных им... Их герой не стремится к пересозданию действительности, к борьбе за высокие общественные идеалы. Его поступками движет гипертрофированное личное чувство». [Гудошников 1990: 70]. При всей претенциозности этой характеристики, автор прав в основном: жестокий романс излагает драматическую историю, нередко — с трагическим исходом. Потому он и «жестокий».

Жестокие романсы нередко называют также мещанскими. Это достаточно точное социальное определение обрастало, однако, негативными оценками («ущербное мещанское сознание», «низкопробная блатная экзотика» и т. п.): в советское время социальное понятие мещанства часто подменялось нравственным. Но жестокий романс — и в самом деле жанр мещанский, поскольку родился в городе. Однако, как часто это бывало, созданное в городе быстро становилось общерусским достоянием (новгородские былины, классические фольклорные баллады). Популярность мещанского романса не ограничивается мещанством: пели его все и повсюду.

Фольклорные романсы восходят к XVIII–началу XIX в. Отдельные образцы встречаются уже у М.Чулкова. По своей поэтике ранняя русская литературная баллада родственна жестокому романсу, а некоторые стихотворения А.С.Пушкина и М.Ю.Лермонтова попали в репертуар жестоких романсов («Под вечер осенью ненастной», «Черная шаль», «Тростник»). Собственно история жестокого романса начинается, однако, позже, после отмены крепостного права. Жанр этот формируется в городе, на стыке нескольких культурных традиций.

Прежде всего жестокий романс — детище городской массовой культуры. Он звучит в трактирах и на открытых площадках летних садов, входит в репертуар звезд русской эстрады — Вари Паниной, Анастасии Вяльцевой, Надежды Плевицкой. Примечательно, что звезды эти – «золушки» XX в.: Анастасия Вяльцева — из семьи орловского крестьянина, Надежда Плевицкая — родом из курской деревни. Они исполняли и романсы, и традиционные народные песни. В репертуаре русской эстрады — синтез разнородных традиций: от крестьянских песен до куплетов отечественного и импортного производства. Такой вообще была культура капиталистического города, эклектичная по существу[2].

Концерты Вяльцевой и Плевицкой были не по карману обитателям каменных колодцев и городских окраин. Эстрада задает тон, диктует моду, но до городских низов эта мода доходит уже в иных платьях. Старых шарманщиков с их неизменной «Разлукой» потеснили городские певцы с более обширным запасом песен. Традиция уличного пения угасла к концу 1930-х годов, но возродилась с новой силой после второй мировой войны: инвалиды пели в парках, ходили по вагонам. Обычный репертуар жестоких романсов пополнился новыми сюжетами («Клава», «Пройдет война»). Эта традиция стала затухать, но воскресла в постперестроечные годы. В переходах петербургского метро можно встретить старушек, поющих разные песни, в том числе и старые жестокие романсы.

Широкому распространению жестоких романсов способствовала не только эстрада, но и бульварная литература. Романсы тиражировались дешевыми песенниками. Лишь в 1911 г. было выпущено около 180 названий таких песенников. Стоили они от 2 до 5 копеек, печатались на газетной бумаге с яркой картинкой на обложке и назывались обычно по одной из песен, чаще всего первой («Златые горы», «Бывало, в дни веселые», «На паперти божьего храма», «Безумная», «Маруся отравилась» и т. п.). Отдельные жестокие романсы попадали на пластинки для граммофона, вторгавшегося в быт русского города.

Эстетика жестокого романса оказалась притягательной и для молодого русского кинематографа. Названия ранних русских фильмов берутся из романсов: «Мой костер в тумане светит», «Отцвели уж давно хризантемы в саду», а некоторые прямо отсылают к известным ситуациям жестоких романсов: «В огне страстей и страданий». Это ситуации коварного обольщения, соблазна, измены, мести. Услышанное от уличного певца, городской обыватель видел воплощенным на экране[3].

Так жестокий романс оказывается «своим» в городской массовой культуре конца XIX–начала XX в., которая складывается на основе народных традиций, но по законам профессионального искусства. Отсюда двойственность, отсюда тот ее особый характер, который побуждает говорить о ней как о «третьей культуре» [Прокофьев 1986]. Несмотря на очевидные связи жестокого романса с продуктами городской культуры рубежа веков, он явно имеет прочные фольклорные корни. Давно отмечена его близость к фольклорной балладе. Н.П.Андреев [1936: XLVII] верно заметил, что «вторая половина XIX века (особенно конец века) уже переводит баллады в романсы». Того же мнения держалась и Э.В.Померанцева [1974: 209], полагавшая, что «на известной стадии развития устного творчества жестокий романс является функциональным эквивалентом баллады».

Близость романса и баллады в том, что это не просто лиро-эпические песни драматического содержания, — они приводят своих героев к краху, к трагедии, к смерти. В самом деле, русская народная баллада — самый мрачный фольклорный жанр [Гудошников 1990: 45]. Дети донимают отца — куда он девал их милую матушку. А он матушку убил, тело закопал — убил без всяких причин и мотивировок («Князь Роман жену терял»). Достаточно было сестре оговориться (она говорит братцу «Подвинься сюда!» вместо «Господи, прости!») — и мать дает ей ядовитое зелье, которым она делится с братом. Оба отравлены, и выросшие на их могилах кусты сплетаются ветвями («Василий и Софья»). Девушка неосмотри-

тельно посмеялась над молодым человеком — и он, пригласивши ее на пир, сначала нежно поцеловал, а потом снял с себя шелковый пояс и забил насмерть. Ужаснувшись содеянному, молодец покончил с собой («Дмитрий и Домна»). В балладе братья убивают мужа своей сестры и ее ребенка, своего племянника, насилуют ее — и только тут узнают в ней сестру («Братья-разбойники и сестра»). Гостиный сын любит красную девицу — ее отдают замуж за отца этого гостиного сына. За этими жуткими страстями стоит позднее русское средневековье с трагическим мировосприятием. Царствование Иоанна Грозного, залившего Московскую Русь кровью, Смутное время не просто зеркально отразились в фольклоре — родилось специфическое мировосприятие, нашедшее выражение в балладах.

Почему же в новую эпоху жестокий романс стал «функциональным эквивалентом баллады»? Дело в том, что и новая эпоха, наступившая после отмены крепостного права, обозначила кризис традиционных ценностей, связанных с патриархальным укладом русской жизни. Но романс защищает и утверждает эти ценности — ценой жизни своих героев. Как и положено трагедии, смерть героя знаменует надежду на лучший миропорядок. Здесь торжествует высшая справедливость; зло выставлено напоказ и осуждено.

Однако романс мог стать эквивалентом баллады в новую эпоху, лишь ревизовав ее эстетические установки. Смысл перемен, происшедших в балладе, ставшей жестоким романсом, можно определить одним словом: демократизация. Герои баллады отвечают высоким трагическим меркам: они приподняты над бытом и шагают по земле, как бы не ступая по ней. «*Князь* Роман жену терял», «*Князь, княгиня* и старицы» — герои этих баллад уже своим социальным положением отторгаются от низкого быта. Василий и Софья не принадлежат к княжескому сословию, но их значимые собственные имена подчеркивают исключительность ситуации. Этих высоких героев жестокий романс переводит в иной социальный ранг: его персонажи — обыкновенные обыватели, кавалеры и девицы, обитающие в современном городе, реже — в деревне. Романс прямо указывает: «муж был шóфер, жена – счетовод»; «В деревушке, в убогой избушке жили мирно два брата с отцом». Фабричная девчонка, молодой новобранец, девица без определенных занятий — вот «население» жестокого романса. Не терема, а захолустные домишки и убогие городские квартиры, где стоят буфеты и кровати с никелированными шишечками; не своды православного храма, а перроны вокзалов, городские бульвары и клубные вечеринки, — в жестоком романсе своя среда, свои обитатели, маленькие люди большого города.

Демократизация старинной баллады, со временем превратившейся в жестокий романс, имела большой культурный смысл. Когда князь и княгиня уступают место мужу-шоферу и жене-счетоводу, это означает, что маленькие люди равны им по глубине и силе чувств. Романс явно свидетельствует, что, говоря словами Н.М.Карамзина, «и крестьянки любить умеют».

Вводя маленьких людей в мир высоких чувств, жестокий романс, тем не менее, очень редко обретает социальную окраску. В нем нет протеста против социального гнета, и попытки связать его с «изображением тяжести положения маленького человека в капиталистическом мире, особенно в большом городе» —

несостоятельны. Романс обнажает «язвы» и охотно указывает на несовершенство мира, но не капиталистического, а мира вообще: так уж устроена жизнь, это натуральное свойство человеческого общежития:

Ах, молодежь, молодежь!
Не надо так сильно влюбляться.
Любовь не умеет шутить,
А только кроваво смеяться.

Или:

Мужчины вы, мужчины,
Коварные сердца,
Вы любите словами,
А сердцем никогда!

Представление о мире, где все так превратно, где нет надежных оснований для человеческого счастья, тоже, конечно, принадлежит эпохе. Но романс до критики основ не доходит и вызова эпохе не бросает — он лишь сетует. Но не только сетует — романс еще и утверждает высокие ценности. Вот один из самых знаменитых жестоких романсов – «Маруся отравилась»:

Вечер вечереет,
Наборщицы идут.
Маруся отравилась,
В больницу повезут.

Приходит мать родная
Свою дочь навестить,
А доктор отвечает,
Что при смерти лежит.

В больницу привозили
И клали на кровать,
Два доктора, сестрицы
Старались жизнь спасать.

«Спасайте — не спасайте,
Мне жизнь не дорога,
Я милого любила
Такого подлеца».

Подруги приходили
Марусю навестить,
А доктор отвечает:
«Без памяти лежит».

Давали ей лекарства –
Она их не пила;
Давали ей пилюли –
Она их не брала.

Пришел ее любезный,
Хотел он навестить,
А доктор отвечает:
«В часовенке лежит».

Маруся ты, Маруся!
Открой свои глаза!
А сторож отвечает:
Давно уж умерла.

Кого-то полюбила,
Чего-то испила;
Любовь тем доказала —
От яду умерла.

[«Маруся отравилась» 1915: 3]

В мире жестокого романса главная ценность — любовь. Когда она рушится, жизнь теряет всякий смысл. Причины трагедии не столь уж важны (они даже и не всегда названы), хотя, разумеется, чаще всего это измена. Почему милый изменил, опять-таки не всегда объясняется, а если объяснение и дается, то очень приблизительное, примитивное: забыл милую в разлуке, забыл данную клятву,

а то и просто из природной подлости или легкомыслия пошел гулять с другой — как в знаменитой «Коломбине». Но над всем этим стоит универсальная причина — рок, судьба. Это судьба толкает Джека к другой, так что Коломбине только и остается, что застрелиться от несчастной любви, а Джеку последовать за ней. Смерть Маруси и Коломбины — высшая аттестация подлинности и великой силы любви: «Любовь тем доказала — от яду умерла». Здесь всё навеки: романс как бы останавливает мгновение и продлевает его в вечность. Любовь доказана раз и навсегда: романс — жанр окончательных приговоров, не подлежащих пересмотру. Эти приговоры обретают характер сентенций, и романс откровенно дидактичен, что отличает его от старинной баллады. Моральные выводы, к которым приходят авторы жестоких романсов, имеют чуть ли не вселенский размах:

Когда цвет розы расцветает,
То всяк старается сорвать;
Когда цвет розы опадает,
То всяк старается стоптать.

Когда девице лет семнадцать,
Ту всяк старается любить;
Когда девице лет под двадцать,
Ту всяк старается забыть.

«Демократическая революция» в балладе имела, как и полагается, тяжкие последствия. Трагедия всегда поднята над бытом. Ее приземление заставляет усомниться в подлинности чувств героев жестокого романса: способны ли они на такие страсти? Претензии маленьких людей на высокую трагедию кажутся неуместными, сомнительными. Поэтому переживания героев жестокого романса вызывают не только сочувствие, но и скептическую улыбку.

Несоответствие героев жестокого романса тем ролям, которые им суждено играть на эстетических подмостках, усугубляется поэтикой нового жанра. Разрабатывая те же сюжеты, что и фольклорная баллада, жестокий романс выпестован литературными традициями. Книжная лексика, строфика, рифмовка — все это в романсе литературного происхождения: авторы жестоких романсов ориентированы на книжную поэзию. Как это свойственно фольклору, традиция не хранит памяти о своих создателях, и авторов большинства романсов мы не знаем. Но среди известных есть знаменитые поэты — Пушкин, Лермонтов. В большинстве же своем над романсами трудились самодеятельные поэты, дилетанты. Это воистину народные поэты, плохо владеющие техникой стиха, и неуклюжие вирши жестоких романсов опять-таки вызывают улыбку просвещенного слушателя или читателя. Есть тут и свои классики — например, Матвей Ожегов, написавший один из популярнейших жестоких романсов — «Зачем ты, безумная, губишь», но большинство авторов никому не известно.

Самодеятельные поэты «работают» на гиперболах, сюжетных и психологических. Такие гиперболы как бы поднимают героев жестокого романса на трагическую высоту, которой им недостает по социально-психологическому статусу. Романс любит страсти роковые. Нередко появляется здесь инцест (наследие фольклорной баллады): отец проклинает сына и дочь, вступивших в преступную связь, любовник узнает в любовнице родную мать (а брат — сестру), а на кладбище Митрофаньевском отец дочку зарезал свою. Страсти нагнетаются до неправдоподобия и ситуациями, и оценочными эпитетами: «зверь-отец», «убитые трупы» — все идет в дело.

Высокие претензии героев жестокого романса не только манифестированы сюжетно-психологическими гиперболами — они еще нуждаются в документальных доказательствах. Это неизбежно ведет к тому, что можно назвать «натурализмом» жестокого романса. Дело не только в том, что романс смакует ужасные подробности («Сперва давил ее руками, / А потом резать стал ножом, / И полились ручьи кровавы, / И Маня впала под кустом» [Смолицкий, Михайлова 1994: № 53]), — он отмечает зачастую достоверность происходящего. С одной стороны, «судили девушку одну». Какую? Когда? Где? С другой стороны — Варшавский вокзал, Митрофаньевское кладбище, кинокартина «Багдадский вор» в рабочем клубе — это те бытовые подробности, которые не случайны, а документальны.

Та же тяга к документальности — в речевой структуре жестокого романса. Его балладные корни должны, казалось бы, обеспечить преимущество начала эпического. Романс и в самом деле часто строится как рассказ, ведущийся от некоего стороннего повествователя, редко обнаруживающего свое присутствие. Если такое присутствие и обозначается, то чаще всего — в начале или конце повествования («Тише, граждане, не мешайте мне», «Вот, друзья, расскажу я вам» — первые строки, а в последних звучит «вывод»: умерла от любви, спит в одинокой могиле и т. п.). Однако, в отличие от баллады, романс отталкивается от чистой повествовательности, передоверяя рассказ то героине или герою («Любила меня мать, уважала», «Я сижу за роялью, играю»), то давая слово каждому из героев, создавая что-то наподобие драмы («Окрасился месяц багрянцем», «Когда б имел златые горы»). Драма эта развертывается в гуще народной жизни, и «демократические» герои получили право голоса, документально засвидетельствованного.

Натурализм и трагедия не очень хорошо между собой уживаются, и их союз вызывает не предусмотренный «эстетической программой» жестокого романса комический эффект. Таков же эффект от стилистической пестроты романсов, граничащей с безудержной эклектикой. Стремясь сделать своих героев достойными высокой трагедии, авторы жестоких романсов обращаются к стилистике романтической лирики, но ее поэтический антураж вступает в противоречие с натуралистической правдоподобностью. Мальвина здесь соседствует с Марусей, «страна чужая» — с провинциальным русским городком, бушующее море — с танцевальной площадкой. Вот как давно изжитый «высокий» штамп любовного огня венчает подробно выписанную в узнаваемых деталях картину (с точной приметой времени: в 1920-е годы вместо современного «демонстрируется фильм» говорили «ставят картину»):

Я Сеньку встретила на клубной вечериночке,
Картину ставили тогда «Багдадский вор».
Глазенки карие и желтые ботиночки
Зажгли в душе моей пылающий костер.

И подобных штампов, романтических гипербол в жестоком романсе множество — от пылающих костров до златых гор и рек, полных вина.

Стремление поведать о своих героях «высоким стилем» в жестоких романсах наталкивается на неумение сделать это. Результат — косноязычие, вновь вызы-

вающее улыбку. Чуть ли не в каждом романсе можно найти перлы, подобные следующим выражениям: «И спою один вам случай: случиться с каждым может грех», «Невесты взор безумный только по церкви пристально блистал», «Он нашел себе жену новую, злостну сердцем и с гордой душой», «Милый Ванечка да скупоросился, с такого горюшка да в речку бросился», «Образ Кати вертелся в глазах»).

Широко пользуясь обветшалыми лирическими штампами, жестокий романс создает собственную поэтику. Так, старинная символика цветов (и прежде всего вянущие цветы — ушедшая любовь: «Цвели в поле цветики, да поблекли, любил меня миленький, да покинул») здесь конкретизирована: речь идет о розах, хризантемах, васильках. Смысл остается тем же: осыпаются белые розы — любимый уходит из жизни, утонувший венок из васильков — погубленная милым девушка Леля (знаменитый романс «Васильки» по мотивам стихотворения А.Н.Апухтина). С.Б.Адоньева и Н.М.Герасимова [1996: 359] отмечают: «В подавляющем большинстве случаев жанр пользуется “флоризмами”. Это его растительно-цветочное пристрастие делает очевидным единство эстетических установок новых фольклорных песенных жанров и искусства примитива (цветочная роспись посуды, орнамент жостовских подносов, павлово-посадских шалей и — уж совсем похоже — цветочно-растительный орнамент, обрамляющий куртуазные сюжеты на расписных прялках)». К этим параллелям можно было бы добавить и модные в первое послевоенное десятилетие клеенчатые коврики с невиданными ландшафтами и полногрудыми красавицами. Это единая эстетика. В романсе поют «На Кавказе есть гора, там растут тюльпаны» — на коврике изображена эта гора с огромными тюльпанами.

Эти красочные ландшафты контрастны отмеченному уже натуралистическому воспроизведению реальной бытовой обстановки. Но в романсе легко соединяется несоединимое. Девица мстит изменившему милому по-разному. В одном из романсов она подстерегает его с новой избранницей, выходит из кустов и убивает ненавистную парочку из «ливорвера». В другом «окрасился месяц багрянцем и волны бушуют у скал». Реальная лесная опушка и романтическое бушующее море в романсе не вступают в противоречие. Порою они синтезируются, и это дает диковинные результаты — как в знаменитом романсе «Шумел камыш, деревья гнулись».

Героини жестокого романса идеализированы. Все они красивы, и «красавица», «красотка» — постоянные их не эпитеты даже, а собственные имена: «Красотка любовника грела, сердца их слилися в одно», «Раскрасавица в Волгу бросилась», «Поедем, красотка, кататься» и даже «По ресторанам и притонам стал шататься и позабыл свою красотку-мать».

Вопреки предсказаниям фольклористов, обвинявших жестокий романс в пошлости и неоднократно его хоронивших, он остается живым жанром. Конечно, многие его тексты стали достоянием истории: ушел старый быт, изменились отношения между молодыми людьми. И все же романсовый ручеек не иссякает: уже в наши дни несколько сюжетов дала война в Афганистане, широко популярен романс «Жил мальчишка на краю Москвы» (характерный для жестокого романса акцент на окраине). Поскольку традиция уличного пения практически

исчезла, романсы редко исполняются «на публику» — они звучат либо среди «своих», либо живут на страницах девичьих альбомов. Вообще жестокий романс — жанр, прочно занявший свое место в альбомах. Только раньше такие альбомы вели девушки из мещанской среды (мы имеем в виду XX в.), а теперь альбомы помолодели и «спустились» к школьницам 12–15 лет.

Альбомы ведут не только школьницы, но и солдаты последнего года службы (так называемые дембельские альбомы [Райкова 1995]), и молодые заключенные. В «блатном фольклоре» — свой репертуар жестоких романсов, свой язык (здесь много слов из «фени» — «блатной музыки»), но ситуации, в общем, те же самые, только разлучницей оказывается обыкновенно тюрьма. Здесь и своя классика — например, «Мурка», живущая в фольклоре многие десятилетия.

Кровавые «разборки», убийства из ревности, расплата с «изменщицей» — общие места в жестоких романсах. Юный преступник рассказывает на суде, как он вырезал собственную семью, молодой вор зарезал изменившую ему девицу — и, напротив, юная воровка вонзила кинжал в грудь неверному любимому, юный уголовник осужден на смерть отцом-прокурором — вся эта уголовщина попала и в блатной фольклор, где в особой цене мелодраматические сюжеты. Да и сам блатной мир создавал эти сюжеты, так что его фольклор поставляет материал для жестокого романса. Одним из топосов романса стало последнее слово обвиняемого, звучащее то как жгучая «правда жизни» (отсюда и соответствующая реакция слушателей: «Она просила говорить, / И судьи ей не отказали. / Как только начался рассказ, / Весь зал наполнился слезами»), то как проповедь «последних истин».

Дембельские альбомы и блатной фольклор предполагают иную среду бытования, чем у основной массы жестоких романсов. Классический жестокий романс — преимущественно женский, так что жизнь и любовь оцениваются тут с «женской» точки зрения. У «мужских» романсов (не только, конечно, солдат и заключенных, но демократической молодежи мужского пола вообще) свои идеалы, своя эстетика. Соблазнители в желтых ботиночках и коварные изменщики этим идеалам не отвечают, и мужские жестокие романсы предлагают героев иного типа.

Есть обширная область юношеских жестоких романсов, где создается экзотический мир, далекий от реальности. Безвестные в большинстве своем авторы лучше подготовлены в профессиональном отношении, чем поставщики романсов для женской аудитории, но и здесь — масса общих мест и штампов, восходящих к поэтике романтизма. Далекие моря и гавани, белоснежные пароходы с белозубыми капитанами, туземные красавицы с раскосыми глазами, являющиеся в табачном дыму притонов и таверн, крепкие парни, умеющие постоять за себя в кровавом поединке, — вот мир экзотического романса. Ковбой Гарри, которому изменила красотка Мери, юный барон, погибший из-за дочери капитана Джанет, юнга Билл, со стиснутыми зубами бившийся за пепельные косы крошки Мери, — идеальные герои этого жанра. Здесь и «философия» другая. Жестокие развязки в природе вещей экзотического романса, но нравственная победа не за тем, кто погиб («погиб пират — заплачет океан», слушатели же слезы не прольют), а за одержавшим верх: экзотический романс исповедует культ сильной лич-

ности. Ситуации в экзотических романсах в принципе все те же: измена, самоубийство, роковая случайность, инцест. Чернобровый капитан, который провел ночь с красоткой из притона, оказавшейся его сестрой, босой оборванец, подравшийся с матросом и убивший его «из-за пары распущенных кос» — как оказалось, собственного брата, девушка из маленькой таверны, оставленная суровым капитаном и бросившаяся в море с маяка, — знакомые все лица, только занесенные в края далекие.

Во всех своих разновидностях («классический», уголовный, экзотический) жестокий романс — естественный результат развития фольклора и массовой культуры конца XIX–XX вв. Его творческая активность снижается во второй половине XX столетия, но художественные открытия жестокого романса используются в кинематографе, телевизионных сериалах, массовой литературе на более высоком уровне, нежели это было в устном бытовании: как и все фольклорные явления, жестокий романс попадает в сферу влияния профессионального искусства.

Примечания

[1] Иная классификация была предложена Я.И.Гудошниковым, разделившим романсы на «четыре основные группы»: 1) «игровые», 2) элегические, 3) «жестокие» и 4) сатирические [Гудошников 1990: 36]. Едва ли не треть привлеченных автором текстов (особенно из второй и четвертой «основных групп») к романсам отношения не имеет.

[2] Это тонко почувствовал известный театральный критик А.Р.Кугель [1967: 287]: «В звуках вяльцевской песни чувствовалась какая-то фаза слияния русской нетронутой самобытности с парижским Монмартром. И самая обворожительность улыбки, и худоба, и некоторая болезненная бледность — все это отзывалось жизнью города, насыщенного нездоровыми испарениями миллионов, дымом фабричных труб и чадом бензина».

[3] Анализ сюжетов раннего русского кинематографа см.: *Зоркая Н.М.* На рубеже столетий. У истоков массового искусства в России 1900–1910 годов. М., 1976.

Литература

Адоньева, Герасимова 1996 — Современная баллада и жестокий романс / Сост. С.Б.Адоньева, Н.М.Герасимова. СПб.,1996.

Андреев 1936 — *Андреев Н.П.* Песни-баллады в русском фольклоре // Русская баллада. Л., 1936.

Гудошников 1990 — *Гудошников Я.И.* Русский городской романс: Учебное пособие. Тамбов, 1990.

Добровольский 1961 — *Добровольский Б.М.* Чухломской район (Экспедиция в Костромскую область) // Русский фольклор. Т. 6. М.; Л., 1961.

Кугель 1967 — *Кугель А.Р.* Театральные портреты. Л., 1967.

«Маруся отравилась» 1915 — Сборник любимых народных песен. М., 1915.

Петровский 1997 — *Петровский М.* Скромное обаяние кича, или Что есть русский романс // Русский романс на рубеже веков / Сост. В.Мордерер, М.Петровский. Киев, 1997.

Померанцева 1974 — *Померанцева Э.В.* Баллада и жестокий романс // Русский фольклор. Т. XIV. Проблемы художественной формы. Л., 1974.

Прокофьев 1983 — *Прокофьев В.Н.* О трех уровнях художественной культуры Нового и Новейшего времени (к проблеме примитива в изобразительных искусствах) // Примитив и его место в художественной культуре Нового и Новейшего времени. М., 1983.

Райкова 1995 — *Райкова И.Н.* Фольклор современных солдат: идейно-художественное своеобразие и отношение к детскому фольклору // Мир детства и традиционная культура: Сборник науч. трудов и материалов. М., 1995.

Смолицкий, Михайлова 1994 — Русский жестокий романс / Сост. В.Г.Смолицкий, Н.В.Михайлова. М., 1994.

А.С.Башарин
(Санкт-Петербург)

Городская песня

Очевидно, что бесписьменные условия существования фольклора безвозвратно ушли в прошлое, но вместе с тем критерий устности не потерял своего значения, поскольку, несмотря на постоянную возможность фиксации, песни передаются изустно[1]. Этому есть одна вполне реальная, объективная причина: распространение нотной грамоты у горожан оставляет желать лучшего и ни в какое сравнение не идет с обычной грамотностью (из примерно 50 песенников, находящихся в моей коллекции, ни один не содержит нот, в лучшем случае аккорды). Кроме того, несовершенство музыкальной системы фиксации песенного произведения не позволяет передать на бумаге специфические особенности исполнения, которые могут быть непременным атрибутом той или иной песни. Записанные тексты песни лишь ускоряют распространение произведения, но не меняют устного способа его передачи. Песни, выученные исключительно по песеннику, без «живого» исполнения-оригинала, по моим наблюдениям, не составляют сколько-нибудь заметного процента в репертуаре любого носителя.

Роль аудиозаписей в процессе бытования песен в 1950–1960-е еще не велика. Любительский в основном характер записей в этот период, небольшой объем и рынок распространения не позволили им составить сколько-нибудь значительную конкуренцию устной передаче — они были лишь ее продолжением, возможностью «остановить и продлить время» конкретного исполнения. Немаловажную роль в этом сыграл и факт массового дефицита и низкого качества пленки, в результате чего срок жизни записи обычно не был долгим: что не стиралось ради новых записей, то безвозвратно погибало естественным путем. Однако с конца 60-х (1967 г. — первая запись А.Северного) начинает развиваться, а на рубеже 80–90-х массово выходит из подполья эстрада, активно использующая городской песенный фольклор. «Благодаря» ей в настоящее время можно констатировать превращение ряда песен из живого фольклора в «фольклор по происхождению».

Городская песня как фольклор

Вариативность

Проблема варьирования текстов имеет два существенных плана: внешний — наличие множества различных текстов одной песни и внутренний — причины появления этих вариантов, возможность их сосуществования и отношение к ним носителей.

Что касается многочисленных вариантов, то по поводу ряда песен сомнений не возникает, хотя в отношении некоторых конкретных текстов вопросы остаются. Причины же появления вариантов можно разделить на объективные и субъективные. Объективные — плохая память, плохая запись, плохой почерк, слабое знакомство со словами, употребляемыми в песне, неадекватное понимание порой весьма причудливого синтаксиса песенных текстов — в условиях отсутствия общеизвестного и постоянно доступного для сверки канонического текста. К числу субъективных можно отнести прежде всего специфическое отношение к фольклорным и потенциально фольклорным песням, включающее особый характер невнимания к тексту и невникания в него, а также установку на открытость текста для видоизменений, а точнее, отсутствие установки на его неизменность. Действие этих причин, особенно субъективных, наиболее отчетливо прослеживается в таком экстремальном проявлении вариативности, как появление в текстах песен абсурдных моментов, не замечаемых и не осознаваемых исполнителями.

Вариативность, прежде всего внутренняя, — это обязательный и, пожалуй, основной критерий фольклорности произведения. Утрата внутренней вариативности, т. е. способности произведения к варьированию, и ее следствие — унификация вариантов — есть сигнал омертвения фольклорного произведения, превращения его в «фольклор по происхождению».

Традиционность

Связь современного песенного городского фольклора с традиционным крестьянским достаточно проблематична. Его преемственность по отношению к городскому фольклору XIX–начала XX в. несомненна, но требуется определенная работа по ее выявлению. Связь же с литературной традицией очевидна (по крайней мере, в формальном отношении), но и ее не следует абсолютизировать. Наличие этих связей — вопрос генезиса современного городского фольклора. Гораздо более важно существование в нем внутренней, живой традиционности, определяющей его собственное развитие и функционирование. Ведь само по себе понятие «традиционности» в широком понимании обозначает лишь использование и сохранение определенного набора формальных и/или содержательных моментов. Естественно, предполагается, что «фольклорная традиционность <...> имеет тенденцию к непрерывному развитию и трансформации»[2]. Соответственно, сама по себе смена традиций не влияет на фольклорность их характера при условии, что новая традиция, вырабатывая *свои* нормы, модели, шаблоны и т. д., остается фольклорной и противопоставленной литературной традиции.

Коллективность и безавторность

Неоднократно отмечалось, что эти критерии применительно к современному фольклору требуют значительной корректировки. Большинство песен, составляющих современный городской песенный фольклор, имеют свой прототекст и его конкретного автора (авторов). Известны случаи установления авторства отдельных видоизменений текста (например, «новодельных» куплетов). Тем не менее со всей определенностью можно констатировать существование общего механизма шлифовки песенных текстов в современном фольклорном бытовании. Вопрос об отношении авторов (как и носителей-соавторов) к их собственному творчеству может быть частично рассмотрен в контексте анализа субъективных причин появления вариантов, частично требует специального рассмотрения, в зависимости от среды, к которой принадлежит автор, а зачастую и его личных, индивидуальных взглядов на процесс создания им песен. Отмечу лишь одну из существующих общих тенденций: большинство авторов песен-переделок, оригинальных локальных произведений на вопрос о том, занимаются ли они поэтическим, песенным творчеством, есть ли у них свои собственные песни, отвечают отрицательно, в крайнем случае отмечают: «Ну, было там несколько песен, но своих (наших), мелких, переделок — это же несерьезно, а так — нет», т. е. по сути, авторство ими не осознается или не вполне осознается.

В целом же еще раз отмечу, что вопрос об авторстве нужно решать в каждом конкретном случае отдельно, во многом в зависимости от среды, к которой принадлежит автор или носитель-соавтор.

Жанровая природа современной городской песни

Указания на неопределенность терминов «песня», «романс», «баллада» в филологической науке уже стали общим местом работ, посвященных этой проблематике[3]. Суть проблемы вкратце можно изложить следующим образом: историческая изменчивость понятий, различная трактовка в разных сферах употребления (обиходной, публицистической, литературоведческой, музыковедческой и т. д.) привели к существенным различиям в понимании этих терминов и, по сути дела, лишили их терминологичности. Как следствие этой детерминологизации, а также чрезмерной объемности этих понятий, появляются новые комбинированные термины, однако различные определения, добавляемые к словам «песня», «романс», «баллада» («русская/российская» песня; «бытовой/городской/мещанский/жестокий» романс, «новая/ жестокая» баллада), а также их сочетания-дупликации («песня-романс», «романс-баллада», «балладная песня») не упростили, а лишь усложнили ситуацию. Недостаточная эффективность этих попыток объясняется отчасти и тем, что все они создавали обозначения, характеризующие словесно-музыкальные произведения с разных позиций и, соответственно, не могли быть противопоставлены друг другу, не могли вступать в отношения дистрибуции, а следовательно, служить равноправными элементами единой классификации.

Возможным методом устранения этого гордиева узла представляется возврат к первичному пониманию элементарных понятий «песня», «баллада», а также уточнение содержания термина «романс».

Прежде всего следует отметить, что слово «песня» является одновременно обозначением двух понятий — родового и видового. «Песня» как понятие родовое в литературоведении и фольклористике — любое стихотворное произведение, так или иначе связанное с музыкой. Именно в этом понимании оно используется неискушенными в вопросах терминологии носителями для называния любого словесно-музыкального произведения. «Песня» как понятие видовое представляет собой характеристику организации текста и встает в один ряд с понятиями «баллада», «куплеты» (в традиционном фольклоре — «эпическая песнь»). Применительно к песенной культуре XX в. эти понятия можно определить следующим образом: *песня* — словесно-музыкальное произведение, не обладающее событийным сюжетом; *баллада* — словесно-музыкальное произведение, обладающее сюжетом; *куплеты* (*куплетный цикл*) — словесно-музыкальное произведение, текст которого состоит из нерегламентированного числа относительно автономных блоков (обычно строф), нередко характеризующееся отсутствием логической, сюжетной связи между этими блоками. Таким образом, первым уровнем разделения является наличие/отсутствие композиционного единства, логической связанности, слитности текста (песня и баллада/куплеты)[4], вторым — наличие/отсутствие событийного сюжета (баллада/песня).

В свете этого становится очевидным, что «романс» — понятие абсолютно иного рода. «Романс» не есть характеристика организации текста, это обозначение класса произведений, выделяемого на основе иных критериев, прежде всего критерия тематического[5], а соответственно и рассматриваться он должен в ряду других мотивно-тематических групп[6].

Среда функционирования

По сравнению с городским песенным фольклором предшествующих периодов современный фольклор несколько изменил характер и среду бытования. Если в XIX и начале XX в. практически каждый слой городского населения располагал своей формой песенного фольклора, то во второй половине XX в. в некоторых частях городского социума намечается затухание или полное изменение фольклорной традиции. На основании имеющихся материалов можно отметить активное сохранение и развитие традиции песенного фольклора в 50–90-е годы, например, в подростковой и в интеллигентской среде, с другой стороны — его умирание в рабочей среде.

Эти изменения обусловлены, в первую очередь, резким скачком в распространении звукозаписи и «звучащих» средств массовой информации — радио и телевидения. Если раньше для значительной части городского населения потребность в приобщении к песенной культуре не могла быть удовлетворена лишь за счет прослушивания профессиональных исполнений (хотя бы по количественному признаку) и требовала самостоятельного музицирования и пения, то

теперь объективная необходимость в нем частично отпала. Для основной массы горожан количество прослушиваемых записей песен стало намного превосходить количество воспринимаемых непосредственно, «живых» исполнений: как профессиональных, концертных, так и относящихся к сфере песенного быта города (в том числе и фольклорной его части), что отрицательно сказалось и на количестве исполняемых песен. В результате, с одной стороны, наметилось четкое различие между активным и пассивным бытованием песен, с другой — возник альтернативный устному способ их передачи. Возникла теоретическая возможность вытеснения цепочного устного (или устно-письменного) типа распространения[7] песен конгломератом «живых» профессиональных исполнений и записей песен, распространяемых с помощью технических средств звучания.

В сохранении фольклорной традиции передачи песен в период до 90-х годов сыграли свою роль несколько факторов, решающим из которых следует, пожалуй, назвать отбор песенного материала, выпускавшегося «на массового слушателя». Здесь речь идет даже не о цензуре, вернее, не только о ней, а о художественном отборе вообще. В средства тиражирования аудиопродукции в советскую эпоху попадало в первую очередь индивидуально-авторское творчество, а доля песенного фольклора была представлена в основном произведениями старой традиции. Из новой, как правило, отбиралось лишь то, что соответствовало идеологии: рабочий и революционный фольклор XIX–начала XX в., а также в небольшом количестве студенческие и мещанские песни, зачастую также связанные с революционным движением или с личными пристрастиями деятелей партии[8]. Причем обычно те произведения новейшего городского песенного фольклора, которые так или иначе попадали в средства распространения, подвергались редактированию со стороны профессионалов. В массе же своей произведения городского песенного фольклора оставались вне пластинок, радио и телевидения — одни как «нехудожественные», другие как недостойные права называться Советским фольклором, третьи как откровенно вредные, четвертые (и, пожалуй, это самая большая группа) просто потому, что никому не приходило в голову их рассматривать как Творчество, потому, что они оставались вне поля зрения: их знали все, но никто о них не помнил, когда вставал вопрос о Песнях.

В отношении песен, прошедших художественный отбор и цензуру, довольно быстро в качестве преобладающего утвердился пассивный тип восприятия. Большинству потенциальных потребителей определенных типов песен оказалось достаточно прослушивания эталонных образцов их исполнения. Продуктивная деятельность свелась, по сути, лишь к подражанию или, как минимум, следованию этим образцам. Определился и круг активных носителей и творцов нового фольклора — ими оказались те, чьи песенные запросы выходили за рамки цензурного (в обычном или в советском смысле) или художественного (в официально признанном его понимании).

Носители

Носителями современного городского песенного фольклора в послевоенный период становятся, в первую очередь, резко очерченные, иногда даже изолированные социальные общности. Эта особенность — отражение общей тенден-

ции: «Ареальная замкнутость фольклорных явлений — важное, неотъемлемое их свойство»[9]. И если применительно к негородскому фольклору эта «ареальность» имела преимущественно территориальное значение, то в данном случае следует говорить о социальной «ареальности». Так, можно говорить об активной роли школьников (в первую очередь, обучающихся в закрытых, специальных и профилированных средних школах, а также бывающих в пионерских лагерях или посещающих кружки и секции); студентов практически всех специальностей (в меньшей степени, как это ни странно на первый взгляд, филологов); участников экспедиций; туристов всех видов; представителей начавших появляться со второй половины 1960-х молодежных субкультур. Сохраняют свою активность такие традиционно песенно активные общности, как тюремная и армейская среда.

Более того, на современном этапе развития фольклора общей закономерностью является тенденция к большей творческой активности микросоциумов (вплоть до закрытых групп): круг носителей того или иного репертуара, тематического цикла, отдельной песни очень часто оказывается меньше, чем какая-либо социальная среда: наряду с общим распространением, можно говорить о репертуаре/распространенности произведений не только в рамках одной среды или профессии, но и одной компании, узкого круга друзей.

Типы компаний

Можно утверждать, что именно компания является основной и минимальной средой функционирования современного песенного фольклора. Внутренняя организация песенного быта компаний различна. Рассмотрим основные возможные схемы распределения ролей:

Студийно-концертный тип. Один-два поющих, остальные с нетерпением ждут их «номеров», как правило, сольных и зачастую высокопрофессиональных. При этом исполнители не вступают в активный творческий диалог ни с аудиторией, ни друг с другом.

«Гитара и песня по кругу». Несколько поющих лидеров, автономных и отчасти противопоставленных. Относительно этого типа нередко применяется определение «гитара и песня по кругу». Этот тип часто встречается в несформировавшихся компаниях и предполагает отношения более или менее здоровой конкуренции в песенной сфере.

Поющее ядро компании присутствует, как правило, в относительно стабильном коллективе. Ее характеристики — один или несколько постоянных исполнителей плюс несколько человек, хорошо знающих их песенный репертуар и выполняющих при необходимости функцию хора, вовлекая в исполнение неофитов. В таких компаниях нередко популярны (и/или создаются) песни, рассчитанные на участие аудитории, кроме того, практически любая песня может приобрести элементы, рассчитанные на такое участие. Помимо хорового исполнения и включения хора на рефренах, это могут быть обязательные маргинальные реплики в определенных местах, произнесение аудиторией отдельных слов текста (в том числе и в диалоговой форме), постоянные жесты и мимика, непременно сопутствующие конкретным моментам текста, или же ярко выраженное узна-

вание отдельных слов, фрагментов, получивших в данной компании дополнительные смыслы.

Принципы описания и классификации современного песенного городского фольклора

В соответствии с градацией круга носителей от компании до всего народа можно выстроить и классификацию песен по степени распространенности и актуальности в тех или иных частях городского социума: локальные песни (бытующие только в рамках одной компании, небольшой социальной группы); песни, известные в рамках одной среды (например, профессиональной); известные на уровне социального макрослоя (подростковая среда, интеллигенция); общеизвестные.

Подобным же образом можно охарактеризовать среду возникновения песни и на основе общности генезиса выделить некие группы. Однако для создания такой классификации, с одной стороны, еще недостаточно материала, а с другой — она не будет вполне отражать суть жизни фольклорной песни на современном этапе: в процессе бытования в современной городской среде песни объединяются в группы, циклы, как правило, по общности не генезиса, а содержания, тематики. Именно содержание определяет среду и характер функционирования, не имеет жесткой зависимости ни от среды, ни от времени возникновения и в подавляющем большинстве случаев не зависит и от формы, т. е. является самым свободным и определяющим началом. Тем не менее, выделяя группы песен на основе содержания, можно, в зависимости от наличия или отсутствия дополнительных формальных, функциональных и прочих объединяющих признаков, квалифицировать эти группы как тематические общности, циклы или группы, в той или иной мере претендующие на статус жанра.

Песенный цикл не состоит исключительно из фольклорных произведений: он может включать в себя и произведения авторские[10]. Доля фольклорной составляющей в каждом цикле может быть различной — от одной-двух до абсолютного большинства песен. Основа организации цикла — общность тематики песен, хотя в реальном бытовании каждый цикл во всей своей полноте — продукт негласного договора членов поющего коллектива. Он может быть дополнен песнями, объединенными и в силу субъективных причин: песни, входившие в некий репертуар, песни, услышанные примерно в одно время и в одном месте, ассоциирующиеся с основной темой цикла, связанные с каким-либо настроением или воспоминанием и т. д. Тем не менее ядро аналогичных или даже одноименных циклов в независимых друг от друга компаниях составляют одни и те же песни, главный признак построения этого ядра — тематический. Выделение группировок песен, больших, чем цикл, объединяющих несколько циклов, возможно, но будет представлять собой некоторую исследовательскую абстракцию. В реальном бытовании связи между циклами если и существуют, то лишь на интуитивно-ассоциативном уровне.

Таким образом, наиболее целесообразным представляется описание современного песенного городского фольклора по циклам, выделяемым (в том числе и

носителями) на основе тематики. Такое описание может стать основой классификации и в то же время будет отражать реальную жизнь песен.

Для описания тематических циклов песен важную роль играет разделение элементов их содержания на две группы: относящиеся к самой структуре лирического сюжета, действию, и не являющиеся действием. В первом случае речь идет, например, о мотивах, выделяемых Н.М.Герасимовой и С.Б.Адоньевой для новой баллады и жестокого романса (измена, разлука, убийство, самоубийство, адюльтер и т. д.), и их группировках, во втором случае имеются в виду «художественная действительность», декорация, мир, в котором разворачивается действие, и герои, типажи, разыгрывающие его. В зависимости от того, какой род элементов содержания служит основой для формирования цикла, можно обозначить два типа песенных циклов: «декорационные» и «мотивно-сюжетные».

Такое разделение вовсе не означает параллельности и взаимоисключаемости этих групп — напротив, это два пересекающихся ряда: хотя бы постольку, поскольку наличие декорации и героев предполагает наличие сюжета (как минимум, лирического). Отличаются они тем, что в циклы, выделяемые на основе общности круга мотивов (мотивно-сюжетные), будут входить, кроме всех прочих, песни, в которых мир никак не маркирован. Конечно, практически в каждом цикле, выделяемом по общности маркированного мира «художественной действительности», также может быть выделен круг наиболее частотных мотивов, более того, он может быть схожим с набором мотивов, встречающимся в определенном круге песен с немаркированной декорацией. Но различие состоит в том, что при наличии маркированной декорации основной пафос песни будет состоять в характере взаимосвязи мотивов и декорации, их взаимодействии и трансформации (или неизменности) в результате этого взаимодействия. То есть общий пафос песни определяется и набором мотивов, и спецификой декорации, «художественного мира».

В 1950–1990-е годы в городской среде наиболее заметными оказываются *декорационные* циклы. Именно по «художественному миру», декорации, героям характеризуют песни стихийно сложившиеся определения: *ковбойские песни*, *морские, пиратские песни*, *шпионские песни* и т. д. Песни могут быть сгруппированы и в процессе исполнения, и в составе песенников (в то время как ни одного песенника, где хотя бы несколько песен были специально сгруппированы по принципу общности морфологического строения, мне видеть не приходилось).

К сожалению, из-за недостатка материала не представляется возможным рассмотреть все тематические циклы. Приходится ограничиваться лишь презентацией циклов, наиболее заметных и характерных для данного периода.

«Декорационные» песенные циклы

Конечно, отнесение текста к какому-либо циклу зачастую неоднозначно: песня «В эпоху войн, в эпоху кризисов» — одновременно и «о физиках», и «шпионская», в песне «В нашу гавань заходили корабли...» сталкиваются пираты и ков-

бой, в песне «Есть в Италии маленький дом» также встречаются два героя из разных миров: «с оборванцем подрался матрос». Цель описания декорационных циклов — не приклеивать ярлыки, а перечислить и рассмотреть основные полюса, к которым могут тяготеть песни, но это отнюдь не означает, что каждая конкретная песня может тяготеть лишь к одному из них.

Первичное разделение можно провести в зависимости от того, каков характер мира, изображаемого в песне:

1) жизнь и быт микросоциума;

2) жизнь и быт одного социального слоя, субкультуры, профессиональной среды;

3) квазимир маргинальной субкультуры;

4) экзотический, «далекий», инокультурный мир;

5) условный мир, мир «художественный»;

6) различные сферы реального мира, окружающая действительность.

Конечно, такое разделение весьма условно и характер «художественной действительности» может быть по-разному оценен в зависимости от позиции носителя. Изменчив он и исторически: *блатные*, *морские*, *сиротские* песни, бывшие, по-видимому, изначально достоянием одной социальной среды и изображавшие ее мир, в ситуации общего распространения изменили в массовом сознании характер восприятия «художественного мира» — из профессионального он превратился в условный с явным компонентом экзотики.

Переходя непосредственно к рассмотрению песенных циклов, еще раз отмечу, что тематический «декорационный» принцип выделения для некоторых циклов песен не является единственным. Применительно к *блатным*, *лагерным* песням, песням *литературного цикла*, *кавказского цикла* и некоторым другим можно говорить уже не только о единстве «художественного мира», но и о едином стиле, в отдельных случаях претендующем на статус жанра. Используя отчасти расхожие наименования, отчасти логические определения, можно попытаться дать краткую характеристику наиболее известных циклов, не претендуя на полный их перечень.

Мир одной компании, микроколлектива. Локальные песни

Минимальным миром, в котором развивается действие песен, является мир, быт, жизнь одной компании. Круг песен, повествующих о событиях этого мира, можно обозначить как *локальные*, т. е. предельно *не-общие* по своей тематике. Локальные песни — это не совсем цикл и скорее их можно определить как целый пласт сходных по своим характеристикам мини-циклов и отдельных произведений, «художественный мир» которых — жизнь одного коллектива. Локальные песни в большей степени, чем другие, претендуют на статус жанра, поскольку сочетают в себе общность происхождения, тематики, функционирования, а отчасти и формального построения.

Локальные песни — это песни, созданные и бытующие только в рамках одной компании, небольшой социальной группы и связанные с этой средой своим содержанием. Само название «локальные» не связано с территориальностью и лишь указывает на необщий характер их содержания и распространения. Это

песни только «для внутреннего употребления», изначально не рассчитанные на бытование во внешней среде.

Локальные песни уже очень давно называют фольклором, хотя в большинстве случаев у них есть конкретный создатель (а еще чаще — группа создателей), они практически не меняются, широкого распространения не получают и вообще крайне недолговечны. Чрезвычайно сложен вопрос об отношении создателей этих песен к своему авторству. Локальные песни — это некий промежуточный вид творчества, не относящийся в строгом понимании ни к фольклору, ни к литературной песенной поэзии. Почти обязательно в таких песнях упоминание фамилий, нередко и из числа сочинителей, а также среды или местности, в которой происходит действие. Весьма характерно также упоминание атрибутов и реалий быта коллектива. Реалии быта и персоналии, а также их нарицательные эквиваленты задают ту систему координат, на которой выстраивается все остальное содержание локальных песен. В создании этого базового соотнесения текста и реалий действительности в локальных песнях в меньшей степени участвует Время, «времечко», столь характерное для городского романса 20 — 30-х годов.

Особенно часто локальные песни возникают во временно изолированных коллективах: археологических экспедициях, у геологов, туристов (спелеологов, альпинистов, водников), в детских лагерях и других замкнутых творчески активных группах, а также в студенческой среде.

По своей форме это чаще всего переделки известных песен или подтекстовки на популярные мелодии, но встречаются и оригинальные произведения. Наиболее удачные из них могут перерастать среду, в которой возникли. В таком случае уже можно говорить или о выкристаллизовывании авторского[11], или о появлении фольклорного произведения[12]. В первом случае даже неважно, известен исполнителям автор или нет. Информации, что где-то он есть, бывает достаточно для того, чтобы песня продолжала существовать в первозданном виде. Напротив, «ничья» песня открыта для доработок и довольно быстро изменяется: или приобретает новые локальные детали, обрастая вариантами, или теряет старые, обобщаясь и переставая быть локальным произведением.

Однако из всех перечисленных признаков ведущим для данной группы остается тематика, декорация, а не генезис или формальная структура. Само по себе возникновение песни в конкретной компании ни в коей мере не может определить ее содержание (ведь автор любой песни может входить в какую-нибудь компанию). Общие моменты в сюжетной структуре локальных песен прослеживаются неотчетливо, метод переделки и подтекстовки не является достоянием одних лишь локальных песен, а ограниченность функционирования объясняется исключительно узостью изображаемого мира, что доказывается многочисленными примерами того, как с потерей локальных деталей песня получала распространение в самой широкой среде.

Мир одной социальной среды, субкультуры, профессиональный мир

Как уже указывалось, не всякая социальная среда в современной городской культуре является песенно активной. Наиболее характерно активное песнетворчество более или менее оформленных субкультурных групп. Это могут быть и

профессиональные группы (студенты, как в целом, так и по отдельным специальностям, археологи, геологи, армейская среда и т. д.), и субкультуры, объединенные общим хобби, увлечением (туристы, в том числе и по отдельным видам туризма, участники клубов самодеятельной песни, толкиенисты и т. д.), это и субкультуры временно изолированных коллективов (тюремная, лагерная среда, дети, бывающие в пионерских лагерях, участники стройотрядов и др.). Впрочем, грань между этими группами не так важна, поскольку основную массу представителей этой субкультуры (а следовательно, и носителей) составляют любители.

Каждая из субкультур, как правило, хочет иметь свои песни, в которых должен быть изображен ее мир. Эта лакуна может быть заполнена или профессиональными, как минимум авторскими, песнями, или же песенным фольклором. Обычно действуют оба эти источника. За редким исключением (лагерные песни) преобладают продукты авторского творчества, характерно также анонимное бытование авторских произведений, что нередко приводит к их фольклоризации. Фольклорная составляющая репертуара песен о мире данной субкультуры почти непременно присутствует, хотя представлена она бывает порой лишь одним-двумя подлинно фольклорными произведениями (пусть и имеющими авторский прототекст), несколькими фольклоризованными авторскими песнями и анонимными произведениями, квалифицировать которые как фольклор не позволяет недостаток информации.

Между локальными песнями и песнями субкультуры располагается промежуточный пласт: песни факультета, полка, стройотряда, экспедиции, турклуба и т. д. Отличительные особенности — возможность более долгого, по сравнению с локальными песнями, существования, передача из поколения в поколение, возможность большей вариативности, актуальность изображаемого мира для большего числа людей, а следовательно, и большее число носителей. Доля этого промежуточного пласта в фольклоре разных субкультур может быть различной. Так, у археологов, участников стройотрядов он практически заменяет общий субкультурный, напротив, у туристов, в подростковой среде он относительно невелик.

Студенческие песни

Студенческие песни — самый древний пласт субкультурных песен, имеющий уже почти двухвековую традицию. Именно здесь встречаются «ветераны» песенного городского фольклора, живущие в активном репертуаре уже более ста лет, — «Крамбамбули», «От зари до зари» («Там, где Крюков канал»), «По рюмочке, по чарочке», «В гареме нежился султан» и др. На примере песни «Крамбамбули» можно рассмотреть существенную особенность восприятия песен, в том числе и их содержательной стороны. Связанная по происхождению с немецкой буршеской традицией, она живет в активном репертуре русского студенчества, как минимум, с первой трети XIX в. Являясь классическим произведением студенческого фольклора, она тем не менее не содержит в своем тексте никаких указаний на этот мир. Правомерно ли квалифицировать ее в таком случае как студенческую (имея в виду, что речь идет о группе, выделяемой на базе тематического признака)? Вероятно, это возможно, поскольку в субъективном восприятии

ятии носителей ее содержание выглядит как студенческое. В данном конкретном случае это происходит еще и благодаря анакреонтическим мотивам, которые неизменно присутствуют во множестве собственно студенческих песен: мотивы, встречающиеся в ряде песен с непосредственным указанием на студенческий мир, начинают восприниматься как непременные его атрибуты. В других случаях круг мотивов может быть не связан с определенным миром столь явственно, но под воздействием субъективных ассоциаций (возникших, например, благодаря тому, что песня долгое время бытовала в какой-либо среде или была впервые услышана носителем в этой среде) песни воспринимаются как относящиеся к данной среде и описывающие ее мир.

Круг общестуденческих песен невелик и едва ли не исчерпывается общепризнанной классикой. Из песен, возникших в более поздний период, можно упомянуть «Если ты не сдал в аспирантуру», «В трудные минуты Бог создал институты», «Декан» («Не погода — наслажденье...»).

Несколько шире круг «общетехнарских песен»: «Мы инженеры-физики», «Раскинулось поле по модулю 5», «Дубинушка». Но, конечно, самое большое число студенческих песен — это песни, связанные с конкретными институтами, факультетами, курсами, однако большинство из них составляют индивидуальные или коллективные произведения местных авторов. И, конечно, основной почвой, на которой вырастают студенческие песни, является локальный фольклор студентов. Именно с ним связаны по происхождению такие шедевры, как «Раскинулось поле по модулю 5», «Дубинушка» и др.

Туристские песни

Подобно общестуденческим, круг общетуристских песен невелик и в основном относится к периоду до 60-х годов, поскольку именно с этого времени функцию общетуристских песен начали выполнять песни бардов. Можно назвать песни «Мы идем, нас ведут, нам не хочется», «Было у папаши три сынка», а также целый ряд песен, которые, скорее, являются не фольклором, а произведениями неустановленного авторства, поскольку вариативность в них, как правило, близка к нулю: «Закури, дорогой, закури», «Вальс в ритме дождя», «Я смотрю на костер догорающий» и др.

Гораздо большее число песен связано с отдельными видами туризма. Это прежде всего фольклор альпинистов (начавший формироваться еще в 30-е годы), спелеологов и водников (сформировались, по-видимому, где-то на рубеже 1980-х).

Археологические песни

Археологические песни в области сюжетов, тематики, а зачастую и лексики тесно связаны с профессиональной спецификой. Хотя некоторые из этих песен возникли в городе, основное место их функционирования и развития — экспедиция, «поле». Специфика археологических песен состоит в том, что мир истории оказывается, отчасти, составляющей мира этой социальной среды. Круг песен немногочислен. В самом широком виде он едва ли насчитывает десяток—полтора текстов. В основном это песни на исторические, реже — на общеархео-

логические темы. К последним можно отнести, например, «Балладу о Фармаковском, Скадовском и Штерновском», известную в античных экспедициях.

Возникшие предположительно в среде историков и археологов, песни «Орел шестого легиона», «Как на поле Куликовом», «Я потомок хана Мамая» и, конечно, «Там, за Танаис рекой» (последняя часто выполняет функцию гимна), являются неизменно характерной частью репертуара экспедиций. Большинство песен или потеряли автора и находятся в процессе активной фольклоризации («Орел шестого легиона»), или представляют собой уже сложившиеся фольклорные произведения («Как на поле Куликовом»).

Археологические песни, в отличие от песен других групп, довольно однородны по форме: вне зависимости от тематики эти песни, как правило, или тяготеют к балладной структуре, или являются балладами (возможно, сказываются особенности профессионального событийно-сюжетного мышления). Кроме того, в них проявляется тенденция к единому аспекту рассмотрения историко-археологических тем — аспекту комическому. Нередки в них и анакреонтические мотивы, являющиеся вообще излюбленным элементом в песнях любого происхождения, входящих в репертуар экспедиций. Эти баллады, не имеющие широкого бытования вне археологической среды, являют собой некое экзотическое дополнение к балладным циклам бардовских песен и городского фольклора, они поются в экспедициях и «на симпозиях, а попросту на пьянках»[13].

Лагерные песни

Среди песен о криминальном мире, «жизни вне закона», нередко называемых блатными, следует различать собственно блатные и тюремные, лагерные песни. Различие обусловлено прежде всего тем, какой мир является предметом изображения: в блатных песнях это блатной мир, соответственно, в лагерных — лагерный мир, мир зэков и зоны. Разница между ними огромна: мир лагерный обладает своими законами, атрибутами, мифологией, но это реальный мир, среда обитания определенной субкультуры, а в известный период — весьма значительной части населения. Мир блатной (для большинства носителей) — некая абстракция, народный миф. Иногда это мир идеальный, по крайней мере, уж очень красивый, иногда, на первый взгляд, вполне обыденный, но при ближайшем рассмотрении — типизированный, в любом случае далеко не эквивалентный реальному[14]. Соответственно, рассматривать блатные и лагерные песни следует в разных группах: лагерные — в ряду песен, посвященных реальным субкультурным мирам, блатные — среди песен с художественной моделью такого мира. Кроме того, тюремные (острожные, каторжные) песни — жанр песенного фольклора, известный, как минимум, с XVII в., блатные же песни — продукт первых двух десятилетий XX в.

Лагерные песни появились в конце 20–30-х годов в связи с массовыми репрессиями. Расцвет же их приходится на 1950–1960-е, чему также были объективные причины: выход на волю, а следовательно, в общую песенную среду узников лагерей, освобожденных после смерти Сталина. Этому расцвету способствовало и традиционно сочувственное отношение к людям, пострадавшим от закона. Несмотря на широкое распространение, лагерные песни сохранили свою

«профессиональную», субкультурную окрашенность, а кроме того, не потеряли связи с породившей их средой.

«ПИОНЕРСКИЕ» ПЕСНИ

Расхожее название *пионерские* связано не с самой детской организацией, а с обозначением «пионеры», применявшимся ко всем детям школьного возраста, а также с пионерскими лагерями, субкультура которых и была основной средой бытования этих песен. Специфика субкультуры пионерлагерей состоит в том, что чаще всего это единый коллектив, состоящий из детей и воспитателей. Именно вожатые, по-видимому, и были в большинстве случаев авторами прототекстов пионерских песен, расходившихся впоследствии в детской среде. Другая особенность, также вытекающая из специфики данной субкультуры, — обилие *песен лагеря*, *отрядных песен* и т. п., создание которых нередко диктовалось сверху. Причем наряду с анонимными произведениями (фольклоризованными и нет) соседствовали авторские песни, подаренные лагерю (особо отличался Артек, песни которого даже вышли отдельным изданием[15]). Из песен, непосредственно связанных с пионерской средой, можно назвать «Вожатенок», «Октябренок Алешка». Наиболее известны, однако, песни, связанные с «пионерией» лишь функционально и относящиеся к сфере излюбленных тем и мотивов (дружба, расставание/встреча, жизненное предназначение): «Все расстоянья», «Ты да я, да мы с тобой», «Жизнь» и, конечно, «пионерский» фольклоризованный вариант песни В.Ланцберга «Алые паруса».

Квазимир маргинальной субкультуры

Из песенных циклов, тематически связанных с миром той или иной субкультуры, далеко не все песни реально связаны с описываемым миром по происхождению и бытованию. Речь идет о песнях, скорее приписываемых какой-то субкультуре, чем реально ей принадлежащих: это блатные, *сиротские*, *моряцкие* (или *морские*), *белогвардейские*, *эмигрантские* и т. п. Более чем вероятно, что в глубине каждого из этих циклов кроются песни, реально являвшиеся достоянием конкретной субкультуры, но это ядро к настоящему моменту настолько обросло стилизациями, подражаниями, песнями «под-» («под блатняк» и т. п.), а также пародиями (узнаваемыми и неузнаваемыми), что есть все основания выделить подобные циклы в отдельную группу. Интересно, что все без исключения названные циклы к рубежу 1950-х представляли собой уже сложившиеся группы, к которым лишь добавлялись новые тексты, создаваемые большей частью по готовым образцам.

Общая черта всех этих квазимиров — их маргинальность, не-обычность, воспринимающаяся как своего рода экзотика. По сути, каждый такой мир — это народное представление, точнее народный миф, о той или иной субкультуре. Содержание такого мира — набор атрибутов, типажей, чувств и сюжетов, соответствующих народному мифу о нем.

Важным моментом жизни этих циклов является тот факт, что в интеллигентской среде значительная часть песен (за исключением, быть может, белогвардейских и эмигрантских, расцветших несколько позднее) воспринималась с яв-

ным элементом иронии. Причина иронии скорее всего заключалась именно в осознании условности песенного мира, хотя это осознание никак не сказывалось на популярности песен в данной среде.

Сиротские песни

Так называемые сиротские песни, в том числе и песни о беспризорниках, известны, как минимум, с 1920-х годов. Позднее они уже нередко воспринимались как архаика. Являясь по своему мотивно-тематическому строению жестокими романсами, они сохранили свою автономность за счет колоритной фигуры «несчастного малолетки», образ которого и позволял нагнетать сюжетные и эмоциональные страсти.

Интересно, что в сознании носителей существует довольно стойкое представление, что эти песни сочинены и исполнялись беспризорниками, ходившими по вагонам и сопровождавшими пением свое попрошайничество, — представление, быть может, и не лишенное оснований (хотя в точности происхождение ни одной из этих песен не выяснено), но по характеру воспроизведения приближающееся к легенде: каждый квалифицированный носитель, а уж тем более хранитель, не преминет высказать это утверждение, причем в довольно стандартной форме. В интеллигентской среде с особой любовью всегда исполнялись куплеты, обличающие советскую власть, несправедливую к «мальчонке».

Блатные песни

Несомненно, наиболее известны из циклов этой группы блатные песни. Благодаря своей узнаваемости, давней традиции, выработанности стиля они прежде всего вспоминаются, когда носители пытаются вспомнить «какие-то такие» («такие» — фольклорные) песни. Как материал, лежащий на поверхности, они в первую очередь привлекли внимание журналистов и исследователей, как только их упоминание вновь стало возможным.

Уже в 20-е годы блатные песни составляли вполне оформленную группу, которая и носителями осознавалась как если не особый жанр, то по крайней мере стиль. В основе популярности блатных песен в этот период, помимо ореола запретности, лежит романтический аспект их восприятия. Причина тому — частичная утрата героики военных тем (как героики сегодняшнего дня) и недостаток героики в других темах; новая тяга к красивой, лихой, шикарной и легкой жизни как попытка уйти от жизни реальной. Можно довольно четко определить и начало спада их популярности — активный выход в устный песенный репертуар авторской песни (1960-е годы).

Как уже говорилось, объект изображения блатных песен — легендарный, полумифический блатной мир, его герои, типы поведения, его система отношений. Этот мир, воспринимаемый в романтическом ключе как нечто экзотическое и притягательное, получает и свой топос — «славный город Одесса». Многие блатные песни приобретали вторичные, «одесские», черты, проявлявшиеся в топонимике и ономастике, например, переделка «Кирпичиков»: «На Молдаванке, на самой окраине...»[16] вместо обычного «Как-то в городе, на окраине...»[17] или замена Ванюша на Арон в песне «Три гудочка прогудело»[18]. Существует масса

параллельных «одесских» и «неодесских» вариантов, но утверждать, что все они появились в результате такой перелицовки было бы неправильно, поскольку наряду с «одессизацией» песен могла происходить и «деодессизация» в пользу местных, более близких имен и реалий (актуализация).

Дальнейшая судьба блатного фольклора до второй половины 60-х складывалась в духе криминально-романтической запретной экзотики в песенном репертуаре. Именно к этому периоду относятся и первые авторские стилизации «под блатные», которые частично также вошли в устную традицию и были фольклоризованы: «Стою я раз на стрёме» (прототекст А.Г.Левинтона), «Когда качаются фонарики ночные» (Г.С.Горбовский), ранние песни Высоцкого.

С конца 60-х начинается новый этап развития блатных песен, продолжающийся до сих пор. Основные его черты таковы: продолжается фольклорное бытование старых текстов, появляются профессиональные исполнения старых песен (начиная с А.Северного), доходящие с помощью технических средств до самого широкого слушателя, что приводит к пассивному слушанию блатных песен, их омертвению как фольклорного явления, к росту числа индивидуальных стилизаций «под блатняк» различного типа.

Морские песни

Палуба корабля, портовый притон, просто берег — грань между обыденным миром и миром моряков становится местом действия целого ряда песен. Образ моряка, морского бродяги, появляющегося и исчезающего по велению законов своего мира, определил характер большинства этих песен: это почти всегда контакт, встреча/расставание, столкновение или с героями, точнее, героинями из обычного мира, или с другими маргинальными героями. В первом случае — это может быть какая-либо «береговая история» («Чайный домик словно бонбоньерка», «Течет речка по пескам с горного потока»), любовная история на корабле («Однажды морем я плыла»), нередко заканчивающаяся обоюдными страданиями («Серая юбка»), а то и вовсе трагедией («Они стояли на корабле у борта»), или встреча с оставленной на берегу возлюбленной или сестрой, тоже, как правило, не сулящая ничего хорошего («Юнга Билл», «В маленьком притоне Сан-Франциско», а также «Губ твоих накрашенных малина», в которой встреча с неверной женой еще предстоит). Если что-то случается и встречи не происходит, гибнут оба («Девушка из маленькой таверны»). Во втором — дело почти всегда заканчивается кровавой историей («В кейптаунском порту», «Юнга Билл»).

Национальные циклы

Наряду с квазимиром маргинальной социальной среды в песенном фольклоре присутствуют и песни, имитирующие мир инокультурный. Это обращение имеет довольно давнюю традицию. Не говоря о русской «цыганщине», можно вспомнить, что уже с конца прошлого века в качестве особого раздела в печатных песенниках публиковались «Песни армянские, еврейские и т. д.». Чаще всего это были не подлинные национальные песни, а пародийные фольклорные произведения, неотъемлемым элементом которых была имитация ломаного русского языка. В современном песенном фольклоре существует ряд песен, имеющих ква-

зиинородный колорит: обычно еврейский или кавказский (в первую очередь, грузинский). Еврейский колорит одесских песен (он и встречается-то, за редким исключением, только в них) широко известен, и практически все эстрадные исполнители песен «под Одессу» в большей или меньшей степени прибегали и прибегают к имитации еврейско-одесского говорка («Щоб я так жил!»).

Менее известны, но все же распространены песни, имитирующие кавказский колорит — «Гоги», «На Кавказе есть гора», «По одесской улице я вечером гулял» (Вай-Вай!), «По бакинской улице Мустафа идет», «Скорый поезд номер 8 Ленинград—Баку», а также азербайджанизированный фольклорный вариант песни «От Махачкалы до Баку».

Одесские песни

Уникальность одесских песен состоит в том, что они, в соответствии с фольклорным образом одессита, возникли на слиянии сразу трех песенных квазимиров: еврейского, блатного и морского. Соответственно, и их отличительные особенности представляют собой как бы квинтэссенцию художественной специфики, образов и выразительных средств всех трех рассмотренных выше циклов.

Экзотика «далекого» мира

Неудивительно, что народное воображение не ограничилось мифологизацией реальных, потенциально знакомых носителю субкультурных миров. В песнях предыдущего раздела связь художественного мира и соответствующего ему мира реального хотя бы теоретически возможна: отдельные блатные песни, быть может действительно связаны по происхождению с криминальной средой, и абсолютно точно, что многие из них с удовольствием если не принимаются, то хотя бы воспринимаются этой средой. В песенных циклах, рассматриваемых в данном разделе, наличие такой связи невозможно. Действительно, трудно предположить, что ковбойские песни известны ковбоям или любимы ими, пиратские песни когда-либо звучали в устах пиратов, а песни восточной тематики будут приняты (или хотя бы поняты) на самом Востоке. Тем не менее сходств с предыдущей группой в этих песнях больше, чем различий. Главное их сходство — экзотичность героев и декораций. Большая часть песен этого раздела содержит обязательный компонент экзотики: пиратская, азиатская, восточная, латиноамериканская, ковбойская и тому подобная экзотика во всевозможных видах и комбинациях составляет основу этих песен. Общим моментом является и то, что в основе каждого цикла лежит миф о соответствующей сфере реального мира. Кроме того, судя по всему, песенные циклы и этой, и предыдущей групп к рубежу 50-х представляли собой оформившиеся единицы репертуара.

Ковбойские песни

Первые ковбойские баллады появились, видимо, после показа в России первых вестернов (или хотя бы появления информации о них). Фольклорный образ ковбоя, ковбойского стиля жизни («сперва стреляют, а потом разговаривают»), стоящий в центре каждого произведения, лежит в основе песен этого цикла.

Ковбой как «фольклорный элемент» близок другим фольклорным героям. Это проявляется в возможности столкновения их в рамках одной песни, легкой замены ковбоя на другого героя и даже превращения героев друг в друга. Так, например, превращение матрос–ковбой–пират происходит в «Трех балладах о матросе Гарри» («Танго цветов»–«Юнга Билл»–«В нашу гавань заходили корабли»)[19], где Гарри сначала был матросом, затем из юнги (?) становится ковбоем, а затем атаманом пиратов. Однако вопрос, является Гарри ковбоем, моряком или кем-то еще, а также действительно ли этого человека звали Гарри, тоже далеко не однозначен. В песне «Танго цветов» фигурирует иногда *матрос* Гарри[20], иногда *матрос* Билли[21], иногда матрос остается безымянным[22]. Что касается песни «Юнга Билл», то в ней последний куплет, в котором юнга превращается в ковбоя Гарри, вероятно, позднейшего происхождения и может вовсе отсутствовать[23]. И, наконец, в песне «В нашу гавань заходили корабли» более частотны варианты, в которых Гарри не назван ковбоем: «В дверях стоял наездник молодой». На современном этапе своего развития (самое позднее — с конца 70-х) ковбойские песни в значительной мере стали восприниматься в ироническом ключе. Появляющиеся новые произведения (и фольклоризующиеся, и не фольклоризующиеся) в большей части юмористичны или пародийны: «Ранчо» («В далеких Кордильерах, на севере Техаса...»), «Колорадо»[24], «На старой кобыле с ослом в поводу»[25].

«Географическая» экзотика. Инокультурный мир

Изображение «иного мира» в песнях этой группы не имеет ничего общего с правдивым описанием или, по крайней мере, многоуровневой стилизацией. Это, как и в предыдущих случаях, всего лишь песенное переложение самых типичных образов и ассоциаций, связанных с той или иной точкой земного шара. Сюжеты, коллизии этих песен, по-видимому, прямо соотносятся с народным представлением о том, что может происходить в той или иной местности. Так, нередко Восток оказывается связан с «жестокими мотивами», а «культурная Европа» может обходиться и без них.

Пиратские песни

Пиратские песни — самый поздний из циклов этой группы. Несмотря на то что образ пирата в фольклорном песенном мире известен давно, отдельного цикла песен о пиратах нет. Герой-пират — это, по сути, тот же моряк, но моряк в квадрате. Он — хозяин своего мира. Этот образ слишком колоритен, чтобы сойти за простую экзотику, — это образ романтический, менее всех прочих соотносящийся с реальностью. Моряк как бы «добирает» романтичности и превращается в пирата — образ, содержащий в себе квинтэссенцию морской романтики. Эта максимальная романтическая отвлеченность образа пирата определила преобладание в репертуарном цикле пиратских песен произведений авторских (продолжающих существовать в неизменном виде и атрибутируемых носителями как авторские). Не случаен взлет популярности песни П.Когана и Г.Лепского «Бригантина» (1937), а также массы созданных бардами пиратских песен: «В ночь перед бурею на мачте...» Б.Окуджавы, «Пират, забудь о стороне родной...» А.Городницкого.

Особенность циклов этой группы состоит в том, что изображаемый в песнях мир изначально осознается носителями как условный, художественный. Очевидно, что он даже фиктивно не соотносится ни с какими реалиями действительности. Это или мир сам по себе заведомо искусственный, подобный миру нереалистических литературных произведений, или же мир самих литературных произведений.

В первом случае речь идет преимущественно о циклах аллегорических произведений, например, о «детском цикле» и цикле «о животных». В этих циклах явная невозможность буквального, реалистического восприятия определяет отношение носителя к изображаемому миру как к художественному. Во втором случае имеется в виду прежде всего известный «Литературный цикл», общей особенностью песен которого является пародирование мира известного литературного произведения. Пафос такой песни обычно состоит в контрасте между обычным, «правильным» представлением о мире литературного произведения и предлагаемой в песне пародийной «живой моделью» этого мира.

К группе песенных циклов, мир которых является миром художественным, можно отнести и песни квазиисторической (историко-культурной) тематики, представляющие собой литературные пародии. Преувеличенный характер пародийной трансформации реального мира, например в таких песнях, как «Случай в Ватикане» («Этот случай был в городе Риме...»), «Граф Фредерик и Петрова», позволяет носителям безошибочно определить, что перед ними пародия не на отношения некоего реального или квазиреального мира, а на определенный тип художественного изображения: взятые в качестве примера песни являются пародиями на жестокий романс.

Песни литературного цикла

Песни литературного цикла возникли в русле студенческой традиции, но получили самое широкое распространение. Практически все они — это ироничные, пародийные, иногда сатирические песенные переложения наиболее намозоливших глаза литературных сюжетов. Конечно, максимальной популярностью они по-прежнему пользуются среди студентов, но такие песни, как «Венецианский мавр Отелло», «Ходит Гамлет с пистолетом», «В имении, в Ясной Поляне»[26], известны далеко за пределами студенческой среды. Следует также отметить, что эти песни — пародия не на произведение или творческую манеру автора, а на их устоявшиеся трактовки, т. е. пародия на восприятие произведения, автора и т. п.

Цикл «о животных»

В ряде песен, в основном любовно-бытовой тематики, в качестве действующих лиц выступают животные. Обращение к миру животных в этих песнях продолжает литературную басенную традицию. Наиболее известны из них «Киса-мурочка», «Кузнечик маленький, коленками назад», «Шла корова на свиданье», «Жили-были два пингвина», «Вот стоит крокодил и плачет». На песни этого цик-

ла, видимо, также повлияла традиция использования героев-животных в мультфильмах. Антропоморфные образы животных в этих песнях, как правило, не являются узаконенными традицией аллегориями: черты характера и функции каждого из них выявляются лишь в контексте песни.

Детский цикл

Аналогично переводу действия в басенный мир животных перенесение действия в мир детей характерно для таких песен, как: «Когда мне было ровно пять», «Однажды нас водили по садику гулять», «Ежики», «Уа», «Ленинградский трамвай». Содержанием этих песен в основном является условно детская призма взрослых отношений. Несмотря на кажущуюся соотнесенность с реальностью, мир песен детского цикла ни в коей мере не отождествляется носителями-детьми с их собственной средой, что лишь подчеркивает условность, «художественность» мира этих песен. Как и в двух предыдущих циклах, предмет изображения детских песен — не отношения внутри квазимира, а квазиотношения внутри некоего мира, возможно и имеющего свой прототип в реальности.

Реальный мир. Окружающая действительность

Во всех рассмотренных выше песенных циклах речь шла о каком-то особом, специфическом, так или иначе отграниченном мире. Мир песенных циклов данной группы — мир «нормальный», общий, «просто мир», точнее не сам мир, а расхожие представления о различных сферах жизни, окружающей (или окружавшей в 1950–1980-е годы) любого носителя. Основной особенностью реализации этих тем в рассматриваемый период стала максимальная распространенность *комических* и *пародийных* произведений. Мир песен этих циклов — пародия на стереотипы, связанные с окружающей действительностью, реальным бытом эпохи. В активном устном репертуаре, разумеется, были представлены песни со всеми возможными видами подхода к действительности, однако именно смеховой аспект представлен преимущественно фольклорными произведениями.

Любовно-семейный цикл. О женитьбе и жене

В целом ряде песен в юмористическом или сатирическом аспекте рассматриваются различные семейные и прочие «любовно-социальные» ситуации. Это различные по структуре песни о неудачных (приведших к комическому положению) знакомстве, флирте, женитьбе и, наконец, жене: «Холостою жизнью я извелся», «Задумал я, братишечки, жениться», «Когда я в первый раз женился» и др. Разработка этих старых как мир тем и сюжетов, трактовка образов и ситуаций в современном городском песенном фольклоре довольно традиционны и соотносятся как с русской литературной и фольклорной традициями, так и с традициями европейской литературы (особенно с новеллистической традицией эпохи Возрождения). В современном фольклоре параллелью к этим песням может служить изображение любовных и семейных отношений в анекдоте. Сюжеты не отличаются оригинальностью и разнообразием и нередко перекочевывают из песни в песню.

«Военно-политический» цикл

В 1950–1990-е годы появляются и новые темы, не существовавшие до того в песенном фольклоре. Одна из оригинальных новых тематических групп — песни *шпионские* и *военно-политические*. Естественно, что в условиях холодной войны и противостояния двух супердержав основные герои этих песен — «наши» и американцы. Военно-политический цикл гиперболизирует или откровенно пародирует «курс партии и правительства», надоевшую оборонительность и обороноспособность, но так или иначе «наши», как и в большинстве советских произведений искусства, всегда побеждают. Апогеем этой идеи вечной победы является песня «Наш старший лейтенант Иванов» («Танки, в Париже танки»), в которой «мы», под командой все повышающегося в звании Иванова, последовательно покоряем Берлин, Париж, Лондон, Кабул, Нью-Йорк, Пекин, Марс и, наконец, всю галактику, оставляя танки даже на Солнце.

Уникальным случаем явного несовпадения взглядов народа и курса партии являются песни, посвященные шестидневной «иудейской» войне: «Отец сидит в кассе банка» и «Над Синаем тучи ходят криво». Хотя здесь не присутствуют собственно «наши», но из двух противоборствующих сторон симпатии явно не на стороне арабов.

Шпионские песни

Не везет и американскому шпиону: его миссия остается вечно невыполненной, поскольку «специальные товарищи / все разузнали про него». Здесь уместно вспомнить такие песни, как «Сэр Антонио», «Сан-Луи — Лубянка», «Стою я раз на стрёме» и «В эпоху войн, в эпоху кризисов».

Песни о «советской действительности»

Не обойдены вниманием народного творчества и темы мирной «советской действительности». Они также представлены в многочисленных, но в настоящее время уже вымирающих, юмористических и сатирических песнях. В зависимости от времени возникновения песни и конкретной темы наблюдаются некоторые различия. Так, в «эпоху физиков» широкое распространение получили юмористические, в большинстве своем «положительные» песни о научно-техническом прогрессе: «Советские ученые внесли в науку вклад...», «Электричество» («Придет желанный час...»). В то же самое время наряду с великими открытиями «пропеваются» и самые будничные, бытовые реалии: «Как у нас, как у нас развалился унитаз».

Песенные циклы с общими мотивно-тематическими структурами

Как уже отмечалось, в реальном бытовании объединение песен по мотивно-тематической общности менее характерно для песенного фольклора 1950–1990-х. Сразу же следует оговориться, что определение «циклы» здесь не всегда приме-

нимо, поскольку речь идет о романсе (бытовом), жестоком романсе, современной анакреонтике и некоторых других подобных группах. Практически все они являются наследием литературной песенной поэзии, а также городского фольклора предшествующих периодов. По сути, они являются аналогами литературных жанров или же продолжением существовавших ранее жанров фольклорных (в свою очередь, также литературных по происхождению и находящихся, кстати, в рассматриваемый период в состоянии спада).

К этому же разделу можно отнести и более дробные группы. Имеется в виду, например, циклизация песен на основе главного мотива, основной завязки сюжета: песни «про убийство», «про несчастную любовь» — группы, подобные тем, которые выделяются Н.М.Герасимовой и С.Б.Адоньевой для жестокого романса. Вряд ли такие группы существуют реально и являются функциональной единицей современного песенного фольклорного репертуара (у Герасимовой и Адоньевой это скорее исследовательская абстракция), но их выделение теоретически возможно.

Романс

Жанровая природа романса во многом еще остается загадкой и предметом дискуссий. Тем не менее, обобщая существующие мнения, можно сказать, что дифференциальные признаки романса сводятся, по сути, к тематике, особой стилистике (во многом обусловленной тематикой) и музыкальным особенностям, в том числе особенностям исполнения. Ведущим из них, центральным признаком для фольклорного жанра романса, является признак тематический. М.С.Петровский, соглашаясь с мнением Б.В.Асафьева[27], что именно в общности тематики следует искать ключ к пониманию романса, делает принципиальное наблюдение: «Какие же из “больших тем лирики” разрабатывает романс <...>? Оказывается, у романса нет “тем”, у него есть только одна тема: любовь. Социально-психологическая и эстетическая функция романса — *быть песней о любви.* Все остальные — жизнь и смерть, вечность и время, судьба, вера и неверие — только в той мере, в какой они связаны с этой главной и, кажется, единственной темой»[28]. Можно поспорить о справедливости этого утверждения в отношении жестокого романса, но, что касается обычного фольклорного жанра «романс», утверждение автора близко к истине, по крайней мере, по количественному признаку: романсов о любви гораздо больше, чем всех прочих.

Романс как жанр фольклорный находится в настоящее время в стадии угасания, если не исчезновения. Он теряет свою фольклорность: прогрессирует пассивный тип восприятия романсов, все большее воздействие начинают оказывать профессиональные исполнения, появление авторитетных исполнений и печатных изданий отрицательно сказывается на вариативности (как внешней, так и внутренней), практически нет новых произведений в жанре «классического» бытового романса (о произведениях, входящих в устный репертуар как авторских, речь не идет), все чаще в печатных и рукописных песенниках появляются имена авторов (неважно, настоящих или мнимых), в случае отсутствия автора тексты стремятся к атрибуции по авторитетному исполнителю, в самых крайних случаях атрибутивную функцию начинает выполнять обозначение «старинный романс».

В массовом активном репертуаре сохраняется около двух десятков романсов, но все они воспроизводятся с известных образцов без варьирования текстов. Кроме того, в составе самодельных песенников романсы редко встречаются поодиночке: если уж составитель (обычно девушка) испытывает интерес к этому жанру, то в песеннике мы найдем весь стандартный пакет в 10–15 романсов плюс несколько редких (причем песенник на этом, как правило, и заканчивается).

Любопытно, что, помимо общеизвестных романсовых «хитов», сохраняется в основном периферия жанра, произведения не вполне характерные, не вполне типичные для романса. Сохраняется отчасти и цыганский романс (во многом за счет своей экзотичности), но и он по своим музыкальным и стилистическим характеристикам все более становится не романсом, а просто песней «под цыганщину».

Жестокий романс

Жестокий романс представляет собой настолько обособленную разновидность фольклорного романса, что рассматривать его целесообразнее как отдельное образование. Основным содержанием жестокого романса является повествование о предельно острых чувствах, эмоциях, страстях. Максимальное нагнетание этих страстей и в сюжетной, и в несюжетной форме — универсальный принцип построения всех жестоких романсов.

В послевоенный период этот жанр во взрослой городской среде также сдает свои позиции. Некоторые песни уходят в прошлое, некоторые, обладающие соответствующей атрибутикой, «растаскиваются» по декорационным циклам, некоторые продолжают бытовать, воспринимаясь с явным элементом иронии, как «прикол» (особенно в среде интеллигенции), некоторые — особенно жестокие - становятся практически пародиями на самое себя и бытуют в той же интеллигентской среде вкупе с собственно пародиями на жанр.

Современная анакреонтика

Анакреонтику в современном песенном фольклоре можно разделить на две сильно различающиеся группы: анакреонтику классическую и «современную». К первой группе относятся почти исключительно песни, связанные со студенческой традицией. Связь эта настолько прочна, что нередко среди носителей любые анакреонтические песни сразу же квалифицируются как студенческие. Это и классические произведения из старого студенческого фольклора, продолжающие активно бытовать в настоящее время, и новые песни, мало что добавляющие к классическому набору и трактовке анакреонтических мотивов.

То, что очень условно можно назвать собственно «современной» анакреонтикой, по сути дела, представляет собой гипертрофированную разработку темы вина и винопития, которая медленно, но верно превращается в тему пьянства. Вместо вина как источника наслаждения появляется вино как самоцель, как некий культ, лишь косвенно связанный с наслаждением, да и то далеко не всегда. В студенческой и экспедиционной среде (как минимум!) «анакреонтизм» подобных песен накладывается на существующий стереотип «удали в винопитии», которая нередко является нормой поведения и частью образа «идеального», а точ-

нее, «классического» студента или экспедиционщика. Причем вовсе не обязательно, чтобы эта удаль присутствовала в песне во всем своем привлекательном виде — вполне достаточно картины (в том числе и пародийной) тотального, самоценного и самоцельного пьянства.

Специфические формальные жанры

Куплеты

Переход новейшего песенного фольклора на литературную систему стихосложения и строгую куплетную форму породил новый вид структурной организации текста, новый формальный жанр — куплеты. Наиболее известной формой куплетов является частушка, но в современном городском фольклоре она — не единственный представитель жанра. К тому же столь популярная в первой половине века в настоящее время классическая частушка в городской среде практически исчезла из устного песенного репертуара.

Основные отличительные характеристики куплетов — наличие постоянного или минимально варьирующегося шаблона формы (ритмического, мелодического, композиционного и т. д.), полная или относительная смысловая законченность каждой строфы, возможность отсутствия смысловой, логической связи между строфами. Факультативными характеристиками являются принципиальная незаконченность, вернее, незаканчиваемость куплетного ряда, а также простота мелодии.

Встает вопрос, что в этом жанре считать текстом: одну строфу или все неограниченное число возможных строф, созданных в соответствии с конкретным шаблоном? Поскольку ни один фрагмент куплетного ряда не существует вне, как минимум, потенциальной связи с другими, то как текст следовало бы рассматривать всю их совокупность. Однако правильнее в этой связи рассматривать совокупность строф, не просто созданных с соблюдением шаблона, но и обладающих, при отсутствии квазисюжета, общей тематической отнесенностью. Уникальность жанра куплетов состоит в том, что произведение в нем оказывается равно тематическому циклу. Исключение здесь составляют лишь куплеты, механизм соединения которых уже заложен в шаблоне. В шаблон куплетных циклов, помимо ритмико-мелодической структуры, могут входить композиционное сходство, единая стилистика, аналогичность синтаксических конструкций или обязательное использование специфического круга лексики.

Характеризуя жанр куплетов, нельзя не отметить, что в настоящее время большая часть его представителей — куплеты нецензурные, в лучшем случае — «пикантные».

Песни-переделки

Я.И.Гудошников выделяет около десяти видов переделок, разделяя их по трем типам[29]. Вкратце предложенную им классификацию можно изложить в следующем виде.

1. Переделки без качественного изменения смысла и внесения нового в характеристику образа:
   - народная редакция (сокращение текста, изменения отдельных деталей, фраз);
   - песни-дополнения (развивают мысль песни-оригинала, стремятся подчеркнуть ее);
   - продолжения (не меняя характеристики героя, продолжают его биографию);
   - народный вариант (сохраняется ситуация оригинала, основные черты образа, но в другой форме);
   - песни-модернизации (замена обстановки, дат, имен без изменения главного образа.
2. Произведения с заново сочиненными текстами, измененные соотношения образов, героев песни-оригинала:
   - ответы (центр внимания переключается на второй образ лирической песни, который становится основным);
   - песни о песнях (в качестве центрального образа — песня-оригинал).
3. Песни, в которых появляются абсолютно новые образы персонажей, никак не связанные с героями песни-оригинала или же явно противопоставленные им по характеру. Песни, созданные в результате отталкивания от популярных песен, их мотивов, образов:
   - песни на мотив (могут быть не связаны с оригиналом ничем кроме ритмики и мелодии);
   - пародии (направленные не против песни-оригинала, а использующие ее для пародирования жизненных реалий).

Данную классификацию можно принять за отправную точку рассуждений. Главной причиной, по которой она не может быть принята, является тот факт, что Гудошников, по сути дела, говорит не о переделках как таковых, а вообще об изменениях текстов литературных песен в народной среде, называя переделками всё то, что обусловлено «сознательным стремлением к изменению отдельных деталей песни-оригинала»[30]. Критерий сознательности, однако, не представляется удовлетворительным для выделения переделок как некоей общности. При анализе причин появления значительного числа вариантов можно с равными основаниями предполагать и бессознательный, и сознательный сценарии (сознательное стремление сочинить новый фрагмент текста может быть вызвано, например, забвением первоначального, а где гарантия, что новый вариант не окажется с какой-то точки зрения лучше?).

К тому же, рассматривая проблему песен-переделок почти исключительно на материале фольклора Великой Отечественной войны, Гудошников учитывает лишь виды переделок, характерные для этого фольклорного пласта. В соответствии с задачей данной конкретной статьи, автор рассматривает как материал для переделок лишь литературные песни, в то время как переделываются и фольклорные.

И, наконец, видимо, вследствие временной и генетической ограниченности материала, создающей искусственную его однородность, песни-переделки у Гу-

дошникова рассматриваются почти как некое жанровое образование, с чем ни в коей мере нельзя согласиться.

Переделывание, переделка — это прежде всего *метод создания текста*, создания одного текста на базе другого путем последовательного трансформирования оригинала. Из этого определения можно вычленить два основных признака, отличающих переделку: наличие механизма транс-формации, пере-делки, т. е. замены одних элементов оригинала при сохранении других в объеме, достаточном для узнаваемого соотнесения с оригиналом; и появление в результате этой трансформации другого, нового, текста. Поскольку же «новость» текста не является основанием для его отнесения к какой-либо группе, можно констатировать, что переделки, в том числе и песни-переделки — это специфическая структурная группа, особый класс произведений, выделяемый прежде всего на основе общих признаков генезиса-построения.

Важно отличать собственно переделки от фольклорных вариантов, вариаций, подтекстовок, а также первичных произведений с высокой интертекстуальностью.

В отличие от фольклорных вариантов, переделка — это всегда новый текст, не просто отличающийся от оригинала, а непременно в чем-то *противопоставленный* ему[31]. Именно по этой причине переделки столь часто бывают пародиями, точнее пародии имеют форму переделок.

Как правило, не являются переделками в строгом понимании и *подтекстовки* (у Гудошникова — «песни на мотив») — произведения, использующие исключительно мелодию и обусловленную ею ритмику. Подобные произведения известны в русской традиции литературных песен еще с XVIII в. (тогда они назывались «песни на голос») и считались произведениями вполне оригинальными, что не лишено логики. В подтекстовках отсутствует самый механизм переделывания — сохраненные мелодия, ритм, стихотворный размер выполняют в них чаще всего функцию трафарета, шаблона, а не основы трансформации.

Не следует также смешивать с переделками и песни, так или иначе ориентированные на другие произведения (в том числе и песни) на уровне интертекстуальных связей (у Гудошникова — «ответы», «песни о песнях»): цитаты, аллюзии, пусть даже и составляющие значительную часть текста, не являются признаком переделки. Крайним случаем песни с интертекстуальными связями является *вариация* (у Гудошникова — «народный вариант»). В вариации в качестве претекста выступает одна песня, реже — несколько, как правило, подобных друг другу песен.

Исходя из сказанного, очевидно, что классификацию песен-переделок можно создать лишь на основе формальных критериев, в первую очередь, сохранности — измененности различных уровней текста. Так, в качестве возможных групп можно назвать:

1. песни-переделки, в которых заменены лишь имена собственные, цифры, основные реалии (т. е. несюжетообразующие элементы; у Гудошникова — «модернизации»);
2. песни-переделки с трансформированным сюжетом (лирической ситуацией);
3. песни-переделки с новым сюжетом (лирической ситуацией) и связанные с оригиналом лишь незначительным количеством неизменных элементов

(обычно — одна или несколько узнаваемых фраз, аналогичные синтаксические конструкции);

4. некоторые виды подтекстовок (например, при наличии сильнейшей связи текста и мелодии в песне-оригинале).

Песни-попурри

Песни-попурри — общее название целого ряда специфических песен, поющихся на «не-свой» мотив, куплетов, созданных на базе разных песен (первая строка, куплет, из одной, вторая из другой и т.п). Специфика этих песен состоит в том, что тексты оригиналов, взятых для создания попурри, как правило, не подвергаются изменениям, мелодия же сама по себе не относится к средствам вербального фольклора. Однако если рассматривать слова и мелодию вместе как единый текст песенного произведения, то налицо комическая трансформация этого текста по методу сталкивания разнородных элементов. И поскольку в процессе функционирования мелодия «впитывает» семантику текста как в ее общих чертах (настроение, тон, аспект), так и в частностях (определенная музыкальная фраза связывается или ассоциируется с определенным содержанием), то при исполнении другого текста на эту мелодию семантика текста-оригинала накладывается на вторичный текст. Видов наложения песенного текста на «неродную» мелодию может быть несколько.

1. На уровне всего текста (исполнение песни целиком на другой мотив):
   – стихотворение исполняется на мотив песни, текст которой кардинально отличается от него, что способствует возникновению комического эффекта;
   – при исполнении «на голос» без комического эффекта семантика накладывается в меньшем объеме.
2. На уровне строф:
   – строфы из текстов с одинаковым размером, исполняющиеся на один мотив;
   – куплеты из разных песен с сохранением мотивов. В подобных песнях другой характер комического столкновения — линейный, на стыке строф, а не фоновый;
   – чередование куплетов оригинала с куплетами других песен. В этом случае комизм возникает также на стыке.
3. На уровне стихов (чередование по одному стиху):
   – двух текстов;
   – большего количества текстов.

До сих пор речь шла только о случаях, где сами тексты не подвергались никаким изменениям — их соединение было чисто механическим. Переходные случаи, когда текст по различным причинам изменен, более частотны и могут быть классифицированы следующим образом:

1. Тексты с изменением слов для:
   – осуществления большей синтаксической слитности;
   – дополнительного сигнализирования измененности текста (его нетождественности исходному).

2. Песни, включающие в себя соединяющий текст.
3. Песни, построенные на цитировании:
– основная часть песни — оригинальный текст, выполняющий функцию соединения, ведущий от цитаты к цитате;
– цитаты используются в качестве рефрена или другого обособленного элемента структуры (вплоть до внетекстового).

Некоторые формальные особенности

Песни, построенные на обыгрывании нецензурной лексики и пикантных тем

Само по себе использование той или иной лексики, на первый взгляд, не может являться специфической особенностью формальной организации текста. Тем не менее особое положение нецензурной лексики, существование механизма табуирования и более или менее легальных методов его преодоления, а также значительная коммуникативная автономность, изолированность словесных произведений, использующих эту лексику, создали ряд произведений, в которых содержательная сторона занимает подчиненное положение, а пафос песни состоит лишь в искусном оперировании довольно ограниченным набором слов. Игра слов, являющаяся самоцелью, — вот основной отличительный признак этих песен. Существуют два типа игры нецензурными словами: нагнетание, максимальное увеличение количества этих слов «на квадратный сантиметр текста» и намек на них без непосредственного использования. Последние нередко используют механизм эвфемизации и могут быть обозначены как «нецензурно-эвфемистические» песни[32].

Разновидностью «нецензурно-эвфемистических» песен являются тексты, в которых непосредственное и однозначное соотнесение происходит не с тем или иным нецензурным словом, а с пикантной деталью, которая может быть названа, в том числе, и подобным словом. Задача использования слов безотносительно их содержания определила выбор наиболее подходящего формального жанра: многие нецензурные песни и большинство нецензурно-эвфемистических имеют форму куплетов.

Кумулятивные тексты

Значимым фактом частичной преемственности традиций классического и современного фольклора является наличие в последнем песен кумулятивного характера. Интересно, что носители осознают особость этих песен, что проявляется частым их исполнением «всей обоймой», хотя, возможно, это объясняется и особостью ситуации, необходимой для исполнения какой-либо из этих песен.

Песни с маргинальными репликами

Среди произведений современного песенного фольклора есть несколько песен, обязательным компонентом которых являются не входившие, видимо, в прототекст реплики, произносимые или пропеваемые «хором» в паузах между строч-

ками песни. Самая известная и старая из них — «Новобранцы» («С деревьев листья опадали...»), довольно популярна, особенно в подростковой среде, фольклоризованная песня «Разноцветная Москва» В.Качана на стихи Л.Филатова.

Культура альбомов и песенников, хранители песен

Песни, несмотря на возможность письменной фиксации и наличие песенников, передаются почти исключительно устным путем. Наиболее характерный способ передачи — услышал–списал текст–выучил, реже — выучил в процессе многократного исполнения совместно с знающим человеком. Именно возможность записи песен ускоряет их распространение и определяет их многообразную мелодическую вариативность.

В любом поющем коллективе особое место занимает тот, кто знает песни. Знаток песен вовсе не обязательно главный певец (он может вообще обладать крайне сомнительным слухом), но обязательно это должен быть человек, обладающий неплохой памятью или не поленившийся составить песенник. Во многих кругах существует еще один полумифический персонаж — хранитель песен, знаток с многолетним стажем. Часто хранители располагают огромными коллекциями песен. Многотомные тетради их собрания могут быть даже оформлены и снабжены справочным аппаратом не хуже, чем специально подготовленные издания. Более редки хранители, держащие песни в голове. Функция такого человека — всегда знать текст или, как минимум, помнить, когда и где он слышал эту песню.

Приведем типы песенников.

Аналог издания. Такой сборник уже является некоторым обобщением, чаще всего он имеет какой-либо принцип построения — по авторам, тематике или функционированию (песни, услышанные или бытующие где-либо). В таких сборниках есть номера страниц, содержание, титульный лист, имитирующий печатное издание (с годом и местом создания сборника), иногда — предисловие, в исключительных случаях справочная информация (словарь персонажей локальных песен, комментарии по истории песни, сведения о вариантах). В любом таком сборнике сделана попытка установления авторства текстов, при этом имя автора может вписываться позднее, после консультации со знатоками. Вовсе не обязательно, что фамилия автора что-нибудь говорит составителю сборника, вовсе не обязательно, что это действительно фамилия автора песни. Составителю такого сборника это не важно, важно прежде всего его наличие. К этому типу относятся и ресторанные песенники.

Песенник-альбом тесно связан с собственно альбомной традицией и иногда скорее представляет собой образец особого письменного жанра. Важную роль в таком песеннике играет оформление — чаще всего набор самых примитивных элементов оформления девичьего альбома. В такой альбомного типа песенник попадали далеко не всегда те песни, которые реально исполнялись и далеко не всегда они были предназначены для воспроизведения/исполнения. Многие составители таких песенников вообще не поют. Песенник имеет некоторую само-

ценность — он не полностью функционален. Это своего рода фетишизм в собирании текстов — бессистемное коллекционирование. Именно такой тип фиксации и распространения (унаследованный от альбомов) повлиял на развитие техники списывания текстов понравившихся песен в 1960-е, что, кроме всего прочего, отразилось и на распространении авторских песен студенческого фольклора из традиции капустников. Если в таком сборнике есть содержание, то оно выполняет функцию каталога, обзора коллекции, оно не служит для быстрого нахождения любимых и нужных текстов, а лишь показывает, как много всего есть в этом собрании.

Песенник-памятка. Причина составления такого песенника — необходимость иметь под рукой и не забыть тексты. Не всегда его можно назвать песенником. Очень часто это ворох разрозненных листов весьма затрепанного вида. Обычно же — тетрадь с вложенными листами, написанными другой рукой (часто собрано по друзьям или в то время, когда тетрадь была недоступна). Такой сборник ориентирован на активное использование и если в нем есть содержание, оно прежде всего рассчитано на использование и подчинено задаче «Как найти?», а не «Что здесь есть?». Одна из возможных побочных функций такого песенника — напомнить, чтó еще хорошего можно спеть. Иногда весь песенник может быть с успехом заменен содержанием.

Примечания

[1] Исключение составляет традиция переписывания песен, существующая в девичьей, армейской среде, а также в детских колониях. Но это переписывание есть часть альбомной традиции и носит сугубо механический характер, т. е. не предполагает последующего исполнения, следовательно, не может быть квалифицировано как полноправный вид бытования.

[2] *Гусев В.Е.* О критериях фольклорности современного народного творчества // Современный русский фольклор. М., 1966. С. 17.

[3] В качестве если не итога, то, по крайней мере, резюме этой полемики можно назвать статью Е.В.Киреевой «Песня и романс (к обозначению жанров)» (Фольклор народов РСФСР: Межвуз. науч. сб. Вып. 12. Уфа, 1985. С. 61–65).

[4] Подробно специфика жанра куплетов будет рассмотрена в разделе, посвященном особенностям формальной организации текстов современного песенного фольклора.

[5] Именно тематику рассматривает в качестве основного критерия выделения романса М.С.Петровский в статье «Скромное обаяние кича, или Что есть русский романс» (Русский романс на рубеже веков. Киев, 1997. С. 3–62).

[6] Термином «романс — всякая ненародная песня», существовавшим с начала XIX в., следует пренебречь, поскольку он с успехом заменяется термином «литературная песня».

[7] Под цепочным понимается тип распространения от исполнителя к слушателю — потенциальному исполнителю.

[8] Можно вспомнить, например, историю исполнения Утесовым песни «С одесского кичмана» по просьбе Сталина («Все хорошо, прекрасная маркиза!» Песни Утесова. СПб., 1996. С. 248–249).

[9] *Алексеев Э.Е.*Фольклор в контексте современной культуры. М., 1988. С. 61.

[10] Как справедливо отмечала Н.С.Полищук: «Современный устный репертуар — это довольно сложный конгломерат различных жанров, возникших в разной среде и в разное время, произведений традиционных и новых, фольклорных и нефольклорных» (*Полищук Н.С.* Формирование песенного репертуара у русских в советский период // Традиции и современность в фольклоре. М., 1988. С. 73). Городской песенный репертуар 1950–1990-х — это конгломерат произведений индивидуального творчества, фольклоризованных песен разных типов и собственно фольклора. Хотя правомерно ли вообще говорить о разделении «фольклоризованных» и «фольклорных» песен, когда практически все тексты современной фольклорной песенной традиции имели конкретный прототекст, принадлежавший конкретным авторам и впоследствии фольклоризованный?

[11] Так, из студенческих локальных песен вышли песни многих бардов.

[12] Подобным образом появились такие широко известные студенческие песни, как «Раскинулось поле по модулю 5» и «Дубинушка».

[13] Цитата из песни «Тилибомчик», записанной в 1996 г. на базе Мирмекий (Керчь).

[14] Один из носителей описал разницу между блатными и лагерными песнями как разницу между детективом или приключенческим романом из жизни криминального мира и русской «лагерной» прозой.

[15] Песни «Артека»: Песенник / Сост. В.Н.Землянский. Киев. 1991.

[16] «Как на Дерибасовской...» (Песни дворов и улиц). СПб., 1996. С. 52.

[17] «Споем, жиган...». Антология блатной песни. СПб., 1996. С. 209.

[18] «Споем, жиган...» (с. 202) и «Как на Дерибасовской» (с. 49) соответственно. Сильно отличающийся вариант, в котором также фигурирует Ванюша, см.: Современная баллада и жестокий романс / Сост. С.Б.Адоньева, Н.М.Герасимова. СПб., 1996. С. 256.

[19] «Споем, жиган...»... С. 341–346.

[20] Там же. С. 341.

[21] В нашу гавань заходили корабли: Песни / Сост. Э.Н.Успенский, Э.Н.Филина. М., 1995. С. 199.

[22] Уличные песни / Сост. А.Добряков. М., 1997. С. 218.

[23] «В нашу гавань заходили корабли»... С. 204.

[24] В качестве автора прототекста этих двух песен в сборниках иногда называют Б.Гордона.

[25] Песня принадлежит В.Туриянскому, но включена в сборник «В нашу гавань заходили корабли» (с. 199) как анонимная.

[26] Авторы прототекстов всех трех песен — С.П.Кристи, А.П.Охрименко и В.Ф.Шрейберг.

[27] Русский романс. Опыт интонационного анализа // Сб. статей под ред. Б.В.Асафьева. М.; Л., 1930. С. 5. Цит. по: *Петровский М.С.* Скромное обаяние кича, или Что есть русский романс // Русский романс на рубеже веков. Киев, 1997.

[28] *Петровский М.С.* Скромное обаяние кича... С. 19.

[29] *Гудошников Я.И.* Виды и типы переделок литературных песен в советском фольклоре // Русский фольклор. Т. IX. М.; Л., 1964.

[30] Там же. С. 116.

[31] По этой причине нельзя отнести к переделкам в узком понимании то, что Гудошников называет «народная редакция», «песни-дополнения», «продолжения».

[32] М.Л.Лурье называет последний тип «обманками» (*Лурье М.Л.* Стихотворные «обманки» // Русский школьный фольклор: От «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов / Сост. А.Ф.Белоусов. М., 1998. С. 530–533).

И.С.Веселова
(Санкт-Петербург)

Прагматика устного рассказа

Устный рассказ во всем разнообразии своих проявлений — случаи, смешные истории, семейные предания, байки о знакомых, рассказы о необъяснимых происшествиях, пересказы и толкования снов, чудеса, слухи, толки и даже сплетни — составляет существенную часть речевой повседневности современного горожанина. Проживая жизнь по усвоенным культурным сценариям, мы, рассказывая, оформляем ее в сюжет.

В отличие от литературы, музыки, сложных фольклорных эпических и лирических форм, требующих природных способностей и специальных навыков, умение рассказывать в разной степени доступно всем. Не будучи отчетливо выделен из потока речи интонационно, мелодически (как песня) или специфическими формулами и поэтикой (как сказка), устный рассказ в большей степени, чем другие жанры фольклора, принадлежит языку повседневного общения. В частности, по этой причине несказочная проза служила до некоторой поры лишь материалом для изучения народных верований и представлений и вошла в сферу специального фольклористического интереса [Чистов 1964; Померанцева 1975; Зиновьев 1987; Криничная 1987] значительно позднее своего «антагониста» — сказки. Так же недавно фольклористы заинтересовались городом и его словесностью. XIX век не оставил нам исследований о городском фольклоре, хотя бытописатели и мемуаристы фиксировали некоторые городские тексты — слухи, пророчества, чудеса, легенды и предания [Пыляев 1889; Пыляев 1891; Гиляровский 1926; Московская старина 1989; Прыжов 1996].

В 1910–1920-х годах Петербург первым находит своих достойных исследователей в лице петербургской школы краеведения, основоположником которой был И.М.Гревс[1]. Одним из его учеников был Н.П.Анциферов, автор книг «Быль и миф Петербурга» (в этой книге сюжеты русской литературы связываются с городскими легендами и слухами), «Пути изучения города как социального организма» (здесь «психология» города изучается наряду с его «анатомией и физиологией») [Анциферов 1924; Анциферов 1925]. В 1927 г. была опубликована статья одесского исследователя В.В.Стратена «Творчество городской улицы». В ней он

признает, что «в городе не с сегодняшнего и не со вчерашнего дня существовало своеобразное "народное", т. е. устное, творчество» [Стратен 1927: 144]. Кроме уже известных к тому времени частушек и романсов, он называет такие жанры, как городские легенды, анекдоты, «толки» (про столкновение Земли с Марсом и про лютую стужу, которая заморозит все). В примечании Стратен добавляет, что слухи эти ходили зимой 1924 г. не только среди базарных торговок, но и в интеллигентской среде, где к слухам прибавляли квазинаучные объяснения. Образцом труда фольклориста на «городской ниве» можно считать изданную в 1928 г. небольшую книжечку Е.З.Баранова, который записал московские легенды в той среде, где они непосредственно бытовали, в живом разговоре, сопровождая записи непременными сведениями о рассказчиках [Баранов 1928]. Свой метод он описывал так: «Собирая в Москве, по таким модным местам, как трактиры и харчевни, произведения устного народного творчества, я, в силу необходимости, избегаю делать дословные записи их, так как, в противном случае, вокруг меня создалась бы атмосфера подозрительности и недоверия, и меня стали бы сторониться, как зачумленного» [Баранов 1928: 39]. К сожалению, столь дружный старт всестороннего исследования города (одновременно проводились работы искусствоведами, лингвистами) был сведен на нет в дальнейшем, и лишь в 80-е годы городской фольклор вышел из небытия [Купеческий бытовой портрет 1925; Иванов 1982].

В зарубежной (в частности, немецкоязычной) фольклористике первой половины века были сделаны существенные шаги по изучению фольклорных нарративов, в том числе и несказочных [Jolles 1929; von Sydov 1939]. После войны сложилось целое направление по изучению так называемой городской легенды (urban legend). Т.А.Новичкова характеризует традицию употребления этого термина следующим образом: «Существует ли жанр "городской", или "современной", легенды наряду с классической "местной", религиозной или этиологической? Одни полагают, что ни термин "легенда", ни название "городская" не отвечают содержанию бытующих устных рассказов (G.Bennet, B.Nicolaisen); другие пользуются разными терминами: "городская легенда", "городской суеверный рассказ", "современная легенда", "странствующая сказка", "современная городская легенда" (J.Brunvand); третьи, обобщая разные исследовательские позиции, предлагают описательное определение ("безавторское повествование, бытующее в нашем индустриализованном обществе как более или менее достоверный рассказ, передаваемый изустно с целью вызвать сенсацию, поразить и рассчитанный на серьезное восприятие: может быть также распространено средствами массовой информации — через радио, телевидение, прессу; при варьируемости деталей ядро рассказа остается неизменным" — U.Wolf-Knats); наконец, наиболее практичные издают сборник за сборником, включая в них популярные в США легенды» [Новичкова 1990: 133–134]. Оживленные теоретические споры ведутся на ежегодных конференциях Международного общества по изучению современной легенды (International Society for Contemporary Legend Research), по их результатам издаются сборники «Perspectives on Contemporary Legend», современному нарративу (преимущественно городскому) посвящаются тематические выпуски журнала «Fabula» [Fabula 1985; Fabula 1990].

Внимание авторов настоящего раздела привлекла несказочная городская проза, противопоставленная сказочной по доминирующей в ней информационной функции [Померанцева 1975: 75–81]. На практике основным маркером «несказочности» текстов служит установка на достоверность, т. е. ссылки внутри текста на реальность происшедшего события (указание времени, места, участников с разнообразными подробностями и прямое подтверждение достоверности). «Сказочную» прозу в современном фольклоре представляет анекдот, которому не свойственны притязания на «достоверность» (см. статью А.Ф.Белоусова в настоящей книге, с. 581–598).

Категория достоверности–недостоверности наиболее значима при назывании повествовательных жанров носителями традиции. Помощь в определении этих названий мне оказал «Русский ассоциативный словарь» [Русский ассоциативный словарь 1994–1996]. Для выявления слов-реакций авторы словаря провели анкетирование студентов (17–25 лет) первых трех курсов различных вузов по спискам слов-стимулов. Достаточно большое количество как стимулов, так и реакций относится к словам, связанным с говорением и общением. Реакции носителей языка акцентируют внимание на категории достоверное–недостоверное: стимулы **сплетня, слухи, байки, анекдот, сказки** неизменно ассоциируются с **брехней, враками**, в то время как стимулы **история, случай, сон, рассказ, новости, чудо** не вызывают таких реакций[2].

Тем не менее «информативность» (пусть и достоверная) не определяет основной сущности фольклорного текста. Фольклор «как информационный парадокс» не сообщает новое и сенсационное, а транслирует традиционное знание [Лотман 1992: 243–247]. Его задача состоит не в акте передачи информации, а в ее трактовке адресатом и понимании адресантом фольклорного «сообщения». Известный парадокс философии познания гласит: «Знание есть припоминание» (Платон, «Федр»). Понимание чего-либо, таким образом, может состояться только тогда, когда собеседник готов к восприятию текста, стыковка смыслов происходит при наличии «предмнения» и «предрассудка» (которые, в терминологии М.Хайдеггера и Х.-Г.Гадамера, суть плод причастности толкователя предшествующему культурно-историческому опыту, традиции).

Желая того или нет, отдавая себе в том отчет или совершенно неосознанно, мы моделируем свой жизненный сюжет по образцам, взятым из фонда традиции. Мы не самостоятельны в выборе события рассказа, поскольку ориентируемся на его «интересность» для собеседника. Мы оформляем в повествование личный опыт по готовым матрицам и при помощи набора «общих мест»: мотивов, структуры и т. д.

Как уже отмечалось, устный рассказ представляет собой трудноопределимую в речи субстанцию. В аморфной структуре устных сюжетных текстов, основанных на личном опыте (personal experience stories), американскому этнолингвисту В.Лабову удалось определить структурную общность из основных эпизодов: *резюме* (summary), *описание* окружающей обстановки или *расположение* (setting or orientation), *осложнение* (complication), *развязка* (resolution), *кода* (coda) и *оценка* (evaluation) [Labov, Waletzky 1967: 12–44]. Резюме служит «наживкой» в разговоре: если собеседники «клюнут» на предложенную тему, рассказ состоит-

ся. В расположении упоминаются место, время и участники события. Кода возвращает из времени рассказа к моменту рассказывания. Оценка выражается «прямым утверждением, лексическим усилением, приостановкой действия или повторением, символическим действием или суждением третьего лица» [Labov, Waletzky 1967: 38].

Для построения сюжета важны три из названных эпизодов: расположение, осложнение и развязка. Они составляют необходимый минимум для совершения события в тексте. Ю.М.Лотман определял событие как нарушение (осложнение и развязка) героем-действователем семантических границ текста. Границы задаются в бессюжетной части текста (расположении, по Лабову): «Бессюжетные тексты имеют отчетливо классификационный характер, они утверждают некоторый мир и его устройство, <...> незыблемость границ» [Лотман 1970: 286–287].

Материал И.А.Разумовой и И.В.Утехина в настоящей книге показывает, что наряду с сюжетными рассказами в современной городской культуре активно бытуют и бессюжетные формы: реминисценции целого текста, его автономно существующие элементы. И.А.Разумова отмечает, что «записать подробный рассказ об основании города сложно иначе, как от экскурсоводов, учителей и учащихся», в исполнении других категорий горожан «одни и те же мотивы и их сочетания <...> реализуются в кратких текстах, приближающихся к формуле, которые часто воспроизводятся и бытуют на массовом уровне...». Как в повседневных разговорах не изъясняются полными предложениями, а редуцируют общеизвестное (область пропозиционального знания) в целях экономии речевых средств, так и при обращении к повествовательным ресурсам горожанам нет необходимости воспроизводить сюжеты целиком. С одной стороны, сюжет помогает в усвоении, запоминании текста (поэтому сюжетные формы воспроизводят те, которые обучают, и те, которые учатся), с другой — он важен в момент актуализации события (например, во время семейного праздника). Существование бессюжетных текстов объясняется их скромной ролью «классификационных», обеспечивающих тылы традиции, подтверждающих существование границы.

Помимо вопроса о построении сюжета повествования, для фольклориста важна его повторяемость и стереотипность содержания. Поэтому в область фольклористических изысканий попадают не все рассказы современных горожан, а только имеющие традиционный сюжет или хотя бы отдельные традиционные мотивы. Профессиональный багаж фольклориста составляет, кроме известных указателей и кодексов, некоторый личный свод сюжетов и мотивов. Если попадается нетривиальный вариант, текст признается фольклорным по факту наличия в нем известных (или похожих на известные) персонажей или атрибутов. Именно эта схожесть бросается в глаза при чтении популярных газет, журналов и других средств mass media. Однако наличие демонологических, популярных исторических или «небесных» персонажей не всегда дает право называть текст фольклорным.

Любопытную ипостась повествовательного фольклора представляют собой «заметки» о необъяснимом в популярной прессе (см., например, газеты «Оракул», «Скандалы», «Третий глаз», «Тайная власть», «Новая страшная газета», «Клюк-

ва», «Петербург-экспресс», раздел «Темная комната» в «Комсомольской правде»). В отличие от устных рассказов, включенных в поток живой речи, газетные статьи имеют обозначенные начало и конец повествования. Это, например, визуальные знаки — кегль шрифта, заманчивая картинка, текст в рамке и т. д. Эти знаки предваряют само повествование, служат своего рода имитацией диалога с читателем. Взглянув на них, читатель вправе перелистнуть страницу, отложить чтение или, заинтересовавшись, продолжить поглощение информации.

Как и в устном несказочном фольклоре, газетный текст «о необъяснимом» имеет код достоверности. Помимо места и времени произошедшего события, указываются имена и фамилии свидетелей. Достоверность подтверждает мнение эксперта — тут обозначаются не только фамилия и имя, но и должность, место работы, все возможные и невозможные звания. Текст почти всегда сопровождается фотографией места происшествия, героя, персонажа или их атрибутов: «портрет» вампира или мутанта, снимок мистического места, оживающей скульптуры, могилы или загадочного предмета. Событие текста из сугубо словесного предстает зримым, входит в реальность, близкую читателю, приобретает правдоподобность. Газеты, не сильно дорожащие своей репутацией надежного источника информации, могут вступить с читателем в игру, позволив себе реплики в рамочках — «Сколько в этом правды?» или «Фотография или компьютерный монтаж?».

Важной составляющей таких статеек являются квазинаучные объяснения происшествия, которые, как и мнения экспертов, вписывают таинственное в картину мира современного человека. Квазинаучные истолкования — самый популярный и доступный современному человеку способ переживания столкновения двух миров в некоей «энергетически неблагоприятной» точке, что является сюжетом анализируемых рассказов. «Желтая» пресса продуктивно использует околонаучные представления о проявлениях отрицательной и положительной энергии в обыденном мире. Давая свой (компромиссный — не традиционный и не научный) способ истолкования информации, публикации «желтой» прессы чаще всего не предлагают модель поведения (обмен личным опытом, допустимый в непосредственном межличностном общении), а следовательно, исключают дидактическую функцию из целей повествования. Получение знания как сюжет и информация, как цель чтения в результате удвоения трансформируют текст в развлекательный по преимуществу, чему способствует и отсутствие дидактики. Таким образом, во многом похожие на традиционные былички современные газетные заметки «о необъяснимом» существенно отличаются от них функционально. В беседе эти публикации могут служить поводом для разговора «о необъяснимом» и вызывать у собеседников ассоциации со своими случаями из этой области.

Один и тот же текст в зависимости от контекста изложения и установок рассказчика может мигрировать из одного жанрового образования в другое (быть, например, историческим преданием или историческим анекдотом[3]). Имея в виду, что «риторический уровень организации текста есть структурная экспликация прагматики этого текста» [Адоньева 1998: 77], необходимо обратить внимание, кроме его сюжетных составляющих, и на риторические элементы структуры

текста. Особую значимость, с точки зрения прагматики фольклора, приобретают эпизоды кода и оценка: ведь именно в них рассказчик проговаривается о своих речевых намерениях.

Н.: Вот Вася у нас совсем мяса не ест, наверно, монахом будет.

...

Н:. А мы в Иерусалиме были с Леночкой, она такая, как Марфа, маленькая была. **И ничего ни у кого из чужих никогда не брала. Она такая миленькая была, и ей все на улице пытались что-нибудь дать. А она так встанет, глаза отведет и как будто не слышит. Это хорошо, когда ребенок ничего не берет, бережет свой душевный мир, а то люди разные бывают. Сколько грехов у человека может быть, а на вид самый обычный человек.** Вот и приехали в монастырь, где Елизавета Федоровна похоронена. А там монахини по детям скучают. Все собрались у нее, как хорошенькая. И одна монахиня дает ей мандарин. А у них там целая мандариновая роща растет, и они даже варенье из мандаринов варят. Я ей и говорю, она у нас ни у кого ничего не берет. А она говорит: «Ни у кого не берет, а у меня может быть возьмет». Я говорю: «Ну, если возьмет, значит, монахиней будет». И тут Леночка хватает мандарин, очищает его и быстро съедает. Ну, вот и не знаю (со смехом. — *И.В.*).

Выделенный фрагмент текста заключает в себе правило, на основе которого оцениваются события текста. Существование правила подтверждается его нарушением в таких обстоятельствах, в которых событие приобретает символическое значение. Оценка события реализуется не вербально, но парафонетически [Гаспаров 1978: 89] — в одобрительном смехе.

Для определения иллокутивной силы высказывания (его явных и скрытых целей) важны все «ошметки языка» [Падучева 1996: 224] (просодия, интонация, частицы, обращения, вводные слова). Обращение фиксирует позицию, которую рассказчик занял по отношению к слушателю, вводные слова устанавливают и поддерживают контакт с аудиторией в момент рассказывания, частицы и интонации вместе с другими формами (культурными, семантическими) выражают оценку говорящим своей истории.

Рассказывание историй происходит во время разговора, или налаженного «коммуникативного коридора» (термин С.Б.Адоньевой). Можно сказать, что рассказывание есть реализация разговора, его наиболее продуктивная форма, поскольку предполагает не только сообщение некоей нейтральной информации, но проговаривание своего «я», манифестацию своего жизненного credo. Этой манифестации предшествует тщательная подготовка и проверка собеседника, причем кроме вербальной практикуются другие принятые в культуре формы дешифровки адресата (о значении телесного кода, жаргона, костюма в субкультуре хиппи см., например, в статье Т.Б.Щепанской в настоящем издании, с. 34–85. На языке психологии эта ситуация описывается Э.Берном следующим образом: «Времяпрепровождения не только создают структуру времени и обеспечивают участникам взаимно приемлемые “поглаживания”, но и выполняют функцию социального отбора» [Берн 1992: 33].

Нормальным течением разговора и общения считается такое, при котором рассказ является высокой степенью открытости собеседников друг другу. «Недаром среди взрослых признаком инфантильности человека является его наив-

ная готовность все рассказывать» [Осорина 1999: 152]. Любопытным исключением из этого правила служит поведение взрослых людей в поезде дальнего следования: нарративное предъявление себя незнакомым людям при совместном пребывании там происходит тем стремительнее, чем более это пребывание скоротечно. В этом случае собственная открытость и интимность информации компенсируется пониманием, что собеседники не берут ответственности за текст, выполняя роль своеобразной ямки для выговаривания секрета. В других случаях обмен историями происходит на гораздо более протяженном отрезке времени. Интенсивность коммуникации, в частности обмена рассказами, между собеседниками то снижается, то усиливается. Японский «инженер человеческих душ» Юкио Мисима вскользь заметил, что «у мужа и жены, проживших вместе больше трех лет, все серьезные темы для разговоров исчерпаны» [Мисима 1993: 287], т. е. между мужем и женой как собеседниками внутренний ресурс тем для рассказов конечен (при индивидуальной варьируемости срока). Иногда «коммуникативный коридор» вообще закрывается, темы для рассказов и разговоров перестают быть интересными. Выявление обстоятельств «закрытия» коммуникативного коридора представляет собой любопытную задачу, решению которой можно посвятить отдельное исследование.

Возможность рассказывания (обмена рассказами между собеседниками) зависит в свою очередь от разных обстоятельств. Во-первых, это **продолжительность коммуникации** (знакомство в поезде, курортный сезон или совместная жизнь в одной квартире). Во-вторых, **половозрастной статус** собеседников. Например, вечер воспоминаний бывших одноклассников, сослуживцев и т. д. происходит на однажды зафиксированном уровне, что определяет и фиксированный репертуар историй. В другом случае общение на протяжении жизни друзей, замещая предыдущий статусный уровень, может переходить на следующий (от подружек-подростков до подруг-бабушек). В-третьих, **общность мировоззренческой позиции**, credo (опыт религиозного чуда не может быть разделен собеседником-атеистом или материнский рассказ о родах поддержан собеседницей, не имеющей детей).

Разнообразным ситуациям межличностной коммуникации (семьи, молодежной «тусовки», распития пива в пятницу вечером и т. д.) соответствуют специфические темы разговоров и репертуар нарративов (подробнее см.: [Веселова 1998]). В исследованиях, помещенных в настоящей книге, несказочная проза продемонстрирована в следующих контекстах бытования: общегородском, квартирном и семейном. Кроме того, описания повествовательного фольклора есть в разделах о молодежной (хипповские «телеги», байки), туристской (былички о белых спелеологах, черных альпинистах), материнской (стереотипные рассказы о родах) и других субкультурах. Описание контекста бытования повествовательного фольклора дает возможность судить о его аудитории, формах трансмиссии, социальных функциях. И.А.Разумова называет две из них: адаптивную и интегративную. Социум может включать новых членов и тогда в посвятительный период новичка будут вводить в свой круг, постепенно делиться с ним «своим» знанием. Или социуму необходимо поддерживать «свой» круг, проверить контакт внутри себя. Однако внутритекстовые способы адаптации и интеграции могут

быть различными: моделирование общего пространства — ориентационная функция [Веселова 1997], времени (общего прошлого в исторических преданиях) и сопереживание различных эмоциональных состояний — страха (рассказы о сверхъестественном, былички), смеха (случаи), восторга (чудеса). С точки зрения социологов слухи и толки выполняют не столько прогностическую функцию, сколько функции «совместного обдумывания» и «сравнения опыта» в критической ситуации [Shibutani 1966].

Человек моделирует в репертуаре своих рассказов свое пространство (в городских легендах и быличках), свое время (прошедшее — в меморатах, исторических преданиях своей семьи, своего социума; будущее — в пересказах снов, слухах и толках), свои эмоции (в страшных быличках, спасительных чудесах). Ни один из рассказов не есть нейтральная информация, а утверждение себя в мире, определение в нем «своего» (в широком смысле — своего места, своего круга, своего мировоззрения).

Примечания

[1] Профессор Иван Михайлович Гревс вел (в начале XX в.) в Санкт-Петербургском университете семинар «К теории и практике экскурсий как орудия научного изучения истории в университетах».

[2] Из списка стимулов для анализа были выбраны слова: ***беседа, брехня, враки, вспоминать, говори- (-ли, -л, -ла, -м, -т, -ите, -ить, -ишь), пересуды, разговаривать, разговор, рассказать, сказать, случай, сплетни, байки, беседовать, болтать.*** Кроме слов, связанных с коммуникацией, говорением, были просмотрены словарные статьи на слова: *сон*, так как рассказывание снов есть форма их вербализации; ***интересный и необыкновенный***, поскольку они характеризуют истории.

[3] Ср. рассказ «об аресте некоего Поздняка»: [Китайгородская, Розанова 1995: 55; Борев 1992: 194].

Литература

Адоньева 1998 — *Адоньева С.Б.* Этнография севернорусских причитаний // Бюллетень фонетического фонда русского языка. Приложение № 7. Обрядовая поэзия Русского Севера: плачи. Санкт-Петербург; Бохум, 1998.

Анциферов 1924 — *Анциферов Н.П.* Быль и миф Петербурга. Пг., 1924.

Анциферов 1925 — *Анциферов Н.П.* Пути изучения города как социального организма. Л., 1925.

Баранов 1928 — *Баранов Е.З.* Московские легенды. Вып. 1. М., 1928.

Берн 1992 — *Берн Э.* Игры, в которые играют люди // *Берн Э.* Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры: Психология человеческой судьбы. Л., 1992.

Борев 1992 — *Борев Ю.Б.* Сталиниада и фарисея. Иркутск, 1992.

Веселова 1997 — *Веселова И.С.* Заметки к фольклорной карте Москвы // Живая старина. 1997. № 3. С. 10–12.

Веселова 1998 — *Веселова И.С.* Логика московской путаницы // Москва и «московский текст» русской культуры. М., 1998. С. 98–118.

Гаспаров 1978 — *Гаспаров Б.М.* Устная речь как семиотический объект // Семантика коннотации и семиотика устной речи: Лингвистическая семантика и семиотика. Тарту, 1978. (Уч. зап. ТГУ. Вып. 442).

Гиляровский 1926 — *Гиляровский В.А.* Москва и москвичи. М., 1926.

Зиновьев 1987 — *Зиновьев В.П.* Быличка как жанр фольклора и ее современные судьбы // Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. В.П. Зиновьев. Новосибирск, 1987.

Иванов 1982 — *Иванов Е.П.* Меткое московское слово: Быт и речь старой Москвы. М., 1982.

Китайгородская, Розанова 1995 — *Китайгородская М.В., Розанова Н.Н.* Русский речевой портрет: Фонохрестоматия. М., 1995.

Криничная 1987 — *Криничная Н.А.* Русская народная историческая проза: Вопросы генезиса и структуры. Л., 1987.

Купеческий бытовой портрет 1925 — Купеческий бытовой портрет XVIII–XX вв. Первая отчетная выставка Историко-бытового отдела Русского музея по работе над экспозицией «Труд и капитал накануне революции». Л., 1925.

Лотман 1992 — *Лотман Ю.М.* Каноническое искусство как информационный парадокс // *Лотман Ю.М.* Избранные статьи. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн, 1992.

Лотман 1970 — *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста. М., 1970.

Мисима 1993 — *Мисима Ю.* Смерть в середине лета // *Мисима Ю.* Золотой Храм. СПб., 1993.

Московская старина 1989 — Московская старина: Воспоминания москвичей прошлого столетия. М., 1989.

Новичкова 1990 — *Новичкова Т.А.* Два мира — земной и космический — в народных легендах // Русская литература. 1990. № 1. С. 132–138.

Осорина 1999 — *Осорина М.В.* Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. СПб., 1999.

Падучева 1996 — *Падучева Е.В.* Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.

Померанцева 1975 — *Померанцева Э.В.* Соотношение эстетической и информационной функций в разных жанрах устной прозы // Проблемы фольклора. М., 1975.

Прыжов 1996 — *Прыжов И.Г.* 26 московских пророков, юродивых, дур и дураков и другие труды по русской истории и этнографии. СПб.; М., 1996.

Пыляев 1889 — *Пыляев М.И.* Старый Петербург. СПб., 1889.

Пыляев 1891 — *Пыляев М.И.* Старая Москва. СПб., 1891.

Русский ассоциативный словарь — Русский ассоциативный словарь. Кн. 1–4 / Ю.И.Караулов, Ю.А.Сорокин, Е.Ф.Тарасов и др. М., 1994–1996.

Стратен 1927 — *Стратен В.В.* Творчество городской улицы // Художественный фольклор. Вып. II–III. М., 1927.

Чистов 1964 — *Чистов К.В.* К вопросу о принципах классификации жанров устной народной прозы. М., 1964.

Fabula 1985 — Fabula. 26. 3/4. Berlin; New York, 1985.

Fabula 1990 — Fabula. 31. 1/2. Berlin; New York, 1990.

Jolles 1929 — *Jolles A.* Einfache Formen. Halle, 1929.

Labov, Waletzky 1967 — *Labov W., Waletzky J.* Narrative Analyses: Oral Version of Personal Experience // Essays on Verbal and Visual Arts / Ed. J.Helm. Seattle; Washington, 1967.

Perspectives on Contemporary Legend 1984 — Perspectives on Contemporary Legend / Ed. P.Smith. Sheffield, 1984.

Perspectives on Contemporary Legend 1987 — Perspectives on Contemporary Legend. II / Ed. G.Bennet, P.Smith and J.D.A.Widdowson. Sheffield, 1987.

Perspectives on Contemporary Legend 1988 — Monsters with Iron Teeth: Perspectives on Contemporary Legend. III / Ed. G.Bennet, P.Smith. Sheffield, 1988.

Perspectives on Contemporary Legend 1989 — The Questing Beast: Perspectives on Contemporary Legend. IV / Ed. G.Bennet, P.Smith. Sheffield, 1989.

Shibutani 1966 — *Shibutani T.* Improvised News: A Sociological Study of Rumor. New York, 1966.

von Sydov 1939 — *von Sydow C.W.* Kategorien der Prosa-Volksdichtung // Volkskundliche Gaben John Meier zum 70 Geburtstage dargebracht. Berlin; Leipzig, 1939.

И.А.Разумова
(Петрозаводск)

Несказочная проза провинциального города

Выявление специфики городского фольклора предполагает основательный анализ, в первую очередь, прозаической традиции, так как *разговорные жанры* занимают основное место в устной словесности города [Белоусов 1987: 19]. Любой обзор сопряжен с постановкой ряда методологических проблем. Укажем основные. Первая касается определения понятия «город». Оно связано с идентификацией и самоидентификацией «горожан» в их противопоставленности «не горожанам», с одной стороны, и «иногородним» — с другой. Опираясь на определение «города», выработанное этнографической наукой [Рабинович 1983: 24], подчеркнем, что в фольклористическом аспекте город — прежде всего сообщество горожан, коллективный носитель традиции (folk). Наличие единой повествовательной культуры города еще предстоит доказать, поскольку имеющиеся материалы фрагментарны и количественно недостаточны.

В структуре городской словесности можно выделить несколько уровней, каждому из которых соответствуют: функциональная направленность, круг носителей и сфера бытования, специфические формы коммуникации, способы трансмиссии текстов, обстоятельства актуализации. На всех уровнях присутствуют разные жанры с известным преобладанием тех или иных.

I. Общегородской пласт словесности.

I.1. Фольклор, соотносимый с традициями определенных субкультур и обусловленный особенностями их быта.

I.2. Вся словесность, бытующая в разных городах и во многом совпадающая с «негородским» фольклором (общенародные слухи и толки, рассказы о сверхъестественных явлениях и т. п.). Общегородской фольклор не связан с самоидентификацией жителей конкретных городов и содержанием не обращен к сугубо городской тематике.

II. Собственно городской фольклор — совокупность текстов «городского» содержания, причем связанного всегда с конкретным городом.

II. 1. Фольклор об истории города, личностях, объектах городской среды и т. п. Носителями могут быть как горожане, так и иногородние жители, в зависимости от этого меняется функциональная направленность текстов.

II.1.1. Носители традиции — сами горожане. Тексты служат социально-адаптивным целям, а также повышению статуса города. Их рассказывают для воспитания «любви к родному краю», сознательного приобщения к известным культурным ценностям. С их помощью создается определенный образ города. Не случайно на этом уровне преобладают жанры так называемой исторической прозы с соответствующим набором сюжетов и особым способом идеализации. Старшее поколение горожан передает эти сюжеты младшему поколению, старожилы — новоселам, местные — иногородним. Существуют определенные типы ситуаций, в которых актуализируются данного вида тексты. Это образовательно-воспитательные мероприятия и беседы, экскурсии, разговоры с гостями города и общение за его пределами. Таким образом, сфера бытования довольно четко ограничена. Особенность трансмиссии текстов также заключается в том, что в наше время они часто воспринимаются через печатные источники, историко-краеведческую литературу, средства массовой информации.

II.1.2. У иногородних исполнителей рассказы меняют свои функции. Сфера бытования сужается. Тексты служат созданию мнения о чужом городе (его «экстраобраза») и актуализируются, проецируясь на свой город. Возрастает значение слухов и толков в ущерб собственно исторической прозе. К жителям города-объекта нередко обращаются за подтверждением или опровержением информации. Коммуникативная формула «Говорят, что у вас...» инициирует ответные тексты. Роль устной словесности в создании репутации города исключительна. В ряде случаев связанные с городом сюжеты лучше известны за его пределами. Так, например, широко распространилось мнение о Петрозаводске как «городе летающих тарелок», по поводу чего к петрозаводчанам часто обращаются за разъяснениями[1].

II.2. Собственно городской фольклор. По всем параметрам — смысловым, формальным, функциональным, коммуникативным — это тексты «для себя» и «о себе». Носители — только жители города или близкие «посвященные». Доминирует интегративная функция. Тексты не связаны с «образом города», и потому нет необходимости выносить их за его пределы. Формы такой словесности более способствуют «укреплению границ», чем «наведению мостов». Отсюда разнообразные способы табуирования, недоговоренностей и т. п., требующие разъяснительных текстов. Необходимо разграничить две группы нарративов: рассказы со специфическим местным содержанием и разъяснительные тексты, «отгадки», которые не манифестируются при внутреннем общении.

Проблема жанрового определения текстов относится к разряду «вечных» для фольклористики. Она вновь обретает остроту в связи с анализом современной городской прозы. Если понимать фольклор как совокупность всех многообразных форм традиционной вербальной культуры (из чего мы исходим; подробнее см.: [Путилов 1994: 24]), требуется адекватная система для осмысления нового материала и, следовательно, не одно специальное исследование. Даже при первом приближении прозаический городской фольклор предстает в значительно более дифференцированном виде, чем привычная, «классическая» несказочная проза. Мы имеем дело с текстами различных повествовательных типов и сложной внутренней формы, часто не соотносимыми с известными жанровыми категориями (обзор основных концепций жанра см.: [Путилов 1994: 151–172]). Эта

оговорка, на наш взгляд, нужна, чтобы оправдать неизбежные на данном этапе неточности, субъективность жанровых обозначений, отсутствие обстоятельной аргументированности последних.

При систематизации текстов (жанров) мы условно разграничиваем исторический и топографический планы. Разграничение касается не столько содержания, сколько назначения текстов. Вторым дифференцирующим признаком является сакральность/профанность.

Пытаясь представить основные разновидности современной «серьезной» городской прозы, мы отдаем себе отчет в обширности темы. Полный и целостный обзор — дело будущего, а первоначальная задача состоит в том, чтобы отметить разнообразие материала. Наблюдения сделаны, главным образом, на основе записей 1996–1997 гг. с привлечением отдельных публикаций. Информанты — жители Петрозаводска и городов Карелии, Архангельска, Вологды, Мурманска и их областей. Отметим в этой связи, что возможна и перспективна постановка вопроса о существовании и характере сходств и различий повествовательной традиции столичных, областных и так называемых малых городов.

Городские предания (историческая проза) группируются вокруг нескольких устойчивых тем и мотивов. Самую стабильную и разнообразную группу составляют этиологические мотивы. Они реализуются в преданиях об основании городов и собственно топонимических. Задачу собирания и специального изучения топонимических преданий в свое время сформулировал Л.Е.Элиасов [1960: 225–227); (см. также: [Криничная 1987: 70–77]), но она до сих пор не решена. В последние годы важный шаг в этом направлении сделан топонимистами Екатеринбурга, которым удалось корректно совместить лингвистический и фольклористический подходы к материалу [Березович 1997: 73–76; Дмитриева 1997: 76–78]. Исследователи обратили внимание на двусторонний характер процесса: «способности инициирования фольклором топонимических единиц и, наоборот, способности топонимов порождать фольклорные тексты» [Березович 1997: 73–74]. Думается, вопрос может быть поставлен шире. Речь идет о том, что одна и та же система представлений порождает и наименования, и другие виды фольклорных текстов, связанных с именем-происхождением-образом города (в нашем случае). С помощью той же системы представлений наименования «расшифровываются», т. е. создаются вторичные интерпретирующие тексты. Урбанонимия в этом отношении мало чем отличается от других групп наименований.

Интерпретирующие тексты можно сопоставить с рассказами об истории, а точнее, предыстории города.

> Переселенцев встречали стены дремучего непроходимого леса... В те времена в реке Повенчанке водилась форель и находили жемчуг[2].
>
> Раньше на месте нашего города была вода, т. е. этот залив.
>
> Дедушкин знакомый, который большую часть жизни прожил в Петрозаводске, рассказывал, что они стреляли рябчиков на месте нынешней Кукковки, <он> собирал грибы у подножия телевизионной вышки, собирал чернику на месте домостроительного комбината.

Устойчивый компонент рассказов об истории города — указание на «догородской» ландшафт, контрастирующий с последующим состоянием данного ме-

ста. Актуализируется противопоставление «природы» и «культуры», характерное именно для городских текстов в отличие от рассказов о сельских поселениях.

Рассказы и высказывания, подобные приведенным выше, параллельны большой группе топонимических текстов, в которых топоним мотивируется характером местности, природно-климатических особенностей. При этом несущественно, имеем ли мы дело с «истинной», изначальной мотивировкой урбанонима или с ее вторичной интерпретацией. То же относится к официальным и неофициальным наименованиям. Приведем несколько примеров.

Раньше он (город. — *И.Р.*) назывался Мурманск-60, но в 1995 году его переименовали в Снежногорск. А в народе этот город называется Вьюжный, так как там постоянно дуют сильные ветры и вьюги.

Город Медвежьегорск, или Медвежья Гора, называется так потому, что в городе есть большая гора, и если посмотреть на нее сверху, то по форме она напоминает медведя.

Город Сегежа называется так в связи с тем, что Сегежа в переводе с карельского означает «чистый», а в Сегеже раньше были очень чистые озера и леса (интерпретация этого названия широко известна в Карелии и часто повторяется, что связано с репутацией Сегежи как одного из самых загрязненных городов Северо-Запада. — *И.Р.*).

Если название города полностью или корневой частью совпадает с названием реки, первое всегда возводится ко второму: «Название города связано с рекой Кемь, которая широко и вольно течет по городу»; аналогично — Повенец от реки Повенчанки, Олонец от реки Олонки.

Особые возможности предоставляют топонимы с иноязычным субстратом. Они всегда порождают многовариантные интерпретации.

Версии о происхождении города Олонца (обратим внимание на тождество город=имя. — *И.Р.*) очень разные. Одни считают, что Олонец обозначает низкое место, низину... Вторая версия предполагает, что Олонец называется так потому, что здесь раньше было много-много песка, и значит, название Олонец можно перевести как «песчаный город»[3].

Название моего города происходит от соединения двух слов — «канда» и «лахти». Существует несколько версий расшифровки этого названия. Во-первых, это «река, впадающая в залив», во-вторых, «сухое место среди болот», так как город действительно находится на пригорке, вокруг города — болота. Затем еще и такая версия, как «река — матушка-кормилица». Кандалакша стоит на реке Ниве. Насколько я знаю, раньше, до постройки на нашей реке трех гидроэлектростанций, Нива была очень бурной, порожистой рекой...[4].

Мотив иноэтнического происхождения города менее характерен для городских преданий. Он реализуется прямо (предание об основании Мурманска норманнами) или косвенно, когда отыскивается смысл названия города в ином языке: Повенец — от прибалт.-фин. *vienno* — ‘тихий, спокойный’.

Топонимические мотивы воплощаются не только в лаконичных характеристиках или однофразовых текстах-формулах. Сюжетные топонимические предания вполне возможно записать даже от молодых горожан. Таково, например, предание о г. Пудоже:

Некоторые люди говорят, что город, который раньше назывался Пудога, берет свое название из поверья старых людей. Один богатый мужик, умываясь в ручье, что-то

увидел на дне. Достав вещь из ручья, он увидел, что это была дуга, вернее, пол-дуги. Через некоторое время на этом месте появился город, название которого было — Пудога[5].

В наших материалах есть два варианта предания о г. Вытегре, известного по публикациям [Криничная 1978: 34–35, 142–143]. Особенно разнообразны предания о Медвежьегорске. Интересные версии, сочетающие признаки предания и сказки, записаны от детей:

Мой город очень старинный. Сначала он был деревней, ну а сейчас здесь город. Его назвали Медгора, так как была огромная гора, на ней были качели. Туда приходили девушки качаться. Однажды они пошли качаться и разбудили спящего медведя. Этот медведь съел девушек, но трое из них спаслись. Убежали от этого медведя, рассказали обо всем людям. И так появилось название Медгора[6].

Предания в форме развернутого сюжетного повествования — это не реликтовый, но и не массовый материал, каковым, очевидно, он не был и в прошлом. Варианты очень разнообразны, т. е. наблюдается широкое пространство замен на уровне мотива. Одни и те же мотивы и их сочетания либо реализуются в кратких текстах, приближающихся к формуле, которые часто воспроизводятся и бытуют на массовом уровне, либо развертываются в пространные нарративы, для актуализации которых нужны особые обстоятельства и навыки рассказывания. Каждый петрозаводчанин твердо знает и при удобном случае расскажет, что «Петрозаводск был основан Петром I. Здесь, в устье Лососинки, он построил свой завод в 1703 году». Записать же подробный рассказ об основании города сложно иначе, как от экскурсоводов, учителей и учащихся.

Свою историю и, следовательно, историческую прозу имеет не только город в целом, но и его отдельные районы. Предания и рассказы городских районов вполне традиционны. Они относятся к внутригородскому фольклору. «Современное название микрорайона Кукковка, как считают, произошло от финского слова *kukko* (в переводе означает петух). Раньше, когда район еще не был заселен, в нем можно было часто слышать крики петухов, что, наверно, и повлияло на будущее название этого микрорайона»[7]. Изображение петуха является эмблемой этого района Петрозаводска, что не мешает существованию других интерпретаций. Записан, например, рассказ о девушке, которая заблудилась в лесу и спаслась благодаря кукушке[8]. Район Ключевая в Петрозаводске, по многочисленным рассказам, стоит «на семи ключах» с чистой и целебной (всегда подчеркивается: «до некоторых пор») водой. Согласно другой интерпретации, «на прежней карте города Петрозаводска этот район выглядел в форме ключа, что повлияло на его имя»[9]. Рассказ о другом районе города — Перевалке — представляет более современный сюжет, причем мотивировки топонима пытаются примирить его семантику с грамматической формой.

Однажды туристы, посетившие Петрозаводск, уставшие после экскурсии, забрели в район, именующийся ныне Перевалка, и решили устроить привал. После того, как они отдохнули, один из них вдруг крикнул: «Зайдем еще на эту Перевалку! Здесь так хорошо отдыхается!» А он всегда говорил вместо «привал» — «перевал», а здесь еще и переделал его в женский род. А женский род оттого, что пока они отдыхали, мимо

них проходили одни женщины, а турист был очень охоч до этого дела. Все очень смеялись, и с тех пор этот район так и зовут Перевалка[10].

К такому же типу рассказов с безымянными персонажами относится предание о районе с названием «Папанины поля» в г. Олонце:

Говорят, что раньше эти поля засаживали отцы с сыновьями. Один из сыновей не хотел работать и все говорил. «Папаня, я отдохну, папаня, я устал». Когда отец вспылил, он крикнул: «Иди работай и оставь свое "папаня" тут!». Вот эти слова и закрепились за названием полей[11].

В устной истории города важное место занимают известные личности. Рассказы, в которых они фигурируют, большей частью нельзя отнести к преданиям «об исторических лицах». У этих текстов иная целевая установка, и исторические персоны, как правило, получают лишь косвенную характеристику или вовсе лишены таковой. Они привлекаются к местной истории с тем, чтобы повысить авторитет города, особенно провинциального, служить знаком этого авторитета, своего рода достопримечательностью. Царственные особы — князья, цари, государственные деятели — основывают города. Происхождение Каргополя предание связывает с князем Вячеславом [Криничная 1978: 40], основание Пудожа — с визитом Екатерины II: именно она заметила и решила взвесить «дугу весом в пуд»[12]. Как известно, многие города и поселки Северо-Запада России ведут свое начало от дел и слов Петра I. Вовсе не обязательно, чтобы Петр «лично» заложил город, как, скажем, Петербург или Петрозаводск. Названия населенных пунктов традиционно мотивируются его высказываниями. Так, наименование Вытегры объясняют репликой Петра в адрес «вытегоров-воров»: «Вы — тигры!». Название г. Кемь возводится к непечатному выражению самодержца, отсылавшего в этот край своих подданных (имя города, по данной версии, представляет аббревиатуру)[13]. Оценочное значение высказываний отступает перед значимостью произнесшего их лица.

В фольклоре каждого города есть рассказы о визитах выдающихся людей: Суворова в Петрозаводск, Державина в Кемь и т. д. Положительные высказывания великих посетителей о городе сохраняются в исторической памяти горожан, как, например, известное суворовское: «Петрозаводск знаменит!». Масштаб личности играет не столь важную роль, как сам факт ее известности, что позволяет городу вписать свою «малую» историю в общенациональную. Степень популярности рассказов зависит от того, насколько значима фаза истории города, связанная с тем или иным лицом, поэтому особенно устойчива именно фигура «основателя». В последующий период роль личности определяется временной дистанцией и не в последнюю очередь — общественным мнением о персонаже, которое всегда корректируется «городским мнением». Так, о пребывании М.И.Калинина в Повенце рассказывают все реже, но воспоминания о пребывании и работе Ю.В.Андропова в Петрозаводске, о его личности, помощи городу, различных случаях и т. д. сохраняются в живом устном бытовании. Аналогичные рассказы связаны и с выдающимися уроженцами городов.

Исторические личности в городских преданиях появляются в ситуациях действительного или возможного изменения в статусе города и положении горожан.

Напомним предание о том, как Иван Грозный хотел сделать Вологду столицей, чему помешало дурное, с его точки зрения, предзнаменование (см., например: [Шаламов 1994: 16]). Предание хорошо известно и современным вологжанам. Типологически сходный сюжет, но с другими историческими реалиями, возникает в современном фольклоре. Он связан с введением так называемых «северных» и «полярных» надбавок, существование которых повлияло на репутацию ряда городов и регионов.

Говорят, что во время своего посещения города Мурманска летом Н.С.Хрущев увидел падающий снег и сделал выводы о неблагоприятной жизни на севере. Поэтому были введены полярные надбавки к зарплате жителям Заполярья[14].

Вторая версия бытует в г. Петрозаводске: Н.С.Хрущев приехал в город в солнечную погоду, и поэтому надбавки не были санкционированы еще в течение многих лет. Сюжет имеет широкое распространение, его приходилось слышать в изложении жителей другого региона применительно к своему городу.

Известные общефольклорные сюжеты приспосабливаются к «малой» истории городов и становятся достоянием внутригородского фольклора. Характерный пример — рассказы о руководителе (секретаре обкома, мэре и т. п.), который в простой одежде пешком ходил по городу, проверял магазины, наказывал за воровство и злоупотребления[15]. Обычно такие истории рассказывают пожилые горожане о смещенных с поста или просто «бывших» отцах города. Тексты имеют назидательный смысл и отчасти ностальгический характер. Они выполняют функцию актуальной критики.

Вообще фигура местного руководителя занимает особое положение в городском фольклоре. Она порождает разнообразные и активно бытующие словесные произведения. Персонаж как бы раздваивается и существует в полярных ипостасях: либо мудрый и демократичный лидер, либо глупец и стяжатель. Последнее чаще относится к современному руководителю. В комплекс «положительности» входят простота общения и одновременно строгость, хождение пешком, дети-отличники в «обычной» школе, стояние жены в очередях. Из негативно оцениваемых качеств главные — огромных размеров жилплощадь и квартира в Москве, учеба детей за границей, счет в швейцарском банке и некоторые другие, связанные главным образом с «изменой» местным (городским) интересам. На этих мотивах сфокусировано описательное или сюжетное повествование, которое может функционировать как «исторический рассказ», меморат или слух.

Для самосознания города первостепенны утверждение своего статуса и определение своего места: Олонец — «самый старый и древний» в Карелии; в Вологде «всегда держали казну» во времена государственных бедствий и войн; Лахденпохья — «северный Лондон» (примеры высказываний горожан). Город всегда сравнивается с другими, поэтому для городских сюжетов важны, например, ситуации посещения города иностранцами и мотивы внутреннего соперничества городов. Городской фольклор в значительной мере имеет «установку на достопримечательности», так как благодаря им город располагается в культурном пространстве.

Актуализация преданий и легенд зависит непосредственно от мемориальных мест города. Приведем варианты современного рассказа о петрозаводском юро-

дивом петровского времени Фаддее Блаженном (о нем см.: [Криничная 1978: 136–137, 191–192]):

Жил некогда на территории нынешнего Петрозаводска, а точнее — в районе Древлянки (там, где сейчас Республиканская больница) некий старец Фаддей Блаженный. Он предсказал Петру I смерть. Похоронили его там, где сейчас площадь Кирова, построили часовню. Эта часовня стала центром поклонения. Была очень популярна у гимназистов. Считали, что помогает при сдаче экзаменов. В различные щели этой часовни запихивали записки с заветными желаниями. Также считали, что он помогает влюбленным. Существовала эта часовня до 1920 г.[16]

Фадей Блаженный — покровитель Петрозаводска. Он жил там, где сейчас Древлянка... Фадей был похоронен на площади Кирова, а до революции она называлась Соборная площадь. Над его могилой была построена часовня[17].

Подобные тексты, на наш взгляд, нельзя отнести к легендам (рассказам о святых). Собственно легендарный компонент в них предельно редуцирован: мотив предсказания в первом тексте. Основная функция текстов — мемориально-топографическая.

Фольклор города обращен преимущественно к конкретным локусам и объектам. Устная традиция демонстрирует степень освоенности городского пространства и городской среды. У площадей, улиц, скверов, зданий, памятников и т. д. есть свои истории, которые вливаются в общегородское русло. Официальная и неофициальная топонимия города (микротопонимия) остается заповедной областью исследования, как и городской топонимический рассказ. Вот образцы таких рассказов:

Жил в городе Петрозаводске один механик, мастер своего дела, а фамилия у него была — Урицкий. И вот однажды, переходя улицу, он заметил машину, мчавшуюся на огромной скорости прямо на маленькую девочку. Он не растерялся, рванул к девочке и толкнул ее как можно дальше от машины. Девочка осталась невредима, а механик... В честь его великого поступка горожане решили назвать эту улицу проспектом Урицкого, вместо бывшего проспекта Заводчиков, чтобы навсегда запечатлеть в памяти имя гуманного и не растерявшегося механика. Вот так скромный механик стал знаменитым[18].

В Вытегре есть улица Третьего Интернационала. Во время революции на этой улице стояла барская или купеческая усадьба, и в день революции перед этой усадьбой три раза пели «Интернационал». Потом так и решили оставить[19].

Порождающие возможности топонимов в создании прозаических текстов очень велики. В типовых коммуникативных ситуациях истолкование названий превращается в рассказы, которые заключают в себе всю историю и мифологию города и отношение горожан к лицам, событиям, объектам. Так, название «Левашовский бульвар» в Петрозаводске, упорно сохранявшееся вопреки переименованиям, инициировало рассказы о некоем Левашове. По одной версии, это был купец и меценат, на чьи деньги заложен бульвар; по другой (менее популярной и более официальной) — отнюдь не замечательный, но крупный чиновник, который пожелал увековечить свое имя в названии бульвара. Примеры настолько многочисленны, что мы не решаемся здесь далее развивать эту тему, заслуживающую более глубокого подхода.

Существуют закономерности освоения и функционирования городского пространства, проявляющиеся в способах застройки и расселения [Будина, Шмелева 1989: 50–58]. Одним из важнейших признаков города справедливо считается «более сложная социальная, а в некоторых случаях и этническая структура населения. С ней связан такой важный фактор градообразования, как социальная топография, иногда осложняющаяся и этносоциальными проблемами» [Рабинович 1983: 22]. Эти факторы определили существование такого феномена, как фольклор городского района.

Внутригородская словесность отражает структуру взаимоотношений между районами. Размежевываются «центр» и периферия, «старый город» и микрорайоны-новостройки. Социально и экологически неблагополучные районы получают яркие наименования «Шанхай», «район для негров», «Мордобойка» и т. п.; есть и «Беспредел» — район, застроенный особняками «новых русских». В наименованиях, устойчивых характеристиках, рассказах выявляется «образ» того или иного района и его типичного жителя. Особенно разработана неофициальная словесность окраинных, маргинальных районов. Если «центр» — средоточие историко-культурных достопримечательностей, то периферия — сфера бытования мифологических рассказов и слухов, в основном «страшных». В Петрозаводске один из таких районов — «Кирпичный завод», «Кирпичи» или «Кампучия», как его называют жители. В разное время основу населения составляли рабочие пригорода, ссыльнопоселенцы, заключенные. Район славится криминогенностью, его жителей побаиваются. Устная традиция связана с особым характером объектов и топографией: наличием каменных карьеров, заполненных водой, завода, места заключения, близостью «большой дороги» и моста, неухоженностью жилых зданий и т. п. Там широко бытуют рассказы о страшных преступлениях, удавленниках и утопленниках, привидениях, о двухметровой щуке в одном из карьеров, которую никому не удается поймать. Дополняют картину разработанная топонимия (каждый карьер, например, имеет свое название), а также песни и частушки «про Кирпичный завод»[20].

Мифологическая проза ориентирована на локусы и объекты городской среды [Равинский, Синдаловский 1995: 5–8; Лурье 1995: 21], т. е. представляет не столько рассказы о демонологических существах и сверхъестественных явлениях, сколько об особо мифологизированных местах (имеется в виду целевая установка текстов). По нашим данным, городская легенда — если понимать под ней рассказ с функцией укрепления религиозной веры, опирающийся на народно-христианские представления и включающий обязательный мотив «чуда»[21], — активно не бытует. Чаще мы сталкиваемся с «воспоминанием» о легенде, информацией вторичного характера, связанной с церквами, часовнями, кладбищами и т. п. Вместе с тем в городах есть свои святые, как, например, Фаддей Блаженный или Ксения Петербургская, и бытование легенд о них не исключается.

В отличие от легенд, мифологические рассказы о сверхъестественных событиях, персонажах, локусах и объектах — явление массовое. Есть целый ряд типичных городских объектов и мест, которые обычно мифологизируются.

Невдалеке от города есть развалины старой каменной церкви — кирки, про нее в городе раньше ходило очень много легенд о том, что в ней водится нечистая сила, что в ней есть «комната смерти» и подземный ход в Финляндию[22].

Церковь в Олонце (Смоленская) находится на острове. К ней ведет мост. Около моста этого происходили и происходят ужасные события. Один раз там нашли голову человека в мешке. Еще там произошло убийство. Старики рассказывают, что это место нечистой силой захвачено[23].

Недобрая слава «домов с привидениями» закрепляется за старыми, заброшенными и связанными с таинственными смертями зданиями. Но дело не всегда в привидениях. В Архангельске, например, есть дом, о который «по ночам самолеты разбиваются». К страшным местам относятся учреждения, назначение которых ассоциируется со смертью или аномальными состояниями: морги, больницы (особенно психиатрические и онкологические).

Есть слух, что около психбольницы частенько разгуливает медведь, который не трогает больных людей, а вот медперсоналом полакомиться не прочь. Этот же медведь, по некоторым слухам, еще и с медвежатами, разрывает могилы[24].

В том же ряду — здания КГБ. Заметим, что именно эти объекты табуируются в речи горожан, заменяясь адресом или иным обозначением: «Комсомольская, 5» (то же, что «Литейный, 4» или «Большой дом» в Ленинграде-Петербурге), «на Сулажгору» (на кладбище) и т. п.

В каждом городе есть «нехорошие» места, которые стараются обходить стороной. Таковыми могут быть сквер, улица или даже парк Академгородка (г. Апатиты).

Только на Пролетарском проспекте сторона, правая от вокзала, считается дорогой девушек легкого поведения. На этой стороне в центре города имеется старое кладбище (вызывает страх), почему-то плохо растут тополя[25].

Мифологизируется и само место расположения города.

Наш город в основном стоит на кладбище. Был случай, когда строили какое-то здание, и под асфальтом строители нашли захороненного священника. Он так хорошо сохранился, как будто его похоронили совсем недавно[26].

Кемь находится в низине, в яме, и в эту-то яму стекаются различные аномальные явления. Поэтому в городе всегда такая неприятная погода[27].

Все, что расположено в низинах, вообще имеет дурную репутацию, как, например, сквер в центре Петрозаводска, именуемый «Ямка».

В последние годы в городах стали очень популярны мифологические рассказы и слухи о каннибализме и страшных диких зверях, нападающих на людей и домашних животных. Участились рассказы об одичании домашних собак и котов, которые сбиваются в стаи и уничтожают все живое. Эту тему можно обозначить как «одичание культуры».

В прошлом году волки подходили даже к домам и загрызли собаку. У волков были большие страшные сверкающие глаза (г. Олонец).

Говорят, что в лесах, что вокруг Кирпичного, много волков, целые стаи. И поэтому на Кирпичном есть несколько собак, похожих окраской на волков (г. Петрозаводск).

Вспомним рассказы о медведе у больницы, щуке в карьере, гигантских крысах в метро, огромных пауках в городских коммуникациях.

Продолжают лидировать по распространенности рассказы о полтергейсте, похищении людей (а то и целых поездов) инопланетянами, об НЛО и подобных явлениях. Кажется, трудно назвать город или поселок, где не нашлось бы очевидцев подобных происшествий. В последнее время НЛО, например, наблюдали — в том числе многие наши информанты «своими глазами» — в Мурманске, Кондопоге, Олонце, Лодейном поле, Вытегре, Суоярвском районе Карелии и особенно часто в Петрозаводске. Хотя этот материал и не обладает «городской» спецификой, без упоминания о нем даже беглый обзор мифологических сюжетов невозможен.

Едва ли не самую значительную часть городской бытовой словесности составляют слухи и толки. Они легко актуализируются в большинстве коммуникативных ситуаций. Функция слуха — заполнение информационного вакуума, утверждение или отрицание факта. Функция толка — интерпретация факта в соответствии с традиционными представлениями [Восточнославянский фольклор 1993: 332–333]. «Теория слухов» интенсивно разрабатывается в западной социальной психологии [Лесерф, Паркер 1993], но следует признать, что фольклористикой жанр еще недостаточно освоен. Да и само обоснование «слуха» как жанра отсутствует. Думается, широкое привлечение городского фольклора позволит активизировать его изучение. Город — самая благоприятная среда для функционирования слухов. Нами предпринят лишь общий тематический обзор слухов, записанных осенью–зимой 1996–1997 гг.

Условно слухи можно подразделить на сообщения о свершившемся факте и прогностические. По аксиологической направленности они могут быть положительными, нейтральными и негативными. Последние явно преобладают. Нестабильность социальной ситуации — напрашивающееся и безусловно верное, но недостаточное объяснение для этого. Дело еще и в жанровой природе слухов, которые, по выражению исследователей, «имеют естественную тенденцию подчеркивать отрицательные качества» [Лесерф, Паркер 1993/4: 45]. У информации, содержащей отрицательный компонент, больше шансов на выживание [Лесерф, Паркер 1993/4: 47].

По всей вероятности, в настоящее время оба обстоятельства — жанровая природа и социальный контекст — поддерживают друг друга, и поэтому наблюдается тотальное распространение слухов. Инициирующую роль выполняет также состояние информационной сети: в равной мере и недостаток информации, и ее обилие при взаимоисключающем характере освещения событий. Всплеск слухов в постсоветском обществе обусловлен недоверием к любой официальной информации, априорным отталкиванием от нее. Дополняют ситуацию многочисленные публикации слухов, общественных сплетен, фактов с «нестрогой достоверностью», в том числе научных сенсаций.

Особый вопрос — повествовательная структура слуха. Слух, как правило, равен мотиву. Он часто манифестируется в виде однофразового утверждения.

На Луну, затем и на другие планеты, будут отправлять людей, осужденных на пожизненное заключение.

Укупник — это не русский певец, а скрывает под собой американского шпиона.

Джохар Дудаев, слышала, не умер, а за границей скрывается.

Слух и толк нередко сочетаются в едином тексте, построенном по формуле: «Говорят, что [констатация факта] (т. к.) [интерпретация факта]».

В следующем месяце пенсию вообще давать не будут, а некоторые считают, что не только в следующем, но и во всех последующих, а на эти деньги в Москве устраивают праздники.

Другой тип текста — изложение, развернутое в небольшой рассказ.

В марте (это я зимой слышал, а теперь, говорят, в мае) смена денег. Будут менять определенное количество бумажных на новые бумажные. И вот, говорят, в Москве собрали всех банкиров и сказали: «Быстрей избавляйтесь от бумажных денег».

Трудно указать такую сферу жизни, которой бы не коснулись слухи: от метеопрогнозов на будущее лето до космических катаклизмов. Исчерпывающая тематическая классификация слухов невозможна, да и вряд ли нужна. Назовем и проиллюстрируем лишь самые популярные и интересные, на наш взгляд, темы. Очень распространены слухи о конце света и их разновидность — о прекращении существования отдельных городов. В отличие от эсхатологических легенд, слухи опираются на естественно-научные и социальные аргументы.

В 2004 году возможна встреча с кометой. Земля не погибнет, но цивилизация погибнет.

Ученые утверждают, что к двухтысячному году человечества на Земле не будет, и Земля будет покрыта ледником.

Говорят, что земная кора движется, и через 150–200 лет Мурманск будет находиться на Северном полюсе.

Говорят, что через пять лет город (Олонец. — *И.Р.*) умрет, как и деревни, потому что вся молодежь уезжает, работы нет.

Говорят, что на Севере скоро люди будут умирать, поэтому оттуда все уезжают в Россию.

Сакраментальная фраза: «Говорят, что живые будут завидовать мертвым» повторяется с пугающей частотой. Присоединяются мифологические мотивы: «Комета упадет, наступит страх и холод. А кто выживет, будет проходить сквозь стены». Распространению подобных слухов содействуют публикации в популярной газете «Аномалия», на которую информанты нередко ссылаются.

Устойчиво «экологическое» обоснование неотвратимых или возможных катаклизмов.

Говорят, что между Землей и Солнцем существует озоновая пленка. Если в этой пленке образуется хоть маленькая дырочка, то луч Солнца попадет на Землю, растопит все ледники, и вода зальет всю планету. А на образование этих дырок больше всего влияют различные ракеты и спутники, запускаемые в космос.

Последнее утверждение («толк») очень характерно: «Когда в Архангельске портится погода, говорят: “Опять в Плесецке ракету запустили”».

Между городами и местностями существует своего рода соревнование, у кого хуже экологическая (радиационная) обстановка, вырабатываются типовые сюжеты.

Говорят, что в 1989 году в Мурманск прибыли многие делегаты из разных стран мира организации «Гринпис», в том числе и делегация из Японии, но японцы так и не вышли из самолета, так как их датчики показывали очень большой процент радиации в воздухе (рассказывают в разных городах. — *И.Р.*).

Сравним слух о некоем специалисте («знакомом знакомых»), который переехал в Петрозаводск, но едва проверил уровень радиации, тут же увез семью.

Слухи — реакция на этнополитическую ситуацию.

Говорят, что скоро русских из Карелии погонят, а финны себе Карелию приберут. У них уже договор какой-то подписан, у нашего президента с Финляндией. А тех, которые не уедут, продадут в другие страны, вроде Англии, в батраки, все права отберут.

Некоторые слухи имеют региональную специфику. Есть «международные» и «внутригосударственные» темы.

Говорят, что скоро Россия станет рабой Америки, будет существовать без денег, а еду нам будут кидать с самолетов, но работать-то мы будем.

Ко вторым относятся, например, вариации на тему уровня жизни в разных регионах. Постоянно циркулируют слухи о вредоносности иностранных товаров.

Научная информация также порождает слухи. Ее мифологизация в сочетании с современными настроениями и реалиями воплощается в захватывающие сюжеты.

Говорят, что наши ученые могут сделать так: взять кусочек кожи у человека и сделать его двойника. Это будет использовано в военных целях. И матерям, которые потеряли своих сыновей в Чечне, бесплатно будут создавать их, а тем, кто тоже хочет иметь двойника, придется заплатить.

Прогностический слух нацелен на то, чего еще нет, поэтому он имеет тенденцию моделировать мир с обратными связями.

Особая группа слухов — криминальные. В них подчеркивается этническая проблематика, примеры — рассказы об «азербайджанской мафии», «зверствах чеченцев» и т. п.

В Олонце ходит такой слух, что по городу на черной машине ездят четыре чечена и ловят маленьких девочек. Одна девочка смогла вырваться от них, а другую они увезли, которую с тех пор никто не видел.

В относительно недавнее время в Петрозаводске распространились слухи о секте сатанистов.

Рассказы о политических деятелях варьируют, в основном, темы несметных богатств, коррупции и матримониальных связей. Очень устойчив слух о том, что президента подменили двойником (вариант — механической куклой), то же «говорят» о Майкле Джексоне. Одна политическая фигура сменяет другую в сюжете об «избавителе» и гонениях на него. Говорят о существовании в Москве подземного города для правительства. Как уже отмечалось, в каждом городе актуальны слухи о своих мэрах, об устройстве и обитателях «дворянских гнезд» — до-

мов правительственных чиновников. Персонажами народной молвы, как всегда, являются известные артисты, первенство — за Аллой Пугачевой и ее семейством. В провинциальных городах любят рассказывать об эксцентричном поведении столичных артистов во время гастролей.

Городские слухи касаются разных социальных сфер и профессиональных групп.

К двухтысячному году армия станет наемной.

Через несколько лет в Петрозаводске закроют половину школ.

В Карелии останется одна поликлиника.

Тональность большинства слухов понятна. Отметим свойство жанра — фактографичность, точность дат и количественных показателей:

Война в Чечне будет еще 48 лет.

Черномырдин — третий (первый, «входит в десятку») по богатству в мире.

В Петрозаводске два (две тысячи, десять тысяч) больных спидом.

Небольшая группа «нейтральных» слухов — сообщения о создании или ликвидации городских объектов, но и они тяготеют к положительной или негативной оценочности: «В Кондопоге будут строить самый большой орган в Карелии»; каждый новый строящийся дом, по предположению горожан, «гостиница для финнов» или «дом для шишек». Несколько лет назад Петрозаводск был взволнован слухами об уничтожении «резервата» (района старинной деревянной застройки) и строительстве на этом месте гостиницы для иностранцев. Слухи — не просто аккумулятор общественного мнения. Они стимулируют определенное поведение горожан: рассказы о преступлениях заставляют отказываться от посещения театров; слухи о том, что всех котов переловили и съели, побуждают держать животных дома и т. д. Постоянные слухи о близких войнах (например, летом 1997 г.), болезнях, закрытии учреждений и т. п., будучи спровоцированы социальной ситуацией, в свою очередь способствуют ее поддержанию. Слухи рассчитаны на эмоциональное восприятие, будь то сведения, что «в Ереване дети рождаются все в шерсти» (адаптация к бытовым условиям), «новые русские всех выселят из квартир» или «изменится плата за проезд».

Разумеется, слухи, например пенсионеров (записывая которые порой трудно сохранять психологическое равновесие), отличаются от слухов студентов. В молодежной среде время от времени появляются сообщения о том, что «каждый студент один раз в год сможет бесплатно съездить в любую страну», «изобретено лекарство против спида», «экзамены отменят», «на Древлянку будут ходить троллейбусы», а «в природе произойдут такие изменения, что даже люди будут понимать язык животных». Это внушает некоторые надежды.

Автор благодарит своих учеников, студентов Карельского государственного педагогического университета, с чьей помощью собран и продолжает собираться материал.

Примечания

[1] В свою очередь, внешняя репутация влияет на самосознание горожан, и вот уже памятник городам-побратимам в Петрозаводске получил неофициальное наименование «Памятник летающей тарелке».

[2] Далее цитируются тексты, записанные автором преимущественно от молодых горожан 17–23 лет и ими самими в 1996–1997 гг. Точные паспортные данные не приводятся в тех случаях, когда материал носит массовый характер. Все тексты находятся в архиве автора.

[3] Самозапись Н.Фроловой, 17 лет, г. Олонец, 1996.

[4] Самозапись Е.Куликовой, 17 лет, г. Кандалакша, 1996.

[5] Записано в 1996 г. от А.Кузнецовой, 17 лет, уроженки г. Пудожа. Вариант с иной этимологией названия: «дуга весом в пуд» сообщен А.Попковой, 17 лет, уроженкой д. Колово Пудожского района Карелии, 1996.

[6] Записано Н.Константиновой от С.Семеновой, 12 лет, уроженки г. Медвежьегорска, 1996. Второй сюжет, об охотнике и колдунье — первопоселенцах, записан ею же от исполнительницы того же возраста. Еще одна версия — об убитом медвежонке и медведице — записана А.Богдановой, 18 лет, уроженкой г. Медвежьегорска, 1996. Последний сходен с преданием о Медведь-горе в г. Ялте.

[7] Записано М.Грызиной в 1996 г. от Александра, 20 лет, г. Петрозаводск.

[8] Записано М.Грызиной от того же исполнителя.

[9] Самозапись М.Грызиной, 18 лет, г. Петрозаводск, 1996.

[10] Записано А.Легут в 1996 г. от В.И. Легут, 49 лет, уроженки г. Петрозаводска.

[11] Записано Н.Фроловой в 1996 г. от уроженца г. Олонца, 47 лет.

[12] Самозапись А.Попковой, 17 лет, уроженки Пудожского района Карелии.

[13] У нас имеется два варианта этого предания в современной записи.

[14] Записано в 1996 г. от Н.Халуниной, 18 лет, Мурманск.

[15] Этот сюжет в сказочной новеллистике ассоциируется с Гарун-аль-Рашидом, в легендарной трактовке обозначается как «Бог в гостях», используется также в исторических преданиях. Аналогичное явление наблюдается в жанре анекдота; популярные сюжеты могут циклизоваться вокруг имени местного правителя, что иногда приводит к смене жанровой установки.

[16] Самозапись А.Кожевниковой, 17 лет, г. Петрозаводск, 1996.

[17] Самозапись Ю.Поповой, 17 лет, Петрозаводск, 1996.

[18] Записано А.Легут в 1996 г. от В.И.Легут, 49 лет, г. Петрозаводск.

[19] Записано в 1996 г. от С.Васькиной, 18 лет, уроженки Вологодской обл.

[20] Материал по этому району собран в 1996–1997 годах студентом Г.Селезневым, 18 лет, жителем «Кирпичного».

[21] В употреблении термина мы следуем фольклористической традиции; см.: [Пропп 1976: 51].

[22] Записано в 1997 г. от Н.Кушнирчук, 18 лет, уроженки г. Лахденпохья.

[23] Самозапись Т.Олешовой, 17 лет, уроженки г. Олонца, 1996.

[24] Самозапись Н.Шальковой, 18 лет, уроженки г. Апатиты.

[25] Самозапись Е.Маковеевой, 17 лет, уроженки г. Коми.

[26] Записано О. Кузиной в 1996 г. от Ю.Поповой, 17 лет, г. Петрозаводск.

[27] Самозапись А.Олехник, 17 лет, г. Петрозаводск, 1996.

Литература

Белоусов 1987 — *Белоусов А.Ф.* Городской фольклор: Лекция для студентов-заочников. Таллин, 1987.

Березович 1997 — *Березович К.Л.* Русский фольклор через призму топонимии // Междунар. симпозиум «Традиционная культура финно-угров и соседних народов: Проблемы комплексного изучения». Петрозаводск, 9–12 февраля 1997 г. Тез. докл. Петрозаводск, 1997.

Будина, Шмелева 1989 — *Будина О.Р., Шмелева М.Н.* Город и народные традиции русских. По материалам Центрального района РСФСР. М., 1989.

Восточнославянский фольклор 1993 — Восточнославянский фольклор: Словарь научной и народной терминологии / Редкол.: К.П.Кабашников и др. Минск, 1993.

Дмитриева 1997 — *Дмитриева Т.Н.* Топонимические легенды казымских хантов // Междунар. симпозиум «Традиционная культура финно-угров и соседних народов...».

Криничная 1978 — Северные предания (Беломорско-Обонежский регион) / Изд. подгот. Н.А. Криничная. Л., 1978.

Криничная 1987 — *Криничная И.А.* Русская народная историческая проза. Вопросы генезиса и структуры. Л., 1987.

Лесерф, Паркер 1993 — *Лесерф И., Паркер Э.* Дело Чернобыль / Сокр. пер. с франц. Е.В.Диковой, Л.Б.Преображенского // Бюллетень центра общественной информации по атомной энергии. 1993. № 1. С. 55–71; № 2. С. 47–67; № 3. С. 36–59; № 4. С. 42–63; № 5. С. 53–66 (*Leserf J., Parker E.* L'Affaire Tchernobyl. Paris, 1987). Дается обзор основных работ и приводятся классификации слухов.

Лурье 1995 — *Лурье В.Ф.* Памятник в текстах современной городской культуры // Живая старина. 1995. № 1.

Пропп 1976 — *Пропп В.Я.* Фольклор и действительность. М., 1976.

Путилов 1994 — *Путилов Б.Н.* Фольклор и народная культура. СПб., 1994.

Рабинович 1983 — *Рабинович М.Г.* К определению понятия «город» (в целях этнографического изучения) // Советская этнография. 1983. № 3.

Равинский, Синдаловский 1995 — *Равинский Д.К., Синдаловский Н.А.* Современные городские легенды: Петербург // Живая старина. 1995. № 1.

Шаламов 1994 — *Шаламов В.* Четвертая Вологда. Вологда, 1994.

Элиасов 1960 — *Элиасов Л.К.* Русский фольклор восточной Сибири. Ч. II. Народные предания. Улан-Удэ, 1960.

И.В.Утехин
(Санкт-Петербург)

Фольклор коммунальных квартир

Как известно, значительная часть населения крупных советских городов, прежде всего Москвы и Ленинграда, проживала в коммунальных квартирах, где несколько семей, не состоящих в родственных отношениях и зачастую принадлежащих к разным социальным и этническим группам, совместно пользовались кухней, ванной и туалетом. Располагаясь в многокомнатных квартирах в центре города, такие сообщества могли достигать больших размеров (до пятидесяти человек и более), особенно в те времена, когда нередко встречалось проживание и неродственников в одной комнате. Тесное — в прямом и в переносном смысле — взаимодействие в быту приводило к выработке стереотипов поведения, позволяющих наиболее эффективным образом распределять имеющиеся ресурсы и обязанности по их поддержанию в русле утвержденных сверху инструкций по организации быта. Сами такие стереотипы, или практики повседневного поведения, представляют собой предмет изучения этнографа, тогда как их мотивировки, вместе с целым рядом других явлений духовной культуры, принадлежат к области специфического фольклора коммунальных квартир. Обзору этой области и ее связи с мифологическим программированием повседневного поведения и посвящена эта статья. Мы опираемся на собственные материалы, собранные в больших коммунальных квартирах Санкт-Петербурга.

Даже если новичок, попадая в такое сообщество, говорит на одном языке с его членами и принадлежит той же культуре, поначалу он не разделяет с ними особой компетенции местного жителя, не является «своим». Это значит, что ему неочевидны многие сами собой разумеющиеся для старожилов вещи, касающиеся отношений внутри сообщества. Между тем человеческие отношения затрагиваются всяким его шагом, всяким действием в публичном пространстве. Будучи воспринято окружающими, всякое движение оценивается как в той или иной мере отвечающее принятому здесь обычному ходу вещей. Новичку предстоит освоить принятые способы действия и интерпретации. Постепенно он овладевает специфической компетенцией местного жителя, но и вносит новое в обыденный распорядок, соответственно получая свой статус в структуре сообщества.

Что же входит в эту компетенцию «своего»? Прежде всего, это сведения, относящиеся к структуре сообщества и, соответственно, к структуре пространства. Представим себе гостя, в первый раз появившегося в квартире. Соседи ему незнакомы: выходя на общую кухню, он здоровается с ними обезличенно. Он спрашивает, где здесь туалет. Он не знает, где можно взять мыло и полотенце, на какую плиту можно поставить чайник, где взять спички, и т. п., ведь ему позволительно пользоваться только вещами — и местом — человека, к которому он пришел в гости. Ошибка может навлечь не столько на самого гостя, сколько на его хозяина гнев соседей, потому что всякое мыло, полотенце, место на плите и т. п. кому-то принадлежит. Предполагается, что каждый жилец вполне владеет соответствующей информацией и обязан донести минимальную нужную ее часть до своего гостя.

В полном своем объеме такая информация не может быть описана строгим набором запретов или правил — даже не потому, что мелких правил оказалось бы слишком много, а, скорее, оттого, что многие правила нестроги и подразумевают исключения, оговорки и, случается, модифицируются в процессе их применения. Ведь там, где в игру вступают человеческие отношения, формализация гораздо беднее существа дела. Это замечание касается неспособности хозяина ввести гостя исчерпывающим образом в курс отношений в квартире — и равно справедливо для неспособности исследователя корректно описать материал (в данном случае, компетенцию участника сообщества) при помощи последовательно структуралистской модели.

Так, ставить свою сумку на чужую табуретку или кастрюлю на чужой стол нельзя; случайно оставив там свою вещь, вы рискуете позже найти ее на полу. Но если хозяин стола или табуретки (и/или свидетели) сейчас отсутствуют или же если чужая табуретка или стол принадлежит дружественному соседу, то правило можно нарушить — что часто и происходит. Компетенция участника сообщества диктует ему во всяких данных обстоятельствах линию поведения в пределах допустимого. Напротив, человек, не являющийся участником данного сообщества, владеет в самом общем смысле правилом, что нельзя пользоваться чужими вещами, но не знает, как это правило применить, так как статус тех или иных мест (вещей), за которыми стоят отношения соседей, для него неясен.

Может возникнуть вопрос, какое все это имеет отношение к фольклору. Мы полагаем, что к фольклору относятся не сами сведения о правилах и стратегиях поведения, а их объяснения и мотивировки в более или менее стереотипной словесной форме. Мотивировки предполагают отсылку либо к здравому смыслу, как он понимается в данном сообществе («как это ты будешь стирать на кухне, здесь же все готовят?» или «что же, ждать, когда ты постираешь, чтобы помыться? Стирай в кухне, как все люди»), либо к прошлому состоянию или к прецеденту, вроде «всю жизнь так делали» или «здесь еще у моего отца крюк висел, он мне и завещал это место».

К специфическому коммунальному фольклору, бытующему в письменной форме, относятся самодеятельные инструкции. Поскольку правила, на которые люди опираются в повседневности, более гибки и многогранны, чем официальные «Правила внутреннего распорядка в квартире», инициативные жильцы ис-

пытывали ощущение, что формальные инструкции нуждаются в дополнении. Правила, составленные отдельными жильцами, выступавшими от лица коллектива, стремились заполнить лакуны, оставленные официальными инструкциями. Насколько можно судить по доступным образцам и рассказам о деятельности квартирных лидеров, самодеятельные правила состоят из более детальной, чем в официально утвержденной инструкции, регламентации повседневной деятельности в части, которая могла вызвать противоречия и конфликты. Ссылка на правила, висящие на стене, делала увещевание более убедительным и требование более легитимным. Так, со всем возможным педантизмом автор правил писал, что, подметая коридор, совок для мусора следует держать поблизости, чтобы собирать сметенное частями, а не тащить весь сор кучей по коридору; что телефонный разговор должен длиться не дольше определенного времени; что курение в местах общего пользования недопустимо, потому что это вредит здоровью людей; что двери комнат должны быть плотно закрыты и что нельзя допускать шума после одиннадцати вечера — все это, заметим, потенциальные поводы скандалов.

В ванной такой ответственный и инициативный человек вывешивал объявления вроде «*Не перекручивайте кран*». Вообще говоря, вывешивание надписей широко распространено в местах общего пользования и служит предупреждению конфликтных ситуаций. Это может быть лаконичное «*Моются*!» в качестве предупреждения, чтобы не открывали кухонный кран, подсоединенный к той же газовой колонке, от которой питается горячей водой кран в ванной, где как раз и «моются». Ср. также у телефона чью-то личную просьбу без указания личности просителя: «*Кто взял телефонный справочник, положите, пожалуйста, на место*» или примечательное объявление, прикрепленное в ванной комнате: «*Душ новый. Пользуйтесь осторожно*». В общем случае, объявление такого рода — способ обратиться с напоминанием к широкой аудитории в чреватой нарушением нормального хода вещей ситуации, когда следование норме невозможно проконтролировать из-за отсутствия свидетелей. Таково, например, объявление «*В унитаз бумагу не бросать*!». При наличии подобного предупреждения установленный виновник нарушения будет уличен не в невнимательности, а в злом умысле и неуважении к соседям, ср. в туалете «*Подними за собой стульчак*!».

Не все объявления направлены на регламентацию поведения в интересах сообщества — иногда целью послания оказывается охрана индивидуальных интересов и собственности от случайных или намеренных происшествий, что, в конечном счете, всему сообществу выгодно. Таково, например, объявление, под которым в кладовой помещены чьи-то хрупкие вещи, прикрытые ковровой дорожкой: «*Пожалуйста, не кладите ничего сверху*!». Другой замечательный пример — надпись на внутренней стороне дверцы шкафчика в ванной, где хранится мыло и зубная паста: «*Не бери чужого!*». Она представляет всевидящий глаз совести и недремлющее око хозяина; прочитать ее мог только тот, кто совершил проступок, забравшись в чужой шкафчик.

Объявления первого типа оказываются обращением к читателю некоторой нормы, принятой коллективом. Однако вывешивание объявления в целях защиты общих интересов — всегда жест индивидуальный, проявление личной ини-

циативы; да и адресат может быть вполне конкретным, ведь нарушитель порядка в коммунальной квартире — не абстрактный, а вполне конкретный человек, чаще всего известный автору обращения. И если имя нарушителя в объявлении не указано, то это может быть истолковано как попытка «мягко» воздействовать на адресата, избежав скандала. Автор объявления как бы обращается к адресату с предложением о сделке: мы не будем всем громогласно заявлять, что это сделал ты (хотя это и так всем известно), а ты больше не будешь так делать.

Индивид, просвечивающий в качестве автора объявления, да и сама безличная формулировка нормы могут становиться собеседниками — тогда на объявлении появляются приписки. Стереотипность и видимая обезличенность, стилистическая выдержанность, но прежде всего — проблеск эстетической функции в объявлениях и приписках к ним (ср. «Берегите тепло» — приписка: «окружающих вас людей») дают некоторые основания относить объявления в коммунальных квартирах к разряду специфического коммунального фольклора. Упомянутый эстетический заряд коммунальных текстов был осознан и использован в российском авангардном искусстве перестроечного и постперестроечного времени, в частности, в инсталляциях Илья Кабакова.

Отметим, что не только в объявления, но и в самодеятельную инструкцию может просачиваться своеобразная художественность и экспрессия слога; более того, между объявлением и инструкцией иногда затруднительно провести четкую границу, поскольку инструкции могут быть посвящены более или менее частным поводам и вывешиваться в соответствующих местах. Вот примеры трех таких текстов из одной квартиры:

Объявление на двери ванной с внутренней стороны:

В коммунальной квартире с 23 час. вечера до 7 час. утра полагается соблюдать тишину.

Поэтому просьба после 23 час. вечера не мыться и не стирать, поскольку в комнате, прилегающей к ванной не капитальная стена. И потому слышен плеск воды при полоскании белья, стук тазом, а закрываемая задвижка звучит, как выстрел в ночи, слышно щелканье выключателя.

И умыться можно до 23 час.

После мытья в ванной следует стиральным порошком вымыть ванну и ополоснуть душем и вытереть пол!

Объявление на внутренней стороне входной двери:

Это преступление против всех жильцов квартиры НЕ ЗАКРЫВАТЬ ДВЕРЬ на верхний замок в нашем БАНДИТСКОМ ПЕТЕРБУРГЕ!!! Нижний замок можно открыть гвоздем. Как можно забыть закрыть дверь на верх. замок!!! И когда ходите на помойку обязательно закрывайте на верхний замок.

Ср. также документ, прилепленный к стене ванной, но частично ободранный:

Правила мытья ванной, ..я того, чтобы не ободрать краску в ванной

...астер, красивший ванну велел:

мыть ванну только стиральным порошком или ..ылом, а ржавчину отчищать питьевой содой. Ни в коем случае для чистки ванной нельзя ...ользовать средства, содержащие щавелевую кислоту: «санитарный», «са..с», пасту ...ржа», вообще ...акие пас-

ты. ..., чтобы не ...ть краску, нельзя ставить ...анну металл...е или эмалирован.. только... этиленовые.
...лько мягкой тряпкой, щеточкой.
... 00 тыс. Сейчас краска...
Берегите ванну

В данном случае автором текстов является пожилая женщина, живущая, как можно понять из первого объявления, в комнате рядом с ванной. Она — неформальный лидер сообщества, проявляющая посредством подобной законодательной деятельности свой авторитет, основанный прежде всего на статусе старожила. Сочиненные ею тексты отражают отношения в коллективе: они адресованы прежде всего тем членам сообщества, которые рассматриваются автором как потенциальные нарушители порядка. К их числу всегда относятся и новички.

Характеристики соседей, их отношений между собой, а также сведения о том, что кому принадлежит и как себя вести, становятся известны новичку не только из непосредственного наблюдения. Информация и оценки в значительной мере приходят из чужих уст, в том числе в форме сплетни. Природа сплетни такова, что ее бессмысленно пересказывать — ее, вообще говоря, невозможно пересказать. Не в том смысле, в каком не поддается пересказу другими словами текст поэтический, а в прямо противоположном: даже воспроизведя сплетню дословно, мы не сможем передать все то содержание, которое сплетник в нее вкладывает, обращаясь к своему собеседнику. Причина вот в чем: не являясь членами данного сообщества, мы не владеем тем контекстом, с которым сплетня неразрывно связана. Она имеет смысл только между людьми, являющимися до некоторой степени соучастниками, включенными в сообщество и обладающими своими собственными (и частично совпадающими) интересами. Соответственно, и попытка переписать сплетню в нейтральных терминах информационного сообщения обречена на провал, ведь нам пришлось бы развернуть то, что осталось невысказанным в сплетне, но само собой разумелось для говорящего и слушателя. Кроме того, нам потребовалось бы соотнести сплетню с некоторым «реальным положением дел», чтобы объяснить, почему это именно сплетня, а не объективная информация. Эти задачи представляются трудновыполнимыми. Однако мы можем, в принципе, определить, что обычно является предметом сплетни, какие функции она выполняет и как она это делает.

Сплетня чаще всего сообщает информацию, которая неочевидна и не может быть доступна в иной, нежели сплетня, форме — скажем, из наблюдения или из уст персонажа сплетни. Персонаж сплетни не предназначает интересующий сплетника аспект своей жизни для публичного ознакомления и обсуждения. Соответственно, невозможность достоверной проверки оставляет место фантазии сплетника. Интерес и фантазия обращаются ко всему, что отклоняется от обычного хода вещей, представляет собой событие, а потому заслуживает внимания и объяснения, если есть основания предполагать, что у события имеются неочевидные подробности, а у его участников — скрываемые побуждения и мотивы. События провоцируют эмоционально (часто — завистью) окрашенные взгляды, стремящиеся преодолеть границу сферы приватного. Таковы, например, дорогие покупки и новости в личной жизни.

Соседи, чей образ жизни и привычки контрастируют с обычными и объяснимыми исходя из местного здравого смысла, постоянно притягивают к себе взгляды окружающих. В том числе детей, которых пугают такими соседями. Несмотря на относительную прозрачность пространства и высокую осведомленность о жизни друг друга, такая осведомленность никогда не бывает исчерпывающей — тем более, если кто-то пытается оградиться от нескромных взглядов. Соседи вынуждены разгадывать загадку, находить «рациональные» объяснения «странным» привычкам и поступкам. Шпионство, подсматривание и подслушивание оказываются источниками тенденциозной информации, которая готова к использованию в коммунальных конфликтах склочными личностями с традиционным коммунальным менталитетом. Сплетня всегда тенденциозна, но имеет смысл отдельно говорить о сплетнях, где доля тенденциозной интерпретации значительно превышает долю информации, так или иначе соотнесенной с действительностью.

Актуальная сплетня является чем-то вроде словесного выражения Present Perfect социальной реальности, чем и обусловлена ее роль поставщика фоновых знаний, мотивирующих поведение, и аргумента в конфликтных ситуациях. Своим Present Perfect обладают люди, а также места и вещи (в той мере, в какой они связаны с людьми). Даже если такая информация об их прошлом более или менее приватна, она может становиться актуальной в определенных обстоятельствах. Скажем, тот факт, что «эту чашку я купил в Нижнем Тагиле в тысяча девятьсот семьдесят шестом году», остается фактом личной биографии человека, частью его приватного жизненного мира — и не может быть никому интересен до тех пор, пока он не актуализуется в отношениях с другими людьми, когда, например, эта чашка разбита кем-то другим или украдена.

Менее важны для повседневного поведения передаваемые из уст в уста сведения о бывших жильцах и том, что и как здесь было раньше.

> Клавдия Николаевна была проститутка. Когда совсем состарилась, стала портнихой. У нее была комната, как антикварная лавка. Была очень интересная женщина. Она до самой смерти ходила на каблуках, подтянутая, и если все старушки выносили горшки, то она выносила вазу красивую, будто бы воду для цветочков меняла. И только однажды, уже совсем старенькая, она в этих своих каблуках запуталась, запнулась, упала, и вся эта ваза, вонючая, разлилась по коридору <...> Какая у нее была комната! Там, бронза на бронзе, фарфоровые штучки... Интерьер такой, проститутский, фитюлечка на тютюлечке, розочки-разрозочки...

Не обладая непосредственной значимостью для актуальности быта (и являясь, таким образом, чем-то вроде Past Indefinite), применительно к публичному пространству, такие данные объясняют, в частности, происхождение многочисленных «пережитков» в окружающей весьма консервативной среде сегодняшней коммунальной квартиры: таковы остатки сломанного водогрея на кухне, неработающая раковина, чьи-то лыжи на полке в туалете, сундук в прихожей, хозяин которого давно умер. Множество вещей и приспособлений не используются и едва ли пригодны к использованию, но остаются на своих местах уже просто потому, что никто не берет на себя труд их убрать, так как они не затрагивают непо-

средственно ничьих интересов. Заметим, что в условиях былой высокой плотности населения такая ситуация была менее распространена.

Данные такого рода составляют часть устной истории сообщества. В частности, сплетни теряют актуальность (переходят из разряда Present Perfect в разряд Past Indefinite) и сплавляются со всем тем, что видено собственными глазами и обладало когда-то более достоверным статусом. Особенно это относится к разряду сплетен-рассказов об экстравагантном или нелепом поведении соседей, в том числе о чудачествах пьяных. Здесь наблюдение явно превалирует над интерпретацией, а сама информация при желании может быть подвергнута проверке и подтверждена другими свидетелями. Актуальные и тенденциозные элементы со временем стираются, а деяния приобретают легендарные черты и передаются в рассказах еще долго после того, как герои события умерли или переехали, как, например, в истории о соседях, которых помнят только старожилы.

> Он повесился. У него радио как раз орало песни Петра Лещенко; проигрыватель он выбросил в окошко. И оставил свою жену Нину беременной. И она родила алкоголика Колю, который после армии пошел в милицию, и в милицейской форме падал посреди коридора, а он был двухметрового роста, так что было не пройти. И при этом пел песню, лежа, где были такие слова: «Мы вам честно сказать должны, что девчонки нам больше жизни нужны».

Рассказывание таких рассказов — гостям, новичкам или старшими младшим («Ты, наверное, уже не застал...») — может быть спровоцировано каким-то обстоятельством, но может и не требовать никакого явного повода. Нередко повествования о том, «как жили раньше», можно услышать в праздники, когда хозяйки, принадлежащие к разным поколениям, готовят на кухне, или же во время совместных посиделок дружественных соседей за праздничным столом.

Содержание рассказов о прошлом квартиры и дома, куда входят и рассказы о прошлом незапамятном, дореволюционном, известном лишь со слов предков (Past Perfect), достаточно типично. Условно эти материалы возможно подразделить по историческим периодам: время с конца перестройки, предперестроечное десятилетие (когда плотность населения стала заметно уменьшаться), период примерно после смерти Сталина, послевоенные годы, война, тридцатые годы (период после уплотнений), послереволюционный период и двадцатые годы (когда квартира стала коммунальной), начало века. В этом материале нас интересует не столько отражение реальных исторических фактов, сколько характерные способы интерпретации и представления (чтобы не сказать — конструирования) исторической действительности.

Особое место в этом массиве занимают представления теперешних жильцов о том, кем, когда и зачем был построен их дом, кто в нем жил, в частности в их квартире. Большинство домов с большими коммунальными квартирами расположены в центре города и построены до революции; каждый такой дом имеет свое лицо, свой архитектурный облик, нередко — собственное название, архитектурную и историческую ценность. В историческом центре города здания отличаются друг от друга, и в глазах жильцов отличия их дома имеют значение. Хотя информация, относящаяся к «давно прошедшему», и не имеет непосредствен-

ного влияния на повседневность, ее роль для самоидентификации жильцов, для осознания их причастности к данному месту, их статуса старожила достаточно очевидна. Эти сведения рассказываются новичкам и гостям, чтобы показать особенность данного места (переносящуюся и на людей, здесь обитающих). Владение этими сведениями престижно, а для человека нестарого недостижимо иначе как через опыт долгого совместного проживания со старожилами.

После революции большие квартиры в центре часто отдавались партийным функционерам, военным и хозяйственникам высшего и среднего звена. Даже если в квартире не осталось никого из потомков такого жильца, подвергшихся впоследствии уплотнению, этот факт сохранен в памяти. Любопытны представления о том, как квартира стала коммунальной. В наших материалах, касающихся разных квартир в одном доме, информанты высказывают по этому вопросу поразительно схожие суждения — утверждается, что изначальное разделение жилплощади между несколькими семьями было добровольным и произошло по инициативе того самого жильца, который поначалу занимал с семьей всю квартиру целиком. Вот характерный отрывок из интервью с женщиной 1934 года рождения.

...Эту квартиру вначале дали такому революционеру, Тютчеву, он жил в этой квартире с дочкой. Целую квартиру выдали. И вся она была с антикварной мебелью, брошенной тут. Квартира, якобы, генерала, это со слов бабушки... И вот этот самый Тютчев заскучал с дочкой. За какие заслуги ему дали, я не знаю, но, в общем, Тютчев Николай, родственник поэта, кстати <...> Но что бабушка мне рассказывала, это что ему стало скучно, квартира большая, обстановка прекрасная, слонялись они из комнаты в комнату. И он стал искать себе приятных людей, знакомых, интеллигенцию всякую — так, чтобы позвать не каких-то посторонних, а... то есть по своей воле стал искать, сначала... а потом уже начали заселять... и вот там в конце же зал шикарный, который разделили, как по Ильфу и Петрову, перегородочками. Короче говоря, сначала заселились люди по интеллекту и по всяким замашкам друг другу приятные. Вот эти, у нас там жили из института благородных девиц, две сестры, знающие языки, там, все такое. И так же вот приехала родня моей мачехи. А она с папой и с мамой из прежней интеллигенции, оба педагоги. И вот они в этой комнате жили <...> Короче говоря, стали жить да поживать.

В другом случае рассказывают о партийном работнике, который пригласил пожить в его квартире людей, пострадавших от наводнения 1924 г. Эти люди затем пригласили своих родственников, и квартира стала многонаселенной. Характерный момент этих рассказов — добровольность приглашения соседей. Люди полагают естественным, что жить одной семье в огромной квартире неудобно, требуется подходящая компания. Некоторые реальные факты могли служить подоплекой такому убеждению, ведь новая элита не чувствовала себя комфортно в роскошных условиях, когда количество комнат превышало число обитателей.

Более правдоподобным, однако, представляется другой реальный прототип событий, хотя и не предполагающий вполне добровольного принятия решения. Речь идет о так называемом «праве на самоуплотнение», в соответствии с которым обладателям излишков жилплощади в течение определенного времени после предупреждения жилконторы было разрешено самим выбрать себе сожите-

лей. Как правило, чтобы избежать проживания с чужими, приглашали родственников из деревни или прописывали прислугу. По истечении срока жилконтора принимала решение о подселении без согласия уплотняемых жильцов.

В результате оказывалось, что хозяева жили в квартире на равных правах с прислугой или же дореволюционные хозяева покидали квартиру, а прислуга оставалась. Следы такой ситуации иногда прослеживаются и до настоящего времени. Ср. пассаж из интервью, где обсуждался прежний владелец квартиры:

> ...банкир, банкир... фамилия я не помню, Башкирцев, что ли. У нас есть соседка, которая должна, по идее, помнить это. Не его. А ее мама работала у него горничной, по-моему. Она не очень любит этот факт упоминать, ее, видимо, как-то задевает, что мама была горничной, но тем не менее... Банкир сбежал, и вот осталась эта горничная, и еще какая-то прислуга...

Самоуплотнение (и просто уплотнение) затрагивало и дореволюционных, и послереволюционных обитателей квартиры. И те и другие обычно видятся в качестве своего рода выдающихся личностей. Те немногие сведения, которые имеются об их привычках и образе жизни, связаны с исторической топографией места. Практически в каждой большой коммунальной квартире найдется жилец, и необязательно пожилого возраста, который возьмется быть вашим гидом и расскажет об изначальном предназначении каждой из комнат. Обитая в бывшей столовой или в ее части, отгороженной перегородкой, или в маленькой изолированной комнате для прислуги, он, тем не менее, представляет себе изначальный план квартиры целиком, хотя никогда не видел его воплощения. Оставшиеся элементы декора служат единственной наглядной опорой для такого представления, а история квартиры оказывается историей перестроек и перегораживаний, историей борьбы коллективного проживания с изначально не предназначенной для этой цели средой. Перестройки должны были бы последовательно стирать эти опоры для памяти, но выполненные самым дешевым образом, они оставляют зримые следы прошлых состояний.

Чердак, подвал и вообще периферия дома, как полагают, могут скрывать секреты прежних жильцов и владельцев. Так, распространено представление о том, что когда после революции кто-то из них бежал за границу, в доме остались клады. В поисках кладов простукивались стены, обшаривались подвалы и чердаки. Это было отнюдь не только детской игрой даже и в послевоенное время, хотя дети, разумеется, принимали в этом занятии самое активное участие.

> Все рассказывали, что тут где-то есть клад, и вот все ходили стучали, искали клад. И дети, и взрослые искали клад, соседи, когда услышали от швейцара, что тут где-то клад замурован. Ну, пошел слух <...> Может быть, и есть он до сих пор где-то, но... Так бабушка рассказывала. Соседи каждый в своей комнате выстукивал. Ничего не нашли.

Перепланировки внутри дома и разделы больших квартир на квартиры меньшего размера добавляли зданию секретов. На лестницах и внутри квартир появлялись закрытые или заколоченные двери, про которые не всегда можно точно сказать, куда они ведут. По поводу таких дверей можно услышать самые любопытные предположения, да и в целом немногие жильцы четко представля-

ют себе реальную планировку дома. Если же из-за дверей периодически слышны какие-либо звуки, то это дает богатую почву домыслам. Впрочем, представление о таинственных свойствах того или иного помещения может не предполагать никаких внешних примет таинственности вроде заколоченной двери. Об одной из комнат в квартире рассказывает восемнадцатилетняя барышня:

> Вот эта комната пользуется такой нехорошей славой. Все говорят, что она нехорошая. На самом деле я не трусливый человек, но недавно мне так страшно было. Я спала, и у меня такой глюк был — я спала лицом туда к стенке — и у меня глюк был, что здесь стоит какой-то мужик и мне что-то говорит. Я уже не помню, я не сообразила, что он мне сказал. У меня просто закружилась голова, и мне так страшно было. Я сюда повернулась — никого нет. И с тех пор у меня — все, я уже напугалась, и мне постоянно кажутся какие-то голоса тут, наверное, я с ума схожу. Раньше я никогда не боялась, ни темноты, ничего... Говорят, тут видели какую-то черную девочку. Такая байка ходит. Я, конечно, в нее не верю, но мои соседи, то есть брат молодого человека, которого вы видели, они, наверное, вплоть до прошлого года утверждали, что они тут видели лет пять назад какое-то привидение, силуэт черной девочки, который как будто бы сюда вошел, через дверь просто, прошел откуда-то из коридора, из темноты, и все, и исчез. Они живут вот там, и у нас часто не бывает света в коридоре. И они говорят: «Мы вышли, смотрим — идет». И она зашла в эту комнату. Причем я здесь еще не жила, им как бы незачем было меня пугать.

Даже безотносительно к привидениям связь с бывшими обитателями и основателями дома незрима, но ощущается жильцами и особенно старожилами. Люди чувствуют, что они живут в особенном месте — кстати говоря, это чувство почти совершенно чуждо жителям окраин, обитающим в стандартных домах, где ни дома, ни квартиры не имеют своего лица и своей особенной истории. Трудно представить себе мемориальную доску на стене блочного дома, построенного по типовому проекту: такое здание сомнительной индивидуальности не предназначено для памяти, это нечто временное, служащее в качестве спальни. Напротив, в центре города, где каждое место нагружено историческими и литературными коннотациями, память незаметно вовлекает в себя даже тех людей, которые отнюдь не склонны к историческим или литературным интересам — хотя бы через названия улиц и домов. Живя с рождения в большой коммунальной квартире в центре города, человек чувствует себя укорененным в этом месте.

Более того, он претендует на то, что именно его место — более особенное, чем другие. Так, например, сразу в нескольких квартирах одного дома люди сообщали, что именно в этой квартире жил архитектор, построивший дом. Одна пожилая женщина даже утверждала, что, как ей достоверно известно, архитектор тайно продолжал жить в этом доме и после революции вплоть до печально знаменитого 1937 года; он коротал дни на чердаке со своей экономкой, которая иногда отлучалась продавать его фамильные драгоценности (как удалось установить, архитектор умер в 1923 г. и могила его имеется на Волковом кладбище). Схожие предположения высказываются обычно и относительно квартиры, где жил бывший владелец дома. Имя владельца помнят (зачастую больше не зная о нем ничего), и теперешние жильцы в разных квартирах полагают, что он проживал именно в их квартире — и показывают его кабинет, столовую или гостиную.

Период тридцатых годов обычно вспоминают как время хорошо организованного, несмотря на тесноту, коммунального быта, со строгим порядком. Чистые лестницы и забота дворников об их состоянии, безопасность дворов и закрытые на ключ ворота и входные двери парадных представляют собой предмет ностальгии.

Во время войны, в блокаду и в первые послевоенные годы население квартир менялось активнее, чем в другие периоды. В рассказах старожилов и их потомков о тяготах этого времени есть повторяющийся мотив: пришельцы этого периода рассматриваются ими как главный двигатель первого серьезного ухудшения порядка и дисциплины в квартире. Четкое представление о переменах того времени в составе жильцов имеется и у людей, родившихся после войны; ср. из уст сравнительно молодой информантки:

> ...Сильно изменился контингент в войну. Кто-то умирал, а в это время те, кто там воздушной обороной занимался, вот их подселяли по месту их дежурств. Вот такие появились у нас... по-моему, они пскопские, что ли... последняя из них недавно умерла. А так остальные, скажем, во второй этаж снаряд попал, окна разнесло — перебрались на пятый...

В принципе, этот текст практически неотличим от рассказа непосредственного участника событий тех лет:

> И вот эта квартира была заселена довольно приличными людьми. Они дружно так жили, но вот постепенно начинает меняться контингент. С войны. Освободившиеся комнаты стали заселяться. В основном из деревни, многие пытались ведь в город прорваться. Обрати внимание, что одна приедет сестра, потом за ней все остальные, они все сейчас имеют отдельные квартиры, эти деревенские. А мы так тут и чахнем.

Следующее столь же серьезное ухудшение относится уже к эпохе перестройки. Старожилы и интеллигенция считают деревенское происхождение пришельцев — и их соответствующую «бескультурность» — причиной конфликтной атмосферы в квартире, которая, как полагают, зародилась именно в это время. Сравнительно более поздние периоды отражаются в структуре сегодняшнего сообщества: участники событий либо все еще живут здесь, либо недавно переехали. Их конфликты, проблемы, кражи, браки, смерти и рождения определяют сегодняшний пейзаж квартиры. Хотя перемены второй половины восьмидесятых привели к значительному уменьшению населения квартир, это время видится как окончательный упадок традиционных норм коммунального быта. В сознании старых жильцов значимым этапом в цепи событий, приведших к этому упадку, была отмена ночного дежурства дворников. С этого времени появляются, например, граффити на стенах в парадных, а роль домоуправления падает, товарищеские суды перестают быть действенным средством сдерживания квартирного хулиганства. В годы перестройки, с одной стороны, широко распространилось неподконтрольное сообществу аномальное поведение, а с другой — резко ухудшилось техническое состояние квартир, граничащее сегодня с разрухой. Здесь значимым событием оказывается изменение системы вывоза мусора: прежде на каждой площадке черной лестницы стояли баки с пищевыми отходами, а в квар-

тире мусор собирался в общие ведра, которые ежедневно выносились дежурным на помойку. Сегодня у каждой семьи имеется собственный пакет, который выносится самостоятельно. Это — частное проявление процесса приватизации жизни и ослабления контроля коллектива за бытом, что осознается как крах традиционных норм общежития.

Общим местом рассказов старожилов о прошлом оказывается своеобразная мифологема «золотого века»: раньше жили в тесноте, да не в обиде, умели поддерживать порядок; ругались и склочничали, но в целом жили дружно. Наркоманов не было, квартиру убирали лучше, люди были честнее и у своих никогда не воровали. Более того, в квартире были лидеры — люди, ставившие общественный интерес выше личного, принимавшие решения и бравшие на себя ответственность; рассказы про таких людей и их деяния — отдельный разряд исторических повествований.

Потом был у нас еще офицер морской, Пал Сергеич, удивительный тоже человек, деловой. Там же была большая кафельная плита, и ее велели сломать. Когда ее ломали, он собрал все эти кафельные плитки, он все срочно спрятал и сложил, а потом позвал сотрудников каких-то там, и сделали кафельные стены белые, они до сих пор у нас. Его инициатива. Он тоже всегда строго обращал внимание на всякие неприятности. В общем, как-то подтягивали всех разгильдяев, которые... людей же одинаковых нет, сам понимаешь.

Разумеется, такой ностальгический подход более заметен у представителей старшего поколения, являющихся носителями традиционного коммунального мировосприятия. Нельзя не отметить, что этот подход своеобразно преломляет реальные процессы социального изменения.

Овладение индивидом исторической памятью сообщества оказывается одним из важнейших факторов его самоидентификации как члена сообщества. Помимо того, этот корпус представлений имеет прямое значение для повседневности. Предполагающий владение этим корпусом статус старожила и соответствующие ему особые права не только были (и в какой-то мере остаются) частью обычного права, но были отражены и в советском законодательстве. Так, старожилы обладали преимущественным правом на освободившуюся жилплощадь, и даже сегодня многие пожилые люди убеждены, что государство «должно» предоставить им дополнительные комнаты или отдельную квартиру только потому, что они здесь живут всю жизнь и пережили здесь блокаду. Ссылки на срок проживания на этом месте оказываются обычным аргументом во внутриквартирных конфликтах.

Вообще, раньше наш стол стоял там, где у нас сейчас пенал. Потом уехала вот эта соседка, и мы по-быстренькому, пока не въехали новые жильцы, забили ее место. А потом приехали те жильцы и стали разбираться, почему так... то есть, если мы поменялись с той женщиной, значит, наш стол должен стоять там, где стоял ее стол. Мы сказали «ничего подобного, мы тут дольше живем».

Причем ссылки могут относиться даже не столько к личному участию в жизни данной квартиры, сколько к проживанию в этом доме, на этой улице или в этом городе, т. е. к причастности к местной истории в более широком смысле.

Таким образом, особое чувство принадлежности к месту переносится с данной квартиры на место на исторической карте города, со всеми его коннотациями. В последние годы фирмы по торговле недвижимостью, занимающиеся расселением больших коммунальных квартир в центре города, сталкиваются с нежеланием жильцов расселяться. Как бы ни привлекательно казалось получить отдельную квартиру в обмен на свою комнату в коммуналке, многие жильцы проявляют упорное сопротивление, отказываясь сменить образ жизни и место жительства. Иногда, впрочем, жильцы соглашаются переехать — с тем, чтобы оказаться на одной лестничной площадке со своими бывшими соседями.

Фольклор жителей коммунальных квартир обсуждался выше преимущественно в содержательном аспекте. Дело в том, что его жанровая система по сравнению с современным городским фольклором в целом ничем специфически «коммунальным» не обладает. Поэтому имеющиеся в наших материалах по коммунальным квартирам былички, сны и другие жанры несказочной прозы, а также граффити, по содержанию не обязательно связанные с проживанием в коммунальной квартире, нами здесь не рассматривались.

Нужно, впрочем, заметить, что проживание в коммунальном сообществе и постоянное тесное общение в коллективе создают для некоторых жанров фольклора питательную почву. Интересно было бы остановиться на прагматике этих жанров, т. е. на том, как обмен теми или иными текстами вплетается в бытовое взаимодействие и как он обусловлен отношениями людей. Понятно, что сны, например, не рассказывают кому и когда попало. Более того, они рассказываются «к месту» — так, что их содержание каким-то образом связано с тематикой разговора или с производимыми действиями.

Интересным типом контекста быличек и рассказывания снов являются кухонные беседы о чудесном и таинственном, нередко инициированные обсуждением увиденного по телевизору или прочитанного в газете. Мысль о том, что «что-то в этом есть» (скажем, в предопределенности судьбы или в предсказаниях, которые содержатся в снах), подтверждается разнообразными свидетельствами. Отчетливо ощущается, что одновременно с бытовым, обыденным своим измерением жизнь протекает и в другом, сокрытом от человека аспекте, причудливым образом переплетенном с повседневностью. Оставляя эти темы для отдельного исследования, приведем в заключение один примечательный сон, где символическое изображение судьбы, лишь в малой степени зависящей от воли человека, осознается рассказчиком как непосредственно связанное с бытовой реальностью повседневности:

> Мне снился трамвай, красивый такой, весь освещенный, с занавесочками. Он подходил к остановке, и я как раз туда шла. И я знаю, что мне обязательно нужно сесть на него. Я знаю, что если я на него сяду, все у меня будет хорошо. И вот я бегу уже, но тут появляется другой трамвай, в другую сторону, и мне никак не перейти улицу. И я боюсь, что я не успею, что тот мой трамвай, красивый, уйдет. Этот трамвай — моя судьба. Так и есть, проехал другой трамвай, а на тот мой я так и не успела... Мне вообще часто снится этот сон, про поезд. И я знаю, что когда я не успеваю сесть в вагон, что-то в жизни у меня не получится.

И.А.Разумова
(Петрозаводск)

Семейный фольклор

Бытование фольклора в группах родственников изучалось всегда в одном аспекте, с точки зрения «передачи» традиции исполнительства в пределах определенных классических жанров — былины, сказки, песни. С включением в исследовательское поле материалов современной словесности и расширением понятия «фольклор» появилась возможность поставить вопрос иначе. Группа, объединенная узами кровного родства и свойства (семья), которую характеризует «осознание внутренних связей по разным линиям и основанных на этих связях традиций» [Путилов 1994: 44], имеет собственное культурное пространство и свою историческую память, выраженную в вербальных текстах.

Следует терминологически разграничить понятия «фольклор семьи» и «семейный фольклор». Первым обозначим совокупность традиционных словесных текстов, бытующих в каждой конкретной семье. В нее будут входить, например, любимые народные песни, которые исполняются в семейном кругу, репертуар бабушкиных сказок и отцовских анекдотов и т. п. Термин «семейный фольклор» справедливо отнести к специфическим произведениям, происхождение и функционирование которых обусловлено устойчивыми формами частного быта, семейной жизни и особенностями семейно-родового сознания. Среди них можно выделить тексты «для семейного пользования» и с расширенной сферой бытования.

Семейный фольклор консолидирует родственников и служит показателем уровня семейно-родственных связей. Носителем является не только «малая» семья, но и родственники, живущие в разных местах. Последних может объединять, например, общее родовое предание, традиции домашних праздников и сам характер словесного общения. Есть некая сумма знаний и, соответственно, текстов, которая является семейной собственностью, и подобные тексты записать сложно. У других произведений преобладает «внешняя» семейная функция. Их охотно и часто с гордостью рассказывают, чтобы повысить статус семьи в глазах окружающих. Третья группа текстов выносится за пределы семьи неосознанно, в естественном общении становясь достоянием семейно-дружеского круга с тенденцией к более широкому распространению.

Через семейный фольклор происходит приобщение к историческому и сакральному знанию рода; воспринимаются традиции семьи, включая навыки словесного общения, а также усваивается особый, «семейный», взгляд на мир. Адаптивное значение семейного фольклора важнее всего для двух категорий родственников: поколения внуков и свойственников, пополняющих род как бы «со стороны».

Нами предпринят общий обзор жанров семейного фольклора на основе современных записей примерно от 350 информантов разного возраста, преимущественно 17–40 лет, как горожан, так и сельских жителей. Отметим, что лучшую осведомленность проявляют женщины, и их рассказы отличаются большей подробностью. Вполне удовлетворительные, на наш взгляд, знания обнаруживает младшее поколение. Так, большинство опрошенных детей 10–12 лет знают своих предков до четвертого поколения, многие — до пятого и дальше. Приобщение к семейной традиции происходит поэтапно, поэтому степень и характер владения материалом варьируются у исполнителей разных возрастных категорий. Нередки такие высказывания: «Бабушка сказала, что когда придет время, она мне все расскажет»; «Она говорит: “Рано тебе еще”» и т. п. В жанровой идентификации мы опираемся на предложенное Б.Н.Путиловым деление фольклора на пять областей [Путилов 1994: 161]. Самое значительное место в семейном фольклоре занимает необрядовая проза с установкой на достоверность. Далее следует фольклор речевых ситуаций. Несколько скромнее представлен обрядовый и игровой фольклор и в еще меньшей степени другие области словесности.

Семейная историческая проза — это рассказы о своих предках, происхождении и истории рода, событиях семейной жизни разных периодов. Повествовательные формы ее многообразны. Рассказ об истории семьи, соблюдающий временну́ю последовательность, хорошо знакомый всем по письменным мемуарам, в устном бытовании почти не встречается. Для него нужны особые обстоятельства или настойчивая просьба собирателя. В естественных ситуациях история рода излагается как цепь фрагментарных воспоминаний. Она «распадается» на самостоятельные сюжетные новеллы, рассказы-характеристики отдельных предков и родственников, описания обстоятельств жизни семьи в то или иное время. Счет времени в семейной истории ведется поколениями в ущерб собственно хронологии. В большинстве случаев хорошо известна одна линия родственников — отцовская или материнская. В последние годы значительно возрос интерес к истории своего рода, что особенно заметно в беседах с молодыми информантами. Во многих семьях восстанавливается или рождается традиция составления генеалогий (см., например: [Известия РГО 1994 и сл.]). При этом подавляющее большинство рассказчиков начинают с признания: «О своих предках я, к сожалению, знаю мало».

Этиологические мотивы семейных рассказов традиционны и устойчивы. Обращает на себя внимание отправной момент почти всех «историй рода». Это указание на местность, «откуда пошел род»:

Наши предки — выходцы из Ярославской губернии.

Корни обеих ветвей моего семейства — маминой и отцовской фамилий — лежат где-то на белорусской земле.

Предки нашей семьи были уроженцами Вологодской области.

Очень часто точкой отсчета в семейной истории служит «приход» или «переселение» предков на определенные земли. Ситуация «перехода» универсальна для любого исторического повествования, будь то история этноса или рода. Этот мотив отсылает к «инобытию», предшествующему состоянию объекта. В семейной прозе, например, очень широко распространен также мотив иноэтнического происхождения рода. Он высказывается в виде утверждения или предположения:

Говорят, мой дедушка был цыганом, правда, я точно не знаю, так это или не так.

То ли бабушка моей прабабушки, то ли дедушка происходили от шведа, попавшего в плен.

Особенности внешности, передающиеся в семье от поколения к поколению, могут вызвать предположение о «татарском», «цыганском» (особенно часто) или любом другом происхождении.

Чрезвычайно интересны семейные ононимические предания. Они связывают происхождение фамилии=семьи с личными качествами предков, их занятиями, названиями деревень и рядом других обстоятельств.

Моя прапрабабушка очень добрая и верующая в Бога. Из-за того, что она верила в Бога, у мамы, бабушки, дедушки фамилия Монаховы.

Все они родились в одной деревне, где жили одни Коробьевы, так как там делали короба из бересты.

Мотив иноэтнических «корней» включается в ононимические предания:

А вообще Тягушкин, т. е. тянуть, помогать другим, — это чувашская фамилия.

Фамилия Муратовы, по-видимому, пошла с татаро-монгольского ига и со временем изменена на русский лад.

У северных русских отмечается тенденция отыскивать прибалтийско-финские корни фамилий, причем выстраиваются цепочки возможных изменений:

Ударение раньше в нашей фамилии ставилось на первый слог, и окончание было другим, на -ен, т. е. Холунен. Происхождение фамилии (Халунина.— *И.Р.*) было финское.

В большинстве случаев лингвистические разыскания не могут подтвердить правоту семейных версий. Предание о предке-инородце порождает этимологию фамилии:

Предок был греком по происхождению. Звали его Хотей. Это имя было заложено в фамилию Хотеевы.

С другой стороны, поиски этимологии приводят к мифологизации истории рода. Для семейного самосознания важен момент укорененности рода, связи с местом:

В этом поселке до сих пор живут дальние родственники, практически все жители имеют родственную связь.

По рассказам бабушки, раньше в селе Деревянном фамилия Аббакумовы была почти у всех.

Моя бабушка все время говорила, что поселок Тойволо назван в честь дедушки Тойво.

Слово «коренной (-ая, -ые)» — одно из ключевых в семейных рассказах. Самая устойчивая реалия в них — дедовский дом. Обязательно указывается, что он есть или был, дается описание, положительная характеристика.

В современных рассказах об истории семьи акцентируются те обстоятельства, которые до известного времени не афишировались или скрывались, т. е. существовали латентно в семейной памяти:

Я немного только знаю о своих предках от родителей, но раньше не принято было об этом расспрашивать, и родословное древо скрывалось, так как не дай бог, чтобы в то время кто узнал, что мой папа был из кулаческой семьи.

В наши дни, напротив, подчеркивается, если среди предков были царские офицеры, священники, зажиточные крестьяне. Почти нет семейных исторических рассказов, где бы отсутствовала подробная характеристика хозяйства предков третьего-пятого поколений (в рассказах молодежи).

Мотив встречи, знакомства предков с известными личностями имеет существенное значение для повышения семейного статуса, и это событие всегда остается в фольклоре семьи.

Прадед был ямщиком у Петра I. За верную службу он получил от Петра I один золотой.

Прадед был гусаром, присутствовал на коронации Николая II.

Мой дедушка увлекался шахматами, а один раз он увидел человека, окруженного пятью-шестью людьми. Вдруг этот человек подошел и предложил сыграть в шахматы. Дедушка согласился, но он проиграл. А после игры он узнал, что этот шахматист — известный в мире Алехин.

Примечательно, что среди рассказов об отдельных родственниках преобладают характеристики бабушек-дедушек или прабабушек-прадедушек.

Семейная фольклорная традиция демонстрирует известное «отталкивание» у представителей смежных поколений. Связи же через поколение выявляются очень четко и находят разнообразное выражение в словесных текстах. Многие рассказы завершаются устойчивым мотивом преемственности:

Для меня его жизнь всегда будет примером полноценной жизни.

По его пути я и решила идти по жизни.

Бабушкам и дедушкам приписываются исключительность, высшее до «сверхъестественного» проявление обычных свойств и умений.

Ее терпение — что-то фантастическое.

Всегда вспоминаю и говорю о ней, как о чудо-человеке.

Образ бабушки всегда связан для меня с загадкой, тайной.

По общему мнению, бабушки и дедушки — основные хранители семейной памяти и реликвий. Внуки и внучки любят утверждать свое сходство с ними

вплоть до полного тождества: «как две капли воды». Внутренняя связь с бабушками и дедушками сохраняется и после их ухода.

Даже после ее смерти я постоянно ощущаю ее присутствие и ее помощь.

Перед любым своим начинанием я бываю у нее на могиле, мысленно советуюсь и прошу помощи.

Наблюдается совершенно определенная тенденция к сакрализации старших родственников в семье. Типологическая параллель этого явления — ситуация в архаических культурах [МНМ 2: 333–334].

Специфические мотивы семейных меморатов связаны с наследственностью, родственным сходством, династической преемственностью. Преобладают связи через поколение родственников одного пола. Сохраняется традиция имянаречения в честь бабушек-дедушек.

По маминой линии я знаю только свою прабабушку... Меня назвали в ее честь. Мама говорит, что вместе с именем мне передался и ее характер.

Моя сестра очень сильно ощущает связь с мамой бабушки — Еленой, в честь которой ее и назвали, может быть, имя сильно повлияло на ее характер.

Повторяемость имен служит внешним выражением стабильности семейного коллектива, имянаречение в честь умерших родственников приобщает нового члена семьи к сакральному пространству и одновременно восстанавливает «выбывшее звено» в родовой цепи. Иногда встречаются мотивы непосредственной передачи жизненной силы от предков потомкам через поколение или два.

Представление о сакральной связи между членами семьи реализуется в различных мифологических мотивах. Осознается не только повторяемость внешних и внутренних качеств, но и «тайная» закономерность жизненных обстоятельств персональных судеб:

Смерти эти как бы имеют свой порядок, например, на сороковой день, через год и девять дней, через два года и сорок дней.

В нашем роду по женской линии, у моих прапрабабушки, прабабушки и бабушки, умирали мужья в сравнительно молодом возрасте, и женщины оставались вдовами с несколькими детьми на руках. Я тоже в семье воспитываюсь без отца.

Речь всегда идет о неблагоприятных обстоятельствах и касается в основном женщин. Очень часто встречается специфический женский мифологический сюжет:

В нашей семье, точнее, в ее истории, есть одна закономерность, нас кто-то сглазил или наложил проклятие, потому что уже у третьего поколения есть проблемы с созданием семьи.

Устанавливается порядок смертей и рождений и особенно отмечается, если смерть и рождение совпадают. Объяснение вполне традиционно:

Чтобы я появилась на свет, бабушка Августа отдала мне свою жизнь.

Таким образом происходит возобновление семейного цикла, сохраняется «энергия» родового коллектива, поддерживается его устойчивость.

Тематика семейных мифологических рассказов разнообразна. Преобладают сюжеты о вещих и совпадающих снах. Типичная тема — предчувствия и чувства на расстоянии, связывающие, как правило, матерей с детьми.

Связующее звено между родственниками — вещи-реликвии, которые есть в каждой семье. Реликвия соединяет живых и умерших, не случайно одно из главных мотивирующих обстоятельств, делающих вещь реликвией, — принадлежность ее кому-либо из покойных предков. Знание о существовании реликвий — необходимый компонент семейного сознания. Рассказы о них входят в семейный фольклор. Чаще это предметы с изначально высоким сакральным статусом, прежде всего, иконы. Но реликвией может стать практически любой предмет. Сюжеты связаны с чудодейственной силой реликвии, утратой и удивительным возвращением, историей появления в семье:

> Говорят, что тройная иконка помогла семье выжить в войну. Из-за голода ее пришлось продать. А уже после войны какой-то прохожий предложил ее купить в том же доме, в котором продали ее. Так она вернулась в семью.
>
> Если икона темнела, значит в доме должно было случиться что-то плохое. Если же, наоборот, светлела, то хорошее. Однажды она просто светилась, а через неделю вернулся домой мой дед, которого считали без вести пропавшим на войне.
>
> Это кольцо ни разу не было венчано, поэтому кому оно достается по женской линии, не может выйти замуж, это как рок. А история этого кольца началась с того, что шесть или семь поколений тому назад это кольцо золотое обручальное было куплено для одной девушки из нашей семьи... (следует цепь рассказов о женских судьбах).

У большинства семей есть свой архив. Самой ценной его частью являются фотографии близких. В современном семейном быту они относятся к предметам с наивысшим статусом:

> Мама говорила нам, еще маленьким, что если будет пожар, надо самыми первыми вынести фотоальбомы.

Сохраняется традиция вывешивать фотографии на стену, ставить на видное место. Они фактически выполняют функции фамильных икон, служат оберегами. Многие, особенно женщины и девушки, носят фото близких при себе. Семейный быт — основная сфера функционирования фотографии. Фото используется в поминальной обрядности. Рассматривание семейного альбома нередко становится ритуальным праздничным действием. Оно вызывает воспоминания и инициирует целые серии рассказов. Рассказы «по фотографиям» и «о фотографиях» — особые типы фольклорных текстов, анализ которых — предмет отдельный (см.: [Greenhill 1981; Давыдов 1994]).

Устные рассказы разных жанров — самая значительная часть фольклорного репертуара большинства семей. Памятные случаи — страшные, смешные, любопытные — связаны с прошлым и настоящим, друзьями и знакомыми, работой и культурными впечатлениями. Они повторяются «к случаю» или в некоторых типовых ситуациях, когда семья собирается вместе или группами: во время праздничных застолий, приездов родственников, на отдыхе, за семейными ужинами. У каждого поколения с учетом пола свой репертуар. По воспоминаниям П.Кип-

пар, в их семье каждый из старших имел свой фонд рассказов, из которых складывалась семейная традиция [Kippar 1994]. Рассказы часто адресуются детям и имеют воспитательную направленность, что вызывает естественное отталкивание. Однако и в этом случае сюжеты запоминаются, не говоря о тех из них, которыми внуки интересуются. Например, внучки любят пересказывать романтические истории замужества бабушек, сыновья (особенно юные) — случаи «хулиганских» выходок отцов. Независимо от того, кто является главным рассказчиком тех или иных историй, все тексты — общее достояние семьи.

Мама часто рассказывает, как они в молодости гуляли и про рождественские гадания... А папа очень часто рассказывает армейские истории и школьную жизнь. Бабушка часто рассказывает про свою молодость.

Преобладают рассказы о страшном (пережитом страхе) и смешном. В обеих группах основу составляет «детская» тематика: сюжеты о потере и подмене детей, чудом избегнутых бытовых опасностях, неадекватном обращении с предметами. Можно выделить самостоятельную разновидность анекдотов о детях [Душечкина 1989].

Отдельная область — семейный фольклор для детей. Например, существуют особого рода сказки, которые сочиняются старшими с большим или меньшим соблюдением традиционного трафарета и в соответствии с представлениями о «сказочности».

Моя тетя... сама сочиняла сказки про газированные реки, шоколадные горы, про страны, в которых пирожные растут на деревьях и т. д.

Сказочные мотивы вплетаются в игры, которые преследуют воспитательные цели. Главный мотив подобного сочинительства взрослых — нежелание детей есть или спать. Домашние сказки и сказки-игры развертываются из вечера в вечер, «с продолжением». Они запоминаются иногда на долгие годы, чему свидетельство — имеющиеся у нас тексты, и переходят к следующему поколению семейных воспитателей.

Появлялись после меня еще дети, и сказка про гномов стала традиционной. Теперь я часто рассказываю ее моей доченьке.

Обрядовый и игровой фольклор семьи связан с праздничными и знаменательными датами, днями рождения. Лучше всего сохраняется новогодняя обрядность, так как Новый год считается семейным праздником. Во многих семьях есть традиция письменных пожеланий друг другу на открытках или иным образом. Святочно-новогоднее ряженье превратилось в домашний театр для детей с непременным приходом Деда Мороза, дарением подарков. Разыгрываются ритуальные диалоги Деда Мороза с детьми, визит его нередко обставляется таинственностью или сопровождается семейным концертом. Празднование Нового года включает устные пожелания, тосты, имеющие нередко свой порядок и тематику. У девушек по-прежнему очень популярны гадания с различными осовремененными формами словесного сопровождения.

В повседневном словесном общении каждой семьи используются устойчивые фразы, наименования, прозвища, дразнилки, шутки и подобные тексты, вы-

полняющие знаковую функцию. Они рождаются или фольклоризуются в семье с «участием» друзей и коллег, персонажей кинофильмов и известных анекдотов. В основу многих выражений ложатся случаи из семейной жизни, которые нужно заново рассказывать непосвященным, и рассказываются они далеко не всегда. Неиссякаемый источник пополнения семейного словаря — детские окказионализмы.

Характер словесного общения в семье детерминируется комплексом причин: общекультурной и профессиональной ориентацией, степенью стабилизации быта, взаимоотношениями родственных микрогрупп, историческими судьбами и многим другим. Есть «молчаливые» и «разговорчивые» семьи. В одних преобладает смеховая стихия, в других в первую очередь развита эпическая традиция. И все-таки определяющее значение имеют общие закономерности формирования семейного фольклора, связанного с самосознанием семьи, рода, фамильным единством [Разумова 2001].

Литература

Давыдов 1994 — *Давыдов А.В.* Надписи к Кулеватовским фотографиям. Из личного архива М.Д.Афанасьева (Москва) // Земство: Архив провинциальной России [Пенза]. 1994. № 2. С. 103–138.

Душечкина 1989 — *Душечкина Е.В.* Анекдоты о детях. Из области семейного фольклора // Учебный материал по теории литературы. Жанры словесного текста. Анекдот / Сост. А.Ф.Белоусов. Таллин, 1989. С. 159–164.

Известия РГО — Известия Русского Генеалогического Общества. Вып. 1. СПб., 1994.

МНМ 2 — Предки // Мифы народов мира: Энциклопедия. Т. 2. М., 1992.

Путилов 1994 — *Путилов Б.Н.* Фольклор и народная культура. СПб., 1994.

Разумова 2001 — *Разумова И.А.* Потаенное знание современной русской семьи // Быт. Фольклор. История. М., 2001.

Greenhill 1981 — *Greenhill P.* So We Can Remember: Showing Family Photographs // Mercury Series / National Museum of Man. Canadian Centre for Folk Culture Studies. 1981. № 36.

Kippar 1994 — *Kippar P.* Stories Told in Our Family // Family as the Tradition Carrier. Tallinn, 1994. P. 33–34.

А.Ф.Белоусов
(Санкт-Петербург)

Современный анекдот

При определении анекдота обычно подчеркивают его комический характер. Лишь исследователь литературного анекдота начала XIX в. придерживается иного мнения, считая, что существуют и серьезные анекдоты [Курганов 1997: 25–28]. Это справедливо для литературного жанра, но не для фольклорных видов анекдота, которые были и остаются сугубо комическими, о чем знают даже маленькие дети: «в их представлении анекдот — это смешная история, “смешной рассказик”» [Лурье М. 1998: 53–54].

А между тем ходячее определение эпической природы анекдота, которое сводит его к малой форме рассказа, вызывает серьезные сомнения. Основную массу современных анекдотов составляют вовсе не «сюжетные» (точнее, повествовательные) тексты, а драматизированные, которые зачастую представляют собой элементарную сценку, реже — диалог, а иногда и одну лишь реплику (ср.: «Вовочка! Не ешь яблоко! И вообще — уйди с помойки!»). Эти виды анекдотов столь отличны друг от друга, что Г.Л.Пермяков вообще рассматривал их как два разных жанра [Пермяков 1970: 59, 105 и др.]. Однако для современного человека родовая принадлежность анекдота несущественна. Если в старинных юмористических сборниках «игра в вопросы и ответы» выделялась в самостоятельный раздел (см., например: [Альбом балагура 1851: 342–345]), то восходящие к ней анекдоты об «Армянском радио» считаются такими же анекдотами, как и все остальные. Определение «короткий рассказ» следует заменить на «короткий текст».

Анекдот узнают по особенности его строения: он должен обладать неожиданной концовкой, которая и вызывает смех у слушателей. Именно в «неожиданной остроумной концовке» видят главный признак анекдота не только исследователи, но и его носители. Об этом свидетельствует, например, довольно частое наименование известных «стишков» про «маленького мальчика», которые тоже строятся по принципу неожиданной концовки, «садистскими анекдотами».

Однако неожиданная концовка свойственна не всем фольклорным анекдотам. Она не обязательна для традиционного народного анекдота. «Анекдотами» один из первых исследователей русских народных анекдотов А.П.Пельтцер на-

звал просто «короткие рассказы», которые «отличаются преимущественно юмористическим, забавным характером» [Пельтцер 1899: 65, 70]. Это подтверждается и текстами, которые обозначены как «анекдоты» в наших «Указателях» сказочных сюжетов: далеко не всегда они имеют неожиданную концовку. Хотя в тематическом плане современные анекдоты и близки народным (см.: [Блажес 1989: 38–47]), акцент в народных анекдотах делается не на создании, а на изображении необычного события. Анализируя эти события как «абсурдные парадоксы», Е.М.Мелетинский [1989: 73] считает, что «именно они, а не просто шутливость и остроумный финал определяют <...> форму» народных анекдотов.

Анекдоты этого типа восходят к ранней стадии развития анекдотического жанра, тогда как анекдоты с неожиданной концовкой возникают в более позднее время и в иной культурной обстановке. Они связаны с традицией «остроумных изречений», поражавших своей необычностью и новизной мысли и потому пользовавшихся особой популярностью в городском фольклоре. Отсюда, из городского фольклора, и происходят «бытовые анекдоты», к которым принадлежат и наши современные анекдоты.

Анекдоты о сумасшедших, например, рассказывал своим детям еще Л.Н.Толстой (см.: [Толстой 1956: 89–90]). Один из этих анекдотов до сих пор пользуется популярностью:

В палате хохочет сумасшедший. Врач спрашивает:
– Что ты смеешься?
– Ха-ха-ха! Вот потеха! Васька проснется, а его голова в тумбочке!

Основой для образа героя анекдота послужил фольклорный дурак, у которого «всё смех на уме». Известны и сюжеты, посвященные катастрофическим последствиям его действий. Характерной же особенностью анекдота является мотивировка происходящего: герой — сумасшедший. Анекдотический сумасшедший порой напоминает фольклорного дурака, который выступает хранителем архаичных представлений.

Из сумасшедшего дома выписывается пациент.
– Ну теперь вы знаете, что вы не просо? — спрашивает врач.
– Конечно, знаю.
– Всего вам лучшего!
Через пять минут пациент, весь дрожа, возвращается к врачу.
– В чем дело?
– Там во дворе курица.
– Ну и что?
– Она меня съест.
– Ну, вы же знаете, что вы не просо!
– Я-то знаю, а она?

Однако гораздо чаще сумасшедшие изображаются просто набитыми дураками, тупицами, действия которых не сообразуются с ситуацией.

Сумасшедших на самолете перевозят в другой город. Подошло время завтракать. Санитары раздали им бутылки с кефиром, булочки и ушли. Возвращаются, а никого, кроме одного сумасшедшего, нет. Спрашивают его:

– А где остальные?
– Бутылки пошли сдавать.
– А ты что ж не пошел?
– Что я, дурак? В воскресенье же стеклотару не принимают!

Обычным сумасшедшим предстал и герой анекдота, показавшийся было нормальным человеком. Это типично для анекдотов о сумасшедших, в которых постоянно опровергается возможность их выздоровления.

Выпускают сумасшедших домой и проверяют, выздоровели они или нет. Спрашивают одного:
– В унитазе рыба ловится?
– Нет.
– Молодец! Можешь идти домой!
Сумасшедший выходит. Его спрашивают:
– Чего от тебя хотели?
– Да спросили, ловится ли рыба в унитазе.
– А ты что?
– Конечно, сказал «нет». Что я дурак — рыбные места выдавать?!

Оказывается, что правильный с нормальной точки зрения ответ ложен: безумец хитрит, скрывая свою правду, о нелепости которой он и не подозревает. Если сумасшедший не может быть нормальным человеком, то в нормальном по идее человеке часто обнаруживается сумасшедший.

Психбольницу осматривает комиссия из облздрава. В палате на крюке висит на руках человек.
– Что это такое? — спрашивают главврача.
– Это больной Иванов. Ему кажется, что он золотая люстра.
– Так снимите его.
– Но темно же будет, — отвечает главврач.

Открытие в нормальном человеке сумасшедшего обусловлено логикой жанра, а не мировоззрением его носителей. Лишь неожиданное может служить концовкой анекдота. Анекдоты о сумасшедших разнообразны: одни продолжают обыгрывать абсурдные парадоксы, другие используют смыслопорождающий эффект неожиданной концовки. Архаическая традиция сочетается с продукцией современного жанра.

Анекдотическая глупость может мотивироваться не только психической болезнью, но и временными помрачениями сознания. Издавна существуют анекдоты о пьяных. В последнее время героями анекдотов становятся наркоманы. Они воплощают собой особую интеллектуальную патологию.

Звонок в дверь. Наркоман спрашивает:
– Кто там?
– Я.
– Я?!!!

Однако болезни, которыми болеют герои современных анекдотов, не сводятся к интеллектуальной патологии. Об этом свидетельствует анекдотиче-

ский цикл, посвященный дистрофикам. Анекдот довел физическую патологию до предела, в результате получился удивительный герой, который воспринимает мир в новом и неожиданном для нас ракурсе. Оттого анекдоты зачастую и ограничиваются изложением точки зрения дистрофика:

Лежит дистрофик в больнице, а по нему муха ползает. Он и говорит слабым голосом:
– Сестра, прогони муху. Она мне всю грудь истоптала.

Анекдот не высмеивает дистрофика, он забавляется парадоксальностью мировосприятия этого не глупого, а просто странного существа.

Анекдот по-прежнему делает дураком в первую очередь того, от кого зависит человек. Это показывает анекдотический образ милиционера. Его глупость — от недостатка знаний и опыта, чем и объясняются комически-громоздкие средства достижения милиционерами своих целей.

Сколько нужно милиционеров, чтобы вкрутить лампочку?
– Девять. Один стоит на столе и держит лампочку. Четверо вращают стол по ходу вкручивания лампочки. А еще четверо идут в противоположную сторону, чтобы у тех голова не закружилась.

В то же время анекдоты часто сводят милиционера с пьяным, чтобы показать, что милиционер столь же неразумен, как и пьяный.

Стоит пьяница около фонарного столба и стучит. Подходит милиционер к нему и спрашивает:
– Чего вы стучите?
– Да вот жена домой не пускает, а я вижу, что на втором этаже свет горит.
– Тук-тук-тук. Откройте, милиция!

Анекдотический милиционер — заведомый дурак, которому может быть приписана любая глупость. А дурак он потому, что представляет власть, к которой анекдот враждебен по своей разрушительной сути, компенсируя людям тяготы произвола и насилия.

Однажды при встрече двух друзей один из них стал жаловаться на судьбу и ругать власть:
– Жрать нечего!
Его слова услышал постовой милиционер:
– Вы что, гражданин, здесь агитацию разводите? Пройдемте со мной!
Тогда за него вступился товарищ:
– Товарищ милиционер, да ведь он ненормальный.
– Какое, к черту, ненормальный, когда правильно говорит, — огрызнулся милиционер и повел арестованного [Маньков 1994: 151].

Анекдот относится к разряду политических анекдотов, которые посвящены правителям и государственному строю, господствующей идеологии, важнейшим событиям, самым характерным ситуациям и коллизиям общественной жизни. Очень часто политические анекдоты рассматривают как феномен советской эпохи. Это неверно. Анекдоты подобного рода существуют при любом строе, существовали они и в царской России. Ограничусь лишь одним из политических

анекдотов конца XIX–начала XX в., бытовавших среди оппозиционно настроенного студенчества:

– А с Александром Вторым другой казус приключился, когда он лез по лестнице в царство небесное <...>, — начал высокий блондин с круглым румяным лицом, закусывая губы и выпячивая глаза от душившего его внутреннего смеха. — Как известно, Александр Второй был плешивый. И вот, когда его лысина показалась в небесном отверстии, Петр-апостол шлеп по ней ладонью:
– Што ты, — говорит, — не тем концом в царство небесное лезешь! [Канатчиков 1932: 220].

Они не исчезли бесследно: с помощью старых сюжетов иногда высмеивали новых хозяев жизни. Об этом свидетельствует, например, текст, который открывает подборку ранних советских анекдотов, названную публикатором «Анекдотами “с бородой”» [Янгиров 1998: 161]. Это действительно анекдот «с бородой», известный еще до революции, когда «купить гиперболу» требовал купец — попечитель народного училища [Формаков 1938: 178], которого впоследствии заменяет швейцар, назначенный директором советской школы. Однако политических анекдотов до революции, по всей видимости, было гораздо меньше, чем в советскую эпоху: тоталитаризм вообще очень способствует умножению политических анекдотов, которые помогают преодолеть страх перед режимом и противостоять его идеологическому давлению (см.: [Штурман, Тиктин 1992]).

Характерный пример — анекдоты о В.И.Ленине, которые появлялись, как только расцветал его культ. Образ Ленина снижался уже в первой волне анекдотов о вожде, приуроченных к смерти и увековечению его памяти.

– Кто, по-вашему, был Ленин?
– Известно кто — председатель Совнаркома.
– Ничего подобного! Это был первый мануфактурист в России.
– Почему?
– А вот пройдитесь-ка по Никольской улице и увидите, что во всех мануфактурных лавках висит его портрет, а под ним подпись: «Ленин умер, но дело его осталось».

Еще более отчетливо это проявляется в анекдотах, сопровождавших возрождение ленинского культа в 1960-е годы. Они представляют собой травестию официозной «Ленинианы».

– Все работаете, Владимир Ильич? Отдохнули бы, поехали за город с девочками.
– Вот именно, батенька мой, с де-воч-ка-ми! А эту политическую пгоститутку Тгоцкого не бгать, не бгать, не бгать!

Аналогичным образом подается и культ вождя в анекдотах, дискредитировавших юбилейную шумиху 1970 г. Ленинскому юбилею посвящаются водка «Ленин в Разливе», мыло «По ленинским местам», трехспальная кровать «Ленин с нами». Осмеивая пропагандистские клише, анекдоты о Ленине профанировали его культ.

Отношение анекдота к «святыням», конечно, раздражало власть, которая тем не менее довольно долго ограничивалась разоблачением «пошлости», а то и «контрреволюционной» его сути. Лишь в эпоху «Большого террора» рассказы-

вание политических анекдотов стало считаться преступлением. Однако политические анекдоты не исчезли.

Остроумцы! Видно, зря
Вас сажают в лагеря.
Все равно ехидный кто-то
Сочиняет анекдоты.

[Соколова 1997: 362]

Анекдоты не только выжили, но и освоили тему репрессий, к которым время от времени прибегала власть, борясь с «идейно вредными» анекдотами.

Судья выходит из зала суда и хохочет.
– В чем дело? — спрашивают его.
– Анекдот слышал, ужасно смешной!
– Расскажи!
– Не могу, я только что за него пять лет дал.

Отношение власти к политическому анекдоту изменилось только в период демократизации и гласности. Он был легализован: весной 1989 г. политические анекдоты появляются в советских газетах [Бахтин В. 1989: 16; Бахтин В. 1989а: 4].

А между тем антисоветские анекдоты вовсе не исчерпывают собой политических анекдотов советской эпохи. Возьмем следующий текст:

Зоопарк. За решеткой зебра. Человек вздыхает:
– Господи! До чего большевики лошадь исполосовали!

Обыгрываются ходячие представления антисоветски настроенных граждан. Хотя подобных анекдотов немного, они свидетельствуют о том, что главное для анекдота — разрушение всевозможных клише и ходячих представлений. Естественно, что в государстве, навязывавшем гражданам свой язык и свою идеологию, преобладали антисоветские анекдоты. Однако ограничиваться ими не следует, как не следует и сводить анекдоты советской эпохи к анекдотам политическим. Советские анекдоты посвящены самым разным, в том числе и весьма далеким от политики, темам. В то же время политические мотивы обнаруживаются даже в анекдотах о сумасшедших, не говоря уже о других циклах.

Это особенно свойственно «еврейским» анекдотам, которые в советскую эпоху приобретают отчетливо политический характер. Анекдоты про «Армянское радио», возникшие, по всей видимости, в конце 1950-х годов и продолжившие традицию комических «вопросов и ответов», которым, наверное, под впечатлением от особых шуточных загадок, давно уже называвшихся у нас «армянскими», и придали определенный этнический колорит, говорят не только о сексе, но и о политике.

Что такое пролетарский интернационализм?
– Это когда русские, евреи, армяне и татары вместе идут бить грузин (см.: [Hellberg-Hirn 1985: 89–104].

Однако для собственно «армянских» анекдотов политика не столь характерна. Этнические анекдоты предпочитают обыгрывать стереотипные представления о том или ином народе, а иногда — просто его языковые особенности (акцент и прочие «неправильности» их русской речи, чужой язык и др.):

– Мыкола, зыграй!
– Ну нэ хочу!
– Ну зыграй, Мыкола!
– Ну нэ можу!
– Ну, Мыкола, слухачи ждут!
– Ну в другой раз!
– Мы передавали «Капрыз» Мыколы Паганини.

Второстепенную роль политика играет и в анекдотах про «чукчу». Они появились в конце 1960–начале 1970-х годов, возможно, под влиянием кинокомедии «Начальник Чукотки» (1967) (ср.:[Рабинович 1989: 100–103]) и возродили традиционный образ глупца-«пошехонца», которого и представляет «дикарь» с наиболее отдаленной от нас окраины страны. Этим мотивируется крайнее невежество и предельная простота анекдотического персонажа. Анекдоты про «чукчу» — это анекдоты о чужаке, не знающем основных понятий и не владеющем элементарными навыками нашей культуры.

Чукча спрашивает в кассе Аэрофлота:
– Самолет до Чукотки сколько летит?
– Минуточку...
– Спасибо.

Обратимся к «культурным» циклам русского анекдота. Обзор начнем со старейшего цикла: он посвящен Пушкину. Время и обстоятельства возникновения фольклорных анекдотов, которые А.Д.Синявский назвал «скабрезным хламом» [Абрам Терц 1993: 6], не известны. Отмечу, что захолустный Сарапул 1880-х годов пробавлялся совсем другими анекдотами: Пушкин здесь лишь способствует поэтическому творчеству Ивана Баркова[1]. Анекдоты о непристойных шутках самого Пушкина появляются, по-видимому, в связи с празднованием столетней годовщины его рождения. О том, что они уже существовали до революции, свидетельствуют пересказы этих анекдотов латышами (см.: [Birkerts 1996: 595–597]) и поляками (см.: [Sielicki 1993]), услышавшими их в русской школе или в царской армии. Анекдоты о Пушкине продолжают возникать и в советское время: очень способствовал этому шумный юбилей 1937 года. Анекдотический Пушкин травестирует ходячий образ великого поэта. Он «иной: “неприличный”, нецензурный, не только не официальный, но сознательно “противоофициальный”» (определение В.Н.Топорова, цит. по: [Айрапетян 1992: 200]). Это — шут, что типично для представлений о поэтах в русской традиционной культуре. Остальные деятели культуры куда менее популярны: анекдотов о них мало и они не столь долговечны, как пушкинские, которые до сих пор встречаются среди школьников.

Очень характерной особенностью современного анекдота является существование текстов о кино- и телегероях. Этот ряд открывают герои знаменитого со-

советского фильма «Чапаев» (1934), анекдоты о которых появились в середине 1960-х. Возникновению анекдотов о Чапаеве могли способствовать торжества по случаю тридцатилетия выхода фильма на экраны страны, но есть и особая версия их происхождения, согласно которой они были специально запущены, чтобы сбить волну анекдотов о Ленине. Анекдотический Василий Иванович Чапаев доводит до предела безграмотность и крестьянскую наивность киногероя, а вместе с тем иногда поражает своим здравым смыслом.

Василий Иванович и Петька сидят на берегу реки и полощут ноги в воде. Петька говорит:
– Ох, Василий Иванович, ну и грязные же у тебя ноги! Куда грязней моих!
– Еще бы, Петька, ты с какого года, а я с какого?!

Анекдот пародирует и травестирует официального героя:

– Эх, Петька, потомки о нас еще песни слагать будут!
– Анекдоты, Василий Иванович, анекдоты...

Однако он «сохраняет значение народного героя, хотя и навыворот, в соединении тупости, храбрости, невежества, простодушия и реалистической рассудительности» [Абрам Терц 1981: 175]; см. также: [Лурье В. 1991: 8; Найдич 1995: 141–147]. Анекдоты о Василии Ивановиче и его боевых товарищах — до сих пор один из самых популярных анекдотических циклов.

Огромное количество анекдотов породил и телесериал «Семнадцать мгновений весны» (1973). Отталкиваясь от возвышенной героики фильма, анекдоты снижают ее вульгарными и примитивными подробностями материально-телесной жизни, острый драматизм сюжета превращают в комический фарс, разыгранный бестолковыми недоумками, которые больше похожи на клоунов, чем на агентов спецслужб, а интеллектуального героя изображают анекдотическим простаком, который не может, да и не хочет сохранять свою «тайну». Вслед за пародийными «дублями» к телесериалу появились десятки чисто каламбурных анекдотов:

Штирлицу угодила в голову пуля. «Разрывная», — подумал Штирлиц, раскинув мозгами.

Анекдотический цикл о Штирлице — единственный, в котором каламбуры играют столь важную роль: двуплановость каламбура подобна характерной для «разведческого» фильма двусмысленности предмета, персонажа и действия. Обнажение скрытого смысла высказывания в словесной игре соответствует жанровой специфике телесериала, что и способствовало бурному развитию каламбурного начала в анекдотическом цикле [Белоусов 1995: 16–18]. Анекдоты издавна «создаются вокруг оси глупость–ум» [Мелетинский 1989:73] и поэтому предпочитают героя-интеллектуала. Отклик на фильм «Место встречи изменить нельзя» (1979), например, был гораздо слабее, чем на телесериалы о Шерлоке Холмсе и докторе Ватсоне (1979–1983). Обыгрывая интеллектуальные способности их главных героев, анекдоты использовали и соответствующую фразеологию телесериалов.

Утром Холмс пьет на кухне кофе. Входит Ватсон. Холмс говорит ему:
– Ватсон, вчера вы пришли домой вдрызг пьяным!
– Как вы догадались, Холмс?
– Элементарно, Ватсон! Вся лестница заблевана (см.: [Лурье В.1989: 132–137]).

Одновременно со «взрослыми» телесериалами темы для анекдотов поставляли и популярные детские мультфильмы конца 1960–начала 1970-х годов. Анекдоты, созданные по мотивам этих мультфильмов, могут отличаться разве что элементарностью: некоторые из них строятся на инверсии, на простом переворачивании свойств прототипа. Образцовых друзей представляют как недругов: анекдоты о грубости и агрессивности Крокодила Гены, к примеру, известны давно, а в последнее время подобные анекдоты стали появляться и о Чебурашке. Анекдотические герои пьют, употребляют наркотики, развратничают, хулиганят, оказываясь антиподами своих мультипликационных прототипов (см.: [Белоусов 1996: 88–89]). Инверсия обеспечивает обязательную для жанра неожиданность концовки.

Есть определенная логика в том, как расширяется тематика жанра: вслед за бытом и политикой анекдот обратился к культуре. Он может воспользоваться каким угодно культурным материалом: от общеизвестного фольклоризма, вроде былинных богатырей, которых травестирует современный анекдотический цикл, до актуальной темы советского киноискусства, какой, например, в фильмах о войне некогда стал концлагерь, почему он и обыгрывается в соответствующих анекдотах. Итак, во второй половине XX в. анекдот осваивает культуру.

«Окультуриваются» и другие темы. Об этом свидетельствуют анекдоты о поручике Ржевском. Отдельные сюжеты и сам тип главного героя — неряхи, пошляка и похабника – существовали задолго до фильма «Гусарская баллада» (1962), откуда в 1970-е годы и было заимствовано имя «поручика Ржевского». Лишь наименование героев цикла «поручиком Ржевским» и «Наташей Ростовой» придает обыгрыванию различных непристойностей, чему обычно и посвящены эти анекдоты, характер культурной пародии и травестии (см.: [Лурье В. 1989: 138–143]). Отчасти это происходит и с анекдотами, которые отталкиваются от ходячих представлений о «невинном ребенке». Обретая имя, этот дикарь, нечистоплотный и похотливый сквернослов, чей образ строится по модели мифологического трикстера, наполняется особым смыслом: «Вовочка» пародирует культурного героя (см.: [Белоусов 1996а: 165–186]).

Однако существует анекдотический цикл, не имеющий отношения к культуре. Он посвящен богачам, «новым русским». Один из исследователей считает, что эти анекдоты десакрализируют некий миф о «новых русских» (см.: [Курганов 1998: 295–304]). Очень сомнительно: такого мифа нет, как нет, например, и мифа о прапорщике, которого точно так же превращают в анекдотического дурака. Между тем анекдоты далеко не всегда высмеивают «новых русских».

Приходит «новый русский» в швейцарский банк и просит ссуду в сто долларов. Там удивились и говорят:
– Видите ли, мы ссуду просто так не даем, необходим залог.
– Нет проблем. Вон видите — стоит мой «мерседес», берите его в залог.

Через год он вернулся в Швейцарию, зашел в банк, вернул сто долларов плюс проценты, десять долларов. Изумленный управляющий спрашивает:
– Объясните, зачем вам понадобилась такая незначительная сумма?
– А где еще я смог бы найти такую надежную стоянку всего за десять долларов в год!

А иногда высмеиваются и вовсе не «новые русские».

Старик приходит домой и говорит бабке:
– Слушай, как «новые русские» изменились. Какие вежливые стали.
– С чего ты решил?
– Иду сегодня через дорогу, вдруг останавливается машина, «мерседес». Оттуда выскочил мужчина в красном пиджаке и говорит: «Для вас, козлов, подземных переходов наделали, а вы через дорогу прете!»
– Ну и где тут вежливость?
– Как где? Во-первых, он ко мне на Вы обратился, а во-вторых, по фамилии назвал.

Анекдотический цикл не столько осуждает «новых русских» [Левинсон 1996: 384–385], сколько обыгрывает образ, широко распространившийся в наших средствах массовой информации к середине 1990-х годов, — шестисотый «мерседес», малиновый пиджак, жаргон, редкостное невежество и навязчивые мысли о деньгах.

«Новый русский» приходит в роддом. Ему говорят:
– У вас родился мальчик. Три восемьсот.
– Базара нет. — Радостный «новый русский» достает бумажник и начинает отсчитывать деньги.

Анекдотическим циклом о «новых русских» завершается обзор тематики современного анекдота. Обзор не охватывает всех анекдотических тем, но и того, о чем говорилось здесь, достаточно, чтобы оценить тематическое разнообразие жанра. Одни из современных анекдотов связаны со «злобой дня» и актуальны лишь для определенного времени. Они показывают, чтó и когда становилось темами для анекдотов. Историки и культурологи пока не заинтересовались этим материалом и не объяснили его закономерность, поэтому приходится ограничиться «суперанекдотом» 1980-х годов, как именуют метатекст, который демонстрирует ведущие анекдотические темы того времени:

Жена с любовником лежит в постели. Звонок в дверь. Вовочка бежит открывать. На пороге стоят Василий Иванович с Петькой. Оба евреи.

Характерно, что суперанекдот начинается одной из «вечных» анекдотических тем — сексу, семье, взаимоотношениям между родственниками посвящено множество анекдотов. Однако отсутствует другая тема: не упоминается о столь же традиционных по духу, хотя и оригинальных по материалу, небылицах, которые часто называются «абсурдными» анекдотами.

Летят по небу два крокодила. Один зеленый, другой налево.

Эти анекдоты следует иметь в виду, решая вопрос об отношении современных анекдотов к действительности. Отличительным признаком анекдотов, о ко-

торых идет речь, является то, что они сообщают не реальные факты как исторические анекдоты, а представляют комический образ, созданный «фантазированием рассудка», свободу и творческие возможности которого и доказывают «абсурдные» анекдоты.

Обычно вместе с темой появляется и материал для пуанта, неожиданной концовки. Об этом свидетельствовали анекдоты о Ленине, свидетельствуют анекдоты о «новых русских», которые используют даже само название своих персонажей, подчеркивая его особый, социальный смысл.

«Новый русский» просит старого еврея:
– Папа, одолжи немного денег!

Однако соответствующий материал может существовать задолго до того, как возникает та или иная анекдотическая тема, и лишь актуализируется в заданном ею контексте. Это произошло с началом песни «Остров невезения» из кинофильма «Бриллиантовая рука» (1969):

Весь покрытый зеленью,
Абсолютно весь.

Исходя из жаргонного значения слова «зелень», которое служит для обозначения американских долларов, эти строки преподносятся как гимн «новых русских». Особенно насыщен цитатами «чернобыльский» цикл:

Уже в начале мая рассказывали, что будто бы состоялся фестиваль «Киевская весна». Первая премия была присуждена за песню «Не вій, вітре, з України», вторая – А.Пугачевой за песню «Улетай, тучка, улетай», третья – В.Леонтьеву за песню «И все бегут, бегут, бегут...» [Щербак 1998: 12]; см. также: [Фіалкова 1993: 70–74].

Анекдотической остроте способствует и прямо противоположный способ деформирования клише, когда актуализируются прямые значения составляющих его слов. Образцом происходящего при этом разложения клише является анекдот о Штирлице, которому действительно приходится «раскинуть мозгами», когда в него попадает разрывная пуля. Очень часто анекдотический пуант создается и другими видами каламбура: омонимией, которая использована, например, в анекдоте об интеллигенте Козлове, и полисемией (многозначностью слова), на которой строится анекдот о «новом русском», принявшем вес ребенка за стоимость оказанной ему услуги. Однако и фигурами речи дело не ограничивается. Анекдотическим пуантом может служить и самая обыкновенная неправильность речи, как это иногда происходит в детских или этнических анекдотах (см.: [Блажес 1989: 45–46]).

Анекдоты создаются вокруг оси «глупость–ум»[2], и потому огромную роль играют интеллектуальные способы пуантировки анекдотов. Анекдотическая глупость обычно мотивируется отсутствием опыта и знаний. Этим отличается не только чукча, который просьбу подождать принимает за ответ на свой вопрос. Анекдот любит представить своих героев простаками и невеждами, что характерно и для анекдотов о «новых русских», которых лишают духовности.

«Новый русский» выбирает в антикварном магазине огромный золотой крест.
– Вот этот, только без гимнаста...

Могут отсутствовать и умственные способности:

Сидит чукча, раскачивается из стороны в сторону и приговаривает:
– Устал сегодня чукча. Ох, устал!
Его спрашивают:
– Почему устал?
– Однако, думал сегодня. Очень устал.
– А почему очень устал?
– Однако, три раза сегодня думал.

Гораздо чаще акцент делается на неправильности мышления анекдотических персонажей, противоречащего здравому смыслу.

Пьяный «новый русский» спрашивает на улице прохожих:
– Скажите, а где здесь противоположная сторона?
Ему показывают.
– А там говорят, что здесь. Совсем обалдели!

Особенно поражает парадоксальность мышления.

Идет презентация. Один из присутствующих не ест и не пьет. Подходит «новый русский».
– А ты что ж ничего не ешь?
– Да я не хочу.
– Слушай, да это же халява! Бесплатно! Ешь!
– Я ем только тогда, когда голоден.
– Ну ты прям как животное!

А между тем, как показывает анекдот об оставленном в залог «мерседесе», «новым русским» приписываются не только абсурдные парадоксы. Это разнообразие умственных способностей типично для анекдотических персонажей. Одним из немногих исключений является хитроумное «Армянское радио».

Интеллектуальные особенности персонажей проявляются и в их поведении. Отклонение от нормы, патология поведения довольно часто используется для пуантировки анекдотов. Особое внимание уделяется поступкам анекдотических персонажей, неадекватным ситуации, в которой они находятся. Этот традиционный для «набитых дураков» образ действий свойствен не только сумасшедшим, выпрыгнувшим из самолета, чтобы сдать бутылки, но и многим другим персонажам. Изображается он и в анекдотах о «новых русских».

«Новый русский» рассказывает об отдыхе на море:
– Беру акваланг, ласты и плыву под водой. Доплываю до берега и выхожу на песок. Вот тут-то все от меня и прибалдели.
– Почему?
– Ну ты же знаешь мой прикид — малиновый пиджак, зеркальные очки, радиотелефон...

Оригинальнее, а вместе с тем и проще строятся анекдоты, в которых поведение персонажей прямо противоположно тому, как ведут себя их прототипы. Особенно часто инверсия используется в анекдотах, посвященных культурным героям. Обычной формой инверсии является травестия: трагическое оборачива-

ется комическим, возвышенное — пошлым и ничтожным, осмысленное — нелепым. Анекдотические персонажи оказываются антиподами культурных героев: герои детских мультфильмов замещаются морально ущербными существами, интеллектуалы из взрослых телесериалов — глупцами, способными лишь к тривиальным умозаключениям. Анекдоты о Штирлице, например, изображают не только нарушение им элементарных логических правил, но и следование этим правилам, что преподносится как умственный подвиг разведчика.

Штирлиц зашел в комнату, отодвинул занавеску. За окном он увидел людей на лыжах. «Лыжники», — подумал Штирлиц.

Особое внимание исследователи анекдота уделяют его персонажам. Они считаются основным элементом анекдота, чей семантический потенциал реализуется в возникающем вокруг него цикле [3]. Однако нет цикла, который состоял бы из одних новых текстов. Обязательно найдутся переделки старых анекдотов. А в таком случае главным является вовсе не герой, но — пуант (острота). Анекдотический же персонаж вообще может рассматриваться просто как его мотивировка. «Герой нужен, — как давно отметил Б.В.Томашевский, — чтобы на него нанизать анекдот» [Томашевский 1928: 155]. Анекдотический пуант определяет конструкцию и само существование анекдота, поэтому его особенности и должны стать основой для систематизации современных анекдотов, которой пора заняться нашей науке.

Анекдот возник и долгое время просуществовал исключительно как жанр устной словесности. Исследователи отмечают особенности рассказывания анекдотов: «Рассказывание анекдота — это не повествование, а **представление**, производимое единственным актером <...> в ряду фольклорных жанров анекдот ближе всего <...> к народному театру» [Шмелева, Шмелев 1999: 133]; см. также: [Draitser 1982: 233–238]. Это обусловлено драматизированностью текстов современного анекдота. Обычно рассказывание анекдотов связывается с ситуацией общения: «анекдот, как правило, рассказывается "кстати", по случаю» [Седов 1998: 6]. Однако кажется, что эта связь постепенно слабеет и анекдот все чаще рассказывают как одну из наиболее важных новостей: «А вы слышали новый анекдот?» — приветствовали друг друга москвичи еще в конце 1920–начале 1930-х годов [Янгиров 1998: 155].

Отношение к анекдоту как к новости более соответствует не только образу и потребностям современной жизни, но и особенности жанра, изначально ориентировавшегося на новизну. Лишь новое и неожиданное вызывает настоящий смех. Оттого и вышучиваются старые, «с бородой», анекдоты, что они уже не смешат слушателей. А именно смех слушателей — главная цель анекдота. Осмысляя этот смех в контексте идей М.М.Бахтина, исследователи подчеркивают, что анекдот противоборствовал насаждавшейся идеологии, упуская из виду его игру с высокими культурными ценностями. Анекдот высвобождает не только изпод гнета идеологии, но и от бремени культуры, что порой огорчает даже любителей этого жанра. В дневнике К.И.Чуковского есть рассказ о том, как он, расставшись с Леонидом Утесовым, который веселил компанию анекдотами, вдруг «почувствовал пресыщение анекдотами и даже какую-то неприязнь к Утесову»:

«Какой трудный, неблагодарный и внутренне порочный жанр искусства — анекдоты. Так как из них исключена поэзия, лирика, нежность — вас насильно вовлекают в пошлые отношения к людям, вещам и событиям — после чего чувствуешь себя уменьшенным и гораздо худшим, чем ты есть на самом деле» [Чуковский 1997: 154].

Анекдот дифференцирует общество: от того, сколь оппозиционен, вульгарен или, наконец, неприличен анекдотический текст, зависит и его аудитория, которая в крайнем случае ограничивается исключительно «своей компанией», современным «коллективом посвященных в фамильярное общение, коллективом откровенных и вольных в речевом отношении» [Бахтин М. 1965: 203]. Вместе с тем и общество дифференцирует анекдот: все больше социальных общностей создают свои собственные тексты (так, существуют солдатские, тюремные, медицинские, даже филологические и т. п. анекдоты). Оригинальнее других, конечно, детские анекдоты, отличающиеся особой логикой построения комического текста (см.: [Лурье М. 1998: 53–58; Лурье В. 1989: 118–131; Мухлынин 1990: 76–77; Дмитриев 1996: 78–91; Трыкова 1997: 103–116]).

Одной из самых ярких особенностей современного анекдота является проблема их авторства. В 1930-е годы авторство всех политических анекдотов приписывали известному журналисту Карлу Радеку (1885–1939). Впоследствии таких общепризнанных творцов анекдотов уже не было, поэтому и возникают анекдоты о том, как их ищут карательные органы, — ср. один из анекдотов «Армянского радио»:

> Слушатель из Еревана спрашивает: «Кто сочиняет анекдоты?». Этим же вопросом интересуется и наш слушатель из Москвы, товарищ Андропов.

А с недавних пор начали объявляться сами авторы анекдотов, которых охотно рекламирует наша пресса[4]. Все это свидетельствует о том, что анекдот действительно принадлежит современной эпохе с ее культом авторского, индивидуального начала.

Анекдот постепенно из определенного фольклорного жанра становится культурным явлением. Он обогащает повседневный речевой обиход, добавляя к цитатам из популярных книг, кино- и телефильмов ключевые фразы анекдотов. Вместе с тем задолго до бурного развития анекдотопечатания в начале 1990-х годов (см.: [Вознесенский 1996: 393–399]) анекдоты вышли за пределы устной словесности: первые публикации бытовых анекдотов в России относятся к XVIII в. Исследователи пока пренебрегают печатными версиями анекдотов. Изучения их, конечно, «недостаточно для представления о сущности анекдота» [Шмелева, Шмелев 1998: 116], но они любопытны и сами по себе как элементарная форма олитературивания анекдота. Олитературивание анекдотов продолжается в «романах-анекдотах», которые посвящались анекдотическим героям и поначалу расцвечивались соответствующими анекдотами о Штирлице, Вовочке, Винни-Пухе и др.[5]. Однако элитарная литература воспользовалась лишь персонажами «чапаевского» цикла: они стали героями романа Виктора Пелевина «Чапаев и Пустота» (1996). Анекдот крепко связан с массовой культурой. Это видно и по конкурсам анекдотов, которые начались у нас еще в 1984 г., когда газета «Неделя» объ-

явила конкурс, названный тогда «Репризой для клоуна», и по телепередачам, в которых анекдот любят подать как фарсовую сценку.

Осмысление анекдота не ограничивается его рефлексией над собой и никогда не исчерпывалось позицией официальных властей. Он привлекал писателей-юмористов (вспомним Аркадия Аверченко с его «Искусством рассказывать анекдоты»). Интересовались и продолжают интересоваться им журналисты, которые от «разоблачений» анекдота в советской прессе (см., например: [Неруш, Павлов 1982: 4]) и «плача» по анекдоту в начале 1990-х годов (см., например: [Ерохин 1992: 22–23]) переходят к объективному анализу его современного состояния (см.: [Мартынов 1994: 24]). Оживилось и научное изучение анекдота, начатое сто лет назад статьей А.П.Пельтцера «Происхождение анекдотов в русской народной словесности» [Пельтцер 1899: 57–117]. Отечественные работы по анекдоту уже не являются такой редкостью, какой они были до конца 1980-х годов. Одним из первых признаков перелома в отношении к анекдоту стал вышедший в 1989 г. в Таллине сборник статей, посвященных основным видам анекдота [Анекдот 1989]. С тех пор появилось множество статей, изданы книги [Барский 1992; Алаев 1995; Курганов 1997: 7; Шмелева, Шмелев 2002] и даже защищаются диссертации [Хруль 1993; Чиркова 1997], что, конечно же, свидетельствует о признании анекдота как актуальной и вполне достойной темы научного исследования.

Примечания

[1] См.: *Белоусов А.Ф.* Из истории фольклорных анекдотов о Пушкине // Труды факультета этнологии. Вып. 1. СПб., 20001. С. 211–213.

[2] Лингвистические, или языковые, анекдоты широко представлены в учебном пособии К.Ф.Седова «Основы психолингвистики в анекдотах» (М., 1998).

[3] Ср.: «Все образы имеют набор стереотипных черт характера, поведения, мышления, закрепленных массовым сознанием, средствами информации или фольклорной или литературной традицией, что позволяет создавать вокруг типов персонажей поле с однородной семантикой, т. е. возникает анекдотный “сериал”. <...> Штирлиц, поручик Ржевский, Винни-Пух — яркие индивидуальности. В анекдоте их имена — коды, в которых свернуты целые концепции личности» [Чиркова 1997: 11].

[4] См., например: Джентльмен, который ушел в фольклор [Интервью с Константином Мелиханом] // Вечерний Петербург. 1996, 1 апреля. С. 3; *Метлина Е.* Вандалоустойчивый юмор // Столица. 1997. № 3. С. 66; Последнее безумство миллионера [Интервью с Семеном Розенгольцем] // Мегаполис-Экспресс. 1997, 16 июля. С. 5–6.

[5] Вероятно, первым и, безусловно, лучшим образцом этого жанра, популярного в начале 1990-х годов, был созданный на основе анекдотов о Штирлице роман, который более всего известен под названием «Как размножаются ежики».

Литература

Абрам Терц 1978 — *Терц Абрам* [Синявский А.Д.]. Анекдот в анекдоте // Одна или две русские литературы? Междунар. симпозиум, созванный факультетом словесности Женевского университета и Швейцарской Академией славистики. Женева, 13–15 апреля 1978. Lausanne, 1981.

Абрам Терц 1993 — *Терц Абрам* [Андрей Синявский]. Прогулки с Пушкиным. СПб., 1993.

Айрапетян 1992 — *Айрапетян В.* Герменевтические подступы к русскому слову. М., 1992.

Алаев 1995 — *Алаев Э.* Мир анекдота. М., 1995.

Альбом балагура 1851 — Альбом балагура. Собрание забавных повестей, рассказов, сатирических очерков, комических сцен, анекдотов, пуфов и разных курьозностей. СПб., 1851.

Анекдот 1989 — Учебный материал по теории литературы. Жанры словесного текста. Анекдот / Сост. А.Ф.Белоусов. Таллин, 1989.

Барский 1992 — Это просто смешно! или Зеркало кривого королевства. Анекдоты: системный анализ, синтез, классификация / Вступит. статья и сост. Л.А.Барского. М., 1992.

Бахтин М. 1965 — *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965.

Бахтин В. 1989 — «Вчера мне рассказали анекдот...» [Интервью с В.С.Бахтиным и публикация политических анекдотов] // Литературная газета 1989, 17 мая.

Бахтин В. 1989а — «Расскажу вам анекдот» [Интервью с В.С.Бахтиным] // Правда. 1989, 18 июня.

Белоусов 1995 — *Белоусов А.Ф.* Анекдоты о Штирлице // Живая старина. 1995. № 1.

Белоусов 1996 — *Белоусов А.Ф.* Анекдотический цикл о Крокодиле Гене и Чебурашке // [Памяти Я.И.Гина.] Проблемы поэтики языка и литературы: Материалы межвуз. науч. конф. 22–24 мая 1996 г. Петрозаводск, 1996.

Белоусов 1996а — *Белоусов А.Ф.* «Вовочка» // Анти-мир русской культуры. Язык, фольклор, литература. М., 1996.

Блажес 1989 — *Блажес В.В.* Современные устные юмористические рассказы в их связи с народно-поэтической традицией // Фольклор Урала: Современный русский фольклор промышленного региона. Свердловск, 1989.

Вознесенский 1996 — *Вознесенский А.В.* О современном анекдотопечатании // Новое литературное обозрение. 1996. № 22.

Дмитриев 1996 — *Дмитриев А.В.* Детский анекдот: функция политической социализации // *Дмитриев А.В.* Социология юмора: Очерки. М., 1996.

Ерохин 1992 — *Ерохин А.* Смерть анекдота // Московские новости. 1992, 31 мая.

Канатчиков 1932 — *Канатчиков С.И.* Из истории моего бытия. М., 1932.

Курганов 1997 — *Курганов Е.* Анекдот как жанр. СПб., 1997.

Курганов 1998 — *Курганов Е.* Анекдот, миф и сказка: границы размежевания и нейтральные полосы // Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia. VI. Проблема границы в культуре. Tartu, 1998.

Левинсон 1996 — *Левинсон А.* «Новые русские» и их соседи по анекдотическим контекстам // Новое литературное обозрение. 1996. № 22.

Лурье В. 1989 — *Лурье В.Ф.* Материалы по современному ленинградскому фольклору // Учебный материал по теории литературы. Жанры словесного текста. Анекдот / Сост. А.Ф.Белоусов. Таллин, 1989.

Лурье В. 1991 — *Лурье В.* Жизнь, смерть и бессмертие Василия Чапаева // Независимая газета. 1991, 9 февраля.

Лурье М. 1998 — *Лурье М.Л.* О детском современном анекдоте // Традиционная культура и мир детства: Материалы Междунар. науч. конф. «XI Виноградовские чтения». Ч. 3. Ульяновск, 1998.

Маньков 1994 — Маньков А.Г. Из дневника рядового человека (1933–1934 гг.) // Звезда. 1994. №5.

Мартынов 1994 — *Мартынов И.* Смена смеховех. Русский анекдот на переаттестации // Комсомольская правда. 1994, 21 января.

Мелетинский 1989 — *Мелетинский Е.М.* Сказка-анекдот в системе фольклорных жанров // Учебный материал по теории литературы. Жанры словесного текста. Анекдот / Сост. А.Ф.Белоусов. Таллин, 1989.

Мухлынин 1990 — *Мухлынин М.А.* Анекдот в системе жанров русского детского фольклора (к постановке проблемы) // Мир детства и традиционная культура: Материалы III чтений памяти Г.С.Виноградова (Виноградовские чтения). М., 1990.

Найдич 1995 — *Найдич Л.* След на песке: Очерки о русском языковом узусе. СПб., 1995.

Неруш, Павлов 1982 — *Неруш В., Павлов М.* Шепотом из-за угла // Комсомольская правда. 1982, 15 октября.

Пельтцер 1899 — *Пельтцер А.П.* Происхождение анекдотов в русской народной словесности // Сборник Харьковского историко-филологического общества. Т. 11. Харьков, 1899.

Пермяков 1970 — *Пермяков Г.Л.* От поговорки до сказки (Заметки по общей теории клише). М., 1970.

Рабинович 1989 — *Рабинович Е.Г.* Об одном из предположительных источников «чукотской серии» // Учебный материал по теории литературы. Жанры словесного текста. Анекдот / Сост. А.Ф.Белоусов. Таллин, 1989.

Седов 1998 — *Седов К.Ф.* Основы психолингвистики в анекдотах: Уч. пособие. М., 1998.

Соколова 1997 — *Соколова Н.* Из старых тетрадей. 1935–1937 // Вопросы литературы. 1997, март-апрель.

Толстой1956 — *Толстой С.Л.* Очерки былого. М., 1956. С. 89–90.

Томашевский 1928 — *Томашевский Б.В.* Теория литературы. Поэтика. Изд. 4-е. М.; Л., 1928.

Трыкова 1997 — *Трыкова О.Ю.* Современный детский фольклор и его взаимодействие с художественной литературой. Ярославль, 1997.

Фiалкова 1993 — *Фiалкова Л.* Чорнобильска катастрофа i фольклор // Вiсник АН України. 1993. №1.

Формаков 1938 — *Формаков А.* Фаина: Роман. Riga, 1938.

Хруль 1993 — *Хруль В.М.* Анекдот как форма массовой коммуникации: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1993.

Чиркова 1997 — *Чиркова О.А.* Поэтика современного народного анекдота: Автореф. дисс... канд. филол. наук. М., 1997.

Чуковский 1997 — *Чуковский К.И.* Дневник (1930–1969). М., 1997.

Шмелева, Шмелев 1998 — *Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д.* Виды языковой экспрессии в русском анекдоте // Русский язык в его функционировании: Тез. докл. Междунар. конф. «Третьи Шмелевские чтения». 22–24 февраля 1998 г. М., 1998.

Шмелева, Шмелев 1999 — *Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д.* Рассказывание анекдота как жанр современной русской речи: проблемы вариативности // Жанры речи. Саратов. 1999.

Шмелева, Шмелев 2002 — *Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д.* Русский анекдот: Текст и речевой жанр. М., 2002.

Штурман, Тиктин 1992 — Советский Союз в зеркале политического анекдота / Сост. Д.Штурман, С.Тиктин. М., 1992.

Щербак 1988 — *Щербак Ю.* Чернобыль: Документальная повесть // Юность. 1988. №9.

Янгиров 1998 — *Янгиров Р.* Анекдоты «с бородой». Материалы к истории неподцензурного советского фольклора. 1918–1934 // Новое литературное обозрение. 1998. № 31.

Birkerts 1996 — Latvju tautas anekdotes / Sakopojis un rediðejis P.Birkerts. Riga, 1996.

Draitser 1982 — *Draitser E.* The Art of Storytelling in Contemporary Russian Satirical Folklore // Slavic and East European Journal. 1982. Vol. 26, № 2.

Hellberg-Hirn 1985 — *Hellberg-Hirn E.* The Other Way Round. The Jokelore of Radio Yerevan // ARV: Scandinavian Yearbook of Folklore. 1985, Vol. 41.

Sielicki 1993 — *Sielicki F.* Podania, legendy, anegdoty i przysłowia na Wilejszczyźnie w okresie międzywojennym. Wrocław, 1993 (Slavica Wratislaviensia, T. LXXVII).

М.В.Калашникова
(Санкт-Петербург)

Современная альбомная традиция

Альбомная словесность — одна из основных форм современного письменного фольклора[1] — разнообразна и в целом еще изучена недостаточно. Мы очень мало знаем о письменной традиции в закрытых учебных заведениях (интернатах, спецшколах) и в колониях для совершеннолетних заключенных (как мужских, так и женских). В нашем распоряжении всего лишь несколько блокнотов курсантов военных училищ. Ограничимся наиболее известными видами альбомов: это девичьи альбомы, тетради малолетних преступников и блокноты солдат срочной службы.

Девичьи альбомы

Альбом как культурно-исторический феномен попал в поле зрения исследователей уже довольно давно. Особое внимание уделялось тем альбомам, которые представляли несомненную ценность как собрание автографов крупнейших представителей литературы и искусства. Бытовому альбому «повезло» меньше, однако в последнее время исследователи стали активно им заниматься. «Становление литературно-бытового альбома в России, — указывает Л.И.Петина, — относится к концу XVIII — первому десятилетию XIX века и связано с утверждавшимися в этот период новыми формами социальной и литературной жизни — кружками и салонами. Салонный быт самым непосредственным образом содействовал развитию «домашнего» альбома, ибо культивировал исходные условия его составления: досуг, общение и атмосферу художественного творчества <...> Задуманный как книжка памятных записей, альбом постепенно становится сборником вписанных на память оригинальных и заимствованных литературных сочинений» [Петина 1988: 3–4]. По мнению исследовательницы, 1820–1930-е годы можно назвать «временем окончательного формирования литературного альбома: его структуры, композиции и жанрово-тематического состава». В.Э.Вацуро замечает: «Большинство сохранившихся до нашего времени альбомов

1820–1830-х годов принадлежит, условно говоря, к массовой альбомной продукции, характеризующей средний культурный уровень дворянского общества. Типовые черты в них преобладают над индивидуальными, цитата и выписка — над оригинальным сочинением. В них складывается своего рода "альбомный фольклор" — переходящие от альбома к альбому стихотворные мадригалы, утерявшие авторскую принадлежность и видоизменяемые в меру версификаторских способностей пишущего» [Вацуро 1979: 40].

В течение всего XIX в. из семейной среды альбом постепенно переходит в среду ученическую.

В 1920–1930-е годы, как отмечают В.В.Головин и В.Ф.Лурье, альбомная традиция вновь претерпела изменения, связанные «со сменой социального статуса и снижением образовательного уровня владельца альбома <...> Но самой главной причиной альбомных новаций является то, что новый советский ученик часто был носителем крестьянской или "посадской" ("фабрично-заводской") фольклорной традиции» [Головин, Лурье 1998: 270]. Альбом стал «полижанровым, более открытым для влияний жестокого романса, частушки, примитивной поэзии, детского фольклора, фольклора других субкультур». Сравнивая альбомы первой и второй половины XX в., С.Б.Борисов полагает, что на рубеже 60-х годов произошла переориентация альбома «от патриотизма и девичей дружбы к аполитичности и ориентации на дружбу с мальчиками» [Борисов 1997: 98].

Под *девичьим альбомом* мы подразумеваем собрание различных текстов (песен, стихотворений, афоризмов), определяющих особенности функционирования данного явления в коллективе. Внутри коллектива подобное собрание может именоваться «песенником», «дневником друзей», реже — «альбомом».

Современный девичий альбом чаще всего выглядит как школьная тетрадь в 48 или 96 листов. Хотя в последнее время полиграфическая промышленность пытается «помочь» школьницам и создает тетради-альбомы и тетради-анкеты. Они уже красочно оформлены, так что владелице остается лишь заполнить оставшиеся свободные страницы, рекомендации к которым также даются составителями. Однако полиграфическая продукция, несмотря на свою внешнюю привлекательность, не в состоянии вытеснить обычный рукописный альбом. В среде современных школьниц бытуют рукописные тетради различного характера. Это и песенники, специально созданные для записи текстов песен, и различные гадательные справочники («гадалки»), и сборники прозаических произведений, и альбомы. Крайне редко встречаются собственно мадригальные альбомы, в которых нет текстов, вписанных рукой владелицы.

Жанровый состав альбомов

Альбом включает в себя обязательные жанры: альбомную лирику, афористику, песенные тексты различного характера и происхождения, а также неспецифические альбомные жанры.

АЛЬБОМНАЯ ЛИРИКА

Альбомная лирика, наиболее постоянный пласт альбомных текстов, задает общую тематическую направленность альбома — «воспитание чувств». Самыми

устойчивыми являются тексты зачинов и финалов. Они имеют множество вариантов и встречаются практически в каждом альбоме.

На первой странице знакомимся с хозяйкой.

Хозяйка этого альбома —
Моя симпатия и жизнь.
Смотри, читатель незнакомый,
В хозяйку эту не влюбись.

«Уточняем» ее адрес.

Адрес моего песенника:
Область Страдальческая,
Город Любви,
Улица Свидания,
Дом Ожидания,
Квартира для всех, кто влюблен.

Далее хозяйка обращается с просьбой к читателям и указывает на «правила игры».

Прошу тетрадь не пачкать,
Листы не вырывать,
А если есть ошибки,
Прошу не исправлять.

В качестве финального текста может выступать следующий:

Мой адрес:
Город Любовь,
Улица Страдания,
Дом Ожидания,
А пока — до свидания.

Поскольку альбом ориентирован на коммуникацию, то неотъемлемой частью его являются тексты пожеланий. Причем они могут быть вписаны как хозяйкой альбома, так и ее друзьями или подругами.

1) Будь умна, скромна, красива,
Будь застенчива, добра,
И тогда тебя полюбят
33 богатыря.

2) Желаю быть по-чеховски красивой,
По-горьковски уметь ценить людей.
Просто по-советски быть счастливой
И как Островский жизнью дорожить.

Тексты, подобные приведенным, встречаются не только в альбомах. Их используют при изготовлении настенных газет, вписывают в поздравительные открытки и т. д.

Поразительно, но некоторые тексты пожеланий в альбомах школьниц 80-х годов напоминают пионерские речевки.

Пожелание:

Если слезы текут — утри!
Если ветер в лицо — не гнись!
Если другие молчат — кричи!
Если буря в лицо — крепись!
Если радость на сердце — пой!
Если знаешь — за дело — бей
И всегда будь сама собой!

Речевка:

Если влюбишься — не робей!
Если дверь заперта — стучи!
Если трусы молчат — кричи!
Если радость на сердце — пой!
Но всегда будь самим собой!

Альбом часто выступает как «хранилище» текстов, предназначенных для подписей к фотографиям или писем. Совсем не обязательно, что эти тексты будут использованы по прямому назначению.

1) Если встретишь подобную мне
(Только в этом я лишь сомневаюсь),
Мое фото не рви, а обратно пришли
И на нем напиши: «Не нуждаюсь».

2) Пусть яркий взор твоих очей
Коснется карточки моей,
И, может быть, в твоем уме
Возникнет память обо мне.

Среди стихотворных заготовок для писем можно найти как начало, так и финал «будущего письма».

Начало:

На короткой и скучной дороге,
Когда некому слова сказать,
Я решила, дорогая подруга,
Хоть от скуки письмо написать.

Финал:

Роза — не роза,
Букет — не букет.
Хочешь — не хочешь,
Пиши мне ответ.

Собственно альбомная лирика охватывает всю гамму переживаний любовного и дружеского чувства — «от любви до ненависти».

1) Почему так бывает...
Почему так бывает часто,
Любишь ты, но не любит он!
Встречи ждешь и часы считаешь,
А в тебя он совсем не влюблен.
А какой-то мальчишка украдкой
На окно тебе ложит цветы.
Почему так бывает часто?
Любит он, но не любишь ты.

2) Я тебя ненавижу
Не нужен ты мне, сколько можно
В бессонные ночи страдать.
Сколько можно еще
Без ответа любить
И с надеждой свидания ждать.
Я тебя ненавижу
За слезы свои.
Я прошу, не вставай у меня на пути.
Отойди.

Многие альбомные тексты содержат обращение или возможность подстановки нужного имени. Таким образом достигается ощущение «эксклюзивности» вписанного текста.

1) Ландыш серебристый
Юной красоты,
Белый и пушистый,
Катя, это ты.

2) Котик лапку опустил
В синие чернила
И на память написал:
«Катя, будь счастлива!»

Очевидно, что вместо «Кати» или «Наты» можно поставить другие имена и еще не раз использовать текст.

Особой формой игры в альбоме являются акростихи. Вариантов этих текстов немного, вероятно, потому, что эта форма сложна и непривычна для самодеятельного творчества. Приведем наиболее распространенный текст:

Ты хочешь знать, кого люблю я?
Его не трудно угадать.
Будь повнимательней, читая,
Яснее не могу сказать.
(Варианты:
Я больше не могу писать.
Я буквы буду называть.)

Афористика

Собственно афоризмы могут быть как авторские (приписанные или на самом деле принадлежащие какому-либо известному лицу), так и анонимные. В афоризмах представлены только две темы: любовь и дружба.

Любовь — творец всего доброго, возвышенного, сильного, теплого и светлого (Ф.Э.Дзержинский).

Никогда не вступай в дружбу с человеком, которого не можешь уважать (Чарльз Дарвин).

Любить двоих нельзя, но лгать можно многим.

Любовь (это хрустальная ваза, которую легко разбить, но трудно склеить.

Дидактическая поэзия. В этих текстах представлены «правила поведения», изложенные в форме императива:

1) Если будешь ты у моря,
Голубых цветов не рви.
Если любишь ты мальчишку,
Никому не говори.

2) Не жалей о цветах отцветающих,
Они снова весной расцветут.
А жалей о мечтах пролетающих,
Они больше к тебе не придут[2].

В альбоме часто можно встретить и советы-шутки:

1) Если хочешь быть счастлива,
Ешь побольше чернослива.
И от этого в желудке
Разведутся незабудки.

2) Запомни эту фразу:
Не люби двух сразу,
А люби штук 25 — веселей!

3) Любовь — река,
Где тонут два дурака.

Последнее высказывание довольно часто встречается в анкетах, где таким образом на вопрос «Что такое любовь?» отвечают одноклассники хозяйки анкеты.

Аббревиатура

Расшифровки слов-аббревиатур представляют собой игру, где подчас «расшифровываются» самые невероятные в данном контексте слова:

К — как
Р — разлюбить
Е — если
С — сердце
Т — тоскует

П — прости
И — и
В — вернись
О — обратно

Т — ты
У — ушла
А — а
Л — любовь
Е — еще
Т — тлеет

При этом некоторые из аббревиатур фигурируют и в тюремной субкультуре в качестве наколок:

К — клянусь
Л — любить
Е — ее
Н — навеки.

Песни

Современные владелице популярные шлягеры. Из всего эстрадного репертуара альбом фиксирует в основном те песни, которые являются наиболее популярными и близки тематически к альбомным текстам. Эта часть альбомного репертуара меняется довольно быстро: проходит популярность — пропадают тексты. В альбомах и песенниках 1980-х годов особенно часто встречаются песни из репертуара И.Николаева, А.Пугачевой, В.Леонтьева и др. Примечательно, что представленные в альбоме популярные шлягеры тяготеют по своей поэтике к романсу[3]. Это связано прежде всего с тем, что поэтика романса напрямую отвечает требованиям альбома, а именно: темами романса являются любовь и дружба, часто сопровождаемые мотивом судьбы. Альбом культивирует эти же ценности. Кроме того, романс диалогичен, что соответствует диалогической структуре девичьего альбома.

Городские «жестокие романсы» в альбоме иллюстрируют песенный репертуар подростков: встречаются популярные среди школьниц 80-х годов песни «Жил мальчишка на краю Москвы» (Жил мальчишка на краю Москвы, / Полюбил девчонку он одну / И однажды, чуть дыша, / Подошел он и сказал: / «Дорогая, я тебя люблю...»), «Малыш» (Чего стоишь ты, словно статуя, / Я, малыш, тебя не узнаю. / Чего глядишь, ребята старшие / Уводят девушку твою...)[4] и др.

Песни-«переделки» («перетекстовки») являются неотъемлемой частью школьного фольклора, поэтому они попадают в альбомы и песенники. Так, в альбоме середины 80-х годов находим «перетекстовку» песни из к/ф «Кавказская пленница»:

Где-то на белом свете,
Там, где всегда жара,
Ехал на ослике Шурик
И кричал «Ура!».
Ослик его хромает,
Ножка его болит.
Едет на ослике Шурик,
Шурик — инвалид и т. д.[5]

Неспецифические альбомные жанры

Говоря о жанровом составе девичьего альбома, следует отметить, что из всех видов современных альбомов он наиболее открыт для проникновения других, изначально не альбомных жанров. Из деревенской культуры в альбом пришла частушка. В девичьем альбоме обнаруживаются «гадалки» — от распространен-

ных «чихалок» до больших и сложно организованных гадательных справочников (для подобных текстов вполне может быть предназначена отдельная тетрадь). Девичий альбом часто берет на себя функцию анкеты. Среда обитания — школа — объясняет появление в ряде альбомов так называемой «школьной хроники», где даются «определения» различным явлениям школьной жизни:

Звонок с урока — я помню чудное мгновенье.
Ответ у доски — репортаж с петлей на шее.
Ученик у доски — Али-баба и сорок разбойников[6].

В альбоме можно встретить прозаические произведения — рукописные любовные рассказы. Как правило, в альбоме эти тексты одиночны. Если школьница владеет более значительной коллекцией, то она заносит их в отдельную тетрадь[7]. Особенностью последнего времени является появление на страницах девичьих альбомов «садистских стишков».

Рисунки в альбоме

Рисунок (изображение) в современном девичьем альбоме служит декоративным украшением, сопровождающим текст песни или стихотворения. Эти рисунки могут быть самодеятельными, но предпочтение отдается вырезкам из полиграфической продукции. В ход идет все: от отрывных календарей до иллюстрированных журналов. А.Ханютин отмечает, что «главным изобразительным мотивом альбома-песенника является портрет некой красавицы, с которой, по-видимому, идентифицирует себя хозяйка альбома. Второй по значению мотив альбомной иконографии — традиционная любовная символика: сердце, пронзенное стрелой, или два соединенных пылающих сердца» [Ханютин 1989: 195].

Особенности функционирования девичьих альбомов

«Важнейшей функцией нынешнего альбома-песенника, — по мнению А.Ханютина, — является функция социализации и самоидентификации девушки — подростка, посредством специфического «альбомного фольклора <...> Разрушение традиционных механизмов социовозрастной организации общества и выдвинуло песенник в качестве специфического маргинального, промежуточного жанра, замещающего утраченные формы социализации молодежи» [Ханютин 1989: 206].

Альбом — повод к общению, коммуникации и одновременно — сам текст получившегося диалога (или полилога), он не закрыт для «чужих» текстов-высказываний. Часто места для подобного «диалога» между хозяйкой и «гостями» определяются самой владелицей: страница «Напиши пожелание хозяйке» или «Напиши, понравился ли тебе мой песенник?» и т. п. Эту же игру-диалог призваны продолжить многочисленные «секреты»: «Открыв секрет, себя ты губишь. Теперь пиши, кого ты любишь» или «Кто откроет этот лист, тот на память распишись» и др. Этот призыв к «диалогу» тем не менее не позволяет «гостям» вмешиваться в тексты, вписанные владелицей. Осуждается, например, исправление в текстах грамматических ошибок («Альбом не школьная тетрадь. Прошу ошибки не считать») или исправление самих текстов (замена слов, приведение своих ва-

риантов и др.). Все это делает жанровый состав альбома более подвижным, открытым для проникновения иных жанров. Альбом чутко реагирует на потребности коллектива.

«О функции творческой реализации можно говорить в той мере, в какой присутствуют в альбоме творческие работы участников альбома: оригинальные стихи, рисунки. Творческая потребность может присутствовать на самом элементарном уровне, и альбом позволяет ей реализовываться, не предъявляя высоких требований» [Аникина 1997: 80].

Альбомная традиция детской колонии

Альбомы в детских колониях называются «тетрадями» или «блокнотами» в зависимости от того, в чем пишет подросток: в тетради или блокноте. В альбомы вписываются тексты и заносятся рисунки. В альбомах, взятых в одном месте и в одно время, наблюдается «мода» на почерк, на способы выделения рубрик, тяга к определенным шрифтам.

Жанровый состав альбомов

Жанровый состав альбомов малолетних преступников вполне традиционен (стихотворные произведения, афоризмы и песни). Среди текстов есть специфически альбомные и тексты широкого бытования.

Тексты первой группы наиболее интересны. Они задают структуру альбома, организуют текст альбома в целом. Выделяются тексты зачина и финала как наиболее традиционные.

Зачины:

1) Открой блокнот, мой друг или подруга,
И пробегись глазами по строкам.
Они написаны в часы разлуки,
В тоске по дому и родным местам.

2) Кто с этой жизнью не встречался,
Кто пайку хлеба не едал,
Прошу закрыть тетрадку эту,
Я не для вас ее писал.

Первая страница альбома оформляется тщательно: используются различные цвета, рисунки. Часто указываются данные владельца — место жительства, статья, срок и др.

Вариантов финальных текстов, по сравнению с зачинами, немного:

1) Ты прочитал написанный альбом,
Теперь ты знаешь, что такое воля.
Так дорожи ею.

2) Звони, отец, в колокола,
Твой сын выходит на свободу.

3) Окончен срок, и я на воле,
Нет огорчений и тревог.
Давайте ж выпьем
За тех, кто в зоне,
На самой трудной из дорог.

Подобных текстов встретилось немного. Это объясняется тем, что альбомы были получены собирателем в тот момент, когда они еще не были полностью оформлены.

Несмотря на свою предназначенность для определенной страницы, тексты зачинов и финалов можно встретить и в середине альбома.

Альбомная лирика

Тексты **пожеланий** в альбоме малолетнего заключенного интересны тем, что несут на себе особый тематический отпечаток. Это могут быть тексты, направленные на волю:

1) С Днем рожденья тебя поздравляю
И открытку на память дарю.
А цветы остаются за мною.
Я вернусь и тебе подарю.

2) Желаю дорог и больших расстояний,
Желаю улыбок и ожиданий.
Желаю открыток, желаю цветов.
Желаю друзей, не желаю врагов.
Желаю хорошей и чистой любви,
А трудно придется — меня подожди.

Довольно часто встречаются и стихотворные заготовки для писем:

1) С рассветом утренней зари
Я шлю тебе письмо.
Желаю счастья и любви
На много дальних лет.
Пишу письмо, а сам скучаю,
Давно не видел я тебя.
И часто-часто вспоминаю
Твою улыбку и глаза.

2) Пишу из мест, где нет невест.

По некоторым данным, осужденные в колониях имеют специальные тетради (своеобразные письмовники), куда вносятся заготовки для писем, однако получить их пока не удалось.

Собственно лирические произведения. В этих текстах герой, как правило, обращается к девушке, вспоминает о прошлом или мечтает о будущем:

1) Летят часы, проходят дни,
Сидеть все меньше остается.
Еще немного подожди,
Нам счастье снова улыбнется.

2) Нас не сможет ничто разлучить,
Даже страшная сила закона.
Буду крепко тебя я любить
Даже там, где запретная зона.

Судьба отдельного человека сливается с общей судьбой:

В дали от дома в добрый час
Мы помним тех, кто помнит нас.
И только бы хватило сил
Забыть про тех, кто нас забыл.

Эротические поэмы являются особенностью письменного фольклора малолетних преступников. Основы этих сюжетов разнообразны: история Адама и Евы («Адам и Ева»), похождения молодого человека в Нью-Йорке («Ходят девки по Бродвею...»), история Царевны-лягушки («В некотором царстве...») и др. Текстов подобного рода нам не довелось встречать ни в школьных песенниках, ни в армейских блокнотах.

Афористика

Тексты афористического характера призваны продемонстрировать «философские» взгляды малолетнего преступника. В этих текстах он дает оценку окружающему миру, системе правосудия, взаимоотношениям между людьми и т. д. В данных текстах «альбомный герой» выступает как лицо, несправедливо обиженное государством или просто другим человеком. У него всегда есть «своя» правда, которую он противопоставляет правде «государственной».

1) Так спасибо же вам, господа коммунисты,
За несчастливую юность мою.

2) Кто не был лишен свободы, тот не знает ее цены.

3) Тюрьма не место исправлений,
А школа новых преступлений.

4) Когда не дали мне любить,
Я научился ненавидеть.

Герой полагает, что тюрьма дает особое знание жизни:

Кто на волю смотрел сквозь решетку, тот не будет на жизнь смотреть сквозь пальцы.

«Женщина» в афористических высказываниях, как правило, является средоточием пороков:

1) Женщина — это консервная банка: открывает один, а пользуются многие.
2) Скорей голодный тигр откажется от мяса, чем женщина от лжи.
3) Лучше искать сына по лагерям, чем дочь по подвалам.

Единственный человек, который всегда выступает в альбоме как положительный герой, — это мать. Мать — идеальный образец любви, веры, надежды, прощения:

Любви достойна только мать:
Она одна умеет ждать.

Среди афоризмов, встречающихся в альбомах малолетних преступников, есть и такие, которые используются или использовались в качестве наколок — татуировок символического характера:

ЛОРД: Легавым отомстят родные дети.

Дидактическая поэзия. Афористические высказывания часто выступают в роли стихотворных поучений. Они утверждают свою систему ценностей. Герой этой поэзии — одиночка, познавший все превратности судьбы.

1) Много зла и коварства таится кругом.
Ты друзей не найдешь в этом стаде людском.
Каждый встречный тебе представляется другом.
Берегись! Он окажется лютым врагом.

2) Много на свете друзей, когда жизнь хороша,
Весело с ними живется.
Но если тебя настигнет беда,
Запомни, друзей не найдется.

3) Кто горя в жизни не видал,
Не грыз сухую корку,
Кто не любил и не страдал,
С того не будет толку.

При всей видимой, даже нарочитой серьезности, тексты афоризмов зачастую не лишены цинизма и своеобразного юмора.

1) Год — не срок.
Два — урок.
Три — пустяк.
Пять — нештяк.

2) Все может быть, все может статься
Может муж с женой расстаться.
Мать сына разлюбить,
Но чтобы бросили мы пить.
Такого нет, не может быть.

3) Бог не фраер, все простит.

Песни

Среди песен, вписанных в альбомы малолетних преступников, можно найти современные владельцу популярные шлягеры. Бытование их ничем не отличается от школьных песенников.

Городские «жестокие» романсы. Круг этих песен практически тот же, что и в современных девичьих альбомах.

Тюремные романсы. Герой этих песен предстает перед нами жертвой обстоятельств, человеком с несчастной судьбой:

Ах, зачем родился я вором, я вором,
На себе пусть каждый испытает.

Он — жертва неразделенной любви:

Ты же вор, ну а я — комсомолка,
Уходи, я комсорга люблю.

Тюремный романс знает и счастливую любовь, но назвать ее безоблачной нельзя:

Огни Ростова поезд захватил в пути.
Вагон к перрону тихо подкатил.
Тебя больную, совсем седую
Наш сын к перрону выводил.
Так здравствуй, поседевшая любовь моя.
Пусть кружится и падает снежок
На ветку клена, на берег Дона,
На твой заплаканный платок.

Герой тюремного романса иногда пытается активно противостоять миру зла, важной формой этого несогласия является побег. В тюремном романсе побег всегда неудачный. Но гибель героя нельзя назвать поражением, ведь

И еще не раз потом на вышке
Падал на рассвете часовой.
Кровь лилась за кровь того мальчишки,
Что ушел так рано на покой.

Итак, любовь у героя романса может быть, а может и не быть. Любимая будет верна, а может, и не будет. Здесь романс предлагает варианты. Но в самые сложные моменты жизни поддержать заключенного может только мать:

Встретить ты сына пришла,
Добрая, милая мама.
Долго ты сына ждала.
Невеста его ждать не стала...
...Я пью за тех матерей,
Что сына в тюрьму провожали.
И со слезами в глазах
Их на пороге встречали.

Представителям враждебного мира — *ментам* — отказано в существовании матери («Их родила не мать, а пидарас на грядке»).

Песни-переделки довольно часто встречаются на страницах альбомов малолетних заключенных. Это, как правило, «перетекстовки» на тюремную тему:

Сиреневый туман над «зоной» проплывает,
Над тамбуром горит прощальная звезда.
Конвой мой не спешит,
Конвой мой понимает,
Что с девушкою я прощаюсь навсегда...

Рисунки в альбоме

Рисунки в альбомах малолетних преступников можно разделить на две группы: декоративные (служат исключительно для украшения) и символические (обладают особым значением, принятым в данной субкультуре).

К числу первых относятся перерисованные персонажи поздравительных открыток (гномик или Дед Мороз с открыток «С Новым Годом» и др.), а также иллюстрации к песне (например, песня «Камыши» сопровождается изображением камышей).

Вторая группа — это рисунки, изображающие символы данной субкультуры, а также рисованные варианты татуировок. Наиболее популярным среди них является рисунок, изображающий розу за решеткой или оплетенную колючей проволокой. Этот символический рисунок может быть и наколкой со значением «встретил совершеннолетие в тюрьме» и имеет прямое отношение к культуре малолеток.

Особенности функционирования альбомов

Альбом не является записной книжкой. В нем нет текстов, относящихся к текущей жизни арестанта (например, распорядка дня, записей домашнего задания в школе и т. п.). Характерно, что по альбому практически невозможно установить положение его владельца в тюремной иерархии. Можно предположить, что альбом выполняет некую нивелирующую функцию и не отражает особенности взаимоотношений между заключенными. Ценности, декларируемые альбомом, общечеловеческие (любовь, стремление к счастью, надежда на скорое возвращение и др.). Язык альбома избегает употребления большого количества слов специфического блатного жаргона. Используемые слова и выражения, как правило, известны не только в блатной среде.

Специфика альбома в том, что по характеру текстов он напоминает лирический дневник, полный личных жизненных переживаний. Однако альбом лишь имитирует индивидуальный опыт. Происходящее воспринимается не только как настоящее или прошедшее, но и как вполне определенное будущее. В текстах часто происходит смешение грамматического времени.

Поздней осенней порой,
Падая, листья шуршали.
Я возвращался домой,
Где меня долго так ждали.
Осенний кружил ветерок
В парке листвою.
Вокзал. Я вхожу на перрон
И вижу тебя, мать родная...
...И на широкой груди,
Лаская родную старушку,
Я скажу: «Мама, веди
В родную избушку»...

Альбом существует вне времени. Более того, тексты лишены деталей, тюрьма предстает как нечто ужасное, но вместе с тем и предельно обобщенное. По некоторым альбомам невозможно установить место, где они были созданы.

Сама традиция навязывает альбому функцию «напоминания» о том, что было в неволе, или «рассказа» о времени, проведенном там:

1) Мой друг!
Ты прочитал написанный альбом,
Теперь ты знаешь, что такое воля,
Так дорожи ею!

2) Когда-нибудь на стилаже
Среди бумаг под толстым слоем пыли
Я эту книжечку найду
И вспомню, как мы жили.

Однако среди заключенных существует представление о том, что из «зоны» или тюрьмы на волю брать ничего нельзя. В таком случае, функция альбома как «блокнота на память» только декларируется: он не может служить владельцу подобным образом.

Анализ содержания альбома малолетнего заключенного показал, что подавляющее количество текстов — от «первого» лица. Таким образом, складывается представление о лирическом герое альбома. Это «Я» — alter ego владельца альбома, некто идеальный, наделенный такими чувствами и переживаниями, которых может и не быть у реального подростка.

В общем, тюремный альбом есть максимально обобщенная, созданная традицией «иная реальность» со своим «героем», который в рамках жестко структурированной субкультуры помогает владельцу альбома сохранить хотя бы призрачную связь с миром «по ту сторону решетки».

Письменный фольклор солдат

Говоря о письменном фольклоре солдат срочной службы, мы должны различать дембельский альбом и армейский блокнот: блокнот ближе к описываемым феноменам, тогда как дембельский альбом — явление несколько другой природы. Если армейский блокнот служит «аккумулятором» солдатской традиции, то основное предназначение альбома — «память о службе»[8].

Жанровый состав блокнота

Набор жанров солдатского блокнота типичен для альбома. При этом по тематике к солдатским блокнотам ближе стоят тетради малолетних заключенных.

Лирические произведения

Как и альбомы, солдатский блокнот открывается текстом зачина:

Открой блокнот, мой друг или подруга,
И пробеги глазами по строкам.

Писал я эти строки в дни досуга
И от тоски к родным местам.
А если ты мужского пола,
Но этих чувств не испытал,
Закрой блокнот: ты слишком молод,
Не для тебя его писал.

Стихотворные тексты чаще всего содержат обращение, направленное «на гражданку», к «ней» или другу.

Я пишу вам письмо, но о чем же писать.
Хоть о многом я мог бы вам рассказать.
О том, как не любят солдаты подъем,
О том, как в строю мы идем и поем.
И как ноет спина, когда чистим мы снег,
И как деньги деды отбирают у всех.
Как внутри закипает, когда тебя бьют,
И как драим мы пол, и в столовой мы пашем.
О нелегкой солдатской жизни нашей
И о многом еще рассказать я бы мог,
Но не буду, ведь служба —
Почетный наш долг.

Тяготы военной службы порождают желание поскорей приблизить время демобилизации. Поэтому возвращение на «гражданку» представляется бесконечным праздником.

Наступит день, и мы вернемся,
И будут нам светить издалека
Не звезды на погонах замполита,
А звезды на бутылках коньяка.

А пока обезличивающий механизм армейского существования «загоняет» духовную жизнь солдата вглубь.

Вы не сильно судите солдата,
Если видите, что он пьян;
Лучше в душу ему загляните —
Сколько ран вы увидите там.

Среди стихотворных произведений часто встречается пародийная молитва.

Да спаси нас Бог
От дальних дорог,
От подъема раннего,
От крика дневального,
От турника высокого,
От кросса далекого,
От занятий тактических,
Строевых и физических,
От командира части,
От всякой напасти,

От командира взвода,
От утреннего развода,
Господи, прибавь получку,
Масла и сахара кучку.

Тексты пожеланий и подписи для фото совпадают с теми, которые встречаются в альбомах школьниц и на страницах тетрадей малолетних преступников.

1) Желаю быть тебе счастливой,
Желаю горя не видать,
Желаю быть для всех любимой,
Но и меня не забывать.

2) Я ношу твое фото в кармане,
С ним теплее стоять на посту.
Я стою, не могу наглядеться
На тебя, на твою красоту.

Афористика

Армейская афористика направлена на создание картины мира солдата, на идентификацию лирического героя этих произведений как члена армейской общности. Она устанавливает отношения между теми, «кто был», и теми, «кто не был», как между «посвященными» и «непосвященными».

1) Попал в ВДВ — гордись, а не попал — радуйся.

2) Запомни истину одну,
О ней слагаются былины:
Уходят в армию юнцы,
А возвращаются мужчины.

Как отмечают В.В.Головин, М.Л.Лурье и Е.В.Кулешов, оценочная направленность текстов, рисующих армейскую жизнь, отличается парадоксальностью: клише, представляющие армейскую службу как «почетную обязанность» и акцентирующие большую собственную значимость солдатской миссии, могут как полностью приниматься, так и полностью отвергаться:

1) Солдатами не рождаются,
Солдатами умирают.

2) Чтоб слез не лили милые глаза,
Чтоб матери от горя не седели
И не назрела новая война,
Надели мы солдатские шинели.

3) Армия — это школа. Но как ни учись — все равно на второй год оставят.

Аббревиатуры

Всевозможные расшифровки в блокнотах солдат, по нашим наблюдениям, затрагивают, в основном, аббревиатуры названий родов войск:

В — войска	В — вряд ли
Д — дурного	Д — домой
В — воспитания	В — вернемся

Песенные тексты

Армейский песенный репертуар весьма разнообразен и во многом сходен с репертуаром письменной традиции школы и «зоны». Отметим лишь, что, на наш взгляд, в армейском песенном репертуаре более значительное место занимают «перетекстовки» известных песен.

С чего начинается армия?
С рассказа сержанта в купе,
Последней местной станции
И первых ворот КПП.
А может она начинается
С повестки, которой не ждал.
И парень с девчонкой прощаются,
Любуется ими вокзал...

Рисунки в блокноте

По нашим наблюдениям, рисунки в солдатском блокноте предельно схематичны и часто являются чем-то вроде наброска иллюстрации к тексту.

Особенности функционирования блокнотов

По наблюдениям исследователей, ведение блокнота, так же как и изготовление альбома, обязательно для каждого солдата или курсанта и идентифицирует его как члена общности; соответственно, пренебрежение этой традицией воспринимается как вызов сложившимся в армейской среде обычаям и возможно только как выражение сознательного протеста против диктата этих обычаев, справедливо ассоциирующихся с «духом армии».

Армейский блокнот действительно создается «на память», о чем довольно часто говорится в текстах. Он также служит своеобразной хрестоматией — хранилищем для текстов, в дальнейшем используемых при изготовлении дембельского альбома.

Таким образом, альбомная культура в современном мире существует и процветает в относительно замкнутых социальных сообществах (субкультурах): школа, армия, тюрьма и др. Структуру современного альбома нельзя назвать строго определенной. Есть альбомы, которые ограничиваются оформлением «рамки» с использованием специфических текстов зачинов и финалов. Однако в ряде случаев, наряду с указанной «рамкой», структурируется и внутреннее пространство альбома: тексты группируются по жанрам, выделяются рубрики.

Жанровый состав альбома одинаков для всех традиций. Общими можно считать и способы передачи текстов из одного альбома в другой: письменный (при переписывании с любого письменного источника — альбома, песенника, печатных изданий и др.) и устный (со слуха, по памяти).

Альбомная традиция невнимательна к понятию «авторства». Авторские, литературные тексты в альбоме выполняют те же функции, что и фольклорные. Указания на автора в ряде жанров (некоторые афоризмы, песни, отдельные стихотворные произведения) не столько хранят память об авторе, сколько демонстрируют определенную «образованность» владельца альбома. Особый интерес представляет бытование в альбоме текстов литературного происхождения. Встречаются художественные произведения:

– в случайно измененном виде (ошибки при списывании или заучивании наизусть, замена одних слов другими при сохранении авторской концепции текста в целом);

– в переделанном виде (сознательный отбор отдельного фрагмента текста, перемена адресата и др., но с сохранением тематики и литературной «серьезности»);

– в пародийно-сниженном виде (пародии-переделки, литературные реминисценции в самодеятельных текстах).

Случайно измененные тексты адаптируются к нуждам альбома (или составителя альбома), при этом изменяется их прагматическая функция. Происходит своеобразное «присвоение» текста: он становится «личным», лирическое «я» поэта очень часто превращается в «я» владельца альбома или человека, вписывающего данный текст в альбом. Стихотворение приобретает новую жизнь, далекую от контекста творчества его автора. Утеря автора и изменение функции текста создают условия для фольклоризации литературного произведения. Подобные трансформации характерны для всех видов альбомов.

Альбомную традицию можно рассматривать как мужскую и женскую. Причем если ведение альбома в женской среде — явление рядовое, «нормальное», то мужчина (мальчик, подросток, юноша) обращается к альбому в экстремальных условиях. Это, возможно, и определяет те психологические функции, которые выполняет альбом внутри каждой субкультуры.

Мужская альбомная традиция делит весь мир на две части: «утопические» воля и «гражданка» и «антиутопические» «зона» и армия. Мир «утопии» и мир «антиутопии» четко противопоставляются друг другу в альбомных текстах.

1) Помнишь, зек, как ты гулял:
Девчонки, деньги, кабаки...
А что взамен менты нам дали?
Баланду, карцер, сапоги...

2) Помнишь, друг, как ты гулял:
Девчонки, деньги, кабаки...
А что же в армии нам дали?
Хебе, портянки, сапоги...

Особым знаком «утопического» мира является образ матери: «На то, что образ мамы условен, как и все в утопическом мире “гражданки”, указывает и употребление общефольклорного штампа “старенькая мама”, тогда как в реальности этот эпитет едва ли применим к маме современного солдата» [Райкова 1995: 80].

Вспомним, что «старенькая мама» является неотъемлемой частью и фольклора заключенных.

Девичья альбомная традиция создает свою утопию — «утопию» идеального чувства. Как отмечает В.Ф.Лурье, когда открывающиеся чувства и переживания «перестают быть для девушек тайной, потребность в песенниках исчезает. Приобщение к миру взрослых влечет и использование "взрослой" традиции. То, что песенник — дань возрасту, понимают часто и те, кто их ведет. Вот какие стихи пишутся в них наравне с другими:

Юность не вечна, и в честь этих дней
Пишу эти строки в тетради моей.
Пройдут года, и через много — много лет
Вдруг вспомнишь ты свои семнадцать лет» [Лурье 1990: 64].

Очевидно, что основной функцией альбома является моделирование иной реальности, некоего идеального мира, в котором все понятней и проще, где можно найти ответы на вопросы, где понятно, как себя вести, потому что ясно, кто прав, кто виноват и т. д. Ведение альбома — это, во-первых, способ побыть наедине с собой, но с собой не «реальным» (для этого служат личные дневники), а «другим» собой; во-вторых, создать и сохранить представление об «утопическом» мире. Альбом, таким образом, в определенной ситуации (возрастной, экстремальной) служит своеобразной «службой психологической помощи», поддерживая процесс адаптации человека к условиям реальной жизни.

Примечания

[1] О феномене письменного фольклора см.: *Неклюдов С.Ю.* О слове устном и книжном // Живая старина. 1994. № 2. С. 2–3; *Костюхин Е.А.* Литература и судьбы фольклора // Там же. С. 5–7; *Бахтин В.С.* Реальность письменного фольклора // Экспедиционные открытия последних лет. Народная музыка, словесность, обряды в записях 1970-х–1990-х годов: Статьи и материалы. СПб., 1996. С. 151–159.

[2] Ср. с текстом эпитафии с погоста города Новая Ладога:

Не грусти о цветах отцветающих —
Они снова весной расцветут.
А грусти о людях отлетающих —
Они снова к тебе не придут.

См: *Бахтин В.С.* Реальность письменного фольклора... С. 157.

[3] О поэтике романса см: *Петровский М.С.* Скромное обаяние кича, или Что есть русский романс // Русский романс на рубеже веков / Сост. В.Мордерер, М.Петровский. Киев, 1997. С.3–60.

[4] Полные тексты песен см.: *Калашникова М.В.* Альбомы современной детской колонии // Фольклор ГУЛАГа / Сост. В.С.Бахтин и Б.Н.Путилов. СПб., 1994. С. 87–88. Варианты см.: *Адоньева С.Б.* Баллады // Русский школьный фольклор: От «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов / Сост А.Ф.Белоусов. М., 1998. С. 163–164.

[5] О пародии см.: *Лурье М.Л.* Пародийная поэзия школьников // Русский школьный фольклор... С. 430–516.

[6] Подробнее см.: *Лурье В.Ф.* "Школьная хроника" // Русский школьный фольклор... С. 399 — 429.

[7] Подробнее см: *Борисов С.Б., Жаворонок С.И.* Девичьи рукописные любовные рассказы // Русский школьный фольклор... С. 185–268.

[8] *Головин В.В., Кулешов Е.В., Лурье М.Л.* Субкультура солдат срочной службы // Наст. книга. С. 186–230.

Литература

Аникина 1990 — *Аникина С.М.* Функции рукописного школьного альбома в контексте массовой культуры // Человек в культуре России: Материалы Всероссийской науч. практ. конф., посвященной Дню славянской письменности и культуры. Ульяновск, 1997.

Борисов 1997 — *Борисов С.* Эволюция жанров девичьего альбома в 1920–1990-е годы // Шадринский альманах. Вып. I / Сост. и отв. ред. С.Б.Борисов. Шадринск, 1997.

Вацуро 1979 — *Вацуро В.Э.* Литературные альбомы в собрании Пушкинского дома (1750–1840-е гг.) // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1977 год. Л., 1979.

Головин, Лурье 1998 – *Головин В.В., Лурье В.Ф.* Девичий альбом XX века // Русский школьный фольклор: От «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов / Сост. А.Ф.Белоусов. М., 1998.

Лурье 1990 — *Лурье В.Ф.* Современный девичий песенник — альбом // Школьный быт и фольклор. Ч. 2. Девичья культура: Учебный материал по русскому фольклору / Сост. А. Ф. Белоусов. Таллинн, 1990.

Петина 1988 — *Петина Л.И.* Художественная природа литературного альбома первой половины XIX века. Автореф. дисс. ... канд. филолог. н. Тарту, 1988.

Райкова 1995 — *Райкова И.Н.* Фольклор современных солдат: идейно-художественное своеобразие и отношение к детскому фольклору // Мир детства и традиционная культура. М., 1995.

Ханютин 1989 — *Ханютин А.* Школьный рукописный альбом-песенник: новый успех старого жанра // Массовый успех / Отв. ред. А.Ханютин. М., 1989.

А.А.Панченко
(Санкт-Петербург)

Магические письма

Жанр *магического письма*, представленный в современном городском фольклоре так называемыми ***святыми письмами*** и ***письмами счастья***, практически не привлекал внимания отечественных исследователей. Единственные новейшие работы по этому вопросу в России — пока что небольшая статья В.Ф.Лурье [1993: 142–149], представляющаяся малоудовлетворительной с научной точки зрения, и краткие заметки К.В.Чистова, посвященные магическим письмам из так называемой «фрейбургской коллекции» фольклора остарбайтеров ([Преодоление рабства 1998: 20–24, 168–171]; там же см. библиографию некоторых зарубежных исследований на эту тему). Причины этого вполне понятны — они обусловлены не только еще недавней политической ангажированностью «советской фольклористики», но и чисто практическими трудностями изучения подобных памятников. Сам тип бытования магических писем в культуре современного большого города не позволяет с достаточной точностью определить ни социальную принадлежность их переписчиков и распространителей, ни динамику их существования. Настоящая работа, естественно, не претендует на исчерпывающее исследование этих (и родственных им) текстов. Постараемся лишь определить возможные пути изучения современных магических писем как религиозно-мифологического и магического явления, связанного, с одной стороны, с фольклорным православием и, с другой, с городским культурным обиходом, а также обсудим некоторые функциональные, типологические, тематические и генетические особенности этого жанра.

Отправной точкой нашего исследования послужат современные святые письма и письма счастья. Здесь мы опираемся на небольшую коллекцию этих текстов, собранных во второй половине 1980-х и в 1990-е годы в Санкт-Петербурге, а также на два письма, опубликованных В.Ф.Лурье (см. Приложение, № 8–21).

Существующие данные позволяют говорить о двух устойчивых версиях памятников такого рода. Первая — собственно святое письмо, довольно стабильное по содержанию и оперирующее преимущественно религиозными понятиями. Письма счастья более пространны и в то же время более вариативны. Однако

в целом они также ориентированы на определенную нарративную модель. Несмотря на содержательные и формальные различия, обе версии писем соотносятся с одной и той же коммуникативной ситуацией — магическим актом переписывания и рассылки определенного текста. Кроме того, их морфология, в сущности, однотипна. Попробуем охарактеризовать ее на основании текстов святых писем, так как они представляются более стабильными по своему составу. Письмо начинается с молитвенного зачина. Затем следует рассказ о чудесном появлении письма и о его магической силе. Этот отрывок текста можно назвать «эпической частью». Его структура изоморфна строению многих легендарных циклов христианского фольклора, базирующихся на исходном предании о появлении сакрального существа или предмета в профанном мире (см.: [Чистов 1967: 11–13]). Циклы такого рода обычно предполагают, что *материнское предание* развивается и дополняется *дочерними рассказами*, содержащими свод правил *магического этикета*, т. е. примеры должного и недолжного поведения людей в отношении святого или святыни и сообщения о результатах этого поведения. Более того, по наблюдениям К.В.Чистова, в нормальном повседневном бытовании материнское предание как бы опускается: оно и так известно всем полноценным членам социума и не нуждается в постоянном эзотерическом воспроизведении, оно латентно присутствует в утверждающих и развивающих его динамических сюжетах [Чистов 1967: 12]. Далее мы покажем, что такая коммуникативная ситуация имеет, по-видимому, универсальный характер и типологически изоморфна парадоксальному «ускользанию текста», характерному для описываемых видов магических писем.

В конце письма, после эпической части, обычно помещаются предписания, касающиеся переписывания и рассылки писем, и заключительные формулы («это письмо обошло весь свет», «обратите внимание через 36 дней», «аминь» и т. п.), отчасти сопоставимые с заговорной «закрепкой».

Что касается писем счастья, то их содержание менее устойчиво. Как правило, этот вид писем сохраняет лишь ритуальные предписания и эпическую часть; в эпической части обычно опускается история появления письма и рассказывается лишь о людях, переписавших или не переписавших его текст. С другой стороны, к этой версии может быть добавлен произвольный набор знаков, буквенно-цифровая абракадабра, служащая магической квинтэссенцией письма.

Если эпическая часть святых писем сравнительно невелика и оперирует образами и понятиями традиционной христианской культуры, то соответствующие фрагменты писем счастья более пространны и связаны со светской символикой. Встречающиеся в них образы представляют собой несомненную принадлежность массовой городской культуры 1980-х годов. Происхождение магической силы письма связывается не с «Богом», а с «параллельными мирами», «миссионерами Венесуэлы» и т. п. К тому же культурному полю принадлежат персонажи эпической части — люди, переписавшие или не переписавшие письмо. Это исторические (Данте, Конан-Дойль, Тухачевский, Алла Пугачева) или псевдоисторические лица («крестьянка Урунова», «вышедшая замуж за князя Голицына», «барон фон Виллингольд» и др.), тем или иным образом воплощающие собой фольклорные категории «удачи» («счастья») или «неудачи» («несчастья»). Иногда «герои»

магических писем редуцируются до причудливых наименований, которые даже трудно счесть человеческими именами, хотя в то же время они строятся в соответствии с определенными фонетическими рядами: таковы Доиуз, Дезиву и Дозоза (Приложение, № 17). Можно добавить, что рассматриваемые памятники изобилуют историческими и географическими ошибками, анахронизмами и т. п. Это свидетельствует о достаточно низком образовательном уровне их переписчиков, т. е. мы можем говорить о том, что последние принадлежат к низовым слоям городской культуры, активно участвующим в воспроизведении фольклорных текстов. Возможно, что наиболее прилежно такие письма переписывают люди, обладающие маргинальным возрастным и социальным статусом — дети и подростки, старики, представители прицерковной среды и пр.

Своеобразным вариантом писем счастья представляется «олимпийская игра “судьба”» (Приложение, № 21), где к традиционным мотивам «счастья» и «несчастья», соотнесенным с необходимостью рассылки письма, примешиваются характерные для субкультуры девочек-подростков элементы гадания и любовной магии. Нет сомнения, что этот вид писем по преимуществу принадлежит культуре школьниц. Важно, однако, другое: его пример демонстрирует, насколько легко формообразующий принцип магических писем может взаимодействовать с различными аспектами повседневного быта.

Весьма сложным представляется вопрос о соотношении традиции магических писем с теми или иными сектантскими течениями, как протестантского, так и мистического направления. Прямых свидетельств, позволяющих говорить о такой связи, почти нет. Из бумаг, относящихся к деятельности хлыстовского течения «катасоновцев» во второй половине XIX в., И.Г.Айвазов опубликовал пространное святое письмо [Айвазов 1915: 214–215]. Впрочем, оно не имеет специфических черт хлыстовского или скопческого происхождения и сходно с текстами такого рода, имевшими хождение в крестьянской среде той эпохи. Кроме того, существует сообщение одного из деятелей антирелигиозного движения рубежа 1920–1930-х годов, охарактеризовавшего опубликованное им письмо как «интересный пример баптистской агитации» [Крайнюк 1929: 98–99; Приложение, № 3]. Однако не совсем понятно, насколько можно доверять его словам. В то же время в магических письмах конца XIX–начала XX в. фигурируют образы, соответствующие традиционным православным верованиям крестьян и городского простонародья: прп. Серафим Саровский, о. Иоанн Кронштадтский [Виноградов 1908–1909, II: 83], весьма почитавшийся богомольцами «епископ Воронежский Антоний» — очевидно, архиепископ Антоний (Смирницкий) (1773–1846).

По-видимому, более уместно полагать, что в самом общем виде магические письма представляют собой «надконфессиональное» явление и могут, с определенными различиями, иметь хождение и среди православных, и среди представителей других христианских исповеданий, и среди сектантов. Очевидно, что в некоторых случаях те или иные эсхатологические и мессианистские религиозные движения могли использовать *небесные*, *святые* и т. п. письма в качестве священных текстов или реликвий, игравших особую роль в обрядово-мифологической жизни их адептов. Можно привести многочисленные примеры из религиозной

истории Западной Европы (см.: [Cohn 1957: 42, 83, 127–129, 133, 147, 242]). Особую роль небесные письма играли для движения флагеллантов [Cohn 1957: 127–129, 133]. Это обстоятельство привело М.Грушевського к малообоснованному выводу, что на восточнославянские земли «лист небесный» попал именно благодаря флагеллантскому влиянию [Грушевський 1925: 579–580].

Так или иначе, мы не считаем возможным соотносить восточнославянские магические письма с какой-либо сектантской традицией и полагаем, что большинство памятников этого рода составляло вполне нормативную часть традиционных религиозных практик.

Невозможность достоверно исследовать непосредственный социальный контекст святых писем и писем счастья заставляет обратиться к проблемам их генезиса и исторической типологии. В.Ф.Лурье, касающийся этого вопроса в упомянутой в начале статьи работе, указывает на средневековую «Эпистолию о неделе» как основной источник изучаемой традиции [Лурье 1993: 145–146]. Согласно его предположению, современные магические письма непосредственно восходят к этому апокрифу, имевшему распространение во всей христианской Европе и довольно популярному в средневековой России (см.: [Веселовский 1876: 50–116]). При этом исследователь не указывает ни на какие переходные формы между средневековой «Эпистолией» и современными памятниками, полагая, очевидно, поиск путей и механизмов исторического развития этого жанра необязательным. Действительно, «Эпистолия» — апокрифическое поучение, пользовавшееся известностью у многих христианских народов и предписывавшее особое почитание воскресного дня («недели»), — воспринималось именно как небесное письмо. Большинство редакций «Эпистолии» повествует о ее небесном происхождении и чудесном обретении. «О письме рассказывается, что оно упало то в Риме, то в Иерусалиме, то в другом каком-нибудь городе» [Веселовский 1876: 69]. Однако все это еще не дает оснований для утверждения о прямой связи «Эпистолии» и современных магических писем.

Во-первых, в традиционном обиходе восточных славян XIX–XX вв. циркулировало большое количество рукописных апокрифических молитв и поучений, считавшихся небесными письмами и текстологически не возводимых к «Эпистолии о неделе» (см., например: [Виноградов 1908–1909, I: 19–20 (№ 25, 26), 84–87 (№ 114); Герасимов [б. г.]: л. 91–91об.]). Среди польских памятников этого же рода фигурировал апокрифический «Сон Богородицы» [Познанский 1995: 70]. Более того, сам образ письма с неба встречается и в других жанрах религиозного фольклора. Так, ту же символику мы встречаем в стихе о Голубиной книге [Стихи духовные 1991: 31–32, (№ 2)]:

Ай, на той горы на Фагорския
Ко цюдну кресту животворящему,
Ко Латырю белу каменю,
Ко святой главы ко Адамовой
Выпадала Книга Голубиная.
<...>
Им ответ держал премудрый царь,
Премудрый царь Давыд Осиевич:

«Писал сию Книгу сам Исус Христос,
Исус Христос, Царь небесный;
Цитал сию книгу сам Исай-пророк,
Цитал он книгу ровно три году,
Процитал из книги ровно три листа».

Кроме того, многие апокрифы в списках XIX в. («Сон Богородицы», «Сказание о двенадцати пятницах» и др.) сопоставимы со святыми письмами и по своим ритуальным функциям: их тоже предписывается переписывать, «на главе держати и в чистоте носити»; исполнение этих условий должно обеспечить земное благополучие человека и посмертное отпущение грехов ([Виноградов 1908–1909, I: 81–82 (№ 111); «Сон Богородицы» 1870, л. 5]; ср. также данные об аналогичных функциях «Сна Богородицы», различных молитв и заговоров в современной культуре Каргополья: [Пигин 1997: 43–44]).

Во-вторых, необходимо указать на существование сходных «писем» в других странах Европы. Таковы, например, польские «modlitewki»: «Все они чудесно найдены: либо в Риме, перед алтарем, либо Сам Господь послал ее с ангелом папе или королю и т. п.» [Познанский 1995: 70–71]. Богата подобными памятниками и немецкая традиция: в Германии XIX–начала XX в. имели хождение различные версии небесных писем (Himmelsbriefen), *охранительных писем* (Schutzbriefen) и *круговых писем* (Kettenbriefen) (см.: [Handwörterbuch 1931–1932: 21–27; Hellwig 1916: 35–51; Bertholet 1949: 12; Кагаров 1981: 69–70]). Последние, рассылавшиеся «с настойчивой просьбой переписывать их и распространять среди друзей-знакомых» [Кагаров 1981: 70] со ссылкой на: [Fehrle 1926], особенно близки нашим святым письмам и письмам счастья.

Случаи проникновения подобных текстов в Россию зафиксированы документально. Так, например, обстояло дело с так называемым «Бракским небесным письмом» (der Braker Himmelsbrief), которое А.Н.Веселовский считал «крайней степенью разложения» «Эпистолии о неделе» [Веселовский 1876: 106]. «Бракское письмо» начинается рассказом, как один граф хотел казнить своего служителя и казнь не могла быть исполнена, потому что меч не тронул осужденного. На вопрос графа служитель показывает ему рукописание, которое носил при себе и на котором стояли буквы: B. I. H. B. K. S. K. K. Когда граф прочел его, велел чтобы всякий имел его при себе, потому что сила его велика [Веселовский 1876: 106].

В конце прошлого века русский перевод Бракского письма, обнаруженный на Кубани (в рукописном сборнике, принадлежавшем казаку из старообрядческой станицы Прочноокопской) и довольно близкий к немецкому оригиналу, был опубликован М.А.Дикаревым [Дикарев 1900: 89–90]. В 1915 г. сходный текст (использовавшийся как заговор на оружие и взятый у солдата Первой мировой войны, считавшего его «очень пользительным») был прислан в Общество любителей естествознания, археологии, этнографии (ОЛЕАЭ) из г. Оренбурга. По предположению Е.Н.Елеонской, опубликовавшей это письмо и указавшей на его западноевропейские аналогии, «появление такого заговора от оружия в русском народе может быть объяснено тем, что печатные произведения из Западной Европы свободно проникают в русские пограничные местности и что появившийся печатный текст мог быть переведен и распространен; да и при личных сношени-

ях с иноземцами русские могли воспользоваться их знанием заговора» [Елеонская 1994: 140].

Обращают на себя внимание частые (хотя и искаженные) упоминания западноевропейских городов и стран, встречающиеся в рассказах об обретении писем. Эта особенность, на мой взгляд, также указывает на возможное иноземное влияние. Так, в тексте «Святого письма Господа Иисуса Христа», присланном во второй половине прошлого века в архив Императорского Русского географического общества (ИРГО) из Псковской губернии, говорилось, что оно «найдено в 12-ти верстах Самбопери в Лондоне или в Лангедоке» [Архив РГО. Р. 32 (Псковская губ.). Оп. 1. № 38. Л. 1]. Географическая номенклатура современных писем счастья тоже интернациональна: в них упоминаются Ливерпуль, Голландия, Венесуэла и т. п.

Функционируют подобные тексты и в современной англо-американской культуре. «Круговые письма» здесь известны как *цепочка писем* (letter chain) или *письмо по цепи* (chain letter): «Цепочка писем, приносящая счастье или богатство получателю письма, не должна быть нарушена, иначе последует несчастье» [Letter 1950: 615]. Эта традиция, в частности, обыгрывается во вступительной сцене 5-й серии телесериала «Крутой Уокер. Правосудие по-техасски». Один из друзей главного героя, техасского рейнджера Уокера, посылает ему «письмо счастья», «написанное перуанским монахом в 1947 г.». Его надо переписать в течение четырех дней. Но Уокер не суеверен: он рвет письмо на глазах у изумленного друга. Последний рассказывает о несчастьях, которые случились с теми, кто «прервал цепочку». Однако, несмотря на трудности и опасности, подстерегающие Уокера и его напарника Тревета на протяжении всей серии, они остаются невредимыми и побеждают злоумышленников — магия письма на них не подействовала. Своеобразный вариант англоязычного письма по цепи был опубликован В.Андерсоном [Anderson 1937: 22]; хотя этот текст был зафиксирован в Эстонии, он, без сомнения, происходит из Америки.

Письмо по цепи

Мы верим в Бога, подающего нам все, в чем мы нуждаемся.
Gladys Granghty, Outremont.
Jvel Adams, Dorval.
Suzanne Christot, New-York.
M. de Conic, Montreal.
Alice Sagris, Montreal.
Hilda Sagris, Tallin.
Helma Karik, Tallin.
Lisette Pipar, Tallin

Пожалуйста, отправьте вышеуказанный список, исключив из него первое из имен и добавив свое.
Отправьте пять копий пяти друзьям (которым вы желаете процветания).
Эта <цепь> была начата полковником Арнесом. Миссис Стрэффорд получила (!) 900 долларов через девять дней после отправки письма. Миссис Арчер получила (!) 300 долларов. Миссис Холмс нарушила цепь <и> потеряла все, что имела.
Эта цепь имеет определенное влияние на все.

Повторите цепь, и это принесет вам процветание в течение девяти дней после отправки.

Получено 26 марта. Отправлено 27 марта.

Если возможно, отправьте Ваши пять копий в течение 24 часов после получения письма.

Любопытный пример итальянского магического письма встречаем в рассказе Альберто Моравиа «Энрика Баиле» [Моравиа 1981: 291–296][1]. Его герой, римский журналист (повествование ведется от первого лица), получает по почте текст следующего содержания:

Это письмо из Венесуэлы, оно написано знаменитым Бранго и должно обойти вокруг света. Сними с него 24 копии и разошли их. Если ты это сделаешь, через девять дней тебя ждет приятная неожиданность. Даже если ты не суеверен, то имей в виду нижеследующее. Валериано Банга, южноамериканский генерал, получил премию в 5 000 000 долларов, Энрика Баиле из Верчелли (Колумбия) получила послание по цепи и выбросила его, дом ее постигло несчастье, она потеряла близких людей и впала в нищету. В 1940 году Вальтер Бероке, генерал венесуэльской армии, велел своему секретарю снять копии и незамедлительно был за это вознагражден, заняв блестящее положение. Один служащий, получив копии, забыл их отправить — и лишился места; тогда он решил вновь их написать — и через несколько дней его положение весьма улучшилось. Один житель Суллы получил цепь и выбросил ее, через девять дней он погиб в результате несчастного случая. Не прерывайте цепь.

Судя по всему, Моравиа полностью привел подлинный текст итальянского кругового письма: в этом убеждает сопоставление последнего с отечественными письмами счастья (Приложение, № 12–20). Сам рассказ представляет собой своеобразную фантазию о персонажах эпической части письма: герой узнает, что генерал Банга — жестокий южноамериканский диктатор — находится в Риме, и решает взять у него интервью. Правда, журналисту удается задать Банге только два вопроса: знает ли тот женщину по имени Энрика Баиле и случалось ли ему получать 5 миллионов долларов? Оказывается, что Энрика была женой одного из политических соперников генерала, однажды ночью сторонники последнего ворвались к ней в дом, изнасиловали ее и убили мужа и всех близких. Ей пришлось доживать свои дни в нищете, а ожоги, полученные во время пожара ее дома, навсегда обезобразили прекрасное лицо Энрики. Что до долларов, то их генерал действительно получил — в качестве правительственной награды за борьбу с террористами и революционерами. Однако затем выясняется, что в то время Банга возглавлял правительство и что, таким образом, он сам наградил себя этими деньгами. Очевидно, что фантазия Моравиа до некоторой степени соответствует особенностям персонажей писем счастья — их клишированности, типизованности и, следовательно, эфемерности.

Наконец, в-третьих, памятники, близкие современным формам святых писем и писем счастья, существовали в России и в первой половине нашего столетия. Н.Виноградов приводит несколько таких писем в своем сборнике заговоров, оберегов и спасительных молитв: три зафиксированы в Поволжье, одно — на Дальнем Востоке [Виноградов 1908–1909, II: 83–85; Приложение, № 1–2]. По-

следнее, например, было следующим: «Письмо начиналось такими словами: "Во время литургии в Иерусалиме был слышен голос: накажу вас народы!". Внизу было приписано: "Кто эту молитву в течение 9-и дней будет читать и 9 лицам каждый день пошлет одну, то уже после 9-и дней желание его будет исполнено"» ([Виноградов 1908–1909, II: 84] со ссылкой на: [Абрамов, Пекарский 1908]).

Определенный всплеск этой традиции приходится на вторую половину 1920–начало 1930-х годов. Небесные письма неоднократно упоминаются и цитируются в антирелигиозной периодике того времени (см.: [Крайнюк 1929; Б.Н. 1930; Зорский 1930; Маторин 1930: 31; Шеин 1930; Калинин 1931; Куразов 1932: 44]). Общая черта всех известных нам памятников этого периода — их эсхатологический пафос. Эта особенность вполне понятна, так как отечественная культура второй половины 1920–начала 1930-х была проникнута эсхатологическими мотивами и настроениями. Речь идет не только о простонародных слухах и толках об антихристе, конце света и т. п. (см.: [Маторин 1930: 31; Смирнов 1923 и др.]), но и о коммунистическом «антиповедении», и о хилиастических чаяниях правящих кругов (см.: [Панченко 1996]). Эсхатологический фольклор пореволюционной России изучен очень плохо, однако его влияние на тогдашнюю культуру святых писем неоспоримо.

Существующие данные показывают сложность и неоднородность фольклорной традиции, предшествовавшей нынешним святым письмам и письмам счастья. Можно предположить, что особенности современной формы этих памятников складывались под влиянием нескольких различных влияний (в том числе и западноевропейских). Вряд ли, однако, здесь можно говорить о едином и непрерывном развитии. Распространение святых писем происходит, по-видимому, волнообразно и отражает динамику национальной религиозности. То же самое можно сказать и о содержательной стороне этих памятников. Более того, на наш взгляд, эта вариативность, нестабильность (а в определенном смысле и произвольность) текста непосредственно связана с культурной спецификой святых писем и зависит от ритуального контекста, т. е. от определенных коммуникативных ситуаций.

Уже сама по себе идея небесного письма (как и письма, послания вообще) содержит в себе некоторое стремление к «опредмечиванию» текста. Однако и степень, и конкретный способ этого «опредмечивания» могут быть различными. Применительно к исследуемой традиции мы можем выделить по крайней мере три функциональных типа текстов. Первый — это апокрифическое сказание или поучение, содержащее определенную космологическую или этикетную информацию и воспринимающееся как «небесное послание». Такова, например, упомянутая «Эпистолия о неделе». Тексты такого рода наименее тесно связаны с магическим обиходом. Другой тип — письмо-оберег, в котором преобладают магические функции, что явствует как из его формальных, так и из содержательных особенностей: обычно такие письма довольно пространны и содержат далеко не всегда связные отрывки различных апокрифических поучений, молитв и т. п. «Предметность» этих памятников очевидна, к тому же формы их овеществления могут быть разнообразными. Так, например, уже упоминавшееся «Святое письмо Господа Иисуса Христа» из архива ИРГО имело весьма своеобразное графи-

ческое оформление: «На листе бумаги налинен (восьмиконечный. — *А.П.*) крест... Внутри креста и в шести лежащих около него четырехугольниках излагается история и содержание письма... Письмо это, в рамке, помещают наряду со св. образами», — пишет корреспондент Общества [Архив РГО. Р. 32 (Псковская губ.). Оп. 1. № 38. Л. 2].

Третий тип — это письма, которые следует называть ***круговыми*** и в которых особое значение приобретает ритуальное копирование и рассылка священного текста. Специфика этого типа может быть продемонстрирована на примере парадоксального «ускользания текста», характерного для современных святых писем и писем счастья. В самом деле, и те и другие содержат описание некоего исходного метатекста, который теоретически и должен иметь особое магическое значение для переписчика. Но в имеющихся в нашем распоряжении экземплярах святых писем он попросту отсутствует (!), а в письмах счастья это хаотический набор букв и цифр, который наличествует далеко не всегда. Такие письма, в сущности, представляют собой своеобразные самоописания, стремящиеся к бесконечности, т. е. предельную реализацию акциональной стороны изучаемой традиции.

Кроме того, круговые письма выделяются и с коммуникативной точки зрения, применительно к взаимным отношениям человека и текста. Несмотря на все возможные оговорки, для традиционных заговоров и молитв эти отношения представляются достаточно свободными: инициатива заговорного или молитвенного акта исходит от человека, и он, до определенной степени, волен в выборе места, времени и формы такого действия. В случае с круговыми письмами текст сам избирает человека и предписывает ему строгую последовательность действий. Такая организация «магического диалога» весьма специфична и заслуживает отдельного анализа.

Естественно, что выделенные нами типы магических писем несколько условны; к тому же мы не настаиваем на их непременной стадиальной последовательности. Однако нельзя не признать, что функциональные и коммуникативные особенности круговых писем приемлемы лишь для городской культуры, отличающейся массовостью и анонимностью, многообразием и сложностью способов коммуникации. Не случайно святые письма и письма счастья распространяются посредством почты. Примечательно, что принцип их рассылки сродни механизмам некоторых афер, подобных известной «финансовой пирамиде»[2]. Кроме того, в современной городской культуре распространены тексты, типологически близкие различным видам магических писем, но сочиненные отдельными авторами (или группами авторов). Таково круговое «письмо-проповедь», опубликованное В.Ф.Лурье [Лурье 1993: 149], такова листовка общества «Оазис», о которой упоминает К.А.Богданов [Богданов 1995: 195, прим. 55], таково хранящееся в нашей коллекции «Обращение союза экстрасенсов-патриотов к жителям Петербурга» (1993 г.), где, в частности, говорится:

Этот листок изготовлен очень малым тиражем (sic!) и несет в себе большой запас латентной энергии, позволяющей снять недомогания у всех, кто плохо себя чувствует из-за наших воздействий. Прикосновение к листку может помочь и в других случаях.

Поэтому дайте его прочитать вашим родным и знакомым. Пока он поможет даже врагам российских народов. Потом будет поздно.

Итак, исследование магических писем приводит к необходимости рассмотреть весьма широкий спектр религиозно-магических текстов, включающих апокрифические сказания и поучения, письма-обереги, круговые письма и т. д. Эти памятники могут представлять собой и молитву, и проповедь, и абракадабру, и «ускользающий текст». Они наследуют и русской, и западноевропейской традиции. Если в связи с этим задуматься о жанровой специфике магических писем, то окажется, что здесь довольно трудно найти сколько-нибудь отчетливое определение. С одной стороны, они, вне сомнения, имеют признаки заговора и магического оберега. Это видно и из функционального сходства писем с текстами, употребляющимися в ритуально-магическом обиходе, и из совпадения некоторых морфологических особенностей такого письма и заговора. С другой стороны, нельзя отрицать и влияния средневековой апокрифической молитвенной традиции. Вместе с тем магические письма все же тяготеют к определенным типам «опредмечивания» текста.

В связи с этим уместно указать на наблюдения К.А.Богданова, высказанные им в недавней работе «Абракадабра как заговорная модель». По мнению исследователя, «заговорный текст — наилучший пример того, что Г.Г.Шпет называл "случайной фонограммой", "случайным пользованием более или менее устойчивым знаком"». Очевидно, что возможные формы (или способы) фиксации заговора в своем абстрактном выражении случайны и функционально равноценны» [Богданов 1995: 195]. Таким образом, формообразующим механизмом и для заговора, и для молитвы (и, по-видимому, для магических писем) оказываются различные «психолого-поведенческие» ситуации и традиции, опирающиеся на стереотипы коллективного опыта [Богданов 1995: 196–197]. В этом смысле генезис святых писем и писем счастья ориентирован на магическую абракадабру в собственном смысле слова, к ним применимы замечания, высказанные М.И.Лекомцевой, исследовавшей латышские «каббалистические заговоры»: «"Магическое слово" каббалистического заговора дает возможность расширить сферу номинации до беспредельности, а соответственно обеспечить и возможность безграничной манипуляции <...> Универсальная семантизируемость, которую предполагают каббалистические заговоры, дает им несравненные преимущества в постоянно меняющемся мире» [Лекомцева 1993: 220].

Понимая всю шаткость и преждевременность общих рассуждений о современном городском фольклоре, рискнем все же предположить, что функциональная и коммуникативная специфика святых писем и писем счастья вполне созвучна религиозному мироощущению его носителей. Главная проблема, решаемая религиозно-мифологическим сознанием, — проблема отношения человека и социума с «иным» миром. Можно сказать, что каждый сам выстраивает для себя образ этого мира — так сказать, «контактную зону», — руководствуясь принятыми в его социальной среде образцами. На наш взгляд, специфика религиозного обихода современной городской культуры как раз и состоит в отказе от ориентации на один и тот же традиционный текст и, наоборот, базируется на более или

менее случайном использовании текстов и их фрагментов в определенных «психолого-поведенческих» ситуациях.

Все это, впрочем, вовсе не снимает необходимости практических разысканий в области истории магических писем. Здесь стоит указать на три возможных направления исследований. Первое состоит в текстологическом анализе этих памятников и, очевидно, позволит более предметно представить себе особенности их типов. Второе касается не менее важного вопроса о социально-историческом контексте магических писем[3]. Так, эсхатологические настроения 1920–1930-х годов достаточно ярко отразились в вышеупомянутых текстах того времени. Наконец, третье направление подразумевает необходимость изучения идеи небесного послания в связи с религиозно-мифологическими представлениями о письме как медиаторе между «нашим» и «иным» мирами. Здесь, например, можно упомянуть старообрядческую сатирическую «Газету из Ада» и близкие ей памятники (см.: [Покровский 1987; Бударагин 1995]) или средневековую практику «богоотметных писем» и ее параллели в древнерусской литературе, в частности, в «Повести о Савве Грудцыне» (см.: [Журавель 1996]; там же — библиография вопроса).

Очевидно, что описанные выше типологические и коммуникативные особенности магических писем приводят к необходимости исследования их семантики в достаточно узких хронологических и контекстуальных границах. Даже те материалы, которыми мы располагаем сейчас, позволяют выделить определенные тематические акценты, заслуживающие дальнейшего изучения. Для писем счастья это особенности их географической и исторической символики (в частности, отчетливо выделяющаяся «латиноамериканская тема»)[4], а также тема «цепочки» и «письма, обходящего вокруг света», в которой, кстати, можно усмотреть и определенные параллели с верованиями сектантов. Однако обоснованные заключения в этом направлении станут возможными лишь после дальнейшего накопления и обобщения материала.

В заключение — несколько слов о требованиях к научному собиранию и публикации памятников такого рода. Нет сомнения, что особую важность здесь имеет фиксация обстоятельств получения и особенностей исполнения магических писем. При их публикации необходимо по возможности точно указывать место, время и обстоятельства получения письма; особенности его написания, бумагу, на которой оно написано, и почерк переписчика. При устных опросах следует выяснить, имеет ли информант представление о тех или иных видах магических писем, каково его отношение к ним, получал ли он сам письма такого рода и что делал с ними после получения, знает ли он других людей, получавших подобные письма, не слышал ли рассказов о том, что случалось с людьми, верившими (или — не верившими) в их магию. Автор пользуется случаем попросить всех, располагающих магическими письмами или сведениями о них, присылать такие тексты (или их копии), а также все сопутствующие сведения по адресу: *199034 Россия, С.-Петербург, наб. Макарова, д. 4, Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом), Отдел фольклора, А.А. Панченко.*

Примечания

[1] Пользуемся случаем выразить признательность Д.К.Равинскому, любезно указавшему нам на этот материал.

[2] Мы имеем в виду не только финансовую деятельность АО «МММ», но и ее прототипы, которые В.Ф.Лурье почему-то называет «языческой формой писем». Они подразумевали «игру», по правилам которой человек посылал по указанному в анонимном письме адресу определенное количество денег, с тем чтобы, послав затем несколько таких же писем, вернуть свои деньги увеличившимися в соответствующее число раз (см.: [Лурье 1993: 144–145]).

[3] По-видимому, именно такая контекстная ситуация описана в анонимной записке «Сведения о появлении в 1845 г. в Кишиневе монашествующего пророка», обнаруженной нами среди бумаг Секретного комитета по делам раскола [РГИА. Ф. 1473. Оп. 1. № 65. Л. 87]: «В 1845 годе в г. Кишиневе явился Монашествующий и окликивался, что прибыл из Иерусалима, где во время литургии слышал Небесный Голос: "Истреблю Вас народ неверный"; для спасения снабжал молитвою каждого к нему приходящого, Св. Боже, Св. Крепки Помилуй Нас. И протчие — С тем, что получивший обовизан (обязан? — *А.П.*) раздавать десятерым, в противном разе проклят будет» (ср. Приложение, № 1–2, 6).

[4] Нужно, однако, подчеркнуть, что историко-географическая номенклатура подобных писем нестабильна и легко меняется с течением времени.

Литература

Абрамов, Пекарский 1908 — *Абрамов И., Пекарский Э.* На краю Сибири // Сибирские вопросы. 1908. № 49–52.

Айвазов 1915 — *Айвазов И.Г.* Материалы для исследования русских мистических сект. Вып. 1. Христовщина. Т. I. Пг., 1915.

Б.Н. 1930 — *Б.Н.* Молитва по почте // Безбожник. 1930. № 45 (403). 15 августа. Ленинградская страница (6с).

Богданов 1995 — *Богданов К.А.* Абракадабра как заговорная модель. Пределы структурирования // Русский фольклор. Т. XXVIII. СПб., 1995.

Бударагин 1995 — *Бударагин В.П.* «Газета из Ада» (По материалам Древлехранилища Пушкинского Дома) // Русские утопии (Альманах «Канун». Вып. 1). СПб., 1995.

Веселовский 1876 — *Веселовский А.Н.* Опыты по истории развития христианской легенды. II. Берта, Анастасия и Пятница. II. Эпистолия о неделе // Журнал Министерства народного просвещения. 1876. Март.

Виноградов 1908–1909 — *Виноградов Н.* Заговоры, обереги, спасительные молитвы и проч. Вып. I–II. СПб., 1908–1909.

Герасимов [б. г.] — *Герасимов М.К.* Народные песни, пословицы, приметы, обычаи и словарь наречия, записанные в Череповецком уезде Новгородской губернии // Архив РГО. Р. 24 (Новгородская губ.). Оп. 1. № 37.

Грушевський 1925 — *Грушевський М.* Історія української литератури. Т. IV. Київ, 1925.

Дикарев 1900 — *Дикарев М.А.* Апокрифы, собранные в Кубанской области // Юбилейный сборник в честь В.Ф.Миллера. М., 1900. С. 89–90.

Елеонская 1994 — *Елеонская Е.Н.* Сказка, заговор и колдовство в России. М., 1994.

Журавель 1996 — *Журавель О.Д.* Сюжет о договоре человека с дьяволом в древнерусской литературе. Новосибирск, 1996.

Зорский 1930 — *Зорский А.* Мутная вода // Безбожник. 1930. № 43 (401). 5 августа. С. 4.

Кагаров 1981 — *Кагаров Е.Г.* Словесные элементы обряда // Из истории русской советской фольклористики. Л., 1981.

Калинин 1931 — *Калинин В.* «Письма с неба» // Антирелигиозник. 1931. № 6.

Крайнюк 1929 — *Крайнюк З.* О сектантском движении в Муромском уезде // Антирелигиозник. 1929. № 4.

Куразов 1932 — *Куразов Н.* По колхозам Ленинградской области // Антирелигиозник. 1932. № 17/18.

Лекомцева 1993 — *Лекомцева М.И.* Семиотический анализ одной инновации в латышских заговорах // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговор. М., 1993.

Лурье 1993 — *Лурье В.Ф.* «Святые письма» как явление традиционного фольклора // Русская литература. 1993. №1.

Маторин 1930 — *Маторин Н.* Религия и борьба с нею в Северном крае. Л., 1930.

Моравиа 1981 — *Моравиа А.* Рассказы. М., 1981.

Панченко 1996 — *Панченко А.А., Панченко А.М.* Осьмое чудо света // Полярность в культуре (Альманах «Канун». Вып. 2). СПб., 1996.

Пигин 1997 — *Пигин А.* Каргопольские экспедиции Петрозаводского университета // Живая старина. 1997. № 4.

Познанский 1995 — *Познанский Н.* Заговоры. Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул. М., 1995.

Покровский 1987 — *Покровский Н.Н.* Народная эсхатологическая «газета» 1731 г. // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987.

Преодоление рабства 1998 — Преодоление рабства. Фольклор и язык остарбайтеров. 1942–1944 гг. / Сост. и текстология Б.Е.Чистовой и К.В.Чистова. М., 1998.

Смирнов 1923 — *Смирнов Вас.* Чорт родился (Творимая легенда) // Третий этнографический сборник. Труды Костромского Научного Общества по изучению местного края. Вып. XXIX. Кострома, 1923.

«Сон Богородицы» 1870 — «Сон Богородицы». Собрано иеромонахом Антонием в Кирилловском у. Новгородской губ // Архив РГО. Р. 24 (Новгородская губ.). Оп. 1. № 74 (1870 г., 1905 г.).

Стихи духовные 1991 — Стихи духовные / Сост., вступит. ст., подгот. текстов и коммент. Ф.М. Селиванова. М., 1991.

Чистов 1967 — *Чистов К.В.* Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М., 1967.

Шевченко 1928 — *Шевченко С.* Нові легенди на Зинов'евщині // Етнографічний вісник. Кн. 7. Київ, 1928.

Шеин 1930 — *Шеин М.* Божья мама пишет письма // Безбожник. 1930. № 38 (396). 10 июня.

Anderson 1937 — *Anderson W.* Kettenbriefe in Estland. Tartu, 1937 (Eesti rahvaluule arhiivi toimetused. 7).

Bertholet 1949 — *Bertholet A.* Die Macht der Schrift in Glauben und Aberglauben. Berlin, 1949.

Cohn 1957 — *Cohn N.* The Pursuit of the Millenium. London, 1957.

Fehrle 1926 — *Fehrle E.* Zauber und Segen. Jena, 1926.

Handwörterbuch 1931–1932 — Himmelsbrief // Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens. Bd. IV. Berlin, Leipzig, 1931–1932.

Hellwig 1916 — *Hellwig A.* Weltkrieg und Aberglaube. Leipzig, 1916.

Letter 1950 — Letter // The Funk & Wagnalls Standard Dictionary of Folklore, Mythology and Legend. Vol. 2. New York, 1950.

Магические письма начала XX века

№ 1.

Виноградов 1908–1909, II: 84. № 93 (227). Кострома, конец 1900-х годов.

Господи, Иисусе Христе, Тебе молимся! святый Боже, помилуй мя и все людие твоя; спаси нас от грехов, ради Пречистыя крови — ныне и присно и во веки веков. Аминь.

О, Иисусе Христе, Тебе молимся! святый Боже, святый крепкий, святый бессмертный, помилуй нас от вечныя муки, ради пречистыя Твоей крови; прости нам наши согрешения, ради пречистой пресвятой крови — ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Кто эту молитву будет читать сам в продолжении девяти дней, и также в течении того времени должен разослать разным лицам, желание его будет исполнено.

Во время литургии во Иерусалиме был глас: «накажу все грады! И кто будет читать эту молитву, от всех бедствий и напасти будет спасен».

Молитва эта была прислана епископу Воронежскому Антонию с тем предостережением, чтобы ее разослать девяти лицам. А кто не захочет воспользоваться милосердием этим, будет посещен несчастием.

№ 2.

Виноградов 1908–1909, II: 85. № 94 (228). Кострома, конец 1900-х годов.

Господи Иисусе Христе!

Тебе молимся: Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный, помилуй нас и всех людей твоих! спаси от грехов наших, ради Пречистой Крови Твоей, — ныне и присно и во веки веков. Аминь.

О, Иисусе! Тебе молимся: Святый Бессмертный, помилуй нас и всех от всяких мук, ради Пречистой Твоей Крови, — ныне и присно и во веки веков. Аминь.

В Иерусалиме, во время литургии, был слышен голос говорящий: «всякому, кто будет читать эту молитву, того Бог избавит от бедствий!» Эта молитва была прислана Епископу, чтобы он разослал ее девяти лицам, и сказано: кто не хочет этого сделать, того постигнет большое несчастье. И действительно, — в Харькове один обыватель, получив эту молитву, не обратил на нее внимания и сжег ее, и был наказан — он лишился единственной дочери. По получении этой молитвы и вы разошлите ее девяти знакомым и на девятый день Вас постигнет большая радость.

Трехдневный срок

Магические письма 1920–1930-х годов

№ 3.

Крайнюк 1929: 98–99. Муром, 1928 год.

Господи боже! Сын божий и святой дух Иисусе христе. Освободи меня от всего скверного и дай мне дни счастья и радости. Эта молитва берет свое начало в Иерусалиме, и кто получит ее, должен в течение 9 дней посылать ее другим лицам. Кто исполнит это —

* При публикации текстов из нашей коллекции сохраняется максимальное приближение к орфографии, пунктуации и оформлению оригинала. При воспроизведении опубликованных памятников сохраняются особенности первой публикации.

будет иметь освобождение от несчастий. Напишите молитву людям, которым от души желаете добра. Считая девять дней со дня получения, Вы убедитесь сами, что получите радость и счастье. Эта молитва должна обойти вокруг света 127 раз, и кто эту нить перервет — будет преследуем несчастьем. Начинайте исполнение через 27 часов.

№ 4.

Б.Н. 1930. Ленинград, 1930 год.

Во вторник на заре пастуху с неба раздался голос ангельский: христиане, молитесь о спасении души вашей, ибо наступило тяжкое время, время антихриста... Каждый, получивший сию молитву, должен ее раздать в два дня девяти лицам. Один не исполнил, и с ним на девятый день случилось несчастье.

№ 5.

Калинин 1931: 97. Нижнее Поволжье, 1931 год.

Во имя отца и сына и святого духа. Послание это найдено на паперти закрытого монастыря во имя 42х мучеников на Новом Афоне. Кто прочтет это послание и перепишет на 7 листах и разошлет 7 верующим, тому прощается 49 грехов. Ходила пресвятая матерь по травам, лугам, по полям, по лесам, по православным поселкам, и громко раздавались плач и стенание пресвятой, пречистой матери божьей. Жаловалась пресвятая матерь — пришли времена последние, закрываются алтари священные, в церкви устраиваются игрища дьявольские, идет испытание великое: кто от бога отречется, а кто ему верным останется; и малые выдерживают испытание.

№ 6.

Шевченко 1928: 143. Восточная Украина, 1920-е годы.

В Іерусалиме во время службе было слышно голос Іесуса Хріста молитесь Богу отченаш помилуй нас хто получет записку то должен написать 10 штук и роздат другим и получит через 10 дней радост от Бога в Харкове одна вдова получила таку записку и не роздала втот же ден убит сын.

№ 7.

Anderson 1937: 18. Таллин, 1932 год (хотя это письмо, будучи точным переводом немецкого «письма тосканских уличных певцов» (термин В. Андерсона), широко распространенного в Эстонии 1930-х годах, не имеет непосредственного отношения к современной ему русской традиции, мы все же считаем необходимым опубликовать его в качестве характерного примера интернационального заимствования и перевода подобных памятников).

Цепь счастья

С этой цепи счастья приготовь 9 копий и разошли их своим друзьям, которым ты желаешь счастья и карьеры. Эта цепь начата в Италии, в Тоскане одним уличным певцом и нашла свое продолжение у летчика Марио Вильтерио. Эта цепь должна 9 раз обойти вокруг света, чтобы принести каждому получившему счастья и денег. Уже в течение ближайших 9 дней произойдет нечто, что обрадует тебя. Марио Вильтерио выиграл на 9ый день 100.000 золотых лир. Пола Негри вышла замуж за князя, а Макдональд, которому судьба улыбнулась в другой цепи, свергнул правительство на 7. день. Берегись прервать эту цепь. Если ты ее прервешь, если не серьезно встретишь — несчастье за несчастьем

постигнет тебя. Дом г-на Вилль был на 3. день разрушен, потому что он не серьезно отнесся к этой цепи. Рейсино Логион ослепла ибо она не продолжила цепь. Жене советника Мюллера ампутировали правую ногу, а синьор Феррари и пан Любомирский вошли в скором времени в конфликт с законами, ибо они прервали цепь.

Магические письма 1980—1990-х годов

Святые письма

№ 8.

Коллекция автора (далее — КА), № 1. Ленинград, конец 1980-х годов. Без конверта. Написано от руки шариковой ручкой синего цвета, почерком взрослого человека, на листке бумаги для записей (10,5 × 14,5 см).

Святое письмо!

Слава Богу. святому духу! Святой Богородице. Аминь. 12-летний мальчик был тяжело болен. На берегу реки он встретил Бога. Бог сказал ему переписать письмо 72 раза и разослать его в разные места. Он это сделал и выздоровел. Одна семья переписала письмо и получила большое счастье. Другая разорвала и получила большое горе. Перепишите письмо 72 раза и через 36 дней получите большое счастье. Это проверено. Если вы в течении 3-х недель не перепишите письмо, то получите большое горе и болезнь. Это письмо обошло весь свет. Переписка ведется с 1936 г. Обратите внимание на 36 дней.

Аминь.

№ 9.

Лурье 1993: 148 (№ 1). Ленинград, 1990 год.

Святое письмо. Слава Богу, Святому Духу, Святой Богородице! Аминь. Двенадцатилетний мальчик был болен. На берегу реки он встретил Бога. Бог дал ему святое письмо и сказал: «Перепиши его 12 раз». Мальчик сделал это и выздоровел. Одна семья переписала письмо и получила большое **счастье**. Другая порвала и получила *горе*. Перепишите письмо 22 раза и через 30 дней вы получите большое счастье. Это проверено. Если вы не перепишете его в течение трех недель, то получите большое горе и неизлечимую болезнь. Это тоже проверено. Это письмо обошло весь свет, переписка началась с 1936 г. Обратите внимание через 36 дней.

№ 10.

КА, № 2. С.-Петербург, начало 1990-х годов. Без конверта. Написано от руки шариковой ручкой синего цвета, почерком взрослого человека, на тетрадном листке в косую линейку.

Святое письмо

Слава Богу и Святой Богородицы. Аминь. 14 летний мальчик был больной, мальчик был на реке и встретил Бога и Бог ему сказал: «Перепиши это письмо 22 раза, разошли в разные стороны». Мальчик это сделал и он выздоровел, а другая семья переписала это письмо и получила большое счастье. А другая порвала, она получила большое горе. Вы перепишите 22 раза и через 36 дней вы получите большую радость.

Это все письмо проверено.

Эти письма должны пройти везде по всему миру.

Аминь.

№ 11.

КА, № 3. С.-Петербург, Кировский район, март 1995 года. Без конверта. Напечатано на пишущей машинке «под копирку» на листке писчей бумаги (11 × 20,5 см), оторванном от листа большего формата.

Святое письмо

Слава Богу, Святому духу, Святой Богородице!

На берегу моря мальчик встретил бога. Мальчик был болен. Бог дал ему письмо и сказал, напиши это письмо 72 раза и разошли в разные места. Мальчик сделал это и поправился. Одна семья сделала это и получила большое счастье, другая семья не сделала это и получила большое горе. Перепишите это письмо 72 раза и через 36 дней вы получите большое счастье, не сделаете это, в течение 3-х недель вы получите большое горе. Это проверено. Переписка идет с 1936 года. Обошла весь свет. Обратите внимание — 36 дней.

Аминь! Аминь! Аминь!

«Письма счастья»

№ 12.

КА, № 4. Ленинград, конец 1980-х годов. Без конверта. Напечатано на пишущей машинке «под копирку» на листе писчей бумаги формата А4.

Письмо-счастье

Само письмо находится в ливерпуле в Голандии (Англия). Оно обошло 444 раза вокруг света и попало к Вам. С получением этого письма к Вам придет счастье, удача, но при условии: письмо надо послать тому, кому желаешь счастья. Вам надо послать 20 писем в течении 100 часов. После получения письма к Вам придет счастье неожиданно. Вы даже не поверите, счастье из параллельных миров. Все зависит от Вас.

Жизнь письма началась в 1854 г. В Россию оно попало в конце XIX века. Письмо получила бедная крестьянка Урунова. Через 4 дня она откапала клад золота. Ее дочь-миллионерша, живет в Америке.

В 1937 г. письмо попало маршалу Тухачевскому, который его сжег, а через 4 дня его арестовали, судили, расстреляли его же подчиненные. В 1941 г. Конан-Дойль получил письмо и не размножил его. Через 4 дня попал в катастрофу, ему ампутировали обе руки. Хрущеву подбросили письмо на дачу, где он отдыхал в 1964 г. Он его выбросил и через 4 дня был свергнут друзьями по партии. В 1983 г. АЛЛА Пугачева отправила 20 писем-счастья и через 4 дня получила приглашение от фирмы. За 4 месяца она получила на свой счет около 2-х миллионов долларов. Таких примеров много. Ни в коем случае не рвите письмо. Отнеситесь к нему серьезно. Это нить между Вашим настоящим и будущим. Итак за 100 часов-20 писем. Результат будет через 4 дня после отправления последнего письма. Письмо можно послать открыто в конверте. Лишь бы оно нашло своего адресата. Текст не менять.

№ 13.

КА, № 5. Ленинград, конец 1980-х годов. Без конверта. Написано от руки шариковой ручкой синего цвета, почерком ребенка или подростка, на листе писчей бумаги формата А4.

Письмо счастья

Само письмо находится в Реванкуле (Голландия) оно обошло 444 раза вокруг света и попало к вам с получением этого письма к вам придёт сčатье, но при одном условии: от-

правьте это письмо дальше, тому кому кому вы желаете счастья. Не задерживайтесь с отправлением вам необходимо отправить 20 писем в течении 96 часов после получения письма. Вас ждут неожиданности, даже если вы неверите в чудеса. Это не шутка счастье придёт к вам. Жизнь этого письма началась в Голландии в 1854 г. в Россию это письмо попало в начале 20 века в 1907 году его получила крестьянка Хрунова через 4 дня откопала на своём огороде клад золота и в последствии вышла за муж за князя Голицына. Сейчас её дочь миллионерша живёт в Америке. в 1937 году письмо попало к маршалу Тухачевскому, который сжёг его, через 4 дня его арестовали, судили и расстреляли его подчинённых. В 1946 году Кокан Дойл получил письмо размножил и выиграл в рулетку миллион. Так же через 4 дня его сослуживец порвал письмо и через 4 дня попал в катастрофу, ему ампутировали обе руки. Хрущёву Н. С. в 1964 письмо подбросили по делу он его порвал и бросил в урну. В 4 дня его ввергли друзья по партии. 1978 году певица Пугачёва отправила 30 писем счастья и через 4 дня она получила на свой счёт 2 миллиона долларов. Таких примеров много ни в коем случае не рвите письмо это жизнь между вашим прошлым и будущим. Результат после отправления последнего письма через 4 дня. И так 20 писем в течении 4-х дней. Письмо можно отправить открыто. Можно в конверте. Главное, чтобы оно нашло своего адресата.

Текст не изменять!

№ 14.

КА, № 6. Ленинград, конец 1980-х годов. Без конверта. Написано от руки «под копирку», почерком взрослого человека, на тетрадном листке в клетку.

Письмо счастья

Это письмо приносит счастье. Подлинник его находится в Голандии. Теперь оно попало к вам. С получением этого письма к вам придет счастье и удача, но с условием одного — отправить письмо дальше. Это не шутка, счастье придет к вам за несколько дней. За деньги счастье не купишь. Отправте письмо тому, кто нуждается в счастье. Тому, кого вы знаете, не задерживайте с ответом. Вам надо отправить 20 писем в течении 96 часов (4 суток) после получения этого письма. Оно принесет вам счастье, если вы верите в колдовство. Жизнь этого письма началась в 1822 г. Правда Нам Дарили (? — *А.П.*) получил это письмо и поручил секретарю размножить его и через день получил миллион. Саушки получил письмо и порвал его а через 2 дня попал в катастрофу. Хрущеву подбросили письмо на дачу, он прочитал его и бросил в унитаз и через 2 дня его свергли. Ни в коем случае не рвите письмо. Отнеситесь к нему серьезно. Результат должен прийти через день после отправления писем.

Текст не меняйте

ЕХ-УК-Б+С+ВП+ПА-МЕЯАЕТ-БТ-МС

Эти знаки должны принести вам счастье. Счастье должно посетить вас. Оно придет к вам по почте. Отправте письмо друзьям, которые нуждаются в счастье. Не высылайте деньги ибо за деньги счастье не купишь. Не держите это письмо у себя больше 96 час. Сделайте 20 копий и отправте обязательно. Помните это не шарлотанство.

№ 15.

Лурье 1993: 149 (№ 2). Ленинград, 1989 год.

Письмо-счастье. Это письмо принесет вам счастье! Подлинник письма находится в Голландии. Оно начато в 1855 г. За это время оно обошло вокруг света 800 раз, но с одним

условием — письмо надо отправить дальше. Счастье придет к вам и не надо никаких денег — ведь счастье не купишь. Отправьте письмо тому, кто нуждается в счастье, или вручите родственникам, друзьям, знакомым. С ответом не задерживайтесь, отправьте 20 экземпляров в течение 96 часов и ждите, что будет на 4-й день после отправки. Если даже вы не верите в колдовство, вы убедитесь, что счастье пришло к вам. К. Дойль получил письмо и поручил секретарю размножить его — он выиграл 2 млн., служитель Берг получил письмо и забыл о нем — через несколько дней он потерял работу; барон фон Виллингольд получил письмо и разорвал его — он попал в катастрофу. Письмо не рвите ни в коем случае, отнеситесь к нему серьезно.

№ 16.

КА, № 7. Санкт-Петербург, начало 1990-х годов. В запечатанном почтовом конверте без адреса. Напечатано на пишущей машинке «под копирку» на листе писчей бумаги (14 × 21 см), оторванном от листа формата А4. «Магические знаки» вписаны от руки шариковой ручкой.

Письмо Счастье

Письмо находится в Ливерпуле. Оно обошло вокруг света 444 раза. С получением этого письма к Вам придет счастье, но с условием. Письмом надо выслать счастье из параллельных миров. Все зависит от Вас. Жизнь письма началась в 1234 году. В Россию оно попало в начале XX века, его получила бедная крестьянка Урунова и через четыре дня откопала клад, потом вышла замуж за князя Голицына, потом стала миллионершей в Америке. В 1937 году письмо попало к генералу Черняховскому, он его выбросил и через 4 дня его арестовали, а потом он погиб. В 1921 году Конан-Дойль получил письмо, но не размножил его, а потом попал в катастрофу и ему ампутировали обе руки. Хрущеву в 1961 году письмо подбросили на дачу и потом его свергли, так как письмо он выбросил. Данте получил письмо, но не разослал его и при родах умерла его жена, а родившийся ребенок был болен, через несколько дней он отправил копии письма и обреченный мальчик выздоровел. В 1980 году Алла Пугачева отправила 20 писем копий и через четыре месяца на ее счету было 2 млн. долларов. Ни в коем случае не рвите письмо. Отнеситесь к нему серьезно. Это щит между Вашим будущим. Отправить письмо можно и в открытом конверте, лишь бы оно дошло до адреса. Текст не менять.

А - 816 15 - 18
ТВ × Б ХП - У2Х - ПХ
ЕРТ - 9УХ

Эти знаки принесут Вам счастье. Это письмо делает оборот вокруг света за 9 лет. Сейчас оно пришло в ВАШ дом. Не задерживайте письмо более 98 часов. Только не посылайте деньги. Отправьте письмо своим приятелям в виде сюрприза. Сделайте 20 копий — писем письма и обязательно отправьте. Это не шарлатанство. Ждите сюрприза. Отправьте его людям, которые в нем нуждаются.

№ 17.

КА, № 8. С.-Петербург, начало 1990-х годов. Без конверта. Написано от руки шариковой ручкой синего цвета, почерком взрослого человека, на листке в клетку (14 × 20 см).

Письмо-счастье. Само письмо находится в Ливерпуле (Голландия). Оно обошло 144 раза вокруг света. С получением письма к Вам придет счастье, успех с условием — письмо надо отправить тому, кому Вы желаете счастья. После получения письма к Вам придёт счастье неожиданное. Вы даже не поверите. Счастье из параллельных миров. Все зависит от Вас.

Жизнь письма началась в 1254 г. В Россию оно попало в начале 20 века. Получила божия крестьянка Урюпова. Через 4 дня откопала клад, потом вышла замуж за генерала Голупка, потом стала миллионершей в США.

В 1937 попало к маршалу Тухачевскому, который сжёг письмо и через 4 дня его арестовали, судили и расстреляли. В 1921 г. Напали Деспи получил письмо, но не распечатал его и попал в катастрофу. Ему ампутировали 2 руки. Хрущеву в 1964 г. письмо подбросили на дачу, он выбросил его и через 4 дня его свергли его друзья. В 1980 г. Алла Пугачева отправила 20 копий и через 4 месяца положила на свой счет 2 млн долларов. Таких фактов много. Ни в коем случае не рвите письмо. Отнеситесь к нему серьезно. Письмо можно отправить отдельно в конверте. Лишь бы оно дошло до адресата. Текст не менять.

X-816 16–18 M X-XII-42XI-IIXEEF-II-54X

Эти знаки принесут Вам счастье. Это письмо обошло вокруг света за 9 лет. Отпустите его людям, которые нуждаются в нём. Эта цель создана ненепонерами Венесуэлы. Отправьте его своим приятелям и ждите через несколько дней сюрприз.

Доиуз получил письмо в 1927 г. Поручил своему секретарю отправить 20 копий и через несколько дней выиграл 200 тыс. Дезиву скончался через несколько дней, т. к. не возобновил связь.

Дозоза получил письмо, но не отправил его. При родах умерла его жена. Родившийся ребенок был болен. Через несколько дней он отправил 20 копий. Мальчик выздоровел. Эти 20 копий отправьте обязательно. Это не шарлатанство.

Ждите сюрприз.

№ 18.

КА, № 9. С.-Петербург, начало 1990-х годов. Без конверта. Написано от руки шариковой ручкой синего цвета, почерком взрослого человека, на тетрадном листке в клетку.

Письмо счастья

Ждите сюрприза.

Само письмо находится в ливерпуле. оно обошло вокруг света 444 раза. С получением этого письма к вам придет счастье и удача с условием: надо послать письмо тому, кому вы желаете счастья. после получения письма к вам придет счастья, если даже вы не верите. Все зависит от вас. Счастье из параллельных миров.

Жизнь письма началась в 1254 году. В росию оно попало в начале 20 века. его получила бедная крестьянка и через 4 дня ана открыла клад. в 1921 году. Конан-Дойль получил письмо, но не размножил его и попал в автокатастрофу. 1937 г. письмо попало к маршалу Тухачевскому, который сжег его и через 4 дня был арестован, судим и растрелян. Хрущеву 1964 год. подбросили на дачу он его выбросил и через 4 дня его свергли товарищи по партии. 1980 год. А Пугачева отправила 20 копий письма и через 4 дня ана получила приглашение от фирмы, а через 4 месяца на её счету было 2 милиона долларов. Таких примеров много. ни в коем случае не рвите письмо. Отнеситесь к нему серьезно. Это нить между вашим настоящим и будующим.

Письмо можно отправить в открытом конверте, лишь бы оно дошло до адресата.
Текст не менять.
X=8г 15-18 24+11
E_6-IX $\bar{o}$ p^{IX} $\bar{9}$X
9

Эти знаки принесут вам счастье. Это письмо делает оборот вокруг земли за 9 лет. сийчас счастье должно посетить ваш дом. отправте его людям, которые нуждаются в нем;

не задерживайте письмо более 98 часов. через несколько дней ждите сюрприза. не посылайте деньги. Счастье не покупается. Эта цель создана мисионерами Венесуэллы. Сделайте 20 копий письма и обязательно отправте. Это не шарлотанство.

Ждите сюрприза.

№ 19.

КА, № 10. С.-Петербург, 1990-е годы (получено от А.Ф. Белоусова в 1997 году). Написано от руки, «под копирку», почерком взрослого человека (на обороте листа текст дописан шариковой ручкой синего цвета), на тетрадном листке в клетку.

Письмо счастье.

Само письмо находится в Ревенкуле (Голландия). Оно обошло 444 раза вокруг света и попало к Вам. С получением письма к вам придет счастье и удача, но с одним условием: отправить письмо тому, кому вы желаете счастья. Послать надо 20 писем в течении 100 часов. После писем к вам придет неожиданность, какая зависит от вас, даже если вы не верите в чудеса и параллельные миры. Жизнь письма началась в 1854 г. В Россию письмо пришло в начале XX века. В 1907 г. письмо получила бедная крестьянка Урунова. Через 4 дня она откопала на своем огороде клад с золотом после того, как размножила письмо. Впоследствии она вышла замуж за князя Голицына. Сейчас ее дочь миллионерша, живет в Америке. В 1937 г. письмо попало к маршалу Тухачевскому, который сжег его. Через 4 дня его арестовали, судили и расстреляли его подчиненные. В 1941 г. Коннон Дойл получил письмо, размножил его и через 4 дня выиграл миллион в рулетку. Его сослуживец порвал письмо и через 4 дня попал в катастрофу, ему ампутировали обе руки. Хрущеву подбросили письмо на дачу, он его выбросил и через 4 дня Хрущева свергли его друзья по партии. В 1973 г. певица Пугачева отправила 20 писем счастье и через 4 дня получила приглашение от фирмы «Юнайтететейтс» и за 4 месяца получила на свой счет почти 2 млн. долларов. Таких примеров много. Ни в коем случае не рвите письмо. Отнеситесь к нему серьезно. Это — нить между вашим прошлым и будущим. Результаты через 4 дня после последнего письма. Итак, 20 писем за 100 часов. Письма можно отправлять открыто, можно в конверте. Главное, чтобы оно нашло своего адресата.

Текст не изменять.

№ 20.

Личный архив Т.Б.Щепанской. С.-Петербург, Выборгский район, февраль 1997 года. Без конверта. Написано от руки шариковой ручкой черного цвета, почерком взрослого человека, на тетрадном листке в клетку.

Письмо счастья.

Само письмо находится в Голландии. Оно обошло вокруг света 444 раза и попало к вам. С получением письма к вам придёт счастье и удача, но с условием. Отправьте письмо тому, кому вы желаете счастья. Послать вам надо 20 писем за 100 час. После последнего письма к вам придет неожиданность, даже если вы не верите в чудеса. Какая это неожиданность будет зависеть от вас. Жизнь письма началась 1884 г. В Россию оно попало в начале 20 века. 1908 г. его получила бедная крестьянка Крупова через 4 дня она откопала на своем огороде клад и в последствии вышла замуж за князя Голицына. 1937 г. письмо попало к Тухачевскому он его сжёг и через 4 дня был арестован судом и расстрелян. Хрущёву подкинули письмо на дачу, где он отдыхал 1964 г. он выбросил его через 4 дня его сместили друзья по партии. 1988 г. Алла Пугачёва отправила 20 писем через 4 дня она получила приглашение от фирмы а затем 20 млн. $.

Примеров тому много и не в коем случае не рвите писем, отнеситесь к нему серьёзно. Это нить от вашего прошлого к вашему будущему.

И так 20 писем за 100 час. Результат через 4 дня после отправления нашего письма.

ПОДКЛЮЧАЙТЕСЬ К НАШЕМУ НАМЕРЕНИЮ!!!

№ 21.

КА, № 11. С.-Петербург, 1997 год (получено от А.Е.Красильникова). Без конверта. Написано от руки шариковой ручкой синего цвета (слова «будь счаслива!» — капиллярной ручкой зеленого цвета), почерком ребенка или подростка на листке в клетку (10 × 16,5 см), оторванном от тетрадного листа.

«Письмо» Олимпийская игра «Судьба»

Отдай письмо девочке которой ты желаешь счастья. Перепиши письмо 4 раза, отдай 5 писем. Можно отправить по почте. Не думай что это шутка. Всё проверенно. Несчастной будет та, которая оставила письмо у себя или порвёт его. Когда всё зделаешь выпей 3 стакана воды. Расчешись, положи расчёску под подушку, и загадай мальчика. Через 5 дней он признается тебе в любви или придложит тебе дружбу.

Не оставляй письмо у себя и не не меняй текст.

Будь счаслива!

Устойчивые формы в городской обыденной речи

П.А.Клубков
(Санкт-Петербург)

«Языковые игры» и малые жанры городского фольклора

Паремиология — филологическая дисциплина, раздел фольклористики, изучающий «малые речевые жанры»: пословицы, поговорки, загадки, скороговорки, дразнилки, считалки и пр. В качестве родового термина для этих жанров используются термины *изречение* и *паремия.*

Разные паремиологические жанры выделяются по разным критериям. Приметы представляют собой прогностические суждения, основанные на косвенных признаках, скороговорки — фразы, трудные для быстрого произнесения, веллеризмы — лексико-синтаксические структуры определенного типа (характерные для речи Сэма Уэллера из «Посмертных записок Пиквикского клуба»).

Уже по причине чрезвычайной разнородности этих критериев исчерпывающий список паремиологических жанров вряд ли может быть составлен. Едва ли не любая коммуникативная ситуация, повторяясь регулярно, может порождать регулярно воспроизводимые более или менее однотипные высказывания. Вопрос–ответ, апелляция к чужому опыту, отказ от ответа, передразнивание собеседника, приветствие, прощание и т. п. — при определенных условиях все может быть осознано как жанр. Так, в качестве жанров могут рассматриваться, например, развернутый по схеме, напоминающей велеризм, ответ на вопрос «Как поживаете?» (Как в автобусе — одни сидят, другие трясутся; Как в сороковом трамвае — по Голодаю, по Голодаю, да на Волково кладбище), эхо-реплики (Кто? — Конь в пальто) или — предельно широко — «банальности», «этикетные формулы» [Майер 1991]. Г.Л.Пермяков перечисляет двадцать пять типов паремий (именно типов, а не жанров), демонстрируя распределение прагматических функций [Пермяков 1975: 258], однако этот перечень не претендует на полноту — в той же работе упоминаются и не вошедшие в таблицу типы.

Традиционно выделяемые малые фольклорные жанры (пословица, поговорка, загадка) сохраняются в речи современных горожан, которые, однако, оценивают свой паремиологический репертуар более чем скромно. На прямой вопрос о количестве известных ему пословиц и поговорок наш современник обычно называет цифры, на порядок расходящиеся с реальностью (30–50, примерно столь-

ко же текстов, по данным А.Ф.Белоусова, способны «сразу» вспомнить информанты). По результатам паремиологического эксперимента Г.Л.Пермякова, он знает и использует в речи в среднем около 500 пословиц и поговорок [Пермяков 1988:154–166].

Аналогичным образом выглядит и ситуация с загадками. Список общеизвестных русских загадок, предъявляемый в качестве ответа на прямой вопрос, очень невелик:

Два конца, два кольца, посредине гвоздик.

Ни окон, ни дверей, полна горница людей.

По горам, по долам ходит шуба да кафтан.

Красная девица сидит в темнице, коса на улице.

Сто одежек, все без застежек, кто его раздевает, тот слезы проливает.

Висит груша, нельзя скушать.

Заметим, что немногие из этих загадок в полной мере сохраняют для современного горожанина бытовую и языковую актуальность. Это обстоятельство свидетельствует о том, что сами слова *пословица* и *загадка* понимаются «этнографически», как принадлежность традиционной культуры, как «народная мудрость». «Прямой вопрос» заставляет задуматься о мере своей приобщенности к традиционной культуре, о связи с «истоками», и ответ на него отражает не столько реальное знание паремиологического фонда, сколько известное расхожее мнение. В речи современного горожанина преобладают пословицы, поговорки, загадки, не имеющие выраженно этнографической окраски и не осознаваемые поэтому в качестве паремий. Кроме того, в ней широко представлены и другие типы клише, о жанровой принадлежности которых имеет смысл говорить лишь на материале достаточно полного их каталога. Такой каталог может быть составлен и на основе интуитивного представления о том, что следует собирать и описывать. Существенно, что некоторые группы говорящих более чем склонны к языковой рефлексии, которая часто выливается и в лексикографические формы (ср. многочисленные словари молодежного и компьютерного сленга, «русской фени», «московской тусовки» и т. п.).

Достаточно широкий подход с уклоном в паремиологическую проблематику характерен для публикаций В.П.Белянина и И.А.Бутенко, в частности для их словаря «Живая речь» [Белянин, Бутенко 1994]. Составители не просто включали в него все, что, по их мнению, заслуживает внимания, они стремились к полноте представления «разговорных выражений» (именно так определяется предмет лексикографической разработки), делая, впрочем, понятное исключение для материала, уже зафиксированного в словарях. Говорить об ошибках Белянина и Бутенко легко и неинтересно. Действительно, авторы путают Пушкина и Некрасова, Маршака и Чуковского, Стокгольм и Копенгаген и многое другое; действительно, они не обладают необходимыми лексикографу профессиональными навыками, действительно, этот словарь относится к тем публикациям, которые «создают совершенно искаженную картину речи русского общества в представлении неискушенных читателей и обучающихся русскому языку» [Золотова 1996: 189]. Все это так, однако именно непрофессионализм авторов превращает книгу

в своеобразный «полевой материал». Авторы чувствуют, что они хотят описать, и действуют в соответствии с этим чувством. Вполне очевидно при этом, что авторская интуиция опирается на реальное родство соединяемых в одной словарной работе явлений.

Имеет смысл напомнить, что бóльшая часть терминов и понятий, при помощи которых описывается система языка и речевая деятельность, представляет собой результат научной разработки интуитивно осознаваемых носителями языка единиц и явлений. Слова и понятия *слово, звук, фраза, реплика* существуют в языке до и помимо всякого научного анализа[1]. Вполне очевидно, что и многие из более сложных лингвистических абстракций сформировались под непосредственным влиянием «автопортрета языка», существующего в качестве фрагмента языковой картины мира. При этом, однако, далеко не вся «наивная лингвистика» получила собственно лингвистическую интерпретацию.

Точно так же языковой реальностью является осознаваемое говорящими единство разнообразных речевых фактов, по отношению к которым в качестве родовых обозначений используются такие слова, как *словечко, излюбленное выражение, разговорное выражение, словцо, присловье, поговорка, пословица, прибаутка*.

Речь здесь идет о бытовом употреблении слов *пословица, поговорка* и т. п., лишь частично соотносимом со значениями соответствующих филологических терминов. Ср.:

Никто нас в жизни не может
Вышибить из седла —
Такая уж поговорка
У майора была.

К.Симонов. «Сын артиллериста»

«Паремиологи не очень любят давать определение предмету собственной науки, хотя каждый имеет интуитивное понимание того, какое речевое произведение/факт языка следует относить к разряду паремий, а какое нет» [Беликов 1994: 253]. Заметим, что основные паремиологические термины возникли в результате определенного насилия над исходным языковым материалом; ср. у Г.Л.Пермякова в связи с терминологизацией слова *присловье*: «во-первых, это слово как термин пока “свободно”...» [Пермяков 1970: 12].

Главной отличительной особенностью речевых единиц, о которых здесь говорится, оказывается их *заметность*, проистекающая из того обстоятельства, что их воспроизводимость социально ограничена. Слушатели и собеседники обращают на них внимание, часто связывают их с определенными группами носителей языка и даже с конкретными людьми. У Лермонтова («Герой нашего времени»), а впоследствии и у Тынянова («Смерть Вазир-Мухтара») фраза «Где уж нам (‘дуракам’) чай пить» фигурирует в качестве характерной для П.П.Каверина, выражение «процесс пошел» прочно ассоциируется у носителей современного русского языка с М.С.Горбачевым и т. п. Подобного рода единицы могут сопровождаться в речи «сигналами языковой рефлексии», метарепликами, например,

вводными словами типа *как говорится, как говорят в Одессе, как говорит N* и т. п. [Шмелева 1996; Николаева, Николаев 1999, 77]. Нередко при этом бывает, что фразы и словечки ассоциируются в сознании большинства носителей языка не с тем, кто их произнес, а с тем, кому они «больше подходят». «Хотели как лучше, а получилось как всегда», — якобы простодушная реплика Черномырдина, а между тем это шутка последнего советского премьер-министра Павлова, к тому же, возможно, имевшая и до него некоторую традицию бытования.

В *заметных словах* сложным образом переплетается индивидуальное и общеязыковое. Эти слова и выражения перенимают друг у друга, они включаются в социолингвистическую шкалу престижности, подвержены моде и т. п. Ср. комическую соревновательную перебранку в романе Э.М.Ремарка «Три товарища»:

> ...Я обозвал его плоскостопым декадентом; он меня — вылинявшим какаду; я его — безработным мойщиком трупов. Тогда, уже с некоторым уважением, он охарактеризовал меня как бычью голову, пораженную раком, я же его — чтобы окончательно доконать — как ходячее кладбище бифштексов. И вот тут он просиял. «Ходячее кладбище бифштексов — это здорово! — сказал он. — Такого я еще не слышал. Включу в свой репертуар! До встречи...». Он вежливо приподнял шляпу, и мы расстались, преисполненные уважения друг к другу (Пер. Ю.Афонькина).

Заметные слова могут быть собственно отдельными словами, словосочетаниями, предложениями. Условием заметности слова в индивидуальной речи может оказаться особая выразительность или парадоксальность формулировки (Берегите мужчин!), оговорка («бессмысленные мечтанья» вм. «несбыточные мечтанья» в речи Николая II), неправильное ударение (при́нять, на́чать), неточное «ошибочное» словоупотребление («...мне надо сказать вам “пару слов”, как пишет Лесков» — М.Алданов. «Истоки»), иностранный акцент, превышение частотности элемента в речи (*архи-*, *батенька*, *однозначно*), двусмысленность — вообще любое отклонение от узуса, все, чему можно подражать или что можно передразнивать. Характерна в этом отношении популярность *отрывков из школьных сочинений*, устойчивые наборы которых известны довольно давно. Коллекцию таких отрывков, найденных в старых, еще довоенных бумагах, приводит в своем блокадном дневнике А.Н.Болдырев: «На поле битвы были слышны стоны и хрипы мертвецов»; «Отелло рассвирепело и убило Дездемону»; «Дубровский имел сношение с Машей через дупло» и т. п. [Болдырев 1998: 334]. Отрывки из сочинений бытуют по преимуществу в письменном виде, в отличие от так называемых *армейских маразмов* («От меня до следующего столба шагом марш»; «Здесь вам не тут» и пр.), которые чаще всего рассказываются со ссылкой на авторов этих высказываний («А вот у нас на военной кафедре был полковник...»).

И подражание, и передразнивание — это всё способы использования чужой речи. Повторяя слова собеседника при диалогической цитации [Арутюнова 1986], говорящий превращает реплику в клише. Воспринимаясь как инкрустация [Земская и др. 1983; Николаева, Седакова 1994: 608], клише с неизбежностью приобретает некий внешний семантический ореол, «фразеологическое наращение» значения. Минимальным таким наращением можно считать снятие с себя ответственности за формулировку.

«Социализируясь», становясь общим достоянием, клише в течение неопределенно долгого времени сохраняет связь с источником — индивидуальной или групповой речью, литературным текстом, фильмом и т. п.

Принципы размежевания лингвистики и фольклористики применительно к этому материалу неочевидны. Интенсивно ведущиеся сейчас работы по описанию городской речи[2] приобретают дисциплинарный статус по преимуществу в зависимости от того, кем себя считает их автор — лингвистом или фольклористом. Это, помимо прочего, создает концептуальные, терминологические и библиографические трудности.

Вполне очевидно, что такие клише, как *железная дорога*, *попасть впросак*, *бить баклуши* и т. п., относятся к вéдению лингвистики (идиоматики, фразеологии). Этому способствуют два обстоятельства. Во-первых, это «ничьи» слова. В сознании говорящих они не ассоциируются ни с текстом-источником, ни с конкретным лицом, ни с какой-либо группой носителей языка. Во-вторых, эти выражения не разворачиваются в текст и практически никогда не влекут за собой в диалоге реплик, «направленных на код». Что же касается, например, выражения «пролетел фанеркой над Парижем», то здесь ситуация совсем другая. Это клише сохраняет социальную и эстетическую маркированность, осознается как принадлежность молодежной речи и может разворачиваться в текст, в частности, не исключает вопросов о мотивировке («Почему над Парижем?», «Куда дальше полетишь?» и пр.)[3], метареплик типа «так уже не говорят».

В любом «речевом жанре» можно построить некоторую шкалу клише, на одном полюсе которой находятся «чисто языковые» выражения, а на другом — «явно фольклорные». В типовых коммуникативных ситуациях ограниченность узуальных, предписываемых нормами формального поведения языковых средств с неизбежностью влечет за собой при неофициальном общении стремление «обыграть ситуацию» как минимум фонетически, как максимум — произнести вместо этикетной формулы клишированный монолог: «до свидания»; «пока»; «до свиданьица»; «досвиданция»; «прощевайте»; «ну привет»; «покеда»; «чао»; «чао-какао»; «счастливо»; «щи со сливой»; «пишите письма»; «не поминайте лихом — поднимаю паруса»; «наше вам с кисточкой»; «спокойной ночи, приятного сна, желаю увидеть козла и осла» и т. п.

Этот материал в современной литературе часто обозначается вполне выразительным, хотя, может быть, и не идеальным (в связи с ненужными ассоциациями с Л.Витгенштейном) термином «языковая игра» [Тимофеев 1963; Земская и др. 1983][4]. Среди языковых игр имеет смысл различать обыгрывание формы речевых единиц в процессе общения, когда эстетический (в частности, комический) эффект сопутствует основным коммуникативным задачам, и специально выделяемые в качестве текста (и легко осознаваемые как фольклор) словесные забавы. В первом случае можно говорить о, так сказать, речевом дизайне, во втором — о собственно фольклоре. Естественно, границы здесь весьма подвижны. Многие «малые жанры» могут функционировать и в фольклорном качестве (например, в виде загадки или анекдота), и в качестве элементов речевого дизайна. Ср.: (1) Что такое «зеленый рубль»? — Трешка (конец 1970-х годов); (2) Все деньги истратил, два зеленых рубля осталось.

Случаи типа (1) можно назвать текстовым, а случаи типа (2) риторическим использованием клише, однако в обоих случаях перед нами одно и то же клише. Соответственно, в качестве «современной городской паремиологии» (а не только фразеологии) мы вправе рассматривать все клише, которые могут использоваться обоими способами, т. е. реально или потенциально разворачиваются в текст, обладают в сознании носителей языка ценностью текста. Грубо говоря, для того чтобы относить слово или выражение к фольклору, оно должно быть не только номинацией, но и чем-то еще. «Паремии... представляют собой тексты, т. е. словесные образования, имеющие самодовлеющее значение и могущие употребляться самостоятельно» [Пермяков 1975: 251].

Таким образом, паремиологическая единица может иметь две репрезентации: текстовую и риторическую. Традиционная пословица является текстом сама по себе, но в риторическом использовании она может и лишаться признаков текста, утрачивая некоторые элементы. Так, пословица *Цыплят по осени считают* может использоваться в речи и в редуцированном виде: «Ну, ваши успехи мы будем считать по осени». *Считать по осени* — одна из риторических репрезентаций исходной пословицы. *Метать бисер* — риторическая репрезентация известного фрагмента евангельского текста. В риторическом использовании клише может утрачивать внутреннюю мотивировку: в словосочетании *метать бисер* нет ничего ни о свиньях, ни о тщетности метания, однако говорящий помнит и о том, и о другом, иначе говоря — сохраняется внешняя мотивировка, связь с текстовой репрезентацией. Утрата текстовой репрезентации лишает клише эстетической маркированности, выводит его из области паремиологии в «чистую» фразеологию (*съесть собаку, бить баклуши*).

В качестве текстовой репрезентации клише может выступать не только текст «малого жанра», но и быличка, басня, анекдот, песня, сказка, стихотворение и т. п. Цитата из анекдота представляет собой форму существования этого анекдота — его риторическую репрезентацию. Направление генетической производности в этих парах не всегда очевидно. Фразовое клише может быть цитатой более обширного текста, но возможна и ситуация, когда этот текст сам строится в качестве интерпретирующей развертки клише (например, этимологического мифа). Пословица о синице, собиравшейся зажечь море, была известна и до Крылова [Ашукин, Ашукина 1955: 352], однако в синхронии паремиологическая производность всегда направлена от текста к риторическому клише.

Возможны ситуации, когда одному риторическому клише соответствует несколько интерпретирующих текстов. Так, для выражения «Надо, Федя!» информанты называли нам три разных источника: 1. Анекдот: Приезжает Фидель Кастро в Москву, встречается с глазу на глаз с Хрущевым. Срывает с себя бороду: «Не могу, Никита Сергеич, надоела эта чертова Куба, хочу в Рязань — к жене, к детям». — «Ничего не поделаешь. Надо, Федя!»; 2. Песня В.Высоцкого, в которой к герою-спринтеру с этими словами обращается тренер, убеждая его бежать на длинную дистанцию; 3. Эпизод из фильма «Операция Ы и другие приключения Шурика» (герой собирается с воспитательными целями высечь своего врага розгами).

Противопоставление текстовой и риторической репрезентации клише позволяет естественным образом решить вопрос о «минимальном фольклорном

жанре» — им оказывается номинация (в частности, однословная), если она «самодостаточна» как текст или разворачивается в текст. Риторическая репрезентация клише вполне может состоять из одного слова, а в некоторых экзотических случаях и из отдельных морфем. Цитата остается цитатой, даже если она состоит из одного слова. «Сижу в ресторане, и вдруг между столиков проходит эдакая незнакомка» — понятно, что в данном случае слово *незнакомка* использовано в качестве риторического клише, соотносимого с текстом «Незнакомки» А. Блока. «А картинка в целом должна выглядеть примерно так: "Ребята, я случайно узнал, что к вам подослали 'казачка' и все ваши налоговые махинации в обозримом будущем выплывут наружу. Взял я грех на душу, поработал с тем 'казачком', не будет он вам больше докучать"» (А.Маринина. «Мужские игры») — выделенное слово «казачок» отсылает к эпизоду из фильма «Неуловимые мстители» («засланный у тебя казачок... лазутчик»).

Аналогичным образом решается вопрос и о паремиологическом статусе имен фольклорных и литературных персонажей. Возникает, правда, вопрос о том, в какой степени правомерно рассматривать в качестве текстовой репрезентации имени персонажа пространный повествовательный текст (например, роман). Имеет смысл рассмотреть два частных случая:

1. Неуважай-Корыто — только имя, одно из многих в списке крепостных, купленных Чичиковым у Коробочки. Никакой характеристики этого лица у Гоголя нет, как нет и самого лица, однако имя стало нарицательным. При отсутствии внешней мотивировки оно обладает более чем отчетливой внутренней. Связь этого имени с текстом поэмы «Мертвые души» не носит характера репрезентативной соотнесенности.

2. Анна Каренина — смысл этой риторической номинации может быть понят только в связи с романом Л. Толстого, однако вовсе не значит, что этот роман следует считать текстовой репрезентацией имени героини.

При изучении современного города приходится различать фольклорные и нефольклорные явления, но при этом учитывать, что генетический и функциональный подходы к фольклору вычленяют отнюдь не тождественные объекты. Фольклор — языковой аспект функционирования текстов, совокупность явлений, связанных с функционированием текстов в роли клише.

Нормальной формой воспроизведения литературного текста является чтение. Фольклорного — «исполнение», заведомо и принципиально вариативное. Прочитанный текст становится фольклором. Его устное воспроизведение (пересказ, цитация) — способы существования текста, автономные по отношению к тексту. Всякого рода ссылки, аллюзии, реминисценции в совокупности своей формируют некий фантом текста, его проекцию на язык. Представим себе, что вдруг в одну несчастную ночь сгорели или рассыпались в прах все экземпляры романа Толстого и нам предстоит, не пользуясь печатными источниками, восстановить текст (ср. ситуацию из «451° по Фаренгейту» Р.Брэдбери). Что происходит с романом в бесписьменной среде? Вот свидетельство Варлама Шаламова: «"Анна Каренина" переделана блатными романистами, точь-в-точь как это сделал в своей инсценировке Художественный театр. Вся линия Левина–Китти была отметена в сторону. Оставшись без декораций и с измененными фамилиями

героев — производила странное впечатление. Страстная любовь, возникающая мгновенно. Граф, тискающий (в обычном значении этого слова) героиню на площадке вагона. Посещение ребенка гулящей матерью. Загул графа и его любовницы за границей. Ревность графа и самоубийство героини. Только по поездным колесам — толстовской рифме к вагону из “Анны Карениной” — можно было понять, что это такое» [Шаламов 1989: 537].

Пересказы, использование литературного текста в качестве источника риторических средств — первые шаги к его фольклоризации. В конечном счете может возникнуть фольклорный двойник литературного персонажа. Разные стадии этого процесса — Чапаев и Анна Каренина. Содержание «фольклорного текста Анны Карениной» едва ли не исчерпывается ее гибелью под колесами поезда. Все шутки с использованием этого имени в КВН, юмористических рисунках, в разговорной речи и т. п. связаны с этим эпизодом. Типичный пример: милиционер обращается к молодому мужчине, пытающемуся перейти улицу с нарушением правил: «Куда? Тоже мне Анн Каренин нашелся!» (начало 1970-х годов).

Отсюда следует, что интерпретирующим, мотивирующим текстом риторического клише *Анна Каренина*, его текстовой репрезентацией является не роман Толстого, а его «устное резюме», тот фрагмент или тот аспект текста, который актуален для круга лиц, использующих имя героини в качестве клише.

«Ходячая» (т. е. регулярно встречающаяся в разговорной речи) цитата вполне самодостаточна в качестве текста (если она может быть осмыслена как афоризм, парадокс, вообще сколько-нибудь законченный фрагмент), но может представлять собой и риторическое клише, требующее внешней мотивировки, предполагающее наличие текстовой репрезентации.

Вопрос об источниках речевых клише, об их происхождении, традиционно выступающий на первый план в работах, посвященных описанию этого явления, вообще говоря, не особенно существен для описания их функционирования в речи. Действительно, и традиционная («фольклорная») пословица или поговорка, и цитата из литературного произведения, кинофильма или анекдота, и рекламный лозунг, и фраза телевизионного персонажа используются в речи на равных. Если, однако, ставить задачу каталогизации этого материала, то такой генетический подход вполне оправдан.

Важным аспектом фразеологических и паремиологических исследований является изучение вариативности клише. Этому кругу проблем посвящена обширная литература ([Саввина 1984; Бондаренко 1995], там же библиография), в которой структурные типы и семантические аспекты варьирования клише описаны едва ли не исчерпывающим образом.

Определяющими свойствами клише, «начиная от самых маленьких и простых, состоящих из одной однофонемной морфемы вроде предлогов *о* или *у*, и кончая самыми большими и сложными вроде многоходовой волшебной сказки «Королевич и его дядька»» [Пермяков 1975: 247], являются их знаковая природа и воспроизводимость. В качестве знаковых образований клише обладают планом выражения и планом содержания, а воспроизводимость как формы, так и значения может быть полной и частичной. Соответственно, помимо нормального воспроизведения клише, предполагающего полное сохранение самотождественно-

сти клише, возможны три способа ее нарушения: т. е. все многообразие форм преобразования клише в разговорной речи можно распределить по трем рубрикам в зависимости от того, какую сторону знака (означаемое или означающее, или и то и другое) оно затрагивает.

Таутосемантические преобразования клише

Таутосемантическим мы называем такое преобразование формы клише, при котором оно сохраняет исходное значение. К этому типу преобразований относится большая часть того материала, который охватывается понятием «балагурство» [Земская и др. 1983]. Минимальное таутосемантическое преобразование — введение маркирующего фонетического признака. Таким признаком может быть смещенное ударение (красаве́ц, тапо́чки), старательное произношение по буквам (из-воз-чик), подстановка диалектных и «иностранных» фонетических элементов ([γ]усь, уыпьем уодки) и т. п. Возможна и более радикальная переделка слова, в частности, псевдосуффиксация — расширение основы за счет семантически пустого суффиксального элемента: штука — *штукенция*, суп — *супешник*, гулянки — *гулимоны*. «Или же просто восклицания: "черви! червоточина! пикенция!" или: "пикендрас! пичурущух! пичура!" и даже просто: "пичук!" — названия, которыми перекрестили они масти в своем обществе» (Н.Гоголь. «Мертвые души»).

Частный случай такого преобразования слова — его «алиенизация», расширение основы иностранными или псевдоиностранными суффиксами. «Языковая игра» этого типа широко представлена в русском языке уже в XIX в. (в частности, в традиции бурсацкого словотворчества, в шуточной латинизации): «Я знаю это пивомедие. Оно, брат, *опрокидонтом* с ног валит» (Н.Лесков. «Соборяне»); «А вино, надо сознаться, препаскуднейшее! Vinum plochissimum» (А.Чехов. «Аптекарша»); *гулимоны* и *асаже* (от *осадить*) у А.Н.Островского.

Таутосемантична и замена корня семантически пустым элементом. Примером могут послужить некоторые словообразовательные типы глаголов, в частности однократные глаголы с префиксом (или субморфом) *с-*, имеющие значение 'украсть' (*стащить, спереть, стянуть, стырить, свистнуть, слямзить, спартизанить* — последнее использовалось в речи пионеров-артековцев в 1950–1980-е годы)[5], глаголы с префиксально-постфиксальным комплексом *на-...-ся*, означающие 'напиться пьяным' (*напиться, налакаться, надраться, нализаться, налимониться, накеросиниться, наканифолиться, наклюкаться, назюзюкаться, надрызгаться*), с префиксально-суффиксальным комплексом *о-...-еть* со значением 'потерять способность соображать' (*обалдеть, охренеть, офонареть*) и т. п. Список корневых элементов, возможных в этих типах, открыт. Во всех словообразовательных типах такого рода позицию «семантически пустого» корня могут занимать обсценные элементы.

Иногда говорящие сознательно пользуются возможностью «перепутать слова». Своего рода образцом для такого преобразования служат опечатки («очепятки», нем. *Dreckfuehler вм. Druckfehler*), искажения и замены слов в детской речи: *брамапутер* вм. *бутерброд* (Л.Кассиль. «Кондуит и Швамбрания»).

Ср.: В преферансной компании становится известным слово «ремиза», обозначающее часть преферансной росписи, включающую «гору» и «пульку». Один из игроков заменяет слово созвучным «реникса» (из общеизвестного «renyxa» — чепуха, прочитанное как латинское слово). Далее в компании закрепляется именно эта номинация (1970-е годы).

Своего рода мостом между словом и клише более высокого порядка оказывается развертывание слова в словосочетание, например: *папиросы фабрики Чужаго* (вм. *чужие папиросы*).

Таутосемантическими преобразованиями словосочетаний являются многие спунеризмы — перекрестные контаминации синтагматически связанных лексем (типа «заплетык языкается»). На русской почве спунеризмы можно было бы назвать варнавизмами, по имени Варнавы Препотенского из «Соборян» Лескова, который «за эту свою способность даже чуть не потерял хорошее знакомство, потому что хотел сказать даме: "Матрена Ивановна, дайте мне лимончика", да вдруг выговорил: "Лимона Ивановна, дайте мне матренчика!" А та это в обиду приняла». Из его же репертуара: *воспитанское семинарие* вм. *семинарское воспитание*; *знако лицомое* вм. *лицо знакомое*.

Еще в 1963 г. казалось очевидным, что «не может быть пословицы, составленной из двух разных пословиц, как например: "Ум хорошо, а два сапога — пара"» [Тимофеев 1963: 317]. Со временем, однако, именно эта «невозможная пословица» получила распространение и попала как в исследовательскую литературу [Хелльберг 1988: 297], так и в словари [Белянин, Бутенко 1994: 162]. Существенно при этом, что используется она в том же значении, что и традиционное «Ум хорошо, а два лучше». Это дает нам основание рассматривать такого рода преобразование как таутосемантическое. Еще примеры:

> *Хоть горшком назови, только к стенке не ставь* («Хоть горшком назови, только в печку не ставь» и *поставить к стенке* — 'расстрелять').
>
> *Работа не Алитет — в горы не уйдет* («Работа не волк — в лес не убежит» и название романа Т.Семушкина «Алитет уходит в горы»).
>
> Не плюй в колодец, вылетит — не поймаешь (один из «афоризмов Маяковского» [Гинзбург 1999: 17]).

Таутосемантическое преобразование пословицы не обязательно представляет собой контаминацию. Это может быть просто замена отдельных слов другими, как правило, созвучными или эквиритмичными: *По платежке протягивай ножки*; *Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не вешалось; Что посмеешь, то пожмешь; Не на свою Саню не ложись; Цыплят по восемь считают; Яйцами по воде писано; Чем дальше в лес, тем больше партизан* (и даже *Чем дальше в лес, тем круче партизаны); С миру по нитке — голому петля.*

Само по себе это явление не ново, однако традиционно оно предполагало наличие дополнительной мотивировки: детское остроумие, речь иностранца, путающего слова и т. п. Давно отмечены в качестве курьезов «русские пословицы, забавно искажаемые добрыми "русскими немцами", которых в старой России было очень много», например, «пуганная ворона на куст садится» [Старый филолог 1931: 2]. Характерны в этом отношении нечаянные шутки американца Кука

из романа В.Шишкова «Угрюм-река» («На чужой кровать рот не разевать» и пр. в этом роде). По имени этого персонажа В.И. Беликов предложил называть этот тип паремий *кукизмами* [Беликов 1994: 255–256].

Таутосемантическое преобразование клише, как правило, ведет к актуализации его внутренней формы, к ее «оживлению» и, как минимум, выполняет функцию кавычек или курсива.

Реинтерпретация клише

Любое неэлементарное клише в процессе своего речевого функционирования постепенно утрачивает внутреннюю форму, теряет связь с мотивировкой. В языке (применительно к словам) это явление описывается термином *опрощение* — исчезновение морфемной границы, превращение сложного клише в элементарное. Утрата внутренней формы означает возможность переосмысления, народной этимологии (хрестоматийный пример: *свидетель* — очевидец, тот, кто *видел*, вместо старого *съвѣдѣтель* — осведомленный человек, тот кто *ведает*).

В разговорной речи и в малых фольклорных жанрах широко представлена игровая реинтерпретация клише, при которой говорящие лишь имитируют утрату внутренней формы. Речь идет, в сущности, об игре слов, о каламбурах, однако использование слова *каламбур* в качестве термина мы считаем в данной статье неуместным. Дело в том, что каламбурами называют не только то явление, о котором идет здесь речь[6], а кроме того, далеко не все случаи реинтерпретации клише можно назвать каламбурами.

С наибольшей отчетливостью это явление может быть продемонстрировано на примере реинтерпретации аббревиатур.

1. Расшифровка аббревиатуры, отличающаяся от узуальной.

Смысл такой дополнительной расшифровки заключается обычно в ироническом сопоставлении с узуальной, новая интерпретация как бы «вскрывает истинный смысл» аббревиатуры: КГБ — контора глубинного бурения; СССР — Смерть Сталина спасет (спасла) Россию; ЛИВИЗ — Люблю и выпить и закусить; СНГ — С Новым годом!

Ср. анекдот: Заявление: Прошу принять меня в КП... — Не в КП, а в КПСС! — В СС я уже состоял.

Особенно популярны такого рода «объяснения» сокращенных названий учебных заведений: ЛЭТИ (Ленинградский электротехнический институт) — Ленинградский эстрадно-танцевальный институт.

В детской среде отмечены случаи, когда семантическая мотивировка просматривается с трудом. «Интересной» оказывается сама возможность расшифровки, а иногда «кощунственность» такой возможности: Учпедгиз — Умер Чапаев, победа его, дети героев идут занего (за него, т. е., видимо, идут его заменить) — запись 1956 г.; РСФСР — Ребята, смотрите! Федька сопли распустил!

2. Псевдоаббревиатуры. Расшифровка слова как аббревиатуры.

Этот прием представлен, в частности, в детском фольклоре. На нем построены известные «покупки»:

Дуня. — Дураков уже нет. — А я? — Вот только ты остался.
Коля. — Корова отелилась летом. — А я? — А ты зимой.

Отмечен он и в разговорной речи 20-х годов: Чик! — Честь имею кланяться.

Известны попытки аббревиатурной расшифровки «нестандартных» фамилий — Нарбут, Оцуп, Сапгир. В юмористическом рассказе Михаила Козырева «Приставки» молоденькая регистраторша расшифровывает слово «компресс» как «коммунистический пресс», а «политура» как «политическое ура!» [Козырев 1928: 13].

Чрезвычайно широко используется данный прием в местах лишения свободы, где он лежит в основе специфического жанра «шифровок» (см. статью К.Э.Шумова «"Шифровки", "эпистолы", поздравления и пожелания в рукописных традициях» в настоящей книге, с. 710).

3. Осмысление аббревиатуры как обычного слова или морфемы.

Надпись на пряжке учащегося Т-го реального училища (Т.Р.У.) прочитывается как «тру», что вызывает издевательский вопрос «что трешь?» [Москвин 1969: 12]. Шутка начала 1950-х годов: «Лги!» — кричит с одного конца набережной Горный институт (ЛГИ — Ленинградский горный институт). «Лгу!» — покорно отвечает на другом конце университет (Ленинградский государственный университет).

4. Обыгрывание аббревиатурной омонимии, образование новых аббревиатур, омонимичных или созвучных узуальным.

ГДР — Гражданка дальше ручья — часть Гражданки (района в Ленинграде), расположенная за Муринским ручьем. Эстрадный дуэт А. Райкина и Г. Карповского в сезоне 1940–1941 гг. назывался МХЭТ (Малый художественный эстрадный театр). «Впоследствии Райкин острил на разные лады, обыгрывая счастливую выдумку («молодо, хорошо, энтересно, талантливо»)» [Уварова 1983: 265].

5. Мнемоническая аббревиация.

Подлежащая запоминанию последовательность слов сокращается до буквенной аббревиатуры, чтобы затем быть расшифрованной более удобным для запоминания способом. Примеры: «Иван родил девчонку, велел тащить пеленку» (последовательность русских падежей: И, Р, Д, В, Т, П); «Разве можно верить подлому сердцу балерины» (последовательность улиц за Витебским вокзалом в Петербурге: Рузовская, Можайская, Верейская, Подольская, Серпуховская, Бронницкая); «Как однажды Жак-звонарь головой сломал фонарь» и «Каждый охотник желает знать, где сидит фазан» (последовательность цветов спектра); «Каждая жена злее черта» — последовательность подключения контактов при ЭКГ (мед. профессионализм, пример В.Ф.Лурье).

Реинтерпретация обычных слов (не аббревиатур) широко встречается и в «старом», и в «новом» фольклоре.

Синтагматическая реинтерпретация, переразложение — реализация возможности разного членения сегмента речи на значащие элементы: На балконе ходят? / На бал кони ходят?; Что делал слон, когда пришел Наполеон? /... на поле он; Наши святки высоки. / Наши с Вятки, вы — с Оки; В деревне волки церковь изъели, / В деревне Волки церковь из ели; Угар и чад. В огне ведро мадеры / Уга! — рычат во гневе дромадеры.

Сюда же следует отнести, например, загадки, построенные на неочевидности осмысленного членения: Что значит «витримазгор»? — «Вид Рима с гор» [Гиппиус 1926: 19].

Синтагматическая реинтерпретация может служить основанием для многих словесных забав. На ней издавна строится ребусно-шарадная кодировка слова. В ребусе и шараде слово расчленяется на элементы, не имеющие отношения к его реальному членению, а затем эти элементы либо изображаются рисунками (в ребусе), либо получают толкования (в шараде): «Мой первый слог сидит в чалме...». Шарады могут и разыгрываться, а затем становиться содержанием устных рассказов: «А вот однажды была такая шарада: мальчики сказали хором “Э!”, а потом один из них подошел к Анне Сергеевне и вытер ей платком рот. Это значило “Э — разом, рот тёр дамский”, то есть “Эразм Роттердамский”».

Такого рода членение слова лежит в основе старой игры «Почему не говорят...?». Смысл этой игры заключается в расчленении слова по ребусно-шарадному принципу с последующей заменой каждой из них словом, ассоциативно (в частности, антонимически) связанным. Широкую популярность загадки этого рода получили в начале XX в. В рассказе Тэффи «Взамен политики» мы находим многочисленные образцы жанра: «Почему гимн-азия, а не гимн-африка?»; «Почему бело-курый, а не черно-петухатый?»; «Отчего живу-зем, а не помер-зем?» и т. п. Развитие этой забавы в филологической среде (круг Г.О.Винокура) привело к формированию своего рода канона, твердых правил, критериев оценки [Красильникова 1975]. В результате сформировалась своего рода классика жанра: «Почему не говорят “жир Полонского”? — Потому что говорят “сало Мея”»; «Почему не говорят “Красна чья рожа?” — Потому что говорят “Ал кого лик”» и т. п. [Там же].

Вычленение «значимых» элементов может повлечь за собой переосмысление самого слова, присвоение ему нового смысла, комически соотносимого с узуальным. Это тоже явление не новое. Достаточно вспомнить такие «окаменевшие остроты», как «художник от слова худо»; «Не хотите ли чаю? — Спасибо, я уже отчаялся» (и то и другое приводится, например, в рассказе И.Ильфа и Е.Петрова «Весельчак»). Если попытаться дать толкование словам «художник» и «отчаяться» в этих выражениях (‘плохой живописец’ и ‘закончить чаепитие’), то мы получим тот жанр, который получил массовое распространение в 1970-е годы, после того как на 16-й странице «Литературной газеты» были опубликованы подборки такого рода толкований, придуманных молодыми филологами Б.Норманом, В.Карповым, А.Спичкой и М.Зубковым. Соответствующая рубрика с участием многих других авторов просуществовала несколько лет [Норман 1987:199–220].

Реинтерпретация этого типа встречается, однако, не только в «станковых жанрах», но и в речевой практике. Так, в компьютерном сленге слово *висельник* может означать ‘неопытный системщик’ (от «виснуть», «висеть»), *зашарить* (ресурсы) — ‘предоставить для совместного использования’ (от англ. share); *подмышка* — ‘коврик для мыши’ (англ. mouse pad); *сантехника* — ‘hardware от Sun Microsystems Computer Corporation’ и т. п.

В болгарском молодежном сленге *дъртанян* — ‘взрослый, старый человек’ (от *дрът*, *дърт* ‘старый’) [Армянов 1989: 60].

Распространенным приемом непритязательного остроумия является диалогическая реинтерпретация, переосмысление чужих слов. Естественная предпосылка этого приема — реальная или потенциальная полисемия. Говорящий как бы делает вид, что он не понял собеседника или понял его буквально: «— Я не привык... — Ничего, потерпите сорок лет, а там привыкнете» (И. Ильф и Е. Петров. «Весельчак»); « — Неудобно... — Неудобно штаны через голову надевать».

Такому переосмыслению могут подвергаться и отдельные слова, и словосочетания, и фразовые клише. Субстантивированное прилагательное *синенькие* — распространенное на юге название баклажанов, однако «в соответствии с внутренней формой» может означать и, например, куриные тушки. В том же значении отмечено и метерлинковское выражение «синяя птица». В пословице *Тише едешь, дальше будешь* слово *дальше* (сравнительная степень наречия *далеко*) использовано в значении, связанном с естественно подразумеваемой точкой отсчета «старт». Наличие у слова *далеко* потенциальной валентности «от чего», вводящей точку отсчета в явном виде, служит основой для реинтерпретации: «Еще тебе надо знать, что тише едешь, дальше будешь — от того места, куда едешь. Понял?» (М. Пришвин).

Благоприятные условия для реинтерпретации фразовых клише возникают при подстановке их в неожиданный контекст, что, в сущности, может рассматриваться как особый жанр, частным случаем которого оказываются, например, надписи и плакаты в «подходящих» местах: щит с надписью «Опасная зона» перед Дворцом бракосочетания (Н.Самохин. «Опасная зона»); транспаранты «Наша цель — коммунизм» на здании Артиллерийской академии, «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» на родильном доме, «Души прекрасные порывы» на КГБ. Сюда же относятся и широко встречающиеся в школьных девичьих альбомах подборки клише (в частности, названий фильмов), соответствующих разным ситуациям и лицам. В 1970-е годы было популярно такое развлечение: предлагалось читать газетные заголовки, мысленно или вслух добавляя каждый раз: «в постели». Основой жанра велеризмов является также контекстуальная реинтерпретация [Быкова 1984].

«Размыкание» клише (парадигматическая развертка)

Выделенные в эту рубрику случаи преобразования клише касаются как его формы, так и значения: замена компонентов означает изменение смысла при сохранении парадигматической соотнесенности.

Разрабатывая структурную типологию паремий, Г.Л.Пермяков разграничил типы замкнутых и незамкнутых фразовых изречений. «Класс замкнутых составляют пословицы, народные афоризмы и те виды примет, поверий и других фразовых паремий, которые клишированы от начала и до конца. Класс незамкнутых составляют все виды присловий и поговорок, большинство проклятий и пожеланий, а также те приметы, поверья, "деловые" изречения и прочие паремии, которые клишированы не полностью и состоят из постоянных и переменных членов» [Пермяков 1988: 95].

Это противопоставление актуально не только для фразовых единиц. Клише с переменной позицией вполне может реализоваться на уровне слова. Сюда попадает едва ли не любой словообразовательный тип, определяемый деривационным значением и формальными средствами его выражения. Понятно, однако, что это относится к области лингвистики, а не паремиологии.

Мы имеем право рассматривать в качестве клише с переменной позицией и любую структурную формулу словосочетания или предложения, например Adj N, частными реализациями которой можно считать все атрибутивные словосочетания типа ***большой стол.*** Имеет смысл вывести такого рода явления за скобки, введя, например, терминологическое размежевание грамматических и риторических формул, понимая под последними лишь те клише с переменными позициями, для которых характерен некоторый нетривиальный семантический инвариант. Структура Adj как N, означающая высокую степень признака, в этом случае должна рассматриваться в качестве риторической формулы. Первую переменную позицию (Adj) занимает качественное прилагательное, а вторую (N) — существительное со значением ‘эталонный носитель признака’: ***красный как рак, злой как собака, холодный как лед.*** Существенно при этом, что общая формула, с одной стороны, соотносится с некоторым множеством клише с заполненными позициями (так называемые устойчивые сравнения, см. приведенные примеры), а с другой — дает возможность построения новых окказиональных выражений: ***злой как бультерьер; холодный, как винегрет в стужу; красный, как тысяча большевиков.*** Клише с заполненными позициями могут быть каталогизированы, лексикографически разработаны (см., например: [Огольцев 1992]), однако продуктивность структурной формулы приводит к постоянному изменению их репертуара: одни выражения выходят из употребления, другие становятся «устойчивыми».

Заметим, что грамматическая формула Adj как N, описывающая уравнивание двух объектов с точки зрения степени проявления градуируемого признака, существует в современном русском языке только в расширенном виде: такой (же) Adj как N. Возможно «такой же невысокий, как его брат» при ощутимой архаичности «невысокий, как его брат». С другой стороны, риторическая формула может все-таки быть осмыслена как грамматическая, а из этого следует возможность парадоксально иронического ее использования, выработки антонимической риторической формулы, в которой в позиции эталонного носителя признака появляется носитель «антипризнака»: ***веселый, как покойник; умный, как бревно; красивая, как кобыла сивая*** и т. п.

Характерная особенность современной разговорной речи — массовое осмысление клише как формул, «размыкание клише», их парадигматическая развертка. Естественный первый шаг часто заключается в заполнении одной из позиций созвучным словом. Как мы видели выше, такое преобразование может быть и таутосемантическим, но здесь речь идет о случаях, когда изменению формы соответствует изменение содержания: *Не так страшен черт, как его малютки* (Н. Лесков); *Куй железо, пока Горбачев.*

Не позднее конца 1960-х годов становятся популярны газетные заголовки, в которых широко известные клише подвергаются реинтерпретации или измене-

нию в соответствии с содержанием статьи [Губенко 1969]. Вот несколько примеров из газет за 1972–1974 гг. [Сафонов 1974: 17–18]: «Заставь ЮСИА молиться»; «Скала преткновения»; «В своем пиру похмелье»; «Науку юноши питают»; «Много шума — и ничего»; «В Москву с песнями»; «Пули вместо хлеба»; «Клык за клык».

В 1980-е годы этот тип газетных заголовков стал чрезвычайно продуктивным[7], и это привлекло внимание исследователей [Губенко 1998; Земская 1996; Князев 1996 и др.].

Некоторые особенно популярные цитаты разворачиваются в длинные парадигматические ряды: Любви все возрасты покорны / Спорту все возрасты покорны; Собирательству все возрасты покорны; Хорошей песне «все возрасты покорны»; «Часу пик» [газете] все возрасты покорны; Ушу [китайской гимнастике] все возрасты покорны [Сидоренко 1998: 119]. Заметим, что это обстоятельство дает основание исследователям рассматривать выражение «все возрасты покорны» скорее как фразеологизм, чем как крылатое слово [Шулежкова1995: 203].

Лозунг «Автомобиль не роскошь, а средство передвижения» из «Золотого теленка» И.Ильфа и Е.Петрова сам по себе, видимо, является результатом преобразования клише. Ю.К.Щеглов связывает языковую форму этого лозунга с рекламой парикмахерских в 20-е годы: «Одеколон — не роскошь, а гигиена». Он приводит, в частности, шуточную формулировку из очерка Льва Кассиля (1930), как бы соединяющую два лозунга: «“Автомобиль не роскошь, а гигиена”, — говорил нам чебоксарский парикмахер» [Щеглов 1991: 446]. Это клише стало основой огромного количества газетных заголовков[8]: «Автомобиль — не роскошь» — [КП, 21.10.91] (реклама справочников по продаже автомобилей); «Автомобиль — не роскошь?» [Семья, 1991, 41] (о повышении платы за автостоянки); «Машина — не роскошь, а головная боль» [Собеседник, 1991, 46] (о похищениях автомобилей); «Автомобиль — не роскошь, а масса проблем и экзотики» [КП, 02.11.91] (обзор автоновостей); «“Интерпартнер” — не роскошь, а средство передвижения» [Юность, 1991, 9] (информация о международных деловых встречах); «Телефон — не роскошь, а средство управления» [Собеседник, 1991, 47] (о правительственных средствах связи); «Мягкая мебель — не роскошь, а... источник заразы» [Невское время, 07.12.91] (о мягкой мебели в общественных местах); «Не роскошь, а средство» [Час пик, 1991, 49] (об автомобилях в Израиле).

Другой лозунг из того же романа — «Ударим автопробегом по бездорожью и разгильдяйству!» — оказался не менее популярным: «Автопробегом по бездорожью» [Согласие (Душанбе), 25.10.91] (о строительстве дорог в Таджикистане); «Ударим ренессансом по бездорожью!» [КП, 19.10.91] (о приезде зарубежных соотечественников); «Ударим танком по бездорожью» [Труд, 21.11.91] (о танке, переделанном в трактор); «Только не бейте ничего автопробегом» [КП,17.08.91] (о туристской поездке за границу); «Ударим по гиперинфляции московской приватизацией» [Союз, 1991, 47]; «Ударить предприимчивостью по стеклотаре» [Вечерний Душанбе, 25.11.91]; «Ударим налогом по “порнухе”» [КП, 26.10.91]; «Автопробегом — по антисемитизму» [МЭ, 1991, 32] (об автобусе — передвижной синагоге); «Ударим биополем по ГКЧП» [КП, 31.08.91]; «Налогом по дорогам, а также по людям, которые хотят их строить» [Известия, 22.10.91]; «Ударим наши-

ми бумажками по финскому благополучию» [КП, 11.10.91] (о деятельности советских фарцовщиков в Финляндии); «Ударим по преступности “тоётой”» [Известия, 29.11.91]; «Эротикой — по нездоровью» — [МЭ, 1991, 36]; «Утюгом по дефициту» [Советская Россия, 01.11.91].

При парадигматической развертке клише переменными могут становиться разные позиции. В приведенном пушкинском примере «основой» оказывается вся цитата за вычетом одного определенного слова (... все возрасты покорны), однако теоретически возможно построение ряда и при других переменных позициях: любви все возрасты (доступны, достойны, послушны); любви все (звания, профессии, классы) покорны.

* * *

Легко заметить, что распределение преобразований клише по приведенным рубрикам в чем-то противоречит «естественному чувству». Явления как будто однородные оказались разнесены в разные классификационные гнезда, а разнородные — объединены. Думается все же, что такой подход к материалу дает нам не просто довольно примитивную «семиотическую» схему, но имеет и функциональное обоснование. Основная функция таутосемантического преобразования заключается в выделении клише, его «подчеркивании». Основная функция реинтерпретации — эстетическая. Реинтерпретация — всегда курьез, всегда шутка, хотя иногда и убогая. Актуальная, а не потенциальная многозначность несовместима с коммуникативной функцией языка, а моделирующая функция реализуется в парадоксальном виде: новый смысл не отменяет старого, а вступает в семантическое взаимодейстие с ним. Что же касается размыкания клише, его парадигматической развертки, то здесь на передний план выдвигается моделирующая функция, новый элемент, встраиваемый в клише, получает интерпретацию в соответствии с уже готовым смыслом: «хорошей песне (как и любви) все возрасты покорны» (ср.: «Любовь с хорошей песней схожа»).

Примечания

[1] Понятно, в частности, что вопрос о том, «кто разграничил язык и речь» (в такой именно редакции), не имеет смысла, поскольку значения слов «язык» и «речь» (*langue — parole*, *Rede — Sprache* etc.) различаются в самом языке.

[2] Чрезвычайно интересны, например, широкомасштабные программы исследования устной речи города, реализуемые филологами Омска, Красноярска, Екатеринбурга, Саратова и Перми (см., например: [Речь города 1995]).

[3] *Пролетел*, *пролёт* — вполне естественная метафора (ср. нормати́вное *промах*, *промахнулся* при одинаковых префиксах). *Пролетел фанеркой над Парижем* — распространение, определяемое основным значением глагола *пролететь*. Любопытно при этом, что еще в начале XX в. в речи парикмахеров отмечено слово «картонка», которым называли клиента, не дававшего «на чай». «С появлением авиации таких злосчастных клиентов парикмахеры стали называть еще “ероплан”» [Иванов1986: 192]. Заметим также, что и «фанера» — вполне «авиационное» слово.

[4] Не определяемое строго понятие «языковой игры» включает в себя не только преобразования клише, но и некоторые другие приемы, например, «прием рифмовки» [Земская и др. 1983: 176–177]. В данной статье эти приемы не рассматриваются.

[5] Ср.: «Теперь также понятно, отчего это в бурсацком языке так много самобытных фраз и речений, выражающих понятие кражи: вот откуда все эти *сбондили, сляпсили, сперли, стибрили, объегорили* и тому подобные. Наши герои и пошли *бондить, ляпсить, переть, тибрить, объегоривать*» [Помяловский 1949: С. 245–255].

[6] Ср.: «...Игра слов, основанная на смысловом сходстве и звучальном различии их. Понимаемый в широком смысле, как игра вообще внешними сопоставлениями и внешними несоответствиями (например, между тоном рассказчика и предметом рассказа), каламбур может явиться особым литературным приемом» [Зунделович 1925: Стлб. 343].

[7] Это, помимо прочего, создает особо благоприятную ситуацию для лексикографической разработки клише. Вынося цитату (пословицу, поговорку) в название статьи, автор безусловно рассчитывает на ее опознание, а следовательно, полная совокупность такого рода заголовков дает материал не только для анализа способов трансформации клише, но и для едва ли не исчерпывающего каталога «ходячих» выражений.

[8] Все заголовки из газет за 1991 год: КП — Комсомольская правда; МЭ — Мегаполис-экспресс.

Литература

Армянов 1989 — *Армянов Г.* Жаргонът, без който (не) можем. София, 1989.

Арутюнова 1986 — *Арутюнова Н.Д.* Диалогическая цитация (К проблеме чужой речи) // Вопросы языкознания. 1986. № 1.

Ашукин, Ашукина 1955 — *Ашукин Н.С., Ашукина М.Г.* Крылатые слова: Литературные цитаты. Образные выражения. М., 1955.

Беликов 1994 — *Беликов В.И.* Паремиологические заметки // Знак: Сб. статей по лингвистике, семиотике и поэтике памяти А.Н.Журинского. М., 1994. С. 252–261.

Белянин, Бутенко 1994 — *Белянин В.П., Бутенко И.А.* Живая речь. Словарь разговорных выражений. М., 1994.

Болдырев 1998 — *Болдырев А.В.* Осадная запись. СПб., 1998.

Бондаренко 1995 — *Бондаренко В.Т.* Варьирование устойчивых фраз в русской речи: Учебное пособие по спецкурсу. Тула, 1995.

Гинзбург 1999 — *Гинзбург Л.Я.* Записные книжки. Новое собрание. М., 1999.

Гиппиус 1926 — *Гиппиус В.* Учебник русской грамматики: Звуки и формы слов. Л., 1926. Изд. 2-е.

Губенко 1969 — *Губенко И.С.* «Крылатые заголовки» как явление публицистического стиля // Язык и литература: Материалы II Республ. науч.-теоретич. конф. молодых ученых и аспирантов. Самарканд, 1969. С. 174–184.

Губенко 1969 — *Губенко И.С.* Крылатые выражения как важная форма газетно-фразеологических заголовков // Вопросы фразеологической и словообразовательной семантики. Самарканд, 1998. С. 40–45.

Земская1998 — *Земская Е.А.* Цитация и виды ее трансформации в заголовках современных газет // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Татьяны Григорьевны Винокур. М., 1996. С. 157–168.

Земская и др. 1983 — *Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н.* Языковая игра // Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., 1983. С. 172–214.

Золотова 1996 — *Золотова Г.А.* Разговорные вариации в нормативном пространстве // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Татьяны Григорьевны Винокур. М., 1996. С. 181–189.

Зунделович 1925 — *Зунделович Я.О.* Каламбур // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов. М.; Л., 1925.

Иванов 1986 — *Иванов Е.П.* Меткое московское слово. М., 1986.

Князев 1996 — *Князев Ю.П.* Воспроизводимые сочетания в газетных заголовках // Фразеологизм и слово в системе языка. Новгород, 1996. С. 103–105.

Козырев 1928 — *Козырев М.* Запрещенные слова: Юмористические рассказы. М., 1928.

Красильникова 1975 — *Красильникова Е.В.* «Почему не говорят..?» // Развитие современного русского языка 1972: Словообразование. Членимость слова. М., 1975. С. 221–227.

Майер 1991 — *Майер И.* Банальности — тип «городского фольклора» // Slovo. 1991. № 40. P. 33–46.

Москвин 1969 — *Москвин Н.Я.* Конец старой школы. М., 1969.

Николаева, Седакова 1994 — *Николаева Т.М., Седакова И.А.* Ценностная ориентация клише и штампов в современной русской речи // Revue des études slaves. 1994. T. LXVI. Fasc. 3. P. 607–625.

Николаева, Николаев 1999 — *Николаева Е.К., Николаев С.И.* Из истории паремиологической терминологии (Конец XVII — первая половина XVIII в.) // Русский язык конца XVII — начала XIX в. (Вопросы изучения и описания). СПб., 1999. С. 77–85.

Норман 1987 — *Норман Б.Ю.* Язык: знакомый незнакомец. Минск, 1987.

Огольцев 1992 — *Огольцев В.М.* Устойчивые сравнения русского языка. Пособие для учащихся национальных школ. СПб., 1992.

Пермяков 1975 — *Пермяков Г.Л.* К вопросу о структуре паремиологического фонда // Типологические исследования по фольклору. Сб. статей памяти В.Я.Проппа. М., 1975.

Пермяков 1988 — *Пермяков Г.Л.* Основы структурной паремиологии. М., 1988.

Пермяков 1970 — *Пермяков Г.Л.* От поговорки до сказки: Заметки по общей теории клише. М.,1971.

Помяловский 1949 — *Помяловский Н.Г.* Очерки бурсы. М., 1949.

Речь города 1995 — Речь города: Тез. докл. Всероссийск. межвуз. науч. конф. Ч. 1--2. Омск, 1995.

Саввина 1984 — *Саввина Е.П.* О трансформации клишированных выражений в речи // Паремиологические исследования. М., 1984. С. 200–221.

Сафонов 1974 — *Сафонов А.А.* Актуализация газетного текста (К проблеме газетных заголовков): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1974.

Сидоренко 1998 — *Сидоренко К.П.* Цитаты из «Евгения Онегина» А.С. Пушкина в текстах разного жанра. СПб., 1998.

Старый филолог 1931 — Старый филолог. Филологические курьезы // Двинский голос. 1931. 17. 03. № 22. С. 2.

Тимофеев 1963 — *Тимофеев Б.Н.* Правильно ли мы говорим? 2-е изд. Л., 1963.

Уварова 1983 — *Уварова Е.Д.* Эстрадный театр: Миниатюры, обозрения, мюзик-холлы (1917–1945). М., 1983.

Хелльберг 1988 — *Хелльберг Е.Ф.* Фольклорные перевертыши // Russian Linguistics. 1988. Vol. 12. № 3. P. 293–301.

Шаламов 1989 — *Шаламов В.Т.* Очерки преступного мира // *Шаламов В.Т.* Левый берег: Рассказы. М., 1989.

Шмелева 1996 — *Шмелева Т.В.* Фразеологизм как объект языковой рефлексии // Фразеологизм и слово в системе языка: Тез. докл. и сообщ. Междунар. симпозиума, посвящ. 75-летию со дня рождения проф. В.П.Жукова (1-е Жуковские чтения). Новгород, 1996. С. 211–212.

Шулежкова 1995 — *Шулежкова С.Г.* Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие. Челябинск, 1995.

Щеглов 1991 — *Щеглов Ю.К.* Романы И.Ильфа и Е.Петрова: Спутник читателя. Т. 2. Золотой теленок // Wiener slawistischer Almanach. Sonderband 26/2. Wien, 1991.

А.Ю.Кожевников
(Санкт-Петербург)

Киноцитата в разговорной речи*

Трудно себе представить нашу жизнь без кинематографа и без того поистине колоссального влияния, которое он оказывает на нас. Однако речь в статье пойдет не о подражании любимому киногерою, не о приятном времяпрепровождении перед голубым экраном, переносящим нас то в мир волшебной сказки или сентиментальных грез, то в праздничный карнавал искрометной комедии или замысловатый лабиринт безудержной фантазии, а то и в черный ужас окружающей нас безразличной, жестокой действительности или же в состояние гнетущего ожидания развязки, когда мы в буквальном смысле слова погружаемся в бессознательный сон, завороженные напряженным действом добротного боевика или триллера.

Конечно же, современный кинематограф, а точнее, оказываемое им воздействие на массовое и индивидуальное сознание, духовный и психический мир человека может послужить поводом для бесчисленного количества разговоров, споров, дискуссий. Остановимся на таком достаточно заметном и показательном явлении, как проникновение элементов языка киногероев в нашу обыденную речь.

Не будет большим преувеличением сказать, что практически ежедневно каждому из нас в условиях бытового общения приходится слышать от собеседников и окружающих или же воспроизводить самому фрагменты отдельных диалогов, фразы, реплики, «яркие словечки» и т. п. из популярных отечественных кинофильмов.

В последнее время подобное цитирование стало использоваться и в принципиально новых сферах нашей повседневности. Так, цитаты из старых лент все чаще и чаще можно услышать непосредственно из уст современных киногероев, а новогодний проект Центрального телевидения — «Старые песни о главном–3» — практически целиком (по крайней мере в своей игровой части и сюжетной линии) представляет собой единую развернутую цитату из классики отечественного кинематографа.

* *Кожевников А.Ю.* Словарь киноцитат. М., 2001.

Реплики из хорошо знакомых фильмов можно услышать в радио- и телерекламе, а также в заставках и паузах между передачами таких радиостанций, как «Русское радио», «Ретро-канал», «Европа +», «Радио-рокс» и некоторых других. Персонажи популярных кинолент или же сформированный народным сознанием имидж последних уже давно эксплуатируются авторами модных шлягеров (например: Жеглов и Шарапов — группа «Любэ»; Штирлиц — А.Укупник и т. п.). В последние годы фрагменты оригинальных записей «крылатых кинофраз» начинают использоваться композиторами и аранжировщиками в качестве своеобразных звуковых спецэффектов, включаемых в ткань популярной песни (например: Мистер Дадуда — из к/ф «Карнавальная ночь»; группа «Моджахед Латинас» — из к/ф «Место встречи изменить нельзя»; DJ Вовочка «Гюльчатай» — из к/ф «Белое солнце пустыни», «Демоны» — из к/ф «Иван Васильевич меняет профессию»; Игорь Крестовский «Охота» — из к/ф «Особенности национальной охоты» и др.). Наконец, последнее веяние — использование подобных цитат вместо сигналов звукового оповещения при открытии и закрытии программ, свертывании и развертывании окон, критических ошибках и т. п. во время работы на персональных компьютерах в среде «Windows».

Но все же, *«зачем нашим советским людям скрывать свое лицо? Зачем, товарищи? Это не типично. Но не в этом дело. Перейдем к существу вопроса»* [1]. В самом деле, почему мы испытываем постоянную неоходимость в подобном цитировании? С одной стороны, сразу же напрашивается довольно банальное объяснение: пожалуй, редкому индивиду не хочется прослыть в кругу близких, друзей, знакомых, коллег человеком остроумным, веселым, находчивым, а кинематограф в этом отношении — кладезь острот, шуток, забавных фраз и «словечек» (*«Это же Клондайк, Эльдорадо!»* [2]). Но, с другой стороны, все мы хорошо понимаем, что в данном случае цитата, как правило, хорошо известна и легко узнаваема, а шутка, повторенная дважды... и все же цитируем, цитируем... [3].

Какими же качествами должен обладать кинофильм, чтобы реплика одного из его героев, слетев с экрана, прочно вошла в нашу повседневную речевую практику? Вероятно, данный вопрос не имеет и не может иметь однозначного ответа. Тем не менее представляется допустимым выделить целый ряд разнородных факторов, которые в своей совокупности, несомненно, обусловливают появление в нашей речи киноцитат. К числу наиболее значимых относятся следующие.

1. Прагматические установки создателей (наиболее важными представляются общая адресация и литературная подоснова фильма). Если посмотреть на список кинолент, ставших источником пятидесяти или более цитат [4], то нетрудно заметить, что все они практически лишены конкретной адресации, т. е. в буквальном смысле слова являются фильмами для всех. И напротив, киношедевры, адресованные узкому кругу зрителей, практически не цитируются. Своеобразное исключение здесь составляют лишь детские киноленты, но исключение это в действительности условно, поскольку никого из нас не минула чаша сия. С другой стороны, практически все наиболее цитируемые фильмы обладают и такой общей особенностью, как нацеленность их авторов на определенную афористичность речи персонажей.

2. Актерская индивидуальность и характер создаваемого образа. Несомненно, обаяние и популярность актера играют не последнюю роль в процессе появления киноцитат. Достаточно вспомнить, что практически все появления на экране Ф.Г.Раневской (хотя и в подавляющем большинстве — эпизодические) привнесли в наш язык не одно яркое словечко, не одну запомнившуюся и повторяемую фразу. Но, с другой стороны, пожалуй, не меньшее влияние оказывает и характер создаваемого актером образа. Чаще цитатой становится фраза, произносимая, как правило, отрицательным персонажем. Конечно, здесь можно усмотреть извечную «тягу к запретному плоду», но существует, как представляется, и более объективное объяснение. В одной из передач ЦТ известный актер В.Шалевич признался, что всегда хотел играть только отрицательных героев, поскольку долгое время в отечественном кинематографе по негласным и неписаным законам речь, поступки и т. п. положительного персонажа всегда должны были быть «прилизанными», «причесанными», в то время как отрицательный герой мог говорить и делать все, что угодно.

3. Структурно-композиционные и стилистические факторы. Здесь прежде всего имеются в виду такие закономерности, как неоднократная повторяемость фразы в фильме[5] (иногда — разными персонажами, реже — из фильма в фильм[6]) и ее положение в важных, ключевых моментах, в начале или же в конце серии («*Запоминается последняя фраза — это Штирлиц вывел для себя, словно математическое доказательство. Важно, как войти в нужный разговор, но еще важнее искусство выхода из разговора*»[7]), а также колоритность, неординарность ситуации в момент произнесения фразы, характер самой реплики (намеренная «сниженность», утрированная напыщенность и т. п.), особенности ее воспроизведения (не используемая в бытовой речи интонация, особый — часто довольно редкий — тембр голоса[8]) и т. п.

4. Факторы внешнего характера, т. е. время нахождения фильма в прокате и частотность его демонстраций по телевидению. Так, зарубежные фильмы, сроки показа которых строго регламентированы, а также отечественные киноленты, долгое время находившиеся или периодически попадавшие «на полку», даже несмотря на афористичность сценария и популярность снимавшихся в них актеров, так и остались невостребованными в качестве источника цитат.

Взаимодействие перечисленных факторов наглядно показывает отличие киноцитаты от цитаты в традиционном понимании (из книги, выступления и т. п.). Прежде всего это отличие заключается в том, что автором киноцитаты является некий совокупный субъект, включающий и сценариста (а в экранизациях — и автора художественного произведения), и режиссера-постановщика, и актера, и создаваемый актером образ. Все это, с одной стороны, привело к необходимости разработать особую методику сбора, а с другой — заставило пересмотреть традиционные принципы подачи и описания подобного материала.

Сбор материала осуществлялся в несколько этапов и продолжается в настоящее время. На первом этапе фиксировался сам факт употребления киноцитаты в речи, а также отмечался стимул, спровоцировавший появление последней. Это позволило выявить список наиболее цитируемых фильмов и самых цитируе-

мых высказываний, а также определить основные условия, в которых осуществляется подобное цитирование. На втором этапе проводилось тестирование (в основном в школьной и студенческой среде, а также среди преподавателей вузов). Испытуемым предлагались следующие задания: а) в течение 10–15 минут вспомнить и записать наиболее часто, по их мнению, цитируемые высказывания из отечественных фильмов; б) то же задание, но срок — 2–3 дня; в) провести подобное тестирование у себя дома, со своими знакомыми; г) просматривая выделенный фрагмент толкового словаря, отметить, какие слова служат стимулом для появления той или иной цитаты из фильма. Данная работа позволила пополнить списки, составленные на первом этапе, и сформировать список слов-стимулов. Наконец, на третьем этапе осуществлялся просмотр видеокопий фильмов и фиксировался точный (по фильму) текст выявленных киноцитат. Работа с киносценариями или текстами экранизируемых произведений намеренно исключалась. В настоящее время подобным образом обработано около 120 отечественных художественных фильмов и выявлено более 3000 цитат.

Появление той или иной киноцитаты в нашей речи может носить как объективный, обусловленный характер, так и субъективный, случайный, мотивируемый лишь внутренними, подчас реально не осознаваемыми стимулами говорящего. В общем же виде можно выделить три принципиально различающихся типовых случая подобного цитирования.

Первый из них — наиболее частотный. Здесь использование цитаты носит чисто ассоциативный характер: сама ситуация, в условиях которой происходит речевое общение, или же произнесенная одним из говорящих фраза (а часто и отдельное слово) той или иной стороной совпадают или соотносятся с ситуацией, фразой и т. п. из какого-либо популярного кинофильма и, соответственно, становятся реальным стимулом, реакцией на который и является воспроизведение соответствующей цитаты.

Второй случай — это использование киноцитат в качестве особого материала для своеобразной словесной игры, суть которой заключается в следующем. Один из говорящих произносит какую-либо фразу из популярного фильма, обрывая ее и явно ожидая, а точнее провоцируя собеседника на продолжение (*«Наверное, мне бы надо... — Не надо. Он согласился? — Согласился. Теперь у меня такое предложение, а что если... — Не стоит. — Ясно. Тогда, может быть, нужно... — Не нужно. — Понятно. — Разрешите хотя бы... — Вот это попробуйте»*[9]), и в результате завязывается целый диалог, целиком состоящий из цитат. Иногда подобная игра начинает принимать характер соревнования: кто первый собьется и не сможет продолжить диалог? кто более точно воспроизведет соответствующую фразу? кто назовет больше цитат из выбранного фильма? и т. п.[10]. Начало такой игры может быть, как и в первом случае, обусловленным (возникшей ситуацией, произнесенной фразой, словом и т. п.), но довольно часто является способом, позволяющим уйти от нежелательного разговора (*«Советую переменить тему»*[11]), сменить атмосферу общения, заполнить возникшую паузу и т. п.

Наконец, третий случай, не такой частотный, как первые два, и наблюдаемый в основном в компаниях, давно объединяющих определенный круг лю-

дей, — это использование киноцитаты в качестве повторного (точнее — многократно воспроизводимого) пересказа хорошо всем известного и полюбившегося в этой среде анекдота. Здесь цитирование также может носить ассоциативный характер, с той лишь разницей, что возникающая ассоциация — принципиально другого рода. В этом случае самоцелью является не шутка, заключенная в воспроизводимой цитате, не попытка соотнести сложившуюся ситуацию или прозвучавшее слово с соответствующей ситуацией или словом из фильма, а скорее желание апеллировать к тому времени, когда цитируемая фраза, реплика и т. п. были услышаны и повторены впервые.

Тот факт, что в подавляющем большинстве случаев появление киноцитаты обусловлено некоторым стимулом, в качестве которого довольно часто выступает употребленное в определенном значении слово, позволяет представить собранный материал в виде своеобразного ассоциативного словаря, где в заголовок выносится слово, являющееся таким стимулом, а статью составляет цитата (или цитаты) — рефлекс на данный стимул. Главным отличием подобного представления рассматриваемого материала от собственно ассоциативного словаря является, во-первых, то, что здесь заголовок словарной статьи довольно часто представляет собой не только слово-стимул как таковое, а может служить и своеобразным обозначением определенного понятия или ситуации, выполняющих функцию стимула, и во-вторых, то, что рефлекс-цитата — это не первая подсознательная ассоциация, вызываемая данным стимулом, а в одних случаях — лишь контекст для оригинального, нетрадиционного употребления данного слова, в других — собственно рефлекс на заданное понятие или ситуацию, а иногда — лишь иллюстрация ситуации из фильма, которая и является рефлексом на данный стимул.

Фрагмент подобного словаря приводится в Приложении.

Примечания

[1] КН, *Огурцов* (список сокращений названий кинофильмов см. в конце Приложения).

[2] МВ, *Жеглов.*

[3] Так, например, результаты тестирования, проводившегося на I и II курсах филологического факультета РГПУ им. А.И.Герцена, показали, что из двухсот человек только один, по его собственному утверждению, никогда не использует в речи киноцитат, но постоянно их слышит от собеседников.

[4] См.: «Место встречи изменить нельзя» и «Иван Васильевич меняет профессию» (около 240), «Бриллиантовая рука» (около 220), «Джентльмены удачи», «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» (около 180), «Покровские ворота» (около 140), «Семнадцать мгновений весны» (около 120), «Свадьба в Малиновке» и «Кавказская пленница, или Новые приключения Шурика» (около 100), «Здравствуйте, я ваша тетя», «Ширли-мырли» и «Берегись автомобиля» (около 80), «Тени исчезают в полдень», «Формула любви», «Операция “Ы” и другие приключения Шурика» и «По семейным обстоятельствам» (около 60), «Свадьба» и «Д’Артаньян и три мушкетера» (около 50).

[5] Так, в фильме «Вратарь» Карасик многократно повторяет: «Я лично ничего смешного на горизонте не вижу» — фразу, ставшую единственной цитатой из этой ленты.

[6] См., например, оборот «Так вот ты (вы) какой (какие)» + имя персонажа. Данная конструкция встречается в 13 фильмах (в некоторых по 2–3 раза) и даже вошла в анекдот: «Так вот вы какие, северные олени!».

[7] СМВ-VI, от автора.

[8] Характерно, что довольно часто рассматриваемая здесь цитация и заключается лишь в копировании интонации и подражании тембру голоса актера. Ср.: А компот? (Ы-1, *Верзила*); Студент! (Ы-1, *Верзила*) и т. п.

[9] БР, *Михаил Иванович, Полковник.*

[10] Характерно, что данная игра напоминает соответствующие игры с использованием материала художественных (чаще — поэтических) произведений.

[11] ЗВТ, *Барбелей.*

Словарь киноцитат

АРИЕЦ — Истинный ариец (СМВ-I, *от автора*, Характеристика на Шелленберга, Характеристика на Холтоффа, Характеристика на Штирлица; СМВ-III, *от автора*, Характеристика на Айсмана; СМВ-VI, *от автора*, Характеристика на Рольфа).

АРИСТОКРАТ — Хватит, хватит! Шампанское по утрам пьют или аристократы, или дегенераты (БР, *Лелик*).

БАБА — Надо будет ночью посидеть. — Посиди, посиди, чем по бабам бегать. В нашем возрасте. — По каким бабам? — Ленинград — город маленький, Андрей Палыч (ОМ, *Бузыкин, эпизод.*); Только не суетись: детям мороженое, его бабе цветы (БР, *Лелик*); Смотри, с бабой свяжешься — загремишь! (ПГА, *«Соболь»*).

БАБКА — Слесарь! Я вон, понимаешь ли, печник, и то... — Печник! Сравнил, тоже мне! У меня работа тонкая, по чертежу, а у тебя! — А что у меня? — Кирпич на кирпич, гони, бабка, магарыч! (НПБ, *эпизод.*).

БАБОНЬКА — Ой, бабоньки, срамота-то какая! (ККП, *эпизод.*).

БАБУШКА — Селянка, у тебя бабушка есть? — Нету. — Сиротка, значит (ФЛ, *Маргадон, Фимка*); Потом вышел врач, говорит: умерла, дедушка, твоя бабушка (ЛГ, *Дядя Митя*).

БАРЫШНЯ — Напра-... За мной, барышни (БСП, *Сухов*).

БАЦ — Ваши трехдюймовые глазки путем меткого попадания зажгли огнедышаший пожар в моем сердце. Словом, бац-бац! И в точку! (СМ, *Яшка*); Третий правый ездовой, разворот налево! Батарея к бою! Трубка пятнадцать, прицел сто двадцать, батарея, огонь! Бац! Бац! И мимо (СМ, *Яшка*); Бац! Бац! И мимо (Р, *Макаренко*).

БЕЛЫЙ — Белая горячка. — Да, белый, горячий, совсем белый (КП, *Врач, Саахов*).

БЕРЕМЕННАЯ — Один мой коллега любил говорить, что даже если собрать вместе девять беременных женщин, ребенок все равно не родится через месяц. Идея должна созреть (МС, *Хасс*).

БЕСПОЩАДНЫЙ — Беспощаден к врагам Рейха (СМВ-I, *от автора*, Характеристика на Шелленберга, Характеристика на Холтоффа, Характеристика на Штирлица, Характеристика на Крюгера; СМВ-III, *от автора*, Характеристика на Айсмана; СМВ-VI, *от автора*, Характеристика на Рольфа).

БЕССТЫДНИК — Светла-ана-а! Светла-ана-а! — Молчите, бесстыдник! (ПВ-II, *Велюров, Костик*).

БИЛЕТ — В части танго Клавдия Васильевна обещались танцевать со мной. Занимайте места согласно купленным билетам (МИ, *Тараканов*).

БИЛЕТЕР — Скажешь: «Вам билетер требуется?». Он: «Был нужен, да уже взяли». Ты: «А, может, и я на что сгожусь?». Он: «Может, и сгодишься» (НПН, *эпизод.*).

БИТЬ — Ребята! Пионеры наших бьют! (РШ, *эпизод.*); Наших бьют! (МД, *эпизод.*).

БЛАГОДАРИТЬ — Вот уж и осень, скоро дожди пойдут, ветер завоет... — Самое гриппозное время. Держите ноги в тепле. — Благодарю вас! О, благодарю! (ПВ-I, *Хоботов, Людочка*); Благодарю вас. Как за что?! «За тайные мучения страстей!» Еще за что? М-м. «За горечь слез, отраву поцелуя!» (ПВ, *Костик*).

БОЛВАН — Ты болван, Штайнглиц! (ЩМ-II, *Дитрих*).

БОЛЬНОЙ — Откушать просим, доктор, чем бог послал. — Откушать можно. Коли доктор сыт, так и больному легче (ФЛ, *Феодосья Ивановна, Доктор*).

БОЯРИН — Здрав будь, боярин! (ИВ, *Иван Васильевич*).

БРАЗИЛИЯ — Вы знаете, я тетушка Чарли, из Бразилии, где в лесах много-много диких обезьян (ЗВТ-I, *Баберлей*).

БРОНЕНОСЕЦ — Значит бунт на хуторе? — Как на броненосце в потемках (ККП, *Федот, эпизод.)*.

БУГОР — За бугром все есть (ДС, *эпизод.*).

БУМАГА — Девушка, а нельзя все это завернуть в два слоя бумаги, а то нам далеко везти. — С бумагой в стране напряженка! (МСВ-II, *эпизод., Людмила*).

БУНТ — Значит. бунт на хуторе? — Как на броненосце в потемках (ККП, *Федот, эпизод.)*.

БЫТЬ — Ну, будете у нас на Колыме... будете у нас на Колыме, милости просим. — Нет, уж лучше вы к нам (БР, *эпизод., Геша*); Токо смотри, не подведи! А то я тебе оторву голову и скажу, что так и було! (СМ, *Попандопуло*).

ВАРВАРСКИЙ — Варварская игра, дикая местность, меня тянет на родину (ФЛ, *Маргадон*); Варварские обычаи: ключи раздают, а замков нет (ФЛ, *Маргадон*).

ВЕРИТЬ — Хочешь верь, хочешь не верь, а дело было так (ПР, *Шулейкин*).

ВЗВЕСИТЬСЯ — Давайте взвесимся на бруденшафт (ИС-I, *Павлик*).

ВЗЯТЬ — Понавыдумали всякой всячины, вот и возьми их за рубль тридцать! (АФ-I, *Анискин*);...в паспорте у него не написано, что он бандит, а, наоборот, написано, что он гражданин, живет по какому-нибудь Кривоколенному, 5, прописка у него имеется. Так что возьми его за рубь за двадцать (МВ-I, *Жеглов*).

ВИСКИ — Констебль, прошу. Прошу-прошу, прошу. Джин, бренди, ром. — Я на службе сэр. — Значит, виски (ЗВТ-I, *Джекки, эпизод.*).

ВЛАСТЬ — Какая б не была власть, лишь бы питья всласть (Б-I, *эпизод.*).

ВЛЮБЛЕННЫЙ — Гриша, и шо я в тебя такой влюбленный?! (СМ, *Попандопуло*); Слушай, солдат, и шо я в тебя стал сразу такой влюбленный?! (СМ, *Попандопуло*).

ВНЕЗАПНЫЙ — Я не знаю, я вся такая внезапная, такая противоречивая вся! (ПВ-II, *эпизод.*).

ВНИМАНИЕ — Спасибо за внимание! Если что не так, извините (ПрЛт, *Муравей*).

ВОДА — Як вам подадуть на перше капусту с водою, а на друге — капусту без воды, а на третье — воду без капусты, так вона вам ночью приснится (ХПБ, *эпизод.*).

ВОДИТЬ — Женщину тоже можно понять. Девушек водишь. Ей неприятно. — Да не вожу я! Это другое! Об этом не говорят! (ПВ-I, *Савва Игнатьевич, Хоботов*).

ВОДКА — Кто стрелял? Вы стреляли? — Семенов, водку пить будешь? — Водку?... Водку... буду (ОНО, *Кузьмич, Семенов*).

ВОЗМОЖНОСТЬ — Мой прадед говорит: «Имею желание купить дом, но не имею возможности. Имею возможность купить козу, но не имею желания. Так выпьем за то, чтобы наши желания совпадали с нашими возможностями (КП, *Администратор гостиницы*).

ВОЗРАСТ — Кончать надо с хиромантией, дружок! Пальцем искрить, вилки глотать в нашем возрасте уже не годится. И с барышнями поаккуратней. Мраморные, не мраморные, наше дело сторона: сиди на солнышке, грейся (ФЛ, *Доктор*).

ВОЛК — Да, товарищ капитан, что я могу сказать?! — Я вам не товарищ! Тамбовский волк вам товарищ! Я для вас гражданин капитан, ясно! (ДлРм, *Румянцев, эпизод.*).

ВОЛОСТЬ — Что, что? Кемскую волость? — О, я, я, Кемска волость. О, я, я (ИВ, *Иван Васильевич, Посол*).

ВОЛЯ — Обзовись. — Век воли не видать (ДУ, *Косой, Евгений Иванович*).

ВОПРОС — Вопросы есть? Вопросов нет (БСП, *Сухов*).

ВОСПИТАННЫЙ — Упитанный, а не воспитанный (ВК, *Старушка-веселушка*); Вот-те раз, и неупитанный, а воспитанный (ВК, *Старушка-веселушка*).

ВОСТОК — Восток — дело тонкое (БСП, *Сухов*).

ВРАГ — Беспощаден к врагам Рейха (СМВ-I, *от автора,* Характеристика на Шелленберга, Характеристика на Холтоффа, Характеристика на Штирлица, Характеристика на Крюгера; СМВ-III, *от автора*, Характеристика на Айсмана; СМВ-VI, *от автора*, Характеристика на Рольфа).

ВРЕМЯ — Скорее. Скорее! — Я ведь еще только учусь! — Ну, что вы, время! — Время — деньги. Как говорится, когда видишь деньги, не теряй времени. Куй железо, не отходя от кассы (БР, *Горбунков, Шеф*).

ВСЕ — Вон у Бричкиной такая же конституция, как у нас у всех, а все при всем. Есть на что приятно поглядеть (ЗЗТ-I, *Гурвич*).

ВСТАТЬ — Если я встану, ты у меня ляжешь (Ы-1, *Верзила*).

ВУНДЕРКИНД — Ты же вундеркинд! — А что это такое? — А черт его знает! (СМ, *Попандопуло, Назар*).

ВЫ — Пока у нас есть только одна зацепка. — Кэбмен? — Да. — Жаль, что мы не успели заметить его номер. — Не мы, а вы, дорогой друг (СБ-I, *Холмс, Ватсон*).

ВЫСОКИЙ — Высокие, высокие отношения! (ПВ-I, *Нина Орлович*).

ВЫСТУПАТЬ — Не, ну, наболело, капитан! Он выступает, как директор пляжа! Посол! (ШМ, *Суходрищев*).

ВЫТРЕЗВИТЕЛЬ — Андрей, дом, где я спал, как называется, трезвеватель? — Вытрезвитель. — Вытрезвитель? — Да, да, вытрезвитель. — Спасибо (ОМ, *Билл, Бузыкин*).

ГИБНУТЬ — Я все понял, Жакоб. Все пришельцы в Россию будут гибнуть под Смоленском (ФЛ, *Маргадон*).

ГЛАЗА — Ведь с закрытыми глазами, а! (ПрЛт, *эпизод.*).

ГЛАЗКИ — Да я всей батарее писал любовные письма! Ваши трехдюймовые глазки путем меткого попадания в мое сердце... Словом, бац, бац! И мимо (СМ, *Яшка*); Ваши трехдюймовые глазки путем меткого попадания зажгли огнедышаший пожар в моем сердце. Словом, бац-бац! И в точку! (СМ, *Яшка*).

ГЛУХОЙ — Когда я ем, я глух и нем (ДП, *эпизод.*).

ГЛОТАТЬ — Кончать надо с хиромантией, дружок! Пальцем искрить, вилки глотать в нашем возрасте уже не годится. И с барышнями поаккуратней. Мраморные, не мраморные, наше дело сторона: сиди на солнышке, грейся (ФЛ, *Доктор*).

ГОЛОВА — На что жалуемся? — На голову жалуется. — Это хорошо. Легкие дышат, сердце стучит. — А голова? — А голова — предмет темный и исследованию не подлежит. — Мудро (ФЛ, *Доктор, Феодосья Ивановна*); Токо смотри, не подведи! А то я тебе оторву голову и скажу, что так и було! (СМ, *Попандопуло*).

ГОРДОСТЬ — Отличный миниатюрный передатчик. Гордость нашей фирмы! (МС, *Ладейников*).

ГОРЕТЬ — Простите, мне, право, неудобно беспокоить вас, но у меня трубы горят, умираю совсем. Будьте добры, презентовать малую сумму, простите за беспокойство. Ну, трубы горят, пожертвуйте... (ОНО, *эпизод.*).

ГОРИЗОНТ — Я лично ничего смешного на горизонте не наблюдаю (Врт, *Карасик*).

ГОРЯЧКА — Белая горячка. — Да, белый, горячий, совсем белый (КП, *Врач, Саахов*).

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ — Двадцать пять баранов в то время, когда наш район еще не полностью рассчитался с государством по шерсти и мясу. — А ты не путай свою личную шерсть с государственной (КП, *Саахов, Аджабраил*).

ГОТОВИТЬ — И шьет. — Да. — И готовит. — Да. — И печатает. — Да. — И стирает. — Да. — И спасает. — Да. — И мучает. — И любит (ОМ, *Бузыкин, Аллочка*).

ГРАБИТЬ — Да. Вот хреновина! Ну, прямо карусель получается. Белые пришли — грабют, красные пришли — грабют. Ну, куды крестьянину податься? (Ч, *Крестьянин*).

ГРЕТЬСЯ — Кончать надо с хиромантией, дружок! Пальцем искрить, вилки глотать в нашем возрасте уже не годится. И с барышнями поаккуратней. Мраморные, не мраморные, наше дело сторона: сиди на солнышке, грейся (ФЛ, *Доктор*).

ДЕВКА — Эх, хороша девка! (АН, *эпизод.*).

ДЕВОЧКА — Между нами, девочками, говоря, я с вами давно уже попрощался (ХПБ, *Соболевский*); Ишь устроился: сено, девочка! (БС, *эпизод.*); Здравсьте, мальчики. — Здравсьте, девочки (БИС, *Маша, эпизод.*).

ДЕВУШКА — Девушка, а девушка, а который час? — Шесть пятнадцать. — Девушка, а девушка, а как вас зовут? — Таня. — А меня Федя. — Ну и дура (ДУ, *Косой, эпизод.*); Честь открытия Дворца — мы здесь посоветовались и решили, что честь открытия Дворца мы предоставляем прекрасной женщине, девушке, которая олицетворяет собой новую судьбу женщины гор, понимаете. Это студентка, комсомолка, спортсменка, наконец, она просто красавица (КП, *Саахов*).

ДЕГЕНЕРАТ — Хватит, хватит! Шампанское по утрам пьют или аристократы, или дегенераты (БР, *Лелик*).

ДЕЛО — Как говорит наш дорогой шеф, в нашем деле главное — этот самый реализм (БР, *Лелик*); Какое мне дело до всех до вас, а вам до меня? (ПД, *эпизод.*); Куда же это ты собрался Еремушка? — Еремушка! Вот бестолковая. Я же тебе втолковывал, Маланьюшка, еду все наше царство-государство пересчитывать. — Не царское это дело, не царское! (ВК, *Маланья, Еремей*).

ДЕНЬГИ — Граждане, храните деньги в сберегательной кассе, если, конечно, они у вас есть (ИВ, *Милославский*); Ну, ты что, не веришь, что я тебе отдам, я тебе письмо покажу, они мне третьего перевод посылают, ну, значит, седьмого будет... — Ну это понятно, только у меня станок сломался, который деньги печатает (МСВ-II, *Гурин, Людмила*); Скорее. Скорее! — Я ведь еще только учусь! — Ну, что вы, время! — Время — деньги. Как говорится, когда видишь деньги, не теряй времени. Куй железо, не отходя от кассы (БР, *Горбунков, Шеф*).

ДЕРЖАВА — Я мзду не беру. Мне за державу обидно! (БСП, *Верещагин*).

ДЕТИ — И, вы знаете, говорят, что у него трое детей: двое в Пензе, а один на Камчатке (УТ, *Олечка Воронцова*); Только не суетись: детям мороженое, его бабе цветы (БР, *Лелик*).

ДИРЕКТОР — Не, ну, наболело, капитан! Он выступает, как директор пляжа! Посол! (ШМ, *Суходрищев*).

ДОБРОТА — О-о, спасибо тебе, папаш, за доброту, за щедрость спасибо! Значит, если я стукач, зарежете вы меня, а если я всю вашу компанию спасу, так десять кусков получу — двадцать бутылок водки смогу купить. Спасибо тебе папаша за доброту твою не... и за щедрость спасибо, и за ласку, которую Фокс мне обещал, за все тебе спа... (МВ, *Шарапов, Горбатый*).

ДОЖДЬ — Отчего мне все время хочется говорить тебе гадости, Топтыгин? К чему бы это? — Я думаю, к дождю (ЕРЛ, *Евдокимов, эпизод.*).

ДОКТОР — Откушать просим, доктор, чем бог послал. — Откушать можно. Коли доктор сыт, так и больному легче (ФЛ, *Феодосья Ивановна, Доктор*).

ДРУГ — Вот я, Варвара Сергевна, был в Лондоне, и там собаки гуляют везде. Собака — друг человека. — А я не знаю, как там в Лондоне, я не была, может, там собака друг человека, а у нас управдом — друг человека (БР, *Горбунков, Управдом*); Не трудно умереть за друга, трудно найти друга, за которого стоит умереть (ССС, *эпизод.*); Русский слон — лучший друг финского слона (ОНО, *Сергей Олегович*).

ДУРА — Девушка, а девушка, а который час? — Шесть пятнадцать. — Девушка, а девушка, а как вас зовут? — Таня. — А меня Федя. — Ну и дура (ДУ, *Косой, эпизод.*).

ДУША — А ну, сочини для меня что-нибудь такое, чтоб душа сначала развернулась, а потом обратно завернулась! (СМ, *Попандопуло*).

ЕСТЬ — Кушать подано, садитесь жрать, пожалуйста (ДУ, *Вася*); Тетя, дайте напиться, а то так есть хочется, что и переночевать негде (БС, *эпизод.*); Когда я ем, я глух и нем (ДП, *эпизод.*); Ерунда! Негры едят людей! Люди их национальная пища (КРИ-II, *эпизод.*).

ЖАЛКО — Птичку жалко (КП, *Шурик*).

ЖАЛОВАТЬСЯ — Интриган! Я буду... я буду жаловаться королю! Я буду жаловаться на короля! (З, *Мачеха*); Но учтите, обычай требует, чтоб все было натурально. Никто ничего не знает. Невеста будет сопротивляться, брыкаться, даже кусаться, звать милицию, кричать: «Я буду жаловаться в Обком!». Но вы не обращайте внимания. Это старинный красивый обычай (КП, *Аджабраил*).

ЖЕНА — Кандидатура жены утверждена рейхсфюрером СС (СМВ-I, *от автора,* Характеристика на Шелленберга).

ЖЕНИТЬБА — Эх, как бы дожить бы до свадьбы-женитьбы и обнять любимую свою (АП, *Василий*).

ЖЕНЩИНА — Ай, какая женщина! Убиться можно! (ВР, *Потехин*).

ЖЕЛАНИЕ — Мой прадед говорит: «Имею желание купить дом, но не имею возможности. Имею возможность купить козу, но не имею желания. Так выпьем за то, чтобы наши желания совпадали с нашими возможностями (КП, *Администратор гостиницы*).

ЖЕЛЕЗО — Как говорит наш дорогой шеф, Мыхал Иваныч, куй железо, не отходя от кассы (БР, *Лелик*); Скорее. Скорее! — Я ведь еще только учусь! — Ну, что вы, время! — Время — деньги. Как говорится, когда видишь деньги, не теряй времени. Куй железо, не отходя от кассы (БР, *Горбунков, Шеф*).

ЖИЗНЬ — Ну, как жизнь? — Бьет ключом. И все по голове (Вс, *Токмаков, Пасечник*).

ЖИТЕЛИ — Жители сказочного королевства, а жители сказочного королевства... (З, *эпизод.*).

ЖИТЬ — Жить, как говорится, хорошо. — А хорошо жить — еще лучше. — Точно (КП, *Трус, Балбес, Бывалый*).

ЗАБОДАТЬ — Забодай вас (его, тебя) комар (Т, *Кирилл Петрович*).

ЗАГРАНИЦА — За границей лучше делают (ВР, *Елена*).

ЗАГРЕМЕТЬ — Смотри, с бабой свяжешься — загремишь! (ПГА, *«Соболь»*).

ЗАЙТИ — У нас вот так вот как раз, в 57-й квартире старушка одна тоже зашла. Попить воды попросила. Попила воды. Потом хватилися — пианины нету! (П, *Ариша*).

ЗАКУСЫВАТЬ — Выпей за свою погибель. — За свою погибель и избавление от мук я выпью... Я готов, герр комендант, пойдемте, распишите меня. — Да ты хоть закуси перед смертью. — А я после первого стакана не закусываю. — Хм... Ну, закусывай, закусывай, не стесняйся. — Извините, герр комендант, но я и после второго стакана не привык закусывать (СЧ, *эпизод., Соколов*).

ЗАМОК — Варварские обычаи: ключи раздают, а замков нет (ФЛ, *Маргадон*).

ЗАРАБОТАТЬ — Я на русалках больше заработаю (Ы-3, *Трус*).

ЗАРПЛАТА — Чтоб ты жил на одну зарплату! (БР, *Лелик*).

ЗАХОДИТЬ — Заходите, гражданин, я вас кашей накормлю! (СМ, *Яшка*); Ну, что ж ты не отвечаешь? Люди, понимаешь, волнуются, а он молчит. — Да тут ко мне Геббельс заходил (НПБ, *эпизод., Зайцев*).

ЗДОРОВО — Здорово, отцы! (БСП, *Сухов*).

ЗДРАВСТВУЙТЕ — Здравсьте, мальчики. — Здравсьте, девочки (БИС, *Маша, эпизод.*).

ЗНАКОМСТВО — За наше случайное знакомство! (БР, *Анна Сергеевна*).

ЗНАТЬ — Начальство надо знать в лицо! (ДЖК, *Зав. отделом*); Я так и думал. К великому сожалению, вся твоя беда в том, что ты много знаешь (АЕП-II, *Бинский*).

ЗРЯЧИЙ — Ах, ты зрячий, так сейчас будешь слепой! (Ы-1, *Верзила*).

ЗУБКИ — Гражданочка, возьми тараньку. Солененькая! Да вы не стесняйтесь, зубками ее, зубками (СМ, *Петря*).

ИГРАТЬ — Сэ-эр! — Сэ-эр! — Что вы будете пе... пе... пе-пе... — Пе-еть. — Сэр. — А что вы будете игра-гра-гра... —...грать! — Сэр. — А что вы ха... ха... ха... — Хватит. Сэ-эр (ТЛС-I, *эпизод., Харрис*).

ИДИОТ — Как говорит наш любимый шеф, если человек идиот, то это надолго! (БР, *Лелик*).

ИЗВИНИТЬ — Спасибо за внимание! Если что не так, извините (ПрЛт, *Муравей*).

ИНТЕЛЛЕГЕНЦИЯ — Эй, интеллигенция, подбрось шарик! (ЕЗР, *эпизод.*).

ИНДПОШИВ — Они не понимают, вы не ширпотреб, вы индпошив! (ВСЖ, *эпизод.*).

ИНФОРМАЦИЯ — Информация к размышлению... (СМВ-II, *от автора*).

КАКОЙ — Так вот вы какой, Иоганн Себастьян Бах! Веселый толстый человек! (АИС, *Антон Иванович*); Так вот вы какие! — Какие это такие? (АП, *Пархоменко, Василий*); Так вот ты какая, Марьяна Бажан! (Т, *Клим*); Так вот вы какие, чародеи, изобретатели волшебной палочки! (Чр-II, *Иван*); Так вот ты какой, Сева Малютин! (ОТС, *эпизод.*); Какое мне дело до всех до вас, а вам до меня? (ПД, *эпизод.*).

КАНДИДАТУРА — Кандидатура жены утверждена рейхсфюрером СС (СМВ-I, *от автора,* Характеристика на Шелленберга).

КАПУСТА — Як вам подадуть на перше капусту с водою, а на друге — капусту без воды, а на третье — воду без капусты, так вона вам ночью приснится (ХПБ, *эпизод.*).

КАПУТ — Отвечай что-нибудь, видишь человек надрывается. — Гитлер капут (ИВ, *Милославский, Иван Васильевич*).

КАРБЮРАТОР — Да отсохнет его карбюратор во веки веков! (КП, *Эдик*).

КАССА — Как говорит наш дорогой шеф, Мыхал Иваныч, куй железо, не отходя от кассы (БР, *Лелик*).

КАША — Что это, каша что ли? — Овсянка, сэр (СБ-I, *Генри, Бэримор*).

КИРПИЧ — Печник! Сравнил, тоже мне! У меня работа тонкая, по чертежу, а у тебя! — А что у меня? — Кирпич на кирпич, гони, бабка, магарыч! (НПБ, *эпизод.*).

КЛЮЧ — Варварские обычаи: ключи раздают, а замков нет (ФЛ, *Маргадон*); Клю-уч! (ККЗ, *эпизод.*).

КОБЫЛА — Алло! Гараж? Заложите кобылу (ВВ, *Бывалов*).

КОВАТЬ — Как говорится, когда видишь деньги, не теряй времени. Куй железо, не отходя от кассы (БР, *Горбунков, Шеф*).

КОЛЫМА — Ну, будете у нас на Колыме... будете у нас на Колыме, милости просим. — Нет, уж лучше вы к нам (БР, *эпизод., Геша*).

КОМАР — Забодай вас (его, тебя) комар (Т, *Кирилл Петрович*).

КОММУНИСТ — Маша, передайте это полковнику Петренко. Скажите, если я погибну, пусть считают меня коммунистом. — А если погибнут они? — Тогда пусть их считают коммунистами (ДХП, *Соколов, Мери*).

КОМПЛИМЕНТ — Уно, уно, уно, ун моменто, уно, уно, уно сантименто, уно, уно, уно комплементо... (ФЛ, *Маргадон, Жакоб*).

КОМПОТ — А компот? (Ы-1, *Верзила*).

КОМСОМОЛКА —...честь открытия Дворца мы предоставляем прекрасной женщине, девушке, которая олицетворяет собой новую судьбу женщины гор, понимаете. Это студентка, комсомолка, спортсменка, наконец, она просто красавица (КП, *Саахов*).

КОНСТЕБЛЬ — Констебль, прошу. Прошу-прошу, прошу. Джин, бренди, ром. — Я на службе сэр. — Значит, виски (ЗВТ-I, *Джекки, эпизод.*).

КОНТУЖЕННЫЙ — Я контуженный! Я чего угодно могу тебе сделать, мне ничего не будет! (ЯШМ, *Прохожий*).

КОНЬ — Пан атаман, кони стоят пьяные, хлопцы запряженные! (СМ, *эпизод.*).

КОРОЛЕВСТВО — Жалко, королевство маловато, разгуляться мне негде... Ничего, я поссорюсь с соседями. Это я умею (З, *Мачеха*).

КОТЛЕТА — Как говорят, котлеты отдельно, мухи отдельно (ПГА, «*Соболь*»).

КОШКА — Тренируйся лучше... на кошках (Ы-3, *Балбес*).

КРАСАВИЦА — Это студентка, комсомолка, спортсменка, наконец, она просто красавица (КП, *Саахов*).

КРАСИВЫЙ — Девочка как девочка. И даже очень красивая. Со всех, со всех сторон. Я девочка шутливая, веселая и милая, со всех сторон красивая... (ККЗ, *Оля*).

КРАСНЫЙ — Стреляете хорошо? — Наградим красными революционными шароварами, товарищ командир (О, *эпизод., Трофимов*).

КРЕСТЬЯНИН — Белые пришли — грабют, красные пришли — грабют. Ну, куды крестьянину податься? (Ч, *Крестьянин*).

КРУТИТЬ — Ну, ребята, крути педалями! (ПрЛт, *эпизод.*).

КРЫМ — Ты куда бежишь? — В Крым. — Зачем? — Ну, там тепло, там яблоки (ДР-I, *Макар, эпизод.*).

КУПЛЕТ — Здесь мы снова ставим точку. И опять конец куплета (НЛ-I, *Корина*).

КУРИТЬ — Лейтенант, возле самолета не курите. — А я не затягиваюсь (БИС, *эпизод.*).

КУШАТЬ — Кушать подано, садитесь жрать, пожалуйста (ДУ, *Вася*).

ЛАСКА — Спасибо тебе папаша за доброту твою не... и за щедрость спасибо, и за ласку, которую Фокс мне обещал, за все тебе спа... (МВ, *Шарапов, Горбатый*).

ЛОМАТЬ — Значит, разобрать развалины замка. Ну, ломать — не строить (Тр, *эпизод.*).

ЛЕНИНГРАД — Надо будет ночью посидеть. — Посиди, посиди, чем по бабам бегать. В нашем возрасте. — По каким бабам? — Ленинград — город маленький, Андрей Палыч (ОМ, *Бузыкин, эпизод.*).

ЛЕТЕТЬ —...захожу ему в хвост. Как рубану! — Ножом? — Элероном. — Элероном? И что же? — Ну и хвост отрубил. — Ну, а он? — Кто, бяка? А он летит. — Ну и что же? — Да, ну, подожди, думаю. Тогда я делаю пике с набором высоты и подлетаю. Рык! Так весь фюзеляж вдребезги! — И он уже... — Ну, черт его знает, летит (НТ, *Туча, Булочкин, Валя*).

ЛЕТЧИК — И мама тоже обрадовалась, потому что когда пришло письмо, она целый день плакала, а раньше она говорила, что ты летчик-испытатель... — Летчик-налетчик! (ДУ, *Вася, Косой*).

ЛИЦО — Начальство надо знать в лицо! (ДЖК, *Зав. отделом*).

ЛИЧИКО — Гюльчатай, открой личико (БСП, *Петруха*).

ЛОВКОСТЬ — Запомни, сынок, главное в этом деле — ловкость рук и никакого мошенства! (ДХП, *Петренко*).

ЛОНДОН — Вот я Варвара Сергевна был в Лондоне, и там собаки гуляют везде. Собака — друг человека. — А я не знаю, как там в Лондоне, я не была, может, там собака друг человека, а у нас управдом — друг человека (БР, *Горбунков, Управдом*).

ЛУЧШЕ — Ну, будете у нас на Колыме... будете у нас на Колыме, милости просим. — Нет, уж лучше вы к нам (БР, *эпизод., Геша*).

ЛЫЖНИЦА — Я думаю, вам не помешает на недельку съездить в Инсбрук. Там казино работают, юные лыжницы по-прежнему катаются с гор (СМВ-II, *Штирлиц*).

ЛЮБОВЬ — Хочешь большой, но чистой любви? — Да кто ж ее не хочет! — Тогда приходи, как стемнеет, на сеновал (ФЛ, *Маргадон*).

МАГАРЫЧ — Кирпич на кирпич, гони, бабка, магарыч! (НПБ, *эпизод.*).

МАДАМ — О, зеер гуд, пардон мадам! (СМ, *Яшка*).

МАК — Вот с маком. — Люблю со смаком! (СМ, *Комариха, Яшка*).

МАЛЬЧИК — Товарищи, здесь карают государственных преступников? — Здесь, здесь. Проходи, мальчик (НЧ, *Начальник Чукотки, эпизод.*).

МАСТЕР — Может быть, вы наконец меня представите! — Простите, Велюров, сосед. — Сосед! Мастер художественного слова (ПВ, *Велюров, Хоботов*).

МАШИНА — Видал, какую машину изобрели! (ИВ, *Иван Васильевич*).

МЕСТКОМ — Кузя, я иду в местком, там меня поймут! (ДГ, *Свиристинская*).

МЕСТО — Деточка, а вам не кажется, что ваше место возле параши?! (ДУ, *эпизод.*).

МЕЧ — Идите и скажите всем в чужих краях, что Русь жива. Пусть без страха жалуют к нам в гости, но если кто с мечом к нам войдет, от меча и погибнет (АН, *Невский*).

МИЛАЯ — Здравствуй, милая моя, я тебя дождалси... (Т, *Савка*).

МИМО — Ваши трехдюймовые глазки путем меткого попадания в мое сердце... Словом, бац, бац! И мимо (СМ, *Яшка*); Бац! Бац! И мимо (Р, *Макаренко*).

МОЖНО — Можно, только осторожно (СА-I, *Анискин, Бережков*).

МОЗОЛЬ — Продолжаем, эйн-цвей-дрей! Ну, ходите побыстрей. Доннер-ветер, что за боль! На любимый на мозоль! (СМ, *Яшка*).

МОЛОКО — Молоко сладкое. — Кислое! — Сладкое! — Кислое! — Сладкое! — Кислое! — Не разобрал (СМ, *Гапуся, Трындычиха, Комариха, Нечипор*).

МОМЕНТ — Уно, уно, уно, ун моменто... (ФЛ, *Маргадон, Жакоб*).

МОРОЖЕНОЕ — Только не суетись: детям — мороженое... (БР, *Лелик*).

МОЧЬ — Ну, могём! — Не могём, а могем! (БИС, *эпизод., Титаренко*).

МУЖ — Как говорит наш дорогой шеф, нет такого мужа, который хоть на час бы не мечтал бы стать холостяком. Следить за сигналом (БР, *Лелик*).

МУЗЫКА — Не долго музыка играла, не долго фраер танцевал (ПЛ, *Виктор Александрович*).

МУХА — Как говорят, котлеты отдельно, мухи отдельно (ПГА, *«Соболь»*).

МЫ — Пока у нас есть только одна зацепка. — Кэбмен? — Да. — Жаль, что мы не успели заметить его номер. — Не мы, а вы, дорогой друг (СБ-I, *Холмс, Ватсон*).

НАБЛЮДАТЬ — Я лично ничего смешного на горизонте не наблюдаю (Врт, *Карасик*).

НАКОРМИТЬ — Ты никак грамотная, ты там все прочитала? — Все. — Не видать. Там написано: одень, обуй, накорми и будь с ним ласкова. Ласкова, понимаешь (МВ-V, *Шарапов, эпизод.*).

НАПИТЬСЯ — Тетя, дайте напиться, а то так есть хочется, что и переночевать негде (БС, *эпизод.*).

НАЧАЛЬСТВО — С начальством, Кошкин, не спорят! (ППА, *эпизод.*); Начальству видней (ЗЗТ-I, *Васков*); Ты начальство, тебе видней (ДР-I, *эпизод.)*; Вам виднее, вы начальство (ДР-I, *эпизод.)*; Начальство надо знать в лицо! (ДЖК, *Зав. отделом*).

НАШ — Наш человек! (ЕЗР, *эпизод.*); Не наш человек! (ЕЗР, *эпизод.*).

НАЯДА — Наяда моя! (ПВ-I, *Велюров*).

НЕДОРЕЗАННЫЙ — Шаляпин недорезанный! (РШ, *Янкель*).

НЕМОЙ — Когда я ем, я глух и нем (ДП, *эпизод.)*.

НЕСУРАЗНЫЙ — Ох, я вся такая несуразная, вся угловатая такая, такая противоречивая вся! (ПВ-II, *эпизод., Костик*).

НЕТ — Нет, нет, нет и еще раз да! (ОНО, *Генерал*).

НОЖКИ — Ножки... как у козы рожки (ВСЖ, *Брагин*).

НОЛЬ — Ноль внимания, кило презрения! (МИ, *Тараканов*).

НОРДИЧЕСКИЙ — Характер — нордический, отважный, твердый (СМВ-I, *от автора,* Характеристика на Шелленберга); Характер — нордический, сдержанный (СМВ-I, *от автора,* Характеристика на Штирлица).

НУЖНЫЙ — Скажешь: «Вам билетер требуется?». Он: «Был нужен, да уже взяли». Ты: «А, может, и я на что сгожусь?». Он: «Может, и сгодишься» (НПН, *эпизод.)*.

ОБРАТИТЬСЯ — Попандопуло! — Я здесь, Гриша. — Обратись ко мне. — Можно. Пан атаман Грициан Таврический! (СМ, *Грициан, Попандопуло*).

ОБЫЧАЙ — Но учтите, обычай требует, чтоб все было натурально. Никто ничего не знает. Невеста будет сопротивляться, брыкаться, даже кусаться, звать милицию, кричать: «Я буду жаловаться в Обком!». Но вы не обращайте внимания. Это старинный красивый обычай (КП, *Аджабраил*).

ОВСЯНКА — Что это, каша что ли? — Овсянка, сэр (СБ-I, *Генри, Бэримор*).

ОПРАВИТЬСЯ — Вольно, разойдись! Можно оправиться и закурить (СМ, *Яшка*).

ОТВЕТСТВЕННЫЙ — У меня к вам будет небольшое, но ответственное поручение (КП, *Саахов*).

ОТКРЫТЬ — Гюльчатай, открой личико (БСП, *Петруха*).

ОТОРВАТЬ — Токо смотри, не подведи! А то я тебе оторву голову и скажу, что так и було! (СМ, *Попандопуло*).

ОТСОХНУТЬ — Да отсохнет его карбюратор во веки веков! (КП, *Эдик*).

ПАВЛИН — Павлины, говоришь?! Хх-хы! (БСП, *Сухов*).

ПАРДОН — О, зеер гуд, пардон мадам! (СМ, *Яшка*).

ПЕДАЛЬ — Ну, ребята, крути педалями! (ПрЛт, *эпизод.*).

ПЕРЕНОЧЕВАТЬ — Тетя, дайте напиться, а то так есть хочется, что и переночевать негде (БС, *эпизод.*).

ПЕТЬ — Сэ-эр! — Сэ-эр! — Что вы будете пе... пе... пе-пе... — Пе-еть. — Сэр. — А что вы будете игра-гра-гра... –...грать! — Сэр (ТЛС-I, *эпизод., Харрис*).

ПИОНЕР — Ребята! Пионеры наших бьют! (РШ, *эпизод.*).

ПИОНЕРСКИЙ — Больше не буду, честное пионерское! (ВЗУ, *Савченко*).

ПИСАРЬ — У нас писарь в уезде был, в пачпортах год рождения одной только циферкой обозначал. Чернила, шельмец вишь, экономил (ФЛ, *Доктор*).

ПИТЕРСКИЙ — Кто это? — Никола питерский (ДУ, *Евгений Иванович, Хмырь*).

ПИТЬ — Хватит, хватит! Шампанское по утрам пьют или аристократы, или дегенераты (БР, *Лелик*); Семенов, водку пить будешь? — Водку?... Водку... буду (ОНО, *Кузьмич, Семенов*); Пить можно, голубчик, пить можно. Молоко, знаете, ситро, понимаете там, фруктовые воды. Квас в неограниченном количестве (НТ, *Профессор*).

ПЛАВАТЬ — Общество «Трудовые резервы»! Светлана! Мастер спорта, прекрасно плавает на спине! (ПВ-I, *Костик*).

ПЛЯЖ — Не, ну, наболело, капитан! Он выступает, как директор пляжа! Посол! (ШМ, *Суходрищев*).

ПОГИБНУТЬ — Скажите, если я погибну, пусть считают меня коммунистом. — А если погибнут они? — Тогда пусть их считают коммунистами (ДХП, *Соколов, Мери*).

ПОГЛЯДЕТЬ — Вон у Бричкиной такая же конституция, как у нас у всех, а все при всем. Есть на что приятно поглядеть (ЗЗТ-I, *Гурвич*).

ПОДАРИТЬ — Не ссорьтесь! Я тебе подарю прялку. — А что это такое? — Посмотришь, тебе понравится (ВЛА, *Мать Аладдина, Будур*).

ПОДРАТЬСЯ — Вы еще подеритесь, горячие финские парни! (ОНО, *Генерал*).

ПОДУМАТЬ — Я этого коня для Красной армии готовлю, не всякому бойцу дам, а не то шо тоби. — Подумаешь! — Подумаешь, да не скажешь! (ОТС, *Генка, Трубачев*).

ПОЖИТЬ — Ни тебе пожить, ни тебе помереть спокойно не дадут (АН, *Василий Буслаевич*).

ПОМЕРЕТЬ — Ни тебе пожить, ни тебе помереть спокойно не дадут (АН, *Василий Буслаевич*).

ПОМНИТЬ — Суд помню, как шлем брали помню, в середине — отрезало. — Так не бывает, тут помню, тут не помню. — Бывает. Я вот раз надрался, проснулся в милиции — ничего не помню (ДУ, *Евгений Иванович, Хмырь, Косой*); Слушайте, заткнитесь, пожалуйста. Устроили тут ромашку: помню — не помню, дайте спать (ДУ, *Вася*).

ПОНОСИТЬ — Ну, поносил, ну, дай другому поносить! (СМ, *Попандопуло*).

ПОНРАВИТЬСЯ — Не ссорьтесь! Я тебе подарю прялку. — А что это такое? — Посмотришь, тебе понравится (ВЛА, *Мать Аладдина, Будур*).

ПОНЯТЬ — Так понять его, надежа-царь, немудрено. Они Кемскую волость требуют (ИВ, *Феофан*).

ПОПИТЬ — У нас вот так вот как раз, в 57-й квартире старушка одна тоже зашла. Попить воды попросила. Попила воды. Потом хватилися — пианины нету! (П, *Ариша*).

ПОПУГАЙ — Пиастры! Пиастры! (ОС-II, *эпизод.*); Государю императору — ура! (ДР-I, *эпизод.*); Тараканову — ура! (ДР-I, *эпизод.*).

ПОРУЧЕНИЕ — Вот это и есть то маленькое, но ответственное поручение (КП, *Саахов*).

ПО-СЛАВЯНСКИ — Зинаида, подскажи мне что-нибудь по-славянски. — Паки. — Паки, паки, иже херувимы (ИВ, *Якин, Зина*).

ПОСЛЕДНИЙ — Ну, за систему Станиславской! Дай бог, не последнюю (ДГ, *Мамин*).

ПОСОБИЕ — Слушай, ты! Тебе что говорят, ты то и делай! А то я тебя враз уволю без выходного пособия, буржуй недобитый! (МД, *Степан*).

ПОСОВЕТОВАТЬСЯ —...мы здесь посоветовались и решили... (КП, *Саахов*).

ПОСТРОИТЬ — Ежели один человек построил, другой завсегда разобрать может (ФЛ, *Степан*).

ПОТЕРЕТЬ — Потрите мне спинку, пожалуйста, ну, пожалуйста, что вам трудно что ли, ну, не хотите, как хотите, что же я могу поделать... (ИС-II, *Ипполит*).

ПОТРОШКИ — Эх, сейчас бы супчику, горяченького да с потрошками, а?! Шарапов, не отказался б ты от горяченького супчику да с потрошками? (МВ-IV, *Жеглов*).

ПРЕЗРЕНИЕ — Ноль внимания, кило презрения! (МИ, *Тараканов*).

ПРЕКРАСНЫЙ — Я не прекрасен, может быть, наружно, зато душой красив наверняка! (СА-I, *эпизод.*).

ПРИЙТИ — Какое счастье! Кто к нам пришел! (ПБ-II, *Базилио*).

ПРИЛАСКАТЬ — Вот вечером я тебя приласкаю. — Да видал я твои ласки в гробу! Мне Фокс сказал, если передам, что с ментами было, пять тыщ получу. Вот мне какая ласка нужна. За пять тыщ кто хошь приласкает (МВ-V, *эпизод., Шарапов*).

ПРИРОДА — Ты, шутка природы! (Р, *Макаренко*).

ПРИЯТНО — Вон у Бричкиной такая же конституция, как у нас у всех, а все при всем. Есть на что приятно поглядеть (ЗЗТ-I, *Гурвич*).

ПРОЛЕЗТЬ — А покойника куда? — В окошко. — Не пролезет. — Пролезет. — Нет. — Пролезет. — Нет, Тимофей Иванович, не пролезет (НЧ, *Начальник Чукотки, Храмов*).

ПРОТИВОРЕЧИВЫЙ — Ох, я вся такая несуразная, вся угловатая такая, такая противоречивая вся! (ПВ-II, *эпизод.*).

ПРОФЕССОР — Профессор, можно еще? (Ы-2, *эпизод.*).

ПРЯЛКА — Не ссорьтесь! Я тебе подарю прялку. — А что это такое? — Посмотришь, тебе понравится (ВЛА, *Мать Аладдина, Будур*).

ПТИЧКА — Птичку жалко (КП, *Шурик*).

ПУСТЯЧОК — Чем это он меня? Пустячок, а приятно (ОШТ, *Соколов*).

ПЬЯНЕТЬ — Положись на меня, я никогда не пьянею (ИС-I, *Друг-1*).

ПЬЯНЫЙ — Пан атаман, кони стоят пьяные, хлопцы запряженные! (СМ, *эпизод.*).

РАБОТА — Работа стоит, а срок идет (Ы-1, *Верзила*); Мне бы такой работы, чтобы поменьше работы (СМ, *Яшка*).

РАБОТАТЬ — Я вам так скажу, по-моему, где бы не работать, только бы не работать (В, *Бубенцов*).

РАЗВЕДЧИК — Как разведчик разведчику скажу вам... (ПдвР, *Штюбинг*).

РАЗВЕРНУТЬСЯ — А ну, сочини для меня что-нибудь такое, чтоб душа сначала развернулась, а потом обратно завернулась! (СМ, *Попандопуло*).

РАЗГУЛЯТЬСЯ — Жалко, королевство маловато, разгуляться мне негде. Ничего, я поссорюсь с соседями. Это я умею (3, *Мачеха*).

РАЗМЫШЛЕНИЕ — Информация к размышлению... (СМВ-II, *от автора*).

РЕАЛИЗМ — Как говорит наш дорогой шеф, в нашем деле главное — этот самый реализм (БР, *Лелик*).

РОМАШКА — Устроили тут ромашку: помню — не помню, дайте спать (ДУ, *Вася*).

РУБЛЬ — Понавыдумали всякой всячины, вот и возьми их за рубль тридцать! (АФ-I, *Анискин*);...в паспорте у него не написано, что он бандит, а, наоборот, написано, что он гражданин, живет по какому-нибудь Кривоколенному, 5, прописка у него имеется. Так что возьми его за рубь за двадцать (МВ-I, *Жеглов*).

РУКА — Чур, дома рукам воли не давать (АН, *Василий Буслаевич*).

РУСАЛКА — Я на русалках больше заработаю (Ы-3, *Трус*).

РУССКИЙ — Кац предлагает сдаться. — Русские не сдаются, товарищ Кац! (ДХП, *Кацман, Артист*).

РУЧКА — Вашу ручку, битте-дритте (СМ, *Яшка*).

САМОУБИЙЦА — Мадмуазель, медам, месье, «Русский самоубийца» — единственный неповторимый аттракцион «Русский самоубийца»! (КРИ-I, *эпизод.)*.

САПЕР — Сапер ошибается только раз (Тр, *Петр*).

СВАДЬБА — У них своя свадьба, у нас своя свадьба! (ТИП-III, *Юргин*).

СВЯЗИ — Связи связями, но надо же в конце концов и совесть иметь (3, *Король*); В связях, порочащих его, замечен не был (СМВ-I, *от автора,* Характеристика на Штирлица).

СВЯЗЬ — Связь будем держать так. Если вы нам понадобитесь... — Вы ко мне приедете. — Если мы вам будем нужны... — Я вызываю такси на свое имя. — Приеду я или мой помощник (БР, *Михаил Иванович, Горбунков*).

СГОДИТЬСЯ — Скажешь: «Вам билетер требуется?» Он: «Был нужен, да уже взяли». Ты: «А, может, и я на что сгожусь?» Он: «Может, и сгодишься» (НПН, *эпизод.)*.

СДАТЬСЯ — Кац предлагает сдаться. — Русские не сдаются, товарищ Кац! (ДХП, *Кацман, Артист*).

СДЕЛАТЬ — А теперь сделай так, чтоб я тебя потерял из виду (ВПР, *эпизод.*).

СЕКС — Теперь они выходят на улицу с картинками, какими хотят, а завтра... — А завтра с транспарантами. — А секса-то нет! (ЗМФ, *эпизод., Мясоедов*).

СЕЛЯНЕ — Здорово, селяне! (ФЛ, *Маргадон*).

СЕМЬЯНИН — Отличный семьянин (СМВ-I, *от автора,* Характеристика на Шелленберга, Характеристика на Крюгера; СМВ-VI, *от автора*, Характеристика на Рольфа).

СЕНО — Ишь устроился: сено, девочка! (БС, *эпизод.*).

СЕНОВАЛ — Хочешь большой, но чистой любви? — Да кто ж ее не хочет! — Тогда приходи, как стемнеет, на сеновал (ФЛ, *Маргадон*).

СЕРЕБРЯНЫЙ — Иван Иваныч, который час на моих серебряных? (СиП, *Кузьма*).

СИР — Сир, вы прекрасны, прекрасны! (ДТМ-I, *Ляшене*).

СИРОТКА — Селянка, у тебя бабушка есть? — Нету. — Сиротка, значит (ФЛ, *Маргадон, Фимка*).

СКАЗАТЬ — Я этого коня для Красной армии готовлю, не всякому бойцу дам, а не то шо тоби. — Подумаешь! — Подумаешь, да не скажешь! (ОТС, *Генка, Трубачев*); Шекспир по этому поводу сказал... (БИС, *Кузнечик*).

СЛАВЯНСКИЙ — Пароль для связи: «У вас продается славянский шкаф?» Отзыв: «Шкаф продан, есть никелированная кровать с тумбочкой» (ПдвР, *Лиза*).

СЛЕЗЫ — Пан Полонский, вчера водопровод не работал, и пиво было крепче. — Сегодня тоже водопровод не работает. — Откуда ж столько воды? — То не вода, пан, то мои слезы (ЩМ-II, *Зубов, Полонский*).

СЛОН — Русский слон — лучший друг финского слона (ОНО, *Сергей Олегович*).

СМАК — Вот с маком. — Люблю со смаком! (СМ, *Комариха, Яшка*).

СМЕШНОЙ — Я лично ничего смешного на горизонте не наблюдаю (Врт, *Карасик*).

СНЯТЬ — Снимите меня! — Снимаю! — Снимите! Снимите! — Снял! (ПрЛт, *Жэка, эпизод.*).

СОБАКА — А я не знаю, как там в Лондоне, я не была, может, там собака друг человека, а у нас управдом — друг человека (БР, *Горбунков, Управдом*).

СОВЕТСКИЙ — Ведь ты же советский человек! (ВД, *Чижов*).

СОЛДАТ — Донна Роза, я старый солдат и не знаю слов любви... (ЗВТ-I, *Френсис*).

СОЛОНКА — Хороший человек. — Солонку спер. — И не побрезговал (ФЛ, *эпизод.*).

СОН — Поистине сон не есть не сон, а не сон не есть сон. Итак, не про сон сказать, что это сон, все равно, что про сон сказать, что это не сон (ВЛА, *Наимудрейший*).

СОРОК — В сорок лет жизнь только начинается, это уж я теперь точно знаю (МСВ-II, *Катерина*).

СОСЕД — Может быть, вы, наконец, меня представите! — Простите, Велюров, сосед. — Сосед! Мастер художественного слова (ПВ, *Велюров, Хоботов*).

СПАСИБО — О-о, спасибо тебе, папаша, за доброту, за щедрость спасибо! (МВ, *Шарапов*); Сан Саныч, как вы себя чувствуете? — Спасибо, хреново (НВВ, *эпизод., Малешкин*).

СПИНА — Общество «Трудовые резервы»! Светлана! Мастер спорта, прекрасно плавает на спине! (ПВ-I, *Костик*).

СПИНКА — Потрите мне спинку, пожалуйста, ну, пожалуйста, что вам трудно что ли, ну, не хотите, как хотите, что же я могу поделать... (ИС-II, *Ипполит*).

СПОРТСМЕН — Великолепный спортсмен (СМВ-I, *от автора,* Характеристика на Шелленберга); Спортсмен (СМВ-I, *от автора,* Характеристика на Холтоффа); Отличный спортсмен: чемпион Берлина по теннису (СМВ-I, *от автора,* Характеристика на Штирлица).

СПОРТСМЕНКА — Это студентка, комсомолка, спортсменка, наконец, она просто красавица (КП, *Саахов*).

СРАМОТА — Ой, бабоньки, срамота-то какая! (ККП, *эпизод.*).

СТРОИТЬ — Ну, ломать — не строить (Тр, *эпизод.*).

СТУДЕНТКА — Это студентка, комсомолка, спортсменка, наконец, она просто красавица (КП, *Саахов*).

СУД — Да здравствует наш суд, самый гуманный суд в мире! (КП, *Трус*).

СУПЧИК — Эх, сейчас бы супчику, горяченького да с потрошками, а?! Шарапов, не отказался б ты от горяченького супчику да с потрошками? (МВ-IV, *Жеглов, Шарапов*).

СЧИТАТЬ — Скажите, если я погибну, пусть считают меня коммунистом. — А если погибнут они? — Тогда пусть их считают коммунистами (ДХП, *Соколов, Мери*).

СЫНОК — Запомни, сынок, главное в этом деле — ловкость рук и никакого мошенства! (ДХП, *Петренко*).

СЫТЫЙ — Откушать просим, доктор, чем бог послал. — Откушать можно. Коли доктор сыт, так и больному легче (ФЛ, *Феодосья Ивановна, Доктор*).

СЭР — Сэ-эр! — Сэ-эр! — Что вы будете пе... пе... пе-пе... — Пе-еть. — Сэр. — А что вы будете игра-гра-гра... —...грать! — Сэр (ТЛС-I, *эпизод., Харрис*); М-м, послушайте, м-м... — Бэримор, сэр. — Простите, Бэримор... (СБ-I, *Генри, Бэримор*).

ТАМБОВСКИЙ — Тамбовский волк вам товарищ! (ДлРм, *эпизод.*).

ТАНЦЕВАТЬ — Танцуют все! (ИВ, *Иван Васильевич*); Позвольте вас. — Она не танцует (НПН, *эпизод.).*

ТАПКИ — Чтоб ты издох! Чтоб я видел тебя в гробу в белых тапках! (БР, *Лелик*).

ТАРАНЬКА — Гражданочка, возьми тараньку. Солененькая! Да вы не стесняйтесь, зубками ее, зубками (СМ, *Петря*).

ТЕПЛО — Ты куда бежишь? — В Крым. — Зачем? — Ну, там тепло, там яблоки (ДР-I, *Макар, эпизод.).*

ТЕТУШКА — Вы знаете, я тетушка Чарли, из Бразилии, где в лесах много-много диких обезьян (ЗВТ-I, *Баберлей*).

ТЕТЯ — Тетя Саша, тетя Маша, тетя Даша! (ПрЛт, *Жэка*).

ТЕХНИКА — Видел чудеса техники, но такого! (ИВ, *Милославский*).

ТИШИНА —...глянул в стороны: гроб с покойничком летает над крестами, а вдоль дороги мертвые с косами стоять. И тишина (НМ, *Игнат*).

ТОЧКА — Здесь мы снова ставим точку. И опять конец куплета (НЛ-I, *Корина*); Тут мы ставим много точек, здесь у нас конец куплета (НЛ-II, *Дениза*).

ТРЕЗВЕННИК — Как говорит наш дорогой шеф, на чужой счет пьют даже трезвенники и язвенники (БР, *Геша, Лелик*).

ТРЕНЕРОВАТЬСЯ — Тренеруйся лучше... на кошках (Ы-3, *Балбес*).

ТРУБКА — Положь трубку! — Чего? — Положь трубку! — Чего, чего положь? — Трубку. — Не положу. — Ложи трубку. — А почему это? — Ложи трубку, я тебе говорю. Положи трубку! (ИВ, *Милославский, Иван Васильевич*).

ТРУДНО — Не трудно умереть за друга, трудно найти друга, за которого стоит умереть (ССС, *эпизод.*).

ТУРИСТ — Леди, сеньора, фрау, мисс, к сожалению, ничего не выйдет. Руссо туристо, облико морале, ферштейн? Все, быстренько (БР, *Геша*).

ТУРЦИЯ — Это у нас с ними цацкаются, на поруки берут, перевоспитывают, а надо, как в Турции в старину поступали. Посадят вора в чан с дерьмом, только голова торчит, и возят по городу. А над ним янычар с мечом, и через каждые пять минут как вжик мечом над чаном! Так что, если вор не нырнет, голова с плеч (ДУ, *Мальцев*).

ТУФЕЛЬКА — Э, да туфелька-то убежала от вас, красавица! (З, *Па-де-труа*).

ТЯЖЕЛО — Тяжело в учебе — легко на работе (Ы-3, *Трус*).

УБИТЬСЯ — Ай, какая женщина! Убиться можно! (ВР, *Потехин*).

УВОЛИТЬ — Слушай, ты! Тебе что говорят, ты то и делай! А то я тебя враз уволю без выходного пособия, буржуй недобитый! (МД, *Степан*).

УГЛОВАТЫЙ — Ох, я вся такая несуразная, вся угловатая такая, такая противоречивая вся! (ПВ-II, *эпизод., Костик*).

УМЕРЕТЬ — В общем, все умерли (ФЛ, *Жакоб*); Не трудно умереть за друга, трудно найти друга, за которого стоит умереть (ССС, *эпизод.*).

УПИТАННЫЙ — Упитанный, а не воспитанный (ВК, *Старушка-веселушка*).

УПРАВДОМ — А я не знаю, как там в Лондоне, я не была, может, там собака друг человека, а у нас управдом — друг человека (БР, *Управдом*).

УРА — Тараканову — ура! (ДР-I, *эпизод.*).

УСТАНОВКА — Товарищи, есть установка весело встретить Новый год (КН, *Огурцов*).

УСТРОИТЬСЯ — Ишь устроился: сено, девочка! (БС, *эпизод.*).

УЧЕБА — Тяжело в учебе — легко на работе (Ы-3, *Трус*).

УЧИТЬ — Чему вас только в школе учат?! (ДлРм, *Корольков*).

УЧИТЬСЯ — Принимайте работу. Учитесь, пока я жив (ОШТ, *Соколов*).

ФАТИМА — Погоди, Фатима! О-о, какая у тебя фатима! (ДХП, *Соколов*).

ФИАЛКА — Донна Роза, я старый солдат и не знаю слов любви, но когда я впервые увидел вас, донна Роза, я почувствовал себя утомленным путником, который на склоне жизненного пути узрел на озаренном солнцем поле нежную, донна Роза, нежную фиалку (ЗВТ-I, *Френсис*).

ФИГУРИСТКА — Кошечка, зачем ты здесь? — Я катаюсь. Я фигуристка (ДГ, *Свиристинский, Свиристинская*).

ФИНСКИЙ — Вы еще подеритесь, горячие финские парни! (ОНО, *Генерал*).

ФРАЕР — Не долго музыка играла, не долго фраер танцевал (ПЛ, *Виктор Александрович*).

ХАРАКТЕР — Характер, приближающийся к нордическому, стойкий (СМВ-I, *от автора,* Характеристика на Холтоффа; СМВ-III, *от автора*, Характеристика на Айсмана).

ХВАТИТЬСЯ — У нас вот так вот как раз, в 57-й квартире старушка одна тоже зашла. Попить воды попросила. Попила воды. Потом хватилися — пианины нету! (П, *Ариша*).

ХЕРУВИМ — Паки, паки, иже херувимы (ИВ, *Якин, Зина*).

ХИРОМАНТИЯ — Кончать надо с хиромантией, дружок! Пальцем искрить, вилки глотать в нашем возрасте уже не годится (ФЛ, *Доктор*).

ХЛОПЕЦ — Пан атаман, кони стоят пьяные, хлопцы запряженные! (СМ, *эпизод.*).

ХОЛОСТЯК — М-м! Как говорит наш дорогой шеф, нет такого мужа, который хоть на час бы не мечтал бы стать холостяком. Следить за сигналом (БР, *Лелик*).

ХОТЕТЬ — Аллё, Ларису Ивановну хочу (Ммн, *Мимино*).

ЦАРЬ — Ну, царь, вздрогнули (ИВ, *Милославский*); Здравствуйте, царь, очень приятно. Царь, очень приятно. Царь,очень приятно... (ИВ, *Иван Васильевич*).

ЦЕНТР — Центр — Юстасу... (СМВ-I, *от автора,* Из шифровки Штирлицу).

ЦЫГАН — Яшка-цыган, фамилии нет. — Как фамилии нет? Слыхал, фамилии нет! Цыган. Цыганков. Яков Цыганков. Не возражаешь? (НМ, *Яшка, Буденый*).

ЧЕРВОНЕЦ — Сан Саныч, давай червонец, пожалуйста, газовую керосинку буду покупать, а то тут плитка не горит совсем (ДУ, *Вася*).

ЧЕСТНЫЙ — Больше не буду, честное пионерское! (ВЗУ, *Савченко*).

ЧУКОТКА — Едешь-то откуда? — С Чукотки. — А куда? — На Чукотку. — Это почему? — Потому. Потому что земля круглая (НЧ, *эпизод., Начальник Чукотки*).

ШАЛЯПИН — Шаляпин недорезанный! (РШ, *Янкель*).

ШАМПАНСКОЕ — Хватит, хватит! Шампанское по утрам пьют или аристократы, или дегенераты (БР, *Лелик*).

ШАРОВАРЫ — Награжден красными революционными шароварами, товарищ командир (О, *эпизод., Трофимов*).

ШЕРСТЬ — Двадцать пять баранов в то время, когда наш район еще не полностью рассчитался с государством по шерсти и мясу. — А ты не путай свою личную шерсть с государственной (КП, *Саахов, Аджабраил*).

ШЕФ — Как говорит наш любимый шеф, если человек идиот, то это надолго! (БР, *Лелик*).

ШИРПОТРЕБ — Они не понимают, вы не ширпотреб, вы индпошив! (ВСЖ, *эпизод.*).

ШКАФ — Пароль для связи: «У вас продается славянский шкаф?». Отзыв: «Шкаф продан, есть никелированная кровать с тумбочкой» (ПдвР, *Лиза,* потом *эпизод.*).

ШТЫК — Начинай арбайтен! — Как штык, товарищ! (Пдр, *эпизод.*).

ШУТКА — Бамбарбия, киргуду. — Что он сказал? — Он говорит, если вы откажетесь, они вас зарежут. Шутка. — Шутка (КП, *Балбес, Шурик, Аджабраил*); Ты, шутка природы! (Р, *Макаренко*).

ЩЕДРОСТЬ — О-о, спасибо тебе, папаша, за доброту, за щедрость спасибо! (МВ, *Шарапов, Горбатый*).

ЩИ — Шарапов, не отказался б ты от горяченького супчику да с потрошками? — Я б сейчас с большим удовольствием бы щец навернул! (МВ-IV, *Жеглов, Шарапов*).

ЭЛЕМЕНТАРНО — Но почему последние слова написаны от руки? — Это элементарно, Ватсон, просто в передовице таких слов не было (СБ-I, *Холмс, Ватсон*).

ЯБЛОКО — Ты куда бежишь? — В Крым. — Зачем? — Ну, там тепло, там яблоки (ДР-I, *Макар, эпизод.*).

ЯЗВЕННИК — Как говорит наш дорогой шеф, на чужой счет пьют даже трезвенники и язвенники (БР, *Геша, Лелик*).

Однако использование киноцитат в качестве рефлекса на определенный стимул не является самоцелью, а представляет собой лишь механизм их порождения. Сам характер рассматриваемого цитирования обладает весьма широким функционально-стилистическим, структурно-текстовым и т. п. разнообразием, что позволяет не только формально представить, как это показано выше, данные цитаты, но и систематизировать и описать их. Прежде всего анализируемый материал позволяет выделить формально-текстовые разновидности цитат, основными из которых являются следующие.

АНАЛОГИЯ. Да что я! Вот полковника Петренко однажды посадили на кол. Враги. И ничего! С тех пор только выправка. Строже! (ДХП, *Соколов*); Да, это от души, замечательно, достойно восхищения. Ложки у меня пациенты много раз глотали, не скрою, но вот, чтобы так, за обедом на десерт и острый предмет?! (ФЛ, *Доктор*); У нас вот так вот как раз, в 57-й квартире старушка одна тоже зашла. Попить воды попросила. Попила воды. Потом хватилися — пианины нету! (П, *Ариша*); Как в Турции! (ДУ, *Евгений Иванович*); Один мой коллега любил говорить, что даже если собрать вместе девять беременных женщин, ребенок все равно не родится через месяц. Идея должна созреть (МС, *Хасс*); Когда я был маленьким, у меня тоже была бабушка... (ДП, *Дынин*); У них своя свадьба, у нас своя свадьба! (ТИП-III, *Юргин*); Так было и у Горелика. Двое пришли. Сели, поговорили... А теперь Горелик второй месяц сидит в ЧК (АЕП-II, *эпизод.*).

ВОПРОС. Ты куда шлем дел, лишенец? (ДУ, *Евгений Иванович*); Ну, вы будете жрать или нет? (ДУ, *Вася*); Кто такой? Откуда? Куда? Зачем? (СМ, *Назар*); Кто?... Куда?... Зачем?. (ККЗ, *эпизод.*); Товарищи, здесь карают государственных преступников? —

Здесь, здесь. Проходи, мальчик (НЧ, *Начальник Чукотки, эпизод.*); А «расстраивайся» через два Сы? — Через два, через два. — Ну, конечно, через два. Чему вас только в школе учат?! (ДлРм, *эпизод., Шмыгло, Корольков*); Ну, ну, кой черт занес вас на эти галеры? (ПВ-I, *Костик*); Леонид Семенович, как можно заниматься идиотизмом без руководителя? (ЗМФ, *Мясоедов*); Иван Иваныч, который час на моих серебряных? (СиП, *Кузьма*); Где ты ее откопал? (ВПР, *Люба*); Вы не скажете, сколько сейчас градусов ниже нуля? (Ы-3, *Турс*); Скажи, маленькая, что ты хочешь, чтоб тебе оторвали голову или ехать на дачу? (П, *Ляля*).

ВЫВОД. Селянка, у тебя бабушка есть? — Нету. — Сиротка, значит (ФЛ, *Маргадон, Фимка*); Я все понял, Жакоб. Все пришельцы в Россию будут гибнуть под Смоленском (ФЛ, *Маргадон*); Люди ждут. — Подождут. По ресторанам ходят, значит время есть (ДЖК, *эпизод.)*; Констебль, прошу. Прошу-прошу, прошу. Джин, бренди, ром. — Я на службе сэр. — Значит, виски (ЗВТ-I, *Джекки, эпизод.*).

ИКР[1]. О, зеер гуд, пардон, мадам! (СМ, *Яшка*); Ферштейн? — А как же! (СМ, *Яшка, Нечипор*); Савва Игнатьич, ты не забыл, что ты обещал запаять кастрюлю? Натюрлих, Маргарита Павловна! (ПВ-II, *Маргарита Хоботова, Савва Игнатьич*); Полный алес капут! (ПВ-II, *Савва Игнатьевич*); Отвечай что-нибудь, видишь человек надрывается. — Гитлер капут (ИВ, *Милославский, Иван Васильевич*).

КАЛАМБУР[2]. Ложись! — Не время, Феденька! (ДХП, *Соколов, Мери*); Снимите меня! — Снимаю! — Снимите! Снимите! — Снял! (ПрЛт, *Жэка, эпизод.*).

МАКАРОНИЗМЫ. По-немецки — цацки-пецки, а по-русски — бутерброд (РШ, *Мамочка*); Барта-барли, курзал. — Что он говорит? — Он говорит: приятного аппетита. Кушайте, кушайте (КП, *Бывалый, Шурик, Аджабраил*); Бамбарбия, киргуду. — Что он сказал? — Он говорит, если вы откажетесь, они вас зарежут. Шутка. — Шутка (КП, *Балбес, Шурик, Аджабраил*); Цигель, цигель, ай-лю-лю? — Ай-лю-лю потом (БР, *эпизод., Геша*); Цигель, цигель, ай-лю-лю! — Товарищи, товарищи, товарищи, хорошо бы ай-лю-лю, цигель, цигель, время, товарищи! (БР, *эпизод., Геша*); Кадияш масамат, юл, юл! Масамат мисимат, юл, юл! Мальвиал тимниат, юл, юл! Тимниат юл! (ВЛА, *Магрибец*); Ответ по-испански: «Буйнос айра, шлимазл бесса мемуча». Ничего? (НПН, *Буба*).

НЕПОНИМАНИЕ. Она этим самым обнаружила, что для нее социальный статус человека выше, чем его... мой... личный статус. — Переведи (МСВ-II, *Гоша, Николай*); Я интересуюсь, Гарпина До... До... — Дормидонтовна. — До-ре-ми-донтовна. Я интересуюсь, у вас бывают мигрени? — Нет, у нас никого не бывает. Одна только скука (СМ, *Яшка, Гапуся*).

ОТВЕТ. А что вы читаете? — Книжку (МСВ-I, *Гурин, Людмила*); Черт возьми, какая получается неприятность. Что же теперь делать, маркиз? — Танцевать, конечно (З, *Король, Па-де-труа*); Сядь. Скажи все-таки, что у тебя с рукой? — Подскользнулся, упал, закрытый перелом, потерял сознание, очнулся — гипс (БР, *Надя, Горбунков*); Ну, будете у нас на Колыме... будете у нас на Колыме, милости просим. — Нет, уж лучше вы к нам (БР, *эпизод., Геша*); Ты как здесь оказался? — Стреляли (БСП, *Сухов, Саид*); Скажите, вот это можно в руки взять? — Можно, только осторожно (СА-I, *Анискин, Бережков*); Кошечка, зачем ты здесь? — Я катаюсь. Я фигуристка (ДГ, *Свиристинский, Свиристинская*); Птичку жалко (КП, *Шурик*); К чему бы это? — Я думаю, к дождю (ЕРЛ, *Евдокимов, эпизод.*); Что это, каша что ли? — Овсянка, сэр (СБ-I, *Генри, Бэримор*); Да ты хоть закуси перед смертью. — А я после первого стакана не закусываю (СЧ, *эпизод., Соколов*); Тяжело? — Пробьемся! (О, *Трофимов, Варавва*); Сан Саныч, как вы себя чувствуете? — Спасибо, хреново (НВВ, *эпизод., Малешкин*); Лейтенант, возле самолета не курите. — А я не затягиваюсь (БИС, *эпизод.)*; Что с вами? — Ничего

особенного. Я сошла с ума (В, *Никитина, Маргарита Львовна*); Нравится? — Не-а! (РШ, *Мамочка*); Ну, как жизнь? — Бьет ключом. И все по голове (Вс, *Токмаков, Пасечник*).

ОФИЦИОЗ. Шурик, вы комсомолец? — Да. — Это же не наш метод (Ы-1, *Верзила, Шурик*); Маша, передайте это полковнику Петренко. Скажите, если я погибну, пусть считают меня коммунистом. — А если погибнут они? — Тогда пусть их считают коммунистами (ДХП, *Соколов, Мери*); Большое спасибо за сигнал. На этом отдельном отрицательном примере мы мобилизуем общественность, поднимем массы (КП, *Саахов*); Товарищи, есть установка весело встретить Новый год (КН, *Огурцов*).

ПЕРЕВОД. Эта песня о бедном рыбаке, который поплыл из Неаполя в бурное море. А его бедная девушка ждала на берегу. Ждала-ждала, пока не дождалась. Она сбросила с себя последнюю одежду и тоже бросилась в бурное море. И сия пучина поглотила ея в один момент. В общем, все умерли (ФЛ, *Жакоб*); Нет, кроме шуток, Лев Евгеньич! — Перестаньте, Костик, вечно... — Честное слово, Лев Евгеньич, получилось такое, знаете, теплое воспоминание о бесправной юности. — Оставьте меня, пожалуйста. — Тихо-тихо, я ее представил как диалог. Сначала вспоминает девушка: «Мой отец запрещал, чтоб я польку танцевала!». Хорошо? Мне тоже нравится. Лев Евгеньич, а потом вспоминает юноша, и что же выясняется? Он был в точно такой же ситуации: «Мой отец запрещал, чтоб я польку танцевал!». Как? — Волшебно! (ПВ, *Костик, Хоботов*); Михалыч, о чем ты его спрашивал? Надеюсь, без вашего этого... военно-специфического? — Он спрашивал, как пройти к музею Ленина (ОНО, *Женя, Лева*).

ПЕРЕДЕЛКИ. Кто не работает, тот ест (Ы-1, *Верзила*); От каждого по способности — каждому по труду в его наличных деньгах (БА, *Дима*); Граждане, храните деньги в сберегательной кассе, если, конечно, они у вас есть (ИВ, *Милославский*); А я не знаю, как там в Лондоне, я не была, может, там собака друг человека, а у нас управдом — друг человека (БР, *Горбунков, Управдом*); Как говорит наш дорогой шеф, Мыхал Иваныч, куй железо, не отходя от кассы (БР, *Лелик*); Запомни, сынок, главное в этом деле — ловкость рук и никакого мошенства! (ДХП, *Петренко*); Вот с маком. — Люблю со смаком! (СМ, *Комариха, Яшка*); Он молодой композитор. Корзиков. — О-о! Подумаешь, Римский-Корзиков! Хасбулат удалой! (ДГ, *Таня Федосова, Свиристинский*); Дают — бери, бьют — беги, потом разберемся (ВТ, *Мазин*); Кинстинтин (ВР, *эпизод.*); Значит, бунт на хуторе? — Как на броненосце в потемках (ККП, *Федот, эпизод.*).

ПОДСКАЗКА. Куда, куда... — Куда, куда... — Куда, куда!. (МИ, *эпизод.*); Сэр, кто будет разливать чай? — Кто же, как не я, самая старшая из присутствующих здесь дам. — Кто же, как не я, самая старшая из присутствующих здесь дам (ЗВТ, *Брассет, Джекки, Баберлей*); Советую переменить тему. — Советую переменить тему (ЗВТ, *Джекки, Баберлей*); Не хочет ли кто сахару или сливок. — А кто не хочет сахару или сливок? (ЗВТ, *Джекки, Баберлей*).

РКИ-1[3]. Как говорится русский пословиц: ваш поспел везде пострел! (ДХП, *Джек*); Здесь вам Юнайтет стейтс оф-таки Америка! (ШМ, *Покупатель алмаза*); Разрешите валять дальше, герр комендант? (НПБ, *эпизод.*); Что, что? Кемскую волость? — О, я, я, Кемска волость. О, я, я (ИВ, *Иван Васильевич, Посол*); Слушай, я русский язык нехорошо знаю (Ммн, *Хачикян*); Мери в небо улетай, до свидания, гудбай! Я лечу, хеллоу, гудбай! (Ц, *Марион*); Андрей, дом, где я спал, как называется, трезвеватель? — Вытрезвитель. — Вытрезвитель? — Да, да, вытрезвитель. — Спасибо (ОМ, *Билл, Бузыкин*).

РКИ-2[4]. Леди, сеньора, фрау, мисс, к сожалению, ничего не выйдет. Руссо туристо, облико морале, ферштейн? Все, быстренько (БР, *Геша*); Черт побери! Черт побери! Чьёрт

бье-ри (БР, *Геша*); Начинай арбайтен! — Как штык, товарищ! (Пдр, *эпизод.*); Импосибл, Райка, импосибл. — Посибл, посибл (Ц, *Марион, Раечка*).

СПОР. Молоко сладкое. — Кислое! — Сладкое! — Кислое! — Сладкое! — Кислое! — Не разобрал (СМ, *Гапуся, Трындычиха, Комариха, Нечипор*); А покойника куда? — В окошко. — Не пролезет. — Пролезет. — Нет. — Пролезет. — Нет, Тимофей Иванович, не пролезет (НЧ, *Начальник Чукотки, Храмов*); Что скажет визирь? — Пусть сначала наимудрейший. — Что скажет наимудрейший? — Поистине, пути всезнания неисповедимы, осознание знания есть признак незнания, осознание незнания... А почему я? — А почему я? (ВЛА, *Султан, Везирь, Наимудрейший*); Не царское это дело, не царское! — Волос длинный, а ум короткий. Царское это дело, царское! — Не царское! — Царское! — Не царское!... (ВК, *Маланья, Еремей*).

СРАВНЕНИЕ. Тонкая работа. Это тебе не шведов бить! (АН, *Невский*); Ножки... как у козы рожки (ВСЖ, *Брагин*).

УСЛОВИЕ. Если будете на Чукотке, передайте товарищу Зюкину... (НЧ, *Начальник Чукотки*); Ну, будете у нас на Колыме... (БР, *эпизод.*); Или вы выходите за меня замуж, или одно из двух! (МИ, *Тараканов*).

УТОЧНЕНИЕ. Пока у нас есть только одна зацепка. — Кэбмен? — Да. — Жаль, что мы не успели заметить его номер. — Не мы, а вы, дорогой друг (СБ-I, *Холмс, Ватсон*); Ваши условия. — Триста тридцать. — Согласен. — Каждому (Ы-3, *Директор базы, Балбес, Бывалый*); Да подожди ты. Как в Москву приехали, помнишь? — Нет. — Ну, поселились в каком-то курятнике. — Ну, а дальше? — Выпили. — Да, по... заткнись! Дядя к тебе приехал какой-то, вы толковали с ним во дворе. — Чей дядя? — Ну, ты говорил, что он гардеробщиком, в зале, концертном. — Не помню. Ну, а потом? — К барыге поехали. — Куда? — На бульвар. — Какой бульвар? Как называется? — Ну, где машины ходят, ну. — Адреса не назову, а так... а так помню (ДУ, *Хмырь, Евгений Иванович, Косой*); Ну, могём! — Не могём, а могем! (БИС, *эпизод., Титаренко*); Речь идет о даме, которую вы скомпрометировали. — Вы?! Мы скомпрометировали (ДТМ-I, *Арамис, д'Артаньян*).

Наряду с представленным выделяется особая группа киноцитат, используемых в речи для выражения эмоциональных состояний, волеизъявлений и т. п., наиболее частотными из которых являются следующие.

ВОЗМУЩЕНИЕ. Какое сказочное свинство! Я не могу больше оставаться в этом королевстве! (З, *Мачеха*); Жуткий город! Девок нет, в карты никто не играет, вчера в трактире украл серебряную ложку — никто даже не заметил, посчитали, что ее вообще не было (ФЛ, *Маргадон*); Варварская игра, дикая местность, меня тянет на родину (ФЛ, *Маргадон*); Варварские обычаи: ключи раздают, а замков нет (ФЛ, *Маргадон*); Не, ну, наболело, капитан! Он выступает, как директор пляжа! Посол! (ШМ, *Суходрищев*); Товарищ милиционер, что же это такое?! На совершенно живых людей наезжают. Безобразие (П, *Ляля*); Ой, бабоньки, срамота-то какая! (ККП, *эпизод.*).

ВОСХИЩЕНИЕ. Ведь с закрытыми глазами, а! (ПрЛт, *эпизод.*); Отличная фемина! (ФЛ, *Маргадон*); Высокие, высокие отношения! (ПВ-I, *Нина Орлович*); Ах, сплошное благоухание! (М, *Писарь*); Ну, могём! — Не могём, а могем! (БИС, *эпизод., Титаренко*); Видел чудеса техники, но такого! (ИВ, *Милославский*); Ай, какая женщина! Убиться можно! (ВР, *Потехин*); Гордость нашей фирмы! (МС, *Ладейников*); На ходу играют! Виртуозы! (ДП, *Дынин*).

ЖЕЛАНИЕ. Мне бы такой работы, чтобы поменьше работы (СМ, *Яшка*); Мне толстую! (СМ, *эпизод.*); Но насколько б было лучше, если б не было липучих, приставучих, надоедливых мужчин (ТЛС-I, *Энн*); Эх, как бы дожить бы до свадьбы-женитьбы и обнять любимую свою (АП, *Василий*); Эх, сейчас бы супчику, горяченького да с потрошками, а?! Шарапов, не отказался б ты от горяченького супчику да с потрошками? — Я б сейчас с большим удовольствием бы щец навернул! (МВ-IV, *Жеглов, Шарапов*).

ЗАПРЕТ. Прекратите обниматься, вы что забыли, что находитесь в общественном месте! (МСВ-I, *эпизод.).*

ПРЕДПИСАНИЕ. Кончать надо с хиромантией, дружок! Пальцем искрить, вилки глотать в нашем возрасте уже не годится. И с барышнями поаккуратней. Мраморные, не мраморные, наше дело сторона: сиди на солнышке, грейся (ФЛ, *Доктор*); Пить можно, голубчик, пить можно. Молоко, знаете, ситро, понимаете там, фруктовые воды. Квас в неограниченном количестве (НТ, *Профессор*); Вот что, товарищ, вы пройдите в больницу, собаку — на живодерку, а хозяйку — под суд! (ЯШМ, *эпизод.*).

ПРИЗЫВ-ПОБУЖДЕНИЕ. Ребята! Пионеры наших бьют! (РШ, *эпизод.*); Танцуют все! (ИВ, *Иван Васильевич*); Ну, ребята, крути педалями! (ПрЛт, *эпизод.*); Товарищи, давайте жить дружно! (ПСН, *Николай Павлович*); Наших бьют! (МД, *эпизод.*); От винта (БИС, *Титаренко*).

ПРИКАЗ. А ну, ручки! А ну, топай ножками! (СМ, *Попандопуло*); Напра-... За мной, барышни (БСП, *Сухов*); Алло! Гараж? Заложите кобылу (ВВ, *Бывалов*); Солдаты, во дворец босиком за королевской тещей шагом марш! Ура! (З, *Мачеха*).

СОЖАЛЕНИЕ. Жалко, королевство маловато, разгуляться мне негде. Ничего, я поссорюсь с соседями. Это я умею (З, *Мачеха*).

ТРЕБОВАНИЕ. А компот? (Ы-1, *Верзила*); Ты куда звонить собрался? — В милицию. — Положь трубку! — Чего? — Положь трубку! — Чего, чего положь? — Трубку. — Не положу. — Ложи трубку. — А почему это? — Ложи трубку, я тебе говорю. Положи трубку! (ИВ, *Милославский, Иван Васильевич*); Эй ты, ты зачем мои вещи выбросил? — Ты это, ты того! — Чего того? — Давай, давай, не безобразничай. — Так это ж доцент! Здорово! Здорово! А ну канай отсюда! — Точно. Канай. И пусть канает отсюда, а то я ему рога поотшибаю, пасть порву, моргалы выколю! (ДУ, *Вася, Евгений Иванович, Косой*); Ключ! (ККЗ, *эпизод.*); А теперь сделай так, чтоб я тебя потерял из виду (ВПР, *эпизод.*).

УДИВЛЕНИЕ. Так вот вы какой, Иоганн Себастьян Бах! Веселый толстый человек! (АИС, *Антон Иванович*); Так вот вы какие! — Какие это такие? (АП, *Пархоменко, Василий*); Так вот ты какая, Марьяна Бажан! (Т, *Клим*); Так вот вы какие, чародеи, изобретатели волшебной палочки! (Чр-II, *Иван*); Так вот ты какой, Сева Малютин! (ОТС, *эпизод.*); Мистика! (ПР, *Старпом*).

В то же время широкое функционально-стилистическое разнообразие проявляется, в частности, в постоянной актуализации и определенной трансформации традиционных и появлении совершенно новых обиходно-бытовых мини-жанров и ситуативно-этикетных форм разговорной речи, основными из которых являются следующие.

АВТОПОРТРЕТ. Девочка, как девочка. И даже очень красивая. Со всех, со всех сторон. Я девочка шутливая, веселая и милая, со всех сторон красивая, со всех, со всех сторон! (ККЗ, *Оля*); Чистота у тебя. И состряпаешь, и сошьешь! — Вязать умею и на машинке... (СА-II, *эпизод., Евдокия Мироновна*); Родился я в Месопотамии две тыщи сто двадцать пять лет тому назад (ФЛ, *Калиостро*); Я ж сама по медицине. Я уборщицей в по-

ликлинике работаю (ДлРм, *эпизод.*); Ой, я не знаю, я все думала, думала, зайти... не зайти... Ой! Но я на минутку. — О чем тут думать! Книги вас ждут. — Ох, я вся такая несуразная, вся угловатая такая, такая противоречивая вся! (ПВ-II, *эпизод., Костик*); А я не папина, а я не мамина, а я на улице росла... (Вс, *Катя*); Я, Клавдия Васильевна, ежедневно работаю над собой. От пяти до шести я обедаю, от шести до восьми работаю над собой. А потом я свободен и культурно развлекаюсь (МИ, *Тараканов*).

АФОРИЗМ. Работа стоит, а срок идет (Ы-1, *Верзила*); Жениться нужно на сироте! (БА, *Дима*); Восток — дело тонкое (БСП, *Сухов*); Я мзду не беру. Мне за державу обидно! (БСП, *Верещагин*); Не учи меня жить, лучше помоги материально (МСВ-I, *Людмила*); Жить, как говорится, хорошо. — А хорошо жить — еще лучше. — Точно (КП, *Трус, Балбес, Бывалый*); Как говорит наш дорогой шеф, на чужой счет пьют даже трезвенники и язвенники (БР, *Геша, Лелик*); Туз — и в Африке туз! (ДХП, *Петренко*); Не враг дал, сам ковал (АН, *эпизод.*); Каждый сам за себя стоит. Где спать легла, там и родина (АН, *эпизод.*); Без любви, Евдокия Мироновна, как говорится, и заяц скакать не может (АФ-I, *Геннадий Николаевич*); В нашей стране нет бедных и богатых, у нас все трудящиеся (ЗМ, *Косов*); Откушать можно. Коли доктор сыт, так и больному легче (ФЛ, *Доктор*); В тайге, Нюра, закон правильный: либо ты ешь, либо тебя съедят (ХТ, *Рябой*); Русский слон — лучший друг финского слона (ОНО, *Сергей Олегович*); Начальству видней (ЗЗТ-I, *Васков*); Начальство надо знать в лицо! (ДЖК, *Зав. отделом*); Ленинград — город маленький, Андрей Палыч (ОМ, *Бузыкин, эпизод.*); Значит, разобрать развалины замка. Ну, ломать — не строить (Тр, *эпизод.)*; Сапер ошибается только раз (Тр, *Петр*); Как говорят, котлеты отдельно, мухи отдельно (ПГА, *«Соболь»*); Занимайте места согласно купленным билетам (МИ, *Тараканов*).

БАЙКА. Я уезжаю... Искать могилу Тамерлана (ПВ-II, *Костик*); В понедельник виллу начинаю строить на Ленинских горах. Этажа на четыре. С парком, конечно (ШМ, *Кроликов*); А еще я видел сон, что учу крокодилов читать по-фарсидски. А еще я видел сон, будто я минарет, а на моей голове кричат муэдзины: и-э, и-э, и-э... А еще я видел сон, что мои волосы ушли на базар покупать гребешок (ВЛА, *Наимудрейший*); И у всей команды и даже у тигров на глазах были вот такие слезы (ПР, *Шулейкин*); Я ему сам поначалу не поверил, а глянул в стороны: гроб с покойничком летает над крестами, а вдоль дороги мертвые с косами стоять. И тишина (НМ, *Игнат*).

БЛАГОДАРНОСТЬ. Сколько ж ты мне денег дашь, если завтра за этим столом Фокс сидеть будет? — Десять кусков. — О-о, спасибо тебе, папаша, за доброту, за щедрость спасибо! Значит, если я стукач, зарежете вы меня, а если я всю вашу компанию спасу, так десять кусков получу — двадцать бутылок водки смогу купить. Спасибо тебе папаша за доброту твою не... и за щедрость спасибо, и за ласку, которую Фокс мне обещал, за все тебе спа... (МВ, *Шарапов, Горбатый*); Спасибо тебе, Саша, за уху! (ВД, *Нестратов*); Благодарю вас! О, благодарю! Мне было так хорошо! (ПВ-I, *Хоботов*); Благодарю вас. Как за что?! «За тайные мучения страстей!» Еще за что? М-м. «За горечь слез, отраву поцелуя!» (ПВ, *Костик*); Ой, спасибо, Будулай батькович, уважили! (Цгн-I, *Катька*).

ВОСПОМИНАНИЕ. Помню, приходит ко мне одна. Просит выгравировать надпись. — На чем? — На часах. А надпись была такая: «Спасибо за сладостные секунды!» Ну, я спрашиваю: артисту? «Нет!» Писателю? «Нет!» — А кому? — Оказалось мужу. — Ну, конечно, Савва, тебе как молодожену такие истории утешительны (ПВ-II, *Савва Игнатьич, эпизод., Костик*); О! Вспомнил! Ведь это не меня повесили. Того повешенного-то как звали, а? — Ванька-разбойник. — Ага, а я — наоборот, Жорж. Тот бандит просто мой однофамилец (ИВ, *Милославский, Феофан*); Суд помню, как шлем брали помню, в середине — отрезало. — Так не бывает, тут помню, тут не помню. — Бывает.

Я вот раз надрался, проснулся в милиции — ничего не помню. Ну, думаю... (ДУ, *Евгений Иванович, Хмырь, Косой*).

ДИАГНОЗ. На что жалуемся? — На голову жалуется. — Это хорошо. Легкие дышат, сердце стучит. — А голова? — А голова — предмет темный и исследованию не подлежит. — Мудро (ФЛ, *Доктор, Феодосья Ивановна*); ...организм ваш, батенька, совсем расстроен неправильным образом жизни. Печень вялая, сердечко шалит. Как вы с ним две тыщи лет протянули, не пойму! (ФЛ, *Доктор*); Белая горячка. — Да, белый, горячий, совсем белый (КП, *Врач, Саахов*); Потом вышел врач, говорит: умерла, дедушка, твоя бабушка (ЛГ, *Дядя Митя*).

ДОВОД. Какая же это работа, безобразие, мазня, Мясоедов! — Секса нет (ЗМФ, *Ярослав Степанович, Мясоедов*); Теперь они выходят на улицу с картинками, какими хотят, а завтра... — А завтра с транспарантами. — А секса-то нет! (ЗМФ, *эпизод., Мясоедов*).

ДОКЛАД. Пан атаман, кони стоят пьяные, хлопцы запряженные! (СМ, *эпизод.*).

ЖАЛОБА. Гриша! Дай ты мне на одно сомненье ответ. Ты наблюдал: эта врангелевская морда била мене в морду! (СМ, *Попандопуло*); А что мне делать? Маргарита Хоботова ее не одобрила, вот и верчусь. В своем не молодом уже возрасте веду иллюзорный образ жизни: хожу в кино на последний сеанс, три раза был в оперетте... (ПВ-I, *Хоботов*).

ЗАВЕРЕНИЕ. Спокойно, спокойно, доктора наук, кандидаты, шашлык — все настоящее, и говорили они чистую правду (МСВ-II, *Гоша*); Товарищи, Серега больше не будет (ПСН, *Николай Павлович*); Положись на меня, я никогда не пьянею (ИС-I, *Друг-1*); Больше не буду, честное пионерское! (ВЗУ, *Савченко*).

ЗАЗЫВ. Налетай, торопись, покупай живопись (Ы-3, *Трус*).

ЗАКЛИНАНИЕ. Кадияш масамат, юл, юл! Масамат мисимат, юл, юл! Мальвиал тимниат, юл, юл! Тимниат юл! (ВЛА, *Магрибец*); Крэкс, пэкс, фэкс! (ПБ-II, *Базилио*).

ЗАМЕЧАНИЕ. Ваше величество! — Что? — Ковырять в носу неприлично (ККЗ, *Оля, Яло, Йагупоп*).

ЗАЧИН. В то время, как наши космические корабли бороздят просторы вселенной... (Ы-1, *Прораб*); У меня к вам будет небольшое, но ответственное поручение (КП, *Саахов*); А еще скажу вам, разлюбезная Екатерина Матвевна... (БСП, *Сухов*); Запомни, сынок, главное в этом деле... (ДХП, *Петренко*); Вот какая ситуация. Музыки я не знаю, слов тоже, но содержание такое... (ДГ, *Покупатель*); Информация к размышлению... (СМВ-II, *от автора*); Юстас — Алексу... (СМВ-III, *от автора*);...мы здесь посовещались и решили, что... (КП, *Саахов*); Вот был случай в Японском море... — Сашко, давай «Однажды в Крыму». — О! Однажды в Крыму пошли мы в поиск за языком... (Р, *Макаренко, эпизод.*); Как разведчик разведчику скажу вам... (ПдвР, *Штюбинг*); Шекспир по этому поводу сказал... (БИС, *Кузнечик*); Хочешь верь, хочешь не верь, а дело было так (ПР, *Шулейкин*); Когда я был маленьким, я... (ДП, *Дынин*).

ЗНАКОМСТВО. Гоша. — Николай. — Как там погода? — С утра шел дождь. — А что вообще в мире делается? — Стабильности нет. Террористы захватили самолет (МСВ-II, *Гоша, Николай*); Девушка, а девушка, а который час? — Шесть пятнадцать. — Девушка, а девушка, а как вас зовут? — Таня. — А меня Федя. — Ну и дура (ДУ, *Косой, эпизод.*).

КЛЯТВА. Да ты что, не помнишь ничего? — Не помню, в поезде я с полки упал, башкой вниз, ударился, тут помню, тут — ничего. — Обзовись. — Век воли не видать (ДУ, *Косой, Евгений Иванович*); Больше не буду, честное пионерское! (ВЗУ, *Савченко*); Поклянись. — Чтоб я сдох! Иди, начерти пару формул (СМВ-XII, *эпизод., Штирлиц*).

КОМАНДА. Вольно, разойдись! Можно оправиться и закурить (СМ, *Яшка*).

КОМПЛИМЕНТ. Погоди, Фатима! О-о, какая у тебя фатима! (ДХП, *Соколов*); Фатима, какая у тебя фатима! (ДХП, *Мери*); Да, мастер ты был — первый класс! Это я могу тебе сказать утвердительно (ПВ-II, *эпизод.*); Они не понимают, вы не ширпотреб, вы индпошив! (ВСЖ, *эпизод.*); Сир, вы прекрасны, прекрасны! (ДТМ-I, *Ляшене*).

КОНЦОВКА. Спасибо за внимание! Если что не так, извините (ПрЛт, *Муравей*); Здесь мы снова ставим точку. И опять конец куплета (НЛ-I, *Корина*); Тут мы ставим много точек, здесь у нас конец куплета (НЛ-II, *Дениза*); Вот это и есть то маленькое, но ответственное поручение (КП, *Саахов*).

ЛОЗУНГ. Свободу Юрию Деточкину! (БА, *Семен Васильевич*); Да здравствует наш суд, самый гуманный суд в мире! (КП, *Трус*); Кац предлагает сдаться. — Русские не сдаются, товарищ Кац! (ДХП, *Кацман, Артист*); Когда я ем, я глух и нем (ДП, *эпизод.*).

МЕНЮ. Як вам подадуть на перше капусту с водою, а на друге — капусту без воды, а на третье — воду без капусты, так вона вам ночью приснится (ХПБ, *эпизод.*).

НАПОМИНАНИЕ. Да подожди ты. Как в Москву приехали, помнишь? — Нет. — Ну, поселились в каком-то курятнике. — Ну, а дальше? — Выпили. — Да, по... заткнись! Дядя к тебе приехал какой-то, вы толковали с ним во дворе. — Чей дядя? — Ну, ты говорил, что он гардеробщиком, в зале, концертном. — Не помню. Ну, а потом? — К барыге поехали. — Куда? — На бульвар. — Какой бульвар? Как называется? — Ну, где машины ходят, ну. — Адреса не назову, а так... а так помню (ДУ, *Хмырь, Евгений Иванович, Косой*); Связь будем держать так: если вы нам понадобитесь... — Вы ко мне приедете. — Если мы вам будем нужны... — Я вызываю такси на свое имя. — Приеду я или мой помощник (БР, *Михаил Иванович, Горбунков*).

НАСТАВЛЕНИЕ. В квартиру всех пускать, никого не выпускать, в случае сопротивления открывайте огонь (МСВ-II, *Николай*); Запомни, сынок, главное в этом деле — ловкость рук, и никакого мошенства! (ДХП, *Петренко*); Чур, дома рукам воли не давать (АН, *Василий Буслаевич*); Ну-ка, смелее напрямик, с вашей фигурой — это шик! Раньше так, потом вот так. Да я плясать мастак! (СМ, *Яшка*); Свадьба сегодня вечером здесь. Будешь давать жизни! Токо смотри, не подведи! (СМ, *Попандопуло*); И не вздумайте обойтись без рефлетки и шаберов! (ПВ-I, *Савва Игнатьевич*); Личная просьба президента: не зазнавайтесь, товарищи. Не время сейчас для этого, сами должны понимать (ШМ, *Козюльский*); Только не суетись: детям мороженое, его бабе цветы (БР, *Лелик*); И не вздумай из себя изображать вора в законе. Ты маленький человек, лопушок, шестерка, понял?! (МВ-I, *Жеглов*).

НЕСОГЛАСИЕ. Если ты убийца Джека, то я попугай Сильвера! (ОС-III, *Джорж Мерри*); Я на русалках больше заработаю (Ы-3, *Трус*).

ОБЕЩАНИЕ. Вот через пару дней зайду, вот тогда вжикнет! (ДГ, *Пиротехник*); Не ссорьтесь! Я тебе подарю прялку. — А что это такое? — Посмотришь, тебе понравится (ВЛА, *Мать Аладдина, Будур*).

ОБЕЩАНИЕ-ЗАВЕРЕНИЕ. Если злой волшебник околдовал вас, я убью его! Если вы бедная, незнатная девушка, я только обрадуюсь этому. Принцессы все ломаки. Если вы не любите меня, я совершу множество подвигов и понравлюсь вам наконец! (З, *Принц*).

ОБРАЩЕНИЕ. Ну, граждане алкоголики, хулиганы, тунеядцы, кто хочет поработать? (Ы-1, *Суровый милиционер*); Ну, граждане дорогие, ну, товарищи мазурики! (МВ, *Шарапов*); Попандопуло! — Я здесь, Гриша. — Обратись ко мне. — Можно. Пан атаман Грициан Таврический! (СМ, *Грициан, Попандопуло*); Маруськи, пан атаман Грициан Таврический приглашает вас во дворец (СМ, *Попандопуло*); Тетя Саша, тетя Маша, те-

тя Даша! (ПрЛт, *Жэка*); Селянка, у тебя бабушка есть? (ФЛ, *Маргадон, Фимка*); Хайль Гитлер, друзья! (СМВ-IV, *Мюллер*); Ну, Коко! (НЛ-II, *Альфред*); Наяда моя! (ПВ-I, *Велюров*); Дочь наша, Бу-уду-ур! (ВЛА, *Султан*); Здорово, славяне! (НПБ, *эпизод.*); Ты, шутка природы! (Р, *Макаренко*); Кинстинтин (ВР, *эпизод.*); Аллё, Ларису Ивановну хочу (Ммн, *Мимино*); Людк, а Людк! (ЛГ, *Надя*); Жители сказочного королевства, а жители сказочного королевства... (З, *эпизод.*); Эй, интеллигенция, подбрось шарик! (ЕЗР, *эпизод.*).

ОБРАЩЕНИЕ-ПРЕДСТАВЛЕНИЕ. Георгий Иванович, он же — Гога, он же — Гоша, он же — Юрий, он же — Гора, он же — Жора здесь проживает? (МСВ-II, *Николай*); Ларичева Маня... а ну-ка, проверь, она же — Анна Ифедоренко, она же — Элла Коцнельбоген, она же — Людмила Огуренкова, она же... она же — Изольда Меньшова, она же — Валентина Понеяд, так? — Абсолютно точно. — Сводня, воровка, четырежды судимая, на левой руке голубь и три буквы АНЯ. — Точно (МВ-IV, *Жеглов, Шарапов*); Так, вы мне за все ответите. Я Иннокентий Шниперсон! — Он же — Автондил Калашников, он же — Алеша Муромец, он же — проповедник южно-корейской секты преподобного Муна Сунь-Хунь-в-Чай! (ШМ, *Шниперсон, Пискунов*).

ОБЪЯСНЕНИЕ-1. Но почему последние слова написаны от руки? — Это элементарно, Ватсон, просто в передовице таких слов не было (СБ-I, *Холмс, Ватсон*); Стреляете хорошо? — Наградим красными революционными шароварами, товарищ командир (О, *эпизод., Трофимов*); Пан Полонский, вчера водопровод не работал, и пиво было крепче. — Сегодня тоже водопровод не работает. — Откуда ж столько воды? — То не вода, пан, то мои слезы (ЩМ-II, *Зубов, Полонский*); Понимаешь, женщины-то кричат во время родов. — Я думала, что они поют песни. — Понимаешь, малыш, они ведь кричат на родном языке. На диалекте той местности, где родились. Значит, ты будешь кричать «мамочка» по-рязански (СМВ-III, *Штирлиц, Кэт*); Ты куда бежишь? — В Крым. — Зачем? — Ну, там тепло, там яблоки (ДР-I, *Макар, эпизод.*); Я так и думал. К великому сожалению, вся твоя беда в том, что ты много знаешь (АЕП-II, *Бинский*).

ОБЪЯСНЕНИЕ-2. Гриша, и шо я в тебя такой влюбленный?! (СМ, *Попандопуло*); Ваши трехдюймовые глазки путем меткого попадания зажгли огнедышаший пожар в моем сердце. Словом, бац-бац! И в точку! (СМ, *Яшка*); Видите ли, мисс Энни, на протяжении жизненного пути каждого мужчины встречаются роковые мгновения, когда он беспощадно рвет — ой! — со своим прошлым и в то же время трепещущей рукой грядущего срывает таинственный покров будущего. — Конечно. Объясните. — Чего? — Очень туманно (ЗВТ-I, *Чарли, Энни*); Донна Роза, я старый солдат и не знаю слов любви, но когда я впервые увидел вас, донна Роза, я почувствовал себя утомленным путником, который на склоне жизненного пути узрел на озаренном солнцем поле нежную, донна Роза, нежную фиалку (ЗВТ, *Френсис*).

ОПРАВДАНИЕ. Мне в детстве очень трудно давалась арифметика! (ККЗ, *Обер-повар*); Ваше величество! — Что? — Ковырять в носу не прилично. — Королю все прилично! (ККЗ, *Оля, Яло, Йагупоп*); Что с вами? Вчера вы вели себя более галантно! — Выпимши был! (ДХП, *Мери, Соколов*); Женщину тоже можно понять. Девушек водишь. Ей неприятно. — Да не вожу я! Это другое! Об этом не говорят! (ПВ-I, *Савва Игнатьевич, Хоботов*); Ну, что ж ты не отвечаешь? Люди, понимаешь, волнуются, а он молчит. — Да тут ко мне Геббельс заходил (НПБ, *эпизод., Зайцев*); Я все время звонил тебе, хотел сообщить, где я на... но почему-то телефон не соединялся, а потом это чертово такси никак не мог поймать, а потом мосты развели. Чего их разводят? Нева вот-вот замерзнет (ОМ, *Бузыкин*).

ОСКОРБЛЕНИЕ. Ах ты, змея! (З, *Мачеха*); Деточка, а вам не кажется, что ваше место возле параши?! (ДУ, *эпизод.*); Хам, быдло, пьянь... Сейчас поймешь, сейчас тебе все объяснят, не на таких нарвался... А ну, пошел отсюда, пошел, пошел, поворачивай оглобли. Пошел, я сказал! Пошел!... Бандюга, тюрьма по тебе плачет... Скобарь! Тварь узколобая! Дрянь! Быдло! Грязь из-под ногтей вычисти! (ВСЖ, *эпизод.*); Ты болван, Штайнглиц! (ЩМ-II, *Дитрих*); Шаляпин недорезанный! (РШ, *Янкель*); Клистирные отродки! (Ч, *Чапаев*).

ОТКАЗ. Девушка, а нельзя все это завернуть в два слоя бумаги, а то нам далеко везти. — С бумагой в стране напряженка! (МСВ-II, *эпизод., Людмила*); А шнурки тебе не погладить? (МСВ-II, *Людмила*); Леди, сеньора, фрау, мисс, к сожалению, ничего не выйдет. Руссо туристо, облико морале, ферштейн? (БР, *Геша*); Простите, девушка, можно я к вам присяду, чтоб не скучали. — Перебьешься! Я делегацию жду (ЗМ, *эпизод., Лариса*); А чтоб она не волновалась, завтра все равно это снимут, вы ей ничего не говорите о контрабандистах, золоте, бриллиантах. — Нет, на это я пойтить не могу! (БР, *Горбунков, Лелик*); Позвольте вас. — Она не танцует (НПН, *эпизод.*).

ПАРОЛЬ. Пароль? — План по валу. — Вал по плану. Проходи (Чр-II, *эпизод., Иван*); Пароль для связи: «У вас продается славянский шкаф?». Отзыв: «Шкаф продан, есть никелированная кровать с тумбочкой» (ПдвР, *Лиза,* потом *эпизод.*); Пароль старый — «Черт побери»? — Черт побери (БР, *эпизод.*); Скажешь: «Вам билетер требуется?». Он: «Был нужен, да уже взяли». Ты: «А, может, и я на что сгожусь?». Он: «Может, и сгодишься» (НПН, *эпизод.*).

ПОЖЕЛАНИЕ. Я всегда хотел, чтобы ты присоединился к нам, получил свою долю сокровищ и умер... в роскоши. Богатым джентльменом (ОС-III, *Сильвер*); Прощай, Светка! Желаю собрать все золото мира в спортивной борьбе! (ПВ-II, *Костик*).

ПОХВАЛА. Вот такой парень! Вот такой парень! (МСВ-II, *Николай*); Эх, хороша девка! (АН, *эпизод.*); Молодец, Штирлиц! (СМВ-III, *Штирлиц*); Как это у Пушкина было? «Ай, да Пушкин, ай, да сукин сын!» Ай, да Штирлиц! (СМВ-III, *Штирлиц*); Ой, и ловкий же ты парень! (СМ, *Нечипор*); Ты же вундеркинд! — А что это такое? — А черт его знает! (СМ, *Попандопуло, Назар*); Ваш Савва Игнатьич очень мил (ПВ-I, *Нина Орлович*); И шьет. — Да. — И готовит. — Да. — И печатает. — Да. — И стирает. — Да. — И спасает. — Да. — И мучает. — И любит (ОМ, *Бузыкин, Аллочка*); Вон у Бричкиной такая же конституция, как у нас у всех, а все при всем. Есть на что приятно поглядеть (ЗЗТ-I, *Гурвич*); Хороший ты человек, Кирим! (Д, *Абдулло*).

ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Предлагаю дружить домами. — Согласен. Встречное предложение: дружить семьями. — Интересная мысль (МСВ-II, *Гоша, Николай*); Да, это от души, замечательно, достойно восхищения. Ложки у меня пациенты много раз глотали, не скрою, но вот, чтобы так, за обедом на десерт и острый предмет?! Замечательно! За это вам наша искренняя сердечная благодарность. Ну, ежели, конечно, кроме железных предметов, еще и фарфор можете употребить, тогда просто слов нет (ФЛ, *Доктор*); Раз агента КГБ не удалось купить, есть предложение его убить, то есть уничтожить физически (ДХП, *Артист*); Кто стрелял? Вы стреляли? — Семенов, водку пить будешь? — Водку?... Водку... буду (ОНО, *Кузьмич, Семенов*); Давайте взвесимся на бруденшафт (ИС-I, *Павлик*).

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ. Вы еще подеритесь, горячие финские парни! (ОНО, *Генерал*); Свадьба сегодня вечером здесь. Будешь давать жизни! Токо смотри, не подведи! А то я тебе оторву голову и скажу, что так и було! (СМ, *Попандопуло*); Пигмей, ты плохо кончишь! (ЧН, *Чудак*); Скажите, Милочка, вы хотите, чтобы ваша жизнь пошла кувырком, чтобы она превратилась в хаос, где ежеминутно будут исчезать неведомо куда

квитанции, счета, деньги, чулки и галстуки, где в батареях каждый миг решительно все будет взрываться, вспыхивать, портиться и где вам навсегда предстоит вернуться в ледниковый период, но только без шкур, потому что шкур он вам достать не сможет! (ПВ-II, *Маргарита Хоботова*); У тебя слишком длинный язык. Он может повредить шее (ЩМ-II, *Лансдорф*).

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ. Это Вася, наш младший научный сотрудник (ДУ, *Хмырь*); Это товарищ Сухов. — Сухов, говоришь? Сейчас мы поглядим, какой это Сухов (БСП, *Верещагин, Петруха*); Познакомьтесь: Алексей Петрович Мухин. Некоторым образом, автор (АИС, *эпизод.*); Может быть, вы наконец меня представите! — Простите, Велюров, сосед. — Сосед! Мастер художественного слова (ПВ, *Велюров, Хоботов*) Когда прикажете подавать обед, сэр? — Э-э... простите, как вас?... — Бэримор! (СБ-I, *Бэримор, Генри*); Здравствуйте, царь, очень приятно. Царь, очень приятно. Царь, очень приятно. Здравствуйте, царь... (ИВ, *Иван Васильевич*); Яшка-цыган, фамилии нет. — Как фамилии нет? Слыхал, фамилии нет! Цыган. Цыганков. Яков Цыганков. Не возражаешь? (НМ, *Яшка, Буденый*); Называй меня просто... Маркизом (ДР-I, *Шиловский*); Хороша? Моя жена. Ну-ка, с-с-с, с-с! Констанция (ДТМ-I, *Буонасье*); Вы знаете, я тетушка Чарли, из Бразилии, где в лесах много-много диких обезьян (ЗВТ-I, *Баберлей*).

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ. Кузя, я иду в местком, там меня поймут! (ДГ, *Свиристинская*); Послушайте, молодой человек, моя специальность — чинить человеческие черепа, но у меня сейчас большое желание заняться обратным процессом (ВД, *Чижов*); Предупреждаю! Однажды ваш Костик вас удивит! (ПВ-I, *Велюров*); Смотрите, режиссер вам назначит штрафной удар (БА, *Следователь*); Варение золота из ртути. Хочу сразу предупредить: ртуть у нас кончилась (ФЛ, *Маргадон*); Я контуженный! Я чего угодно могу тебе сделать, мне ничего не будет! (ЯШМ, *Прохожий*).

ПРЕДЧУВСТВИЕ. Слушай, что-то мне не нравится здешний режим. Чует мое сердце, что мы накануне грандиозного шухера (СМ, *Попандопуло*).

ПРИВЕТСТВИЕ. О-о, какие люди и без охраны! (МСВ-I, *Людмила*); Здорово, отцы! (БСП, *Сухов*); И-и-здравствуйте (КП, *Саахов*); Здравствуйте, царь, очень приятно. Царь, очень приятно. Царь,очень приятно. Здравствуйте, царь... (ИВ, *Иван Васильевич*); Здравсьте, мальчики. — Здравсьте, девочки (БИС, *Маша, эпизод.*); Физкульт-привет! (ДУ, *Евгений Иванович*); Ой, кого я вижу! Хмыренок! (ДУ, *Евгений Иванович*); Ба! Да это ж знакомые мне лица! Ма-аня! (МВ-II, *Жеглов*); Ну, здравствуй, мил человек! Проходи, гостем будешь (МВ-V, *Горбатый*); Здравствуй, милая моя, я тебя дождалси (Т, *Савка*); Какое счастье! Кто к нам пришел! (ПБ-II, *Базилио*); Здорово, селяне! (ФЛ, *Маргадон*).

ПРИГЛАШЕНИЕ. Кушать подано, садитесь жрать, пожалуйста! (ДУ, *Вася*); Вашу ручку, битте-дритте (СМ, *Яшка*); Заходите, гражданин, я вас кашей накормлю! (СМ, *Яшка*); Ну, будете у нас на Колыме... будете у нас на Колыме, милости просим! (БР, *эпизод., Геша*); Откушать просим, доктор, чем бог послал (ФЛ, *Феодосья Ивановна*); Ну, здравствуй, мил человек! Проходи, гостем будешь (МВ-V, *Горбатый*).

ПРИЗНАНИЕ. Какой-то кретин проболтался. Кретин! — Агент Мери Старр, сообщаю государственную тайну: этот кретин — я! (ДХП, *Мери, Соколов*); Простите, вы будете обсуждать стихи или девушку? — Нет-нет, стихи я обсуждать не буду, а вот девушка мне понравилась (ЕРЛ, *эпизод., Евдокимов*); Товарищи, что хотите со мной делайте, но эту песню сочинила я (ВВ, *Письмоносица*).

ПРИСКАЗКА. Скажи мне на милость, Грицько! — Был Грицько, да весь вышел (СМ, *Нечипор, Грициан*); Из вашего казино? Было ваше — будет наше! (ДХП, *Соколов*); Скажи-

те, вот это можно в руки взять? — Можно, только осторожно (СА-I, *Анискин, Бережков*); Тетя Саша, тетя Маша, тетя Даша! (ПрЛт, *Жэка*); Между нами, девочками, говоря, я с вами давно уже попрощался (ХПБ, *Соболевский*); Слесарь! Я вон, понимаешь ли, печник, и то... — Печник! Сравнил, тоже мне! У меня работа тонкая, по чертежу, а у тебя! — А что у меня? — Кирпич на кирпич, гони, бабка, магарыч! (НПБ, *эпизод.*); Тетя, дайте напиться, а то так есть хочется, что и переночевать негде (БС, *эпизод.*); Чем это он меня? Пустячок, а приятно (ОШТ, *Соколов*); Понимаешь, королевство у нас маленькое, толковых людей не найдешь, вот так и мучаюсь: все сам да сам (ССС, *Король*); Милый Саша, я не ваша! (ВЗУ, *Зина*); Забодай вас (его, тебя) комар (Т, *Кирилл Петрович*); Ноль внимания, кило презрения! (МИ, *Тараканов*).

ПРОКЛЯТИЕ. Чтоб ты издох! Чтоб я видел тебя в гробу в белых тапках! (БР, *Лелик*); Чтоб ты жил на одну зарплату! (БР, *Лелик*); Да отсохнет его карбюратор во веки веков! (КП, *Эдик*).

ПРОСЬБА. Сан Саныч, давай червонец, пожалуйста, керосинка буду покупать, примус очень худой, пожар может быть (ДУ, *Вася*); Ну, поносил, ну, дай другому поносить! (СМ, *Попандопуло*); Простите, мне, право, неудобно беспокоить вас, но у меня трубы горят, умираю совсем. Будьте добры, презентовать малую сумму, простите за беспокойство. Ну, трубы горят, пожертвуйте... (ОНО, *эпизод.*); Ты хочешь остаться с нами? — Ваше величество, мечтаю, мечтаю, можно сказать, с детства. Усыновите (ЗС, *эпизод., Игнатий*); Товарищ человек, помоги найти выход! (Чр-II, *Гость с юга*); Поцелуй меня, пожалуйста, еще один разочек, чтобы я не заколдовалась обратно (ССС, *Принцесса*); Потрите мне спинку, пожалуйста, ну, пожалуйста, что вам трудно что ли, ну, не хотите, как хотите, что же я могу поделать... (ИС-II, *Ипполит*); Профессор, можно еще? (Ы-2, *эпизод.*); Гюльчатай, открой личико (БСП, *Петруха*).

РЕЗЮМЕ-ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Вопросы есть? Вопросов нет (БСП, *Сухов*); Карта Флинта бита! (ОС-III, *Бен Ганн*); Молоко сладкое. — Кислое! — Сладкое! — Кислое! — Сладкое! — Кислое! — Не разобрал (СМ, *Гапуся, Трындычиха, Комариха, Нечипор*); Птичку жалко (КП, *Шурик*); Искусство, господин Флоридор, требует жертв. — О! Это свежая мысль, мадам, я ее обязательно запомню (НЛ-II, *эпизод., Селестен*); Командир первого взвода Варавва. — Заметно (О, *Варавва, Трофимов*); Надо будет ночью посидеть. — Посиди, посиди, чем по бабам бегать. В нашем возрасте. — По каким бабам? — Ленинград — город маленький, Андрей Палыч (ОМ, *Бузыкин, эпизод.*); Принимайте работу. Учитесь, пока я жив (ОШТ, *Соколов*); Я лично ничего смешного на горизонте не наблюдаю (Врт, *Карасик*); Не царское это дело, не царское! (ВК, *Маланья*).

РЕКЛАМА. Бронефрак японской фирмы «Я-Сукин-Сан» абсолютно надежен! (ДХП, *Мери*); Вот! Обратите внимание на этот товар. Фасон прекрасный, износу нет! (ВД, *эпизод.*); Общество «Трудовые резервы»! Светлана! Мастер спорта, прекрасно плавает на спине! (ПВ-I, *Костик*); Отличный миниатюрный передатчик. Гордость нашей фирмы (МС, *Ладейников*); Цвет самый ходовой, булыжный, вся Москва носит (ДЖК, *Продавец*); Мадмуазель, медам, месье, «Русский самоубийца» — единственный неповторимый аттракцион «Русский самоубийца»! (КРИ-I, *эпизод.)*

РЕКОМЕНДАЦИЯ. Вот уж и осень, скоро дожди пойдут, ветер завоет... — Самое гриппозное время. Держите ноги в тепле (ПВ-I, *Хоботов, Людочка*).

РЕЦЕПТ. Это очень просто. Левую руку кладете на затылок, одни пальцы, а правая рука вдоль черепа, вот... И начинаете одновременно массировать. Только глаза закройте (СМВ-Х, *Штирлиц*); Ты любишь вареный лук в супе? — Нет. — Отлично! Представь себе, что, видя своего гегемона, ты надкусываешь эту мягкую, склизкую, сладковато-отвратную луковицу... (ВСЖ, *эпизод., Вера*).

СЕТОВАНИЕ. Ни тебе пожить, ни тебе помереть спокойно не дадут (АН, *Василий Буслаевич*); Как ходить ко мне, так гожуся, а как жениться — не гожуся! (СА-II, *Евдокия Мироновна*); Вот так всегда! И слова не даст сказать! (СМ, *Гапуся*); Напитков катастрофически не хватает (ЗМ, *эпизод.*); Вот! Паршивый тигр, хищник, дороже ей хорошего человека (УТ, *Мокин*); И осталась я одна единственная как перст на всем белом свете, и ни от кого мне ни помощи, ни поддержки, а только вы стараетесь побольней меня обидеть, еще ужасней сделать жизнь мою и без того задрыпанную (МВ-II, *Манька-Облигация*); Да. Вот хреновина! Ну, прямо карусель получается. Белые пришли — грабют, красные пришли — грабют. Ну, куды крестьянину податься? (Ч, *Крестьянин*).

СКОРОГОВОРКА. Идем скорей к Трындычихе! Трындычиха, когда в сердцах, бог знает что натворить может, потому у Трындычихи характер такой, что если Трындычиху зацепить, то Трындычиха такое отмочит, что с Трындычихой сладу не будет, а раз Трындычиха... (СМ, *Гапуся*); Поистине сон не есть не сон, а не сон не есть сон. Итак, не про сон сказать, что это сон, все равно, что про сон сказать, что это не сон. Говоря коротко, про не сон — сон или сóн про не сон (ВЛА, *Наимудрейший*).

СОБЛАЗНЕНИЕ. Саблю дам, коня дам! Пойдем в сарай (СМ, *Грициан*); Хочешь большой, но чистой любви? — Да кто ж ее не хочет! — Тогда приходи, как стемнеет, на сеновал (ФЛ, *Маргадон*); Не двигайтесь, вот так, не двигайтесь, Джотто «Мадонна Ависанти». Потрясающе! Не поворачивайтесь, ради бога не поворачивайтесь, я боюсь, что только этот ракурс наделен таким совершеннейшим сходством, или все пропадет: этот образ, рисунок, субстанция души! Идея! У меня есть великолепная репродукция с этой картины Джотто. Тут недалеко (ВСЖ, *эпизод.*); Видишь овин? Я там ждать тебя буду. Приходи! (ТИП-III, *Фрол*).

СОГЛАСИЕ. Савва Игнатьич, ты не забыл, что ты обещал запаять кастрюлю? — Натюрлих, Маргатита Павловна! (ПВ-II, *Маргарита Хоботова, Савва Игнатьич*); Кто стрелял? Вы стреляли? — Семенов, водку пить будешь? — Водку?... Водку... буду (ОНО, *Кузьмич, Семенов*); Нет, нет, нет и еще раз да! (ОНО, *Генерал*); Начинай арбайтен! — Как штык, товарищ! (Пдр, *эпизод.*); Что, что? Кемскую волость? — О, я, я, Кемска волость. О, я, я (ИВ, *Иван Васильевич, Посол*).

СОВЕТ. Тренеруйся лучше... на кошках (Ы-3, *Балбес*); Я думаю, вам не помешает на недельку съездить в Инсбрук. Там казино работают, юные лыжницы по-прежнему катаются с гор (СМВ-II, *Штирлиц*).

ТОСТ. Мой прадед говорит: «Имею желание купить дом, но не имею возможности. Имею возможность купить козу, но не имею желания. Так выпьем за то, чтобы наши желания совпадали с нашими возможностями. Молодец! Слушай другой тост (КП, *Шурик, Администратор гостиницы*); Здрав будь, боярин! (ИВ, *Иван Васильевич*); Ну, царь, вздрогнули (ИВ, *Милославский*); За наше случайное знакомство! (БР, *Анна Сергеевна*); Ну, за встречу! (ОНО, *Генерал*); Ну, за красоту! (ОНО, *Генерал*); Ну, за систему Станиславской! Дай бог, не последнюю (ДГ, *Мамин*); Прозит. — Прозит (СМВ-VII, *эпизод., Штирлиц*); За успех вашей лекции и вообще за астрономию! (КН, *Усиков*).

УБЕЖДЕНИЕ. За бугром все есть! (ДС, *эпизод.*); Начальству видней (ЗЗТ-I, *Васков*); Ты начальство, тебе видней (ДР-I, *эпизод.*); Начальство надо знать в лицо! (ДЖК, *Зав. отделом*); Я вам так скажу, по-моему, где бы не работать, только бы не работать (В, *Бубенцов*); За границей лучше делают (ВР, *Елена*); Один мой коллега любил говорить, что даже если собрать вместе девять беременных женщин, ребенок все равно не родится через месяц. Идея должна созреть (МС, *Хасс*); Ерунда! Негры едят людей! Люди их национальная пища (КРИ-II, *эпизод.*); В сорок лет жизнь только начинается, это уж я теперь точно знаю (МСВ-II, *Катерина*).

УГОЩЕНИЕ. Гражданочка, возьми тараньку. Солененькая! Да вы не стесняйтесь, зубками ее, зубками (СМ, *Петря*); Констебль, прошу. Прошу-прошу, прошу. Джин, бренди, ром. — Я на службе сэр. — Значит, виски (ЗВТ-I, *Джекки, эпизод.*); Тетушка, позвольте предложить вам маленький кусочек ростбифа. — Спасибо, дружочек, спасибо, только кусочек можно побольше (ЗВТ-I, *Чарли, Баберлей*).

УГРОЗА. Ну теперь они у меня попляшут во дворце! Я у них заведу свои порядки! (З, *Мачеха*); Если я встану, ты у меня ляжешь (Ы-1, *Верзила*); Задавлю, шляпа! (ИВ, *Милославский*); А ну канай отсюда! — Точно. Канай. И пусть канает отсюда, а то я ему рога поотшибаю, пасть порву, моргалы выколю. Всю жизнь работать на лекарство будешь! (ДУ, *Косой, Евгений Иванович*); Моргалы выколю! (ДУ, *Евгений Иванович*); Кто тронет его, будет иметь дело со мной! (ОС-III, *Сильвер*); Слушай, ты! Тебе что говорят, ты то и делай! А то я тебя враз уволю без выходного пособия, буржуй недобитый! (МД, *Степан*); А теперь сделай так, чтоб я тебя потерял из виду (ВПР, *эпизод.*); Сейчас в рожу вцеплюсь! (ПБ-II, *Базилио*); Опять с Яшкой свиделся по старой дружбе. Люди добрые сказывали. Дождется гад рваный. Из порток вытряхну, голым плясать заставлю! (Б-I, *Гаврила*).

УКОР. Связи связями, но надо же в конце концов и совесть иметь (З, *Король*); Э, да туфелька-то убежала от вас, красавица! (З, *Па-де-труа*); Ведь ты же советский человек! (ВД, *Чижов*); Светла-ана-а! Светла-ана-а! — Молчите, бесстыдник! (ПВ-II, *Велюров, Костик*); Ишь устроился: сено, девочка! (БС, *эпизод.*); Ух ты! А еще дворянка! (ГГ-1.2, *эпизод.*).

УКОР-НАСМЕШКА. Студент! (Ы-1, *Верзила*); Павлины, говоришь?! Хх-хы! (БСП, *Сухов*); Что у вас с головой? — Деньги! — Семен Семеныч. — Понял (БР, *Володя, Горбунков*); И мама тоже обрадовалась, потому что когда пришло письмо, она целый день плакала, а раньше она говорила, что ты летчик-испытатель... — Летчик-налетчик! (ДУ, *Вася, Косой*); А еще корону надел! (З, *Мачеха*); Один, два, три, четыре... пятьдесят два, пятьдесят три... ой! — Кулинар! (ПВ-I, *Хоботов, Маргарита Хоботова*).

УКОР-УДИВЛЕНИЕ. Ну, вы, блин, даете! (ОНО, *Генерал*); Товарищи, вроде рабочий класс, а разговариваете, как мафиози какие-то (ШМ, *Пискунов*); Видал, какую машину изобрели! (ИВ, *Иван Васильевич*).

УПРЕК. Я все помню! Я помню все твои опоздания, которые ты с полным отсутствием какой-либо изобретательности объяснял рассеянностью и недоразумениями! Я помню все твои отлучки с дач... — Ты же знаешь, я потерял ключ! — А кокотку из скандинавской редакции с ее чувственным порочным ртом! (ПВ-II, *Маргарита Хоботова, Хоботов*).

УТЕШЕНИЕ. Марьяна, не реви! Король — вдовец, я и тебя пристрою (З, *Мачеха*); Ну, вот, а потом, когда мы переехали сюда, они остались в Лондоне. Очень вкусная каша. Мы очень любим овсянку. А потом она уехала за океан и прислала мне длинное письмо. Родился у них мальчик, назвали они его Генри, мальчик заболел, а потом стал кушать овсянку и вырос большим, здоровым и красивым. Мы тоже будем есть овсянку и скоро будем сильными и здоровыми. Мы очень любим овсянку... (СБ-II, *Элиза*).

ХАРАКТЕРИСТИКА. Это твой отец. — Как отец! Он же погиб. — Да нет, как видишь, жив-здоров и даже довольно упитан (МСВ-II, *Катерина, Александра*); Понимаете, о мертвых или хорошо или ничего. — Но еще вчера он был жив, здоров и вполне благополучен (ЛС, *Лыжын, Тихонов*); Посмотрите на это лицо! Гарри-немой. Глух, как тетерев, зато нем как рыба! (ОС-I, *Джорж Мерри*); Чистота у тебя. И состряпаешь, и сошьешь! — Вязать умею и на машинке... (СА-II, *эпизод., Евдокия Мироновна*); Хороший человек. — Солонку спер. — И не побрезговал (ФЛ, *эпизод.*); Наш человек! (ЕЗР, *эпи-*

зод.); Не наш человек! (ЕЗР, *эпизод.*); Так, Рождественская Анна Владимировна, девятьсот девятнадцатого года, рыжая, часто бывает с различными мужчинами в ресторанах, волосы подкрашивает стрептоцидом (МВ-IV, *Жеглов*); Истинный ариец. Характер — нордический, отважный, твердый. С друзьями и коллегами по работе открыт, общителен, дружелюбен. Беспощаден к врагам Рейха. Отличный семьянин. Кандидатура жены утверждена рейхсфюрером СС. Связей, порочащих его, не имел. Великолепный спортсмен. В работе проявил себя выдающимся организатором... (СМВ-I, *от автора,* Характеристика на Шелленберга); Этот будет рыть землю, — подумал Мюллер, — ишь, как головой бодается, словно конь (СМВ-III, *от автора*); Я вам скажу по секрету, я в него влюблена вот так! — Ну и напрасно. — Почему? — А он женат. — Как? — И, вы знаете, говорят, что у него трое детей: двое в Пензе, а один на Камчатке (УТ, *Олечка Воронцова*); Упитанный, а не воспитанный (ВК, *Старушка-веселушка*).

Разумеется, приведенный здесь материал не обладает абсолютной полнотой, а является лишь развернутой иллюстрацией, представляющей возможные варианты его дальнейшего описания.

В работе используются следующие условные сокращения названий кинофильмов:

АЕП — «Адъютант его превосходительства»
АИС — «Антон Иванович сердится»
АН — «Александр Невский»
АП — «Александр Пархоменко»
АФ — «Анискин и фантомас»
Б — «Бумбараш»
БА — «Берегись автомобиля»
БИС — «В бой идут одни старики»
БР — «Бриллиантовая рука»
БС — «Баллада о солдате»
БСП — «Белое солнце пустыни»
В — «Весна»
ВВ — «Волга-Волга»
ВД — «Верные друзья»
ВЗУ — «Весна на Заречной улице»
ВК — «Варвара-краса, длинная коса»
ВЛА — «Волшебная лампа Аладдина»
ВПР — «Военно-полевой роман»
Врт — «Вратарь»
ВР — «Веселые ребята»
Вс — «Высота»
ВСЖ — «Влюблен по собственному желанию»
ВТ — «Васек Трубачев и его товарищи»
ГГЗ — «Гори, гори, моя звезда»
Д — «Джульбарс»
ДГ — «Девушка с гитарой»
ДЖК — «Дайте жалобную книгу»
ДП — «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен»
ДлРм — «Дело Румянцева»
ДР — «Достояние республики»
ДС — «Две стрелы»
ДТМ — «Д'Артаньян и три мушкетера»
ДУ — «Джентльмены удачи»
ДХП — «На Дерибасовской хорошая погода, или На Брайтон-Бич опять идут дожди»
ЕЗР — «Его звали Роберт»
ЕРЛ — «Еще раз про любовь»
З — «Золушка»
ЗВТ — «Здравствуйте, я ваша тетя!»
ЗЗТ — «А зори здесь тихие»
ЗМ — «Золотая мина»
ЗМФ — «Забытая мелодия для флейты»
ЗС — «Земля Санникова»
ИВ — «Иван Васильевич меняет профессию»

ИС — «Ирония судьбы, или С легким паром!»
ККЗ — «Королевство кривых зеркал»
ККП — «Когда казаки плачут»
КН — «Карнавальная ночь»
КП — «Кавказская пленница, или Новые приключения Шурика»
КРИ — «Корона Российской империи, или Снова неуловимые»
ЛГ — «Любовь и голуби»
ЛС — «Лекарство против страха»
М — «Максимка»
МВ — «Место встречи изменить нельзя»
МД — «Мы из джаза»
МИ — «Музыкальная история»
Ммн — «Мимино»
МП — «Максим Перепелица»
МС — «Мертвый сезон»
МСВ — «Москва слезам не верит»
НВВ — «На войне, как на войне»
НЛ — «Небесные ласточки»
НМ — «Неуловимые мстители»
НПБ — «На пути в Берлин»
НПН — «Новые приключения неуловимых»
НТ — «Небесный тихоход»
НЧ — «Начальник Чукотки»
О — «Офицеры»
ОМ — «Осенний марафон»
ОНО — «Особенности национальной охоты»
ОС — «Остров сокровищ»
ОТС — «Отряд Трубачева сражается»
ОШТ — «Один шанс из тысячи»
П — «Подкидыш»
ПБ — «Приключения Буратино»
ПВ — «Покровские ворота»
ПГА — «Прощальная гастроль «артиста»
ПД — «Последний дюйм»
ПдвР — «Подвиг разведчика»
Пдр — «Подранки»
ПЛ — «Печки-лавочки»;
ППА — «Пограничный пес Алый»
ПР — «Полосатый рейс»
ПрЛт — «Пропало лето»
ПСН — «Полеты во сне и наяву»
Р — «Разведчики»
РШ — «Республика ШКИД»
С — «Свадьба»
СА — «И снова Анискин»
СБ — «Собака Баскервилей»
СМ — «Свадьба в Малиновке»
СМВ — «Семнадцать мгновений весны»
СиП — «Свинарка и пастух»
СП — «Светлый путь»
ССС — «Старая, старая сказка»
СЧ — «Судьба человека»
Т — «Трактористы»
ТИП — «Тени исчезают в полдень»
ТЛС — «Трое в лодке, не считая собаки»
Тр — «Трембита»
УТ — «Укротительница тигров»
ФЛ — «Формула любви»
ХПБ — «Хроника пикирующего бамбардировщика»
ХТ — «Хозяин тайги»
Ц — «Цирк»
Цгн — «Цыган»
Ч — «Чапаев»
ЧН — «Человек ниоткуда»
Чр — «Чародеи»
ШМ — «Ширли-Мырли»
ЩМ — «Щит и меч»
Ы — «Операция «Ы» и другие приключения Шурика»
ЯШМ — «Я шагаю по Москве»
а также: эпизод. — эпизодическая роль

Примечания

[1] Аббревиатура ИКР — иностранный как русский — используется здесь для обозначения иноязычных фраз или отдельных слов, произносимых на «русский манер» персонажами, для которых русский язык — родной. Ср.: МАКАРОНИЗМЫ, РКИ-1, РКИ-2.

[2] В данном случае КАЛАМБУР рассматривается не как разновидность словесной игры, а в качестве спонтанно возникшей ситуации, ведущей к непониманию. Характерно, однако, что это непонимание возникает лишь между участниками диалога. Слушающим со стороны подобный диалог воспринимается все-таки как каламбур. В частности, это и отличает данную разновидность от следующей далее разновидности НЕПОНИМАНИЕ — ср.

[3] Аббревиатура РКИ-1 — русский как иностранный — используется здесь для обозначения фраз или отдельных слов, произносимых персонажами, для которых русский язык является неродным.

[4] РКИ-2 — то же для фраз или отдельных слов, произносимых «на иностранный манер» персонажами, для которых русский язык является родным (обычно при обращении к иностранцам). Ср.: ИКР и МАКАРОНИЗМЫ.

И.Е.Ферапонтов
(Ульяновск)

Рекламные тексты в обыденной речи

Влияние рекламы на обыденную речь сегодня очень велико. Механизм действия рекламы достаточно прост — с помощью частого повторения короткой, легко запоминающейся, ритмически организованной фразы в памяти человека закрепляется нужная информация. Рассматривая этот механизм, мы можем выделить два аспекта: качественный и количественный. Количественный аспект — это частота воздействия рекламного текста на слушателя/зрителя. Качественный — это особенности организации самого рекламного сообщения. Слоган, в котором выражена «в сжатом виде главная тема рекламной акции» [Словарь рекламных терминов 1992], играет роль мнемонического знака, при произнесении которого вслух в сознании слушающих должна возникнуть и другая, невербальная, часть рекламного сообщения — ассоциации. А.Тоффлер писал, что реклама теперь представляет собой высоко символизированное единство звука, изображения и движения. В распоряжении рекламодателя очень мало времени, поэтому он старается использовать все средства выразительности, позволяющие передать максимальный объем информации [Тоффлер 1997].

Таким образом, реклама — это искусство создания нужных производителю ассоциаций. В ответ на определенные слова (название фирмы, торговый девиз) у человека должны возникнуть определенные эмоции и воспоминания. Но у этого процесса есть и другие, непредвиденные результаты.

Мы попросили наших информантов (большинство из которых — студенты Ульяновского государственного педагогического университета) написать заимствованные из рекламы выражения, которые они употребляют в обыденной речи. В результате мы получили тексты самого разного типа: анекдоты, ругательства, частушки, фразеологические обороты, афоризмы, слова и выражения, играющие роль междометий. Попытаемся дать анализ полученного материала.

Как было отмечено, рекламное выражение — это всегда маркер определенного образного и сюжетного ряда («маркер ситуации», по Г.Л.Пермякову). Можно выделить следующие типы соотношений между ассоциациями, предусмотренными производителями рекламного текста, и ассоциациями, возникающими

в сознании потребителей: 1) *прямое;* 2) *нейтральное;* 3) *обратное.* Под прямым отношением понимают относительное равенство контекстов произнесения рекламной фразы в рекламном ролике и в обыденной речи. Обратное отношение — это ситуация конфликта двух ассоциативных рядов. Нейтральное — отсутствие жесткой связи с сюжетным рядом рекламного ролика, возможность замены на другое, нейтральное, выражение. Записанные анекдоты в основном представляют два последних типа отношений:

Сидят две пьяницы. У матери заканчивается вторая бутылка, а дочь пользуется первой (реклама моющего средства «Фэйри») [1].

Здесь налицо снижение и переворачивание рекламных образов матери и дочери, несоответствие двух ассоциативных рядов порождает яркий комический эффект.

Аленушка говорит братцу Иванушке:
– Не пей из копытца — козленочком станешь!
– Имидж — ничто! Жажда — все!

В других анекдотах слова из рекламных текстов являются просто бытовой реалией и могут быть заменены на контекстуальные синонимы:

– Чебурашка, Чебурашка, что ты ешь?
– Сникерс.
– А что так плохо пахнет?
– А уже четвертый раз.

К этому же роду явлений относится употребление рекламных выражений в качестве эвфемизмов, пейоративных слов.

Вместо «блин» иногда говорят «блендамед».

Пример эвфемистического оборота:

Положить толстый сникерс.

Здесь мы имеем дело с обновлением фонда эвфемизмов, которое происходит постоянно, и с использованием самой разнообразной лексики.

Частушка, по большей части, реагирует на рекламу так же, как и на многие явления, попадающие в поле ее зрения. Все переводится в план материально-телесного низа:

Я сожрал сегодня «Твикс»,
Мигом член, блин, мой повис.
Там ведь был, блин, срок негодным,
И я стал теперь бесплодным.

Информант указывает, что эта частушка исполняется только на второй день свадьбы, в который русской традицией и предписано исполнение скабрезных частушек и песен.

Записан ряд текстов, подобных детским «заманкам»:

– Скажи: «кукуруку».
– Член те в руку.

Существуют также тексты, представляющие собой «антирекламу», тексты-опровержения:

Дока-пицца — нельзя не подавиться.

Я вчера покушал Магги — не хватило мне бумаги.

Тайд — отличный порошок. Пробирает до́ кишок.

Солод, глюкоза, плохой шоколад.
Зря я потратил дневной свой оклад.
Зря я поверил, что эта фигня
Поддержит меня в течение дня.

Нужно отметить, что некоторые информанты на вопрос о том, когда произносятся подобные выражения, отвечают: «Когда охота поизмываться над рекламой».

Во многих случаях изменения текста рекламы не происходит, и рекламные выражения произносятся в ситуации, сходной с изображаемой в рекламе:

Острый чили перчик! (за столом, когда достают или пробуют кетчуп).

Он реагирует на импульс (о кавалере; реклама дезодоранта «Импульс»).

При этом в таких высказываниях в сознании говорящего ассоциации с объектом рекламы почти отсутствуют.

Часто рекламные выражения, даже оставаясь формально неизменными, приобретают противоположный смысл, так как контекст меняется на обратный, не соответствующий рекламному сюжету.

Все ароматы Франции в одном флаконе! (реакция на плохой запах).

Рекламные выражения могут приобретать иное значение в результате действия непредусмотренных производителем ассоциаций: например, выражение «Милки Вей не тонет в молоке» вызывает у русского человека воспоминание о другой, столь же плавучей субстанции. В результате название торговой марки начинает функционировать как эвфемизм и ругательство. Другой пример непредусмотренного создателями рекламы переосмысления:

Когда мы играем в карты и кто-нибудь остался в дураках, то тот, кто остался в дураках, поет: «Галина-Бланка, буль-буль, буль-буль» — то есть пошел ко дну.

Никто из наших информантов не приводил рекламных текстов значительной давности, что, по-видимому, свидетельствует о том, что влияние рекламы на обыденную речь кратковременно.

Примечания

[1] В текстах, собранных мною, сохранена орфография и пунктуация информантов (опрос проводился в письменной форме). Сохранены также сокращения и латинская графика.

Литература

Словарь рекламных терминов 1992 — Словарь рекламных терминов. Реклама от «А» до «Я». Казань, 1992 (Серия «Как делать рекламу». Вып. 1).

Тоффлер 1997 — *Тоффлер А.* Футурошок. СПб., 1997.

Когда в дом приходит незваный гость, говорят: «Ну вот, тетя Ася приехала!» (записано в 1998 г. Н.Е.Шагаевой от О.В.Севастьяновой, 1981 г. р., студентки УлГПУ).

Когда окружающие советуют человеку отважиться на какой-то шаг, рискнуть, говорят: «Не тормози, сникерсни!» (записано в 1998 г. Н.Е.Шагаевой от О.В.Севастьяновой).

Когда говорящий уверен в том, о чем он говорит, он утверждает: «Сто пудов. Другую и не жую» (записано в 1998 г. Н.Е.Шагаевой от О.В.Севастьяновой).

Иногда при виде пьяной мужской компании говорят: «Белые орлы идут!» (записано в 1998 г. Н.Е.Шагаевой от О.В.Севастьяновой).

Когда человек расстроен, ему говорят: «Не грусти, похрусти!»

Иногда произносят: «Настройся на лучшее!» (записано в 1998 г. Н.Е.Шагаевой от О.В.Севастьяновой).

«Жевательная резинка “Дирол” защищает вас с утра до вечера. А ночью начинается кариес» (записано в 1998 г. Н.Е.Шагаевой от О.В.Севастьяновой).

Идет мужчина по пустыне. Жарко. Нещадно палит солнце. Ужасно мучает жажда. Мужчина начинает молить небо ниспослать ему спасение. Сверху падает термос. Человек радостно открывает крышку и пытается налить из него что-нибудь. Вместо «живительной влаги» из термоса выпадает небольшой пакетик, на котором написано: «Инвайт! Просто добавь воды!» (самозапись 1998 г. Н.Е.Шагаевой, 1980 г. р., студентки УлГПУ).

Когда все хорошо, то О.К. — O.b. (записано в 1998 г. И.Е.Ферапонтовым от А.Романовой 1978 г. р., студентки УлГПУ).

Когда видишь парочку влюбленных молодых людей, тогда: «Сладкая парочка Твикс» (записано в 1998 г. И.Е.Ферапонтовым от А.Романовой).

Когда чувствуешь непристойный запах, тогда: «От земли и до небес слышен запах Uncle Bens» (записано в 1998 г. И.Е.Ферапонтовым от А.Романовой).

О человеке, который заботится о других, говорят: «Тефаль, ты всегда думаешь о нас» (в школе так говорили про меня) (записано в 1998 г. И.Е.Ферапонтовым от А.Романовой).

Чистота, чисто — «тайд» (выражение восторга от чистоты) (записано в 1998 г. И.Е.Ферапонтовым от И.Лисиной, 1979 г. р., студентки УлГПУ).

«Следи за балансом» (на запах изо рта) (записано в 1998 г. И.Е.Ферапонтовым от И.Лисиной).

«Тампоны O.b. осушают устье Оби» (записано в 1998 г. И.Е.Ферапонтовым от И.Лисиной).

Как не повезло яблоку... (от досады) (записано в 1998 г. И.Е.Ферапонтовым от И.Лисиной).

Съел — и порядок (после обеда) (записано в 1998 г. И.Е.Ферапонтовым от И.Лисиной).

И что бы ни случилось, я всегда улыбаюсь (выражение досады) (записано в 1998 г. И.Е.Ферапонтовым от И.Лисиной).

Душечка «Комет» (так обзывают) (записано в 1998 г. И.Е.Ферапонтовым от И.Лисиной).

С тобой даже я стала экономной хозяйкой (по поводу вечного отсутствия денег) (записано в 1998 г. И.Е.Ферапонтовым от И.Лисиной).

Я хочу кофе... (в смысле ну все, хватит!) (записано в 1998 г. И.Е.Ферапонтовым от И.Лисиной).

Нет... от него образуется кислота (формула отказа) (записано в 1998 г. И.Е.Ферапонтовым от И.Лисиной).

У нас в стране 2 человека заботятся о нашем здоровье: Джонсон и Джонсон (записано в 1998 г. И.Е.Ферапонтовым от Н.А.Быковой, 1978 г. р., студентки УлГПУ).

В ответ на фразу «ты пробовал... ?» отвечают:
«Пробовал. «Тампекс» лучше» (из анекдота).

Вариант: Встречаются 2 девушки.
– Ты «Тампакс» пробовала?
– Да, но мне «Сникерс» больше нравится (записано в 1998 г. И.Е.Ферапонтовым от Н.А.Быковой).

Эх, «Тифаль»... всегда думает о нас (ирония о каком-либо удобстве недоступном) (записано в 1998 г. И.Е.Ферапонтовым от Н.А.Быковой).

По аналогии с анекдотом о колобке. Встречаются Сникерс и Марс.
– Ты что такой печальный?
– Милки Вэй утонул (записано в 1998 г. И.Е.Ферапонтовым от О.Рябиновой, 1978 г. р., студентки УлГПУ).

Рисунок: Реклама куриных бульонов «Магги». Нарисован Людоед и написано – «Магги» с человеческим вкусом (записано в 1998 г. И.Е.Ферапонтовым от О.Рябиновой)

Прилетают в бар 3 вампира: 1-й говорит бармену: «Мне венозной крови», 2-й говорит: «А мне артериальной», 3-й достает «тампакс» и говорит: «А я кофейком побалуюсь» (записано в 1998 г. И.Е.Ферапонтовым от О.Рябиновой).

Сидит мужчина с ножом, а колготки Леванта у жены на шее (удушена). И говорит: «Любимая, наши чувства не разорвать никогда» (записано в 1998 г. И.Е.Ферапонтовым от О.Рябиновой).

Анекдот. Аленушка говорит Иванушке: «Не пей из лужи, козлом станешь». А он отвечает: «Име-е-е-дж ничто жа-а-жда все» (записано в 1998 г. И.Е.Ферапонтовым от Т.В.Вершининой, 1979 г. р., студентки УлГПУ).

Если что-то долго не отмывается, человек может сказать: «“Комет” милочка!» в качестве рекомендации (записано в 1998 г. И.Е.Ферапонтовым от Т.В.Вершининой)

Урок гигиены в начальной школе. Учитель просит детей назвать пасту, которой они пользуются и объяснить, почему они пользуются именно этой пастой. Встает девочка и говорит:
– Я пользуюсь «Земляничной», потому что у ней приятный запах.
Встает мальчик и говорит:
– Я пользуюсь «Мятной», потому что она хорошо освежает.
Встает Вовочка и говорит:
– А я пользуюсь «блендамедом», потому что папа сказал, от него яйца крепче становятся (записано в 1998 г. И.Е.Ферапонтовым от Т.В.Вершининой).

Когда не можешь найти быстрого решения: «Ментос – лучший выход» (записано в 1998 г. И.Е.Ферапонтовым от И.В.Лабашкиной, 1979 г. р., студентки УлГПУ).

Необходимо что-то сделать: «Лишь с ароматом кофе Якобс» (записано в 1998 г. И.Е.Ферапонтовым от И.В.Лабашкиной).

«Зато теперь ничто не помешает мне веселиться!» (из рекламы прокладок). После сдачи экзамена, зачета, завершения какого-либо дела (записано в 1998 г. И.Е.Ферапонтовым от А.Ильина, 1979 г. р., студента УлГПУ).

«Ну, сегодня такой день...» (из такой же рекламы). Ответ на неуместные вопросы, типа: «По какому поводу пьем?» (записано в 1998 г. И.Е.Ферапонтовым от А.Ильина).

«Может ч-чайку?» (из рекламы «Twix»). «Намек» хозяину квартиры на то, что неплохо бы освежиться (записано в 1998 г. И.Е.Ферапонтовым от А.Ильина).

«Что у вас с головой?» (реклама «ТВ-парк»). В смысле: «Парень, ты переработал (переучился)» (записано в 1998 г. И.Е.Ферапонтовым от А.Ильина).

«Борис, Kitekat!» (реклама «Kitekat»). Приглашение гостей к столу (записано в 1998 г. И.Е.Ферапонтовым от А.Ильина).

«Вист». Просто «Вист» (реклама компьютеров «Vist»). Фраза вистующего в преферансе (записано в 1998 г. И.Е.Ферапонтовым от А.Ильина).

«При чем здесь пальцы?» (реклама Twix). «Не понял» (записано в 1998 г. И.Е.Ферапонтовым от А.Ильина).

Собиратель: Жигарина Е.Е.

Ж.Н.:

– Ленк! Я хочу «Марса» или «Сникерса»!

Ж.Е.:

– А я — спать!

Ж.Н.: — Вот до чего тебя довел филфак! Не тормози, сникерсни! На 10% больше...

Ж.Е.: — Вот до чего тебя довел физмат! (записано в 1998 г. Жигариной Е.Е. от Н.Е.Жигарина,1973 г. р., студента УлГПУ).

У одной бабы, блин, ломка была... И вот крутит ее, на хрен, конкретно... А тут, блин, чувырло толстомордое... Дала она ей... Та нюхает... (подносит руку к носу, как будто нюхает кокаин) «А-а-а! А-а-а! Как хорошо!» А та, блин, говорит: «Комет», милочка, «Комет»! (записано в 1998 г. Жигариной Е.Е. от Н.Е.Жигарина).

Ф.С.Струнников:

– Коляныч! Зверь какие я себе штаны отдубасил. Еще с Изабеллиной шабашки! Круто, да?

Н.Е.Жигарин:

– От Парижа до Ульяновска «Адидас» — лучшие штаны! (записано в 1998 г. Е.Е Жигариной от Н.Е.Жигарина и Ф.С.Струнникова, 1967 г. р., безработного).

Встречаются «Марс» и «Сникерс». «Марс» того спрашивает: «Ты “Баунти” имел?» Тот отвечает: «Нет, не имел!» — «Попробуй, райское наслаждение!» (записано в 1998 г. И.Е.Ферапонтовым от О.А.Чичиной, 1979 г. р., студентки УлГПУ).

Съела «Баунти» с оберткой / Затуманились мозги. / Милый зубы мне отверткой / Очищает от фольги (записано в 1998 г. Е.Е.Жигариной от Ю.В.Федотовой, 1980 г. р., студентки УлГПУ).

Как-то шел я с голым задом
Да махал российским флагом.
Вижу: здание стоит,
Из окошка х... торчит...
Бляха-муха... А тут панк

Заявляет: «Инкомбанк!»
Время не властно над истинными ценностями!!!

(записано в 1998 г. Е.Е.Жигариной, 1979 г. р., студентки УлГПУ,от Ф.С.Струнникова 1967 г. р., рабочего)

Плюнул раз я против ветра,
Прямо в глаз себе попал:
С точностью до миллиметра —
Это банк «Империал»!

(самозапись 1998 г. Е.Е.Жигариной)

Я гляжу в альбом смятенно:
Тещи, жены — ряд утрат...
«Uncle Ben's» — неизменно
Превосходный результат!

(самозапись 1998 г. Е.Е Жигариной)

Это, в общем, когда на свадьбах... Это произведение относится к разряду срамных частушек (самозапись 1998 г. Е.Е .Жигариной).

Ну... Я слышала это произведение, когда один человек, Федор Струнников, «красовался» своей способностью материться «в тему». В компании прозвучало предложение выпить эту «Колу», а он ее на вид не переносил. Вообще, это тоже срамная частушка (самозапись 1998 г. Е.Е.Жигариной).

Турфирма предлагает курс похудания напротив любого иностранного посольства по выбору, а также другие акции протеста (самозапись 1998 г. Е.Е.Жигариной).

Сегодня на рынке в толпе слышала такой славный анекдотец... Ельцина журналисты спросили после его монолога об отставке Степашина: «Каковы же причины? Почему?» Президент: «Ну-у-у... Я даже не зна-а-аю... Я дума-аю... шта-а-а... У президентов... — сва-аи секреты!» (самозапись 1998 г. Е.Е.Жигариной).

В только что открывшуюся фирму заходит какой-то мордоворот и говорит:

– Слышь, я, в натуре, Дирол! Гоните штуку баксов, и я буду защищать ваши зубы с утра до вечера.

Работники, боязливо передавая деньги:

– Так теперь вы у нас «крыша»?

– Только дневная. Ночью придет Кариес (самозапись 1998 г. Е.Е.Жигариной).

Пятачок консультируется у Винни Пуха: «Знаешь, хочу трахнуть Сову, а она говорит: "Я выбираю безопасный секс!" Что же мне сделать, чтоб эта сука в перьях не заразилась от меня триппером и чтоб ей поросят не пришлось высиживать?».

Винни Пух: «Знаешь, мне кажется, что тебе стоит воспользоваться аквафреш! Ведь аквафреш — защита от всей семьи!» (самозапись 1998 г. Е.Е.Жигариной).

Борис Моисеев расслабляется со своим очередным бойфрендом в гостиничном номере. Вдруг звонит телефон.

Моисеев:

– Брат! Если это Кобзон или Серов — то я умер, а если это Трубач — то я возьму.

– Брат! Это девушка! Девушка... (самозапись 1998 г. Е.Е.Жигариной).

К.Э.Шумов
(Пермь)

«Шифровки», «эпистолы», поздравления и пожелания в рукописных традициях

Рукописные традиции подростков и молодежи — одна из распространенных форм бытования современного фольклора первичных контактных групп. Побудительными мотивами развития «альбомных» традиций являются, по всей вероятности, следующие: осознание недостаточности реализуемых данной группой форм коммуникации как внутри группы, так и вне ее; потребность создания особого, скрытого от не членов данной группы, кода общения внутри группы.

Выделим три основные подростково-молодежные группы, в которых рукописные традиции едва ли не обязательны. Это девушки (реализация через так называемые *девичьи альбомы*). Это солдаты срочной службы и курсанты высших военных училищ (реализация через *дембельские* или *армейские* альбомы). Это «малолетние преступники», отбывающие наказание в колониях (реализация через так называемые *зэковские* тетради). Необходимо отметить, что жанры, о которых пойдет речь, характерны преимущественно для этих групп. Объединяет эти группы и отличает их от других гомогенный половозрастной характер. Девушки ведут альбомы преимущественно в возрасте от 12 до 17 лет. В их среде альбом является средством внутреннего общения, а также общения внешнего, с теми, кто не попадает в группу по полу и возрасту (последнее — скорее исключение, чем правило). Остальные группы объединяются еще и по степени ограничения свободы. Она безусловна и практически абсолютна в группе «малолеток», а в армейской среде менее высока. Возрастные границы в группе «малолеток» укладываются в промежуток от 14 до 16 лет. Армейская группа (солдаты-срочники и курсанты) — от 18 до 23 лет (в среднем). В среде «малолеток» выделяются и две группы по признаку пола.

Альбомы во всех указанных группах функционально отличаются от традиционных дневников. Скорее они служат средством общения между подростками и молодежи. Отсюда и повышенное внимание к способам передачи и получения информации, специфическим именно для этой формы коммуникации: «секретки», гадания, тесты, пожелания и пр. Для двух же групп (армия и колония) внешние коммуникации приобретают особое значение, так как именно они резко ог-

раничены. Внутренние не менее важны, так как общение внутри группы должно приобретать скрытый от не членов группы характер. В колонии это — охрана, «активисты», руководство; в армии — старший и младший командные составы.

Судьба рукописных альбомов этих групп различна.

Девичьи нередко хранятся годами как память, что скорее зависит от характера индивида, чем является сформировавшейся традицией. В этом смысле они важны для владельца только до того времени, пока выполняют свою основную функцию.

Дембельские альбомы относятся к числу культовых вещей солдат срочной службы. Право на подготовку альбома имеют только солдаты, отслужившие определенный срок, — обычно служащие последние полгода. На изготовление альбома еще в недавнем прошлом (конец 80–начало 90-х годов) уходила львиная доля свободного времени *деда*. Нам приходилось видеть альбомы, выполненные с использованием металлочеканки, резьбы и выжигания по дереву, бархата, натуральной кожи и редких материалов. После появления тиражируемых альбомов, которые можно было свободно приобрести в магазинах, традиция пошла на убыль. Но обязательность дембельского альбома для каждого старослужащего позволяет отнести это явление к сложившейся устойчивой традиции. Необходимо отметить, что в армии делаются различия между повседневным альбомом и дембельским. Из них только последний является обязательным.

Альбомы и тетради «малолеток» отличаются от армейских и девичьих. Их функциональность, как правило, исчерпывается сроком отбывания заключения. За его пределами обращение к ним не только не является необходимым, но и просто находится под запретом. Альбомы обычно оставляют в колонии; по одной из примет «на волю» нельзя брать никаких вещей, изготовленных на зоне, — нарушителю запрета грозит следующий срок.

При всех отличиях в функциональной сфере по форме и содержанию между альбомами различных групп общего значительно больше.

С нашей точки зрения, функциональной специфике рукописных альбомов наиболее полно отвечают жанры, в которых реализуется установка на открытую коммуникацию. К их числу можно отнести *шифровки*, *эпистолы*, поздравления и пожелания.

Под шифровками мы будем понимать устойчивые традиционные высказывания, суждения, обращения, принятые внутри группы и закодированные способом, понятным только членам группы.

Эпистолы — устойчивые, традиционные «заготовки» для использования в переписке.

Последние два жанра не нуждаются в уточнении.

Шифровки

Одной из особенностей традиций «детского этноса» является формирование «тайных языков», которые понятны только определенной группе их носителей. В полной мере эта особенность относится и к рукописным традициям, бытующим

в колониях «для малолеток». Во многом это определяется и другой особенностью среды — контактами со «взрослым» преступным миром, который характеризуется наличием «кастовых» традиций, в том числе и на уровне языковом. Их существование в условиях лишения свободы приобретает рациональный прагматический характер.

Переписка, обмен информацией (особенно во время предварительного заключения) между «подельщиками» весьма существенны для задержанных. Не будем останавливаться на способах передачи *ксив* (в данном случае — записок, посланий) — их существует великое множество (от подкупа охраны и передачи записок напрямую до сложной системы перестукивания); при этом существенными являются способы информационной «защиты» посланий. Та часть информации, которую необходимо скрыть от посторонних глаз, как правило, пишется с использованием так называемых шифровок. Шифровка — чаще всего аббревиатура той или иной фразы.

Шифровки встречаются и в качестве татуировок, служат своеобразным опознавательным знаком принадлежности к определенной среде. Наиболее распространенные татуировки-шифровки: «СЭР» — свобода это рай; «ЗЛО» — за все лягавым отомщу; «БОСС» — был осужден советским судом. Они встречаются не только в форме татуировок, но и в качестве надписей в рукописных альбомах практически всех категорий владельцев (в девичьих, тюремных, дембельских альбомах). Полная номенклатура шифровок с трудом поддается выявлению — они варьируют по регионам, по характеру места заключения, по половой принадлежности отбывающих заключение.

Еще одна специфическая черта некоторой части шифровок — их импровизационный характер. Автор шифровки может адресовать ее другому человеку с надеждой, что тот определит ее значение, «расшифрует». Индивидуальные шифровки бытуют наравне с общеупотребительными.

Принципы создания шифровок довольно очевидны. Это либо использование каких-либо значимых слов с последующей расшифровкой по буквам (Атом, Рябина, Богиня и пр.), либо аббревиатура часто употребляемых фраз (жимулин — х —, моп — бт).

Об основных тематических группах шифровок необходимо сказать особо, так как в них проявляются основные тенденции, характерные для традиций заключенных.

Главная тема — любовная. Ей посвящена большая часть шифровок. Аналогичным образом обстоит дело и с эпистолами. Они, как правило, бытуют обезличенно, т. е. могут быть адресованы и юноше, и девушке. Но любовные отношения в местах заключения чаще всего носят гомосексуальный характер. (Если это не отношения с охраной или педагогическим персоналом, что тоже случается.) Однополая любовь диктует некоторые поведенческие стереотипы и отражается в шифровках. Заметим, что в девичьей колонии отношение к девушкам, выполняющим пассивную функцию во время полового акта, принципиально отличается от отношения к «опущенным» в мужских колониях. Это закономерно, так как «мужская» функция ставит исполнителя выше во внутренней иерархии, но «женская» в силу полового состава колонии для девушек не может унижать.

Специфика половых отношений проявляется в шифровках не часто: **Журавль** — жопа уже разорвана а всё любишь; **Кот** — ковыряю одну тебя; **Змея** — зачем мужчина, если есть я; **СЭР — дт** — сосать это радость для тебя (все примеры приводятся с сохранением орфографии и пунктуации оригинала).

Гамма любовных эмоций, отражающихся в шифровках, — от романтическо-возвышенной до уничижительно-сниженной. Способы выражения романтических переживаний довольно стандартны: **Америка — ркб** — а мы ещё рядом и кажется адом разлука которая близка; **Дилижанс** — другом единственным, любимым и желанным останешься навсегда; **Лодочка** — люблю одну девчёнку она чиста как ангел. Приемы уничижения и унижения тоже стандартны (чаще всего через ненормативную лексику): **Говно** — госись овца в натуре охуела; **Смех** — слышишь милая, ебаться хочу. Хотя есть и примеры выражения восхищения и одобрения через ненормативную лексику: **Топик** — ты очень пиздатая и клёвая.

Отношения с начальством и с внешним миром проявляются значительно реже: **СЭР** — свобода это рай; **SOS** — самый опасный стукач; **Ток** — тюрьма открой камеру; **Танк** — тайный агент начальника колонии; **Зона** — заебали опера, надоели активисты; **Барс** — бей активистов, режь стукачей; **Зло 1** — за всё легавым отомщу, **ЛХВС** — легавым хуй, ворам свобода; **Блицс** — буду любить и ценить свободу; **Мисс** (3) — мать и свобода самое святое.

Шифровки — это не просто запись в альбоме, они функциональны и используются во внутренней переписке в колонии. Приведем некоторые примеры с расшифровкой значений. Не все значения можно определить точно, поэтому предположительные расшифровки и их отсутствие отмечаются знаком (?).

1.

«М» (*милая*) моя Ирина!

– Ялт — (*я люблю тебя*), — Тмон 2 — (*ты мне очень нужна*), — Мохер — т — (*мне очень хорошо, если рядом ты*), — Город — кд — (*горжусь одной, ревную одну, даже к друзьям*), — Цоокин — (*целую очень-очень-очень-очень-очень крепко и нежно*), — Лист — (*люблю и сильно тоскую*),

х/пульки (*всего хорошего?*) на весь денек.

Приятного аппетита. — Споки-ноки — (*спокойной ночи*). Спи, моя Ира сладко, сладко.

Ира моя мне надо тебе сказать чего-то. Подойдешь ко мне после завтрака. Хорошо!

2.

«М» (*милая*) моя Ира!

Вот пишу тебе. Все уже спят, а мне чего-то не спиться. Все думаю о тебе. <...> Я вот с каждым днем охуеваю над Алкой. Пришла ей посылка все зазналась ходит нос кверху задирает. — НВИВ — (*ну вот и всё*). — Пляж — (*пиши, любимая, я жду*)

– Ялт — ос — (*я люблю тебя одну очень*), — Мохер — т — (*мне очень хорошо, если рядом ты*), — Лист — (*люблю и сильно тоскую*).

Да лапуль я завтра приду к тебе в баню спинку потру. Да и еще меня бесит когда с тобой стоят чужие девчонки такие как Егорова и т. д., и т. п.

Ирин понравились ли тебе мои шифровки и разгадала ли ты их.

Вот тебе еще.

– Вдот — (?), — Борст — (?), — Курс — т — (*как ужасна разлука с тобой*), — Яблоко — (*я буду любить одну, как обещала*), — Аляска — (*а любовь я сохраню, как обеща-*

ла), — Балет — з — (?), — Город — кд — (*горжусь одной, ревную одну, даже к друзьям*), — Ирка — ентр — (*и разлука кажется адом если нет тебя рядом*), — Ком — ентр — (*? Если нет тебя рядом*), — Синица — т — (?).
Ну ладно, хватит.

Шифровки не являются жанром, специфическим только для малолеток. Они используются и в девичьих альбомах. В принципе можно говорить об их универсальном характере. В любой ограниченной группе людей так или иначе возникает потребность в создании собственного языка, понятного только внутри группы. Нам известны случаи, когда группы девушек, объединенные дружескими отношениями (в классе, во дворе их называют «группировками», «командами»), вырабатывали собственные шифровки. В этом случае при включении в состав группы нового человека овладение шифровками выполняло функцию инициации. Аналогичным образом любая профессиональная, социальная, конфессиональная инициация подразумевает овладение особым языком (языком отправления культов, профессиональной лексикой и пр.).

Необходимо отметить, что наряду с индивидуальными бытуют и традиционные шифровки. Часть их является общими для разных групп (чаще всего в качестве таковых выступают уголовные по происхождению), некоторые переосмысляются в зависимости от среды бытования. Приведем несколько примеров из девичьих альбомов:

Утро — умру только ради одного.
Лто — люблю тебя одного.
Зло — за любовь отомщу.
Блицс — бери любовь и цени свободу.
Яблоко — я буду любить одного кому обещала.
Лебеди — любить его буду если даже изменит.
НЛО — нежные листья осени.
Весна — верна ему сердцем но асквернена.
Слон — сердце любит острый нож.
Клен — клянусь любить его навеки.
НПЛ — неделя прекрасной любви.

Функционально в группу шифровок входят не только вербальные, но и *знаковые*. В них определенное значение придается знакам препинания. В девичьих альбомах их называют *письменные знаки*. Бытуют они в разных вариантах. Из аналогичных явлений можно отметить *улыбки* программистов, использующиеся для передачи отдельных эмоций в электронной переписке. Приведем несколько примеров знаковых шифровок из девичьих альбомов.

1-й вариант

!!!? — поцелуй
!! — любовь
!!! — скорое свидание
??! — я люблю, а ты?
??? — кого вы любите
!? — назначаю свидание

2-й вариант

! — ясная любовь
!! — уважение
!!! — я тебя люблю
?!? — пошел к черту
? — свидание
(-?-) — почему не любишь?
!?! — пойдем в кино
?? — приходи
O? — когда-нибудь встретимся
(+.-:) — когда встретимся?
YSL — до свидания
!? — между нами
+O — жду ответа
!-? — зачем встречаться?

Эпистолы

Эпистолы — жанр, использующийся для внешней переписки. Под внешней перепиской мы понимаем коммуникацию в письменной форме, осуществляемую между членом группы (носителем специфической традиции) и посторонним. Лучше всего она описывается оппозицией свой/чужой. Переписка между отбывающими срок и членами преступной группы, находящимися на воле, между солдатами-срочниками и отслужившими относится к внутренней переписке. Главным критерием является принадлежность сторон к одной традиции. Внешней переписке придается особое значение, так как состав адресатов принципиально отличается от состава адресатов внутренней переписки. Она формирует особый, исключительно положительный образ носителя определенной традиции. Этот образ, как правило, лишен индивидуальности, обладает внутренней стереотипностью и специфичен по отношению к общим стереотипам.

Характерно и использование во внутренней переписке на зоне эпистол, которые чаще всего фиксируются «для памяти» в альбомах. Вставки в текст записок и писем выделяются значком «000» в начале и в конце. Приведем примеры их использования:

«Ну вот и пришло это тяжелое время нам прощаться.
000Скоро уедешь махнешь на все рукой, скоро уедешь искать покой000
Ирина, мне жаль расставаться с тобой, я же на самом деле люблю тебя, а ты так и не смогла оправдать моего доверия <...> Мне очень жаль, что даже последние дни мы не смогли быть вместе.
000Прости меня, малыш, за все меня прости000
Я бы наверное все отдала ради того чтобы хоть один день прошел хорошо чтобы было, что вспомнить <...> И мне даже не верится что скоро мы расстанемся. Я надеюсь ты не забудешь про меня и хоть изредка но будешь вспоминать.

Когда нибудь в кругу друзей
Возьми бокал вина

И если вспомнишь обо мне
То пей его до дна.

Ирин вот ты тут ходишь с девчонками а что будет на воле ведь там ребята. И перестроиться это очень сложно. Я люблю тебя, ты единственная девчонка которую я полюбила в своей жизни, да больше и не будет такого шанса <...> Я не смогу забыть тебя, да может тогда когда буду на воле с парнем, но и то что в душе нельзя стереть даже с годами.

000Как трудно без тебя никто не знает любовь она не снег она не тает000

000Моя любовь разбиты зеркала, беспомощны слова, последние слова000

000Осень за окном тихо шепчет мне, что любовь ушла, что любви уж нет000

000Прощай на веки последняя любовь, прощай на веки и нет печальней слов. Июньский вечер последние слова, но нашу встречу вернуть уже нельзя000

000Но я, я немогу без тебя, я не могу без тебя, не могу без тебя, не могу без тебя000

Ирин, но почему мы должны с тобой расставаться? <...> И не издевайся не над кем, это очень тяжело получать смешки, надсмешки от любимого человека.

000Только я игрушка, только я игрушка для тебя. Я твоя игрушка, что прожить не может без тебя. Не любя000

И еще не стесняйся всех, если ты любишь человека, то почему ты должна скрывать свои чувства от других <...> Ну вот и все наверное. Да фото я отдам тогда когда ты пройдешь суд, а хотя что это я пишу, ты же все равно эту ксиву прочтешь только за забором. Ну вот и все.

000Прости, прощай любовь моя я ухожу000

Глупышка я люблю тебя, а ты это так и не поняла, да и вряд ли поймешь. Хотя еще девять дней впереди и все может измениться совсем иначе.

– Ялта — ос — (*я люблю тебя одну очень)*

– Тин — меч — (*ты или никто — мой единственный человек).*

– Песок — (*прости, если сможешь, очень каюсь)* — РУБИН — (*разлука уже близка и неизбежна)*

– Мираж — (*может, и разлука окажется жизнью?)*

Не забывай, пиши!!!

<...>

000Так прости мне если сможешь прости, отыскала судьба нам разлуку двоим000

Характерной чертой эпистол этой группы является обезличивание суждений. Как правило, оценки высказываются в них от имени всей «профессиональной» (и половозрастной) группы. Отсюда — многочисленные «мы» в эпистолах.

В уголовных традициях эпистолы, использующиеся во внешней переписке, формируют следующий образ заключенного: верный в любви, прощающий измену, осужденный случайно. Последнее принципиально отличается от внутренних правил формирования образа, согласно которым случайность осуждения подчеркивается только при вступлении в группу. В дальнейшем же статья УК, тяжесть преступления определяют место заключенного во внутренней иерархии. Формирование идеального образа происходит в следующих парах персонажей: заключенный — верная подруга (жена); заключенный — неверная подруга (жена); заключенный — мать; заключенный — вольный. При этом образ матери

всегда возвышается, образ подруги (жены) и возвышается (верная), и снижается (неверная). Образ вольного нейтрален, но формирование образа заключенного осуществляется за счет сопоставления с вольным.

Эпистолы в уголовной среде — довольно действенное средство внешних коммуникаций. Образ заключенного, формирующийся в письмах, значительно отличается от реального человека, пишущего эти письма.

Особое место в традиции переписки занимают не просто *заготовки* для включения в текст письма, а тексты самих писем. Чаще всего они используются при ведении переписки из мужской колонии с *заочницами*. Заочницы, приезжающие на первое свидание с адресатом переписки, чаще всего обнаруживают человека, который не может «связать двух слов». Это — довольно яркий пример отличия образа, формирующегося коллективными творческими усилиями, от реальной личности. Тексты формируют особый образ заключенного — романтизированный и возвышенный. В подростковой традиции это становится актуальным при переходе из «детской» колонии во «взрослую». Приведем текст одного письма (орфография, пунктуация оригинала соблюдаются):

С искренним, горячим потоком и с чувством нескончаемой сердечной презнательности по отношению к тебе с огромной душевной радостью имея возможность написать тебе весточку пользуюсь этим и спешу. По приветствовать тебя в этот день и час надеясь что мое письмо принесет только добро, ведь цель моего письма заключается не в чем другом как пожеланием для тебя и тех кто рядом с тобой всяческих благополучий.

И в нем кристально чистые искренние, добрые намерение! Заранее прошу у тебя извенения, если мое письмо в коком-то роде принесло тебе неприятности и считаю целесообразным и нужным сказать тебе слова моих самых искренних извенений.

Хочу облегчить тебя от догадок и предположений, и по этому сообщить тебе что звать меня Владимир, хотя возможно это имя тебе мало о чем говорит. Но для меня же милая Светлана прости и не сердись за то что я тебя так называю, твое имя говорить обратное. Признаюсь тебе, хотя мне трудно об этом говорить что мы с тобой виделись несколько раз, но тогда может быть так было угодно богу, наша встреча оказалась незамеченной. Хотя в моем сердце это оставило огромное нескончаемое впечатление и след в моей души, что побудило меня написать это послание. Надеюсь на твое написание и веря своему сердцу, что ты мне может быть посчитаешь нужным хотя-бы ради приличия ответить, тем самым и збавить меня от долгих ожиданий. Но тут-же хочу подчеркнуть, что я не обязываю тебе делать это а лишь и не что больше.

Не знаю, как тебе объяснить многие причины своего письма, но попытаюсь объяснить одну из них, пологая что ты способна понять и сделать свои выводы.

Сразу признаюся что разогнать всякие сомнение. Что я нахожусь в следственном изоляторе, тоесть я временно задержан по подозрению. И вот поэтому я пишу тебе письмо ведь я так и не успел сказать тебе самой в глаза и не познакомился с тобой, о чем я сильно сожалею что потерял этот шанс. И вот я как утопающий держится за соломинку, и я точно так-же пробую свой последний шанс, надеясь что ты меня поймешь, как человек способный понять нуждающегося в написании. Напишу искренни, от всей души, я верю что ты мне ответишь, и боюсь думать об обратном, это для меня будет, слишком тяжелая душевная рана.

Прости меня, что я не могу изложить все подробно о себе и сути письма, я так сильно волнуюсь и не как не могу с концентрировать свой ум. Но я обещаю тебе Светлана,

что отвечу тебе на все твои интересуещие вопросы если ты конечно захочешь это. Но я бы хотел кончено чтобы это случилось и был бы этому рад и счастлив. Я очень многое не могу написать тебе сразу в одном письме просто не хватит места, хотя у меня есть о чем тебе написать. И у меня к тебе одна просьба, наполненая таской и печалью просьба ответить мне на мое письмо, и не знаю какими силами и как просить всевышнего чтобы это сбылось. Но я буду верить надеятся и не устану это продалжать отодня в день.

Извини меня! За мою наивность но что поделать ведь все в нашем мире закономерно и мне в моем жалком положении остается только надеятся и наивно верить в твое сердце что в нем найдется капелька доброты и нежности для меня.

Не знаю смог ли я тебе хоть что-то объяснить но стался как мог. И может быть что упустил так за это не обесуть меня, это мое душевное волнение говорить о себе.

Как мне не хотелось бы, но я вынужден ограничется на этом ты уж извини я не силах все поместить на листке! И поэтому в заимоотношении хочу пожелать тебе чистого неба над головой, океана счастья и море любви, побольше цыганского веселья и самое что ниесть — дорогое у нас, это желание тебе крепкого казного <sic!> гранитного здоровья и долголетие. Не обесуть меня если что то я сделал не так я очень сильно буду ждать твоего ответа.

В армейской среде образ солдата (курсанта) в эпистолах формируется вокруг следующих основных пар персонажей: солдат (курсант) — верная подруга (жена, невеста); солдат (курсант) — неверная подруга (жена, невеста); солдат (курсант) — мать; солдат (курсант) — гражданский. Как видно, пары практически не отличаются от сложившихся в традициях заключенных. Не отличается и формирующийся образ солдата. Особо стоит отметить, что в любовных отношениях идеализация Женщины, умеющей ждать, сочетается с прощением неверной подруги. Антитеза с гражданским человеком базируется чаще всего на стереотипной коллективной обиде армейской группы на тех, кто получает отсрочки от службы. В этом проявляется и двойственное отношение к службе, формирующееся и другими фольклорными текстами («Армия — это школа жизни, но лучше учиться в ней на заочном» и пр.).

Фото на память

Аналогичным образом используются шифровки и эпистолы в подписях на фотографиях «на память». Сама по себе эта форма коммуникации специфична — она расширяется за счет возможности передачи зримого образа.

Для людей, состоящих в любовных или дружеских отношениях, фотография приобретает культовый характер — она постоянно перед глазами или носится с собой, поэтому подписям к фотографиям на память придается большое значение. Они могут быть серьезными, шутливыми, ироничными, злыми — передавать всю гамму чувств.

Приведем несколько примеров из альбомов всех трех групп и с фотографий, подаренных разным людям представителями этих трех групп.

– ТОПИК — (ты очень пиздатая и клевая)

– Делижанс — (другом единственным, любимым и желанным останешься навсегда)

– БПиЦС — (буду помнить и ценить свободу?)
– ТМОН 1, 2 — (ты мне очень нравишься, ты мне очень нужна)
– Демон — (другом единственным моим останешься навсегда)

000Зона, зона, зона нет для тебя закона000
Ириша! Смотри и вспоминай меня а не ВТК.

Если дружба у нас оборвется,
Значит, не было в сердце любви,
То хранить это фото не надо —
Улыбнись, отвернись и порви.

Как тихая в море волна,
Как звонкая песня поэта,
Пусть будет мила и близка
Тебе фотография эта.

В честь дней, которых больше нет,
Которым нет уже возврата,
Дарю я собственный портрет
В мундире российского курсанта.

Дарю тебе я образ свой,
Он не велик и не большой.
Он молча смотрит на тебя
И просит: «Не забудь меня!»

Т — тебе дарю я это фото
Е — его храни, прошу, всегда
Б — бери, смотри и улыбайся
Е — его носи через года

Тематика подписей к фотографиям практически не меняется — она отражает все свойственные для группы конфликты и ожидания. Основная тема — разлука и возможность избежать ее последствий. Она характерна для армейской и уголовной среды, но является не менее существенной для девичьих традиций.

Поздравления и пожелания

Существуют еще две жанровые разновидности эпистол, характерные как для внутренней, так и для внешней переписки, — поздравления и пожелания. Поздравления, как правило, универсальны, и специфика среды практически не отражается в текстах. Можно привести только несколько примеров из альбомов малолеток: «...А цветы остаются за мною, / Когда выйду, тогда подарю!»; «Вот когда я выйду на свободу, / Мы за счастье выпьем, / Но вдвоем!». Стандартны и поводы для поздравлений: день рождения, Новый Год, 8 Марта. Основные адресаты: друг, подруга, любимый, любимая, мать. Перечень персонажей (адресатов) не отличается от принятых во всех исследуемых группах (см. Приложение).

Пожелания функционируют в двух разновидностях. Первая — в связи или вместо поздравлений. Вторая — пожелания от друзей, которые вписываются в

альбомы не в связи с какой-либо датой. Последнее характерно для девичьих альбомов. Обе формы выполняют все свойственные эпистолам функции. Их адресаты либо универсальны, либо относятся к специфическим для каждой группы. Следует отметить, что в силу своей универсальности пожелания могут включаться в состав юбилейных поздравительных альбомов, которые за последние полтора-два десятилетия стали одной из черт современной городской традиции (см. Приложение).

Мы видим, что в молодежной среде, в различных ее социальных и половозрастных группах, эпистолы выполняют немаловажные функции. Традиции и формы их бытования складывались постепенно, в том числе и в связи с развитием средств коммуникации. Так, в качестве примеров можно привести появление в газетах и журналах личных платных поздравлений, которые зачастую формируются по принципам традиционных эпистол; использование эпистол при переписке средствами электронных сетей. Сегодня в разных странах традиции эпистол используют стандартные коммуникативные средства: телеграммы, передающиеся литерами и разворачивающиеся в стандартный текст при доставке; стандартные поздравительные тексты, нанесенные на фотографии средствами плоской печати; стандартизированные дембельские альбомы и пр. По всей вероятности, можно говорить о том, что эти процессы свидетельствуют об усилении общей тенденции смыкания субкультур с общей культурой. Из однородного ряда явлений можно отметить влияние городского просторечия на литературный язык; вторжение арготизмов и профессионализмов в городское просторечие и литературный язык; «легализацию» неофициальных городских топонимов; выход на профессиональную эстраду фольклорных и городских песен; своеобразную «литературизацию» городского анекдота. Можно предположить, что эта общая тенденция связана с размыванием коммуникативных границ и совершенствованием средств коммуникации.

Шифровки

Приведем в качестве примера список шифровок из рукописного альбома Ирины К. (отбывала срок с августа 1995 г. в колонии для девушек ВТК г. Рязани). Судя по встречающимся в хранящейся переписке (31 единица) шифровкам, список этот далеко не полный. Все тексты приводятся без исправлений. При расшифровке знаком вопроса отмечаются те шифровки, смысл которых понятен или известен, но в списке сама шифровка отсутствует.

Владелица представляемых в публикации материалов выполняла во время заключения мужскую функцию в парах. В поведении это сказывалось следующим образом: она ходила «мужской походкой», часто сплевывала сквозь зубы, «говорила мужским грубым голосом», была активной во время «полового акта», подруги делали за нее часть работы, которая считается «женской», — стирали белье, занимались мелкой уборкой и пр. (записано со слов самой Ирины К.). Отсюда и довольно значительное количество «ксив» с признаниями в любви, и относительно небольшое количество негативных шифровок в них.

АТОМ (1) — а ты оказалась мразью.

АТОМ (2) — а ты очень милая.

АМЕРИКА-РКБ — а мы ещё рядом и кажется адом разлука которая близка.

БРЕК-ТЗ — буду рядом если конечно ты захочешь.

БЛИЦС — буду любить и ценить свободу.

БОГИНЯ — буду одной гордиться и наслаждаться я.

ВИНО — вернись и навсегда останься.

ВИРАЖ — вот и расстались, а жаль.

ГОВНО — госись овца в натуре охуела.

ГУСИ — где увижу сразу изнасилую.

ДНД — дружбой нашей дорожить.

ДЕМОН — другом единственным моим останешся навсегда.

ДЕЛИЖАНС — другом единственным, любимым и желанным останешся навсегда.

ЖИМУЛИН-Х — жить и мучаться устала любви и нежности хочу.

ЖОПА — желаю освободиться по амнистии.

ЖУРАВЛЬ — жопа уже разорвана а всё любишь.

ЗИМА-НД — зачем играешь мной а наслаждаешься другой.

ИРКА-ЕНТР — и разлука кажется адом если нет тебя рядом.

КУЛОН — когда уходит любовь остаётся ненависть.

КУРСТ — как ужасна разлука с тобой.

ЛИСТ — люблю и сильно тоскую.

ЛЭТИЯ — любовь это ты и я.

ЛОДОЧКА — люблю одну девчёнку она чиста как ангел.

ЛИСТОПАД — люблю и сильно тоскую однако попрежнему остаюсь другом.

МОП-БТ — мне очень плохо без тебя.

МОТ-БТ — мне очень тяжело без тебя.

МЯУ-ПЁС — милая я ухожу прости если сможешь.

МИСС (3) — мать и свобода самое святое.

ПИВО — прости и вернись обратно.

ПИНГВИН — прости и не грусти виноватых искать не надо.

ПЛЯЖ — пиши любимая я жду.

ПЯОЖ — пиши я очень жду.

РОЗА — родная отдайся за отоваровку.

РРД-РИН — разошлись разными путями раз и навсегда.

РУБИН — разлука уже близка и неизбежна.

РОК-Н-РОЛ — разлука оказалась коварна но разве остынет любовь.

РУСЛАН — рано узнала сладость любви астаётся ненависть.

РЯБИНА — рядом я буду и навсегда останусь.

РИТМ-Т — радость и тоска моя ты.

СМЕХ — слышишь милая, ебаться хочу.

СЭР — свобода это рай.

СЭР-ДТ — сосать это радость для тебя.

SSK (1) — сама себе королева.

SSK (2) — сама себе ковырялка.

СТОП — с тобой очень пиздато.

СОРТ-УНС — слышишь, а разлюбить тебя уже нет сил.

СОНЯ-ЕТР — счастливой останусь навсегда я, если ты рядом.

СКЕЛЕТ-НВ — скажи, как ещё любить если ты не веришь.

СУФИКС-Т-ГОЛ — с ужасным фальшем и красивыми словами, ты говоришь о любви.

СВАТ? — свобода вернётся, а ты?

СУРГУТ-ЧЁРТ — сердце устало рыдать, губы устали твердить, что единственная радость ты.

СУЕТА — счастье уйдёт если ты отвернёшся.

СНЕГ-БТ — счастья нет, есть горе без тебя.

СТЕКЛО — слышишь, ты единственная, кого люблю очень.

САНТА-ЛЮЧИЯ-ЛТ — слышишь, одна нужна ты очень любимая, и я люблю тебя.

САНДРА-Л — слышишь, а наша дружба, родная оказалась любовью.

СЕНТЯБРЬ — слышишь, если надо то я буду рядом.

СТУЛ — с тобой ужасно легко.

СТУЛ (2) — слышишь, ты уёбище лесное.

СТОН — сердцу ты одна нужна.

САМБО-БТ — слышишь, а мне будет одиноко без тебя.

СМЕХ-ВЗТ — самая милая единственная хорошая в зоне ты.

SOS — самый опасный стукач.

СТОЛ — с тобой очень легко.

СОНЯ — совсем одна навсегда я.

ТОТ — ты охуевшая тварь.

ТОРХ — ты очень романтичная хулиганка.

ТЕЛКА-Я — ты единственная любовь которую обожаю я.

ТОСТ — ты очень сексуальная тёлка.

ТУМАН — ты у меня одна навеки.

ТОК — тюрьма открой камеру.

ТАНК — тайный агент начальника колонии.

ТЕНИС — ты единственное наслаждение и счастье.

ТОХИС-БИБ-ДМВ — ты очень хорошая и славная будешь и была для меня всегда.

ТОПИК — ты очень пиздатая и клёвая.

ТОМСК — ты одна моего сердца коснулась.

ТУАЛЕТ — ты ушла а любовь ещё тлеет.

ТУРБА — ты уйдёшь разлука будет адом.

ТАГИЛ — ты ангел горя и любви.

ТЕМП — ты единственная моя потеря.

ТРИ-ВП — ты рядом и все прекрасно.

Т.Н.З.Д. — тебя не заменит другая.

ТМОН 1 — ты мне очень нравишься.

ТМОН 2 — ты мне очень нужна.

ТМОН 3 — ты мне очень надоела.

ТОХИС 1 — ты очень хорошая и славная.

ТОХИС 2 — ты очень худая и стремная.

ТЕМНО — ты единственная мне нужна очень.

ТИН-МЕЧ — ты или никто мой единственный человек.

ТОЛИН — тебя одну люблю и ненавижу.

ТАНЯ — тебя одну ненавижу я.

ТАКСИ-ТД — ты одна, кого сердце искало так долго.

ТОСТ — ты очень стремная тварь.

Т-МОНА-ЛИЗА-ТУМ ты мне одна нужна очень, любимая, и забыть о тебе уже невозможно.

ТОЧКА — ты один человек которого обожаю.

ТЕРЕМ — ты единственная радость, единственная мука.

УЖ 1 — устала ждать.

УЖ 2 — устала жить.

УЛИЦА-Т — уважаю, люблю и целую одну тебя.

ХЛЕБ — хочешь, любимая, ебаться будем.

ХВОСТ-Т — хочу видеть очень сильно только тебя.

Х-ПИВО — хорошо, подумай и вернись обратно.

ХРИСТОС — хочешь, раны и слезы твои оставлю себе.

ХРУСТАЛЬ — хочешь, раны унесу с собой, только оставь любовь.

ЧИПИГО-Т — часто и постоянно ищу глазами только тебя.

ЦЕРКОВЬ — ценю единственную радость, которую однажды встретила.

ЦОКИН — целую очень крепко и нежно.

ШУМ — шевели ушами, милая.

ЭЛЕКТРОН — это любовь, единственная, которую ты разожгла, останется навсегда.

ЭЛЬБРУС эта любовь была ради ужасной скуки.

ЯЛТН-УЛУН — я люблю тебя, не устану любить уже никогда.

ЯТНЗ — я тебя не забуду.

ЯТН — я тебя ненавижу.

Я ХД — я хочу домой.

ЯХТА-ОС — я хочу тебя одну очень сильно.

ЯНХТ2 — я не хочу тебя терять.

ЯБЛОКО — я буду любить одну, как обещала.

ЯХБРЕТ — я хочу быть рядом с тобой.

ЯГОДА-РТ — я готова отдать даже ангела ради тебя.

ЯЛТА-ОС — я люблю тебя одну очень.

ЯПОНИЯ? — я прощу обман, но не измену. Ясно?

Я-БАНДИТКА — я буду одной надеждой дорожить и тосковать, когда останусь одна.

Я-САДИСТ — я смеюсь, а душой и сердцем тоскую.

ЗОНА — заебали опера, надоели активисты.

АЛАЯ-РОЗОЧКА — а любовь отдам я ради одного человека, одной звезды, которую обожаю.

АРТУР — а разлука тут уже рядом.

АЛЯСКА — а любовь я сохраню, как обещала.

АВГУСТ — а в глазах уже слезы тоски.

АНГЕЛ — а ненавидеть глупо, если любишь.

АЛЁНКА — а любить ее надо, как ангела.

БОБ — безумно обожаю блядство.

БЛЕСК — буду любить, если станешь ковырялкой.

БАРС — бей активистов, режь стукачей.

БУДКА-Н — будь уверена, дружба крепкая останется навсегда.

БИЛЕТ — буду интересоваться, любить единственную тебя.

БРЕК-ТЗ — буду рядом, если конечно ты захочешь.

БЕЛАЯ-БЕРЕЗА — будь единственной любовью, а я буду единственной радостью, если забудешь остальных.

БУКЕТ-П — буду ужасно кается если тебя потеряю.

БУЛАТ — будь уверена, люблю одну тебя.

БЕЛКА — буду единственую любить, как ангела.

БУШЛАТ — будь уверена шалава, люблю одну тебя.

БТХО — близости твоей хочу очень.

ВОДКА — верю одной девочке, которую очень люблю.

ВЕК — всему есть конец.

ВОВКА — верила одной, в которой ошибалась.

ВЕДЬМА-Н — верь, единственным другом моим останешся навсегда.

ВЕТЕР-МОХ — верь, если ты есть рядом мне очень хорошо.

ВОСХОД-Т — верь, очень сильно хочу остаться другом твоим.

ГИТЛЕР — где искать тебя, любимая, если разлучат.

ГОРБУНЬЯ-Б-ПИЛОТ — говорить о разлуке буду уходя, но я буду помнить и любить одну тебя.

ГОЛУБЬ — говорить о любви уже безполезно.

ГОРОД-КД — горжусь одной, ревную одну, даже к друзьям.

ГИГАНТ — гнилой и гадкой оказалась натура твоя.

ГНЁТ — где найти ещё такую.

ДМОН — другом моим останешся навсегда.

ДЕД — дом ещё далеко.

ДУБ — дом уже близко.

ЕЛЕНА-ИВА — если любишь, если нужна, обернись и вернись обратно.

ЕНОТ — ещё немного осталось терпеть.

ЕПИСКОП — если позовёшь и сердцем крикнешь обязательно приду.

ЖЕНЯ-ЛТ — жаба ебаная, неужели я любила тебя.

ЖИР — живу и радуюсь.

ЖНС 3 — жизнь научит смеяться сквозь слёзы.

ЖОН-СУТ — живу одной надеждой скорее увидеть тебя.

ЖИГУЛИ-НТ — желанная и гордая, умная, любимая и неповторимая.

ЗВЁЗДНАЯ СИРЕНЬ — знай, ведь если забудешь дорогу назад, а я сердцем и разумом её найду.

ЗЛО 1 — за всё легавым отомщу.

ЗЛО 2 — залупа летающего орла.

ЗМЕЯ — зачем мужчина, если есть я.

ИШАК — исчезни, шалава опущеная коблом.

ИГОРЬ — и горе обернулось радостью.

КОТ — ковыряю одну тебя.

КВН — как всё надоело.

КРЕМ — тот — как разлюбить, если мысли только о тебе.

КОТЁНОК — как охото тебя ёбнуть, навсегда оставить калекой.

КРЕСТ — как разлюбить если сердце тоскует.

КЕНТ — кто если не ты.

ЛЕС 1 — люби если сможешь.

ЛЕС 2 — люби ебаться сидя.

ЛИПА — любить и помнить обещаю.

ЛЕДИ — люблю, если даже изменишь.

ЛЕВ — люблю ебать весёлых.

МОРГ-ЭТ — милая, одной радостью горжусь — это ты.

МИР-НЗТ — мне и рай не заменит тебя.

МИНДАЛЬ — может и наша дружба акажется любовью.

МЕТЛА-Т — мышь ёбаная, тебя любила одну когда-то.

МОЖГА-Т — милая, одно живу, горжусь одной тобой.

МЕДВЕЖОНОК-ЭС — милая единственная девочка, ведь если жизнь оставит нас одних, какое это счастье.

МЕНТ — милая единственая надежда ты.

МОХ-СТ — мне очень хорошо с тобой.

МНКТ — мне надоели капризы твои.

МУХА — мне ужасно хорошо одной.

МРАЗЬ — мы расстались, а зачем ?

МОДА-Т — мне очень дорог образ твой.

МОХЕР-Т — мне очень хорошо если рядом ты.

МАЛИНА — милая, одну люблю и никому не отдам.

МУМИЯ-БТ — милая ужасные муки испытываю я без тебя.

НОЧЬ-ЭТ1 — нужен один человек, это ты.

НОЧЬ-ЭТ2 — ненавижу одного человека, это ты.

НОЧЬ-ЭТ3 — нравится один человек, это ты.

НЕНАВИЖУ — надежда ещё не угасла, а верить и ждать устала.

НАПОЛЕОН — навсегда останется память о любви, если она навсегда.

НЕПТУН — неужели если позову, ты уже не придёшь.

НКТ — никто кроме тебя.

ОСА-Т — очень сильно обажаю тебя.

ОПТГ — отдыхай под тихой грустью.

ЛХВС — легавым хуй, ворам свобода.

ОПЧ — остались прежние чувства.

ОПЧ2 — особо приблеженный человек.

ОЛЬГА-Т — одну люблю, горжусь одной тобой.

ОСЕНЬ — остаюсь ещё немного.

ОТРЯД-В — о тебе родная я думаю всегда.

ОЛОВО — одну люблю, одной верна останусь.

ПЛОТ-С — почему любовь обошла тебя стороной.

ПАТРОН — память о тебе, родная останется навсегда.

ПУСТ — пусть удача сопутствует тебе.

НВИВ — ну вот и всё.

ПТНХ1 — пошла ты на хуй.

ПТНХ2 — постоянно тебя не хватает.

ПЁС-ЗВ — прости если сможешь, за всё.

ПОЛ-Т — пойми, одну люблю тебя.

ПОСТ — прости отец, судьба такая.

ПЛАТОК — поверь, любила, а теперь очень каюсь.

ПАРУС-Н — поверь, а разлюбить уже сил нет.

ПЁТР-МОХ — поверь, если ты рядом, мне очень хорошо.

Эпистолы

Знаком (*) помечены тексты, встречающиеся в вариантах в переписке заключенных и солдат срочной службы, знаком (**) — тексты, встречающиеся в вариантах во всех трех традициях.

Разве друзья забывают друг друга?
Разве мы сможем друг друга забыть?
Нет, никогда я тебя не забуду!
Буду помнить тебя и любить.**

Если в минуту печали
Тебя одолеет тоска,
То вспомни, родная, что в мире
Есть сердце, которое любит тебя.*

Я убиваться не буду,
В грусти надежду любя,
Но я тебя не забуду,
Буду помнить тебя я всегда.**

Все эти долгие годы
Ты мне снилась, как наяву,
Ты меня согревала любовью
В эти холодные дни.

Еще вчера были я и ты,
Еще вчера дарил цветы,
Еще вчера было так легко,
Но неужели все умчалось далеко?*

Когда-нибудь в кругу друзей
Возьмешь бокал вина и если
Вспомнишь обо мне,
То пей его до дна.*

Я буду помнить о тебе всегда,
Повсюду, каждодневно,
Ведь лучшею подругою была ты мне,
И это навсегда, наверное.

Пусть печаль над тобой не смеется,
Смотри гордо вперед,
Знай, что счастье придет,
И удача тебе улыбнется.**

Как жаль, что ты ушла к другому,
И не сказав мне ничего,
А мне с тобою было
Так прекрасно и хорошо.*

Не грусти, если горе случится,
Не грусти, если слезы бегут,
В жизни всякое может случиться,
Все несчастия к счастью ведут.**

Не плачь, что розы вянут,
Они опять расцветут,
Не плачь за то, что годы молодые
Уже не вернуть.

О женщины, хочу я вам сказать,
Чтоб не звучал ваш голос возмущенный
– Никто не может любить,
Как любит заключенный.

Я знаю, что тебе больно бывает,
Когда ты плачешь наедине с собой,
Я знаю, что жалеть о прошлом поздно,
Ты ничего не сделаешь с собой.

Огонь горит и потухает,
Человек живет и умирает,
А ты живи, не умирай,
Меня совсем не забывай.*

Нас не может с тобой разлучить
Даже строгая сила закона,
Я тебя не смогу позабыть
Даже там, где запретная зона.

Я любви твоей, как солнцу, верю,
Сижу в тюрьме, считаю дни,
Ты напиши, найди, родная, время,
Как живешь, как дела твои.

Не говори, что жизнь печальна,
Не говори, что тяжко жить,
Умей средь жизненных развалин
Смеяться, верить и любить.

Поверь, разлука ненадолго,
Я верю — встретимся мы вновь,
И с уст твоих слетит лишь слово:
«Я так ждала тебя, любовь!».*

Я буду ждать — ты этому не веришь,
Ты думаешь — забуду я тебя,
Но как же мне тебя уверить,
Как доказать, что я люблю тебя.
Нет, говорить тебе я ничего не стану,
Я буду лишь любить тебя,
И ждать тебя не перестану.
Я люблю тебя.

У всех людей одна черта —
Стоит лишь в яму горя провалиться,
Тотчас же от тебя все отвернутся,
Забудут и родные и друзья,
Не вспомнят, что в илах кровь течет одна.

Я простился с тобой, моя юность,
Ты ушла от меня навсегда,
Я узнал в эти годы жестокость,
Я узнал, что такое тюрьма.

Любить тебя я буду вечно,
Моя любовь к тебе сильна,
И лишь тогда тебя забуду,
Когда закроются глаза.*

Много трудных дорог будет в жизни твоей,
Много будет тревог, много будет дождей,
Все тревоги уйдут, как уходят года,
И я тут же вернусь к тебе навсегда.

Любить — люби, но осторожно,
Люби не всех и не всегда,
Не забывай, что есть на свете
Измена, ложь и клевета.**

Мы теперь далеко друг от друга,
Но это нас не страшит.
Я в тюрьме, ну а ты — на свободе,
Между нами любовь будет жить.

Не может тот любить со всей душой,
Кто никогда ни счастья не видал,
Не пережил кто страха под собой,
Не плакал, не грустил и не страдал.*

Не огорчайся так жестоко,
Не разводи большую грусть,
Не вечно жить с тобой в разлуке,
Ты только жди, и я вернусь.

Ну что такого, что я заключенный,
Случайно нарушил советский закон,
Судом осужденный, свободы лишенный,
Но чувств человеческих я не лишен.

Как я хочу тебя обнять,
Закрыть глаза, поцеловать.
Родимых глаз пустую синь
И слез не пролитых пролить,
Хочу услышать голос твой,
Но что мечтать — я не с тобой,
Лишь только писем лепестки
Хранят тепло твоей руки.*

Дорогая, поверь, я устал от разлуки,
Как хотел бы прижаться к твоей нежной груди,
Целовать бы тебя, позабыть про все муки,
Но не в силах, родная, —
Срок большой у меня впереди.

Мы часто ищем сложности вещей,
Где истина совсем простая,
Мне не хватает нежности твоей,
Тебе моей заботы не хватает.
Что к этому прибавить я могу?
Одно. Что я твоей любви не стою,
Ведь я тебя совсем не берегу,
Легко ли быть тебе со мною?

Может быть, сирень отцвела,
Может быть, годы пропали из жизни,
Но свобода от нас не ушла,
Мы на время ее потеряли.

Не говори, что жизнь печальна.
Не говори, что трудно жить.
Умей средь горя и печали
Смеяться, плакать и любить.**

Твой взгляд во сне мне снится,
Любовь покоя не дает,
Душа моя к тебе стремится,
Но время медленно идет.*

Не грусти, моя милая мама,
Пусть всегда будет сладостным сон,
Посидеть бы с тобою мне рядом,
Но прости — есть солдатский закон.
Ты прости, если сможешь, родная,
Что тебе я так часто грубил,
У меня теперь сердце курсанта,
Но я ласку твою не забыл.

Как далеко мы сейчас друг от друга,
Один живу я в жуткой тишине,
Живу, мечтая о своей подруге,
О самой лучшей на Земле.*

Пишу из мест, где нет невест,
Где юность топчут сапогами,
Где солнца не достать руками,
Где девушек считают за богинь,
И ласки дожидаются годами.*

Я посвящаю эти строки
Тому, кто верит, любит, ждет,
Кто каждый день в краю далеком
Свою любовь мне в письмах шлет.*

Не шути никогда над девчонкой,
Ее сердце, как нежный цветок,
Обольется горячей слезою,
Не шути так над ней, паренек.
Не шути, потому что бывают
И ошибки на нашем пути,
Много слабых парней погибает
Из-за этой проклятой любви.

Служи, и ты не думай,
Что кто-то вдруг тебя забыл.
Друзья не забывают друга,
А кто забыл — тот не был им.

Умей смеяться, когда трудно,
Умей грустить, когда смешно,
Умей казаться равнодушной,
Когда в душе совсем не то.**

Послушай, крошка дорогая,
Увидишь ты ракетчика вдали,
Скажи студенту, пусть он снимет шляпу,
Сама же голову склони.

О как мне хочется тебя увидеть снова,
Поговорить с тобою по душам,
Услышать хоть одно лишь слово.
За этот миг я жизнь свою готов отдать.
И почему в минуты расставанья
Я не могу смотреть в твои глаза,
Хоть заболит душа в момент прощанья,
И скатится суровая слеза.*

Так в чем же виноват курсант (вар. — солдат)?
За что ему подруга изменяет?
За то, что он в руках сжимает автомат,
Таких блядей, простите, охраняет?

Спасибо тому, кто нас ожидает,
Кто часто в разлуке живет,
Тому, кто нам пишет,
О нас вспоминает,
Кто верит курсанту (вар. — солдату) и ждет.

Легко обмануть курсанта (вар. — солдата)
И боль ему причинить,
Гораздо труднее дождаться
И верность ему сохранить.

Сижу теперь, смотрю в окно,
И день такой прекрасный.
Что написать тебе в письме?
Во-первых,... здравствуй!**

Ты пришла ко мне с любовью,
Я сел, не успев сказать ничего.
Ты прости меня, дорогая,
Что уехал в далекие края.
Я тебя вспоминаю,
Я не забуду тебя никогда.

Мы разошлись на полпути,
Мы разлучились до разлуки,
И думали — не будет муки
В последнем роковом «прости».
Но даже плакать нету силы,
Пиши — прошу я одного.
Мне эти письма будут милы
И святы, как цветы с могилы,
С могилы сердца моего.**

Прости меня, мой добрый ангел,
Я виноват перед тобой.
Ты не суди меня так строго,
Люблю тебя я всей душой.
И каждый день живу мечтами
О том счастливом добром дне,
Когда к тебе приду с цветами
Я наяву, а не во сне.
И обниму тебя, родная,
И поцелую горячо.
И это будет — точно знаю,
Ты подожди чуть-чуть еще.

Любить легко, когда подруга рядом.
Любить в разлуке тяжело.
Пишите письма, девушки, курсантам (солдатам),
Они приносят радость и тепло.
Тебе желаю счастья много,
И чтобы жизнь была без грез,
И пусть она прекрасной будет,
Как алый цвет июльских роз.
Желаю счастья и удачи,
Желаю дружбы и любви,
Желаю все, что хочешь ты!

Поздравления и пожелания

Поздравления с днем рождения

С днем рожденья тебя поздравляю,
На открытке цветы тебе шлю,
Этот день я с тобой не встречаю,
Лишь открытку на память дарю.

Не суди ты меня так жестоко,
Что приехать к тебе не смогу,
Но, надеюсь, близка наша встреча,
И тогда я тебя обниму.

У тебя сегодня день рождения,
Сегодня ты особенно мила,
И я спешу отправить поздравленье,
Которое, быть может, не ждала.

С днем рожденья тебя поздравляю,
И открытку на память дарю.
А цветы? Остаются за мною —
Когда выйду, тогда подарю!

Со слезами тебя вспоминаю,
Сердце ноет и стонет опять,
С днем рожденья тебя поздравляю,
Моя добрая милая мать!

Дарю тебе желаний море,
Улыбку звезд и тишину морей.
Себе оставлю только горе
Да память тех ушедших дней.

Сегодня ты нужнее, чем обычно,
Сегодня ты красивей, чем всегда,
Сегодня каждый шаг твой необычен,
Сегодня день рожденья у тебя!

Не грусти в этот день, не печалься,
Все плохое пройдет и уйдет.
Будь счастлива и улыбайся,
Ведь сегодня стареешь на год.

У тебя сегодня день рожденья,
В этот день явилась ты,
Ты поверь, от всей души желаю,
Чтоб сегодня расцвели сады,
Чтоб не снег лежал под солнцем алым,
А струился яблонь белый цвет,
Чтобы в жизни было все прекрасно,
Чтоб жила ты много-много лет!

С днем рожденья тебя поздравляю,
Моя милая добрая мать,
И всем сердцем тебе я желаю,
Все, что в силах тебе пожелать.
Я желаю тебе, дорогая,
И добра, и тепла, и удач,
И счастливые годы,
И успехов взамен неудач.
Чтобы в жизни большие невзгоды
Обходили тебя стороной,
Чтобы ты, невзирая на годы,
Оставалась всегда молодой!

Поздравления с Новым Годом

С Новым Годом тебя поздравляю
В этот солнечный день января,
Пусть снежинки пушистого снега
Поцелуют тебя за меня!

Пусть Новый Год войдет к вам в дом,
Порог осыплет серебром,
И пусть исчезнут все несчастья,
А в дом войдет одно лишь счастье!

Новый Год, а мы с тобой в разлуке!
Ты сидишь за праздничным столом,
И возьмешь ты в маленькую руку
Рюмочку с играющим вином.
Но не пей за счастье, как другие,
Если дорог я тебе еще.
Вот когда я выйду на свободу,
Мы за счастье выпьем,
Но вдвоем!

Поздравления с 8 Марта

С 8 Марта тебя поздравляю,
С праздником веселым и большим.
Не знаю, рада ли ты будешь
Строкам поздравительным моим.
Я бы поздравил тебя цветами,
Так они же прекрасны, как ты,
Но цветов не видал я годами
И забыл, как дарятся они!

Еще в садах бушует вьюга,
Еще в саду стоит сирень,
И пожелаю я тебе, родная,
В международный женский день
– Живи, цвети с весною вместе,
Как самый лучший в мире сад,
Во всяком случае до двести,
А если больше — буду рад!

Пожелания

Желать хрустальной жизни не хочу,
И в ясный день случаются несчастья.
Я просто пожелать тебе хочу
Простого человеческого счастья!

Желаю тебе быть счастливой,
Желаю горя не видать,
Желаю быть тебе любимой,
Но и друзей не забывать!

Желаю тебе, милая (имя)
Шагать по простому пути,
Шутить и смеяться,
Любить и влюбляться,
И верного друга для жизни найти!

Я желаю тебе:
Если неба, то синего,
Если друга, то сильного,
Если дружбы, то вечной,
А любви — бесконечной.

Желаю в жизненном пути
Дорогу верную найти,
Беды не знать, преград не видеть,
Любить, надеяться и верить!

Пусть жизнь твоя течет рекою
Среди цветущих берегов,
И пусть тебя сопровождают
Надежда, Вера и Любовь.

Сколько в мире океанов,
Сколько в них песку —
Столько счастья я желаю
На твоем веку.

Все, что в мире зовут красивым,
Я хочу подарить тебе.
Пусть ты будешь самой счастливой
В этот миг, на этой Земле.

Из цветов люблю я розу,
Из друзей люблю тебя,
И тебе желаю тоже
Любить розу и меня.

Тебя сердечно поздравляю,
Пусть счастье будет впереди.
Дорога в жизни будет ровной,
И сбудутся твои мечты.

Здоровья вам, во всем успехов
И долгих-долгих в жизни лет,
Побольше радости и смеха,
Поменьше горечей и бед.

Желаю счастья много-много,
Хочу, чтоб в жизни молодой
Тобою взятая дорога
Не стала узкою тропой.

Желаю счастья много-много,
Желаю горя не видать,
Хочу, чтоб в жизни молодой
Твоя широкая дорога
Не стала узкою тропой!
Еще любви тебе желаю
Такой же чистой, как горная река,
И чтобы чаще улыбались
Твои красивые глаза!

Что пожелать тебе, не знаю,
Как трудно подобрать слова.
Желать любви? Нет, не желаю,
Она придет к тебе сама.
Желать же счастья неудобно,
Его ведь надо заслужить.
И все же, я тебе желаю
Хорошим человеком жить!

Желаем солнца красного,
Неба ясного,
Счастья на земле
И радости в семье.

Содержание

Жанры современного городского фольклора

Устойчивые формы в городской обыденной речи

С 56 **Современный** городской фольклор. М.: **Российск. гос. гуманит. ун-т,** 2003. 736 с.

ISBN 5–7281–0331–6

Первое в отечественной науке комплексное исследование городского фольклора второй половины XX века. В этой книге читатель найдет описание современных субкультурных традиций (молодежных, клановых, любительских), переходных обрядов города (родильного, свадебного, похоронного), мифологии городского пространства, а также фольклорных жанров и речевого обихода современного города.

Для студентов, преподавателей, специалистов – культурологов, антропологов и фольклористов, а также для всех читателей, интересующихся современной культурой и фольклором.

ББК 82

Когда срываешь розу,
Смотри, не уколись.
Когда выходишь замуж,
Смотри,
не ошибись!

ПОДУМАЙТЕ САМИ УДОБНО ЛИ ВАМ
НА УНИТАЗ
С НОГАМИ
ЗАБИРАТЬСЯ

